СПЕЦСЛУЖБЫ МИРА

за 500 лет

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Термин «спецслужбы» возник не так уж давно, однако само явление старо как мир. Публикация труда И. Б. Линдера и С. А. Чуркина «Спецслужбы мира за 500 лет» помогает пролить свет на многие тайны, над которыми бились лучшие умы человечества. От XVI до XX века прослежено участие, которое спецслужбы мира принимали в судьбоносных событиях, стремясь повлиять на ход истории. В книге рассказано о самых громких делах и операциях спецслужб; обнажены «тайные пружины» многих исторических процессов. В мире гораздо больше закономерного, чем случайного, – такой вывод сделает каждый, кто ознакомится с полной профессиональных тайн летописью деяний спецслужб мира. Для тех, кому небезразлично прошлое и будущее нашей страны, недооценка деятельности спецслужб была бы явной ошибкой.

Предисловие написано генерал-майором государственной безопасности Ю. И. Дроздовым, начальником управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР с 1979 по 1991 годы.

- Иосиф Линдер, Сергей Чуркин
  - ○
  - ○ Секретная глобализация
  - ○ Введение в тему
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14
  - ○ Послесловие
  - ○ Приложение
    - ■ Персоналии
      - ■ А
      - ■ Б

        - В
        - Г
        - Д
        - Е
        - Ж
        - З
        - И
        - К
        - Л
        - М
        - Н
        - О
        - П
        - Р
        - С
        - Т
        - У
        - Ф
        - Х
        - Ч
        - Ш
        - Щ
        - Э
        - Ю
        - Я
    - Литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325

- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369

- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413

- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457

- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501

- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545

- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589

- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633

Иосиф Линдер, Сергей Чуркин
Спецслужбы мира за 500 лет

© Линдер И. Б., Чуркин С. А., 2013
© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик» издание, 2016

Секретная глобализация

Специальные и секретные службы существовали практически во все времена. Ни один из властителей не мог обойтись без сильных и изощренных в своих тайных искусствах специалистов, которые, оставаясь невидимыми для подавляющего большинства, вершили свои дела, воплощая высшую политическую и религиозную волю.

Цивилизация развивалась, и вместе с ней развивались эти очень важные и эффективные институты любого государственного или общественного образования. Горе было тому малому или великому правителю, который, пусть на короткое время, забывал о них или пренебрегал искусством негласных вершителей судеб, ибо историю человечества, как шлейф мантии монарха, всегда сопровождало огромное количество заговоров, переворотов и революций.

Многие великие события в истории нашей цивилизации странным образом совпадают. Для специалистов все эти внешне случайные совпадения выстраиваются в определенную логическую композицию, объясняя суть происходящего и открывая тайны, порой лежащие на поверхности.

Эпоха Реформации совпадает с эпохой Великих географических открытий. Случайно ли? Представления человека об окружающем его мире раздвигаются и становятся все более глубокими. Происходит расширение геополитических взглядов, а вместе с ними и интересов властителей. Переоценка многих философских, социальных и религиозных ценностей и значительное усиление масштабности мышления способствовали развитию новых секретных и специальных институтов государства, равно как и появлению большого числа новых временных секретных структур в окружении каждого властителя. Понятие планетарного мышления возникает в сознании не только наиболее образованной части нашей планеты, но среди носителей власти. Одними из первых опасность массового распространения передовых идей осознали представители ведущих религиозных конфессий, долгое время сопротивлявшиеся, но мгновенно и очень эффективно воспользовавшиеся ими в ситуации, когда «джинн» оказался выпущенным из бутылки. Умение своевременно и грамотно манипулировать людскими массами в нужном для глобальной или локальной политики направлении всегда было и остается важнейшим политическим искусством. Геополитические претензии наиболее развитых мировых держав того времени, таких как Англия, Франция, Испания, свободные города и союзы

Германии, Португалия, Персия, Турция, Япония и др., непомерно возросли. Властители, опираясь на армию и спецслужбы, устремились завоевывать, осваивать, грабить наиболее презентабельные и досягаемые, хотя и отдаленные, территории.

Не миновала чаша сия и Россию. Ее огромные просторы и несметные богатства издревле привлекали многих завоевателей и ловцов политического счастья. Государство, в исторически короткие сроки освоившее и присоединившее огромные территории, не могло оставаться в стороне от непрекращающихся секретных игр мировых властных структур. Особенности развития российского государства также откладывали свой отпечаток на эти глобальные процессы.

В новой книге специалистов и исследователей в области секретных служб И. Б. Линдера и С. А. Чуркина отражены интересные факты и процессы, происходившие за кулисами общеизвестной политической истории. Возрождались и рушились престолы, менялись правители и правящие династии, но секретная работа в политической, военной, религиозной сферах велась и будет вестись столько, сколько будет существовать наша планета. На страницах книги откроются новые исторические факты и забытые либо не известные ранее имена тайных героев своего времени. Оригинальные трактовки событий позволят не только проникнуть в секреты истории, но и лучше понять масштабные процессы, потрясающие наш динамичный и глобалистически неустойчивый мир.

Авторы, прекрасно знакомые широкой читательской аудитории по целой серии книг, вновь нашли то, что не оставит безразличным вдумчивого читателя.

Генерал-майор государственной безопасности Дроздов Юрий Иванович, начальник Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР в 1979–1991 гг.

Введение в тему

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Ф. И. Тютчев,
август 1863 г.

Мы живем в странном, совершенно непредсказуемом мире, который сами создаем и сами же разрушаем – собственными мифами, шаблонами и привычками. Мир меняет наши представления об окружающем, и мы тут же стараемся изменить этот переменчивый мир своими новыми познаниями, представлениями, концепциями и, разумеется, новыми мифами. Иногда человечеству удаются эти эксперименты, иногда – нет, но в целом история повторяема. Проходит очередной временной отрезок, и старые идеи, но уже в иной интерпретации, снова овладевают людскими умами и снова доминируют в массовом сознании человечества или же будоражат какую-то его часть.

Еще до нашей эры, независимо друг от друга, гениальный греческий государственный деятель и военачальник Полибий во «*Всеобщей истории*» и не менее гениальный китайский историк Сыма Цянь в «*Исторических записках*» рассматривали развитие общества как цикличное движение. Вначале нашей эры идею больших исторических циклов выдвинул выдающийся среднеазиатский ученый-энциклопедист Мухаммед ибн Ахмед аль Бируни, а через два века эту теорию развил и дополнил прекрасный арабский историк Ибн Халдун. В эпоху Возрождения идею циклов в истории человечества высказал итальянский философ и историк Джамбаттиста Вико. А во второй половине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали теорию периодической смены общественно-экономических формаций как основы исторического прогресса…

Что касается России, то идею о культурно-исторических типах цивилизаций в 1869 г. выдвинул многими забытый сегодня социолог и публицист Н. Я. Данилевский. В первой половине XX в. русским экономистом Н. Д. Кондратьевым были открыты

периодические циклы мировой экономики продолжительностью в 40–60 лет. Среди исследователей исторических циклов нельзя не отметить таких известных людей, как Л. Н. Гумилев и современный историк И. М. Дьяконов.

Согласно теории «больших многомерных пространств» Дьяконова выделяются следующие геополитические циклы:

краткосрочные 40-летние,

среднесрочные 100-летние,

долгосрочные 500-летние циклы кардинальной смены мировой геополитики и мировых коммуникаций.

Краткосрочные циклы характеризуются двумя фазами: во время первой намечаются главные векторы трансформации мирового порядка, во время второй происходит окончательное закрепление нового геополитического положения государства.

Среднесрочные циклы совпадают с циклами мировой гегемонии, основанными на модели Кондратьева – Валлерстайна, показывающей, что взлет и падение мировых геополитических гегемоний соотносится с переструктуризацией мирового хозяйства, описанного в экономических циклах Кондратьева.

Долгосрочные циклы приводят, как уже говорилось выше, к кардинальной смене мировой геополитической архитектуры по ключевым направлениям Восток – Запад – Восток и соответствующей трансформации мировых (трансконтинентальных) коммуникаций и полюсов экономического и технологического развития.

Очередной 500-летний геополитический цикл начался в конце XV – начале XVI в. В эпоху Высокого, а затем Позднего Возрождения в Европе проходила наиболее известная нам цивилизационная революция – Реформация. Она инициировала длительный и кровавый процесс трансформации западно-христианского сообщества, расколовшегося на католиков и протестантов. Папский престол потерял былое влияние, и теократическая модель с боем уступила место светской концепции государственного суверенитета. В этот же период зарождаются глубинные процессы распада Священной Римской империи, которые приведут к глобальной перекройке европейских границ. Открытие Индии и Америки даст мощнейший старт эпохе Великих географический открытий, в результате которых главные торговые пути все активнее будут перемещаться в Мировой океан. В далеком от Европы Китае в конце XVI в. наблюдаются первые признаки заката династии Мин. На Ближнем и Среднем Востоке апологеты двух направлений в исламе – суннитского и шиитского – сошлись друг с другом в такой же бескомпромиссной схватке, как и христиане. В Азии

окончательно распадается Золотая Орда, и параллельно в Московской Руси укрепляются основы мощного единого государства и самодержавного правления.

Постепенно, преодолевая колоссальное сопротивление сложившихся стереотипов, философия и культура начинают вытеснять средневековое мракобесие. Наука и техника вначале осторожно, а затем все больше и больше стали входить в повседневную жизнь общества, вторгаясь в сферу производственных отношений. Заработав определенный капитал, торговцы и крупные ремесленники все настойчивее требовали для себя равных прав со служилым дворянством и даже с аристократией. Верхушечные заговоры со временем преобразуются в политические партии. Начавшееся бурное классовое разделение в итоге приведет к череде социальных революций. А научно-техническая революция и борьба за права человека, под доминантой которых прошла вторая половина XX в., – это всего лишь финиш очередного 500-летнего исторического этапа и промежуточный (очередной) финиш земной цивилизации.

Современное человечество – это синтезированный продукт того, что досталось нам от предшествующих поколений, того, что существует вместе с нами, и того, что порождаем мы сами. История цивилизации есть бесконечная цепь ошибок и заблуждений, запоздалых и тщетных попыток их исправления, новых ошибок и новых заблуждений, новых шаблонов, мифов и предрассудков. По сути, людское племя, рожденное «в исторических недрах земной цивилизации», несет в себе все то, что уже существовало до момента его рождения в той или иной генерации.

Каждый раз, наступив на очередные исторические «грабли», мы списываем все на объективные или не очень объективные обстоятельства, на сложность ситуации, на нехватку чего угодно – но только не в наши собственные ошибки. Мы умнеем и глупеем одновременно, получая технологические и техногенные «шпаргалки» и теряя способность к практическому использованию и универсализации классических дидактических основ. Любой саморегулирующийся процесс, единожды запущенный кем-то, живет и развивается по своим законам, изменить которые мало кому по силам. Парадокс дзен-буддизма – «Может ли глаз увидеть самого себя?» – не позволяет своевременно заглянуть в будущее и увидеть то, что чаще всего просто не хочется видеть. А потом – в который уже раз! – бывает слишком поздно…

Совсем недавно по меркам глобальной истории – в 1804 г. – население Земли, с учетом статистической погрешности, исчислялось всего *одним* миллиардом человек, а в октябре 2011 г.

оно перевалило за *семь* миллиардов. Генофонд планеты множится с чудовищной скоростью, и практически с такой же скоростью множится вариативность мнений, намерений, теорий, планов, поступков. История развивается по своим собственным законам, но логика далеко не всегда сопровождает этот процесс в устойчивом, постоянном режиме.

Меняется окружающий нас мир, и мы меняемся вместе с ним. А кто-то, наоборот, старается изменить, приспособить окружающее пространство под себя. Наши знания о мире постоянно дополняются новыми сведениями в различных областях науки. Соответственно изменяются наши представления о социально-политическом устройстве общества, возникают и ломаются социальные стереотипы. Одна общественная формация сменяет другую, старый строй уступает место новой эпохе – более совершенной, а возможно, просто более агрессивной.

Различные социальные доктрины издревле овладевали умами наиболее продвинутой части человечества, воплощаясь – порой в запланированных, но чаще в видоизмененных формах – в текущую реальность. Любая социальная реформа – это многосложный и очень болезненный процесс изменения системы человеческих координат в сложившемся социуме, процесс, включающий в себя переоценку ценностей, существовавших ранее. Многим это давало (и дает) возможность совершенно невообразимой ранее самореализации, но других нововведения разоряли, а то и лишали свободы и жизни самыми кровавыми, изощренными способами. Особенно в тех случаях, когда смена власти осуществлялась силовыми методами, в форме покушений, переворотов или революций.

Теория управления подразумевает, что политики, и в первую очередь государственные деятели, должны обладать умением адекватно реагировать на изменения, происходящие в мире, но… Но… НО… К сожалению, человечество, включая руководителей государств, далеко не всегда учитывает богатый опыт предшествующих поколений: упрямство, косность мышления, невежество, нежелание учиться и завышенное самомнение постоянно вынуждают нас повторять уже совершенные кем-то ошибки.

Большинство стран мира, в том числе и Россия, в той или иной форме имеют в своей истории множество успешных примеров, но еще больше неудачных попыток силовой смены власти. И это притом, что дожившие до наших дней базовые принципы обеспечения безопасности[1] были заложены в Шумере, Египте, Индии и Китае много тысяч лет назад! А негласные методы получения информации, как бы они ни назывались:

тайный сыск, разведка, контрразведка, шпионаж и пр., существуют с тех пор, как появились первые зачатки государственности.

Так, фараоны Древнего Египта для защиты от внешних и внутренних врагов использовали не только армию, но и разведывательную службу, которая позволяла выявлять заговоры и пресекать бунты, прогнозировать нападение внешнего врага. Например, в хрониках времен фараона Аменхотепа IV упоминается придворный чиновник, в обязанности которого входила организация негласных расследований. К египетским специальным службам тех лет можно отнести полицию, пограничную стражу и царских посланцев (*махаров*), выполнявших разведывательные функции.

Одним из замечательных памятников древнеиндийской литературы является «*Артхашастра*»[2] – фундаментальное теоретическое пособие по управлению государством. Некоторые европейские ученые называли Каутилью, предполагаемого автора, индийским Макиавелли, поскольку его «Науку о пользе» отличает прагматичность: методы государственного управления рассматриваются в ней вне зависимости от морально-этических норм. Автор сформулировал многие принципы деятельности секретной службы, призванной оказывать помощь царю и его советникам при управлении государством. Из трех составляющих великой оперативной триады (выявление, предупреждение, пресечение) Каутилья делал упор на первых двух. Такая трактовка лишний раз подчеркивает его опытность в вопросах оперативного и военного обеспечения безопасности.

Считается аксиомой, что *предупредительные меры* при обеспечении безопасности на практике гораздо более эффективны вынужденных, ибо они позволяют выявить и устранить угрозу на этапе, когда это требует гораздо меньших затрат и усилий. Если подпустить противника на «ближние рубежи», дать ему возможность подготовить и начать реализовывать свои замыслы, то на этапе пресечения потребуется уже несоизмеримо больше сил и средств, а вероятность непредсказуемых последствий резко возрастет. Великие мастера восточных боевых (воинских) искусств давным-давно выразили эту мысль в предельно лаконичной фразе: «Предотвращенная схватка – выигранная схватка!»

Аналогичная мысль высказана в древнекитайском трактате «*Гуй Гу-цзы*»:[3] «Мудрый знает, когда назревает опасность, и готовится противостоять ей». Поскольку противостоять опасности (угрозам) в одиночку правитель не в состоянии, он должен подобрать себе сторонников (помощников), которые будут

обеспечивать безопасность его самого и его государства. И чем больше этих сторонников, тем выше устойчивость государственной системы.

В трудах древних китайских стратегов особое значение отводилось взаимоотношениям между правителем и его подданными, в которых правитель находит свою поддержку (опору). Следует учитывать, что понятие царской или государственной безопасности великими стратегами прошлого трактовалось более широко, чем просто наличие телохранителей или секретной службы. Более того, благополучие правителя напрямую увязывалось с общим состоянием дел в государстве, им управляемом. А получение информации о деятельности, возможностях и даже намерениях существующих или потенциальных политических противников было первейшей задачей любой уважающей себя секретной службы. Ибо только на основе полученных, перепроверенных и тщательно проанализированных сведений можно адекватно строить работу по защите руководителя государства, в том числе по выявлению и предупреждению покушений, заговоров или революций.

Мир изначально разделен на две альтернативы: инь и ян, добро и зло, черное и белое, тепло и холод, тьма и свет, верх и низ… Два начала переплетаются и борются друг с другом – это естественное положение в нашем полярном мире. Знаменитая «Книга перемен» («*И-цзин*») гласит: «Когда мир познал прекрасное – появилось безобразное». Ни одна категория не существует без своей противоположности.

Если есть тот, кто хочет захватить власть, неизменно появится тот, кто постарается эту власть защитить, удержать, сохранить. Для выполнения этих противоположных задач противостоящие стороны не остановятся ни перед какими идеологическими, гуманитарными, социальными и иными принципами, выработанными лучшими умами мировой цивилизации. Вокруг любого правителя, по определению являющегося «яблоком раздора», всегда происходит незримая, но от этого не менее ожесточенная борьба двух начал. И лишь иногда эта борьба переходит в видимую, принимая форму открытого противостояния.

В отличие от заговорщиков, сотрудники органов безопасности в подавляющем числе случаев лишь предполагают, откуда можно ждать нападения, и лишь примерно определяют круг лиц, которые могут его готовить. Один из ведущих постулатов искусства разведки гласит: «Чтобы искать информацию, необходимо обладать информацией». Лицо, планирующее покушение или переворот, знает – где, когда, кого,

по какой причине и каким способом. По сути, идет борьба человека-невидимки с тем, кто открыт взору. Позиции сторон не равны, и у нападающего всегда есть фора. Чтобы уравнять шансы, уважающая себя секретная служба должна компенсировать позиционные недостатки. Чем? Количеством и качеством подготовки, умением грамотно выстроить рубежи обороны, перекрыть рискоопасные направления, созданием тотальной «паутины», сигнализирующей о малейших движениях возможного противника, постоянным поиском новых методов работы спецслужб.

Однако далеко не все понимают непреложность одной из старых аксиом разведки: «Пойди туда – не знаю куда, найди того – не знаю кого». Одни с фатальной обреченностью говорят, что если кто-то захочет причинить вред, то обязательно добьется своего, и напрягаться бессмысленно; другие доказывают, что их собственные сильные качества позволят в последний момент исправить ситуацию; третьи молчат, предоставляя противнику толковать это многозначительное молчание. И лишь немногие способны неброско и некичливо нести свою службу, не останавливаясь на достигнутом и не прикрываясь вчерашними успехами. Известно ведь, что критическое отношение к своим собственным знаниям и навыкам заставляет человека заниматься самосовершенствованием и является одним из главных показателей профессионализма.

В оперативной работе победы чередуются с поражениями, в ней нельзя стать абсолютным победителем, но в бесконечной череде событий определенные комбинации можно повернуть так, чтобы добиться победы. Основа работы спецслужб – обыграть противника на каждом возможном участке и уменьшить потери от выигрыша противника. Игра эта бесконечна, и прервать ее можно, только выйдя из системы противостояния.

Мы привыкли, что нападающая сторона готовится: проводит анализ, ищет слабые места в обороне, просчитывает явные и предполагаемые шаги охраны, планирует действия. Это не вызывает сомнений: «они» должны так делать, им положено… Получается, что противостояние глубоко и фундаментально. Участвуют в нем «свободные художники», каждый раз создающие «шедевры» кровавой или бескровной атаки, и «ремесленники», которых сдерживают цеховые рамки, многообразие комплексов личного превосходства или неполноценности. Страшноватое сравнение и совершенно несопоставимые позиции? Конечно! Но часто ли мы признаемся самим себе в правде? Далеко не всегда.

Все должно начинаться с осознания исходных позиций противостояния и активного стремления сместить вектор

превосходства в свою сторону. Это происходит ежедневно, ежечасно, ежеминутно – до тех пор, пока человек остается в строю. Ведь его «крутизна» должна выражаться не в превознесении собственных достоинств, пусть даже превосходящих рекорды Книги Гиннесса, а в том, чтобы, пройдя свою часть Пути, живым и здоровым завершить профессиональную деятельность, имея в активе больше побед, чем поражений, причем поражения должны быть не фатального характера. Вот тогда в окружении внуков и учеников можно в меру собственных амбиций и погордиться собой и своими коллегами. Пока же человек остается в строю, он обязан совершенствоваться и добиваться превосходства над противником.

Непреложной аксиомой является и то, что любое государство только тогда в полной мере может называться государством, когда оно в состоянии обеспечить безопасность своих базовых принципов и безопасность свои граждан всеми доступными ему методами и средствами. Во всех ведущих мировых державах имеются многочисленные примеры того, как руководители государства, пренебрегавшие вопросами безопасности, теряли власть, а вместе с ней и жизнь. Заговоры, покушения, перевороты, вооруженные восстания и революции являются неотъемлемой частью мировой и отечественной истории.

Угрозы безопасности государству и его руководителю (вождю, монарху, президенту) условно можно разделить на внешнюю и внутреннюю. *Внешняя угроза* – это намерения правителей других государств устранить правителя той или иной страны или навязать ему свою волю. Для реализации подобного замысла существуют два наиболее применимых способа: прямая военная агрессия и посылка наемных убийц. В этом ряду следует рассматривать также намерения иностранных организаций или отдельных граждан, недовольных политикой правителя страны, подданными которой они не являются. Особенно опасны в этом плане акты, предпринимаемые сотрудниками государственных специальных служб, действующих не по воле руководителя своей страны, а по политическому или экономическому заказу какой-либо группировки, оппонирующей одному или нескольким лидерам.

Источником *внутренних угроз* для любого руководителя являются группировки или отдельные лица, претендующие на его место. В их числе могут быть как политические противники, так и лица из близкого окружения, в том числе родственники. Также возможно совпадение интересов внешних и внутренних оппонентов, которые могут объединиться против правителя.

Напомним, что именно опасность покушений издревле являлась одним из побудительных мотивов репрессивной политики правителей по отношению к ближайшему окружению.

Никогда нельзя исключить, что вооруженное выступление, имеющее признаки внутреннего противоборства, инспирировано иной страной, преследующей собственные внешнеполитические цели. В этом плане главе государства следует проявлять крайнюю осторожность. Его секретные службы должны постоянно «держать руку на пульсе», чтобы выявить угрозу иностранного вмешательства на ранней стадии. Это позволяет возвести систему противодействия внешней угрозе с минимальными экономическими затратами и «бить врага его же оружием», лучше всего – «малой кровью и на чужой территории».

Еще Аристотель отмечал, что целью государственных переворотов обычно является низвержение существующей конституции либо ее частичное изменение в сторону усиления или ослабления демократического строя. В Средние века анализом государственных переворотов занимался философски изысканный Никколо Макиавелли. Перевороты он рассматривал как особую технологию перераспределения власти, о которой следует знать каждому правителю. В Новой истории термин «государственный переворот» (от франц. *Coup d'Etat*) впервые ввел в своем труде «*Политические соображения о государственном перевороте*» (1639) Габриэль Ноде, библиотекарь кардинала Ришелье. В XIX–XX вв. стратегия и тактика революции (государственного переворота) анализировалась в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого. В 1931 г. значительный вклад в изучение тактики государственного переворота внес Курцио Малапарте.

Одна из целей нашей книги – показать роль тайной войны в политических событиях прошлого, многие из которых могут стать основой сюжета приключенческих романов или фильмов «про шпионов». Мы попытаемся рассмотреть и проанализировать деятельность секретных служб и противостоящих им сил в наиболее острые, переломные моменты истории, на примере удачных и неудачных попыток смены государственной власти силовыми методами в XVI–XX вв. Конечно, основной упор будет сделан на истории нашей страны, но также мы не обойдем вниманием и ключевые события других стран, оказавшие влияние на развитие цивилизации.

Мы полагаем, что и вооруженные силы, и специальные службы государства входят в единую систему безопасности, призванную выявить, предупредить и в конечном счете пресечь любые попытки захвата власти. Поэтому, помимо истории

специальных служб, в книге будут рассмотрены вопросы совершенствования вооруженных сил Российского государства, а также развития особых видов стрелкового оружия и артиллерии (ни для кого не секрет, что спецслужбы любого государства снабжаются самым передовым и самым эффективным оружием на текущий момент).

Заранее предупреждаем, что мы сознательно не беремся оценивать исторические процессы либо описываемые операции в общепринятых категориях «хорошие» и «плохие». Каждый читатель вправе дать свою собственную социально-политическую оценку тому или иному событию, отраженному в данной книге. Кроме того, мы глубоко убеждены, что единой читательской оценки даже весьма отдаленных событий нет быть не может. Все зависит от точки зрения человека, от его политических и исторических пристрастий и, конечно, от доминирующей в обществе Ее Величества Конъюнктуры. Мы видим свою задачу в том, чтобы показать различные варианты действия или бездействия государственной власти и ее секретных служб, а также сил, противостоящих власти: заговорщиков, революционеров, контрреволюционеров и т. п.

Секретная служба, специальная служба… какие интригующие названия! Казалось бы, в современном информативном мире эти постоянно употребляемые термины всем известны. Не надо, однако, торопиться… Хотя история тайной войны всегда привлекала внимание историков и писателей, она и сегодня полна загадок и «белых пятен». Попытки некоторых авторов называть *своих* «благородными разведчиками», а *чужих* «презренными шпионами» не вносят ясности в суть дела. Поэтому мы хотели бы сразу договориться о терминологии. Слишком часто недопонимание между людьми возникает потому, что они считают, что говорят об одном и том же, но при этом каждый из них держит в уме свое определение того или иного термина или понятия. Не будем перегружать читателя, но некоторые термины все же считаем нужным пояснить, поскольку от их однозначного толкования зависит наше повествование. Итак…

Под термином **специальная служба**, как правило, понимают государственную структуру, которая в силу профессиональной специфики действует специальными негласными методами. К спецслужбам относят политическую и военную разведку, контрразведку, политическую полицию (внутреннюю разведку), службу охраны, пограничную стражу и тому подобные институты. **Специальные подразделения** обычно являются частью спецслужбы, полиции или другого государственного органа. В настоящее время аналоги спецслужб имеются и в большинстве

крупных корпораций.

Секретная служба – это несколько иной термин, в первую очередь подразумевающий тайную деятельность. Секретную службу могут исполнять как сотрудники спецслужб и спецподразделений, так и отдельные лица либо группа лиц, которые официально в кадрах спецслужб не значатся. И за этими людьми стоят такие дела… Иногда их имена становятся известны, и тогда о них пишут книги, снимают фильмы. Но чаще всего они никак не обозначены в архивах, и их тайная «государева служба» известна лишь узкому кругу посвященных. Бывает и так, что прикрытием секретной службы, скажем личного порученца первого лица государства, является работа в официальной спецслужбе. В широком смысле к секретной службе относится деятельность человека (сотрудника, наемника или дилетанта), выполняющего конфиденциальное поручение власть предержащего лица.

Под **тайной войной** подразумевают не только шпионаж и контршпионаж, но и различные виды подрывных действий, включая организацию покушений и государственных переворотов. А секретные службы – это только один из инструментов скрытого от посторонних глаз международного противоборства.

Государственный переворот – это насильственный захват верховной власти организованной группой лиц, предпринятый для передачи власти новому правителю либо с целью изменения формы и порядка управления государством (изменение государственного строя). Основными разновидностями государственного переворота являются дворцовый и военный перевороты, революция и контрреволюция.

Дворцовый переворот – это насильственная смена монарха (главы государства, правительства) в результате заговора придворной (в том числе политической) партии, осуществленная без непосредственного участия широких общественно-политических сил.

Под **заговором** мы понимаем тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против власти для достижения собственных политических и экономических целей.

Военный переворот – это насильственная смена главы государства (правительства), совершенная при решающем участии вооруженных сил. После военного переворота к власти, как правило, приходит военное правительство. Наиболее распространенным для обозначения такого правительства является термин «хунта» (от исп. *junta* – коллегия, объединение). Пронунсиаменто (от исп. *pronunciamiento*) – название военного переворота в испаноговорящих странах.

Революция (от лат. *revolutio* – переворот) – это насильственная смена власти, приводящая к радикальному изменению государственного строя (переход власти от одного господствующего класса к другому). Принципиальное отличие революции от дворцового и военного переворотов состоит в том, что революции совершаются в результате протестных действий (и в интересах) оппозиционных сил, составляющих (представляющих) существенную часть населения страны.

Контрреволюция – прямая противоположность революции. Представляет собой реакцию свергаемого или свергнутого класса на социальную революцию, направленную на подавление революционных выступлений или реставрацию предыдущего общественного и государственного строя. Революции и контрреволюции чаще всего происходят в форме вооруженного восстания.

Вооруженное восстание – открытое вооруженное выступление каких-либо политических партий, социальных групп или классов против существующей власти.

Мятежом обычно именуется неудачное (если оценивать конечный результат) вооруженное выступление.

Для (неудавшихся) переворотов, дискредитированных в общественном мнении, обычно применяется термин **путч** (от нем. *Putsch* – переворот). Вошел в употребление в середине 1920-х гг. в Веймарской республике.

Считаем нужным отметить идеологический момент, связанный с оценкой любого вооруженного выступления. *Удачное выступление* объявляется революцией; его организаторы, взявшие власть, проводят комплексные пропагандистские мероприятия, призванные поднять их реноме в глазах иностранных государств и широких слоев населения. *Подавленное выступление* называется бунтом или мятежом; пропагандистские мероприятия в этом случае проводят люди, сохранившие власть. В любой стране и в любое время народ, от имени которого выступают и мятежники (можно звать их революционерами – все зависит от точки зрения), и представители правящего режима, является объектом политического воздействия со стороны противоборствующих сил. «Активные мероприятия», «специальная пропаганда», «черный пиар» – эти термины хорошо знакомы читателям.

Сделаем небольшое отступление и поразмышляем о проблеме, которая обычно вызывает наибольшее неприятие у либеральной интеллигенции: о пытках и доносах. Эти явления вызывают не самые приятные ассоциации в начале III тысячелетия, особенно в тех странах, где активно пропагандируются общечеловеческие ценности. Международные

конвенции в области защиты конституции и прав человека большинства государств – членов ООН запрещают применение пыток. Права и свободы человека и гражданина – основа основ демократического государства, и в этом состоит одно из важнейших завоеваний общества. Однако мы предлагаем посмотреть на проблему и с другой стороны.

По нашему мнению, не совсем корректно переносить юридические и моральные нормы современности на более ранние исторические периоды и называть людей, живших в те времена, палачами и инквизиторами. В более ранние эпохи пытки как средство получения информации использовались абсолютно во всех государствах, в том числе тех, которые сегодня называются цивилизованными. Мы хотим особо подчеркнуть этот факт. Пытки практиковались и во второй половине XX века, достаточно вспомнить Индокитай, Ольстер, Чили или Ирак. Методы негуманного обращения используются и в нашем XXI веке, и не только в странах «второго», «третьего» и т. д. мира. Читатель и сам может вспомнить массу подобных примеров из истории любого «цивилизованного», «демократического» государства. Правда, далеко не все примеры в наше время становятся достоянием гласности, а уж если такие случаи становятся достоянием средств массовой информации, то они непременно связаны с громкими скандалами или отставками политиков того или иного ранга.

Надо понимать, что бывают ситуации, при которых «промедление смерти подобно». Допустим, захвачен террорист или заговорщик, достоверно знающий, когда и где будет совершено покушение или взорвется бомба. Пользуясь своим конституционным правом не отвечать на задаваемые ему вопросы, он молчит. Будет ли правомерным применение к нему незаконных, с точки зрения права, методов дознания? Что гуманнее и важнее для общества? Применить специальные методы допроса или дать погибнуть множеству невинных людей? Чьи права имеют высший приоритет – арестованного террориста или его потенциальных жертв? Читатель может иметь собственное мнение, но для большинства специалистов, работающих в данной области, дилеммы в этом не было, нет и, скорее всего, не будет.

В российском обществе слову «донос» традиционно придается негативная окраска – как и пытки, доносы связаны с нашим не таким уж и давним прошлым. Многие наши соотечественники стали жертвами неоправданных политических репрессий со стороны государственных органов именно в результате доносов. Но здесь также следует разобраться предметно. Само слово

«донос», как и любое другое, – лишь обозначение того или иного предмета, объекта, процесса или явления, нравственная оценка которых зависит от религии, идеологии, исторически сложившегося общественного мнения и личной позиции человека.

Большинство наших граждан искренне считают, что разведчик – это «хороший парень», а шпион – «плохой». В результате мы имеем извечный дуализм: профессия одна – идеологически-нравственных оценок две. Так и со словом «донос». Можно сказать – «донес», а можно – «проинформировал». И в том, и в другом случае речь идет о сообщении определенной информации, но нравственная оценка диаметрально противоположна. Термины «агент», «секретный сотрудник» («сексот»), «осведомитель», «стукач», «информатор» – из того же ряда. Одни употребляют их со знаком плюс, другие – со знаком минус. Но важно понимать, что оперативная работа специальных служб любой страны мира нацелена на то, чтобы заполучить максимальное количество добровольных и не совсем добровольных помощников, каким бы словом их ни называли. В большинстве цивилизованных государств сообщения (или доносы – как вам больше нравится) граждан о тяжких государственных преступлениях (особенно террористических) не только поощряются, но и достаточно хорошо оплачиваются.

История земной цивилизации показывает, что государственный переворот или его попытка есть следствие политических и экономических перекосов в эволюционном развитии общества. При этом мы часто забываем, что сами хотим перемен, но когда эти перемены наступают, оказывается, что они не только «важные и нужные», но еще и болезненные, непоследовательные, капризно-переменчивые и практически всегда чрезвычайно кровавые. Люди постоянно мечутся в поиске новых путей, новых доктрин, новых, более гуманных и адекватных решений. Бывает и так, что созданное ранее, но на время забытое вновь является миру в свежем обличье. Это новое врывается в человеческое существование, будоража сознание и выворачивая наизнанку души целых поколений, чтобы через какое-то время… быть преданным забвению. Впрочем, об этом мы уже писали в начале нашего краткого вступления.

Тоталитаризм и демократия, тирания и гражданское общество, свобода, равенство, мораль, нравственность, справедливость – над этими понятиями ломают головы представители каждого нового поколения в любой стране мира. Что есть «воинствующая справедливость», «агрессивная свобода» и «боевая демократия»? Допустимо ли с помощью переворота ускорить или замедлить эволюционное развитие страны? Каким

должно быть благоустроенное общество? По каким критериям оценивать действующую власть? По каким философским принципам, воплощенным в действующее законодательство, «обустраивать» Россию? Эти и множество других, не менее актуальных вопросов стоят перед российским обществом и государственной властью. От правильных ответов зависит жизнь будущих поколений – тех, кто примет вызовы XXI века.

Глава 1
Между Западом и Востоком, век XVI

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный Господень суд.

Джозеф Редьярд Киплинг

До эпохи Возрождения сильнейшей секретной службой в Европе являлась разведка папского престола, имевшая представительства (резидентуры) практически при всех королевских дворах Европы, а также во многих далеко не католических государствах. При этом внутренняя и внешняя разведка в то время зачастую не выделялись в качестве особых организаций (специальных служб), а информация в Рим поступала по множеству независимых и часто дублирующих друг друга каналов.

Во-первых, информация о положении на местах собиралась многочисленной мирской агентурой или простыми приходскими священниками и передавалась епископам, которые суммировали и пересылали ее в Ватикан, периодически сопровождая аналитическими выводами в рамках собственной компетенции. И если приходской священник информировал[4] высшее духовенство о настроениях крестьян или горожан, посещающих его церковь, то духовник герцога или короля мог сообщать о ситуации при дворе и тайных планах венценосных особ.

Вторым каналом были многочисленные монашеские ордена (бенедиктинцы, доминиканцы и др.), которые вели свою миссионерскую деятельность, опираясь на сети монастырей и свои собственные информационные возможности.

Еще одним информационным каналом являлись независимые от местных церковных иерархов папские нунции, направлявшиеся в качестве папских легатов (специальных уполномоченных) в различные католические страны.

Отдельно следует выделить аппарат инквизиции (особенно в Испании), выполнявший роль политической полиции папского

престола в борьбе с еретиками, подрывавшими устои истинной католической веры.

Эпоха Возрождения – это не только возрождение искусств и науки, это и усиление других классов, начавших оспаривать у католической церкви монополизированную ею властную вертикаль. Так начался ренессанс секретных служб, обеспечивавших создание абсолютных монархий и формирование мощных национальных государств, в которых светская власть постепенно приходила на смену власти церковной. Сначала в Средней Италии и Фландрии, а затем, на исходе XV в., и в других частях Европы началось формирование активной буржуазии, которая постепенно прибирала к рукам экономическую власть, а вскоре возжелала и власти политической. Этому новому передовому классу потребовалась и новая идеология, которая наилучшим образом способствовала бы реализации его политических замыслов. Конечно, буржуа не собирались отказываться от христианства, но им нужна была религия, отличавшаяся от «неподвижного» канонического католицизма простотой и дешевизной. Она и зародилась в Западной и Центральной Европе в XVI веке.

Массовое религиозное и общественно-политическое движение, направленное на проведение преобразований, связанных с Церковью и вероучением, получило название Реформация.[5] Основной причиной Реформации стало недовольство различных слоев населения Европы экономическим и политическим монополизмом Церкви, продажностью и моральным разложением католических священников. Реформация способствовала возникновение централизованных государств, но она же вызвала экономический кризис в Европе после появления там огромного количества золота с американского континента. Однако главным последствием реформационного движения стало новое направление христианства – протестантизм.[6]

Началом Реформации принято считать выступление доктора богословия Виттенбергского университета Мартина Лютера, который 31 октября 1517 г. прибил к дверям Замковой церкви свои «*95 тезисов*». В них мятежный богослов выступал против продажи индульгенций и власти папы над отпущением грехов. Провозглашалось также, что Церковь и духовенство не являются посредниками между человеком и Богом. Но главный постулат Лютера гласил, что человек достигает спасения души не через соблюдение церковных обрядов, а с помощью веры, даруемой непосредственно Богом. После того как 10 декабря 1520 г. Лютер сжег папскую буллу, в которой осуждались его взгляды, Вормсским эдиктом он был объявлен вне закона на территории

Священной Римской империи германской нации.[7]

В 1523 г. вслед за стихийными бунтами народных масс произошло выступление имперских рыцарей, провозгласивших себя продолжателями дела Реформации. Очень быстро рыцарское восстание было подавлено, но в 1524–1526 гг. разгорелась Крестьянская война во главе Томасом Мюнцером. В результате Реформации империя оказалась расколотой на лютеранский север и католический юг. В первой половине XVI в. протестантство приняли княжества Бранденбург, Брауншвейг-Люнебург, Вюртемберг, Гессен, Курпфальц, Саксония, а также имперские города Гамбург, Любек, Нюрнберг, Страсбург, Франкфурт. Католическими остались Австрия, Аугсбург, Бавария, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Зальцбург, Лотарингия, церковные курфюршества Рейна и некоторые другие государства. В 1555 г., после ряда кровопролитных религиозных войн, был заключен Аугсбургский религиозный мир, который установил гарантии свободы вероисповедания для имперских сословий: курфюрстов, светских и духовных князей, свободных городов и имперских рыцарей. С тех пор в германских землях вероисповедание на территории своих владений определяла местная власть.

Протестантизм дал мощный импульс развитию науки и промышленности. Так, протестантский Нюрнберг имел статус королевского города с большими социальными вольностями, а низкие налоги стимулировали развитие торговли и ремесел, и в первую очередь военно-промышленного комплекса того времени. Достижения оружейников были столь впечатляющими, что трудно назвать европейского властителя (короля, курфюрста, великого князя, герцога и т. п.) у кого в арсенале не было бы знаменитого нюрнбергского доспеха, который уберегал от сильного удара копьем или мечом и «держал выстрел» большинства видов тогдашнего огнестрельного оружия (конечно, исключая артиллерию). Производство огнестрельного оружия в городе, соблюдавшем «вооруженный нейтралитет», особенно возросло в XV в., когда по Европе прокатилась Столетняя война, а затем полыхнули религиозные войны XVI в.

С технической точки зрения изделия нюрнбергских оружейников отличались заметными новшествами. Стволы некоторых ружей изготавливались с двумя запальными отверстиями, боковая полка имела сдвижную крышку, предохранявшую порох от попадания влаги и высыпания при передвижении в пешем строю, на лошади или в повозке. Отдельные дорогие экземпляры отличались нарезным стволом с винтовыми канавками, во много раз повышающими точность стрельбы и устойчивость пули в полете. В архивных документах

сохранилось изображение ружья с диоптрическим прицелом для повышения точности при производстве снайперского выстрела. Ствол крепился к ложу при помощи четырех винтов. У более поздних моделей были не только фитильные, но и кремневые замки различных конструкций. Похожее оружие отечественных мастеров есть в российских музеях, что подтверждает интерес к огнестрельному оружию при русском дворе.

Во время гуситских войн 1419–1437 гг. возникли новые военно-тактические приемы. Маневренная тактика гуситов, чешских протестантов, опиралась на использование укрепленных боевых повозок, представлявших собой передвижные полевые крепости. В России аналогичные укрепления известны под названием «гуляй-город».

В первой трети XV в. повысилась роль низших слоев населения, которые в ходе восстаний доказали возможность успешной борьбы за свои права с оружием в руках. Мобильные чешские отряды были вооружены многочисленным легким маневренным огнестрельным оружием и поражали противника на небывалой ранее дистанции. Подобная тактика лишала тяжелую рыцарскую кавалерию преимуществ, не давая ей возможности нанести классический таранный удар, прорвать оборону противника и затем рубить и топтать бегущих.

Многочисленные поражения поставили западные монархии перед необходимостью «подтянуть» свое собственное вооружение к уровню вооружения гуситских войск и перенять у них передовые тактические приемы. Тактика гуситов достаточно быстро стала достоянием многих европейских государств и за столетие развилась в эффективное маневрирование конных и пеших подразделений. Соответственно увеличился спрос на легкое и точное огнестрельное оружие, одним из центров производства которого являлся Нюрнберг.

Швейцария также не отставала в развитии военного дела и добилась в 1499 г. независимости после более чем 200-летнего периода войн с Бургундией, Францией и Священной Римской империей. Географическое положение Швейцарии, ее государственное устройство в форме конфедерации и чрезвычайно высокий по сравнению с соседями уровень свободы граждан способствовали появлению и развитию профессиональной военной касты. На протяжении нескольких веков швейцарские наемники снискали себе заслуженную славу неустрашимых, неподкупных и умелых воинов-профессионалов.

Доказательством заслуг швейцарских солдат стало их постоянное участие в охране Ватикана и лично папы Римского. Согласно классической геополитической доктрине, государство

следует рассматривать в качестве живого организма, стремящегося к расширению влияния. В этом случае длительное присутствие швейцарских наемников при королевских домах Европы можно сравнить с «демонстрацией флага», что служило росту авторитета государства. Параллельно появлялась возможность создания множественных агентурно-оперативных линий, обеспечивавших получение информации непосредственно из столиц различных европейских монархий.

Доктрины, предлагавшиеся швейцарскими военными, получали преимущество перед аналогичными предложениями конкурентов из других государств. Наиболее воинственно настроенные (согласно Л. Н. Гумилеву – пассионарные) граждане имели возможность реализовать себя за границами государства и тем самым выключались из участия в возможных внутренних конфликтах. Сравнение различного военного опыта позволяло военным теоретикам и практикам из Швейцарии совершенствоваться в различных аспектах обеспечения безопасности.

Начало Реформации в Швейцарии положил священник кафедрального собора в Цюрихе Ульрих Цвингли в 1522 г., а в 1529 г. между кантонами возник первый религиозный конфликт. В результате вспыхнувшей гражданской войны в 1531 г. победу одержали сторонники католицизма, который был насильственно водворен на некоторых спорных территориях. И именно тогда впервые взгляды швейцарцев-протестантов обратились на восток, в сторону православной России. Но Швейцария, тем не менее, осталась одним из главных оплотов Реформации, центр которой переместился из Цюриха в Женеву, где очередной этап развития протестантизма связан с именем Жана Кальвина.

К середине XVI в. учение реформаторов распространилось из Женевы во Францию, Шотландию, Венгрию, Польшу, Нидерланды и Германию. К этому времени наибольших успехов различные протестантские течения достигла на Севере: в Англии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Шотландии и Нидерландах.

В Англии и Франции, где существовали сильные монархии, католическая церковь особыми декретами была частично ограничена в претензиях на власть еще в первой четверти XVI в. Но дальнейшие события в этих постоянно воевавших между собой странах развивались по-разному.

В Англии Реформация осуществлялась с 1530-х гг. при непосредственном участии короля Генриха VIII, обладавшего абсолютной властью в стране. В 1534 г. парламент принял *«Акт о супрематии»,* провозгласивший короля главой английской Церкви. В 1536–1539 гг. в общей сложности были закрыты 376

монастырей, а их земли и имущество подверглись секуляризации; [8] часть конфискованных земель король оставил себе, а часть передал или продал дворянам, поддерживающим реформы.

Реформацию продолжил сын Генриха Эдуард VI: в 1549 г. в церковный обиход была введена *«Книга общих молитв»,* тексты которых приводились исключительно на английском языке. Эта книга с небольшими изменениями используется до настоящего времени. В начале XVI в. появились первые английские торговые компании. Активизация колониальной и торговой экспансии стимулировала развитие политической, экономической и военно-морской разведки. В мае 1553 г. Эдуард VI отправил в Северный Ледовитый океан три корабля под командованием Хью Уиллоби и капитана Ричарда Ченслора; два судна погибли во время бури, но один благополучно доплыл до Белого моря, и сэр Ченслор стал первым посланцем Англии в России.

* * *

Во Франции идеи протестантизма получили распространение во время правления короля Франциска I, политика которого по отношению к «еретикам» зависела от того, с кем в данный момент король искал политического союза: с папой, турками или с немецкими лютеранами.

Всплеск реформаторского движения в форме кальвинизма в этой стране относится к 1540–1550-м гг. Кальвинизм явился идеологическим знаменем не только буржуазии и беднейших слоев населения, выступавших против феодальной эксплуатации, но также и части феодальной аристократии, которая находилась в оппозиции к набирающему силу абсолютизму.

Гонения на гугенотов, как называли кальвинистов во Франции, усилились в 1559 г., после того как Франция и Испания заключили Като-Камбрезийский мир, завершивший Итальянские войны 1494–1559 гг. между Францией, Испанией и Священной Римской империей за обладание Апеннинским полуостровом. Но едва затихла одна война, как во Франции вспыхнула новая – между католиками и гугенотами.

В первой половине XVI в. многим казалось, что католическая церковь вот-вот рухнет под натиском многочисленных выступлений протестантов, и этой угрозы не могли не ощущать иерархи католической церкви. Примечательно, что европейские монархи, внешне послушные папскому престолу, на практике старались получить достоверную информацию о ситуации в Риме и о намерениях понтифика. Известно, что на императора

Священной Римской империи Карла V, поддерживавшего католическую церковь и осудившего Лютера, работал секретарь папы Адриана VI Чистерер, который подробно информировал своего венценосного патрона о внутренних коллизиях папского престола.

* * *

Для борьбы с реформаторами (религиозными революционерами) в 1524 г. в полном объеме была восстановлена инквизиция и создан религиозный трибунал с неограниченной властью на территории любого католического государства. Одним из первых практические действия по противодействию Реформации предпринял испанский дворянин Игнатий Лойола, который в 1534 г. основал в Париже новый монашеский орден для борьбы с врагами католицизма. Орден получил название «Общество Иисуса» и в сентябре 1540 г. получил благословение папы Павла III.

Первоначально внимание иезуитов было обращено на возвращение в лоно католической церкви «заблудших овец». Основными средствами борьбы с протестантами стали:

массовая агитационная работа среди паствы (проповеди);

индивидуальная обработка верующих на исповеди;

организация приютов для сирот, бесплатных столовых и прочих благотворительных учреждений.

Но это были только внешние проявления заботы о пастве, так называемая социальная составляющая деятельности ордена.[9] Если копнуть глубже, орден иезуитов стал основой для реорганизации секретной службы папского престола на новых, более жестких принципах; перед ним ставилась задача эффективного проведения в жизнь установок, воззрений и, самое главное, политической линии католической церкви.

Членом ордена мог быть только мужчина, верный католической вере; отбор велся из семей преимущественно благородного происхождения, с учетом хороших физических, умственных и пассионарных данных кандидата (*индифферент*).

После краткого карантинного срока принимаемый (*новиций*) проходил испытательный курс (*новициат*). В течение двух лет испытуемого готовили к беспрекословному повиновению вышестоящим лицам: по выражению Лойолы, каждый иезуит должен быть подобен трупу в руках духовного начальника, должен не иметь сомнений и не испытывать колебаний при выполнении любого приказа, – что вполне соответствует общей

системе подготовки адептов практически во всех закрытых системах специального назначения для выполнения секретных или военно-специальных миссий.

Со временем новициат становился или светским сотрудником (*коадъютор*), или, если обнаруживал способности, учеником (*схоластик*). Таким образом, осуществлялось разделение адептов по направлениям дальнейшей специализации и по линейно-объектовому принципу деятельности.

Коадъюторы выходили в мир и могли работать управляющими, экономами и даже придворными поварами в богатых европейских домах. Кроме доступа к конфиденциальной информации, в их руках со временем оказывались значительные средства, а от поваров-иезуитов напрямую зависела жизнь их хозяев. Из таких законспирированных «сотрудников» и состояла первичная агентурная сеть ордена.

Схоластик поступал в специальную школу, где в течение нескольких лет изучал философию, богословие, приемы духовного воздействия на верующих и получал практические навыки, необходимые для того, чтобы стать «ловцом человеческих душ». Также схоластиков обучали навыкам конспирации и оперативной работы: они должны были информировать куратора о поведении других учеников, а также уметь вербовать информаторов в любом социальном слое и использовать все средства борьбы – от слова до кинжала.

После окончания обучения схоластик становился священником, а затем, дав три обета: бедности, целомудрия и послушания, получал звание духовного коадъютора. По линии Церкви они занимались миссионерством, проповедничеством и воспитанием молодежи в богатых семьях. По линии секретной службы в обязанности коадъюторов входило руководство добыванием информации на местах, организация распространения нужных иезуитам сведений и поиск кандидатов для привлечения в ряды ордена. После принесения присяги на верность папе коадъютор становился действительным членом ордена (*професс*).

Территориальные структуры Общества Иисуса (резиденции, [10] миссии, коллегии, новициаты и т. д.) составляли *провинцию*, управляемую *провинциалом*. На территориях крупных государств (Франция, Италия и т. п.) из провинций составлялись *ассистенции*. Главой ордена, резиденция которого находилась в Риме, являлся *генерал*, обладавший неограниченной законодательной и административной властью. В высшее руководство входили генеральный секретарь, генеральный прокуратор, ведающий финансами, и *адмонитор* (негласный

контролер) при генерале. *Генеральная конгрегация* (общее собрание) обладала лишь совещательными функциями.

К 1556 г. орден насчитывал свыше тысячи членов, сто домов и 14 провинций. Духовник короля, герцога или маркграфа мог быть одновременно и резидентом, которому подчинялась сеть информаторов, а глава иезуитской семинарии часто руководил спецшколой, в которой изучались не только церковные, но, специальные дисциплины. Можно сказать, что все иезуиты, в той или иной мере, находились на секретной службе ордена и папского престола.

Успешная деятельность иезуитов придала католической церкви новые силы, и с 1560 г., в период понтификата Пия IV, в Европе начался период католического возрождения, получивший название *Контрреформация*. Контрреформация включала в себя пять направлений деятельности:

вероучение,
духовная и структурная перестройка,
развитие монашеских орденов,
духовные движения,
усиление политических аспектов влияния церкви.

В конце 1565 г. орден иезуитов насчитывал уже 2000 членов. Миссионерская деятельность приняла широкий размах: в 1542 г. члены ордена проникли в Индию, в 1549 г. – в Японию, в 1563 г. – в Китай.

Во второй половине XVI в. орден всеми силами поддерживал притязания австрийских и испанских Габсбургов на европейскую гегемонию, полагая, что создание католической супермонархии приведет к полной победе «истинной веры» над Реформацией. При этом иезуиты абсолютно не считались с тем, что подобная перспектива серьезно нарушала интересы других европейских государей, в том числе католических, лояльно относившихся к папе и Обществу Иисуса.

Прямо или косвенно иезуиты участвовали во многих европейских дворцовых интригах, заговорах, переворотах и политических убийствах конца XVI в.

Наиболее известными покушениями на политических противников общества стали смертельные ранения лидера нидерландских протестантов принца Вильгельма Оранского 10 июля 1584 г. и его религиозного оппонента, католического короля Франции Генриха III, 1 августа 1589 г. В обоих случаях в качестве исполнителей использовались религиозные фанатики: Бальтазар Жерар и Жак Клеман соответственно.

В 1560–1589 гг. в результате неразрешенных экономических, политических и религиозных противоречий во Франции

произошла целая череда религиозных (Гугенотских) войн, в которых иезуиты приняли самое активное участие. Одним из наиболее известных событий этого времени является массовая резня гугенотов, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея, которая стоила жизни десяткам тысяч французских гугенотов. Раздираемая религиозными войнами, на некоторое время Франция перестала быть серьезным конкурентом для Испании и Священной Римской империи, и Контрреформация на большей части ее территорий прошла успешно.

В Англии иезуитам удалось добиться лишь временных успехов – во время правления Марии Тюдор (1553–1558), реставрировавшей католицизм. После смерти Марии Католички на престол вступила Елизавета I, которая твердой рукой вернула государственный корабль на путь протестантизма. Без сомнения, она опиралась на помощь мощных королевских секретных служб, которые нисколько не уступали иезуитам по абсолютной вере в правоту своего дела. Среди этих людей особое место принадлежало Уильяму Сесилу, лорду Берли. Став королевой, Елизавета изъяла разведку из ведения Тайного совета и передала в прямое ведение Сесила. Среди первых руководителей разведки при Елизавете, правившей до 1603 г., следует отметить Николаса Трокмортона, ставшего в мае 1559 г. постоянным послом в Париже, и Генри Киллигрю, посланного во Францию для связи с гугенотами.

В последней четверти XVI в. основной задачей испанского короля Филиппа II являлось уничтожение ереси в Нидерландах, где в 1568 г. началась буржуазная революция, переросшая в восьмидесятилетнюю войну. Но для этого необходимо было лишить Нидерланды поддержки Англии. Как? – свергнуть с престола Елизавету и возвести на английский трон Марию Стюарт, установив таким образом гегемонию католицизма и Габсбургов в Европе. В резерве оставался план высадки на остров многочисленной испанской армии, считавшейся тогда одной из лучших в Европе.

В 1572 г. непосредственное руководство английской разведкой перешло к Френсису Уолсингему. В 1580 г. Рим объявил, что всякий, убивший Елизавету «с благочестивым намерением свершить Божье дело, не повинен в грехе и, напротив, заслуживает одобрения». Но убить королеву не удалось, Уолсингем неотступно преследовал иезуитов, проникавших под различными масками в Англию, внедрял своих агентов в ряды Общества Иисуса, вел жесткое наблюдение за всеми возможными контактами агентов папского престола и

главное – не раз выявлял и хитроумно предупреждал покушения на жизнь своей королевы.

В задачу британских секретных служб входило также наблюдение за подготовкой к высадке в Англии испанской армии и сбор информации, обеспечивавшей успешные действия английских корсаров в войне на морях. Уолсингем, сеть которого состояла из особо доверенных лиц, получал нужные сведения из двенадцати резидентур во Франции, из девяти – в Священной Римской империи, из четырех – в Испании и Италии и из трех – в Нидерландах. Правление Елизаветы I иногда называют «золотым веком Англии», в том числе благодаря деятельности королевской секретной службы, сотрудники которой добывали и вовремя доставляли крайне важную для деятельности английского государства информацию.

* * *

На другом конце света, Дальнем Востоке, происходили невидимые для Европы, но очень важные для развития секретных служб события, недаром XVI в. в Японии впоследствии будет назван периодом воюющих царств *(Сэнгоку дзидай)*. В результате множества междоусобных войн многие старые феодальные дома были низвергнуты, а их место заняли другие, более мелкие, находившиеся от них в феодальной зависимости. И этому во многом способствовала тайная война.

«Люди охотились и воевали во всем мире, – писал историк-японист А. М. Горбылев, – но именно в Японии искусство шпионажа и военной разведки в период Средневековья достигло наивысшего развития. <…> Думается, свою роль здесь сыграла целая совокупность разнообразных факторов: географических, исторических, психологических.

Говоря о географических факторах, нужно в первую очередь отметить близость великой цивилизации Китая. Почти каждый скачок в культурном развитии Японии был связан с усилением китайского влияния. Сказалось это влияние и в искусстве шпионажа. Правда, проявилось оно не столько в сфере конкретных приемов, сколько в области теории и психологии.

Сложный горный рельеф, обилие речушек и зарослей способствовали развитию методов малой войны – неожиданных нападений, засад, диверсий; условия, в которых велась война, предопределили исключительную важность личного мастерства воина, возникновение малочисленных, но чрезвычайно боеспособных отрядов, способных эффективно действовать в

самых сложных условиях.

К историческим факторам следует отнести существование в Японии особого военного сословия – самураев – и сильную раздробленность страны в период Средневековья. Господство самурайского сословия способствовало росту престижа военного дела и стимулировало развитие военного искусства во всех его формах. Раздробленность вела к постоянным конфликтам, войнам, которые опять-таки подстегивали изучение военного дела. К тому же начиная с первой половины XIII в. в Японии начала складываться особая социальная прослойка наемников, живших за счет войны. Именно из нее со временем и выделились *нинкэ* – семьи, сделавшие своим бизнесом шпионаж».[11]

В национальном характере японцев следует отметить две черты: бережное отношение к наследию предков, способность к активному усвоению и быстрой адаптации достижений других народов. Умение адекватной компиляции и мгновенного японизирования всего нового стало одной из визитных карточек японской культуры. В VII в. в Японию попадает «*Трактат о военном искусстве*» великого китайского стратега Сунь-цзы. В нем автор особое внимание уделял вопросам военной хитрости: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него всего полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его силы дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает».[12] Наставления великого стратега в области тайной войны не потеряли значения в настоящее время, так же как не потеряют они своей актуальности и в обозримом будущем.

Искусство японских разведчиков – *синоби*, которых в XX в. стали именовать *ниндзя*, – интенсивно развивалось и совершенствовалось, расцвет его приходится именно на XVI в. Синоби являлись разносторонними специалистами: лазутчиками, диверсантами, охранниками, советниками военачальников.

Многовековая система «японской пятидворки», построенная еще при первых сёгунах,[13] настолько проникла во все слои японского общества, что появление незнакомца в кратчайшие сроки становилось известным местному *дайме*[14] или соответствующему чиновнику центрального правительства, а в

особо важных случаях о чужаке незамедлительно докладывалось и самому военному правителю (*сёгуну*). Суть системы заключалась в том, что любое территориальное образование разделялось на пятерки, которые обязаны были быстро переправить информацию старшему; пятерка старших передавала информацию своему куратору и т. д. От того, кто и насколько быстро принесет ценную информацию, зависело применение системы «маленьких пряников» или «очень большой дубинки». Продвинуться по службе, получить под начало подразделение, вовремя поменять политическую позицию и многое другое, связанное с получением благ или просто с сохранением жизни, зависело от скорости и точности доставки информации и умения быстро сориентироваться в сложной политической конъюнктуре.

Упаси вас бог подумать о предательстве в среде высокородных самураев: для многих из них такого понятия не существовало в принципе, они просто вовремя меняли позицию и оказывались в стане победителей. Кодекс чести оставался уделом менее знатных представителей самурайского сословия, обязанных совершать традиционное *сеппуку* в случае поражения или казни своего господина. Лишь немногим представителям военного сословия удавалось стать *ронинами* – свободными воинами без хозяина. Даже самые сильные и защищенные многочисленной охраной и свитой фигуры японского общества постоянно жили в ожидании удара в спину, который мог настигнуть их с любой стороны, в том числе и со стороны ближайших и вполне доверенных лиц. Для укрепления своего положения и предупреждения возможных потрясений они пользовались огромным количеством как внутренних, так и внешних шпионов из самых разных слоев общества.

Вот в такое «шпионское» общество после кораблекрушения и попали в 1542 г. первые португальцы. А со следующего года они начали развивать монопольную торговлю с Японией. Информация о далекой стране дошла до иезуита Франциска Ксаверия, и в 1549 г. он сам высадился в Стране восходящего солнца. Португальцы, а с 1580 г. и испанцы привозили из Европы в Японию огнестрельное оружие, а вывозили оттуда золото и серебро.

Приняв у себя иезуитов, феодалы острова Кюсю не только дали им разрешение на свободную проповедь, открытие школ и церквей – многие из них сами приняли католичество в надежде привлечь в свои порты больше торговых кораблей и тем самым увеличить запасы огнестрельного оружия, столь необходимого для борьбы с другими феодалами. Как и в Европе, развитие и применение огнестрельного оружия привело к изменениям в

военной тактике. Пехота, вооруженная ружьями, стала играть более весомую роль в массовых стычках, а роль самурайской конницы постепенно снижалась, что, в свою очередь, потребовало модернизации тактики ее применения на поле боя.

Непрерывные феодальные распри разоряли Японию, тормозили ее развитие, поэтому с середины XVI в. крупные дайме стали предпринимать попытки объединения страны. При этом к 1580 г. в Японии насчитывалось уже около 150 тысяч христиан, в католичество были обращены знатные дома Арима, Мори, Омура, Отомо, Хосакава и др., а в 1582 г. иезуиты организовали посольство христианских правителей Кюсю в Португалию, Испанию и Италию. Послы были приняты испанским королем Филиппом II и папой Григорием XIII. Но уже в 1587 г. канцлер Хидэеси издал указ о запрещении в Японии христианства и об изгнании иезуитов из страны. Однако фактически этот указ не был выполнен, а иезуиты укрылись во владениях верных им дайме.

* * *

В Китае (Великой Минской империи) португальцы впервые появились в 1516–1517 гг., а еще через три года в Пекине была основана первая португальская миссия. Но император Чжу Хоучжао не принял португальских посланцев, а после его смерти португальцы были отправлены в тюрьму, где и погибли. В 1521 г. военный флот минской династии разбил флот португальцев и отбросил их от Туен Муна (Дуньмэнь).

С середины XVI в. в государственном аппарате Минской империи появились признаки разложения и коррупции. Уже к 1549 г. было организовано прибытие ежегодных португальских торговых миссий на остров Шанчуань у берегов Гуандуна. А в 1557 г. с помощью подкупа местных властей португальцы получили в свое распоряжение остров в непосредственной близости от берега, где основали город и порт Макао (Аомынь). Минская империя медленно, но верно деградировала.

* * *

Что касается Московской Руси того времени, расположенной посредине между Востоком и Западом, то в первой трети XVI в. завершилось создание территориального ядра единого Российского государства и централизованного государственного

аппарата. Уже в конце правления Ивана III (1462–1505) под власть Москвы перешли князья Новгород-Северский и Черниговский. В 1503 г. великий князь Литовский признал право Ивана III на владения Брянском, Гомелем, Путивлем, Черниговом и большей частью витебских и смоленских земель.

Во время правления Василия III (1505–1533) к Москве были окончательно присоединены Пермские земли, Псков, Волоцкий удел, Рязанское и Новгород-Северское княжества, а в 1514 г. Смоленск. Также были заложены основы самодержавного правления. В 1510 г., после присоединения Пскова к Москве, монах псковского Елеазарова монастыря Филофей[15] направил великому князю послание, в котором впервые была сформулирована церковно-политическая доктрина «Москва – третий Рим». Скорее всего, именно она послужила основой для изменения титула великого князя Московского, который стал именоваться государем всея Руси.

Одновременно с процессом консолидации власти происходило и укрепление княжеских секретных служб: разведки, контрразведки, государевой охраны, которые позволяли великому князю и государю всея Руси использовать скрытые от посторонних глаз средства и методы борьбы как с внутренними, так и с внешними врагами.

Внешними стимулами развития государевой службы безопасности стали русско-польская война 1507–1522 гг. из-за Смоленска, проникновение на Русь купцов Союза свободных городов Северной Европы (Ганзы), получивших в 1514 г. разрешение торговать в Новгороде и Пскове и право на проезд в Холмогоры, а также усиление надзора за дипломатами, число которых заметно возросло.

Внутренним фактором явилась разгоревшаяся в 1509 г. борьба между сторонником сильной великокняжеской власти игуменом Волоцкого монастыря Иосифом и новгородским архиепископом Серапионом, настаивавшем на приоритете верховенства Церкви над властью светской. В итоге церковный собор заточил Серапиона в Андрониковом монастыре, поставив таким образом окончательную точку в определении приоритетов светской и церковной власти на Руси.

В этот период различные виды секретной деятельности максимально засекречиваются и становятся династическими. Можно утверждать, что в первой четверти XVI в. на Руси происходило определенное разделение княжеской секретной службы на две наиболее выделяющиеся из всего множества направлений линии: политический розыск и контрразведка.

Василий III продолжил начинания предков, направленные на

укрепление резервной базы московских князей на севере. Он неоднократно приезжал в Вологду на богомолье и даже выражал желание принять постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

«Нам важно отметить два обстоятельства, – писал П. А. Колесников, – которые были понятны современникам, но потом забылись. Во-первых, вероятно, уже в конце XV в. наиболее надежным местом хранения великокняжеской казны были Белоозеро и Вологда, особенно когда последняя стала уездным центром. Из нее можно было при необходимости перенести казну в другое безопасное место. В 1480 г., когда на Угре решался вековой вопрос об окончательной ликвидации монголо-татарского ига, Иван III отправляет свою жену Софью вместе с казной на Белоозеро. В завещании Ивана III говорится о великокняжеской казне на Белоозере и в Вологде. Во-вторых, огромный район Европейского Севера, вошедший к концу XV в. в состав Российского государства, особенно Вологодский и Белозерский уезды, были значительным резервом пополнения государевой казны. Не случайно в своем завещании Иван III передает сыну, кроме коренных великокняжеских земель, ряд важных городов и земель на севере (Вологда, Белоозеро, Двина и Вятка). Особенным вниманием великих князей, начиная с Василия II, пользовались северные монастыри: Спасо-Прилуцкий, Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский и др.». [16]

Посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, прибывший в Москву с дипломатической миссией в 1526 г., оставил такие заметки о Вологде:

«Так как крепость ее укреплена самим характером местности, то говорят, что государь обычно хранит там часть своей казны». [17]

Во время регентства вдовы Василия III Елены Глинской (1533–1538) в Москве под руководством выходца из Италии архитектора Петрока Малого строится Китай-город, название которого происходит от древнерусского слова «кета» («кита») – корзина, плетень. Позднее подобные укрепления появились в Смоленске, Себеже, Пронске и Вологде. Строительство плетеных укреплений объясняется их простой и в то же время эффективной антипушечной конструкцией. Неприятельские ядра, проходя сквозь плетень, вязли в насыпной сердцевине, не разрушая преграды. Преимуществами таких сооружений, кроме высокой оборонительной эффективности, были скорость постройки и быстрая восстанавливаемость.

Как показали раскопки 1994 г., китай-крепость в Вологде имела следующие параметры: «Глубина рва от дневной поверхности XV в. достигала 2,5 метра при ширине до 23 метров.

<…> По результатам дендрохронологического анализа дата рубки дерева, примененного при строительстве укреплений, определена около 1548 г. Четыре ряда плетней, проходивших внутри вала, состояли из вертикально вбитых в грунт жердей, оплетенных ветками. Расстояние между крайними рядами колебалось в пределах 5–5,2 метра – очевидно, ширина деревоземляного вала в основании была не менее шести метров». [18]

Мы осознанно уделяем такое большое внимание Вологде, поскольку в царствование Ивана Грозного город приобрел особое стратегическое значение.

Правление Елены Глинской, опирающейся на помощь конюшего и воеводы Василия III И. Ф. Телепнева-Оболенского и М. Ю. Захарьина-Юрьева, началось в борьбе с родовитым боярством. Одним из первых в тюрьму был заточен брат покойного государя удельный князь Дмитровский Юрий Иванович, пытавшийся заявить свои права на престол. Подверглись аресту бояре И. Ф. Бельский, И. М. Воротынский и Б. Трубецкой. В 1534 г. дядя Глинской Михаил вступил в переговоры с польским королем Сигизмундом I и попытался перебежать в Речь Посполитую,[19] но был пойман, привезен в Москву и приговорен к смерти. В 1537 г. второй брат Василия III, удельный князь Андрей Иванович Старицкий, попытался организовать заговор против регентши, опираясь на новгородское дворянство. Но реализовать свои планы заговорщики не сумели, Старицкий был вызван на переговоры в Москву, где подвергся аресту и умер в тюрьме.

После смерти Глинской в 1538 г. (в Москве ходили слухи о ее отравлении) начался период боярского правления при малолетнем Иване IV, протекавший в обстановке ожесточенной борьбы за власть между кланами Бельских и Шуйских.

Как показывают исторические источники, на формирование личности царя наложили отпечаток детские годы, когда он бессильно взирал на дела, творимые князьями и боярами из своего ближайшего окружения. Вместо того чтобы вразумлять и учить ребенка, те помыкали им и его братом Григорием, приказаний Ивана не исполняли, над личными просьбами насмехались, дурные наклонности не подавляли и лет с двенадцати угождали в низменных наслаждениях.

При этом шло уничтожение одних боярских кланов другими, находившимися в данный момент ближе к трону. В 1538 г. князь И. Ф. Телепнев-Оболенский был помещен в тюрьму, где через год скончался, а содержавшиеся в заключении И. Ф. Бельский и А. М. Шуйский были выпущены и заняли место в Думе. Первоначально

Бельские взяли верх над Шуйскими, но уже в 1542 г. И. В. Шуйский захватил власть и отправил И. Ф. Бельского в заточение на Белоозеро, где тот вскоре был убит.

Юный государь все видел, слышал и запоминал. Под влиянием оскорблений и лести сформировались такие черты его характера, как презрение и ненависть к боярству. Бояре, посеявшие ветер интриг, в итоге пожали бурю возмездия: корыстолюбие, чванство и угодничество бумерангом поразили тех, кто забыл о своем предназначении – служить Отечеству и государю.

К шестнадцати годам Иван, подобно своему отцу, начал приближать к себе новых людей (дьяков), не имевших родовых притязаний.

Шестнадцатого января 1547 г. Иван IV первым из русских великих князей венчался на царство. По мнению Соловьева, «Иоанн был первым царем не потому только, что первый принял царственный титул, но потому, что первый осознал вполне все значение царской власти, первый, так сказать, составил ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически».[20]

Царский титул позволял занять более высокую позицию в дипломатических сношениях с западными странами, где «великий князь» толковали обычно как «принц» или же как «великий герцог». А «царь» («король») приравнивался к титулу «император», и, соответственно, его обладатель в глазах Европы поднимался на верхнюю ступень властной иерархии.

В правление Ивана IV происходило интенсивное развитие специальных силовых общегосударственных институтов, предтечей которых являлись «личные службы» великих князей. Личная охрана царя в этот период также приобрела общегосударственный статус. Специальные службы, ведавшие вопросами безопасности первого лица государства, зачастую играли в истории России (как и любой монархии) крайне важную роль. Это объясняется тем, что при персонификации власти смена царя (а впоследствии императора) влекла за собой изменение государственной политики.

В первые годы царствования Ивана IV дипломатия, разведка, контрразведка, политический и уголовный сыск часто шли рука об руку, поскольку число людей, допущенных к важнейшим царским (то есть государственным) секретам, было ограничено. С середины XVI в. ситуация начинает меняться. Одним из факторов, оказавших сильное влияние на 17-летнего Ивана, были беспорядки посадских людей в июне 1547 г., иногда именуемые Московским восстанием.

Волнения начались после нескольких крупных пожаров и распространения слухов, что город спалили колдовством. Двадцать первого июня на Соборной площади толпа растерзала «колдуна» Ю. В. Глинского. Распространением слухов занималась группа заговорщиков в числе которых были князья Ф. И. Скопин-Шуйский и Ю. И. Темкин-Ростовский, бояре Г. Ю. Захарьин-Юрьев и И. П. Федоров-Челяднин, окольничий Ф. М. Нагой и царский духовник Ф. Бармин. Двадцать девятого июня вооруженные москвичи подошли к селу Воробьево, куда юный царь бежал со свитой, и потребовали выдачи Глинских, по их мнению, повинных в московском пожаре. С большим трудом Ивану удалось уговорить восставших разойтись, убеждая их, что истинных виновников пожаров в Воробьеве нет. Это событие стало для царя серьезным испытанием. Позже он вспоминал, что в его душу вошел страх, «трепет в кости», и дух его «смирился». Но едва опасность миновала, царь приказал арестовать главных заговорщиков и казнить их.

Московские события показали юному царю разительное несоответствие между его представлениями о власти и реальным положением дел. В феврале 1549 г. царь созвал Земский собор, на котором присутствовали представители всех сословий. Первые реформы Ивана IV связаны с именами митрополита Макария, священника придворного Благовещенского собора Сильвестра и дворянина А. Ф. Адашева. Кроме них, в разработке и проведении реформ участвовали Д. И. Курлятев, И. В. Шереметев и А. И. Курбский. Собор принял решение о создании нового единого государственного свода законов – *Судебника 1550 г.*, в основу которого был положен Судебник Ивана III 1497 г., но расширенный и лучше систематизированный.

Параллельно начались изменения в военной области: первые упоминания об *Оружейном приказе* относятся к 1547 г. В приказе, который ведал изготовлением, закупкой и хранением оружия, кроме пушек, служили несколько десятков человек, в основном мастера-оружейники.

Для обеспечения реформы государственного аппарата создаются приказы, имевшие судебно-полицейские функции; первым из них в 1549 г. был основан *Челобитный приказ*. В приказе рассматривались жалобы дворян и детей боярских, которые по Судебнику 1550 г. получили право обращаться непосредственно к суду царя; он служил апелляционной инстанцией по обжалованию решений, вынесенных нижестоящими судебными органами; контролировал деятельность других государственных учреждений и должностных лиц государства.

Изменения в социально-экономической сфере были направлены и на обеспечение землей дворян – нового служилого сословия, призванного стать опорой государства. Основу вооруженных сил составляло теперь конное ополчение землевладельцев, выходивших на службу «конно, людно и оружно».

Главой Челобитного приказа стал А. Ф. Адашев, вместе с Сильвестром в начале реформ оказывавший наибольшее влияние на царя. О его влиянии говорит тот факт, что в 1552 г. Адашев служил постельничим Ивана IV. Постельничий был ближайшим советником государя, сопровождал его при выходах из дворца, спал и дежурил в царских покоях. Как показывают исторические примеры, подобным доверием государей пользовался ограниченный круг людей, в первую очередь начальники личной охраны.

В 1550 г. Иван IV издал указ «*Об испомещении в Московском и окружающих уездах избранной тысячи служилых людей*». Указ стал основой для создания корпуса «выборных стрельцов из пищали», обязанных всегда быть наготове для исполнения ответственных поручений. Стрельцы представляли собой содержавшееся казной регулярное войско (шесть полков), вооруженное пищалями – новейшим по тем временам огнестрельным оружием. Наряду с другими обязанностями стрельцы несли охрану государя.

Одним из важнейших решений Ивана IV было создание в 1549 г. *Посольского приказа*, ведавшего международными отношениями, в том числе политической и военной разведкой в иностранных государствах. Во главе приказа поставили подьячего И. М. Висковатого, первым делом занявшегося созданием Царского архива, куда поступили бумаги великих и удельных князей, документы внешнеполитического характера, следственные материалы. Таким образом, к середине XVI в. был создан первый общегосударственный центр хранения, учета и анализа конфиденциальной информации, то есть положено начало систематизированной информационно-аналитической службе, основывавшей свою деятельность как на внутренних архивных документах, так и на документах, тем или иным способом попадавших в государство Российское.

В конце 1553 г. Посольскому приказу и его главе пришлось выполнять важную миссию, связанную с приемом первого английского представительства в России. В августе корабль Ричарда Ченслора вошел в Двинский залив и пристал к берегу в бухте Св. Николая, где в ту пору стоял Николо-Корельский монастырь.[21] Англичане заявили местным властям, что

привезли письмо к русскому царю от своего короля, и в Москву с известием об этом немедленно был отправлен гонец. В конце 1553 г. Ченслор передал Ивану IV грамоту, обращенную ко всем северным и восточным государям. В феврале 1554 г. визитер отправился в Англию с ответом русского царя. С этого момента возрастает политическое значение Вологды, которая становится начальным пунктом водного пути по Сухоне и Северной Двине к Белому морю, а оттуда в Западную Европу.

В 1555 г. в Москве произошло несколько важных событий. Главной проблемой, с которой сталкивался царь при назначении командного состава, являлось местничество – обычай занимать командные посты в зависимости от древности рода, а не от знаний и военных заслуг. Созданный в 1555 г. *Разрядный приказ* должен был в определенной мере нивелировать негативные последствия, связанные с местничеством. Приказ ведал обороной государства, обеспечивал сбор дворянского ополчения и назначал воевод; руководил приказом дьяк И. Г. Выродков.

Тогда же была образована *Разбойная изба*, на которую возлагалось проведение сыска и следствия по делам уголовного (разбойного и душегубного) и политического (изменнического) характера.

Термином «сыск» в России вплоть до 1917 г. обозначались специальные мероприятия не процессуального характера по установлению и обнаружению неизвестных или скрывающихся преступников. Во второй половине XVI в. во главе Разбойной избы в разное время находились бояре Д. И. Курлятев, И. М. Воронцов, И. А. Булгаков.

В этом же 1555 г. Р. Ченслор прибыл в Россию на двух кораблях с поверенными образованного в Англии Московского общества, чтобы заключить торговый договор с русским царем. Иван IV выдал англичанам торговую грамоту, объявив, что они могут торговать во всех городах России свободно и беспошлинно. Торговые дома Московской компании появились создавались в Холмогорах и в Вологде. Это был большой успех английской дипломатии и английской разведки.

В 1556 г. Ченслор отплыл в Англию с караваном из четырех загруженных товарами кораблей, на одном из которых находился русский посол вологжанин Осип Григорьевич Непея. Так вышло, что Лондона достиг только корабль с послом, остальные утонули во время бури, погиб и Ричард Ченслор.

В 1557 г. Непея вместе с английским послом Энтони Дженкинсоном вернулся в Россию. В Москву они привезли «мастеров многих, дохторов, злату и серебру искателей и иных многих мастеров», в числе которых был ученый-физик Стандиш.

Последний имел множество бесед с русским царем, и Ивана IV особенно интересовали вопросы изготовления «огненного зелья».

Между тем работа английской разведки продолжалась. В 1558–1560 гг. Дженкинсон, получив от Ивана IV охранные грамоты, совершил путешествие из Москвы по Волге до Каспийского моря и обратно. Результатом его поездки стали не только официальные отчеты, но и самая подробная на тот момент карта России, Каспийского моря и прилегающих территорий, изданная в Лондоне в 1562 г. под названием «*Описание Московии, России и Татарии*».

Несколько позже разведку в западных российских землях начали иезуиты, которые в 1564 г. утвердились в Речи Посполитой.

Чтобы обеспечить принятие выгодного для России решения во время Ливонской войны 1558–1583 гг., наряду с обычными дипломатическими средствами того времени Висковатый в 1562 г. привлек на свою сторону приближенных датского короля, которых, пользуясь современной терминологией, можно называть «агентами влияния» политики русского государя.

А в 1567 г. в Китай прибыло первое официальное русское посольство.

Одной из наиболее интересных военно-политических разработок, реализованных в правление Ивана IV, следует считать систему обеспечения охраны южных рубежей государства. Во второй половине XVI в. пространство между верховьями Оки и Дона таило угрозу вторжений со стороны Крымского ханства. Требовалось коренным образом улучшить оборону на этом участке. Одним из организаторов пограничной стражи был «государев слуга и воевода» М. И. Воротынский. Под его руководством во второй половине XVI в. была создана Большая засечная черта, в народе называвшаяся Поясом Богородицы. Задачей крепостных гарнизонов было не допустить прорыва степняков к центру Московского государства по так называемому Муравскому шляху, который начинался у Перекопа и выходил к Туле.

К середине XVI в. ручное огнестрельное оружие занимало значительное место в арсенале русского воинства, а стрелецкое войско составляло одну десятую часть всей армии. Главой оружейного дела являлся боярин-оружничий, начальник Оружейного приказа, ведавший вопросами производства стрелкового оружия. В его распоряжении находилась особая группа «самопальных государевых стрелков», в которую принимали без сословных ограничений. Служивший в конце XIX в. помощником директора Оружейной палаты полковник Л.

П. Яковлев, опираясь на архивные документы, писал, что кандидатов в стрелки отбирали из молодых, ловких, сильных, грамотных людей разного звания, умевших стрелять из пищалей.

Для поступления в стрелковую команду желающий подавал главе Оружейного приказа челобитную, где описывал свои положительные качества и способности, после чего опытные стрелки принимали у него экзамен по стрельбе. Испытание проводили в поле пятью выстрелами на расстоянии в 25 саженей (53 м), мишенью служил квадрат со стороной в четверть сажени (53 см) и центральным кругом диаметром в полвершка (около 2 см). «Экзаменаторы» давали заключение, оценивая как профессиональные, так и моральные качества кандидата, поскольку стрелки входили в ближайшее окружение государя.

На вооружении государевых стрелков находилось не только гладкоствольное, но и нарезное оружие – винтовальные (или винтованные) пищали, которые в зависимости от числа нарезов назывались «шестерики» и «восьмерики». Дальность стрельбы из нарезных ружей была больше, чем из гладкоствольных, в два раза, а кучность – в четыре-пять раз, что фактически делало мастеров «огненного боя из пищали» снайперским подразделением, обеспечивавшим безопасность государя и способным выполнять «особые поручения».

В «*Описи Московской Оружейной палаты*»[22] имеется более десяти образцов нарезного длинноствольного оружия XVI в. Указанные образцы имеют калибр 3,3–4 линии (8,4–10,2 мм) и длину ствола 35–40 дюймов (600–1015 мм). Некоторые образцы оружия в «Описи…» названы аркебузами, одна из них принадлежала князьям В. В. и А. В. Голициным. Число нарезов не всегда было четным: некоторые образцы имеют семь нарезов.

Э. Дженкинсон, представлявший в Москве интересы английской Московской компании и английской разведки, в 1557 г. был свидетелем стрелкового смотра. Он писал:

«В поле, за предместьями Москвы <…> для стрельбы из ручного огнестрельного оружия был устроен род ледяного вала в шесть футов (183 см)[23] вышиною и четверть мили (400 м) длиною из кусков льда толщиною в два фута (31 см). В шестидесяти ярдах (55 м) перед валом были сделаны на небольших кольях подмостки, назначенные для помещения самих стрелков. <…> Когда царь занял свое место, пищальщики направились к упомянутым выше мосткам и, выстроившись на них, открыли огонь по ледяным мишеням, стрельба их продолжалась до тех пор, пока последние не были окончательно разбиты пулями».[24]

Таким образом, с полной уверенностью можно говорить, что

уже во второй половине XVI в. в окружении первого русского царя было сформировано элитное стрелковое подразделение со снайперской подготовкой, готовое выполнять личные специальные задания правителя и постоянно совершенствовавшее свои знания и практические навыки. Представляя, какой опале или казни мог подвергнуть нерадивого слугу (читай – холопа) государь, можно достаточно уверенно утверждать, что уровень практической, теоретической и моральной подготовки ближних государевых стрелков соответствовал требованиям того времени, а возможно, в чем-то и превосходил среднестатистические стандарты. При этом, конечно, надо понимать, что высокий уровень подготовки был характерен только для ограниченного круга допущенных к царской особе доверенных лиц. Общий уровень подготовки остальной части стрелецкого войска был на порядок ниже.

В тот же период в Европе, а затем и в России получило распространение короткоствольное огнестрельное оружие: пистолеты (пистоли) с колесцовым, а позднее кремневым замком; оно пользовалось популярностью не только у военных, но и у горожан. Во многих странах и отдельных городах Европы власти, обеспокоенные возможностью применения «дьявольского оружия» для осуществления политических убийств, запрещали владение пистолетами без специального разрешения; карой служило публичное отрубание руки. Однако повсеместное распространение нового оружия сдерживали не столько репрессивные меры, сколько его высокая стоимость: даже в армиях крупных государств того времени лишь в отдельные привилегированные кавалерийские подразделения поступали на вооружение пистолеты.

Уже в XVI в. изготавливались многозарядные пистолеты. В указанной «Описи…» числится «револьвер германский, XVI в., о трех выстрелах…».[25] Указанный образец имел трехзарядный барабан, вращающийся на специальной оси. Калибр оружия – 6,5 линий (16,5 мм), длина ствола – 9,5 дюймов (240 мм). Чаще всего истинные возможности короткоствольного (особенно многозарядного) оружия наиболее адекватно оценивались в большинстве тех государственных и «не совсем государственных» структур, которые в настоящее время определяются как «специальные».

Что касается борьбы с «врагами внутренними», то уже в 1559–1560 гг. царь использовал главу Посольского приказа Висковатого в качестве противовеса Адашеву и Сильвестру. Как это часто бывает и в наши дни, через десять лет преданной службы они были подвергнуты опале. Иван IV впоследствии писал, что они-де

«государились, как хотели», а с него «государство сняли», что он был государем на словах, а не на деле. Возможно, в основе решения об опале лежало стремление царя проводить абсолютно самостоятельную – самодержавную – политику. Также вероятно, что опала была следствием интриг со стороны родовитых бояр, недовольных политикой царских фаворитов. В 1560 г. Сильвестр был отправлен в ссылку, а Адашев арестован и при малоизвестных обстоятельствах умер в 1561 г.

В области сыска также происходили структурные изменения. Разбойная изба перестала быть монополистом. В 1564 г. был создан *Земский приказ*, рассматривавший разбойные и «татейные» дела по Москве и Московскому уезду, в обязанности приказа входило и наблюдение за безопасностью и порядком в столице и окрестностях. В селе Коралово (ранее Караулово), которое принадлежало одно время возглавлявшему «татейный» сыск дьяку Бухвостову, в XVIII в., при перестройке дворов князьями Васильчиковыми, новыми владельцами земель, была обнаружена подземная церковь и напоминающие камеры для заключенных кельи времен Ивана Грозного. Можно предположить, что в них, в условиях строжайшей тайны даже от ближайшего окружения царя, содержались лица, обвиненные в государственной измене; не исключено, что там же происходили секретные допросы, чинились секретные казни, а отпевали казненных в тайной подземной церкви.

В 1564 г. один из воевод, князь Андрей Курбский, командовавший русскими войсками в Ливонии, переходит на сторону врага, выдает агентов царя и участвует в наступательных действиях поляков и литовцев. Измена Курбского укрепляет Ивана IV в мысли, что против него составлен заговор, а бояре не только желают прекращения войны, но и замышляют его убить. Страх заговора, а также постоянные междоусобицы в царском окружении и сопротивление представителей старинных боярских родов, препятствовавших выдвижению новых людей, убеждают правителя в необходимости сломать устоявшиеся порядки.

В декабре 1564 г. Иван с семьей, в сопровождении заранее отобранных бояр и дворян, направился в летнюю резиденцию – Александровскую слободу, – откуда послал в Москву две грамоты. В первой, адресованной боярам, духовенству и служилым людям, он обвинил всех перечисленных в изменах и потворстве изменам, во второй объявил московским посадским людям, что у него «гневу на них и опалы нет». После публичного прочтения грамот на Красной площади посадские потребовали, чтобы царя уговорили вернуться на престол, грозя в противном случае истребить «лиходеев и изменников». Через несколько дней Иван

Грозный принял делегацию духовенства и боярства и согласился вернуться, выдвинув следующее условие: одних «изменников» подвергнуть опале, других – казнить и «учинити» опричнину.

По этому поводу у историков есть два взаимоисключающих мнения: первое – опричнина обусловлена личными качествами царя и не имела политического смысла (В. О. Ключевский, С. Б. Веселовский, И. Я. Фроянов); второе – опричнина направлена против социально-политических сил, противостоявших усилению самодержавия (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, Р. Г. Скрынников).

Опричнина (по В. Далю – отдельность), особая форма царского управления, отсекавшая представителей старой боярской элиты от принятия важнейших государственных решений, была установлена в 1565 г. Отметим, что политическое обеспечение новой формы правления выполнено блестяще. Введение нового института было подготовлено мнимым удалением Ивана IV от государственных дел и созданием с помощью царских грамот и доверенных людей общественного мнения, что самоустранение царя есть гибель его подданных. Таким образом, опричнина вводилась повелением правителя, но при широкой поддержке социально значимых слоев населения, включая духовенство, бояр и армию. Мы полагаем, что в данном случае следует говорить о проведении специальной психологической операции, направленной на формирование необходимого царю общественного мнения. Напрашивается вывод, что уже в XVI в. при выполнении важнейших государственных специальных операций использовалась серьезная система подготовки, включающей формирование общественного мнения и проведение активных мероприятий.

Взятые в опричнину «князья, бояре, дети боярские, дворовые и городовые» стали новой царской ближней дружиной, которая наряду с гражданскими государственными обязанностями выполняла специальные функции. Особый корпус опричной стражи сочетал функции личной охраны (вместо рынд Ивана III), оперативно-следственного и карательного аппарата по отношению к заподозренным в государственной измене вельможам и отборного военного подразделения. Первоначально в опричное войско взяли тысячу служилых людей и представителей некоторых старых княжеских и боярских родов. Для устрашения недовольных опричники привязывали к седлу собачью голову и метлу, показывая всем, что они грызут «государевых изменников» и выметают измену. Во главе корпуса опричников царь первоначально поставил воеводу А. Д. Басманова.

Одним из основных опорных пунктов Ивана IV (по сути,

резервной столицей «опричного удела») становится Вологда. Вологодские краеведы, опираясь на исторические и археологические исследования, так повествуют об истории вологодского кремля:

«На участке, выбранном для нового кремля, в 1565 г. начинаются грандиозные земляные и строительные работы: „Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич в бытность свою на Вологде повелел рвы копать, и сваи уготавлять, и место чистить, где быть грацким стенам каменного здания“ (ПСРЛ.[26] – Т. 37. – С. 196). Строительство осложнялось необходимостью подведения во рвы проточной воды <…>. Это было достигнуто за счет изменения русла речки Содемы в нижнем ее течении. В настоящее время этот участок называется рекой Золотухой. В 1566 г. Иван Грозный „повелел заложить град каменный, и его, великого государя, повелением заложен град апреля 28 день на памяти святых апостолов Иассона и Сосипатра“ (ПСРЛ. – Т. 37. – С. 196–197). <…> Историк Р. Г. Скрынников отмечает, что в Вологду привозят 300 пушек (!!!), отлитых на московском Пушечном дворе, а в гарнизоне крепости, кроме дворян, постоянно присутствуют 500 стрельцов. В работах участвуют выписанные из Англии специалисты. Есть основания считать, что Иван IV не чувствовал себя в достаточной безопасности даже в возводимой крепости. Предпринимается строительство флотилии на случай экстренного отъезда царя в Англию – об этом упоминается в местном летописце. <…>

Ниже кремля по р. Вологда часть города, где находились склады товаров и строились корабли, отделяется от напольной стороны рвом, известным ныне как р. Копанка. Он имел в длину 1,8 км и соединял р. Шограш и ров Золотуха. К настоящему времени часть Копанки засыпана. Судя по рельефу местности, она не могла быть водоводом, а являлась рубежом обороны нижней части города. Длина рвов с трех сторон кремля составила 2,2 км, с четвертой крепость проходила по правому берегу р. Вологда. Общая длина стен составляла более 3 км, они проходили по берегу Вологды, левому берегу Золотухи и далее – по направлению современных улиц Октябрьской и Ленинградской. Задуманная в камне крепость не была построена. Каменными были стены по берегу Золотухи, частично по улице Ленинградской, остальные – деревянные. По реконструкции Н. В. Фалина, в пояс стен входили 23 башни, из которых семь были проездными. Есть и другие мнения по вопросу о количестве башен. Высота каменных стен была от 2 до 8 м, деревянных – 5–9 м. Поверх каменных стен были нарублены деревянные „тарасы“. Примерно в таком виде крепость просуществовала сто лет. <…>

В настоящее время от Вологодского кремля времени Ивана Грозного, в два раза превосходившего по площади современный Московский Кремль, остались только следы древних рвов».[27]

В 1569–1570 гг. Иван IV предпринял карательную экспедицию против Твери и Новгорода. Историки до сих пор спорят по поводу причин, побудивших царя предать тверские и новгородские земли «огню и мечу». Доминируют две точки зрения:

1) поход связан с очередным «безумством» царя, решившим потешить себя кровавыми оргиями;

2) поход предпринят для наказания непокорных земель…

У авторов есть собственная версия этих событий. Как доказывают исторические документы, даже после введения опричнины государь не чувствовал себя в абсолютной безопасности. В 1567 г. он отправил в качестве посла к королеве Англии Елизавете с секретным поручением упоминавшегося выше Э. Дженкинсона. Посол доложил своей королеве:

«Далее царь просит убедительно, чтобы между им и ея корол[евским] вел[ичест]вом было учинено клятвенное обещание, что если бы с кем-либо из них случилась какая-либо беда, то каждый из них имеет право прибыть в страну другаго для сбережения себя и своей жизни, и жить там и иметь убежище без боязни и опасности до того времени, пока беда не минует и Бог не устроит иначе, и что один будет принят другим с почетом. И хранить это в величайшей тайне».[28]

Таким образом, в царском послании речь идет о взаимном предоставлении политического убежища.

Обращают на себя внимание два момента: поручение дано английскому подданному; посол передает слова царя, обращенные к королеве, устно. Эти факты указывают на необычайно высокий уровень секретности царского послания. При этом Дженкинсон сильно рисковал. Будь он перехвачен недругами русского царя и расскажи им о своей миссии, его, скорее всего, объявили бы изменником, а русский царь имел бы полное право потребовать у своей царственной «сестры» голову хулителя, поскольку никаких письменных подтверждений своим словам последний предоставить не смог бы.

Поскольку сообщение передавалось устно, Елизавета усомнилась в его правдивости. Было ли это искреннее сомнение или только политическая игра мудрой дамы, неизвестно, но оно нашло отражение в наставлениях, данных Елизаветой специальному послу Томасу Рандольфу в июне 1568 г.:

«И вы скажите, что упомянутый слуга наш Антон Дженкинсон под великою тайной сказал нам о желании царя иметь с нами такую дружбу, что если бы по какому-либо бедствию одному из

нас случилось искать убежище вне наших собственных стран, то в таком случае другой должен принять защиту его. По этому предмету вы скажите, что мы подумали, что упомянутый наш слуга Ант. Дженкинсон не уразумел слова царя. Ибо, хотя мы полагаем весьма достоверным, что царь мог сделать сказанному нашему слуге предложение о содержании между нами дружбы и любви, но с одной стороны, уповая на милость Божию, всегда нам являемую, мы ни мало не сомневаемся в продолжении мира в нашем правлении, не опасаясь ни наших подданных, ни кого-либо из иностранных врагов; с другой стороны, нам не известно что-либо противное сему и о положении царя, о могуществе и мудрости которого получаем лучшия донесения от наших подданных, торгующих в его государстве. Поэтому мы полагаем, что упомянутый слуга наш ошибочно понял значение сказанных ему царем речей. Тем не менее, однако, для яснейшего уразумения его намерений мы повелели вам повторить ему это дело, точно узнать его волю и уверить его, что если бы в правление его произошло какое-либо несчастье (так как все под небом, по воле Божьей, подвержено переменам), мы уверяем его, что он будет дружески принят в наших владениях и найдет в нас надежную дружбу для поддержания всех его справедливых исканий, столь же верно, как если бы он имел от нас нарочныя о сем грамоты и обязательства, подписанные нашею рукою и припечатанные нашею печатью».[29]

Из приведенного отрывка следует: несмотря на сомнения, Елизавета дала послу четкое указание о своем согласии предоставить Ивану IV политическое убежище. Согласие также было передано устно, что позволяло сохранить сообщение в тайне даже от ближайшего окружения русского царя.

В 1569 г. Иван IV направил в Англию с тайным посольством дворянина Андрея Григорьевича Совина. Летом 1570 г. тот привез царю грамоту от 18 мая, подтверждавшую предоставление убежища для самого Грозного, его семьи и его приближенных во владениях английской королевы.

Этот документ чрезвычайной государственной важности приводим как яркий образец тайной дипломатии:

«Отправив в другой грамоте (где речь идет об отказе в заключении военно-политического союза. – *Примеч. авт.*), отданной посланнику вашего выс[очест]ва благородному Андрею Григорьевичу Совину, на большую часть поручений изустных и письменных, привезенных и объявленных нам тем посланником, мы сочли за благо, во изъявление нашего доброжелательства к благосостоянию и безопасности вашего выс[очест]ва, отправить к вашему выс[очест]ву сию нашу тайную грамоту, о которой кроме

нас самих ведомо только самому тайному нашему совету. Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и вел[икий] князь, что предлагаем, чтобы если бы когда-либо постигла вас, господин брат наш царь и вел[икий] князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что вы будете вынуждены покинуть ваши страны и пожелаете прибыть в наше королевство и в наши владения с благородною царицею, супругою вашею, и с вашими любезными детьми, князьями, – мы примем и будем содержать ваше выс[очест]во с такими почестями и учтивостями, какия приличествуют столь высокому государю, и будем усердно стараться все устроить, в угодность желанию вашего вел[ичест]ва, к свободному и спокойному провождению жизни вашего выс[очест]ва со всеми теми, которых вы с собою привезете. Вам, царь и вел[икий] князь, предоставлено будет исполнять Христианский закон, как вам будет угодно; и мы не посягнем ни в каком отношении на оскорбление вашего вел[ичест]ва или кого-либо из ваших подданных, не окажем никакого вмешательства в веру и в закон вашего выс[очест]ва, ни же отлучим ваше выс[очест]во от ваших домочадцев или допустим насильное отнятие от вас кого либо из ваших.

Сверх того мы назначаем вам, царь и вел[икий] князь, в нашем королевстве место для содержания на вашем собственном счете на все время, пока вам будет угодно оставаться у нас.

Если же вы, царь и вел[икий] князь, признаете за благо отъехать из наших стран, мы предоставим вам со всеми вашими отъехать в ваше ли Московское царство или в иное место, куда вы признаете за лучшее проехать через наши владения и страны. Мы не будем никоим образом останавливать и задерживать вас, но со всякими пособиями и угождениями дадим вам, любезный наш брат царь и вел[икий] князь, пропуск в наши страны или иное место по вашему благоусмотрению.

Обращаем сие по силе сей грамоты и словом Христианского Государя, во свидетельство чего и в большее укрепление сей нашей грамоты, мы, корол[ева] Елисавета, подписываем оную собственною нашею рукою в присутствии нижепоименованных вельмож наших и советников <…> и привесили к оной нашу малую печать, обещаясь, что мы будем единодушно сражаться нашими общими силами противу наших общих врагов и будем исполнять всякую и отдельно каждую из статей, упоминаемых в сем писании, дотоле пока Бог дарует нам жизнь; и сие государским словом обещаем».[30]

Таким образом, летом 1570 г. Иван Грозный получил секретный документ, гарантирующий ему, членам его семьи и приближенным предоставление политического убежища в

Англии. Но получить согласие на прибытие в другую страну – только половина дела. Кроме этого следует определить точный (литерный) маршрут и провести достаточно сложные организационные и оперативные мероприятия по реализации задуманного плана.

В XVI в. из Москвы на север можно было попасть только по рекам Вологда, Сухона и Северная Двина. Иван Грозный приказал строить корабли в Вологде. Верфи и корабли возводились под строжайшим секретом, в строительстве принимали участие английские специалисты. Служащий Английской торговой компании Джером Горсей вспоминал о беседе с Иваном IV, состоявшейся в конце 1579 – начале 1580 г.

Царь «спросил меня, видел ли я большие суда и барки (*barcks*) у Вологды. Я сказал, что видел.

– Какой изменник показал их тебе?

– Слава их такова, что люди стекались посмотреть их в праздник, и я с толпой пришел полюбоваться на их странные украшения и необыкновенные размеры…

– Хитрый малый, хвалит искусство своих же соотечественников, – сказал царь стоящему рядом любимцу. – Все правильно, ты, кажется, успел хорошо их рассмотреть. Сколько их?

– Ваше Величество, я видел около двадцати.

– В скором времени ты их увидишь сорок, не хуже, чем те».[31]

Вопрос царя о количестве судов вовсе не праздный и был задан не из желания похвастаться перед гостем. Английский торговый агент М. Локк писал, что в первой половине 1570-х гг. только из одного царского дворца было вывезено до четырех тысяч телег с драгоценностями. Горсей в «Записках…» также свидетельствует, что Иван Грозный «построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях».[32]

Вышесказанное подтверждает, что Вологда являлась не только резервной царской ставкой и местом хранения государевой казны, но, базовым центром основного (литерного) маршрута эвакуации царской семьи из России в Англию. Мы полагаем, что поход Ивана Грозного в 1569–1570 гг. на Тверь, Медный, Торжок, Вышний Волочёк и Новгород одной из основных целей имел устранение потенциальной угрозы флангового удара по литерному маршруту в случае бегства царя из Москвы с небольшой дружиной. Жесткие карательные меры должны были максимально оградить царя и его немногочисленное окружение

во время возможной эвакуации от столь реальных смут и заговоров удельной оппозиции. Нельзя забывать и о том, что Новгород долго оставался оплотом свободомыслия и самоуправления, и на него внимательно смотрели соседние русские города, стараясь сориентироваться в сложной политической конъюнктуре того времени.

Превентивные меры по переселению «поближе к руке» наиболее ретивых оппонентов самодержавной власти, предпринятые за столетие до этого предками Грозного, и его карательные экспедиции содействовали укреплению безопасности престола, позволяли хитрому и подозрительному государю рассчитывать на успех в случае внезапной эвакуации из Москвы, делая невозможным повторение ситуации с Василием Темным.

Подготовка и проведение мероприятий, рассчитанных на обеспечение собственной безопасности и концентрацию власти в одних руках, красной нитью проходят через всю жизнь Ивана IV. Поэтому мы считаем высказанную версию вполне вероятной для тех условий, в которых осуществлялось управление российским государством во второй половине XVI в.

Таким образом, в царствование Ивана Грозного были не только заложены основы организации тайных маршрутов эвакуации представителей правящей фамилии, но и проработаны на международном уровне варианты тайных соглашений с дружественными государями. А строительство с помощью иностранных специалистов в «великой тайне» достаточно представительного флота и отправка части казны в надежные хранилища на случай внезапного отъезда лишний раз подчеркивают серьезность намерений правителя Московии и его «великое тщание» о безопасности собственной персоны как олицетворения государства.

На практике, как это часто повторялось в истории, репрессиям подвергались не только виноватые, но и совершенно невиновные. Разделавшись с земской оппозицией, государь переключился на поиск «врагов» среди приказной бюрократии. При дворе заметно набирали силу братья Щелкаловы, которые сыграли не последнюю роль в опале И. М. Висковатого. В 1570 г. Иван Михайлович открыл печальный список руководителей и сотрудников секретных служб России, получивших в качестве награды за верную и безупречную службу «высшую меру». В том же году в опалу попал и дьяк Посольского приказа О. Г. Непея, который, к счастью, не погиб, а «всего лишь» был сослан в Вологду.

Жертвами наветов или подозрений царя стали многие люди, причем не только из боярского сословия. Перепады от царской

милости к опале могли быть следствием конкуренции среди групп опричников, принадлежащих к разным оперативным подразделениям. Не избежали репрессий и многие из опричников, в том числе высокопоставленные. Так, А. Д. Басманова в 1570 г. по приказу царя убил собственный сын, Ф. А. Басманов.

Во главе корпуса опричников встал Г. Л. Скуратов-Бельский, а младший Басманов вошел в круг доверенных людей царя. Еще одним приближенным опричником был В. Г. Грязной.

В числе опричников были не только русские подданные, но и иноземцы, в первую очередь выходцы из «немецких земель», например Краузе, Таубе и Г. Штаден.[33]

Опричнина утвердила неограниченную власть царя – самодержавие, но в области военного дела она показала свою полную неэффективность, проявившуюся во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, что привело к ее отмене Иваном Грозным в 1571 г.

В том же царь поручил М. И. Воротынскому и боярину Н. Р. Юрьеву (деду первого царя из династии Романовых) провести съезд служилых людей из пограничных городов и выработать план защиты южных границ.[34] Для регламентации деятельности пограничной охраны 16 февраля 1571 г. был составлен «*Боярский приговор о станичной и сторожевой службе*», «чтоб воинские люди на государевы окраины войною безвестно не приходили».[35]

Поскольку степняки придерживались стратегии опустошения, а не завоевания, основной задачей русских являлось перекрытие коммуникаций маневренного противника. Система пограничной охраны и обороны опиралась на базовые крепостные укрепления, между которыми возводилась полоса из валов и засек, препятствовавшая перемещению конных орд. Для наблюдения за противником в Дикое поле, за линию укреплений, направлялись посты (заставы и «сторожи») и подвижные наряды (станицы, станы). Служба начиналась с 1 апреля и продолжалась до тех пор, пока не ляжет снег. Посты несли службу в три смены, сначала по шесть недель, затем по четыре, чтобы «сторужи без сторожей не были во весь год ни на один час».[36]

Станичники высылались в дозор на 15 дней и проходили до 200–250 верст. Если станицу «разгоняли» враги или станичники попадали в плен, на их место немедленно высылались другие. Служебные обязанности предписывалось выполнять в конном строю, каждый из станичников должен был иметь «справного» коня. Все крепостные гарнизоны, летучие отряды, заставы и население порубежья составляли единый военно-административный организм, функционировавший в

соответствии с условиями пограничной жизни.

Подобная организованность пограничной службы была бы невозможной без подробной регламентации, вобравшей многолетний практический опыт и предписывавшей крайнюю осмотрительность. Расположение застав следовало хранить в тайне, запрещалось делать станы и устраивать остановки в лесах и дважды разводить огонь в одном и том же месте. Эти меры позволяли вводить врага в заблуждение относительно численности и расположения постов охраны и приучали пограничников к бдительности. При обнаружении неприятеля дозорные должны были оповестить об опасности ближайший город или заставу и зайти в тыл противника для определения его численности и тактических намерений. Добытые сведения надлежало доставить по команде и продублировать соседним заставам. За недобросовестное отношение к служебным обязанностям охранники подвергались телесным наказаниям и денежным штрафам. «А которые сторожи, не дождавшись себе отмены с сторожи отъедут <…> быти казненными смертью».[37] Постепенно, от рубежа к рубежу, создавалась глубоко эшелонированная система активной охраны и обороны Московского государства, одной из задач которой являлось заблаговременное выявление угрозы и предупреждение об опасности.

Параллельно шло структурирование системы управления «специальными институтами» государства. В 1571 г. был учрежден *Стрелецкий приказ* (приказ Надворной пехоты), ведавший стрелецкими полками. Термин «надворной» (по одному из толкований – «придворной») указывал на высокий статус стрелецких полков, которые несли службу при дворе. А несколько позже появились *Бронный* (в 1573 г.) и *Пушкарский* (в 1577 г.) *приказы*.

В 1571 г. Разбойная изба была преобразована в *Разбойный приказ*, в состав приказа входили боярин или окольничий, дворянин и два дьяка. Приказ заведовал делами о разбоях, грабежах и убийствах, палачами, тюрьмами; ему были подчинены губные старосты; он заботился о поимке убийц, воров и разбойников во всей России, кроме Москвы. Дьяками Разбойного приказа были В. Я. Щелкалов, К. С. Мясоед (Вислово), У. А. Горсткин и Г. М. Станиславов. Тогда же был организован *Холопий приказ* для рассмотрения судебных дел холопов и ведения розыска беглых.

Но… ревностная и преданная служба государю не избавила от подозрений в измене даже М. И. Воротынского. В 1573 г. на него донес собственный слуга как на «чародея», злоумышлявшего

против Ивана IV. Князя схватили, пытали и полуживым отправили в ссылку на Белоозеро; по пути туда он скончался. Остается неизвестным, явилась ли его смерть следствием чрезмерного усердия «пытошных дел мастеров» или верного царева слугу умертвили в пути по тайному приказу.

Обострившийся конфликт с внутренней оппозицией заставляет царя в 1575 г. фактически возродить опричнину. Грозный вновь отрекается от трона, на который сажает татарского хана Симеона Бекбулатовича, а себя объявляет «князем московским» и разделяет страну на земщину и «удел». Пост кравчего получает Борис Федорович Годунов, сменивший казненного Ф. А. Басманова. Руководителями «новой» опричнины становятся и новые фавориты: Б. Я. Бельский и А. Ф. Нагой.

Примерно в то же время в составе российского войска появляется подразделение, состоявшее из иностранцев. Д. Горсей пишет, что он был одним из инициаторов создания подразделения наемников:

«Я отважился устроить так, чтобы царю рассказали о разнице между этими шотландцами, теперешними его пленниками, и шведами, поляками, ливонцами – его врагами. Они [шотландцы] представляли целую нацию странствующих искателей приключений, наемников на военную службу, готовых служить любому государю-христианину за содержание и жалованье, [я говорил, что] если Его Величеству будет угодно назначить им содержание, дать одежду и оружие, они могли бы доказать свою службу, показать свою доблесть в борьбе против его смертных врагов – крымских татар. <…> Вскоре лучшие воины из этих иностранцев были помилованы и отобраны, для каждой национальности был назначен свой начальник, для шотландцев – Джими Лингет (*Jeamy Lingett*), доблестный воин и благородный человек. Им дали деньги, одежду и назначили ежедневную порцию мяса и питья, дали лошадей, сено и овес, вооружили их мечами, ружьями и пистолями. <…> Двенадцать сотен этих солдат сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами. Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: „Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими паффами“».[38]

Как мы полагаем, тактические приемы, использовавшиеся принятыми на русскую службу иностранцами, являлись прямым следствием опыта, приобретенного наемниками в многочисленных европейских войнах между Англией, Испанией, Священной Римской империей и Францией первой половины XVI

в.

Судьба иностранных наемников весьма поучительна для потомков. Горсей пишет: «Позднее они получили жалованья и земли, на которых им разрешили поселиться, женились на прекрасных ливонских женщинах, обзавелись семьями и жили в милости у царя и его людей».[39]

Как мы видим из приведенных воспоминаний, политика царя по отношению к служилым иностранцам заключалась в том, чтобы постепенно сделать их полноправными российскими подданными. Не будучи связаны кровными узами со старой боярской знатью, своим благополучием они были полностью обязаны царю. Эту традицию продолжил Борис Годунов, а в Российской империи Романовых она существовала на протяжении нескольких веков.

Но были и другие иностранцы. Так, у царя служил придворный аптекарь и астролог Елисей Бомелий, по некоторым данным, родившийся в Вестфалии и обучавшийся в Кембридже. Он умел готовить яд, который действовал не сразу, а спустя некоторое время. Это не давало установить причинно-следственную связь между бокалом вина и смертью выпившего его человека. По сведениям немецких наемников Таубе и Краузе, служивших в те годы московскому царю, Бомелий отравил по приказу царя до ста опричников. В 1580 г. лейб-медик решил покинуть царя и предпринял попытку сбежать из Москвы, но неудачно. Его поймали, вернули в столицу и жестоко казнили в назидание другим. Приведенный пример показывает, что люди, допущенные к сокровенным государевым тайнам, находились под неусыпным контролем, пренебрегать которым было крайне рискованно.

Во второй половине XVI в. значительно усилилось влияние иезуитов в Польше, где они основали несколько учебных заведений и издали около 350 теологических, философских, катехизических и проповеднических сочинений – мощнейшая подпитка для идеологического обеспечения информационной войны. А в 1577 г. папа Григорий XIII из дал буллу об образовании Греческой коллегии, в которой должны были обучаться воспитанники из восточнославянских земель: Польши, Ливонии и Московии. И все это в условиях продолжавшейся Ливонской войны.

Зимой 1580 г. Иван Грозный направил Горсея с тайной миссией к королеве Елизавете. Суть обращения заключалась в просьбе о скорейшей доставке в Россию пороха, свинца и других военных материалов. Выбор гонца обусловливался тем, что царь определенно доверял иностранцу; кроме того, Горсей знал

несколько европейских языков.

Секретное послание было спрятано Горсеем и царским секретарем Савелием Фроловым в двойном дне деревянной фляги для водки. Сама фляга была так дешева, что не представляла интереса для потенциальных грабителей. Однако меры безопасности не ограничивались закладкой послания в тайник. На расходы посол получил 400 золотых венгерских дукатов (сумма достаточно серьезная для того времени), которые зашил в обувь и старое платье. До границ Московского государства Горсея сопровождал вооруженный отряд.

Скорость передвижения была просто фантастической: Горсей указывает, что проехал 600 миль (960 км) за три дня! (В день колонна преодолевала примерно 200 миль, или 320 километров.) Подобный темп движения был бы невозможен без многократной замены уставших лошадей. Следовательно, лошади и провиант были подготовлены и оставлены в заранее определенных местах.

Когда Горсей прибыл на Моонзунд, его арестовали, но после общения с комендантом Аренсбурга выпустили на свободу. Помогло в этом письмо дочери коменданта, которая находилась в Москве и отзывалась о Горсее как о своем покровителе. Отметим, что письмо комендант получил еще до того, как встретился с Горсеем. Это можно было бы посчитать случайностью, но на пути царского посланника не раз «чудесным образом» оказывались люди, которые были ему чем-то обязаны.

Приведенные факты доказывают, что миссия планировалась заранее и тщательно готовилась тайными службами русского царя, хорошо ориентировавшимися в «лоскутной» политике Европы того времени. Горсей нигде не встретил серьезных осложнений и продвигался по маршруту, еще раз повторим, крайне быстро.

В заключении отметим, что миссия завершилась полным успехом: весной 1580 г. Горсей без потерь привел караван из тринадцати судов с необходимыми для России грузами в бухту Св. Николая (где в 1584 г. будет основан Архангельск). И еще одна маленькая деталь: Елизавета зачислила Горсея в число своих личных телохранителей.

Восемнадцатого марта 1584 г. Иван Грозный скончался. По поводу его смерти существуют несколько версий. Одни предполагают, что царя задушили, другие – что его отравили, третьи говорят, что насильственная смерть Ивана вероятна, но не доказана. Если царя действительно убили, то это не могло произойти без участия некоторых лиц из его ближайшего окружения. В пользу версии об отравлении говорят исследования известного антрополога М. М. Герасимова, обнаружившего в

костных останках наличие ртути. Впрочем, нельзя забывать, что во многих лекарствах того времени ртуть присутствовала как лечебный компонент и при длительном употреблении неминуемо накапливалась в организме. Об удушении царя писал Горсей, живший в то время в Москве.

Как бы то ни было, члены Регентского совета, назначенные по завещанию Ивана IV в качестве помощников наследника престола – 27-летнего Федора Ивановича, начали действовать решительно, скорее всего, в соответствии с заранее составленным планом. В состав совета входили два Рюриковича – князья Иван Федорович Мстиславский и Иван Петрович Шуйский, – князь Богдан Яковлевич Бельский и два боярина – Никита Романович Захарьин-Юрьев и Борис Федорович Годунов. Основными распорядителями в Москве в день смерти Грозного стали Бельский и Годунов. В своих «Записках…» Горсей именует Годунова князем-правителем (*the prince protector*), указывает на его ведущую роль в это время и отмечает: «Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов».[40]

Начальники стрельцов получили приказ закрыть ворота, усилить охрану Кремля и зажечь фитили. Казна была опечатана, и к ней приставлена дополнительная охрана из верных людей. День и ночь столицу патрулировали 12 тысяч стрельцов. Горсей писал: «Они (новые правители. – *Авт.*) начали управлять и распоряжаться всеми делами, потребовали всюду описи всех богатств, золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов и книг годового дохода; были сменены казначеи, советники и служители во всех судах, также как и все воеводы…».[41]

На наш взгляд, все это может служить косвенным подтверждением версии о насильственной смерти Ивана IV, так как тактика действий членов Регентского совета говорит о глубокой, всесторонней, а следовательно, заблаговременной подготовке. Не исключено, однако, что ближайшее окружение просто хорошо знало об истинном состоянии здоровья царя и заранее готовилось взять власть в свои руки.

Вступивший 19 марта 1584 г. на престол Федор Иванович, сын Ивана Грозного и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, по слабости здоровья реальной власти не имел. А внутри Регентского (Опекунского) совета началась ожесточенная борьба за власть.

Бояре немедленно отправили «незаконную» седьмую жену Ивана Грозного, Марию Нагую, и ее малолетнего сына, царевича Дмитрия, в ссылку в Углич. Затем в схватке сошлись земский казначей П. И. Головин (его поддерживали бояре Голицыны,

Романовы, Шереметевы и Шуйские) и Б. Я. Бельский (опричники Годуновы, Трубецкие, Щелкаловы). Противники Бельского распустили в Москве слух, будто это он отравил царя, а теперь хочет извести Федора Ивановича и посадить на престол Бориса Годунова. Второго апреля в Москве вспыхнул бунт против Бельского, которого отправили в почетную ссылку – воеводой в Нижний Новгород. После этого Годунов заключил политический союз с Романовыми, которые приходились ему двоюродными братьями по материнской линии, и стал именоваться «правителем» государства (пока еще не царем).

Летом 1584 г. по делу «о государевой краденной казне» в Арзамас был сослан П. И. Головин, затем в «заговоре» против «правителя» поочередно обвинили: в 1585 г. – И. Ф. Мстиславского, в 1586 г. – И. П. Шуйского, которых также сослали. Возможно, читателю это покажется странным, но на их места назначили сыновей: Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского; своим назначением оба были обязаны лично Годунову. После смерти боярина Н. Р. Захарьина-Юрьева в 1587 г. его родственников также отправили подальше от Москвы.

Борис Федорович Годунов все уверенней пробирался к власти. Нельзя не отметить, что его возвышение началось с женитьбы на дочери Малюты Скуратова Марии, а его родная сестра Ирина с 1584 г. была женой Федора Ивановича. В 1577 г. он стал кравчим, с осени 1580 г. – боярином. Когда Федор «сел» на царство, Годунов занимал посты конюшего (с мая 1584 г.), затем постельничего (по сути, начальника личной охраны), получив право самостоятельных дипломатических сношений «в государевом имени». Отвечая за безопасность царя, он обеспечивал и свою личную безопасность, поскольку находился в постоянном соперничестве с родовитым московским боярством – Рюриковичами и Гедиминовичами. Интересно, что начало и конец династии, основанной Рюриком, ознаменовалось приходом к власти начальников личной охраны: Олега у Рюрика и Годунова у Федора.

В 1594 г. Годунов получил титул официального правителя при царе Федоре Ивановиче, а после смерти последнего в январе 1598 г. был избран на царство Земским собором (17 февраля).

Первый *избранный* царь оказался не самым плохим правителем в отечественной истории. Современник Годунова – келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий (в миру Аверкий Иванович) Палицын отзывался о нем положительно:

«Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся, о бедных и нищих промышляше и милость таковым великая от него бываше; злых же

людей люто изгубляше и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть».[42]

Это мнение тем более ценно, что Палицын в 1588 г. был подвергнут опале и насильно пострижен в монахи Соловецкого монастыря.

Приведем еще несколько примеров позитивных «деяний» царя Бориса. Доходы *Приказа Большого дворца*, полученные от продажи излишков податей, выплаченных натурой, возросли с 60 тысяч при Иване Грозном до 230 тысяч при Федоре Ивановиче, когда «правителем» (главой правительства) стал Годунов. Европейские обычаи начали распространяться в Московском государстве именно при Годунове. При нем же «дети боярские» (по различным данным, от пяти до восемнадцати человек) впервые были отправлены в Лондон, Любек и Париж учиться наукам у иноземцев, что более чем на век опередило последующие инициативы великого реформатора Петра I.

Во внешней политике Годунов проявил себя как талантливый дипломат. Восемнадцатого мая 1595 г. был заключен мирный договор между давнишими противниками – Россией и Швецией. Тогда еще не имевший царского титула Годунов сумел воспользоваться сложной внутриполитической ситуацией в Швеции, и Россия вернула себе Иван-город, Ям, Копорье, а также волость Корелу.

С. Ф. Платонов дал Годунову следующую характеристику:

«По мерке того времени, Борис был очень гуманной личностью, даже в минуты самой жаркой его борьбы с боярством: „лишней крови“ он никогда не проливал, лишних жестокостей не делал и сосланных врагов приказывал держать в достатке, „не обижая“».[43] А врагов в боярской среде у Годунова было более чем достаточно: Бельские, Глинские, Голицыны, Мстиславские, Романовы, Шуйские и многие другие родовитые претенденты на московский престол.

В. О. Ключевский писал:

«Чуя глухой ропот бояр, Борис принял меры, чтобы оградить себя от их козней: была сплетена сложная сеть тайного полицейского надзора, в котором главную роль играли холопы, доносившие на своих господ, и выпущенные из тюрем воры, которые, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватали каждого, сказавшего неосторожное слово».[44]

Для доноса требовалась веская причина – мотивация. Она появилась после того, как в 1597 г. произошло «прикрепление крестьян к земле», а дворовых поголовно стали записывать в холопы. Представители низших сословий становились удобными

с точки зрения вербовки: за обещание получить вольную многие становились осведомителями государя, поскольку *Холопий приказ* находился в его личном подчинении. Один из холопов князя Шестунова, написавший донос на своего хозяина, получил в награду не только вольную, но и поместье, о чем было публично объявлено в Москве.

Таким образом, Годунов сформировал достаточно разветвленную и разномастную агентурную сеть, работавшую на него «и за страх и за совесть». Необходимые стимулы к активной работе позволяла поддерживать система «кнута и пряника» (жестких наказаний и мощной социально-финансовой подпитки). Нельзя сбрасывать со счетов и то, что, толкаемые алчностью и личными амбициями, агенты из низов легко могли пойти на ложь или подлог.

Вооруженные силы российского государства при Годунове имели следующую организацию. Дворянская кавалерия вместе с царскими телохранителями составляла порядка 15 тысяч всадников. Регулярной пехотой являлись стрельцы. В воспоминаниях находившегося в Москве в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера говорится:

«Из них (стрельцов. – *Авт.*) 5000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни находился царь, и 2000 (называемые стремянными стрельцами) при самой его особе, принадлежа дворцу или дому, где он живет. Прочие размещены в укрепленных городах…».[45]

Во времена Годунова и позже стремянными стрельцами назывались стрельцы, составлявшие личный полк государя. Второе значение – конные стрельцы. Мы рассматриваем стремянный полк как одно из подразделений личной охраны царя и «ближнее подразделение» с особыми задачами.

Не доверяя холопам и уж тем более московской знати, Годунов привлекал на военную (в том числе охранную) службу иностранных наемников. Флетчер сообщает о 200–250 выходцах из Европы. Эти люди, не будучи связанными кровным родством с политическими противниками Годунова, целовали крест и приносили присягу на верность царю и всегда находились в его личном распоряжении. Взор правителя обратился на германских (в русском языке чаще употребляется термин «немецких» – от слова «немой», в значении «не говорящий по-русски»; так называли не только выходцев из германских государств, но и других иноземцев) и швейцарских наемников, служивших еще в личной охране Ивана Грозного.

Следует особо отметить, что при выборе наемников учитывалась их конфессиональная принадлежность. Все

приглашенные германцы и швейцарцы являлись протестантами, но не католиками. Со времен Ивана III и Софьи Палеолог это правило соблюдалось строго; традиция была продолжена и при Романовых.

Привлекая иностранных наемников, Россия получала не только отличных воинов, но и возможность ознакомиться с передовыми европейскими разработками в области военного искусства.

Приглашенные на службу освобождались от большинства налогов, а порой и вовсе освобождались от налогового бремени, что создавало великолепные предпосылки для оседания в России и перехода в российское подданство.

Известно, что Годунов намеревался выписать из-за границы ученых, чтобы учредить в Москве школу с преподаванием иностранных языков. В частности, в 1600 г. в Священную Римскую империю направили И. Крамера, в задачу которого входило «выписать из Германии, Англии, Испании, Франции, Италии и т. д. ученых, чтобы учредить преподавание разных языков. Но монахи и попы воспротивились этому и ни за что не хотели согласиться, говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т. п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры, и внутренний мир не будет соблюдаться так, как сейчас».[46]

Однако Годунов все же «выбрал из московитских детей восемнадцать дворянских сынов, из которых шесть было послано в Любек, шесть, в Англию и шесть, во Францию, чтобы их там обучили. Они легко выучили иноземные языки, но до настоящего времени из них только один вернулся в Россию – тот, которого Карл, король шведский и пр., дал в толмачи господину Понтусу Делагарди. Его звали Димитрий. Остальные не пожелали возвращаться в свое отечество и отправились дальше по свету».[47]

Действительно, родовитое боярство и ортодоксальные церковные иерархи в большинстве своем воспринимали подобные нововведения крайне негативно. Стремление Годунова облегчить положение торговых людей и ремесленников также вызывало у родовитого боярства неудовольствие – многие хулители царя называли его «рабоцарем». Годунов прекрасно осознавал, что созданная к концу правления Рюриковичей система должна быть модернизирована, иначе страна останется костной, неповоротливой и по уровню развития будет все более отставать от большинства европейских государств. Человек образованный и прозорливый, он по мере сил старался ввести определенные

новации, дабы выдвинуть Россию на передовые европейские позиции. Большинство его начинаний практически на столетие опередили свое время. Но сдвинуть Россию с места удалось, повторим, только при Петре I – неимоверными усилиями, жестокостью и огромной кровью.

Неприязнь бояр порождала ответную неприязнь со стороны государя. Голландский купец Исаак Масса писал, что Годунов «больше верил священникам и монахам, нежели своим самым преданным боярам, а также слишком доверял льстецам (*pluymstryckers*) и наушникам (*oorblasers*), и допустил совратить себя, и сделался тираном, и повелел извести все знатнейшие роды <…> и главной к тому причиной было то, что он допустил этих негодяев, а также свою жестокую жену совратить себя, ибо сам по себе он не был таким тираном».[48]

Мы полагаем, что одной из причин разразившейся Смуты следует считать крайне неприязненные личные отношения внутри правящей элиты, обусловленные притязаниями на трон многих ее представителей.

Основным поводом к междоусобице послужило прекращение династии Рюриковичей. До сих пор одним из наиболее загадочных событий в российской истории считается смерть царевича Дмитрия Ивановича, найденного с перерезанным горлом 15 мая 1591 г. на дворе в Угличе. Мать царевича, Мария Нагая, обвинила в смерти своего сына дьяка Михаила Битяговского, надзиравшего за сосланным семейством и (косвенно) Бориса Годунова. Следственная комиссия в составе князя Василия Шуйского, окольничего Клешнина, дьяка Вылузгина и митрополита Крутицкого Геласия пришла к следующим выводам:

1) царевич зарезал себя сам в припадке падучей болезни (так тогда называли эпилепсию), играя во дворе с ножичком;

2) вдова Ивана Грозного и ее родня побудили угличан к убийству невинных лиц (Битяговского и его сына Даниила, Волохова и Качалова, с которыми «была в заговоре» Василиса Волохова, мамка царевича, и Даниила Третьякова) без всякого на то основания.

Марию сослали в монастырь на Выксу (близ Череповца) и там насильно постригли, братьев Нагих разослали по разным городам, а виновных в беспорядках угличан казнили либо сослали в Пелым.

А через десять лет в Речи Посполитой объявится человек, которого назовут «воскресшим» царевичем Дмитрием…

Рассмотрим несколько версий, связанных с обстоятельствами смерти царевича. Для начала предположим, что ребенок погиб в

результате убийства, а не несчастного случая. Кому была выгодна его смерть? Обратимся к воспоминаниям современников.

Флетчер отмечает:

«Младший брат царя, дитя лет шести или семи <…> содержится в отдаленном месте от Москвы под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя».[49]

К. Буссов писал, что Дмитрий однажды слепил из снега чучела, которые называл именами знатнейших московских вельмож, и саблей срубал им головы, говоря, что так будет со всеми боярами.

Флетчер и Буссов также сообщают, что царевич характером похож на отца: мальчик жесток и любит смотреть на мучения животных.

По воспоминаниям Палицына, о враждебном отношении Дмитрия и его окружения к боярам – приближенным царя Федора – в Москве было хорошо известно.

Из вышеприведенного можно сделать вывод: многие московские бояре имели все основания опасаться, что, став взрослым и сменив на престоле брата, Дмитрий захочет отомстить за унижения. Таким образом, желать его смерти могли в первую очередь те, кто мечтал занять московский престол, и Бельские, Годуновы, Мстиславские, Романовы и Шуйские были только верхушкой айсберга.

Мы осознанно не отделяем Годунова от его противников. Большинство летописей, обвиняющих Бориса в убийстве, составлены после 1605 г. – в недолгое царствование Василия Шуйского, одного из главных конкурентов Годунова в борьбе за власть. Романовым, севшим на трон в 1613 г., версия об убийстве царевича по приказу Годунова править не мешала. Однако самоубийство и убийство Дмитрия – не единственные версии угличской трагедии.

«Воскрешение» царевича в образе человека, которого впоследствии назовут Лжедмитрием I, тесно связано с версией, согласно которой в Угличе погиб не Дмитрий, а другой мальчик. Кто мог организовать эту подмену и для чего? Здесь есть два варианта:

1) ребенка подменили близкие люди, желавшие сохранить жизнь возможного наследника престола;

2) подмену организовал кто-либо из приближенных царя Федора по той же причине (см. выше).

Так или иначе, смерти царевича желали многие влиятельные особы, и люди из его охраны понимали это. Они могли найти

подходящего по возрасту и внешнему виду ребенка, убить его, поднять шум и, воспользовавшись суматохой, вывезти истинного царевича в заранее подготовленное безопасное место. В этом случае спаситель (спасители) царевича имел (имели) серьезные преимущества в будущей карьере. Возможные репрессивные меры со стороны Дмитрия при соответствующей психологической обработке можно было направить против соперников. Примечательно, что первые слухи о том, что царевич жив, стали распространяться в Москве в начале 1598 г., еще при жизни Федора Ивановича.

После избрания Годунова царем слухи о чудесном спасении царевича Дмитрия стали эффективным инструментом в руках его соперников. «Боярство не могло помешать ему занять престол, – отмечает С. Ф. Платонов, – потому что, помимо популярности Бориса, права его на царство были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства; сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С этой точки зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия. Перед этим боярство и не остановилось».[50] Кстати, многие историки считают, что «воскрешение» царевича из рода Рюрика имеет московское происхождение.

Но одним раздуванием слухов дело не ограничивалось – предпринимались попытки устранить государя и вооруженным путем. Сразу после смерти Федора Ивановича свои претензии на престол безуспешно пытался заявить бывший руководитель опричнины Б. Бельский. Однако царем был избран Борис Годунов. Бельский был обвинен в заговоре против Годунова, арестован и отправлен в ссылку, вы уже читали об этом.

Еще одну неудачную попытку захватить власть предпринял клан Захарьиных-Юрьевых – Романовых.

Для понимания самой системы возвышения родов приведем одну из версий появления рода Романовых на Руси. Первым представителем указанной фамилии считается Гланда Гамбилла (Камбила) Дивонович, «выходец из литовских или прусских земель», объявившийся в русских землях в конце XIII в. и получивший боярство на службе у Ивана Калиты. Приняв православие, Гланда Гамбилла стал именоваться Иваном Кобылой. Его сын, Андрей Иванович Кобыла, был боярином на службе у Симеона Гордого. В летописях указаны пять сыновей Андрея Кобылы: Семен Жеребец, Александр Ёлка, Василий

Ивантей, Гавриил Гавша и Федор Кошка. Именно потомки младшего сына, Федора Андреевича Кошки, стали называться Кошкиными, затем именовались Захарьиными-Кошкиными, просто Захарьиными, а позднее – Захарьиными-Юрьевыми. Возвышение рода стало возможным благодаря браку Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой и первого русского царя Ивана Васильевича IV Грозного. Фамилию Романов в честь своего деда Романа Захарьина впервые стал носить Федор Никитич Захарьин (патриарх Филарет), отец будущего первого царя из рода Романовых – Михаила Федоровича Романова. Таким образом, не будучи прямыми Рюриковичами, но породнившиеся с царским родом, Романовы имели не менее прав на российский престол, чем Годуновы или иные представители старых боярских родов…

В октябре 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. На спешно созванное заседание Боярской думы царя принесли на носилках, и по Москве поползли слухи о его скорой кончине. На подворье Романовых собрались многочисленные родственники, сторонники и ближние холопы, которые были вооружены. Многие московские дворяне считали Романовых единственными законными претендентами на трон, поскольку они приходились двоюродными братьями последнему царю из династии Рюриковичей. Наиболее популярным среди шестерых братьев считался старший – Федор Никитич, человек очень образованный для своего времени. Предки Романовых со времен Василия I имели отношение к военному делу и тайной государевой службе. Так что грамотно провести переворот они вполне могли, опираясь на своих достаточно многочисленных родственников и сторонников, а также накопленный в семейном кругу опыт тайной деятельности.

Несмотря на болезнь, Годунов понимал, насколько реальна угроза его власти. Получив информацию об организованном сборе вооруженных людей, он действовал решительно. В ночь на 26 октября 1600 г. Годунов послал несколько сот стрельцов к расположенной в непосредственной близости от Кремля усадьбе Романовых. Дом был подожжен, защитники, оказавшие сопротивление, убиты, те Романовы, кого удалось достать, подверглись аресту.

Дворянин Бартенев, служивший казначеем у боярина А. Романова, донес, что его господин хранит в казне волшебные коренья, с помощью которых намерен извести Бориса и его семью. По обвинению в колдовстве и заговоре против государя всех братьев Романовых отправили в ссылку в разные места. Федора Никитича постригли в монахи под именем Филарет, чтобы лишить его права занять престол. Вместе с Романовыми были

сосланы многие их родственники: Карповы, Репнины, Сицкие, Черкасские, Шестуновы. Александр, Михаил и Василий Романовы погибли в ссылке в 1601–1602 гг. Младшего из братьев, Ивана Никитича (Кашу), в 1602 г. Годунов все-таки возвратил в Москву, но постоянно держал под контролем.

Наступало Смутное время…

Глава 2
Смутное время

Любите врагов своих, гнушайтесь врагов Христа и бейте врагов Отечества.

Заповедь православного воинства

В результате межконфессиональной борьбы политическая ситуация в Европе к началу XVII в. существенно изменилась. Единая прежде католическая церковь была дополнена множеством протестантских церквей, что способствовало росту национального самосознания европейских народов. В первую очередь это касалось стран Северной Европы: Англии, Дании, Нидерландов, Швеции, ряда курфюршеств и королевств Германии, а также ряда кантонов Швейцарии.

Несмотря на все это, «серая» власть иезуитов по-прежнему оставалась сильна. Ими было разработано религиозно-идеологическое обоснование устранения монархов, неугодных (неподвластных) папскому престолу. В 1599 г. испанский иезуит Хуан Марианна в трактате «*О короле и институте королевской власти*» писал, что «государь-тиран» может быть низложен и даже убит, если будет заподозрен в оскорблении религии. А после сожжения в 1600 г. Джордано Бруно кардинал-иезуит Роберто Беллармино утверждал, что долгом народа является свержение монарха, отпавшего от истинной католической веры. При этом под «государями-тиранами» подразумевались лишь те монархи, которые становились препятствием в политической игре главных столпов Контрреформации – папского престола и Испании. Но даже если иезуиты и не участвовали непосредственно в убийстве носителей власти, то их теоретики вкладывали в сознание «избранных» мысль о возможности такого убийства. Потенциальным объектом фанатиков-террористов, за спиной которых стоял орден иезуитов, мог стать любой высокопоставленный протестант и даже вполне ортодоксальный католик, предпочитающий принимать самостоятельнее решения.

Однако деятельность иезуитов далеко не везде имела успех. В северных провинциях Нидерландов в результате буржуазной революции де-факто образовалась Республика Соединенных провинций (Голландская республика), ставшая предтечей всех

современных европейских республик. Для защиты морской торговли, которая значительно оживилась после создания в 1602 г. Голландской Ост-Индской компании, молодое государство начало создать собственные военно-морские силы и, естественно, военно-морскую разведку. Укрепление голландского военного флота стало сдерживающим фактором для военно-морских сил Испании, заметно подорванных после гибели в 1588 г. Непобедимой Армады. И хотя в руках испанских Габсбургов все еще оставались Южные Нидерланды, в 1609 г. между Соединенными провинциями и южными штатами, контролируемыми испанцами, при посредничестве Англии и Франции на двенадцать лет установилось относительное перемирие.

* * *

Испания, основной оплот католической веры в Западной Европе в XVI–XVII вв., постепенно теряла былое влияние. По условиям Вервенского мира 1598 г. Филипп II признал Генриха IV королем Франции и отозвал свои войска с французской территории, чем окончательно лишил военной поддержки сторонников Католической лиги. Войны с протестантской Англией и непризнанной Голландской республикой все больше истощали королевскую казну. А деньги были нужны не только на содержание армии – огромные средства требовались и для ведения тайной войны против Англии, Нидерландов и Франции. При этом значительная часть средств, выделяемых на военные расходы, не доходила по назначению, а планомерно присваивалась алчными испанскими чиновниками во главе с герцогом Ф. Лермой, фаворитом короля Филиппа III.

Некоторое облегчение испанской короне принесла смерть Елизаветы I, так как пришедшие в 1603 г. к власти Стюарты взяли курс на сближение с Испанией. Тем не менее некогда богатейшее государство Европы к 1607 г. фактически стало банкротом.

Большой финансовый и материальный ущерб Испании наносили пираты, активно действовавшие в акватории Карибского моря и на других морских путях. Ситуацию усугубило начавшееся в 1609 г. выселение из Испании морисков – мавров, официально принявших христианство. Доходы от конфискации их имущества не компенсировали убытки от спада торговли, и в результате многие города пришли в запустение.

* * *

В соседней с Испанией Франции после нескольких десятилетий гражданских (религиозных) войн наступило временное перемирие, чему способствовал Нантский эдикт 1598 г., даровавший французским гугенотам свободу совести в некоторых регионах и полноправное участие в общественной жизни.

Несмотря на то что Генрих IV перешел в католичество, он оставался постоянным объектом покушений со стороны фанатиков-монахов, за спиной которых маячила тень иезуитской сутаны. Казнь Жана Шателя, покушавшегося на короля в 1595 г. при подстрекательстве иезуитов – отца Гиньяра и отца Гере, – и последовавшее за ней изгнание иезуитов из Франции не прервали цепь покушений: 1598, 1599, 1600 и 1601 гг. также отмечены попытками расправы.

Особое место в этом перечне занимает заговор герцога Шарля де Гонто барона де Бирона, главного адмирала и маршала Франции, ближайшего сподвижника Генриха IV. Мечтая стать королем Бургундии, наместником которой он являлся, в 1600 г. де Гонто вступил в сговор с Карлом Эммануэлем, герцогом Савойским. Генрих IV узнал об этом через своих тайных агентов, но, так и не научившись карать изменников, предпринимать ничего не стал. В 1601 г. между де Гонто, герцогом Савойским и королем Испании Филиппом III была достигнута договоренность, предусматривавшая устранение всей королевской семьи, включая дофина, будущего Людовика XIII, последующее расчленение Франции с присоединением части ее земель к Испании и Савойе и учреждение на оставшейся территории выборной монархии, подчиненной Филиппу III. В 1602 г. в сговор с де Гонто вступил герцог Ангулемский, брат Генриетты д'Антраг, королевской фаворитки. При поддержке все той же Испании предполагалось устранить Генриха IV и его наследников, провозгласив королем сына Генриетты. Однако на этот раз Генрих поверил документальным доказательствам измены де Гонто. В июле 1602 г. барон был казнен, но свою любовницу и ее родственников король простил.

В сентябре 1603 г., под давлением католиков-роялистов, король разрешил иезуитам вернуться во Францию, более того, его духовником стал иезуит Пьер Коттон. Вероятно, Генрих полагал, что, если иезуиты имеют во Франции столь сильное влияние, необходимо сделать их союзниками и использовать в своих целях. Однако сами иезуиты считали короля, допустившего веротерпимость и несколько раз менявшего веру из политических соображений, закоренелым еретиком.

К 1610 г. орден иезуитов во Франции значительно окреп:

в четырех орденских провинциях насчитывалось 36 коллегий, 5 новициатов, один дом профессов и одна миссия. Самая большая иезуитская школа Ла-Флешь, основанная лично Генрихом IV, насчитывала 1200 учеников, в основном благородного происхождения. При этом проповедники-иезуиты постоянно вели стратегическую пропаганду против еретиков. Не называя имени короля, они обличали его потворство гугенотам, и семена нетерпимости давали все больше всходов в почве, удобренной кровопролитными религиозными войнами предыдущего столетия.

Весной 1610 г. во Франции стали распространяться активные слухи о предстоящей войне, в которой Генрих IV намеревался принять участие на стороне протестантских князей Священной Римской империи против австрийских и испанских Габсбургов. Обеспокоенные иезуиты стали открыто выступать против этой войны. С ними были солидарны многие. Шестнадцатого мая 1610 г., на следующий день после коронации ревностной католички Марии Медичи, жены Генриха, и за пять дней до отъезда в войска, король был смертельно ранен Жаном Франсуа Равальяком. Террорист был ярым католиком, который не скрывал своего недовольства той религиозной свободой, которой при Генрихе IV стали пользоваться гугеноты.

Поспешно проведенное следствие не установило сообщников убийцы, а сам он даже под пыткой продолжал утверждать, что действовал в одиночку. (Известно, что исповедник погибшего короля, иезуит отец Коттон, убеждал Равальяка не обвинять «добрых людей».) В любом случае смерть Генриха IV была выгодна всем папистам: Габсбургам, иезуитам и Марии Медичи, которая могла править Францией до совершеннолетия Людовика XIII, которому было всего девять лет. Недаром когда Жаклин д'Эскоман дала показания против предыдущей фаворитки Генриха IV, маркизы де Верней, и герцога д'Эпернона, она была обвинена во лжи и заключена в тюрьму. О связи заговорщиков с мадридским двором поведал в мемуарах и Пьер де Жарден (капитан Лагард), который получил достоверные сведения о готовящемся покушении и успел предупредить Генриха, но король «по своему обычному характеру» не принял никаких мер предосторожности и не стал увеличивать численность охраны. То, что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали друг и первый министр Генриха IV герцог Сюлли, а также кардинал Ришелье.

* * *

Что касается Священной Римской империи, то там к концу XVI в. обострились межконфессиональные отношения, заложенные в половинчатости Аугсбургского мира 1555 г., не признавшего свободы вероисповедания подданных. Принцип *cujus regio, ejus religio*[51] создал условия для возобновления конфессионального противостояния. Территориальное расширение теперь уже радикального кальвинизма (Ангальт, Гессен-Кассель, Баден-Дурлах, Курпфальц) было враждебно встречено не только католиками, но и лютеранами. А под воздействием Контрреформации к католичеству вернулись многие церковные княжества и города Западной и Южной Германии; в австрийских землях и некоторых имперских городах началось преследование не только радикально настроенных, но и умеренных протестантов. К концу XVI в. из-за межконфессиональных конфликтов работа Имперского суда была парализована, а с начала XVII в. потерял работоспособность и имперский Рейхстаг.

Ситуация в империи усугублялась конфликтами внутри Габсбургского дома, постоянными неудачами в австро-турецкой войне 1593–1606 гг. и начавшемся в 1604 г. антигабсбургским восстанием в Верхней Венгрии под руководством канцлера Трансильвании Иштвана Бочкаи. Последний ради сохранения независимости своей страны воспользовался помощью турок и, одержав ряд побед над австрийскими войсками, в 1605 г. был выбран князем Трансильвании. После заключения Венского мира Бочкаи был официально признан Габсбургами как полноправный правитель Трансильвании, но в декабре 1606 г. он был отравлен теперь уже собственным канцлером М. Котеем.

Несмотря на заключение в ноябре 1606 г. Житваторокского мирного договора между Османской империей и Священной Римской империей, ситуация в последней была далека от благополучной. Уже в апреле 1606 г. главой Австрийского дома был провозглашен король Венгрии и Богемии Матиас II (сын императора Максимилиана II). В декабре 1607 г. герцог Максимилиан Баварский захватил имперский город Донауверт. В ответ в мае 1608 г. восемь протестантских князей и семнадцать протестантских городов организовали лютеранско-кальвинистскую Евангелическую унию, которую возглавил курфюрст Пфальца Фридрих IV. В июне 1608 г. душевнобольной император Рудольф II отказался от Австрии, Венгрии и Моравии в пользу Матиаса, оставив за собой лишь императорский титул и Чехию. В июле 1609 г. император предоставил Чехии широкую внутреннюю автономию, благоприятствующую развитию радикальных протестантских течений. И тогда же их противники

учредили Католическую лигу, главой которой стал Максимилиан Баварский. Противостояние между конфессиями стремительно и неуклонно углублялось.

* * *

Шиитская Османская империя в конце XVI в. вышла победительницей из упорной войны с суннитской Персией, захватив Закавказье и Западную Персию. В начале XVII в. османы вели военные действия с империей Габсбургов в Венгрии (австро-турецкая война 1593–1606 гг.). Одновременно продолжалось восстание крестьян в Анатолии. Повстанцы, численность которых достигала тридцати тысяч человек, под руководством К. Языджи, а с 1602 г. Д. Хасана контролировали значительную часть территории Османской империи. Султан Ахмед I и его военачальники, используя развитую сеть агентов влияния, стремились внести раскол в лагерь повстанцев, и им это удалось. Летом 1603 г. Хасан попросил султана о прощении всех руководителей восстания, и был услышан. Около 400 участников восстания, включая Хасана, получили высокие посты и были направлены в армию, действовавшую против австрийцев. Однако предатель окончил свои дни плохо: в конце 1605 г. он был казнен за раскрытые агентами султана тайные переговоры с венецианцами и папой о сдаче одной из султанских крепостей в Далмации.

Период относительного спокойствия оказался недолог. Уже к концу 1603 г. борьбу с центральной властью начали войска бейлербеев Халеба и Карамана. В короткий срок численность повстанцев в Анатолии выросла с пятидесяти до двухсот тысяч человек. Особенно опасным стал очаг восстания в районе к западу от Анкары, где действовали отряды (ок. 30 тысяч человек) во главе с крестьянином Календер-оглу, которые доходили до берегов Эгейского и Мраморного морей.

Получив от своих тайных агентов при османском дворе сведения об истинном состоянии дел в империи, персидский шах Аббас I Великий сформировал элитный корпус и, воспользовавшись тем, что Османская империя вела войну с Габсбургами, захватил Тебриз, Нахичевань и Ереван. В 1605 г. турецкая армия Синан-паши была разбита под Тебризом.

В 1606–1610 гг. Османская империя сосредоточилась на борьбе с повстанцами в Малой Азии. В августе 1608 г. повстанческая армия Календер-оглу была разбита, а ее остатки (2000 человек) отступили в персидские владения, где перешли на

положение шахских рабов.

В 1612 г. османы и персы заключили перемирие, по условиям которого Персия вернула себе северо-западные районы страны, включая Закавказье.

* * *

Протестантская Англия на рубеже XVI–XVII вв. одновременно вела две войны: с Испанией (в 1587–1604 гг.) и Ирландией (в 1594–1603 гг.);[52] в обеих войнах англичанам (англиканам) противостояли католики.

К концу XVI в. положение англичан в Ирландии было критическим: восстал Ленстер, начался разгром поместий английских колонистов в Манстере. В конце 1599 г. фаворит Елизаветы I Роберт Девере, второй граф Эссекс, потерпел поражение в Ольстере от войск Северной лиги под командованием Гуга О'Нила, а в сентябре 1601 г. пятитысячный отряд испанских войск, высадившийся в Манстере, захватил город Кинсейл.

В самой Англии граф Эссекс, осенью 1600 г. попавший в опалу и потерявший источник доходов (откуп таможенных пошлин на сладкие вина), составил заговор, к которому примкнули до трехсот человек, недовольных правлением королевы. Программа Эссекса включала изменение состава Тайного совета, реформу англиканской церкви и известную терпимость в отношении католиков. Заговорщики планировали неожиданно захватить Уайтхолл, арестовать государственного секретаря Роберта Сесила и Уолтера Рейли, созвать парламент и публично осудить их. По замыслу сторонников Эссекса, Елизавете I пришлось бы признать победителей, а при ее отказе планировалось возведение на английский трон короля Шотландии Якова VI.

Но королевской секретной службе, славившейся своими изысканными методами ведения тайной войны, замыслы заговорщиков стали известны, и 7 февраля графу Эссексу было передано королевское повеление немедленно прибыть на заседание Тайного совета. Граф ответил отказом, сославшись на тяжелую болезнь.

Утром 8 февраля 1601 г. к дому Эссекса пришли четверо высших сановников, посланных Тайным советом, и потребовали воздержаться от необдуманных поступков, проведя таким образом операцию по превентивному предотвращению возможного выступления. Однако у тех, кто посылал парламентариев, в запасе

была еще одна задача – спровоцировать антигосударственное выступление, чтобы легально подавить его с применением силы. Расчет оказался верен: Эссекс увел лордов в дом и фактически взял в заложники, после чего более двухсот молодых дворян, сторонников графа, с вооруженными слугами двинулись в направлении Сити, рассчитывая на поддержку жителей. И… попали в ловушку. Шериф Смит, с которым заговорщики связывали особые надежды, не принял их сторону, как не принял ее и лорд-мэр Сити Ф. Блэк, а путь к Уайт-холлу был перекрыт верным королеве отрядом. Мятежники отступили к дому Эссекса, где узнали, что заложники уже освобождены «некими неизвестными лицами». Вскоре дом Эссекса был окружен королевскими войсками, и участники заговора вынуждены были сдаться.

Через четыре дня после провала заговора капитан Томас Ли составил план захвата королевы, чтобы вынудить ее освободить задержанных мятежников (свыше ста человек). Но везде были глаза и уши – Ли был схвачен и спустя трое суток приговорен к смерти. А 25 февраля во дворе Тауэра казнили и графа Эссекса.

Впоследствии Елизавета I писала Борису Годунову, что российский посланник в Англии дворянин Г. И. Микулин готов был сражаться на стороне правительственных войск. Сам Микулин сообщил в Москву только о факте мятежа и казни Эссекса.

Для подавления восстания в Ирландии наместник провинции лорд Маунтджой и военный губернатор Джордж Кэрью составили план:

1) проводить тактику выжженной земли истребляя мирное население, уничтожая скот, сжигая деревни, посевы, лес, и т. д.;

2) на отвоеванных у повстанцев территориях строить укрепления и размещать в них крупные английские гарнизоны;

3) вести тайную войну, привлекая на свою сторону союзников Гуга (Хью) О'Нейла и нейтральных вождей ирландских кланов путем подкупа и обещанием помилования.

В 1603 г. войска повстанцев были разгромлены, и О'Нейл прекратил сопротивление, а Ирландию опустошили английские войска.

В том же году после смерти Елизаветы I на английский трон под именем Якова I взошел сын Марии Стюарт, король Шотландии Яков VI, который провозгласил унию Англии и Шотландии и взял курс на сближение с Испанией. Этот курс противоречил интересам английской буржуазии, но 18 августа 1604 г. с Испанией был заключен мир.

Жесткая репрессивная политика в отношении английских

католиков сформировала в их среде группу, которая составила знаменитый Пороховой заговор. Совершить покушение планировалось путем подрыва Вестминстерского дворца во время тронной речи короля 5 ноября 1605 г., на которой должны были присутствовать члены обеих палат парламента и представители высшей судебной власти.

Заговор можно рассматривать как одну из первых попыток[53] масштабного террористического акта, готовившегося с подачи главы английских иезуитов Генри Гарнета (псевдонимы Миз и Фармер). Теневой штаб Гарнета состоял из опытных конспираторов-иезуитов Ника Оуэна и священника Олдкорна. На связи с ними находились и другие иезуиты: Фишер (псевдонимы Перси и Ферфакс), Джерард (псевдонимы Стандиш и Брук) и Гринуэй (псевдонимы Гринуэлл и Тесмонд).

Некоторые историки считают, что это была попытка провести Контрреформацию с последующим возведением на престол малолетней принцессы Елизаветы Стюарт (старшая дочь Якова и его жены Анны Датской) при католических регентах. Другие настаивают, что заговор был инспирирован английской секретной службой, стремившейся дискредитировать иезуитов и усилить позиции англиканской церкви. В любом случае, ряд показательных казней приверженцев католической веры в конце 1604 г. активизировал подготовку заговора.

Во главе заговора стояли Роберт Кейтсби, участник мятежа графа Эссекса; Томас Винтер, вошедший в контакт с властями Испании и испанских Нидерландов; Томас Перси, двоюродный брат графа Нортумберлендского, имевший связи при дворе; Джон Райт и Гай Фокс, несколько лет служивший испанской короне.

Вначале они арендовали помещение в доме рядом с палатой лордов, откуда планировалось прорыть тоннель. Однако Т. Перси сумел арендовать подвал, находившейся непосредственно под залом палаты лордов. Из лондонского района Ламбет заговорщики переправили по Темзе 36 бочонков пороха, общий вес которого составлял около 2,5 тонны. Этого количества было достаточно, чтобы разрушить здание парламента до основания. Поджечь фитиль (а затем покинуть Англию) было поручено Гаю Фоксу, имевшему опыт обращения со взрывчатыми веществами. Остальные заговорщики укрылись в графстве Уорикшир, где были сильны позиции католиков; оттуда они планировали начать новое выступление.

По официальной версии, заговор был раскрыт благодаря анонимному письму, полученному 26 октября 1605 г. лордом Монтиглом. Историки предполагают, что автором письма мог быть один из заговорщиков – либо же сам лорд Монтигл,

который, узнав от своих агентов о готовящемся взрыве, захотел стать «спасителем Англии». Монтигл сообщил о письме Р. Сесилу и четырем лордам – членам Тайного совета. Но у заговорщиков были свои информаторы, доложившие им о письме. После некоторых раздумий взрыв все же было решено осуществить. Третьего ноября Фокс сообщил, что замаскированная в угле мина не найдена, а в ночь с 4 на 5 ноября Фокса задержали; при обыске обнаружили бочонки с порохом и приготовленный фитиль.

В течение недели практически все участники заговора были обезврежены; кое-кого убили при задержании, остальных ждал суд и скорая казнь. Новое английское дворянство и буржуазия выиграли еще один раунд в борьбе с Контрреформацией. Пороховой заговор серьезно усугубил положение католиков в Англии – только спустя 200 лет католики получили примерно равные права с протестантами.

Постепенно английский абсолютизм вступал в противоречие не только с интересами буржуазии и нового дворянства, но и крестьянства. В 1607 г. в центральных графствах Англии (Нортгемптоншире, Лестершире и др.), где огораживание в течение XVI – начала XVII вв. приняло самые широкие размеры, вспыхнуло крестьянское восстание, в котором, по разным данным, приняли участие около 8–10 тысяч человек. Восставшие уничтожали изгороди на угодьях феодалов и засыпали канавы на пахотных землях. Однако восстание, не имевшее единого руководства, было быстро подавлено военной силой.

* * *

В Северной Швеции смена веков также проходила в упорной борьбе между католиками и протестантами. В 1587 г. Сигизмунд Васа, сын шведского короля Юхана III, был избран на польский престол под именем Сигизмунд III. После смерти отца в 1592 г. Сигизмунд объединил под своей личной унией Речь Посполитую и Швецию. С восшествием на престол нового короля над Швецией нависла угроза Контрреформации, поскольку Сигизмунд III исповедовал католицизм и находился в тесном контакте с иезуитами. Его противником являлся герцог Карл Седерманландский, считавшийся одним из главных защитников протестантской веры в Швеции и которого шведский риксрод (государственный совет) на время отсутствия короля назначил регентом.

Во время гражданской войны, начавшейся в 1597 г., немногочисленные польские войска, принимавшие участие в

конфликте, 25 сентября 1598 г. потерпели поражение в битве при Стонгебру, а в 1599 г. шведский риксдаг (парламент) низложил Сигизмунда III.

К 1600 г. сторонники Сигизмунда либо эмигрировали, либо раскаялись, либо были казнены. Но правитель Речи Посполитой не оставил надежд вернуть себе шведский престол, и с этого момента его внешняя политика в основном была направлена на достижение этой цели.

В марте 1600 г. Сигизмунд объявил о присоединении к Речи Посполитой герцогства Эстляндия, отошедшего к Швеции после раздела земель ордена меченосцев. Началась польско-шведская война 1600–1611 гг. за господство в Прибалтике.

Польско-литовская шляхта, желая получить новые земли и эстляндские порты на Балтике, считала, что война будет легкой и победоносной и что армия отразит любые атаки шведов в Эстляндии. Не имея должной агентуры в стане врага, а следовательно, и информации, шляхта не могла (и самоуверенно не желала) знать, что у шведов есть ряд преимуществ. Швеция могла собрать армию быстрее Речи Посполитой ввиду большей централизации государства, прозрачной мотивации и осведомленности о состоянии дел в стане противника. Кроме того, польские войска на тот момент принимали участие в войнах молдавских феодалов, и поэтому шведская армия получила трехкратное численное превосходство.

К началу 1601 г. шведы взяли под контроль не только Эстляндию, но и бóльшую часть Ливонии. Польский сейм был вынужден увеличить ассигнования на армию и отозвать войска под командованием литовского польного гетмана Яна Ходкевича и польского канцлера Яна Замойского с южного фронта на находящийся под серьезной угрозой север.

* * *

В октябре 1600 г. в Москву прибыло посольство Речи Посполитой во главе с великим гетманом Литовским Львом Сапегой. Посольство предложило заключить «вечный мир» на условиях передачи Польше Смоленска и Северской земли. Это предложение Борис Годунов отверг, заключив только русско-польское перемирие на 20 лет. В августе 1601 г. посольство Сапеги отбыло на родину.

Но посольство не ограничивалось исполнением одной лишь дипломатической миссии – второй его задачей было выяснение политической обстановки в России. К тому времени иезуиты

разработали план объединения Московского царства и Речи Посполитой в единое государство и создание Польско-Литовско-Московской унии[54] с постепенной, но неминуемой католизацией православной России.

И именно Сапегу считают одним из главных авторов плана подчинения Московского государства Речи Посполитой с помощью самозванца, посаженного на московский престол.

По некоторым сведениям, в составе польского посольства находился молодой человек, которого готовили на роль «царевича Дмитрия». Таким образом, слухи о чудесном спасении ребенка могли не только быть выгодны русскому боярству, но и иметь серьезное иностранное происхождение. Это вполне вероятно хотя бы потому, что участие польско-литовских войск (как частно-наемных, так и подчинявшихся правительству) в интервенции напрямую связано с именем царевича. Нельзя исключить, что некоторые влиятельные лица Речи Посполитой решили использовать сложившуюся в Москве ситуацию в своих интересах. А возможно, и смоделировать ее.

Отметим, что в те далекие времена слухи, передаваемые из уст в уста, имели большое значение. Число людей, умевших читать и писать, было невелико, и даже среди бояр грамоту знали немногие. Таким образом, распространение информации осуществлялось почти исключительно в устной форме, а точность передачи зависела от личных качеств рассказчика и памяти слушателей. Если рассказчика уважали, его словам было больше веры. При этом единственным источником официальной информации для населения являлось публичное чтение государевых грамот. В подобных условиях слухи становились эффективным и мощным инструментом формирования общественного мнения.

Даже в наше время распространение слухов – один из элементов непрекращающейся много тысячелетий психологической войны. Как правило, они оказывают наибольшее влияние в тот период, когда государство находится в условиях политического и/или экономического кризиса. Нестабильность общества создает благоприятные условия для тотального промывания мозгов. В Московском государстве такая ситуация сложилась в результате сильнейшего неурожая и последовавшего небывалого голода 1601–1603 гг. Только в столице, по официальным данным, умерло более 120 тысяч человек.

Негативным последствием голода стало появление большого количества вооруженных отрядов, состоявших из беглых или отпущенных на волю (чтобы не кормить их) холопов, посадских людей, а также разорившихся и вполне успешных представителей

правящих сословий, искавших легкой добычи. В сентябре 1603 г. в Подмосковье с трудом была разгромлена банда Хлопка (он же Хлопко Косолап), по численности сопоставимая с небольшой армией. Командовавший правительственными войсками окольничий И. Ф. Басманов погиб. Войска под руководством С. Годунова, родственника царя, были разбиты под Астраханью «воровскими» казаками, сам Годунов едва спасся бегством. Никому не подконтрольные вооруженные банды становились серьезной угрозой не только для населения, но и для центральной московской власти.

Социальная база для поддержки «законного и справедливого» царя была подготовлена рядом объективных и субъективных причин. По нашему мнению, основную ответственность за события Смутного времени несет «боярская дружинная среда», повторно – после событий, предшествовавших ордынскому нашествию, – столкнувшая Отечество на грань катастрофы в угоду своим личным и клановым амбициям.

Исторические материалы, посвященные Смутному времени, указывают самую характерную особенность той поры – многократное и практически непрерывное предательство и клятвопреступление. Большинство московских бояр и дворян не раз и не два, несмотря на крестное целование, переходили от одного государя или претендента на трон к другому, руководствуясь не убеждениями, а сугубо личной выгодой. Другая характерная черта той поры – широкое участие в междоусобице иностранцев: поляков, литовцев, шведов, немцев, французов, шотландцев и других народов, а также казаков, продававших свой клинок не за честь и славу, а за корысть. По нашему мнению, и первое и второе было во многом следствием тайной войны, которая активно велась католическим папским престолом, и конкретно орденом иезуитов, против православной России.

Одним из субъективных факторов Смуты явилась крайне низкая эффективность «государевых» секретных служб в 1601–1613 гг. В течение Смутного времени все претенденты на московский престол пали от рук разных группировок заговорщиков. Небольшие отряды хорошо подготовленных иноземных профессиональных наемников, входившие в состав царской охраны и, к слову, до конца сохранявшие верность присяге, изменить положения не могли.

Возможно, в начале XVII в. Борис Годунов не придавал особого значения появлению самозванца. В условиях разгоравшейся польско-шведской войны взор московского правителя обратился к Эстляндии, где в тот период активно работала русская разведка. Например, «в 1599 и 1600 гг.

ивангородские воеводы отправляли в Нарву и Ревель купца Тимофея Выходца и некоего Иванова, чтобы агитировать в пользу русского правительства».[55] В марте 1600 г. в Москву приезжал нарвский «палатник» Арман Скров вместе с двумя «немчинами», Анцом Крамером и Захаром Вилкелманом. Скров вел тайные переговоры с главой Посольского приказа В. Я. Щелкаловым о сдаче Ругодива (Нарвы) «под руку» Годунова. С аналогичной миссией примерно в тоже время в Москву приехал из Колывани (Ревеля) «палатник» Херт Фриз, имевший «три грамоты о государевых делах».

Мы не ставим перед собой задачу выяснить истинное имя Лжедмитрия I и других лиц, выступавших под именем «воскресшего» сына Ивана Грозного. Более важной представляется роль, которую самозванцы сыграли в создавшихся условиях. Нас (надеемся, что и наших читателей) гораздо больше интересуют действия, связанные с борьбой за власть и обеспечением безопасности властителей «секретными методами».

В этой связи рассмотрим, какие шаги предпринял Лжедмитрий (а точнее те, кто стоял за его спиной) при организации похода на Москву и какие контрмеры по устранению угрозы со стороны внешних и внутренних противников предприняло (или не предприняло) правительство Годунова.

На начальном этапе главной задачей самозванца было заручиться поддержкой влиятельных лиц, первыми из которых в 1603 г. считались крупнейшие магнаты Речи Посполитой Адам и Константин Вишневецкие. По какой причине они решили оказать помощь человеку, заявившему свои права на московский престол, не столь важно. Возможно, они поверили в то, что царевич настоящий, и решили вернуть ему трон, еще более возможно – сочли ситуацию благоприятной для реализации собственных амбициозных планов. Как бы то ни было, главное заключается в том, что благодаря связям и авторитету Вишневецких Лжедмитрий заручился поддержкой части польской знати.

Затем интерес к его персоне проявила католическая церковь. В ноябре 1603 г. представитель папы Римского при польском дворе, нунций Клавдий Рангони, доложил его святейшеству о появлении в Речи «чудом спасшегося царевича Дмитрия». А уже в марте 1604 г. нунций содействовал встрече Лжедмитрия с королем Сигизмундом III, который пообещал «царевичу» финансовую помощь.

Со своей стороны, самозванец не скупился на обещания. Папе Клименту VIII он сообщил о желании принять (и в апреле 1604 г. тайно принял) католичество и пообещал покровительствовать католической церкви в случае занятия московского престола.

Мнишекам посулил миллион золотом и передачу в их владение ряда русских городов: Новгорода, Смоленска, Пскова и «других уделов». Польскому королю были даны заверения о присоединении к Речи Посполитой давно желанной Северской земли. Для мелкопоместной шляхты и украинских казаков привлекательно выглядели посулы вознаградить материально и предоставить широкие вольности. Благодаря этому, а также оказанной Вишневецкими и Мнишеком финансовой поддержке под знаменами самозванца на первом этапе собралось, по разным оценкам, от трех до десяти тысяч вооруженных сторонников.

С. Ф. Платонов объясняет успехи самозванца следующими обстоятельствами:

«Будучи представлен к польскому двору и признан им в качестве царевича, самозванец получает поддержку, во-первых, в Римской курии, в глазах которой он служил прекрасным предлогом к открытию латинской пропаганды в Московской Руси; во-вторых, в польском правительстве, для которого самозванец казался очень удобным средством или приобрести влияние в Москве (в случае удачи самозванца), или произвести смуту и этим ослабить сильную соседку; в-третьих, в бродячем населении южных степей и в известной части польского общества, деморализованной и склонной к авантюризму».[56]

В целом польская знать приняла рассказы «воскресшего царевича» весьма сдержанно, а коронный гетман Ян Замойский охарактеризовал историю Лжедмитрия так: «Это комедия Плавта или Теренция, что ли».[57]

Часть шляхты, однако, поддержала «царевича» (в Речи Посполитой существовала красноречивая поговорка: «Шляхтич в своем огороде всегда равен воеводе»). Одним из самых активных сторонников самозванца стал тесть К. Вишневецкого – сандомирский (самборский) воевода Ежи (Юрий) Мнишек. Этот человек, искушенный в интригах, руководствовался своекорыстным интересом – стать тестем царя Московского.

Формирование экспедиционного корпуса на территории Речи Посполитой было не единственной задачей человека, решившего сесть на московский трон. Большое внимание самозванец уделял и вербовке сторонников непосредственно в России, в первую очередь в южных и юго-западных приграничных землях. Все лето 1604 г. от имени «царевича Дмитрия» польской агентурой рассылались «прелестные письма» (грамоты), ставшие особенно популярными среди украинских казаков. Один из организаторов психологической операции – пан М. Ратомский – действовал с помощью лазутчиков, засылаемых на сопредельные территории. В числе лазутчиков называют, в частности, русских монахов

Леонида и Михаила. Грамоты порождали в народе множество слухов о чудесном спасении царевича Дмитрия, тем более что речь шла о событиях не такого уж далекого прошлого, и умело распускаемые слухи во многом обеспечили первоначальные успехи Лжедмитрия в походе на Москву.

Инициатива в психологической войне исходила из окружения Лжедмитрия, что же касается правительства Годунова, то оно практически сразу выпустило ситуацию из-под контроля. Люди, от которых зависело ключевое решение, по тем или иным причинам саботировали его принятие, хотя оперативная информация о подозрительном поведении противников Московского государства и о появлении Лжедмитрия поступала в полном объеме и своевременно. В первой половине 1604 г. слухи о том, что «настоящий царевич» жив и находится в Речи Посполитой, в конце концов вынудили московское правительство провести розыскные мероприятия. Но время было упущено.

В середине октября 1604 г. войско самозванца перешло границу у Киева и двинулось в сторону Москвы. Участник событий писал:

«Смотр войск под Глинянами, где съехавшееся рыцарство составило круг и избрало гетманом Сендомирского воеводу, а полковниками Адама Жулицкого и Адама Дворжицкого. После того как в круге приняты были [походные] правила, три роты – Саноцкого старосты [Станислава Мнишка], г. Фредра, царская и 400 человек пехоты пошли с царевичем, а другие роты пошли по сторонам и позади и сошлись только уже под Днепром, о двух милях от Киева, в Остре, при границах Московского государства. Идя к Киеву, мы боялись войска Краковского кастеляна, князя Островского, которого [войска] было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей.

Потом мы пришли к Днепру. Краковский кастелян приказал увести прочь все паромы, поэтому мы оставались у Днепра несколько дней, пока не пришли к нам паромы. Благодаря Богу мы переправились через Днепр благополучно».[58]

Основным и весьма действенным оружием Лжедмитрия I по-прежнему были агитация и пропаганда. «Царевич» обещал мир и благоденствие, призывал добровольно присягать ему как законному государю. Агентура самозванца успешно распространяла слухи, что польский король и влиятельные вельможи Речи Посполитой уже признали Дмитрия «истинным великим князем Московским».

Пропаганда оказалась эффективной – многие приграничные города мирно и добровольно перешли на его сторону. Население

самочинно вязало воевод и передавало их Лжедмитрию, некоторые из «слуг государевых» признавали «царевича» законным государем и переходили на его сторону.

Одной из причин, обеспечивших победы малочисленного войска «царевича», стало банальное предательство служилого боярства. Вероятно, первым изменником среди высшего сословия стал воевода П. Л. Хрущов, направленный московским правительством к донским казакам для изобличения Лжедмитрия. Когда воеводу схватили и привезли к самозванцу, он признал в его лице «сына Иоанна» и выразил готовность служить ему как законному государю.

Митрополит Макарий указывал, что самозванец «взял с собою двух краковских иезуитов, которые и оставались при нем постоянно в качестве его духовных наставников и руководителей. Едва только начались успехи Лжедмитрия, едва покорились ему несколько украинских городов, как новый папа Павел V величал его (в январе 1605 года) государем всей России…»[59]

К январю 1605 г. на сторону Лжедмитрия I перешли Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы, Моравск, Чернигов, Белгород, Оскол, Валуйка, Воронеж, Елец и Ливны. Захваченная в этих городах казна использовалась для вербовки новых сторонников. Многие города пали в результате предательства. Так, сдачу Путивля объясняют изменой князя В. М. Рубец-Мосальского. При решающем штурме Кром воевода М. Г. Салтыков (либо вследствие некомпетентности, а скорее всего, просто изменив своему государю) отвел пушки в тыл, лишив правительственные войска огневой поддержки.

Однако и в лагере самозванца не все было гладко. После победы над царскими войсками 18 декабря 1604 г. под Новгород-Северским «рыцарство грустило, что пришлось терпеть великую нужду ему самому и его прислуге; некоторых же из них, надобно думать, приводил к этому страх – то есть они боялись, что их ожидает еще большая беда. Они стали требовать у царя денег и объявили – „если не дашь денег, то сейчас идем назад в Польшу“. Царевич очень просил их, чтобы потерпели и сейчас же, не медля, добивали неприятеля, который очень напуган и встревожен. Рыцарство не дало ему сказать и слова об этом, а напротив кричало: „Идем в Польшу, если не дашь денег“. Царевич, видя, что дело плохо, совещался, что делать, так как, надобно думать, он не имел столько денег, чтобы всем раздать. Товарищи из роты г. Фредра стали тайно говорить ему: „Дай лишь, наша царская милость, деньги нам, так чтобы другие роты об этом не знали; другие роты на нас смотрят, и если мы останемся, то и все останутся“. Обманутый таким образом, бедный царевич дал им

ночью деньги. Другие роты, узнав об этом, оскорбились, что царевич дал деньги одной роте, а другим ничего не дал, и взбунтовались. Главный воевода тоже двинулся из обоза от царевича, указывая на свое нездоровье и на то, что ему нужно быть на сейме, а за ним пошла и бóльшая часть рыцарства. Царевич в это время был очень печален и озабочен, потому что тогда он испытал от рыцарства разные огорчения; оно отняло у него знамя, сорвало с него даже соболью ферязь, которую уже русские выкупили за 300 злотых; притом некоторые употребляли позорные слова. Так один сказал: „Ей-ей, ты будешь на коле“, – за что царевич дал ему в зубы. Потом несчастный ходил от роты к роте, просил именем Христа, падал ниц и упрашивал не уезжать. Рыцарство никаким образом не соглашалось остаться, оставались лишь охотники, по несколько человек из роты, так что при царевиче осталось польских людей всего не больше 1500».[60]

Победа московского войска под Добрыничами 21 января 1605 г. была одержана с участием отрядов наемников. Потери Лжедмитрия составили свыше 10 тысяч человек, остатки его войска бежали.

«Главный военачальник Бориса, князь Мстиславский, получил в этой битве 15 ран, и если бы в дело не вмешались 700 немецких конников, которые тоже пришли в стан из своих поместий, и не бросились на помощь и выручку московитам, то московитам пришлось бы плохо. Эти 700 немцев отогнали Димитрия так далеко, что он был вынужден снова покинуть Северские земли и прекратить попытки взять крепость, где был Басманов».[61]

Однако своевременное преследование и захват самозванца организованы не были. Одержавшие победу воеводы почему-то решили, что «царевич» погиб в сражении. На настойчивые требования командиров иноземных отрядов развить успех до полной победы, взять в плен Лжедмитрия или организовать поиски его тела на поле битвы последовал самодовольный отказ. Иноземным спасителям, которые воевали даже не за свое государство и честно выполняли свой долг, «великие московские воеводы» спесиво указали – знайте, мол, свое место. Единственное, что удалось сделать, – организовать должное охранение, препятствовавшее возможным контратакам неприятеля.

В столице праздновали победу, и тогда же, в январе 1605 г., была выдвинута версия, что в роли самозванца выступил Григорий Отрепьев, сын галичского дворянина Богдана Отрепьева, расстриженный дьякон Чудова монастыря, одно время служивший у Романовых и Черкасских. В дипломатическом

послании польскому двору по поводу Отрепьева говорилось, что он был непослушным сыном, много раз «бегал» от отца, «заворовался», а после принятия пострига впал в ересь и в «чернокнижье», за что был расстрижен. Представив самозванца изобличенным преступником, Посольский приказ потребовал от властей Речи Посполитой выдачи «вора». Примечательно, что это требование последовало только через три месяца после того, как армия самозванца пересекла границы России.

Это еще раз подтверждает, что тогдашние государевы службы оказались не готовы своевременно и адекватно реагировать на быстрое изменение ситуации. Не исключено также, что информация до Годунова в должное время и в должной форме не доводилась в связи с явным или скрытым саботажем со стороны его ближайших «сподвижников». Более того, запоздалые и бессистемные действия московских властей ожидаемой поддержки в народе и – что еще важнее – в дворянской (военной) среде не получили.

Единственно правильным шагом Годунова стало предоставление Швеции в начале 1605 г. финансовой помощи. На эти деньги шведы смогли нанять большое количество наемников и военных инженеров в Европе. Но финансовая помощь не была подкреплена военно-политическим (антикатолическим) союзом.

Гришку Отрепьева предали анафеме, но реакция простого московского люда на церковное решение была своеобразной: говорили, что «прокляли какого-то татя», а царевич – настоящий. Это не удивительно: идея «высшей государевой справедливости» есть постоянная составляющая менталитета русского народа, не утратила она актуальности и в настоящее время. Российское общество начала XVII в. реагировало на самозванца как на «доброго» царя-освободителя, способного защитить простой народ от притеснений бояр. Но если в сознании народа закрепляется убеждение, что государь правит неправедно, то любовь к нему сменяется ненавистью.

Поскольку многие отечественные историки относятся к версии о тождественности Лжедмитрия I и Григория Отрепьева с большой осторожностью, приведем мнение С. Ф. Платонова, одного из наиболее крупных знатоков Смутного времени:

«Неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок. <…> Бесспорно однако то, что Отрепьев участвовал в этом замысле: легко может быть, что роль его ограничивалась пропагандой в пользу самозванца. (Есть известия, что Отрепьев приехал в Москву вместе с Лжедмитрием, а потом был сослан им за пьянство.) За наиболее верное можно также принять и то, что

Лжедмитрий – затея московская, что это подставное лицо верило в свое царственное происхождение и свое восшествие на престол считало делом вполне справедливым и честным».[62]

После разгрома под Добрыничами Лжедмитрий, потерявший всякую надежду на успех, бежал в Севск, а затем в Рыльск и Путивль. Согласно историческим исследованиям, он хотел уйти обратно в Речь Посполитую, но этому воспротивились местные жители, понимавшие, что ждать милости от царских войск им не придется. За преданность «Дмитрию» мужчин, женщин и детей сажали на кол, вешали на деревьях за ноги, расстреливали для забавы из луков и пищалей. Проходившие через Северщину войска «царевича» ничего подобного себе не позволяли, и это еще больше утвердило народ во мнении, что «Дмитрий» и есть «настоящий и справедливый царь».

Жестокость, проявленная в отношении населения поддержавших самозванца территорий, приводила к деморализации и разложению самой армии Годунова. В правительственном войске началось массовое дезертирство, а желание присягнуть Лжедмитрию быстро распространялось среди личного состава.

Вспомним еще одного важного персонажа того времени.

«В 1605 году, когда борьба Бориса с самозванцем была во всем разгаре, Филарет вдруг изменился и смело отгонял от себя палкою монахов, которые приходили следить за ним. Воейков доносил на него в таких словах: „Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется, все говорит про птиц ловчих, да про собак, как он в мире живал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им: „Увидите, каков я вперед буду“».[63]

Можно предположить, что опальный Федор Никитич располагал информацией о происходящих в государстве событиях, поддерживая тайную связь с Иваном – единственным из братьев, жившим тогда в Москве.

Никаких мер по выяснению, что имел в виду Филарет, когда говорил об изменениях в его положении, предпринято не было. Возможно, слова опального боярина восприняли как бахвальство, но не исключен и другой вариант. К 1604 г. популярность Годунова снизилась, а влияние его противников возросло, и скрытые сторонники Романовых, находившиеся в окружении Годунова, вполне могли воспрепятствовать проведению расследования в отношении Филарета или провести его в интересах последнего.

С приходом весны боевые действия были приостановлены. Лжедмитрий I воспользовался этим. Находясь в Путивле, он вел активную и успешную агитацию, обращался к населению и

царским воеводам с многочисленными воззваниями. В отправленном Годунову письме он предлагал ему добровольно покинуть престол, обещая взамен свою «царскую милость». Растерянность в правительственных войсках, лишенных нравственной опоры, да и в московском обществе в целом, нарастала. Многие представители московской знати радовались успехам самозванца, а ненависть к Годуновым становилась доминирующей в боярской среде.

Тринадцатого апреля 1605 г. у Бориса Годунова после обеда в Кремле началась внезапная кровавая рвота, открылось также кровотечение из носа и ушей, и вскоре он скончался. По поводу неожиданной смерти государя ходили разные слухи: одни утверждали, что он отравлен, другие – что Борис сам принял яд в порыве раскаяния. Примечательно, что у Годунова имелся присланный австрийскими Габсбургами лекарь по имени Эразм. Умирающего царя успели постричь в монахи под именем Боголеп, а на следующий день москвичи принесли присягу царевичу Федору, единственному сыну покойного государя.

Первое, что сделал Федор Борисович, – отозвал из армии князя Мстиславского и братьев Шуйских, а им на смену послал князя М. П. Катырева-Ростовского и любимца отца – воеводу П. Ф. Басманова. Как оказалось впоследствии, это решение оказалось для него и его семьи роковым: 7 мая 1605 г. в московской армии, стоявшей под Кромами, произошел мятеж во главе с князьями И. В. и В. В. Голицыными и боярами П. Ф. Басмановым и М. Г. Салтыковым. Часть войска во главе с князьями И. М. Катыревым-Ростовским и А. А. Телятевским отказалась присягать Лжедмитрию и ушла к Москве.

Объединенное войско самозванца направилось от Путивля к Туле: этот марш был поистине триумфальным, «истинного царевича» стекались приветствовать толпы народу. Из-под Тулы Лжедмитрий отправил в Москву Г. Г. Пушкина и Н. М. Плещеева с призывом к горожанам свергнуть Годуновых и признать его права на престол. Посланцы Лжедмитрия прибыли в село Красное, где их уже ждали, а 1 июня 1605 г. грамота самозванца была зачитана на Красной площади. Согласно разрядным записям, при большом скоплении народа выступил также Б. Я. Бельский, подтвердивший законность «царского» происхождения Лжедмитрия. Его слова послужили сигналом к мятежу: московский люд, полтора месяца назад присягнувший Федору Борисовичу, захватил царя, его мать Марию Григорьевну и сестру, царевну Ксению; все они были помещены под арест. Затем начались грабежи у родни и сторонников Годуновых. Могилу царя Бориса в Архангельском соборе вскрыли, и его останки

перезахоронили на том участке кладбища Варсонофьевского монастыря, где предавали земле бездомных и убогих.

Присяга новому царю была принесена, и московские вельможи заспешили в Тулу, чтобы передать самозванцу государственную печать, ключи от кремлевской казны, царские одежды и парадные доспехи. В Москве, однако, оставались царская семья и первый русский патриарх Иов, представлявшие серьезную угрозу не столько для Лжедмитрия, сколько для продажного московского боярства, – знать бы, как дело дальше повернется. Десятого июня участь страдальцев была решена. Сначала бояре Басманов, Голицын, Рубец-Мосальский, дворянин Молчанов и дьяк Шерефединов низложили и выслали из столицы патриарха, не признавшего самозванного царя. Затем с помощью трех стрельцов был совершен тягчайший для православного человека грех – цареубийство. Федор Борисович оказал сопротивление, поскольку «не по младости» дал Бог ему мужество. Клятвопреступники стали убийцами, что закономерно, причем убийцами трусливыми: народу объявили, что царь и царица приняли яд «от страстей». Всех родственников Годуновых, 74 семьи, отправили в ссылку. Московские бояре умели жестоко расправляться с политическими противниками.

Двадцатого июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно въехал в столицу, а 21 июня в Успенском соборе венчался на царство. При этом иезуит-ксендз Черниковский приветствовал самозванца на латыни. Заметим, что 21 июля по юлианскому календарю – это (тогда) 31 июля по календарю григорианскому. То есть венчание Лжедмитрия на царство состоялось точно в день смерти Игнатия Лойолы! Что это? Случайное совпадение или соблюдение тщательно продуманного иезуитами ритуала?

На патриаршество самозванец велел избирать митрополита Рязанского и Муромского Игнатия, первым из архиереев поддержавшего его войска. «Иезуиты же, зная грека Игнатия, бывшего папежской ереси, а потом в Рязани архиепископом, которого, хотя прочие все архиереи не хотели, однако ж, опасаясь из того большей беды, по повелению его поставили на патриаршество».[64] Современные исследования Н. Селищева позволяют утверждать, что лжепатриарх Игнатий получил схоластическое образование у римских иезуитов, после чего был внедрен в качестве агента влияния через греческий Афон на Русь.[65]

Правление нового царя началось с милостей: всем боярским родам, подвергнутым опале при Годунове, были возвращены прежние звания и имущество. Романовы, Шереметевы, Голицыны, Долгорукие, Куракины и другие вернулись из ссылки. Филарет

получил сан митрополита Ростовского. Сняли опалу и с родственников Годуновых – некоторые из них были назначены воеводами в Сибири и других отдаленных местах России. Лжедмитрий не только погасил долги московского правительства, но и удвоил жалованье сановникам и войску, а также отменил часть торговых пошлин. Эти мероприятия были рассчитаны на повышение популярности самозванца в глазах общества.

Однако некоторые его действия, вроде бы призванные показать доверие к подданным, вызывают недоумение. Вступив на престол, он поставил во главе московского войска бояр, которые изменили прежнему государю, и отпустил значительное число иноземных драбантов,[66] наградив их за верную службу. И это притом, что еще 16 июня, будучи в Коломне, он сказал немецкой депутации, что верит им больше, чем «своим русским». Принятые им решения имели негативные последствия. Во-первых, охрана была ослаблена. Во-вторых, отпущенные домой не выехали из Москвы, а потребовали повысить им вознаграждение. Не удивительно, что группы вооруженных иноземцев, преимущественно поляков, постепенно начали вызывать глухое неудовольствие у жителей столицы.

Тем временем русские вельможи уже строили заговоры против человека, в преданности которому клялись при крестном целовании несколько дней назад. Первым начал плести интригу Василий Шуйский, изменивший до этого Годуновым и призывавший москвичей признать «истинного царевича». Будучи Рюриковичем, Шуйский сам претендовал на московский трон, потому-то практически сразу и начал компанию по дискредитации Лжедмитрия.

Характер боярина прекрасно описал С. Ф. Платонов:

«Этот человек не стеснялся менять свои показания в деле Дмитрия: в 1591 г. он установил факт самоубийства Дмитрия и невиновность Бориса; после смерти Годунова перед народом обвинял его в убийстве, признал самозванца подлинным Дмитрием и этим вызвал свержение Годуновых. Но едва Лжедмитрий был признан Москвой, как Шуйский начал против него интригу, объявляя его самозванцем».[67]

На Шуйского донесли, он был арестован и вместе с братьями Дмитрием и Иваном предстал перед Земским собором. Собор приговорил боярина к смерти, но Лжедмитрий милостиво сохранил ему жизнь, что было еще одной стратегической ошибкой самозванца. Но еще большей ошибкой стало возвращение прощенного Шуйского в конце 1605 г. в Москву.

Едва Шуйский появился, в боярской среде возник новый заговор. Возглавили его Шуйские и Голицыны. К польскому

королю Сигизмунду III было направлено тайное посольство во главе с И. Р. Безобразовым, который вел переговоры о браке Лжедмитрия I с Мариной Мнишек, но главное – от имени бояр предложил московский престол сыну Сигизмунда Владиславу.[68]

Секретная служба Лжедмитрия I боярский заговор не выявила, как не выявила и появление на юге России очередного самозванца, прозванного Лжепетром. В народе ходили слухи (кем-то сознательно запущенные), что в 1592 г. царица Ирина родила мальчика, которого Борис Годунов подменил на девочку. Следуя этой версии, весной 1606 г., под влиянием головокружительных успехов Лжедмитрия, казачество выдвинуло в качестве «своего» самозванца «молодого товарища» Илейку Муромца (Илью Коровина), который и стал именоваться сыном царя Федора Ивановича, Петром. Примечательно, что ранее, весной 1605 г., Илейка находился в войсках Лжедмитрия и вместе с его армией оказался в Москве, где жил до Петрова дня (12 июля) на дворе у подьячего Дементия Тимофеева. Летом 1605 г. Илейка покинул столицу вместе с войском князя И. Д. Хворостина, которое было послано самозванцем для взятия Астрахани и ареста воевод, оставшихся верными Годуновым.

Выступая перед думными боярами вскоре после убийства Лжедмитрия (май 1606 г.), польские королевские послы, заявили, что в начале ноября «в Путивль прибыл с донскими казаками Петр Федорович, Недвядко по фамилии, который назвался сыном покойного царя Федора Ивановича». К нему пристали все северяне и вышеупомянутый Болотников «с небольшим отрядом войска».[69] Это заявление позволяет предположить, что человек, выдававший себя за Петра, мог быть ставленником иезуитов; после пленения в 1607 г. он выдал следствию свою биографию-легенду.

Вернемся, однако, к повествованию.

Весной 1606 г. несколько тысяч казаков сначала направились в Астрахань, а затем поднялись вверх по Волге до Самары, занимаясь по пути заурядным разбоем. В Самаре к Лжепетру от Лжедмитрия прибыл гонец с повелением «племяннику» идти к Москве «наспех», и тот послушался. Если Лжепетр действительно был ставленником иезуитов и рассчитывал на то, что «московский царь» подтвердит «истинность» его рождения от Михаила Федоровича, то тогда его появление в Москве усиливало позиции Лжедмитрия в столице. Возможно также, что Лжедмитрий надеялся устранить соперника позже.

Нельзя исключить и то, что появление Лжепетра было частью боярского плана свержения Лжедмитрия и что большую роль в этом сыграли те силы, которые хотели отвлечь внимание «царя»

от процессов, происходивших в придворной среде. А отвлечь можно было в первую очередь «военными играми», которые, по свидетельству современников, самозванец любил и, участвуя в них, вел себя как простой ландскнехт.

Зимой 1605/06 гг. в подмосковном селе Большие Вяземы для потехи «царя» построили ледяную крепость, оборону в которой держали московские бояре, а Лжедмитрий с поляками и своими телохранителями должен был брать ее приступом.

«Оружием с обеих сторон должны были быть только снежки. <…> Воспользовавшись удобным случаем, немцы примешали к снегу другие твердые вещества и насажали русским синяков под глазами».[70]

После штурма к самозванцу подошел один из бояр, «предостерег его и сказал, чтобы он эту игру прекратил, ибо многие бояре и князья очень злы на немцев <…> и чтобы он помнил, что среди них много изменников и что у каждого князя и боярина есть длинный острый нож, тогда как он и его немцы сняли с себя верхнее и нижнее оружие и нападают только со снежками, ведь легко может случиться большое несчастье».[71]

К весне 1606 г. личная охрана самозванца была несколько усилена:

«В январе он назначил трех капитанов. Первый – француз, чисто говоривший по-немецки, – был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет, и у него под началом было 100 копейщиков. <…> Второго капитана, лифляндца из Курляндии, звали Матвей Кнутсон, ему были вверены 100 алебардников. <…> Третий капитан был шотландец, по имени Альберт Вандтман, но его обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше. У него также было 100 алебардников. <…> Одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина – следующие сутки. Это вызвало большое недовольство, особенно среди московских вельмож, говоривших между собою: „Смотрите, наш государь уже теперь показывает этой стражей, что он и сейчас не хочет на нас смотреть, а что еще будет, когда приедет польская панна со столькими поляками, немцами и казаками“».[72]

При выездах царя сопровождала польская рота во главе с ротмистром Матвеем Домарацким (Доморацким).

Телохранители получали значительное денежное жалованье и поместья.

Русскими советниками Лжедмитрия являлись Б. Бельский и П. Басманов, польскими – братья Я. и С. Бучинские. Охрану Кремля несли стрельцы Стремянного полка.

Главным недостатком охраны самозванца следует считать слабую организацию разведки и контрразведки и, как следствие, отсутствие достоверной оперативной информации о замыслах и планах многочисленных политических противников.

Второго мая 1606 г., во время въезда в Москву Марины Мнишек, Лжедмитрий инкогнито находился в толпе с минимальной охраной во главе с Басмановым. Всего же на свадьбу «царя московского» прибыло от двух до шести тысяч иностранцев (в основном из Речи Посполитой), среди которых, по данным митрополита Макария, были пять иезуитов.

Некоторые историки объясняют пренебрежение мерами личной безопасности со стороны Лжедмитрия его уверенностью в своем царственном происхождении, он не слушал предупреждения бояр о безрассудности такого поведения. Вероятно, самозванец слишком уверовал в провидение Господне, защищающее его от любых невзгод и измен.

Но возможен и другой вариант, при котором мнимая «беспечность» служила дымовой завесой для маскировки истинных планов, которые должны были реализоваться вскоре после свадьбы.

Свадьба Лжедмитрия и Марины Мнишек состоялась 8 мая 1606 г., венчал, миропомазал и причастил новобрачных лжепатриарх Игнатий. При Марине находился в соборе ее духовник иезуит Савицкий, а иезуит Черниковский снова произнес речь на латыни.

«И вот в первые же дни после своего брака самозванец решился приступить к осуществлению своего намерения. „Пора мне, – говорил он 16 мая князю Константину Вишневецкому в присутствии двух своих секретарей, братьев Бучинских, – промышлять о своем деле, чтобы государство свое утвердить и веру костела Римского распространить. А начать нужно с того, чтобы побить бояр; если не побить бояр, то мне самому быть от них убиту, но лишь только побью бояр, тогда что хочу сделаю“. Когда ему заметили, что за бояр русские станут всею землею, самозванец отвечал: „У меня все обдумано. Я велел вывезти за город все пушки, будто для воинской потехи, и дал наказ, чтобы в следующее воскресенье, 18 мая, выехали туда будто бы смотреть стрельбу все поляки и литовцы в полном вооружении, а сам выеду со всеми боярами и дворянами, которые будут без оружия. И как только начнут стрелять из пушек, тотчас поляки и литовцы ударят на бояр и перебьют их; я даже назначил, кому кого убить из бояр“. Указав затем на некоторые прежние свои действия, весьма смелые, но имевшие успех, Лжедимитрий утверждал, что вполне надеется успеть и теперь, и в заключение с клятвою

произнес: „В следующее воскресенье, 18 мая, непременно побить на стрельбе всех бояр, и дворян лучших, и детей боярских, и голов, и сотников, и стрельцов, и черных людей, которые станут за них. А совершив то, я тотчас велю ставить римские костелы, в церквах же русских петь не велю и совершу все, на чем присягал папе, и кардиналам, и арцибискупам, и бискупам, и как написал под клятвою в записи своей (сандомирскому) воеводе“».[73]

Директор Императорской публичной библиотеки А. Ф. Бычков опубликовал в 1878 г. отрывки из «росписи» самозванца, относящейся к маю 1606 г. В ней действительно указывается, какому из поляков убить или пленить того или иного русского князя, боярина, дворянина или купца.[74]

Скорее всего, бояре через своих информаторов получили сведения о намерениях Лжедмитрия и назначили свое выступление на 17 мая. Руководители заговора, В. Шуйский, В. Голицын и И. Куракин, обязались друг другу: «А кто <…> будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством».[75]

Бояре склонили на свою сторону новгородские и псковские войска численностью 18 тысяч человек, стоявшие под Москвой в ожидании похода на Крым. Не исключено, что ратникам обещали вместо дальнего похода отпустить по домам.

Шуйский успокаивал тех, кто испытывал определенные сомнения: «Если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч, за него – пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах».[76]

В заговор оказались вовлечены не только бояре, но и некоторые купцы, а также сотники и пятидесятники московских стрелецких полков. Иностранных наемников, верно служивших Годунову, а после него самозванцу, решили не трогать. И тому были веские причины:

1) после смерти царя наемники автоматически освобождались от присяги, поскольку служили не царствующей фамилии, а определенной персоне;

2) загонять организованные высокопрофессиональные подразделения в «угол» было неразумно и чрезвычайно опасно.

После 10 мая 1606 г. среди московского люда началась массированная информационная война против самозванца. Его не без оснований обвиняли в намерении искоренить православие и уничтожить русское дворянство. Слухи распространялись с завидной быстротой, вовлекая в процесс все новых и новых представителей практически всех социальных слоев. Атмосфера накалялась.

К Лжедмитрию поступали отрывочные сведения о

настроениях в Москве. Немецкие алебардщики привели одного из агитаторов во дворец, но самозванец послушал бояр, уверявших, что не стоит обращать внимания на слова пьяного. Лжедмитрий был настолько уверен в своей безопасности, что проигнорировал донесения охраны, трижды (!) письменно докладывавшей ему об опасности.

Между тем, солдаты польской пехоты не разделяли беспечности «царя». Они доложили Юрию Мнишеку, который был у них воеводой, что москвичи не продают им больше оружия и пороха. Самозванец уверил тестя, что полякам бояться нечего, и для их успокоения велел расставить по улицам стрелецкую стражу. Других дополнительных мер безопасности ни он, ни его охрана не предприняли, а дежурное подразделение драбантов насчитывало не более ста человек.

Хорошо вооруженные польские отряды могли организовать серьезный отпор и сорвать планы московских заговорщиков. (Последним было известно, что послы поставили на своем дворе стражу, а Мнишеки разместили у себя всю польскую пехоту.) Поддержать самозванца могли также не участвовавшие в заговоре стрельцы Стремянного полка и отдельные москвичи.

Заговорщики придумали простой, но эффективный план, суть которого заключалась в том, чтобы пустить слух: «Ляхи бьют государя!» Простой люд откликнулся бы на него непременно, и оставалось только воспользоваться случаем, чтобы осуществить все свои замыслы, вплоть до убийства Лжедмитрия.

Был предусмотрен и вариант «тихого» устранения самозванца: дьяку Осипову надлежало тайно проникнуть в царские покои и заколоть «царя». В случае удачного покушения в роли виновных выставили бы поляков.

К вечеру 16 мая подготовка к перевороту была завершена. В Москве сосредоточились вооруженные сторонники заговорщиков, в город никого не впускали и не выпускали. Дома, где ночевали прибывшие на свадьбу Лжедмитрия и Марины Мнишек иноземцы, пометили условными знаками.

Караул наемников численностью в сто человек, несший службу у царского дворца, получил от имени Лжедмитрия приказ разойтись по домам. По разным данным, на посту осталось от тридцати до пятидесяти человек.

В четвертом часу утра (это время часто называют «часом переворотов») 17 мая 1606 г. колокольный звон возвестил о начале восстания. Все ворота Кремля были блокированы войсками. Василий Шуйский призвал идти на «злого еретика» во имя Божие, и через захваченные Спасские ворота заговорщики проникли на территорию царского двора. П. Басманов,

пытавшийся защитить «царя», погиб от руки М. Татищева, возвращенного Лжедмитрием из ссылки. Стрельцы внутреннего караула, не участвовавшие в заговоре, вначале отогнали нападавших, но последние пригрозили истреблением стрелецких семей в слободах. Мария Нагая прилюдно объявила, что царь – не ее сын. После этого самозванца выдали толпе, убившей его: открытый суд над ним мятежным боярам был невыгоден, так как на суде вскрылись бы факты многократных предательств «родовитых придворных мужей».

Призыв «Смерть ляхам!» сработал: на улицах Москвы было убито свыше двух тысяч иностранцев, сторонников Лжедмитрия. Избежать смерти смогли только те, кто, как Вишневецкий со своим отрядом, храбро оборонялись или своевременно успели бежать из Москвы. Иноземных послов для исключения международных скандалов и связанных с этим проблем, заговорщики заранее взяли под защиту, выделив для этого 500 стрельцов. Успели уйти от расправы и некоторые русские сторонники Лжедмитрия, такие как дворянин Молчанов; убежище они нашли в Речи Посполитой.

Иностранные наемники на русской службе (не путать с подданными польского короля, прибывшими в Москву) практически не пострадали, поскольку сумели не только организованно отойти из Кремля, но и наладить серьезную охрану мест своего проживания. Попытки разношерстной самоуправляемой толпы «лихих московских людишек» поживиться в иноземной слободе получили сильный вооруженный отпор. Следует отметить, что охрану мест проживания иноземных наемников и их семей обеспечили и руководители заговора, с тем чтобы сохранить для нового государя надежных союзников. Некоторые из них впоследствии опубликовали воспоминания об этом времени, как, например, офицеры охраны К. Буссов и Я. Маржерет.

После удачного завершения заговора тело самозванца сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, как бы символизируя конец грандиозного обмана. Некоторые представители духовенства предупреждали бояр о пагубности глумления над прахом, предрекая грядущие несчастья, но их не послушали.

Мятежники не предусмотрели всех негативных последствий своих вероломных действий. Боярский «верховой» заговор отнюдь не способствовал единению народа, разделившегося на многочисленные группировки приверженцев того или иного «царя» или претендента на трон. Интересы общества в очередной раз были принесены в жертву личным амбициям некоторых

представителей российской правящей элиты.

Девятнадцатого мая на Красной площади сторонники Шуйского «выкрикнули» его новым царем; впоследствии они стремились представить это «избрание» общенародным делом.

Понимая незаконность захвата власти, Шуйский предпринял активные меры для создания своего положительного образа. Шагом в этом направлении стало некоторое ограничение самодержавной власти. Во-первых, царь не мог никого лишить жизни без приговора Боярской думы. Во-вторых, отменялась практика преследования целого рода (семьи) за проступок одного его члена в делах политических. В-третьих, было обещано не верить доносам без расследования и наказывать доносчиков за несправедливые наветы.

Нет сомнений в том, что все эти нововведения были предложены под давлением московских вельмож в обмен на поддержку в заговоре против Лжедмитрия I, кроме того, они служили боярам страховкой от возможных репрессий со стороны самого Шуйского. Однако Шуйский не собирался терпеть рядом с собой бывших соратников: уже в июле многих из них отправили в почетную ссылку. Так, князь Рубец-Моссальский был назначен воеводой в Карелию, боярин М. Салтыков – в Ивангород, боярин Б. Бельский – в Казань, князь г. Шаховской – в Путивль.

Приняв присягу, Шуйский начал рассылать грамоты с одной целью – доказать законность замены царя Дмитрия царем Василием. Выстраивалась следующая цепь доказательств: свергнутый царь был самозванец – Шуйский же имеет права на престол, как Рюрикович, и избран законно. Грамоты отправлялись от имени Шуйского, бояр и инокини Марфы (царицы Марии Нагой). Особый упор делался на обоснование справедливости боярского переворота. В одной из грамот говорилось, что Лжедмитрий намеревался вывести за город наиболее известных бояр, дворян и думных людей под предлогом военных учений и там их «побить». Как мы видим, в этой грамоте боярская «революция» была достаточно грамотно представлена в качестве превентивного удара, нанесенного с благородной целью спасти жизнь «уважаемых людей» от «проклятых ляхов» и сохранить истинную православную веру.

В мае 1606 г. лжепартиарх Игнатий был низложен и заточен в Чудов монастырь, а вместо него патриархом избрали митрополита Казанского и Свияжского Гермогена. Одним из доказательств самозванства Лжедмитрия I стала канонизация «истинного царевича» Дмитрия и торжественный перенос его мощей из Углича в Москву в июне 1606 г. Религиозный обряд использовали как средство политического убеждения россиян в

правоте и «истинности» (легитимности) нового царя.

И все же меры, предпринятые правительством Шуйского, особого успеха не имели: слишком одиозной была личность человека, неоднократно менявшего свою позицию. Не очень доверяли и словам Марии Нагой. Старшинство рода Рюриковичей практически потеряло свое значение в глазах народа, и воцарение Шуйского могла оправдать разве что поддержка Земского собора. Но легитимным способом получения верховной власти Шуйский пренебрег, заменив его банальным «выкрикиванием» на площади 19 мая. Захватив трон насильственным путем, он, по сути, придал новый импульс самозванству со ссылкой на «исторические анналы», бунтам и междоусобицам. Масштабы гражданской войны и усиления внутригосударственной напряженности в его царствование значительно возросли.

Уже в июле 1606 г. в Москве начались мятежи, к которым подстрекали Нагие и их родственник боярин Шереметев. Волнения охватили весь юго-запад России. Лжепетр узнал об убийстве Лжедмитрия в Свияжске, после чего повернул на юг и сжег Царицын, а затем опустошил низовья Дона и разорил Царев-Борисов. Затем он направился на северо-запад, к ставленнику Лжедмитрия князю г. Шаховскому. Тот признал Лжепетра как племянника и наместника Лжедмитрия.

Воевода Путивля Шаховской объявил жителям, что московские изменники убили не Дмитрия, а «немца» и что настоящий сын Ивана Грозного «чудесным образом спасся и ныне скрывается в Северской земле». Это извечное заклинание о «чудесном спасении» послужило сигналом к новому мятежу в тех же городах, что добровольно присягали при Лжедмитрии. Население ожидало нового самозванца, личность которого уже не играла особой роли. Желание свергнуть московского царя Василия овладело массами и стало доминирующим политическим лозунгом, объединившим не только разные социальные слои, но и прежних непримиримых врагов.

Ярким примером сотрудничества различных политических сил стало движение, в недавнем советском прошлом называвшееся «крестьянской войной» под руководством И. И. Болотникова. Признаем, что доля истины в этом названии, несомненно, есть.

Иван Исаевич Болотников, первым возглавивший в 1606 г. вооруженную борьбу против Шуйского, – уникальная личность. Считается, что он был боевым холопом князя А. А. Телятевского, затем казаковал на Дону и Волге, стал атаманом. Попав в плен к крымским татарам, был продан в рабство на турецкие галеры, после освобождения европейцами Болотников через Венецию и

Германию попал в Польшу, что называется – в нужное место и в нужное время.

Похождения Ивана Болотникова в Европе нельзя доподлинно проверить. Возможно, он был ставленником иезуитов, которые через посредников выкупили его у османов, должным образом подготовили, а затем отправили в Россию с определенной миссией. В Самборе Болотников, вызвавший подозрение как русский, был задержан и доставлен к человеку, который назвался «царем Дмитрием». В роли мнимого «государя» выступал М. Молчанов, один из приближенных Лжедмитрия, участник ликвидации семьи Бориса Годунова.

На наш взгляд, участие в ликвидации и тот факт, что Молчанов сумел ускользнуть из Москвы в ночь переворота, позволяют практически однозначно считать его причастным к секретной службе Лжедмитрия I (а точнее, иезуитов). Говорит это и о сети информаторов, своевременно предупредивших его о заговоре. Хотим заметить, что подавляющее большинство представителей папского престола пережили переворот без существенных потерь и благополучно добрались до Речи Посполитой и других европейских стран.

Известно, что по пути в Речь Посполитую Молчанов распространял слухи о спасении самозванца. Задолго до названных событий этот человек проводил в Самборе работу по поиску приемлемой кандидатуры на роль нового «царя Дмитрия» и параллельно вербовал сторонников будущего московского «государя». Болотников, который произвел на Молчанова выгодное впечатление, был послан в Путивль и назначен «большим воеводой» «царя Дмитрия».

После победы болотниковцев под Кромами в сентябре 1606 г. и начала осады Москвы в октябре в правительственных войсках началось массовое дезертирство. Так, набранные в Перми войска сначала устроили маленькую междоусобную войну, а затем попросту разошлись по домам. Число противников Шуйского, наоборот, продолжало увеличиваться, а восстания на юге России сделались повсеместными. Боярский сын сотник Истома Пашков взбунтовал Тулу, Венев и Каширу; в Рязанском княжестве подняли мятеж воевода Г. Сунбулов и дворянин П. Ляпунов.

О Прокопии Ляпунове следует сказать особо. После смерти Бориса Годунова он перешел на сторону Лжедмитрия, затем в составе отрядов Болотникова воевал против Шуйского, но в ноябре 1606 г. повинился перед царем. В 1607 г. Ляпунов стал думным дворянином. В 1608–1610 гг. руководил движением служилых людей против пособников Лжедмитрия II в Рязанском крае. В июле 1610 г. выступил организатором свержения царя

Василия. После захвата Москвы польскими интервентами в 1611 г. Ляпунов возглавил Первое народное ополчение. Когда летом 1611-го в ополчении возникло Земское правительство, он стал его главой. Принятый по инициативе Ляпунова «приговор 30 июня» сводил на нет данные казакам обещания «воли и жалованья». Нетрудно догадаться, какая участь ожидала вдохновителя «приговора».

Характерно, что один из братьев Ляпуновых – Захар – еще в 1603 г. проходил по розыску о нелегальной торговле оружием для донских казаков, за что был бит кнутом.

В Астрахани Шуйскому изменил воевода – князь И. Хворостинин.

Таким образом, большинство «повстанческих армий» возглавляли люди, которые в силу не только присяги (крестного целования), но и долга служилого человека перед Отечеством были обязаны бороться с мятежниками.

Московские мятежи и заговоры получили логическое продолжение – пример незаконного захвата верховной власти в стране оказался заразителен. Смутное время хорошо иллюстрирует, к каким тяжелым последствиям может привести недооценка руководителем государства роли секретных служб, призванных обеспечивать безопасность Отечества и его личную безопасность.

После того как в октябре 1606 г. Болотников, Ляпунов и Пашков захватили Коломенское, положение Шуйского стало критическим. Правительственная армия практически распалась, провинциальные служилые дворяне разъехались по своим городам. Ядро царской армии составляли дворяне «московского списка»: стольники, жильцы, стряпчие. Их число в описываемый период составляло не более тысячи человек. Кроме того, в столице имелось несколько тысяч боевых холопов московских бояр, однако их надежность была сомнительной. Часть стрельцов московского гарнизона перешла на сторону повстанцев.

В Москве отсутствовали достаточные запасы продовольствия, поскольку многие коммуникации перерезали казаки и другие «разбойники». Не выплачивалось жалованье ратным людям. Войско «царя Дмитрия» насчитывало около 20–30 тысяч человек. В этих условиях московское правительство было вынуждено принимать экстренные меры для защиты столицы. И. Масса пишет, что в Москве провели перепись всех жителей старше шестнадцати лет, которым выдали оружие. В результате число защитников города возросло примерно на 10 тысяч человек. Всех москвичей, имевших оружие – не только пищали и сабли, но и рогатины с топорами, – записали «в осаду». Во многие города

разослали грамоты с призывом к служилым людям собираться для обороны Москвы. Войско, сосредоточившееся в Замоскворечье, возглавил молодой талантливый воевода князь М. В. Скопин-Шуйский.

Однако наибольшую помощь защитникам принесла не тотальная мобилизация, а раскол в мятежных войсках. Болотников проявил неосмотрительность: в его грамотах, обращенных к московскому низшему сословию, содержались следующие призывы:

«Велят боярским холопам побить своих бояр, жен их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам-ворам велят гостей и всех торговых людей побивать, именья их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество».[77]

Что это? Банальная глупость или целенаправленная политика иезуитов по дальнейшей дестабилизации внутрироссийской обстановки и дальнейшему разжиганию гражданской войны?

Ляпунов и Сунбулов позицию Болотникова не поддержали и решили явиться с повинною к царю Василию. В середине ноября 1606 г. часть рязанских дворян, детей боярских, стрельцов и казаков перешла на сторону Шуйского. Последний изменников принял, простил и даже наградил. Ляпунов, в частности, как мы уже указывали выше, получил чин думного дворянина. Второго декабря, во время битвы под Коломенским, на сторону Шуйского перешел со своим отрядом Истома Пашков. Как полагал С. М. Соловьев, позиция Шуйского по отношению к изменникам базировалась на следующем:

«Наказать первых раскаявшихся изменников значило заставить всех других биться отчаянно и таким образом продлить и усилить страшное междоусобие…»[78]

Вынужденная терпимость к изменникам и перебежчикам принесла должные результаты.

Вероятно, переход дворянско-служилой части войска мятежников на сторону правительства мог быть обусловлен предварительной работой секретной службы Шуйского, обрабатывающей наиболее неустойчивых сообщников Болотникова. Нельзя исключить также, что столь одиозные, с точки зрения отталкивания от себя широких масс, грамоты Болотникова к москвичам были инспирированы московской тайной службой. Потерпев поражение, Болотников отступил в Коломну, затем в Тулу.

Однако опасность, угрожавшая Московскому государству, не ослабла, а усилилась. Зимой 1607 г. в Литве объявился новый «царь Дмитрий», вошедший в историю как Лжедмитрий II, или

Тушинский вор. В мае он перешел русско-польскую границу, объявился в Стародубе и был признан населением. Шуйскому пришлось вести войну на два фронта. Царя Василия спасла от стратегического поражения только слабость личности Лжедмитрия II, формировавшего войско крайне медленно (лишь в сентябре он двинулся на помощь Лжепетру и Болотникову).

Летом 1607 г. против Шуйского действовали отряды и других самозванцев. Терские казаки, поддержавшие Лжепетра, выдвинули нового самозванца – «царевича Ивана-Августа», «сына» Ивана Грозного от брака с Анной Колтовской. Ему покорились Астрахань и все Нижнее Поволжье. Вслед за ним появился «внук» Грозного, «сын царевича Ивана Ивановича, царевич Лаврентий». В казачьих станицах множились «дети» царя Федора: «царевичи» Симеон, Савелий, Василий, Клементий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка. Все эти «царевичи» вынуждали правительство распылять силы. Смута порождала множество временных «героев», каждый из которых хотел получить свою часть власти в условиях слабости центральной власти и полного разброда в национальном сознании подавляющей народной массы.

Шуйский, желая прекратить сопротивление болотниковцев, принял предложение «некоего немца» Фидлера отравить Болотникова в Калуге. Фидлер поклялся:

«Во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сию клятву в том, что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишит меня Господь навсегда участия в Небесном блаженстве; да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Святого Духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на Божию помощь и Святое Евангелие».[79]

Фидлеру выдали сто рублей и в случае успеха обещали сто душ крестьян и 300 рублей ежегодного жалованья. Однако тот, прибыв в Калугу, тотчас рассказал все Болотникову и отдал ему зелье.

Приведенный пример показывает, что использование случайных людей для проведения тайных специальных мероприятий без предварительной проверки и тщательной подготовки просто недопустимо. Разоблачение таких агентов может быть использовано противником, в том числе в политических целях. По нашему мнению, Фидлер мог быть как банальным авантюристом, так и агентом Болотникова, специально направленным для организации фальшивого покушения, чтобы предотвратить покушение настоящее.

В этих условиях у Шуйского был один выход –

сконцентрировать силы и попытаться разбить противников поодиночке, не дав им соединиться.

И. Масса писал: «Царь по усердной просьбе московских бояр решил самолично выступить в поход (против Болотникова. – *Авт.*) с началом лета и повелел отписать во все города, чтобы все дети боярские (*diti boiaersci*) или дворяне, жившие спокойно в своих поместьях и не приехавшие нести службу, были высланы, а нетчиков велено переписать и лишить поместий, отчего многие отовсюду стали приезжать на службу, так что множество ратников выступило в поход…».[80]

Как мы видим, предпринятые московским правительством решительные меры экономического воздействия по отношению к нетчикам (дезертирам) оказались достаточно эффективными.

В конце июля 1607 г. правительственные войска начали осаду Тулы. Но руководство осадой было некомпетентным, а сопротивление болотниковцев – активным и профессиональным, они прекрасно понимали, что поражение для них равнозначно истязаниям во время «сыска» и последующей мучительной смерти во время казни.

На этот раз Шуйского спас Иван Сумин, сын Кровков, муромский «сын боярский», предложивший запрудить реку Упа и затопить Тулу. Вначале царедворцы посмеялись над этим предложением, потом вынуждены были согласиться. То, что не смогли сделать бездарные воеводы, сделали вода и голод – именно они победили осажденных, и те решили сдаться.

Шуйский хотел как можно скорее избавиться от Лжепетра и Болотникова, потому пообещал им помилование. Десятого октября Болотников приехал к царю и, встав перед ним на колени, сказал:

«Я исполнил свое обещание, служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Польше: справедливо или нет – не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсечь ее этою саблею, но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как и тому, кто не поддержал меня».[81]

Несмотря на обещание «милости», Лжепетр был повешен, Болотников ослеплен и утоплен в Каргополе, а Шаховской сослан.

С. М. Соловьев так характеризовал события тех лет:

«В страшное время Смуты, всеобщего колебания, человек, подобный Болотникову, не имевший средств узнать истину касательно событий, мог в самом деле думать, что исполнил свой долг, если до последней крайности верно служил тому, кому начал служить с первого раза. Но не все так думали, как

Болотников; другие, не зная, кто царь законный – Шуйский или так называемый Димитрий, – считали себя вправе оставлять одного из них тотчас, как скоро военное счастье объявит себя против него; иные, считая и Шуйского и Лжедимитрия одинаково незаконными, уравнивали обоих соперников вследствие одинаковой неправоты обоих и вместе с тем уравнивали свои отношения к ним, считая себя вправе переходить от одного к другому: и тех и других было очень много».[82]

Лжедмитрий II, в отличие от своего предшественника Лжедмитрия I и Болотникова, ни организаторскими, ни военными талантами не обладал. В октябре 1607 г. он был в пятидесяти километрах южнее Тулы, но на помощь Болотникову не спешил, а узнав о падении города, начал поспешно отступать на юго-запад. В числе его сторонников были и русские, и поляки, и донские и запорожские казаки, и волжские татары; их всех объединяли ненависть к Шуйскому и стремление к личной наживе. Каждая из партий, соперничавших в Тушинском лагере самозванца, созданном летом 1608 г., стремилась использовать его в своих интересах.

Самозванца поддержали многие знатные католики: Вишневецкий, Тышкевич, Меховецкий, Зборовский, Казановский, Бартош Рудский (Руцкий), Лисовский, Ян Сапега (двоюродный брат канцлера). Главную угрозу для Москвы в 1608–1612 гг. представляли сильные польско-литовские войска, во главе которых стояли решительные и честолюбивые военачальники: те же Лисовский, Сапега, Рожинский, Жолкевский и др. При всех внутренних противоречиях у этой партии была общая цель – посадить на московский трон польского ставленника. И только продолжавшаяся польско-шведская война не позволила полякам привлечь под Москву в 1608 – начале 1609 г. более значительные военные силы.

Лжедмитрий II умел изображать ревностного православного, знал церковнославянское богослужение и продержался дольше предшественника. А в 1608–1609 гг. для него были подготовлены специальные инструкции, в которых излагалась стратегия контроля над Москвой со стороны Речи Посполитой. Также в них содержались рекомендации, как следует поступать царю, чтобы обеспечить личную и государственную безопасность.

ИНСТРУКЦИЯ 1

«1) Хорошо, если бы государственные должности и сопряженные с ними преимущества раздавались не по древности

рода; надобно, чтобы доблесть, а не происхождение получало награду. Это было бы для вельмож побуждением к верной службе, а также и к унии. Однако при этом должно смотреть, чтобы не возникли раздоры между старыми и новыми сенаторами. Не худо бы это распоряжение отложить до унии, а тут раздавать высшие должности в виде вознаграждения более приверженным к ней, чтобы сам государь вследствие унии получил титул царский, а думные его сановники – титул сенаторский, то есть чтобы все это проистекало от папы; должно обещать и другие преимущества, чтобы скорее склонить к делу Божию.

2) Постоянное присутствие при особе царской духовенства и бояр влечет за собою измены, происки и опасность для государя: пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться. А вместо них Его Величеству иметь советниками мужей зрелых и доблестных как для суда, так и для дел государственных; пусть он беседует преимущественно с теми из них, от которых зависит спокойствие государства и любовь народная к государю, не оставляя совершенно и прочих, но попеременно имея при себе то тех, то других. Притом беспрестанные угощения бояр и думных людей, долгое пребывание с ними влекут за собою трату времени, опасность и ненужные издержки, порождают неудовольствие и, вероятно, [они] были причиною нынешней трагедии. Однако надобно иметь в виду и то, чтобы эти бояре вдали от глаза государева не замышляли чего-нибудь опасного. Надобно запретить всякие собрания. Государь должен кушать иногда публично, а иногда в своих покоях, по обычаю других государей.

3) Недавний пример научает, что Его Величеству нужны телохранители, которые бы без его ведома, прямо как до сих пор бывало, никого не пропускали во дворец или где будет государь. Нужно иметь между телохранителями иностранцев, хотя наполовину со своими, как для блеска, так и для безопасности. <…> В телохранители и комнатные служители надобно выбирать таких людей, которых счастье и жизнь зависят от безопасности государя, или, говоря ясно, истинных католиков, если совершится уния. Из москвитян брать в телохранители приверженных к унии, которые, обращаясь и разговаривая с нашими, желали бы видеть наше богослужение, слушать проповеди и прочее.

Таким образом, от самих подданных, а не от государя возникнут разговоры об унии; государь будет скорее посредником и судиею, чем действователем и поощрителем: это нужно для отвращения ненависти, особенно теперь, вначале. Притом надобно выбрать расположенных к дому Ее царского Величества (Марины Мнишек. – *Авт.*). Надобно обращать внимание и на то,

что верность людей, которым незачем возвращаться в отечество, бывает подозрительна. Между здешними нашими, кажется, много таких, которые по безнравственности и буйству в великой ненависти у москвитян. Надобно смотреть, чтобы поведение католиков, находящихся при их величествах, не навлекало порицания святой вере и унии.

4) И москвитян не очень должно отдалять от двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцев. Эти приближенные к царю москвитяне могут примером своим поощрять других к унии. Государь только посредством них может сноситься с подданными в делах, необходимых для государства. Наконец, они доказали свою верность тем, что при открытии недавнего заговора подвергали опасности жизнь свою за государя. Надобно остерегаться, чтобы не подать повода к новым заговорам, в противном случае должно было бы держать всегда иноземное войско, но все насильственное недолговечно. Как трудно без русских получить предостережение на случай бунта, крамолы и прочего, долженствующего быть известным государю, то изведано на опыте. Притом не должно забывать о положении государства по смерти государя: если все будет делаться силою и страхом, то надобно опасаться, что благие намерения государя относительно преобразования веры, народа и государства обратятся в ничто. Потом надобно позаботиться о Ее Величестве и о дворе их величеств (Марины Мнишек и ее малолетнего сына Ивана. – *Авт.*). Важнее всего было бы сближение наших с москвитянами и дружественные беседы их, особенно при дворе государевом. Пусть наши держат слуг и мальчиков из московского народа, но они должны смотреть внимательно, сколько и в чем доверять каждому. Не худо, если бы царица из вельможных семейств московских имела при дворе своем несколько лиц обоего пола. Полезно, чтобы поляки, если возможно, взяли с собою в Польшу сыновей знатных бояр: это послужило бы к перемене нравов и веры и было бы ручательством за безопасность наших здесь. При раздаче должностей дворских весьма полезно давать полякам более приближенные, а москвитянам – почетнейшие, чтоб оградить жизнь и безопасность государя.

5) Производить тщательно тайный розыск о скрытых заговорщиках и участниках заговора: вызнавать расположение близких особ, чтобы знать, кому что поверить.

6) Для принятия просьб назначить известных верностью секретарей, которые должны отправлять дела как можно скорее. Этим, с одной стороны, приобретается расположение подданных, с другой – охраняется безопасность государя, ибо в просьбах

могут заключаться предостережения.

7) Канцелярия должна употреблять скорее народный язык, чем латинский, особенно потому, что латинский язык считается у туземцев поганым. Однако государю нужно иметь при себе людей, знающих язык латинский, политику и богословие, истинных католиков, которые бы не затрудняли благого намерения, не сближали государя с еретиками, не подсовывали книг арианских и кальвинских на пагубу государству и душам, не возбуждали омерзения к наместнику Христову, не отторгали соединения с государями католическими. Такие ученые, по крайней мере, необходимы для сношений с государями христианскими.

8) Веновая запись,[83] данная царице, должна быть за подписью думных людей. Одной копии быть здесь, а другой – в Польше, с печатями и подписями. При случае включить в договор с Польским королевством, чтобы Ее царское Величество была под покровительством королевства при перемене обстоятельств. Надобно, чтобы сенаторы и подданные по городам дали присягу Ее царскому Величеству как своей государыне на подданство и послушание; один экземпляр присяжного листа хранить здесь, а другой – в Польше, с подписью правителей и старост городовых. На всякий случай дозволить царице покупку какого-нибудь имения в Польше, по преимуществу соседнего с волостями, ей уступленными в Московском государстве.

9) Перенесение столицы, по крайней мере на время, кажется необходимым по следующим причинам: *a*) это будет безопаснее для государя; *в*) удобнее будет достать иностранное войско и получить помощь от союзного короля и других государей христианских; *c*) при перемене царя для царицы удобнее получить помощь от своих, безопаснее и легче выехать с драгоценностями и свободною в отечество; однако разглашать о перенесении столицы не нужно, ибо это ни к чему не послужит, надобно жить где-нибудь, только не в Москве; *d*) мир московский будет смирнее: он чтит государя, вдалеке находящегося, но буйствует в присутствии государя и мало его уважает; *e*) обычные пирования с думными людьми могли бы удобнее исподволь прекратиться; *f*) удобнее было бы вести переговоры об унии; *g*) удобнее приискивать людей способных; *h*) легче учреждать коллегии и семинарии подле границы польской; *i*) легче московских молодых людей отправлять учиться в Вильно и другие места. <…>

11) Императорское достоинство вряд ли долго удержится в доме Австрийском и государстве Немецком вследствие распространения протестантизма в Германии. Если еретики [в] курфюрсты выберут еретика или произойдет раздор по поводу

избрания, то папа передаст императорское достоинство тому из государей, кто ревностнее других будет защищать Церковь. Кто знает, не наступило ли время, когда императорское достоинство, перенесенное при Карле Великом с Востока на Запад, будет перенесено с Запада на Север.

12) Если жив сын старшего брата царского, то престол по праву принадлежит ему. В таком случае обеспечением для Дмитрия может служить уния, ибо Церковь имеет власть царей неверных удалять от владычества над верными и вручать скипетр верным сынам своим.

13) Сохранение царского Величества от внезапной смерти справедливо приписать молитвам Церкви; тем же молитвам надобно приписать и то, что люди, восставшие на государя с целью воспрепятствовать унии, претерпели много неудач и множество погибло их от меньшей силы».[84]

ИНСТРУКЦИЯ 2

«1) Еретикам – неприятелям унии запретить въезд в государство.

2) Выгнать приезжающих сюда из Константинополя монахов.

3) Руси Польской заградить путь к происка́м, ибо и теперь по ее наущению произошло кровопролитие, Его царское Величество едва спасся и возникла бóльшая, чем прежде, ненависть к унии.

4) С осторожностью должно выбирать людей, с которыми об этом говорить, ибо преждевременное разглашение и теперь повредило.

5) Государь должен держать при себе очень малое число духовенства католического. Письма, относящиеся к этому делу, как можно осторожнее принимать, писать, посылать, особенно из Рима.

6) Государю говорить об этом должно редко и осторожно. Напротив, надобно заботиться о том, чтобы не от него началась речь.

7) Пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, которые могут проложить путь унии. Поводом к этому могут служить объезды и исследования по последнему заговору, в котором участвовало и духовенство; преобразование нравственности и способа учения духовенства, отдаление неучей священников, которые сами не знают о вере и других не учат. Вследствие этого прихожане не знают Символа веры, десяти заповедей, молитвы Господней, отсюда между ними клятвопреступления,

прелюбодеяния, пьянство, чародейство, обман, воровство, грабежи, убийства, редкий почитает за грех воровство и грабеж. Нет поучительных проповедей для народа. Священники отличаются невежеством при исповеди. Священство раздается за деньги.

Предложить вопрос об отношении патриарха Московского к Византийскому, откуда его власть. Обратить внимание на то, что молодые люди не получают образования, что большие доходы духовенства не обращаются на дела полезные. Почему не ввести наук, какие были при св. Златоусте, Василии, Николае и других святых, которые были учеными, учили и учиться велели? А для этого нужно соединение с Церковью латинскою, которая производит столько людей ученых. Почему бы по примеру прежних святых патриархов не произвести преобразования в вере и нравах, чтоб все было по-прежнему, как жили до разделения Церквей и до владычества турок, ибо с того времени все в духовных делах начало портиться? Почему бы не иметь семинарии и коллегиума? При случае намекнуть на устройство католической церкви для соревнования. Издать закон, чтобы все подведено было под постановления соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдет дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с Божию помощию может быть приступлено и к унии.

8) Раздавать должности людям, приверженным к унии, внушать им, какие от нее произойдут выгоды; особенно высшее духовенство должно быть за унию, оно должно руководить народ к предположенной цели, а это в руках Его царского Величества.

9) Намекнуть черному духовенству о льготах, белому – о достоинствах, народу – о свободе, всем – о рабстве греков, которых можно освободить только посредством унии с государями христианскими.

10) Иметь при государе священников придворных и способных, которые бы указывали истинный путь словесно и письменно.

11) Учредить семинарии, для чего призвать людей ученых, хотя светских.

12) Отправить молодых людей для обучения в Вильно или лучше туда, где нет отщепенцев, – в Италию, в Рим.

13) Позволить москвитянам присутствовать при нашем богослужении.

14) Хорошо, если бы поляки набрали здесь молодых людей, отдали бы их в Польше учиться отцам иезуитам.

15) Хорошо, если б у царицы между священниками был один

или два униата, которые бы отправляли службу по обряду русскому и беседовали с русскими.

16) Для царицы и живущих здесь поляков построить костел или монастырь католический».[85]

Мы полагаем, что митрополит Филарет, находившийся в Тушинском лагере с 1608 г. и игравший роль «нареченного патриарха», мог получить информацию об этих инструкциях. Не исключено также, что он получил их копии. Изучение приведенных выше документов позволяет сделать следующие выводы.

Первое: основная политическая линия на тот момент заключалась в стремлении создать унию с Российским государством.

Второе: возможность создания унии неразрывно связана с обеспечением безопасности государя, придерживавшегося указанной политической линии.

Третье: характер рекомендаций не оставляет ни малейших сомнений, что они составлены профессионалами в политической, военной, социальной, философско-религиозной и секретно-специальной областях деятельности.

Четвертое: в числе специалистов, готовивших инструкции, были не только западные, но и российские эксперты, хорошо знавшие внутреннюю обстановку в России, особенности психологии и национального характера россиян. Учитывая постоянную связь кардинала Боргезе с папским нунцием в Речи Посполитой, наиболее вероятно предположение, что идеологом такой политики выступала католическая церковь.

Во время Смутного времени на стороне Василия Шуйского, который при заключении Выборгского договора 1609 г. пообещал передать Швеции Корельский уезд, сражались шведские войска. Однако после ряда поражений от поляков, обвиняя русскую сторону в неисполнении договора, шведский отряд Якоба Делагарди ушел из России и впоследствии, пользуясь неустройствами Смутного времени, оккупировал Ижорскую землю и Новгород. Активизация Швеции на восточном направлении и попытка захватить Ливонию привела к ухудшению отношений с Данией, Голландией и Англией, торговля которых несла убытки из-за военных действий. В 1611 г. между Данией и Швецией началась Кальмарская война, одной из причин которой была Нарва.

В то же время агенты британской Московской компании Джон Меррик и Уильям Рассел пытались навязать России английский протекторат. Английские дипломаты и разведчики обсуждали при

этом планы захвата Русского Севера, единственного тогда выхода России к морю. Одним из авторов этого проекта был шотландец капитан Чемберлен, служивший в шведских войсках, захвативших Новгород. Эта политика получила одобрение английского короля Якова I, но не была реализована вследствие разгрома армий интервентов.

Обнаруженное в конце XIX в. на месте Тушинского лагеря военное снаряжение позволяет оценить уровень развития оружейного дела в начале XVII в. Из огнестрельного оружия найдены стволы пищалей с кремневыми и фитильными замками (вес – свыше 3 кг, длина – до 750 мм, материал – мягкое железо, толщина стенок – до 10 мм, калибр – 10,5–12,5 мм). В казенной и дульной частях имеются утолщения, предохранявшие ствол от разрыва. К ложу ствол крепился с помощью ушек или сережек, находившихся в нижней части, стрельба велась круглыми свинцовыми пулями. Для изготовления пуль применялись щипцы-пулелейки, напоминавшие современные пассатижи, но с округлой полостью для отливки пули. Для отливки сразу нескольких пуль различного калибра существовали щипцы с несколькими полостями. Стрельба велась с упора, в качестве которого использовались бердыши, служившие одновременно холодным оружием в ближнем бою.

Холодным оружием посадских людей являлись рогатины, также найденные на месте Тушинского лагеря. Кавалеристы в атаке использовали легкие копья с узколистным наконечником и массивной (иногда граненой) втулкой и сабли. Для ближнего боя в конном строю применялись кистени и булавы, самыми популярными были булавы со срезанными углами.

Для защиты воинов использовались шлемы-шишаки, кольчуги и панцири. Для изготовления кольчуги, вес которой достигал 8–12 килограммов, требовалось в среднем 16–22 тысячи колец. Поверх кольчуги могли крепиться дополнительные пластины-зерцала. Против кавалерии пехотинцы использовали кованые ежи под названием «чеснок» – своеобразные мины тех лет, поражавшие копыта лошадей. Особенно опасен был «чеснок» с крючьями на концах, оставлявший при извлечении рваную рану, что значительно затрудняло заживление.

Одним из наиболее знаменательных событий Смутного времени является оборона Троице-Сергиева монастыря, представлявшего собой хорошо оснащенную крепость. Стены имели высоту около шести метров и толщину около трех метров. Двенадцать башен давали возможность вести перекрестный огонь и простреливать пространство под самыми стенами.

При приближении войск Сапеги и Лисовского в сентябре

1608 г. жители окрестных сел сожгли свои дома и укрылись за стенами монастыря. Число защитников крепости – воинов, монахов и крестьян – не превышало трех тысяч человек. Руководили обороной воевода Г. Б. Долгоруков-Роща и дворянин А. И. Голохвастов. Им противостояло почти 30-тысячное войско, но ни один из штурмов не удался. Не удалось подвести и подкоп под Пятницкую башню, чтобы взорвать ее и через образовавшуюся брешь ворваться в монастырь. Установив место подкопа, отряд защитников крепости сумел пробиться к нему. Крестьяне Никон Шилов и Петр Слота взорвали заготовленный для подкопа порох ценой собственной жизни. Осада крепости была снята в январе 1610 г., после подхода отрядов М. В. Скопина-Шуйского.

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский – один из немногих представителей русской знати, не запятнавших себя предательством. В числе первых он осознал необходимость серьезных военно-политических преобразований. Небольшие, но хорошо обученные, дисциплинированные, связанные общей идеей и единым командованием польские войска часто наносили поражение значительно превосходившим их по численности русским. Военная отсталость московского войска стала особенно очевидной при совместных действиях Скопина-Шуйского со шведским отрядом Я. Делагарди. Поняв необходимость обучения своих войск, князь поручил перевести иностранные военные уставы на русский язык, дабы узнать новые военные хитрости. Перевод осуществили М. Юрьев и И. Фомин.

Завершить эту работу помешала смерть М. В. Скопина-Шуйского в апреле 1610 г., в возрасте всего 24 (!) лет. Князь был чрезвычайно популярен в России, многие хотели видеть его во главе Московского государства после смерти дяди – бездетного Василия Шуйского. Ляпунов даже прислал из Рязани послов с предложением возвести князя на трон, не дожидаясь смерти царя. Все это представляло опасность и для самого Шуйского, и для его брата Дмитрия, и особенно для их приближенных, многократно перебегавших из лагеря в лагерь. Делагарди, информированный о ненависти боярства к своему соратнику, советовал тому как можно скорее покинуть Москву и отбыть с верными войсками под Смоленск. Однако Скопин-Шуйский не послушал его и после пира у князя И. М. Воротынского заболел и скоропостижно скончался. По одной из версий, причиной смерти был яд, поднесенный ему в вине женой Дмитрия Шуйского Екатериной (дочерью М. Скуратова). Военно-политические и теоретические начинания Скопина-Шуйского получили продолжение уже при Романовых.

Если смерть М. В. Скопина-Шуйского была насильственной и царь Василий являлся участником заговора, то это – самая

большая его ошибка. Двадцать четвертого июня нового воеводу Дмитрия Шуйского под Можайском разбил польский гетман Жолкевский. Причиной поражения послужил отказ иноземных наемников принять участие в боевых действиях: воевода не выплатил им давно ожидаемое жалованье, ссылаясь на отсутствие денег, которые у него на самом деле были. Природа человеческая всегда раскрывается в самые неподходящие моменты…

Это поражение стало для Шуйского роковым. Заговор против него возглавил князь Ф. И. Мстиславский. Семнадцатого июля 1610 г. участники заговора во главе с З. Ляпуновым пришли во дворец и потребовали от Шуйского отречения. Князь И. М. Воротынский, свояк царя, уговорил его оставить престол и принять Нижегородский удел. Однако через два дня руководители мятежа снова пришли в царские покои и заставили Шуйского (а вместе с ним и его жену, царицу Марию) принять постриг.

В сентябре 1610 г. Василий Шуйский был выдан С. Жолкевскому, который вывез его под Смоленск, а позднее в Польшу. Умер низложенный царь в заключении в Гостынском замке.

Эти события дают основания предположить: несмотря на постоянное участие в многочисленных заговорах, которые в конце концов привели его на вершину власти, несмотря на каждодневную угрозу для жизни уже в «должности» царя, Шуйский так и не удосужился создать эффективную службу безопасности. Это тем более удивительно, что он сам в недавнем прошлом выступил организатором заговора против Лжедмитрия I, однако осознать значение «государевой тайной службы» применительно к себе не сумел.

В итоге к власти в Москве пришла группировка, представлявшая старейшие московские фамилии, в истории она известна как Семибоярщина: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Ф. И. Шереметев, Б. М. Лыков, И. Н. Романов. Стремясь сконцентрировать власть в своих руках, означенные выше князья интриговали друг против друга. Система безопасности русских государей, созданная еще Рюриковичами, оказалась разрушенной. Отдельные представители этой системы, служившие противоборствующим группировкам, вынуждены были бороться со своими бывшими коллегами. В этих условиях имевшие единую систему управления польские войска в сентябре 1610 г. вошли в Москву, чему способствовали многие представители правящей московской элиты.

Ранее, в августе 1610 г., московское правительство заключило

новый договор с командующим польской армией гетманом Станиславом Жолкевским. В договоре подтверждалось, что на русский трон сядет сын Сигизмунда III Владислав. Сигизмунд (кстати, и сам претендовавший на титул царя) обязался прекратить осаду Смоленска, начатую в сентябре 1609 г. (Забегая вперед, скажем, что поляки так и не выполнили своего обязательства, и 3 июня 1611 г. Смоленск пал.) Именно на основании этого договора в ночь с 20 на 21 сентября польские войска и вошли в столицу. Реальная власть сосредоточилась в руках польского командования (гетмана Гонсевского) и его прямых пособников: М. Салтыкова, Ф. Андронова и др.

В условиях открытой интервенции против России поляки, оставив Лжедмитрия II, стали переходить в армию своего короля. В конце осени 1609 г. самозванец бежал из Тушино в Калугу, но затем вместе с Сапегой двинулся к Москве и стал лагерем в Коломенском. В июне 1610 г. в стане самозванца начался раскол, и он вновь бежал в Калугу. Осенью 1610 г. Лжедмитрий II казнил касимовского хана Ураз-Махмета (Ур-Мамета), а в декабре начальник татарской стражи (!) самозванца князь Петр Урусов в отместку за смерть касимовского правителя на охоте убил самого Лжедмитрия.

Но в России были и другие люди. Нашествие «ляхов» способствовало всплеску национально-освободительной борьбы. Духовным лидером сопротивления стал патриарх Гермоген. Будучи заточен в Чудов монастырь, через «безстрашных людей» – сына боярского Р. Моисеева и Р. Пахомова – он продолжал повсюду рассылать грамоты с призывом крепко «стоять в вере». В начале 1611 г. по инициативе Прокопия Ляпунова было создано Первое народное ополчение, которое в июле того же года после убийства Ляпунова распалось. Однако уже в сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде началось формирование Второго ополчения под руководством земского старосты Кузьмы Минина (Кузьмы Минича Анкундинова), сумевшего наладить сбор денежных средств на вооружение, и зарайского воеводы князя Дмитрия Пожарского. Летом 1612 г. в Москву прибыли значительные силы наемников во главе с гетманом Ходкевичем, а 24 июля к Москве подошли части Второго народного ополчения. В результате их действий 22 октября 1612 г. штурмом был взят Китай-город, а 26 октября польский гарнизон Кремля капитулировал. Москва была освобождена.

Глава 3
Восстановление государевых спецслужб в XVII в

И в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя.

Г. К. Котошихин

Приступая к рассказу о перипетиях Смутного времени, мы сознательно обратили внимание читателей на европейские и ближневосточные события начала XVII в., поскольку они имели либо опосредованное, либо прямое отношение к этим событиям.

В тот же период не менее значительные перемены происходили и в Японии. В стране закончилась Эпоха воюющих провинций. В 1603 г. Иэясу Токугава завершил процесс объединения страны и вынудил императора присвоить ему титул сёгуна. В 1605 г. он формально передал титул своему сыну Хидэтаде, но сохранял в своих руках всю полноту власти до смерти в 1616 г.

Сёгунат (военное феодальное правительство) династии Токугава правил Страной восходящего солнца более двух с половиной веков, вплоть до 1868 г.[86] Столь долгому правлению способствовала динамичная многоуровневая и тотальная система безопасности, выстроенная Иэясу Токугавой и продолжавшаяся совершенствоваться при его преемниках.

Угрозу безопасности династии представляли собой следующие факторы: многочисленные заговоры дайме против сёгуна; вооруженные восстания крестьян; вторжение иностранных завоевателей; интриги императорского двора и наиболее активного буддийского духовенства.

Для надзора за деятельностью всех слоев населения была создана мощная система сыска, стержнем которой являлись особые чиновники-*мэцукэ* («цепляющие к глазам», «смотрящие»). Так назывались и высшие чиновники, контролировавшие деятельность губернаторов, и рядовые сотрудники службы, неотличимые от горожан или крестьян. К низовому аппарату мэцукэ относились: *хасири-мэцукэ* – «бегающие» мэцукэ, *сенин-мэцукэ* – «карликовые» мэцукэ, *сэнтэ-гуми-но досин* – стражники отряда упреждения, *о-нивабан* – «садовники», *тайоку-кэйко* – охрана внутренних покоев, *кедан* – «слушающие болтовню на

пиру», *мицумоно* – «тройные люди», *дацуко* – «похитители слов», *уками-бито* – «вызнающие», *монокики* – слушающие.

Чиновники-мэцукэ, находившиеся на легальном положении, соединяли в своей деятельности одновременно и полицейские, и прокурорские функции, а их указания были обязательными для должностных и частных лиц. Тайные агенты, скрывавшие принадлежность к аппарату мэцукэ, назывались *оммицу* – «темная тайна». Подразделения мэцукэ напрямую подчинялись сёгуну и занимались выявлением нарушений его интересов в политической, экономической, социальной и военной сферах. Окончательно эта система сформировалась к 1617 г.

Мэцукэ решали следующие задачи:

собирали тотальную информацию о деятельности губернаторов, государственных служащих и частных лиц в центре и на местах (приоритетное направление – наблюдение за жизнью тодзама-дайме и христиан);

несли охрану сёгуна, его семьи и приближенных;

осуществляли разведку за пределами Японии;

вели борьбу с христианством и надзирали за буддийским духовенством;

охраняли (и одновременно жестко контролировали) резиденцию императора в Киото;

проводили контрразведывательные мероприятия в отношении всех видов разведки реальных и потенциальных противников и союзников сёгуна;

выполняли многочисленные административно-полицейские функции и разнообразные функции спецназа безопасности.

В 1603–1616 гг. все дайме (князья) попали в личную (и очень жесткую) зависимость от сёгуна, который разделил дворянство на несколько разрядов и категорий. Придворная аристократия *кугэ*, составлявшая близкое окружение императора, была объявлена самым высоким разрядом феодального дворянства, но реального экономического и политического влияния она не имела. Право на наследственный титул получали лишь те князья, чей годовой доход превышал 10 тысяч коку риса.[87]

Все дворянство было поделено на группы в зависимости от участия в битвах при Сэкигахаре 21 октября 1600 г. и при Осаке в 1615 г. В высшую группу дайме входили *госанкэ* – три знатные семьи, родственные дому Токугава: Кии, Миото, Овари. Вторую группу, *фудай-дайме*, составляли самураи, поддерживавшие Токугаву еще до его прихода к власти. Из их числа (свыше 150 человек) формировался состав правительственных органов и назначались наместники провинций. Остальные были членами *букэ* (военных домов) и разделялись на дайме (князей) и *буси*

(рядовых дворян). Буси обычно не имели собственных земельных владений и получали рисовый паек от своего господина.

Князья, враждебные Токугаве в борьбе за центральную власть, относились к опальной группе *тодзама-дайме*. Примерно восемьдесят наиболее влиятельных князей этой группы, не уступавших по богатству дому Токугавы, оценивались как постоянные – и опасные! – соперники. Их земли нередко конфисковывали, а бывших хозяев расселяли между владениями фудай-дайме, чтобы предотвратить создание компактных оппозиционных группировок. Только в 1600–1602 гг. были конфискованы владения 72 опальных дайме. Чтобы морально подавить недовольных князей, правительство заставляло их приезжать в Эдо, чтобы засвидетельствовать почтение верховной власти сёгуна.

Контроль над императором осуществлялся в соответствии с инструкцией, называемой «*Черные параграфы*» Токугавы. Ворота императорского дворца постоянно были заперты, самому императору разрешалось покидать дворец не чаще трех раз в год, но и для этого требовалось особое разрешение. В структуре мэцукэ разведкой в отношении императора и его придворных ведал специальный чиновник с широкими полномочиями – *сесидай*. Он лично докладывал сёгуну о том, что происходит на императорском дворе, и не допускал никаких контактов императора с внешним миром.

Что касается деятельности синоби, то после победы Токугавы в битве при Сэкигахаре положение старинных кланов, культивировавших «скрытые боевые искусства», усложнилось, поскольку войны на время прекратились и спрос на их услуги резко упал. Лишившись возможности зарабатывать привычным для них шпионско-диверсионным ремеслом, синоби были вынуждены либо поступить на службу в сёгунат, либо наниматься к купцам, чтобы следить за их конкурентами, и, наконец, они могли промышлять банальным разбоем на дорогах.

Синоби, выбравшие службу, объединялись в *синоби-гуми* (шпионские отряды), получившие название по названиям городов, где располагались их школы: Ига-гуми, Кога-гуми и Нэгоро-гуми. Отряд *Ига-гуми* охранял внутренние покои Токугавы, отряд *Кога-гуми* – трое главных ворот замка Эдо, а отряд *Нэгоро-гуми* выполнял полицейские функции в столице. Сёгун поступил мудро, доверив нести противодиверсионную службу профессиональным диверсантам. При этом и синоби, и приближенные к Токугаве самураи постоянно контролировали друг друга. Некоторые кланы самураев получили привилегированное право контролировать кланы синоби, чтобы,

изучив секретные (ранее) техники этих кланов, выработать методы противодействия на случай предательств и измен. Наиболее известной из таких секретных служб по «особому надзору» была школа боевых искусств *тайша-рю*. Ее можно назвать «особым отделом» сёгуна, и в случае крайней необходимости члены школы выполняли функции, которые многим нашим читателям известны по публикациям о советской контрразведке СМЕРШ. Такая многоуровневая и сложная система взаимного и тотального контроля создавала совершенно уникальные условия для развития секретных институтов Японии.

Для надзора за передвижениями внутри страны были приняты особые меры: введены специальные разрешения для тех, кто по каким-то причинам отправлялся в путь;

введены паспорта на право пребывания в других провинциях;

установлен контрольно-пропускной режим на всех главных трактах.

Вассалам сёгуна паспорта не требовались. Крестьянам получить разрешение было легче, чем самураям, – достаточно было записки от деревенского старосты или владельца дома. Бродячие актеры могли просто продемонстрировать стражникам свое мастерство.

И все же, несмотря на явное военное и экономическое превосходство, Иэясу Токугава не чувствовал себя в абсолютной безопасности.

Одна из главных угроз исходила от дайме-христиан, проживавших на острове Кюсю, ибо они торговали с теми европейцами, которые поставляли огнестрельное оружие. К началу XVII в. в Японии, по разным оценкам, насчитывалось от 200 до 750 тысяч христиан-католиков. В 1611–1614 гг. были изданы указы против христианства: это учение объявлялось «дьявольским и разрушительным», посему всем вассалам Токугавы приказали официально отречься от христианства. Португальских и испанских купцов, носителей чужой веры, из Японии изгнали. При поддержке буддистского духовенства жертвами религиозных чисток стали более тридцати тысяч японцев.

Принимались и «тайные» меры. В 1613 г. Иэясу Токугава отправил в Европу посольство, которое посетило Мадрид и Рим, где побывало на аудиенции у папы Павла V. В составе посольства находился разведчик-мэцукэ Датэ из провинции Сэндаи.

В начале XVII в. основным политическим противником сёгуната являлся Тоетоми Хидэери, вокруг которого объединились многочисленные противники клана Токугава. Заговорщики планировали убить Иэясу при помощи синоби из

числа сторонников, но им это не удалось. В 1615 г. в результате многомесячной осады замок Тоетоми в Осаке был взят, почти все заговорщики – убиты, а сам Хидэери сделал харакири. После этой расправы в Японии установились длительный мир и относительная стабильность.

После смерти Иэясу репрессии против христиан и ограничения на торговлю с иностранцами усилились. С 1616 г., в правление Хидэтада Токугавы, иностранцы могли торговать только через порты Нагасаки и Хирадо; в 1622 г. были казнены 120 миссионеров и новообращенных католиков. В 1624 г., уже при Иэмицу Токугаве, была запрещена торговля с Испанией, а в 1629 г. казнены тысячи христиан. В 1635 г. вышел указ сёгуна, запрещавший покидать пределы страны (ослушавшихся ждала смертная казнь), японцам, ранее уехавшим за рубеж, въезд на родину был закрыт. Был наложен запрет на строительство судов водоизмещением более восьмидесяти тонн, пригодных к океанским переходам.

В декабре 1637 г. христиане, проживавшие в окрестностях города Симабара на острове Кюсю, подняли восстание против местного князя, имевшее не только религиозные, но и экономические причины. В восстании приняли участие до тридцати тысяч крестьян и ронинов (свободные воины), включая женщин; лидером восставших стал шестнадцатилетний (!) Амакуса Сиро (он же Масуда Токисада). Начало было успешным: восставшие уничтожили отряд самураев (2800 человек), посланный на подавление мятежа, а затем захватили замок Хара. Войска сёгуна (до 200 тысяч человек), осадившие крепость, смогли взять ее только после многодневного штурма при поддержке корабельной артиллерии голландских купцов (в апреле 1638 г.), потеряв более десяти тысяч человек.

После подавления восстания были казнены свыше 37 тысяч его участников, а также сочувствовавших. Сёгунат, обвинивший в организации восстания «варваров-христиан», запретил иностранцам въезд в страну и разорвал отношения с Португалией, казнив членов ее посольства. В 1640 г. были прерваны отношения и с Голландией.

После 1641 г. Япония стала закрытой страной, все контакты с иностранцами ограничивались портом Нагасаки: 70 китайских и 5 голландских судов в год. Однако полностью искоренить христианство японским властям не удалось. На севере острова Кюсю и на юго-западе острова Хонсю сохранились немногочисленные общины тайных христиан, обычно маскировавшихся под буддийские секты.

В последующие двести с лишним лет на территории Японии

не было ни одного крупного вооруженного конфликта. Десять поколений самураев периода Эдо никогда не принимали участия в сражениях. А участие в разгроме повстанцев в Симабаре стало последней операцией, в которой синоби действовали как разведчики и диверсанты.

«Начиная с эпохи Канъэй (1624.II – 1644.XII) наметилась новая тенденция в развитии секретной службы *оммицу*. К этому времени ситуация в стране в значительной степени стабилизировалась, и период опасливого отношения к потенциальным мятежникам-дайме ушел в прошлое. Тайные агенты все меньше и меньше использовались для слежки за князьями и их вассалами, и в целом их численность резко сократилась. Однако система секретной агентуры не разрушилась окончательно, хотя и претерпела коренные изменения. Этому в немалой степени способствовали бурное развитие городов, прежде всего Эдо, Киото и Осаки, формирование городского сословия, увеличение численности населения в стране, рост числа крестьянских выступлений. В этих условиях усилия тайной службы все чаще направлялись на поддержание порядка и контроль за настроениями масс. Таким образом, система мэцукэ постепенно трансформировалась из секретной службы политического и военного характера в секретный полицейский аппарат. В этот период многие специалисты по синоби-дзюцу стали переходить под начало городских и храмовых управляющих (*буге*). А деятельность по контролю за дайме хотя и не была полностью свернута, но продолжалась в гораздо меньших масштабах.

Так, многие *ерики* (полицейские) из числа Кога-моно заняли важные посты в полицейской структуре, а Ига-моно по большей части остались на прежнем месте службы в качестве садовников-телохранителей, и лишь некоторые из них поступили на службу в полицию. Такая разница в судьбах Ига-моно и Кога-моно объясняется различиями в их подготовке. Дело в том, что Кога-моно по большей части были выходцами из слоя тюнинов. Поэтому они владели не только приемами рукопашного боя, разведки и маскировки, но и навыками анализа, оценки ситуации, глубоко разбирались в человеческой природе. А вот синоби, или как чаще принято называть их сегодня – ниндзя из Ига, комплектовавшие ряды „садовников“, владели в основном приемами уровня *гэнин* – могли тайком прокрасться куда надо, убить кого нужно и бесследно исчезнуть. Только все это для полицейского-стражника такого большого значения, как ранее, не имело.

Переход из службы безопасности сёгуната в полицейское

ведомство не мог не повлиять на содержание подготовки бывших синоби. Теперь им приходилось разоблачать и задерживать разного рода преступников. Отсюда повышенный интерес к технике обезоруживания, связывания, конвоирования, пыток и допроса подозреваемых и свидетелей. С другой стороны, старинные шпионские методы проникновения в охраняемые помещения и крепости, сближавшие ниндзя с ворами, из системы обучения полицейских агентов во многом были изъяты. Фактически это привело к полному пересмотру наследия школ синоби, или, как часто называют это сегодня, – *нин-дзюцу*, которое теперь рассматривалось с точки зрения преследователя, а не с точки зрения преследуемого.

Интересно, что даже многие приемы боя новых полицейских были позаимствованы из арсенала синоби периода Сэнгоку-дзидай. Так, классическим оружием мэцукэ стали *дзиттэ* (затупленная металлическая дубинка с „усиком“ для защемления меча), *манрики-гусари* (цепь с грузиками на концах) и *рокусякубо* (шест около 180 см длиной). Эти три вида в период Токугава назывались *мицу-догу* – „три приспособления“. Они считались наиболее эффективными видами оружия в бою с фехтовальщиком, вооруженным мечом. Кроме того, манрики-гусари и дзиттэ можно было легко спрятать в складках одежды, чтобы не выдавать свою принадлежность к мэцукэ и использовать в толпе или тесном пространстве. Известно, что одной из древних школой бу-дзюцу, специализировавшейся в овладении манрики-гусари, была *Масакирю*, которую основал Масаки Тосимицу, начальник охраны центральных ворот Эдо. По легенде, он стремился исключить всякую возможность вооруженного конфликта в таком ответственном месте. Однако, по мнению известного американского исследователя японских бу-дзюцу Дона Дрэгера, использование этих видов оружия отражало снижение мастерства фехтовальщиков, поскольку только в этом случае мэцукэ мог приблизиться достаточно близко к своему противнику, чтобы использовать такое короткое оружие как дзиттэ. Для сравнения, в период Сэнгоку-дзидай в число мицу-догу входили такие мало известные ныне виды оружия, как *сасумата* (двузубое копье), *содэгарами* (багор с шипами для зацепления клинка противника) и *цукубо* (Т-образное шипастое оружие). Эти три вида оружия имели длинные древки, позволявшие держать мастера кэн-дзюцу на приличной дистанции.

Спрос на подготовленных синоби катастрофически упал. Многие отпрыски старинных семей, практиковавших нин-дзюцу, забросили тренировки по дедовским рецептам. И вправду, зачем

было им истязать себя до изнеможения на протяжении целого ряда лет, если потом от полученных навыков все равно не было никакого проку? Период расцвета нин-дзюцу уже миновал, и оно неуклонно деградировало. Лишь единицы во всей Стране восходящего солнца овладевали приемами синоби-дзюцу в полной мере. Те из них, кто не находил себе применения на государственной службе или на службе дайме, становились разбойниками. Возможно, именно поэтому документы XVII–XIII вв. содержат столь много сообщений о суперворах».[88]

Однако полностью искусство синоби не было утрачено. В 1676 г. синоби из клана Ига-рю Фудзибаяси Ясутакэ закончил трактат «*Бансэнсюкай*» («Десять тысяч рек собираются в море»), считающийся энциклопедией разведывательного искусства средневековой Японии. Автор разделял это искусство на две основные части: *Енин* (Светлое) и *Иннин* (Темное). Раздел «Енин» охватывает стратегию и тактику деятельности спецслужб (способы организации агентурных сетей и их структура; методы анализа полученной информации и ее реализация; прогнозирование ситуации; разработка долгосрочных стратегических планов с учетом политических, экономических, военных, географических и т. п. факторов). Раздел «Иннин» посвящен практическим приемам добывания информации (способы проникновения на вражескую территорию с использованием «легенды»; подделка документов; различные уловки для обмана охраны; приемы скрытого наблюдения, ухода от погони; методы шифрования информации и многое другое, что до сих пор входит в арсенал классических секретных служб).

Профессиональный разведчик XVII в. умело скрывал свою биографию, место жительства и принадлежность к спецслужбе. Подготовка синоби включала усвоение многочисленных навыков: конспиративное переодевание; подражание голосам и звукам; плавание; скоростной и марафонский бег; непонятный для других профессиональный сленг; длительная неподвижность (включая маскировку под труп); рисование; умение производить сложные измерения и вычисления. Отдельно изучались специальные дисциплины: боевая подготовка с оружием и без него; ликвидация неугодных, порча вооружения; изготовление и применение зажигательных смесей и взрывчатых веществ; военно-прикладная медицина и анатомия; способы приготовления специальных ядов и противоядий; прикладная психология, психотехники нападения и защиты; психофизический тренинг; регулирование дыхания; развитие остроты слуха, вкуса, осязания, обоняния, зрения, способность переносить голод, жажду и т. п.

* * *

Вернемся к российским события.

Двадцать первого февраля 1613 г. Земский собор избрал на царство Михаила Федоровича Романова. Он получил царство в самом плачевном состоянии. Продолжались войны с Польшей и Швецией, и его главной задачей стало освобождение Отечества от иноземных захватчиков.

За годы Смутного времени вместе с общим ослаблением Московского государства ослабли и русские секретные службы, которые при отсутствии централизованного руководства стали отставать от передовых государств Европы. Однако работа по добыванию информации продолжалась. Уже в марте 1613 г. в Речь Посполитую с дипломатической миссией был направлен дворянин Д. Г. Аладьин, который получил и секретные инструкции по ведению разведки:

«А, едучи ему от Вязьмы до Смоленска, и от Смоленска до Орши, и от Орши до короля дорогою, и на станах проведывать ему себе тайно всяких людей про короля и про панов Рад[ы]: где ныне король и паны <…>. А больше всего проведывать ему всякими мерами накрепко, что с сейму вперед королевского и панов Рад[ы] над Московским государством умышляется, и про королевский поход, и про всякие вести, которые надобно ведать для оберегания от недругов в Московском государстве».[89]

В начале XVII в. ударную военную силу русской армии представляли стрелецкие полки и конное дворянское ополчение. Однако их боевые возможности ограничивались слабой военной подготовкой и низким качеством командного состава. В основе материального благополучия стрельцов лежало не столько денежное жалованье, сколько доход от торговли, поэтому они были более заинтересованы в ней, нежели в изучении военного дела. При назначении воевод и командиров стрелецких приказов и дворянских полков в первую очередь учитывались древность рода претендента и былые заслуги рода (система местничества), поэтому члены Боярской думы (30–35 человек) имели практически неограниченное влияние в русском воинстве, которое, несмотря ни на что, разрасталось. По сведениям Г. К. Котошихина, только московских стрелецких полков во времена первых Романовых было более двадцати.

Первым государственным учреждением, созданным в 1613 г., стал *Приказ сбора казачьих кормов* (*Казачий приказ*) во главе с дворянином И. М. Пушкиным и дьяком И. Шевыревым. Официально приказ ведал сбором хлеба на жалованье казакам и служилым людям «по прибору». Снабжение из казны позволяло

русскому царю привлечь на свою сторону часть вольных казаков и тем самым укрепить южную границу, уменьшить рост казачества за счет феодально-зависимого населения, уменьшить влияние Речи Посполитой среди руководства Запорожской Сечи, а также отвлечь на себя внимание крымских и турецких силовых структур. Создание приказа во многом было обусловлено и Смутой, не утихшей на юге России, где действовал один из сторонников Лжедмитрия II атаман Иван Заруцкий.

В войске Заруцкого находились Марина Мнишек[90] с сыном Иваном, родившимся в январе 1611 г. В конце мая 1613 г. князь И. Н. Одоевский разбил войско мятежного атамана под Воронежем, но преследовать остатки его отрядов не стал. В конце года Заруцкий обосновался в Астрахани и, захватив приволжские рыбные угодья, обратил доходы с них в свою пользу, что обеднило московскую казну. Затем атаман начал планировать поход на Москву на лето 1614 г. По некоторым сведениям, Заруцкий широко использовал имя «царя Дмитрия». Марина Мнишек в челобитных именовалась великой княгиней, а ее сын – царевичем и великим князем.

Зимой 1614 г. атаман развил бурную деятельность: он предполагал стянуть к себе все бродячие шайки Московского государства, взбунтовать волжских казаков, татар и ногайцев и двинуться с ними вверх по Волге.[91] Донским и волжским казакам были разосланы «прелестные письма», на которые откликнулись люди определенного склада, готовые идти «за зипунами» куда угодно. Еще одним союзником Заруцкого стал освобожденный им из астраханской тюрьмы ногайский мурза Джан-Арслан. Юртовские татары мурзы Иштерека были принуждены к союзничеству с мятежниками путем взятия заложников. Кроме того, атаман отправил посольство к персидскому шаху, пообещав ему в подданство Астрахань.

В Москве хорошо понимали опасность намерений Заруцкого, который мог стать очередным самозванцем, и принимали меры к подавлению мятежа. Михаил Федорович послал атаману письмо, обещая полное прощение в случае прекращения бунта. Одновременно государь поручил подавление мятежа И. Н. Одоевскому, окольничему С. В. Головину и дьяку Юдину. Когда в Астрахани произошло выступление противников Заруцкого, Одоевский без промедления отправил туда на судах отряд стрельцов, приказав им плыть днем и ночью. (Как видим, он учел свою ошибку.)

В начале июля 1614 г. окруженные стрельцами на Медвежьем острове казаки выдали руководителей мятежа правительственным войскам в обмен на собственное

помилование.

Держать пленников в Астрахани было опасно, поэтому Одоевский решил перевезти их в Казань, причем по отдельности. Заруцкого сопровождал конвой из 130 московских и 100 астраханских городовых стрельцов во главе со стрелецким головой Баимом Голчиным. Марину с сыном конвоировала охрана из 500 самарских стрельцов во главе с Михаилом Словцовым. В наказе, данном сопровождению, строго указывалось вести пленных «с великим береженьем», в оковах, а при попытке освобождения – убить их. В конце июля, вскоре после прибытия в Москву, Заруцкого и малолетнего «царевича» публично казнили (борьба за власть невозможна без проявлений жестокости!). Марина Мнишек умерла в тюрьме от болезни и от тоски по воле. Государь, вероятно под влиянием бояр, хорошо помнивших Смутное время, решил дать подданным урок на будущее.

Создание Казачьего приказа способствовало улучшению внутриполитической обстановки в России. Например, в 1613 г. в Путивле был создан гарнизон из донских казаков. Осенью 1613 г. стрелецкий голова Б. Чулков, действовавший против украинских казаков в Заонежье, принял на службу отряд «охочих» казаков во главе с атаманом Т. Антипьепым. В 1613–1614 гг. дворянин М. Ошушкин «прибрал» под Смоленском отряд «охочих» казаков. Часть казаков была «испомещена» (размещена на жительство) на севере, на территории Белозерского и Вологодского уездов.

В 1615 г. отряд запорожцев на семидесяти парусно-гребных «чайках» совершил рейд к устью Дуная, где в ходе морского боя захватил более десяти турецких галер. В следующем году казаки гетмана П. К. Сагайдачного атаковали Очаков, потопив при этом 15 турецких судов. Тактика морского боя, применяемая запорожцами, сводилась к атаке из засад на мелководье или в условиях плохой видимости, что позволяло брать турецкие суда на абордаж, до того как противник успеет применить корабельную артиллерию. Также казаки вели разведку турецких сил в бассейне Черного моря.

Однако полностью привлечь казаков на свою сторону московскому правительству в тот период не удалось. Это было связано с тем, что «испомещение» небольшой части казаков не изменило взаимоотношений вольного казачества с правительством. В 1613–1615 гг. обширные территории к северу от Москвы являлись ареной военных действий между московскими войсками и множеством казацких отрядов. Главной причиной недовольства казаков было подтверждение царем боярских привилегий и дарование права боярам возвращать к

себе прежних холопов, значительная часть которых во время Смуты пошла в казаки.

Еще большей угрозой для русского государства стало присоединение двадцатитысячного войска запорожцев Сагайдачного к походу польского королевича Владислава на Москву летом 1618 г. с целью занятия русского престола. Для привлечения казаков на свою сторону поляки согласились на расширение территории казачества, снятие ограничений на православное вероисповедование, увеличение численности казацкого войска и признание судебной и административной автономии. Запорожцы захватили Ливны, Путивль, Рыльск, Курск, Елец, Лебедин, Скопин, Ряжск, Ярославль, Переяславль, Романов, Каширу, Касимов, а в сентябре соединились с поляками и осадили Москву. И только неудачный штурм Москвы в условиях разгоравшейся в Европе Тридцатилетней войны вынудил поляков пойти на переговоры.

Для России это были вторые за два года переговоры, приведшие к большим территориальным потерям. По Столбовскому миру, заключенному в феврале 1617 г., Россия уступила Швеции Ивангород, Ям, Копорье, Орешек и Корелу и потеряла выход к Балтийскому морю. А после подписания Деулинского перемирия в декабре 1618 г. к Речи Посполитой отошли смоленские, черниговские и новгород-северские земли. Но королевич Владислав не отказался от претензий на московский престол. Срок перемирия истекал в июле 1632 г., после чего Россия была втянута в новую войну с хорошо подготовленным противником, и это притом, что после Смуты она ощущала острую нужду в квалифицированных военных кадрах.

Напомним, что московское правительство привлекало на службу выходцев из Европы еще со времен Ивана Грозного. Большинство из них перешли на сторону России в ходе Ливонской войны 1558–1583 гг. Наемники были в основном протестантского вероисповедования. Католиков брали на службу только в случае крайней необходимости и на столь жестких условиях, что большинство претендентов отсеивалось. Русский двор ревностно старался оградить своих подданных от возможного идеологического влияния папской «пятой колонны».

В годы Смуты количество иноземцев в русской армии возросло, а при Михаиле Романове практика наемничества продолжилась и расширилась. Смутное время показало, что надежность иностранных воинов часто была значительно выше, чем подданных русского государя. Кроме того, отряды иноземцев имели неоспоримые преимущества: они были обучены многим

военным новшествам и хорошо знали тактику польских и шведских войск.

На службу к новому царю первыми перешли около 130 иноземцев из польских войск, которые сдались русским в августе 1613 г. в крепости Белая.[92] Из них была сформирована отдельная рота «бельских немцев»,[93] на самом деле состоявшая из ирландцев и шотландцев.[94] Имелись также «немецкая» рота барона Дениса фон Визена[95] и «английская» рота Яна Вуда. Служилыми иноземцами ведал созданный в 1614 г. *Панский приказ*.

* * *

В 1618 г. в Праге вспыхнуло восстание против императора Священной римской империи и короля Чехии Фердинанда II. Мятеж был поддержан Евангелической унией, в конфликт включились представители обоих конфессиональных лагерей Германии, а затем и иностранные государства, в результате чего началась Тридцатилетняя война. Эта война несколько отвлекла шведов и поляков от дел на востоке. Хотя Речь Посполитая была не затронута войной напрямую, польский король Сигизмунд III послал на помощь Габсбургам отряд своих наемников. В 1619 г. они разбили войска трансильванского князя Юрия I Ракоци в битве при Гуменном, и Трансильвания обратилась за военной помощью к Османской империи. Польско-турецкая война продолжалась в течение 1620–1621 гг. и окончилась практически вничью.

* * *

В Османской империи все большую силу набирали янычары[96] – регулярная пехота, выполнявшая также полицейские и карательные функции. Янычарская пехота была создана султаном Мурадом I в 1365 г. из христианских (кроме армян) отроков 10–12 лет, воспитанных в исламских традициях. *Девширме* (налог кровью) был одной из повинностей христианского населения империи и позволял властям создать противовес феодальной тюркской армии (сипахам).

Годных для службы мальчиков привозили в Стамбул. Здесь отбирали наиболее способных из них и отправляли в Эндерун, где готовили для придворной службы. Остальных командировали в янычарские корпуса. Их не просто обучали военному делу, но

воспитывали послушание и покорность. Прежде всего мальчиков отдавали на воспитание в турецкие семьи, где они обучались турецкому языку и познавали ислам. Затем следовал этап «тренировочных корпусов», где в течение шести лет шло обучение владению многими видами оружия. С 1568 г. в корпус разрешили поступать сыновьям некоторых отставных янычар. А в 1594 г. корпус открылся для всех добровольцев-мусульман. Янычары считались рабами султана, жили в монастырях-казармах, до 1566 г. им запрещалось жениться и заниматься хозяйством. Имущество умершего или погибшего янычара становилось имуществом полка. Помимо военного искусства, янычары изучали каллиграфию, право, теологию, литературу и языки. Многие из них сделали гражданскую карьеру. Состарившиеся или раненые янычары получали пенсию.

В конце XVI в. началось разложение корпуса. Янычары стали обзаводиться семьями, заниматься торговлей и ремеслом. Постепенно они превратились в консервативную политическую силу и орудие дворцовых переворотов. В 1622 г. султан Ахмед Осман II предпринял попытку уничтожить становившуюся с каждым годом все более опасной для государства вольницу – за это был убит янычарами. Последние возвели в султаны брата Ахмеда Османа Мустафу I, который ранее, в 1618 г., был свергнут с престола фетвой муфтия как умалишенный. Через пять лет, 1623 г. янычары убрали своего ставленника, и на престол взошел султан Мурад IV.

* * *

Европейские распри дали нашим предкам время и возможность начать подготовку к войне за возвращение утраченных земель. Московский царь и особенно вернувшийся в 1619 г. из плена его отец, митрополит Ростовский Филарет, прекрасно понимали, что дворянско-стрелецкое войско, бойцы которого вне ратных дел были заняты ведением собственного хозяйства, не в состоянии на равных сражаться с хорошо обученным и снаряженным противником, войска которого состояли из людей, постоянно находящихся на военной службе. Из такой ситуации было два выхода: создание собственных полков иноземного строя и привлечение на службу иностранных наемников.

Можно предположить, что формирование подразделений из иностранцев имело целью не только повышение боеспособности армии, но и создание определенного противовеса Боярской думе,

в военном плане опиравшейся на стрельцов. Ведь при избрании Михаила Романова на Земском соборе ему было поставлено условие: никого без суда не казнить и все дела решать с боярами и думными людьми. А стрелецкие полки, подчинявшиеся боярам, до 1619 г. не только несли охрану Московского Кремля и его внутренних помещений, но и занимались обеспечением личной безопасности царя. Важно и то, то после Смутного времени молодой государь не мог полностью доверять боярскому сословию.

После торжественного возведения в 1619 г. митрополита Филарета в сан патриарха влияние Боярской думы на вопросы, связанные с безопасностью царской семьи, было ослаблено. Вплоть до смерти в октябре 1633 г. Филарет сосредотачивал в своих руках неограниченную власть. Охрана и обслуживание царской семьи находились в ведении Приказа Большого дворца. В личном подчинении царя состоял «выборный» (отборный) стрелецкий полк численностью около тысячи человек, именовавшийся Стремянным. Стрельцы этого подразделения привлекались только на охранную службу.

Отметим, что для военных преобразований имелась серьезная теоретическая база. В 1621 г. Онисим Михайлов составил первый в России «*Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки*», адаптировав к русским условиям с учетом военного опыта Смутного времени нормы ряда европейских уставов. В его «Уставе…» содержатся сведения об организации и вооружении пехоты, кавалерии и артиллерии, данные о действии войск на марше (в походе) и полевой войне. Наряду с чисто военными вопросами в нем были практические сведения по геометрии, механике, физике, химии. Уделялось внимание организации специального военного образования и практического обучения кадров.

В указе (статье) 29 «*О вестовщиках и лазутчиках*» была описана организация агентурной разведки:

«Прежде всего подобает Государю или великому Воеводе воинству великое прилежание иметь, чтобы ему всякие прямые вести от мужеска полу и женска известны были и <…> только бы никто друг друга не ведал, и в тех вскоре можно узнать, которые из них будут лучшее и тайнее и прямее, и в таких мерах не доведется денег щадити…»[97]

Также в этой статье отражена организация и войсковой полевой разведки:

«Да к тому же иметь в великих и малых полках добрых и прилежных смелых людей, смотря по делу, для посылки в подъезды для многих причин, а добро бы, чтобы послати по

толику своих людей, чтобы добытися языки…»[98]

В области военного дела начались последовательные изменения. В 1624 г. Панский приказ был реформирован и получил название *Иноземского приказа*. Находясь под влиянием отца – патриарха Филарета, не доверявшего папскому престолу, – первый Романов особым указом запретил привлечение на военную службу католиков, что закрепило сложившуюся традицию и перевело ее в ранг закона.[99] По национальной принадлежности среди наемников преобладали датчане, немцы, шведы, шотландцы, сведенные в отдельные роты по национальному признаку.

В апреле 1630 г. в Вологду, Кострому, Новгород, Углич, Ярославль и другие города были разосланы грамоты с призывом к беспоместным детям боярским быть в «ратном изученьи» в Москве в двух солдатских[100] полках (по тысяче человек в каждом) у полковников Александра Лесли и Франца Пецнера; после смерти Пецнера его место занял полковник Индрик фон Дам. Всем записавшимся было обещано жалованье в размере пяти руб. в год и «кормовые деньги» – алтын (три копейки) в день. Кроме того, каждый получал казенную пищаль, порох и свинец. Этим шагом было положено начало формированию полков нового строя. Однако к сентябрю число записавшихся в полки детей боярских не превышало шестидесяти человек, ибо бояре предпочитали служить в кавалерии. После расширения набора – разрешено было брать всяких «охочих людей» – к декабрю 1631 г. удалось сформировать два солдатских полка.

«К этому времени состав каждого солдатского полка был установлен в 1600 рядовых и 176 начальных людей. Каждый полк делился на восемь рот во главе с полковником, полковым большим поручиком (подполковником), майором (сторожеставцем или окольничим) и пятью капитанами. Кроме того, в каждой роте полагалось быть поручику, прапорщику, трем сержантам (пятидесятникам), квартирмейстеру (окольничему), каптенармусу (дозорщику над ружьем), шести капралам (есаулам), лекарю, подьячему, двум толмачам, трем барабанщикам и 200 рядовым солдатам, том числе 120 пищальникам (мушкетерам) и 80 копейщикам».[101]

В 1632 г. был создан кавалерийский рейтарский полк Самуэля Шарля де Эберта (Либерта).

«Комплектование рейтарского полка проходило более успешно, чем комплектование солдатских полков. К декабрю 1632 г. в полку числился 1721 рядовой рейтар из дворян и детей боярских, а с начальными людьми состав полка приближался к предусмотренным 2000 человек. Тогда правительство увеличило

численность полка до 2400 человек, сформировав в полку еще особую драгунскую роту. <…>

Рейтарский полк состоял из 14 рот во главе с ротмистрами (кроме полковых начальных людей)».[102]

В начале 1631 г. правительство поручило полковникам А. Лесли (шотландцу) и И. фон Даму (голштинцу) нанять в европейских странах 5000 солдат и офицеров. Предполагалось также закупить большую партию оружия. В конце года нанятые иностранцы начали прибывать в Россию через Архангельск и Нарву. Лесли и фон Даму удалось укомплектовать полки наемниками только на треть, а две трети состава были набраны из русских добровольцев. Иностранцам отводилась роль инструкторов и командного состава. В каждом подразделении, устроенном на западный манер, в этот период служили 150–200 иностранцев.

Как уже говорилось выше, в результате Смутного времени и последовавшего за ним ослабления Московского государства развитие русских секретных служб стало отставать от аналогичных в передовых государствах Западной Европы. Материалы архивов позволяют сделать вывод, что возрождение государевых спецслужб в условиях строжайшей тайны происходило именно после возвращения Филарета. Кроме него к этому могли быть причастны глава Разбойного приказа в 1621–1628 гг. князь Д. М. Пожарский, стольник, один из наиболее значимых лиц в охране царя; глава приказа Большой казны боярин И. Б. Черкасский и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Подтверждением этой версии служит тот факт, что *Приказ тайных дел*, созданный через 35 лет в царствование Алексея Михайловича, работал очень эффективно, а это невозможно без многолетней серьезной подготовительной работы предшествующих поколений специалистов тайной войны и сыскного дела.

При Михаиле Романове к структурам, использовавшим негласные методы работы внутри страны и наделенным судебно-полицейскими функциями, относились Челобитный, Разбойный и Земский приказы. Первый *Сыскной приказ* для надзора за воеводами и земством был учрежден в 1619 г.

Основными органами разведки (еще не разделявшейся на политическую, военную и экономическую) и контрразведки являлись Посольский, Разрядный и Иноземский приказы.

Определенным недостатком русской разведки и контрразведки в XVII в. являлось отсутствие единого руководящего разведывательного центра в стране, который мог бы координировать действия многочисленных секретных

государевых служб. Но, с другой стороны, государь имел возможность получать информацию от нескольких независимых параллельных структур.

Агентурная разведка велась по трем направлениям:

север и северо-запад (Швеция и Прибалтика);

запад (Речь Посполитая);

юг (Крым, Турция и Балканы).

Сфера интересов русской разведки в основном ограничивалась территорией сопредельных стран, а разведка в отдаленных странах носила периодический характер.

Посольский приказ осуществлял стратегическую разведку под дипломатическим прикрытием. Разрядный приказ (именовался также Разрядом) через воевод координировал разведывательную работу в порубежных районах России. В Разрядном приказе руководство разведкой и контрразведкой велось, главным образом, через Московский стол, а к середине XVII в. – через Приказный, Белгородский и Севский столы. Ответственными лицами на местах являлись воеводы приграничных городов, посылавшие в Разрядный приказ информационные сообщения (вестовые отписки). Например, в 1620–1622 гг. русский посланник И. Д. Хохлов совершил поездку в Бухарское ханство и Персию, откуда привез сведения о вооруженных силах, добытые тайным путем. Информация также поступала от купцов, торговавших «за морем», возвратившихся из плена русских подданных и выходцев из других государств. Полученные от них сведения (как разведывательного, так и контрразведывательного характера) передавались в Москву; особое внимание уделялось информации о приметах возможных лазутчиков и о времени их появления в столице.

Надзор за иностранными посольствами и иноземными купцами, торгующими в России, осуществлял Посольский приказ. За иностранцами, поступавшими на русскую службу и служившими в русском войске, «присматривали» дьяки и подьячие Приказного стола и, параллельно, Панского (до 1624 г.) и Иноземского (с 1624 г.) приказов.

Контрразведывательные мероприятия сводились к засекречиванию различных объектов – крепостей, рубежей, территорий (Севера, Сибири, Поволжья) – и к наблюдению (сыску) за иностранцами и всеми подозрительными лицами с целью выявления и ареста разведчиков и их пособников (агентов).

Приведем несколько примеров агентурной работы русских секретных служб за 1625 г. из диссертации, защищенной в Краснознаменной высшей разведывательной школе Генерального штаба Вооруженных Сил СССР в 1946 г. Из этих примеров видно,

что к разведывательной работе привлекались люди из всех социальных слоев.

«В 1625 г. воронежский воевода направляет „проведывать на Дон про всякие вести“ детей боярских Неустроя Тарарыхова с товарищами; в апреле того же года путивльский воевода в качестве лазутчика послал за рубеж боярского сына Григория Гладкова, который очень хорошо себя зарекомендовал и привез важные вести. <…>

В мае 1625 г. новгородские воеводы послали „для проведывания вестей“ в Ивангород „посадского человека“ Ивана Иванова; а несколько ранее, в марте того же года, тороповецкие воеводы „посылали в литовские городы для вестей посадских людей Ивашку Зиму и Ивашку Щеку“. <…>

В феврале 1625 г. бельский воевода посылал „за рубеж для вестей“ крестьян своего уезда Сеньку Рыжковского и Ивашку Склюлетина. <…>

В 1625 г. вяземские воеводы отправили за рубеж „вязьмитина торгового человека“ Гришку Чертолина в Дорогобуж – „проведывать литовских вестей“. <…>

В августе 1625 г. те же вяземские воеводы отпустили за рубеж „торгового человека Климку Васильева с товаром для торгу и вестей ему всяких проведать приказывали“. <…>

В 1625 г. новгородские воеводы направили в „свейские городы с соболиною казною новгородцких торговых людей и велели им в свейских городах про всякие вести проведывать подлинно“».[103]

Мы уже говорили, что во время нахождения в польском плену Филарет мог получить информацию о секретных инструкциях, составленных в Речи Посполитой для Лжедмитрия II (*см. с. 83–87*). Отметим еще одно существенное обстоятельство. Если сравнить инструкции с изменениями в области государственного управления и обеспечения безопасности царской семьи, произошедшими в России в 1620–1676 гг., можно заметить, что многие положения указанных документов были взяты на вооружение. Написанные для ослабления или даже ликвидации России как независимого государства, они были внимательно изучены и использовались для усиления центральной власти и реформирования государственного аппарата. Филарет и его царствующие наследники, несомненно, взяли на вооружение стратегические и тактические разработки «врага», исходя из соображений государственной целесообразности. Особенно это касается устройства специальных учебных заведений для подготовки государственных и религиозных кадров.

Умение использовать секретные наработки бывших недругов

для построения системы безопасности собственного государства – прерогатива дальновидных политиков, основывающих свои убеждения на глубоком общем и профессиональном образовании, подкрепленном практической деятельностью. Первые царствующие Романовы в этом отношении многим своим современникам могли дать значительную фору. Клановая вражда, многократные предательства в среде ближайшего окружения, длительные периоды опалы и решающие мгновения приближения к трону, равно как и постоянные военные конфликты, способствовали приобретению навыков формирования секретных служб, ориентированных как на стратегические, так и на тактические цели.

Как мы уже говорили, возрождение централизованных российских секретных служб происходило в условиях строжайшей тайны. Кадры для них подбирались среди наиболее сметливых, активных и доверенных стрельцов, детей боярских, городовых дворян и казаков, доказавших верность Отечеству в Смутное время, а также посадских людей и крестьян. Центрами подготовки кадров, как и прежде, служили монастыри, находившиеся к тому же под личным контролем Филарета и его доверенных лиц.

«В начале XVII века, когда после ликвидация польско-шведской интервенции, встал вопрос об изгнании остатков интервентов и неподвластных казаков из страны, духовенство (монастыри) вело активную разведку против них; так, например, в конце 1614 года келарь Кирилловского Белозерского монастыря Боголеп вместе с осадным воеводою Нелюбом Суколечовым организовали разведывание казачьих шаек, проникших на север, и „посылали в подъезд до Ферапонтова монастыря монастырских служек Григория Мороза, да на Волок и в Рукину Ондрея Лихарева да Олешку Попова для вестей, проведать про казаков, куда они пошли“. Таких случаев можно насчитать немало, и они имели место до тех пор, пока не были ликвидированы последние остатки войск интервентов. Но духовенство внутри страны вело наравне с разведывательной и контрразведывательную деятельность. Служители церкви принимали активнее участие в разоблачении завербованных соседними государствами шпионов, направленных в Рос сию».[104]

Монастыри на Руси изначально имели двоякое назначение – были религиозными и духовно-культурными центрами, но также и стратегическими оборонительными сооружениями. Например, Соловецкий монастырь отражал нападения ливонцев и шведов в 1571, 1582 и 1611 гг.; Троице-Сергиев монастырь выдержал осаду в 1608–1610 и 1618 гг., Псково-Печерский монастырь – в 1611 г. В летописи последнего говорится, что иноки и бельцы вышли за

стены, чтобы сразиться с поляками, выбили их из туров (земляных укреплений), взяли много пленных и оружия, в том числе три пушки.

Проникнуть в монастырь постороннему человеку было практически невозможно – тем самым обеспечивалась конспирация при подготовке будущих сотрудников тайной службы. Кроме того, на Руси существовала традиция, согласно которой ратники на склоне лет принимали постриг и переходили в ряды «воинства Христова», давая обет сражаться за Господа до самой смерти.

Авраамий Палицын в «*Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах*» писал, что монахи были в составе всех полков, молитвою укрепляли людей и что все «бились крепко за веру христианскую».

Среди монахов было много образованных людей, знавших не только науки и иностранные языки, но и ратное дело. Кстати говоря, сам Палицын до 1558 г. служил воеводой в г. Кола, но затем оказался в опале, был пострижен в монахи и сослан в Соловецкий монастырь (большинство историков полагает – за участие в заговоре против Бориса Годунова). Известно, что его предок, получивший прозвище Палица, служил еще Дмитрию Донскому. В 1594 г. Палицын был возвращен из ссылки и направлен в Свияжский Богородицкий монастырь, а в 1601 г. – на Троицкое подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве. По нашему мнению, это первая нестыковка в официальной биографии ученого монаха. Троице-Сергиев монастырь был не рядовым, а «придворным», особо почитаемым царской семьей. Поэтому трудно поверить, что на одну из важнейших должностей в эту обитель могли назначить человека случайного, а тем более заговорщика. Вероятнее всего, перевод Палицына означал новый этап его работы в секретной царской службе.

В 1608 г. Палицын стал келарем монастыря – вторым лицом после настоятеля, посредником между монастырем и царем. В тяжелые для Москвы дни (осада войсками Лжедмитрия II) он организовал продажу и доставку дешевого хлеба горожанам. В 1608–1612 гг. Палицын активно участвовал во всех политических событиях, в том числе в переговорах с польским королем Сигизмундом III. В 1618 г. он руководил обороной монастыря от польских войск. При царе Михаиле Романове Палицын на короткое время стал настоятелем Троице-Сергиевой обители, но после 1620 г. по распоряжению Филарета отправился в другой монастырь – Соловецкий. В этом событии большинство историков усматривают очередную опалу, вызванную недостаточно

последовательной позицией Палицына в отношении Речи Посполитой и участием в интригах различных группировок (Шуйского, Семибоярщины, казаков, поляков). Мы, однако, полагаем, что это вторая нестыковка в его официальной биографии. Патриарх Филарет всепрощением своих политических противников, а особенно изменников, не отличался. Поэтому можно предположить, что очередная «ссылка» Палицына – просто перевод на новое место службы, подальше от любопытных глаз.

Возвращаясь к системе подготовки кадров для царской секретной службы в монастырях, отметим еще один важный момент. Перевод иноков (послушников, монахов) из одного монастыря в другой мог быть мотивирован чисто церковными причинами. В то же время он обеспечивал высокий уровень конспиративности, не вызывая подозрений ни в миру, ни среди непосвященных в клерикальной среде. Посторонним было невдомек, что таким образом происходит переброска «курсанта» от одного наставника к другому, или, иными словами, осуществляется негласное комплексное многоуровневое обучение будущих слуг государевых.

В процессе изучения предметов, необходимых в практической работе, священники проводили морально-психологическую подготовку обучаемых, оценивали их деловые и моральные качества. Набор дисциплин и уровень «погружения» могли дифференцироваться в зависимости от первоначальных знаний, навыков и трудолюбия учеников. И конечно, от тех задач, для решения которых каждый из них готовился.

Приведем еще несколько интересных фактов, подтверждающих нашу версию об использовании ряда положений польских инструкций. В первой половине XVII в. бояр, стоявших во главе приказов, постепенно, но неуклонно заменяли дьяками. В начале царствования Михаила Федоровича дьяки возглавляли каждый третий приказ, а к концу 1680-х гг. – четыре из каждых пяти. Одновременно отмечалось повышение уровня образованности служилого сословия.

Примерно с 1621 г. в Посольском приказе в очень ограниченном количестве изготовлялась рукописная газета «*Куранты*»,[105] состоявшая в основном из известий об иностранных событиях, переведенных на русский язык. Эта газета сопоставима с аналитическими и информационными отчетами, справками, протоколами, которые в наши дни регулярно получают лидеры государств. Но в то время она имела еще и громадное общеобразовательное значение, поскольку позволяла быть в курсе «живых» новостей. Учитывая замкнутость жизни русского общества того времени, чрезмерную упертость в

вопросах изучения всего «не нашего, басурманского, еретического» и т. п., появление подобной газеты было большим политическим и культурным событием.

Патриарх Филарет лично занимался делами Посольского приказа, в том числе стратегической разведкой. В 1633 г. он составил «для своих государевых и посольских тайных дел» особый шифр («затейное письмо»), который должны были использовать доверенные лица государя. Из наказа русскому представителю в Швеции Д. А. Францбекову видно, что при составлении донесений царю полагалось использовать тайнопись:

«Да что он, Дмитрий, будучи в Свее, по сему тайному наказу о тех или иных о наших тайных делах и наших тайных вестях проведает, и ему о всем писати ко государю царю и великому князе Михаилу Федоровичу всея Руси к Москве по сему государеву тайному наказу закрытым письмом».[106]

В то время использовалось четыре основных типа тайнописи:

замена одних букв русского алфавита другими;

замена букв русского алфавита цифрами;

замена букв русского алфавита придуманными буквами или знаками;

замена букв русского алфавита буквами латинского алфавита.

Значительно расширилось письменное делопроизводство: его ввели не только во всех центральных органах управления, но и в местных. Это тоже большой шаг вперед: писцы закрепляли исторические положения, постепенно формировалась архивная и документально-процессуальная база.

Научные знания той поры развивались преимущественно в прикладном русле и были связаны с описанием земель, торговым и военным делом. Так, в 1627 г. в Разрядном приказе была подготовлена «*Книга Большому чертежу*».

Активно развивалось книгопечатание: на московском Печатном дворе в первой половине XVII в. было выпущено около двухсот книг разных наименований, в том числе «*Азбука*» В. Бурцева (1634).

В составе Приказа Большого дворца появилась группа придворных охотников, набиравшаяся из людей простого звания, – «птичьих стрелков». Однако поставка дичи для царского стола была не единственной их задачей. По сведениям Л. Яковлева, они являлись резервом «государевых самопальных стрелков». Таким образом, личная государева снайперская команда, созданная Иваном Грозным (Рюриковичем), не утратила своего значения – после смены правящей династии она лишь поменяла структуру, став более организованной. Некое подобие

официальной деятельности при дворе прикрывало военно-секретный характер подобных подразделений. Все мастера-оружейники, причастные к созданию особо точных ружей и пистолетов, и лица, которым доверялось ношение такого оружия, были на строжайшем учете. Они получали огромные привилегии, денежные и иные средства поощрения, но в случае опалы или допущенного промаха их участь и участь их ближних была незавидной.

В ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. воевода М. Б. Шеин предпринял попытку дезорганизации тылов польско-литовского войска к юго-западу от Смоленска. Вероятно, это одна из первых попыток организации партизанской войны (в современных терминах) войсковым командованием. В ноябре 1632 г. по приказанию воеводы крестьянин Болдина монастыря Дорогобужского уезда Иван Балаш возглавил отряд численностью около 600 человек (400 дорогобужских крестьян, 200 солдат и казаков). Назначение крестьянина на командный пост – случай уникальный: обычно руководство даже небольшими отрядами поручалось дворянам. Возможно, Балаш получил в монастыре военно-специальное образование.

Но случилось неожиданное. В конце 1632 г. отряд Ивана Балаша покинул русский лагерь под Смоленском и совершил рейд на Гомель и Чечерск, но не по тылам войск противника, а разоряя имения польских и русских помещиков. После этого к нему стали стекаться дезертиры из русских войск. В марте 1633 г., в результате агитации, развернутой царскими службами против «воровских» набегов, Балаш был выдан своими же соратниками, получившими прощение и награды. Его доставили к стародубскому воеводе, и в том же году «изменник» скончался в тюрьме.

«Балашовщина», как иногда называют это движение, со смертью Ивана Балаша не утихла. Уже в мае 1633 г. Григорий Ростопчин, солдат из детей боярских, сколотив небольшой отряд, увел его из-под Смоленска в Велиж, а затем в Рославль, который стал центром повстанческого движения (в Рославль стекались посадские люди, беглые холопы и дезертиры).

Массовому бегству из русских войск способствовал набег орды крымских татар (до 30 тысяч человек) под командованием Мубарек-Гирея (набег был инспирирован посольством польского короля Владислава IV летом 1633 г.). Крымчаки разорили Алексинский, Белевский, Болховской, Зарайский, Калужский, Каширский, Коломенский, Ливенский, Московский, Оболенский, Пронский, Рязанский, Серпуховский и Тарусский уезды.

Дворяне и дети боярские, видя, «что у многих поместья и

вотчины повоеваны, и матери, и жены, и дети в полон поиманы, из-под Смоленска разъехались, а остались под Смоленском с боярином и воеводою немногие люди».[107] Только в полку князя С. В. Прозоровского дезертировали 3453 человека, при этом боевые потери за кампанию составили 319 человек убитыми и умершими от ран и 27 – пленными.[108] Великий гетман литовский Х. Радзивилл впоследствии говорил: «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло – это очень хорошо».[109]

Тем временем Османская империя решила воспользоваться войной Речи Посполитой с Московским государством. Отметим, что султан Мурад IV был способным и энергичным администратором. Летом 1633 г., якобы без разрешения султана, силистрийский Абаза-паша переправил через Днестр двухтысячный отряд, который начал грабить Подолье. Началась польско-турецкая война 1633–1634 гг., которую можно рассматривать как второй фронт Смоленской войны. Возможно, нападение османов было инспирировано русским посольством во главе с И. Г. Коробьиным. Мы не располагаем документальными подтверждениями, но в литературе указывается, что по возвращении в Россию в 1634 г. находившийся в составе посольства переводчик Мануил Фильденский был возведен в княжеское достоинство – уникальный случай в истории Посольского приказа. Можно предположить, что он был награжден за успешную разведку в Константинополе и в Крыму.

Осенью 1633 г. Рославльский лагерь, где одних только казаков насчитывалось 3000 человек, возглавили атаманы Анисим Чертопруд и Иван Теслев. Зимой 1633–1634 гг. они организовали походы против польских войск под Мстиславль и Могилев, а затем направили в Москву представителей для обсуждения условий дальнейшей службы; среди других поднимались вопросы о невыдаче беглых и сохранении захваченной добычи. Переговоры оказались успешными – возможно, этому способствовали неудачи русских войск под Смоленском, – атаман Чертопруд вернулся из Москвы с пожалованными царем знаменами. Это обстоятельство было воспринято казаками как признание вольного казачьего войска.

В феврале 1634 г. в Козельский уезд стали стекаться группы дезертиров из Боровска, Можайска и Калуги, а также холопы и крестьяне. Сколоченные на скорую руку повстанческие отряды совершали рейды к русско-польской границе, наносили удары по неприятелю, захватывали «языков» и доставляли их в Москву. Весной 1634 г. численность повстанцев достигла 8000 человек. Одновременно с нападением на интервентов они совершали

«воровские» набеги и на русские боярские, дворянские и монастырские владения. Таким образом, движение, начало которому положил Иван Балаш, носило одновременно и национально-освободительный, и антифеодальный характер.

В феврале 1634 г. русские войска капитулировали, сохранив знамена, 12 полевых орудий, «холодное оружие и мушкеты с зарядами». После капитуляции из 2140 остававшихся в русской армии наемных солдат половина перешла на службу к полякам.

Поляки торопились, войска им были нужны для войны с Османской империей. Но Мурад IV, провозгласивший джихад против Речи Посполитой, отказался от дальнейших кровопролитных планов и заключил с поляками «вечный мир», продлившийся до 1672 г.

В апреле воевода М. Б. Шеин и окольничий А. В. Измайлов за поражение русских войск под Смоленском были обвинены в государственной измене и казнены. Неудачную для Москвы Смоленскую войну завершил Поляновский мирный договор, подписанный в июне 1634 г. Согласно ему Россия отказывалась от всех занятых в ходе войны русских земель, за исключением города Серпейска с уездом; подтверждались границы, установленные по Деулинскому перемирию 1618 г.; Россия должна была выплатить Речи Посполитой 20 тысяч рублей. Утешало лишь то, что польский король Владислав IV отказывался от претензий на русский престол, а Речь Посполитая обязывалась вывести войска из пределов России. Осуществить возврат русских земель и ликвидировать условия Деулинского перемирия удалось уже при новом государе, в результате русско-польской войны 1654–1667 гг.

После заключения мира с Речью Посполитой московское правительство направило против повстанцев войска во главе с князем И. Д. Хованским. В итоге до 3000 казаков и крестьян ушли на Дон, часть сдались царским войскам, а оставшиеся потянулись по домам. Сдавшиеся добровольно или взятые в плен рядовые участники «балашовщины» были разосланы по городам Поволжья и Сибири.

В июне 1637 г. донские и запорожские казаки во главе с атаманом М. И. Татариновым после двухмесячной осады взяли штурмом турецкую крепость Азов. Османская империя из-за войны с Персией 1623–1639 гг. не имела достаточно свободных войск для возвращения крепости. Началось знаменитое «Азовское сидение», продолжавшееся четыре года. В этот период российские секретные службы не только внимательно наблюдали за Османской империей и Крымом, но и продолжали вести разведку по всем направлениям.

Например, в марте 1638 г. Разрядный приказ отправил следующую грамоту:

«От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, в Торопец, воеводе нашему Федору Тимофеевичу Пушкину. Как к тебе ся грамота придет, а которые торговые люди из Торопца для торгового промысла по мирному договору начнут ездить в литовскую сторону, и ты б тем торговым людям наказывал наодине, чтоб они, будучи на литовской стороне для торгового промысла, проведывали всякие обычаи: и в которых городах ныне польский король и брат его Казимир <…> и с турским султаном, и с крымским царем у литовского короля ссылка есть ли, и чаять ли от Турского и от Крымского войны на Московское государство и на Литовскую землю. <…> А как из Литовской земли торговые люди в Торопец придут, ты б про тех торговых людей про все расспрашивал подлинно наедине. <…> А ею б если нашу грамоту держал у себя тайно, чтоб у тебя нашего указу никто не ведал».[110]

Летом 1641 г. турецкая армия предприняла попытку отбить Азов. Казаки выдержали более двадцати приступов, после чего в сентябре турки сняли осаду и отступили от крепости. Отстояв город, казаки обратились к русскому царю с просьбой прислать им помощь и принять Азов в состав России. Созванный в 1642 г. по этому вопросу Земский собор отметил, что для успешной войны с Османской империей Московское государство не имеет достаточных сил. В результате Михаил Федорович повелел казакам покинуть Азов, что они и сделали, предварительно разрушив крепость.

А на британских островах в 1642 г. началась буржуазная революция, принявшая двоякую форму: гражданской войны между королем и парламентом и религиозной войны между англиканами и пуританами. Наблюдались также всплески национально-освободительной борьбы между англичанами и шотландцами и между англичанами и ирландцами. Кроме того, произошел конфликт между пресвитерианами (правое крыло пуритан) и индепендентами (от англ. *Independents* – «независимые»; приверженцы одного из направлений протестантизма, в период буржуазной революции, объединившиеся в политическую партию, выражавшую интересы радикального крыла буржуазии и нового дворянства). Лидером индепендентов стал Оливер Кромвель.

Главой разведки парламента в 1643 г. был назначен член палаты общин Сэмуэл Льюк. Кромвель лично ввел правило: ни один агент не должен знать ничего сверх того, что ему необходимо для действий. Именно секретная информация

способствовала решающей победе Кромвеля в июне 1645 г. над Карлом I в битве при Несби. Блант и Рьюс, руководители роялистской разведки, тщетно пытались изменить ход событий в пользу короля. В августе 1648 г. армия Карла I потерпела поражение, и он был взят в плен. Содержание шифрованных писем, которые король направлял своим сторонникам, раскрывалось секретной службой парламента. Все попытки роялистов организовать бегство Карла окончились провалом.

По поводу дальнейшей судьбы короля мнения парламентариев разделились, большинство, однако, склонялось к поиску компромисса. Но 6 декабря 1648 г. произошло событие, названное впоследствии Прайдовой чисткой парламента: пехотный полк Томаса Прайда занял лестницу, ведущую к залу заседаний палаты общин, а кавалерийский полк Н. Рича блокировал само здание. Действия Прайда являлись, по сути, государственным переворотом, в ходе которого пресвитериан, выступавших за компромисс с королем, изгнали из палаты общин. Из числа защитников короля 45 человек были арестованы, 186 – выдворены, но оставлены на свободе, 83 – допущены в парламент после отказа от компромисса. В результате переворота власть в Англии перешла к индепендентам.

Четвертого января 1649 г. палата общин приняла постановление о суде над королем – палата лордов отклонила его, но это не остановило членов нижней палаты. Шестого января был учрежден Верховный суд для рассмотрения дела короля, и уже 30 января Карл I Стюарт, сын Якова I, был казнен. Шестого февраля палата лордов была распущена, а 7 февраля отменена монархия. Четырнадцатого февраля был создан Государственный совет, наделенный функциями исполнительной власти. Девятнадцатого мая 1649 г. Англия стала республикой. Кромвель взял титул лорда-протектора (защитника парламента), а по существу стал военным диктатором.

С 1653 г. координацию секретных служб осуществлял государственный секретарь Джон Терло, который создал специальный «разведывательный департамент». «Терло при всех своих талантах и умелых помощниках прежде всего нуждался в даре бдительности, ибо жизни Кромвеля опасность грозила на каждом углу. В 1654 году находившийся в Испании обедневший Карл [II] выпустил воззвание, в котором предлагал дворянство и 500 фунтов стерлингов любому, у кого достанет мужества убить „мерзкого интригана, именуемого Оливером Кромвелем“. Шпионы Терло быстро обнаружили несколько гнезд смертельных интриг, и вскоре был создан новый вид полиции, находившейся не под управлением местных властей, а под командой армейских

офицеров. Англия была разделена на одиннадцать округов; во главе каждого округа стоял генерал-майор, командующий полицией, которой были приданы особые кавалерийские части. Средства, необходимые этой новой репрессивной организации, покрывались десятипроцентным налогом, которым обложили доходы обедневшей роялистской знати.

Это нововведение, поставившее всю Англию под „профилактический арест“, увенчалось полным успехом, ибо жизнь Кромвеля уцелела».[111]

* * *

Что касается Османской империи, то в 1637 гг. султан Мурад IV подавил опасное восстание друзов, а в войне с персами к 1639 г. отвоевал Тебриз и Багдад. Также ему удалось нанести поражение венецианцам и заключить с ними выгодный мир.

При его брате и наследнике Ибрагиме, правившем в 1640–1648 гг., государственными делами заведовал гарем, и все приобретения Мурада были потеряны. В конце концов Ибрагим был свергнут и задушен янычарами, которые возвели на престол его семилетнего сына Мехмеда IV (1648–1687). Истинными правителями государства в первое время царствования Мехмеда были янычары; все государственные должности занимали их ставленники, и это тоже привело к тому, что управление империей и финансы пришли в расстройство.

* * *

1648 год можно считать окончанием жесткого противостояния католиков и протестантов в период Реформации. После завершения Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира религиозный фактор, столь острый ранее, перестал играть доминирующую роль в европейской политике. Реформация значительно способствовала смене феодальных экономических отношений на более прогрессивные, капиталистические. Этика протестантов, выразившаяся в отказе от дорогостоящих развлечений и богослужений, способствовала развитию экономики. Стремление к экономии способствовало накоплению капитала, который вкладывался в торговлю и производство. В итоге протестантские государства (печально, но факт!) начали заметно опережать в экономическом развитии страны католические и православные.

Перед Россией в XVII в. стояли три основные международные проблемы. «Оставался нерешенным вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель, которые находились под властью Речи Посполитой (Польши). Не менее насущным был вопрос о продвижении в Прибалтику. К концу столетия четко обрисовалась и третья задача – необходимость борьбы с Турцией и ее вассалом Крымом. Все три проблемы переплетались между собой, чем осложнялось разрешение каждой из них в отдельности. В борьбе с Польшей естественными союзниками Москвы были Швеция, Турция и Крым. Но эти же государства являлись и соперниками Москвы в отношении литовско-польского наследства: Швеция претендовала на польскую Прибалтику и на Литву, Турция и Крым – на Украину. С другой стороны, борьба с Швецией за Балтику толкала Москву к союзу с Речью Посполитой и требовала установления мирных отношений с мусульманским югом. Точно так же и против Турции можно было действовать лишь в союзе с Польшей, то есть отказавшись от Украины. Такова была сложная международная обстановка, в которой приходилось действовать Москве во второй половине XVII века».[112]

Алексей Михайлович Романов, вступивший на престол в 1645 г., получил от современников прозвище Тишайший. Оно отражало не только его характер, но и стремление действовать, не привлекая к своим делам излишнего внимания. Умение построить надежную систему безопасности высших интересов государства, воплощенных в планах государя, – это действительно настоящее искусство, ценившееся во все времена.

Государь во многом продолжил начинания своего отца. В 1647–1648 гг. был осуществлен перевод на русский язык трактата И. Я. фон Вальхузена «*Учение и хитрость ратного строения пехотных людей*». Перевод осуществили в московском Андреевском монастыре Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие «словесники», собранные боярином Ф. М. Ртищевым. Этот факт также подтверждает, что в описываемый период монастыри продолжали оставаться не только духовными, но и специальными военно-политическими центрами Российского государства.

В числе наиболее доверенных лиц Тишайшего был его «дядька» (воспитатель) – боярин Б. И. Морозов. О влиянии Морозова говорит тот факт, что его подпись под Соборным уложением 1649 г. – первая среди подписей вельмож и четырнадцатая по общему списку (после подписей государя, патриарха и двенадцати высших иерархов Церкви). В 1645–1648 гг. фактически он являлся главой правительства. Собирание

«под рукой» Морозова важнейших приказов свидетельствует о его посвященности в большинство государственных секретов, за исключением, может быть, тайных дел самого государя. Когда в ходе Соляного бунта в июне 1648 г. восставшие потребовали выдачи Морозова, царь укрыл его в своем дворце, а затем отправил на четыре месяца в фиктивную ссылку в монастырь. Выдав стрельцам двойное денежное и хлебное жалованье, правительство раскололо ряды своих противников и получило возможность провести широкие репрессии по отношению к вожакам и наиболее активным участникам восстания, многие из которых были казнены уже 3 июля. В октябре Морозов вернулся в Москву.

С 1649 г. официальным главой правительства, руководителем приказов Большой казны, Стрелецкого, Иноземского, Аптекарского и созданного в этом же году *Рейтарского приказа* становится боярин И. Д. Милославский, тесть царя.

Уроки Смутного времени и восстания (бунты) 1648 г., охватившие Москву, Томск, Сольвычегодск, Устюг, а также 1650 г., вспыхнувшие во Пскове и Новгороде, позволили молодому самодержцу сделать вывод, что его личная безопасность неразрывно связана с безопасностью всего государства, им управляемого. Относясь с достаточным недоверием к боярской верхушке и продолжая традицию Ивана Грозного, Алексей Михайлович приближал к себе людей «худородных», определяя их на службу в личную канцелярию, в 1654 г. реорганизованную в *Приказ тайных дел* (*Тайный приказ*).

«Тайный приказ с самого начала, при первых Романовых, был наделен огромными полномочиями. Даже члены Боярской думы, то есть Государственного совета, употребляя позднейшее выражение, в этот приказ не входили и дел там не ведали. Он был, значит, вне контроля этого Московского государственного совета. Он был подчинен непосредственно самому царю, и чиновники его на деле имели больше власти, чем члены Боярской думы».[113]

Приказ находился в непосредственном подчинении государя и выполнял интегрированные функции контрольной, следственной, дипломатической, шифровальной, оперативной и охранной царской спецслужбы.

В 1656–1657 гг. были сформированы два «выборных» (отборных) солдатских полка иноземного строя – 1-й и 2-й Московские. Создаваемые в качестве элитных, они укомплектовывались обученными иноземному строю ветеранами Смоленского (1654) и Рижского (1656) походов – речь идет о русско-польской войне 1654–1667 гг., – а также «даточными

людьми» из московских слобожан и стрелецких детей. Командирами полков стали полковники А. Шепелев и Я. Колюбакин.

Единообразных штатов воинских частей в то время еще не существовало: полки иноземного строя делились на роты и капральства, а стрелецкие – по-прежнему на сотни и десятки. В кавалерии создавались не только рейтарские и драгунские, но и слободские казачьи полки. К 1663 г. в полках нового строя служили свыше 75 тысяч человек. Такая «гвардия» обеспечивала царю независимость от притязаний Боярской думы, позволяла противопоставить возможным мятежам стрелецких полков, которые (полки) возглавлялись влиятельными боярами, и представляла централизованную военную силу – более мобильную, обученную по последнему слову тогдашней тактики и значительно лучше вооруженную.

Не стоит забывать, что регулярная армия подчинялась лично царю и содержалась за счет государевой казны, поэтому все устремления «гвардейцев» были тесно увязаны с защитой интересов государя. К царствованию Алексея Михайловича уже сложились некоторые военные династии, зачинатели которых служили еще Рюриковичам, а продолжатели закалились в горниле Смутного времени. Капитаны полков нового строя в большинстве своем были уже не иностранцы, а русские. Это говорит о том, что курс патриарха Филарета на подготовку отечественных военных кадров путем регулярного обучения и обогащения передовыми достижениями иностранной военной мысли была продолжена и при его царственном внуке. Разумная («тихая») политика по формированию регулярных подразделений личного подчинения, укрепляя царскую власть, уменьшала возможность удельных раздоров и эгоистических притязаний, столь пагубных для единого государства.

В 1662 г. для управления территориями Левобережной Малороссии (Глухов, Киев, Нежин, Немиров, Новгород-Северский, Переяслав, Погар, Почеп, Ромны, Стародуб, Чернигов, Чигирин) был создан *Малороссийский приказ*. Он руководил приказно-воеводской системой управления Малороссии, контролировал деятельность гетмана войсковой или генеральной Рады, ведал материальным обеспечением русских воинских частей, строительством крепостей на территории Малороссии, через него осуществлялась финансирование Запорожского войска и православного духовенства. Кроме того, Малороссийский приказ собирал и передавал в Москву информацию о внешнеполитическом положении Украины, охранял ее пограничные интересы, ведал пленными и въездом в Россию.

Приказ был подчинен Посольскому приказу, но имел собственное делопроизводство и штат. До 1667 г. возглавлял его боярин П. М. Салтыков, с 1668 г. – думный дворянин А. С. Матвеев, с февраля 1671 г. глава Посольского приказа.

«Москва имела на Украине сильную тайную агентуру в лице украинского православного духовенства, снабжавшего Московское правительство ценной информацией о положении в Польше и настроениях украинской казачьей старшины. Центр русской агентурной разведки на Украине находился в Киеве, в Киево-Печерской лавре. Наиболее деятельными и энергичными русскими агентами были митрополиты Иов Борецкий и Петр Могила, архимандрит Печерский Иннокентий Гизель и протопоп Переяславский Григорий Бутович, специально следивший за гетманом Выговским и его сторонником, митрополитом Дионисием, и другие.

Переписка с Москвой шла через Малороссийский приказ…». [114]

С 1663 г. к Приказу тайных дел перешла часть функций Приказа Большого дворца по управлению царским хозяйством, охране и обслуживанию царской семьи. Любое блюдо, прежде чем попасть на царский стол, подвергалось проверке и дегустации сотрудниками приказа. Аналогичной проверке подвергались лекарства, прописанные царю и изготовляемые в *Аптекарском приказе*, созданном еще при Борисе Годунове на основе Аптекарской палаты (учреждена в 1581 г.); первым дегустатором лекарств являлся царский лекарь. В 1657 г. Аптекарский двор из Московского Кремля был перенесен в другое место. В районе современного Петровского парка заложили Аптекарский огород, где под присмотром доверенных монастырских специалистов выращивались лечебные травы и растения для «пользования особы государя и лиц доверенных». На отдельных грядках культивировали растения для получения «особых зелий для дел государевых». Таким образом, огород был своего рода лабораторией по приготовлению наисовременнейших по тем временам лекарств и разнообразных ядов, использовавшихся на тайной государевой службе. Еще один подобный огород располагался в селе Измайловском.

В области медицины, помимо традиционных народных знаний, применялись и переводные «лечебники». В Аптекарском приказе проходили обучение будущие лекари и фармацевты, например в 1654 г. курс прошли 30 стрельцов, отправленных затем в полки для «лечбы ратных людей». Так были заложены основы военной медицинской службы. В состав воинского подразделения вводилось лицо, помощь которого могла быть

востребована только в определенный момент, а так он нес обычную ратную службу. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку в группах специального назначения, выполняющих прямые указания высших должностных лиц государства, держать военного врача – дорогое удовольствие, поэтому необходим офицер, имеющий, кроме специального, еще и медицинское образование. Таким образом, уже в то время велась многофункциональная подготовка сотрудников государевых служб. К великому сожалению, этот дальновидный посыл в наши дни подчас забывается.

Не меньшее внимание уделялось защите информации: секретные распоряжения чаще всего отдавались в устной форме, прибегали и к шифрованной переписке. В личной переписке с послами и подьячими Приказа тайных дел государь использовал систему специальных знаков. Так, подьячему Ю. Никифорову поручалось передать руководителю русской делегации на переговорах с Польшей А. Л. Ордину-Нащокину написанные тайнописью рекомендации царя.

Доступ к секретной информации строго регламентировался: направленный царем секретный документ мог прочитать только тот, кому он предназначался. Прочитав бумагу, адресат запечатывал ее особым способом и возвращал подьячему Приказа тайных дел в соответствии с царским указанием: «Прочетчи, пришли назад с тем же, запечатав сей лист».[115]

О выполнении распоряжения сотрудники приказа немедленно докладывали государю, причем писать о сути распоряжения категорически запрещалось. Применялась стандартная форма письменного доклада: «Что по твоему, великого государя, указу задано мне, холопу твоему, учинить, и то, государь, учинено ж».[116]

С февраля 1665 г. царь приказал Разрядному приказу ежедневно направлять в Приказ тайных дел сведения о положении дел в полках.

Приказом тайных дел в разное время руководили Ф. М. Ртищев и четыре дьяка незнатного происхождения: Томила Перфильев, Дементий Башмаков, Федор Михайлов и Данила Полянский. Все они состояли «в государевом имени» – имели право принимать самостоятельные решения и подписывать царские указы за государя. Трое – Башмаков, Михайлов и Полянский – носили титул тайного дьяка. При их отсутствии в Москве к работе привлекались особо доверенные дьяки из других приказов, например Е. Юрьев и Л. Иванов.

Подьячие Приказа тайных дел нередко имели указание выдавать себя за сотрудников других приказов. Это

способствовало поддержанию принципов конспиративности при выполнении конфиденциальных дел. Так, в декабре 1665 г. для встречи патриархов были посланы на Терек подьячие И. Ветошкин и Е. Полянский. Им было указано «ехати <…> с Москвы на Саратов, на Царицын, на Черной Яр, на Астрахань и на Терек, а едучи дорогою, проведывати всякими людьми тайно про Паисея папу, и патриарха Александрейского, и про Макария, патриарха Антиохийского, где они ныне и которыми месты к Москве едут, а дорогою едучи, сказыватца им дворцовыми подьячими, что посланы они из дворца для садового заводу, чтоб было не прилично».[117]

Каждый из дьяков и подьячих Тайного приказа ведал только теми делами, которые были поручены государем лично ему, полагалось также докладывать царю о деятельности сотоварищей из других приказов.

К исполнению некоторых поручений по линии Тайного приказа привлекались стольники из числа состоящих при государе (например, Иван Дашков и Алексей Салтыков), стрелецкие командиры – головы и полуголовы (например, Артамон Матвеев, о котором речь пойдет далее) – и отдельные (особо доверенные) стрельцы Стремянного полка.

Таким образом, существовало четкое разделение направлений деятельности руководителей приказов. Функцию высшего контролера исполнял сам государь. Здесь четко вырисовывается старый как мир принцип «разделяй и властвуй». Доверяя важнейшие секреты государства особо приближенным лицам, правитель старался обезопасить себя от малейшей возможности измены. Подобные меры позволяли избежать заговора со стороны особо доверенных лиц или ликвидировать измену в зародыше. Или в крайнем случае, как при бегстве подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина, минимизировать ущерб, связанный с разглашением секретной информации.

Первые подьячие в Тайный приказ набирались из других приказов: Большого дворца, Стрелецкого, Разрядного и Посольского. Количество служащих постоянно увеличивалось. Вначале было шесть человек, в 1659 г. – девять, в 1669 г. – двенадцать, в 1673 г. – пятнадцать. Отбор кандидатов скрытно производился из наиболее способных, проверенных и грамотных людей. Будучи призванными к несению новой службы, они проходили обучение в закрытой школе, созданной при Заиконоспасском монастыре в 1665 г. Из подьячих известны Иван Бовыкин, Иов Ветошкин, Артемий Волков, Федор Казанец, Петр Кудрявцев, Юрий Никифоров, Порфирий Оловенников, Еремей

Полянский, Иван Полянский, Алексей Симонов, Артемий Степанов, Федор Шакловитый.

Заложенная Филаретом методика обучения кадров в монастырях получила достойное развитие. Прямым подтверждением этому мы считаем факт хранения в Приказе тайных дел картографических материалов некоторых монастырей (Воскресенского Иерусалимского, Иверского, Валдайского и Крестного Онежского), подтверждает это и то, что любые строительные работы в монастырях производились только с разрешения царя.

Карьере сотрудников способствовало усердие при выполнении особых заданий государя: подьячие назначались дьяками в другие приказы, а дьяки становились думными дьяками, но при этом они оставались доверенными лицами царствующей особы; соответственно расширялась внутренняя агентурная сеть в различных социальных слоях общества. Некоторые из этих людей успешно продолжили службу при преемниках Алексея Михайловича.

Во второй половине XVII в. наиболее близким человеком к Алексею Михайловичу становится А. С. Матвеев, многократно выполнявший личные, в том числе и по линии Тайного приказа, царские поручения. В частности, он проявил немалую активность при подавлении «народного» восстания 1670–1671 гг. под руководством С. Т. Разина. После поимки Разина А. С. Матвеев писал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего, была». [118]

Слово «народное» взято в кавычки не случайно. В советской историографии трактовка была однозначной: вооруженное восстание низов против царя и бояр-угнетателей. Однако в настоящее время имеется несколько версий этого события. Например, Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко считают Разина представителем ордынской династии, отстаивавшим свои права на престол. Таким образом, речь может идти о борьбе за московский трон «старой» и «новой» группировок.

Историк Н. М. Михайлова полагает, что разинское выступление – первое в череде «раскольнических бунтов», потрясавших Россию на протяжении почти ста лет – с 1668 по 1774 г. Напомним читателю, что незадолго до восстания патриарх Никон провел церковную реформу, подтолкнувшую к самому страшному расколу в русском обществе. Разин, в числе прочего, обещал вернуть «старую веру», но при этом его людьми совершались убийства священнослужителей, надругательство над церковными святынями и ограбления храмов. После смерти Алексея Михайловича силовая «раскольническая» деятельность не

прекратилась, о чем будет рассказано в следующей главе.

Еще одной причиной мятежа Степана Разина могла быть месть за смерть старшего брата – походного атамана Ивана Разина, казненного в 1665 г. за самовольный уход на Дон.

Кроме того, никогда нельзя исключить, что вооруженное выступление, имеющее признаки внутреннего противоборства, инспирировано другой страной, преследующей собственные внешнеполитические цели. В этом плане главе государства следует проявлять крайнюю осторожность, и секретные службы должны постоянно «держать руку на пульсе», чтобы выявить угрозу иностранного вмешательства на ранней стадии. Это позволяет выстроить систему противодействия внешней угрозе с минимальными экономическими затратами и «бить врага его же оружием», лучше всего – малой кровью и на чужой территории. На наш взгляд, Алексей Михайлович и его службы хорошо понимали реальность иностранной угрозы.

В первые годы правления Тишайшего общее руководство царской охраной осуществлял руководитель Приказа Большого дворца, а с 1663 года – дьяк Приказа тайных дел. За безопасность царской семьи отвечало несколько охранных подразделений с различными функциями и подчиненностью. В сочинении Г. К. Котошихина «*О России в царствование Алексея Михайловича*», написанном для государственного канцлера Швеции, есть любопытные сведения не только о российском государственном устройстве, но и об охране царской семьи.

В. И. Савельев организацию охраны царя Алексея Михайловича в Московском Кремле описывает так:

«При особе государя в качестве телохранителей постоянно находилось двести человек – выходцев из дворянских семей. Ночью подле царской спальни дежурил главный спальничий с одним или двумя приближенными царедворцами. В соседней комнате находились шесть телохранителей, а в следующей располагались еще сорок человек».[119]

Во времена первых Романовых спальники были одними из наиболее приближенных к царю людей. В сочинении Котошихина о них говорится так:

«Спалники – которые спят у царя в комнате, посуточно, по переменам, человека по четыре. И многие из них женатые люди, и бывают в том чину многие годы, и с царя одеяние принимают и розувают. А бывают в тех спалниках изо всех боярских и околничих и думных людей дети, которым царь укажет, а иные в такой чин добиваются и не могут до того притти. И быв в спалниках, бывают пожалованы болших бояр дети в бояре, а иных менших родов дети в околничие, кого чем царь пожалует по

своему разсмотрению. И называют их комнатной боярин или околничей, а в посолственных писмах пишут ближними бояры и околничими, потому что от близости пожалованы».[120]

Как мы видим, спальники – дежурившие посменно сотрудники дворцовой охраны. Во главе каждой смены находился постельничий:

«И того постелничего чин таков: ведает его царскую постелю и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает. Так же у того постелничего для скорых и тайных его царских дел печать».[121]

При царе Алексее Михайловиче постельничим был Ф. М. Ртищев.

Вернемся к описанию Савельева:

«Кроме того, у каждых ворот и дверей дворца стояли отборные молодцы. К постоянной дворцовой страже принадлежали также две тысячи стремянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями – по двести пятьдесят у дворца, на самом дворе и у казначейства».[122]

Напомним, что в те времена в Москве было свыше двадцати стрелецких полков, в том числе «выборный» (отборный) Стремянный полк, личный состав которого насчитывал, как мы уже говорили, 1000 человек.

Котошихин утверждал, что в охране Кремля участвовали все московские стрелецкие полки:

«А на вахту ходят те приказы посуточно; и на царском дворе и около казны з головою стрелцов на стороже бывает по 500 человек, а досталные по городом, у ворот по 20 и по 30 человек, а в ыных местех и по 5 человек; а чего в котором приказе на вахту не достанет, и в дополнок берут из иных приказов. А в празничные дни которой приказ стоит на вахте, и им с царского двора идет в те дни корм и питье доволное».[123]

Вероятно, охрана (соответствует карауулу нынешнего Президентского полка) осуществлялась комплексно. На наиболее ответственные посты заступали стрельцы из Стремянного полка, охрану менее значимых объектов – за периметром Кремля и на городских заставах – могли нести стрельцы других полков. Возможен также вариант, при котором в карауле одновременно могли находиться стрельцы Стремянного и других полков.

Внутри Кремля особое внимание уделялось охране царского двора и дворцовых помещений, которые были закрытыми (литерными) зонами. Пройти во двор с оружием могли только стрельцы-караульщики. Категорически запрещалось появляться на царском дворе верхом или в карете, а также проводить через

двор лошадей или экипажи. Посетители, приходившие во дворец по вызову, ожидали приема вне литерной зоны. Это ограничение распространялось на все социальные группы, в том числе на бояр и иностранцев. Те же правила действовали и в других резиденциях царя, включая походную ставку. Любое лицо, задержанное с оружием в пределах режимной зоны, немедленно подвергалось допросу «с пристрастием» для выяснения цели появления. Если человек нес оружие «не с умыслом злым», а «с простоты», он в лучшем случае отделывался ссылкой в Сибирь или отправкой «на вечное житье» на Терек. В худших случаях смертной казни подвергалась вся семья «татя», покусившегося на жизнь государя.

Стрельцы сопровождали царскую семью и при выездах из Кремля; охранники шли с двух сторон от кареты, раздвигая толпу и обеспечивая беспрепятственное продвижение по улицам «без мушкетов, с прутьем». Также при государе находились стряпчие, которых можно считать выездной охраной.

И снова слово Котошихину:

«Стряпчие. Чин их таков: как царю бывает выход в церковь, или в поход на потехи, или в полату, в думу и для обедов, и в то время несут перед ним скифетр, а в церкве держат шапку и платок, а в походех возят панцырь, саблю, саадак. И посылают их во всякие ж посылки, кроме воеводств и посолств, чтоб сами были послы. А будет тех стряпчих с восмь сот человек. А на Москве они, стряпчие и столники, живут для царских услуг по полугоду, пополам. А другая половина, кто хочет, отъезжают в деревни свои, до сроку».[124]

Во время торжественных выездов и официальных приемов царя окружали телохранители-рынды, вооруженные секирами. Рынды – это прообраз почетного гвардейского караула, выполняющего протокольные функции; в случае необходимости статные молодцы, одетые в парадную форму, могли оказать «супостату» достойный отпор. Как и положено почетному караулу, они подчеркивали статус государевой особы – и отвлекали внимание потенциальных злоумышленников от негласной охраны носителя власти.

Когда царь отправлялся на богомолье или в загородные резиденции, охрана усиливалась:

«Да с царем же бывают в походех стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы и иных чинов люди, которым велено бывает; да Стремянной приказ, 1000 человек стрелцов на царских лошадях».[125]

Перед царским кортежем следовал постельный возок, при котором ехали постельничий и стряпчий, а с ними 300 жильцов

по три в ряд. В составе конвоя находились до 3000 конных стрельцов, 5000 рейтар и 12 стрелков с «долгими пищалями». Это был отборный отряд, готовый по первому сигналу пустить в ход свое оружие.

«Долгие пищали» двенадцати стрелков позволяли вести снайперский огонь «пороховым зельем» на дистанции, представлявшейся большинству людей почти колдовской. Их ружья имели линейные нарезы с винтовой составляющей, позволявшие пуле приобретать дополнительную устойчивость; делать такие «долгие пищали» с ювелирной точностью умудрялись опытные оружейные мастера.

В карете государя сидели четверо ближних бояр, перед ней ехал боярин, справа от нее – окольничий. В «избушке» царевича находились его «дядька» и окольничий – все под охраной стрельцов. Возки царицы и царевен также охранялись стрельцами. Женщин сопровождали верховые боярыни, а в ближнем окружении венценосных дам были собственные постельницы. Скорее всего, некоторые из них выполняли охранные функции, которые нельзя было поручить мужчинам.

В военных походах охрана государя еще более усиливалась, кадровый отбор контролировался самим царем:

«И будет на которой войне случится быти самому царю, и в то время, смотря царь всех воинских людей, обирает себе полк изо всяких чинов людей и ис полков».[126]

Из состава этих полков производился отбор тысячи «добрых людей», которым полагалось находиться при царской особе «для оберегания знамени его царского»[127] постоянно. Это подразделение комплектовалось из стольников, стряпчих, дворян и жильцов. Таким образом, в военных походах царя сопровождали три независимых друг от друга полка – стрелецкий Стремянный и два «выборных», сформированных из приближенных к царю служилых людей.

Среди таких приближенных в сочинении Котошихина многократно упоминаются дети боярские, дворяне, жильцы и стольники. Дворяне и дети боярские несли основную тяжесть военной службы в стрелецких, солдатских и рейтарских полках – это был основной кадровый и резервный состав русского войска. Некоторые «дворяне московские» несли службу в приказах и использовались для «сыскных дел».

Очевидно, у вас возник вопрос: а кто же такие жильцы? Жильцами в то время называли детей дворян, дьяков и подьячих, живших и начинавших службу при царском дворе «для походу и для всякого дела». Общее число жильцов приближалось к 2000 человек, из них на царском дворе постоянно находились около

пятидесяти. Со временем жильцы становились стряпчими, стольниками и т. п. или продолжали карьеру на военной службе.

Стольниками (это слово уже не раз встречалось вам в тексте) назывались дети бояр, окольничих и московских дворян, обслуживавшие государя и его приближенных за трапезой, в том числе на торжественных приемах. Кроме прислуживания за столом, работа стольников заключалась в негласной охране во время трапезы и в контроле за подаваемыми на царский стол блюдами и напитками:

«И будет тех столников числом блиско пяти сот человек. И посылают их в посолства в послех самих и с послами в товарыщах, и по воеводствам, и для сыскных дел, и бояр спрашивать о здоровье, как они бывают по службам. А иные на Москве сидят в приказех у дел и у послов в приставех».[128]

Большое значение уделялось сохранению секретности:

«А как царю лучится о чем мыслити тайно, и в той думе бывают те бояре и околничие ближние, которые пожалованы из спальников или которым приказано бывает приходити. А иные бояре, и околничие, и думные люди в тое полату в думу и ни для каких ни буди дел не ходят, разве царь укажет».[129]

Таким образом, во второй половине XVII в. в охране первого лица Российского государства существовали разные по подчиненности подразделения, каждое из которых обеспечивало безопасность в своей зоне ответственности. Из фактов, приведенных в сочинении Котошихина и других источниках, можно сделать вывод, что в царствование Алексея Михайловича сложилась многоуровневая комплексная система охраны. При такой системе все службы, в той или иной мере участвовавшие в решении общей задачи, должны были осуществлять оперативное взаимодействие и иметь разветвленную сеть сбора и анализа информации, позволявшей действовать по принципу наступательности (опережающей контратаки). По нашему мнению, система охраны того времени явилась прообразом закрытой системы охраны первых лиц государства, получившей наивысшее развитие во второй половине XX в.

Что касается контрразведки, то ей при Алексее Михайловиче уделялось очень большое внимание, поскольку число иностранцев посещавших Московское государство, неуклонно возрастало. От каждого иностранца требовалось указать цель приезда: дипломатическая миссия, торговля, поступление на государеву службу, посещение родственников, обучение русскому языку и т. п.; без этого въезд ему был закрыт.

Наиболее энергичную разведку против Москвы вели дипломаты, которые в то время подобную деятельность вели в

любой стране. Анализ инструкций, выданных иностранным дипломатам, говорит о том, что каждому дипломату предлагалось вести тщательную разведку, записывать все виденное и слышанное и сообщать своим правительствам используя секретные шифры.

Вот что по этому поводу писал известный английский дипломат Г. Никольсон:

«Нужно признать, что уровень европейской дипломатии, когда она впервые оформилась как отдельная профессия, был невысок. Дипломаты XVI и XVII веков часто давали повод к подозрениям <…>. Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали.

Посол той эпохи считал себя „почетным шпионом“. Он был глубоко уверен, что частная мораль – нечто отличное от общественной морали. Многие из них воображали, что официальная ложь имеет мало общего с ложью отдельного лица. Они не считали, что и бесполезно и недостойно честного и уважаемого человека вводить в заблуждение иностранные правительства преднамеренным искажением фактов.

Британский посол сэр Генри Уоттон (1568–1639 гг. – *Авт.*) выразил мнение, что „посол – это честный человек, которого посылают за границу лгать для блага своей родины“».[130]

«Указания на ведение разведки находим у шведов Карла Поммеринга и Эрика Пальмквиста, [Адольфа] Эберса, [Иоганна де Редеса], Лилиенталя, немцев Якова Рейтенфельса, Августина Майерберга и Адама Олеария, голландцев Исаака Массы и [Конрада] фан Кленка, англичан [Джона] Меррика и Самуэля Коллинса, французов де ла Пикатьера и де ла Невиля и многих других иностранцев, издавших свои записки о России. О многочисленных польских лазутчиках, засылавшихся в Московское государство на протяжения всего XVII в., и говорить не приходится, так как они засылалась специально с разведывательными целями».[131]

Тайную деятельность в Московском государстве проводили и представители папского престола, посещавшие нашу страну под различными личинами. Ватикан в течение нескольких веков пытался усилить свои позиции в Москве, с тем чтобы со временем сделать католичество государственной религией России. Однако наши предки ревностно придерживались православия, не допуская католических священнослужителей в пределы государства и запрещая строить костелы. В 1674 г. для тайных

католических посланцев Я. Рейтенфельсом были разработаны несколько инструкций, подтверждающих, что использование тайных методов в деятельности Ватикана против нашей страны постоянно совершенствовалось. Инструкции весьма показательны с точки зрения применения тайных методов работы и уровня осведомленности папского престола о российской жизни.

«Краткое наставление к путешествию в Московию.

1. Лица, которых угодно будет послать в Московию, должны быть прежде всего прирожденными итальянцами и не только опытны в обращении с людьми и всесторонне образованны, но также должны знать хорошо славянский и польский языки, а в особенности архитектуру, гидравлику и различные применения законов физики; мало того – они должны также уметь торговать.

2. Так как от них во время пребывания в чужой стране главным образом потребуются следующие качества: полная готовность и твердое намерение действовать определенным раз навсегда образом, – то и следует для настоящего дела тщательно избрать таких, которые посвятили бы ему все силы ума и сердца своего и не вздумали бы, охладев во время самого хода действий, отказаться от него.

3. Прежде всего должно им помнить, что лишь одна скрытность доставит им всюду и всегда полную безопасность. Пусть они, поэтому, всячески избегают говорить слишком много о своем деле как в Италии, так и где бы то ни было, дабы случайным раскрытием плана не погубить всего дела.

4. Пусть они по возможности подробнее разузнают от купцов, с которыми им придется совершать свое путешествие, о товарах, привозимых в Московию и вывозимых оттуда, дабы никому не подать повода к заподозрению их, вследствие их невежества по этой части.

5. Приняв, таким образом, эти меры предосторожности против всякого рода случайностей, сообразуясь с своим собственным и спутников характером, пусть они, с благословения Божия, отправятся в путь, причем, однако, и самый путь, весьма длинный, они сократят, если отправятся на город Ригу, в Ливонии, через Каринтию, Австрию, Моравию, Силезию, Польшу, Пруссию и Курляндию.

6. Из Риги, особенно в зимнее время, они через Ливонию легко доедут на ямщиках из ливонцев же, а иногда и русских, возвращающихся домой, до Пскова. А отсюда, по получении от царя, через воеводу или начальника края, разрешения на ввоз их

товаров, они таким же способом, на ямщиках, проедут в Москву, местопребывание царя.

7. Пусть они ни под каким видом, даже и не пытаются брать с собою священные облачения и церковную утварь или что либо иное, могущее навлечь подозрение, ибо там все подвергается – каждый предмет особо – осмотру, более нежели тщательному.

8. Пусть они помнят, что, в Московии прежде всего им необходимо должно переменить всякие европейские нравы на азиатские, дабы в противном случае их планы, хотя и прекрасно обдуманные, но, быть может, не согласные с обычаями, не погибли злополучнейшим образом. Ибо тут как на войне, нельзя два раза ошибаться.

9. Пусть также они сами, согласно совету Липсия, нигде так не удобоприменимому, как именно в Москве, будут скупы на слова, а помыслы их сокрыты, выражение лиц их сурово, даже при оказании милостей, дабы тамошний, столь раболепствующий и подозрительный, народ не мог заключить чего недоброго по наружности их.

10. Да позаботятся они о том, чтобы поселиться в качестве приезжих гостей не в Немецкой, случайно, слободе, но лучше всего в самом городе, недалеко от дворца, у кого-нибудь из русских, дабы через это близкое соседство удобнее и лучше изучить язык и нравы.

11. Им должно также иметь переводчика, заслуживающего полного доверия, особенно если никто из них самих не будет знать русского языка.

12. Пусть они немедленно, по приезде своем, отправятся к выдающимся лицам католического вероисповедания и строжайше обяжут их молчать о своих намерениях. Прежде всего пусть они известят о своем прибытии и своих предначертаниях господина Бокговена, кажется, генерала, как их называют, военной службы, родом англичанина, а также господина Менезия, которому недавно было поручено съездить послом в Италию, и знаменитого венецианского художника, стекольщика. От них они могут получить более, чем от кого либо, достоверных сведений.

13. Пусть они, по указанию друзей, поспешат расположить подарками в свою пользу некоторых лиц, особенно же Артамона Сергеевича [Матвеева], первого министра при нынешнем царе. В этой стране давать и брать взятки – явление обычное.

14. Пусть они и самому царю как-нибудь преподнесут, от себя лично, какой-нибудь подарок, более по замысловатости своей, нежели по стоимости подходящий для сего, дабы через это царь благосклоннее отнесся бы к сим новым купцам.

15. С так называемыми толмачами и переводчиками царя, как

православными, так и иных вероисповеданий, пусть они сведут дружбу, необходимую по многим причинам, особенно же с господами Гроцием, Виниусом, Вибургом и др.

16. Дабы не подать безбожникам повода быть худого мнения о нас, полезно для дела будет обменяться любезностями даже с лютеранами и кальвинистами.

17. Пусть они тщательно поразведают об образе мыслей тех лиц, кои, отвергнув прежнюю свою веру, присоединились к московской, дабы от этого серединного, так сказать, рода людей ежедневно получать как можно более нужных сведений.

18. Пусть они также подружатся с некоторыми монахами Базилиянского ордена, а именно с Симеоном, родом из Литвы и глубоким знатоком латыни, и теми двумя, которые получают от царя жалованье за свою греческую ученость, и, наконец, даже с митрополитом Газским, который некогда провел немало лет в коллегии, принадлежащей пропаганде, если только он еще доселе жив. Это весьма будет способствовать постепенному введению, облагораживающих человека, наук.

19. Пусть они по возможности точнее следят за образом мыслей царя, равного которому по великодушию и благочестию я не признаю никого, дабы, зная в какую сторону они склоняются – как относительно серьезных вопросов, так и развлечений, – быть в состоянии согласовать их с собственными намерениями.

20. Пусть постараются они поступить на какую-нибудь службу у царя, дабы под сим могущественнейшим покровом, свободно пользоваться повсюду большими преимуществами.

21. А для того, чтобы яснее было, что от их услуг проистекает некая выгода царю, им следует выпросить себе командировки для отыскания и правильной разработки в разных местах рудников и копей, кои там ежедневно вновь открываются.

22. Пусть они попытаются также сделать что-либо полезное, как для виноградников близ Астрахани, которые уже начали пропадать за отсутствием правильного ухода за ними, так и для плавания по Каспийскому морю.

23. Пусть они приобретут расположение царя новыми применениями из области математики и механики. Как образчик таковых, они могут предложить, например, поднять тот громадный колокол в Московском Кремле, около которого до сей поры многие в поте лица своего тщетно потрудились.

24. Пусть они, кроме того, с разрешения царя устраивают по временам представления молодыми московитами тех комедий, про которые им известно, что они царю по вкусу.

25. Пусть они постараются привезти несколько книг на славянском языке по государственным вопросам и истории, якобы

для занятий учащейся молодежи из иностранцев, но с которыми они пусть познакомят, выбрав удобный для сего случай, высших сановников и самого царя, ибо этим, как бы чародейными заклинаниями, удобнее всего могут быть смягчены сердца и совершенно уничтожены дикие нравы.

26. Пусть они также по временам предлагают новые государственные планы и меры, касающиеся их, и тем доказывают царю, что ему одинаково полезна и необходима более тесная дружба с некоторыми государями, и пусть они усердно стараются о том, чтобы их отправили для заключения этих союзов.

27. Пусть они под видом купцов или посланных с поручениями от царя по временам предпринимают поездки по главнейшим городам Московского государства, напр. в Киев, находящийся близ Черного моря, Архангельск, гавань на Белом море, Тобольск, главный город Сибири, Астрахань, при Каспийском море и т. п. Эти поездки немало поспособствуют лучшему знакомству с страною и могуществом ее населения.

28. Стараясь, таким образом, разными способами приобрести расположение царя, следует тем некоторым лицам, которые пользуются его милостью, стараться о том, чтобы выпросить, хотя бы тайное, отправление церковных служб, дабы московиты чрез это постепенно подготовлялись бы к полному слиянию. Ибо торжественные, даже могущественнейших государей, посольства не будут, конечно, иметь успеха, как потому, что это – дело весьма трудное, а также и вследствие боязни опасных последствий.

29. Если счастье устроит все так, то пусть они выпросят у папы отправить послов или, на первый раз, только грамоту царю, с полным его титулом, в которой он бы его приглашал заключить навеки союз, скрепленный обоюдною присягою, против турок – этого общего врага всех христиан. Несомненно, по присуждении царю, подобно Иридиному яблоку, титула все остальное уже не встретит препятствий. Право, не следует еще дальше разбирать, подобает ли ему, по справедливости, это прозвание, раз он с полным основанием может быть назван так вследствие того, что покорил Казанское, Астраханское, Сибирское и другие громадные государства, властители коих назывались Царями, совершенно так, как и мы не отказываем другим – христианским и языческим – государям в титулах, зачастую, быть может, и сомнительных и лишь заимствованных ими у тех областей, которые им, так или иначе, но подчинены.

30. В Риме же пусть будет назначено лице на следующую должность: ему без всяких околичностей будут сообщать о происходящем, а оно будет посылать ответ в Москву, по

возможности скорее, во избежание возможного запоздания дела в случае чересчур долгого откладывания ответа.

31. Итак – пусть они неустанно пишут подробнейшие письма, как касательно политики, так и всего того, что будет делаться в Москве, приняв, однако, следующую меру предосторожности, именно: писать скрытно, пользуясь какой-нибудь торговой или иной какой тайнописью, дабы не выдать тайны, если письма по приказанию царя будут вскрываться (что нередко бывает).

32. А какое, впрочем, принять решение относительно того, что с течением времени может неожиданно представиться, тому лучше Хризиппа и Крантора научит их собственное благоразумие, так как они будут у дела, как бы на самом месте сражения».[132]

«О том, кто отправится послом в Московию.

1. Он должен быть итальянцем по происхождению – лучше пожилым, нежели молодым, богобоязненным, серьезным и вместе с тем благодушным, но – что важнее всего – ревностно преданным затеваемому делу.

2. Он должен хорошо знать характер, нравы основные законы и требования московитов.

3. При нем должен состоять товарищем какой-нибудь очень набожный славянин, для того чтобы ему не пришлось во всем доверяться исключительно только переводчикам.

4. Вся свита его должна состоять из людей благонравных, благочестивых и приветливых.

5. Пусть у него ежедневно во дворце, в присутствии всех своих, читаются святые молитвы и служатся молебны.

6. Пусть ежедневно у ворот дворца раздается милостыня нищим.

7. Пусть временами устраиваются беседы с московитами, рассказывается о святой жизни нашего Верховного Первосвященника, о его любви и влиянии на нравы.

8. Пусть он постоянно старается внушать основные начала духовной жизни истинного христианина и согласия и единения на почве любви.

9. В разговорах с московитами следует всем избегать надменного и презрительного тона.

10. В разговорах ему не должно выказывать желания узнать их тайны и не слишком любопытствовать о делах государственных.

11. Пусть он ищет случая побеседовать с теми немногими художниками, кои находятся в Москве, но не вступать в горячие

споры с ними.

13. Пусть он по временам предлагает что-либо вновь изобретенное из области зодчества, механики и математики, до сей поры в Московии еще не виденное или не примененное.

14. Пусть он привезет с собою для подношения царю какой-нибудь подарок, более ценный по своей замысловатости, нежели по стоимости…».[133]

«Относительно пропаганды посредством торговых сношений.

1. Если, быть может, в настоящее время нельзя послать в Московию человека, который бы провел несколько лет в столице сей страны и не только изучил бы ее язык, но и привез бы оттуда подробнейшее донесение о положении государства, то следовало бы, по крайней мере, постараться о том, чтобы содержать при Пропаганде какого-нибудь переводчика, которого можно бы было выписать из Московии через Литву. И если бы оказалось трудным добыть прирожденного московита, то легче нашелся бы какой-нибудь немец, или русин из Белоруссии, или поляк, несколько времени проживший в Московии.

2. Надо бы привезти в Рим несколько юношей, если не настоящих московитов, то какой-либо другой национальности, но рожденных и воспитанных в Московии, которые умели бы читать и писать на московском наречии.

3. Следует содержать, хотя бы и тайком, постоянного миссионера в Московии.

4. Надо иметь надежного корреспондента в городе Москве, в гавани Архангельске, в Астрахани и Киеве.

5. Выписать в Рим наиболее важные книги, напечатанные в Москве на московском наречии, каковы, например: грамматика в большую четверку, Библия, Уложение, т. е. законы московские <…>.

6. Стараться добыть некоторые московские рукописи, некоторые стихотворения и беседы, а главное, постановления последнего съезда некоторых патриархов в Москве, созванных царем с большими издержками.

7. Завести при Пропаганде печатание русских книг, что может быть исполнено весьма легко и с небольшими затратами, так как в типографии Пропаганды уже давно имеется славянский шрифт, к которому придется прибавить еще немного тех букв, которые у московитов отличаются от имеющихся на лицо».[134]

Купцы занимались разведкой в Московском государстве попутно со своими коммерческими делами. При этом они

нередко были «двойниками» – тайными агентами своего правительства и в то же время источником разного рода сведений для московских спецслужб.

Реже других разведкой в Московском государстве занимались иностранцы, находившиеся на государевой службе, – как правило, они вели разведывательную деятельность за рубежом в пользу русского царя. Надзор за иностранными офицерами, служившими в русском войске, осуществляли сотрудники Иноземского и Рейтарского приказов. Лояльность наемников постоянно проверялась. Контакты офицеров с представителями посольского корпуса не поощрялись: им внушали, что подобные встречи могут вызвать подозрение при дворе. Обязательной проверке подвергались как методика обучения, так и предлагаемые иностранцами тактические приемы, благо офицеры-наемники представляли не только различные страны, но и различные военные школы.

«Основными способами выявления шпионов были: наблюдение за всеми подозрительными в отношении шпионажа людьми, как русскими, так и иностранцами; примитивная слежка за шпионами; розыск пробравшихся в страну шпионов; розыск бежавших из-под стражи шпионов, а главное – различные мероприятия, проводившиеся на основании слухов о шпионах, официальных доносов, изветов и явок. Последнее было весьма распространенным: большинство дел о шпионах возникало благодаря явкам и изветам. Можно с полным основанием сказать, что извет в XVII в. являлся основной формой осведомления о пробравшихся в страну шпионах».[135]

Русским секретным службам было что противопоставить активизации иностранных разведок. Так, служба охраны дипломатического корпуса при дворе русского царя являлась одной из оперативно-охранных служб, работавшей по линии контрразведки. Обеспечение безопасности иностранных представителей находилось в совместном ведении Посольского и Стрелецкого приказов. Разрядный приказ продолжал координировать контрразведывательную работу в порубежных районах России. Контрразведывательные мероприятия, в том числе наружное наблюдение за перемещениями дипломатов и местами их проживания, осуществлялись постоянно. Режим для иностранцев был установлен настолько жесткий, что несанкционированные встречи с москвичами либо с представителями других государств, проживающими в Москве, практически исключались.

Русские инструкции тех лет гласили:

«Беречи накрепко, чтоб к послом и к их посольским людем

подозрительные иноземцы и русские люди никто не приходили и ни о чем с ними не розговаривали, и вестей никаких им не рассказывали, и письма никакого к ним не подносили».[136]

Наружное наблюдение велось не только «приставниками» и «караульщиками», которые по долгу службы охраняли и сопровождали дипломатов, но и тайными постами, окружавшими посольское подворье и неотступно следившими за перемещениями представителей иностранных миссий.

При появлении подозрительных лиц их следовало, «поотпустив от посольского двора», негласно задержать и под охраной доставить в Посольский приказ. Горе было тому ослушнику, кто без дозволения пробовал вступить в «преступную связь» с иноземцами и еретиками, – государево «слово и дело» могло настичь его в любой момент, в любом месте державы и даже за ее пределами.

В 1652 г. для иностранцев, проживающих в Москве, была выстроена слобода Кукуй (по названию ручья, впадающего в Яузу). Жители слободы подчинялись общерусским законам, хотя и пользовались некоторыми свободами (в частности, свободой вероисповедания). Однако носить русское платье им категорически воспрещалось, воспрещалось также посещать Сибирь и Поволжье. Вообще, любой выезд за пределы Москвы дозволялся только с письменного разрешения вельможных персон или самого государя. Не стоит забывать, что к тому времени на русской службе находилось большое число иностранцев, заинтересованных в финансовом и карьерном продвижении. И то, что они проживали в России не один год, не снимало слежения за ними.

Предпринимаемые меры значительно затрудняли деятельность резидентов иностранных разведок, действовавших под дипломатическим прикрытием. Информация, получаемая от «нужных людей», позволяла более адекватно строить работу как в области внешней и оборонной политики, так и в области охраны российских должностных лиц. Если кто-то из иностранцев «случайно» заезжал не в то место, то с ним доверенные царя поступали «нечестно»: исчезнуть на неспокойных русских дорогах, или погибнуть от рук «лихих людишек», или заболеть неизвестной хворью было проще простого. Вольно или невольно посвященных в государственные секреты уже никогда не отпускали на родину: арсенал специальных методов воздействия был достаточно обширен и изощрен.

За выявленными лазутчиками и внушавшими подозрение лицами устанавливалось негласное наружное наблюдение. Задерживать лазутчиков следовало, не привлекая внимания

посторонних:

«Около того Исайкова двора тихо ходя надзирать, не объявятся ли у него также прибылые рубежные люди, и чтоб тайным обычаем поймать, не розсловя во многие люди».[137]

В деле разоблачения иностранных агентов большую роль играла информация, добытая русской разведкой за рубежом. Такая деятельность по современной терминологии именуется внешней контрразведкой.

«Так, тульские воеводы Федор Куракин и Борис Нащокин в челобитной царю (год не указан) [предположительно 1659–1662-й. – *Авт.*] пишут: „Ведома, государь, учинилось тебе, государю, что из литовского городка из Лужи, державец Дуброва отпустил на Тулу лазутчика литовина Андрюшку, а велел ему сказаться русским человеком, потому что он по-русски говорить умеет“».[138]

Стратегическая разведка при Алексее Михайловиче осуществлялась в основном по линии Посольского приказа. Легальными резидентами (по современной терминологии) являлись русские послы, которые опирались на ряд подьячих посольства и завербованных иностранных подданных. Основное направление разведки той поры – оценка внутриполитической ситуации, военной мощи и намерений Османской империи, Речи Посполитой, Швеции, а также иных государств, потенциальных и явных противников или возможных союзников. В ряде случаев в состав русских посольств включались подьячие Приказа тайных дел или особо доверенные лица из ближайшего окружения государя. Однако посольства носили временный характер, фактически являясь дипломатическими миссиями, направляемыми государем с конкретными поручениями.

Таким образом, в секретных службах Алексея Михайловича развивались посольская, военная, пограничная разведки, военная и внешняя контрразведка. Любой «слуга государев» в случае необходимости мог стать (и по первому слову становился) секретным сотрудником, тайным порученцем, а то и резидентом – в зависимости от пожеланий патрона, своих возможностей и сложившихся обстоятельств. Принцип тотальности, использовавшийся при дворе, позволял царю эффективно проводить в жизнь свою «тихую» и тайную политику.

Расследование государственных (политических) преступлений по сообщениям с мест (доносам) обычно начиналось с формулы «Слово и дело государево» (впервые сакральная фраза упоминается в 1622 г.). Произнесший эту фразу имел право требовать, чтобы его доставили лично к местному воеводе или даже к самому царю для сообщения особо важных и

секретных сведений, касавшихся царствующей особы и государства в целом. При этом он знал, что его могут подвергнуть задержанию и провести тщательное следствие, включая применение пытки. Информация с мест немедленно докладывалась в Москву в соответствующий приказ. В случае неумелого допроса или смерти человека, выкрикнувшего «слово и дело», прежде чем государь или лицо «в имени государевом» примет решение о ценности информации, ответственный воевода, боярин или иной «служивый» могли понести тяжкую кару, вплоть до публичной казни всей семьи.

В целом, отношение к произнесшему «слово и дело» было подозрительно-осторожным: с первого взгляда было трудно разгадать, «царев» ли это «ближний доверенный» или «человек лихой в кознях». Но чиновники различного уровня все же предпочитали оказывать повышенное внимание таким лицам, дабы самим не попасть «в опалы великие», а если «кликнувшийся» оказывался «вор и разбойник», то и отыграться позднее на нем можно было безо всякой опаски.

Наиболее полно законодательные и судебные меры защиты жизни и здоровья государя излагаются в *Соборном уложении 1649 г.*, скрепленном подписями 315 выборных представителей от всех социальных слоев. Всего в Уложении было 25 глав, вмещавших 967 статей, посвященных различным вопросам государственного и уголовного права. В частности, в главах 2 и 3 дается понятие о государственном преступлении, под которым в первую очередь подразумевались действия, направленные против личности государя и царской власти. Принятие и скрепление подписями важнейшего государственного документа выборными людьми – своеобразным парламентом той поры – обеспечивало Уложению легитимность, «чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному уложенью, впредь были ни чем нерушимы».[139]

По нашему мнению, созданная при Алексее Михайловиче система личной безопасности царствующей особы была одной из лучших в мире по меркам того времени. Всякое действие против или во благо государя закреплялось законодательно не просто царским указом, а утверждалось высшими лицами государства и выборными от всех сословий. Такая система всеобщего одобрения сравнима с общегосударственным референдумом, результаты которого обязательны для всех. Укрепление законодательной базы, введение в действие положений о социальной и материальной ответственности каждого участника событий, меры по предупреждению «умышлений» на государя гарантировали высокий уровень безопасности российского самодержца,

поддерживали его честь и достоинство.

Нашим современникам, особенно действующим в области правоохранительной деятельности, корпоративной охраны и безопасности, не следует забывать об этом. Участь «иванов, родства не помнящих», обычно плохо отражается на их карьере и карьере их детей.

Глава 4
Призраки смутного времени

Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лет большей беды не видели.

А. С. Матвеев

После смерти Алексея Михайловича, последовавшей в конце января 1676 г., при дворе развернулась открытая борьба за власть между двумя партиями. К первой принадлежали родственники покойной царицы М. И. Милославской и их сторонники, ко второй – группа, поддерживающая вдовствующую царицу Н. К. Нарышкину. Когда партия Нарышкиных потерпела поражение, на престол взошел пятнадцатилетний Федор Алексеевич, сын Марии Ильиничны Милославской и Алексея Михайловича. Чтобы закрепить успех, победители (в большинстве своем – представители древних боярских родов) начали расправу с конкурентами.

В частности, для устранения А. С. Матвеева была предпринята многоходовая комбинация, разработанная в Сыскном приказе под руководством В. С. Волынского. Вначале с помощью датчанина Магнуса Гэ был сфабрикован грамотный донос, на основании которого Матвеев был отправлен воеводой в Верхотурье. Затем последовал другой донос – лекаря Давыда Берлова, обвинившего боярина «в злоумышлениях и чаровстве». По делу о «чаровстве» Матвеева сослали в Казань, а затем в Пустозерск.

Удалением приближенных Алексея Михайловича дело не ограничилось. Практически сразу началось уничтожение специальных государственных институтов, созданных в его правление.

Первый удар был нанесен Приказу тайных дел, который более чем за два десятилетия своего существования стал ненавистен боярской верхушке, все еще пораженной вирусом местничества и мечтавшей о реванше, целью которого было «сидение на престоле боярского государя». В 1676 г. приказ был упразднен, его архив частично изъят и уничтожен, частично передан в другие приказы.

Милославские, Долгорукие и Хитрово, пользовавшиеся

наибольшим влиянием при дворе, решили, что слабый здоровьем государь будет им подконтролен. Однако у юного царя нашлись помощники, служившие верой и правдой еще его отцу. Среди них – думный дьяк Д. М. Башмаков, передавший Федору Алексеевичу шифры и личную переписку Алексея Михайловича. Большую поддержку юноше оказывал его духовный наставник Симеон Полоцкий, пользовавшийся исключительным доверием покойного государя. За личную безопасность Федора Алексеевича отвечали два человека из его ближайшего окружения: И. М. Языков и А. Т. Лихачев. Поддерживал царя и думный дьяк Л. И. Иванов, заведовавший Посольским приказом. В лице этих людей третий Романов обрел надежную опору, уменьшившую влияние многих боярских группировок на его особу.

Ситуация в государстве была достаточно напряженной. Началась очередная русско-турецкая война. На реке Яик (ныне р. Урал) в 1677 г. отмечалось брожение казаков. В Южной Сибири продолжалась борьба русских с киргизами, которые опустошили томские земли. В 1681 г. начались волнения в Башкирии. На западе и юге России существовала постоянная угроза на границах. В этих условиях значительную роль сыграл князь В. В. Голицын, командовавший русскими войсками в Малороссии и пользовавшийся особым доверием Федора Алексеевича.

«К концу века вырисовывалась необходимость борьбы с Турцией и Крымом, и разведка в этом направлении начинает работать еще более интенсивно, особенно против Турции, с которой происходила война с 1676 по 1681 г. из-за Правобережной Украины. Еще за несколько десятилетий до войны Посольский приказ сумел создать в Турции сильную тайную агентуру в лице греческого православного духовенства – патриархов, архимандритов в просто монахов, которые почти поголовно являлись агентами Москвы и разными путями доставляли в единоверную Москву весьма ценные вести, несмотря на то что турки знали об этом и бдительно следили за ними. По мере укрепления Московского государства, греки, в том числе и греческие купцы, все более охотно начинают активно работать на Москву. Но все же активнее работали представители духовенства».[140]

Имея достоверную информацию, В. В. Голицын путем дипломатических ухищрений обеспечил заключение важного для России Бахчисарайского мирного договора, по которому устанавливалась буферная зона между Днепром и Бугом сроком на двадцать лет, а Турция признавала присоединение к России Левобережной Украины и Киева. Тем самым снижалась угроза южным и юго-западным рубежам, а передышка позволяла

накопить силы для действий при пока еще неминуемом новом конфликте. Как показывают источники, успех был достигнут благодаря важным сведениям, своевременно полученным от российской агентуры в Молдавии, Валахии и Запорожье, а также благодаря умелому использованию противоречий между крымскими мурзами и польской шляхтой.

Самым серьезным политическим решением Федора Алексеевича стало уничтожение местничества в январе 1682 г. Одним из инициаторов отмены этой порочной системы был В. В. Голицын, которому было приказано изучить состояние ратного дела в государстве. Возглавляемая Голицыным комиссия по военным вопросам пришла к выводу о необходимости назначения командного состава «без мест и без подбора», в чине, какой укажет государь. Опираясь на выводы комиссии, Федор Алексеевич повелел предать огню Разрядные книги и заявил:

«И от сего времени повелеваем боярам нашим и окольничим, и думным и ближним, и всяких чинов людям на Москве, и в приказах, и у расправных,[141] и в полках у ратных, и у посольских, и всегда у всяких дел быть всем между собою без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять и никому ни над кем прежними находками не возноситься».[142]

Как видим, отмена местничества затрагивала не только военную службу, но и всю систему государственного управления.

Представители сословий, собранные на чрезвычайное «сидение», одобрили реформу и осудили «богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество».[143] Разумеется, многие представители древних родов подписали документ под нажимом, наступив на горло собственной песне, но таким образом был укреплен принцип единоначалия в жестком проведении в жизнь государевой воли.

Надо ли говорить о том, что бояре затаили обиду. Однако высказать несогласие публично они не решились, опасаясь навлечь на себя царский гнев и неодобрение Русской православной церкви, иерархи которой поддержали ликвидацию местничества. Боярам, присутствовавшим при сожжении Разрядных книг, патриарх Иоаким наказал:

«Начатое и совершенное дело впредь соблюдайте крепко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному делу воспрекословит каким-нибудь образом, тот бойся тяжкого церковного запрещения и государского гнева, как преобидник царского повеления и презиратель нашего благословения».[144]

На наш взгляд, уничтожение местничества можно сравнить с первым этапом введения опричнины при Иване IV. И в том и в

другом случае с привлечением представителей высшего духовенства была проделана подготовительная работа по формированию общественного мнения. В целом, новый подход к подбору и расстановке кадров «быть всегда без мест» опирался на прецеденты, случавшиеся в ряде военных походов в предыдущие десятилетия.

Государь одержал важную и притом бескровную победу, но через два с половиной месяца (27 апреля 1682 г.) скоропостижно скончался, не оставив наследника. Над Россией вновь замаячил мрачный призрак кровавого Смутного времени.

Ситуация, сложившаяся в Москве к апрелю 1682 г., во многом напоминала ситуацию после смерти Бориса Годунова. При возведении на престол десятилетнего царевича Петра группа окольничих во главе с «дядькой» Б. А. Голицыным явилась во дворец, поддев под платье панцири. Кадровый состав специальных служб, ведавших различными аспектами государственной безопасности, оказался по разные стороны баррикад – в зависимости от личных симпатий, интересов и родовой принадлежности. Придворных партий было несколько: партия царевича Ивана, лица, поддерживающие царевича Петра, и сторонники их старшей сестры (для Петра она была всего лишь сводной сестрой), царевны Софьи. В результате было принято Соломоново решение: «старшим» царем объявлялся болезненный Иван Алексеевич, сын М. И. Милославской, а «младшим» – Петр I, сын Натальи Кирилловны Нарышкиной, но оба царя – при правительнице Софье. Впрочем, этому предшествовали драматические события. Двадцать седьмого апреля 1682 г. Нарышкины провозгласили царем младшего – Петра, но в дело вмешались стрельцы, умело направляемые Софьей. В результате Стрелецкого бунта Иван V не только был посажен на престол, но и утвержден Земским собором 26 мая 1682 г. в качестве «первого» царя.

Правительство Нарышкиных, находившееся у власти всего две недели, допустило несколько кадровых ошибок, чрезмерно возвысив представителей своего рода. Многие приближенные Федора Алексеевича (потенциальные союзники) от Петра были удалены, что повлекло за собой значительное ослабление царских секретных служб. Контроль над московскими стрелецкими полками, отвечавшими за порядок в столице, был утерян. Казна была практически пуста, жалованье стрельцам выплачивалось нерегулярно, с большими задержками, а руководитель Стрелецкого приказа князь Ю. А. Долгорукий, потворствовавший произволу и финансовым злоупотреблениям стрелецких полковников, в среде стрельцов прежнего веса не имел. Его сын,

М. Ю. Долгорукий, руководивший Иноземским и Разрядным приказами, также не пользовался авторитетом. Итогом бездеятельности двух высших военных руководителей стало профессиональное и личностное разложение стрелецких полков, составлявших основную вооруженную силу в Москве. К середине мая 1682 г. стрельцы оказались готовы последовать за любым, кто даже не предоставит, а только пообещает им наибольшие социальные привилегии.

Единственным человеком, способным остановить беспорядки и восстановить управление, был А. С. Матвеев, вернувшийся по повелению Петра 12 мая 1682 г. в Москву. По дороге он получил известие о готовящемся заговоре и заявил предупредившим его стрельцам:

«Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лет большей беды не увидали».[145]

Артамон Сергеевич опоздал: у него не было в запасе ни времени, ни силовой опоры, за исключением Стремянного полка. Находясь более пяти лет вдалеке от столицы, не получая должной оперативной информации, он был не в полной мере осведомлен о заговоре Софьи и Милославских. Последние, знавшие способности Матвеева, спешили: переворот был назначен на 15 мая – день гибели в Угличе царевича Дмитрия.

Сигналом к выступлению послужило ложное известие о смерти Ивана Алексеевича от рук Нарышкиных, обеспечившее необходимую для стрельцов мотивацию к бунту. Стрельцы Стремянного полка сопротивления не оказали. В итоге Кремль, ворота которого оказались незапертыми (!), был легко захвачен. В течение 15–16 мая А. Матвеева, Ю. и М. Долгоруких, И. Языкова, Л. Иванова и многих других сторонников Нарышкиных убили (некоторых из них выдали собственные слуги).

Девятнадцатого мая стрельцы запросили долг за службу в сумме 240 тысяч рублей, и их требования были удовлетворены. Двадцатого мая в ссылку отправили постельничего А. Т. Лихачева, казначея М. Т. Лихачева, окольничего П. П. Языкова, чашника С. И. Языкова, думного дворянина Н. И. Акинфиева, думных дьяков г. Богданова и Д. Полянского, спальников А. А. Матвеева, С. Ловчикова, стольников П. М. Лопухина, В. Б. Бухвостова и других лиц, на которых стрельцы «били царю челом». Разумеется, в опалу попали практически все Нарышкины.

Однако спешка привела к тому, что переворот оказался недостаточно подготовлен. Несмотря на кажущийся успех, главной стратегической цели – установления единоличной власти – Милославские не добились. Утолив свои «кровавые буйства» и убедившись, что царевич жив, стрельцы утратили свой

агрессивный запал. Двадцать третьего мая князь И. А. Хованский, назначенный главой Стрелецкого приказа, сообщил Софье, что в полках сошлись во мнении: мол, пускай по малолетству царствуют оба государя, а сестра их в том помогает. Это было все, что на тот момент смогла выиграть Софья. Она правила во дворце, а в церквях постоянно произносили имя великих государей Ивана и Петра Алексеевичей.

Софья (как и ее брат Федор) была ученицей С. Полоцкого, хорошо знала иностранные языки и владела ораторским искусством. Будучи женщиной, в силу традиции она не могла рассчитывать на безусловную поддержку бояр и дворянства. Более того, лето и осень 1682 г. правительство Софьи и молодые государи находились под угрозой нового стрелецкого бунта. «Так совершалось похищение верховной власти при помощи войска, напоминавшего римских преторианцев и турецких янычар. Но образовавшееся вновь правительство находилось в необходимости потакать стрельцам, которые его создали и поддерживали».[146] Главная угроза исходила от Хованского, саботировавшего указы царевны (например, о посылке в ее распоряжение Стремянного полка). Подобраться к нему было не так-то просто: боярина окружала вооруженная пищалями охрана, на его дворе постоянно находилось около ста стрельцов, а при выездах карету охраняли 50 стрельцов.

В предыдущей главе мы упоминали о «раскольничьей» версии разинского восстания 1670–1671 гг. Летом 1682 г. активисты старообрядцев решили, что их час настал. Прибыв из дальних скитов в Москву, они проповедовали в стрелецких полках возврат к старой вере. Известно, что Хованский покровительствовал раскольникам, надеясь с их помощью усилить свое влияние на Софью и при удачном стечении обстоятельств, возможно, занять ее место. Пятого июля, во время полемики между старообрядцами, с одной стороны, и патриархом Иоакимом и Софьей – с другой, из толпы раскольников, поддерживаемых Хованским, раздалось:

– Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет.[147]

Как должен был поступить в этом случае верноподданный глава Стрелецкого приказа? По нашему мнению, немедленно арестовать хулителей царственной особы и учинить следствие: кто именно и по каким причинам внушил стрельцам подобные мысли? Но Хованский этого не сделал и в дальнейшем продолжал подстрекать стрельцов к неповиновению Софье и боярам из ее окружения.

В этой ситуации царевна показала себя достойной своего учителя. С середины августа она постоянно меняла места своего пребывания и дислокации своих сил: 19 августа – Коломенское, 5 сентября – Саввино-Сторожевский монастырь, 14 сентября – село Воздвиженское. Из каждой ставки она рассылала грамоты, собирая из надежных служилых людей «ударную силу», способную противостоять стрелецкому войску. Решающую помощь правительнице в борьбе со стрельцами оказала придворная группировка из влиятельных бояр, князей, служилых дворян и приказных, лидером которой стал В. В. Голицын.

Еще в 1681 г. Федор Алексеевич повелел Голицыну ведать воинскими делами для их лучшего устройства и командовать «государевыми ратями». Управление боеспособными солдатскими, рейтарскими и драгунскими полками нового строя осуществлялось через Разрядный, Рейтарский и Иноземский приказы, возглавить которые Софья поручила В. В. и Б. А. Голицыным. Во всех подчиненных этим приказам подразделениях, помимо обещаний льгот и милостей, «многажды» проговаривались законность правления Софьи при малолетних государях и необходимость защиты царевны от «лихих людей и смутьянов».

Благодаря политической поддержке бояр, крайне недовольных действиями Хованского и стрельцов, а также силовой поддержке Голицыных царевна устранила «стрелецкую» и «раскольничью» угрозы. Для ареста Ивана Хованского и его сына Андрея был направлен отряд дворян под командованием боярина М. И. Лыкова. Ему удалось захватить «смутьянов» поодиночке и без сопротивления!

После казни Хованских 18 сентября 1682 г. правительница и вся царская семья переехали под защиту стен и пушек Троице-Сергиева монастыря, оборону которого взял на себя В. В. Голицын. Решительные действия власти отрезвили даже самые горячие головы. В ноябре стрельцов лишили звания надворной пехоты, а их майские действия были объявлены мятежом.

После возвращения царской семьи в Москву охрану Кремля усилили. Появился указ, регламентирующий режим доступа: кто, когда и через какие ворота может проходить на его территорию и во дворец. В личные покои царской семьи никто из посторонних проникнуть не мог, это от носилось и к боярам – независимо от важности дела. Не допускалось появление в любой части дворца с оружием. Последнее правило распространялось даже на тех, кто в силу обычаев того времени был вооружен постоянно, и на иностранных послов.

Отметим, что иностранные дипломаты внимательно следили

за тем, что происходит в Москве. Так, в 1683 г. французскому послу де ла Пикатьеру было приказано тайно разведать причины стрелецкого бунта и других смут и беспорядков в Московском государстве. В той же инструкции говорилось, что Пикатьер «получит шифр, который должен употреблять при предоставлении отчета Его Величеству о своих переговорах и о всем том, что он узнает замечательного при этом дворе, и свои письма он будет отсылать господину Мартанжису в Копенгаген, или аббату Бидаль в Гамбург, или же господину де Вили в Польшу – смотря по обстоятельствам».[148] Подобные инструкции получали послы и других стран.

Царевна Софья, став правительницей, в первую очередь опиралась на князя В. В. Голицына. В мае 1682 г. он возглавил Посольский и Малороссийский приказы, в ведении которых были внешние сношения России и внешняя (в том числе стратегическая) разведка. В октябре 1683 г. Василий Васильевич получил титул «царственного Большой печати и государственных великих посольских дел оберегателя».

Еще одним приближенным царевны был ее духовник, монах Сильвестр Медведев. По официальной версии, получив распоряжение отправиться «на посольство в Курляндию», Медведев постригся в монахи, ушел из приказа и прослыл «чернецом великого ума и остроты ученой». При этом деятельность в качестве лица духовного звания не была для него единственной. В 1682 г. он способствовал передаче власти Софье при малолетних Иване и Петре.

По некоторым признакам, этот человек координировал работу одной из секретных служб царевны. О том, что служба работала эффективно, говорит тот факт, что Софья получала информацию о своих недругах непосредственно из окружения вдовствующей царицы Натальи Кирилловны. О тех, кто неодобрительно высказывался в адрес царевны или ее приближенных, Софье сообщали две постельницы Нарышкиной.

Сторонником Софьи был также думный дьяк Ф. Л. Шакловитый. Начавший тайную службу еще при Алексее Михайловиче, он возглавил Стрелецкий приказ после устранения Хованского. Те из стрельцов, кто продолжал подстрекать к неповиновению, были арестованы и сосланы на поселение либо целыми полками направлялись на службу в отдаленные гарнизоны. Так, в 1683–1684 гг. «на вечное житье» в Киев были высланы московские стрелецкие полки полковников И. К. Ушакова, И. Скрипицина, М. Ф. Сухарева. В Белгород отправили стрелецкие полки полковников В. С. Елчанинова, И. И. Дурова, М. Ф. Кривцова. Жесткими мерами воинскую дисциплину удалось

более или менее восстановить, но боевая подготовка стрелецкого войска продолжала оставаться на низком уровне. Начальника Стрелецкого приказа более всего интересовали дела придворные: усиление партии Петра и интриги в окружении царевны Софьи.

Между тем угроза безопасности с запада и юго-запада была реальной. Почуяв очередную смуту, в Речи Посполитой надеялись оторвать от России Малороссию. Секретной службе Голицына удалось перехватить двух католических монахов с подробной инструкцией по ведению подрывной работы против московских государей на Украине. Инструкция представляет собой яркий пример того, как следует вести обработку разных слоев населения для достижения политических целей.

«1. Начать с Полтавы, потому что ее жители склоннее других к восстанию против Москвы.

2. Москва плавает в своей крови; это наказание Божие за то, что не помогла ни императору, у которого султан отбирает теперь остальную Венгрию, ни Польше. Царь Федор Алексеевич хотел подать помощь Польше, но бояре не позволили, а потом и жену его, которая носила польскую фамилию Грушевских, отравили, напоследок и самого царя извели и весь род царский истребить хотели, за что Бог и отомстил им жестоко.

3. Разглашать, что Самойлович хочет искоренить козаков и для этого лучших полковников обратил в простые козаки.

4. Если б дело дошло до союза Москвы с Польшею, то не только души христианские из неволи освободились бы и святые места опять процвели, но и весь народ греческий мог бы освободиться.

5. Москва обманула поляков, она причиною, что Каменец погиб, Подолия и Украйна пропали.

6. Польские короли – и покойный Михаил, и нынешний Ян – об одном хлопотали, чтоб Украйна не досталась туркам, а принадлежала бы козакам; и всем известно, что после Журавского мира[149] Хмельниченко был посажен гетманом в Немирове. Но бояре московские всю Украйну по Днепр уступили туркам, испугавшись, что Чигирина не успели удержать и защитить, из-под которого визирь хотел бежать, но Ромодановский, несмотря на свою победу, наступать на него не хотел. Этою уступкою Украйны туркам Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потом и имя козацкое пропадет.

7. Опасаться надобно, чтоб войска русские не ударили на Киев и татары не разорили Заднепровья, как скоро узнают о московской смуте.

8. Дума московская не только не хотела воевать против

басурман, но даже не позволила королю на деньги нанять козаков, опасаясь, чтоб войско козацкое и народ малороссийский не возвратились к государю предков своих и не возлюбили той вольности, в какой живет Польша.

9. Войску, во всем христианстве славному, надобно вспомнить славу дедов и прадедов, быть в одной мысли с Запорожьем и выбиться из неволи человека негодного и не воинственного. А королевское Величество имеет столько разума, благословения Божия и храбрости, что может защитить и народ, который он от младенчества любит и почитает.

10. Духовенству внушать, что в церквах, находящихся под державою королевскою, нет никакой перемены, священникам воздается честь, дань и подводы отставлены, из подданства панов своих духовенство освобождено.

11. Внушать, не лучше ли в Киеве иметь своего главу, как имеет Москва; прежде киевские митрополиты ставили московских, которые теперь патриархами называются: многими столетиями Святая София киевская старше Соборной церкви московской.

12. Не лучше ли видеть власть духовную и мирскую в Киеве, чем искать ее раболепным образом в Москве.

13. Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днепра: их уже нет в живых, и которые остались молодые, те Заднепровья и Северской стороны не знают.

14. Притом же здесь все имения государственные, только ходили в поместьях, и республика прежних помещиков не даст.

15. Пусть рассудит весь народ козацкий, что им Бог подает отца, что им Бог просвещает разум, отверзает очи и показует путь к вольности.

16. Если надобна будет помощь, пусть знают, что войско польское на конях».[150] В дополнение к инструкции курьерам было дано указание соблазнять жителей Малороссии обещанием почестей и обогащения:

«Кто приведет народ под королевское подданство, тот сделан будет великим человеком и будет обогащен; черни каждый год из казны королевской будут деньги и сукна…»[151]

Используя имеющуюся информацию и опираясь на противоречия между шляхтой и крымчаками, 6 мая 1686 г. Голицын заключил «вечный мир» с Речью Посполитой, навсегда закрепивший за Россией Левобережную Украину с Киевом, Запорожье, Северскую землю с Черниговом и Стародубом и город Смоленск с окрестностями.

К успехам русской дипломатии (и разведки!) при Голицыне следует отнести продление ранее заключенных договоров:

Кардисского мира 1661 г. со Швецией и Андрусовского перемирия 1667 г. с Речью Посполитой. В первом случае в Москве была организована утечка информации о том, что противоречия России со Швецией становятся неразрешимыми. Слухи, витавшие в посольских кулуарах, возродили надежды Бранденбурга, Дании и Франции втянуть Москву в войну с Карлом XI. В столицу прибыл датский посол г. фон Горн, изложивший Боярской думе планы антишведского союза, направленные на развязывание войны. «Деза» о готовности России заключить подобный союз была «продана» шведам и, для подстраховки, голландцам одним из подьячих Посольского приказа. В итоге весной 1684 г. шведское правительство решило продлить действие Кардисского мира, что значительно облегчило продолжение войны России с Речью Посполитой за западные русские земли, поскольку Швеция обязалась не помогать Польше.

В «польском» вопросе Голицын также проявил изобретательность. В 1684 г. он объявил послам Священной лиги христианских государств (под номинальным руководством папы Римского Иннокентия XI)[152] о заинтересованности России в широкомасштабной войне с Турцией и Крымом. Имея упреждающую информацию, Голицын отказался от заключения сепаратного договора между Москвой и Веной, направленного против Речи Посполитой. Играя на противоречиях западноевропейских стран, а также Речи Посполитой и Турции, он исподволь доводил до польской стороны позицию России. В итоге весной 1686 г. был заключен договор о «вечном мире».

Основным соперником Софьи в борьбе за власть являлся взрослеющий царевич Петр, первоначально не имевший реальной опоры – ни социальной, ни силовой. Вероятно, поэтому уже в 1683 г. он приступил к формированию «потешных» подразделений, которые станут основой последующих гвардейских полков – Преображенского и Семеновского. «Трудно, конечно, предположить, чтобы одиннадцатилетний юноша, несмотря на всю свою развитость, мог самостоятельно составить план такой коренной государственной реформы, как учреждение постоянного войска. Но весьма вероятно, что Петр, может быть, и несамостоятельно, но под влиянием посторонних разговоров „в верху“ и отчасти под влиянием близких к нему, а может быть, даже самих Нарышкиных, ввиду смутного времени и боясь за личную свою безопасность, возымел намерение создать себе отрядец для собственной охраны. Это предположение тем более вероятно, что царская команда состояла, как мы ниже увидим, не из сверстников его и не из приближенных к нему бояр и дворян, а из людей взрослых и вместе с тем низших сословий. Была ли эта

команда началом „потешных“? Можно положительно сказать, что да».[153]

Первая «потешная стрельба» была проведена 30 мая (в день рождения государя) в селе Воробьево, под руководством «огнестрельного мастера» Семиона Зоммера.

История не сохранила подробные списки первых «потешных», состоявших при Петре. С уверенностью можно говорить лишь об отдельных лицах; в их числе были стряпчие конюхи Сергей Бухвостов (по определению самого Петра – «первый российский солдат») и Яким Воронин (будущие преображенцы), а также стольник Никита Селиванов (будущий семеновец). И пусть никого не вводит в заблуждение слово «потешные». Петровские «ближние люди» проживали в потешных[154] (еще со времен Алексея Михайловича) селах: Преображенском и Семеновском – отсюда и название. Среди «потешных» были спальники, стольники, стряпчие, комнатные и постельные истопники, многие из них значительно старше Петра по возрасту.

Мы с достаточной степенью уверенности можем предположить, что у «потешных» были две важнейшие задачи:

первая – создание гласной и негласной охраны молодого царя;

вторая – создание личного царского войска «нового иноземного строя», способного противостоять стрельцам.

Для «потешных забав» выписывали и доставляли настоящие пушки (к 1684 г. – более шестнадцати) и пороховое зелье; от игрушечных и неисправных пищалей вскоре перешли к исправному боевому оружию. С учетом известной московской волокиты изменения в вооружении «потешных войск» действительно происходили очень быстро.

«В январе 1684 г., по возвращении в Преображенское, требования его [Петра] постоянно учащаются и усложняются. Вооружение его команды со дня на день увеличивалось и по числительности, и по составу оружия, что дает право предполагать, что и наличный состав „потешных“ увеличивался постоянно сам собою – охотниками поступить в ряды царские. Только что Петр переехал из Москвы, как уже в январе требуются протазаны, обтянутые малиновым бархатом и перевитые золотым галуном, пищали винтованные и к ним все принадлежности: шомпола, затравки, принадлежности для чистки, огнестрельные припасы, порох, свинец, пулейки, дробь и пищаль скорострельная о десяти зарядах. Год спустя к вооружению „потешных“ прибавляются алебарды, палаши, шпаги, посольские булатные мечи и топоры, бердыши и мушкеты; каждая отправка из Москвы в Преображенское настолько уважительных размеров, что требует

на перевозку сразу по нескольку подвод».[155]

Потешные сражения, несмотря на все меры предосторожности, предпринимаемые окружением молодого государя, приносили реальные увечья, были даже убитые. Забава перерастала в серьезное предприятие молодого царя, приобретающего все больше сторонников. Сподвижники Петра официально числились по приказам и разрядам, к которым были приписаны, там же они получали и официальное жалованье. Но уже в 1686 г. Петр организует личную канцелярию, названную по месту расположения Преображенской. В ведении *Преображенской канцелярии* находились не только «потешное войско», но и дела секретные. Одним из руководителей секретной службы в те годы был Т. Н. Стрешнев, родственник государя по бабушке.

Стрешнев был не менее опытным человеком, чем противостоявший ему Медведев. Он сумел внедрить своих людей в окружение Софьи, Голицына и Шакловитого, а также в стрелецкие полки и обеспечить безопасность государя. Об устранении Петра и его матери в противоборствующем лагере говорилось неоднократно, предлагалось даже бросить ручные гранаты в кортеж царя или заминировать его багаж. Однако сотрудники службы безопасности Петра имели одно серьезное преимущество перед коллегами из аналогичной службы его сестры: Петр был законным государем, а Софья – только правительницей, назначенной по малолетству братьев. В России не имелось еще прецедентов воцарения женщин (об Ольге вспоминать не будем). Поэтому мотивация служить подрастающему Петру была значительно устойчивее, чем получить сомнительные милости от Софьи, которая с каждым днем теряла реальную власть и тянула своих сторонников прямиком к плахе. Но пока противоборствующие боярские партии были еще достаточно сильны и представляли для Петра и его окружения серьезную опасность.

Вступление в Священную лигу христианских государств для России означало начало войны против Османской империи и Крымского ханства. В конце 1686 г. на всем протяжении границы начались боевые действия. Летом 1687 г. русские войска выступили в поход на юг под командованием В. В. Голицына, который получил звание дворцового воеводы Большого полка (верховного главнокомандующего). Князь надеялся, что его внешнеполитические успехи будут способствовать венчанию Софьи на царство наравне с братьями.

Во время отсутствия Голицына борьба за власть между сестрой и ее пятнадцатилетним братом обострилась. Стороны не доверяли друг другу. Петра раздражала надменность Софьи и ее

потворство стрельцам. Царевна-правительница, в свою очередь, видела, что «потехи» все более принимают вид настоящего военного дела, и не могла не понимать возрастающей силы «братца». К тому же Петр, словно насмехаясь над ней, провел усиленный набор «потешных». И поскольку первый Крымский поход не принес успеха, он мог, улучив удобный момент, заполучить с помощью своих полков реальную власть.

* * *

В тот же период в Англии произошло событие, послужившее основой для принятия одного из первых в истории документов, юридически закрепивших права человека. В конце 1688 г. в результате бескровной «Славной революции» король Яков II, поддерживавший католиков, был смещен с престола и бежал во Францию. В январе 1689 г. парламент провозгласил новым королем Англии и Шотландии голландского штатгальтера Вильгельма III Оранского, зятя свергнутого Стюарта. А в сентябре того же года парламент принял *Билль о правах,* который вместе с *Habeas Corpus Act* 1679 г. ограничивал власть короля и законодательно закреплял права английских граждан. С этого времени начинается последовательное превращение Англии в ведущую мировую державу. Впоследствии права человека стали одним из инструментов информационно-психологической войны Запада против Российской империи, Советского Союза, а затем и Российской Федерации.

* * *

Второй Крымский поход 1689 г. также не принес успеха, что способствовало падению популярности Голицына и усилению его противников. Основной причиной неудач русского войска была его низкая боевая выучка. К концу XVII в. солдаты и особенно стрельцы практически полностью утратили воинский дух (стрельцы находились под ружьем не более двух месяцев в году, а в остальное время занимались ремеслами и торговлей). «Безвременье 70-х и 80-х годов особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей – каких-то янычар Московской России, – и представлявших своим существованием государственную опасность».[156] Падению обороноспособности страны способствовала также борьба группировок: стрелецкие бунты или их угроза в 1682–1689 гг. –

яркое тому подтверждение. Еще одна причина неудач – распри в командном составе войск, во многом явившиеся следствием политических интриг в Москве. В условиях ожесточенной борьбы за политическое влияние придворные партии старались создать свои собственные службы – более продвинутые, изощренные, действенные, оперативные.

Голицын справедливо полагал, что идея Крымских походов принадлежала его противникам, которые в случае неудачи надеялись устранить его от двора или хотя бы уменьшить влияние на Софью.

Отметим, что многие из окружения Софьи не разделяли ее желания стать царицей. Царь, повелевающий ими, родовитыми, отмеченными заслугами, – это одно, а «незамужняя девица» – совсем другое: время императриц на Руси еще не пришло.

И Голицын, и Шакловитый понимали, что основа их благополучия – расположение Софьи. Они обменивались информацией о делах в столице, особенно о настроениях влиятельных лиц. Петр становился все старше и в любой момент мог заявить о своих правах самодержавного государя.

Длинная цепь неразберихи и придворных неурядиц ослабила полки иноземного строя. Некоторые офицеры предпочли искать удачи в государствах с более предсказуемым будущим, другие до поры до времени отошли в тень, переведя свои полки на положение, обозначенное И. Ильфом и Е. Петровым как закон монтера Мечникова («утром деньги – вечером стулья»). Таким образом, создававшаяся на протяжении десятилетий система политической и военной безопасности государей в который раз оказалась под угрозой уничтожения.

В условиях нарастающей борьбы за власть помощники Софьи проводили специальные операции, направленные на разжигание недовольства к партии Петра среди стрельцов. По описанию С. М. Соловьева, это делалось примерно так:

«Ночью в двух местах подъезжала к стрелецким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти; несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: „Лев Кириллович! За что его бить до смерти? Душа христианская!“ После было узнано, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой казны Шорин, доверенное лицо правительницы».[157]

Критической момент наступил в конце июля 1689 г., когда после нескольких выпадов со стороны Петра открытое противостояние стало неизбежным. Софья и Шакловитый пустили в ход дезинформацию о подметном письме, согласно которому «потешные» были готовы «побить царя Ивана Алексеевича и всех

его сестер».[158] Седьмого августа в Кремле сторонники царевны схватили петровского спальника П. Плещеева, что послужило началом к «военным действиям». Но… они так и не начались.

На наш взгляд, этому факту есть два объяснения. У большинства стрельцов отсутствовала реальная мотивация к открытому выступлению против законного государя. Напомним, что наиболее агрессивно настроенные из них были заблаговременно удалены из Москвы еще в 1683 г. Кроме того, партии Софьи противодействовали те командиры Стремянного полка, которые приняли сторону Петра. В молодом царе свою опору признали многие полки иноземного строя, и наиболее прозорливые стрельцы пришли к тем же выводам. Скорее всего, изменение в настроениях военных было следствием грамотной работы секретной службы Петра, которая постоянно старалась выбрать из мутного стрелецкого болота наиболее правильно настроенных представителей и сформировать из них своих союзников, пусть даже и временных.

Еще одной заслугой сподвижников Петра была нейтрализация Голицына: ни сам Голицын, ни подчиненные ему полки иноземного строя никаких действий против царя не предприняли. Таким образом, в течение месяца на сторону Петра перешло подавляющее большинство силовых институтов государства. Шакловитый был арестован, а Голицын и его люди сами явились с повинной.

На этом этапе из Москвы сумели скрыться С. Медведев и стрелецкий пятидесятник Никита Гладкий. Через некоторое время их задержал дорогобужский воевода в Бизюковом монастыре. Если учесть, что «царевы враги» сами являлись великолепными знатоками сыска, то следует признать что оперативные возможности секретных служб Петра достаточно серьезными. Успешный поиск и задержание указанных лиц были бы невозможны без широкой агентурной сети и быстрой мобилизации соответствующих сил при малейших признаках обнаружения «врагов». И еще один момент: необходимо было не просто сыскать «отступника», но «живым поймати и ко государю скоро доставити», ведь разыскиваемый мог покончить с собой и таким образом уйти от допроса и суда государева. Поскольку это происходило не так часто, можно говорить о высоком уровне подготовки секретных силовых подразделений, выполняющих волю молодого Петра.

Одним из тех, кто обеспечил победу Петра в его противостоянии с Софьей, был князь Б. А. Голицын.

П. Гордон, ставший впоследствии одним из наиболее приближенных к царю иностранцев, вспоминал:

«Князь Борис Алексеевич Голицын распоряжался всем у Троицы потому, что никто другой не смел вмешиваться в такое щекотливое дело, каким оно сначала казалось».[159]

Но у князя не сложились отношения с вдовствующей царицей Натальей Кирилловной: она не простила ему заступничества перед Петром за Василия Голицына. В итоге Борис Алексеевич был назначен начальником *Приказа Казанского дворца* (по иерархии того времени – не выше 5-го места), отвечавшего за оборону южных рубежей России (границы с Персией и Османской империей). По сложившейся практике этот же приказ организовывал пограничную (сторожевую) службу и приграничную разведку.

А иностранные разведки не дремали, иногда работая под чужим флагом. Когда в противостоянии Петра и Софьи решался вопрос о том, кому будет принадлежать верховная власть в государстве, в Москву под видом польского дипломата прибыл француз Ф. де ла Невилль, желавший получить сведения о внутреннем положении России и о ее переговорах со Швецией и Бранденбургом. Невилль писал своим покровителям, что тайные сведения сообщал ему переводчик Посольского приказа Спафарий, который был, по мнению француза, «весьма приятный собеседник, но связан был страхом и опасением, хотя и при этом открыл мне весьма многое, особенно о Русском дворе, который знал он совершенно: без его рассказов многого узнать мне не было возможности, и ему обязан я тем, что помещаю далее в моих записках».[160] Учитывая дальнейшую успешную службу Г. Г. Спафария, предположим, что он мог иметь отношение к секретной службе (контрразведка) Посольского приказа.

«Задачами контрразведывательных мероприятий, проводимых Московским государством, являлось воспрепятствование тайной разведке иностранцев в стране, ограждение страны от проникновения тайных иностранных шпионов, выявление и обезвреживание их, с одной стороны, принятие всех необходим мер к сохранению государственных тайн, с другой стороны».[161] Все проводимые контрразведывательные мероприятия по характеру являлись превентивными и активными. Превентивными мероприятиями в XVII в. являлись:

мероприятия по сохранению государственной тайны;

мероприятия по засекречиванию объектов;

наблюдение за иностранцами и подозрительными людьми;

недопущение в страну признанных вредными иностранных книг;

перлюстрация корреспонденции.

Вся дипломатическая и военная переписка считалась секретной. Секретными объектами считались также царские дворцы, крепости, монастыри, ставки воевод. Наблюдение за пограничными рубежами велось для предотвращения проникновения лазутчиков и пересылки писем. Осуществлялась регистрация всех приезжающих в городах приграничной полосы. Подозрительные лица из пограничной полосы высылались в глубь страны. Для иностранцев были закрыты Север (исключение Архангельск и Вологда) и Сибирь. Иностранцам запрещалось переодеваться в русское платье и иметь русскую прислугу. Велась перлюстрация писем (от десяти до ста в неделю), пересылаемых купцами по почтовым линиям Москва – Рига и Москва – Вильно, которые были открыты в Московском государстве после 1665 г.

Активные контрразведывательные мероприятия в XVII в. состояли в выявлении, аресте и допросе иностранных лазутчиков и их русских пособников. Для выявления и изобличения применялась различные способы. За членами посольств велось открытое и тайное наблюдение, которое осуществляли приставы, толмачи и стрельцы из охраны. Подпоить дипломата и выведать у него сведения считалось в порядке вещей. Наблюдение велось также за всеми подозрительными людьми, как русскими, так и иностранцами (купцами и пр.). Приставы также осуществляли поиск, поимку и взятие под стражу выявленных шпионов и их пособников.

Большинство дел о шпионах возникало благодаря изветам и явкам, то есть проявлению бдительности подданных. По Соборному Уложению 1649 г. каждый, кому стало известно о шпионаже, измене и т. п., обязан был известить об этом воеводу или соответствующий приказ. Извещавшие должны были фактами подтвердить свое обвинение, в противном случае их подвергали строгому наказанию. Розыск шпионов велся и на основании сообщений русской агентуры или добровольных помощников из-за границы, что являлось прообразом внешней контрразведки.

«Самой важной составной частью контрразведывательной деятельности являлось предварительное следствие, или, вернее, та сумма мероприятий, которая проводилась до суда с целью собирания материала для изобличения шпиона и состоявшая из расспросов и пыток и носившая общее название сыска.

Важнейшие дела о государственных преступлениях велись весьма тщательно и полно, достигая внушительного объема. Их вели не только воеводы и Разряд: в сыске участвовали почти все инстанции: воеводы, Приказ тайных дел, Посольский приказ, Разряд и другие приказы, а также и Боярская дума. <…>

Ведение письменных протоколов допроса, или записей, как

тогда говорили, „расспросных речей“, было уже в XVII в. обязательным, во всяком случае, по отношению к большинству важнейших следственно-розыскных дел, к каковым относились и дела о шпионаже. Большинство этих дел возбуждали на местах воеводы, по месту обнаружения явных лазутчиков или подозреваемых в лазутчестве, и заканчивали их у себя же, направляя по окончании дело в Разряд – очевидно, для сведения или на хранение, как в архив. Однако наиболее важные дела о шпионаже, начатые воеводами, как правило, вместе с арестованными отправлялись в Москву, где и заканчивались следствием; здесь же, в Москве, выносился и приговор. Бывали и такие случаи, когда все дело о шпионаже с начала и до конца вершилось в Москве».[162]

Период 1690–1694 гг. можно рассматривать как период двоевластия: власть царицы Натальи Кирилловны (современники называли ее Медведиха) фактически мало чем уступала власти ее сына. Отношения между братьями, несмотря на неизбежные издержки междусемейных отношений, всегда оставались ровными и добрыми. Иван не вмешивался в игры, затеваемые Петром, хотя и был старше на шесть лет, а, напротив, всегда отдавал ему первенство. «Тихий и умом слабый» – характеризовали Ивана современники, но он отнюдь не был глупым человеком, как пытаются представить его некоторые авторы. От рождения некрепкий здоровьем, Иван часто пребывал в меланхолии, сторонился дворцовой суеты и, пожалуй, даже побаивался бурных событий. Он успел жениться, и у него родилась дочь – будущая императрица Анна Ивановна, но семейная жизнь соправителя не изменила расстановки сил в придворных войнах конца XVII в. Кардинально отличалось и поведение «государей московских», сидевших на сдвоенном троне во время официальных мероприятий. После обязательной протокольной части Иван старался покинуть помещение, а Петр активно вступал в диалоги, высказывал свое мнение, боролся за свою позицию.

Стрелецкий приказ был поручен князю И. Б. Троекурову, Разрядный – Т. Н. Стрешневу. Однако среди получивших ключевые посты были не только приближенные Петра Алексеевича и его матери. Главой Посольского приказа (приказным судьей) стал один из опытных сотрудников Василия Голицына думный дьяк Е. И. Украинцев. А первое (боярское) правительство царя Петра Алексеевича возглавил боярин Л. К. Нарышкин. Восстановление архива Приказа тайных дел, упраздненного в 1676 г., было поручено «тайному советнику и ближней канцелярии генералу» Н. М. Зотову, одному из воспитателей Петра.

Одновременно с расстановкой на ключевые посты преданных Нарышкиным и Петру людей происходило усиление личных секретных служб государя. Одна из таких малоизвестных служб находилась в составе *Семеновской потешной избы* (позднее – *Семеновского приказа*) – канцелярии, ведавшей формированием «потешных» семеновцев и сбором средств на их содержание. Мы полагаем, что ее деятельность этим не ограничивалась. Поскольку и семеновцы, и преображенцы выполняли функции государевой охраны, скорее всего, Семеновская канцелярия создавалась и для прикрытия работы параллельного (по отношению к Преображенской канцелярии) оперативного подразделения. Согласитесь, это логично: «потешных полков» (охранно-силовых подразделений) два, оперативно-силовых служб при них тоже две. В случае возникновения нештатной ситуации или даже разгрома одного из «потешных полков» вторая канцелярия смогла бы взять на себя всю необходимую оперативную и военную работу.

После смерти матери, последовавшей в 1694 г., Петр фактически, а после смерти брата Ивана в 1696 г. и юридически стал полноправным правителем огромного государства. Молодой самодержец желал лично вершить все свои начинания, в том числе участвовать в военных походах. Обеспечивать безопасность царствующей особы, учитывая его беспокойную натуру, в полевых условиях было непросто. Однако с этой задачей успешно справлялись «потешные» войска – преображенцы и семеновцы, получившие на рубеже 1691–1692 гг. полковую организацию.

Не менее опасно было оставлять без присмотра столицу, где было достаточно недовольных царскими преобразованиями бояр и стрельцов. Надзор за положением дел в Москве возлагался на *Преображенскую канцелярию*, в 1696 г. реорганизованную в *Преображенский приказ*. Во главе приказа до самой смерти бессменно находился князь Ф. Ю. Ромодановский. Он пользовался особым доверием Петра, на что указывает присвоенный ему титул – князь-кесарь (то есть цезарь, царь). Еще одним доверенным лицом государя в тайных делах был Т. Н. Стрешнев. Петр очень часто в разговорах и в письмах называл его «отцом» и даже – одному из немногих! – разрешил сохранить бороду за «испытанную преданность».

По петровскому указу Преображенский приказ получил исключительное право на ведение следствия и суда по всем государственным преступлениям, тем самым он стал единственным центральным органом политического сыска в России. Все другие сыскные, судебные и «силовые» приказы были обязаны передать ему материалы о «слове и деле государевом».

Превращение Преображенского приказа из административного и секретного охранно-силового ведомства в центральный орган политического сыска происходило постепенно. Так, из сохранившихся 605 дел этого учреждения за 1696 г. лишь пять относятся к категории политических.

Осторожность Петра, после 1682 г. относившегося с недоверием к стрелецким полкам, была оправданна. В конце 1696 – начале 1697 гг. задержанию подверглась группа подьячих (И. Бубнов, Н. Кренев, К. Руднев и др.), агитировавших против преобразований молодого государя. Агитаторов наказали довольно мягко: били кнутом и сослали без лишения чинов в Азов.

В конце февраля 1697 г. был раскрыт заговор, имевший целью убийство Петра. Во главе заговора стояли стрелецкий полковник И. Е. Цыклер, окольничий А. П. Соковнин и стольник Ф. М. Пушкин. В заговоре участвовали и некоторые стрелецкие командиры среднего звена. Цыклер – типичный образец перевертыша: в 1682 г. он служил Милославским, затем Софье, а в 1689 г. переметнулся к Петру. Не получив заслуженной, как он считал, награды, этот человек вновь встал на сторону Софьи. Сообщение о заговоре Петр получил от верных людей, служивших в стрелецких полках. Заговорщики были схвачены, допрошены и казнены. Усилив караул у Новодевичьего монастыря, в котором находилась Софья, царь в составе Великого посольства[163] инкогнито отбыл за границу.

Усиление охраны Новодевичьего монастыря оказалось не напрасным: стрельцы попытались вывести царевну подземным ходом. Солдатский караул, которым командовал капитан И. Ю. Трубецкой, сумел, однако, пресечь побег. Вопреки здравому смыслу «провинившиеся» были отосланы в свои полки, расквартированные в районе Великих Лук, где вскоре началось брожение. Шестого июня 1698 г. взбунтовавшиеся стрельцы сместили своих начальников, избрали по четыре выборных от каждого полка и двинулись к столице. Цель восставших (около 4000 человек) была очевидна: возвести на престол царевну Софью или, в случае отказа Софьи, ее фаворита В. В. Голицына.

Правительство выслало против стрельцов четыре полка (2300 человек) и дворянскую конницу под командованием А. С. Шеина и П. И. Гордона. Восемнадцатого июня под Новоиерусалимским (Воскресенским) монастырем стрельцы потерпели поражение. Пленных, как водится, подвергли наказанию – 56 стрельцов немедленно казнили. Вскоре последовала казнь еще 74 человек из числа бежавших в Москву и пойманных по розыску; остальных отправили в ссылку. Но Петра это не устроило. Двадцать пятого

августа 1698 г. он прервал свой вояж и возглавил новое следствие («великий розыск»). В результате с сентября 1698 г. по февраль 1699 г. были казнены 1182 стрельца, биты кнутом, клеймены и сосланы – 601. Расформировали даже московские стрелецкие полки, не участвовавшие в восстании, более того, стрельцов вместе с семьями выслали за пределы столицы.

Отныне функции охраны возлагались на 1-й и 2-й солдатские «выборные» полки. Их назвали Лефортовским (по имени командира – верного соратника государя Ф. Лефорта) и Бутырским (по месту дислокации; командир – П. Гордон). Но главной силовой опорой Петра оставались Преображенский и Семеновский полки, получившие звание лейб-гвардейских (полки личной гвардии).

Лейб-гвардейские полки имели три основные функции:

политическую (опора царской власти);

воспитательную (подготовка кадров для армии и для гражданской службы);

боевую (выполнение любой военной задачи).

Продолжая традиции отца, Петр назначал кандидатов на высшие (в том числе военные) должности не по знатности, а по способностям и заслугам. Предпочтение отдавалось, как правило, выходцам из гвардейских полков.

Знаток истории российской армии А. А. Керсновский так писал о Петровской гвардии:

«Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков – Преображенский или Семеновский. Там, протянув лямку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности), они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, „писались в армию“ – прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (четыре батальона вместо двух) и являлись питомником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку. <…>

Роль офицеров гвардии, этих первородных „птенцов гнезда Петрова“, и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую) службу, но и получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Так, в обязанности обер-офицеров гвардии входило присутствие в качестве „фискалов“ на заседаниях Правительствующего Сената и наблюдение за тем, чтобы сенаторы не занимались посторонними делами.

Вообще, петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому государю, пример которого был на глазах у всех».[164]

При Петре армия, являвшаяся важнейшим инструментом достижения политических целей, постоянно совершенствовалась. После 1701 г. в составе гвардейских, а затем и пехотных полков появились гренадерские роты, вооруженные ручными гранатами (гренадами). В 1700-е гг. на вооружение гренадеров были приняты ручные мортирки (калибр 65–72 мм), которые вначале закупались за границей, а с 1711 г. стали производиться на русских заводах. Таким образом, в составе русской армии были созданы подразделения, явившиеся предтечей не просто современных гранатометчиков, но и подвижных подразделений специального назначения. Петровские гренадеры стали основной ударной силой пехотных полков и, пользуясь современной терминологией, могут быть названы штурмовыми подразделениями.

С 1710 г. на вооружение гвардейских гренадерских рот были приняты мушкетоны (8–10 на роту), стрелявшие зарядом картечи в 32 пули. Это оружие можно считать «отцом» пулемета. При умелой работе гренадеры, вооруженные мушкетонами, могли «выкашивать» противника целыми группами, создавая бреши для прорыва основных частей и вселяя панику в ряды противника. В обороне это оружие могло остановить не только пехоту, но и кавалерию противника. Умелое использования всего комплекса вооружения позволяло решать разнообразные тактические задачи и делало хорошо экипированные подразделения очень эффективными.

В 1705 г. появилось первое подразделение для поддержки действий флота – полк морской пехоты с вооружением, аналогичным вооружению гренадеров.

Наряду с развитием пехоты большое внимание уделялось созданию регулярной кавалерии, основу которой с 1698 г. составили драгунские полки. Драгуны,[165] наиболее мобильные подразделения русской армии, могли сражаться как в конном, так и в пешем строю. Они первыми стали осуществлять операции по блокированию коммуникаций противника. Сведенные в корволанты[166] драгунские полки выполняли не только оперативно-тактические, но и стратегические задачи:

«Корволант, сиречь легкий корпус <…> наряжается для пресечения или отнимания пасу у врага, или оному в тыл идти, или в его землю впасть. <…> В кавалерии роль военного училища играл лейб-регимент, куда недоросли (дворянские дети. – *Авт.*) писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной

войны, это был С.-Петербургский драгунский, а с начала 20-х годов Кроншлотский, наименованный с 1730 г. Конной гвардией». [167]

Стратегическая конница под командованием А. Д. Меншикова, по нашему мнению, берущая начало от монгольских конных туменов, есть не что иное, как предвестник будущих механизированных корпусов 1930-х и танковых армий 1940-х гг. Маневренные, хорошо обученные и вооруженные войска, способные появиться в нужном месте и в нужное время, ныне именуются силами быстрого реагирования.

На вооружении драгун, кроме холодного оружия, находились карабины, пистолеты, мушкетоны и мортирки.

Читатели могут (и совершенно справедливо) задать вопрос: почему мы уделяем так много внимания вопросам совершенствования вооруженных сил государства, ведь основное направление данной работы – история специальных служб? Мы полагаем, что и спецслужбы, и специальные подразделения вооруженных сил входят в единую систему безопасности, призванную выявить, предупредить и в конечном счете пресечь любые попытки захвата власти. Не секрет, что специальные службы любого государства снабжаются (по крайней мере, должны снабжаться) самыми передовыми и самыми эффективными видами оружия, именно поэтому силовые подразделения имеют преимущество при любых столкновениях с противником. А о пресечении мятежей с помощью армии мы еще расскажем.

Петр I постоянно заботился о получении достоверной информации о состоянии вооруженных сил других государств. В 1697 г. в составе Великого посольства присутствовал майор Преображенского полка А. А. Вейде, впоследствии второй (с 1717 г.) президент Военной коллегии. Его работа заключалась в сборе, изучении и обобщении информации об организации и боевой подготовке «саксонской, цесарской, французской и нидерландской» армий. Была введена практика стажировки и волонтерской службы русских офицеров в иностранных вооруженных силах, позволявшая собирать информацию легальным способом.

В 1711 г., в связи с переходом русской армии на регулярную основу, была учреждена генерал-квартирмейстерская часть, одним из направлений деятельности которой являлась военная разведка. В новом «*Уставе воинском*» (принят в 1716 г.) военная разведка впервые приобрела правовую основу: «…а особливо надлежит ему (генерал-квартирмейстеру – *Авт.*) генеральную землю знать, в которой свое и неприятельское войско

обретается».[168]

В начале XVIII в. в русском языке для обозначения человека, занимающегося нелегальной разведкой, впервые появилось слово «шпион». Как и у древних китайцев, в Петровскую эпоху оно не несло идеологической нагрузки: им в равной степени обозначали и своих, и чужих.

Основным центром сбора информации стратегического характера продолжал оставаться Посольский приказ, осуществлявший дипломатические функции и внешнюю разведку. Направленный в 1702 г. послом в Турцию стольник П. А. Толстой одновременно был и руководителем российской разведки в этой стране. В его обязанности входили сбор политической и военной информации, а также создание агентуры влияния в среде турецкой знати. Последнее позволяло снизить вероятность военного противостояния России и Турции, избежать широкомасштабной войны на два фронта. Денег на это не жалели, из России прямо указывали: «Дабы Порту до зачинания войны не допустить (також бы и татарам позволения на то не давали), не жалея никаких иждивений, хотя бы превеликие оные были».[169] В своей работе Толстой опирался на местную агентуру и использовал возможности православной (Константинопольской) церкви. После ареста в 1710 г. он умудрялся отправлять донесения в Россию даже из турецкой тюрьмы!

Перед отправкой за границу Толстой получил от царя руководящий документ – «*Тайные статьи, данные Петру Андреевичу Толстому*». Ознакомившись с царским напутствиями, Толстой подошел к делу серьезно. По всем вопросам, представлявшимся ему непонятными, он предпочел получить дополнительные указания, что и было закреплено в пяти дополнительных статьях. Данный пример весьма нагляден: опытный царедворец, Толстой прекрасно понимал меру ответственности перед царем и Отечеством. Не стоит забывать, что в свое время он серьезно скомпрометировал себя поддержкой Софьи и был причастен к стрелецким бунтам. Кстати, Петр постоянно припоминал ему это.

При исполнении как явных, так и тайных обязанностей Толстой столкнулся с проблемой, являющейся «кошмарным сном» для руководителя любой службы, – предательство подчиненных. В письме к канцлеру Г. И. Головкину российский резидент так описывал свои сомнения:

«Нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей: живу здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, если

явится какой-нибудь Иуда – великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит <…> и если хотя один сделается ренегатом и скажет туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. <…>

У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, вздумал обусурманиться. Бог мне помог об этом сведать. Я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться; я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер – так Бог сохранил от беды…»[170]

Как следует из приведенного письма, Толстой был не только разведчиком и дипломатом, но и контрразведчиком. Он проявил себя хотя и осторожным, но решительным человеком, не боявшимся принимать весьма «острые» решения и лично их осуществлять. Можно по-разному относиться к этому, но, по нашему мнению, наказанием за предательство человека из «системы» всегда должна быть реальная и неотвратимая «высшая мера».

Сам Петр относился к проблеме предательства серьезно: не пощадил даже сына, когда тот стал угрозой для престола и государства. Взыскательно относясь к другим, он не щадил и себя. Когда в ходе Прутского похода в 1711 г. над русской армией нависла угроза поражения, он отправил письмо сенаторам, в котором указал, чтобы в случае пленения его не считали царем и не исполняли его распоряжений. То есть он проявил глубокое понимание личной ответственности государя перед Отечеством.

Успехи спецслужб того времени во многом были обусловлены тем, что при реформировании государственного аппарата Петр сохранил преемственность внешнеполитического ведомства (Посольский приказ был преобразован в Коллегию иностранных дел) и преемственность кадров в области дипломатии и разведки. Например, в 1699 г. послом России в Голландии был назначен А. А. Матвеев, сын погибшего в 1682 г. «посольских дел оберегателя» А. С. Матвеева. За заслуги перед Отечеством Андрей Матвеев был удостоен графского титула. Российская разведка в начале XVIII в. работала очень профессионально. В частности, сообщения о шведской военной экспедиции в Архангельск в 1701 г. поступили в Посольский приказ из трех стран: Голландии, Швеции и Дании.

С 1717 г. Петр возобновил систему двойного представительства: наряду с официальными посольствами он направлял за границу особо доверенных лиц. Возможно, это было обусловлено попавшим к царю анонимным письмом,

компрометировавшим А. А. Матвеева. В качестве доверенных лиц обычно выступали офицеры гвардии. Тем самым получила продолжение практика царя Алексея Михайловича, назначавшего в состав каждого русского посольства представителя Приказа тайных дел.

Известный советский разведчик-нелегал В. Гражуль, оперативник Особой группы Якова Серебрянского и один из руководителей Школы особого назначения, так охарактеризовал состояние разведывательной работы при Петре Великом:

«Отличительной ее чертой являются широкие масштабы работы. Впервые в истории русского государства разведка распространяет свое влияние не только на всю Европу, но и на Азию. <…> Второй отличительной чертой разведки при Петре является ее активность. <…> Петр никогда не ограничивался только одной информацией. Русские дипломаты-разведчики пользовались очень широко агентурными комбинациями для оказания влияния на политику других государств и принимали агентурные контрмеры (репрессии) всегда, когда этого требовала обстановка. <…> Агентурная сеть тогдашней разведки была сетью высокоценных агентов, а не массовой мелкой агентуры. База вербовки агентуры во всех странах была преимущественно материальная. <…> Но наряду с этим <…> русские пользуются и идеологической базой для вербовок, особенно в Турции и Польше. Надо отметить тот интерес, который проявлял лично Петр к разведке. Он понимал, что разведка помогает решать сложнейшие политические проблемы».[171]

На рубеже XVII–XVIII вв. в России происходило дальнейшее совершенствование тайнописи, что обусловливалось двумя факторами: расширением и углублением дипломатических отношений и начавшейся Северной войной. Главным государственным учреждением, систематически использовавшим тайнопись, была Посольская канцелярия, в составе которой работало особое «цыфирное» (шифровальное) отделение. Эта служба находилась в ведении «начального президента» Государственной посольской канцелярии Ф. А. Головина и лично государя, который высоко ценил значение тайнописи. Все русские послы для переписки с Посольской канцелярией и царем использовали шифры, называвшиеся «азбука», «ключ» и «цыфирь». Аналогичную переписку Петр вел с высшим командным составом армии и флота: с адмиралом Ф. М. Апраксиным, фельдмаршалами Г. В. Огильви и Б. П. Шереметевым. Наиболее характерными особенностями того периода следует считать повышение уровня защищенности шифров и разработку новых методов маскировки тайнописи.

Большое значение государь придавал качеству тайнописи. В одном из писем он с неудовольствием сообщал Огильви, что его «цыфирь» «к разобранию легка». В целом, российская тайнопись начала XVIII в. представляла собой простые шифры замены: буквы алфавита заменялись в тексте на условные обозначения (буквы, цифры, особые знаки) по специальной таблице. Например, гетман Мазепа после его перехода на сторону шведов в октябре 1708 г. изображался в шифровках в виде топора и виселицы. Для усложнения расшифровки секретных донесений, попавших к противнику, они писались не только на русском, но и на французском, немецком и греческом языках. Так, один из русских шифров Петровской эпохи перехватившие его англичане сумели прочитать только через 25 лет!

Не меньшее внимание Петр уделял средствам осуществления тайнописи и способам скрытной транспортировки донесений. В апреле 1714 г. он направил послу России в Швеции И. Ю. Трубецкому инструкцию по применению специальных составов. В качестве контейнеров для доставки секретных посланий использовались полости в предметах быта, одежде и даже полые орудийные ядра. Последний способ был, в частности, использован русским комендантом Полтавы А. С. Келиным в 1709 г. Тогда же петровские войска применили сигнализацию (условные огни и выстрелы) для подтверждения получения шифровок: с помощью сигнализации отправителю давали знать, что послание дошло до адресата, расшифровано и понято.

Привилегированное положение в системе государственных учреждений занимали Военная и Адмиралтейская коллегии, а также Коллегия иностранных дел – благодаря тому огромному значению, которое Петр I придавал армии, флоту и дипломатии, и благодаря той роли, которую играли президенты коллегий: генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин и канцлер граф Г. И. Головкин.

Вопросам организации контрразведки и политической полиции в Петровские времена внимание уделялось действительно серьезное. Молодому царю в период борьбы со сводной сестрой пришлось пережить многое. Возможно, именно личный опыт сделал «Петрову службу» и скорой, и спорой. Как и ранее, в последней четверти XVII в. контрразведкой занимались несколько государственных учреждений. Посольский приказ надзирал за иностранными посольствами, а также гражданскими иностранными подданными в России. Иноземский, Преображенский и Семеновский приказы осуществляли контроль за иностранцами, находившимися на русской службе. Разрядный,

Казанский и Малороссийский приказы совместно с пограничными воеводами проводили контрразведывательную работу в порубежных районах.

Преображенский приказ руководил не только политическим сыском, но и контрразведывательной деятельностью. «Недреманное око» Ромодановского через верных слуг государевых следило за всеми иностранными посольствами, появлявшимися в Москве. Подьячие приказа, а также командированные гвардейские сержанты и «гражданские чиновники» находились во всех городах, куда прибывали иноземные купцы. Для военно-политической элиты России не было секретом, что практически все посольства и торговые миссии имели от своих государей особые разведывательные задания. «Впервые при Петре была поставлена задача борьбы с дезинформацией, клеветой, лжесвидетельством <…> „понеже многим являются подметныя письма, в которых большая часть воровских и раскольнических вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой наливают“».[172]

До 1696 г. уголовным и политическим сыском в той или иной мере занимались шесть «судных» и четыре «сыскных» приказа, Стрелецкий и Разбойный приказы и Приказ розыскных дел. По указу от 14 августа 1687 г. дела Разбойного приказа были переданы земским приказам. *Приказ розыскных дел* был специально учрежден в 1689 г. для расследования по делу Шакловитого и его сторонников.

После Стрелецкого бунта 1698 г. положение дел в области контрразведки, и особенно политического сыска, начало меняться в сторону централизации. Полицейские функции, ранее исполнявшиеся в Москве стрельцами, отошли к Преображенскому приказу. В сентябре 1702 г. царским указом повторно было предписано направлять в этот приказ всех, кто сказал за собой «государево слово и дело». Для производства арестов, обысков, охраны и курьерской связи использовались солдаты и сержанты из гвардейских полков.

Серьезную угрозу для безопасности государства (и государя) представляла деятельность иностранных спецслужб и связанной с ними агентуры в период Северной войны 1700–1721 гг. После победы русских над шведами под Полтавой 27 июня 1709 г. интерес к России резко возрос не только у ее непосредственных соседей, но и среди других государств Запада и Востока. Наибольшую активность в этом смысле проявляли Турция, Польша, Швеция, Англия, Пруссия и Франция. Для добывания секретной информации иностранные государства, как и ранее, использовали своих дипломатических представителей при

русском дворе. Их работа была направлена на получение сведений политического, дипломатического и военного характера. Второе направление деятельности – организация подрывных операций силового характера: восстаний, диверсий и террористических актов. В течение всего XVIII в. правительства Англии, Пруссии и Франции предпринимали неоднократные попытки влиять с помощью своей секретной агентуры на внешнюю и внутреннюю политику России и направлять ее по возможности в своих интересах.

Около семидесяти процентов дел Преображенского приказа были связаны с расследованием так называемых народных восстаний. В 1703 г. восстали крестьяне Предуралья и Поволжья. В 1705 г. вспыхнул стрелецкий (раскольничий) мятеж, он перекинулся на другие волжские и прикаспийские города. Астрахань находилась в руках бунтовщиков семь месяцев, пока 3 марта 1706 г. не была взята правительственными войсками. С 1705 по 1711 г. продолжался мятеж башкир. В 1707–1709 гг. обширные территории на юге России, от Днепра до Волги, охватило восстание Кондратия Булавина. Успехи булавинцев были столь значительны, что Петр в условиях Северной войны был вынужден бросить против них 32-тысячную армию. Лишь после того, как казачьи старшины (успешная работа петровских секретных служб здесь налицо!) убили предводителя, восстание удалось подавить.

Весьма вероятно, что вторжение войск Карла XII в Россию в июле 1708 г. по времени было скоординировано с внутренними выступлениями. В отношении изменившего гетмана Мазепы исторические исследования подтверждают это; другие выступления (см. выше) объективно были выгодны шведскому королю, поскольку отвлекали значительные силы русской регулярной армии с театра военных действий. Нельзя исключить и участие в указанных событиях Османской империи, чьи интересы традиционно распространялись на юг Российского государства. Несомненно одно – внутренние конфликты ослабляли позиции Петра и, соответственно, являлись выгодными его внутренним и внешним оппонентам. В этих условиях объединение части функций политической полиции и контрразведки, особенно по важнейшим «государевым» делам, в стенах Преображенского приказа, по нашему мнению, вполне оправданно.

Одним из способов получения информации о русской армии являлся перехват корреспонденции, направляемой из армии в тыл или из одной армии в другую. Наряду с совершенствованием способов защиты информации с помощью тайнописи

предпринимались и иные меры по недопущению разглашения секретных сведений военного характера. Эти меры, как и в царствование Алексея Михайловича, получили законодательное закрепление. «*Воинские артикулы*» Петра – логическое продолжение Уложения 1649 г. Указания, направленные на сохранение военной тайны, не допускали двойного толкования или исключений:

«Как офицеры, так и рядовые да не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости, что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потерянием чина, чести или, по состоянию дела, и живота самого».[173]

Военнослужащих обязали докладывать по команде обо всем, что имело отношение к «слову и делу». В текст воинской присяги было включено следующее положение:

«И ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Величества или его войск, такожде его государства людей, или интересу государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет извещать и ничего не утаить; но толь паче во всем пользу его и лучше охранять и исполнять».[174]

В 1715 г. указом Петра I было объявлено:

«Кто истинный христианин и верный слуга своему государю и Отечеству, тот, без всякого сумнения, может явно доносить словесно или письменно о нужных и важных делах самому государю или, пришед ко дворцу Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующем:

1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены;

2. О возмущении или бунте;

3. О похищении казны».[175]

Даже священникам специальным указом предписывалось докладывать о крамоле, ставшей известной во время исповеди. Многими людьми той эпохи (да и настоящего времени) это осуждалось, но, если иметь в виду принцип тотальности при обеспечении государственной безопасности, действия царя были совершенно оправданны: они закрепляли ответственность за недоносительство по делам особой государственной важности.

Принятые меры позволили Петру осуществить тотальный сбор, а также анализ информации по важнейшим делам, как и во времена его отца, сделав добропорядочных подданных исполнителями воли государя.

Особую опасность представляли попытки физического устранения государя. Смерть Петра позволила бы занять трон его

сыну, царевичу Алексею, противнику отцовских начинаний. Об одной из таких попыток стало известно сотруднику русского посольства в Константинополе г. Эргакия. Вернувшись в Москву, он сообщил:

«Когда был в Бухареште, и тогда в ночи приходил к нему один человек, закрыв свое лицо (только очи свои показал). И говорил, что по повелению салтана турескаго чрез подущение короля шведскаго велено господарю мултянскому послать нарочно двух человек из греческих купцов в Российское государство под имянем купеческим, будто бы для торгового промыслу, а в самом деле для того, чтоб они всякими мерами промысл чинили высокую персону Его Царского Величества чрез отраву умертвить, за что ему, мултянскому господарю, от Порты обещано вечно иметь господарство…»[176]

Кто сообщил о покушении? Российский агент, потерявший канал связи, или доброволец, симпатизировавший России? Это так и осталось загадкой. В результате купцов отследили и задержали.

Охранную (караульную) службу в царских, а затем в императорских резиденциях в Санкт-Петербурге и Москве несли гвардейцы, они же сопровождали государя в военных кампаниях и путешествиях. Особо доверенными лицами в области охраны Петра являлись генерал-адъютант при монархе (координация действий гвардейской охраны) и кабинет-секретарь (секретная информация) А. В. Макаров.

Параллельно с организацией покушений на Петра I была предпринята попытка использовать царевича в качестве противовеса отцу. В конце сентября 1716 г. Алексей, сообщив о подчинении воле отца и воссоединении с ним, выехал из Петербурга в Копенгаген, где в то время находился царь, но в ставку не прибыл. История «ухода» царевича (он бежал в Вену под защиту австрийского императора Карла VI) сама по себе достойна отдельного рассказа, поскольку в ней усматриваются признаки тщательно спланированной и успешно реализованной специальной операции.

В числе этих признаков можно выделить ускользновение из-под наблюдения, встречу со связниками, смену маршрутов передвижения, использование документов прикрытия, получение «политического убежища», переезды из одного конспиративного укрытия в другое и т. п. Первый раунд поединка петровские службы проиграли. Что было причиной этого провала, не совсем понятно. Возможно, Петр до последнего надеялся привлечь сына на свою сторону и не подверг отпрыска должному «жесткому» контролю. Также возможно, что это – ошибка исполнителей,

вызванная дезинформацией со стороны царевича и тех, кто ему помогал.

Но второй раунд российские службы выиграли. Операция по возвращению царевича не менее интересна, чем его «уход», в первую очередь количеством и качеством задействованных сил и средств.

В ней приняли участие различные по подготовке и формальной подчиненности специалисты. Успешный розыск Алексея провел русский резидент в Австрии А. П. Веселовский, силовую составляющую розыска представлял капитан гвардии А. Румянцев, согласия царевича на возвращение добился опытнейший дипломат и разведчик П. А. Толстой. На заключительном этапе операции (непосредственно при возвращении Алексея из Неаполя в Россию) были приняты дополнительные меры безопасности, дабы не допустить бегства царевича и прочих случайностей.

Через пятнадцать месяцев после побега Алексея Петровича наконец привезли в Москву. Так была устранена одна из наиболее серьезных для Российского государства угроз, разыгранная в кулуарах иностранных дворов и ставившая своей целью кардинальное изменение равновесия на российском политическом поле.

В феврале 1718 г. Петр учредил *Тайную розыскных дел канцелярию*. Создание этой специальной службы обусловливалось несколькими причинами. В 1717 г., после смерти Ф. Ю. Ромодановского, руководителем Преображенского приказа стал его сын Иван. Вероятно, Петр не до конца доверял его знаниям и опыту: в конце того же года было создано несколько розыскных канцелярий под руководством гвардейских офицеров: П. М. Гагарина, С. А. Салтыкова, М. Я. Волкова, Г. Д. Юсупова, И. Дмитриева-Мамонова, Г. И. Кошелева. После доставки в Россию царевича Алексея объединение розыскных канцелярий в единую службу ускорилось. По окончании следствия над Алексеем Тайная канцелярия стала постоянно действующим органом. Возглавляли ее четыре «министра», или судьи: П. А. Толстой, И. И. Бутурлин, Г. Г. Скорняков-Писарев и А. И. Ушаков. Формально все судьи имели одинаковый статус, но главную роль играл Толстой. Работу обеспечивали секретарь и шесть канцелярских служащих. Как и Преображенский приказ, Тайная канцелярия рассматривала особо опасные государственные преступления, сочетая функции оперативного, следственного и судебного аппарата. Тайная канцелярия и Преображенский приказ работали параллельно до конца жизни Петра Великого.

В 1718 г. для поддержания общественного порядка в Санкт-

Петербурге Петр учредил должность генерал-полицмейстера, видя в полиции[177] «подпор» безопасности подданных. «*Пункты, данные С.-Петербургскому генерал-полицмейстеру*», которым стал А. М. Девьер, можно считать началом правового регулирования розыскной работы.

Первоначально штат полиции состоял из генерал-полицмейстера, его заместителя, четырех офицеров и 36 нижних чинов. Делопроизводство в Главной полицмейстерской канцелярии вели дьяк и десять подьячих. Наиболее полно задачи полиции определялись в *Регламенте Главному магистрату* 1721 г., в котором говорилось, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности».[178] Однако все эти новшества носили скорее фрагментарный характер и затрагивали исключительно Петербург и Москву, где в 1722 г. была учреждена должность обер-полицмейстера. Десятого декабря 1722 г. была издана *Полицмейстерская инструкция*, состоящая из сорока пунктов. Полицмейстерские канцелярии в Петербурге и Москве имели небольшой штат: по десять офицеров и нижних чинов, носивших специальную форму. Полицейскую службу возложили на солдат столичных гарнизонов.

Преступления против государя карались смертью, но в целом наказания были менее жестокими, чем в большинстве стран Европы. Смертную казнь за «малые вины» Петр I заменил каторгой; не отрицая того, что за преступления надлежит наказывать, он указывал на необходимость по возможности сберегать жизнь подданных.

Полиция, по замыслу Петра, должна была помогать населению, поддерживать добропорядочные отношения в обществе и обеспечивать сохранение устоев, позволяющих нормально и безбоязненно вести обычный образ жизни. С другой стороны, полиция организовывала поступление первичных сведений из народных низов о возможных недовольствах и неурядицах, что вместе с другими службами укрепляло безопасность в государстве. Дополнительные полицейские функции, возложенные в нестоличных городах на воинских начальников, позволяли занять часть гарнизона общественно-полезными делами, повышали авторитет и престиж армии у населения в мирный период.

Северная война и измена царевича Алексея стали катализатором для создания в июле 1718 г. в структуре почтового ведомства специального подразделения, занимавшегося перлюстрацией (тайным прочтением) получаемой из-за рубежа корреспонденции. Это было связано с тем, что в некоторые

письма, адресованные жившим в России иностранцам, были вложены конверты с посланиями для шведских военнопленных. Карл XII стремился использовать своих попавших в плен солдат и офицеров для получения разведывательной информации и для организации подрывной работы в тылу русской армии.

В августе 1719 г. был издан сенатский указ, вводивший регистрацию всех иностранцев, приезжавших для поступления на русскую службу. Сведения о них должны были собираться в *Коллегии иностранных дел*, которая занималась также выдачей паспортов для выезда из России.

Однако активная деятельность иностранных разведок не прекращалась. Основным средством проведения вербовки обычно служило обещание щедрого вознаграждения. Так, в 1721 г. был арестован протонотариус Юстиц-коллегии Гейденрейх, который был завербован шведским дипломатом в России Гилболтом. На допросе арестованный сообщил, что его предупредил об аресте обер-фискал Сената Геден, который также работал на шведов.

Не осталась без присмотра и Церковь. Двадцать пятого января 1721 г. Петр утвердил «*Духовный регламент*», разработанный епископом Феофаном Прокоповичем. Согласно новому закону была проведена церковная реформа, которая ликвидировала автономию церквей. Патриаршество в России было упразднено, а для управления церковным делом учреждена Духовная коллегия, 14 февраля преобразованная в Светлейший правительствующий Синод. В его ведении находились церковные дела.

В октябре 1721 г. на торжественном праздновании Ништадтского мира, ознаменовавшего победу России в Северной войне, Петр призвал соратников не успокаиваться на достигнутых результатах. В «*Реляции… торжества о заключении с короною Швецкою вечного мира*» сказано:

«Напоминает он (Петр. – *Авт.*) им (сенаторам. – *Авт.*) о их благополучии, что хотя ныне столь славной и полезной мир Божиею милостию и храбростию своего оружия получили, однакож бы и во время того мира роскошми и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оное б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которые через такое нерачителство весьма разорились, междо которыми приклад Греческого государства, яко с собой единоверных, ради своей осторожности, перед очами б имели, которое государство от того и под турецкое иго пришло; також бы и прежния времена и состояние своего собственного Отечества пред очами имели, в котором издревле

храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весьма от обучения воинского было отстали».[179]

Таким образом, Петр предупреждал приближенных: государство, каким бы сильным оно ни было, обязано следовать латинской поговорке *Si vis pasem, para bellum* («Хочешь мира – готовься к войне»).

Двенадцатого января 1722 г. Петр I издал указ о реформировании Сената. Четвертый пункт указа гласил:

«Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать генерал-прокурора».[180]

Государь возлагал большие надежды на эффективность работы прокуратуры; его воодушевлял пример генерал-прокурора П. И. Ягужинского, не запятнавшего себя злоупотреблениями или взятками.

Девятнадцатого июня 1722 г. государь назначил обер-прокурором Синода командира Каргопольского драгунского полка полковника И. В. Болтина. Обер-прокурору подчинялись синодальная канцелярия и церковные фискалы – «инквизиторы». По сути, Болтин возглавил отдельную секретную службу государя, надзиравшую за «слугами божьими».

Двадцать второго октября 1721 г. Петр был объявлен «Отцом Отечества и Императором Всероссийским». Императорский титул свидетельствовал о новой роли России в международных делах. Изменение немедленно признали Голландия и Пруссия, в 1723 г. к ним присоединилась Швеция. Другие страны стали считать Россию империей уже после смерти Петра: Турция с 1739 г., Англия и Австрия с 1742 г., Франция и Испания с 1745 г., Польша с 1764 г.

В заключение этой главы скажем несколько слов о создании еще одного специального подразделения. В 1724 г. для коронации своей супруги Екатерины Алексеевны Петр собрал конную роту почетного конвоя, или роту кавалергардов (конных охранников).[181] Он сам стал капитаном роты, офицерами числились генералы и полковники, капралами – подполковники. Рядовых (60 человек) отбирали из числа самых рослых и представительных обер-офицеров. Этот почетный конвой продолжил традиции рынд Алексея Михайловича. Чтобы подчеркнуть торжественность коронации, кавалергарды были одеты в специально сшитую парадную форму. По окончании коронационных торжеств роту расформировали.

За три недели до смерти Петр занимался составлением инструкции руководителю Камчатской экспедиции в. Берингу. Придворный токарь государя А. К. Нартов, присутствовавший при

этом, впоследствии рассказал, что государь спешил, будто предвидя свою скорую кончину, и был весьма доволен тем, что завершил работу. В разговоре с адмиралом Апраксиным он говорил о своем давнем намерении проложить дорогу через «Ледовитое море» в Китай и Индию. Нет сомнений, что Петр понимал, какие стратегические перспективы открывает этот морской путь.

После смерти Петра, последовавшей 28 января 1725 г., в российском государстве наступили времена, которые историки назовут «эпохой дворцовых переворотов». Конечно, заговоры и перевороты существовали всегда, являясь спутниками власти, но XVIII в. действительно оказался богатым на такого рода события. В период с 1725 г. по 1801 г. смена верховной власти в России в той или иной мере осуществлялась при силовой поддержке гвардии. Призванные охранять и защищать престол, гвардейцы не только осуществляли свои прямые функции, но и свергали правителей в ходе «маленьких заговоров», во многом руководствуясь, как сказали бы сейчас, корпоративными интересами. Значительная часть офицерского корпуса гвардейских полков в указанный период образовала своеобразную военно-политическую партию. Восстановить полный контроль над гвардией сумел только Николай I.

Глава 5
Борьба за наследство Петра Великого

Гвардейцы помогали потому, что дело нравилось им самим, придавая им значение и случай требовать наград.

К. Валишевский

Началась эта история в день смерти Петра I, не оставившего ни прямого наследника, ни завещания…

«Престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой. С тех пор в продолжение нескольких десятилетий ни одна смена власти на престоле не обходилась без замешательства, <…> каждому воцарению предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный удар. <…> Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. В XVIII в. у нас такой решающей силой является гвардия».[182]

Реальных претендентов на престол было трое: вдова императора Екатерина, коронованная Петром, ее младшая дочь Елизавета Петровна и внук императора Петр – сын покойного царевича Алексея и принцессы Шарлоты-Христины-Софии-Брауншвейг-Вольфенбюттельской.

Анна, старшая дочь Петра, еще в 1724 г. вместе со своим женихом, герцогом К. Ф. Голштейн-Готторпским, под присягой отказалась за себя и за свое потомство от русского престола.

На стороне Екатерины была новая служилая знать, полностью обязанная возвышением Петру Великому; на стороне юного Петра – представители старинных российских боярских родов, наследники Рюриковичей и Гедиминовичей. Симпатии гвардии принадлежали Екатерине, которая не раз лично делила со своим мужем тяготы походной жизни.

Сторонники императрицы действовали быстро и решительно: пока глава Тайной канцелярии П. А. Толстой и кабинет-секретарь А. В. Макаров вели юридический спор о наследнике со сторонниками юного Петра, князь А. Д. Меншиков привел гвардейских офицеров в покои Екатерины, где те поклялись в верности «матушке». После этого гвардейцы подошли к Зимнему дворцу.

Президент Военной коллегии А. И. Репнин в гневе спросил:

– Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал?[183]

Командир Семеновского полка И. И. Бутурлин на это ответил, что полки призваны по воле императрицы.

Французский посланник Ж. Ж. Кампредон, курировавший секретные миссии французских агентов в России, в секретной переписке с королевским двором отметил после этого, что «решение гвардии в России стало законом».

Получив власть с помощью лейб-гвардейских полков, государыня воздала им должное: полностью и вовремя выплачивала жалованье, газета «Петербургские ведомости» регулярно сообщала о том, как правительство заботится о гвардии.

В группе бывших соратников Петра Великого тем временем произошел раскол. Наиболее приближенным к императрице лицом стал Меншиков, который всеми силами стремился удержать доминирующее положение при дворе. Однако у него имелись могущественные противники, наиболее опасными из которых являлись П. А. Толстой и П. И. Ягужинский, знавшие, в силу своего служебного положения, то, что обычно пытаются скрыть от широкой общественности. Меншиков попытался нейтрализовать их. Первой жертвой «светлейшего» стал генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский. Его «случайно» не включили в число членов Верховного тайного совета, учрежденного в феврале 1726 г. В состав этого органа, призванного помогать государыне в важнейших делах, вошли А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман, герцог К. Ф. Голштейн-Готторпский и князь Д. М. Голицын. На первых заседаниях Верховного совета императрица еще присутствовала, но потом, по словам современников, ей это «наскучило». Екатерине не хватало не только должных политических, экономических, управленческих и иных важных знаний, но и воли для вершения государственных дел, и она стала подписывать решения «верховников» практически не читая, как свои, не особо вникая в содержание.

В мае того же года была упразднена Тайная канцелярия – на том основании, что она создавалась «на время, для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел». Дела Тайной канцелярии подлежали передаче в Преображенскую канцелярию.[184] Уникальность ситуации заключалась в том, что правительство находилось в Петербурге, а центральный орган политического сыска – Преображенский приказ – в Москве, и И. Ф. Ромодановский был вынужден подолгу жить в Санкт-

Петербурге, чтобы лично руководить работой канцелярии. В декабре 1726 г. фактическим руководителем Преображенской канцелярии стал петербуржец А. И. Ушаков. Секретарь Тайной канцелярии И. И. Топильский занял место секретаря канцелярии Верховного тайного совета. Весной 1727 г. Преображенская канцелярия была упразднена, а незаконченные дела перешли в Розыскную контору при Сенате.[185]

О всех важных розысках Ромодановский докладывал на заседаниях Верховного тайного совета, представляя выписки из дел Преображенской канцелярии и дел Преображенского приказа, которые присылались из Москвы. В делах политического сыска «верховники» одновременно являлись и следователями и судьями и часто давали личные указания, как вести следствие. Таким образом, Преображенская канцелярия, близкая к верховной власти, стала достаточно опасной для оппозиции структурой.

Трудно сказать с абсолютной достоверностью, что побудило императрицу упразднить ранее существовавшую Тайную канцелярию. Наиболее вероятно, что волю государыни инициировал «светлейший»: с закрытием канцелярии Толстой лишался главного политического козыря – руководства одной из государственных специальных служб, а заодно и возможности использовать имеющуюся оперативную информацию против самого Меншикова и близких к нему лиц. Устранение Толстого было выгодно и большинству приближенных императрицы. Если суммировать, ликвидация Тайной канцелярии при Екатерине I была обусловлена не государственными интересами, а интригами временных придворных группировок в борьбе за сиюминутное влияние. При ликвидации определенной службы бóльшая часть архивов и «горячей» информации либо попадает в руки лоббирующей стороны (в данном случае Меншикова), либо уничтожается. Такая ситуация многократно повторялась в истории и, надо думать, еще не раз повторится в будущем.

Суммируем. Ликвидация Тайной канцелярии, подчиненной лично государю, повлекла за собой далекоидущие последствия. Во-первых, для государства была утеряна (перешла в частные руки или была уничтожена) часть важнейшей политической информации. Во-вторых, Екатерина окончательно утратила личный контроль над специальной комиссией Верховного тайного совета. Отдельные структуры этой комиссии получили возможность исполнять волю «верховников» без официальной санкции, а по сути, и без ведома императрицы. В-третьих, кадры единой ранее государевой службы, оказавшиеся под патронажем разных царедворцев, стали конкурировать друг с другом, обеспечивая безопасность не престола и Отечества, а того или

иного вельможи либо стоявшего за ним клана.

По нашему мнению, ослабление единоличного контроля монаршей особы за деятельностью секретных служб после смерти Петра I наряду с усилением внутриполитической роли гвардии – одна из причин последовавшей череды дворцовых переворотов. Недопонимание роли и места специальных и секретных служб в обеспечении безопасности государства (и государя!) со стороны некоторых российских самодержцев связано с их личностными качествами: недостатком специального образования, излишней самоуверенностью, отсутствием управленческого опыта и, как следствие, неоправданным доверием к приближенным.

В большой игре за власть между возможными наследниками Екатерины – Елизаветой Петровной и Петром Алексеевичем – Меншиков выбрал Петра и ради собственной выгоды был готов заключить союз с бывшими оппонентами. Но вначале он решил убрать Толстого: даже будучи официально не у дел, тот продолжал оставаться наиболее опасным противником «светлейшего», поскольку выступал против обручения его дочери Марии с царевичем Петром.

Для осуществления своих целей Меншиков провел двухходовую комбинацию. В апреле 1727 г. он приказал арестовать главу петербургской полицейской канцелярии А. М. Девьера, человека из близкого окружения Петра I, тяготеющего, соответственно, к партии сторонников жены и дочери своего «командира». Поводом к аресту стало обвинение генерал-полицмейстера Петербурга в заговоре против Петра II. Следственная комиссия добилась от арестованного Девьера показаний против Толстого, которого незамедлительно арестовали. Обоих «заговорщиков» лишили чинов, званий и имущества и сослали: Девьера – в Сибирь, Толстого – на Соловки. В результате этой операции, назовем ее специальной, Меншиков получил значительные политические преимущества: опасные противники были удалены из столицы, появилась возможность расставить своих людей в структурах, подчинявшихся ранее Девьеру. Для достижения политических целей «светлейший» пожертвовал даже родственной связью: Девьер являлся мужем его младшей сестры Анны.

После успешного раскрытия «заговора» Меншиков стал пользоваться неограниченным доверием Екатерины I. Именно под его влиянием государыня составила завещание (которое некоторые современники считали поддельным) в пользу юного Петра Алексеевича. Ее дочь Елизавета могла претендовать на престол только в случае бездетности Петра.

Днем 6 мая 1727 г. императрица скоропостижно скончалась,

и власть официально перешла в руки внука Петра Великого – Петра II, которому было всего 12 лет. Кандидатуру нового императора поддержало подавляющее большинство членов Верховного тайного совета, Сената и Синода, президенты коллегий и офицеры гвардии. Скорее всего, это было связано с его возрастом: каждая из противоборствующих группировок предполагала привлечь его на свою сторону. Первоначально опекуном юного императора стал Меншиков. Он же стал и куратором сыскных дел.

Преображенскую канцелярию, о которой говорилось выше, поспешили упразднить, генерала Ушакова вначале арестовали, а потом отправили служить в Ревель. Двадцать второго мая была восстановлена система географического распределения политических дел. Из ближних к Санкт-Петербургу губерний дела следовало посылать в Розыскную контору при Сенате, из других губерний – в Москву, в Преображенский приказ. Влияние приказа и чуждого «верховникам» Ромодановского было сведено до минимума. Розыскная контора при Сенате осталась единственным в Санкт-Петербурге учреждением политического сыска, ее штат увеличили до восьми человек и пополнили бывшими служителями Тайной и Преображенской канцелярий.

Казалось, судьба благоволила к «светлейшему»: он получил звание генералиссимуса, его дочь Мария в мае обручилась с Петром II. Сподвижники Петра I Макаров, Шафиров и Ягужинский были отстранены от реальной власти. Но усиление позиций Меншикова привело к тому, что против него объединились и сторонники Елизаветы, и представители старых боярских родов во главе с Долгоруковыми.

В сентябре Петр II приказал гвардии и членам Верховного тайного совета повиноваться только его личным распоряжениям. Девятого сентября Меншиков был лишен всех чинов и сослан в Рязанскую губернию. К его дому приставили часовых, писать письма дозволяли только в присутствии начальника караула. Все попытки «светлейшего» вернуть влияние были блокированы.

В конце осени 1727 г. бывшего фаворита обвинили в государственной измене и растрате казенных средств (последнее, кстати, соответствовало действительности). В апреле 1728 г. Александр Данилович «с фамилией» был сослан в Тобольскую губернию, в маленький населенный пункт Березов, где ему суждено было закончить свой авантюрный земной путь…

В феврале 1728 г. император Петр II со свитой переехал в Москву, где наибольшее влияние на него стали оказывать Елизавета Петровна, сводная тетка, и вице-канцлер А. И. Остерман. Год прошел в охотах, балах и придворных

развлечениях. Остерман, курировавший политический сыск, пытался привить Петру желание участвовать в управлении государством и военными делами, но особого успеха не добился.

К началу 1729 г. место «наушников» при императоре заняли князя Долгоруковы, которым удалось оттеснить Елизавету. Новой невестой Петра II стала Екатерина Долгорукова. Скорее всего, именно под влиянием Долгоруковых весной 1729 г. и был упразднен Преображенский приказ. Исполнявшиеся приказом полицейские функции перешли к Розыскной конторе при Сенате, в котором князья имели сильное влияние.

По собственной неопытности (или равнодушию?) Петр II позволил «верховникам» не только ликвидировать независимые от Совета спецслужбы, но и перехватить руководство политическим сыском. Мы убеждены, что новые фавориты государя не просто ликвидировали секретную службу: была предпринята попытка монополизировать контроль над деятельностью политической полиции в рамках клана. Нельзя исключить и того, что Долгоруковы намеревались впоследствии «тихо» устранить Петра и занять трон.

Тридцатого ноября 1729 г. произошло обручение императора с его невестой; свадьба была назначена на 19 января следующего года. Однако в ход событий вновь, в который уже раз, вмешался Его Величество Случай. Шестого января Петр простудился и тяжело заболел. По мнению врачей, его дни были сочтены.

Понимая, что со смертью Петра политические преимущества будут утрачены, 17 января Долгоруковы собрали семейный совет. Глава семьи А. Г. Долгоруков, прибывший от постели государя, подтвердил, что надежды на выздоровление нет, поэтому следует выбирать наследника престола. Стратегический план заключался в том, чтобы провозгласить наследницей невесту государя. (Характерно, что подобная возможность не только обсуждалась среди дипломатических представителей иностранных дворов, но и была признана ими вполне возможной.) Силовой опорой в поддержке Екатерины предполагалось сделать Преображенский полк, где И. А. Долгоруков служил майором, а В. В. Долгоруков – подполковником. Последний отверг предложение:

– Как тому можно сделаться? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют.[186]

Таким образом, озвученные А. Г. Долгоруковым претензии не нашли поддержки даже в пределах семьи. Не возымели успеха и попытки подписать завещание от имени императора либо сделать подлог, поскольку Остерман не покидал умирающего ни на минуту. Члены Верховного тайного совета Г. И. Головкин и Д. М.

Голицын, многие представители боярской знати и, что особенно важно, офицеры гвардии отнеслись к намерениям Долгоруковых негативно. Наспех подготовленная попытка переворота не состоялась.

Восемнадцатого января 1730 г. (за день до намеченной свадьбы) Петр II скончался. Род Романовых по мужской линии прервался, и российский трон вновь стал вакантным.

Экстренно собравшиеся в Лефортовском дворце представители боярства стали келейно решать вопрос о престолонаследии. В совещании участвовали члены Верховного тайного совета Г. И. Головкин, Д. М. Голицын, А. Г. и В. Л. Долгоруковы, А. И. Остерман, а также фельдмаршалы М. М. Голицын и В. В. Долгоруков и губернатор Сибири М. В. Долгоруков. Таким образом, четверо представляли клан Долгоруковых, двое – клан Голицыных. В результате бурных дебатов «верховники» решили предложить российский трон Анне Ивановне – средней дочери Ивана Алексеевича, племяннице Петра I, вдовствующей герцогине Курляндской. Идея «верховников», предложенная Д. М. Голицыным, заключалась в ограничении самодержавной власти будущей государыни при усилении политических позиций членов Верховного тайного совета. Для этого постановили «послать к Ее Величеству пункты», подписание которых должно было послужить гарантией сохранения власти и обеспечения личной безопасности тогдашних олигархов.

Основные положения «*Кондиций*», а по сути ультиматума, предложенного Анне Ивановне, были следующие.

Герцогиня обязалась:

1) ни с кем не начинать войны и не заключать мира;

2) верных подданных никакими новыми податями не отягощать и государственных доходов в расход не употреблять;

3) в знатные чины, как светские, так и военные, выше полковника никого не производить;

4) у шляхетства «живота, имения и чести» без суда не отнимать.

Кроме того, она обещала в брак не вступать и наследника себе не назначать. В случае нарушения этих условий Анна Ивановна лишалась короны.

Двойственность документа вполне очевидна. С одной стороны, он является первой попыткой ограничения самодержавия в России: в его тексте заложены идеи некого подобия демократизации общества, сформулированные в понятиях XVIII в. С другой стороны, нельзя забывать, что ограничительными «кондициями» «верховники» готовили почву

для реализации сугубо личных планов, совсем других по содержанию. Предложение племяннице Петра занять престол было лишь ширмой, за которой скрывалось намерение в ближайшее время передать бразды правления кому-либо из представителей знатных российских фамилий. Не стоит забывать, что Анна была дочерью Ивана Алексеевича, который в свое время отказался от претензий на российский престол, вверив всю полноту власти своему сводному брату. Так что «верховники» всегда могли поднять вопрос о легитимности пребывания Анны Ивановны на троне, ведь в руках у них были официальные документы, подписанные ее отцом. Подобный случай в истории России еще раз повторится – с сыном старшей дочери Петра, но это будет позже.

При всей грандиозности замысла «верховники», уже представлявшие себя новыми правителями России, допустили несколько серьезных ошибок. Во-первых, после единодушного избрания 19 января 1730 г. Анны Ивановны императрицей члены Сената, Синода и российский генералитет с текстом «Кондиций» ознакомлены не были, что лишало их «полной легитимности». Во-вторых, в письме к герцогине Курляндской олигархи сообщили, что «пункты» одобрены «всеми духовными и светскими чинами», – таким образом, был совершен политический подлог. В-третьих, члены Верховного совета недооценили возможности оппонентов, тайно направивших в Митаву своих собственных секретных гонцов.

Одного из таких тайных гонцов откомандировал к Анне Ивановне П. И. Ягужинский, призвавший будущую государыню не во всем доверять посланникам «верховников», а подождать до Москвы, где «преданные лица» ей откроют «истинную правду». Оперативные возможности «недреманного государева ока», как нарек Ягужинского Петр Великий, были далеко не самыми худшими. Обер-прокурор имел достаточно личных агентов и информаторов в различных кругах и мог вполне определенно проанализировать сложившуюся ситуацию. В качестве гонца он выбрал своего адъютанта П. С. Сумарокова, бывшего к тому же камер-юнкером голштейн-готторпского двора и в этом качестве имевшего определенные преимущества. У Сумарокова в этом деле была и личная мотивация: Ягужинский обещал в случае успешного выполнения задания отдать ему в жены свою дочь, в которую адъютант был влюблен.

Еще одного гонца послал к своему брату Р.-Г. Левенвольде давний друг герцогини Курляндской и Остермана К.-Г. Левенвольде. Как вице-президент Коллегии иностранных дел он имел право выдавать паспорта для поездки за рубеж.

Третий курьер – доверенный монах – был отправлен вице-президентом Синода Ф. Прокоповичем. У Церкви имелись свои оперативные возможности в плане перемещения «слуг Божьих» по стране и за рубежом.

Хотим обратить особое внимание читателя на крайне опасный характер миссии секретных курьеров. В случае захвата с депешами, адресованными Анне Ивановне, их ждала неминуемая и мучительная смерть. После кончины Петра II Долгорукие установили вокруг Москвы «строгие караулы» под командованием начальника почтового ведомства бригадира Г. И. Палибина. Был усилен оперативный надзор за всеми иностранцами, включая послов, а Ямской приказ получил указание никому не выдавать подвод и подорожных без личного ведома членов Верховного тайного совета.

Несмотря на принятые меры, посланцы сторонников самодержавия опередили посланцев «верховников» и прибыли в Митаву первыми. Предупрежденная Анна грамотно сыграла свою роль: милостиво приняв делегацию от «верховников», «Кондиции» подписала и, прибыв 10 февраля 1730 г. в подмосковное село Всесвятское, действовала с предельной осторожностью.

В Москве обстановка была отнюдь не простой. Уже 20 января, через день после избрания Анны Ивановны императрицей, среди придворной знати распространились слухи, что «верховники» решили ограничить самодержавную власть. Сформировалась оппозиция, опасавшаяся получить вместо одного самодержца десять «правителей». И хотя часть московской элиты поддержала устремления Долгоруковых и Голицыных, большинство среднего и мелкого дворянства отнеслось к ним негативно. Радикальные сторонники самодержавия предлагали даже перебить «верховников» еще до приезда Анны.

На подъезде к Москве Анна была встречена сводным отрядом, состоявшим из батальона преображенцев и эскадрона кавалеристов (по одним данным, кавалергардов, по другим – конногвардейцев).[187] Она лично поднесла им чарки с водкой и тут же объявила себя полковником преображенцев и капитаном кавалеристов. Эти действия, подсказанные ей «верными друзьями», были встречены с одобрением. Более того, поступок государыни являлся безукоризненным с точки зрения права: звания полковника Преображенского полка и капитана придворной кавалерии мог носить *только законный самодержец*. Таким образом, запущенная некоторое время назад оперативная комбинация с хорошо продуманными элементами идеологической войны, тонкой дезинформацией и мощным силовым обеспечением не дала сбоев.

Между 15 и 25 февраля Анна Ивановна прилагала интенсивные усилия по поиску возможности отказаться от своей подписи под «Кондициями». Юридические основания для аннулирования этого документа имелись достаточно веские, поскольку «верховники» пошли на прямой подлог, сообщив герцогине Курляндской, что пожелания об ограничении самодержавия приняты с одобрения Сената, Синода и генералитета. Кроме того, после прочтения «Кондиций» в Москве «верховники» сделали вид, что сей документ – личная инициатива Анны. Учитывая все это, легитимность «Кондиций» была сомнительной не только с морально-этической точки зрения, но и с позиций действующего закона.

В сущности, Анне не составило труда найти союзников, недовольных усилением позиций «верховников». Но особые надежды государыня возлагала на своих родственников по матери Салтыковых, весьма популярных среди гвардейцев.

Члены Верховного тайного совета понимали опасность, которую представляла для них оппозиция, и стремились ограничить контакты императрицы с внешним миром. Вход в ее помещения для предполагаемых противников был воспрещен. В этих условиях связующим звеном между Анной и ее сторонниками стали женщины. В. Л. Долгоруков, лично надзиравший за режимом допуска к государыне, или недопонимал, как умеют работать женщины, или не имел возможности эффективно их контролировать. Для передачи письменных сообщений использовались тайники: часы, табакерки и т. п. В качестве «почтового ящика» выступал даже младший сын фаворита императрицы Э. И. Бирона (по некоторым данным, и Анны), за пазуху которого прятались секретные послания. Ситуация в Москве постепенно складывалась в пользу Анны, которой оставалось только ждать удобного случая.

В ночь с 24 на 25 февраля сторонники государыни не ночевали дома, чтобы избежать возможных арестов; к десяти часам утра они прибыли в Кремль. Охрана царской резиденции к тому времени была удвоена по приказу В. Л. Долгорукова. Однако Анна пригласила к себе начальника дворцовой стражи капитана Л. фон Альбрехта и намекнула ему, что вскоре возможны перемены в высшем военном руководстве.

Затем она приняла представителей части дворянства, которые подали прошение об ограничении власти Верховного тайного совета и установлении конституционной монархии. Анна написала на документе «Быть по сему» и предложила, обсудив будущую форму правления, уже к вечеру ознакомить ее с результатами. Тем самым она фактически столкнула дворян с

«верховниками», которые надеялись взять реванш, закрыв для всех выходы из дворца (и поставила их на одну доску, но об этом ниже).

Вход, однако, оставался открытым, и дворцовые помещения постепенно стали заполняться гвардейцами. Их основное требование звучало достаточно воинственно:

«Мы, верные подданные Вашего Величества, верно служили Вашим предшественникам и пожертвуем нашу жизнь на службу Вашему Величеству, но не можем терпеть тирании над Вами. Прикажите нам, Ваше Величество, и мы повергнем к Вашим ногам головы тиранов».[188]

Мгновенно оценив ситуацию, императрица приказала начальнику дворцовой стражи повиноваться только генералу С. А. Салтыкову. После смены военного руководства, признанного гвардейцами, для «верховников» и тех, кто выступал за конституционную реформу, не оставалось никаких шансов. Во дворце, блокированном сторонниками Анны, они превратились в заложников. К четырем часам пополудни все было закончено. Анна приказала принести «Кондиции» и демонстративно разорвала их.

Став полновластной хозяйкой России, бывшая герцогиня Курляндская использовала для политического сыска все известные ранее организационные формы: и постоянные учреждения, и временные комиссии, и розыскные поручения отдельным чиновникам. Но все же она не чувствовала себя в безопасности, даже выписав из Курляндии близких людей, главную роль среди которых играл ее фаворит Бирон. Уже 4 марта 1730 г. последовал императорский указ об упразднении Верховного тайного совета и восстановлении Сената «на таком основании и в такой силе», как при Петре Великом. Сенат вновь становится высшим надзорным органом в деле политического розыска.

В апреле Бирон, назначенный обер-камергером, возглавил личную охрану императрицы. Двадцать второго июля в Московской губернии учреждается *Сыскной приказ* для ведения «татиных, разбойных и убийственных» дел. Фактически, это была первая силовая структура, созданная императрицей.

Вероятно, своим появлением Сыскной приказ обязан росту недовольства Бироном со стороны московского дворянства. Вскоре недовольство охватило и гвардию: офицеры открыто поговаривали, что, если бы попался «тот, который надобен», его бы «уходили». Почувствовав ненадежность петровских полков, в августе 1730 г. Анна приняла решение о формировании нового гвардейского полка – Измайловского. Задуманный как противовес

старой гвардии, этот трехбатальонный полк комплектовался по особому принципу. Офицеров набирали из иностранцев, преимущественно земляков Бирона: курляндцев, лифляндцев, эстляндцев. Рядовой состав формировался не из дворян, а из однодворцев Малороссии, ранее служивших в местной вспомогательной милиции. Командиром полка назначили К.-Г. Левенвольде, ставшего к тому времени генерал-адъютантом. Тогда же Кроншлотский драгунский полк переименовали в лейб-гвардии Конный полк пятиэскадронного состава, что положило начало постоянным структурам гвардейской кавалерии. Общая численность гвардии составила 9500 человек.

Наряду с созданием преданных лично ей гвардейских полков, в начале 1731 г. императрица решила назначить себе преемника. Гвардейцам и высшим чиновникам, вызванным во дворец, было объявлено, что решение принято с целью предупреждения беспорядков, подобных имевшим место после смерти Петра II. Однако имя преемника не назвали, поэтому служилый люд должен был принести присягу любому лицу, которого выберет государыня.

Но и эти меры не принесли Анне успокоения. Особенно сильно на нее подействовал случай, когда экипаж, следовавший перед императорской каретой, внезапно провалился под землю. Расследование выявило подкоп – возникла обоснованная версия о спланированном покушении на императрицу.

Возможно, именно это происшествие послужило причиной упразднения Розыскной конторы при Сенате и восстановления 24 марта 1731 г. *Канцелярии тайных розыскных дел*, совмещавшей функции оперативного и следственного аппарата по политическим преступлениям. Канцелярия вела и дела об иностранном шпионаже в России. Руководство ею поручили А. И. Ушакову. Новый «старый» начальник политической полиции имел полное представление о работе этой службы, причем «с обеих сторон забора». Канцелярия имела статус коллегии и разместилась на генеральном дворе в Преображенском. Штат канцелярии состоял из сенатского секретаря В. Г. Казаринова, нескольких подьячих (большинство ранее служили с Ушаковым), сторожей, двух заплечных дел мастеров, одного сержанта, одного капрала и тридцати солдат. На нужды Канцелярии выделили 3360 рублей – столько же, сколько отпускалось Преображенскому приказу.

Вместо Верховного тайного совета 18 октября 1731 г. был учрежден *Кабинет министров.* В него вошли граф Г. И. Головкин (1-й кабинет-министр), А. И. Остерман и представитель княжеского рода, сложившегося в России во второй половине

XVI в., А. М. Черкасский. После смерти Головкина в январе 1734 г. его заменяли П. И. Ягужинский и А. П. Волынский.

В отличие от Екатерины I и Петра II, Анна Ивановна, несмотря на недостаток общего образования, лично контролировала все процессы, связанные с обеспечением личной безопасности. Воссоздание службы безопасности не изменило ее решения о переезде в Петербург, куда двор перебрался в январе 1732 г. В пути государыню сопровождала личная охрана: 14 кавалергардов и 10 гвардейцев-ездовых. В императорском поезде находились также придворные кавалеры и дамы, а также прислуга. Переезд использовался для повышения безопасности государыни и ее приближенных, причем схема была весьма простой: те лица из высшего общества, которые по каким-либо причинам казались государыне подозрительными, чести переехать в Петербург не удостоились и либо оставались в Москве, либо по высочайшему повелению отправились в провинцию.

Во время переезда и до сентября 1732 г. Канцелярия тайных розыскных дел именовалась «походной». Секретарями Канцелярии в тот период были: Т. Гуляев, И. Набоков (с 1744 г.) и Н. М. Хрущов.

Полицейский надзор за проживавшими в Москве подданными утрачен не был. В августе в Первопрестольной, сначала в Преображенском, а затем на Лубянке, расположился филиал Канцелярии тайных розыскных дел – *Московская контора тайных розыскных дел* во главе с преданным родственником императрицы, генерал-адъютантом С. А. Салтыковым. В 1732 г. в Московской конторе числились 16 человек: сенатский секретарь Степан Патокин (служил в 1732–1743 гг.), протоколист, канцелярист, два подканцеляриста, восемь копиистов, сторож и два заплечных дел мастера. В связи с болезнью Патокина вторыми секретарями в конторе некоторое время работали Т. Гуляев и Н. М. Хрущов. В обиходе и даже в документах новые секретные службы вскоре стали именовать *Тайная канцелярия* и *Тайная контора*.

В Санкт-Петербурге государыню встретил генерал Х. А. Миних, с именем которого связаны многие позитивные начинания в области военной реформы. В 1732 г. было учреждено первое специальное учебное военное заведение – *Корпус кадет* (с 1752 г. стал называться Сухопутным шляхетским кадетским корпусом, а затем – 1-м Кадетским корпусом); предназначался он для обучения офицеров, произведенных из нижних чинов.

Большинство историков называют правление Анны Ивановны временем засилья иностранцев, но это было не совсем так. При

ней прием иностранцев на службу осуществлялся только при наличии действительно серьезных рекомендаций, денежное содержание иностранных и русских офицеров было уравнено. Так, по данным военно-учетных документов, в 1729 г. в русской армии числились 30 русских генералов и 41 иностранец, в 1738 г. – 30 русских и 31 иностранец. Число иностранных офицеров в армии с 1729 по 1738 г. выросло всего на три процента (с 34 % до 37 %). Уравнение иностранцев и российских подданных в чинах и денежном содержании повысило авторитет императрицы в военной среде, особенно в гвардии, и обезопасило ее от возможных гвардейских беспорядков.

Наибольшим влиянием при дворе пользовались Бирон, Левенвольде, Остерман и Миних, но все они, кроме Бирона, служили в России еще со времен Петра I. Порочная практика бездумного раболепия перед всем иностранным не раз приводила к печальным последствиям, однако у этой «палки» есть и другой конец – полное отрицание всего иноземного. Поскольку в сфере безопасности за любое непродуманное решение приходится расплачиваться человеческими жизнями, необходимо учитывать и критически оценивать как отечественный, так и зарубежный опыт. Не следует пренебрегать иностранными специалистами, особенно если выполняются два условия:

1) существует механизм контроля, позволяющий выявить истинные намерения иностранцев и принять адекватные меры предупреждения и пресечения,

2) создаются условия, при которых иностранцы начинают чувствовать себя своими и служить Российскому государству как собственному Отечеству.

В правление Анны Ивановны, несмотря на возраставшее негативное отношение к иностранцам, заговоров против государыни составлено не было. Отчасти это объясняется эффективной работой Канцелярии тайных розыскных дел: фраза «слово и дело» стала символом и этой эпохи. Записи именных указов в Канцелярии свидетельствуют, что императрица лично следила за ходом многих расследований, давала распоряжения об арестах, обысках и участвовала в допросах. Обо всех более или менее значимых политических делах Ушаков докладывал лично императрице. В 1732 г. в штате канцелярии состояли: секретарь, три канцеляриста, четыре подканцеляриста, пять копиистов и два заплечных дел мастера. По особо важным делам: смоленского губернатора князя А. А. Черкасского (1734 г.), бывшего главы «верховников» князя Д. М. Голицына (1736 г.), фаворитов Петра II князей Долгоруковых (1738 г.) и кабинет-министра А. П. Волынского (1740 г.) – были организованы четыре временные

следственные комиссии.

Другой причиной благополучного – с точки зрения личной безопасности – царствования Анны Ивановны является ее искусное лавирование между группировками придворных, или следование столь известной и в конце XX в. системе сдержек и противовесов. Два петровских гвардейских полка были уравновешены двумя вновь созданными. Руководителем Канцелярии тайных розыскных дел являлся Ушаков, старый служака из русского дворянства. Гвардию и армию контролировали Миних (ольденбуржец), Левенвольде (лифляндец) и брат фаворита Г. Бирон (курляндец), но при этом большинство гвардейцев были русскими дворянами. Коллегию иностранных дел и дипломатическую разведку курировали два человека: Г. И. Головкин и А. И. Остерман. Таким образом, отсутствовала монополия одной группировки на специальные государственные институты, и царедворцы боролись друг с другом за расположение государыни.

При Анне Ивановне была проведена первая в российской истории военная кодификация, позволившая систематизировать основные на тот период военные профессии и специальности, сопоставить их с системой рангов, званий и функциональных обязанностей. Указы императрицы с немецкой точностью упорядочили ранее созданную Петром военную систему, затронув наиболее важные направления развития и совершенствования разных родов войск, что позитивно сказалось на руководстве и контроле над их деятельностью.

К 1740 г. поменялся социальный состав лейб-гвардии: большинство рядовых происходило теперь уже из простых сословий, и в дальнейшем дворяне стали занимать только офицерские должности.

«В суточный караул по охране Главной резиденции ежедневно наряжалось до 500 человек, то есть батальон. Но известны случаи, когда охрану резиденции несла рота. При чрезвычайных обстоятельствах караулы могли удваиваться. В отличие от XVII века, когда стрелецкий караул нес только внешнюю охрану резиденции и не размещался внутри дворца, в XVIII в. вооруженные гвардейцы занимали посты и во внутренних дворцовых помещениях. Мемуарист, офицер Измайловского полка В. А. Нащокин, отмечал, что с правления императрицы Анны „караульную команду начали майоры водить, а до сего не важивали, а ходили одни капитаны“».[189]

После смерти Петра I и до правления его племянницы полицейская служба как таковая не развивалась, поскольку все усилия близких к трону людей сводились к попыткам удержать

власть. Двадцать третьего апреля 1733 г. Анна Ивановна подписала указ «*Об учреждении полиции в городах*», согласно которому в крупных городах империи создавались полицейские управления. «Реестр губерний: Новгород, Киев, Воронеж, Астрахань, город Архангельский, Смоленск, Белгород, Казань, Нижний Новгород, Тобольск. Провинциальные: Псков, Вологда, Калуга, Тверь, Переславль Рязанский, Коломна, Кострома, Ярославль, Симбирск, Брянск, Орел. Да сверх вышеописанных в городах же Шлиссельбурге и в Ладоге».[190]

Управления возглавляли полицмейстеры в чине капитана (в губернских городах) и поручика (в провинциальных). В штате городского управления состояли унтер-офицер, капрал, восемь (в губернских) или шесть (в уездных) нижних чинов, а также два канцеляриста. Денежное содержание полицейским выплачивалось за счет средств гарнизонов. Для оказания помощи полиции из горожан назначались сотские, пятидесятские, десятские и ночные караульщики. Это способствовало более плотному взаимодействию населения с полицейскими службами по поддержанию общественного порядка. Выделенные от горожан представители составляли ту низовую общественную прослойку, которая позволяла полиции считаться действительно народной и поддерживать порядок с помощью самого населения. Правда, ограничивалось это пока относительно крупными городами. В малых городах и сельской местности подобных структур пока не было, что затрудняло заблаговременное выявление и предупреждение «злонамеренных деяний» в отношении государя и его подданных.

Рассказывая о системе безопасности времен Анны Ивановны, нельзя не упомянуть о пристрастии императрицы к искусству стрельбы. Государыня была отменным стрелком и практиковалась чуть ли не ежедневно, выезжая на охоту и стреляя по мишеням, причем не только на пленэре, но и в манеже. В простенках царского дворца постоянно находились заряженные ружья, а во время поездок, по воспоминаниям современников, Анна не расставалась со своим любимым нарезным штуцером.

Особое направление того времени – совершенствование личного стрелкового оружия государыни императрицы и ее близкого окружения. Отлично стреляя сама, Анна требовала того же и от придворных дам. Увлечение стрельбой для женщины, даже венценосной, явление в те годы довольно редкое. Но страсть есть страсть, и Анну можно понять.

Отметим, что увлечение государыни имело и чисто практическое значение. Во-первых, она смогла бы профессионально защитить себя в случае опасности. Во-вторых,

ее меткая стрельба психологически служила останавливающим фактором для возможного злоумышленника. В-третьих, обучая придворных дам искусству стрельбы, не создавала ли она тем самым негласную группу телохранительниц? Прямых доказательств этому предположению мы отыскать не смогли, но, как известно, государева безопасность – дело крайне секретное, и поэтому понятно, почему не осталось никаких записей (если они были вообще). По крайней мере, никогда раньше целенаправленного пристрастия к снайперской стрельбе среди придворных дам при российском дворе не наблюдалось. Еще раз подчеркнем, Анна не просто учила стрелять своих фавориток, но учила стрелять метко: в «стрельбе ружейной» дамы должны были показывать достойные результаты, – не правда ли, интересная тенденция с точки зрения формирования скрытой группы «сотрудниц негласной охраны» императрицы? А если вспомнить о традициях снайперской стрельбы «пороховым зельем» в ближнем кругу Ивана Грозного и его преемников, то наше предположение тем более логично.

Что касается тайной деятельности секретных служб за границей, то разведка, как и при Петре I, велась по нескольким направлениям, и в первую очередь русскими дипломатами. Но качество работы российской разведки в целом снизилось, так как спецслужбы были втянуты в сопровождение борьбы за власть, а с 1730 г. вплотную занимались обеспечением безопасности императрицы.

В 1739 г. произошел провал, который рассматривают как один из поводов к русско-шведской войне 1741–1743 гг. В июне 1738 г. русский посланник в Швеции М. П. Бестужев-Рюмин получил информацию, что член Секретного комитета майор М. Синклер направляется под фамилией Гагберх в Турцию, намереваясь передать депеши великому визирю, содержавшие предложение о военном союзе. Бестужев немедленно сообщил об этой миссии в Санкт-Петербург и предложил шведского гонца анлевировать (ликвидировать), а потом распустить слух, что Синклер убит гайдамаками. Предложение поддержал фельдмаршал Миних, который выделил для проведения спецоперации группу из трех офицеров (капитан Кутлер, поручики Левицкий и Веселовский) и четырех унтер-офицеров. С учетом большого количества бюрократических проволочек перехватить Синклера на пути в Константинополь не удалось, однако резидентуры в Порте продолжали «вести» Синклера.

После завершения миссии в апреле 1739 г. майор Синклер отправился в обратный путь, имея при себе письма от султана, великого визиря, шведского посла и долговые расписки Карла XII

турецкому правительству. В целях безопасности его сопровождал сначала турецкий, а затем польский эскорт, который покинул майора на границе австрийской Силезии. На очень непродолжительно время Синклер остался без прикрытия, и 17 июня 1739 г. в нескольких милях от Бреслау, между местечками Грюнберг и Нейштадт, его перехватили Кутлер и Левицкий. В итоге майора тайно ликвидировали, а документы изъяли. Но в живых остался свидетель, французский купец Кутурье, ехавший вместе с Синклером. По совершенно непонятным соображениям в рамках оперативной легенды «дорожного ограбления» его… пожалели. Возможно, сработали этические нормы гвардейских офицеров того времени, возможно, отсутствие прямого приказа на ликвидацию *всех* нежелательных свидетелей не было. Так или иначе, перепуганного купца доставили в Дрезден, где некоторое время держали под замком, но потом… отпустили, уплатив в качестве компенсации 500 дукатов. Получив деньги, купец немедленно отправился в Стокгольм и сделался главным свидетелем обвинения против России. Естественно, русское правительство всячески открещивалось от причастности к убийству майора. Но что произошло, то произошло. Отметим, что к подобным операциям и до настоящего времени прибегают многие спецслужбы, и эхо скандальных провалов периодически звучит в средствах массовой информации.

Днем 6 октября 1740 г. у Анны Ивановны произошел очередной и очень сильный приступ почечнокаменной болезни. Бирон, Миних и Остерман убедили ее подписать завещание в пользу Ивана Антоновича – сына Анны Леопольдовны, племянницы государыни. Поскольку ребенку было всего два месяца, регентом при малолетнем императоре назначался Бирон. Семнадцатого октября государыня скончалась, и уже на следующее утро служилый люд принес присягу новому императору. Текст присяги и манифест почившей государыни о регентстве Бирона успели отпечатать за одну ночь.

Подобная спешка объясняется тем, что часть гвардии и чиновничества намеревалась передать регентство отцу Ивана – Антону-Ульриху Брауншвейгскому, а это могло привести к кровавому мятежу с непредсказуемыми последствиями. Бирон, однако, предпринял все меры, чтобы подавить потенциальный мятеж в зародыше. В Санкт-Петербурге был усилен полицейский надзор, увеличилось число караулов и дополнительно введено шесть армейских батальонов. При безусловной поддержке Ушакова, всегда преданно служившего тому, кто держал в руках скипетр, были тайно арестованы и допрошены с пристрастием двадцать наиболее активных заговорщиков. Отца малолетнего

государя уволили из армии и из гвардии «по собственному желанию». Анне Леопольдовне объявили, что на российский престол есть более достойный претендент – внук Петра I. Елизавете Петровне Бирон пообещал хорошее содержание, надеясь впоследствии выдать ее замуж за своего сына.

В связи с брожением в гвардии началась подготовка к ее роспуску. Однако опасность подстерегала Бирона с другой стороны, как говорится, – пришла беда, откуда не ждали.

Фельдмаршал Миних, имевший неприязненные отношения с регентом, сумел договориться с Анной Леопольдовной и с ее согласия в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. совершил дворцовый переворот. Арестовать Бирона удалось довольно легко. В некоторых документах упоминается, что заговорщики (Миних, его адъютант Х. Г. Манштейн и несколько десятков преданных гвардейцев) без труда проникли в спальню регента, потому что слуги забыли закрыть задвижки на дверях. Забыли или не закрыли осознанно? Так или иначе, до спальни Бирона надо было еще добраться, и сделать это было не так-то просто.

По нашему мнению, действия Миниха были абсолютно прагматичными. В ночь переворота царскую резиденцию (Зимний дворец) охраняли солдаты Преображенского полка, в котором Миних был генерал-поручиком. В карауле Летнего дворца (резиденция Бирона) также стояли преображенцы, при этом охрана имела право самостоятельно и без специальной команды открывать огонь на поражение при приближении более двух человек.

Около трех часов утра Анна Леопольдовна, собрав офицеров охраны, объявила о решении арестовать Бирона и благословила Миниха. Последний, взяв, по разным источникам, от тридцати до восьмидесяти гренадеров, направился к Летнему дворцу, в охране которого было не менее трехсот (!) человек. Состоялись переговоры, после которых караул открыл ворота дворца.

Манифест Ивана Антоновича был издан на следующий день после ареста Бирона. Ранее всесильный фаворит объявлялся расхитителем казны, оскорбителем родителей юного императора и нарушителем государственных устоев. Войска, собранные к Зимнему дворцу, присягнули «благоверной государыне правительнице, великой княгине всея Руси» Анне Леопольдовне без всяких колебаний.

Как видите, Миних учел многие факторы, обеспечившие ему успех. Во-первых, он действовал от имени матери государя, чье положение в глазах солдат было несоизмеримо выше, чем положение раздражавшего многих временщика Бирона. Во-вторых, в карауле стояли солдаты и офицеры, чье отношение к

регенту было более чем прохладным. В-третьих, время «Ч» соответствовало всем рекомендациям по проведению подобных мероприятий. В-четвертых, была обеспечена соответствующая психологическая поддержка армии и гвардии уже после свержения Бирона. Если все перечисленное считать «всего лишь удачей», то Миних, несомненно, один из самых удачливых руководителей быстрых и бескровных политических спецопераций за всю историю России.

Однако весной 1741 г. опытный царедворец сам угодил в ловушку. Подав очередное прошение об отставке, он ожидал, что его вновь будут уговаривать остаться, но этого не произошло: Остерман убедил Анну Леопольдовну, что фельдмаршал становится все более опасен для царской семьи.

После отстранения Бирона в рядах гвардии, особенно у преображенцев, постепенно стало формироваться недовольство правящей фамилией. Многие историки полагают, что это связано исключительно с ростом патриотических настроений в гвардии и борьбой против иноземного засилья при дворе. Это справедливо лишь отчасти. Все предыдущие государи проявляли к гвардии особое внимание, но Анна Леопольдовна откровенно пренебрегла ею, ни разу не появившись в казармах. А ведь речь идет о людях, обеспечивших ей верховенство при российском престоле!

Нельзя сказать, что «государыня правительница» не понимала неустойчивости своего политического положения. Канцелярия тайных розыскных дел работала эффективно и владела информацией о настроениях в столичном гарнизоне. Ушаков неоднократно докладывал Анне Леопольдовне, что ее основной противник – дочь Петра I Елизавета, на которую многие делают ставки.

«Возле дворца цесаревны учредили особый тайный пост – „безвестный караул“, при котором долгое время, „бессменно для присматривания“, находился урядник Щегловитов.

В январе 1741 года на этом посту стояли аудитор Барановский и сержант Оберучев. Тем самым они исполняли именной указ правительницы Анны Леопольдовны, которая через гвардейского майора Альбрехта предписала Барановскому: „На том безвестном карауле имеет он смотреть во дворце <…> Елизаветы Петровны: какия персоны мужеска и женска полу приезжают, також и ея высочество <…> куда изволит съезжать и как изволит возвращаться, о том бы повсядневно додавать записки по утрам ему, майору Альбрехту“, что тот и делал. Для этого Барановскому отвели специальную квартиру в соседнем с дворцом доме, из которой, по-видимому, и велось наблюдение за всеми посетителями дворца Елизаветы. Квартира-пост была

строго засекречена и о сохранении тайны ее помощника Барановского сержанта Оберучева предупреждали под страхом смерти. Утренние записки-отчеты шпионов сразу попадали к мужу правительницы, принцу Антону-Ульриху.

Брауншвейгскую фамилию, стоявшую тогда у власти, беспокоили в первую очередь тайные связи Елизаветы с гвардейцами, а также с французским послом и тайным резидентом французского двора маркизом Шетарди, о приезде которого к Елизавете предписывалось рапортовать немедленно по начальству. Позже, на следствии по делу Миниха в 1742 году, Оберучев показал, что „Альбрехт, бывало, спрашивал, что не ходят ли к государыне Преображенского полку гренодиры, и он, Оберучев, на то ответствовал, что не видно, когда б они ходили“. Из допроса еще одного шпиона – Щегловитого, – видно, что Миних приказывал ему нанимать извозчиков и ездить по городу вслед за экипажем Елизаветы Петровны.

Когда весной 1741 года возникла опасность сговора Елизаветы с Минихом, то и за домом фельдмаршала установили такой же тайный надзор. По личному указу принца Антона-Ульриха секунд-майор Василий Чичерин с урядником и десятком гренадеров „не в солдатском платье, но в шубах и в серых кафтанах“ следили за домом Миниха. Они имели инструкцию (в верности которой их заставили отдельно присягнуть), „что ежели оный фельдмаршал граф Миних поедет из двора инкогнито, не в своем платье, то б его поймать и привесть во дворец“.

Из позднейшего допроса Чичерина на следствии 1742 года видно, что гренадеры следили за домом Миниха по ночам и делали это посменно, и гренадеры к тому же показали, что сам Чичерин „за ними смотрел, чтоб они всегда ходили, и их бранивал, ежели не пойдут“. Чичерин возмущался не без основания: каждый гренадер-шпион получал за работу огромные по тем временам деньги – по 20 рублей, а капрал – по 40 рублей. По-видимому, власти внедрили „надежных людей“ (так это называлось в документах) и в число слуг цесаревны, с чем связан внезапный арест в 1735 году регента хора цесаревны Петрова, причем у него сразу же забрали тексты подозрительных пьес, которые из Тайной канцелярии передали на экспертизу Феофану Прокоповичу».[191]

По совету кабинет-министра М. Головкина и обер-прокурора Сената И. Брылкина Анна решила в день своего рождения, 7 декабря 1741 г. (ей исполнялось 23 года), объявить себя императрицей. Предполагалось также тайно арестовать Елизавету Петровну. Но и здесь вспоминается пословица: «Человек предполагает, а Господь располагает». Правда, роль Господа в

этом случае сыграли совсем другие силы.

Правительство Анны знало о том, что переворот возможен, но почему-то не предпринимало никаких мер. Любопытно, что сведения о подготовке переворота поступали не только от агентуры и наружного наблюдения Канцелярии тайных розыскных дел, но и через иностранные резидентуры Стокгольма, Лондона и Парижа. Например, еще весной 1741 г. лорд Гаррингтон направил в Петербург тайное донесение, в котором говорилось о решении секретной комиссии шведского сейма стянуть войска к русской границе и усилить войска, дислоцированные в Финляндии. К этому решению шведов подтолкнуло сообщение посла в Петербурге Нолькена об образовании в России партии, готовой с оружием в руках возвести на престол Елизавету Петровну. При этом Нолькен имел в виду партию, созданную при участии иностранцев. В своем донесении посол утверждал, что «план окончательно улажен» с агентами великой княжны при помощи французского посла маркиза И. Ж. де ла Шетарди и что переговоры с Елизаветой велись через состоявшего при ней француза-хирурга И. Г. Лестока и камер-юнкера М. И. Воронцова. Всего в заговор были вовлечены около тридцати человек, в основном солдаты и унтер-офицеры гвардии. И французы, и шведы мечтали получить политические и территориальные выгоды после воцарения на русском престоле Елизаветы.

Елизавета часто посещала гвардейские казармы, и это не ускользнули от внимания Тайной канцелярии. Разумеется, знала об этих визитах и Анна. Она могла бы принять меры или хотя бы обеспокоиться тем, что происходит, но ее, похоже, это не волновало. Скорее всего, правительница просто недооценивала реальность угрозы, исходящей от «искры Петровой», однако не исключено, что Елизавета сумела усыпить бдительность родительницы малолетнего государя.

В мемуарах большинства иностранных очевидцев событий 1741 г. приводятся свидетельства «нерешительности» Елизаветы, которая уклонялась от дачи каких-либо письменных обещаний как шведам, так и французам. Таким образом, никаких письменных подтверждений участия Елизаветы в заговоре не имелось. Великая княжна выбрала своеобразный стиль поведения: она как по нотам разыгрывала роль недалекой и распутной женщины, которую, кроме мужчин и веселья, ничто не интересовало. Поездки в казармы всегда сопровождались веселыми кутежами. Гвардейцы искренне любили Елизавету, и та отвечала им взаимностью, даже соглашалась стать крестной матерью их детей. Учитывая все это, Анна действительно могла

сбросить со счетов Елизавету как реальную соперницу.

Со своей стороны мы можем предположить, что великая княжна была активной участницей оперативной игры, которую вела русская секретная служба. Как известно из исторических источников, А. И. Ушаков никогда не отличался добротой по отношению к противникам трона, но в отношении Елизаветы он вел себя более чем благожелательно. После восшествия Елизаветы на престол он не только не был подвергнут опале (хотя реально ему грозила смертная казнь), но и сохранял свой пост вплоть до 1747 г. Таким образом, руководитель Тайной канцелярии вполне мог быть участником (или одним из организаторов) сложной политической борьбы, в которую были вовлечены секретные службы Австрии, Британии, Швеции, Франции и ряда других европейских дворов. Даже вмешательство противника Елизаветы Остермана, получившего в середине ноября секретную депешу из Силезии, в которой говорилось, что заговор близится к завершению, не привело к аресту великой княжны.

Двадцать третьего ноября 1741 г. Елизавету лично допросила Анна Леопольдовна. Это заставило Елизавету и ее сторонников действовать более решительно. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. (через сутки после допроса) великая княжна в сопровождении Лестока и Воронцова явилась в казармы 1-й гренадерской (государевой) роты Преображенского полка. Напомнив гвардейцам, чья она дочь, Елизавета призвала их идти за ней. В результате около трехсот преображенцев (среди них не было ни одного офицера!) совершили стремительный марш к Зимнему дворцу. Гвардейский караул в полном составе присоединился к заговорщикам. Император Иван VI, его мать-регентша и принц Антон-Ульрих подверглись аресту в собственных спальнях – Брауншвейгская фамилия была одномоментно устранена с русского престола.

Бескровность переворота свидетельствует о его тщательной подготовке. Пароль для входа во дворец был известен заранее, караул сопротивления не оказал. Что же касается иностранцев, знавших о заговоре и готовых предпринять меры со своей стороны, то они были неприятно удивлены стремительными и активными действиями Елизаветы, которая предпочла обойтись без их помощи.

Вступив на престол, Елизавета Петровна первым делом наградила преображенцев, чья гренадерская рота получила титул лейб-кампании. Все рядовые не из дворян (свыше 80 %) были возведены в дворянское достоинство пожизненно. Сержанты и капралы роты стали майорами и капитанами, а офицеры, даже не

участвовавшие в перевороте, – генералами.

По сути, из бутылки был выпущен джинн. Гвардейцы, и в первую очередь гренадеры из лейб-кампании, потребовали высылки из России всех иностранцев и расширения собственных привилегий. Весной 1742 г. гвардия была направлена для «охлаждения» в Финляндию (шла очередная русско-шведская война). Там гвардейцы попытались бунтовать, однако решительные действия генерала Н. А. Корфа, арестовавшего нескольких зачинщиков и приказавшего прилюдно их расстрелять, пресекла эту попытку на корню.

Попытка бунта показала, что государыне следовало опасаться не только сторонников Брауншвейгской фамилии, но и своих «кумовьев». И здесь следует отметить, что о своей собственной безопасности Елизавета всегда заботилась тщательно. Судите сами: с 1725 по 1741 г. она была в эпицентре политических интриг при дворе четырех (!) государей и для каждого из них представляла реальную угрозу. Все ее предшественники (особенно Анна Ивановна) осуществляли за ней постоянный надзор, как гласный, так и негласный. В руках противников Елизаветы имелись эффективные инструменты лишения возможности занять российский престол: замужество (предпочтительно вдали от России и без права возвращения в Отечество), опала и заточение в монастырь, наконец, «тихая» смерть. Однако княжна прожила в веселье и полном здравии 16 (!) лет, пока лично не совершила дворцовый переворот, который, по мнению ее современников, произошел вследствие «удачного стечения обстоятельств». Станиславский произнес бы по этому поводу знаменитое «Не верю!».

Вероятнее всего, еще при жизни Петра Великого Елизавета стала объектом пристальной заботы российских секретных служб – вначале как дочь императора (общеизвестно, что у Петра были особые отношения с дочерями, Анной и Елизаветой, которых он нежно любил), затем как продолжательница его начинаний и замыслов. Ликвидация Тайной канцелярии при Екатерине I и Преображенского приказа при Петре II, несомненно, могли подтолкнуть сотрудников этих ведомств к союзу с императрицей: они могли составить костяк ее личной секретной службы. Мы уже упоминали о «странном» пренебрежении Ушакова и его людей информацией об участии Елизаветы в заговоре против Ивана Антоновича. Не исключено, что вольное поведение «дщери Петровой» есть талантливое воплощение сценария, предложенного тайными службами: такая манера соответствовала и возрасту, и характеру Елизаветы и являлась на тот момент наиболее безопасной. В 1735 г. жена английского резидента в

Петербурге леди Рондо, помогавшая своему супругу, писала, что приветливость и кротость княжны внушают любовь и уважение, на людях она всегда весела, но высказываемые ею в личной беседе разумные и основательные суждения заставляют думать, будто легкомысленное поведение не более чем притворство.

Постоянные перемещения Елизаветы из одной резиденции в другую, мотивированные участием в балах и иных увеселениях, создавали серьезные трудности как для слежки, так и для организации возможных покушений со стороны многочисленных недругов. При княжне постоянно находились молодые люди из петровских гвардейских полков, которых считали ее «галантами» (большинство историков потом подхватили эту версию). Позволим себе сделать предположение, что основной задачей этих людей все же были не амурные похождения. Обожатели, находящиеся при молодой особе и ищущие ее расположения, – идеальная маскировка для личных телохранителей. Недаром, как только кто-нибудь из них отправлялся в отдаленный гарнизон, его место немедленно занимал очередной «галант». А после переезда княжны в Петербург в ее круг никто из непроверенных лиц не допускался.

Нам могут возразить: став императрицей, Елизавета не изменила свой образ жизни. Этому есть объяснение: привычка, натура… Но еще и удобство: система охраны продолжала функционировать на тех же принципах, только с привлечением бóльших сил и средств.

Французский агент Ж. Л. Фавье, наблюдавший императрицу в конце ее жизни, писал, что сквозь доброту и гуманность Елизаветы просвечивается высокомерие, а иногда и жестокость, что она испытывает страх перед утратой власти, но умеет искусно притворяться. Таким образом, мнения двух иностранных наблюдателей о способностях Елизаветы Петровны в лицедействе (в юном и в зрелом возрасте) практически полностью совпадают.

После 1741 г. безопасность государыни в первую очередь обеспечивала Канцелярия тайных розыскных дел, до 1747 г. руководимая Ушаковым, а затем А. И. Шуваловым. Секретарем канцелярии с 1757 г. стал С. И. Шешковский. После смерти в 1742 г. С. А. Салтыкова Московскую контору тайных розыскных дел некоторое время возглавлял сам Ушаков, а затем руководство Московской конторой перешло к ставленнику Ушакова в. Казаринову (1743 г. – после 1748 г.).

Об особой секретности при обеспечении безопасности императрицы свидетельствует тот факт, что практически никто из приближенных не знал, в какой комнате она будет ночевать, поселившись в очередной резиденции. Это подтверждает

художник А. Бенуа, который, изучив план дворца в Царском Селе, пришел к выводу, что в нем отсутствовала «штатная» опочивальня государыни.

Напомним, что Анна, старшая сестра Елизаветы, выходя замуж за Карла Фридриха Голштейн-Готторпского, отказалась от трона за себя и свое потомство. Однако Елизавета понимала: став совершеннолетним, ее племянник, сын Анны, вполне может предъявить права на российскую корону в качестве внука Петра Великого. Серьезную угрозу он представлял еще и потому, что европейские монархии могли использовать его в своих интересах.

В начале 1742 г. Н. А. Корф доставил 14-летнего Карла Петра Ульриха из Голштинии в Петербург. Приняв православие, юноша был наречен Петром Федоровичем и всенародно объявлен наследником престола. Тем самым императрица превратила самого опасного конкурента в союзника. Кроме того, она получила возможность контролировать племянника с помощью доверенных лиц, внедренных в его ближайшее окружении.

После разоблачения и ареста в июле 1742 г. камер-лакея Анны Леопольдовны А. Д. Турчанинова, прапорщика Преображенского полка П. Ивашкина и сержанта Измайловского полка И. Сновидова, готовивших ночное убийство Елизаветы, было предпринято усиление мер безопасности. Тогда же был разработан литерный маршрут срочной эвакуации государыни из Петербурга в Москву. На маршруте через каждые 20–30 верст держали сменных лошадей, и расстояние можно было преодолеть менее чем за двое суток. С учетом состояния дорог того времени и самой процедуры смены лошадей средняя скорость почти 30 километров в час впечатляет. При переездах в состав личной охраны Елизаветы входили минимум 30 лейб-компанцев и 12 гвардейцев-ездовых.

Важнейшим направлением деятельности Тайной канцелярии являлось противодействие организации заговоров, мятежей и сепаратистских движений. Например, в 1744 г. состоялось разбирательство очередной попытки освобождения Брауншвейгов, находившихся в Ранненбурге. И. Лопухин, бывший камер-юнкер при Анне Леопольдовне, в ходе допроса признался, что в рижском гарнизоне строятся планы похищения Ивана Антоновича. По его словам, заговорщики поддерживали связь с королем Пруссии. Интересно, что пруссаки, имевшие свою агентурную сеть практически по всей Европе, очень грамотно организовали работу при русском дворе «под чужим флагом»: связь с заговорщиками осуществлялись через австро-венгерского посла маркиза Бота. Получив подтверждение этой информации, Елизавета Петровна немедленно потребовала объяснений и у прусского короля

Фридриха II, и у эрцгерцогини австрийской, королевы Венгрии и Чехии Марии-Терезии. Анну Леопольдовну с мужем и Ивана VI под усиленной охраной тайно перевезли из Ранненбурга в Холмогоры, а впоследствии переправили в Шлиссельбург.

В 1745 г. Тайная канцелярия арестовала и сослала г. Румберга камердинера наследника престола. В 1747 г. Елизавета Петровна приставила к Петру и его супруге, великой княгине Екатерине, камергера Н. Н. Чоглокова – так сказать, для присмотра. Без разрешения доверенного камергера обратиться к великому князю никто из придворных не мог. Каждого, кому наследник престола начинал симпатизировать, отсылали в дальний гарнизон. В 1748 г., во время охоты в окрестностях Москвы, егеря представили Петру подпоручика Ширванского полка Иоасафа Батурина. Последний стал уверять, что «признает императором» только великого князя и что «весь полк с ним заодно». Вскоре Батурин и егеря, устроившие встречу, были арестованы. Из их показаний императрица убедилась в отсутствии у племянника решительных намерений. Через третьих лиц она пригрозила ему заточением в крепость, напомнив, что случилось с сыном Петра Великого.

Что касается борьбы с иностранным шпионажем, то в июне 1742 г. (после начала русско-шведской войны 1741–1743 гг.) особым распоряжением российской императрицы в Секретной экспедиции Сената и Коллегии иностранных дел учреждались должности тайных агентов, обязанных вести проверку паспортов, досмотр судов и карет и наблюдать за приезжими иностранцами. В ходе никогда не прекращающейся тайной войны в 1744 г. был пойман шведский агент Александр Луетин, а в 1745 г. доверенный лейб-медик Елизаветы Лесток, участвовавший в возведением ее на престол, был разоблачен как тройной агент французской, прусской и британской разведок, от которых он получал вполне солидное обеспечение за предоставляемую политическую информацию. В процессе следствия было выявлено, что в некоторых ситуациях Лесток открыто противодействовал своим землякам – другим резидентам французского двора в России. Личные амбиции этого человека, желание играть ведущую роль в многоходовых комбинациях европейских дворов в окружении российской императрицы сыграли с ним злую шутку. В 1748 г. Лестока отправили в ссылку: сначала в Углич, а затем в Великий Устюг, где с ним продолжали работать по разоблачению других агентов европейских монархов при русском дворе.

Следствие по делу Лестока велось в Канцелярии тайных розыскных дел, и оно было не единственным. В 1749 г. солдатами Астраханского пехотного полка был задержан обходивший их

караулы шведский агент Томас Гранрот, уроженец Финляндии. В 1752 г. в Тайной канцелярии расследовались дела подозревавшихся в шпионаже купца Якова Гарднера и слуг подполковника Ингерманландского полка барона Лейтрома. В 1756 г. императрица поручила Шувалову и Воронцову расследовать дело о подозреваемом в «шпионстве» французском миссионере Валькруассане и бароне Будберге. В 1757 г. были задержаны прусские шпионы барон Ремер и слуги принца Антона Ульриха Ламберт и Эрик Стампель. Комендант Нарвы барон фон Штейн и полковник нарвского гарнизона Сванге-Блюм попались на передаче секретных сведений прусским властям в письмах. В 1758 г. за аналогичные преступления были осуждены капитан Альбрехт Ключевский и драгун Абрам Дейхман. В том же году за шпионаж в пользу прусского короля попал под следствие прапорщик Павел Калугерович, а в 1759 г. – инженер-поручик Фридрих Теш и вахмистр Мартин Келлер. В 1761 г. в Тайную канцелярию было передано дело по подозрению генерала Тотлебена (саксонского уроженца) в «секретных и преднамеренных сношениях» с пруссаками. Таким образом, «спокойное» царствование Елизаветы Петровны было отмечено постоянным лавированием в паутине иностранных разведывательных сетей, раскинутых практически всеми дворами Европы.

В середине XVIII в. неотъемлемой частью политической жизни Европы становилась постоянная подпитка свежей политической информацией. Развитие многоуровневых дипломатических, военных и личных секретных резидентур буквально пронизало весь Старый Свет, способствуя дальнейшему развитию искусства политической и военной разведки, а также контрразведывательных и полицейских спецслужб, каждую из которых европейские монархи создавали и формировали исходя из своих представлений и возможностей.

Коллегия иностранных дел под руководством А. П. Бестужева-Рюмина (в 1742–1758 гг.) и М. И. Воронцова (в 1758–1762 гг.) обеспечивала сбор разведывательной информации и параллельно с Тайной канцелярией занималась борьбой с иностранным шпионажем, в том числе и внешней контрразведкой европейских дворов. Из Варшавы политическую информацию сообщали завербованный российским двором коронный канцлер граф Я. Малаховский и другие влиятельные польские магнаты, работавшие на русский двор, часто даже не зная об этом. В Османской империи российскими агентами были несколько высокопоставленных турецких чиновников, в том числе помощники реис-эфенди (министра иностранных дел). Бестужеву-

Рюмину удалось добиться высылки из России французского посланника и основного французского резидента Шетарди, агентов прусского короля Фридриха – принцессы А. Е. Ангальт-Цербстской и Брюмера; также он строго запретил Лестоку (еще до ареста) вмешиваться в иностранные дела.

Для тайного вскрытия и копирования корреспонденции, которая представляла определенный интерес для российских секретных служб, Бестужев-Рюмин создал службу перлюстрации – знаменитые «черные кабинеты». Информация, полученная путем перехвата письменных посланий, позволяла российскому двору более адекватно строить внешнюю и оборонную политику, выявлять, предупреждать и пресекать угрозы безопасности государыни. Попутно заметим, что перехват и перлюстрация писем, в том числе и дипломатической почты, практиковались во всех без исключения (!) государствах того времени, ибо древняя мудрость гласит: «Кто предупрежден – тот вооружен». В наши дни перехват и расшифровка конфиденциальной информации осуществляются с применением самых современных технологий и составляют один из ключевых элементов секретных мероприятий.

В августе 1745 г. венценосная тетка женила племянника на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе – дочери князя Христиана Августа Ангальт-Цербстского, состоявшего на военной службе у прусского короля Фридриха II. Приняв православие, принцесса София (Софья) стала именоваться Екатериной Алексеевной. Нельзя не отметить, что неприязненные отношения между наследником престола и его супругой установились в первый же год совместной жизни. Именно личную неприязнь Екатерины к мужу, а также ее честолюбие, искусно подогреваемое окружением, следует считать одной из причин последующего отстранения Петра от власти. Будущий император в силу своего солдафонского воспитания, ограниченности, чванства, высокомерия и определенной инфантильности не только оттолкнул жену от себя, но и превратил из возможной соратницы в реального политического конкурента. При жизни Елизаветы опасности как таковой не было: императрица контролировала Екатерину не менее тщательно, чем самого Петра. Приближенные Екатерины, заподозренные Канцелярией тайной розыскных дел в малейших интригах против государыни, немедленно подвергались опале. Так, в 1758 г. потерял пост канцлер Бестужев, а сама Екатерина была подвергнута строгому допросу лично Елизаветой в присутствии Петра и А. И. Шувалова.

В ситуациях, связанных с ее личной и государственной безопасностью, Елизавета Петровна практически всегда действовала быстро и решительно. После 1758 г. сторонники

Екатерины были высланы из страны либо отправлены в дальние губернии, а сама великая княжна заключена под домашний арест. В конце концов, видя слабые способности племянника к управлению государством, Елизавета решила назначить наследником престола своего внука Павла, а регентом при нем – одного из братьев Шуваловых. И только воля Екатерины, выраженная в словах «я буду царствовать или погибну», а также удачно проведенная оперативная комбинация с ее мнимым отъездом на родину позволили Екатерине через год вернуть расположение государыни. Однако это не означало, что императрица перестала контролировать молодую женщину. Усилению контроля не в последнюю очередь способствовал и тот факт, что Россия вела войну с Пруссией, а Елизавета никогда не забывала, что мать Екатерины – княгиня Августа Елизавета – была одним из тайных агентов Пруссии и выполняла конфиденциальные поручения самого Фридриха II. Императрица также контролировала переписку Петра с королем Прусским, посредником в которой был барон Корф, назначенный в 1760 г. столичным генерал-полицмейстером. И надо сказать, что до конца своих дней Елизавета была избавлена от серьезных покушений на свою царственную особу.

Двадцать пятого декабря 1761 г. императрица скончалась, и на престол вступил Петр III.

Его первые шаги в качестве монарха вызвали сильное неудовольствие петербургской знати. Взять хотя бы решение императора о прекращении победоносной войны с Пруссией и выводе русских войск из Берлина, который за три дня до того был взят с малыми потерями. Понятно, какова была реакция патриотически настроенного военного корпуса России! Отношение самого государя к елизаветинским гвардейцам можно охарактеризовать как крайне негативное. Еще будучи наследником престола, он называл их «теткиными янычарами». В Семилетней войне[192] гвардия не участвовала. Была распущена даже лейб-компания, единственная «военная» заслуга которой заключалась в возведении на престол Елизаветы Петровны. Не скрывая намерения упразднить гвардейские полки, император, тем не менее, послал их воевать с Данией, желая отобрать у нее Шлезвиг в пользу любимой Голштинии.

Военные начинания Петра вызвали в гвардии недовольство, ставшее основой для формирования заговора. Впоследствии для оправдания действий Екатерины по свержению венценосного супруга была выдвинута патриотичная версия о слепом преклонении Петра перед прусским королем Фридрихом II, что соответствовало правде. Петру приписывали и то, чего он не

делал, в частности введение в русской армии прусских военных уставов. Он требовал только одного – строгого соблюдения Устава, принятого его тетушкой, причем в какой-то мере император являл собой пример служения: ежедневно в 11 часов проводил вахтпарад – развод дворцового караула.

Еще одним сословием, недовольным реформами Петра III, было духовенство. Петр объявил о свободе вероисповедания и запретил надзор Церкви за личной жизнью. Указ от 29 января 1762 г. прекращал преследование старообрядцев. Манифестом от 28 февраля даровалась амнистия бежавшим за рубеж раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и даже дезертирам. Им разрешалось вернуться в Россию до 1 января 1763 г. без «всякой боязни и страха». Это была первая попытка примирения российского общества после церковной реформы времен Алексея Михайловича, расколовшей страну, но она не увенчалась успехом.

Манифест от 18 февраля 1762 г. «*О вольности дворянской*» подробно регламентировал все стороны жизни этой части общества. Обязательная военная служба отменялась, но тем, кто находился на военной службе, разрешалось выходить в отставку только в мирное время. На службу за рубежом дозволялось поступать только к союзникам, с обязательством вернуться в Россию по первому требованию. По достижении сыном дворянина двенадцати лет родители обязаны были письменно отчитаться, чему он обучен, желает ли учиться дальше и где. Родителей, которые не желали обучать своих детей, предлагалось рассматривать «как нерадивых о добре общем» и подвергать презрению со стороны «верноподданных и истинных сынов Отечества». Таким людям запрещалось появляться при дворе, участвовать в публичных собраниях и торжествах. Менее обеспеченные дворяне могли определять своих детей на учебу в кадетский корпус, находившийся под патронажем императора.

Указом от 21 марта 1762 г. монастырские имения были подчинены гражданским коллегиям, а монастырские крестьяне переведены в ведение государства, им передавались в вечное пользование пахотные земли монастырей. Для содержания духовенства царь назначил «собственное жалованье». Таким образом, Церковь, лишенная огромной собственности и даровой рабочей силы, стала одним из сильных противников нового русского самодержца.

Большим ударом для российской знати явился указ о «бессребрености службы», запретивший дарить чиновникам крестьянские души и государственные земли. Знаками поощрения отныне могли быть только официальное жалование в чин, медали

и ордена.

Деятельность Петра в социально-политической области не менее значительна: введение гласного суда, ограничение личной зависимости крестьян, повышение роли купечества в обществе. Большую роль в проводимых реформах играли пользовавшиеся доверием государя Д. В. Волков, генерал-прокурор Сената А. И. Глебов и директор Кадетского корпуса А. П. Мельгунов. Эти люди подготовили много важных и, несомненно, полезных для России документов, которые получили одобрение Петра. Однако бóльшая часть новаций не была воплощена в жизнь в силу не только объективных, но и субъективных обстоятельств, среди которых персона самого Петра III играла далеко не последнюю роль.

Император совершил много серьезных ошибок, одна из которых стало для него роковой. Речь идет о ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел – секретной политической полиции Российской империи, которая за 37 лет существования стала одним из символов государственной власти. Служители «слова и дела» внушали страх представителям всех сословий. Информация о пытках, применявшихся при допросах, привела к тому, что русское общество стало отождествлять канцелярию с инквизицией.

Седьмого февраля 1762 г. в 10 часов утра Петр I приехал в Сенат и там объявил свою волю:

«Канцелярию тайных розыскных дел уничтожить и [отныне] оной не быть, а уч[редить] при Сенате особую экспедицию на тако[м основании], как было при государе императоре [Петре] Втором…».[193]

Через две недели, 21 февраля, манифестом императора Тайная канцелярия была ликвидирована. Обоснование формулировалось следующим образом:

«Ненавистное выражение, а именно „слово и дело“, не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем употреблять оное никому; о сем, кто отныне оное употребит, в пьянстве или в драке, или избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как в полиции наказываются озорники и бесчестники».[194]

Если принять за основу предположение, что политическая полиция была упразднена из-за желания императора устранить практику ложных доносов и пытки, то такое его стремление, наряду с введением гласного суда, является весьма демократичным и намного опережающим свое время. Однако для ликвидации канцелярии у Петра имелась еще одна причина. Как мы уже упоминали, это ведомство занималось не только политическим сыском, но и контрразведкой, в том числе против

Пруссии. Поэтому вполне логично, что решение об упразднении было принято по «весьма настоятельному прусскому совету», из желания угодить Фридриху II, кумиру Петра. Работа прусской секретной службы в тот период характеризовалась чрезвычайной эффективностью именно в связи с прямым влиянием Фридриха на российского императора.

В любом случае, ликвидация политической полиции как института защиты основ государственности (говоря современным языком, конституционного строя) без одновременного создания других защитных механизмов совершенно недопустима. Одним росчерком пера Петр разрушил отлаженную систему предупреждения, выявления и пресечения попыток отстранения законного государя от власти – структуры, способной добывать необходимую информацию и использовать ее для устранения угрозы на ранних стадиях. Вероятно, что именно окружение государя, в том числе и его политические противники, сделали все для того, чтобы он выпустил из рук контроль над политическим сыском, передав его Сенату.

Можно предположить, что, имея собственную секретную службу, Петр смог бы избежать печальной участи. Проанализировав реформы, толковые аналитики секретной службы (а такие в России были всегда) смогли бы определить круг недовольных. Затем – оперативная разработка отдельных лиц из этого круга для установления доказательств их причастности к антигосударственной деятельности и арест заговорщиков либо судейским чиновникам, либо оперативными работниками, либо преданным государю силовым подразделениям.

Подобные подразделения в распоряжении Петра имелись. В 1755 г., еще наследником престола, он начал создавать собственную гвардию, костяк которой первоначально составляли выходцы из Голштинии. К 1762 г. ее общая численность не превышала 3500 человек, из них около двух тысяч были голштинцами, остальные – пруссаки, гессенцы, лифляндцы, шведы и малороссы. Гвардия, имевшая на вооружении около тридцати орудий, дислоцировалась в Ораниенбауме.

Двенадцатого марта 1762 г. Секретная экспедиция секретаря Б. Сахарова[195] подала в канцелярию генерал-прокурора список служителей Канцелярии тайных розыскных дел и ее московской конторы. Пятнадцатого марта их судьбу решали генерал-прокурор А. И. Глебов и обер-прокурор П. Н. Трубецкой, поставленные на эти должности Петром III сразу после восшествия на престол. Служителей упраздненной канцелярии в количестве десяти человек (сенатский секретарь С. Шешковский, штаб-лекарь Х.

Геннер, протоколист М. Зотов, регистратор И. Емельянов, канцелярист И. Зряхов, подканцеляристы П. Иванов, И. Соколов и А. Шмагин, копиисты Н. Козин и Д. Войлоков) решили зачислить «в учреждаемую при Сенате экспедицию до будущего указа». Таким образом, *Экспедиция тайных дел* (*Тайная экспедиция при Сенате*) полностью унаследовала весь штатный состав упраздненной канцелярии.

Первоначально экспедицию присоединили к Секретной экспедиции Сахарова, но Шешковский и его люди трудились в Петропавловской крепости. К началу апреля новую структуру по привычке стали именовать «тайной» или «секретной». Отметим, что приговоры, вынесенные сенаторами, исполнялись без конфирмации Петра III.

Верные люди из окружения государя не раз указывали ему на подозрительную активность его супруги, но Петр на предупреждения не реагировал. Фридриху II он писал, что солдаты зовут его отцом и не хотят повиноваться женщине, что он гуляет один пешком по улицам Петербурга. Это как нельзя лучше раскрывает характер императора, уповавшего более на Бога, чем на своих подданных. Возможно, однако, что Петр понимал исходившую от жены угрозу. Некоторые современники упоминают о намерении государя развестись с Екатериной и жениться на Е. Воронцовой – якобы он хотел объявить об этом после празднования своего тезоименитства 28 июня 1762 г.

Тем временем Екатерина, жившая в Петергофе, активно собирала сторонников, возлагая особые надежды на гвардейских офицеров. Напомним, что политические интриги она вела еще при Елизавете. Так, в 1756 г. она писала своему политическому советнику – английскому посланнику Ч. Уильямсу, как будет действовать, если Шуваловы, в случае внезапной смерти государыни, предпримут попытку отстранить Петра от власти в пользу Павла Петровича.

К лету 1762 г. в заговоре против императора состояли: граф Н. И. Панин; граф П. И. Панин; княгиня Е. Р. Дашкова (в девичестве Воронцова) – ближайшая подруга и компаньонка Екатерины; князь К. И. Дашков – один из лидеров петербургской масонской организации; князь М. Н. Волконский. Особо ценной для заговорщиков была поддержка главного директора над всеми полициями барона Н. А. Корфа и шефа Измайловского полка графа К. Г. Разумовского, а также офицеров лейб-гвардии во главе с братьями Орловыми. По мнению ряда историков, к заговору были причастны и влиятельные международные масонские круги, которых в окружении Екатерины представлял таинственный «господин Одар». По мнению датского посланника и доверенного

агента датского двора А. Шумахера, очевидца событий, под этим именем скрывался известный граф Сен-Жермен.

Скорее всего, заговорщики имели информацию о намерении Петра развестись с супругой после 28 июня и тоже готовились к этой дате. Подтверждением сказанному может служить тот факт, что 26 июня участвовавшие в заговоре офицеры-гвардейцы стали спаивать солдат столичного гарнизона. На занятые Екатериной у английского купца Фельтена деньги (официальная мотивация займа – покупка драгоценностей) было закуплено более 35 тысяч ведер водки. Таким примитивным (но весьма эффективным) способом не участвовавшие в заговоре полки «выбивались» из игры, поскольку теряли способность к сопротивлению. К сожалению, и в настоящее время алкоголь является одним из наиболее опасных противников солдата. Каждый, кто участвовал в боевых действиях или специальных операциях, может привести примеры гибели тех, кто польстился на бесплатную выпивку.

Однако заговорщики не ограничивались раздачей водки – их главным оружием стали слухи. В петербургских домах шептались, что Петр решил заточить Екатерину в Шлиссельбургскую крепость или убить, что государь решил переженить голштинцев и пруссаков на придворных дамах, что православных священников заставят носить платье лютеранских пасторов и обреют им бороды и т. п. В XX в. Й. Геббельс сформулировал подобную методику в одной фразе: «Ложь, для того чтобы в нее поверили, должна быть чудовищной».

Между тем план заговорщиков чуть было не сорвался: в конце июня 1762 г. между солдатами распространился слух, будто императрица погибла. Двадцать седьмого июня один из солдат-преображенцев рассказал об этом капитан-поручику П. Б. Пассеку, добавив, что среди солдат могут начаться волнения. Видя, что Пассек не намерен ничего предпринимать, преображенец отправился к капитану В. П. Измайлову. Измайлов немедленно отправился с докладом к майору П. П. Воейкову. Воейков арестовал Пассека и отправил донесение в Ораниенбаум, императору. Петр распорядился немедленно доставить Пассека для допроса. Однако отсутствие полноценной секретной службы и вполне возможный саботаж со стороны генерал-полицмейстера Н. А. Корфа привели к тому, что про изошла утечка информации. Понимая, что заговор может быть раскрыт, при частные к нему действовали решительно. Утром 28 июня Екатерина Алексеевна покинула Петергоф и направилась в столицу, где солдаты гвардейских полков принесли ей присягу как императрице. Однако даже в гвардии единодушной поддержкой мятежники не пользовались: если измайловцы и семеновцы практически сразу

перешли на сторону Екатерины, то преображенцы колебались и кричали, что «умрут за Петра». И только после ареста ряда офицеров-преображенцев (С. Р. Воронцова, П. И. Измайлова, П. П. Воейкова и др.) полк перешел на сторону бунтовщиков.

Известие о мятеже застало Петра III в Петергофе, куда к середине дня прибыл из Петербурга генерал-поручик М. Измайлов. Голштинские гвардейцы заверили государя, что будут защищать его до самой смерти, но Петр, будучи личностью импульсивной, но нерешительной, колебался и отдавал противоречившие друг другу приказы.

По нашему мнению, оптимальным вариантом для него являлась немедленная эвакуация в Лифляндию и Восточную Пруссию, где была расквартирована действующая армия под командованием преданного Петру генерала П. А. Румянцева. Даже не имея заранее отработанных маршрутов эвакуации, под защитой кавалерийских подразделений, сохранивших верность государю, это было вполне выполнимо. В качестве заслона от возможного преследования следовало использовать пехотные и артиллерийские части голштинцев, поручив командование ими фельдмаршалу Миниху, которого Петр возвратил из двадцатилетней (!) ссылки. (Позже в ответ на вопрос Екатерины Миних признался, что «хотел жизнью своей пожертвовать за государя, который возвратил ему свободу».)

Некоторые авторы называют еще на два варианта действий: двинуться на Петербург или укрыться в Кронштадте. Первый вариант мог иметь шансы на успех только в том случае, если бы Петр опирался на поддержку армейских полков столичного гарнизона, но те, как вы уже знаете, оказались выведены из игры «Ивашкой Хмельницким». Кроме того, Екатерина с гвардией в 10 часов выступила в Петергоф, так что встреча противоборствующих сторон произошла бы в полевых условиях, при значительном (три к одному) численном перевесе мятежников.

Отступление в Кронштадт имело тот недостаток, что у императора отсутствовали суда для переброски (одновременно с ним) голштинской гвардии на о. Котлин. Еще один важный момент – сторонники императора не располагали точной оперативной информацией о настроениях в гарнизонах Петербурга и Кронштадта. Не следует забывать, что столичное дворянство и духовенство в подавляющем большинстве поддерживали Екатерину.

Как нам кажется, эвакуацию Петра в действующую армию, с учетом отрицательного отношения армейских офицеров к гвардии, следует считать более предпочтительной, чем указанные

варианты. Время и возможности для организации эвакуации у императора были, но не было главного – воли к активному сопротивлению. Утром 29 июня Петр III был арестован; ему пришлось подписать заранее составленный манифест об отречении от престола.

Фридрих II оценил действия заговорщиков как «безумные», а заговор – как «плохо составленный»; прусский король справедливо считал, что российского государя погубил недостаток мужества.

Низложенного Петра отправили в Ропшу «под тщательное наблюдение» екатерининских гвардейцев и 7 июля 1762 г. задушили. Официально было объявлено, что император скончался «от геморроидальных колик». По отношению к конкурентам в борьбе за престол Екатерина предпочитала действовать по известному принципу «Нет человека – нет проблемы», придерживаясь убеждения, что политика редко подчиняется нравственным законам.

Глава 6
Мятежи и революции набирают силу

Совершенно надейтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мне поведение, вас не выдам.

Екатерина II

Первейшей задачей Екатерины Алексеевны после восшествия на престол было убедить подданных в том, что целью переворота являлось избавление страны от «ничтожества» и «солдафона». В Петербурге свержение Петра восприняли достаточно благосклонно, но в Москве и провинции дело обстояло иначе. Секретарь французского посланника К. Рюльер свидетельствовал, что при оглашении манифеста в Москве в солдатских рядах роптали, что гвардия «вертит» престолом по своей воле.

Формирование негативного мнения о «почившем» Петре III достигалось различными способами, в основном устной пропагандой и письменными «свидетельствами» очевидцев. Одновременно был усилен контроль над распространением позитивной информации о свергнутом императоре. Любое лицо, уличенное в симпатиях к Петру, мгновенно подвергалось опале. Голштинскую гвардию расформировали: около 1800 человек отправили на родину, около 1300 уволили либо снова приняли на русскую службу. Отбором кандидатов занимался, в числе других, и генерал-поручик В. И. Суворов.

Вскоре после смерти Петра императрица посетила Шлиссельбург, где находился в заключении Иван VI Антонович, низложенный Елизаветой Петровной в декабре 1741 г. Ознакомившись с условиями содержания царственного узника, Екатерина дала секретное указание караульным офицерам «умертвить» его в случае попытки освобождения.

В первые три месяца правления государыня практически не вмешивалась в деятельность службы политического сыска, и Тайная экспедиция при Сенате продолжала работать в соответствии с указами прежнего императора.

Как и в начале правления Елизаветы, гвардейцы, совершившие переворот, могли стать серьезной угрозой безопасности самой императрицы, и Екатерина прекрасно понимала это. Осенью 1762 г. в письме к Станиславу Понятовскому она писала о вынужденной необходимости вести

себя осторожно.

Основным назначением гвардейских полков стали охрана престола и (отчасти) подготовка офицеров для армии, при этом последнее оставляло желать лучшего. Керсновский справедливо указывал:

«Недоросли из дворян <…> писались в гвардию в раннем детстве, зачастую от рождения. <…> Производство их в унтер-офицерское звание и первый офицерский чин шло заочно, „за выслугу лет“ – и очень многие „уходили в отставку“, так и не увидев своего полка! Те же, кто являлся в полки, несли легкую и приятную службу. <…> Когда им приходила очередь заступать караулы, слуги несли их ружья и амуницию. Службу за них отправляли гвардейские солдаты, взятые по набору (сдаточные) и служившие без всяких поблажек».[196]

Подобная ситуация в истории России часто повторялась: осыпанные милостями «придворные» подразделения постепенно разлагались. Не участвуя в сражениях, они теряли боевые традиции; офицерский состав не занимался боевой подготовкой и воспитанием солдат; утрачивалось чувство товарищества. Именно здесь кроются корни «дедовщины» и ничем не оправданные потери в боях. Между тем с государственной точки зрения боеспособность любого подразделения определяется заботой о солдате и постоянным надзором за состоянием военных коллективов.

Не имея реальной возможности контролировать гвардию в начале своего царствования, Екатерина II прибегла к помощи уже имеющихся специальных институтов, одновременно создавая собственные. Второго октября генерал-прокурор Сената А. И. Глебов получил монаршее указание рассматривать совместно с тайным советником Н. И. Паниным дела о государственных преступлениях. Поручив контроль над Тайной экспедицией доверенным лицам, императрица могла контролировать их деятельность. Экспедиция, как и предшествующие ей структуры, объединила политический сыск и отчасти службу контрразведки. Основной ее резиденцией оставалась Петропавловская крепость. Вторым секретным органом контрразведки была Коллегия иностранных дел.

Практика формирования временных следственных комиссий для рассмотрения особо опасных государственных преступлений была сохранена. Уже 3 октября по указу императрицы особая комиссия в составе гетмана Малороссии графа К. Г. Разумовского, генерал-поручика сенатора В. И. Суворова и генерал-поручика Ф. Ф. Вадковского начала секретное следствие по делу братьев Гурьевых (Петра, Ивана и Семена) и братьев Хрущовых (Петра и

Алексея). Заговор, о котором идет речь, возник в среде гвардейских офицеров в самом начале царствования Екатерины II в пользу шлиссельбургского узника Ивана Антоновича. Однако силами широкой агентуры и оперативными мероприятиями он был раскрыт, а участвующие в нем осуждены и сосланы в Якутск и на Камчатку.

Манифестом от 19 октября 1762 г. императрица подтвердила решение Петра III о ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел. Однако, хорошо понимая значение политической полиции, она, как и ранее ее муж, передала расследование государственных преступлений в ведение Сената. Московская контора Тайной экспедиции подчинялась непосредственно главнокомандующему в Москве,[197] в 1763–1771 гг. генерал-фельдмаршалу П. С. Салтыкову, имевшему прямой выход лично на императрицу.

Вместе с тем продолжалась практика формирования временных следственных комиссий для рассмотрения особо опасных государственных преступлений. Весной 1763 г. в гвардии произошли очередные брожения, связанные со слухами о возможном браке императрицы и Григория Орлова. Главой группы сообщников, недовольных братьями Орловыми, стал камер-юнкер и ротмистр конной гвардии Федор Хитрово. Он привлек к себе еще двух офицеров: Михаила Ласунского и Александра Рославлева. Заговорщики планировали уговорить государыню отказаться от брака с Орловым, а если она не согласится, то убить всех братьев. Но информация о планах заговорщиков стала известна властям, и императрица поручила следствие В. И. Суворову.

Двадцать четвертого мая Екатерина II писала сенатору из Ростова:

«По получении сего призовите к себе камер-юнкера князя Ив. Несвижского и прикажите ему письменно вам подать или при вас написать все то, что он от камер-юнкера Федора Хитрова слышал, и по важности его показания пошлите за Хитровым, и, если придет[ся] арестовать его, Хитрова, тогда для дальнейшего произвождения оного дела призовите себе в помощь кн. Мих. Волконского и кн. Петра Петр. Черкасского и рапортуйте ко мне, как часто возможно. Я при сем рекомендую вам поступать весьма осторожно, не тревожа ни город и сколь можно никого; однако ж таким образом, чтоб досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предприятием. Впрочем, по полкам имеете уши и глаза».[198]

Из последней фразы можно сделать предположение, что именно Суворов имел самое непосредственное отношение к

осуществлению негласного контроля над настроениями в гвардейских полках с помощью секретных сотрудников.

Следствием было установлено, что на жизнь императрицы заговорщики посягать не намеревались, а планировали лишь устранение братьев Орловых. Поэтому Екатерина ограничилась тем, что сослала Ф. Хитрово в его имение – село Троицкое Орловского уезда, где он и скончался в 1774 г. М. Ласунского и А. Рославлева уволили с военной и дворцовой службы в чинах генерал-поручиков. От замужества с Орловым Екатерина II отказалась, чему немало способствовал воспитатель цесаревича Павла Петровича Никита Панин, который, по преданию, заявил: «Императрица может делать все что ей угодно, но госпожа Орлова не будет нашей императрицей…»

Наряду с контролем над Тайной экспедицией Н. Панин руководил Коллегией иностранных дел, то есть одновременно заведовал как дипломатией, так и российской внешней разведкой. Он действовал в соответствии с правилами того времени: «Дипломат XVIII века <…> был вправе вербовать себе открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц, что вообще было в порядке вещей».[199] Поскольку Панин считался признанным мастером конспирации и тайных межгосударственных интриг, государыня всегда внимательно прислушивалась к его советам. Денег на организацию агентурных сетей за границей (в том числе агентов влияния) тогда не жалели. Только в Польшу на специальные цели в 1763 г. было направлено более одного миллиона рублей (!) – огромные по тем временам средства.

В июле 1764 г. поручик Смоленского пехотного полка В. Я. Мирович предпринял попытку освободить законного, по его мнению, государя Ивана VI, но последний был убит офицерами охраны капитаном Власьевым и поручиком Чекиным, исполнившими личный секретный приказ государыни. Дело Мировича вел генерал Веймар, в сентябре мятежник был осужден Сенатом и казнен.

Мы полагаем, что неудачная попытка освободить Ивана Антоновича вполне могла быть инициативой самой императрицы. Во-первых, кандидатура Мировича была идеальной с точки зрения психологии. Его дед, сторонник гетмана Мазепы, бежал в Польшу. Отец тайно ездил в Польшу, за что был сослан в Сибирь. И вдруг этого человека включают в состав караула при секретном государевом узнике! Во-вторых, Екатерина II запретила пытать Мировича и привлекать к следствию его брата, что противоречит сложившейся следственной практике тех лет. Таким образом, «заговор» Мировича, скорее всего, одна из первых успешных

специальных операций новой секретной службы Ее Величества по устранению возможного и «более законного», чем сама государыня, претендента не престол.

В 1764 г. А. И. Глебова на посту генерал-прокурора сменил А. А. Вяземский. При назначении государыня советовала Вяземскому надеяться на Бога и на нее, – ведь она «не выдаст». Особо отметим, что наград, званий и денег для инициативных помощников Екатерина никогда не жалела и действительно не сдавала тех, кто ей преданно и профессионально служил. Успехи длительного царствования во многом предопределили личные качества Екатерины и ее мудрая кадровая политика.

Основной фигурой в Тайной экспедиции был обер-секретарь С. И. Шешковский, остававшийся на этом посту вплоть до 1792 г. Агентурно-наблюдательной сетью в Санкт-Петербурге заведовал генерал-полицмейстер Н. И. Чичерин. Аналогичную работу в Москве проводил с 1765 г. обер-полицмейстер В. И. Толстой.

В отличие от гвардии, в действующей армии происходили позитивные изменения. В конце Семилетней войны по инициативе Румянцева в ее составе был создан батальон легкой пехоты, предназначенный для действий на флангах и в засадах. В 1764 г. в Финляндской дивизии (военном округе) П. И. Панин сформировал опытный егерский батальон, боевая подготовка и тактика которого строились с учетом действий на сильно пересеченной местности. Инициативу боевых генералов поддержала и Екатерина II. Опыт оказался удачным, и в 1765 г. был сформирован Егерский корпус, разделенный на отдельные команды (современные роты), каждая численностью 66 человек при одном офицере, приданные двадцати пяти пехотным полкам.

Термин «егерь» (от нем. *Jager* – охотник) удачно отражает тактику легкой пехоты: выследить добычу, скрытно подойти на расстояние прицельного выстрела и «поразить цель верно с первого раза». Первый боевой опыт штатные егерские команды приобрели во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Отметим, что большинство прославивших русское оружие на рубеже XVIII–XIX вв. военачальников (А. В. Суворов, И. В. Гудович, М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион и др.) в разное время командовали именно егерями. Не исключено, что овладение егерской тактикой, предполагавшей достаточно широкую по тем временам самостоятельность мышления, инициативу и отход от шаблонов, стало основой их великого полководческого искусства.

В 1765 г. А. Г. Орлов был командирован на юг России с секретным поручением – выполнив его, он предупредил готовившееся там восстание среди казаков и татар.

В том же году в далекой Америке, которая пока еще была заморской колонией Англии, происходили тревожные для метрополии события. Неразумная налоговая политика английского правительства привела к возникновению в Бостоне тайной оппозиционной организации, получившей громкое название «Сыны свободы». Лидером новой организации стал Сэмюэл Адамс; его знаменитая фраза «Нет налогам без представительства» стала девизом этой организации. Британские секретные службы, боровшиеся со своими иностранными «коллегами» в условиях Семилетней войны 1756–1763 гг.,[200] просмотрели зарождение оппозиции в среде колонистов. В 1767 г. ситуация с налогами усугубилась, и население тринадцати североамериканских колоний все более разделялось на «патриотов» (сторонников независимости) и «лоялистов» (сторонников британской короны).

* * *

В России в 1767 г. императорским указом права доносить на своих помещиков были лишены крепостные крестьяне и лица, не имеющие чинов; дворяне, купцы и чиновники это право сохранили. Доносы по «первым двум пунктам» и по делам, касающимся хищения государственной казны, как и прежде, поступали в Тайную экспедицию или ее московскую контору. Доносам купцов на дворян или мелких чиновников на крупных придавалось меньшее значение, чем доносам дворян на представителей других сословий.

В области внешней политики российские секретные службы действовали быстро и решительно, причем, если надо, то и силовыми методами (в качестве ответной меры). Еще в сентябре 1762 г. король Франции Людовик XV направил своему послу и одному из главных резидентов в Петербурге барону де Бретею инструкцию, в которой определил цель своей политики в отношении России – удалить ее от европейских дел: «Все, что может ввергнуть ее в хаос и заставить вновь погрузиться во тьму, отвечает моим интересам».[201] И полгода спустя: «Нациям, придерживающимся здравой политики, не подобает безмятежно взирать на то, как Россия, едва сбросив свои прежние варварские одежды, стремительно пользуется новым своим положением, чтобы расширить свои границы и приблизиться к нам. Страна, которая может послать за свои пределы великолепные армии, чья торговля простирается до самых скрытых и отдаленных точек Азии, чьи войска нынче закалены в боях, а власть государя

абсолютна и деспотична, должна с полным основанием почитаться опасной».[202]

В 1767 г. Екатерина II через посла в Варшаве Н. В. Репнина, выполнявшего ряд ее секретных поручений, инициировала принятие конституции Речи Посполитой и добилась признания сеймом свободы вероисповедания и доступа ко всем должностям для православных и протестантов. Это вызвало сильнейшее негодование среди католических иерархов Польши. В октябре 1767 г. в одну ночь были захвачены и отправлены в Россию вожаки католической оппозиции: епископы Солтык и Залусский, а также гетман Ржевусский с сыном. Ожесточенное противодействие русской экспансии в Польше оказывали не столько поляки, сколько Ватикан, Турция и Франция, заинтересованные в ослаблении России. Столкновение интересов привело к началу боевых действий русских войск против войск Барской конфедерации в марте 1768 г. Уже тогда к конфедератам был направлен в качестве военного советника французский драгунский капитан шевалье Пьер де Толь де Домек.

В сентябре 1768 г. отряд казаков, преследуя отступающих конфедератов, вошел в город Балта, вторгшись, таким образом, на территорию Османской империи. Используя этот инцидент, султан Мустафа III объявил России войну, продолжавшуюся до 1774 г. Особую роль в объявлении войны сыграл французский посол и резидент в Турции Шарль Гравье Вержен.

В этих условиях большое внимание уделялось обеспечению секретности при переписке русских посольств и резидентур со столицей. При составлении депеш следовало пользоваться не одним, а несколькими шифрами. Особо отмечалось, какой именно «цыфирью» зашифрована корреспонденция. Не меньшее значение Н. И. Панин придавал дешифровке переписки иностранных посланников в России с их монархами. Дешифровальную службу возглавил Ф. Эпинус. «Черные кабинеты», вскрывавшие, копировавшие и дешифровавшие корреспонденцию, работали при Екатерине II эффективно: нередко императрица читала дешифрованные депеши дворов к своим послам в Санкт-Петербурге раньше получателей корреспонденции. В 1771 г. только из переписки прусского посла (читай – резидента) было перехвачено 150 депеш, зашифрованных несколькими шифрами. К этому времени вскрывалась уже вся зарубежная корреспонденция без исключения. Сама императрица относилась к сохранению тайны информации очень серьезно. Она лично составляла и запечатывала письма и, чтобы сохранить в секрете их содержание, ни с кем не держала совета.

Одновременно был усилен надзор за внутренними делами в

Российской империи. В 1769 г. властям стало известно о намерении офицеров Преображенского полка Афанасьева, Жилина, Озерова и Попова свергнуть Екатерину II и провозгласить императором Павла Петровича. Следственную комиссию возглавил Никита Панин, в нее вошли генерал-прокурор Сената Вяземский, генерал-полицмейстер Петербурга Чичерин и кабинет-секретарь И. П. Елагин. Расследование установило виновность офицеров, которые были лишены чинов и дворянства, после чего приговорены к заключению в крепость или сосланы в Нерчинск и на Камчатку.

В 1770 г. яицкие казаки воспротивились приказу Военной коллегии направить несколько сот человек в Кизляр на формирование Терской пограничной линии. Оренбургский генерал-губернатор И. А. Рейнсдорп отправил в Яицкий городок следственную комиссию во главе с генерал-майором И. И. Давыдовым. Давыдов распорядился арестовать 43 казака, признанных в качестве зачинщиков. При конвоировании арестованных в Оренбург казаки войсковой стороны напали на конвой и отбили 23 человека. Когда в январе 1771 г. калмыки подались в Китай, рядовые казаки отказались подчиниться приказу оренбургского генерал-губернатора отправиться за ними в погоню. Причины отказа – невыплата жалованья, недовольство войсковыми старшинами и «наличие якобы грамоты от Екатерины II, повелевавшей „казаков никуда не наряжать“».[203] Яицкие казаки отправили в Санкт-Петербург делегацию во главе с сотником И. В. Кирпичниковым. Пробыв в столице больше полугода, челобитчики подали петиции графам З. Г. Чернышеву и Г. Г. Орлову, а также самой императрице, но Екатерина приказала арестовать просителей. Шесть человек из двадцати попали в острог, остальные во главе с Кирпичниковым сумели сбежать из Петербурга в Яицкий городок.

В кабинетах Версаля главенствовало убеждение, что лучшим инструментом против возрастания русского влияния в Европе является смута в самой России. К тому же Франция стремилась подорвать русское влияние в Польше. В инструкциях, составленных в 1769 г. в Петербург, говорится:

«Король желает, чтобы настоящая война между Россией и Турцией длилась достаточно времени для того, чтобы Петербургский двор, униженный или по крайней мере истощенный, еще долго не мог и помыслить злоупотребить своим чрезвычайно выгодным положением в окружении слабых государств, дабы угнетать их и через то вмешиваться в общеевропейские дела, как он к тому стремился по окончании двух предыдущих войн».[204]

В 1770 г. в Польшу из Франции в качестве высокопоставленного военного советника был направлен генерал Ш. Ф. Дюмурье. В мае 1771 г. отряд Дюмурье был разбит при Ланскороне А. В. Суворовым, после чего неудачливого француза отозвали на родину. Ему на смену прибыл барон де Виомениль с двадцатью преданными офицерами, а другой резидент французского двора – шевалье де Мирине – секретно доставил деньги для конфедератов.

Летом 1770 г. для организации боевых действий в Молдавии и Валахии к конфедератам из Константинополя прибыл опытный французский разведчик полковник М. де Валькруассан. Он был принят на службу к повстанцам и произведен в генерал-майоры. Валькруассан предложил туркам сформировать отдельный корпус из валахов, венгров, молдаван, поляков и трансильванцев, чтобы с их помощью вести боевые действия против России и отвоевать Валахию, занятую русской армией. Но денег для набора войск от Османской Порты генерал не получил и решил перейти к тактике партизанской войны. В начале 1771 г. Валькруассан обосновался в Покутье, между реками Прут и Черемош, откуда стал тревожить русские обозы, следующие из Польши в дунайские княжества. Однако поражения турецких войск лишило его всякой возможности активно претворять в жизнь партизанско-диверсионную тактику французского двора под турецким флагом.

Осенью 1771 г. после подавления трехдневного Чумного бунта, вызванного религиозной истерией, в Москве были сменены высшие должностные лица. Генерал-губернатором был назначен генерал-аншеф М. Н. Волконский (занимал этот пост в 1771–1780 гг.), а на место обер-полицмейстера вместо Н. И. Бахметева заступил Н. П. Архаров, который одновременно стал заведовать и агентурно-наблюдательной сетью в Москве. Кроме того, Архаров был отменным следователем, и Екатерина не раз приглашала его в Санкт-Петербург для расследования наиболее запутанных дел. Именно тогда его сотрудников начали называть «архаровцами» – за санкционированную свыше вседозволенность.

В декабре 1771 г. генерал-майора Давыдова заменил генерал-майор М. М. Траубенберг, прибывший в Яицкий городок в сопровождении отряда солдат под командованием капитана гвардии С. Д. Дурново. К этому моменту в Яицком войске обострились разногласия между основной «войсковой» и «старшинской» сторонами. Применяемые Траубенбергом наказания, а также приказ арестовать вернувшихся из Петербурга жалобщиков во главе с Кирпичниковым вызвали вспышку негодования среди казаков. А после того как 13 января 1772 г. генерал приказал сделать залп из пушек по собравшейся возле

войсковой канцелярии толпе, казаки взялись за оружие. В ходе столкновения были убиты сам Траубенберг, войсковой атаман П. В. Тамбовцев и солдаты отряда Дурново (сам Дурново был тяжело ранен). На войсковом круге восставшие избрали новых старшин и незамедлительно отправили делегации к Екатерине II, великому князю Павлу Петровичу и оренбургскому генерал-губернатору Рейнсдорпу. Прибывшая в Санкт-Петербург делегация яицких казаков во главе с М. Г. Шигаевым была арестована и помещена в Петропавловскую крепость. Шестнадцатого февраля 1772 г. на Государственном совете было принято решение об отправке в Яицкий городок карательной экспедиции под командованием генерал-майора Ф. Ю. Фреймана. Прибывшая экспедиция 3–4 июня нанесла восставшим жестокое поражение. Бóльшая часть казаков сумела укрыться на дальних хуторах в междуречье Волги и Яика, а через год практически все они стали активными участниками восстания под руководством Е. И. Пугачева.

В том же году в Тайной экспедиции велось следствие и розыск по делу капралов Преображенского полка Оловянникова, Подгорого, Чуфаровского, подпоручика Тобольского полка Селехова и группы солдат, обвиненных в намерении убить Екатерину II и короновать Павла Петровича. Императрица внимательно следила за следствием и дала Вяземскому указание «гвардию на сей раз вычистить и корень зла истребить». Всех заговорщиков отправили в Нерчинскую каторгу навечно.

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. создалась ситуация, при которой в сфере русского влияния оказались Молдавия и Валахия. Король Пруссии Фридрих II, не желавший усиления Российской империи, предложил Екатерине план раздела Речи Посполитой между Пруссией и Россией. Императрица некоторое время сопротивлялась, но Фридрих привлек на свою сторону императора Австрии Иосифа II, личного друга и «ревностного союзника» Екатерины. В итоге 25 июля 1772 г. между Россией, Пруссией и Австрией была подписана конвенция о первом разделе Польши. В состав Российской империи вошли Восточная Белоруссия с городами Гомель, Могилев, Витебск, Полоцк и часть Ливонии; Пруссия получила воеводства Поморское (без Гданьска), Мальборкское, Хелминьское (без Торуня), бóльшую часть Иновроцлавского, Гнезненского и Познанского воеводств, а также Вармию; Австрии достались княжества Освенцимское и Заторское, южная часть Краковского и Сандомирского воеводств, Русское (без Холмской земли) и Белзское воеводства.

В начале августа российские, прусские и австрийские войска одновременно вошли в Польшу и заняли области,

распределенные между ними по соглашению.

Однако сторонники Барской конфедерации не сложили оружие, каждая крепость держалась максимально долго. Сопротивление противников польского короля и захватнической политики России было подавлено лишь к лету 1773 г. Несмотря на все предшествующие обещания, Англия и Франция на помощь конфедератам так не пришли, но при этом Франция активизировала свои подрывные операции против Российской империи.

Восстание («казацко-крестьянская революция») 1773–1775 гг. представляло серьезную угрозу для безопасности Российского государства. Оно началось во время длившейся уже пять лет русско-турецкой войны, а его лидер Е. И. Пугачев выступил под именем покойного государя Петра III.

Основной движущей силой восстания были яицкие казаки, которые в течение всего XVIII в. одну за другой теряли привилегии и вольности. Они еще помнили времена казачьей демократии и практически полной независимости казаков от Москвы. Вера в воскресшего «доброго царя» нашла отклик и среди крестьян, приписанных к заводам, которые мечтали вернуться в деревни, а также среди крепостных, положение которых в поместьях было немногим лучше.

Мы полагаем, что в своей основе восстание Емельяна Пугачева имело все признаки специальной операции, осуществленной при участии иностранных государств с целью организации массовой партизанской войны в тыловых районах России. Во время русско-турецкой войны через Константинополь в Россию были направлены несколько французских офицеров, принявших участие в организации пугачёвской армии. Турецкие военачальники также разрабатывали планы оказания поддержки бунтовщикам через Крым и Северный Кавказ. В марте 1773 г. Девлет-Гирей выступил из Тамани, но в августе, за месяц до начала восстания, его войска были разбиты на реке Гунделен в Кабарде. Соответственно, операционная линия Кавказ – Волга – Яик не была реализована в полной мере.

Финансирование армии Пугачева также осуществлялось из-за рубежа. В частности, французский посол в Вене принц Л. де Роган сообщал послу в Константинополе графу де Сен-При, что король готов предоставить ради осуществления своих замыслов любую возможную сумму. Из перлюстрированной переписки указанных выше дипломатов следовало, что в военной операции в поддержку Пугачева должны были участвовать французские офицеры и что Людовик XV послал в Константинополь офицера Наваррского полка и 50 тысяч ливров на расходы. «Не думайте,

что с заговорами покончено»,[205] – писал де Роган. Русский посланник в Вене князь Д. М. Голицын сумел завербовать одного из сотрудников французской миссии и получить копии процитированных депеш. За подстрекательство к бунту среди военнослужащих в 1774 г. был арестован француз на русской службе, полковник Ф. Анжели.

Народное войско Пугачева имело многие признаки военной организации, характерной для регулярной армии. В нем были учреждены Военная коллегия и Походная канцелярия, подразделения пугачевского войска имели знамена, в том числе одно из знамен голштинской гвардии. На территориях, контролировавшихся повстанцами, создавались подразделения и административные органы, выполнявшие военно-полицейские и административные функции. Подобные мероприятия могли быть осуществлены только с помощью компетентных специалистов.

Эта война характеризовалась ведением не только боевых рейдов, но и психологических операций, направленных на снижение морального духа российских войск. Действуя под именем покойного государя, Пугачев привлекал в свои ряды сторонников и старался убедить правительственные войска, что они сражаются с законным императором. В качестве примера приведем его указ от 19 сентября 1773 г.:

«Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю: как вы, мои верные рабы, регулярные солдаты, редовые и чиновные, напредь сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам Всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Федоровичу, до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положа оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданическую мне, великому государю, верность…».[206]

Некоторые историки считают, что Пугачев объявил себя императором Петром Федоровичем под влиянием раскольников. На первых допросах он показал, что мысль выдать себя за императора Петра III внушили ему раскольники Иосиф Коровка, добрянский купец Кожевников и иргизский «старец» Филарет. При встрече с последним якобы обсуждались два варианта измены престолу. По первому Пугачев должен был стать атаманом яицких казаков и увести их вместе с семьями к турецкому султану, по второму – объявить себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром Федоровичем, отцом законного наследника Павла, поднявшим казацкий мятеж с целью

свержения императрицы Екатерины II. После очной ставки с Кожевниковым и Коровкой Пугачев, однако, заявил, что оклеветал их.

Версия о «подсказке» раскольников подтверждается тем, что именно они устроили Пугачеву побег из казанской тюрьмы зимой 1773 г. Поскольку Петр III прекратил преследования раскольников за веру и весьма почитался ими, то это была лучшая кандидатура на роль «царя-освободителя». Местности, по которым проходили рейды Пугачева, были в те времена оплотом старообрядчества. Таким образом, внутренней движущей силой восстания отчасти являлась религиозная оппозиция.

Общая численность пугачевских отрядов была достаточно большой – свыше 50 тысяч человек, имевших на вооружении более ста артиллерийских орудий. Угроза трону и государству была действительно серьезной. Французский посланник Д. де Дистрофф писал в Париж, что текущие внутренние неурядицы волнуют Екатерину II больше, чем война с турками. Волнения императрицы имели под собой серьезные основания: еще свежи были в памяти события Чумного бунта в Москве и предшествующие восстания яицких казаков. В Москве и других городах был зачитан манифест Екатерины II «*О бунте казака Пугачева*».

Уже 13 ноября 1773 г. московский генерал-губернатор Волконский докладывал императрице о своем распоряжении обер-полицмейстеру:

«Употребить надежных людей для подслушивания разговоров публики в публичных сборищах, как то: в рядах, банях, кабаках, что уже и исполняется, а между дворянством также всякие разговоры примечаются».[207]

Обер-полицмейстер Архаров и его помощник Максим Иванович Шварц организовали разветвленную сеть агентуры. В кратчайшие сроки были обнаружены и нейтрализованы активные сторонники самозванца, публично высказывавшие одобрение «императору Петру III». Московские дворяне чувствовали себя, как в осажденном городе. Кроме того, в Москве было расквартировано шесть полков и два эскадрона гусар.

Розыск по делам участников пугачевского восстания возглавили Тайная экспедиция и ее московская контора. Этим делом они занимались в течение 1774–1775 гг. Подобным розыском занимались и другие учреждения – губернские канцелярии (главным образом, районов, охваченных мятежом), а также специальные секретные комиссии, созданные по распоряжению императрицы.

«Первым по времени, судя по протоколам, было дело лейб-

гвардии сержанта Петра Бабаева. <…> В январе 1774 г. <…> сержант Бабаев обвинялся в том, что при взятии Сорочинской крепости войсками восставших публично именовал Пугачёва „Величеством Петром Федоровичем <…> целовал у него руку. А после, смотря на него пристально и по разным сходным с покойным государем Петром приметам, признал его точно за истинного Петра, о чем всюду и всем сказывал и уверял“».[208]

Двадцать седьмого ноября 1773 г. на подавление пугачевского бунта был направлен генерал А. И. Бибиков, пользовавшийся особым доверием Екатерины. А через два дня императрица повелела Бибикову учредить и возглавить в Казани Секретную следственную комиссию для организации расследования причин мятежа. В Комиссию вошли гвардейские офицеры: капитаны А. М. Лунин и С. И. Маврин, поручик В. И. Собакин, подпоручик Г. Р. Державин и секретарь Тайной экспедиции И. З. Зряхов. Последний записывал и систематизировал сведения о начале мятежа и о первых шагах самозванца, чем особенно интересовалась императрица.

По докладу Г. Р. Державина о возможном бунте направленного в Поволжье Владимирского гренадерского полка Бибиков «писал секретно <…> к губернаторам Новгородскому, Тверскому, Московскому, Владимирскому и Нижегородскому, чтоб они, во время проходу полков в Казань мимо их губерний, а особливо гренадерского Владимирского, по дорожным кабакам приставили надежных людей, которые бы подслушивали, что служивые между собою говорят во время их попоек. Сие распоряжение имело свой успех, ибо по приезде в Казань получил он [Бибиков] донесение от Нижегородского губернатора Ступишина, что действительно между рядовыми солдатами существует заговор положить во время сражения пред бунтовщиками ружья, из которых главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны».[209]

Весной 1774 г. боевые действия переместились к Оренбургу, где скопилось до двух с половиной тысяч пленных, в числе которых были и некоторые вожаки мятежа. Двадцать шестого апреля Екатерина II предписала откомандировать в Оренбург Лунина, Маврина и Зряхова, оставив в Казани Собакина и Державина. Руководство вновь утвержденной Оренбургской секретной комиссией было возложено на оренбургского генерал-губернатора И. А. Рейнсдорпа. А после смерти Бибикова в апреле 1774 г. императрица поручила руководить комиссиями генерал-майору П. С. Потемкину.

«Солдаты Нарвского пехотного полка Ларион Казаков и Никита Копнин в мае 1774 года были осуждены Тайной

экспедицией к наказанию шпицрутенами <…> за намерение бежать из полка „в шайку к Пугачеву“ и за подговор к тому же других солдат.

В том же месяце группа солдат того же Нарвского полка в количестве 16 человек договорилась между собой о побеге к Пугачеву. <…>

Солдаты Преображенского полка, расположенного в Петербурге, Ляхов, Мясников и Филиппов были пойманы уже в Новгородской губернии. В Тайной экспедиции они сознались в намерении „идти на службу <…> к Пугачеву <…> чая получить от него <…> награждение“».[210]

У Екатерины был еще один повод для серьезных волнений. В 1773 г. в Италии появилась особа, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и А. Г. Разумовского. В истории она более известна как княжна Тараканова, хотя сама она этим именем никогда не пользовалась. До того как стать «Елизаветой II», новоявленная «великая княжна» поменяла около десяти имен и фамилий. Для нас особый интерес представляет то, что «наследницей российского престола» эта талантливая авантюристка (а точнее, инструмент в руках вездесущих европейских спецслужб) объявила себя именно в разгар пугачевского восстания. В августе 1774 г. командующий средиземноморской эскадрой А. Г. Орлов получил от «княжны» письмо с предложением вступить в ряды ее верноподданных. В нем Тараканова намекала на родственные связи с Пугачевым, называя последнего «князем Разумовским». Самозваная княжна не знала и не могла знать, что Орлов был доверенным лицом Екатерины II, которому неоднократно поручались тайные миссии. Доложив о полученном письме, граф получил приказ немедленно задержать самозванку.

В письме к Орлову от 12 ноября 1774 г. императрица приказывает:

«Я вас уполномочиваю чрез сие послать туда (в Рагузу. – *Авт.*) корабль или несколько, с требованием о выдаче сей твари <…> и в случае непослушанья дозволяю вам употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно; а буде без шума достать способ есть, то я и на сие соглашусь».[211]

Отметим, что Екатерина отдает четкий *письменный* приказ[212] о применении силы на чужой территории и не боится брать на себя ответственность за возможные международные осложнения.

С помощью тщательно разработанной и грамотно исполненной оперативной комбинации самозванка была

захвачена и весной 1775 г. доставлена в Петербург. Дело «княжны» Таракановой вел главнокомандующий Санкт-Петербурга А. И. Голицын.

Подавить же сопротивление пугачевцев удалось только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией (1774 г.), направив против бунтовщиков свыше двадцати полков под командой боевых генералов, в числе которых был и А. В. Суворов. В наказание за поддержку мятежников Яицкое казачье войско переименовали в Уральское, а реку Яик – в реку Урал. У войска отобрали всю артиллерию; оставшихся в живых участников восстания направили воевать на Кавказ. Следствием пугачёвского бунта стала и окончательная ликвидация Запорожской Сечи. Большинство запорожских казаков ушли в Турцию, использовав в качестве предлога для бегства рыбную ловлю в Черном море. Остальных в последней четверти XVIII в. переселили на Буг, а впоследствии и на Кубань.

Во время пугачевского бунта крайне обострились отношения императрицы с наследником престола великим князем Павлом Петровичем. Один из организаторов заговора против Павла I в 1801 г. генерал Л. Л. Беннигсен писал:

«Павел подозревал даже Екатерину II в злом умысле на свою особу. Он платил шпионам с целью знать, что говорили и думали о нем и чтобы проникнуть в намерения своей матери относительно себя. Трудно поверить следующему факту, который, однако, действительно имел место. Однажды он пожаловался на боль в горле. Екатерина II сказала ему на это: „Я пришлю вам своего медика, который хорошо меня лечил“. Павел, боявшийся отравы, не мог скрыть своего смущения, услышав имя медика своей матери. Императрица, заметив это, успокоила сына, заверив его, что лекарство самое безвредное и что он сам решит, принимать его или нет.

Когда императрица проживала в Царском Селе в течение летнего сезона, Павел обыкновенно жил в Гатчине, где у него находился большой отряд войска. Он окружил себя стражей и пикетами, патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предприятию. Он даже заранее определял маршрут, по которому удалился бы с войсками своими в случае необходимости: дороги по этому маршруту, по его приказанию, заранее были изучены доверенными офицерами. Маршрут этот вел в землю уральских казаков, откуда появился известный бунтовщик Пугачев».[213]

Если сказанное Беннигсеном – правда, то Екатерина имела основания относиться с подозрением к сыну. Тем более что

Пугачев не раз упоминал в своих речах наследника престола (пример: «Сам я царствовать уже не желаю, а восстановлю на царствие государя цесаревича»[214]). Восставшие приносили присягу не только «Петру III», но и Павлу Петровичу и его супруге Наталье Алексеевне. А. С. Пушкин со слов потомков А. И. Бибикова записал:

Вот один из тысячи примеров: великой князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его в случае тревоги может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были не что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: „Скажи своему брату, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчину“».[215]

Из этого примера видно, с какой тщательностью государыня контролировала все контакты цесаревича с военными и гражданскими лицами.

В 1775 г. были сформированы Донская и Чугуевская казачьи команды и лейб-гусарский эскадрон, образовавшие Собственный Ее Величества конвой – основу выездной охраны.

«Они выполняли функции конвоя при императорских выездах и путешествиях. Во время поездок в Москву на коронационные торжества императорский поезд сопровождали полки гвардии. При всех путешествиях для охраны выделялся конный конвой не только из конной гвардии, но и из армейских драгунских полков. В места остановок наряжались особые команды, как из гвардейских, так и из армейских пехотных полков. Там, где были императорские путевые дворцы и предусматривался длительный отдых и ночлег, такие команды возглавлял офицер и в его подчинении могло быть до нескольких десятков солдат. Офицеру готовили подробную инструкцию, в соответствии с которой он осматривал путевой дворец на предмет его пригодности и безопасности для августейшего посещения и выявлял случаи инфекционных болезней у местного населения. К домам, где обнаруживались подобные больные, выставлялись посты, а их обитателям запрещалось покидать свои подворья. В остановочные пункты, где нужно было лишь заменить лошадей и подводы, отправляли обычно унтер-офицера с несколькими рядовыми. Везде, где стояли подобные команды, их командир следил за тем, чтобы к прибытию императорского поезда было в наличии необходимое число сменных лошадей и необходимых подвод. В

момент приезда поезда команда выполняла обязанности караула. По прибытии государя в город или населенный пункт его встречали также расквартированные там армейские части и местные гарнизонные подразделения. По пути следования поезд встречали, выстроившись по обеим сторонам дороги, расквартированные поблизости армейские полки. Накануне проезда императора местные губернские власти обязаны были привести в порядок дороги, мосты, паромные переправы. Сами губернаторы со свитой встречали монархов у границ своих губерний и сопровождали их до границ соседних губерний. Все эти мероприятия обеспечивали охрану и безопасность монаршего путешествия».[216]

После подавления пугачевского бунта в губерниях были созданы нижние земские суды, выполнявшие функции сельской полиции, до этого не существовавшей вовсе. Деятельность сельской полиции регламентировалась «*Учреждением для управления губерний*» (1775). Земский исправник (капитан-исправник) и члены суда (четыре-пять человек) выбирались на уездном дворянском собрании и утверждались губернатором. Нижним судам подчинялись избираемые из крестьян сотские и десятские. Суды следили за порядком, исполняли решения вышестоящих властей и проводили предварительное следствие по уголовным делам.

Созданная Екатериной II за тринадцать лет после прихода к власти полноценная система безопасности успешно работала до самой ее смерти. Основными звеньями этой системы были: Коллегия иностранных дел, Тайная экспедиция, полиция, внешняя разведка и контрразведка, функционировавшие в рамках этих ведомств. Особо следует отметить, что государыня ежедневно принимала доклады генерал-полицмейстера Петербурга, генерал-прокурора Сената или главы Коллегии иностранных дел. Гвардия, егеря и конвой могли использоваться как силовая составляющая при проведении любых специальных операций. Многие гвардейские офицеры и иные преданные лица «в платье партикулярном или в мундире военном» в разное время выполняли особые доверительные поручения императрицы как в самой империи, так и далеко за ее пределами.

Эта сложная, разветвленная система была создана волей Екатерины, отличавшейся поразительным трудолюбием – порой она отдавала работе двадцать часов в сутки. Фридрих II однажды заметил, что во Франции четыре министра не работают столько, сколько эта великая женщина.

Императрица, помимо того что любила работать сама, умело подбирала помощников, сопоставляя личные качества

претендентов на ту или иную должность с интересами дела. Она оставила потомкам изложение принципов кадровой политики: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю света: по большей части оно скромно и [прячется где-нибудь] в отдалении. Доблесть не лезет из толпы, не жадничает, не суетится и позволяет забывать о себе».[217]

* * *

На другом конце света, в Северной Америке, в апреле 1775 г. началась Война за независимость США. В западной литературе эту войну часто называют революцией, что, учитывая цели, которые ставили перед собой войска Джорджа Вашингтона, не так уж и далеко от истины. Четвертого июля 1776 г. была подписана *Декларация независимости,* которая стала первым документом, в котором бывшие колонии именовались, как «Соединенные Штаты Америки».[218]

Уже с первых дней войны, которую король Англии Георг III охарактеризовал как бунт, секретные службы метрополии и колоний вступили в смертельную схватку.

«Американская революция была малой войной, постепенно переросшей в большую с усилением мощи провозглашенной республики и с укреплением идей свободы. Действительная роль секретной службы в этом колониальном конфликте была установлена и оценена лишь недавно.[219] Если бы мы полагались только на стандартные исторические труды, у нас создалось бы впечатление, что после того, как были повешены капитан Хэйл и майор Андре, а Бенедикт Арнольд нашел убежище в британском лагере, борьба за американскую независимость не знала фактов шпионажа или разведки, заслуженных быть отмеченными.

Однако генерал Вашингтон был слишком опытным воином, чтобы недооценивать значения правильной военной информации. <…>

Натан Хэйл был повешен в сентябре 1776 года <…>. По общему признанию, он допустил промах, обнаружив свое волнение при допросе англичанами, и тем вызвал в них подозрение; и все же своей неудачей он оказал благотворнейшее влияние на ход событий.

Случай этот стоил Хэйлу жизни, а Вашингтону – ценных сведений, которыми, как думали, Хэйл располагал в момент ареста; в связи с этим американский главнокомандующий убедился в необходимости создать секретную службу, более

тщательно организованную и способную давать менее обескураживающие результаты. Для организации бюро секретной службы первоначально намечался Джон-Морин Скотт, но по причинам, до сих пор не установленным, он был отрешен от этой должности еще до того, как закончил работу. После него вашингтонские власти возложили эту задачу на майора Бенджамина Толмеджа из 2-го полка легких драгун.

Толмедж, Натан Хэйл, его брат Инок и Роберт Таунсенд в 1773 году были однокурсниками в Йеле. Вполне возможно поэтому, что на выбор Толмеджа и, в дальнейшем, на еще более важное назначение Таунсенда повлияли сентиментальные соображения. Однокурсники Хэйла, надо полагать, были потрясены и всего больше возмущены жестоким обращением начальника британской военной полиции Каннингема с их товарищем. Возможно, что Толмедж сам просил, чтобы ему доверили организацию шпионажа поближе к Нью-Йорку.

Ясно, что он имел опыта не больше, чем Хэйл, но способность к разведывательным действиям, проявленная им позднее, и наличие тех инстинктов, которые у Хэйла отсутствовали, в основном явились одной из счастливых предпосылок удачи, без которой не была выиграна ни одна война.

Когда армейский майор переводится на работу в разведку, всегда можно предположить, что его перебросили из-за неважного вида, какой он имеет на лошади, или по неспособности командовать пехотным батальоном. Но когда во время войны гражданское лицо занимает ответственный пост в системе военного шпионажа, то более чем вероятно, что этот человек проверил свои возможности, заглянул в свою совесть и лишь после этого настойчиво потребовал назначения на этот пост.

Крупнейший сотрудник Бенджамина Толмеджа Роберт Таунсенд из Ойстер-Бэй (Устричной бухты), штат Нью-Йорк, дополняет список американских национальных героев еще одним именем, хотя оно мало известно и мало чтимо в самих Соединенных Штатах в наши дни. Однако в свое время Таунсенд был выдающейся фигурой американской секретной службы. По некоторым данным, он был избран лично генералом Вашингтоном; твердо установлено, что он снискал и сохранил доверие и благодарность главнокомандующего.

Когда Вашингтон предложил Таунсенду и Толмеджу взять на себя организацию и руководство секретной службой в Нью-Йорке, он этим, в сущности, просил их поставить на карту свою жизнь в борьбе против англичан, против опасного и мстительного контршпионажа ториев, и это – на все время войны. Гавань Нью-Йорка по своему расположению являлась идеальной базой для

воинских сил короля Георга. И Вашингтону, и любому наблюдательному повстанцу, вроде Таунсенда, было ясно, что остров Манхэттен, служащий базой сильного флота, блокирующего побережье и прикрывающего линии сообщения и снабжения, при постоянном притоке пополнения, орудий и боеприпасов является тем укрепленным пунктом, который последним перейдет из английских рук в руки Тринадцати колоний.

Шпионаж в такой близости к штабу, осложненный к тому же необычайной сложностью переправки донесений через линию фронта, был нелегкой задачей, для выполнения которой требовался многоопытный специалист, искушенный в работе и прошедший школу европейской разведки. Но Вашингтон не имел такого агента; к счастью, как оказалось, он и не нуждался в нем. Он имел Роберта Таунсенда, который, в свою очередь, располагал преданными и изобретательными друзьями.

Авраам Вудхолл, Остин Ро и Колеб Брустер с Толмеджем во главе являлись звеньями „цепи“, как сам Вашингтон назвал это содружество людей, столь добросовестно выполнявших его приказы. Вначале эти звенья цепи, крепко скованной и не ослабевавшей до тех пор, пока не была завоевана независимость Америки, маскировались кличкой „Сэмюэль Калпер“. Но после того как импровизированная система шпионажа доказала свою гибкость и силу, способы общения и конспирации были усовершенствованы. Вудхолл стал подписываться „Сэмюэль Калпер-старший“, а Таунсенд – „Калпер-младший“. До самого конца борьбы с англичанами майор – в дальнейшем полковник – Толмедж был известен как „мистер Джон Болтон“.

Таунсенд и Вудхолл были молоды, наделены воображением, богатством, занимали видное положение в обществе и представляли собой идеальную „ударную часть“, которую можно было бросить в район, наводненный ториями и перебежчиками. Таунсенд, имея дом в Ойстер-Бэй, жил в Нью-Йорке; он целиком „ушел в торговлю“ как владелец универсального магазина, служившего официальным прикрытием и заодно являвшегося первоклассным магнитом для клиентов-англичан, у которых можно было искусно выуживать нужные сведения.

Молодой Вудхолл жил в своем доме в Сетокете тихо и замкнуто, не вызывая ни в ком подозрений. Шифрованные сообщения, составляемые Таунсендом, передавались Вудхоллу через Остина Ро, который в области связи был тем же, кем был Таунсенд в области шпионажа, с той лишь разницей, что подвергался большему риску. Система „цепочки“ требовала, чтобы он, имея при себе уличающие документы, проводил

бóльшую часть времени на британской стороне фронта. Старинные документы (преимущественно счета на фураж) свидетельствуют, что он ездил на одной из лошадей генерала Вашингтона и держал ее в конюшне города Нью-Йорка.

Наилучшей маскировкой Ро было его незаурядное искусство верховой езды. В период революции имя его было достаточно известно; но в нем и в его товарищах никто и отдаленно не подозревал тайных агентов Вашингтона. Ро выезжал в любую погоду и, отправляясь из центра Нью-Йорка по проселочным дорогам Лонг-Айленда, часто навещал дом Таунсенда в Ойстер-Бэй и пробирался дальше, в Сетокет, где останавливался у Авраама Вудхолла. О подлинной цели этих верховых прогулок англичане даже не догадывались.

Немедленно по получении донесений из Нью-Йорка Вудхолл спешил на северный берег Лонг-Айленда, где на веревке было развешено белье. Черная юбка и несколько платков составляли удобный код. Это было „четвертое звено цепи“ – Калеб Брустер. Неустрашимый лодочник переправлялся на своем суденышке через узкий пролив с одной стороны Лонг-Айленда на другую и вывешивал черную юбку, чтобы дать знать о своем прибытии. Условный порядок развески платков указывал, где причалила его лодка.

Брустер – иногда ему помогал Натаниель Раглз, тоже агент секретной службы, – переправлял шифрованные сообщения от Таунсенда к Ро и далее к Вудхоллу, в Коннектикут, где их дожидался Толмедж, а тот немедленно переправлял их генералу Вашингтону.

В дальнейшем Таунсенд постарался обезопасить себя, Ро и других сотрудников, прибегнув к симпатическим чернилам и сложному коду. Первый грубый код секретных агентов оказался неудобным; составили новый, который врагам гораздо труднее было расшифровать. Не стоит забывать, что противостоящая „молодым американцам“ английская служба имела огромный опыт по перехвату и расшифровке секретных донесений своих противников.

Генерал Вашингтон отдал строгий приказ передавать донесения „Калперов“ без всякой задержки. И только один раз Бенджамин Толмедж рискнул не выполнить этот приказ, в результате чего в Северной Америке народился, можно сказать, систематический военный контршпионаж.

Английские войска оккупировали Ойстер-Бэй, английские офицеры расположились на постой в доме Таунсенда. Поздним вечером в конце августа 1780 года британский полковник Симкоу, находясь в доме самого энергичного из шпионов

Вашингтона, пригласил к ужину своего гостя, которого звали Андре. Сара Таунсенд (младшая сестра Роберта) наблюдала за подачей ужина и, как увидим дальше, подала мысль об информации, в которой особенно нуждалась американская армия.

Сара видела, как вошел незнакомец и положил на буфет Таунсенда письмо. Это письмо, как она заметила, было адресовано „Джону Андерсону“; позже она видела, как Андре вскрыл и прочел письмо, адресованное Андерсону, и положил его в карман. Затем она подслушала разговор Андре и Симкоу об американской твердыне Уэст-Пойнте, где хранилось много военных материалов, включая и материалы, полученные от знаменитого шпиона и литератора Бомарше через подставную фирму „Родерик Ортализ и К°“, и склады, заключавшие почти все запасы американской армии.

Сара Таунсенд, подозрения которой все усиливались, сделалась агентом секретной службы генерала Вашингтона. На следующее утро она уговорила влюбчивого британского капитана Даниеля Юнга послать курьера в Нью-Йорк для закупки провизии на ужин в честь полковника Симкоу. Курьер повез записку Сары к ее брату Роберту, в ней она сообщала об Андре и „Андерсоне“ и о том, что она подслушала о британских замыслах насчет Уэст-Пойнта. Как только британский курьер передал Роберту Таунсенду сообщение Сары, звенья шпионской цепи туго натянулись. Вскоре Остин Ро, покинув Нью-Йорк, скакал по заросшему кустарником Лонг-Айленду, Вудхолл следил за черной юбкой, Брустер поднял парус, и предостережение Сары дошло до Бенджамина Толмеджа. И как раз перед получением сообщения из „ойстер-бэйского филиала“ Толмеджу вручили письмо генерала Бенедикта Арнольда, в котором комендант Уэст-Пойнта сообщал, что его друг Джон Андерсен, возможно, попадет в район действий Толмеджа. Не зная местности, Андерсон требовал, чтобы ему дали для охраны драгун. Здесь мы должны еще раз похвалить Вашингтона и исключительную конспиративность секретной службы Таунсенда, ибо Бенедикт Арнольд, офицер высокого ранга и высокой репутации, ничего не знал о роли Толмеджа как пятого звена невидимой цепи.

Майор Джон Андре направлялся в штаб Арнольда, когда Толмедж, нарушая приказы, задержал отправку последнего сообщения Роберта Таунсенда, вскрыл его и прочел. Причина, побудившая его так поступить, не установлена даже блестящими исследованиями Мортона Пендпакера. В донесении Таунсенда Толмедж встретил то же имя – Джон Андерсон. Он прочел сообщение Сары Раунзенд о беседе Андре (или Андерсона) с полковником Симкоу, где указывалось, как важно для британской

армии захватить Уэст-Пойнт.

Толмедж проявил изумительную инициативу. Он превратился из шпиона в контрразведчика, он решил выследить и преследовать британского майора, который теперь должен был находиться за фронтом американских войск в качестве шпиона. Но Андре, как мы знаем, уже успел пробраться в Уэст-Пойнт, где Арнольд снабдил его планом укреплений и другими документами, включая расчет атакующих сил, необходимых для взятия крепости.

С той минуты как прелестная Сара Таунсенд уговорила капитана Юнга разрешить ей прибегнуть к услугам британского курьера, счастье Андре пошло на убыль. Британский военный шлюп „Коршун“, на котором Андре плыл вверх по Гудзону, был обстрелян американской береговой батареей и вынужден был повернуть назад. В это время, 21 и 22 сентября, Андре совещался с изменником Арнольдом. Убедившись, что он отрезан от „Коршуна“ и должен пробираться по суше к британским аванпостам, Андре взял у Арнольда пропуск и спрятал в своем сапоге уличающие документы, написанные рукой Арнольда.

Во время оккупации Филадельфии англичанами даровитый Андре играл главные роли в полковых спектаклях, которые, наряду с водкой и женщинами, составляли основное развлечение английского гарнизона. Рассчитывая, по-видимому, на то, что даже армия мятежников не повесит любителя-актера, майор Андре, перед тем как покинуть Арнольда, переоделся, вопреки категорическому приказу сэра Генри Клинтона, в штатское и таким образом стал не просто тайным делегатом для ведения переговоров, а шпионом.

Трое американских милиционеров, то есть ополченцев, задержали Андре в 9 часов утра 23 сентября вблизи Тарритауна, почти на виду у британских войск. Майор предложил им крупную сумму золотом, если его проведут к ближайшему английскому аванпосту. Это лишь усилило их подозрения, и они отвели пленника прямо к подполковнику Джону Джеймсону, командиру Второго полка легких драгун. Каким образом Андре удалось уговорить кавалерийского командира отправить его обратно к Бенедикту Арнольду в Уэст-Пойнт, остается невыясненным: актер Андре, наверное, провел свою игру весьма убедительно. И он успел бы удрать, как удрал сам Арнольд, если бы Толмедж и американская секретная служба не помешали ему в этом.

В тот вечер Толмедж вернулся в лагерь Джеймсона. Услышав о пленнике и о том, что он назвал себя Джоном Андерсоном, подозрительно настроенный Толмедж, вспомнив донесение Таунсенда, занялся розыском. Не раскрывая всего, что он знал, и

того, как он узнал, Толмедж настаивал на отдаче приказа о задержании пленника в пути в Уэст-Пойнту и возвращении его обратно. Джеймсон с неохотой согласился на это, но отказался отозвать курьера, отправленного к Арнольду с сообщением об аресте „Андерсена“.

Благодаря такому промаху Джеймсона Арнольд оказался своевременно предупрежденным. Андре же был отдан под суд и повешен.

Роберт Таунсенд, послав предупреждение Толмеджу о личности и вероятной миссии „Андерсона“, боялся, по-видимому, предательства, как возмездия за казнь столь популярного майора Андре. Он закрыл свой магазин в Нью-Йорке на три недели. Счета говорят о том, что за это время он потратил 500 фунтов стерлингов. Главная бухгалтерская книга, которую тщательно вел сам Вашингтон, показывает, что между 1775 и 1781 годами американский главнокомандующий израсходовал всего лишь 17 617 долларов на свою шпионскую организацию; платежи заносились в книгу как выдачи «безымянным лицам“, чтобы не раскрывать их имен.

Таким образом, израсходованные Таунсендом 500 фунтов стерлингов представляли большую сумму по сравнению с общей суммой расходов Вашингтона на секретную службу. И мы можем допустить, что он тратил деньги из собственных средств, что среди людей, работавших с ним, были и такие, которые могли выдать его англичанам, хотя бы как горячего патриота; наконец, что в израсходованную им сумму были включены деньги, потраченные на „заботу“ о наиболее сомнительных из этих людей в виде подарков, отступных или прямых взяток.

В одном из писем „Калпера“, посланном на восемнадцатый день после казни Андре, указывается, что Роберт Таунсенд покинул свой пост в Нью-Йорке тотчас же после ареста английского шпиона, но до вынесения приговора и приведения его в исполнение.

За исключением генерала Вашингтона, все лица, связанные с таунсендовской цепочкой секретной службы, прожили лет по пятьдесят (а иные и больше) после начала Американской революции. Известно, что Вашингтон в бытность свою президентом навестил своих бывших секретных агентов, обитавших на Лонг-Айленде. Он высоко ценил точные сведения, которые ему доставляли во время войны, и решил, что никто из них не должен пострадать за это. Поэтому все документы, относящиеся к их деятельности и к работе других преданных ему шпионов, были опечатаны. Прошло больше столетия, пока личности таинственных „Калперов“, Старшего и Младшего, не

были окончательно установлены».[220]

Тайная война между Англией и США велась и в Европе. В 1776 г. в качестве посла Американской республики в Париж прибыл Бенджамин Франклин. Для того чтобы оказать давление на Людовика XVI с целью вовлечь Францию в войну с Англией, Франклин использовал старинное соперничество Франции и Англии, а также симпатии передовых элементов французского общества к Америке. Секретарем первого американского посольства был Эдуард Банкрофт, как позже выяснилось, тайный шпион английского правительства. В качестве его оппонента-контрразведчика выступал член Конгресса от Виргинии публицист Артур Ли.

«Под маской любознательности и преданности своему служебному долгу Банкрофт узнавал от Франклина все, что тому было известно; и все, что Банкрофт узнавал от Франклина, немедленно передавалось в Англию, лорду Уэймуту или лорду Саффолку. Франклин, которому французы доверяли, сам того не сознавая, выуживал у них секретные сведения, которые передавались прямо в Лондон. Нередко эти секреты так и не попадали в Америку, ибо Банкрофт перехватывал и задерживал депеши.

О проницательности Артура Ли как борца со шпионажем можно судить по тому, что он первый распознал в Банкрофте шпиона на службе у британского правительства. Свои опасения Ли изложил самому Франклину и, что еще важнее, представил доказательства. Банкрофт неоднократно ездил в Лондон и каждый раз присутствовал там на секретных собраниях тайного совета короля. Эти сведения Артур Ли получил от своего брата Вильяма, исключительное положение которого в Англии давало ему много преимуществ в занятии импровизированной контрразведкой. Уильям Ли был не только удачливым торговцем табаком – в 1773–1774 годы он был одним из двух шерифов (начальников полиции) Лондона. <…>

Но Франклин знать ничего не хотел. <…> Эдуард Банкрофт был его старинный друг и преданный ученик, а великие люди питают нежную привязанность к своим ученикам. Самого Ли стали третировать как подозрительного смутьяна; бранили за то, что ныне может быть названо исторической прозорливостью. Безграничное доверие Франклина являлось той ширмой, в которой Банкрофт нуждался; негодование Франклина, как видно, сильно связывало братьев Ли. Банкрофт, для которого шпионаж был средством обогащения, стал ориентироваться на другую профессию. Как всякий прирожденный заговорщик, он обладал инстинктом азартного игрока и всегда был занят подготовкой

какой-нибудь выгодной спекуляции. По-видимому, Франклин не замечал и не осуждал этих явных уклонений от занятий медицинской наукой и от государственных дел.

Король Георг III питал отвращение к биржевой игре. Узнав о неизлечимой тяге Банкрофта к спекуляции и забвению им интересов войны, Георг стал обвинять его в том, что он пренебрегает честью родины. „Этот человек – шпион-двойник, – восклицал Георг III. – Если он приехал в Лондон, чтобы продавать американские секреты Франклина, то вполне может вернуться во Францию с грузом английского товара!“

Банкрофт всегда передавал в Париж кучу сведений о передвижениях английских войск и флота и о намерениях британского правительства. Это были материалы, состряпанные его британскими хозяевами, они казались очень важными, но, как правило, представляли собой фальшивые или настолько устаревшие данные, что использование их не могло принести Англии никакого вреда. Такую маскировку предложили в Лондоне джентльмены, которым были известны ум и честность Франклина и которые опасались, что „добрый и тихий“ Банкрофт не попадал бы под подозрение и не совершал поездок зря. Недоверие Франклина, стоило ему только зародиться, могло бы навсегда положить конец афере Банкрофта. Франция и Англия, правда, еще не находились в состоянии войны, но французские власти легко могли найти предлог для высылки Банкрофта из страны

Мы видим, таким образом, что Георг III, по меньшей мере в делах секретной службы, не был тем слепым и сварливым старым деспотом, каким его изображали противники. Банкрофт действительно был шпионом-двойником, но эту ситуацию создали собственные министры Георга. Чтобы уверить американцев в том, что Банкрофт как секретный агент работает в их пользу, британский министр даже приказал арестовать его за шпионаж. После этого американский Конгресс согласился платить доктору жалованье за его „опасную“ работу».[221]

Летом 1777 г. военное положение Тринадцати колоний было близко к катастрофе, и американские колонисты уже готовились заключить с Англией мир. За англичанами и американцами внимательно наблюдали люди французского министра иностранных дел Вержена, который придавал большое значение ходу переговоров о мире. Для того чтобы быть в курсе последних новостей, произвели вербовку владельца дома, в котором во Франции проживал Франклин. Именно агент и сообщил Вержену о возможном заключении мира в 1778 г., что грозило Франции потерей вест-индских колоний. В итоге в феврале 1778 г.

американцы заключили с французами два договора – о союзе и о торговле.

Положение Англии еще больше осложнилось, когда Екатерина II объявила о вооруженном нейтралитете, к которому присоединились Голландия, Дания и Швеция, готовые вступить с Англией в конфликт, если английский флот нападет на их торговые суда.

* * *

Смута, охватившая значительную часть Российской империи в 1773–1775 гг. и выявившая недостаточно своевременное реагирование на назревающие волнения и недовольства, послужила толчком для совершенствования полиции. Городская полиция существовала в столицах, губернских и крупных уездных городах. В столицах и губернских городах во главе полиции стояли обер-полицмейстеры, в уездных городах – городничие (впоследствии полицмейстеры), подчинявшиеся местным властям. В 1782 г. был издан *«Устав благочиния»,* по которому в городах создавались специализированные административно-полицейские органы – *управы благочиния.* Согласно Табели о рангах, для служащих городской полиции вводились специальные звания; определялись также условия их продвижения по службе.

В 1777 г. егерские команды пехотных полков свели в шесть отдельных батальонов, а в 1785 г. батальоны развернули в егерские корпуса 4-батальонного состава. К 1788 г. таковых насчитывалось уже девять: Белорусский, Бугский, Екатеринославский, Кавказский, Кубанский, Лифляндский, Таврический, Финляндский, Эстляндский. При штурме крепости Измаил в 1790 г. 526 лучших стрелков надежно прикрыли огнем штурмовые колонны русских войск, переходящие через крепостной ров.

Специфика боевых действий егерей диктовала особые условия их комплектования и подготовки: в егеря отбирали кандидатов ростом не выше пяти аршин двух вершков (165 см), самых проворных и здоровых. Упор в обучении делался на индивидуальную подготовку, умение действовать самостоятельно в рассыпном строю на флангах и в тылу противника, точную прицельную, а порой и снайперскую стрельбу. Мы полагаем, что егеря выполняли определенную внутреннюю функцию и формировались как некий профессиональный противовес гвардии. Возглавляли их преданные императрице генералы и офицеры, как правило, далекие от придворных интриг; боевая

подготовка егерей была на несколько порядков выше, чем подготовка абсолютного числа «сибаритствующих» гвардейцев.

В связи с сохраняющейся военной угрозой со стороны Турции в 1787 г. императрица, по инициативе князя Потемкина, приняла решение восстановить казачество на южных рубежах Российской империи. Войско должно было нести постоянную сторожевую службу, охраняя границу от нападений горцев. В феврале 1788 г. (уже в ходе начавшейся в 1787 г. очередной русско-турецкой войны) генерал-аншеф А. В. Суворов в торжественной обстановке вручил старшинам Войска Верных запорожцев С. Белому, А. Головатому и З. Чепиге войсковое знамя, а также штандарты, отобранные при ликвидации Запорожской Сечи. В 1790 г. Войско Верных запорожцев переименовали в Черноморское казачье войско, принявшее участие в русско-турецкой войне 1787–1792 гг. (штурм острова Березань, штурм Измаила). По окончании войны войску была выделена территория на левом берегу Кубани.

* * *

Во Франции в 1789 г. политическая обстановка обострилась до предела: зимой и весной восстания произошли в Марселе, Тулоне и Орлеане, в апреле – в Сент-Антуанском предместье Париже. И хотя все эти выступления удалось подавить при помощи правительственных войск, власть короля покачнулась. В июле Национальное собрание объявило себя Учредительным собранием – высшим представительным и законодательным органом страны. Людовик XVI начал подготовку к его разгону, но двор не сумел сохранить приготовления в секрете. В результате 14 июля парижане штурмом взяли Бастилию, мрачную крепость-тюрьму, символ абсолютизма. Двадцать шестого августа 1789 г. Учредительное собрание приняло *Декларацию прав человека и гражданина.* Старому строю, основанному на сословных привилегиях и произволе королевской власти, были противопоставлены неотчуждаемость естественных прав человека и равенство всех перед законом.

Однако принятие Декларации не означало наступление «лучших времен» – Франция на долгие годы была ввергнута в пучину гражданской войны, в ходе которой от репрессий, голода, болезней, бандитизма и прочих спутников смутного времени погибло не менее миллиона человек.

* * *

На западных границах России ситуация обострялась. Пруссия старалась воспользоваться войнами империи Екатерины в борьбе с Турцией и Швецией и распространить свое влияние на Польшу, а значительная часть шляхты жаждала освободиться от российской зависимости. В 1790 г. Польша заключила союз с Пруссией, которая с помощью своей агентуры влияния постоянно провоцировала Чрезвычайный сейм на разрыв с Россией. В мае 1791 г. сеймом был принят «Правительственный закон» (Конституция), который заложил основы для преобразования конфедеративной страны в государство с сильной центральной властью. Однако ограничение сословных привилегий вызвало неудовольствие у части магнатов и шляхты, создавших в мае 1792 г. Тарговицкую конфедерацию.

Король Станислав Август Понятовский объявил конфедератов мятежниками и приказал разогнать их. В ответ Екатерина II, не желавшая усиления Речи Посполитой, поддержав конфедератов, отдала распоряжение своим войскам войти в Польшу и Литву. В 1792 г. началась русско-польская война, в которой западные соседи не оказали полякам, ни военной, ни политической помощи. Большинство прусских войск на тот момент были заняты в боевых действиях против революционной Франции. Двенадцатого января 1773 г. была подписана Конвенция о втором разделе Польши. К России отошла значительная часть Западной Белоруссии и Украины, Пруссия получила Гданьск и Торунь, почти всю Великую Польшу, а также часть Мазовии и Краковского воеводства.

Польские патриоты не смирились и организовывали тайные общества, готовя новое всеобщее восстание и надеясь на помощь революционной Франции. Предводителем заговорщиков был избран генерал Тадеуш Костюшко, в 1776–1784 гг. участник американской Войны за независимость. Существует версия, что Екатерина намеренно не препятствовала подготовке восстания с тем, чтобы использовать его в качестве повода к окончательной ликвидации польского государства.

Двенадцатого марта 1794 г. в Пултуске генерал Антон Мадалинский отказался подчиниться решению о роспуске своей кавалерийской бригады и поднял мятеж. Двадцать четвертого марта в Кракове был опубликован Акт восстания, и Костюшко провозглашен диктатором. Лозунгом восстания стало восстановление независимой Речи Посполитой в границах 1772 г. В апреле восстания произошли в Варшаве и Вильно; к маю повстанцы установили контроль над большей частью Речи Посполитой.

«После продолжительного путешествия, – писала Евгения

Вечесловова, очевидец событий, – в апреле 1794 года мы приехали в Варшаву <…>. 17 апреля в три часа ночи мы были пробуждены необыкновенным шумом на улице. Одевшись наскоро, мы обе подошли к окну. В это время пламя зажженного вблизи нас дома русского посланника Игельштрома осветило толпы вооруженных людей, бежавших по улицам. <…> Выгнанные из дому мужем хозяйки, офицером польских гусар, мы не имели бы никакой надежды на спасение, если бы живший в этом доме стекольщик, прусский подданный, не укрыл нас у себя в чулане. <…>

Здесь мы пробыли три дня, пока прошли первые порывы ярости поляков, и тогда наш избавитель, не смея скрывать нас далее в городе, наполненном шпионами-евреями, уговорил нас отдаться в плен полякам; но, для большей безопасности, советовал мне, как иностранке, идти впереди с детьми и кричать по-польски, что я англичанка. При выходе нашем на улицу мы были поражены ужасной картиной; грязные улицы были загромождены мертвыми телами, буйные толпы поляков кричали: „руби москалей!“».[222]

Под влиянием Великой французской революции радикально настроенная часть повстанцев сформировала группу польских якобинцев, которые пытались развернуть в Польше революционный террор. Девятого мая и 28 июня они спровоцировали в Варшаве беспорядки, во время которых происходили казни участников Тарговицкой конфедерации. В итоге экстремизм якобинцев оттолкнул от восставших многих умеренно настроенных поляков.

Австрия, Пруссия и Россия решили подавить восстание, и летом 1794 г. начались активные боевые действия. (При этом польское восстание оттянуло на себя значительную часть прусских войск и облегчило положение революционной Франции.) В начале сентября на театр военных действий прибыл 10-тысячный корпус генерал-аншефа А. В. Суворова; 26 октября (6 ноября) его войска штурмов взяли Варшаву.

Тринадцатого (24) октября 1795 г. между Россией, Австрией и Пруссией была подписана Конвенция о третьем разделе Польши. К России отошли земли к востоку от Буга и линии Немиров – Гродно – Неман; к Австрии – Сандомирское, Краковское, Люблинское воеводства, а также часть Мазовецкого, Подляшского, Холмского и Брест-Литовского воеводств; к Пруссии – бóльшая часть Мазовецкого воеводства с Варшавой, часть Трокского, Подляшского и Равского воеводств.

И наконец в 1797 г., уже после смерти Екатерины, между Россией, Австрией и Пруссией была подписана заключительная

конвенция этой серии, утвердившая раздел Речи Посполитой и ликвидировавшая остатки польской государственности.

В конце жизни Екатерина II намеревалась передать трон напрямую внуку Александру Павловичу, минуя своего сына, наследника престола. Опасность лишиться короны для Павла становилась все более реальной. Спасла его болезнь императрицы и ее внезапная кончина.

Шестого ноября 1796 г. Павел I стал российским императором. По мнению некоторых очевидцев последних минут жизни императрицы, ее манифест о назначении наследником Александра был передан Павлу его сторонниками и незамедлительно уничтожен. Затем он приказал своей гвардии прибыть в Петербург. В составе гатчинской гвардии состояло шесть номерных пехотных батальонов (два гренадерских и четыре мушкетерских), егерская рота, один артиллерийский батальон и три кавалерийских полка (жандармский, драгунский и гусарский) общей численностью около 2000 человек. Личный состав этих подразделений был распределен по полкам лейб-гвардии с сохранением чинов. Срок службы для рядовых гатчинских гвардейцев сокращался до пятнадцати лет.

«Маленькое „гатчинское войско“, своего рода потешные, было протестом против екатерининской гвардии и ее порядков. Суровые и „отчетливые“ гатчинские службисты, „фрунтовики“, составляли решительный контраст с изнеженными сибаритами, щеголями и мотами „зубовских“ времен, лишь для проформы числившимися в полках и проводившими время в кутежах и повесничестве».[223]

Для гвардейских господ офицеров павловские реформы оказались болезненны еще и потому, что нижние чины из дворян, состоявшие при полках, но находившиеся в длительных отпусках, были уволены. Запись дворянских недорослей в гвардию «с пеленок» отменили: начинать служить в войсках дети дворян могли не ранее шестнадцати лет в звании юнкера.

Численность гвардии при Павле I значительно возросла. В 1796 г. сформировали два отдельных батальона лейб-гвардии – Егерский и Артиллерийский (на базе бомбардирской роты Преображенского полка), а в 1798 г. – два новых кавалерийских полка. На основе Донской и Чугуевской команд создан лейб-гвардии Казачий, а на основе лейб-гусарского эскадрона – лейб-гвардии Гусарский полки. Эти части уже не составляли Собственный Его Величества конвой и несли службу по охране царя и членов его семьи наравне с полками старой гвардии. В 1799 г. к гвардии причислили Лейб-Уральскую сотню и Кавалергардский корпус. Последний имел статус гвардии

Великого магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена). В нем полагалось иметь около двухсот дворян из числа членов ордена.

Император стремился к искоренению порядков ненавистного ему предыдущего царствования. «Павловская муштра имела до некоторой степени положительное воспитательное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшими на службу как на приятную синекуру, <…> было дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего служба. <…> Порядок, отчетливость и „единообразие“ всюду были наведены образцовые. Ослабевшая струна была подтянута… и перетянута». [224]

За четыре с половиной года Павел уволил со службы семь фельдмаршалов (среди них М. Ф. Каменский, П. А. Румянцев, А. В. Суворов), 333 генерала, 2261 офицера. Общее число уволенных и ушедших из гвардии и армии в отставку генералов и офицеров достигало 12 тысяч человек.[225] «Из 132 офицеров, – писал полковник Н. А. Саблуков, – бывших в Конном полку в 1796 году, всего двое (я и еще один) остались в нем до кончины Павла Петровича. То же самое, если не хуже, было и в других полках, где тирания Аракчеева и других гатчинцев менее сдерживалась, чем у нас».[226]

При всем этом кардинального качественного изменения облика гвардии не произошло. Даже «разбавленная» гатчинцами лейб-гвардия не стала, как это было при Петре I, опорой трона и коллективным помощником государя. «В данном случае результат не должен был оказаться удачным – даже в отношении личной безопасности реформатора. Гатчинский элемент, вместо того чтобы одержать верх над непокорной частью, куда его ввели, <…> наоборот, в ней совершенно растворился, усвоив себе привычки этой обособленной среды и послужив только к пробуждению в ней, путем реакции, стремлений к порицанию правительства, дремавших до тех пор при спокойных условиях существования, посвященного удовольствиям».[227]

Реформы Павла I – проводимые радикально и зачастую деспотично, не всегда адекватные требованиям времени – породили крайнее недовольство в дворянской среде. Среди российской военной и служилой элиты в Петербурге, Москве и в провинции стали возникать кружки лиц, недовольных императором. В 1797 г., вероятно в силу завышенного самомнения и недопонимания Павлом системы безопасности, были ликвидированы управы благочиния. Это затрудняло розыск

лиц, подозреваемых в преступлениях, и беглых преступников, а также снижало участие общей полиции в мероприятиях по обеспечению царской безопасности.

Первый «звонок» для государя прозвучал еще в августе 1797 г., когда части гвардии окружили Павловск и были готовы взбунтоваться. Тогда переворот не произошел только по причине отсутствия у гвардейцев лидера, способного немедленно взойти на престол.

С 12 апреля 1794 г. Тайная экспедиция возглавлялась обер-секретарем А. С. Макаровым. Первейшей задачей чиновников экспедиции был сбор сведений (слухи, доносы, подслушанные и спровоцированные разговоры) по поводу нововведений императора и надзор за лицами, вызвавшими неудовольствие государя. Один из чиновников Сената, Д. Б. Мертваго, писал:

«Время это было самое ужасное. Государь был на многих в подозрении. Тайная канцелярия была занята делами более Вотчинной; знатных сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на житье в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников, разбирал основание их секты, многих брали в Тайную экспедицию, брили им бороды, били и отправляли на поселение. Словом, ежедневный ужас. Начальник мой (генерал-прокурор Обольянинов. – *Авт.*) стал инквизитором, все шло через него. Сердце болело, слушая шепоты, и рад бы не знать того, что рассказывают».[228]

К концу правления Павла I арестованных, сосланных и находящихся под надзором государственных преступников насчитывалось около семисот человек.

Следует отметить, что в среде российского военного и служилого дворянства сопротивление политике Павла Петровича осуществлялось в основном в форме антиправительственных разговоров. Но иногда это сопротивление принимало организованные конспиративные формы. Наиболее известными являются так называемые Дрогобужское и Смоленское дела. В ходе следствия по этим делам, проводимым в 1798 г. Ф. И. Линденером, было установлено, что в Смоленской и ряде соседних губерний имеет место дворянский заговор. Во главе заговора находился А. М. Каховский, в прошлом адъютант А. В. Суворова, брат по матери А. П. Ермолова и двоюродный брат Д. В. Давыдова. По воспоминаниям Ермолова, Каховский в 1796 г. предлагал Суворову, пользовавшемуся безграничным уважением как у солдат, так и у офицеров, взбунтовать войска против Павла I:

«Однажды, говоря об императоре Павле, он сказал Суворову: „Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея

такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу?“ Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому. „Молчи, молчи, – сказал он, – не могу. Кровь сограждан!“».[229]

Однако порядки, насаждаемые в русской армии Павлом I, все же вызывали резкую критику со стороны Суворова, который продолжал воспитывать солдат по-своему. Он не раз язвительно говорил: «Косой не колоть, буклей не палить, пудрой не стрелять». Или другое: «Пудра не порох, букля не пушка, коса не тесак, и я не немец, а природный русак». Эти слова, переданные императору «доброжелателями» фельдмаршала, вызвали гнев, и 6 февраля 1797 г. Суворов был уволен в отставку без права ношения мундира. В апреле он прибыл в свое имение Губерния возле белорусского городка Кобрин. Но уже в мае Суворова отправили в другое имение – село Кончанское Боровичского уезда Новгородской губернии. Приказ о новой ссылке привез коллежский асессор Тайной экспедиции А. Н. Николаев. После отъезда Суворова приглашенные им на жительство в Кобрин офицеры (18 человек) были Николаевым арестованы и затем посажены в Киеве в крепость.

По-прежнему опасаясь фельдмаршала, Павел I приказал генерал-прокурору А. Б. Куракину установить за ним негласное наблюдение. Первоначально надзор за Суворовым был возложен на боровичского городничего А. Л. Вындомского, который сумел отказаться, сославшись на болезнь и занятость. После этого в Кончанское был направлен А. Н. Николаев, получивший специальную секретную инструкцию. В инструкции говорилось:

«О письменном его самого [Суворова] и находящихся при нем производстве наблюдать наиприлежнейше, в чем оно состоять будет, через кого именно и где; а особливо иметь в неусыпной бдительности пересылку писем, в дом его присылаемых, какими бы то путями не было».[230]

Корреспонденция Суворова перлюстрировалась, ему не позволялось выезжать далее десяти километров от села, обо всех его посетителях докладывалось. Для наблюдения за домом князя Николаев получил от Боровичского земского исправника двух испытанных «в исправности и в расторопности» солдат боровичской Штатной команды. Были также задействованы соседи Суворова по имению – помещики Ф. М. Мантуров и А. Ф. Сабуров, секретные агенты.

После отказа Суворова возглавить выступление против Павла I Каховский отбыл в свое имение Смоляничи в Смоленской губернии, где начал создание разветвленной подпольной офицерской организации. Всего в ее рядах в 1797–1798 гг.

насчитывалось около ста человек, от поручика до полковника; связи имелись в Москве, Калуге, Орле, Дорогобуже, Несвиже, Петербурге. Отличием этой организации было отсутствие в ее рядах претендента на престол. По сути, это был первый «низовой» заговор, участники которого не были связаны с верхушкой петербургской знати. Но покровительство заговорщикам из Петербурга оказывалось, и не без участия руководства Тайной экспедиции.

Целью заговорщиков было устранение Павла I с престола путем вооруженного восстания воинских частей (Петербургский драгунский, 4-й артиллерийский, легкоконный полк В. Д. Давыдова и др.) или убийство императора.

Линденер писал:

«…Они совещались на Государеву смерть, а еще ясно доказывает, что они злое намерение имели, и к произведению его в действие единого случая недоставало, что еще более подтверждает Каховский – тем, что он отдавал свое имение Потемкину (который был согласен лично убить Павла I), и отсюда видно, что совершение злодейского намерения, ежели б оно удалось, он имел бы надежду на приобретение другого имения, и, следовательно, он уже имел предмет такой надежде!»[231]

Заговорщики соблюдали конспирацию: все руководители имели вымышленные имена (например: Каховский – «Молчанов», полковник Петр Дехтерев – «Гладкий» и др.). Переписка осуществлялась с использованием кодовых наименований, и в ходе следствия не все клички удалось расшифровать.

У заговорщиков хватало сочувствующих. Например, в 1798 г. надворный советник Е. Б. Фукс уговаривал свидетелей изменить показания в пользу арестованных офицеров. Линденер позже получил из Петербурга указания уничтожить все материалы по Дрогобужскому делу. Да и наказания для большинства арестованных были на удивление мягкими. Обер-секретарь Тайной экспедиции Макаров после переворота стал в 1801 г. членом Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел. А Егор Фукс не только не был наказан, но и получил повышение в звании, став статским советником.

В 1798 г. Россия вступила во Вторую антифранцузскую коалицию: Австрия, Великобритания, Неаполитанское королевство, Турция. При ведении войны в Европе существовала реальная опасность распространения французами в русских войсках брошюр революционного содержания. В апреле 1798 г. Павел I предписал выдавать иностранцам паспорта на въезд в Россию только после получения его личного разрешения (в июле – августе паспорта на въезд в Россию получили всего 14 человек).

Одновременно за иностранцами, находившимися в России, было усилено наблюдение; за проявление сочувствия к Французской революции иностранцев немедленно высылали за границу. Была введена строжайшая цензура: любое произведение, содержание которого касалось событий Французской революции, не допускалось к изданию. Все печатные произведения такого характера, уже вышедшие в свет, изымались из продажи и в большинстве случаев уничтожались.

В январе 1799 г. Фукс был направлен в Северную Италию в корпус генерал-лейтенанта А. Г. Розенберга в качестве специального агента Тайной экспедиции для осуществления негласного надзора за офицерами, которых верховное командование подозревало в вольнодумстве. При этом официально он числился на службе в Коллегии иностранных дел.

«В особом ордере, выданном перед отправлением, ему поручалось „сделать точное и строжайшее наблюдение неприметным образом об офицерах <…> в каких они подлинно связях, мнениях и сношениях, и не имеют ли какого-либо действия иностранные противные внушения и соблазнительные книги…“

По прибытии в русскую заграничную армию Фукс немедленно приступил к своим обязанностям. В начале февраля уже сообщил в экспедицию о том, что „по содержанию данной мне инструкции употребил немедленно все возможные способы для разведывания об образе мыслей италийского корпуса и о поведении офицеров“.

В марте 1799 года сфера деятельности Фукса была расширена, и ему было предложено „делать наблюдения и замечания и в прочих корпусах российских“».[232]

В Италии Фукс был назначен начальником походной канцелярии Суворова, который по настоянию Англии и Австрии принял командование союзными войсками в апреле 1799 г. Фукс регулярно пересылал в Петербург копии писем полководца и информировал свое начальство обо всех его встречах с генералами и офицерами, в том числе с союзниками. Однако никаких компрометирующих сведений, способных вызвать неудовольствие императора, Фукс не сообщал. Напротив, он докладывал, что в армии все обстоит благополучно и признаков революционной пропаганды не замечается, солдаты и офицеры воюют успешно. Зато союзное австрийское командование было подвергнуто резкой критике за «великое нерадение о нашем продовольствии» и нежелание австрийцев предоставлять истинные данные о численности своих войск и их потерях.[233]

Павел, несомненно, понимал, что его жизнь находится под

угрозой, но при этом продолжал менять руководителей политической полицией. Должность генерал-прокурора Правительствующего Сената, руководившего деятельностью Тайной экспедиции, в его правление занимали четыре человека: А. Б. Куракин (04.12.1796–06.08.1798), П. В. Лопухин (06.08.1798–07.07.1799), А. А. Беклешов (07.08.1799–02.02.1800) и П. Х. Обольянинов (02.02.1800–16.03.1801). Все, кроме Обольянинова, попали в опалу. Обер-полицмейстеров Санкт-Петербурга за четыре с половиной года сменилось шестеро: Е. М. Чулков (1796–1797 гг.), Н. Ф. Муравьев (1797–1798 гг.), В. И. Лисаневич (1798–1800 гг.), А. М. Рачинский (май – октябрь 1800 г.), Г. К. Зильбергарниш (октябрь – ноябрь 1800 г.) и А. А. Аплечеев (1800–1801 гг.).

Меры по обеспечению безопасности были усилены. В девять часов вечера на всех больших улицах Петербурга устанавливались заставы, не пропускавшие никого, кроме врачей и акушерок. В 1796 г. началось строительство Михайловского замка. Царские резиденции не были приспособлены для обороны при серьезном вооруженном нападении, поэтому идеей строительства замка-крепости Павел был обременен давно (работа над проектом началась еще при жизни Екатерины). В инженерном отношении это творение Баженова и Бренна представляло собой совершенный специальный объект (Павел сам рисовал эскизы, объясняя, что именно он хотел видеть). Резиденция создавалась с учетом всех требований фортификации: окруженный рвом, замок мог выдержать длительную осаду и противостоять артиллерийскому обстрелу.

«В Михайловском замке было три основных караула. Во внутреннем дворе – „большая кордегардия“, в которой стояла рота одного из гвардейских полков по очереди. На первом этаже дворца, в овальной комнате у парадной лестницы, дежурили 30 человек во главе с офицером, наряжаемые только от Преображенского полка, шефом которого был сам император. И рядом с императорскими покоями, в караульной комнате, постоянно находился один из взводов Конно гвардейского полка под командой офицера. Во дворце также были определены посты, занимаемые часовыми из этих караулов. Кроме того, в императорской библиотеке дежурили камер-гусары, и для них рядом была предусмотрена небольшая комната».[234]

За три месяца до покушения, 6 декабря 1800 г., Павел учредил *Тайную полицейскую экспедицию* при петербургском военном губернаторе,[235] которым тогда был граф Пален. В секретной инструкции, утвержденной императором и имевшей наименование «*Учреждение Тайной полицейской экспедиции*», в

частности, говорилось:

«Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления. Как-то: словесные или письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища <…>. Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, относящиеся к здравию государя, его императорской фамилии, к безопасности его самодержавия…». [236]

Во главе экспедиции стоял начальник, назначаемый императором по представлению военного губернатора, остальные сотрудники назначались непосредственно военным губернатором. Первым начальником экспедиции стал надворный советник Иван Гагельстром, который передавал все добытые сведения Палену «для донесения императору». Надзор за иностранцами в Петербурге осуществляла специальная агентурная сеть, состоявшая из лиц, служивших приехавшим иностранцам, и созданная по прусскому образцу. Эта сеть имела форму цеховой корпорации и называлась *Сообщество лон-лакеев*.

Секретная агентура действовала не только в столице, но и в других губерниях. «Из краткой выписки о расходах на эту агентуру в 1800 году мы узнаем, что в штате московской конторы экспедиции состояло несколько таких агентов: корнет Семигилевич, получающий 400 рублей в год, майор Чернов с тем же жалованьем и ряд агентов, получавших деньги на выполнение отдельных заданий конторы: Дельсоль, переводчик московской полиции, „люди, при Несловском и Ясинском находящиеся, получающие до десяти рублей за доставление об них сведения“. В этой же „выписке“ имеется один пункт о расходах, „по особо порученным от Его Императорского Величества секретным делам касательно некоторых людей по разным губерниям“, за которыми, несомненно, скрывалась и секретная агентура московской конторы».[237]

Однако надежной опоры в людях, без которых самые прочные укрепления ничего не стоят, император не нашел. Даже Пален, которому по должности подчинялась столичная полиция и Тайная полицейская экспедиция и который ежедневно докладывал государю полицейские сводки, был одним из руководителей заговора! Кроме Палена, в заговоре состояли дежурный адъютант императора А. В. Аргамаков, а также несколько генералов. В их числе командиры гвардейских полков: Преображенского – П. А. Талызин, Семеновского – Л. И. Депрерадович, Кавалергардского – Ф. П. Уваров. В группу заговорщиков входили свыше пятидесяти офицеров гвардии.

Заговор был организован в интересах и с согласия наследника престола Александра Павловича.

Несмотря на то что противники Павла не проводили агитации среди нижних чинов гвардии и ограничили участие в заговоре гражданских лиц, об их нелегальной деятельности в столице стало известно. Как писал Я. И. де Санглен, вечером 11 марта о скором убийстве царя ему сообщил извозчик!

По воспоминаниям современников, командир лейб-гвардии Гусарского полка А. С. Кологривов, комендант Михайловского замка генерал-адъютант Н. О. Котлубицкий и полковник Н. А Саблуков, командир эскадрона конногвардейцев, несшего внутренний караул в замке, о заговоре знали, но никаких мер для его предотвращения не предприняли. Можно сказать, что в Санкт-Петербурге имели место два заговора: один (с целью устранения императора) составили конкретные лица, а во втором – «заговоре молчания» – состояли практически все недовольные государем жители столицы. Единственным, кто предупредил Павла о перевороте, был генерал-прокурор П. Х. Обольянинов.

В начале марта 1801 г. император предпринял попытку возвратить из ссылки преданных ему А. А. Аракчеева и Ф. И. Линденера, но письма Павла были перехвачены Паленом и… предъявлены императору, как «фальшивка». Депеши были отправлены вторично, но Пален отдал секретный приказ задержать Аракчеева и Линденера у городской заставы.

Усиливавшиеся подозрения государя и возможность репрессий вынудили заговорщиков перенести дату выступления с 15 (день смерти Юлия Цезаря) на 11 марта. В этот день для несения главного караула в Михайловском замке был назначен 3-й батальон Семеновского полка, шефом которого состоял цесаревич Александр.

Охрану царской резиденции несли четыре караула. Главный караул – рота Семеновского полка под командованием капитана Пайкера – располагался в кордегардии у парадной лестницы. Вспомогательный караул из тридцати солдат Преображенского полка под начальством поручика С. Н. Марина размещался во внутренних помещениях первого этажа. Перед кабинетом императора несли службу 30 конногвардейцев под командованием полковника Н. А. Саблукова. Охрану помещений императрицы Марии Федоровны осуществлял караул из тридцати семеновцев под командованием поручика А. Волкова. Проникнуть в замок, окруженный рвом с водой, можно было только по подъемным мостам. В ночное время доступ в него был разрешен только узкому кругу доверенных лиц. Однако заговорщикам, принадлежавшим к руководству гвардии и полиции, эти меры

безопасности были хорошо известны.

После состоявшегося днем 11 марта военного парада Пален (как военный губернатор) приказал всем гвардейским офицерам собраться у него и после часового ожидания передал им слова, якобы сказанные Павлом I:

– Государь поручил мне вам передать, что он в высшей степени недоволен вашей службой. Каждый день, при всевозможных обстоятельствах, он замечает с вашей стороны небрежность, леность, нерадение к его приказам и общее отсутствие усердия, которых он не может терпеть далее. И вот мне приказано вам объявить, что если вы совершенно не измените своего поведения, он вас направит в такое место, где и костей ваших не сыщут. Идите по домам и старайтесь в будущем служить лучше.[238]

По нашему мнению, эти слова – элемент психологической обработки гвардейцев. Под их влиянием офицеры, участвовавшие в заговоре, еще более укрепились в намерении свергнуть императора, а неосведомленные задумались о своей дальнейшей судьбе. Наши предположения основаны на том, что во время парада Павел не высказал никакого неудовольствия, а ведь он не упускал случая устроить серьезный разнос подчиненным.

По распоряжению Константина Павловича, шефа Конной гвардии, не участвовавший в заговоре полковник Саблуков был назначен дежурным по полку и, следовательно, в этот день не мог исполнять обязанностей начальника внутреннего караула, на который заступил его эскадрон. Когда Саблуков явился с докладом в Михайловский дворец, Павел повелел ему снять караул с поста и вести в казармы, заявив, что он недоволен полком и намерен отправить его в провинцию, а эскадрон Саблукова – в Царское Село. Нести охрану у дверей кабинета государь поручил двум невооруженным лакеям. Собственноручное устранение караула во главе с офицером, по мнению современников, готовым исполнить свой долг до конца, имеет два объяснения: 1) интриги заговорщиков, внушивших Павлу мысль о «ненадежности» полка, 2) жизненный фатализм самого императора.

В трех оставшихся караулах заговорщики не имели опоры только в карауле императрицы, но по воле Павла дверь, ведущая из его спальни в покои супруги, была забаррикадирована. В этом историки также усматривают происки заговорщиков. Начальник главного караула капитан Пайкер, переведенный в семеновцы из гатчинцев, был Павлу верен, но два поручика из его роты участвовали в заговоре. Командир преображенцев поручик Марин, также состоявший в заговоре, включил в состав своего

караула екатерининских гренадеров. Пароль для входа в Михайловский замок мятежникам был известен, а дежурный адъютант А. В. Аргамаков имел право на доклад императору в любое время. Доступ в замок осуществлялся через Малые ворота, для чего перед ними опускали подъемный мост. Командир лейб-гвардии Измайловского полка генерал П. Ф. Малютин в заговоре не участвовал и в ночь переворота был нейтрализован самым простым способом: в компании нескольких мятежников он усиленно боролся с «Ивашкой Хмельницким». Сторонник Павла I командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал А. С. Кологривов был посажен Паленом под арест.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Михайловский замок окружил батальон Преображенского полка во главе с генералом П. А. Талызиным. Солдатам объявили, что они прибыли на защиту императора. Несколько позже подошел батальон Семеновского полка под командованием генерала Л. И. Депрерадовича. Однако эти подразделения не понадобились. Высокопоставленные заговорщики без шума проникли во дворец через Малые ворота и, поднявшись по черной лестнице, оказались в покоях императора. Взломав дверь в спальню, они убили Павла. Другие мятежники нейтрализовали внутреннюю охрану. По свидетельству проживавших в Михайловском дворце фрейлин, двери их комнат в ночь переворота были заперты снаружи. Александр Павлович, выйдя к окружавшим дворец войскам, объявил, что Павел скончался от «апоплексического удара» и что сам он пойдет «по стопам Екатерины», после чего срочно отбыл в Зимний дворец.

Привести войска к присяге новому императору оказалось непросто: многие солдаты и офицеры гвардейских полков отказывались повиноваться Александру, не веря в смерть Павла. Верных присяге гвардейцев смогли убедить, только продемонстрировав им покойного государя.

«Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 12 марта 1801 г. являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии».[239] Обращаясь к полковнику Саблукову, великий князь Константин сказал:

– Мой друг… после всего, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но если когда-нибудь престол должен будет перейти ко мне, я, конечно, от него откажусь.[240]

Через 24 года это станет причиной очередного политического кризиса с участием российской гвардии.

Глава 7
XIX век начинается

Наводить порядок надо тогда,
когда нет смуты.

Лао-Цзы

Большинство современников Александра I называют основной чертой его характера противоречивость. Скорее всего, государь на протяжении всей жизни не мог простить себе молчаливого согласия на убийство отца. Вероятно, в этом кроется причина перемен его политических настроений, стремление путем либеральных преобразований искупить свою вину. Оборотной стороной цареубийства стало подсознательное чувство страха за собственную судьбу, что ярко проявилось в 1812 г. Для спасения Отечества и престола он был вынужден назначить главнокомандующим действующей армией нелюбимого им со времен поражения при Аустерлице М. И. Кутузова. Эти два чувства – вины и страха, боровшиеся в душе государя, – приводили к непоследовательности и противоречивости в его действиях. Чтобы объективно оценить переменчивый курс российского императора, рассмотрим его в динамике основных политических событий, произошедших в мире в первой четверти XIX в.

* * *

Первого января 1801 г. согласно Акту об унии произошло образование Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии. Теоретически подданные обоих государств были уравнены в правах, но на практике семь восьмых ирландского населения, как католики, по-прежнему оставались лишенными политических прав.

* * *

В мае 1801 г. началась Берберийская (Триполитанская) война – первая война США за рубежом. Президент Джефферсон, отказавшись выплачивать дань берберийским пиратам, которая в

1790-е гг. составляла до 20 процентов национального дохода страны, приказал флоту и морской пехоте решить вопрос силовым путем. В 1805 г. триполитанский паша согласиться заключить мир, который, однако, не решил проблему пиратства в Средиземном море.

* * *

В 1803 г. в Карибском бассейне с успехом завершилась Гаитянская революция – единственное в истории успешное восстание рабов, начавшееся во французской колонии Сан-Доминго еще в 1791 г. В результате этой революции колония получила независимость от Франции, сменила название на Гаити и стала первой в современной истории республикой, возглавляемой чернокожими.

* * *

В 1802 г. закончились Революционные войны Франции, еще через два года Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором французов, и с 1805 г. начались его победоносные кампании: австрийская 1805 г., прусская 1806 г., польская 1807 г., – благодаря которым Франция уверенно превращалась в доминирующую европейскую державу. Но при этом Великобритания извлекла существенные выгоды из морских битв, захватив колонии Голландии и Франции.

* * *

Наполеоновские войны всколыхнули американский континент. В 1809 г. началась вой на за независимость в Боливии, в следующем году восстания вспыхнули в Венесуэле и Новой Гранаде (ныне Колумбия). Революционное движение охватило территории Рио-де-ла-Платы (современных Аргентины, Парагвая и Уругвая). Мир все более приобретал современные черты.

* * *

В начале XIX в., одновременно с участием в войнах против Наполеона в 1805–1814 гг., России вела еще несколько войн,

закончившихся для нее территориальными приобретениями.

В результате русско-персидской войны 1804–1813 гг. в Карабахе был подписан Гюлистанский мир, по которому Персия признала вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии и Северного Азербайджана, Абхазии, Гурии, Имерети и Менгрелии. Россия также получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море. В августе 1814 г. Александр I предписал лишить грузинских феодалов Эристави прав владения в Южной Осетии, а имения и населенные пункты распорядился передать в государственную собственность.

В результате искусных действий М. И. Кутузова итогом русско-турецкой войны 1806–1812 гг. стало присоединение к России Молдавского княжества. Западная граница империи переносилась с Днестра на Прут до его соединения с Дунаем; обеспечивалась свобода русского торгового судоходства по этой реке.

Русско-шведская война 1808–1809 гг., во многом благодаря А. А. Аракчееву, завершилась полной победой России и заключением Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия перешла от Швеции к России, войдя в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское.

Вступая во власть, Александр I декларировал свое желание пойти по стопам венценосной бабушки, следствием чего стала некоторая либерализация внутренней политики. Второго апреля 1801 г. император прибыл в Сенат, где повелел огласить манифест об упразднении Тайной экспедиции. Резолютивная часть манифеста гласила:

«Рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силой закона, Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в Государственный архив к вечному забвению; на будущее же время ведать их в 1-м и 3-м департаментах Сената и во всех тех присутственных местах, где ведаются дела уголовные».[241]

Надо отметить, что ликвидация Тайной экспедиции была встречена российским обществом, в особенности его высшими слоями, с энтузиазмом, так как это соответствовало представлениям о более справедливом порядке правления. По сути, произошло то, что в Российской Федерации с конца XX в. именуют модным словом «реформирование».

Одной из причин ликвидации Тайной экспедиции, несомненно, явилось желание Александра Павловича завоевать симпатии в обществе. Другой, не менее важной причиной вполне

могла быть неудовлетворительная работа этого ведомства, учитывая, что оно не обеспечило безопасность предыдущего государя. При этом следует иметь в виду, что ликвидация центральной структуры тайной полиции вовсе не означала ликвидацию политического сыска и контрразведки как таковых, а также разведки «при иных дворах», входящих в общую систему государственной безопасности.

По нашему мнению, произошло следующее. Отдельные звенья политической полиции и контрразведки, утратившие доверие государя и, возможно, представлявшие для него опасность, были ликвидированы. Часть функций Тайной экспедиции и часть ее кадров перешли в ведение обозначенных в манифесте департаментов Сената. Но отдельные доверенные лица императора продолжили (или начали) свою работу вне рамок официально существовавших учреждений или используя их в качестве прикрытия. Ситуация, когда сотрудники специальных служб работают в собственной стране нелегально, в истории большинства стран мира отнюдь не редкость, и случае с Александром I это было именно так.

Новый император отнюдь не стремился уничтожить все «ненавистное» наследство отца. Очень быстро главные заговорщики были удалены от трона. В апреле 1801 г. Пален был назначен (с повышением!) управляющим Коллегии иностранных дел, а на его место пришел не участвовавший в интригах двора боевой генерал и опытный разведчик М. И. Голенищев-Кутузов. В ведение Кутузова перешли дела Тайной полицейской экспедиции, и в июне 1801 г. он обеспечил тихую отставку Палена с последующей ссылкой в курляндское имение. Иностранные дела на четыре месяца были поручены Н. П. Панину, который получил отставку в ноябре 1801 г. Затем управляющим Коллегией иностранных дел стал В. П. Кочубей.

Для реформирования государственного аппарата в июне 1801 г. государь составил *Негласный комитет*, в который входили его единомышленники: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, А. Е. Чарторыйский. Комитет планировал провести кодификацию законодательства, подготовить новые законопроекты и провести реформу государственного управления. Восьмого сентября 1802 г. был издан манифест «*Об учреждении министерств*». Руководителем *Министерства внутренних дел* стал В. П. Кочубей, его заместителем – П. А. Строганов, начальником канцелярии – М. М. Сперанский. МВД руководило деятельностью губернаторов, в подчинении которых находилась вся местная полиция. В составе Департамента внутренних дел МВД работала *Экспедиция спокойствия и*

благочиния, состоявшая из двух отделений, ведавших сельской (нижний земский суд) и городской (управа благочиния) полицией.

Пятнадцатого сентября Кочубей направил секретное послание М. Ф. Каменскому (исполнявшему в августе – ноябре 1802 г. обязанности военного губернатора), в котором интересовался деятельностью Тайной полицейской экспедиции. Основными вопросами были следующие: за кем, в каких местах и каким образом ведется наблюдение; кто составляет штат экспедиции; есть ли у начальника инструкция; каковы результаты деятельности; на какие средства экспедиция существует. Все эти вопросы косвенно свидетельствуют о том, что о существовании в столице этого ведомства Кочубей узнал, только став министром внутренних дел. Каменский (случайный человек на должности военного губернатора) направил Кочубею инструкцию, утвержденную еще Павлом I.

Интерес Кочубея был вызван тем, что руководство полицией обеих столиц возлагалось не на МВД, а на военных губернаторов, отвечавших за свои действия непосредственно перед царем. В их подчинении также была Тайная полицейская экспедиция в Петербурге, а в Москве – особенная канцелярия (*Особая секретная полиция*). В обязанность этим службам вменялись надзор за настроениями в разных слоях общества и, отчасти, наблюдение за иностранцами. Сотрудникам предписывалось узнавать ходившие в народе слухи, «вольнодумности» и «ропот», в том числе и путем проникновения в «секретные сходбища». Привлечение кадров на службу в тайную полицию осуществлялось на условиях строжайшей тайны, без сословных ограничений. Основным методом добывания информации являлись личные наблюдения сотрудников в общественных местах.

Все сыскные учреждения существовали независимо друг от друга. Этот факт лишний раз доказывает, что реформирование служб проходило по жестким и прагматичным правилам. Руководители каждой структуры лично докладывали государю о достижениях, а заодно и о деятельности коллег-конкурентов или о допущенных конкурентами промахах. Учитывая вовлеченность в заговор против Павла I далеко не последних лиц империи, Александр создавал систему, позволявшую избежать нового заговора, теперь уже направленного против него самого. С этой целью он разделил полномочия надзирающих и контролирующих органов так, чтобы иметь возможность сравнивать поступающую информацию и в случае необходимости дублировать мероприятия по одним и тем же объектам. Таким образом, нет сомнений в том, что принцип тотальности деятельности спецслужб был прекрасно

известен государю и реализовывался им на практике.

Непосредственное руководство полицией Петербурга осуществлял обер-полицмейстер Ф. Ф. Эртель, а полицией Москвы – обер-полицмейстер А. Д. Балашов; оба подчинялись военным губернаторам столиц. Руководство полицией осуществлялось также по линии Министерства военно-сухопутных сил в городах, управляемых военными комендантами, и Министерства военно-морских сил в портовых городах. Для реорганизации управления городской полицией был создан временный комитет из трех министров. Итогом работы комитета стал указ 1803 г. «*О средствах к исправлению полиции в городах*», который определял устройство, функции и компетенцию городской полиции.

В 1804 г. в составе петербургской полиции была образована общегородская внешняя часть – предвестник современной патрульно-постовой службы МВД. Ее задачей являлось патрулирование по городу вне рамок какого-либо участка, а также оказание помощи приставам, надзирателям и городским стражам в случае необходимости. Внутреннюю часть составляли управы благочиния, руководившие деятельностью частных приставов и квартальных надзирателей. Они обеспечивали исполнение распоряжений властей, вели предварительное следствие, следили за соблюдением паспортного режима и за торговлей в городе.

Дальнейшее совершенствование органов безопасности происходило в условиях военного времени: зимой 1804 г. началась война с Персией, осенью 1805 г. – с Францией. Отбывая к русским войскам за границей, Александр I назначил главнокомандующим в Петербурге С. К. Вязмитинова и дал поручение генерал-адъютанту Е. Ф. Комаровскому учредить *Высшую полицию* и образовать для составления правил о ней специальный комитет. Во исполнение воли императора в сентябре 1805 г. был создан временный межведомственный комитет Высшей полиции («*Комитет 5 сентября*»). Согласно записке государя, в его состав должны были войти министры военно-сухопутных сил, юстиции и внутренних дел. Комитету вменялось «получать немедленно и исправно сведения посредством обер-полицмейстера:

1-е. О проживающих в столице подозрительных людях, о коих вовсе неизвестно, каким делом они занимаются.

2-е. О приезжающих в столицу из-за границы или из внутри государства таких же подозрительных людях.

3-е. О различных в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих.

4-е. О источниках, откуда такие разглашения происходят.

5-е. О скопищах и собраниях подозрительных».[242]

В 1806 г. Кочубей и Сперанский провели реорганизацию Экспедиции спокойствия и благочиния в *Экспедицию государственного благоустройства*. Последняя состояла из двух отделений и пяти столов. Первый стол первого отделения собирал сведения обо всех преступлениях и происшествиях, о прибывающих из-за границы и выезжающих из страны, осуществлял контроль над публичными зрелищами и собраниями; второй стол ведал организацией рекрутского набора в армию, доставкой осужденных к месту отбытия наказания, установлением штатов полицейских команд; третий стол заведовал кадровой работой: назначением, награждением и увольнением полицейских чинов. Второе отделение занималось организацией охраны общественного порядка и рассматривало жалобы на полицию.

Восьмого января 1807 г. Кочубей направил секретное предписание московскому обер-полицмейстеру о создании «тайной экспедиции». В предписании, в частности, отмечалось:

«Долг сего таинственного отделения полиции главнейше состоять будет в том, чтоб получать и ежедневно доносить вам все распространяющиеся в народе слухи, молвы, вольнодумства, нерасположение и рапорт, проникать в секретные сходбища <…>. Допустить к сему делу людей разного состояния и различных наций, но сколько возможно благонадежнейших, обязывая их при вступлении в должность строжайшими, значимость гражданской и духовной присяги имеющими реверсами о беспристрастном донесении самой истины и охранения в высочайшей степени тайны. <…>

Они должны будут, одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг; в питейных и кофейных домах, трактирах, клобах, на рынках, на горах, на гуляньях, на карточных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты – словом, везде, где примечания делать, поступки видеть, слушать, выведывать и в образ мыслей проникать возможно…».[243]

Тринадцатого января 1807 г. по предложению Н. Н. Новосильцева Александр I учредил особый комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия («*Комитет 13 января*»). В первом пункте «*Положения о комитете*» указывалось:

«Коварное правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей – повсеместных разрушений и дезорганизации, между прочим, как известно, покровительствует

рассеянным во всех землях остаткам тайных обществ под названием иллюминатов, мартинистов (масонские течения. – *Авт.*) и других тому подобных, и через то имеет во всех европейских государствах, исключая тех зловредных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют французскому правительству и посредством коих преуспевает оно в своих злонамерениях».[244]

Комитет одновременно являлся центральным координационным органом контрразведки и политической полиции. В «Положении…» отмечалось, что МВД будет сообщать в комитет информацию о подозрительной переписке, получаемой через губернаторов и дирекцию почт. Ввиду ухудшения внешнеполитической обстановки деятельность комитета была направлена и на полицейское умиротворение окраинных губерний. Возглавил его министр юстиции князь П. В. Лопухин, в состав вошли сенаторы Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров, по необходимости в работе комитета принимали участие В. П. Кочубей и С. К. Вязмитинов. При смене должностей люди менялись. При комитете создавалась *Особенная канцелярия*[245] из 23 сотрудников. Исполнительными органами комитета стали секретные полицейские органы Петербурга, Москвы и службы полицмейстеров губернских, уездных и портовых городов. Комитет просуществовал до начала 1829 г., наиболее интенсивно (170 заседаний) он работал с 1807 по 1810 г. Большинство дел было связано с наблюдением за лицами, распространявшими слухи, состоящими в масонских ложах и заподозренными в работе на Францию.

Для более действенного надзора за соблюдением паспортного режима в структурах полиций Петербурга и Москвы в 1809 г. создаются конторы адресов для регистрации всех прибывающих и на постоянное жительство, и для работы по найму. За исполнением регистрации следили частные приставы и квартальные надзиратели. В Петербургской конторе адресов имелось отделение для регистрации иностранцев, связанное как с МИД, так и (впоследствии) с Особенной канцелярией при министре полиции, контролирующей выдачу иностранцам паспортов.

Участие полицейских в охране императора и высших должностных лиц империи заключалось в том, чтобы доносить надзирателю о проезде членов императорской фамилии, военного губернатора, обер-полицмейстера и полицмейстеров. Для грамотного исполнения охранной службы градские стражи должны были знать в лицо и уметь распознать «в любом платье»

военного губернатора, обер-полицмейстера и полицмейстеров, частных и следственных приставов, а также надзирателей, квартальных поручиков и городовых унтер-офицеров своих частей.

В ходе реформы государственного управления, проводимой использовавшим французский опыт Сперанским, 25 июня 1811 г. было учреждено *Министерство полиции*. Его руководителем стал военный губернатор Петербурга (с 1809 г.) А. Д. Балашов. Министр полиции получал звание генерал-полицмейстера и наделялся чрезвычайными полномочиями. Он имел право требовать в свое распоряжение войска без санкции военного министра и отдавать команды непосредственно командирам полков; также он мог затребовать любые сведения от местных органов власти и управления без согласования с другими министерствами; если генерал-полицмейстер действовал «в видах общей безопасности», он освобождался от ответственности за превышение власти.

В Министерство полиции входили три департамента, Общая и Особенная канцелярии.

Департамент исполнительной полиции состоял из трех отделений. Первое отделение заведовало кадровой работой полиции и сбором сведений о преступлениях и происшествиях; второе надзирало за проведением следствия по уголовным делам и контролировало исполнение приговоров; третье содействовало Сенату в проведении ревизий в губерниях, отвечало за рекрутский набор и земское ополчение.

Департамент хозяйственной полиции контролировал продовольственное снабжение городов, в том числе следил за пресечением спекуляции.

Медицинский департамент надзирал за санитарным состоянием в губерниях, организовывал снабжение лекарствами.

Общая канцелярия занималась общим делопроизводством.

Особенная канцелярия, возглавляемая Я. И. де Сангленом, находилась в личном подчинении министра. Она осуществляла надзор за иностранцами, выдавала заграничные паспорта, занималась цензурой, выполняла личные поручения министра и вела секретное делопроизводство. Постепенно канцелярия стала одним из органов политической полиции и контрразведки, а ее начальник обладал правом личного доклада императору без согласования с министром; в свою очередь от государя он получал указания по надзору за высокопоставленными чиновниками империи. Например, в августе 1811 г. Александр I дал А. Д. Балашову и Г. М. Армфельту тайное распоряжение «примечать» за поступками М. М. Сперанского, а де Санглену

поручил контролировать деятельность Балашова. Позже Санглен писал, что все они действовали «как телеграфы», нити которых были в руках государя.

Сообщество лон-лакеев в 1811 г. было официально расформировано, чтобы на практике заменить гласный надзор за иностранцами на негласный. Агентурная сеть перешла в подчинение Особенной канцелярии Министерства полиции. Через Дирекцию почт МВД в Министерство полиции и одновременно в «Комитет 13 января» поступали полученные с помощью перлюстрации «немедленные и верные сведения о подозрительных переписках».

В апреле 1812 г. исполняющим обязанности министра полиции стал С. К. Вязмитинов, а управляющим Особенной канцелярией Министерства полиции – М. Я. фон Фок, сменивший на этом посту де Санглена.

Еще одним органом государственной безопасности в Российской империи была *Собственная Его Императорского Величества канцелярия*, с 1812 г. выполнявшая общегосударственные контрольные функции. Управлял канцелярией В. Р. Марченко.

В системе Военного министерства и действующей армии также были созданы специальные службы и подразделения, обеспечивавшие безопасность государства и императора. Один из значимых шагов в этой области – создание в первой половине 1811 г. *Внутренней стражи*. Ее особые военно-полицейские функции перечислены в положении о ней: охрана и восстановление внутреннего порядка; борьба с разбойниками; «рассеяние» запрещенных законом «скопищ»; поддержание порядка при исполнении церковных обрядов «всех исповеданий» (то есть задачи, во многом аналогичные задачам современных внутренних войск). Формированием, вооружением, материально-техническим обеспечением подразделений внутренней стражи ведало Военное министерство, а служебной деятельностью – Министерство полиции. Инспектором Внутренней стражи, в ранге помощника военного министра, стал генерал-адъютант императора Е. Ф. Комаровский, который позднее писал в мемуарах, что по желанию государя он должен был «быть между ним и Барклаем-де-Толли», который с января 1810 г. по сентябрь 1812 г. являлся военным министром. Из этого следовало: инспектор Внутренней стражи имел двойную подчиненность и право личного доклада государю, что, несомненно, повышало его статус и позволяло лично доносить информацию во всей полноте, минуя дополнительные инстанции.

Как известно, вооруженные силы любого государства –

силовой инструмент при осуществлении не только внешней, но и внутренней политики. При подавлении крупномасштабных антигосударственных выступлений внутри страны армия (в чьем ведении находятся пушки) часто играет роль «последнего довода королей». Но армия не может действовать вслепую. Поэтому одной из забот императора стало получение достоверной информации о политических и военных намерениях противников и союзников России.

Основным органом, занимавшимся получением разведывательной информации, с 1802 г. стало Министерство иностранных дел. После А. Б. Куракина, который был министром пару месяцев, на этом посту сменилось несколько человек: А. Р. Воронцов (1802–1804 гг.), А. Е. Чарторыйский (1804–1806 гг.), А. Я. Будберг (1806–1807 гг.). Несколько дольше продержался назначенный после заключения Тильзитского мира Н. П. Румянцев (1807–1814 гг.).

Личную охрану Александра I в 1812–1814 гг. осуществляла лейб-гвардия. Еще 18 мая 1811 г. была сформирована лейб-гвардии Черноморская казачья сотня, ставшая личным конвоем императора. Двадцать седьмого февраля 1812 г. сотня в количестве четырех офицеров, четырнадцати урядников и ста казаков прибыла в Петербург и была зачислена в лейб-гвардии Казачий полк 4-м эскадроном. Его командиром стал войсковой полковник А. Ф. Бурсак. Во время Заграничных походов 1813–1814 гг. полк выполнял функции императорского конвоя. Структурно он входил в состав Императорской Главной квартиры. [246]

* * *

После подписания в 1813 г. Гюлистанского договора британские правящие круги с беспокойством наблюдали за успехами русских войск в войнах против Персии и Турции и российской экспансией на юге нашей страны. С этого времени между Британской и Российской империями началось скрытое противоборство за господство в Центральной Азии, получившее впоследствии название «Большая игра».[247] С этим противостоянием в значительной мере связано усиление деятельности антироссийских сил, финансируемых и даже вооружаемых британской короной. А основными плацдармами в этой борьбе стали Кавказ, Польша и Финляндия.

В октябре 1814 – июне 1815 гг. в Вене собрались представители многих европейских государств, согласившиеся подчиниться решению восьми держав: Австрии, Англии, Испании,

Португалии, Пруссии, России, Франции и Швеции. Венский конгресс, заключительный акт которого был подписан 9 июня 1815 г., узаконил послевоенное устройство Европы. К власти во Франции, Испании, Пьемонте, Римской области, Неаполе, германских княжествах возвратились монархи, свергнутые Французской революцией и Наполеоном. Франция была низведена к границам 1792 г. и оккупирована союзниками на пять лет. Во Франции разместился и 30-тысячный русский Оккупационный корпус под командованием генерал-лейтенанта М. С. Воронцова.

Для борьбы против революционных и национально-освободительных движений в европейских странах и обеспечения незыблемости решений Венского конгресса был заключен союз европейских монархов, вошедший в историю под названием Священного союза. Заключительный акт союза подписали в Париже 26 сентября 1815 г. Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III. Девятнадцатого ноября 1815 г. к союзу присоединился французский король Людовик XVIII, а затем большинство монархов Европы, у которых были для этого основания.

Так, в освобожденной от французской оккупации Испании с 1814 г. в армейской среде и в крупных городах (Барселона, Валенсия, Гранада, Кадис, Ла-Корунья, Мадрид) возникали тайные общества масонского типа, в которых состояли офицеры, предприниматели, торговцы, юристы. Участники заговоров ставили перед собой цель подготовить пронунсиамьенто (переворот) и установить конституционную монархию. Например, в сентябре 1815 г. в Галисии в восстании приняли участие около тысячи солдат под руководством героя освободительной борьбы Х. Диаса Порльера. И хотя оно было подавлено, репрессии не покончили с революционным движением.

Похожая ситуация сложилась и в Португалии, где после изгнания наполеоновских войск в 1811 г. власть находилась в руках англичан, фактически оккупировавших страну вместо французов. Военные, дворянство и буржуазия проявляли все большее недовольство старыми порядками и засильем англичан. Национально-революционное движение возглавили патриотически настроенные офицеры.

Революционное брожение началось и в большинстве королевств Италии, где сеть тайных обществ росла как на дрожжах. В Пьемонте и Ломбардии наибольшее влияние приобрело общество «Итальянская федерация», в котором преобладали военные, либеральное дворянство и буржуазия. В Неаполитанском королевстве и Папском государстве

распространилось движение карбонариев,[248] в которое входили торговцы, интеллигенты, военные, ремесленники и даже низшее духовенство. На юге карбонарии опирались на мелкую и среднюю буржуазию, обладавшую землей, которую обрабатывали крестьяне-арендаторы или сельские наемные рабочие. Хотя среди заговорщиков и имелись отдельные группы радикальных республиканцев, главной целью большинства тайных обществ являлось ограничение абсолютизма и установление конституционной монархии.

На территории Российской империи в это же время набирало силу греческое национально-освободительное движение. В 1814 г. греческие переселенцы основали в Одессе тайное общество «Филики Этерия» («Дружеское общество»).

Великобритания, не присоединившаяся к Священному союзу, поддерживала его политику в борьбе с революционным движением. Именно 1815 г. считается началом *Pax Britannica* – периода доминирования Британской империи в международных отношениях вплоть до 1914 г.

* * *

Священный союз стал главной заботой Александра I. Кроме него заметную роль в принятии решений играл австрийский канцлер Клеменс Меттерних, который искусно манипулировал русским императором, используя его страх перед революционным движением.

Отечественная война 1812 г. и особенно Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. стали своеобразным катализатором, ускорившим течение политических процессов в Российской империи. В 1815 г., беседуя в Париже с модной писательницей мадам де Сталь, Александр I сказал, что желает уничтожить крепостное право. Эти слова были услышаны не только в Европе, но и в России, где вызвали необычайное воодушевление. Но до реальной отмены крепостного права оставался еще долгий путь.

В Российской империи и в Царстве Польском после 1815 г. начинается масонский бум: в ложах состояло большинство представителей аристократии; были и такие, кто являлся членом сразу нескольких лож. Вступление в масоны осуществлялось в основном по двум линиям: родственные связи или боевая дружба.

Известно, что император присутствовал на заседании ложи «Трех добродетелей», а пояснения ему давал А. Н. Муравьев, обращаясь при этом к государю на «ты». В фонде Особенной канцелярии МВД[249] сохранились материалы о деятельности

«Великой ложи Астреи» (1815–1822 гг.), «Великой провинциальной ложи» (1815–1819 гг.), масонских лож в Бесарабии и Польше, и др. То есть на самом деле тайна масонских лож была секретом Полишинеля, а их антигосударственная деятельность, особенно в начальный период, не простиралась дальше разговоров о необходимости либеральных реформ. Масонами были некоторые из декабристов. Как позже установило следствие, одни считали ложи удобным местом для вербовки сторонников, другие использовали их как прикрытие тайных обществ, третьи становились масонами из идеалистических или мистических соображений.

В Польше масонские ложи развивались интенсивнее, чем в центральных губерниях России. По решению Венского конгресса бóльшая часть созданного Наполеоном в 1807 г. Варшавского герцогства вошла в состав Российской империи под названием Царство Польское, в котором русский император одновременно был и польским царем. Семнадцатого ноября 1815 г. Александр I подписал конституцию, согласно которой Царство Польское становилось конституционной монархией. Русский император осуществлял исполнительную власть, а законодательную разделял с сеймом, сохраняя за собой законодательную инициативу и право вето. В польской конституции декларировались неприкосновенность личности, свобода печати, признание польского языка официальным и другие принципы. Главнокомандующим польской армией, а с 1817 г. и Литовским отдельным корпусом был назначен второй сын Павла I великий князь Константин Павлович. Первым наместником в Царстве Польском стал генерал Юзеф Зайончек. Это вызвало неудовольствие тех поляков, которые хотели видеть на этом посту князя А. Е. Чарторыйского.

После 1814 г. в Царстве Польском начали формироваться тайные масонские ложи («Щит Севера», «Изида», «Совершенная тайна», «Увенчанная добродетель» и др.). В целом польское масонство имело ярко выраженный националистический (национально-патриотический) характер: основной его идеей являлось восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.

«Масонство после своего возрождения развилось очень быстро и вскоре имело уже до 5000 человек членов. Ашкенази высказывает предположение, что и в самом развитии масонства, и в придании ему политической окраски дело не обошлось без участия невидимой руки Александра I. На это как бы указывает выдающаяся роль в масонстве генерала Ружнецкого (Рожнецкого. – *Авт.*), который совмещал положение наместника Великого магистра „Великого восхода Польского“ с должностью

шефа тайной полиции и ролью правой руки великого князя Константина. Этого Ружнецкого Ашкенази считает тем посредником, при помощи которого Александр и Константин имели в виду направлять по своему желанию польское масонство».[250]

На открытии сейма в 1818 г. император заявил, что надеется распространить вводимые в Царстве Польском «законно-свободные учреждения» на всю империю. А в 1819 г. в Польше создаются сразу два тайных общества с масонской окраской: «Общество храмовников» (тамплиеров) и «Национальное масонство». Первое было организовано офицером 4-го уланского полка Маевским, который вступил в храмовые рыцари в Англии и получил от Эдинбургской ложи право посвящать в рыцари других; Маевский принял в храмовники Заблоцкого и подполковника Лаговского. Второе, с тремя степенями посвящения по образцу английского масонства, создали майор 4-го линейного полка В. Лукасинский и К. Махницкий. Число членов «Национального масонства» достигало несколько сотен.

По секретному поручению императора в 1818 г. Н. Н. Новосильцев разрабатывал проект конституции – «*Уставную грамоту Российской империи*». Согласно этому проекту, в России надлежало создать двухпалатный парламент (сейм), имеющий законодательную функцию; законопроекты должны были утверждаться императором, исполнительная власть возлагалась на Государственный совет и министров, судебная власть становилась независимой. Тогда же Александр I дал А. А. Аракчееву секретное поручение составить проект отмены крепостного права. Подготовленный документ предусматривал постепенный выкуп помещичьих крестьян за счет государства. Крестьяне получали по две десятины земли на условиях аренды и могли впоследствии выкупить ее у помещиков. В 1816–1819 гг. было отменено крепостное право в прибалтийских губерниях: Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, причем инициатива исходила от помещиков указанных губерний. Срок службы в польских войсках снизили до семи лет. Население Финляндии было полностью избавлено от рекрутского набора. Однако срок службы в русской армии, несмотря на предложения Аракчеева сократить его с 25 до 8 лет, был уменьшен только в гвардии и только на три года.

По нашему мнению, в своем стремлении к либеральным преобразованиям Александр I совершил серьезную ошибку: он стремился сохранить проекты реформ в секрете от подданных, а это способствовало распространению в обществе разного рода слухов и стало одной из причин создания тайных дворянских

(шляхетских) обществ.

Наряду с масонскими ложами в Российской империи создавались и другие тайные общества, имевшие уже политическую направленность. В 1814 г. М. Ф. Орлов и М. А. Дмитриев-Мамонов создали «Орден русских рыцарей» для сопротивления «лихоимству и другим беспорядкам», которые часто встречались во внутреннем управлении России. Организаторы предполагали отменить крепостное право и ограничить самодержавие, лишить императора прав объявлять войну, изменять законы и вводить налоги без согласия Сената. Орден распался после назначения Орлова начальником штаба 7-го корпуса (под командованием Н. Н. Раевского). В 1814 г. возникла «Священная артель», в которую входили офицеры И. Г. Бурцов и М. Н. Муравьев и лицеисты И. И. Пущин, М. К. Кюхельбекер, В. Д. Вальховский. Ни политической программы, ни устава «Священная артель» не имела. Скорее, это был клуб единомышленников, желающих изменить основы государственного строя, чем тайное общество.

После возвращения польских войск из Франции в 1814 г. в Царстве Польском появилось тайное общество «Истинных поляков» (*Prawdzwych Polakow*). В числе основателей общества – офицеры Генерального штаба польской армии И. Прондзинский, К. Колачковский и помещик И. Собаньский. Хотя числились в нем всего 12 человек, просуществовало оно около года, и его костяк в дальнейшем сыграл видную роль в тайных польских националистических организациях.

В 1816 г. в России создается тайное общество «*Союз спасения, или Союз истинных и верных сынов Отечества*». В него вошли С. П. Трубецкой, А. Н. и Н. М. Муравьевы, И. Д. Якушкин, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, П. И. Пестель, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. Оболенский – всего около тридцати человек. В Уставе союза, разработанном Пестелем и Трубецким, провозглашалось установление в России конституционной монархии. Судя по названию, основатели общества считали всех остальных российских подданных либо «неистинными», либо «неверными» детьми Отечества. При этом часть заговорщиков полагала, что цареубийство – одно из наиболее действенных способов достижения политических целей.

Впервые идею ликвидации императора высказал летом 1816 г. М. С. Лунин. Он предлагал совершить покушение во время путешествия Александра по России в августе – октябре 1816 г., конкретнее – на Царскосельской дороге. Исполнители – специальный отряд боевиков, лица которых следовало скрыть под масками. Проект не был реализован, так как, по мнению Пестеля,

тайное общество еще не было готово к выступлению и не смогло бы достичь кровавым актом реализации своих политических целей.

В 1817 г. П. И. Пестель встретился в Митаве с одним из убийц Павла I графом Паленом. Однако в ходе беседы опытный заговорщик предостерег молодого «коллегу» от попыток изменить политическое устройство России с помощью тайного общества.

Российское высшее общество чрезвычайно взволновали слухи о намерении императора включить в состав Царства Польского западные губернии, присоединенные к России при Екатерине II, либо об отделении польских губерний от России. «Польский вопрос» стал катализатором организации в сентябре 1817 г. так называемого Московского заговора (второй проект цареубийства). Н. К. Шильдер писал в неопубликованных заметках со слов И. Д. Якушкина:

«Тогда были слухи, что Александр I удалился в Варшаву, откуда издаст манифест о „реформах“. Будущие декабристы были убеждены, что „вслед за этим последует общая резня помещиков“. Чтобы избежать сего – решили убить Александра».[251]

Но от этого проекта «спасители Отечества» также отказались: слухи оказались не соответствующими действительности, а сами заговорщики по-прежнему не чувствовали себя готовыми к захвату власти.

В 1818 г. на основе распущенного «Союза спасения» образовался «*Союз благоденствия*». В это время в высшем обществе ходили разговоры о подготовке императором конституции и возможной отмене крепостного права. После реальной отмены крепостничества в прибалтийских губерниях дворянство в каждом путешествии Александра по стране усматривало для себя опасность в освобождении крестьян. Новый оппозиционный союз насчитывал около двухсот членов и имел два организационных центра – в Петербурге и Тульчине, где располагался штаб 2-й армии. «Союз благоденствия» был устроен по образцу прусского общества «Тугендбунд» (*Tugendbundes*, «Союз добродетели»), которое было основано в 1808 г. в Кенигсберге для улучшения нравственного состояния и благосостояния прусского (затем германского) народа.

Законоположение «Союза благоденствия» имело сходство с уставом «Тугендбунда», но в прусском уставе было больше практических указаний, обязательных для всех членов общества. Устав обязывал вступающих в союз помещиков освобождать крестьян с землей, а Законоположение рекомендовало помещикам только «человечное обращение» с крестьянами. Таким образом, на деле члены «Союза благоденствия» не спешили дать

свободу своим собственным крестьянам, хотя и имели на это право в соответствии с указом 1803 г. о «вольных хлебопашцах». И. Д. Якушкин в 1819 г. намеревался освободить своих крестьян, но без земли, что неминуемо привело бы к голодной смерти семей «освобожденных». Согнать крестьян с земли запретил управляющий Хозяйственным департаментом МВ. С. С. Джунковский. Налицо явные расхождения между благими намерениями и реальными действиями «радетелей» за народное счастье!

«Слово, письмо и пример», которые рассматривались в качестве основных средств улучшения нравственности и благосостояния народа членами «Тугендбунда», не удовлетворяли российских последователей. «Союз благоденствия» приступил к подготовке захвата власти насильственным путем, что являлось открытой антигосударственной деятельностью и прямым нарушением дворянской присяги, в которой говорилось: «Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним хранить верность Его Императорскому Величеству государю императору…».[252]

Некоторые историки и публицисты много говорят о дворянской чести декабристов – по нашему мнению, измена присяге и честь несовместимы. Получать от государя вотчины и чины, но при этом готовиться к его насильственному свержению, да еще на каждом углу кичиться своей честью, как бояре кичились древностью рода и бородой, – это выше нашего понимания… Хотя во все времена подобные люди существовали и существовать будут – таковы природа и психология человека.

В войсках, расквартированных в Малороссии, существовала еще одна, менее известная тайная офицерская организация, основанная в 1818 г. братьями А. И. и П. И. Борисовыми. Первоначально она именовалась «Общество первого согласия», а затем «Общество друзей природы»; организация придерживалась республиканской программы. В том же году в Киеве В. Росцишевским основывается польская масонская ложа «Соединенные славяне», входившая в систему масонских лож «Великий Восток».

Прервем на время наш рассказ о ситуации в среде заговорщиков и обратим взор на Кавказ, где шел первый этап большой Кавказской войны 1817–1864 гг. Военные действия на Кавказе были связанны с присоединением к Российской империи горных районов Дагестана, Чечни, Прикубанья и Черноморского побережья Кавказа. Главными противниками русских войск являлись горцы Дагестана и Чечни (на востоке) и адыги

Прикубанья и Черноморского побережья (на западе). После начала боевых действий на Кавказе активно заработали турецкая и английская разведки.

В 1816 г. командующим Грузинским отдельным корпусом (русскими войсками в Грузии и на Кавказской линии[253]) назначается генерал А. П. Ермолов. Стратегия Ермолова заключалась в переходе от отдельных карательных экспедиций против горцев к планомерному продвижению в глубь Дагестана и Чечни. Горные районы следовало окружить кольцом укреплений с прорубкой просек в труднопроходимых местах, прокладкой дорог и разрушением непокорных аулов. В 1818 г. Ермолов заложил крепость Грозную. В 1820 г. Грузинский отдельный корпус был переименован в Кавказский, в его состав вошло Черноморское казачье войско (до сорока тысяч человек).

В 1820 г. П. И. Пестель при поддержке Н. М. Муравьева предложил ввести цареубийство в тактику «Союза благоденствия». Однако это предложение было отвергнуто другими участниками петербургских совещаний. К осени 1820 г. «Союз благоденствия» становится классической конспиративной организацией. Высшими органами союза являлись *Совет коренного союза* и *Коренная управа*. Упоминавшееся выше Законоположение устанавливало строгую подчиненность этим органам территориальных (побочных и главных) управ. Полную информацию о структуре и перспективной деятельности союза (и особенно об организации цареубийства и вооруженного восстания) имели только «отцы-основатели». Остальные члены получали сведения в зависимости от их положения в тайном обществе. Отдельные члены союза занимались специальной деятельностью, скрытой от большинства соратников.

Влияние Заграничных походов на внутренний быт и состояние русской армии после 1815 г. отражено в очерке Генерального штаба полковника В. П. Никольского, который впервые был опубликован в 1911 г. Никольский писал:

«Долгое отсутствие императора, напрягшего все свои силы в борьбе с Наполеоном, невольно при этом обращавшего меньше внимания на внутренние дела, и страшные потрясения, выпавшие на долю России в 1812 г., еще более расстроили внутреннее состояние нашей родины, несовершенство которой резко заявляло о себе существующей крепостной зависимостью крестьян.

Офицерский состав армии за время пребывания за границей привык интересоваться политической стороной жизни и эту привычку перенес и к себе на родину. Понятно, что здесь почва оказалась еще более восприимчивой и благодатной. Недаром же

император в беседе с прусским епископом Эйлертом, во время посещения Берлина в 1818 г., сказал: „Поход русских через Германию в Париж принесет пользу всей России. Таким образом, и для нас настанет новая историческая эпоха, и мне еще предстоит много дела“. Из этого видно, что и император признавал большое политическое значение пребывания наших войск в Германии. Многие из наших офицеров в походе познакомились с германскими офицерами, членами прусского тайного союза (*Tugendbund*), который так благотворно содействовал освобождению и возвышению Пруссии. В открытых беседах с ними наши молодые офицеры незаметно усвоили их свободный образ мыслей и стремлений.

„Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа“, – свидетельствует Н. И. Греч в своих записках. В 1816 г. он присутствовал на обеде, данном одной масонской ложей (во Франции) гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам. Они держали себя с чувством собственного достоинства, некоторые вставляли в свою речь французские фразы.

Что и на солдат, побывавших за границей, пребывание там имело сильное развивающее влияние, видно из беседы министра внутренних дел В. П. Кочубея с известным писателем В. И. Каразиным 27 октября 1820 г. Каразин сказал министру: „Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем или на местах, где квартируют… Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и проч.“.

На дальнейший вопрос Кочубея Каразин прибавил: „Между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте. Много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных. Есть <…> и из дворовых весьма острые и сведущие люди, есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они, так как и все, читают журналы и газеты. Справьтесь, сколько ныне расходится экземпляров «Инвалида» и других журналов в сравнении прошедшего времени…“

Этот интересный разговор служит подтверждением того, что и в рядах нижних чинов армии было тогда немало развитых людей, правда не с особенно высоким нравственным уровнем.

В русском корпусе, временно оставленном во Франции под командой князя М. С. Воронцова после 1814 г., по-видимому,

было введено гуманное обращение, и обратили серьезное внимание на обучение нижних чинов грамоте. Кроме обыкновенных школ, были устроены 4 ланкастерских училища, или школы взаимного обучения. В июне 1818 г. великий князь Михаил Павлович осматривал такую школу в Мобеже, в которой училось 300 солдат, и остался ею очень доволен, узнав, что многие солдаты за три месяца выучивались очень хорошо читать и писать.

В первое время Александр I интересовался этими школами и поддерживал идею их учреждения; в 1817 г. по Высочайшему повелению учрежден в Петербурге даже особый комитет для введения взаимного обучения в школах солдатских детей, была сформирована школа для гвардейских полков, но уже в 20-х годах мысль о распространении в войсках подобных школ была совершенно оставлена, потому что на эти школы стали смотреть, как на средство распространения вольнодумства и мятежа.

Несомненно, что возвратившиеся из походов солдаты принесли с собой новые понятия о человеческом достоинстве и у них впервые явилось представление о долге гражданина и его правах. Но, однако, такое развитие личного состава войсковых частей может быть отмечено лишь в гвардии и незначительном числе армейских частей, в остальной части армии развитие как офицеров, так и нижних чинов, а особенно отношения между собой были совсем иными.

Необходимо иметь в виду, что в армии оставалось еще немало бывших „гатчинцев“ и их ярых последователей, продолжавших исповедовать павловский катехизис муштры; им понятны были лишь жестокие приемы обучения и странно было обходиться без телесных наказаний.

Правда, с восшествием на престол Александра I эти офицеры притихли и временно предали забвению свои приемы воспитания, но все же отношение их слишком резко отличалось от отношений передового офицерства, несмотря на то что многие из этих гатчинских отпрысков побывали за границей».[254]

С 30 сентября по 22 ноября 1818 г. в Ахене проходил первый конгресс Священного союза. Его участники, констатировав рост революционных настроений, договорились пресекать развитие опасного движения в Европе.

В этот период процесс постепенного отхода Александра I от его ранних либеральных идей усилился. Вероятно, именно страх перед «крамольными» идеями свободы и демократии, не утратившими своей привлекательности для европейцев и после реставрации монархий, стал причиной досрочного (на два года раньше!) вывода русского Оккупационного корпуса из Франции.

Четвертого ноября 1818 г. корпус походным порядком отправился в Россию, где был расформирован как политически неблагонадежный. Декабрист Н. А. Бестужев, который встречался с офицерами и солдатами этого корпуса в 1817 г., воспоминал:

«Самый наш рейс до Кале и возвращение от него в Россию дал обильною струею благотворительную влагу для роста семян либерализма <…>. Большая часть, даже из самых дубоватеньких офицеров, даже истертый службою батальонный командир майор Карлович, только что женившейся на молоденькой француженке, – все они утратили этот вечно присущий русской армии солдатизм и либеральничали напропалую. Тем более этот дух проявился в высшей иерархии корпуса Воронцова, между офицерами его штаба, с которыми мы очень сблизились и неразлучно провели все время до самого нашего отправления из Кале. Понятно, почему весь этот корпус по возвращении его в Россию был раскассирован».[255]

Практически сразу после возвращения армии из-за границы началось ничем не оправданное снижение боеспособности основной части войск. Вопреки возражениям многих старших военачальников во главе с М. Б. Барклаем-де-Толли, И. И. Дибичем и А. А. Аракчеевым в 1817 г. часть армии перевели на систему военных поселений. Одной из причин этого был недостаток финансов и невозможность демобилизации излишних войск. (Аракчеев буквально на коленях умолял Александра не предпринимать губительного шага, говоря: «Государь, вы образуете стрельцов!»[256])

Школа боевой подготовки в войсках методично искоренялась, ее место занимала утомительная и бессмысленная на полях сражений шагистика. Симптоматично, что решение о возвращении к прусским (фридриховским) методам обучения войск Александр во многом принял под влиянием западных советчиков. Система военных поселений и чрезмерное увлечение строевой подготовкой стали одной из причин массового дезертирства, причем не только солдат, но и офицеров. Шах Персии даже сформировал из таких дезертиров личный гвардейский батальон, бойцы которого вернулись на родину только при императоре Николае I.

Увлечение внешней стороной службы была связана с любовью Александра I к парадности. Сыграла свою роль и победа русского оружия над армией Наполеона – она принесла чувство самоуспокоенности, шапкозакидательские настроения. Была и еще одна причина ослабления армии, о которой поклонники декабристов предпочитают не упоминать: в офицерской и особенно гвардейской среде ухудшилась дисциплина, молодые

офицеры позволяли себе обсуждать распоряжения вышестоящих начальников, что является прямым нарушением устава, а некоторые откровенно пренебрегали исполнением служебных обязанностей.

Николай Павлович так описывал нравы, царившие в Зимнем дворце в 1818 г.:

«Большею частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство. <…> Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал – и в редком обманулся».[257]

Осенью 1818 г. император назначил младшего брата Николая командиром 2-й бригады (лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки) 1-й гвардейской дивизии. Здесь уместно сказать, что будущий самодержец не готовил себя к престолу: будучи третьим сыном Павла, при живом Константине он не претендовал на трон. Николай знал и любил военное дело и хотел стать военачальником. Он не имел никаких преимуществ перед другими командирами бригад и подчинялся начальнику дивизии, командиру Гвардейского корпуса и военному генерал-губернатору. Тем сильнее был шок, испытанный им от осознания реальной ситуации в гвардии.

«Я начал знакомиться со своей командой, – писал Николай в дневнике, – и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде, даже моими начальниками. <…> Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранялась едва только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

<…> По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, то есть военным распутством, крылось что-то важнее; и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих; на

добрых малых, но запущенных и оттого не знающих; и на решительно дурных, то есть говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался от оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось».[258]

Отметим, что требовательность юного (22 года) командира бригады не оттолкнула от него измайловцев и егерей через семь лет, во время декабрьского мятежа. Те и другие выполнили воинский долг перед престолом без колебаний.

Многие исследователи декабризма считают, что специальные службы империи не справились со своей задачей и проглядели подготовку восстания 14 декабря 1825 г. По нашему мнению, повинны в этом не спецслужбы, а непосредственно император – в силу названных особенностей его личности. Российские спецслужбы к 1815 г. имели колоссальный опыт работы как внутри России, так и за ее пределами. Но после возвращения армии из Европы в спецслужбах также произошли не всегда оправданные изменения.

В конце 1815 г. реорганизации подверглась Высшая воинская полиция. После ухода в отставку Я. И. де Санглена центральная канцелярия этой спецслужбы в Петербурге прекратила существование, а ее функции и сотрудники перешли в штат Особенной канцелярии Министерства полиции. В составе Военного министерства осталась только *Военно-секретная полиция* в Варшаве, созданная на базе Высшей воинской полиции 1-й армии. Русский историк в начале XX в. писал:

«Русская тайная полиция была организована в Польше еще с учреждения Царства Польского (*Askenazy, Rossija-Polsha, 99*), именно в 1813 году. Впоследствии она была в значительной степени усовершенствована и под руководством названного уже выше близкого к Константину генерала Ружнецкого опутала всю Польшу сетью шпионства. На тайную полицию в Польше тратились значительные суммы, именно 180 000 польских злотых из средств королевства, 14 000 дукатов из русской казны и кроме того – значительные суммы из чрезвычайных средств наместника и личных пожертвований Константина Павловича. В переписке по делу о тайных обществах, хранящейся в Государственном архиве (дело № 310), нам пришлось найти иллюстрации, как пользовался Константин Павлович своей тайной полицией. Он сам сообщает, что когда к нему явились с визитом за границей братья Тургеневы

и Чаадаев, то он проследил их дальнейшее путешествие через своих агентов. В том же письме Константин Павлович сообщает, что, как только въехал в Польшу по дороге в Петербург английский министр лорд Каннинг, тотчас он был окружен по приказанию его, Константина Павловича, агентами, которые должны были проследить, не ведет ли он каких-нибудь сношений с кем-нибудь из поляков».[259]

Формально Военно-секретная полиция в Царстве Польском находилась в подчинении начальника Главного штаба: в 1815–1823 гг. П. М. Волконского, а в 1823–1831 гг. И. И. Дибича. Фактически же ею руководил начальник Главного штаба цесаревича Константина Павловича генерал-лейтенант Д. Д. Курута, а дивизионный генерал А. А. Рожнецкий был одним из его заместителей.

В задачи Военно-секретной полиции входили:

разведка и внешняя контрразведка в Австрии и Пруссии;

контрразведка и политический сыск на территории Царства Польского;

борьба с контрабандистами и фальшивомонетчиками;

надзор за религиозными сектами и масонскими ложами.

Фактически это была многопрофильная служба безопасности, что объяснялось как особым статусом Польши, так и самого Константина Павловича.

Еще 10 июля 1815 г. М. Б. Барклай-де-Толли предписал отобрать в каждом армейском полку 1-й армии по одному офицеру и пять рядовых (жандармов[260]) для поддержания порядка. Двадцать седьмого августа эти команды упразднили. Вместо них Борисоглебский драгунский полк переименовали в Жандармский и отдельными командами распределили по армии. Двадцать седьмого декабря 1815 г. был сформирован Гвардейский жандармский полуэскадрон. По своей сути это были специальные полицейские подразделения с военной организацией и дисциплиной. В 1816 г. в составе Главных штабов 1-й (г. Могилев) и 2-й (г. Тульчин) армий ввели должность генерал-полицмейстера, который должен был осуществлять надзор за моральным состоянием и порядком в войсках в мирное время. В 1-й армии эту должность номинально исполнял Ф. Ф. Эрттель, находившийся в бессрочном отпуске по болезни; во 2-й армии назначения на должность не произвели.

В феврале 1817 г. в составе Отдельного корпуса внутренней стражи были сформированы конные жандармские формирования быстрого реагирования. Жандармы несли службу в Петербурге, Москве и Варшаве (по одному дивизиону в составе 334 человек), губернских и портовых городах (по одной команде в составе 31

человека) и подчинялись обер-полицмейстерам (полицмейстерам).

В русском Оккупационном корпусе во Франции в 1815–1818 гг. нештатно и негласно существовала собственная спецслужба – так называемая *Военная полиция*. Этот секретный орган осуществлял разведку, контрразведку, политический и криминальный сыск на оккупированной территории. Возглавил Военную полицию Оккупационного корпуса подполковник И. П. Липранди, входивший «в сношения с французскими начальниками высшей тайной полиции в Арденнах и Шампани». После возвращения корпуса из Франции в 1818 г. и отставки Липранди Военная полиция Оккупационного корпуса прекратила существование.

Особенная канцелярия Министерства полиции, выполнявшая функции политической полиции и контрразведки, в 1815–1819 гг. состояла из трех отделений (столов) и секретной части. Первый стол осуществлял надзор за иностранцами и выдавал заграничные паспорта; второй стол собирал сведения о типографиях и книжных лавках и занимался цензурой; третий стол надзирал за сектами и «подозрительными бродягами». Секретная часть контролировала проживание высланных из столиц лиц и следила за политически неблагонадежными. Она же занималась делами о злоупотреблениях полицейских чиновников. Возглавлял канцелярию М. Я. фон Фок.

Работу Министерства полиции с подачи министра внутренних дел В. П. Кочубея признали неудовлетворительной, и 4 ноября 1819 г. оно было присоединено к Министерству внутренних дел. Особенную канцелярию и Цензурный комитет также передали в ведение МВД, где они продолжали исполнять свои задачи. Фон Фок сохранил свой пост, но Кочубей, «гнушавшийся», как и многие российские дворяне, политическим сыском, определил ему более скромное положение, чем ранее.

К 1820 г. система специальных служб Российской империи была разветвленной, они имели в своем составе опытные кадры. Кроме Особенной канцелярии МВД в Петербурге существовали и другие органы, выполнявшие функции контрразведки и политической полиции. «В Петербурге была тройная полиция: одна в Министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора, а третья у графа Аракчеева; тогда даже называли по именам тех из шпионов, которые были приметны в обществах…». [261] Агентура Алексея Аракчеева действовала в основном в военных поселениях и отчасти в частях столичного гарнизона. Столичная полиция подчинялась военному губернатору М. А. Милорадовичу – боевому генералу, недостаточно искушенному в

вопросах уголовного и политического сыска. Его ближайшим помощником по этой линии являлся полицейский чиновник Фогель.

Декабрист Ф. Н. Глинка, сам не чуждый «особенных поручений», оставил о Фогеле следующее свидетельство:

«Фогель был одним из знаменитейших агентов тайной полиции. В чине надворного советника он числился (для вида) по полиции; но действовал отдельно и самостоятельно. <…> Он хорошо говорил по-французски, знал немецкий язык, как немец, говорил и писал по-русски, как русский. Во время Семеновской истории он много работал и удивлял своими донесениями. Служил он прежде у Вязмитинова, потом у Балашова, и вот один из фактов его искусства в ремесле.

В конце 1811 года с весьма секретными бумагами на имя французского посла в С.-Петербурге выехал из Парижа тайный агент. Его перехватили и перевезли прямо в Шлиссельбургские казематы, а коляску его представили к Балашову, по приказанию которого ее обыскали, ничего не нашли и поставили с министерскими экипажами. Фогеля послали на разведку. Он разведал и объявил, что есть надежда открыть [тайну], если его посадят, как преступника, рядом с заключенным. Так и сделали. Там, отдаленный только тонкою перегородкою от номера арестанта, Фогель своими вздохами, жалобами и восклицаниями привлек внимание француза, вошел с ним в сношение, выиграл его доверенность и через два месяца неволи вызнал его тайну. Возвратясь в С.-Петербург, Фогель отправился прямо в каретный сарай, снял правое заднее колесо у коляски, велел отодрать шину и из выдолбленного под нею углубления достал все бумаги, которые, как оказавшиеся чрезвычайно важными, поднес министру».[262]

Специальные поручения государя также получали отдельные лица, докладывавшие о своей деятельности лично ему. Личным секретным сотрудником (резидентом) императора был немецкий писатель и драматург А. фон Коцебу, сообщавший в Россию сведения о политическом положении в Германии и осуществлявший в западной прессе борьбу с либеральными идеями.

Начальник южных военных поселений, штаб которого располагался в Елисаветграде,[263] И. О. Витт в записке «*О поручениях, в которых был употреблен императором Александром*», в 1826 г. писал:

«Того же 1819 года, по дошедшим до покойного блаженные памяти государя императора известиям, поведено мне было иметь наблюдение за губерниями: Киевской, Волынской,

Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической, и в особенности за городами Киевом и Одессой, причем Его Величество изволил поручить мне употреблять агентов, которые никому не были бы известны, кроме меня; обо всем же, относящемся до сей части, никому, как самому императорскому Величеству, доносить было не позволено, и все на необходимые случаи разрешения обязан я был принимать от самого в бозе почивающего государя императора».[264]

Одним из наиболее результативных доверенных лиц (секретных сотрудников) была удивительная, талантливая женщина, прожившая долгую, почти вековую жизнь – графиня К. А. Собаньская.

Как это часто бывает в подобных случаях, работа специальных институтов государственной безопасности направлялась не только на выявление и пресечение угроз престолу и государству, но и на позиционно-политическое противодействие коллегам из параллельных структур империи.

Декабрист Г. С. Батеньков впоследствии вспоминал:

«Квартальные следили за каждым шагом всемогущего графа (Аракчеева. – *Авт.*). Полицмейстер Чихачев обыкновенно угодничал и изменял обеим сторонам. Мне самому граф указал на одного из квартальных, который, будучи переодетым в партикулярное платье, спрятался торопливо в мелочную лавочку, когда увидел нас на набережной Фонтанки».[265]

Батеньков дал следующую оценку профессионализму полицейских агентов:

«Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами „карбонарии“ и „либералы“, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, и доносы обрабатывали, как приходило в голову. Никому не были они страшны».[266]

Характеристика нелицеприятная, но следует иметь в виду, что слова Батенькова относятся к тем сотрудникам полиции, которые вели наблюдение на улицах и в присутственных местах. Сотрудники специальных служб, работавшие по линии контрразведки против иностранцев или в высшем петербургском, московском или варшавском обществе, имели другой уровень образования и профессиональной подготовки. Другое дело, что и Александр и Константин Николаевичи не всегда прислушивались к мнению профессионалов и не всегда адекватно оценивали предоставлявшуюся им информацию.

В гвардии ситуация к 1820 г. сложилась следующая. После

1815 г. были введены новые правила комплектования состава. На первом этапе отличившихся в боях и лучших по поведению солдат армейских полков ежегодно отбирали в гренадерские и кирасирские полки. Из этих элитных армейских полков лучших из лучших отбирали в гвардию. Также допускался набор рядовых непосредственно из армейских полков и кантонистов.[267] Отбор кандидатов в гвардию производили командиры армейских полков, а затем специально посылавшиеся гвардейские офицеры. Прибывавших на пополнение гвардии осматривали и проверяли великие князья и император. Кандидатов, признанных неудовлетворительными, отсылали обратно за счет полкового командира, что могло навсегда испортить его карьеру.

К началу второго десятилетия XIX в. солдатский состав гвардии преимущественно был сформирован из заслуженных ветеранов кампаний 1805–1815 гг., и мы полагаем, что введение новых правил комплектования, наличие в рядовом составе гвардии большого числа ветеранов, а также кадровые изменения командного состава некоторых гвардейских полков не позволили декабристам привлечь основную массу солдат на свою сторону.

* * *

Тем временем над Европой нависла угроза новых революций. Германия была охвачена массовыми волнениями. Двадцать третьего марта 1819 г. в Мангейме студент Йенского университета К.-Л. Занд по политическим мотивам заколол кинжалом Августа фон Коцебу. Этот террористический акт напугал европейских монархов и вызвал крайне негативную реакцию Александра I. Видя серьезное ослабление дисциплины в гвардии и имея некоторые сведения о распространении среди офицерства идей вольнодумства, император предпринял смену командиров гвардейских полков. В марте 1819 г. командование лейб-гвардии Московским полком принимает адъютант Николая Павловича полковник П. А. Фредерикс.

* * *

В начале 1820 г. начались революционные выступления в Испании, Португалии и Италии, народы которых, освобожденные от тирании наполеоновских войск, почувствовали сладкий вкус свободы и самостоятельности.

Война за независимость испанских колоний в Латинской Америке постепенно привела к окончательной дискредитации абсолютизма и – одновременно – усилению оппозиции в армии. Центром подготовки нового пронунсиамьенто стал Кадис, в окрестностях которого были расквартированы войска, предназначенные для отправки за океан. Первого января 1820 г. восстание под Кадисом подняли армейские части под руководством подполковника Р. Риего. В конце февраля – начале марта начались волнения в крупнейших городах Испании, повсюду создавались многочисленные патриотические общества, выступавшие в поддержку назревших буржуазных преобразований. В этих условиях Фердинанд VII был вынужден объявить о восстановлении конституции 1812 г., созыве кортесов и упразднении католической инквизиции.

Тринадцатого февраля 1820 г. в Париже от кинжала бонапартиста Л. Лувеля пал племянник короля Людовика XVIII герцог Беррийский. Это очередное политическое убийство русский император воспринял не только как угрозу всем европейским монархам, но и как личный вызов.

* * *

В апреле 1820 г. Александр назначает сразу трех новых командиров гвардейских полков: Преображенского – полковника К. К. Пирха, Семеновского – полковника Ф. Е. Шварца и Гренадерского – полковника Н. К. Стюрлера. Новые командиры не видели пользы в слишком гуманном обращении с нижними чинами. При этом они «наводили порядок» исключительно во внешних проявлениях службы (строевой шаг, внешний вид и т. п.) и практически не обращали внимания на внутренний мир своих офицеров. А тем временем и российские, и иностранные заговорщики и агенты разнообразных секретных служб продолжали свою нелегальную работу.

* * *

Успех испанской революции подтолкнул к действию неаполитанских карбонариев. Второго июля 1820 г. произошло восстание войск и жителей в городке Нола близ Неаполя. Вслед за тем началось выступление заговорщиков по всему югу Италии, поддержанное некоторыми частями королевской армии. Девятого июля восставшие вступили в Неаполь, и король Фердинанд I был вынужден объявить о введении конституции по подобию испанской. На ее основе был избран парламент и образовано новое правительство. Но уже очень скоро в лагере победителей возникли серьезные противоречия. Власть в Неаполе захватила консервативная верхушка бюрократии и военных, которые не допустили представителей карбонариев в правительство, опасаясь их революционного радикализма.

* * *

Аналогичные события произошли и в Португалии: 24 августа 1820 г. восстали воинские части гарнизона города Порту. Полковники Б. Сепульведа и С. Кабрейра, руководившие восстанием, распространили призыв к созыву кортесов (парламента) и разработке конституции. Народ с энтузиазмом встретил начавшуюся революцию: в конце августа – начале сентября движение охватило города Северной Португалии. Пятнадцатого сентября революция победила и в Лиссабоне; временное правительство решило созвать кортесы.

* * *

На втором польском сейме в сентябре 1820 г. проявились оппозиционные настроения депутатов: предложенные русским правительством законопроекты были категорически отвергнуты. Один из них отменял право сейма требовать судебной ответственности министров, второй ликвидировал суд присяжных, давал преимущество прокуратуре перед защитой и ограничивал гласность суда. Александр I, предостерегая поляков от духа революции, носящегося над Европой, дал им почувствовать, что конституция, дарованная императором, может быть им же отменена. Но при этом он снова намекнул на возможность присоединения к Царству Польскому Литвы и Правобережной Украины. Таким образом, русская верховная власть своей политикой в определенной мере подталкивала поляков к возрождению Речи Посполитой.

Осенью 1820 г. начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-майор А. Х. Бенкендорф по собственной инициативе подал императору докладную записку *«Дело о тайных обществах, существующих в Германии и других европейских государствах»* и *«Записку о причинах и ходе народного освободительного восстания карбонариев в Неаполе».* В этих документах давался анализ характера и задач европейского революционного и национально-освободительного движения. Автор записок высказался за принятие срочных и действенных мер по отношению к членам тайных обществ в России, но его предложения поощрения не получили.

Приближаясь к «роковому рубежу» – возрасту Павла I на момент смерти (46,5 лет), – государь становился все более религиозным и все меньше времени уделял внутренним российским делам, перекладывая повседневную работу на А. А. Аракчеева, с личностью которого историки связывают «аракчеевщину» – внутриполитический курс России 1820–1825 гг. Но в действительности истинный инициатор «реакции» – император, а генерал – только преданный и усердный исполнитель монаршей воли. С 1822 г. Аракчеев становится докладчиком императора по большинству вопросов. Любое лицо, просившее аудиенции у государя, сначала опрашивалось Аракчеевым, и почти все назначения на высшие военные и государственные посты также проходили через него.

Даже при отсутствии должной агентурной работы информация о тайных обществах все же просачивалась. В начале октября 1820 г. библиотекарь Генерального штаба М. К. Грибовский сообщил командующему Гвардейским корпусом И. В.

Васильчикову о существовании политического заговора. Генерал, однако, должного расследования не провел и решил дождаться возвращения государя императора из Австрии. И в тот момент, когда император готовился к открытию второго конгресса Священного союза в Троппау,[268] в Петербурге произошли беспорядки.

Связаны они были с тем, что муштра и плац-парады вместо боевой подготовки затронули гвардию даже в большей степени, чем всю армию. Еще в сентябре 1820 г. 52 офицера лейб-гвардии Измайловского полка подали прошение об отставке в знак протеста против проведения дополнительных строевых занятий после окончания учений. Аналогичный случай имел место и в лейб-гвардии Конно-егерском полку. Из желания угодить императору некоторые командиры проявляли такое усердие в муштре, что к ним вполне применима поговорка «услужливый дурак опаснее врага». Одним из таких офицеров был командир Семеновского полка полковник Шварц. «Без образования, едва знал русскую грамоту, не имел дара слова»,[269] – так характеризовал его семеновец В. И. Рачинский.

Шестнадцатого октября 1820 г. солдаты 1-й гренадерской (государевой) роты самовольно построились и потребовали от начальства отменить смотры и учения по праздничным дням, сменить командира и улучшить их материальное положение. Никто из офицеров участия в выступлении солдат не принимал. Семнадцатого октября роту отправили в Петропавловскую крепость. Восемнадцатого октября солдаты остальных рот потребовали возвращения товарищей в казармы. Для переговоров с солдатами в полк приезжало все начальство: командир 1-й гвардейской бригады великий князь Михаил Павлович, командующий Гвардейским корпусом И. В. Васильчиков, начальник штаба корпуса А. Х. Бенкендорф и военный губернатор М. А. Милорадович. Переговоры не удались, и полк в полном составе добровольно и организованно отправился в Петропавловскую крепость.

К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка и прочие свидетели событий в своих воспоминаниях единодушно отмечают, что после заключения в крепость Семеновского полка (3000 человек) в гарнизоне и городе царила тревога на грани паники, ибо до этого и военные, и гражданские власти были уверены в лояльности гвардии. Информации о действительных настроениях в гвардейских казармах не имелось, и все силы городской полиции были брошены на ее добывание оперативными методами. Милорадович и Фогель в спешке приступили к созданию собственной сети осведомителей в гарнизоне. Командование

Гвардейского корпуса все же решило снизить интенсивность и утомительность строевых учений. На этом фоне 20 октября 1820 г. в Троппау и открылся второй конгресс Священного союза.

«Семеновская история», как ее назвали впоследствии, не имела аналогов в русской армии. Во-первых, инициатором возмущения стала именная рота Его Величества. В лейб-гвардии Преображенском, Семеновском и Гренадерском полках, шефом которых являлся Александр I, государевыми считались 1-е гренадерские роты, которые, в числе прочих обязанностей, несли караул в императорских резиденциях. Во-вторых, выступление происходило организованно, но без участия офицеров и без применения оружия. В-третьих, выдвижения политических требований не было. При расследовании выяснилось, что источниками недовольства послужили банальное хамство и бесчеловечное обращение с солдатами командира полка. И. В. Васильчиков и М. А. Милорадович донесли государю, что бунт случился из-за глупости и грубости полковника Шварца.

Александр I, находившийся в Троппау, не поверил донесению. Он писал Аракчееву, что весьма и весьма сомневается в виновности полкового командира и в том, что солдаты возмутились по собственному разумению. Император был прекрасно осведомлен о существовании в России тайных обществ и полагал, что их деятельность в первую очередь направлена против политики Священного союза.

По нашему мнению, возмущение солдат Семеновского полка действительно не было инспирировано извне, а явилось осознанной человеческой реакцией на самодурство командира и тяжелейшие условия придворной службы. Однако впоследствии это выступление было использовано в сугубо политических целях.

Через неделю после «Семеновской истории» была обнаружена антимонархическая прокламация, озаглавленная «*К преображенцам*», написанная от имени семеновцев и подписанная «Единоземелец». И хотя автора установить не удалось, мнение генералитета о причинах бунта изменилось. Начальник Главного штаба П. М. Волконский писал начальнику Главного штаба 1-й армии И. И. Дибичу:

«Ясно, что смуты эти были давно и настойчиво подготовляемы ожесточенными подстрекателями, которых, по моему мнению, должно искать между офицерами; я вполне убежден, что предположение это наконец подтвердится, особенно если удастся расположить солдат, переведенных в армию, к болтливости…».[270]

Пятого ноября 1820 г. Александр I отдал приказ о расформировании полка; его личный состав был распределен по

восьми пехотным дивизиям 1-й и 2-й армий. Затем полк был заново образован из батальонов Петербургского (шеф – король Пруссии) и Кексгольмского (шеф – император Австрии) гренадерских полков, которые считались образцовыми «фрунтовиками». Следствие над зачинщиками бунта и над полковником Шварцем заняло более полугода. По его окончании девять зачинщиков наказаны шпицрутенами и сосланы на каторгу.

Революционные события в Европе и «Семеновская история» настолько разгневали Александра, что с этого времени он навсегда отказался от либеральных воззрений и решил, что одолеть «гидру революции» можно только силой оружия. Именно с его подачи Австрия, Пруссия и Россия узаконили свое право вооруженного вмешательства в любую страну, где происходили малейшие революционные выступления, даже без официальной просьбы со стороны правительства этой страны. Одновременно 4 января 1821 г. российский император утвердил представленный Васильчиковым «*Проект об устройстве военной полиции при Гвардейском корпусе*». В нем, в частности, говорилось:

«Начальство гвардейского корпуса необходимо должно иметь самые точные и подробные сведения не только обо всех происшествиях в вверенных войсках, но еще более – о расположении умов, о замыслах и намерениях всех чинов. Корпус сей окружает Государя, находится почти весь в столице, и разные части оного, не быв разделены, как в армии, большим пространством, тесно связаны и в беспрерывном сношении между собой. Источники, посредством которых получает начальство сведения, весьма недостаточны и даже не надежны. Обыкновенный путь есть через полковых командиров; но [они] часто не знают сами, часто по собственной выгоде или по ложному понятию могут скрывать разные происшествия, и, к несчастью, иногда за ними самими необходимо бывает наблюдать. <…>

Если даже полковые командиры будут все знать происходящее в полках и доводить до сведения начальства, то сего еще не достаточно. Офицеры посещают общества, имеют связи; беспокойное брожение умов во всей Европе <…> может вкрасться и к нам, могут найтись и злонамеренные люди, которые, будучи недовольны самым лучшим правлением, в надежде собственных выгод станут замышлять пагубные затеи; может даже встретиться, что чужеземцы, завидуя величию России, подошлют тайных искусных агентов, кои легко успеют вкрасться в общество. Совершенно необходимо иметь военную полицию при гвардейском корпусе для наблюдения войск, расположенных в

столице и окрестностях; прочие по отдаленности не могут быть удобно наблюдаемы и в сем отношении не так важны. <…> Полиция сия должна быть так учреждена, чтоб и самое существование ее покрыто было непроницаемою тайной…».[271]

Организацию тайной полиции в гвардейских частях, а также информирование правительства о происходивших в них событиях поручили Грибовскому. Он возглавил секретную военную полицию в строго конспиративном порядке, официально состоя в должности правителя канцелярии Комитета о раненых. В штате тайной полиции имелось девять смотрителей за нижними чинами и три – за офицерами. Бюджет полиции составлял 40 тысяч рублей в год. Смотрители за нижними чинами получали 600 рублей в год, смотрители за офицерами – 3000 рублей в год, сам Грибовский – 6000 рублей в год.

Семеновская история стала также катализатором для создания военной (политической) полиции и в дислоцированной в Малороссии 2-й армии.

К концу 1820 г. в «Союзе благоденствия» возникли разногласия по вопросу будущего государственного устройства России. Не все члены союза были согласны на вооруженный захват власти и отстранение или устранение императора. Состоявшийся в январе 1821 г. в Москве съезд Коренной управы объявил союз распущенным.

По поводу этого события существуют три версии:

1) решение о самороспуске действительно есть самоликвидация тайного общества;

2) самороспуск – это способ удаления наименее воинственных членов тайного общества из рядов заговорщиков;

3) утечка сведений о тайных обществах к правительству стала известна «революционерам», которые занимались специальной деятельностью, скрытой от большинства соратников, и они предприняли соответствующие меры предосторожности.

Несомненно, что на роспуск союза повлияли политические разногласия лидеров, наиболее радикальные из которых предпочитали республиканскую форму правления, а более умеренные склонялись к конституционной монархии.

В пользу третьей версии говорит следующее.

В конце ноября 1820 г. корнет лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронов рассказал следственному приставу Батурину о том, что его вербовал в члены тайного общества поручик лейб-гвардии Финляндского полка Н. Д. Сенявин. После этого Ронов был вызван к Милорадовичу и доложил ему о своих подозрениях. Но далее информация была заблокирована. Заведующим Особенной канцелярией санкт-петербургского военного генерал-губернатора

был полковник Ф. Н. Глинка, находившийся в 1819–1822 гг. «по особым поручениям». Одновременно он являлся членом Коренной управы «Союза благоденствия». На допросе Сенявин отказался от своих слов, а Глинка сумел отобрать у Ронова «письменное показание» и доказать своему шефу «ложность» доноса. По представлению Васильчикова «клеветник» был отставлен со службы и выслан в родовое имение.

По роду службы Глинка имел доступ практически ко всем сведениям, составляющим государственную и служебную тайну, и прямое отношение к некоторым специальным вопросам, связанным с деятельностью военной полиции и контрразведки. Мы полагаем, что именно он мог обеспечивать руководителям «Союза благоденствия» оперативное прикрытие. Соратником Глинки был чиновник канцелярии военного генерал-губернатора титулярный советник Г. А. Перетц. Учитывая грамотную и рискованную работу Глинки, нельзя исключить, что автономная ячейка «Союза благоденствия», известная как «Общество Глинки – Перетца» и имевшая второе название «Хейрут» (с иврита – свобода), являлась спецслужбой (единственной ли?), обеспечивавшей безопасность заговорщиков. Отметим, что собственная политическая игра (!) и в то же время профессиональная некомпетентность Милорадовича в вопросах безопасности в конечном счете стоили ему жизни.

Практически одновременно с роспуском «Союза благоденствия» в конце 1820 г. в Царстве Польском происходит самороспуск «Национального масонства». При этом польские заговорщики руководствовались теми же побуждениями, что и их русские коллеги. Вследствие растущей подозрительности со стороны Константина Павловича положение польских масонов становилось все более опасным, и они предприняли этот шаг с целью усыпить бдительность властей и одновременно освободиться от ненадежных членов. «Закрытие, – пишет историк, – и в том и в другом случае было фиктивным. Относительно „Национального масонства“ следственный комитет [1826–1827 гг.] говорит, что, хотя „Национальное масонство“ уничтожилось и бóльшая часть принадлежавший к нему офицеров оставили мысль о нем, некоторая часть не изменила своих планов и, отбросив личину масонства, отсель начала действовать сообразно с замыслом своего руководителя».[272]

* * *

В начале марта 1821 г. началась революция в Пьемонте, где

заговорщики в городе Алессандрия захватили цитадель и создали временную хунту. Хунта призвала народ к войне с Австрией для завоевания национальной независимости. После этого восстания произошли в Турине и других городах. Король Виктор Эммануил отрекся от престола, а принц Карл Альберт, назначенный регентом, объявил о введении конституции. Однако вскоре он отказался от регентства и поддержки конституции и покинул Турин. Граф С. А. Санта-Роза и другие руководители восстания исходили из того, что Савойская династия будет сохранена. В результате революция не получила широкой народной поддержки, и армейские части примкнувшие к восстанию, оказались деморализованы.

В начале 1821 г. заседания конгресса Священного союза были перенесены из Троппау в Лайбах,[273] чтобы быть ближе к мятежным итальянским королевствам. В марте 1821 г. австрийские войска подавили революцию в Неаполе, а через месяц вторглись в Пьемонт. Боевой дух итальянских войск был настолько низок, что они не смогли оказать достойного сопротивления. Стоит добавить, что Александр I постоянно предлагал помощь австрийцам в подавлении революционных выступлений.

Восстания в Неаполе и Пьемонте, хотя и потерпели неудачу, выявили неспособность абсолютистских режимов удержать власть без военной помощи Австрии. Был и еще один урок: добиться успеха в отдельных государствах, в отрыве от борьбы за политическое переустройство Италии в целом – невозможно

* * *

Революционное движение началось и в Греции. Для Александра I особенно неприятным был тот факт, что один из инициаторов греческого восстания – А. К. Ипсиланти – был генерал-майором русской службы и некоторое время даже флигель-адъютантом императора. Кампания Ипсиланти против османов в Молдавии окончилась неудачей, но она отвлекла внимание Турции от событий в самой Греции. Первые выстрелы прогремели в Пелопоннесе в конце марта 1821 г., и вскоре революционный пожар охватил всю страну. В одной из своих прокламаций Ипсиланти писал, что поддержку против Османской империи ему обещала «одна великая держава» (подразумевалась Россия). В сознании греков до последнего жила надежда, что именно Россия, единоверная с греками страна, поможет им освободиться. Но этим мечтам не суждено было осуществиться.

* * *

После «Семеновской истории», органично наложившейся на революционные выступления в Европе, недоверие Александра I к гвардии усилилось. Тайная военная полиция получила указание усилить негласный надзор за гвардейцами, и Грибовский в этом направлении работал весьма успешно. Уже в мае 1821 г. через начальника штаба Гвардейского корпуса Бенкендорфа он представил Александру I докладную записку о деятельности «Союза благоденствия». Записка содержала подробные сведения об истории создания союза, о его структуре (Коренная и Побочные управы), о методах конспирации и вербовки членов тайного общества, о Московском съезде Коренной управы, обо всех участниках съезда и его результатах. Общая численность членов тайных обществ в записке оценивалась в двести с лишним человек, конкретно приводились фамилии тридцати пяти активных заговорщиков. По мнению Грибовского и Бенкендорфа, наибольшее внимание правительству следовало обратить на Н. И. Тургенева, Ф. Н. Глинку, А. Ф. фон дер Бригена, всех Муравьевых, И. А. и М. А. Фонвизиных, П. Х. Граббе, М. Ф. Орлова и И. Г. Бурцова.

В заключительной части записки говорилось:

«Отрицать, впрочем, невозможно, что есть зародыш беспокойного духа в войсках, особенно в гвардии, прильнувший, так сказать, от иноземцев во время нахождения за границей и поддержанный стечением разных обстоятельств; но войска сами по себе ни на что не решатся, а могли бы разве послужить орудием для других, как пагубные новейшие примеры в других странах доказали. При бдительном надзоре и кротких, но постоянных мерах сие может быть постепенно отвращено. Между прочим, весьма не худо бы казалось, чтобы офицеры, как люди, до поступления еще на службу совершенно приготовившиеся, перестали посещать частно преподаваемые курсы, особенно политических наук, поверхностное изучение которых, без предварительных прочных оснований и без пособия других наук, наносит величайший вред. Сие полупознание поставляет в такое сомнительное положение, в котором воображение воспламенено, дух встревожен, а ум, блуждая во мраке без руководителя, ищет того, чего не видит и не постигает, и кончает тем, что или еще более возрастает сомнение, или же приведет на скользкий путь заблуждений».[274]

Никаких последствий для заговорщиков эта записка, однако, не имела, а после смерти императора была обнаружена среди личных бумаг в его кабинете без каких-либо пометок (!).

В мае 1821 г. начальник Главного штаба 2-й армии П. Д. Киселев в местечке Дужаны представил императору доклад о необходимости устроения тайной полиции в армии. Тогда же Константин Павлович направил начальнику Главного штаба П. М. Волконскому записку «*О вредном направлении умов военных людей и о мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства*». В записке говорилось, что идеи «вольнодумцев и бунтовщиков» распространяются и в нынешних обстоятельствах являются самыми опасными. Соответственно, следует принять самые решительные меры, дабы дух вольнодумства не мог попасть в войска.

Вероятно, учитывая сведения, полученные от Бенкендорфа, Киселева и Волконского, Александр I решил удалить гвардию из Петербурга. В мае 1821 г. под предлогом скорого похода в Европу Гвардейский корпус был отправлен в карантин под Вильно, где оставался до лета 1822 г. В июне 1821 г. император одобрил соображения Киселева об устройстве тайной полиции, и в июле состоялось второе рождение *Воинской полиции* во 2-й армии. Ее первым начальником стал полковник В. Г. Тишин переведенный в 1819 г. из 1-й армии, который, по отзыву И. И. Дибича, имел «отличные способности ума <…> он был употребляем во всю службу более по особенным поручениям».[275]

В марте 1821 г. на базе Тульчинской управы «Союза благоденствия» создается тайное *Южное общество*. Его участники были более радикальны в политических взглядах. Общество состояло из трех управ (районных отделений): Тульчинской, Васильковской и Каменской. Центральным органом общества являлась Директория, в состав которой вошли П. И. Пестель, А. П. Юшневский и Н. М. Муравьев. Наиболее известные деятели южан – С. Г. Волконский, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, М. П. Бестужев-Рюмин. Программный документ общества – составленная Пестелем «*Русская правда*», отличавшаяся ярко выраженной антифеодальной направленностью, – предусматривал ликвидацию крепостного права с наделением крестьян землей за счет помещиков, имевших свыше 10 тысяч десятин. Половина земельных угодий каждой волости оставалась в частной собственности, другая половина переходила в общественную собственность. Россия должна была стать унитарным государством с республиканской формой правления, избирательные права предоставлялись всем гражданам.

За внешне демократичными положениями «Русской правды» просматривается, однако, приверженность Пестеля к диктатуре. Он был сторонником временного революционного правительства, которое в течение десяти лет осуществляло бы чрезвычайное

правление. Выборы в парламент России (Народное вече), по его мнению, могли состояться только после проведения в жизнь положений «Русской правды». Документ предусматривал «сильную руку» государства, не просто контролирующего граждан, но жертвующего интересами отдельного гражданина во имя общего блага.

Одним из механизмов, призванных обеспечить осуществление программных целей «Русской правды», Пестель считал усиление политического сыска. В найденной при его аресте «*Записке о государственном правлении*» обнаружен проект создания службы безопасности – Вышнего благочиния – с привлечением для специальных нужд жандармерии.

Обеспечение внутренней безопасности, по Пестелю, должно была осуществляться в условиях строжайшей секретности: само существование структуры являлось государственной тайной. Помимо спектра дел, которыми обычно занимается криминальная полиция, Вышнее благочиние включало в себя военную контрразведку и службу экономической безопасности, также оно получало право надзора за судебной системой и вероисповеданием граждан. Основную информацию предполагалось получать с помощью секретной агентуры. Исполнение распоряжений правительства должна была контролировать «внутренняя стража» (жандармерия).

Пестель хорошо понимал суть агентурной и оперативно-розыскной деятельности, а также то, что не подкрепленный силой закон – лишь «благопожелание», и исходя из этого определил число жандармов (50 тысяч человек), в десять раз превосходящее соответствующие штаты при Александре I. Не забыл он и о материальном стимулировании сотрудников.

Мысли Пестеля для людей его круга являлись «крамольными»: в дворянской и особенно офицерской среде вплоть до 1917 г. бытовала стойкая неприязнь к тайному политическому сыску. И это при том, что многие именитые аристократы посвящали искусству сыска десятилетия активной деятельности, а то и всю свою жизнь

Но… в полном объеме программа Пестеля была известна лишь ему одному, остальные члены Южного и Северного обществ имели отрывочную информацию. Большинство современников характеризуют полковника как человека, неохотно допускавшего свободу печати и деятельность открытых обществ (хотя сам он был членом тайного общества). Пестель – сторонник равенства, осуществляемого всемогущим и деспотическим государством. В его представлениях об идеальном строе переплетались такие понятия, как конституция, республика, свобода, самодержавие и

жесточайшая диктатура. Важно и то, что основным способом достижения политических целей Пестель считал убийство членов императорской фамилии.

Опираться на народные массы «революционеры в погонах» не решались. В России того времени идеи борьбы с самодержавием не встречали поддержки в низах. Дворянских революционеров страшил кровавый опыт Французской революции 1789–1793 гг. Чтобы избежать негативных явлений, они надеялись добиться своих целей с помощью «военной революции». Тактика «военной революции» была сформулирована в 1820–1821 гг. под влиянием революционных событий в Европе и представляла собой восстания, совершаемые гвардией при поддержке некоторых армейских частей. Не доверяя солдатам, заговорщики агитацию среди них практически не вели.

В мае 1821 г. в Царстве Польском генерал Уманский, офицеры в. Лукасинский, И. Прондзинский, С. Доброгойский, С. Козаковский, Вержбилович, отставной чиновник Циховский, помещик И. Собаньский и литератор и историк Ф. Моравский создают тайное «*Патриотическое общество*» (*Towarzystwo Patriotyczne*). В целях конспирации собрания заговорщиков проводились под видом пикников. Позже, оправдываясь перед следствием, кое-кто из арестованных заговорщиков оправдывал свое участие в тайном обществе тем, что вступал в него «хмельным».

«Патриотическое общество» имело целью не только восстановление национальной независимости Польши, но также присоединение к Польше Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины в рамках воссоздания Великого Польского государства «от моря до моря».

В обществе соблюдалась строгая конспирация; как и в любой тайной (масонской) организации, в нем было несколько степеней посвящения. Во главе общества стоял Центральный комитет, в состав которого входили Вержболович, Кицинский, Козаковский, Лукасинский, Моравский, Прондзинский и Собаньский. Номинальным главой ЦК считался живший в Дрездене генерал К. О. Князевич, единственный из живых создателей польских легионов. В Царстве Польском тайным обществом руководил Лукасинский. Общество делилось на семь провинций:

1) Царство Польское,
2) Литва,
3) Волынь и Подолия,
4) Галиция,
5) Краков и его округа,
6) Познань,

7) польская армия как отдельная провинция (во главе ее стоял Лукасинский).

Провинции, в свою очередь, делились на округа, включавшие в себя от трех до девяти групп, называвшихся гминами. Гмина состояла из 4–10 лиц. Кроме того, секретная сепаратная директория (филиал) в Дрездене поддерживала связь с масонскими и революционными организациями в Англии, Венгрии, Пруссии и Италии. Центрами польских конспираторов в западных губерниях Российской империи являлись Киев, Житомир, Бердичев и Балт; собрания проходили на контрактных ярмарках, куда съезжались польские помещики. Провинциальный совет «Волынь и Подолия» в 1821–1822 гг. возглавлял подольский помещик И. Собаньский (муж К. Собаньской). Полковнику Оборскому была поручена Литва, Иордану – Краков. Общество быстро росло, и через год в нем насчитывалось уже несколько сот активных членов.

Несмотря на строгую конспиративность, полиция могла следить за отдельными членами общества, состоявшими в масонских ложах, поскольку генерал Рожнецкий знал масонство изнутри. Осенью 1821 г. Константин Павлович издал указ, запрещающий действие масонских лож в Царстве Польском. Под контролем генерала Рожнецкого все ложи были оперативно закрыты, а их архивы и капиталы подверглись полной конфискации. С этого времени принадлежность к тайным обществам стала в Польше уголовно наказуемой.

К российскому императору информация о деятельности тайных обществ в империи поступала регулярно. По одной версии, информатором являлся М. К. Грибовский, по другой – генерал-майор А. Ф. Орлов, который мог узнать некоторые тайны заговорщиков от своего брата М. Ф. Орлова. Информация «о розысках заговора в Южной армии по поводу дела о В. Ф. Раевском в конце 1821 – начале 1822 г.» поступала и из 2-й армии.

В начале 1822 г. Александр I совершил первую ошибку, связанную с престолонаследием. Согласно Акту о престолонаследии от 5 апреля 1797 г. трон наследовался по праву первородства по мужской линии. В правление бездетного Александра I наследником престола являлся Константин Павлович. Однако 20 марта 1820 г. был обнародован высочайший манифест о расторжении брака Константина и принцессы А. Ф. Саксен-Кобургской. Согласно этому документу в случае последующего неравного брака цесаревича его жена и дети лишались титулов и прав престолонаследия. Четырнадцатого января 1822 г. Константин, будучи к тому времени женатым на

особе нецарской крови – пани И. Грудзинской, – в письме на имя императора формально отрекся от прав на российский трон, которые передавал младшему брату – Николаю Павловичу. Второго февраля Александр I в письменном ответе Константину от своего имени и от имени вдовствующей императрицы Марии Федоровны выразил свое согласие с решением цесаревича. Но эта информация осталась конфиденциальной.

О желании передать престол Николаю Александр I впервые заговорил с братом в 1819 г. Николай писал в дневнике:

«Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот совершенное изображение нашего ужасного положения. С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822 года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь».[276]

В начале 1822 г. в должности начальника тайной военной полиции 2-й армии был утвержден С. С. Достанич. В своей деятельности он подчинялся начальнику Главного штаба 2-й армии П. Д. Киселеву. В тот же период времени создавалась секретная военная полиция и в 1-й армии, под руководством начальника ее Главного штаба И. И. Дибича. Генерал-полицмейстером 1-й армии назначается генерал-майор И. Н. Скобелев. В мае 1822 г. Дибич прислал Киселеву для ознакомления инструкцию для генерал-полицмейстера, состоящего при армии. Однако оперативно-розыскная деятельность по выявлению «карбонариев» была организована крайне непрофессионально. Задачи по организации агентурной сети возлагались в том числе и на командиров полков. Например, известно письмо командира Уфимского пехотного полка полковника М. Добровольского к Киселеву от 28 февраля 1822 г., в котором он сообщает о своих подозрениях в отношении П. И. Пестеля, П. И. Трубецкого и графа П. И. Мошинского. Однако о действиях воинской полиции в отношении указанных лиц нам не известно.

Сам Киселев в 1826 г. в письме к П. Х. Витгенштейну оправдывал недостатки тайной полиции следующим образом:

«Таким образом, кроме жидовских донесений о происшествиях в корчмах, донесений которые дешевыми способами приобретались, других мы не имели, и сие относительно общего духа армии было достаточно и давало право утвердительно заверить о хорошей нравственности войск, которая, через протечение стольких лет, постоянно была оправдываема и в последнее сие время более еще ознаменовалась. Но донесения сии нисколько не могли открыть тайных скопищ некоторых порочных и хитрых людей, которые даже от надзора государственной полиции умели скрыть столь продолжительное время пагубное их действие. Посему, не имея возможности отвечать за каждого отдельно, начальство имело право ответствовать за армию вообще, и в том не ошиблось, ибо надзор за нижними чинами устроенный ознаменовался тем, что в 1821 г., когда Раевский произнес нижним чинам несколько возмутительных слов, то в то же время сие сделалось известным начальству, и он был предан суду под особым надзором генерала Сабанеева. Последователи его были осторожнее, действовали в малом кругу сообщников и тайны своей никому не доверяли, а потому распространить замыслов своих не смогли, но с тем вместе и начальству не дали возможности открыть их скопище». [277]

Российское правительство внимательно следило за политическими процессами, происходившими в Европе, и с подозрительностью относилось к западной литературе, распространявшейся в России. Российские подданные, осуществлявшие, по мнению правительства, непозволительную переписку с иностранцами или отправлявшиеся за границу, находились под бдительным контролем. Основная информация о связях европейских и русских «карбонариев» поступала по каналам МИД во главе с К.-Р. В. Нессельроде. Так, берлинская полиция получила сведения о деятельности польских заговорщиков, и прусское правительство в 1822 г. предупредило Петербург об опасности. Капитан Карский, посланный Лукасинским в Париж с известиями о ситуации в Польше, явился к русскому послу в Париже К.-А. Поццо ди Борго и сообщил известные ему сведения о деятельности польских конспираторов.

Донесения Поццо ди Борго (март 1822 г.) и прусской полиции встревожили Александра и Константина. Летом – осенью 1822 г. состоялись аресты в Царстве Польском. Заключению в Кармелитской тюрьме в Варшаве были подвергнуты Пронздзинский, Лукасинский, Махницкий, Дзвонковский, Добржицкий, Доброгойский, Жиц, Кошуцкий, Циховский и Шредер; им вменялось создание тайного общества. Во время

следствия арестованные дали показания о «Национальном масонстве», но данных, подтверждающих деятельность «Патриотического общества», добиться не удалось. После ареста указанных лиц (среди них были члены Центрального комитета) к руководству «Патриотическим обществом» пришли умеренные представители шляхты.

Первого августа 1822 г. Александр I издал указ о запрещении масонских лож и тайных обществ. У всех военных и гражданских чинов бралась подписка, что они не являются членами тайного общества, однако никаких репрессивных мер по отношению к тем, кто все-таки входил в таковые, предпринято не было. По нашему мнению, непринятие решительных мер объясняется следующими причинами. Государь мог считать, что тайные общества, возникшие по образцу масонских лож, были не подрывными организациями, а клубами единомышленников. Не исключено также, что он не хотел признать перед европейскими монархами тот факт, что Россия, как и Европа, пропитана революционными настроениями.

Нерешительность Александра могла быть обусловлена и его прежними либеральными воззрениями. А. С. Пушкин в дневнике высказался предельно категорично: «…Покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря».[278]

Длительное время не принимая решения о расследовании деятельности тайных обществ, Александр поставил специальные службы империи в двусмысленное положение. Не получая четких указаний о лицах, в отношении которых имелась оперативная информация, сотрудники этих служб не могли действовать эффективно. Иными словами, они не могли ни превентивно обезвредить заговор, ни пресечь его силовыми методами на подготовительном этапе. Двойственность в подобных вопросах всегда была и остается одной из главных причин «большой крови», которая рано или поздно появляется.

Осенью 1822 г. вместо арестованного Лукасинского во главе польских заговорщиков стал С. Ф. Крыжановский, наибольшую активность проявляли князь А. Яблоновский, Ф. Гржимала и Плихта. К этому же периоду относятся и первые контакты между польскими и русскими заговорщиками, осуществлявшиеся, в частности, через масонскую ложу «Соединенных славян» в Киеве. Ее членами были С. Г. Волконский и П. И. Мошинский.

В то время как в 1821–1822 гг. члены тайных обществ обсуждали планы переустройства Российской империи и определяли тактику свержения самодержца, сам самодержец был

обеспокоен ростом революционного движения в Испании и Греции. Недовольство Александра I нашло отражение в решениях, принятых им осенью 1822 г. на Веронском конгрессе. «Я покидаю дело Греции, потому что усматриваю в войне греков революционные признаки времени»,[279] – заявил он. Примечательно, что все христианские монархи Европы встретили революцию на юге Балкан с неприкрытой враждебностью и отказались иметь дело с представителями греческого правительства, как с бунтовщиками, выступающими против своего «законного государя».

В январе 1823 г. в переговоры о возможных совместных действиях против царской власти с Южным обществом вступило польское «Патриотическое общество». На следствии Матвей Муравьев-Апостол показал:

«Брату моему (С. И. Муравьеву-Апостолу. – *Авт.*) и Бестужеву-Рюмину препоручены были сношения с польским обществом потому, что они оба находились близ Киева, где им удобнее было видеться с польскими членами во время контрактов.

а) Первые сношении с Польским обществом брат и Бестужев-Рюмин открыли через графа Ходкевича, с которым они встречались в доме Николая Николаевича Раевского. Через гр. Ходкевича Польское общество прислало из Варшавы Крыжановского, одного из членов своих. Это было в 1823 году, во время контрактов. Тут и открылись первые сношении между Южным и Польским обществом.

б) Переговоры заключались в том, что Польское общество дало обещание начать действия с Южным обществом».[280]

В условиях бездействия верховной власти в начале 1823 г. российскими заговорщиками было составлено два плана «военной революции». Начальниками Васильковской управы Южного общества С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин предложили план, известный под названием «Бобруйский заговор». Он предусматривал арест Александра I и его приближенных при посещении ими Бобруйска и последующий поход частей 3-го пехотного корпуса 1-й армии на Москву. В случае неудачи планировалась оборона восставших в Бобруйской крепости. План не нашел одобрения у Пестеля и Юшневского и, соответственно, был далек от реализации.

Сам Пестель был занят составлением плана революции, известного как «План 1823 г.». Для осуществления этого плана требовалось единство действий руководителей всех трех управ Южного общества, и в январе в Киеве собрались Пестель, Бестужев-Рюмин, Волконский, Давыдов, Муравьев-Апостол и

Юшневский.

«Приступая к революции, надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений, а наше дело в армии и губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге же оное могло произойти восстанием гвардии, а также флота».[281]

В ходе вооруженного восстания, запланированного на вторую половину 1823 г., Пестель предлагал совершить убийство всех членов императорской фамилии с помощью специальной группы, получившей название «Обреченный отряд» (*Cohorte perdue*). Руководство отрядом предполагалось поручить М. С. Лунину, а личный состав набрать из лиц, формально не являвшихся членами Южного общества. После совершения цареубийства члены отряда подлежали ликвидации, и тем самым их связь с заговорщиками становилась недоказуемой.

Предложение убить всех членов императорской семьи поддержали Волконский, Давыдов и Юшневский. Бестужев-Рюмин высказался за убийство только императора. Муравьев-Апостол настаивал на отказе от цареубийства.

Оговаривалось, что с началом восстания в Петербурге 2-я армия совершит марш-бросок в столицу, призванный символизировать массовую поддержку со стороны армейских частей. Готовясь к возможному походу 2-й армии, генерал-интендант Юшневский, составив смету расходов на текущий год, запросил в Главном штабе 10 миллионов 600 тысяч рублей, что на один миллион рублей превышало бюджет 1822 г. Начальник Главного штаба князь П. М. Волконский смету Юшневского подписал, и у заговорщиков появился шанс осуществить финансирование антигосударственной деятельности из государственной казны. Одновременно Пестель отправил в столицу к Н. М. Муравьеву эмиссаров Южного общества Барятинского, Вол конского и Давыдова. Перед ними стояла задача уговорить петербургских заговорщиков поднять восстание гвардии в 1823 г., поскольку южане «непременно решились действовать в сей год».[282]

Однако реализация замыслов Пестеля не осуществилась по двум причинам. Во-первых, представленный Юшневским проект бюджета 2-й армии не был утвержден Александром I. Документ внимательно изучил А. А. Аракчеев и высказал государю свое крайне отрицательное мнение о нем. В результате бюджет 2-й армии уменьшили на три миллиона рублей, П. М. Волконского сняли с должности начальника Главного штаба, а Юшневский отделался выговором. Во-вторых, предложения Пестеля о восстании в Петербурге были отвергнуты Н. М. Муравьевым ввиду

неготовности столичных «революционеров» к выступлению в 1823 г. На следствии в 1826 г. Барятинский показал, что «Северное общество просило Южное отложить свои действия до другого времени».[283]

Возможно, на планы заговорщиков наложили отпечаток и действия Франции по подавлению испанской революции. В апреле 1823 г. французские войска, перешли Пиренеи и вступили в Испанию. Разочарование масс в политике либералов, рост налогов, а также контрреволюционная агитация духовенства привели к тому, что крестьяне не поднялись на борьбу с интервентами, и в Испании вновь утвердился абсолютизм.

Необратимые изменения на Балканах, вызванные греческой революцией, обострили соперничество между европейскими державами, и в первую очередь между Англией и Россией. События в Греции вызвали сочувствие среди образованных классов; с особым энтузиазмом революцию приветствовали участники тайных обществ. Однако русский император не пересмотрел свою политику в отношении этой страны, а английское правительство в 1823 г. признало Грецию «воюющей стороной».

Летом 1823 г. Александр I совершил два поступка, ослабивших безопасность государства, но вполне «александровских» по духу. Во-первых, в июле М. К. Грибовский был назначен вице-губернатором Симбирска. Возможно, это назначение стало выражением благодарности со стороны императора, но тайная военная полиция Гвардейского корпуса была практически обезглавлена. Во-вторых, 16 августа секретным манифестом государя была оформлена передача прав на престол Николаю Павловичу. Самого великого князя об этом важнейшем династическом изменении не оповестили. Манифест был передан на хранение митрополиту Московскому Филарету. В случае кончины государя документ должны были вскрыть прямо в соборе, прежде всякого другого действия, московский епархиальный архиерей и московский генерал-губернатор. Копии манифеста в запечатанных пакетах направили в Государственный совет, Сенат и Синод. Кроме Филарета о новом наследнике престола знали только трое: мать императора Мария Федоровна, великий князь Константин Павлович и обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын.

В 1823 г. продолжилось создание тайных организаций, и в первую очередь на западных территориях Российской империи. В частности, членами масонской ложи «Узел единства» штаб-ротмистром Куликовским и поручиками Володзько и Хелмицким в Волынском уланском полку создается тайное «Общество

друзей». В него вошли 25 польских и русских офицеров. В тот же период член тайного общества «Филоматов» М. И. Рукевич и учащийся Ф. Ляхович образуют в Белостокской и Свислочской гимназиях тайные общества «Согласные братья» («*Zgodnych braci*») и «Заряне». В Белостоке в общество вошли 20 человек, в Свислочи – 15 человек. В Литве и Белой Руси формируются кружки польского «Патриотического общества». Представитель литовского филиала «Патриотического общества» Гружевский получил указание выяснить, действуют ли в Литовском отдельном корпусе[284] тайные офицерские общества.

В том же году в Новоград-Волынске происходит знакомство основателей «Общества друзей природы» братьев Борисовых и высланного за участие в «Союзе молодых поляков» студента Варшавского университета шляхтича Ю. К. Люблинского (Мотошновича). Совместно они выработали новую цель: создание федерации славянских народов России, Польши, Богемии, Моравии, Сербии, Молдавии, Валахии, Далмации, Кроации, Венгрии, Трансильвании. Для этого требовалось ликвидировать в России самодержавие и крепостничество, установить республику и восстановить независимость Польши. Этот проект имел ярко выраженную геополитическую направленность. Новая тайная организация оформилась под названием «Общество соединенных славян». Большинство его членов составляли младшие офицеры из мелкопоместных дворян и мелкие чиновники.

Во второй половине 1823 г. происходило структурирование заговорщиков в Петербурге, ими образуется *Северное общество*. Его учредителями являлись Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, С. П. Трубецкой, в числе активных членов был К. Ф. Рылеев. Программный документ общества – «Конституция» – разработан Никитой Муравьевым. Он предусматривал установление конституционной монархии, федеративное устройство России и ликвидацию крепостного права. Большинство членов Северного общества считали необходимым после свержения старой власти проведение Учредительного собрания для определения государственного устройства и принятия конституции. Одним из основных принципов северяне называли обеспечение прав личности, в первую очередь для дворян; избирательные права ограничивались имущественным цензом. За помещиками сохранялась основная часть земли, порядок освобождения крестьян почти совпадал с предложениями А. А. Аракчеева. Единства взглядов на будущее устройство России у членов общества не было: сторонники Рылеева считали себя республиканцами.

В этот период усиливались и репрессивные действия

правительства. В июне 1823 г. в Вильно под руководством сенатора Н. Н. Новосильцева была создана следственная комиссия по делу молодежных организаций в Виленском учебном округе. В Виленском университете комиссией были раскрыты тайные студенческие общества «Филоматов» и «Филаретов», арестованы А. Сузин, Я. Чечот, Т. Зан, А. Мицкевич, А. Петрашкевич, Ю. Ковалевский, М. Рукевич, З. Новицкий.

В 1823 г. было разработано «*Положение об учреждении при 2-й армии Высшей полиции*». Деятельность этой секретной службы должна была проходить «в непроницаемой тайне» от прочих чинов армии. Для эффективной работы Высшей полиции следовало «привлечь к содействию людей благородных и по хорошему воспитанию способных быть верными орудиями для отвращения зла, а не бесчестных клеветников».[285] Для службы в качестве резидентов и секретных сотрудников прежде всего подходили офицеры, военные чиновники и образованные унтер-офицеры. Первостепенной задачей секретной службы было выяснение политических настроений в среде чиновников и офицеров армии. Секретные сотрудники и агенты должны были собирать следующие сведения: «Нет ли между войсками ропота, вредных мыслей и тайных сходбищ? Не возобновляются ли уничтоженные масонские ложи, и нет ли суждений о делах политических? <…> В чьем доме чаще сходятся в приметном количестве офицеры?».[286] «Не существуют ли между некоторыми из офицеров сходки под названием клуба, ложи и проч.? Вообще, какой дух в полку и нет ли суждений о делах политических или правительства?»[287]

В конце декабря 1823 г. один из резидентов графа Витта майор И. П. Барк-Петровский, служивший в 3-м Украинском уланском полку, завербовал для секретной полицейской службы унтер-офицера полка И. В. Шервуда. О своем агенте Барк-Петровский впоследствии вспоминал, что тот «службу исполнял примерно и во всех возлагаемых мною на него поручениях обнаруживал большие способности, особенно в делах по части тайной полиции, что было, по роду моей службы, неоценимым качеством в моих глазах».[288]

В Царстве Польском аналогичную секретную работу проводили командующий польской кавалерией А. А. Рожнецкий и начальник 25-й пехотной дивизии К. П. Рейбниц.

После отказа петербургских коллег от выступления в 1823 г. планы южан были скорректированы. А на совещании в Каменке в ноябре 1823 г. Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол согласились на убийство императора вместе с членами его семьи. В итоге цареубийство стало центральным элементом тактики южан. В

1824 г. их основные усилия были сконцентрированы на вербовке сторонников и переговорах с польскими сепаратистами. Первоначально от имени южан переговоры вел М. П. Бестужев-Рюмин при участии С. И. Муравьева-Апостола. От поляков на переговорах участвовали граф А. И. Ходкевич, С. Ф. Крыжановский, граф Г. Ф. Олизар, князь А. С. Яблоновский, К. И. Князевич, и П. И. Мошинский. Крыжановский сообщил русским «коллегам», что располагает сведениями о недовольстве некоторых офицеров Литовского отдельного корпуса. Однако в 1824 г. о методах ведения антиправительственной работы среди офицеров корпуса стороны не договорились.

В ходе последующих переговоров Бестужев-Рюмин заключил с поляками секретный договор. По его условиям немедленно после победы революции Польша получала независимость; кроме исконно польских территорий ей отдавались Гродненская губерния и часть Виленской, Волынской и Минской губерний. «Патриотическое общество» обязалось организовать революцию в Польше; выступить против Литовского отдельного корпуса; ввести Южное общество в сношения с тайными политическими обществами в Европе; помешать Константину Павловичу вернуться из Польши после начала революции в Россию; подчиняться во время революции российским заговорщикам, а после победы революции установить в Польше республиканский строй. Текст договора на французском языке Бестужев-Рюмин представил в Директорию Южного общества.

В конце января 1824 г. за недостатком улик в Литве был освобожден М. Рукевич, которого отправили под полицейский надзор в родовое имение Завыки. Там через друга детства, поручика Несвижского карабинерного полка П. Гофмана, Рукевич свел знакомство с офицерами Литовского пионерного (саперного) батальона. Наиболее радикально настроенными из них были командир 1-й роты капитан К. Г. Игельстром и его двоюродный брат поручик А. И. Вегелин; оба офицера в свое время состояли в масонской ложе «Узел единства». Игельстром начал пропаганду среди офицеров. Подпоручик Э. Петровский свидетельствовал: «Капитан Игельстром был первым, который старался внушить, что каждый должен стараться заводить тайные общества, говоря сначала нам, что партия будет иметь главную цель: благо человечества…».[289]

К середине 1824 г. император, видимо, начал осознавать всю серьезность ситуации. В собственноручной записке, обнаруженной в его кабинете в 1826 г. и датированной в исторических исследованиях 1824 г., говорится:

«Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или

либерализма разлит или, по крайней мере, разливается между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом миссионеров для распространения своей партии, – Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, Гр. Гурьев, Дмитр. Столыпин и многие другие из ген[ералов], полковников, полк[овых] команд[иров], сверх сего большая сеть разных штаб и обер-офицеров».[290]

В августе граф Витт получил задание государя усилить розыскную работу в южных губерниях. К этому делу Витт привлек К. Собаньскую. Он также предпринял попытку лично проникнуть в ряды польских заговорщиков, но попытка не удалась.

В сентябре 1824 г. руководители Васильковской управы Южного общества Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин написали от своего имени письмо к польским заговорщикам. Они просили поляков в случае начала революции в России убить великого князя Константина Павловича. Письмо предполагалось передать через С. Г. Волконского, но Волконский показал его Пестелю. Руководитель южан воспринял это как разглашение ближайших намерений российских заговорщиков и отстранил руководителей Васильковской управы от ведения переговоров с польским «Патриотическим обществом».

В декабре 1824 г. И. В. Шервуд сумел войти в доверие к члену Южного общества Ф. Ф. Вадковскому, который не только принял понравившегося ему унтер-офицера в тайное общество, но и сразу, в нарушение устава, возвел его в степень «боярина», минуя степени «брата» и «мужа». Таким образом, секретный сотрудник Высшей полиции 2-й армии осуществил первичное внедрение в число потенциально опасных лиц, действовавших в расквартированных на юго-западе России войсках.

В начале 1825 г. К. Собаньская, пользуясь близостью к польским сепаратистам, сумела разговорить А. Яблоновского и выведала у него сведения о переговорах между польскими и русскими заговорщиками.

В конце 1824 – начале 1825 г. членами Васильковской управы был составлен очередной план цареубийства, приуроченный к высочайшему смотру войск осенью 1825 г. под Белой Церковью («*1-й Белоцерковский план*»). Разработчики планировали, что в «ночь после приезда Его Величества в павильон парка Александрии при смене караула несколько одетых в солдатские мундиры офицеров (в том числе разжалованных), коих они считали готовыми на злодейство, ворвутся в комнаты государя и умертвят его».[291] Однако Пестель выступил против подобного плана. Руководитель южан совершенно справедливо полагал, что

цареубийство, не поддержанное «военной революцией» в столице, является бесполезным.

Он также отверг договор с польским «Патриотическим обществом», заключенный Бестужевым-Рюминым. С начала 1825 г. весьма напряженные переговоры с поляками вел сам Пестель при участии С. Г. Волконского.

Пестель категорично изложил позицию южан: избрание одного верховного правителя, директора обеих управ, «с беспрекословным ему повиновением». Вопрос о территориальных уступках был снят с повестки дня. Согласно показаниям Пестеля на следствии, «было за правило принято поставить себя к ним в таковое отношение, что мы в них ни малейше не нуждаемся, но что они в нас нужду имеют, что мы без них обойтись можем, но они без нас успеть не могут; и потому никаких условий не предписывали они нам, а напротив того – показывали готовность на все наши требования согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши».[292]

Разочарованные поляки отказались от официальных переговоров с Южным обществом, но рабочие контакты между русскими и польскими заговорщиками продолжались. Уже в январе 1825 г. было принято совместное решение о необходимости установить революционные связи в Литовском отдельном корпусе. Поскольку корпус комплектовался как польскими, так и русскими офицерами, заговорщики договорились о выделении из обоих обществ по одному представителю: граф П. И. Мошинский – от поляков и полковник Саратовского пехотного полка И. С. Повало-Швейковский – от русских. Они должны были поддерживать между собой постоянную связь и информировать друг друга о ходе работы.

В начале 1825 г. в Петербург с Кавказа приехал А. И. Якубович, который предложил себя в цареубийцы из «личных видов», желая отомстить Александру I за свой перевод из гвардии в армию. Заговорщики называли его Брутом и Маратом одновременно. Руководители Северного общества К. Ф. Рылеев и С. П. Трубецкой хотели воспользоваться предложением Якубовича в собственных политических целях.

В апреле 1825 г. граф Витт привлек к сотрудничеству помещика А. К. Бошняка. В апреле-мае Бошняк начал переговоры с членами Каменской управы Южного общества В. Н. Лихаревым и В. Л. Давыдовым. Войдя в доверие к Лихареву, а затем и к Давыдову, Бошняк получил сведения об их участии в тайном обществе. И с этого момента начинается конкурентная борьба двух не знающих друг о друге секретных сотрудников военной полиции графа Витта. Восемнадцатого мая 1825 г. Шервуд в

тайне от своего курирующего офицера Барк-Петровского, которого он подозревал в связях с заговорщиками, отправил письмо своему соотечественнику, лейб-медику императора Я. В. Виллие. В письмо было вложено другое, с грифом «секретно», для передачи в собственные руки государя. В нем Шервуд просил Александра I об аудиенции для личного секретного доклада. Скорее всего, Виллие, в силу своей профессии входивший в число наиболее доверенных лиц государя, был не чужд и некоторых особенных поручений. В пользу этой версии говорит тот факт, что Виллие – единственный из участников покушения на Павла I, кто оставался в фаворе у Александра до конца его жизни.

В конце мая – начале июня Витт сообщает начальнику Главного штаба Его Императорского Величества Дибичу о первых результатах по внедрению своего секретного сотрудника (Бошняка) в тайное общество. Дибич в то время сопровождал находившегося в Варшаве Александра I, который по линии Священного союза предпринимал шаги по организации воздействия на Турцию и Египет. (Государь пытался дипломатическими мерами остановить турецко-египетское вторжение в Грецию, начавшееся в феврале 1825 г., но его попытки успехом не увенчались.)

В июне Бошняк сообщил заговорщикам, что граф Витт, давно зная о существовании тайного общества и полностью поддерживая его цели, желает присоединиться к нему и готов через год поставить под ружье 50 тысяч человек из поселений. Давыдов сообщил об этом Пестелю. Тот, хотя и был обрадован, проявил осторожность и посоветовался с генерал-интендантом 2-й армии Юшневским. Последний, получив письмо от Пестеля и «подумав с полчаса», передал ответ через Н. И. Лорера, что графа Витта принимать не следует, а необходимо «всячески остерегаться». Однако это предостережение запоздало.

Во второй половине июня Бошняк поведал Давыдову о двух известных ему «шпионах» правительства: штабс-капитане А. О. Корниловиче и полковнике П. В. Абрамове. Последнего Бошняк характеризовал как шпиона генерала Киселева и добавил, что в полку Пестеля служат офицеры, осуществляющие надзор за своим командиром. Для чего это было сделано, не вполне ясно, ведь оба названных «шпиона» являлись членами Южного общества и впоследствии были осуждены как заговорщики. Возможно, Бошняк пытался таким образом приобрести доверие Давыдова и одновременно внести раскол в ряды заговорщиков. Не исключено также, что граф Витт (организатор) пытался тем самым подставить своего «коллегу» по тайному сыску генерала Киселева. А может быть, это был спонтанный, лишенный всякой логики

экспромт Бошняка. Но почему были названы именно эти две фамилии, остается загадкой.

Тем временем члены Южного общества начали практическую подготовку к предполагаемому походу 2-й армии на Петербург для поддержки восстания гвардейских полков. Маршрут движения армии на столицу должны были проложить офицеры квартирмейстерской службы (в том числе Лихарев), состоявшие в заговоре. Генерал-квартирмейстер Юшневский начал заготовку продовольствия и фуража на узловых точках будущего сбора частей армии. Главным сборным пунктом в направлении Санкт-Петербурга становился г. Каменец-Подольский. Дорога, ведущая из этого города в столицу, шла по западным границам России, что при поддержке польских войск и нейтралитете Литовского отдельного корпуса позволяло миновать места дислокации соединений 1-й армии, военное столкновение с которой не входило в планы южан.

В июне 1825 г. в Литовском отдельном корпусе организационно оформилось тайное «*Общество военных друзей*». Идеологом заговорщиков был М. Рукевич, основными организаторами – К. Игельстром и И. Вегелин. Руководящим органом общества был комитет, в состав которого вошли К. Игельстром, И. Вегелин, П. Гофман, Э. Петровский, А. Угричич-Требинский. Председателем комитета бы стал поручик Гофман. «Общество военных друзей» объединяло офицеров Литовского корпуса, местных чиновников, шляхтичей и учащуюся молодежь. Характерной чертой общества была строгая конспирация, почерпнутая Рукевичем и Игельстромом у тайных масонских организаций. Общество состояло из трех ступеней посвящения. В первую («Военные друзья») входили руководители общества и офицеры, во вторую («Общество согласия», руководитель коллежский асессор А. Угричич-Требинский) – гражданские чиновники и помещики, в третью («Заряне», руководитель канцелярист Л. Вронский) – учащиеся Белостокской гимназии. Низшие ступени возглавляли представители более высоких ступеней. Всего в «Общество военных друзей» входило 45 человек, из них 41 – поляки.

Руководство Южного общества знало о наличии тайной организации в Литовском корпусе. В 1826 г. Петербургский следственный комитет выяснил, что С. Г. Волконский по поручению Пестеля летом 1825 г. ездил в Бердичев для встречи с Мошинским, используя в качестве прикрытия участие в контрактах на Бердичевской ярмарке. Мошинский и известил Волконского об учреждении тайного общества в одном из полков Литовского корпуса. Это было настолько важно для южан, что

Волконский немедленно передал информацию Пестелю через члена Южного общества штабс-капитана Азовского пехотного полка И. Ф. Фохта. Несомненно, эта информация, учитывалась в дальнейших планах руководства южан. При движении на Киев, Петербург и Москву Литовский отдельный корпус «нависал» над левым флангом и тылом войск заговорщиков. От его выступления на стороне восставших или хотя бы нейтралитета во многом зависел успех мятежа в 1-й и 2-й армиях.

Тринадцатого июня Александр I возвратился в Царское Село из Варшавы, а 4 июля из Петербурга прибыл фельдъегерь прапорщик Ланг с предписанием об отправке Шервуда в Петербург. Тринадцатого июля Шервуда принял Аракчеев, и 17 июля его представили Александру I. Император подробно расспросил агента о подробностях заговора, но, не получив конкретных сведений, распорядился предоставить письменный отчет. Третьего августа Шервуд отбыл из Грузино в свой полк чтобы продолжить оперативную работу по дальнейшему «разведыванию» тайного общества в Одессе и Харькове. Для прикрытия оперативной работы ему был выдан паспорт, согласно которому он числился в годовом отпуске «для приведения в порядок расстроенного состояния отца».

Внимание Александра I по-прежнему приковывали международные дела. Не получив согласия Священного союза на прекращение турецко-египетской агрессии против Греции, он решил действовать самостоятельно и 6 августа 1825 г. объявил, что в турецких делах «отныне Россия будет исключительно следовать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами».[293] Дибич получил распоряжение начать подготовку к войне с Турцией. Подобное решение императора означало фактический распад Священного союза.

В августе 1825 г. начальник южных военных поселений граф Витт получил анонимное письмо, датированное днем, когда Шервуд отправился в свой полк. Автор письма достоверно не установлен, конкретные фамилии в нем отсутствуют, но в тексте имеются весьма интересные аналитические соображения, в частности, следующие:

«В то время как европейские карбонарии занимали внимание государей, в глубине мирной и процветающей России с 1819 г. образовался узел якобинства, завязанный за границей; его целью было пустить глубокие корни в империи, которая одна была препятствием к переменам и всеобщему ниспровержению престолов. После стольких революций, вспыхивавших и не удававшихся, ясно было, что только влияние нашей страны и страх пред теми гигантскими силами, которые один император

мог двинуть в защиту монархических принципов, остановили успехи, на которые надеялись. Опрокинуть этот колосс стало единственной надеждой и лозунгом всех злоумышленников, и с того времени завязались потаенные связи между европейскими карбонариями и буйными умами России.

К несчастью, необъяснимый рок или, быть может, косвенное влияние, хитрые тонкости которого ускользали от наблюдения, привели правительство к ряду неверных шагов, которыми опять-таки воспользовались для того, чтобы новых и новых приверженцев откалывать от правительства и привлекать на сторону этой новой силы, которая хотела возвысился и распространиться, чтобы раздавить врага, которого она страшилась. Отсюда исходил план, революционная сеть которого распространилась во всех классах; канцелярии министров и вообще правительственных учреждений, наполнились людьми, которых было слишком легко завербовать, так как в перевороте усматривали они для себя возможности и карьеры, и обогащения. Отсюда проистекает самая главная опасность: заполняя административный аппарат, эти люди получили возможность влиять на своих начальников, препятствовать от их имени правильному ходу управления, раздавать приказы и принимать меры, подсказанные враждою и клонившиеся к разрушению счастья и процветания империи.

Когда наметилась возможность революции в России, оставалось только решить, с кого начинать: с народа или с военной силы. К несчастью, зародыш недовольства, обнаружившийся в армии, решил выбор в пользу последнего пути, и с тех пор, не переставая, обрабатывали умы и офицера и солдата».[294]

В письме к Александру I от 13 августа Витт докладывает, что его агенты напали на след «важного и серьезного дела» и просит государя о конспиративной аудиенции не в Петербурге, а в Таганроге для личного доклада по всем известным ему сведениям. Примерно в то же время (между 10 и 15 августа) Шервуд сообщил Барк-Петровскому о порученной ему секретной миссии и продолжил свою оперативную работу. Во второй половине августа – начале сентября он «принимает» в члены тайного общества Т. Комара и двух братьев Красносельских. А затем отправляется в Одессу для проведения дальнейших «розысков».

В августе – сентябре 1825 г. руководителями Васильковской управы был составлен очередной план цареубийства, получивший название «*2-й Белоцерковский план*». В августе во время маневров 3-го пехотного корпуса 1-й армии под украинским местечком

Лещином, близ Житомира, член «Общества соединенных славян» капитан Пензенского пехотного полка А. И. Тютчев рассказал бывшим сослуживцам по Семеновскому полку М. П. Бестужеву-Рюмину и С. И. Муравьеву-Апостолу о своей принадлежности к тайной организации. После трудных переговоров (часть «славян» не одобряла идею «военной революции», чреватую, по их мнению, неизбежной диктатурой), проведенных Бестужевым-Рюминым и П. И. Борисовым, было принято решение о вхождении «Общества соединенных славян» в Южное общество. У «славян» насчитывалось около пятидесяти членов (И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, Я. М. Андреевич, М. М. Спиридонов, В. Н. Соловьев, А. Д. Кузьмин, М. А. Щепилло и др.), среди которых были русские, украинцы, поляки. В сентябре Бестужев-Рюмин, смотревший на новичков «как на орудие революции», получив список «славян», отметил в нем тех, кто был готов на цареубийство.

«2-й Белоцерковский план» предусматривал ликвидацию императора на высочайшем смотре осенью 1826 г. А в роли членов «Обреченного отряда» должны были выступить террористы-«славяне» или офицеры, разжалованные в солдаты. Затем восставшие части 1-й и 2-й армий должны были двинуться на Киев, Москву и Петербург. Этот план, снижающий влияние Пестеля, был поддержан его противником С. П. Трубецким.

В конце августа, незадолго до отъезда Александра I в Таганрог, между государем и князем А. Н. Голицыным состоялся разговор, записанный М. А. Корфом со слов князя. Голицын позволил себе заметить государю о «неудобстве», которое может возникнуть, «когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время не обнародованными, и какая может родиться от того опасность в случае внезапного несчастия».[295] Император был поражен справедливостью этих слов, но после минутного молчания, указав рукой на небо, тихо произнес:

– Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет все устроить, нежели мы, слабые смертные.[296]

Возможно, подготовив необходимые бумаги для легитимной передачи престола от одного своего брата к другому, Александр I не обнародовал их потому, что считал этот вопрос исключительно внутренним делом царствующей фамилии.

Выехав 1 сентября из Петербурга, 13 сентября император прибыл в Таганрог. Между тем события, связанные с раскрытием офицерского заговора, стали разворачиваться все быстрее.

Десятого сентября 1825 г. в ход розысков вмешался Его Величество Случай. В тот день дворовые графа Аракчеева убили

его домоправительницу Н. Ф. Минкину. Граф впал в депрессию и, не уведомив самодержца, передал дела военных поселений генерал-майору А. Х. Эйлеру «по тяжкому расстройству здоровья». Тем временем Шервуд получил рекомендательные письма от управляющего Одесской таможней Д. Н. Плахова к орловскому губернатору П. А. Сонцову и командиру Екатеринославского кирасирского полка полковнику Плахову. Девятнадцатого сентября Шервуд прибыл в Курск к Вадковскому и рассказал ему о своих больших успехах в войсках поселенцев. Покинув Вадковского на следующий день, он составил донесение Аракчееву, которое 25 сентября в Карачеве вручил фельдъегерю И. Матвееву. Но никаких письменных улик о существовании заговора и его руководстве в донесении не было. Следующую встречу со связным Шервуд назначил на 15 ноября в Харькове.

Сообщение Шервуда Аракчеев получил 30 сентября, но не читал; пакет с донесением срочно отправили в Таганрог, императору «в собственные руки». В донесении, с которым Александр I ознакомился 10 октября, сообщалось о «преступных разговорах о цареубийстве». Спустя неделю, 18 или 19 октября, граф Витт доложил государю о результатах деятельности секретных сотрудников. В качестве подозреваемых были названы М. Ф. Орлов, В. Л. Давыдов, Н. А. Крюков, В. Н. Лихарев, Н. М. Муравьев, Н. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев. Витт предложил арестовать выявленных членов тайного общества на Киевских контрактах в феврале 1826 г. От императора поступил приказ продолжить наблюдения за злоумышленниками. Начальник Главного штаба Дибич получил указание до возвращения Александра из поездки по Крыму держать все в глубокой тайне. В свою последнюю поездку самодержец отправился 20 октября и вернулся из нее в Таганрог 5 ноября, уже смертельно больным.

Тридцатого октября Шервуд, в течение месяца так и не сумевший получить прямых доказательств существования тайного общества в Орловской губернии, вернулся в Курск, к Вадковскому. Там он написал фальшивый отчет «Состояние военного поселения в Херсонской и Екатеринославской губерниях», указав в нем, что вошел в группу заговорщиков из двух генералов и 47 офицеров. Не называя фамилий, он отметил, что все эти люди умны, решительны в бою и пользуются большим доверием у нижних чинов. Вадковский при Шервуде спрятал отчет в тайник, устроенный в футляре скрипки. Там уже хранились списки членов Северного и Южного обществ, а также переписка с ними. В разговорах с Вадковским, сумев вызвать того на откровенность, Шервуд узнал еще несколько имен членов Южного общества: З. Г. Чернышев, П. Н. Свистунов, Ф. В. Барыков

и Ф. Я. Скарятин. Особо ценными были сведения о руководителях южан: командире Вятского пехотного полка П. И. Пестеле, генерал-интенданте 2-й армии Юшневском и графе В. А. Бобринском, который предложил дать 10 тысяч рублей «на заведение секретной типографии». Двенадцатого ноября Шервуд возвратился в Харьков для встречи связного.

Десятого ноября уже смертельно больной Александр приказал Дибичу направить в помощь Шервуду полковника лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаева под предлогом покупки лошадей. Пятнадцатого ноября Шервуд встретился с Николаевым, у которого был ордер, полученный от Дибича, на право вести обыски и производить аресты заговорщиков. Вначале Николаев и Шервуд решили арестовать поручика Николая Булгари, но тот отсутствовал.

Девятнадцатого ноября 1825 г. в Таганроге скончался Александр I. Сведения, имевшиеся к тому времени в распоряжении государя, давали возможность для локализации заговора, но ни один из заговорщиков арестован не был. Таким образом, бездействие Александра, а вслед за ним и высших должностных лиц империи сыграли трагическую роль. Мы полагаем, что выступление на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. стало прямым следствием явного нежелания государя доводить дело до кровопролития. Даже на смертном одре Александр не раскрыл тайну секретного манифеста. Известие о назначении наследником престола Николая Павловича стало для заговорщиков юридическим поводом к восстанию, которым они не преминули воспользоваться.

Глава 8
Ultima Ratio Regum [297]

Надзор должен обеспечить правительство достоверными знаниями о людях, вещах и событиях так, чтобы оно могло, опираясь на эти данные, предотвращать зло.

М. Я. фон Фок

После смерти Александра I в России сложилась весьма напряженная ситуация – и приближенные покойного государя, и заговорщики попали в цейтнот. Время, которое, казалось, так медленно тянулось в прошедшей четверти века, начало свой стремительный бег, подгоняя всех…

Начальник Главного штаба И. И. Дибич, не знавший о существовании секретного манифеста от 16 августа 1823 г. и отречении Константина, срочно отправляет два сообщения о смерти государя: великому князю Константину, которого считал наследником престола, и вдовствующей императрице Марии Федоровне. Фельдъегеря понеслись в Варшаву и Петербург.

Между тем официальные известия (и слухи) о кончине императора стали потихоньку распространяться по России. Шервуд и Николаев узнали об этом в Харькове 22 ноября. Предположив, что члены тайного общества могут использовать смерть самодержца для выступления, они решили помешать связи заговорщиков друг с другом и отбыли в Курск вечером 25 ноября (Шервуд) и 26 ноября утром (Николаев).

Командир Вятского пехотного полка 18-й пехотой дивизии полковник П. И. Пестель, находившийся в штабе полка в местечке Линцы, узнал о смерти государя примерно в это же время и при содействии С. Г. Волконского немедленно приступил к разработке нового плана «военной революции», который впоследствии получил название «*План 1-го января*». Этот вариант основывался на приказе Вятскому пехотному полку исполнять караульную службу при главной квартире 2-й армии в Тульчине начиная с 1 января 1826 г. К этому времени офицеры-квартирмейстеры, участвовавшие в заговоре, должны были проложить маршрут движения армии на Петербург, а генерал-интендант А. П. Юшневский – заготовить продовольствие для похода. По прибытии полка в Тульчин Пестель планировал арестовать

главнокомандующего 2-й армией Витгенштейна и начальника штаба армии Киселева. В командование армией при поддержке офицеров штаба должен был вступить командир 19-й пехотной дивизии[298] генерал-майор С. Г. Волконский.

В числе заговорщиков, на которых могли рассчитывать Пестель и Волконский, в частности, находились:

1) командир Казанского пехотного полка 18-й пехотной дивизии полковник П. В. Аврамов;

2) полковник В. И. Враницкий, подполковник П. И. Фаленберг, поручики И. Б. Аврамов, Н. С. Бобрищев-Пушкин, П. С. Бобрищев-Пушкин, Н. А. Загорецкий, Н. А. Крюков, Е. Е. Лачинов, А. И. Черкасов, подпоручики В. Н. Лихарев, Н. Ф. Заикин, прапорщики И. И. Муравьев-Апостол, И. Ф. Юрасов (квартирмейстерская часть);

3) адъютант Главного штаба 2-й армии поручик Н. В. Басаргин;

4) штаб-ротмистр А. П. Барятинский, ротмистр В. П. Ивашев, поручик А. А. Крюков (адъютанты главнокомандующего 2-й армией);

5) штаб-лекарь коллежский асессор Ф. Б. Вольф.

В заговоре состоял и сын главнокомандующего 2-й армией ротмистр Л. П. Витгенштейн.

После организации похода 2-й армии на Петербург Пестель планировал выехать в столицу и там лично поднять восстание в гвардии, опираясь на членов петербургской ячейки Южного общества, прежде всего офицеров Кавалергардского полка.

Составной частью «Плана 1-го января» было совершение в столице цареубийства.

Занимаясь подготовкой восстания, Пестель сложил с себя полномочия главы Тульчинской управы и назначил ее руководителем А. Барятинского.

Противник Пестеля – дежурный штаб-офицер 4-го п. к. 1-й армии полковник С. П. Трубецкой (претендовавший на роль лидера восстания) – в ноябре был в Петербурге. Опираясь на разработанный в августе-сентябре 1825 г. руководителями Васильковской управы «2-й Белоцерковский план», он начал обсуждать его варианты со своими единомышленниками из Северного общества, имея в виду возможность совершения «военной революции» в столице. Трубецкой рассчитывал на поддержку частей 3-го и 4-го п. к. 1-й армии. В случае начала вооруженного восстания в Петербурге указанные корпуса должны были начать поход на столицу. Основной ударной силой считался 3-й пехотный корпус, в частях которого служили большинство участников Васильковской управы Южного общества и «Общества

соединенных славян». Командир 4-го п. к. генерал от инфантерии А. Г. Щербатов сочувствовал идеям заговорщиков.

В отличие от Пестеля и Трубецкого, лидер Васильковской управы С. И. Муравьев-Апостол считал возможным осуществление «военной революции» и без обязательного восстания гвардейских полков в столице. Он готовил свой вариант восстания, опираясь на заговорщиков из Южного общества и «Общества соединенных славян», служивших в 3-м п. к. 1-й армии. В полном объеме план Муравьева-Апостола следствием выявлен не был, однако анализ показаний заговорщиков позволяет с большой долей вероятности считать, что он был следующим. В Брусилове, где располагался штаб Кременчугского пехотного полка 9-й пехотной дивизии, сосредотачивались полки двух дивизий: 9-й пехотной и 3-й гусарской, командиры и офицеры которых состояли в заговоре либо симпатизировали заговорщикам. Гусарским полкам следовало занять Житомир, овладеть штабом 3-го пехотного корпуса, арестовать корпусного командира генерал-лейтенанта Л. О. Рота и верных ему офицеров. К мятежным полкам в районе Житомира должны были присоединиться полки 8-й пехотной дивизии, а также 8-я и 9-я артиллерийские бригады. После этого 3-й пехотный корпус начинал марш на Киев и далее совместно с 4-м пехотным корпусом – на Петербург.

В числе заговорщиков[299] 3-го п. к. находились:

1) **9-я п. д.** 1.1. Алексопольский п. п.: полковник И. С. Повало-Швейковский (командир до сентября 1825); 1.2. Кременчугский п. п.: полковник П. А. Набоков, поручик Н. Л. Федоров, юнкер Сенявин; 1.3. Полтавский п. п.: полковник В. К. Тизенгаузен, капитан П. А. Устимович, поручики И. Г. Демьянович, Ф. Ф. Ковальский и Е. Н. Троцкий, подпоручик С. П. Трусов; 1.4. Черниговский п. п.: подполковник С. И. Муравьев-Апостол, капитан А. Ф. Фурман, штабс-капитан В. Н. Соловьев, поручики А. Д. Кузьмин, В. Н. Петин, А. И. Шахирев и М. А. Щепилло, подпоручики А. А. Быстрицкий и А. С. Войнилович; 1.5. 17-й е. п.: майор Панченко, капитаны Жегалов и Щербинский, подпоручики А. Ф. Вадковский, Д. А. Молчанов и Шефлер 1-й, юнкер Лекень; 1.6. 18-й е. п.: полковник К. Ф. Остен, прапорщик А. Н. Креницын; 1.7. 9-я а. б.: подполковник А. К. Берстель, подпоручики А. В. Веденяпин 1-й и А. С. Пестов, подпоручики Н. И. Тиханов и И. Н. Черноглазов, прапорщик А. В. Веденяпин 2-й.

2) **8-я п. д.** 2.1. Пензенский п. п.: майор М. М. Спиридов, капитан А. И. Тютчев, поручики П. Ф. Громнитский и Н. Ф. Лисовский, подпоручики П. Д. Мозган и А. Ф. Фролов; 2.2. Саратовский п. п.: полковник Жуков, поручик Н. И. Бельченко, подпоручик Н. О. Мозгалевский, прапорщики Ольшевский и И. Ф.

Шимков, юнкер В. И. Шеколла; 2.3. Тамбовский п. п.: капитан Тшилинский, штабс-капитаны А. Е. Розен и Унгерн-Штернберг, поручики А. О. Рихард 1-й и Н. О. Рихард 2-й, прапорщик А. О. Рихард 4-й; 2.4. Троицкий п. п.: капитан Киселевич и поручик Ярошевич; 2.5. 16-й е. п.: полковник М. А. Габбе; 2.6. 8-я а. б.: поручики Ридигер и Ротмистров, подпоручики Я. М. Андреевич, Г. М. Андреевич, П. И. Борисов, И. И. Горбачевский, Г. И. Одинцов, прапорщики В. А. Бечаснов и И. В. Киреев;

3) **3-я г. д.** 3.1. Александрийский г. п.: полковник А. З. Муравьев, поручик И. И. Сухинов; 3.2. Ахтырский г. п.: полковник А. З. Муравьев, подполковник И. А. Арсеньев, ротмистры Н. Н. Семичев, Малявин и Е. Е. Пфейлицер-Франк, корнет Л. Е. Годениус, поручик Никифораки; 3.3. Белорусский (принца Оранского) г. п.: подполковник И. И. Левенштерн, штаб-ротмистры П. С. Веселовский, И. П. Жуков и М. Н. Паскевич, поручик С. Поздеев, корнеты А. П. Рославлев и Ф. А. Ржевуский, юнкер Н. Ф. Лосев; 3.4. 3-я к-а. б. и 6-я к-а. р.: подполковник А. Н. Фролов; 3.5. 5-я к-а. р.: командир капитан М. И. Пыхачев.

В современном понимании конспирации собрания заговорщиков проходили далеко не всегда конспиративно. Так, в общих собраниях принимали участие офицеры различных подразделений. О своем участии в тайном обществе капитан Фурман показал, «что он к сему обществу приглашен был одного с ним полка поручиками Сухиновым и Кузьминым, во время нахождения их корпуса в лагерях в прошедшем, 1825 году под местечком Лещином, и в исходе оного позван ими неподалеку от лагерей в деревню, где квартировала 8-й артиллерийской бригады рота; зашедши в неизвестную ему квартиру, нашел там многих офицеров разных полков 8-й и 9-й дивизий <…> коих всех вообще было особ до 30-ти…».[300]

Однако пока заговорщики строили свои «наполеоновские» планы, над их головами уже был занесен меч Немезиды. На исходе ноября 1825 г. одновременно в трех местах – Житомире, Варшаве и Петербурге, разделенных сотнями километров, – произошли события, ставшие «точкой бифуркации»[301] для всех участников будущей драмы. Но никто из них об этом не подозревал…

Двадцать пятого ноября командир 3-го п. к. 1-й армии генерал-лейтенант Л. О. Рот получил донесение на имя императора от командира 1-й гренадерской роты Вятского п. п. (входившего в состав 7-го п. к. 2-й армии!) капитана А. И. Майбороды. В члены Южного общества Майборода был принят своим полковым командиром Пестелем в августе 1824 г. До осени 1825 г. у них были ровные отношения, но затем ситуация

изменилась. По одной версии, Майборода растратил часть средств заговорщиков и опасался мести со стороны Пестеля, по другой – из карьерных или иных, неведомых нам соображений капитан решил сообщить известные ему сведения властям. В донесении, в частности, говорилось, что «в России назад тому уже десять лет, как родилось и время от времени значительным образом увеличивается тайное общество под именем общества либералов; члены сего общества или корень оного мне до совершенства известен, не только внутри России, но частью и в других местах ей принадлежащих, равно как и план деятельных их действий…».[302]

Генерал Рот подверг Майбороду детальному и обстоятельному опросу, по итогам которого подготовил рапорт начальнику Главного штаба Дибичу, приложив к нему письмо Майбороды; 26 ноября рапорт с нарочным был отправлен в Таганрог.

В донесении Рота, в частности, говорилось:

«Я считаю нужным <…> довести до сведения вашего <…> что на запрос, сделанный мною, зачем он не обратился по своему начальству для доставления Его Императорскому Величеству донесения своего, он отозвался, что нашел удобнее для сохранения тайны обратиться ко мне не по какому-либо сомнению на высшее начальство 2-й армии, но для того, что поблизости расположения Вятского полка (в Липовецком уезде) счел легче скрыть поездку в Житомир, нежели в штаб 7-го пехотного корпуса или в главную квартиру; а так же и потому <…> что опасается, чтоб в числе чиновников, окружающих генералов 2-й армии не было сообщников тайного общества, которое он намерен открыть.

Хотя убедительно старался, что б он доставил более подробностей относительно оного, но он отозвался, что не может мне дать других сведений кроме следующих.

Что общество сие было прежде составлено под именем общества просвещения.

Что впоследствии времени оно преобразовалось и что многие члены от оного отклонились.

Что в числе сих последних находятся командир Украинского полка полковник Бурцов, Казанского – полковник Абрамов и квартирмейстерской части подполковник Комаров, которые, как он полагает, не откажутся дать насчет оного сведения (в особенности подполковник Комаров). <…>

Я счел нужным отпустить капитана Майбороду обратно в полк, дабы не дать полковнику Пестелю сомнения, которое могло бы побудить его истребить бумаги, заключающие доказательства

тайного общества».[303]

В тот же день, когда генерал Рот опрашивал Майбороду, в Варшаву в семь часов вечера пришло известие о кончине Александра I. Получив его, Константин немедленно оповестил о случившемся гостившего у него младшего брата Михаила Павловича. Как следует из воспоминаний Михаила, в его присутствии Константин прочел Н. Н. Новосильцеву, дежурному генералу А. И. Кривцову, начальнику своей канцелярии Л. И. Гинцу и князю А. Ф. Голицыну копии документов о своем отречении и заявил, что единственным законным преемником российского престола является Николай Павлович.

В течение ночи и следующего утра были подготовлены официальные бумаги, подтверждающие отречение, и частные письма Константина к Николаю и Марии Федоровне. Двадцать шестого ноября Михаил Павлович выехал с этими документами в столицу. В письме к брату Константин обращался к Николаю «Ваше Величество» и просил его принять данное письмо как присягу новому императору.

А в Петербурге вечером 25 ноября членам правящей фамилии и высшим сановникам (председателю Госсовета П. В. Лопухину, командующему Гвардейским корпусом А. Л. Воинову, военному губернатору Петербурга М. А. Милорадовичу, дежурному генералу Главного штаба А. Н. Потапову) стало известно о критическом состоянии Александра I (письмо Дибича от 15 ноября). Отметим, что сведения о болезни государя (начавшейся 5 ноября) сохранялись в строгой тайне, любые слухи об этом власти старались пресекать с помощью столичной полиции, подчинявшейся Милорадовичу. Ближе к ночи «его императорское высочество, граф Милорадович и генерал Воинов приступили к совещанию, какие нужно принять меры, если бы, чего Боже сохрани, получено было известие о кончине возлюбленного монарха. Тогда его императорское высочество предложил свое мнение, дабы в одно время при объявлении о сей неизреченной потере провозгласить и восшедшего на престол императора, и что он первый присягнет старшему своему брату, как законному наследнику престола».[304]

Это совещание характеризуется большинством историков как первая «схватка за власть» внутри императорской фамилии, ставшая одной из причин междуцарствия. Первым версию о «схватке Романовых», на которую до сих пор ссылаются историки, запустил С. П. Трубецкой после возвращения из сибирской ссылки. Его мемуары впервые опубликовал Герцен в «Записках декабристов» (вып. II–III. Лондон, 1863 г.).

Согласно «запоздалым откровениям» Трубецкого произошло

следующее.

«Я был коротко знаком с д. с. с.[305] Федором Петровичем Опочининым. Приехав к нему 25-го ноября, после разговора о тревожных вестях, привезенных вчерашним курьером, он мне сказал, что великий князь Николай пригласил к себе председателя Государственного совета князя Петра Васильевича Лопухина, князя Алексея Борисовича Куракина и графа Михаила Андреевича Милорадовича, бывшего, как известно, тогда военным генерал-губернатором С.-Петербурга и по случаю удаления императора от столицы облеченного особой властью. Великий князь объявил им свои права на престолонаследие, известное им по желанию Александра, чтоб он вступил после него на престол, и по отречению Константина Павловича, по случаю бракосочетания его с польскою девицей Грудзинскою, потом княгиней Ловичской. Граф Милорадович отвечал наотрез, что великий князь Николай не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не дозволяют располагать престолом по завещанию; что при том завещание Александра известно только некоторым лицам, а неизвестно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось не обнародованным; что Александр, если хотел, чтобы Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут все измене – тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что наконец гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемое за тем последствие будет возмущение. Совещание продолжалось до 2 часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но граф Милорадович признать их не хотел и отказал в своем содействии. На том и разошлись».[306]

Начнем опровергать изложенные факты по порядку. Дата приезда Трубецкого к Опочинину указана неверно, она не могла состояться ранее 26 ноября, поскольку весть о болезни Александра I пришла в Петербург только 25 ноября. Трубецкой либо «случайно запамятовал» (он писал об этом в 1858–1859 гг.), либо сознательно дезинформировал потомков для придания большей убедительности своей позиции и своим действиям. Все это позволяет авторам предположить, что никаких переговоров в указанном Трубецким составе не велось.

Имеются три версии событий 25–26 ноября.

Версия первая. Описание «переговоров» – не более чем попытка Трубецкого свести счеты с уже покойным ко времени

написания мемуаров императором Николаем I. В пользу этой версии говорит следующее. Во-первых, Трубецкой «свидетельствует» не о том, чему был очевидцем, а о рассказе Опочинина со слов Куракина. Во-вторых, к моменту написания воспоминаний никого из лиц, упомянутых Трубецким, уже не было в живых (Милорадович погиб в 1825 г., Лопухин умер в 1827 г., Куракин – в 1829-м, Воинов – в 1832-м, Опочинин – в 1852 – м, Николай I – в 1855 г.). Следовательно, опровергнуть «свидетельства» Трубецкого к тому времени было некому. В-третьих, о факте встречи Николая с Лопухиным, Куракиным и Милорадовичем 25 или 26 ноября никто из современников Трубецкого не упоминает.

Кроме того, Трубецкой указывает:

«В книге, изданной статс-секретарем бароном Корфом под заглавием: „Восшествие на престол императора Николая I“, сказано, что великий князь не только что не знал намерения императора Александра назначить его своим наследником, но и не помышлял никогда, что престол должен был когда-либо сделаться его достоянием, а потому был объят страхом, когда узнал, что Константин не принял данной ему присяги. Такое повествование должно казаться очень странным всем тем, кто знал, что Александр давно уже сделал завещание, которое хранилось в 3 экземплярах: в Москве в Успенском соборе, в Государственном совете и в Правительствующем Сенате. Публике петербургской было очень известно, что этим завещанием Николай назначался наследником престола, и конечно это знала не одна петербургская публика. Как же этого не знал великий князь, которого это всех более касалось!». [307]

По мнению авторов, в своем посыле Трубецкой или заблуждается, что достаточно сомнительно, или откровенно лжет. Как известно (и архивные данные подтверждают это), информация о смене наследника была строжайше засекречена Александром I даже от членов правящей фамилии. Достоверно о манифесте 16 августа 1823 г. знали только сам император, цесаревич Константин Павлович, митрополит Московский Филарет (хранитель оригинала) и князь А. Н. Голицын (который лично снимал копии манифеста для Госсовета, Сената и Синода). Вдовствующая императрица Мария Федоровна также знала о манифесте, но со слов старшего сына. Есть сведения, что император устно проинформировал и некоторых из царствующих иностранцев. Исходя из этого, мемуары Николая I, которые подтверждаются и воспоминаниями его младшего брата Михаила, представляются более достоверными, чем мемуары Трубецкого. Да и сам Трубецкой видит истинную цель мемуаров не в

установлении истины – скорее, он руководствуется семейными интересами:

«История со временем откроет все тайные обстоятельства этого дела; но цель этих записок не есть та, чтобы они могли служить материалами для будущего историка России. Я их оставляю детям моим для того, чтобы они знали, почему они родились и взросли в Сибири и почему они не наследовали тех прав состояния, которые принадлежали их родителям».[308]

Версия вторая. Автором «встречи в верхах» мог быть один из ее «участников» – председатель Департамента государственной экономии Госсовета А. Б. Куракин. Князь Куракин, родившийся в 1759 г., был личностью весьма примечательной для своего времени. При Екатерине II он служил в канцелярии генерал-прокурора А. А. Вяземского. При Павле I в чине генерал-прокурора управлял делами Тайной экспедиции (в 1796–1798 гг.). При Александре I был министром внутренних дел (в 1807–1810 гг.), но к концу правления государя утратил прежнее влияние. При Николае I Куракин находился под постоянным надзором Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В кратком обзоре общественного мнения за 1827 г., составленным Третьим отделением, говорилось:

«Недовольные разделяются на две группы. <…> Во вторую входят лица, считающие себя оскорбленными в своих честолюбивых замыслах и порицающие не столько самые мероприятия правительства, сколько тех, на ком останавливается выбор государя. Душой этой партии, которая высказывается против злоупотреблений исключительно лишь потому, что сама она лишена возможности принимать в них участие, является князь Куракин. <…>

Партия Куракина состоит из закоренелых взяточников, старых сатрапов в отставке и женщин, не могущих больше интриговать».[309]

Позволим себе предположить, что Куракин, растерявший к 1825 г. былое влияние и не испытывавший иллюзий в отношении своей карьеры при вступлении на престол Николая Павловича, мог просто использовать Опочинина «втемную», интригуя как в своих собственных интересах, так и в интересах Константина Павловича. Куракин имел определенные познания в оперативной работе и вполне мог воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы показать цесаревичу слабость Николая Павловича и, соответственно, силу Милорадовича, который выступал гарантом воцарения Константина в Петербурге. Добавим, что Опочинин, ранее служивший адъютантом цесаревича, являясь «говорящим письмом» Куракина, не мог не передать своему бывшему шефу

столь важную оперативную информацию.

Версия третья. Дезинформацию о «переговорах» придумал сам Опочинин и сообщил ее Трубецкому с целью прозондировать настроения последнего и связанных с ним лиц для дальнейшего сообщения Константину. Однако письмо от 3 декабря 1825 г. «от брата Николая к брату Константину», в котором говорится о встрече Николая именно с Милорадовичем и Воиновым, написано рукой Опочинина. Поэтому, учитывая высокие моральные качества Опочинина, чьи «редкие качества души и ума» отмечали многие современники, и, кроме того, благорасположение к нему августейших особ после декабрьского мятежа, эта версия представляется нам наименее вероятной.

Скорее всего, «переговоры» Николая Павловича с Лопухиным, Куракиным и Милорадовичем придуманы либо Трубецким (по нашему мнению, потенциальная вероятность 70–75 %), либо Куракиным (потенциальная вероятность 25–30 %). Следовательно, никакой борьбы за власть в семействе Романовых не было, а 27 ноября 1825 г. следует считать началом дворцового переворота, предпринятого Милорадовичем в пользу Константина. Но этот переворот не был закончен по независящим от военного генерал-губернатора причинам. Мы считаем, что именно эту попытку переворота и пытался задним числом прикрыть Трубецкой, который (как и большинство гвардейских бездельников и сибаритов) не любил Николая Павловича за его требовательность в вопросах армейской службы. Ведь Трубецкой сам писал, что «одни военные искренно желали, чтоб Константин остался императором; им молодые великие князья надоели. Гвардейские офицеры с нетерпением ожидали приезда нового своего государя…».[310]

Наступило 27 ноября. В этот день в Зимнем дворце состоялся молебен за здравие Александра I. На нем около полудня императорская семья и высшие сановники и узнали о смерти государя. Николай Павлович, считая своего старшего брата законным наследником престола, незамедлительно присягнул ему. Затем он привел к присяге караулы Зимнего дворца от лейб-гвардии Кавалергардского, Конногвардейского и Преображенского полков. Днем к присяге были приведены все войска столичного гарнизона.

В тот же день состоялось заседание Государственного совета. Князь А. Н. Голицын (единственный, знавший о содержании секретного манифеста) начал настаивать на немедленном вскрытии пакета, однако некоторые члены Госсовета возражали. Д. И. Лобанов-Ростовский заявил, что этого делать не нужно, поскольку «у мертвых нет воли». Его поддержали А. С. Шишков и

М. А. Милорадович, аргументируя свою позицию тем, что Николай Павлович уже принес присягу Константину. Председательствующий князь П. В. Лопухин решил все же распечатать пакет, и текст манифеста стал известен. По настоянию Милорадовича было принято решение идти к Николаю и положиться на его волю.

Николай заявил депутации, что им движет священный долг перед старшим братом. А поскольку войска уже начали присягать новому императору, он призвал Госсовет принести присягу Константину Павловичу «для спокойствия государства». По воле Николая это сделали не только члены Государственного совета, но и Сената и Синода.

Роль военного генерал-губернатора Петербурга Милорадовича, которому на тот момент подчинялись войска гарнизона и столичная полиция, в принятии присяги Константину была решающей. Отважный офицер и умелый военачальник, пользовавшийся заслуженным уважением в войсках и в силу должностного положения обладавший реальной властью в столице, он, по сути, шантажировал Николая непопулярностью среди офицеров гвардии. В период междуцарствия Рылеев сказал декабристу В. И. Штейнгелю, «что если прямо не присягнули Николаю Павловичу, то причиною тому Милорадович, который предупредил великого князя, что не отвечает за спокойствие столицы по той ненависти, какую к нему питает гвардия».[311] В определенной степени повторялась ситуация с Петром III и Павлом I.

Вечером 27 ноября князь Ф. П. Шаховской сказал Милорадовичу, что тот поступил очень смело. Милорадович парировал, что чувствует за спиной поддержку гвардии.

Мы полагаем, что граф поддержал кандидатуру Константина Павловича по той причине, что последний мог стать для него менее требовательным государем, чем Николай. Возможно, Милорадович ожидал упреков или даже отстранения от должности за неудовлетворительное состояние дисциплины в гвардии. А может быть, имела место и банальная нехватка денежных средств. Штейнгель, например, писал про Милорадовича, что «он был чрезмерно расточителен и всегда в долгу, несмотря на частые денежные награды от государя; а щедрость Константина была всем известна. Граф мог ожидать, что при нем заживет еще расточительнее».[312] Милорадович имел страсть к слабому полу, особенно проявившуюся после того, как он стал генерал-губернатором Петербурга. По свидетельству актера и драматурга В. А. Каратыгина, граф даже пытался создать из воспитанниц театральной школы личный гарем.

Будущий император не имел в тот момент силовой поддержки (кроме 2-й гвардейской дивизии, которой командовал) и не знал оперативной обстановки в городе. Учитывая моральный аспект и практические соображения, Николай избрал правильную тактику. Он решил действовать, осторожно выясняя обстановку, постепенно приобретая сторонников, накапливая военные и политические резервы на тот случай, если будет суждено подчиниться воле покойного императора, и сохраняя должный пиетет на случай восшествия на престол старшего брата.

Нахождение Константина Павловича (формально признанного самодержца) в Варшаве и отсутствие каких-либо распоряжений с его стороны породили в правящих кругах Петербурга состояние неопределенности, и для реализации планов заговорщиков создались благоприятные условия, но у них не было детально проработанного плана, который мог быть введен в действие немедленно.

«Никакой другой случай, – писал Трубецкой, – не мог быть благоприятнее для приведения в исполнение намерения тайного общества, если б оно было довольно сильно для приведения в действие своих предположений. Но члены его были рассеяны по большому пространству обширной Российской империи; другие были за границей. Столица, где должно происходить главное действие, заключала небольшое число членов. Несмотря на то, бывшие в ней члены положили воспользоваться предстоящим случаем, особенно когда в мыслящей публике поселилось ожидание, что Константин Павлович не примет следующего ему наследия престола. Причины, побудившие их воспользоваться предстоящим случаем, были следующие:

1. В России никогда не бывало примера, чтоб законный наследник престола добровольно от него отказывался, и должно было предполагать, что с трудом поверят такому отказу.

2. Молодых великих князей не любили, особенно военные. Только некоторая часть двора предпочитала иметь императором Николая; придворные дамы находили, что для них низко будет иметь незнатного даже рода польку – императрицею.

3. Во всех домах, принадлежавших к знатнейшему обществу столицы, изъявлялось негодование на странное положение, в котором находилось государство. Однако ж никто из этих лиц не возвысил своего голоса в эти дни, в которые отозвался бы ему сильный отголосок. Недостаток ли духа или любви к Отечеству, или попечение о собственных выгодах замкнули уста, только никто не смел выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственные постановления. <…>

4. Наконец, члены тайного общества уверены были в

содействии некоторых из высших сановников государства, которые, опасаясь действовать явно, когда еще общество не оказало своей силы, явились бы готовыми пристать, как скоро увидели бы, что достаточная военная сила может поддержать их.

Первое действие тайного общества было увериться, что все его члены будут равно усердно содействовать общей его цели. Но здесь оказалось то же, что обыкновенно оказывается во всех человеческих делах. Многие члены вступили в общество, когда еще конечное его действие представлялось в неизвестной дали. Будучи его членами, они знали, что будут всегда поддержаны им и что это могло способствовать их возвышенно. Теперь они достигли уже известной степени, и когда открывались новые обстоятельства, они не видели пользы для себя действовать сообразно видам такого общества, где члены, не имея никакой личной цели, стремились жертвовать собою единственно для блага своего Отечества».[313]

Мы уже отмечали, что наиболее радикальные руководители Северного и Южного обществ планировали вооруженное выступление на первую половину 1826 г. Один из вариантов переворота предусматривал силовой захват власти в момент смены императоров. Но поскольку Константин Павлович находился в Варшаве, вне пределов досягаемости заговорщиков, и не издавал манифеста о своем вступлении на престол, лидеры «революционеров» не могли прийти к какому-либо решению. Тем не менее они вели интенсивную разведку в стане сторонников Николая, причем на очень высоком уровне.

«Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, – вспоминал Николай I, – уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский, бывший тогда адъютантом у генерала Бистрома, командовавшего всею пехотой гвардии <…> ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был собираться после развода в так называемой Конногвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностью Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рылеева. Другое лицо <…> Якубовский (Якубович. – *Авт.*) в то же время умел хитростью своею и некоторою наружностью смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность.

Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого, как говорится, часто сердце было на языке».[314]

В Петербурге наступила оперативная пауза, а на юге тем временем происходило следующее. Утром 29 ноября Шервуд и Николаев прибыли в Курск, где стали искать способ получить письменные улики о деятельности заговорщиков. Воспользовавшись отсутствием у Вадковского связного, Шервуд сумел убедить его написать обширное письмо Пестелю, которое он вызвался передать главе южан в собственные руки. В письме говорилось о замыслах и деятельности заговорщиков и были названы имена С. П. Трубецкого, А. П. Барятинского, М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов, а также П. Х. Граббе и М. Ф. Орлова. Утром 3 декабря Шервуд направился с письмом якобы в Тульчин, а на самом деле через Харьков в Таганрог.

В Таганроге 1 декабря на имя покойного императора поступило донесение генерала Рота. Высшее военное командование империи наконец осознало опасность антиправительственной деятельности тайного общества в вооруженных силах. Начальник Главного штаба И. И. Дибич и генерал-адъютант Александра I А. И. Чернышев взяли ответственность по раскрытию заговора на себя и стали действовать быстро, поскольку сдерживающего фактора в лице покойного императора они больше не имели.

Третьего декабря в Петербург прибыл Михаил Павлович, который вручил матери и брату письма от Константина. Однако в письмах не было (и не могло быть) манифеста, в котором Константин отказывался от данной ему в Петербурге присяги, принесенной через сутки после отъезда Михаила Павловича из Варшавы. Николай вспоминал, что ему удалось «убедить матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой, в виде манифеста, с изъяснением таким, которое бы развязывало от присяги, ему данной».[315]

Члены царствующей фамилии в тот же день направили в Варшаву фельдъегеря Белоусова с письмом, в котором просили Константина Павловича написать манифест с отказом от присяги и решили не предавать огласке его первое послание. Тот факт, что Михаил Павлович не принес присягу в Варшаве, служил для общественного мнения косвенным подтверждением отречения Константина Павловича от престола.

Чтобы предотвратить утечку информации, на семейном совете приняли решение не оставлять Михаила в Петербурге. Официально было объявлено, что великий князь едет в Варшаву с

сообщением о здоровье Марии Федоровны. Местом пребывания младшего сына Павла I выбрали почтовую станцию Неннале в трехстах верстах от Петербурга по Рижскому тракту. Михаил выехал во второй половине дня 5 декабря. По дороге он должен был останавливать возвращавшихся из Варшавы и задерживать всех, кто мог знать об отказе Константина от вступления на престол. Начальнику почтового ведомства и доверенному лицу императора Александра I князю Голицыну поручалось следить за поступлением корреспонденции из Царства Польского. Частные письма, приходившие из Варшавы, задерживались и временно адресатам не направлялись; бумаги, полученные по эстафете из канцелярии наместника, передавались Николаю. Позже Голицын вспоминал: «Бумаги, не терпящие отлагательства, должен был я лично вручать у себя тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии, положение самое несносное!»[316]

На юге ситуация стремительно менялась. Пятого декабря Чернышев выехал в Тульчин, имея на руках приказ об аресте Пестеля. Восьмого декабря Дибич получил письмо Вадковского к Пестелю и, имея на руках письменные доказательства о заговоре, в тот же день отправил приказ Николаеву арестовать Вадковского. Арест произошел 11 декабря в Курске. При обыске был обнаружен тайник в скрипичном футляре, и списки многих заговорщиков оказались в руках военного командования.

Заполучив улики о заговоре среди офицеров 1-й и 2-й армий и военных поселений юга России, Дибич немедленно отправил сообщения в Варшаву и Петербург. Тринадцатого декабря был арестован Пестель, один из наиболее опасных заговорщиков. Решительные действия Дибича и Чернышева по разоблачению и аресту руководителей и многих членов Южного общества предотвратили возможную большую кровь.

Междуцарствие в столице продолжалось. Временный отъезд Михаила Павловича из Петербурга имел большое значение и с точки зрения безопасности правящей фамилии. С 5 по 13 декабря все мужчины дома Романовых пребывали в разных местах, что создавало известные трудности для их одновременного захвата или ликвидации. Константин Павлович был под защитой лично преданных ему польских войск, состоявших из двух пехотных корпусов и кавалерийской дивизии. Недопущение к власти Николая имело смысл только в том случае, если документы об отречении Константина приобрели бы законную силу, то есть получили признание на уровне Государственного совета, Сената и Синода. В этой ситуации тот, кто первым получал информацию об отречении Константина, имел больше возможностей для мобилизации и тактического развертывания сил. Упорная борьба

между специальными службами Николая и заговорщиков за обладание информацией, а значит, и за возможность эффективно реализовать ее в своих интересах шла десять дней, с 4 по 13 декабря.

Значительную часть участников заговора представляли адъютанты высших начальствующих лиц: при цесаревиче Константине – М. С. Лунин; при принце А. Вюртембергском – А. А. Бестужев, при главнокомандующем 1-й армией Ф. В. Остен-Сакене – П. П. Титов, В. А. Мусин-Пушкин и Ф. Л. Бреверн; при главнокомандующем 2-й армией П. Х. Витгенштейне – А. А. Крюков, В. П. Ивашев, Н. В. Басаргин и А. П. Барятинский; при Дежурстве гвардейской пехоты – Е. П. Оболенский; при финляндском генерал-губернаторе А. А. Закревском – Н. В. Путята; при смоленском генерал-губернаторе Н. Н. Хованском – А. Чевкин; при 2-м корпусе – А. И. Сабуров; при генерале Н. Н. Раевском – П. А. Муханов; при генерале Я. А. Потемкине – К. П. Оболенский; при генерале А. И. Чернышеве – В. Д. Сухоруков; при главном командире Кронштадского порта Ф. В. Моллере – П. А. Бестужев. Указанные лица могли получать информацию от своих патронов и их ближайшего окружения. Однако меры секретности, принятые правительственной стороной, позволили Николаю Павловичу иметь информационное преимущество.

Параллельно с ведением тотальной разведки участники заговора активно занимались подготовкой вооруженного выступления гвардейских полков, часть офицерского состава которых поддерживала их. Особые надежды декабристы возлагали на Кавалергардский и Измайловский полки: из них вышли и в них служили наибольшее число членов тайных обществ. По плану Пестеля после отстранения династии Романовых Кавалергардский полк должен был стать единственной охраной новой власти. Предполагалось, что «Полк царских мечников» – таким было бы его название – будет состоять из 16 дружин (эскадронов) латников; ему предстояло занимать «исключительно во дворце все внутренние караулы».[317] Из других гвардейских частей заговорщики рассчитывали на Гвардейский морской экипаж, Гренадерский, Московский и Финляндский полки.

Кроме собственно участников Северного и Южного обществ, лидеры мятежников надеялись на поддержку членов масонских лож и ранее существовавших тайных обществ, среди которых были опытные в военном деле старшие офицеры. Определенная надежна возлагалась и на поддержку 3-го и 4-го пехотных корпусов 1-й армии.

К 8 декабря на собраниях руководителей заговора (Рылеев,

Трубецкой, Оболенский, Бестужев и Каховский) постановили назначить диктатором (военным руководителем восстания) Трубецкого. Его заместителем становился старший адъютант (начальник штаба) гвардейской пехоты Е. П. Оболенский, но при этом «мотором» заговора оставался Рылеев. Тогда же был принят и основной политический план: «*Приостановив* действие самодержавия, назначить *временное* правительство, которое учредило бы в губерниях камеры для избрания депутатов…».[318] К 13 декабря под руководством Трубецкого на квартирах Рылеева и Оболенского был разработан также план вооруженного выступления.

До принятия присяги состоявшие в заговоре офицеры должны были склонить солдат к мятежу, используя в качестве аргументов ложные сообщения об аресте Константина и Михаила и о незаконности присяги Николаю. Первому отряду под командованием капитана Нижегородского драгунского полка А. И. Якубовича поручался захват Зимнего дворца и арест императорской семьи. Для этого предполагалось использовать Гвардейский экипаж, Измайловский полк и Конно-пионерный эскадрон. Второй отряд, возглавляемый командиром 12-го Егерского полка полковником А. М. Булатовым, должен был овладеть Кронверком (арсенал) и Петропавловской крепостью (под прицелом ее пушек находился Зимний дворец). В качестве основной ударной силы второго отряда намечались 1-й и 2-й батальоны Гренадерского полка. Третьему отряду под руководством С. П. Трубецкого поручалось блокировать здание Сената. И. И. Пущин и К. Ф. Рылеев под угрозой оружия предъявили бы сенаторам ультиматум: не присягать новому императору, объявить правительство низложенным и передать власть Временному правительству. В этой части операции главную роль играли 1-й и 2-й батальоны Московского полка.

Чтобы придать мятежу характер народной революции, Якубович предложил сыграть на низменных страстях петербуржцев и использовать вариант, уже опробованный при свержении Петра III. Иными словами, он планировал открыть кабаки и организовать бесплатную раздачу водки для населения, затем взбунтовать толпу и направить ее к Зимнему двору и в богатые кварталы города. В случае неудачи восстания проговаривался вариант поджога города и отступления к Москве для соединения с частями 1-й и 2-й армий, находившимися под контролем Южного общества.

С целью обезглавить правительственные войска и внести панику в ряды сторонников самодержавия, 13 декабря Рылеев (в присутствии А. А. Бестужева, Е. П. Оболенского, И. И. Пущина)

предложил П. Г. Каховскому убить Николая Павловича. Рано утром 14 декабря он должен был проникнуть в Зимний дворец и совершить террористический акт до начала общего выступления. М. А. Бестужев планировал захватить великого князя Михаила Павловича при въезде в Петербург, на Нарвской заставе.

Важное место в планах заговорщиков отводилось караулам, так как быстрый захват ключевых объектов без их поддержки невозможен. Особый расчет возлагался на караулы по 1-му отделению, Петропавловской крепости и Нарвской заставе. Наиболее важными из них были караулы по 1-му отделению: внутренний караул и главная гауптвахта Зимнего дворца, присутственные места на Гороховой, 2, Адмиралтейство и Сенат. Дежурный по этим караулам – командир 2-го батальона Финляндского полка полковник А. Ф. фон Моллер – ранее состоял в тайном обществе. В Кронверке и Петропавловской крепости караулы занимали 2-я и 3-я фузилерные роты 1-го батальона Гренадерского полка. В карауле у Нарвской заставы стояла часть 2-й гренадерской роты Московского полка.

Однако замыслам заговорщиков не дано было осуществиться.

Ранним утром 11 декабря в Петербург прибыл барон Б. А. Фредерикс с пакетом от генерала Дибича для передачи в собственные руки императора.

«Спросив полковника Фредерикса, – вспоминал Николай I, – знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему не известно, но что такой же пакет послан в Варшаву, по неизвестности в Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться? Вскрыть пакет на имя императора был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностью, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и – пакет вскрыт! <…> Дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии. <…> Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью – я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать через других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех <…> или преждевременно заговорщикам не открыть, что замыслы их уже не скрыты от правительства».[319]

Николай немедленно пригласил к себе Милорадовича и

Голицына и ознакомил их с приложениями к депеше Дибича:

«Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышева для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора. <…> Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квартире 2-й армии и в части войск, ей принадлежащих, а также в войсках 3-го корпуса. Показания были весьма неясны, неопределительны; но однако еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника лейб-гвардии Измайловского полка Николаева взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2-й армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решился послать графа Чернышева в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна о происходящем и арестовать князя С. Волконского, командовавшего бригадой, и полковника Пестеля, в оной бригаде командовавшего Вятским полком.

Подобное извещение в столь затруднительное и важное время требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и немедля их арестовать; а как о капитане Майбороде ничего не упоминалось, а должно было полагать, что через него получатся еще важнейшие сведения, то решился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля к генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо; все были в отпуску, а именно – Свистунов, Захар Чернышев и Никита Муравьев, что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отсутствии для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существование заговора и в вероятное участие и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности».[320]

Еще более категорично высказывался о «беспечности» Милорадовича декабрист Штейнгель.

«До Милорадовича, – писал он, – не доходило ничего, о чем шпионы доносили тайной полиции; напротив, Рылеев был во всем предупреждаем».[321]

Мы полагаем, что Штейнгель ошибается: полицейская агентура в период междуцарствия работу не прекращала и сведения своему шефу доставляла регулярно. Современным историкам хорошо известно, что в записной книжке Милорадовича, найденной после его смерти в рабочем кабинете,

находился список почти всех членов Северного общества. Однако Милорадович не только бездействовал, но и не доложил о поступающих к нему сведениях Николаю Павловичу.

О своем недоумении поведением Милорадовича указывает в мемуарах принц Е. Вюртембергский.

«10 декабря, – вспоминал принц, – отречение Константина было для меня уже несомненно.

Около того времени, оправившись в здоровье, я начал снова выходить из дому и однажды утром встретил в приемной у императрицы графа Милорадовича. Он шепнул мне таинственно:

– Боюсь за успех дела: гвардия очень привержена Константину.

– О каком успехе говорите вы, – возразил я удивленно. – Я ожидаю естественного перехода престолонаследия к великому князю Николаю, коль скоро Константин будет настаивать на своем отречении. Гвардия тут ни при чем.

– Совершенно верно, – отвечал граф, – ей бы не следовало тут вмешиваться, но она испокон веку привыкла к тому и сроднилась с такими понятиями.

Эти достопримечательные слова произнес сам военный губернатор Петербурга, а потому они имели особое значение в моих глазах. Я упрашивал его сообщить, что им замечено; но он отвечал, что не имеет на то положительного приказания. Я тотчас доложил о нем тетушке».[322]

Мы можем предположить, что в данном разговоре Милорадович намекал принцу Вюртембергскому, а через него Марии Федоровне и Николаю Павловичу на заговор против покойного императора Павла I. Чьего тогда «положительного приказания» не имел Милорадович? Скорее всего, он ожидал письменных распоряжений Константина Павловича из Варшавы и был уверен в своем безусловном контроле над гвардией. Ведь кроме войск гарнизона и общей полиции, в распоряжении военного генерал-губернатора имелись специальные подразделения гвардии и Отдельного корпуса внутренней стражи (ОКВС).

Внутренний гарнизонный батальон в составе ОКВС выполнял задачи по охране и конвоированию арестантов и нес полицейскую караульную службу. Функции военной полиции исполнял лейб-гвардии Жандармский полуэскадрон. Он был полностью кавалерийским, служили в нем четыре офицера, 10 унтер-офицеров, 80 жандармов и два трубача. Жандармский дивизион ОКВС изначально создавался как подразделение быстрого реагирования. Состоял он из конной и пешей команд. В конной команде было 25 офицеров, 35 унтер-офицеров, 264 жандарма и

четыре трубача; в пешей – один офицер, 18 унтер-офицеров и 102 жандарма. Все жандармы имели на вооружении драгунские ружья со штыками образца 1809 г. и драгунские палаши, кавалеристы дополнительно были вооружены двумя пистолетами. Жандармов учили действовать небольшими командами и в одиночку. В умелых руках и при грамотной тактике это достаточно грозная сила.

Однако Милорадович, исполнявший в борьбе за власть свою собственную сольную партию, не предпринимал никаких мер по поиску и аресту заговорщиков в Петербурге вплоть до событий на Сенатской площади. Но при этом он не знал о подробностях секретной переписки «братьев-императоров».

Черту под «заговором в безвременье» подвел фельдъегерь Белоусов, прибывший в середине дня 12 декабря из Варшавы.

«Вскрыв письмо брата, – писал Николай, – удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, но что единому Богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что, не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя вправе и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародование духовной императора Александра и приложенного к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинуясь воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностью недоразумений и ложных наветов. <…> Изготовив вскорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма – к матушке и ко мне как к императору».[323]

К Михаилу Павловичу отправили курьера с предписанием прибыть в Петербург к восьми часам вечера 13 декабря. На это время было намечено заседание Государственного совета, где Николай намеревался объявить себя императором. О прибытии фельдъегеря от Константина Михаил не знал: тот добирался в столицу не по Рижскому тракту.

Тем временем по Петербургу распространились слухи об отречении, которые через некоторое время дошли до руководителей заговорщиков. Вечером 12 декабря в Зимний дворец прибыл подпоручик лейб-гвардии Егерского полка Я. И. Ростовцев и доложил, что в столице готовится вооруженное выступление против Николая. Он настоятельно просил не

награждать его за сообщение о заговоре в гвардии, полагая это долгом верноподданного.

Разумеется, Николай Павлович не мог знать, что в ночь с 12 на 13 декабря он был особенно уязвим для заговорщиков (караул в Зимнем дворце несла 3-я фузилерная рота под командой штабс-капитана Московского полка М. А. Бестужева). Получив информацию о намерениях заговорщиков, он решил форсировать события. Тринадцатого декабря во дворец был вызван командующий Гвардейским корпусом генерал А. Л. Воинов. Поставив его в известность о воле Константина, Николай распорядился собрать в Зимнем к шести часам утра всех генералов и полковых командиров гвардии. Он намеревался обратиться к высшему командному составу гвардии, «дабы лично им объяснить весь ход происходившего <…> и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку».[324]

К восьми часам вечера Госсовет был собран, но Михаил – личный свидетель волеизъявления Константина – отсутствовал: он получил депешу только в два часа дня 13 декабря и прибыть к намеченному времени не мог физически.

Примерно в это же время лидеры мятежников приняли решение о начале восстания утром 14 декабря. Но в ночь накануне выступления Трубецкой, Булатов и Якубович отказались выполнять назначенные им обязанности. При этом ни один из руководителей восстания не проинформировал других руководителей и своих подчиненных о своем самоустранении.

Николай позднее вспоминал:

«Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один. <…> Подойдя к столу, я сел на первое место, сказав: „Я выполняю волю брата Константина Павловича“. И вслед за тем начал манифест о моем восшествии на престол. <…> Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов <…> всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось. Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел. <…> Во внутреннем конно-

гвардейском карауле стоял в то время князь Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспрестанно расспрашивал придворных служителей о происходящем».[325]

В семь часов утра присягу Николаю принесли члены Сената, Синода и бóльшая часть личного состава гвардейских полков, дислоцированных в столице. Из гвардейской кавалерии в самом Петербурге стояли только Кавалергардский, Конный полки и Черноморский эскадрон, на окраинах города – 2-я, 4-я и 6-я сотни Казачьего полка, другие три сотни были на льготе на Дону. Остальные полки – Гусарский, Драгунский, Кирасирский, Конно-егерский, Уланский и Лейб-кирасирский Ее Величества (не гвардейский) – были вне столицы. В казармах находились 1-е и 2-е батальоны гвардейских пехотных полков – Преображенского, Московского, Семеновского, Гренадерского, Измайловского, Павловского, Егерского и Финляндского; 3-и батальоны стояли в окрестностях Санкт-Петербурга. Гвардейский экипаж, артиллерия, саперы, инвалидные роты, вспомогательные подразделения, учебные негвардейские части, а также жандармы дислоцировались в городе. Таким образом, бóльшая часть гарнизона присягнула новому императору, что позволило создать достаточный кредит доверия в силовых подразделениях и рассчитывать на лояльность войск.

Накануне 14 декабря офицеры-мятежники были в казармах, где вели среди солдат своеобразную агитацию. Основывалась она не на идеях равенства граждан, сокращения срока службы или других демократических ценностях, знакомых современному российскому обществу, а на лжи! Солдатам Московского полка А. А. Бестужев говорил, что их (солдат) обманывают: государь (Константин Павлович) не отказался от престола, а закован в цепи; шеф полка (Михаил Павлович) задержан под Петербургом и тоже в цепях. Солдатам Гренадерского полка он говорил, что к ним (солдатам) его прислал Константин Павлович, поэтому присягать второй раз нужно отказаться. Лейтенант А. П. Арбузов уверял матросов Гвардейского экипажа, что в окрестностях столицы стоит армия, которая уничтожит всех присягнувших Николаю. Подобных свидетельств в материалах Следственного комитета по делу декабристов имеется множество.

Утверждение заговорщиков о незаконности еще одной, новой присяги базировалось на следующем: Николай узурпировал власть, а *законный государь* Константин и великий князь Михаил арестованы. Последнее утверждение было для солдат особенно важным: части, активную агитацию в которых проводили мятежники, входили в состав 1-й гвардейской дивизии,

находившейся под командованием Михаила Павловича. Столь постыдный для офицеров обман объясняется тем, что подтолкнуть к мятежу прошедших Отечественную войну солдат можно было лишь под предлогом, что они выступают за правое дело.

План мятежников осуществился только на этапе агитации и только в трех частях: Гвардейском экипаже и, частично, в Московском и Гренадерском полках. Когда наступило время действовать и рисковать своей жизнью, организаторы заговора повели себя не лучшим образом: Каховский отказался выступить в роли террориста-одиночки; Булатов и Якубович вовсе не явились в полки и не приняли командование своими отрядами; Рылеев и Трубецкой также не явились на Сенатскую площадь. «Диктатор» Трубецкой за один и тот же день изменил и императору, и своим товарищам по обществу. Большинство из рядовых заговорщиков поступили так же: 14 декабря они безропотно присягнули Николаю I в составе своих полков.

Необходимо особо отметить поведение личного состава гвардейских рот, несших 14 декабря караульную службу по городу. Всего в караулах в тот день находилось 16 рот: по две – Московского и Гренадерского, четыре – Финляндского, пять – Павловского и три – Учебного карабинерного полков. Дежурный по караулам 1-го отделения полковник А. Ф. фон Моллер решительно отказал мятежникам. Его поддержали все подчиненные офицеры: подпоручик Н. Д. Тулубьев (внутренний караул Зимнего дворца), штабс-капитан Прибытков (главная гауптвахта Зимнего дворца), подпоручик Куткин (присутственные места на Гороховой), поручик К. И. Зейфарт (у Адмиралтейства), подпоручик Я. Насакен (у Сената). Караулу при Адмиралтействе пришлось пробиваться сквозь толпу лейб-гренадер. Особенно трудное положение сложилось для караула Насакена у здания Сената.

На пост у дома князя А. А. Лобанова караульная смена проходила сквозь цепи восставших. Две смены в 24 штыка были выведены Насакеном на платформу и простояли под ружьем почти вплотную к каре восставших, отдавая честь, когда вдали показывался Николай. Роты Гренадерского полка, занимавшие караулы в Кронверке и Петропавловской крепости, также остались верны государю. Начальник караула у Нарвской заставы поручик А. С. Кушелев отказался от предложения М. Бестужева захватить Михаила Павловича при въезде в Петербург. 4-я фузилерная рота Московского полка (командир Куприянов), занимавшая караул в Измайловском полку, присягнула вместе с измайловцами. Сменивший Одоевского во внутреннем карауле В.

А. Долгоруков на вопрос Николая I, может ли он на него рассчитывать, ответил: «Я – князь Долгоруков». Ни один из караулов не выступил на стороне мятежников.

Пришедшие в полки заговорщики действовали так. Во время церемонии в Московском полку Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. и А. А. Бестужевы уговорили часть солдат 1-й гренадерской, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й фузилерных рот не присягать. Командир бригады генерал-майор В. Н. Шеншин, полковой командир П. А. Фредерикс и полковник П. К. Хвощинский, пытавшиеся противодействовать мятежникам, получили тяжелые ранения. В итоге заговорщики вывели на Сенатскую площадь чуть более 670 штыков. В Гренадерском полку на стороне восставших оказались бóльшая часть 2-й гренадерской, 1-й, 4-й, 5-й и 6-й фузилерных рот и отдельные люди из 2-й и 3-й фузилерных рот, оставшиеся от караула, примерно 1250 штыков. Под командованием адъютанта 2-го батальона Н. А. Панова они двинулись сначала в Зимний дворец, а затем на Сенатскую площадь. В Гвардейском экипаже мятеж поддержали все восемь строевых рот и артиллерийская команда (около 1100 штыков из штатного числа 1280). Мятежные части вышли без артиллерии, а матросы Гвардейского экипажа – без патронов и с учебными деревянными кремнями в ружьях (всего около 3000 штыков при тридцати офицерах).

В самом начале восстания действия правительства носили спонтанный характер. Николай I и его приближенные знали о факте заговора и возможности вооруженного выступления, но не знали ни планов противника, ни сил, которыми он располагает. Должностные лица, отвечавшие за безопасность в столице – военный губернатор Милорадович, комендант города генерал П. Я. Башуцкий и обер-полицмейстер генерал А. С. Шульгин, – не сумели выявить всех обстоятельств заговора и своевременно предотвратить такое развитие событий. Командующий гвардией генерал А. Л. Воинов растерялся, поскольку никогда не имел дела с подавлением мятежей в собственных войсках. Император допустил серьезную ошибку, приказав большинству старших офицеров собраться к одиннадцати часам во дворец на молебен: в результате многие подразделения на некоторое время остались без высшего командования. В этих условиях государь заявил Бенкендорфу, что если они умрут, то умрут, исполнив долг.

«Вскоре засим (после отъезда полковых командиров. – *Авт.*) прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. <…> Приехал генерал Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре

за ним явился ко мне командовавший гвардейской артиллерией генерал-майор Сухозанет, с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать. Но почти в сие же время прибыл, наконец, Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться в артиллерию для приведения заблудших в порядок.

Спустя несколько минут после сего явился ко мне генерал-майор Нейдгардт, начальник штаба гвардейского корпуса, и, взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал: „Государь! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и конной гвардии“. <…> Разрешив первому батальону Преображенскому выходить, дозволил конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгардта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать? – и, перекрестясь, отдался в руки Божии, решив сам идти туда, где опасность угрожала. <…> Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу. <…> В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав: „Дело плохо; они идут к Сенату, но я буду говорить с ними“, – ушел, и я более его не видал…».[326]

Милорадович, несмотря на прежние интриги, в последний свой час повел себя как храбрый солдат и верный слуга императора. Он лично выехал на площадь перед восставшими и попытался убедить солдат вернуться в казармы. Скорее всего, его бы послушались. Понимая это, Каховский из пистолета, а Оболенский штыком смертельно ранили генерала.

Тем временем Николай I продолжал действовать:

«Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным. <…> У кого-то в толпе нашелся экземпляр (манифеста. – *Авт.*); я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддерживал. Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1-й батальон готов. <…> Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир

полковник Исленьев был при батальоне. Батальон отдал мне честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли идти за мной, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое „Рады стараться!“ <…> Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете в столь критическую минуту. Скомандовав по-тогдашнему: „К атаке в колонну, первый и восьмой взводы, в полоборота налево и направо!“ – повел я батальон. <…> Узнав, что ружья не заряжены, велел батальону остановиться и зарядить ружья. <…>

Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевести детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед засим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын <…> с известием, что граф Милорадович смертельно ранен.

Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею <…> с тем, чтобы полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно „Ура, Константин“ на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь (из состава мятежников. – *Авт.*), которая никого не подпускала».[327]

Лично командуя войсками, Николай Павлович несколько раз подвергался серьезной опасности. Приведя батальон преображенцев к Сенатской площади, он разговаривал с Якубовичем, но тот не решился напасть на государя. Вероятно, этому помешали свита и решительный вид преображенцев. У здания Главного штаба государь позволил проследовать мимо себя восставшей части Гренадерского полка, не прячась за спины адъютантов. После того как правительственные войска окружили мятежников, Николай лично проводил рекогносцировку и несколько раз оказывался под пулями. Мы полагаем, что столь рискованное поведение руководителя государства в данной ситуации было оправданным: он подал личный пример подчиненным, сумел увидеть и оценить обстановку на месте событий.

Предпринятые Николаем дополнительные меры по охране Зимнего дворца были весьма своевременными, особенно учитывая, что первоначально в карауле находилась одна рота Финляндского полка. Лейб-гвардии Саперный батальон (четыре роты, командир – полковник А. К. Геруа) прибыл во дворец немедленно по получении вызова от государя и успел занять позиции за несколько минут до попытки захвата гренадерами во

главе с Н. А. Пановым. Кроме саперов к охране дворца была привлечена 1-я (Его Величества) рота Гренадерского полка, не поддавшаяся на агитацию заговорщиков, и четыре роты Учебного саперного батальона. Всего к охране Зимнего дворца были привлечены десять рот (2000 штыков) под общим командованием коменданта города генерала П. Я. Башуцкого. Также привлекались четыре роты Преображенского и три роты Павловского полков.

В те полки и батареи, где солдаты высказывали сомнения в истинности присяги, Николай немедленно направлял высших офицеров гвардии и своих адъютантов, которые объясняли положение дел. Самое активное участие в приведении подчиненных к присяге принял великий князь Михаил. В его воспоминаниях сказано:

«Солдаты ослеплены были отнюдь не мечтаниями о каком-либо ином порядке вещей, а единственно призраком законности, и в самом уклонении своем от новой присяги видели только исполнение своего долга, отнюдь не замышляя ничего против царственной семьи…».[328]

В ротах конной артиллерии и среди оставшихся в казармах рот Московского полка солдаты при появлении Михаила недоумевали: «Как же нам сказали, что ваше высочество в оковах?»[329] Чтобы доказать гвардейцам, что их обманули, Михаил повторно присягал вместе с ними.

Активную помощь Николаю I оказали: принц Е. Вюртембергский; генерал-адъютанты Александра I К. Ф. Толь, И. В. Васильчиков, А. Х. Бенкендорф, П. В. Голенищев-Кутузов, Н. И. Депрерадович, Е. Ф. Комаровский, В. В. Левашов и В. С. Трубецкой; флигель-адъютанты И. М. Бибиков, А. М. Голицын; почти все адъютанты Николая Павловича – А. А. Кавелин, В. А. Перовский, Н. П. Годеин, Ф. Ф. Беллинсгаузен, А. П. Лазарев, В. Ф. Адлерберг; из других лиц – генералы Н. И. Демидов, И. М. Ушаков и А. Н. Потапов. Гвардейские матросы С. Дорофеев, М. Федоров и А. Куроптев, стоявшие в строю мятежного экипажа, спасли жизнь Михаила Павловича, когда Кюхельбекер хотел убить великого князя выстрелом из пистолета: «“Что он тебе сделал?“ – закричали они, и один вышиб из рук Кюхельбекера пистолет, а оба другие начали бить его прикладами своих ружей».[330] Только личное вмешательство Михаила предотвратило неминуемую смерть покушавшегося.

К трем часам пополудни мятежные войска были блокированы на Сенатской площади, на городские заставы прибыли 3-и батальоны гвардейских полков, обеспечив дополнительное прикрытие города по внешнему периметру. Площадь была

оцеплена жандармами, которые не пропускали к месту событий гражданских лиц. Поскольку уговоры на мятежников не действовали, а после Милорадовича при переговорах был смертельно ранен командир Гренадерского полка Н. К. Стюрлер, генерал И. В. Васильчиков предложил императору применить против восставших пушки. После четырех выстрелов каре мятежников было обращено в бегство, еще два выстрела картечью с было делано для рассеивания восставших на льду Невы. Всего среди личного состава мятежных частей, по данным полковых ведомостей, пропали без вести, погибли и были смертельно ранены 40–45 человек. С правительственной стороны убиты и смертельно ранены шесть человек. По сведениям полиции, включая случайные жертвы среди гражданских лиц, 14 декабря в столице погибли всего 70–80 человек.

Задержание мятежников и поддержание порядка в Санкт-Петербурге государь возложил на А. Х. Бенкендорфа, И. В. Васильчикова и А. Ф. Орлова. Из примерно 3000 мятежников, вышедших на Сенатскую площадь, задержали около 700 человек, около двадцати пропали без вести, остальные добровольно вернулись в казармы. Немедленно началось производство дознания о руководителях восстания, которое проводили генералы Свиты К. Ф. Толь и В. В. Левашов, а также лично Николай I. Аресты осуществляли генерал-адъютанты и флигель-адъютанты императора (в зависимости от звания и должностного положения подозреваемого), им в помощь выделялись жандармские команды.

В ночь с 14 на 15 декабря следствие получило первую письменную улику: черновик плана восстания с указанием фамилий и обязанностей заговорщиков, собственноручно составленный Трубецким. Сам «диктатор» скрывался в доме свояка, австрийского посла графа Л. А. Лебцельтерна. На дом посла распространяется право экстерриториальности, поэтому потребовалось вмешательство министра иностранных дел К. В. Нессельроде. После некоторого сопротивления Трубецкой был выдан.

Будучи доставлен к императору, он вначале отрицал свое участие в заговоре, но, увидев неопровержимые улики своей виновности, упал к ногам Николая, умоляя сохранить жизнь. «Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, изобличал еще больше и себя и многих других».[331]

При проведении следствия Николай I дал указание членам комиссии дать каждому оговоренному возможность оправдаться «всеми возможными честными способами» (!). Принцип презумпции невиновности по отношению к заговорщикам

исполнялся в те годы более строго, чем в настоящее время. Так, капитан Якубович, против которого у следствия не оказалось улик, был вначале отпущен, а освобожденный за отсутствием доказательств поручик Назимов до вновь последовавшего ареста даже нес службу во внутреннем дворцовом карауле. Некоторые заговорщики сами пришли с повинной. А других, как Н. Н. Депрерадовича, приводили к государю их отцы – заслуженные боевые генералы.

Семнадцатого декабря 1825 г. указом Николая I был создан *Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года*, и правительственные курьеры начали развозить присяжные листы по городам и гарнизонам России. На юг были отправлены жандармы с приказом об аресте выявленных заговорщиков.

Заговорщики из общества «Военных друзей» в Литовском отдельном корпусе не имели прямой связи с петербургскими «коллегами». К. Г. Игельстром, в сентябре 1825 г. отстраненный от командования 1-й ротой Литовского пионерного батальона «за найденные в оной неисправности», в основном находился в поместье А. И. Вегелина под Белостоком. На совещании руководителей общества «Военных друзей», состоявшемся 22 декабря, «друзья» решили использовать присягу Николаю I как повод для возмущения батальона. Подпоручик Э. А. Петровский на следствии показал, что «Игельстром имел намерение не присягать <…> прежде получения от начальника штаба конверта, с которым отправлялся в местечко Браньск, ибо, как я припомнил, он мне о сем его намерении говорил еще прежде, убеждая меня поехать в 47-й егерский полк, чтобы дать там знать, чтобы не присягали никому, кроме как Его Высочеству цесаревичу…».[332]

Двадцать четвертого декабря в Браньске Игельстромом и Вегелиным была предпринята попытка «возмутить батальон к неповиновению». Однако дальше криков «Ура императору Константину!» дело не пошло, и батальон был приведен к присяге.

А у членов Южного общества и «соединенных славян», как и в Петербурге, без крови не обошлось. Двадцать пятого декабря братья Муравьевы-Апостолы узнали в Житомире от сенатского курьера, развозившего присяжные листы, о разгроме заговорщиков в Петербурге. В корпусной квартире они находились не случайно. Штабс-капитан Соловьев на следствии показал, «что Щепилло, имевший частые свидания с подполковником Муравьевым-Апостолом, беспрестанно внушал ему о принимаемых мерах, читал у Муравьева письма от

Горбачевского, что солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала действия, что офицеры, состоящие в сем обществе, не находят средств удержать их нетерпение, также и письмо от солдат 8-й дивизии из бывшего Семеновского полка, что они давно уже готовы исполнить внушенное им предприятие; причем заверял, что Муравьев под предлогом отпуска поехал в корпусную квартиру для того, дабы известить всех сообщников о времени начала действия, предполагая начать с Черниговского полка; будет у братьев своих, командующих Ахтырским и Александрийским гусарскими полками, которые, равно Алексопольский пехотный и 17-й егерский, присоединятся к ним, а в корпусной квартире встретит их 8-я дивизия и артиллерийская бригада, где, исполняя установления конституции, провозгласят свободу и равенство. Сверх того, Щепилло говорил ему и о других корпусах, готовых последовать за ними, и о всеобщем ропоте войска».[333]

С. И. Муравьев-Апостол, считавший, что вооруженное восстание в провинции назрело, решил заручиться поддержкой не только членов Южного общества и «славян», но и польских сепаратистов. С этой целью он посетил в Житомире П. Мошинского, которому рассказал о неудачном восстании в Петербурге. У своего польского «коллеги» он спросил, что будут делать поляки, если русские заговорщики выступят. Мошинский ответил, что поляки слишком слабы действовать в одиночку. «Во время моего последнего свидания с Мошинским в Житомире, – показал на следствии Муравьев-Апостол, – <…> мы с ним условились, что в случае начала действий я извещу его о том посредством письма и что число, которое я назначу как день моего предполагаемого приезда, и будет именно днем выступления».[334]

Двадцать пятого – двадцать седьмого декабря оба брата побывали в расположении трех полков, командиров которых надеялись они склонить к выступлению. Первым братья посетили штаб Кременчугского пехотного полка в Брусилове. Его командир, полковник П. А. Набоков, был сослуживцем Сергея Муравьева-Апостола по лейб-гвардии Семеновскому полку. Затем братья проследовали в Троянов, где был штаб Александрийского гусарского полка (командир – полковник Александр Муравьев). Оттуда они выехали в город Любар, к командиру Ахтырского гусарского полка полковнику Артамону Муравьеву. На следствии об этом вояже братья предпочли умалчивать, и участие П. А. Набокова и Александра Муравьева в делах тайных обществ осталось недоказанным. Суть переговоров доподлинно неизвестна, скорее всего, С. И. Муравьев-Апостол предлагал

начать восстание. Но поездка оказалась безрезультатной: все командиры полков заняли выжидательную позицию. Вероятно, весть о разгроме столичных заговорщиков подействовала отрезвляюще, и полковники отказались поддержать восстание.

Двадцать пятого декабря в штаб Черниговского пехотного полка (г. Васильков) прибыли жандармы. Командир полка подполковник Г. И. Гебель немедленно отдал приказ об обыске квартиры С. И. Муравьева-Апостола и изъятии всех найденных там бумаг. После этого Гебель вместе с жандармами отправился в Житомир с целью ареста братьев Муравьевых-Апостолов.

После их отъезда на квартире С. И. Муравьева-Апостола собрались проживавший там же второй руководитель Васильковский управы Южного общества полковой адъютант Полтавского п. п. подпоручик М. П. Бестужев-Рюмин и офицеры-черниговцы: штабс-капитан В. Н. Соловьев, поручики А. Д. Кузьмин, М. А. Щепилло и бывший черниговец, поручик Александрийского г. п. И. И. Сухинов. Соловьев, Кузьмин, Щепилло и Сухинов являлись членами «Общества соединенных славян».

Первоначально заговорщики решили начать восстание, но по случаю Рождества солдаты разошлись по окрестным деревням, и собрать их по ротам немедленно не представлялось возможным. В итоге было принято решение направить Бестужева-Рюмина в Житомир, чтобы предупредить С. И. Муравьева-Апостола об обыске и грозящем аресте. Остальные офицеры взялись за подготовку восстания. Двадцать шестого декабря член «Общества соединенных славян» подпоручик 8-й артиллерийской бригады Я. М. Андреевич отправился к членам Южного общества И. Повало-Швейковскому и Артамону Муравьеву. Он хотел склонить полковников поднять на восстание Алексо-польский пехотный и Ахтырский гусарский полки. Связи с Полтавским пехотным полком во главе с В. Тизенгаузеном у черниговцев не было, поскольку полк находился на крепостных работах в Бобруйске. «Славяне» не знали, что их «коллеги» из Южного общества уже отказали С. И. Муравьеву-Апостолу в поддержке. Не подозревали они и том, что на следующий день (27 декабря) будет отдан приказ об аресте Артамона Муравьева, И. Повало-Швейковского и В. Тизенгаузена.

Двадцать седьмого декабря Бестужев-Рюмин нашел в Любаре братьев Муравьевых-Апостолов и сообщил им о готовящемся аресте. С. И. Муравьев-Апостол решил действовать на свой страх и риск. Двадцать восьмого декабря заговорщики прибыли в местечко Трилесы, где дислоцировалась 5-я мушкетерская рота Черниговского п. п. под командованием поручика Кузьмина.

Бестужев-Рюмин направился в Брусилов и Радомышль, чтобы убедить полковников Набокова и Повало-Швейковского присоединиться к восстанию. Сергей Муравьев-Апостол послал к заговорщикам в Васильков нарочного с запиской немедленно прибыть к нему в Трилесы. Но этим же вечером он и его брат были арестованы догнавшими их жандармами под командой полковника Гебеля.

Получив записку, офицеры-«славяне» (Кузьмин, Соловьев, Сухинов и Щепилло) в ночь с 28 на 29 декабря прибыли в Трилесы, где сумели привлечь на свою сторону караул и с оружием в руках освободить арестованных братьев. Полковник Гебель был тяжело ранен. «Происшествие сие, – показал на следствии С. И. Муравьев-Апостол, – решило все мои сомнения; видев ответственность, к коей подвергли себя за меня четыре сии офицера <…> я положил, не отлагая времени, начать возмущение; и отдав поручику Кузьмину приказание собрать 5-ю роту и идти на Ковалевку, сам поехал туда вперед для сбора 2-й гренадерской роты. Соловьеву же и Щепилло приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков». [335]

Таким образом, восстание произошло не вследствие претворения в жизнь тщательно продуманного плана, оно явилось результатом импровизации и во многом реализацией намерений офицеров-«славян», упрекавших С. И Муравьева-Апостола в медлительности.

Еще одной движущей силой мятежников стали офицеры, разжалованные за различные проступки в солдаты. Таких солдат в Черниговском полку было больше десятка, из них в офицерском заговоре участвовали трое: Ф. М. Башмаков, Д. Грохольский, И. К. Ракуза. Необходимо особо отметить, что еще до начала мятежа уставные отношения в Черниговском полку были серьезно подорваны, поскольку членство в тайной организации стирало разницу в воинских званиях между офицерами и солдатами. А с началом мятежа дисциплина еще более ухудшилась: дело дошло до того, что подчинение солдат приказам старшего начальника вообще стало делом сугубо добровольным.

Двадцать девятого – тридцатого декабря к восставшей 5-й мушкетерской роте присоединилась 2-я гренадерская рота (командир – поручик В. Н. Петин). Выступив утром 30 декабря из Ковалевки, после полудня мятежные роты остановились в местечке Мытники, где их встретил возвратившийся из Брусилова Бестужев-Рюмин. Он сообщил, что полковники Набоков и Повало-Швейковский присоединиться к восстанию отказались. Согласно воспоминаниям Ф. Ф. Вадковского, Бестужев-Рюмин собирался «возмутить полки Кременчугский и Алексопольский», но

«безуспешно виделся с полковником Набоковым».[336] Провалилась и миссия Андреевича, который не смог убедить Повало-Швейковского и Артамона Муравьева. Последний на допросе показал, что «на 2-й день их (братьев Муравьевых-Апостолов. – *Авт.*) отъезда вбегает офицер артиллерийский по имени Андреевич и говорит мне уже известное, приглашая действовать, говоря, что Кременчугской полк и артиллерия готовы».[337]

Тридцатого декабря, во второй половине дня, мятежники заняли. Васильков. Командир 1-го батальона майор С. С. Трухин, пытавшийся остановить мятежников, был избит. В Василькове к восставшим присоединились 3-я (командир – поручик Щепилло), 4-я (командир – штабс-капитан К. К. Маевский) и 6-я (командование принял поручик Сухинов) мушкетерские роты. В мятеже приняли участие полковой казначей поручик В. О. Сизиневский, полковой квартирмейстер подпоручик А. С. Войнилович и прапорщик А. Е. Мозалевский. Прибывший в тот день в Васильков подпоручик 17-го егерского полка А. Ф. Вадковский (брат Ф. Ф. Вадковского) пообещал С. И. Муравьеву-Апостолу поднять восстание в своем батальоне, дислоцировавшемся в районе Белой Церкви.

Таким образом, в Василькове был почти завершен первый этап восстания: пять из восьми рот полка были собраны в кулак. Из окрестных деревень могли подойти три оставшиеся роты.

На втором этапе офицеры-«славяне» планировали выступить в Брусилов, который в планах заговорщиков назывался основным сборным пунктом восставших полков. Офицеры «предложили мне, – показывал на следствии Мозалевский, – следовать с ними в Брусилов, говоря что тут собраны будут Алексопольский и Кременчугский пехотные, Ахтырский и Александрийский гусарские полки, которые, равно и другие полки, бунтуются и из Брусилова пойдут в Житомир, где будто бы собрана уже и 8-я пехотная дивизия».[338]

В тот же день руководитель мятежников отправил прапорщика Мозалевского в Киев с письмом к майору Курского пехотного полка Крупеникову, велев передать на словах, чтобы тот шел с батальоном в Брусилов на сборное место. Об этом майоре как о стороннике заговорщиков сообщил Муравьеву-Апостолу поручик Кузьмин.[339] Отметим, что обстановка в Киеве не благоприятствовала мятежникам. Среди офицеров Курского и Муромского пехотных полков, которые в конце декабря – начале января несли караульную службу в городе, членов тайных обществ следствие не выявило. Возможно, они и были, но в ходе восстания никак себя не проявили. Кроме того, в ноябре в штаб 4-

го пехотного корпуса прибыл старший адъютант Главного штаба 1-й армии капитан В. С. Сотников, одновременно – секретный сотрудник тайной военной полиции. Главнокомандующий 1-й армией Ф. В. Остен-Сакен подозревал командира 4-го п. к. в «неблагонадежности» и направил Сотникова для надзора за А. Г. Щербатовым, его офицерами и общими настроениями солдат гарнизона и жителей Киева.

«Из Василькова, – показал Муравьев-Апостол на следствии, – я мог действовать трояким образом: 1-е – идти на Киев, 2-е – идти на Белую Церковь и 3-е – двинуться поспешнее к Житомиру и стараться соединиться с славянами. Из сих трех планов я склонялся более на последний и на первый, по сей самой причине, когда посылал я Мозалевского с письмом к майору Крупеникову, назначил ему приехать в Брусилов, ибо из Брусилова я мог одним переходом прийти в Киев, если б получил от Крупеникова удовлетворительной ответ, в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира».[340]

Утром 31 декабря полковой священник Д. Ф. Кейзер (получивший за это 200 рублей!) прочитал солдатам «*Православный катехизис*», составленный С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. Однако нижние чины не восприняли этот агитационный документ, и тогда для агитации солдат офицеры применили тот же прием, что и их сообщники в Петербурге: С. И. Муравьев-Апостол объявил рядовым, что цесаревича Константина лишили трона насильно. Приехавший в Васильков прапорщик квартирмейстерской службы Ипполит Муравьев-Апостол был представлен солдатам в качестве курьера Константина, привезшего приказ полку прибыть в Варшаву. Кроме того, офицеры начали раздачу денег нижним чинам из полковых сумм и из сумм, отобранных у задержанных восставшими жандармских офицеров.

Во второй половине дня 31 декабря Черниговский полк покинул Васильков и двинулся в сторону Фастова. Это может служить подтверждением того, что город Брусилов являлся сборным пунктом восставших войск. Из Фастова дороги вели на Брусилов и Житомир. К вечеру полк вступил в село Большая Мотовиловка (владение сочувствовавшего заговорщикам помещика И. Руликовского), где остановился на дневку. Там к восставшим присоединилась 2-я мушкетерская рота (командир – штабс-капитан В. Н. Соловьев, заместитель – подпоручик А. А. Быстрицкий). Часть нижних чинов 1-й мушкетерской роты, примкнувших к восставшим, были распределены по другим ротам. 1-я гренадерская рота полка (командир – капитан П. Ф.

Козлов) отказалась присоединиться к восставшим и в полном составе отправилась в дивизионную квартиру.

Узнав о мятеже Черниговского полка, военное командование стало предпринимать меры для противодействия восставшим. Тридцать первого декабря генерал Рот отдал приказ отвести полки корпуса подальше от Василькова, ближе к корпусному штабу в Житомире. В тот же день аресту подверглись (режимно-заградительные мероприятия стали приносить результаты!) Мозалевский (под Киевом) и Вадковский (при въезде на городскую заставу Белой Церкви). Для разгрома мятежников были привлечены 18-й егерский полк, Александрийский, Мариупольский и Белорусский (принца Оранского) гусарские полки, а также 5-я и 6-я конноартиллерийские роты. Эти войска, разделенные на четыре отряда (маневренные группы), начали окружение мятежников.

Весь день 1 января 1826 г. руководители восстания ждали сведений из Белой Церкви, Брусилова и Киева. Однако надежды заговорщиков на поддержку других полков, в которых служили члены Южного общества и «соединенные славяне», не оправдались. План восстания не был воплощен в жизнь из-за отказа обер-офицеров выступить в поддержку черниговцев и из-за мер, предпринятых военным командованием.

Между тем, в среде восставших стремительно ухудшалась дисциплина. Получившие шальные деньги нижние чины стали употреблять спиртное и производить «реквизиции» у местного населения. Начались массовые беспорядки и дезертирство солдат и офицеров; все эти явления руководители мятежников не смогли остановить вплоть до разгрома полка.

Утром 2 января черниговцы двинулись по направлению к Белой Церкви на соединение с 17-м егерским полком: пройдя села Марьяновка и С. Слобода, они остановились в селе Пологи. В Белой Церкви был расквартирован 17-й егерский полк, в котором служили члены тайного общества, обещавшие содействие. Однако проведенная поручиком Сухиновым рекогносцировка показала, что полк выведен из города и связи с ним нет. Утром 3 января мятежники выступили в направлении к Трилесам – исходному пункту восстания. С. И. Муравьев-Апостол планировал дойти до Житомира, около которого в различных частях служили члены «Общества соединенных славян». Однако между селениями Устимовка и Ковалевка Черниговский полк (ок. 900 человек) был встречен отрядом генерал-майора Ф. К. Гейсмара. Правительственные войска состояли из двух эскадронов Мариупольского гусарского полка, двух эскадронов Белорусского гусарского полка и двух орудий 5-й конноартиллерийской роты

(ок. 400 человек).

Мятежный полк был остановлен артиллерийским огнем, а затем атакован гусарами с флангов. В бою был убит М. Щепилло и несколько солдат, С. И. Муравьев-Апостол получил ранение в голову. 895 солдат и шесть офицеров сдались. После поражения покончили с собой И. Муравьев-Апостол и А. Кузьмин. На следующий день пленных черниговцев доставили в Белую Церковь. Большинство из них приговорили к лишению чинов, каторге и ссылке. Командиром Черниговского полка стал произведенный в подполковники С. С. Трухин, а Г. И. Гебель, получивший чин полковника, вступил в должность киевского коменданта.

Шестого февраля 1826 г. в Полтавском пехотном полку произошло событие, названное историками попыткой поднять полк на восстание. На деле эта попытка свелась к призывам члена «Общества соединенных славян» подпоручика С. И. Трусова, не поддержанным солдатами. После окончания смотра полка подпоручик выбежал перед строем 1-го батальона с обнаженной шпагой и прокричал: «Ребята! Бросайтесь в штыки, найдем вольность и независимость ни от кого, у нас государь не есть государь Николай Павлович, а тиран».[341] Трусов, кроме призывов позволивший себе оскорбления в адрес императорской фамилии, был арестован. В ходе следствия аресту также подвергся коллега Трусова по тайному обществу поручик Е. Н. Троцкий.[342] Оба офицера были разжалованы и приговорены к смертной казни, замененной на пожизненную каторгу.

В отношении солдат, находившихся в Петербурге, Николай I проявил поистине государственную мудрость. Наиболее отличившиеся нижние чины были удостоены денежных наград от 30 до 500 рублей, в зависимости от заслуг. Матросы Гвардейского экипажа, практически в полном составе вернувшиеся в казармы вечером 14 декабря, утром следующего дня принесли перед Адмиралтейством присягу лично императору. Рядовой состав экипажа получил прощение, экипажу возвращено гвардейское знамя. 1-я гренадерская рота Черниговского полка во главе с капитаном П. Ф. Козловым, оставшаяся верной правительству, 20 января была переведена в старую гвардию (Московский полк) в полном составе и с сохранением чинов.

Приказом по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г. из солдат и младших офицеров, добровольно явившихся в казармы, был составлен Сводный (гвардейский) полк (три роты Московского и четыре роты Гренадерского полков), чтобы боевой службой на Кавказе искупить вину. На составление полка поступили 33 офицера и 1333 нижних чина, командиром полка

назначен полковник И. П. Шипов, личный состав сохранил гвардейскую форму. На Кавказе в состав полка были включены 145 нижних чинов бывшего Семеновского полка и еще 581 участник восстания 14 декабря, а также 264 ветерана кавказских полков.[343]

К лету 1826 г. закончилось следствие по делу о тайных обществах (свыше двух тысяч дел). Следствие над декабристами велось таким образом. Во время допросов подозреваемым задавали устные вопросы, которые затем направлялись им в письменном виде. Ход следствия отражен достаточно полно. При составлении вопросов показания подследственных чиновники не подтасовывали. Случаев, когда кому-либо из обвиняемых предъявлялись фальсифицированные показания других подследственных, также не выявлено. Письменные показания декабристов переписывались дословно с заменой первого лица на третье. Иногда опускались имена авторов показаний и упоминающихся в них лиц.

Большинство офицеров-заговорщиков воспользовались предоставленной возможностью оправдаться: они дали признательные показания и раскаялись в своих действиях, о чем многие десятилетия не принято было упоминать. Каховский писал Николаю I, что не смеет просить простить его заблуждение, Рылеев – что отрекается от своих заблуждений и политических правил. Пестель сообщал Левашову о разрыве всего, что связывало его с тайным обществом, и просил пощады. Вероятно, искреннее раскаяние подавляющего большинства офицеров стало смягчающим обстоятельством при решении судьбы подследственных. Из сорока смертных приговоров, вынесенных в судебных заседаниях, император утвердил только пять, заменив четвертование повешением. Родственники мятежников, не замешанные в преступлении, были оставлены на службе, а многие даже награждены и повышены в чинах за верную службу.

Первые же показания декабристов содержали сведения о связях русских мятежников с польскими заговорщиками. Наиболее опасными для польского «Патриотического общества» были показания руководителей Южного общества: М. Бестужева-Рюмина, С. Муравьева-Апостола, П. Пестеля и С. Волконского. Одним из первых был арестован А. Яблоновский, у которого обнаружили список польских конспираторов. Всего арестам подверглись до двухсот человек. Примечательно, что Константин Павлович всячески старался замять дело об участии поляков в антиправительственной деятельности, но под давлением улик был вынужден не препятствовать следствию.

Поведение польских заговорщиков перед следствием и судом

значительно отличалось от поведения их русских «коллег»: поляки были более сдержанны и расчетливы. Они старались изобразить свое участие в тайном обществе как легкомысленное невинное увлечение. Николай I настаивал на суровых приговорах для поляков, расценивая их деятельность как государственную измену. Однако суд в Варшаве, состоявшийся летом 1828 г., вынес демонстративно мягкие приговоры, а некоторые участники «Патриотического общества» были оправданы. Вовремя и адекватно не вылеченная язва через два года привела к длительной и кровавой войсковой операции по хирургическому удалению гангренозных тканей сепаратизма.

Николай I внимательно изучал материалы Следственной комиссии, желая понять реальное положение дел в империи, доставшейся ему в наследство от старшего брата. Он стремился уяснить положительные моменты в проектах декабристов и поручил делопроизводителю Следственной комиссии А. Д. Боровкову изложить вытекающие из проектов выводы о насущных государственных потребностях. Многие начинания государя были направлены на устранение выявленных недостатков, что потребовало от него кропотливой работы по осуществлению «постепенных усовершенствований». Военным губернатором Санкт-Петербурга был назначен П. В. Голенищев-Кутузов, обер-полицмейстером стал Б. Я. Княжнин.

Уже в декабре 1825 г. Николай I дал указание ряду приближенных составить проекты преобразования тайной государственной полиции. Одним из первых в январе 1826 г. свои соображения представил А. Х. Бенкендорф. В апреле император направил его записку И. И. Дибичу и графу П. А. Толстому, чтобы они высказали свое мнение по данному вопросу. В течение первой половины 1826 г. император получил в свое распоряжение еще несколько проектов. Бенкендорф обратил внимание на социально-политические аспекты деятельности тайной полиции, принципы ее формирования и служебной деятельности и отметил необходимость тщательного обсуждения этого вопроса. Третьего июня 1826 г. Николай I подписал указ о присоединении Особенной канцелярии МВД к Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Основой *Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии* стала Особенная канцелярия МВД. Н. поскольку одним из направлений деятельности отделения являлась контрразведка, в его состав могли быть вовлечены и сотрудники Высшей воинской полиции. В ряде публикаций, посвященных деятельности последней, упоминается о ее реформировании именно в 1826 г.

Главным начальником Третьего отделения назначался А. Х. Бенкендорф. Двадцать пятого июня государь утвердил Бенкендорфа в должности шефа жандармов, 26 июля Бенкендорф был назначен командующим Императорской Главной квартирой. В этой должности он отвечал за личную безопасность Николая I и его семьи. Ближайшим помощником Бенкендорфа стал М. Я. фон Фок, «старый полицейский волк», руководивший Особенной канцелярией МВД до 1826 г. Ум, знания, оперативный опыт и административные способности этих людей обеспечили успешную работу Третьего отделения и положили начало формированию новой централизованной системы органов государственной безопасности России.

В момент основания Третье отделение состояло из четырех экспедиций: 1-я ведала всеми политическими делами (дела, входившие в компетенцию Высшей полиции; сведения о лицах, состоявших под полицейским надзором); 2-я занималась раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и «крестьянским вопросом»; 3-я надзирала за иностранцами; 4-я вела переписку о «всех вообще происшествиях» и ведала личным составом.

Штат Третьего отделения при его создании составлял всего 16 человек: четыре экспедитора, четыре старших помощника, пять младших помощников, экзекутор, журналист, помощник экзекутора и журналиста. Управляющий и оперативные сотрудники (чиновники особых поручений) в штате Третьего отделения не числились (!) – они находились на нелегальном положении, что позволяло наиболее полно осуществлять принцип секретности при работе секретных государственных институтов.

Система охраны государя претерпела существенные изменения. Со времен Петра I охрану царствующей особы и его ближайшего окружения осуществляли офицеры и солдаты гвардейских полков, привлекавшиеся для несения караульной службы по очереди. Однако к рассматриваемому времени дворянство перестало быть надежной опорой власти, так как в значительной части ушло в оппозицию. Необходимо было обезопасить императорскую фамилию от покушений охраны, подчинявшейся офицерам-гвардейцам. Николай I, несомненно, хорошо знал о той роли, которую сыграла рота Семеновского полка в Михайловском замке в ночь убийства его отца. Да и караул роты Московского полка, подчинившийся заговорщиками во главе с М. А. Бестужевым, мог изменить историю российского престолонаследия.

Второго октября 1827 г. в составе Императорской Главной квартиры из ветеранов Отечественной войны 1812 г. была

сформирована *Рота дворцовых гренадер*. Из 120 нижних чинов роты 69 имели Знак отличия Военного ордена Святого Георгия, 84 – Знак отличия ордена Святой Анны за 20 лет беспорочной службы. Командиром роты стал капитан Е. Г. Качмарев, сражавшийся под Бородино в звании фельдфебеля. Гренадеры новой роты несли караулы, «присмотр и полицейский надзор» во всех императорских дворцах, принимала участие в торжественных мероприятиях и парадах. Полицейская служба состояла в постоянном надзоре за деятельностью дворцовой обслуги, выставлении караулов у покоев членов царствующей фамилии, вдовствующей императрицы и т. п. Все офицеры роты были выходцами из простых солдат. Рота состояла под управлением министра Императорского двора и Уделов. Эту вновь учрежденную должность с 22 августа 1826 г. занимал генерал-адъютант П. М. Волконский.

Для несения конвойной службы при дворе в 1828 г. был сформирован *лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон*, состоявший из представителей знатных фамилий кавказских народов. Командовал полуэскадроном прямой потомок крымского хана ротмистр Султан-Азамат Гирей. Штат полуэскадрона состоял из трех обер-офицеров, одного эффендия, шести юнкеров, сорока оруженосцев и двадцати трех служителей. По высочайшему повелению горцы находились в распоряжении шефа жандармов и командующего Императорской Главной квартирой генерал-адъютанта Бенкендорфа.

Некоторые историки полагают, что охранная служба при Николае I была организована плохо, и в качестве подтверждения этой версии ссылаются на его прогулки по Невскому проспекту без охраны. Мы можем с уверенностью утверждать, что в данном случае речь идет об отсутствии видимых для посторонних глаз проявлений работы охранных служб государя. Анализ имеющихся материалов показывает, что специальные службы в тот период предпочитали действовать на дальних подступах к объекту охраны, активно занимаясь выявлением и предупреждением возможных покушений.

Поскольку Третье отделение и Императорскую Главную квартиру возглавлял один человек, проблем при взаимодействии этих служб не возникало, что крайне важно для организации оперативного и силового взаимодействия различных структур государственного аппарата. Оперативно-агентурное обеспечение охраны осуществлялось сотрудниками Третьего отделения по разным направлениям, что позволяло мгновенно брать в разработку всех подозрительных, с точки зрения охраны государя, лиц.

Деятельность тайных российских обществ и наполеоновской агентуры в первой четверти XIX в. показала, что политическая полиция и контрразведка не могут действовать, полагаясь только на заявления законопослушных подданных. Основными методами деятельности Третьего отделения стали: перлюстрация писем, наружное наблюдение и внедрение секретных сотрудников в центральные и местные государственные учреждения, а также в светские салоны. По прошествии времени трудно сказать, кем был тот или иной человек, сотрудничавший с Третьим отделением: агентом в современном понимании этого слова или кадровым сотрудником службы, работавшим под прикрытием какой-либо должности.

О роли перлюстрации корреспонденции лиц, вызывающих подозрение у органов политической полиции, А. Бенкендорф высказался предельно откровенно:

«Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции, и притом самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи».[344]

Тридцать первого августа 1826 г. были разработаны правила осуществления перлюстрации. Вскрытие писем осуществлялось исключительно по линии Почтового департамента МВД. К перлюстрации привлекались наиболее проверенные сотрудники, действовавшие в «величайшей тайне». В столице перлюстрационное отделение подчинялось управляющему Почтовым департаментом и Петербургскому почт-директору К. Я. Булгакову. В Москве за вскрытие корреспонденции отвечал его родной брат А. Я. Булгаков.

О том, как в Третьем отделении умели хранить тайны, говорит следующий факт. После 1917 г. новая власть решила ознакомиться с архивами. Оказалось, что данные j деятельности внутренней и заграничной агентуры в них практически отсутствуют! Подавляющее большинство сохранившихся донесений – всего лишь копии, фамилии агентов в них заменены условными обозначениями.

Сведения об агентуре держались в строжайшей тайне от сотрудников отделения. Даже Бенкендорф и фон Фок далеко не всегда сообщали друг другу имена доверенных лиц; не знал их и император. Организация системы позволяла сохранять в секрете наиболее важные данные о составе сотрудников и агентуры, а также о государственных делах спустя годы и десятилетия, если не сказать всегда.

Руководство работой секретных сотрудников и агентов осуществлял управляющий отделением вместе с двумя-тремя доверенными сотрудниками. Большинство исследователей

российских органов политического розыска XIX в. справедливо считают, что в роли основного организатора агентурной работы выступал М. Я. фон Фок, обладавший обширным опытом.

Одной из задач Третьего отделения был сбор и анализ информации о состоянии российского общества. На основании оперативной информации начиная с 1827 г. сотрудники составляли ежегодные обзоры общественного мнения. В кратком обзоре за 1828 г. говорилось:

«Надзор направил свое внимание главным образом на раскрытие демагогических происков. За три года своего существования он отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение. Число этих либералов довольно значительно, особенно среди молодых людей хорошего происхождения и среди офицерства. Но ввиду того, что наиболее видные из них пользуются покровительством влиятельных лиц, надзор уже не раз скомпрометировал бы себя, если бы эти самые либералы не выдавали себя своей корреспонденцией и не доставляли, таким образом, сами подтверждения собранным о них справкам. Главные очаги этого либерализма находятся в Москве. Но так как они не обладают ни достаточной консистенцией, ни достаточным материалом для того, чтобы образовать твердое тело, т. е. определенно сгруппироваться вокруг одного из членов с подобающей репутацией, – то деятельность их направлена только на достижение следующих двух целей: 1) овладеть общественным мнением, т. е. формировать его и давать ему желательное для них направление, и 2) всеми средствами добиваться должностей, которые давали бы им возможность оказывать влияние на воспитание юношества. Надзору удалось до известной степени противодействовать их деятельности, направленной к достижению первой цели, – что касается второй, то она относится к области, для нас недоступной. Либеральная партия очень сильна в Москве, потому что ей удалось при посредстве женщин и аристократической клики совершенно овладеть умом генерал-губернатора. В Петербурге некоторые члены этой партии облекаются в тогу патриотизма и в силу родства и кровных связей пользуются покровительством самых высокопоставленных лиц. Надзору это известно, и он не теряет их из виду».[345]

Николай I внимательно относился не только к тем донесениям, которые касались его личной безопасности, – он

тщательно изучал аналитические материалы Третьего отделения, поскольку в них содержались, помимо оценки негативных явлений, конкретные предложения по их устранению. Император приблизил к себе двух самых видных инициаторов и проводников либеральных начинаний своего брата – М. М. Сперанского и В. П. Кочубея. Сперанский, назначенный управляющим Вторым отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, возглавил работу по созданию первого Полного собрания законов и Свода законов Российской империи по всем отраслям права и управления. Кочубей стал председателем секретного «Комитета 6 декабря 1826 г.» по рассмотрению проектов реорганизации органов государственной власти и положения отдельных сословий, в 1827 г. возглавил Государственный совет.

После разгрома декабристских и связанных с ними организаций революционные настроения в российском обществе претерпели определенный упадок. Основной нелегальной структурой оппозиционеров с 1826 по 1834 г. становятся кружки, в которых единомышленники (в основном дворянская служилая и студенческая молодежь, последователи декабристской идеологии и тактики) читали и распространяли стихи А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева, А. И. Полежаева, а также обменивались взглядами на общественно-политическое развитие Российской империи. По числу участников кружки были небольшими (до трех десятков человек), а их деятельность (как и деятельность одиночек) в условиях эффективной работы политической полиции была непродолжительной.

Так, в августе 1827 г. в Москве был ликвидирован кружок братьев Критских. Всего Третьим отделением было выявлено 18 человек, в той или иной мере причастных к «говорению непозволительного».

Ядро кружка составляли шесть человек: три брата Критских – Петр (чиновник одного из московских департаментов Сената), Василий и Михаил (студенты Московского университета), Н. Лушников (готовился к поступлению в университет), Н. Попов (студент) и Д. Тюрин (помощник архитектора).

В отличие от тайных союзов декабристов, участники кружков были выходцами не из дворянско-военной среды, а в основном из разночинцев. Кружок братьев Критских объединял чиновничью и студенческую молодежь (кроме названных, И. Кольчугин, А. Матвеев, А. Салтанов, П. Пальмин, А. Рогов, П. Таманский, Н. Тюрин и др.). Были среди них и двое военных: юнкер 6-го карабинерного полка П. Курилов и рядовой Астраханского гренадерского полка Ф. Кушнерюк.

Провал произошел после того, как М. Критский стал

убеждать членов кружка в необходимости совершить покушение на государя и членов императорской фамилии. Одиннадцатого августа штабс-капитан Боцан и прапорщик Ковалевский доложили командиру Сибирского гренадерского полка, в котором служили, что студент Лушников приглашал их участвовать «в партии». Со слов Лушникова, «партия» якобы имела членов в Москве, Петербурге и Сибири и в день коронации (22 августа) они намерены «совершить революцию». Военный комендант Москвы генерал-лейтенант Н. Н. Веревкин приказал офицерам притворно согласиться на вступление в «партию» и постараться выявить всех сообщников Лушникова.

Лушников и братья Критские были арестованы в ночь с 14 на 15 августа. Комиссия в составе генерал-губернатора Д. В. Голицына, генералов Н. Н. Веревкина и А. С. Храповицкого, обер-полицмейстера генерал-майора Д. И. Шульгина и начальника 2-го округа Корпуса жандармов генерал-лейтенанта А. А. Волкова приступила к допросам. Следствие установило, что кружок братьев Критских ставил целью борьбу за отмену крепостного права и завоевание конституции путем народного восстания. По сути, это был первый проект не военной, а общенародной революции.

Для отбывания наказания участники кружка были отправлены в Бобруйскую, Швартгольмскую и Шлиссельбургскую крепости, Соловецкий монастырь, высланы на службу в Вологду, Вятку, Оренбург, Пермь и/или отданы под надзор полиции.

В начале 1829 г. в Петербурге был раскрыт кружок студентов Медико-хирургической академии, члены которого (именовавшие себя по аналогии с организацией декабристов «Обществом соединенных славян») являлись выходцами из Польши и Малороссии. Один из участников кружка, К. Чарновский (1791–1847), в молодости служил в польских войсках Наполеона, а с начала 1820-х гг. входил в польское «Патриотическое общество». Среди активистов кружка были В. Илличевский, М. Крапивенцов (Крапивницын) и Я. Янушкевич. Позже следствие обвинило этих людей в участии в тайном обществе, «имевшем целью освободить Польшу и Малороссию и соединить их в республику». На самом деле никаких конкретных планов вооруженного восстания у кружковцев не было, и они не вели агитацию среди военнослужащих. Допросы арестованных в Третьем отделении проводил и лично Бенкендорф. Затем последовало заключение студентов-медиков в Шлиссельбургскую крепость с последующей высылкой в отделенные губернии под надзор полиции.

В деятельности правительства Николая I были и очевидные неудачи, связанные с работой спецслужб. Внешне спокойная

обстановка в стране таила в себе несколько тревожных для власти моментов.

В 1825 г. в Петербурге, в глубоком подполье, был составлен заговор грузинских феодалов, крайне недовольных утратой ранее неограниченной власти. Вдохновителями и организаторами заговора стали *присягнувшие на верность* (мы особенно выделяем это) Российской империи представители царского дома Багратионов. Членами петербургской группы заговорщиков были царевич Дмитрий, Д. и Э. Эристави, В. Орбелиани, С. Размадзе и др.

На следующий год, уже в Москве, возник второй тайный кружок под руководством царевича Окропира; в него входили Д. Орбелиани, С. Додашвили, Г. Эристави и ряд других лиц.

И в первой, и второй группе обсуждались планы освобождения Грузии от «царского ига». Находившиеся в Петербурге и Москве заговорщики вели среди приезжавшей на учебу грузинской молодежи пропаганду вооруженного выступления против России. Для привлечения на свою сторону выходцев из дворянской среды царевичи Дмитрий и Окропир говорили о создании в Грузии республиканского или конституционно-монархического государственного строя. Однако на деле под «освобождением Родины» подразумевалось восстановление династии Багратионов и личных политических и имущественных привилегий заговорщиков.

Главной горячей точкой продолжал оставаться Кавказ. Несмотря на очевидные успехи, в 1827 г. генерал Ермолов был отозван с Кавказа и отправлен в отставку за связь с декабристами. После его удаления русские войска с переменным успехом вели боевые действия против последователей мюридизма. В 1829 г. имамом Дагестана и Чечни был провозглашен Гази Магомед (Кази-Мулла), объявивший газават (священную войну) Российской империи. Новый командующий Кавказским корпусом И. Ф. Паскевич, занятый защитой Восточного Кавказа от внешних угроз во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг., вначале не придавал значения усилению религиозной пропаганды среди горских племен. Однако проповеди мюридизма находили в воинственных горцах Дагестана и Чечни все более благоприятную для почву.

В 1827–1830 гг. центр грузинского дворянского заговора переместился в Тифлис. В 1829 г. во главе заговора находились царевич Окропир, царевна Тамара, Э. Эристави, С. Додашвили, А. Чолокашвили и Я. Палавандишвили. С 1830 г. руководящую роль в тифлисских тайных организациях выполняли А. Орбелиани, Э. Эристави и С. Додашвили. Их главным требованием было –

«Грузия для грузин».

Деятельность мятежников заключалась в следующем. Во-первых, они старались охватить пропагандой и агитацией большинство территорий Грузии, надеясь привлечь к восстанию широкие крестьянские массы. Во-вторых, была поставлена цель вовлечь в борьбу против России другие кавказские народы, чтобы в момент восстания максимально рассредоточить русские войска, и в этом направлении велась определенная работа.

Различные антироссийские группы надеялись на помощь со стороны Турции, Англии и Франции. Одним из первых в 1830 г. на территорию так называемой Черкессии (включала Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Адыгею, часть современного Краснодарского края и Абхазии) нелегально проник британский разведчик Эдмонд Спенсер. Он прибыл из Турции на фелюге контрабандистов; легенда – генуэзский врач. Одним из информаторов Спенсера стал выходец из Силезии ювелир Натан Шрегер, попавший в плен к черкесам во время одного из набегов на земли казаков.

Третьего июня 1830 г. в Севастополе вспыхнул один из так называемых холерных бунтов, причиной которого стали злоупотребления властей во время карантина. Бунт начался выступлением мастеровых флотских экипажей, затем к ним присоединились городские низы, вооруженные матросы и солдаты. Были убиты несколько офицеров и чиновников, пострадали также купцы, поднявшие цены на продовольствие. Бунт продолжался пять дней. После его подавления военный суд рассмотрел дела около 1580 участников, семь человек были расстреляны, несколько сотен прогнали сквозь строй, а затем сослали на каторгу и в арестантские роты.

Летом – осенью 1830 г. в России начался рост оппозиционных настроений в образованной части общества под влиянием революций во Франции и Бельгии.

Причиной июльской революции 1830 г. во Франции стала политика короля Карла X, который стремился восстановить порядки, царивших до Великой французской революции (Реставрация). Поводом к вооруженному восстанию стали подписанные королем 25 июля ордонансы о роспуске палаты депутатов, ограничении избирательного права земским цензом и об усилении репрессий против свободной прессы. Двадцать седьмого июля, на следующий день после опубликования ордонансов, на улицах Парижа начались баррикадные бои, зачинщиками которых были студенты; некоторые солдаты стали переходить на сторону восставших. Тридцатого июля восставшие заняли королевский дворец. Депутаты парламента передали

корону герцогу Орлеанскому – Луи Филиппу, власть которого была несколько урезана. Государственный аппарат и командный состав французской армии очистили от крайних реакционеров, было введено местное и областное самоуправление, однако трудящиеся массы не получили права голоса, а тяжелые косвенные налоги не были отменены. Отдельные волнения пролетариев были быстро подавлены. Полицейско-бюрократический аппарат, сложившийся в период империи Наполеона, перешел в другие руки; наступил «золотой век» французской буржуазии.

* * *

События во Франции воодушевили бельгийцев. Двадцать пятого августа начались стихийные антиголландские выступления в Брюсселе, а затем в Вервье, Лувене и Льеже, откуда быстро распространились по всему югу. Немалую роль среди причин, вызвавших революцию, играло различие вероисповеданий: жители Бельгии в основном были католиками, а Голландия – протестантская страна. Когда в сентябре голландские войска вступили в южные провинции, их встретили как захватчиков. Четвертого октября Бельгия вышла из состава нидерландского королевства и провозгласила независимость.

* * *

Для истории международных отношений первой половины XIX в. бельгийская революция имела большое значение: она, по существу, нанесла один из самых тяжелых ударов по всей системе Священного союза. В личном письме Николаю I нидерландский король Вильгельм I писал, что «восстание в королевстве явится <…> серьезной опасностью», что оно «парализует назначение Нидерландов в европейской системе» и что «присутствие союзных войск на территории Нидерландов можно будет согласовать с сохранением общего мира».[346]

Русский император ответил:

«Интересы всех правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме, и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв Вашего Величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые

войска».[347]

Однако в то же время министр иностранных дел России граф Нессельроде выражал беспокойство в связи с позицией французского правительства, «намеревающегося оказать сопротивление, даже силой оружия, всякой попытке иностранной державы бороться с бельгийской революцией».[348]

Предпринимая шаги к осуществлению планов вторжения в Бельгию и во Францию, Николай I решил прозондировать точку зрения союзников – Пруссии и Австрии. С этой целью в Вену отправился чрезвычайный посол русского императора генерал-адъютант граф Орлов, а в Берлин – фельдмаршал Дибич.

* * *

Революции во Франции и Бельгии способствовали росту либеральных настроений в Европе. В сентябре 1830 г. вспыхнули волнения в государствах Германского союза: Баварии, Брауншвейге, Ганновере, Гессене и Саксонии; в результате они получили либеральные конституции, были возобновлены и аграрные реформы.

Начались волнения в некоторых итальянских государствах, в том числе в Папской области.

* * *

Итоги революций обострили противоречия между Россией и Англией. Обеспокоенный революционными событиями во Франции и Бельгии, Николай I хотел создать антифранцузскую и антибельгийскую коалиции, но не сумел. Новый король Франции сделал основную ставку на сближение с Англией. При этом правительства обеих стран – и Франции, и Англии – были заинтересованы в независимости Бельгии, которая ослабляла их конкурента – Голландию.

Австрия и Пруссия в это время были поглощены борьбой за влияние на германские государства и искали для этого дипломатической поддержки со стороны Англии и Франции.

«Известие о революции в Париже, – отмечалось в отчете Третьего отделения за 1830 г., – взволновало всех и направило все мысли на политику.

Почти всякому грамотному было известно, что Франция в последнее время управлялась мистиками и иезуитами. Чувство ненависти к иезуитам присуще всем русским, и оно постоянно

возбуждается историческими воспоминаниями и традициями; за последнее время у нас пробудилось также отвращение к мистикам и всяким сектантам. Вследствие этого бóльшая часть общества встретила известие о падении правительства Карла X с некоторым удовлетворением. В то же время либералы и конституционалисты с восторгом увидели перед собой обширное поле для распространения своих пагубных доктрин. Молодежь, оказывающая некоторое влияние на гвардейских офицеров и на безрассудных людей из средних классов, громко торжествовала, пила за здоровье Луи Филиппа, которого они чествуют под именем Леонтия Васильевича, дабы непосвященные не могли их понять; она также напыщенно рассуждала по поводу событий, выражая пожелание, чтобы революция обошла весь мир. Надзор старался следить за всеми этими собраниями и заметить главных говорунов; но, ввиду того, что все ограничивалось простой болтовней, ему не пришлось отметить ни одного сколько-нибудь достойного внимания факта. Главные болтуны принадлежали к высшему обществу. В средних классах, т. е. среди мелкого дворянства и купцов, особенно в провинции, Парижская революция не произвела особого впечатления».[349]

* * *

В тот самый момент, когда император ждал вестей из Вены и Берлина, началась польская война 1830–1831 гг., которую в исторической литературе принято называть Польским восстанием. Это было тяжелейшим провалом секретных служб Николая I.

В Царстве Польском ситуация была иная, чем в губерниях Российской империи: здесь тайные общества не прекратили своего существования полностью, а с 1826 г. ушли в глубокое подполье. В июле 1826 г. скончался наместник Юзеф Зайончек, и должность стала вакантной; функции наместника исполнял высший правительственный орган – Административный совет. В 1827 г. в Варшаве уже существовал тайный союз, составленный из правительственных чиновников и части депутатов. Антироссийскую пропаганду вели И. Лелевель и А. Чарторыйский.

Начавшаяся весной 1828 г. русско-турецкая война ослабила внимание Петербурга к Варшаве, при этом часть польской шляхты желала поражения России и надеялась, что это поражение станет шагом в направлении независимости. Сеймовый суд, вынесший демонстративно мягкие приговоры польским заговорщикам,

усилил у членов тайных обществ чувство безнаказанности.

Война с Турцией первое время велась неудачно, и в Польше подогревались слухи о поражениях русских войск. В декабре 1828 г. в Школе подхорунжих[350] возникло тайное военное общество. Его организатором стал подпоручик гвардейских гренадер П. Высоцкий. Другое тайное общество организовал Ю. Заливский. Члены обоих обществ (в основном младшие офицеры, юнкера и кадеты) отличались радикализмам и ставили целью восстановление независимой Польши «от моря до моря» в границах 1772 г. с помощью «военной революции». И некоторые основания для успеха у заговорщиков имелись. По Конституции 1815 г. Царство Польское располагало собственной армией, причем деньги на вооружение, обмундирование и продовольствие этой армии отпускались из Петербурга.

В составе армии мирного времени (30–35 тысяч человек) числились:

1) Гренадерский и Конно-егерский гвардейские полки, Конно-артиллерийская рота;

2) две пехотные дивизии (восемь пехотных и четыре егерских полка, две артиллерийские бригады);

3) Уланская (четыре полка) и Конно-егерская (четыре полка) кавалерийские дивизии, Конно-артиллерийская бригада;

4) Саперный батальон, Пешая и Конная ракетные роты, Гарнизонная артиллерия, Кадетский корпус.

Значительное число офицеров-поляков было и в частях Литовского отдельного корпуса.

Восстание планировалось на конец марта 1829 г. В это время в Варшаве должна была состояться коронация Николая I как царя Польского. Реализации намеченного плана помешал случайный арест одного из заговорщиков.

Коронация на фоне долгожданных побед русского оружия в войне с Турцией состоялась в мае 1829 г., между тем политическая ситуация в Царстве Польском продолжала ухудшаться. Офицеров польских войск, связанных с заговором декабристов, а также участвовавших в тайных польских обществах, выпустили из-под стражи. Деятельности Третьего отделения на территории Царства Польского не допускал Константин Павлович, а предложение Николая послать польский корпус на войну против турок цесаревич назвал «нелепой штукой». Считаясь с Конституцией и мнением старшего брата, Николай не стал принимать должные карательные меры.

Европейские революции 1830 г. выступили катализатором роста патриотических настроений. В октябре молодыми польскими офицерами и студентами был образован комитет для

подготовки и руководства восстанием. По Варшаве распространялись слухи, определявшие начало «революции» сначала на 10-е, потом на 15-е и, наконец, на 20 октября. Однако офицеры русского гарнизона были настороже, и руководители заговора к окончательному соглашению так и не пришли. Тем временем один из подпрапорщиков сообщил властям о готовящемся восстании, и двое лидеров – П. Высоцкий и П. Урбанский – были арестованы. Константин Павлович, пребывавший в «блаженном неведении» насчет политических настроений в Польской армии, распорядился арестованных освободить. И их дело не пропало…

Получив сведения о подготовке восстания, Николай I потребовал от брата решительных действий. Кроме того, он потребовал начать подготовку к отправке польских войск для участия в подавлении революционных выступлений в Европе. Но в ближайшем окружении цесаревича оказались агенты заговорщиков, не выявленные Военно-секретной полицией Царства Польского. Благодаря болтливости Константина поляки узнали о намерениях русского императора и наметили восстание на 10 декабря. Однако в начале ноября были арестованы еще несколько заговорщиков, и Лелевель перенес срок выступления сначала на 16 ноября, а затем на 17 ноября (до русских властей дошли неопределенные слухи о готовящемся восстании, и 16 ноября они выставили дополнительные караулы).

«Заговорщики присвоили себе звание представителей войска и народа и, после нескольких совещаний, положили в своем скопище начать мятеж 17/29 ноября по следующему плану: 1-е, овладеть особою цесаревича; 2-е, принудить российскую кавалерию отдать оружие; 3-е, овладеть арсеналом и раздать оружие черни; 4-е, обезоружить полки российской императорской гвардии Литовский и Волынский».[351]

В итоге вечером 17 ноября вооруженная толпа под предводительством студентов и младших офицеров ворвалась в резиденцию Константина – Бельведерский дворец. Цесаревича, который сумел скрыться через потайной ход, ценой собственной жизни спас генерал Свиты А. А. Жандр. Были убиты оставшиеся верными присяге польские генералы Блюмер, Гауке, Новицкий, Потоцкий, Сементковский, Трембицкий, полковник Мецижевский и русский полковник Засс. При всем этом ситуация не стала критической: к дворцу подошли гвардейские полки Литовского корпуса (Уланский великого князя Константина и Подольский кирасирский), а также верные присяге польские конные егеря. Под конец дня к ним пробились все русские и часть польских войск, а генерал Д. А. Герштенцвейг предложил стрелять, обещая

усмирить Варшаву.

Однако цесаревич, имевший в своем распоряжении в Варшаве семь гвардейских полков (Волынский, Гродненский гусарский, Литовский, Подольский кирасирский, Уланский, польские Гренадерский и Конно-егерский) отказался пустить в ход оружие, полагая, что «русским нечего делать в драке», а «всякая пролитая капля крови только испортит дело». Он отпустил пока еще остававшиеся верными ему польские войска (и эти отлично подготовленные силы присоединились к мятежникам!), а сам с русскими частями отошел в Россию. Через несколько дней Царство Польское оставили все русские войска, а военные крепости Модлин и Замостье, имевшие стратегическое значение и большие артиллерийские запасы, были сданы восставшим без боя.

Д. В. Давыдов, один из ведущих специалистов своего времени в области «малой войны» писал в «Записках партизана»,[352] что «война с польскими мятежниками <…> по влиянию своему на умы, угрожая России ужаснейшими последствиями, едва ли не была <…> грознее войны 1812 года. Одну можно назвать бурей, другую – заразой. Одну вел человек великий, превосходный, но имевший в виду лишь одну вещественную цель; другая велась сама собою, скрывая в чреве своем начало, полное разрушительными последствиями всякого единства, всякого покоя, всякого благосостояния и порядка. Какая огромная обязанность лежала на правительстве! Ему надлежало быть наиболее бдительным, вовремя обо всем извещенным и полным внимания к малейшему пришествию войны».[353]

Англия и Франция, не оказывая полякам никакой реальной помощи, мгновенно увязали бельгийский и польский вопросы в дипломатическом плане и вынудили Николая I направить своих представителей на Лондонскую конференцию послов великих держав. На конференции, проходившей (с перерывами) в ноябре – декабре 1830 г., система венских границ 1815 г. дала первый сбой, связанный с различием интересов великих держав. В итоге независимость Греции получила международное признание, удостоилась независимости и Бельгия, ставшая конституционной монархией при постоянном нейтралитете во главе с Леопольдом I.

* * *

События 1830 г. в Европе и польский мятеж нашли отражение и во внутренней политике Российской империи. Уже 21 декабря 1830 г. Бенкендорф разослал губернаторам секретный циркуляр,

в котором говорилось о том, что император приказал ему (шефу жандармов) обратить внимание господ губернаторов на возможность польской пропаганды в российских губерниях:

«Чтобы на случай, когда в губерниях <…> появятся какие-либо воззвания к народу или сочинения, клонящиеся к внушению мирным жителям мнений, противных государственным постановлениям или гражданскому порядку, вы <…> немедленно препроводили бы оные ко мне, приняли надлежащие меры к открытию сочинителей и распространителей таковых разглашений».[354]

В свою очередь, губернаторы отдали подобные распоряжения находящимся в их подчинении уездным полицмейстерам.

России пришлось исправлять политическую близорукость, военную нерешительность и личностную «нервическую непоследовательность» Константина Павловича полномасштабной годичной войной, которая стоила обеим сторонам от 35 до 50 человек только убитыми.

Глава 9
За нашу и вашу свободу?

Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышляющих о цареубийстве. Его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

А. С. Пушкин

Тринадцатого января 1831 г. польский сейм объявил династию Романовых лишенной польского престола. Во главе Национального правительства встал ближайший соратник Александра I Адам Чарторыйский, вступивший в переговоры с иностранными державами о предоставлении военной, финансовой и политической помощи полякам. Главнокомандующим польской армии был назначен ветеран наполеоновских войск генерал Ю. Хлопицкий, любимец солдат. Под его командой находилось 35 тысяч регулярных войск (из них семь тысяч кавалерии) при 106 орудиях. В Варшавском арсенале имелся большой запас ружей. Дополнительно правительством были приняты следующие меры:

1) призвано на службу 20 тысяч отставных солдат и офицеров;

2) объявлен набор 100 тысяч добровольцев (из них 10 тысяч в кавалерию);

3) изъяты для артиллерии упряжные лошади;

4) взяты на вооружение гаубицы из Модлина, старые прусские и турецкие орудия, из колоколов отлито 20 орудий;

5) произведен ускоренный выпуск офицеров из Школы подпрапорщиков и из Калишского кадетского корпуса.

К началу реальных военных действий численность польской армии составила 140 тысяч человек. Старые войска были отлично обучены, однако новые, наспех собранные части значительно уступали им по всем показателям. (Одна из ошибок поляков – то, что они не выделили кадры, способные передать новым войскам свой положительный опыт).

В состав Действующей российской армии, предназначенной для усмирения Польши, были назначены: Гвардейский корпус (Петербург), Гренадерский корпус (Новгородские военные

поселения), 1-й и 2-й пехотные корпуса 1-й армии, 6-й (бывший Литовский) корпус, 3-й резервный Кавказский корпус и 5-й резервный кавалерийский корпус – всего 183 тысячи человек (из них 41 тысяча кавалерии) плюс 13 казачьих полков; при этом для сбора войск требовалось не менее четырех месяцев. Главнокомандующим был назначен генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский, начальником штаба – генерал от инфантерии К. Ф. Толь. Не уступая полякам в маневрировании, русские войска были менее подготовленными в одиночных действиях, в рассыпном строе и т. п. «Тормозящим» фактором оказалась и недооценка сил и возможностей противника.

«Разбирая Польскую кампанию, – писал один из лучших знатоков военной истории России А. А. Керсновский, – мы прежде всего должны отметить недооценку противника Дибичем – крупный и досадный промах Забалканского. Недооценка эта имела следствием выступление в поход „налегке“ – в результате чего после Гроховского сражения во всей русской артиллерии осталось всего 5000 зарядов, с чем нельзя было приступать к штурму сильно укрепленной Варшавы. Выступи Дибич в поход на месяц позже, кампания закончилась бы на полгода раньше: имея под рукой достаточные силы и средства, можно было бы сразу нанести решительный удар. Всю кампанию армии пришлось расплачиваться за эту первоначальную ошибку. Тактическая подготовка войск была слаба в результате 15 лет плац-парадных излишеств и постоянного празднования старых побед в наполеоновских баталиях. Начальник штаба армии генерал Толь составил перед выступлением в поход „Правила для наблюдения во время марша на биваках, на тесных квартирах и в самом бою“. Однако эти правила большинством войсковых начальников не соблюдались».[355]

Русскими генералами не был востребован и богатейший опыт партизанской войны 1812 года. Глаза многих героев прошлых битв застило самомнение, и большинство из них высокомерно отнеслось к необходимости изучения новых тактических методов ведения боевых действий, притом что прежний боевой опыт был подзабыт. Именно это чванливое самодовольство и позволило отряду г. Дембинского (около четырех тысяч человек) пройти сквозь боевые порядки русских войск из Литвы под Варшаву через Беловежскую пущу. Поход Дембинского (28 июня – 22 июля 1831 г.) представляет собой классический образец рейдовых партизанских действий. Избегая больших городов и открытых пространств, он вел своих людей лесами. На малые русские отряды поляки нападали, а более сильные – обходили. Тактика Дембинского полностью соответствовала выводам Фигнера и

Давыдова[356] о том, что оружие партизан состоит более в искусстве, чем в силе; а главными их союзниками являются быстрота маневра, внезапность нападения и решительность в бою.

Сам Давыдов участвовал в подавлении польского мятежа добровольцем. С марта 1831 г. он командовал «летучим отрядом» в составе Финляндского драгунского и трех казачьих (Кареева, Катасанова и Платова) полков. Ему была поставлена задача наблюдать за действиями войск генерала И. Дверницкого из района Замостья и не допустить партизанских действий поляков в междуречье Вислы и Буга. Давыдов задачу выполнил и за успешные боевые действия был удостоен звания генерал-лейтенанта и орденов Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени.

В подавлении Польского восстания участвовали и специальные подразделения личной охраны российского императора. Так, лейб-гвардии Черноморский 7-й эскадрон осуществлял охрану Главной квартиры.[357] А лейб-гвардии Кавказский Горский полуэскадрон был присоединен к штабу Гвардейского корпуса.

В 1831 г. горцы Конвоя участвовали в следующих боях: в ночь на 23 апреля у деревни Плавки ими была разбита рота польской пехоты, 1 мая у села Верпента был атакован отряд польских партизан – их загнали в болото и полностью уничтожили; затем горцы отличились в сражении при Райгороде 17 мая.

Двадцать девятого мая фельдмаршал Дибич скончался от холеры, и боевые действия в Польше замедлились. При этом политическая обстановка в Российской империи в первой половине 1831 г. в целом была достаточно спокойной. Но польский мятеж посеял свои ядовитые зерна. В обществе усилился рост оппозиционных настроений. К чести российских секретных служб, ни одна попытка организовать поддержку польским мятежникам в обеих столицах и центральных губерниях успехом не увенчались.

Весной 1831 г. Генерального штаба штабс-капитан С. И. Ситников (жена которого была полькой) составил проект вечевого правления в России. Согласно проекту, славянская вечевая федерация должна была состоять из двух вечевых республик: славяно-русской, со столицей в Новгороде, и славяно-польской, со столицей в Варшаве. Столицей федерации намечался Киев. Написав 16 писем с изложением своего проекта, Ситников разослал их в городские думы некоторых губерний (например, в Московскую, Ростовскую, Полтавскую, Черниговскую) и ряду известных частных лиц. В мае часть писем попала в Третье отделение. Восемнадцатого мая Бенкендорф начал всероссийский

розыск анонимного автора. Имея в качестве первоначальной зацепки только штамп казанской почты, оперативники Третьего отделения сумели установить личность «злоумышленника». Во второй половине июня 1931 г. Ситников был арестован в Казани и полностью изобличен. Осужденный за сочинение и рассылку «пасквилей и возмутительных писем», он был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослан в монастырь, где сошел с ума и умер на рубеже 1836/1937 гг.

Летом 1831 г. в Москве были раскрыты три группы заговорщиков: два антиправительственных кружка: Я. И. Костенецкого (студенческий) и Н. П. Сунгурова (военно-чиновничий); а также заговор офицеров-поляков, служивших в дислоцировавшихся в Москве полках. Четвертого июня 1831 г. полковник 2-го (Московского) округа Корпуса жандармов Н. П. Шубинский доложил Бенкендорфу, что студент Московского университета г. Шанявский на собрании сокурсников произносил похвалы «восставшему польскому народу», называя русских «трусами и подлецами». Предпринятые жандармами (совместно с полицией г. Москвы) меры позволили установить, что в Московском университете действительно имеет место «брожение неокрепших умов», вызванное польским мятежом.

В ходе дальнейших оперативно-розыскных мероприятий спецслужбы получили информацию о том, что некоторые находящие в Москве офицеры-поляки (братья С. и Ф. Керсновские, М. Морачевский, Седлецкий, Цеплинский) готовят побег в Литву для дальнейшего участия в боях против русских войск в Царстве Польском. Все указанные лица были немедленно арестованы. При обыске у них на квартирах было обнаружено оружие и боеприпасы (что для офицеров естественно), но кроме этого – комплекты штатского платья и чистые бланки подорожных, похищенные сообщниками арестованных из канцелярии Московского генерал-губернатора.

Яков Костенецкий создал свой кружок «Общество друзей» среди студентов Московского университета в подражание декабристам. Политическая цель общества состояла во введении в России конституции. В мемуарах Костенецкий оставил справедливые замечания о ситуации в университете. «Государь, – писал он, – никогда не посещал университета, и между нами было убеждение, что он нас ненавидит. Говорили, что он считает студентов бунтовщиками и даже не ездит мимо университета. В это же время, т. е. в 1830 году, началась Польская революция. [М. П.] Погодину, который в этом году начал было читать лекции польской истории, было запрещено читать их. Без всякого сомнения, лекции Погодина раскрыли бы нам всю истину

отношений России к Польше, все коварство поляков, всю их ненависть к России и к русской вере и показали бы необходимость и справедливость тогдашней войны с ними. Но запрещение чтений таких лекций студенты приняли за боязнь, чтобы не обнаружились жестокости против поляков, и поэтому студенты, зная только поверхностно эту историю и руководясь то состраданием к угнетенным, то внушениями товарищей поляков и немцев, считали войну эту несправедливою, варварскою и жестокою: в поляках видели страдальцев за родину, а в правительстве нашем – жестоких тиранов, деспотов».[358]

Отставной губернский секретарь Н. Сунгуров, познакомившийся в 1830 г. с членами кружка Костенецкого через Ф. П. Гурова, предложил им создать на базе кружка тайную революционную организацию. Сунгуров разрабатывал планы вооруженного восстания в Первопрестольной, предусмотрев захват артиллерии и вовлечение в восстание рабочих московских фабрик. Он надеялся внушить народу, что цесаревич Константин прибудет из Польши с войсками, освободит крестьян, отменит подати и т. п. Для привлечения к восстанию «городской черни» и освобожденных из тюрем уголовников предполагалось заинтересовать их возможностью пьянства и грабежа. В поисках союзников Сунгуров начал переговоры с находившейся в Москве группой польских офицеров. Однако те не приняли приглашение присоединиться к «клятым москалям», горя желанием лично участвовать в настоящем восстании – Польском.

Версия Костенецкого об обнаружении и ликвидации властями нелегальных групп значительно отличается от версии, принятой позже советскими историками. Костенецкий писал:

«Прежде расскажу, каким образом открылся этот, так названный тогда, Сунгуровский заговор, о чем я, разумеется, узнал уже впоследствии из рассказов товарищей. Во время Польской войны 1831 года все офицеры-поляки из Литовского корпуса были переведены в Россию, и многие находились в Москве. Между некоторыми из них, а также студентами и другими поляками был составлен заговор, чтобы бежать всем в Польскую армию. Говорили, что для этого каждый из них приготовил себе оружие, пороху, пуль и проч., и будто все они, чрез какого-то писаря из канцелярии генерал-губернатора, запаслись фальшивыми видами и уже хотели бежать из Москвы. Сунгуров, который был знаком с некоторыми из этих офицеров, узнав о их намерении, сделал на них донос правительству, и их поэтому начали хватать и арестовывать. Когда явились жандармы арестовать одного из них, поручика Седлецкого, то в это время был у него в гостях студент Полоник, который после этого, явясь

к жандармскому генералу Волкову, сделал донос уже на Сунгурова и на всех тех, которые у него бывали. Таким образом, этот гнусный Полоник, бывший моим товарищем еще с гимназии, сделался теперь самым лютым обвинителем меня, Антоновича и всех других студентов, не только знакомых с Сунгуровым, но даже только знакомых с нами».[359]

С арестованными и привлекавшимися членами (сторонниками) московских кружков и польскими офицерами (всего 34 человека) поступили достаточно мягко. В 1832 г. большинство из них были определены в солдаты, отправлены в ссылку либо отданы под секретный полицейский надзор. Костенецкий, попавший рядовым в Кавказский корпус, в 1839 г. за боевые заслуги был произведен в офицеры, а в 1842 г. вышел в отставку и оставил после себя значительное литературное наследие.

Летом 1831 г. обстановка в России осложнилась. На серьезность ситуации для Николая I указывал в своих воспоминаниях Д. Давыдов:

«Государь сказал однажды А. П. Ермолову: „Во время Польской войны я находился одно время в ужаснейшем положении. Жена моя была беременною на сносе, в Новгороде вспыхнул бунт, при мне оставались лишь два эскадрона кавалергардов; известия из армии доходили до меня лишь через Кенигсберг. Я нашелся вынужденным окружить себя выпущенными из госпиталя солдатами“».[360]

Император имел в виду чрезвычайно опасный своей непредсказуемостью бунт, произошедший в военных поселениях Новгородской губернии, созданных в Старо-Русском уезде еще при Александре I.

В конце 1820-х годов в России, в том числе и в Новгородских военных поселениях, свирепствовала эпидемия холеры, пришедшая из Азии. Только в Старой Руссе в день умирало от 50 до 80 человек. Здесь необходимо отметить, что 1-я и 2-я гренадерские дивизии с января 1831 г. находились на территории Царства Польского, участвуя в боях с мятежниками, и в поселениях вокруг Старой Руссы дислоцировались резервные (запасные[361]) батальоны из полков обеих дивизий, каждый численностью до 1400 человек. Треть нижних чинов в них составляли только что поступившие на службу кантонисты. Летом 1831 г. эти батальоны выступили из своих округов в военный лагерь под Княжьим Двором для практического военного обучения. В самом городе и пригородах располагался 10-й военно-рабочий батальон, занятый на строительстве и в материальном обеспечении частей Гренадерского корпуса.

Десятого июля 1831 г. мещанин У. Воробьев обвинил подпоручика Киевского гренадерского полка Ашенбреннера в рассыпании по полям отравы, о чем стало известно в городе. Среди поселенцев и горожан распространялись слухи, что народ «травят» преднамеренно, по приказу властей. Вполне вероятна версия, что подобные слухи могли инициироваться и польской агентурой.

На следующий день, в субботу 11 июля, в окуренной уксусом и можжевельником бане отказалась мыться одна из рот военно-рабочего батальона. Полицмейстер майор Манджос, явившийся для рассеивания слухов об отравлении, был убит. Затем к мятежникам присоединилась часть городских мещан. Во главе бунтовщиков встал подпоручик И. Г. Соколов. Двенадцатого июня число мятежников увеличилось за счет поселян Дубовицкого и Коростынского округов. Весь день в городе происходили грабежи, разбои и многочисленные убийства офицеров, чиновников и даже православных священников. Толпа, подвергнув схваченных офицеров (штаб-лекарь Богородский, частный пристав Дирин, майор Лорадзиев, капитан Шаховской и др.) зверским пыткам, заставила их «признаться» в отравлениях. Капитаны Балашевич и Хамов были насмерть забиты камнями, после чего началась подготовка к казни остальных «отравителей».

Утром 12 июля известие о возмущении в Старой Руссе было получено в лагере под Княжьим Двором. Начальник лагеря генерал А. А. Леонтьев немедленно отправил в город сводный батальон 3-го Карабинерного полка под началом майора Ясинского с приказом навести порядок. Батальон прибыл в Старую Руссу в ночь с 12 на 13 июля, где занял гауптвахты и освободил заложников. Майор Ясинский приказал расставить караулы и разослал патрули; солдат военно-рабочего батальона вернули в казармы, некоторых из них арестовали. Из числа местных жителей под арест попали 90 мещан и 32 купца. Однако зачинщики мятежа остались на свободе – либо по неопытности Ясинского, либо по «недостатку сил». Тринадцатого июля в Старую Руссу вступил генерал Леонтьев с двумя батальонами при четырех орудиях. Он имел приказ начальника резервных батальонов Новгородского военного поселения генерала А. А. Эйлера «не вдаваться ни в какие действия» до приезда последнего. Поскольку действия военных властей, направленные на выявление и арест зачинщиков бунта, были недостаточно энергичными, многие нижние чины военно-рабочего батальона скрылись в соседних селениях и стали подбивать к мятежу солдат ближайших поселенных батальонов.

В тот же день, 13 июля, взбунтовались кантонисты резервного

батальона Гренадерского, принца Е. Вюртембергского, полка. Были убиты командир батальона подполковник Посьет, капитаны Буйбухтин, Булашевич и Камараш, командир военно-рабочего батальона майор Розенмейер; остальных офицеров избили. Зверская расправа была учинена над офицерами артиллерийского округа (вспарывали животы, выкалывали глаза, вырывали ногти, сдирали кожу). Защитой для спасшихся офицеров и членов их семей стал 8-й Егерский (кадровый) батальон (300 штыков), который разогнал толпу бунтовщиков (3000 человек при нескольких орудиях). Однако мятеж продолжал распространяться. Кантонисты резервного батальона Гренадерского, принца П. Мекленбургского, полка склонили к выступлению солдат 2-го, 3-го и 4-го карабинерных полков. Колебался и 7-й Егерский батальон. В Старой Руссе поселенцы-бунтовщики постоянно контактировали с горожанами. Беспорядки вспыхнули и в полках 1-й Гренадерской дивизии (16 и 17 июля).

Были случаи недостойного поведения офицеров – по требованию мятежников майор Емельянов выдал на верную смерть искавших у него защиты майора Заруцкого и капитана Карпова. Двадцать первого июля были убиты генералы Леонтьев и Эмме, не решившиеся стрелять в бунтовщиков. Нижние чины из кантонистов резервных батальонов открыто переходили на сторону мятежников.

Генерал Эйлер поспешно отступил из округа Киевского гренадерского полка в Новгород. В сложившейся ситуации наиболее решительно повел себя подполковник Эйсмонт, принявший командование в Старой Руссе. 22–23 июля кантонисты резервных батальонов Екатеринославского, Киевского и Московского гренадерских полков были разоружены и отправлены по местам проживания. Поскольку крестьяне по соседству с военными поселениями громили помещичьи усадьбы и избивали господ, в ближайшие к Старой Руссе округа были отправлены вооруженные команды из солдат-кадровиков. Однако беспорядки в городе и его окрестностях продолжались до 26 июля.

Как только наметился перелом, в Старую Руссу прибыл комендант Императорской Главной квартиры генерал-адъютант В. Я. Микулин с эскадроном гвардейских улан. Солдатам было объявлено, что их поведут к царю. На самом деле бунтовщики под конвоем эскадрона улан, усиленным шестью орудиями гвардейской конной артиллерии, были приведены в Ораниенбаум. Под прицелом орудий более две тысячи человек посадил на баркасы и переправили в Кронштадт. Там их встретил генерал-адъютант П. А. Клейнмихель с конвоем; мятежников

заковали в кандалы и отправили под стражу. Прибывший по повелению государя в Новгородские военные поселения генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов (его сопровождали несколько кадровых батальонов и казачьих полков) начал производство следствия.

Всего во время мятежа было убито два генерала и около 120 офицеров (при штурме Варшавы русские войска потеряли меньше!), а также несколько десятков гражданских лиц.

Двадцать пятого июля в Новгород прибыл Николай I, он произвел смотр войскам новгородского гарнизона и посетил округа поселенных гренадерских полков.

В пользу того, что мятеж запасных батальонов мог инспирироваться сторонниками польской независимости, говорит следующий факт. За несколько дней до начала бунта в Старую Руссу прибыл отставной поручик польской службы Сверчковский, остановившийся у винного откупщика. Во время мятежа поляк лично подстрекал поселенцев к бунту. После ареста при нем обнаружили более двадцати тысяч рублей и списки всех генералов и офицеров Новгородского военного поселения. Спустя несколько лет арестованный Сверчковский покончил с собой в Тихвине.

Выводы из июльского мятежа военных поселенцев в Старой Руссе были сделаны (даже по меркам XX в.) практически мгновенно. Императорским указом от 8 ноября 1831 г. Новгородские военные поселения были преобразованы в 14 округов пахотных солдат. Поселенные батальоны расформировали, поселенные роты переименовали в волости, управление которыми вверили головам, избираемым из среды хозяев командирами округов. Дети пахотных солдат более не зачислялись в кантонисты, а по достижении двадцатилетнего возраста определялись на службу в резервные батальоны на общих основаниях. Пахотные солдаты 5-го округа, не принимавшие участия в бунте, были освобождены от оброка; а их дома и другие хозяйственные строения было приказано поддерживать полностью за казенный счет.

Тринадцатого июня 1831 г. в командование русскими войсками в Польше вступил генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич. К тому времени он осознал, что за ситуацией на Кавказе необходимо осуществлять постоянный надзор. Отправляясь на усмирение Польского восстания, Паскевич обратился к Бенкендорфу с письмом, в котором предлагал учредить в Закавказском крае секретную военную полицию.

Двадцать четвертого июля Николай I, с учетом замечаний А. Х. Бенкендорфа, начальника Почтового департамента А. Н.

Голицына и военного министра А. И. Чернышева, утвердил проект создания секретной военной полиции. Для ее деятельности казначейством отпускалась денежные средства в размере 8750 рублей.

Военный полицмейстер, заведовавший секретной полицией, состоял под непосредственным началом командующего Кавказским отдельным корпусом. Одновременно он должен был доносить обо всем, что происходит в крае, до сведения шефа жандармов. Исполняющий эту должность назначался из числа штаб-офицеров Кавказского корпуса с обязательным переводом в Корпус жандармов. Главе новой секретной службы оперативно подчинялись штаб-офицеры Корпуса жандармов в Астрахани, Ставрополе и Тифлисе. В распоряжении военного полицмейстера находились пять помощников из числа офицеров Корпуса жандармов для наблюдения по Грузии, Имеретии, Мингрелии, Грузино-Ахалцыкской области, Армянской области, Мусульманской провинции и Дагестану. Перлюстрация подозрительной корреспонденции и передача сведений командиру Кавказского корпуса возлагались на тифлисского почтмейстера.

Для эффективной работы военный полицмейстер должен был иметь «благонадежных секретных агентов из разного сословия людей для разведывания и собирания сведений в провинциях, полках, высших судилищах, портах, таможнях, карантинах, при иностранных консулах, приезжающих от азиатских правительств, и вообще при всех иностранцах».[362] Таким образом, секретная военная полиция являлась не только органом политического сыска, но и органом военной контрразведки. И это было не случайно: Кавказ был местом столкновения интересов России, Британии, Франции, Турции и Персии, а после поражения мятежа 1831 г. польские инсургенты приняли участие в боевых действиях горцев против русских войск. Это противостояние, но уже в новых геополитических условиях, продолжается до сих пор.

Примечательно, что за несколько дней до приезда Паскевича в Царство Польское, 1 июля 1831 г., А. С. Пушкин писал П. А. Вяземскому, что мятежников «надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей…».[363]

Паскевич действовал решительно и в августе взял Варшаву, после чего полное поражение мятежников стало лишь вопросом времени. В сражениях на Панарских высотах 7 июня и при Ковно 16 июня отличился Кавказский Горский полуэскадрон. При Ковно

конвойцы вместе с тремя эскадронами лейб-гвардии Казачьего полка способствовали взятию города.

Летом 1831 г. Национальное польское правительство безуспешно пыталось предложить польскую корону то Австрии, то Пруссии, то Франции. Однако никто из монархов не захотел принять «дар». В сентябре и октябре 1831 г. остатки польской армии бежали от русских войск в Австрию и Пруссию, где были интернированы и разоружены. Крепости Модлин и Замостье сдались русским войскам.

Государь, тем не менее, опасался возможного вредного влияния «заразы нравственной» на молодых русских офицеров. Еще 14 сентября в письме к Паскевичу он рекомендовал обратить особое внимание на поведение офицеров, их связи и чаще подвергать ротации части Варшавского гарнизона. Для русских офицеров, несущих службу в Царстве Польском, подготовили секретную инструкцию о правилах поведения. В ней раскрывались методы, с помощью которых польские инсургенты вызывали симпатии к полякам и/или вербовали российских военнослужащих. Особое внимание уделялось воспитанию у молодых (как наиболее подверженных влиянию) офицеров неприязни к польскому национализму.

Наиболее точную политическую оценку поражения Польского восстания дал Д. Давыдов, прекрасно знавший изнутри суть освободительной борьбы:

«Во всех единодушных, всеобщих и национальных восстаниях все без изъятия сословия добровольно вооружаются; так поступили Испания и Россия, но не вследствие угроз, разорительных пени, побоев, заточения или виселицы, как то было в Польше. Здесь добровольно восстали только шляхетство, духовенство и войско, с трудом возбужденное к восстанию своими генералами и офицерами, принадлежащими шляхетскому разряду; хотя средний класс и крестьяне умножили ополчение рекрутами, но не добровольно, а были отторжены от своих семейств народным правлением и своими помещиками. Находясь в рядах мятежников, они сражались храбро; это свойство славянских народов, но от рекрутского набора они скрывались в лесах. В солдатском же звании, коль скоро представлялся им случай к побегу, они в самую благоприятную эпоху для польского оружия немедленно и с радостью удалялись в жилища свои. Они нетерпеливо ожидали исхода войны, каков бы ни был результат ее, и при первом известии о взятии Варшавы никакая власть не могла уже удержать их в рядах ополчений. <…> Равнодушие к исходу борьбы, предпринятой с нами шляхетством и духовенством, еще более обнаружилось между домоседами. <…

> И верно не мне одному в течение всей этой войны крестьяне говаривали, почесывая голову и скрежеща зубами, когда производились нами наряды подвод или фуражирования в их селениях: „О паны, паны!!! Не вы, господа солдаты, а наши паны нас губят. Одному хочется быть королем, другому – генералом, третьему – богачом, а мы за все платим и за все терпим!“

Отчего же происходит то равнодушие крестьян и среднего класса к этому предмету, которого усиливались достигнуть духовенство и шляхетство польское? Оттого, что везде и всюду духовенство и шляхетство, не довольствуясь наслаждениями вещественными, алчут сверх того и почестей, власти, известности и славы, тогда как среднее и низшее сословия ограничивают желания свои улучшением ремесленничества, добрым урожаем, выгодным сбытом своих произведений и покровительством законов против насилия сих высших сословий, всегда ропщущих на твердое и благоразумное правительство, которое не терпит их своеволия».[364]

В отчете Третьего отделения за 1831 г. особо отмечалось влияние польских событий на общественное мнение в России:

«Дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние на расположение умов внутри государства. Вредные толки либерального класса людей, особенно молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения. В Москве обнаружились даже и преступные замыслы. Пребывающие в России поляки всемерно старались распространить ненависть свою к нашему правительству. Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольства пустил бы в Отечестве нашем сильные отрасли. Но покорение Варшавы нанесло разительный удар умам неспокойным».[365]

* * *

Двадцать первого ноября 1831 г. во Франции вспыхнуло восстание рабочих-ткачей в Лионе, городе, который был одним из центров итальянской эмиграции. Еще в феврале в предместье Круа-Рус большая группа выходцев из Сардинского королевства и лионских ткачей создала батальон «Волонтеров свободы» («Волонтеры Роны»), выступивший в поход к савойской границе. Напуганные власти направили в погоню жандармерию и воинские силы. Батальон был остановлен, и «Волонтеры свободы» вернулись в город, но оружие не сдали. Поход на Савойю вызвал

среди рабочих рост революционных настроений, и в марте в Реймсе взбунтовались землекопы; подняв черное знамя, они написали на нем: «Труд или смерть!»

Поводом к ноябрьскому восстанию в Лионе послужил отказ буржуазии утвердить более высокие расценки ткацких работ. Лозунг восставших «Жить работая или умереть сражаясь!» также был начертан на черном знамени. С этого времени черный цвет связывают с антимонархической борьбой, поскольку традиционным цветом французской монархии считался белый. Двадцать третьего ноября французские правительственные войска (ок. 5000 человек) были вынуждены покинуть город под обстрелом.

Газеты, описывая события в Лионе, призывали правительство к решительным действиям. Тревога, охватившая дворянство и буржуазию, была вполне объяснима: во многих департаментах Франции происходили волнения крестьян, которые нападали на сборщиков налогов и сжигали регистрационные книги. Разграблению подвергались усадьбы крупных землевладельцев и владельцев лесов. Повстанцы нападали также на жандармские посты. Для маскировки они зачерняли лица золой или надевали маски с отверстиями для глаз, а поверх обычной одежды натягивали длинные белые рубахи. Полиция чуть ли не ежедневно доносила об активной республиканской агитации, которую вели тайные социалистические группы, объединявшие сторонников Сен-Симона и Фурье (самое известное из них «Общество друзей народа»).

Тем не менее попытки группы республиканцев придать лионскому восстанию некий политический характер потерпели неудачу. Не имея собственной политической организации, лионцы не сумели взять власть в свои руки, ограничившись созданием временного главного штаба, в котором господствующее положение заняла мелкая буржуазия. Многие рабочие верили, что король сможет защитить трудящихся от произвола фабрикантов. На деле вышло наоборот: 3 декабря королевский Экспедиционный корпус (20 тысяч пехоты, 6000 кавалерии, 80 орудий) подавил восстание. Число убитых и раненых достигло 600 человек. Более десяти тысяч человек были высланы из Лиона и его предместий.

Несмотря на поражение, восстание лионских ткачей произвело сильное впечатление на современников. По сути, это было первое вооруженное восстание рабочего класса, которое стало поворотным моментом в отделении рабочего движения от движения буржуазно-демократического. Ф. Энгельс справедливо указывал, что со времени Лионского восстания «классовая борьба

между пролетариатом и буржуазией выступила на первый план в истории наиболее развитых стран Европы».[366]

* * *

Основными успехами на фронтах тайной войны в России в 1826–1831 гг. Третье отделение было обязано тандему Бенкендорф – фон Фок. Основным организатором агентурной работы в тот период являлся М. Я. фон Фок. Обладая большим опытом оперативной работы, он сумел создать эффективную агентурную сеть, обеспечивавшую розыскные и следственные органы необходимой информацией. Руководство работой секретных сотрудников и агентов Третьего отделения фон Фок осуществлял вместе с несколькими наиболее доверенными оперативниками. В числе таких оперативников, работавших в том числе и под прикрытием, были Н. А. Кашинцев и М. М. Попов.

В штате секретных сотрудников Третьего отделения состояли: журналист и литератор Ф. В. Булгарин; театральный критик и переводчик А. Л. Элькан; литератор С. И. Висковатов; писатель и издатель Н. И. Тарасенко-Отрешков; поэтесса Е. Н. Пучкова и ее сестра Наталия; секретарь правления Петербургского университета А. Н. Очкин; Е. А. Хотяинцева, супруга известного певца Д. Х. Хотяинцева; коллежский советник Министерства финансов Бландов, статский советник Нефедьев, граф Л. И. Соллогуб. Также следует отметить не полностью идентифицированных историками Гофмана, Зотова и таинственную Т. С. К., о которой известно, что она была полькой и предположительно звалась Теофанией Станиславовной.

Подчеркнем, что сегодня достаточно сложно дать однозначное толкование статусу этих людей в нынешнем понимании: кто они – добровольные помощники, агенты или кадровые секретные сотрудники, находившиеся на нелегальном положении в собственной стране?

К сожалению, деятельность фон Фока на посту управляющего Третьим отделением длилась чуть более пяти лет: он скончался в начале сентября 1831 г. По поводу его кончины А. С. Пушкин, имевший с Третьим отделением длительные и достаточно тесные отношения, в своей записной книжке отметил, что смерть фон Фока есть бедствие общественное.

У отделения были и промахи: например, так и не был своевременно раскрыт заговор в Грузии в 1831 г. Очевидно, это связано с тем, что возник и развивался он в национальной дворянско-феодальной среде, связанной многолетними

родственно-клановыми связями. Восстания, однако, не произошло, поскольку с среде заговорщиков не было согласия. Радикальная часть мятежников, лидером которых являлся Г. Орбелиани, считала возможным скорейшую организацию вооруженного выступления против России. По их мнению, грузинский народ был готов не только обрести независимость, но и сохранить ее. Другая часть заговорщиков, под руководством генерала И. Абхази, считала, что вопрос о независимости может быть поставлен не раньше чем через сто лет, иначе неокрепшая, раздробленная Грузия станет легкой добычей для Ирана и Турции. Еще одна группа, чью позицию выражал А. Орбелиани, считала, что следует убедить Николая I в целесообразности вхождения Грузии в состав Российской империи на правах автономного царства.

Планы вооруженного восстания в Тифлисе, как в свое время у декабристов, постоянно менялись. Наиболее подходящим моментом для решительных действий радикалы считали Польское восстание. В случае его успешного развития они намеревались придерживаться следующего плана: князья должны были вывести на улицы Тифлиса преданных им людей, захватить крепость и арсенал и склонить на свою сторону Грузинский гренадерский полк. Затем восстание должно было распространиться по всей Грузии. Планировалось занять стратегические пункты и разоружить российские войска. Но в связи с поражением поляков этот план реализован не был.

Социальная база заговора изначально была слаба. Абсолютное большинство заговорщиков составляли аристократы, а крестьяне не только не разделяли идею о восстании, но и не имели ни малейшего желания воевать за своих бывших хозяев-феодалов, произвол которых после 1811 г. был ограничен российской верховной властью. Отметим, что заговорщики даже не поднимали вопроса об освобождении крестьянства. Ставка (как и у декабристов) на заговор, нежелание сплотить широкие массы и возглавить народно-освободительную борьбу говорили о том, что даже в случае первоначального успеха вооруженное восстание было бы быстро подавлено.

В конце 1831 – начале 1832 гг. перед Бенкендорфом и А. Н. Мордвиновым, новым управляющим Третьим отделением, встали две задачи, решение которых позволяло не допустить смут и мятежей. Во-первых, следовало создать эффективную систему политического сыска и параллельно, учитывая все возрастающий интерес к России со стороны иностранных государств, военной контрразведки на территории Польши. Во-вторых, организовать надзор за польскими повстанцами, осевшими в разных странах

Европы. Не следовало забывать и о надзоре за политическими настроениями в различных частях Российской империи.

В Центральной России, несмотря на крайне неблагоприятные для дворянской оппозиции условия, также имелись силы, готовые противопоставить себя самодержавию. Кружки (неформальные группы), объединявшие оппозиционно настроенную и/или ориентированную на Европу молодежь, прежде всего создавались в Москве, где надзор Третьего отделения был несколько слабее по сравнению с Петербургом, в том числе из-за неприязненных отношений начальника 2-го округа Корпуса жандармов генерала А. А. Волкова с московским генерал-губернатором Д. В. Голицыным. Многие кружки возникали как реакция учащейся молодежи на вооруженные выступления во Франции, Бельгии и Польше. Наиболее известные кружки сформировались среди студентов Московского университета. В качестве примера отметим три кружка, поскольку они отражали практически весь спектр дворянской и разночинной оппозиционной среды начала тридцатых годов XIX века.

В числе первых сложился литературно-философский кружок «Литературное общество 11-го нумера» существовавший в 1831–1832 гг. Он получил свое название по номеру комнаты в общежитии, где собирались кружковцы и где проживал один из его организаторов В. Г. Белинский. Будущий литературный критик и его товарищи критиковали существовавшие в университете порядки и стали инициаторами ряда студенческих протестов. В 1832 г. университетское начальство узнало о существовании кружка. Поскольку явных антиправительственных выступлений за его членами не числилось, администрация могла действовать без привлечения полиции и не создавать университету репутации рассадника вольнодумства. Белинского исключили «по слабости здоровья и ограниченности способностей».

Зимой 1831/32 гг. вокруг Н. В. Станкевича и его единомышленников И. А. Оболенского и Я. М. Неверова сложился кружок, не имевший ярко выраженного политического характера. Членов кружка отличало повышенное внимание к вопросам философии, этики и эстетики. Кружок не прекратил своего существования и после того, как его основатели закончили университет. Кружковцы оказали большое влияние на идейную жизнь России. В собраниях кружка в разное время принимали участие многие будущие лидеры как западничества, так и славянофильства: И. С. и К. С. Аксаковы, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, О. М. Бодянский, Т. Н. Грановский, А. П. Ефремов, В. И. Красов, И. П. Клюшников, П. Я. Петров, Ю. Ф. Самарин, С. М.

Строев и другие.

В отличие от кружка Станкевича, в студенческом кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1831–1834 гг.) превалировали социально-политические темы. В кружке состояли А. Д. Закревский, Н. Х. Кетчер, А. К. Лахтин, М. П. Носков, И. А. Оболенский, В. В. Пассек, А. Н. Савич, Н. И. Сазонов, Н. М. Сатин и др. Члены кружка открыто восторгались революционными выступлениями во Франции и Бельгии, а также поражениями русских войск в Польше. В своих воспоминаниях «Былое и думы» Герцен писал:

«Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и за генералом Ламарком, мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется радикальных, и хранили у себя их портреты от Манюеля и Бенжамена Констана до Дюпон де-Лера и Армана Кареля.

Середь этого разгара вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о варшавском восстании. Это уж недалеко, это дома, и мы смотрели друг на друга со слезами на глазах, повторяя любимое: *Nein! Es sind keine leere Traume!*[367]

Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков, и я тотчас прибавил в свой иконостас портрет Фаддея Костюшки».[368]

После поражения польского мятежа и Лионского восстания взгляды членов кружка Герцена и Огарева еще более радикализировались. Ни один из дворянских (студенческих) кружков не трансформировался в тайную революционную организацию, способную подготовить и возглавить вооруженное восстание. Однако именно выходцы из этих кружков – Сазонов, Бакунин, Герцен и Огарев – стали впоследствии лидерами наиболее радикальной части революционной российской эмиграции. Именно эти (а вслед за ними и другие) лица в 1840-х гг. вступили в контакт с революционными транснациональными (глобалистическими, в сегодняшней терминологии) кругами и вольно или невольно стали выступать в качестве проводников космополитических идей международного масонства, названного впоследствии «мировой закулисой».

В 1832 г. польская Конституция 1815 г. была заменена Органическим статутом, по которому Царство Польское присоединялось к России как завоеванная провинция, сохранявшая некоторую административную автономию и местные учреждения. Наместником Царства Польского был назначен И. Ф. Паскевич, получивший титул Светлейшего князя Варшавского и

диктаторские полномочия.

Военно-секретная (официально никогда не существовавшая) полиция была упразднена, большинство ее оперативников (чиновников особых поручений) перешли на службу в Третье отделение. Сотрудники последнего и чины Корпуса жандармов стали работать в Польше на тех же основаниях, что и в России.

По мнению Паскевича, постановка политического сыска на подведомственной ему территории была неудовлетворительной. Двадцать третьего марта 1832 г. он обратился к Бенкендорфу с просьбой увеличить штат офицеров Корпуса жандармов в Варшаве на четырех штаб-офицеров и двенадцать обер-офицеров для усиления надзора в польских губерниях. Наместник считал необходимым иметь в Варшаве четырех обер-офицеров для особых поручений, а на каждые два воеводства генерал-губернаторства – по одному штаб-офицеру и по два обер-офицера для организации оперативной и агентурной работы.

Поскольку польские дела находились на личном и постоянном контроле Николая I, Бенкендорф направил в Варшаву утвержденных Его Императорском Величеством полковников Власьева и Рутковского, подполковников Нагеля и Смоляка, капитанов Вольховского, Мессинга и Яновского, штабс-капитанов Гаевского, Климчицкого, Степанова, Пыляева и Унгерн-Штернберга, поручика Кузьмина, подпоручиков Андреевского и Масловского и прапорщика Дешарио. Все штаб-офицеры и большинство обер-офицеров имели знания и навыки жандармской службы.

Была усилена и императорская охрана. Еще 8 октября 1831 г. Бенкендорф сообщил Паскевичу, что «Его Императорское Величество, желая ознаменовать благоволение к Линейным казачьим полкам за оказанную ими храбрость и усердие, высочайше повелеть соизволил: избрать из среды их 50 человек казаков, которые составят Конвой Императорской Главной квартиры, и, вместе с тем, дать всем чинам сего Конвоя преимущества Старой гвардии и особенный мундир. Выбор сих 50 человек Его Величество изволил предоставить собственному распоряжению Вашей светлости».[369]

Вновь формируемую команду Бенкендорф предположил назвать лейб-гвардии Кавказско-линейным казачьим полуэскадроном Конвоя Его Величества.

Первого февраля 1832 г. команда казаков выступила из Варшавы и 7 апреля прибыла в столицу. Двенадцатого октября 1832 г. были утверждены штаты полуэскадрона: 2 офицера, 4 урядника и 24 казака. В марте 1833 г. состав полуэскадрона увеличили вдвое и разделили его на две смены: одна несла

службу в течение трех лет в Петербурге, другая находилась на льготах в станицах. Все командиры охранных подразделений подчинялись непосредственно командующему Императорской Главной квартирой.

Антироссийские настроения в Европе начали интенсивно развиваться после того, как в конце 1831 г. тысячи участников польского мятежа вместе с членами семей бежали за пределы Царства Польского. Справедливо опасаясь преследований со стороны властей Российской империи, они обосновались в Англии, Австрии, Бельгии, Пруссии, Саксонии, Франции, Швейцарии и других европейских странах. Своей первейшей задачей польская эмиграция поставила не дать заглохнуть идее национальной независимости. Для реализации этой задачи эмигранты образовали множество различных комитетов: французско-польский (М.-Ж. де Лафайет), американо-польский, Комитет польский (Б. Немоевский), Польский народный комитет (И. Лелевель), Тайный комитет (И. Заливский), Демократическое общество (А. Гуровский) и другие. Еще одной задачей эмиграции было представить в глазах европейцев Российскую империю как душителя свободы, угрожающего цивилизованной Европе. Под влиянием этой пропаганды с начала 1830-х гг. русофобия и полонофильство стали важными составляющими европейского общественного мнения.

В начале 1832 г. для наблюдения за эмигрантами началось создание *Заграничной агентуры* – агентурной сети Третьего отделения за пределами Российской империи. Скорее всего, методологической базой для создания Заграничной агентуры могла быть секретная записка И. П. Липранди «*О средствах учреждения высшей тайной заграничной полиции*», написанная им по окончании русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и получавшая высочайшее одобрение. Сам автор в 1832 г. был удостоен чина генерал-майора и официально находился в отставке.

Одной из первых к оперативной работе за границей приступила уже известная нашим читателям К. А. Собаньская. Генерал И. О. Витт, назначенный в августе 1831 г. варшавским военным губернатором, направил Собаньскую в Дрезден (Саксония), где зимой 1832 г. находилась значительная часть польской эмиграции. Многие из эмигрантов не смирились с поражением и вынашивали планы новых выступлений против России. С точки зрения Витта, Дрезден был тем местом, откуда в любой момент в Царство Польское могли прибыть эмиссары эмигрантского центра. Имея репутацию патриотически-настроенной польки, чему способствовали умело распространяемые по Варшаве слухи, а также освобождение «по

просьбе» Собаньской заключенных, «бежавших» с ее помощью, эта милейшая дама сумела стать своей в эмигрантской среде.

«В числе свидетелей оказался, например, Михаил Будзынский, связанный с галицийским подпольем. Где только было можно, он с восхищением рассказывал о Собаньской, которая помогла ему спастись и „избавила многих несчастных офицеров польского войска от Сибири и рудников“.

Приведу еще одно свидетельство из воспоминаний Богуславы Маньковской, дочери знаменитого генерала Домбровского.

„Когда ни у кого не было надежд, – писала она, – над несчастными жертвами кружил ангел спасения и утешения в лице Каролины Собаньской. <…> Пользуясь влиянием, которое имела на генерала, она каждый час своего дня заполняла каким-либо христианским поступком, ходила по цитаделям и тюрьмам, чтобы освободить или выкрасть пленных. <…>

По ее тайному указанию узников приводили в личный кабинет Витта, где в удобный момент пани Собаньская появлялась из-за скрытых портьерой дверей, и одного слова, а то и взгляда этой чародейки было достаточно, чтобы сменить приговор на более мягкий“».[370]

За несколько недель пребывания в Дрездене (официальным поводом являлось участие Каролины в бракосочетании дочери и князя Сапеги) Собаньская сумела не только проникнуть на собрания эмигрантов, но и заполучить ценные источники информации. В частности, она сумела очаровать главу польского комитета в Дрездене полковника И. Красинского, связанного с одним из лидеров эмиграции князем Адамом Чарторыйским. В числе успехов Собаньской провал подпольных сетей Тайного комитета полковника И. Заливского в Кракове и Галиции, захват около семидесяти эмиссаров, перебрасываемых в Польшу для организации военных партизанских отрядов. Однако вместо заслуженной награды Каролина Собаньская (а вместе с ней Витт) попадет в незаслуженную опалу.

Ничего не знавший о секретной службе Собаньской русский посланник в Дрездене Шредер направил Николаю I донесение о ее подозрительных контактах с поляками. Вероятнее всего, император не знал о тайной деятельности этой женщины, поскольку М. Я. фон Фок информировал Бенкендорфа и государя об особо ценных секретных сотрудниках только в исключительных случаях, а преемник фон Фока А. Н. Мордвинов серьезно интриговал против Витта.

В послании к польскому наместнику Николай I (отличавшийся, как и его старшие братья, излишней резкостью) писал:

«Посылаю тебе оригиналом записку, полученную из Дрездена от нашего посланника, самого почтенного, надежного и в особенности осторожного человека; ты увидишь, что мое мнение насчет Собаньской подтверждается. Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабе, которая ищет одних только своих польских выгод под личиной преданности и столь же верна графу Витту как любовница, как России, быв ее подданной. Весьма хорошо б было открыть глаза Витту на ее счет, а ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолию».[371]

Заступничество Паскевича, знавшего истину о тайной миссии Собаньской в Дрездене, не помогло. Так драматически закончилась секретная служба одной из наиболее умелых и удачливых сотрудниц российских секретных служб первой половины XIX в.

Однако машина заграничного политического сыска продолжала набирать обороты. С 1832 г. командировки чиновников Третьего отделения за границу становятся систематическими. Одним из первых организаторов заграничного сыска стал К. Ф. Швейцер, имевший опыт конспиративной работы в Военно-секретной полиции в Варшаве. Перед оперативниками Третьего отделения ставились три основные задачи. Во-первых, необходимо было ознакомиться с истинным положением дел польской эмиграции в Европе. Во-вторых, следовало создать агентурную сеть для организации наблюдения в важнейших эмигрантских центрах. В-третьих, наладить надежные каналы быстрой передачи информации как из Европы в Петербург, так и обратно.

* * *

Пятого – шестого июня 1832 г. в Париже произошло восстание с целью свержения монархии, которое началось во время похорон популярного в демократических кругах генерала Максимилиана Ламарка. В числе руководителей восстания был участник июльской революции 1830 г. и один из главных идеологов «Общества друзей народа» *(Société des amis du peuple)* республиканец Годфруа Элеонор Луи Кавеньяк. Решающую роль в восстании сыграли рабочие, которые подняли над баррикадами красное знамя. Восстание началось без должной подготовки, и после двух дней боев сопротивление республиканцев было сломлено. С тех пор красный цвет считается основным цветом пролетарского революционного движения по всему миру (как черный – анархического и антимонархического). Кавеньяк был

арестован, но вскоре бежал и участвовал в основании «Общества за права человека» *(Société des droits de l'homme)*.

На Кавказе обстановка в 1832 г. была напряженной. В конце июля главноначальствующий в Грузии и командир Кавказского отдельного корпуса генерал от инфантерии Г. В. Розен начал генеральное наступление на Дагестан и Чечню. Горцы оказывали ожесточенное сопротивление русским. Особенно кровопролитные сражения прошли в лесах около селения Гойты 27 и 30 августа и при захвате Гременчука 4 сентября. Десятого сентября, не сумев противостоять натиску русских войск, Гази Магомед отступил и укрепился в районе родового аула Гимры. К 10 октября русские заняли Салатау, а 29 октября вошли в Темир-Хан-Шуру и штурмом заняли укрепления на подступах к Гимрам. В ходе двухдневного штурма Гази Магомед и большинство его сторонников погибли. Из пятидесяти человек личной охраны имама в живых осталось только три человека (в том числе будущий третий имам Дагестана Шамиль). Вопреки ожиданиям Розена, сопротивление горцев не прекратилось. Вторым имамом Дагестана был провозглашен Гамзат-бек.

В декабре 1832 г. заговор феодалов-консерваторов в Тифлисе был раскрыт. К этому времени Ф. Кикнадзе составил устав тайного общества под названием «Акт сознательного действия», который предусматривал строжайшее соблюдение конспирации (например, при переписке использовалась секретная азбука). В «Акте…» были определены условия приема в общество, права и обязанности членов. И хотя о тайном обществе знал не один десяток человек, что, конечно, увеличивало риск провала, в течение более пяти лет спецслужбы Российской империи находились в полном неведении относительно существования «грузинского» заговора.

Подготовка к восстанию в Тифлисе возобновилась осенью 1832 г., когда осложнилась обстановка на Северном Кавказе, куда отправился генерал Розен с войсками Кавказского отдельного корпуса. Уход войск из Грузии в Дагестан заговорщики сочли благоприятным моментом для начала восстания, возлагая большие надежды на воюющего против России Гази Магомеда. Однако поражение в октябре дагестанского имама вновь разрушило ожидания, поскольку основная часть российских войск вернулась в Тифлис.

В ноябре 1832 г. был выработан новый план под названием «Распоряжение первой ночи». Генерал Розен, военные и гражданские лица высокого ранга подлежали аресту или ликвидации в доме Л. Орбелиани, куда они должны были прибыть на специально устроенный бал. Это, по мнению

заговорщиков, облегчило бы захват крепости, арсенала и разоружение российских войск, что поручалось осуществить князьям с их отрядами. Для обеспечения народной поддержки планировалось вывести народ с иконами Богоматери в руках на Татарскую площадь.

Восстание должно было начаться 6 декабря, но затем его перенесли на 20 декабря. Отметим, что для реализации намеченных планов заговорщики не имели достаточных сил и средств. Отсутствовал у них и практический опыт, а вывести народ на улицы не так-то просто.

Несмотря на то что устав предусматривал суровое наказание для изменников (по «Акту…» вступающие в заговор приносили клятву верности), 9 декабря князь И. Палавандишвили, один из активных участников заговора, рассказал своему брату, гражданскому губернатору Тифлиса Н. Палавандишвили, о заговоре и попросил принять в нем участие. Губернатор отказался изменять присяге и потребовал от брата сообщить военным властям все, что ему известно. Аресты начались немедленно. Всего в результате следствия были осуждены 38 человек. Активных участников заговора приговорили к смертной казни, но российский император заменил ее ссылкой в дальние губернии России. Вероятно, Николай I предполагал, что этим он добьется более лояльного отношения грузинской аристократии к России.

* * *

В конце декабря 1833 г. депутаты польских эмигрантских кружков собрались на съезд в Лионе, где было принято решение направить в Царство Польское партизанскую экспедицию, чтобы инициировать новое восстание. Во главе экспедиции поставили И. Заливского, одного из зачинщиков ноябрьского восстания 1830 г. Как оказалось, это был не самый удачный выбор. Историк Н. В. Берг, по просьбе наместника Царства Польского графа Ф. Ф. Берга собиравший материалы по истории польских восстаний, отмечал, что «это был тип поляка самых необузданных свойств, для кого не существовало нигде и ни в чем препятствий. Характер юркий и беспокойный, не могший ужиться ни с каким на свете кружком. Он везде был как бы не на своем месте, везде хотел командовать, строил планы, ссорился, мешал. Впустить его куда-нибудь и дать волю – это значило все разрушить. Оттого в революцию 1830–1831 народное правительство не нашло возможности употребить в дело его способностей, хотя он поминутно навязывался с разными предложениями. Он годился для взрыва в первые

минуты, но потом его надо было куда-нибудь убрать».[372]

Заливский тщательно отбирал кандидатов в партизаны, но затем, за недостатком претендентов, стал принимать всех.

В военно-политической инструкции по ведению партизанской войны говорилось:

«1. Обязанности партизана суть: посвящение себя на всевозможные труды и опасности с целью освободить свое отечество и снискать людям равенство прав, не обращая внимания на вероисповедание; уничтожить всякие предрассудки и взаимную ненависть между сословиями. Стало быть: биться с оружием в руках против тиранов и их клевретов, угнетающих род людской; употреблять все способы к их уничтожению.

2. Партизан должен укрываться по лесам и горным ущельям, в местах недоступных; переходить в своем округе постоянно с одного пункта на другой и делать оттуда набеги, в особенности по ночам, на неприятельские форпосты; истреблять магазины, амуницию; захватывать военные и другие казенные кассы; бить чиновников, назначенных тираном; словом, уничтожать и забирать все, что составляет собственность наезднического правительства и служит ему поддержкой.

3. Партизан должен, в самом строгом значении этого слова, уважать спокойствие мирных жителей и всеми мерами охранять их собственность, если б слуги или солдаты тирана захотели на нее посягнуть.

4. Каждый окружный начальник (*dowtdca*), утвержденный главным вождем партизан, может выбрать какой угодно округ для своих действий, из двух уездов состоящий; сверх того имеет право сам назначать себе помощника (*zastepce*) и набрать столько подчиненных партизан, сколько заблагорассудится.

5. Каждый начальник войск по округу обязан беспрекословно повиноваться главному вождю и выполнять его приказания со всей точностью; так равно и каждый партизан – своему окружному начальнику, как скоро исполнил добровольную присягу.

6. Каждый начальник округа имеет право карать своих подчиненных смертью за измену, за неисполненное приказание и за посягательство на чужую собственность; равно и каждого человека в своем округе, кто бы стал ему противиться или изменять тайне.

7. Каждый начальник округа, приказывающий грабить мирных жителей или делающий вообще что-либо возмутительное, должен быть сменен (*zgladzony*) подчиненными, а на его место назначен помощник, не то кто-либо другой из партии, кого они найдут более достойным, мужественным и честным.

8. Каждый начальник округа обязан сноситься с начальником воеводства или губернии и состоять в его распоряжении; а этот последний сносится непосредственно с главным вождем.

9. В случае невозможности держаться в своем округе по причине напора неприятельских сил окружный начальник со своими партизанами может перейти на неопределенное время в какой-либо соседний округ и действовать с тамошним начальником заодно.

10. Каждый окружный начальник, освободив свой округ или хоть часть оного от власти неприятельской, учреждает там немедля гражданскую власть из местных обывателей, пользующихся всеобщей доверенностью, и сам за ней наблюдает.

11. Каждый окружный начальник, имеющий под своей командой более 50 человек, отсылает излишек в заклад кадров, формирующих народную армию.

12. Высшая власть над партизанами называется Месть народа (*Zemsta Ludu*), и ей должны слепо повиноваться все партизаны до тех пор, пока весь народ не восстановит своей независимости. Лицо, снабженное этой властью, известно только начальникам округов и их помощникам.

13. Каждый партизан по прочтении вышеприведенных статей выполняет следующую присягу перед окружным начальником:

„Клянусь Всемогущим Богом, что, желая восстановления моего отечества и равноправности каждому человеку, посвящаю себя добровольно на всевозможные труды, опасности и самую смерть и до последней капли крови буду биться против тиранов и против тех, кто им служит; при чем, исполняя постановление партизан, буду повиноваться своим начальникам. Господи, помоги мне в этом здесь и на том свете…“».[373]

Заливский единолично назначил начальников округов (18 человек), носивших название эмиссаров. Большинство эмиссаров были бывшими военными в чинах от унтер-офицера до поручика. Однако и кадровый состав, и материально-техническая подготовка партизанской экспедиции оставляли желать лучшего. Кроме того, эмигранты не имели достоверной информацией о настроениях обывателей в Царстве Польском и, выдавая желаемое за действительное, считали, что им удастся поднять простой народ на вооруженное восстание. Заливский убеждал своих подчиненных, что ему известно о заговоре военных в Российской империи и что прятаться в лесах повстанцам придется не более полутора месяца, а затем восстание охватит всю Польшу.

В марте 1833 г., получив в Лионе от местного префекта фальшивые паспорта, а также рекомендательные письма и яд, будущие партизаны несколькими группами отправились в путь

через Швейцарию, Австрию и Пруссию. На границе двух последних стран они столкнулись с трудностями: при малейшем подозрении поляков отправляли назад во Францию. По мере продвижения мятежников полицейские меры становились все более строгими. В Галиции повстанцы были вынуждены укрываться в лесах, обходя населенные пункты или входя в них украдкой. А при пересечении границ Российской империи положение партизан еще более ухудшилось. Подавляющее большинство крестьян отнеслось к призывам эмиссаров к восстанию совершенно равнодушно, а российские власти между тем действовали весьма решительно. Практически все группы, проникшие в марте и апреле 1833 г. разными путями в Царство Польское, вскоре были обнаружены и арестованы жандармами или войсками.

Тех из партизан, кто был взят без оружия, не оказывал сопротивления и в 1830–1831 гг. не был замешан в убийствах, сослали на каторгу, однако большинство были повешены или расстреляны. Сам Заливский, чудом избежавший участи своих товарищей, поспешил вернуться в Галицию, где объявил об отсрочке восстания. Энергичные меры Паскевича по управлению краем вызвали у лиц, мечтавших о самобытном польском государстве, крайнее неудовольствие, которое выразилось в безуспешном покушении на жизнь Паскевича, совершенном под Брест-Литовском в октябре 1833 года неким Завишей.

Летом 1833 г. Россия вмешалась в турецкие дела. За два года перед этим, осенью 1831 года, египетский паша Мухаммед Али выступил против турецкого султана, имея в виду избавление от вассальной зависимости и расширение собственных владений за счет Османской империи. Египетские войска под командованием Ибрахима-паши заняли Палестину, Сирию, Киликию и, разбив турецкую армию у Коньи 11 декабря

1832 г., стали продвигаться к Стамбулу. Симпатии европейский держав склонялись на сторону египтян. Однако Николай I, усматривая в египетском кризисе влияние французов, решил прийти на помощь туркам. Опасаясь распада империи, султана Махмуд II принял военную помощь России. Узнав о прибытии в Босфор Черноморского флота с десантом, Мухаммед Али отказался от своих намерений. Таким образом, целостность Турции была сохранена блеском русских штыков. Двадцать шестого июня

1833 г. был подписан Ункяр-Искелесийский договор о вечном мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией, согласно которому Турция обязалась закрывать проливы Босфор и Дарданеллы для кораблей государств, воюющих с Россией.

Военно-дипломатический успех России страшно напугал европейские правительства во главе с Англией.

* * *

К лету 1833 г. по представлению Швейцера, координировавшего работу агентов за пределами России до осени 1837 г., в составе Заграничной агентуры Третьего отделения числились Гартман, Гутман, Декен, Мейер и Миллер. Вполне естественно, что в первое десятилетие деятельности этой структуры агентами в основном были иностранные подданные на российской службе. Некоторые из них ранее служили в варшавской канцелярии Константина Павловича. В частности, К. Ф. Швейцер работал в Австрии и Пруссии. Не были обойдены вниманием и другие страны Европы. Все оперативники Третьего отделения имели за рубежом свои сети секретных сотрудников. Деятельность Заграничной агентуры на территории иностранных государств обеспечивалась санкциями Священного союза, а с 1834 г. дополнительным соглашением между императорами Австрии, Пруссии и России о сотрудничестве в области надзора за политическими эмигрантами. С января 1834 г. одним из организаторов заграничного сыска стал бывший сотрудник Военно-секретной полиции А. А. Сагтынский, который работал во Франции, Пруссии и Италии.

* * *

В течение 1833–1834 гг. Заливский и небольшая группа его сторонников, обосновавшиеся в Галиции, безуспешно пытались взбунтовать местное население против австрийцев. Разочаровавшись в Заливском (воистину, в политике от любви до ненависти один шаг!), его бывшие «друзья» основали в Лемберге (Львове) Комитет польских карбонаров *(Komitet Weglarzy Polskich)*. Комитет ставил своей целью поднять восстание как в Царстве Польском, так и в австрийских и прусских землях, ранее принадлежавших Польше. Заговор вскоре был раскрыт, Заливского и других его участников арестовали и приговорили к тюремному заключению. Главных зачинщиков (12 человек) заключили в крепость Куфштайн на срок от пятнадцати до двадцати лет.

Примерно в это же время полиция раскрыла в Москве кружок Герцена и Огарева; большинство его участников отправили в

ссылку.

* * *

Девятого апреля 1834 г. началось второе восстание в Лионе, носившее ярко выраженный политический характер. Рабочие на собственном опыте убедились, что без свержения монархии политической свободы они не получат. Восстанием руководили республиканцы Лагранж, Бон, Коссидьер, Карье, а также лидеры профессиональных рабочих союзов и обществ взаимопомощи.

В отличие от восстания 1831 г., лионцы сумели захватить важные позиции в центре города и овладели некоторыми мостами через реки Сона и Рона. В первый же день выделились вожаки, организовавшие борьбу повстанцев. В центре города рабочими руководил Лагранж, в предместьях – ткачи Мюгэ, Шарпантье и Картье. Восставшие испытывали острую нужду в оружии и боеприпасах, но тем не менее к концу первого дня захватили значительную часть города и бóльшую часть предместий. Десятого апреля им удалось захватить телеграф, и войска потеряли связь с Парижем. К вечеру правительственные войска оказались блокированы. Но развить успех не удалось – сказалась нехватка оружия и боеприпасов. Двенадцатого апреля генерал Эймар сосредоточил артиллерию на узких участках и массированным огнем заставил восставших отступить. На следующий день саперы начали методически взрывать дома, где засели инсургенты, и 15 апреля войска подавили последние очаги сопротивления.

Второе лионское восстание нашло поддержку в Сент-Этьенне (11 апреля), Гренобле (11 апреля), Париже (13–14 апреля), Арбуа (13–15 апреля), Клермон-Ферране и некоторых других промышленных городах страны. Волнения наблюдались и в сельских местностях, особенно в винодельческих районах. Наибольшего успеха удалось достичь в Арбуа, где повстанцы низложили мэра.

Поражение республиканских восстаний 1831–1834 гг. усилило реакционные настроения в кругах буржуазии, напуганной выступлениями рабочего класса. Но при этом упрочились позиции не всей французской буржуазии, а финансово-промышленной олигархии: банкиров, биржевых и железнодорожных королей, владельцев угольных копей, железных рудников, лесов и связанных с ними крупных земельных собственников.

* * *

В мае 1834 г. в Берне была основана очередная революционная организация польской эмиграции, получившая название «Молодая Польша» *(Mtoda Polska)*. Ее особенностью было то, что она стала частью тайного международного объединения «Молодая Европа». Создателем и верховным координатором последней был Джузеппе Мадзини – один из наиболее радикальных революционеров своего времени, создатель «Молодой Италии» и одновременно руководитель масонской ложи «Великий Восток Италии».

Целью новой польской организации было восстановление Польши как независимой демократической республики. Руководство «Молодой Польшей» осуществлял комитет, в который входили И. Лелевель, В. Зверковский, Ш. Конарский и др.

Неудача экспедиции Заливского показала польским эмигрантам, что для успеха вооруженного восстания необходима революционная пропаганда среди народных масс. В 1835 г. Конарский прибыл в вольный город Краков и, используя его как свою главную базу, приступил к созданию ячеек «Содружества народа польского» *(Stowarzyszenie Ludu Polskiego)* в Галиции, Царстве Польском, Литве и на Волыни.

Деятельность польской эмиграции требовала от сотрудников Заграничной агентуры более тесного сотрудничества с полицией европейских государств, и оно было достаточно интенсивным. Так, в 1835 г. сотрудник Третьего отделения Г. Струве направляется в Вену для изучения организации и работы секретной канцелярии и шифровального отдела в Министерстве иностранных дел Австрии. С аналогичной миссией в области политического сыска в столицу Австрии был откомандирован и полковник Корпуса жандармов Я. Н. Озерецковский. Но поскольку абсолютно дружественных спецслужб не бывает, сведения, направлявшиеся Заграничной агентурой в Петербург, содержали и ценнейшую разведывательную информацию.

К середине 1830-х гг. в Третьем отделении сформировалось разведывательное направление, обеспечивавшее сбор информации о внутренней политике в ведущих европейских странах, о деятельности зарубежных политических партий, их экономике, военном потенциале и о внешней политике европейских правительств по отношению к России.

Кроме политического сыска и разведки, Третье отделение занималось обеспечением безопасности империи и по другим направлениям, в том числе вело контрпропаганду. Уже вначале

1830-х гг. Я. Н. Толстой по личной инициативе вел такую работу во Франции. В 1836 г. он направил докладную записку, посвященную проблемам психологической войны, которую высоко оценили не только Бенкендорф, но и государь; в 1837 г. Толстой вернулся в Париж.

Б. Л. Модзалевский так описывал его деятельность:

«Должность его была загадочная и неопределенная. Занимаемое им место не относилось к служебным, но он получал чины и ордена. Личное его дело хранилось в Министерстве просвещения, но он числился по особым поручениям в III Отделении. Сам он говорил о своей должности как о „единственном месте, не определенном штатами, – для защищения России в журналах и опровержения противных ей статей“».[374]

Добавим, что во Франции Толстой опубликовал свыше двадцати брошюр и более тысячи статей.

Пример одного из многочисленных представителей известного рода Толстых лишний раз доказывает, как можно и должно организовывать действенную секретную службу и защищать (с оперативной и социальной позиций) сотрудника на его боевом посту. Прозорливость Я. Н. Толстого в вопросах организации психологической войны может служить поучительным примером и для всех последующих политиков вплоть до сегодняшнего дня.

Издатель франкфуртской газеты *Journal de Francfort* Ш. Дюран защищал политику русского правительства с 1833 г. Швейцер успешно работал с прессой в Пруссии, затем Австрии. (Бенкендорф писал о нем в своих воспоминаниях: «Я послал в Германию одного из моих чиновников с целью опровергать посредством дельных и умных газетных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикой».[375]) Издатель газеты «Северная пчела» Н. И. Греч также осуществил ряд публикаций в зарубежной прессе. Известный поэт Ф. И. Тютчев, установивший связь с Третьим отделением в 1840-х гг. и самостоятельно пытавшийся наладить систему русской печатной контрпропаганды за рубежом, отправил государю докладную записку, однако его замыслы в должной мере не были реализованы.

Политическая и оперативная обстановка на Кавказе продолжала оставаться напряженной. В сентябре 1834 г. второй имам Дагестана и Чечни Гамзат-бек был убит в Хунзахской мечети заговорщиками, отомстившими ему за истребление рода хунзахских правителей – нуцалов. Третьим имамом Дагестана и

Чечни стал Шамиль, который, опираясь на учение ислама о газавате, трактуемом им в духе тотальной войны с неверными за независимость, начал объединять под своей властью аваро-андо-цезские и чеченские джамааты Западного Дагестана. Основой частной и общественной жизни горцев вместо адатов при Шамиле стал шариат.[376]

Росту напряженности на Кавказе способствовали и действия спецслужб Англии, Турции и Франции, которые игнорировали условия Адрианопольского мирного договора, по которому Российская империя приобрела Черноморское побережье Кавказа. К горцам, противостоящим русским властям, из-за рубежа поступало контрабандное оружие и боеприпасы.

В 1834 г. в Закубанье побывал секретарь посольства Великобритании в Константинополе и по совместительству резидент английской разведки Д. Уркарт (Дауд-бей). В 1836 г. в районе порта Суджук-Кале (ныне г. Новороссийск) был арестован Дж. С. Белл (Якуб-бей), работавший на британскую разведку, и конфискована шхуна «Виксен» (*Vixen*). В 1837 г. в Черкессию нелегально прибыли Дж. С. Белл, Дж. А. Лонгворт (Алсид-бей), Найт (Надир-бей) и др.

Задержание шхуны «Виксен» спровоцировало внешнеполитический конфликт между Российской империей и Великобританией, которая расценила это как нарушение принципа свободы торговли. На момент прихода русского брига «Аякс» с борта шхуны было выгружено 8 орудий, 800 пудов пороха и несколько ящиков стрелкового оружия. Поставка была организована Д. Урквартом и А. Чарторыйским. После конфискации шхуны депутаты английского парламента подняли вопрос о законности пребывания Черкесии под юрисдикцией Российской империи. На всякий случай Николай I приказал привести в состояние повышенной боеготовности армию и флот. Но Британия не смогла найти континентального союзника для войны с Россией, и к апрелю 1837 г. конфликт замяли. Однако он стал одним из значительных эпизодов русско-английского соперничества, которое в итоге привело к Крымской войне.

Вернемся к польским делам. После 1836 г. доминирующую роль в польской эмиграции стало играть Демократическое общество со штаб-квартирой во Франции, во главе которого находился выборный орган под названием «Централизация». Целью общества было восстановление Польши в границах 1772 г., для чего использовался лозунг «народной революции». Хотя главной силой будущей революции считалось крестьянство, в обществе проповедовалась идея классового мира внутри польской нации.

В 1837 г. в подчинение Демократического общества перешла организация Конарского. Информация о деятельности организации Конарского в русской Польше была получена Паскевичем из Франции в сентябре 1835 г., но задержать самого Конарского удалось только весной 1838 г. В итоге был вскрыт обширный заговор «Содружества народа польского», охватывающий Литву, юго-западные губернии Малороссии и Царство Польское. Конарского повесили в феврале 1839 г. Однако аналитики Третьего отделения в «*Обозрении духа народного и разных частей государственного управления в 1838 году*» предсказали, как, по их мнению, будут развиваться события в Западных губерниях.

В докладе отмечалось, что «задержание в начале прошлого лета эмиссара Канарского наконец яснее указало зло и злоумышленников. <…> Ничто не доказывает лучше неблагонадежности расположения поляков к правительству, как эта быстрота, с которою Демократическое общество во все стороны пустило свои отростки, и та возможность, которую имел Канарский в продолжение двух лет тайно жить, разъезжать и злоумышлять в границах наших. Следствие обнаружило большое число лиц, знавших о его приезде, видевшихся с ним, принявших участие в его замыслах и предприятиях, но не нашелся из них ни один предатель, ни один, который бы по чувству верности к Государю решился открыть пред правительством присутствие злоумышленника. <…> Высшее наблюдение обратило особенное внимание на живущих в здешней столице поляков, стараясь узнать, как они об этом рассуждают, и вот результат: осторожные молчат и держат мысль свою про себя; прочие в искренних своих беседах говорят, что в настоящее время глупо составлять общества, что все поляки должны сохранять чувство своего патриотизма в сердце и общими силами действовать, когда явятся обстоятельства, им благоприятствующие, как, например, европейская война; что составление обществ лишь вредит общему делу поляков, ибо, будучи неминуемо открываемы, они возбуждают только противодействие правительства. Изыскания наши не встретили никого из здешних поляков, который бы винил членов обнаруженных обществ в измене своему Государю, находил бы действие их преступным или даже предосудительным. Все виновные признаются ими не иначе как жертвами необдуманного патриотизма, достойными сожаления. Таким образом, расположение поляков к правительству не представляет ничего удовлетворительного; нет сомнения, что враждебные их чувства главнейше поддерживаются удалившимися за границу поляками, которые, пользуясь

покровительством в неприязненных нам державах (ныне преимущественно в Англии, Франции и Бельгии) и не ослабевая в безумных своих мечтах о самостоятельности Польши, не перестают всеми возможными средствами возбуждать в Западных наших губерниях неприязненный дух к правительству».[377]

Прогноз Третьего отделения полностью оправдался. В 1839–1841 гг. Централизацией была проведена реформа различных кружков и секций, изданы правила об устройстве военной и гражданской иерархии в польских областях. За это время заговорщиками были охвачены Великое княжество Познанское, Западная Пруссия, Вольный Краковский округ, Галиция (по реке Сан), Волынь и Подолия. В Париже польский офицер И. Высоцкий открыл курсы военных наук для молодых поляков, его помощником стал Л. Мерославский.

Централизация предполагала постепенно готовить восстание на всех польских территориях, входящих в состав Австрии, Пруссии и России. Первыми центрами восстания решили сделать Галицию и Познань. В Царстве Польском руководителем революционного (левого) крыла «Содружества народа польского» стал аристократ Э. Дембовский.

* * *

В марте 1839 г. произошли кадровые изменения в руководстве Третьего отделения. Вместо отстраненного от должности (за разрешение напечатать в сборнике «Сто русских литераторов» портрет писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского) А. Н. Мордвинова управляющим был назначен Л. В. Дубельт. Под его руководством был подготовлен «Нравственно-политический отчет» Третьего отделения за 1839 г. В нем, в частности, отмечалось:

«Беспрерывные внешние сношения высшей полиции представляют в истекшем 1839 году ряд замыслов, доселе небывалых, в видах столь различных, и только неусыпное преследование и наблюдение за оными уничтожало их исполнение. Князь Меттерних и Рохау, князь Варшавский, граф Нессельроде, посланники наши в Париже, Лондоне, Вене, в Риме, Берлине и Стутгарде, военные губернаторы Киевский и Виленский, агенты: в Париже Толстой и Бакье; в Вене Вернер; в Франкфурте, а потом в Париже Дюран, в Стутгарде барон Швейцер и Биндер – сообщили нам предостерегательные известия о намеревающихся проникнуть в пределы государства польских выходцах и разных эмиссарах революционной пропаганды,

имевших поручение учредить тайные общества, распространить возмутительные сочинения, приготовить народ к всеобщему восстанию и даже с другими, еще преступнейшими намерениями.

Главнейшие из сих известий в течение 1839 года получены были:

a. От **Бакье** доставлено подробное описание положения эмиграции за границею с показанием учрежденных и вновь учреждаемых польскими выходцами комитетов в Париже <…> в Пуатье, в Лондоне и в Брюсселе, под руководством и начальством известных революционеров: во Франции **Чарторижского, Платера, Островского, Ходьзки, Рожинского и Дембинского**; в Англии **Дверницкого**, Олимского и **Мазини**; в Брюсселе **Лелевеля**; из коих **Чарторижский**, хотя и потерял уже много в глазах самих поляков, но по оказываемому неприязненными нам державами предпочтению к его партии (*le party des conservators*) и к лицу его, равно как и по богатству своему, продолжает играть первую между выходцами роль. Английское министерство в начале 1839 года отправило к нему агента, вошедшего с ним в переговоры о пособии, какое поляки могут ожидать от Англии. <…> В числе эмиссаров, долженствовавших отправиться в пределы России, Дюран показал майора **Урбановича**, который впоследствии, намереваясь пробраться под чужим именем в Литву, задержан Прусским правительством.

b. **Дюран** сообщил сведения о соединении в Париже до времени партии Чарторижского и демократов, о появившейся вместе с тем новой деятельности между главными эмигрантами с целью распространить вредные сношения с Царством Польским и западными нашими губерниями, равно как и с Галициею и Познанью, посредством установления постоянной корреспонденции с сими местами и отправления туда эмиссаров. К таковому оживлению выходцев немало содействовало оказываемое им с некоторого времени участие в Англии, где члены первых фамилий под предлогом либерализма вторят безрассудным возгласам мятежников. <…>

c. Посол в Париже, граф Пален, уведомил:

1. О находимом польскою эмиграциею некотором покровительстве со стороны французского министра внутренних дел **графа де Монталиве**, который не препятствует выходцам проживать в Париже и старался выставить в виде безвредном издаваемый в Париже поляком Форстером журнал под названием «Древняя Польша».

2. О намерении значительного числа поляков отправиться из Франции в Бельгию для предложения своих услуг в защиту ее

национальности и о встреченном ими затруднении со стороны короля Леопольда, который принял весьма немногих.

3. Об отправлении Дверницким и Лелевелем в Польшу эмиссаров **Тржембского, Годлевского, Киселевского, Адольфа** и **Константина Залесских** и **Шемиота**.

4. О составившемся в Париже по старанию графа Монталамберта обществе, называемом Католическим, из самых отчаянных революционеров, которое имеет целью образовать миссионеров и посылать их в Польшу для проповедания с распятием в руке вольности полякам. Общество сие будто бы нашло опору и в Риме.

5. Об издании Лелевелем журнала на польском и русском языках под названием **«Белый Орел»** с девизом: «За нашу и вашу вольность» – от распространения коего в пределах наших он ожидает особенную пользу.

d. Посол в Вене Татищев уведомил, по донесению агента нашего **Вернера**, о сделанном им в Страсбурге известным революционером Раутенплатом сообщении насчет отправления по распоряжению **Мазини** с преступным намерением в С.-Петербург эмиссаров Фишера (механика), Зибера, Бедрини и известного уже несколько лет итальянца **Карачелли** под именем **Сицци**, из коих первый имеет при себе рисунок машины наподобие *machine infernale*.[378]

e. Посланник в Стутгарде **барон Брунов**, по донесению агента **Биндера**, уведомил о раздаче в последнее время значительного количества денег между находящимися в Швейцарии поляками, из коих до 200 человек поселились в городах, сопредельных с Франциею. Выходцы сии, избрав местечко Каруж в Женевском кантоне местом свидания для революционеров, имеют сношения с Польшею чрез литераторов **Гермеса** и **Андре**, из коих последний должен находиться в Любеке.

f. Вице-канцлер **граф Нессельроде**, по донесениям консула нашего в Бродах, сообщил об открытом в Галиции заговоре, бывшем последствием действий польских эмиссаров, преимущественно выходца **Кульчицкого**, руководствовавшего <…> **Канарского** в преступных его действиях и ныне при поимке полицейским начальством лишившего себя жизни. Согласные с сим сведения получены и от Киевского военного губернатора.

g. **Князь Варшавский**, состоя в беспрерывных сообщениях с высшею полициею о замыслах революционной пропаганды, доставил дошедшее до него сведение:

1. О прибытии в Мемель из Франции и Англии политических

агентов со значительными суммами с намерением проникнуть в Литву и учредить там масонские ложи.

2. Об отправлении в Польшу и Россию с преступною целью многих эмиссаров, как-то: живописца Штаблера, Карла **Брукера**, приобретшего революционным образом мысли известность, **Сульковского, Бужинского** под именем **Марио Дюге**, графа **Ворцеля** под именем живописца **Астеля, Зеелановского** под именем **Мессингера, Сперчинского, Жабу, Шиллинга, Рудзинского** и еще некоторых других.

h. Виленский военный губернатор **князь Долгорукий** уведомил о полученном им через секретного агента сведении насчет задержания в Берлине шатавшегося около королевского дворца и обратившего на себя расспросами у придворных служителей подозрение некоего **Ланге**, который при следствии сознался в подкуплении его польскими злоумышленниками посягнуть на жизнь короля прусского.

i. **Князь Меттерних**, содействуя со своей стороны предостерегательными известиями к предупреждению исполнения в России вредных замыслов, уведомил сверх того о дошедшем до него из Неаполя сведении насчет существования в России политического заговора…».[379]

В 1840 г. для наблюдения за действиями и связями лиц, приезжающих из-за границы в южные губернии России, в Бессарабии и Одессе была учреждена постоянная тайная полиция, действовавшая под «крышей» карантинного управления в Одессе. Эта секретная служба работала под непосредственным наблюдением новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова. В этом же году в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений поступил отставной (с 1832 г.) генерал-майор И. П. Липранди.

Один из членов герценовского кружка Н. И. Сазонов, проживавший с конца 1830-х гг. в Париже, установил рабочие контакты с революционерами-эмигрантами из других стран. Находившийся с 1840 г. в эмиграции (Пруссия, Саксония, Швейцария, Франция, Бельгия) М. А. Бакунин заводит знакомства с В. Вейтлингом, П. Ж. Прудоном, К. Марксом и постепенно становится приверженцем коммунистических идей. В 1843 г. И. Г. Головин издал в Париже книгу «Дух политической экономии» и отказался возвратиться в Россию. Заочно приговоренный к лишению чинов и ссылке в Сибирь, в 1845 г. он издал на французском языке книгу «Россия при Николае».

* * *

В 1840 г. на востоке евразийского континента началась война Великобритании против империи Цин, впоследствии получившая название «Первая опиумная война 1840–1842 гг.». В Китае торговля и употребление опиума были под запретом, однако английская Ост-Индская компания продолжала вести контрабандную торговлю наркотиком при полной поддержке секретных служб и британского правительства. В 1838 г. объем продаж составил более двух тысяч тонн, и в потребление опиума были вовлечены миллионы китайцев всех сословий.

Непосредственным поводом к началу военных действий послужила деятельность правительственного комиссара Линь Цзэсюя, который в марте 1839 г. потребовал от иностранцев (англичан и американцев) сдачи всего опиума, а затем блокировал войсками территорию иностранных факторий и отозвал с них китайский персонал. Торговцы были вынуждены сдать более 19 тысяч ящиков и две тысячи тюков опиума, которые немедленно были уничтожены. Поскольку англичане демонстративно игнорировали китайские законы, в августе Линь Цзэсюй блокировал территорию Макао и вынудил торговцев перебраться на корабли. Лоббирование наркоторговцев заставило британское правительство в апреле 1840 г. объявить войну Китаю, куда из Индии отправилась флотилия из сорока кораблей с 4000 солдатами на борту.

Результатом войны стала победа Великобритании, закрепленная Нанкинским договором от 29 августа 1842 г., согласно которому империя Цин обязывалась выплатить контрибуции в размере 21 миллиона долларов США, передать Великобритании остров Гонконг и открыть китайские порты для английских кораблей. Поражение в войне стало началом длительного периода экономического закабаления Китая со стороны европейских держав; продолжилась также массовая наркоманизация населения.

* * *

В 1840 г. в России начался очередной виток Кавказской войны. В 1840-х гг. Шамиль одержал ряд крупных побед над русскими войсками, чему отчасти способствовала агентура Англии и Турции. Военную службу при Шамиле обязаны были нести все горцы, способные держать оружие. Порох изготовлялся в Ведено, Гунибе и Унцукуле. Горцы, начав боевые действия против русских укреплений Черноморской береговой линии, разгромили форт Лазарева, Вельяминовское, Михайловское и

Николаевское укрепления. При защите Михайловского укрепления рядовой А. Осипов взорвал пороховой погреб вместе с горцами.

Боевые действия на Кавказе имели свою специфику, выражающуюся в том, что горцы использовали тактику партизанской войны – засады и налеты. Более прочные кованые стволы старинных горских ружей позволяли использовать двойной заряд пороха, что увеличивало дальность стрельбы с 250 до 500 метров. Прочностные характеристики штатных армейских ружей были гораздо ниже, а нарезных штуцеров не хватало. Располагаясь на господствующих высотах, горцы получали не только огневое, но и тактическое преимущество, успевая отойти в безопасное место в случае угрозы окружения. Но противостоять штыковому удару сомкнутым строем и русской артиллерии они не могли.

Постепенно обе стороны начали перенимать наиболее успешные способы ведения боевых действий друг у друга. В 1842–1843 гг. Шамиль завел артиллерию, частью из трофейных пушек, частью из отлитых в Ведено. Турецкие и польские военные инструкторы (польские – из числа повстанцев 1830–1831 гг.) обучали горцев тактике ведения войны регулярными войсками. До весны 1845 г. боевые действия велись с переменным успехом.

В 1844 г. Адам Чарторыйский направил к Шамилю своих эмиссаров Зверковского и Осиновского. В 1846 г. эмиссаром на Кавказ был направлен инструктор военной школы в Льеже К. Гордон. С М. Чайковским (Садык-паша) плодотворно общался глава убыхов Хаджи Берзек Керантух. В боевых действиях на Кавказе против русской армии активно участвовали польские беглые ссыльные. Например, у Шамиля поляки служили артиллеристами и саперами. Некоторые из поляков принимали ислам и женились на горянках.

* * *

На территории Царства Польского в 1840–1845 гг. царило внешнее спокойствие. Однако во всех отчетах Третьего отделения отмечалось, что политические настроения поляков меняются в худшую сторону. По мнению аналитиков, причинами этого являлись: тщеславие поляков; подстрекательство католического духовенства; влияние польской эмиграции, подогреваемой правительственными кругами Англии, Бельгии и Франции; дурное поведение российских чиновников. Польская эмиграция находилась под постоянным надзором. Отслеживалась обстановка

и на польских территориях Австрии (Галиция), Пруссии (Познань) и Краковского округа. Политической аналитикой, кроме отечественных экспертов, занимались и некоторые иностранные журналисты (например, Л. Шнейдер в Пруссии, де Кардон во Франции). Их письма с оценкой ситуации в той или иной стране регулярно поступали в ведомство Бенкендорфа.

В марте 1844 г. в Варшаве был раскрыт молодежный заговор во главе с Крживицким. Члены заговора (до тридцати человек, в основном ученики из сверхштатных писарей) предполагали собрать до трех тысяч человек и, получив оружие из Познани, завладеть Варшавской цитаделью, Королевским замком и Лазенковским дворцом. Крживицкого подвергли военному суду, остальных – различным административным наказаниям.

В июне под арест попали писец Вокулинский и ученики гимназии Люце и Пржевлоцкий, имевшие намерение собрать группу до двадцати человек и, в случае прибытия императора в Царство Польское, захватить его в заложники на одной из дорог, а затем потребовать вывода русских войск и восстановления Польши в границах 1792 г.

В октябре в окрестностях города Кельце удалось раскрыть Крестьянский союз – тайную организацию ксендза П. В. Сцегенного. Используя священный сан (а поляки всегда были ревностными католиками), с конца 1830-х гг. он развернул революционную пропаганду среди крестьян. В своих проповедях Сцегенный указывал на законность революционной войны эксплуатируемых против угнетателей. В конце 1844 г. члены Крестьянского союза готовились поднять восстание в Люблинской и Радомской губерниях Царства Польского. Буквально накануне восстания ксендз и его ближайшие соратники были арестованы. Суд приговорил Сцегенного к смертной казни через повешение, которая на уже эшафоте была заменена бессрочной каторгой; двенадцать его ближайших соратников отправили в ссылку.

Провалился и заговор, составленный в том же году с целью овладеть Александровской цитаделью, напасть на замок, умертвить князя Паскевича и вырезать все русские войска в Варшаве.

В феврале 1846 г. Централизация решила поднять вооруженное восстание в польских землях, считая, что поляки готовы к выступлению. Эмиссарами восстания являлись: в Галиции – Альциата, в Кракове – В. Гельтман, в Познани – Л. Мерославский (он же главнокомандующий восстанием), в Царстве Польском – Б. Домбровский. Однако как идеологов из Демократического общества, так и руководителей восстания ждало жестокое разочарование. В Царстве Польском все

ограничилось попыткой захвата города Седлец (П. Потоцкий). Большинство напавших на город были схвачены крестьянами; после суда часть заговорщиков казнили, часть – сослали. Некоторые польские помещики, организовав мелкие банды в Радомской губернии и совершив несколько нападений, вскоре бежали в Галицию и под Краков.

Восстание в Галиции, едва начавшись, окончилось самым плачевным образом. Крестьяне не только не примкнули к мятежникам, но и устроили резню шляхты, чему способствовали австрийские чиновники: за живого предводителя установили награду 5 гульденов, за мертвого – 10 гульденов. Всего в шести округах было вырезано до 800 семейств.

В Познани восстание не состоялось, поскольку осведомленная о нем прусская полиция заранее арестовала заговорщиков во главе с Мерославским. Единственным успехом поляков стал захват Кракова 21 февраля: австрийские войска на время оставили город. Но после того как 3 марта к Кракову подошли австрийские, прусские и русские войска, заговорщики сдались без сопротивления. Краков был присоединен к Австрии. Но это поражение имело для заговорщиков и позитивное значение – началось объединение польских эмигрантских организаций.

* * *

В сентябре 1844 г. Третье отделение постигла невосполнимая утрата: скончался А. Х. Бенкендорф. После его смерти главноуправляющим стал граф А. Ф. Орлов. Будучи «чисто военным генералом», он не имел выдающихся организаторских способностей и в практической деятельности ни служебным рвением, ни оперативным талантом не блистал. Поскольку все предыдущие попытки переворотов осуществлялись дворянами-гвардейцами, основное внимание спецслужб было направлено на дворянскую среду. При Орлове было сокращено финансирование агентуры вследствие «недействительности» заслуг агентов. И хотя недостатки шефа жандармов отчасти компенсировались активностью Л. В. Дубельта, постепенно качество работы жандармского ведомства стало ухудшаться. Примерами служат дело Кирилло-Мефодиевского общества и дело петрашевцев.

Кирилло-Мефодиевское общество (сами члены называли его братством) было образовано в Киеве на рубеже 1845–1846 гг.; свое название оно получило в честь славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Учредителями общества являлись профессор Киевского университета,[380] в будущем известнейший историк Н.

И. Костомаров, учитель В. М. Белозерский и чиновник Н. И. Гулак, выступавшие за либерализацию культурной и политической жизни в Малоросии. К началу весны 1847 г. в составе братства, кроме основателей, насчитывалось еще девять человек: литераторы Т. Г. Шевченко и П. А. Кулиш, учитель Д. П. Пильщиков, помещик Н. И. Савич, студенты Киевского университета И. Я. Посяда, Г. В. Андрузский, А. В. Маркович, А. М. Петров, бывший студент А. А. Навроцкий.

В течение 1846 г. Кирилло-Мефодиевское общество постепенно превращалось в тайную политическую организацию, члены которой ставили целью создание Федерации славянских народов, в которую входили бы Болгария, Польша, Сербия, Россия, Украина (Малороссия) и Чехия. Законодательная власть в федерации должна была принадлежать двухпалатному сейму, исполнительная – президенту. Это была пятая – после «Союза молодых поляков» 1823 г., двух «Обществ соединенных славян» (1823–1824 и 1829 гг.) и одиночных усилий штабс-капитана С. И. Ситникова (1831 г.) – попытка создать нечто подобное. Тактические принципы деятельности «кирилло-мефодиевцев» не были достаточно разработаны, не отличались однородностью и их взгляды. Одни считали главной политической задачей общества ликвидацию крепостного права и сословных привилегий, провозглашение свободы совести, другие (Шевченко, Гулак и Навроцкий) выдвигали идею национального освобождения Малороссии от «тирании москалей» с переименованием ее в Украину. Наиболее умеренную позицию занимал Кулиш.

В 1820–1830-е гг. центром романтического украинофильства являлся Харьковский университет. Однако, как писал профессор Львовского университета историк М. С. Грушевский, «рядом с „настоящею“ великорусскою культурою, к которой серьезно относилось не только правительство, но и местное общество, это украинское течение выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антикваріев».[381] Возникновение политических мотивов в среде украинской молодежи связано именно с Киевским университетом. И именно члены Кирилло-Мефодиевского общества стали первыми, кто использовал и продвигал украинофильство в качестве националистической (сепаратистской) идеологии.

Как и в случае с тифлисскими заговорщиками 1830–1832 гг., нелегальная деятельность Кирилло-Мефодиевского общества была прекращена не в результате целенаправленной оперативно-розыскной деятельности, а благодаря случайности – по «наводке» привлеченного в общество Н. Гулаком студента А. Петрова. Последний был сиротой, но его отец, жандармский офицер, успел

воспитать сына в почтении к Богу, царю и Отечеству. Когда Петрову стали известны цели братства, он сообщил об этом помощнику попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовичу (28 февраля 1847 г.). Юзефович, хорошо знавший Костомарова и Кулиша, потребовал от юноши написать докладную попечителю Киевского учебного округа генерал-майору Свиты А. С. Траскину. Костомарову о разговоре с Петровым Юзефович не сообщил, вероятно решив посидеть на двух стульях одновременно. Третьего марта Петров подал письменный рапорт Траскину, приложив устав Кирилло-Мефодиевского общества. Траскин немедленно проинформировал шефа жандармов графа Орлова и киевского генерал-губернатора князя Д. Г. Бибикова. Вскоре все члены общества были арестованы. При этом Юзефович, узнавший о намечающемся производстве арестов, помогал Костомарову ликвидировать письменные улики. После вторжения в квартиру Костомарова жандармов Юзефович повернул дело так, что Костомаров сам сознался в своих преступлениях и в знак раскаяния добровольно выдал противоправную рукопись.

В мае 1847 г. арестованные предстали перед судом и были приговорены к различным наказания: заключению в крепость, ссылке, сдаче в солдаты. Правительство Николая I затушевало республиканско-националистический характер организации, придав ей вид общества, ставившего своей задачей объединение всех славян под протекторатом Российской империи. Учитывая, что националистические идеи распространялись в узком кругу, власти решили не применять жестких репрессивных мер и сохранили в тайне истинный характер дела.

Николай I связывал возникновение общества с влиянием польской эмиграции:

«Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украйне мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя».[382]

При этом аналитиками Третьего отделения попытка формулирования программы украинского националистического движения была оценена правильно. В записке ведомства говорилось:

«Еще более надлежит быть осторожными в отношении к Малороссии <…> от молодых украйнофилов, подобных Шевченко и Кулишу, быть может, обращаются идеи об отдельном существовании, даже между людьми более степенными, нежели сами украйнофилы, но строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства

положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское. Полезнее и справедливее будет не показывать и вида малороссиянам, что правительство имело причину сомневаться, не посеяны ли между ними вредные идеи, и принять меры в отношении к ним совершенно противоположные тем, которые принимались в Царстве Польском».[383]

Управляющий 1-й экспедицией Третьего отделения М. М. Попов, посетив арестанта Костомарова (который уже дал признательные показания!), прямо указал ему, что именно следует написать о целях общества, и дал в качестве образца показания Белозерского. Распространение информации о подлинных выводах следствия было строго ограничено. Официальной стала версия о стремлении «кирилло-мефодиевцев» объединить славян под скипетром русского царя. При этом власти не ослабили наблюдения за проявлениями малороссийского национализма (особничества). Подчеркнем, что основная масса чиновников была ознакомлена только с официальной версией, и в дальнейшем это значительно ослабило позиции правительства в борьбе с национализмом и сепаратизмом.

В целом 1847 г. оказался для Российской империи на редкость спокойным. Однако политические процессы как в самой России (нелегальные), так и за ее пределами развивались независимо от властей предержащих.

В 1847 г. в Европу эмигрировал А. И. Герцен. Осенью в Италии, представлявшей сборище «лоскутных монархий», он познакомился со многими представителями итальянского национально-освободительного движения.

В Царстве Польском и западных губерниях продолжалась нелегальная деятельность польских эмиссаров, и значительная часть населения тайно поддерживала их.

В великороссийских губерниях, по мнению графа Орлова, все тревоги были ложными.

«Прошедший год, – докладывал он императору, – едва ли не более предыдущих годов изобиловал доносами и предвещаниями о готовящихся возмущениях. Многолетние опыты доказали, как мало веры можно давать этим доносам. <…> К счастью, бóльшая часть доносов доказала только, что есть люди неблагонамеренные, желающие своими предвещаниями содержать правительство в тревожном положении.

Сколько в предыдущие годы намерения этих доносчиков были безуспешны, столько в прошедшем они, к сожалению, достигли цели своей, ибо в ноябре месяце не только правительство, но вся столица была в такой тревоге, что даже в высших обществах при пушечных выстрелах во время возвышения

воды полагали, что возмущение начинается!

По этому случаю приемлю смелость доложить Вашему Императорскому Величеству, что лучшие меры предосторожности суть те, которые покрыты непроницаемою тайною, и потому я поставил себе за правило действовать так, чтобы никто и не догадывался о принимаемых мерах предосторожности и чтобы в публике не могла родиться и самая мысль о возможности произвести возмущение во время твердого правления Вашего Императорского Величества».[384]

При всем обилии доносов (подчеркнем, *доносов*, а не агентурно-оперативной информации) шеф жандармов находился в полном неведении относительно существования в столице в течение уже двух лет тайного общества, организованного переводчиком МИД М. В. Буташевич-Петрашевским. Неповоротливость аппарата и политическая близорукость руководства в очередной раз сыграли злую шутку с прекрасно отлаженным оперативным механизмом, резко снизив его эффективность. В 1848 г. Я. Н. Толстой одним из первых обратил внимание правительства на увеличение политической роли рабочего класса в странах Западной Европы. Однако Орлов не проявил достаточного интереса к этой информации. Одновременно повышалась и роль разночинцев, все чаще принимавших участие в деятельности оппозиционно настроенных кружков. Политическая ограниченность, чванство и нежелание видеть рождение новых противников сводили на нет усилия многих талантливых оперативников, действовавших творчески и часто на собственные средства. Яркий тому пример – дело петрашевцев.

Примечательно, что первый раз слежка за М. В. Буташевич-Петрашевским была организована Третьим отделением в сентябре 1844 г. по докладу директора Царскосельского лицея генерал-майора Д. Б. Броневского, который сообщил, что чиновник Министерства иностранных дел ведет сомнительные беседы с некоторыми лицеистами. Слежка продолжалась в течение двух месяцев, но затем была прекращена. По итогам слежки ни гласный, ни негласный надзор полиции за Петрашевским установлен не был. Возможно, это было связано с личностью поднадзорного, отличавшегося эксцентричным поведением, и заслугами его отца, известного лейб-медика В. М. Петрашевского. Кроме того, основные усилия Третьего отделения в Петербурге были направлены на надзор за дворянскими салонами; напомним, что качество оперативной работы снизилось и размеры ее финансирования уменьшились. В итоге второй переводчик Департамента внутренних сношений МИД не

удостоился пристального внимания столичной политической полиции.

После смерти Петрашевского-старшего в мае 1845 г. вокруг М. В. Петрашевского стал собираться кружок оппозиционно настроенных лиц. С весны 1846 г. собрания стали еженедельными (так называемые «пятницы у Петрашевского» или просто «пятницы»). На собрания приходили чиновники, учителя, студенты, писатели, художники, офицеры: Д. Д. Ахшарумов, А. П. Баласогло, В. А. Головинский, И. П. Григорьев, И. М. и К. М. Дебу, М. М. и Ф. М. Достоевские, С. Ф. Дуров, А. И. Европеус, Н. С. Кашкин, Ф. Н. Львов, В. Н. Майков, А. П. Милюков, В. А. Милютин, Н. А. Момбелли, А. И. Пальм, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков, Н. А. Спешнев, Ф. Г. Толь, П. Н. Филиппов, А. В. Ханыков, И. Л. Ястржембский и др. Идеология и социальный состав петрашевцев отражали особенности тех лет, когда дворянскую оппозицию стала вытеснять оппозиция разночинцев.

Первоначально задачи кружка ограничивались самообразованием, знакомством с различными теориями материализма и утопического социализма, в частности Ш. Фурье и Л. Фейербаха.

Первой попыткой пропаганды идей материализма и утопического социализма стало издание *«Карманного словаря иностранных слов»*. Первый выпуск (1845 г.) редактировал В. Н. Майков при участии М. В. Петрашевского, второй (1846 г.) – сам Петрашевский.

Для того чтобы обойти цензурные ограничения, Петрашевский использовал несколько оригинальных приемов. Во-первых, словарь был посвящен великому князю Михаилу Павловичу. Во-вторых, рукопись была представлена в Цензурный комитет в малочитаемом виде. В-третьих, в словаре использовалась иносказательность. Но вскоре цензура спохватилась, и тираж был конфискован, до читателей дошли лишь 350 экземпляров из напечатанных двух тысяч.

Тем временем политическая ситуация в Европе продолжала накаляться. В июне 1847 г. по инициативе К. Маркса и Ф. Энгельса на базе реорганизованного Союза справедливых в Лондоне создается Союз коммунистов – первая международная коммунистическая организация. Ее девизом была выбрана знаменитая фраза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Целью Союза коммунистов являлось «свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности».[385] Программой союза стал «Манифест Коммунистической партии». И хотя

коммунистические идеи пришли в Россию значительно позже, книга Маркса «Нищета философии» (1847 г.) в библиотеке Петрашевского имелась. Постепенно кружок становился все более привлекательным для людей оппозиционных взглядов.

* * *

1848 год стал переломным для Европы. С восстания в Палермо (Королевство обеих Сицилий, одного из восьми итальянских государств) в январе 1848 г. началась революции в Италии. В феврале – марте в Королевстве обеих Сицилий, Сардинском королевстве, Великом герцогстве Тосканском и Папском государстве были провозглашены конституции. Двадцать второго марта 1848 г. в Венеции провозгласили республику. На фоне стремительного роста национально-патриотического движения началась война итальянских государств за независимость от Австрии, которая на первом этапе закончилась неудачей: после ряда поражений национальных войск 25 июля 1848 г. было заключено перемирие, вернувшее Ломбардию и Венецию под власть австрийских Габсбургов.

Осенью 1848 года Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди выдвинули программу объединения Италии. В ноябре в Риме вспыхнуло народное восстание, и 9 февраля 1849 г. была провозглашена Римская республика.

В марте 1849 г. вновь началась война с Австрией, которая из-за неравенства сил привела к поражению революции. Римская республика пала, последней, в августе 1849 г., сдалась Венеция.

В феврале 1848 г. вспыхнула революция во Франции, послужив детонатором, вызвавшим буржуазно-демократические революции во многих странах Европы. В марте была провозглашена уния Венгрии и Трансильвании, забурлили Чехия, Галиция и Хорватия. В Германском союзе (Баден, Гессен-Дармштадт и Вюртемберг) к власти пришли либеральные правительства.

Особо отметим, что премьер-министр Великобритании Генри Джон Темпл Пальмерстон покровительствовал революциям в Италии и Венгрии. Устроив торжественную встречу Лайошу Кошуту, главе Комитета защиты родины, он возбудил против Англии все правительства Европы. Однако политика Пальмерстона обосновывалась исключительно прагматическими соображениями. Первого марта 1848 г. он заявил в палате общин:

«Я утверждаю, что недальновидно считать ту или иную страну неизменным союзником или вечным врагом Англии. У нас

нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг – следовать им».

Пальмерстону принадлежит и одна из ключевых геополитических стратагем британской политики, которая долгое время определяла вектор политических интересов по отношению к России: «Мир кажется таким несправедливым, когда с Россией никто не воюет!»

Учитывая тлеющий очаг недовольства в Царстве Польском, ситуация в Европе требовала пристального внимания российских спецслужб. Австрийский император Фердинанд и король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV с трудом удерживались на тронах. Зная об этом, российский император в начале революционных событий в Европе занял оборонительную позицию. Об этом говорит его письмо к Паскевичу от 17(29) марта 1848 г.:

«Итак, мы должны оставаться в оборонительном, почти кордонном состоянии *sur ce qui vive*, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале».[386]

В итоге был разработан военный план обороны от натиска революции на рубеже реки Висла.

* * *

На фоне революционных событий в Европе министр внутренних дел Л. А. Перовский начинает расследование дела Петрашевского. Последний в феврале литографировал свою записку «*О способах увеличения ценности дворянских и населенных имений*» (ок. 300 экземпляров). В записке поднимался вопрос о необходимости даровать купеческому сословию право приобретать земли наряду с дворянством для лучшего хозяйствования. Также предлагалось предоставить купцам право голоса в дворянских собраниях, а крестьянам – право получать личную свободу путем выкупа. Записка распространялась в преддверии очередных выборов в дворянских собраниях и в итоге попала к Перовскому, у которого уже была некоторая информация о Петрашевском. Доложив императору о своих подозрениях, Перовский получил от него повеление скоординировать действия в отношении Петрашевского с графом Орловым.

По некоторым данным, к тому времени (ориентировочно в 1844 г.) Перовский негласно восстановил Особенную канцелярию МВД как параллельный орган политического сыска. Расследование было поручено чиновнику особых поручений И. П.

Липранди, одному из лучших оперативников. Впоследствии Липранди писал, что «собрание сведений о Петрашевском, по высочайшему повелению, началось в марте 1848 года. Министру внутренних дел (так как он первый доставил известный литографированный листок, розданный в дворянских собраниях некоторым членам) приказано было по этому случаю снестись с шефом жандармов для надлежащего разъяснения содержания и смысла литографированной речи. Вследствие чего, по обоюдному их согласно, собрание этих сведений было возложено на меня, и последний присовокупил: „Чтобы мои не знали во избежание столкновения“. Я согласился на принятие этого поручения, с тем только условием, чтобы все то, что будет мною собираемо, я представлял <…> министру внутренних дел, как в существе министру полиции государства и в ведении которого я служил…».[387]

Приведенная запись полностью опровергает мнение о том, что глава Третьего отделения был не в курсе событий. Но почему глава политической полиции уступил это дело потенциальному конкуренту? Вероятнее всего, Орлов руководствоваться следующими соображениями. Во-первых, распространяемая в дворянских собраниях записка Петрашевского сама по себе еще не являлась угрозой существующему строю и никаких антиправительственных высказываний не несла. Во-вторых, о «пятницах у Петрашевского» достоверно ничего не было известно (напомним, что агентура Третьего отделения работала преимущественно в дворянских салонах). И наконец, в-третьих: свалив на МВД всю черновую работу, в случае провала расследования Орлов выходил сухим из воды. А в случае успеха он, пользуясь доверием государя, всегда имел возможность перехватить инициативу.

Липранди оказался в весьма непростой для него ситуации. Занимаясь преимущественно раскольниками, он не имел агентуры в разночинной среде. А повеление действовать в секрете от аппарата Третьего отделения предполагало соблюдение двойной конспирации: и по отношению к петрашевцам, и по отношению к «коллегам». Чтобы понять, кого брать под наружное наблюдение, Липранди надо было иметь внутри кружка своего доверенного человека. Размышляя над немногими известными ему фактами, Липранди пришел к выводу, что завербовать кого-либо из окружения Петрашевского не представляется возможным, так как достоверных данных о нелегальной деятельности кружковцев у него не было. Оставалось одно – ввести агента в окружение наблюдаемого лица. Но такого агента еще следовало найти, поскольку требования к нему предъявлялись высокие:

человек одного круга с наблюдаемым, образованный, знающий иностранные языки, коммуникабельный и обладающий хорошей памятью.

На поиск подходящей кандидатуры ушло несколько месяцев, и в результате Липранди остановился на Петре Антонелли. Антонелли был студентом первого курса филологического факультета Петербургского университета. Дав согласие работать с Липранди, он оставил университет и осенью 1848 г. был оформлен канцелярским чиновником в МИД. Именно в министерстве в конце осени – начале зимы 1848 г. и состоялось его знакомство с Петрашевским.

* * *

Пятнадцатого сентября 1848 г. 5-й армейский корпус генерал-лейтенанта А. Н. Лидерса вошел в Валахию для подавления революционных выступлений. Никаких карательных функций Лидерсу осуществлять не пришлось, поскольку ни турки, занявшие Бухарест, ни «революционная» валашская милиция сопротивления его войскам не оказывали. В Петербурге создалось обманчивое впечатление, что «дух мятежа в массы не проник». Но на самом деле «дух мятежа» был загнан в подполье, а заговорщики удалились в эмиграцию (в Венгрию и Трансильванию), но не смирились. Российские войска остались в Валахии и в любой момент могли вторгнуться в Венгрию с юга.

* * *

Под влиянием европейских революций и ужесточения внутренней политики в России осенью – зимой 1848/49 гг. в среде петрашевцев возобладали революционные настроения. Наряду с теоретическими вопросами на «пятницах» все чаще обсуждались политические проблемы. Конспиративно от большинства (в кабинете Петрашевского, на квартирах братьев Дебу, Дурова и Кашкина) определялись позиции в отношении к ожидаемой крестьянской революции. Петрашевский и Спешнев пытались разработать план руководства крестьянским восстанием, которое должно было начаться в Сибири, а затем перекинуться на Дон, в Поволжье, в Москву и на Урал. На военной службе из петрашевцев состояли: Н. П. Григорьев, П. А. Кузьмин, Н. Ф. Львов, Н. А. Момбелли, А. И. Пальм, А. И. Тимковский. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. участвовал А.

П. Баласогло, в той же войне и подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. – К. К. Ольдекоп. На «совещаниях пяти» (Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Львов и К. Дебу) обсуждался вопрос о создании нового тайного общества, его программе и тактике.

Тем временем оперативно-розыскные мероприятия продолжались. Попытки завербовать прислугу (дворника и др.) не удались. Третьего марта из Костромы прибыли два агента Липранди: купец В. М. Шапошников и мещанин Н. Ф. Наумов. На следующий день они сняли помещение в доме Петрашевского, намереваясь открыть табачную лавку. Лавка была открыта, и это позволило организовать стационарный наблюдательный пункт. Те же Шапошников и Наумов получили билеты извозчиков, и таким образом была решена проблема наружного наблюдения за гостями Петрашевского, приходившими на «пятницы». У Липранди появились имена петрашевцев и их адреса.

Между тем Антонелли все еще не был допущен к посещению «пятниц», поэтому информация о том, что происходит на квартире Петрашевского, по-прежнему отсутствовала. Наконец Антонелли не выдержал и 11 марта явился на «пятницу» без всякого приглашения. Присутствующим он сказал, что выпал из извозчика прямо перед домом и едва не сломал ногу. Таким образом, внедрение состоялось.

С 16 января по 14 апреля 1849 г. в Петербурге было выявлено 63 кружковца. Примечательно, что Антонелли своего знакомства с Липранди не скрывал, и Петрашевский пытался через Антонелли узнать о его планах. Петрашевский, кстати, знал и о том, как было раскрыто Кирилло-Мефодиевское общество. А что касается Липранди, то он уже не сомневался в том, что в дальнейшие планы петрашевцев входит организация вооруженного восстания.

Один из оперативных приемов Липранди – знакомство Петрашевского со «свирепыми черкесами», которые якобы, прибыв с Кавказа, квартировались у Антонелли. На самом деле «черкесы» были отобраны из числа конвойцев лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона. Петрашевский готовил для них наставления для «возмущения Кавказа», которые через Антонелли попадали к Липранди.

Была выявлена и связь петрашевцев с поляками, проживавшими в Петербурге: чиновником Морского министерства Н. А. Кашевским, вольнослушателем Петербургского университета А. Т. Мадерским, чиновником железнодорожного ведомства Е. Марцинковским, служащим Заемного банка К. Витковским, чиновником МИ. В. Войцеховским.

А связь с поляками – это уже вопрос не только внутренней, но и международной политики.

Липранди пишет:

«В то же время обозначилось, что люди, принадлежащие к наблюдаемому обществу, находились вне столицы, в разных провинциях, и об них здешние сочлены ясно говорили, что им поручено везде стараться сеять идеи, составляющие основу их учения, приобретать обществу соумышленников и сотрудников и таким образом приготовлять повсюду умы к общему восстанию. Бумаги арестованных лиц обнаружили, что подобными миссионерами были: в Тамбове – Кузьмин, в Москве – Плещеев, в Ростове – Кайданов, в Сибири – Черносвитов, в Ревеле – Тимковский и проч.».[388]

Это подтверждает, что у петрашевцев были налажены связи с губерниями.

В середине апреля Перовский доложил императору, что всего в кружках, связанных с петрашевцами, по России насчитывается до полтысячи человек и предложил продолжить наблюдение, чтобы иметь юридически безукоризненные доказательства вины подозреваемых лиц. Однако ни дальнейшей разработки тайного общества, ни сколько-нибудь толкового следствия не состоялось. Николай I, принявший к тому времени решение об участии русских войск в подавлении революции в Венгрии, приказал Перовскому передать дело петрашевцев Орлову, и тот, опять же по указанию государя, приступил к немедленным арестам, которые начались утром 23 апреля. К следствию было привлечено всего 123 человека.

Во время арестов произошло рассекречивание П. А. Антонелли. Адам Сагтынский, третье лицо в политической полиции, разговаривая с Ф. М. Достоевским, держал в руке список арестованных, в котором Антонелли фигурировал как агент. Достоевский заметил фамилию и немедленно поставил в известность своих товарищей. Слабо верится, что Сагтынский допустил служебную оплошность: он имел более чем двадцатилетний опыт оперативной работы. Вероятнее всего, что Орлов, Дубельт и Сагтынский пытались принизить заслуги МВД в раскрытии кружка петрашевцев и занялись дискредитацией лиц, осуществивших эту операцию. То есть это – проявление межведомственных и межличностных политических и служебных интриг, существующих во все времена и приносящих чаще всего негативные результаты.

В самом Третьем отделении в январе 1849 г. из архива пропало 18 докладов Орлова Николаю I с личными резолюциями императора; затем вырезки из докладов по почте были

доставлены в Зимний дворец. Расследование установило, что документы были похищены сверхштатным чиновником А. П. Петровым «для передачи частным лицам» из корыстных побуждений. Итогом стала реорганизация архивного дела. Отныне архивисты постоянно должны были проживать в здании Третьего отделения по адресу Фонтанка, д. 16.

Дискредитируя своих коллег из МВД, руководители Третьего отделения (впрочем, как и верхушка МВД) больше думали не об интересах дела, а о личном влиянии на государя. Никто не хотел признавать собственные ошибки с целью улучшения оперативной работы и вести эффективную контрпропаганду. В результате интриг руководства крайними, как обычно в таких случаях и бывает, стали Липранди и Антонелли.

А ведь Липранди сделал совершенно правильные выводы из дела петрашевцев.

«1. Я предполагал, – писал он, – следить за всеми сношениями здешних членов по разным местам государства, в особенности же за теми, которые производятся через живых эмиссаров, отправляющихся отсюда под разными предлогами в разные города и губернии.

2. Необходимым казалось мне вникнуть точнее и обстоятельнее в то влияние, которое пропаганда эта имеет на разные классы общества, в особенности же на воспитание юношества, заготовляющее в молодом поколении семена столь опасной будущности.

3. Равным образом я полагал необходимо нужным разузнать и разъяснить в возможной точности, в какой связи эта пропаганда состоит с нашей литературой и вообще системою просвещения, у нас существующей: причем намерение мое было стараться проникнуть не только в настоящее положение этой гибельной язвы умов, но и в те причины, который содействовали ее происхождению у нас и столь могущественному усилению и распространению.

4. Не бесполезным казалось мне обратить тщательное внимание на то, какие места на службе и какое положение в обществе занимают пропагандисты: ибо сим только могла быть определена с достаточной верностью степень их силы в настоящем времени, равно как и степень вреда, приготовленная ими на предбудущее время.

5. С сим вместе я имел в виду собрать опытная сведения и о том, какое противодействие можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализовать его разрушительная действия. За двадцать или за десять лет [до того] можно бы было удовольствоваться тем, чтобы, напавши на корень зла, подрезать

его, и тем все бы затушилось, уничтожилось. Теперь, как видно, корень этот разросся крепко, яд, можно сказать, разлился всюду и напитал собой весь воздух общественной жизни или, вернее сказать, то, что составляет наше общественное образование. Ныне корень зла состоит в идеях, и я полагаю, что с идеями должно бороться не иначе, как также идеями, противопоставляя мечтам истинные и здравые о вещах понятия, изгоняя ложное просвещение – просвещением настоящим, превращая училищное преподавание и самую литературу в орудие, разбивающее и уничтожающее в прах гибельный мечты нынешнего вольномыслия или, лучше сказать, сумасбродства».[389]

Все эти предложения остались без внимания.

* * *

Через несколько дней после ареста петрашевцев русские войска вступили в Галицию. Здесь необходимо заметить, что, ведя борьбу за свободу и независимость от австрийцев, венгры отказывали в проявлении национально-патриотических чувств сербам, словакам, хорватам и украинцам. Неудивительно, что в ходе гражданской войны большинство представителей этих народов выступили на стороне имперского правительства. Попытка самоопределения с полным пренебрежением к интересам других наций отвратила от венгров широкий фронт потенциальных союзников и показало истинное лицо людей, так много разглагольствовавших о национальном достоинстве.

А если учесть, что ведущие венгерские военачальники (Ю. Бем, Г. Дембинский и Б. Домбровский) были поляками, то для Николая I борьба против венгров стала продолжением борьбы с врагом, угрожавшим целостности Российской империи.

Летом 1849 г. венгерские войска были разбиты и сложили оружие. Более тысячи венгерских повстанцев эмигрировали в Турцию. Среди них были многие участники Польского восстания 1830–1831 гг., в том числе Бем, Дембинский, Замойский и Высоцкий. Узнав об этом, Николай I отправил султану Абдул-Меджиду личное письмо с требованием их выдачи. Британский (Ч. Стрэтфорд-Каннинг) и французский (Ж. Опик) послы посоветовали султану решительно отказать. Более того, английская и французская эскадры подошли к Дарданеллам. В результате султан не выдал укрывшихся в Турции повстанцев. Некоторые из них приняли ислам и поступили добровольцами в турецкую армию, мечтая о реванше.

В 1849 г. политэмигранты основали в Лондоне «Центральный

демократический европейский комитет единения партий без различия национальностей». Основной целью данного комитета было освобождение угнетенных наций европейских стран. Руководителями комитета являлись: А. О. Ледрю-Роллен (Франция), Д. Мацини (Италия), С. Ворцель (Польша), А. Руге (Германия), Братанио (Румыния). От России в состав комитета пригласили А. И. Герцена, но он от участия отказался, не веря (в тот период) в действенность пропаганды с помощью прокламаций.

Деятельность комитета выражалась в устной и письменной агитации среди различных народов. В частности, имело место обращение к полякам от 20 июля 1850 г. с призывом к революционному выступлению. Однако в условиях подавления Венгерского восстания в 1849 г. это обращение не повлекло за собой значимых откликов в Царстве Польском.

Обеспечивая безопасность империи от внутренних угроз, русское правительство допустило ряд серьезных ошибок в развитии военной разведки. Я. Н. Толстой еще в 1850 г. отправил в Петербург секретное донесение с сообщением о намерении англичан уничтожить русский флот и сжечь Севастополь, но сигнал был оставлен без внимания. Военный министр А. И. Чернышев, будучи профессионалом в военных вопросах, выражал обеспокоенность состоянием военной разведки, но планомерная работа в полном объеме налажена так и не была. К примеру, данных о поступившей на вооружение в Пруссии в 1841 г. винтовке Дрейзе с продольно-скользящим затвором, для маскировки названной «легким капсюльным ружьем», русская разведка до войны не получила. А сотрудники МИД, в мирное время обязанные добывать военно-политическую информацию, не смогли выяснить истинные военно-политические намерения Британии и Франции в отношении России. По мнению авторов, отсутствие систематической (тотальной) политической, дипломатической и военной разведки в мирное время стало одной из причин поражения и серьезного политического унижения России в Крымской войне.

Политическая линия Александра I, реализованная в виде Священного союза монархов Австрии, Пруссии и России, продолжала довлеть над российскими национальными интересами и при Николае I. «С удивительной прозорливостью Россия спасала всех своих будущих смертельных врагов. Русская кровь проливалась за всевозможные интересы, кроме русских. Постоянные же вмешательства России во внутреннюю жизнь европейских народов сделали русское имя всюду одиозным. Россию боялись, но ее ненавидели. Европейские правительства,

используя в своих интересах усердного и бескорыстного „русского жандарма“, отводили затем от себя на него все недовольство, всю ярость своих народов. Вот первопричина русофобства европейского общественного мнения всего XIX и XX века… Необходимо при этом упомянуть, что и Александр I, и Николай I находились в полном неведении относительно истинного положения дел и настроений в Европе, принимая за чистую монету официальную лесть европейских кабинетов и заздравные тосты прусских и иных принцев. Русские дипломатические агенты на местах, само собою разумеется, были осведомлены о настоящем положении дел, но, как это ни покажется невероятным, бессменный от Венского конгресса до Восточной войны министр иностранных дел граф Нессельроде счел нужным предупредить об этом Государя лишь в 1853 году, когда все сроки были давно уже пропущены. Печальный результат привычки, создавшейся с конца царствования Александра I, – во всех решительно ведомствах и отраслях русской государственной жизни сообщать царям одно лишь приятное».[390]

Накануне Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Шамиль, в расчете на помощь Великобритании и Турции, активизировал свои действия, но потерпел неудачу; в целом движение Шамиля в 1850-х гг. пошло на спад.

Крымская война превратилась в войну России с «объединенной Европой». После ее начала польская эмиграция предложила свои услуги противникам империи. В Лондоне и Париже идею активного формирования польских войск не приняли, но в Стамбуле польских и венгерских инсургентов приняли охотно.

В армии Омер-паши, действовавшей на Дунайском театре, насчитывалось не менее четырех тысяч венгерских и польских добровольцев. Сам командующий, хорват по национальности, до бегства в Турцию и принятия ислама носил фамилию Латош и служил в австрийской армии. Энтузиазм поляков в Дунайской армии зачастую вредил им. «Эти люди, – писал Евгений Тарле, – были иногда способны дать неглупый совет, но, с другой стороны, немало и вредили, сбивая часто с толку турецкое командование, которому внушали преувеличенное убеждение в слабости русской армии. Политическая страсть, ненависть к России ослепляла их и заставляла принимать свои желания за действительность».[391] Садык-паша (поляк М. Чайковский) сформировал казачий полк (около 600 человек), принявший участие в боях под Силистрией. Венгерские и польские эмигранты отметились и на Кавказском фронте: в сражении при Башкадыкларе и при обороне крепости Карс. Тем не менее все поляки и венгры, попавшие в русский

плен, впоследствии были отпущены на свободу.

Во время Крымской войны И. Высоцкий от имени Централизации «Демократического общества» вступил в переговоры с представителями Великобритании и Турции. Он хотел выяснить, чем поляки могли быть полезны в действиях против русских в Крыму. Предложения, сделанные ему, Высоцкий счел невыгодными для Польши и даже более того – оскорбительными, поэтому реальной помощи не оказал.

Один из руководителей Польского восстания 1863–1864 гг. О. Авейде после ареста показал следственной комиссии, что «люди, не знавшие нашего положения, но вспоминавшие наши до 1850 года конвульсивные революционные порывы, предлагали вопрос: отчего не восстали мы во время Крымской войны, несмотря на всю нашу ненависть к русскому правительству? Мы не восстали, потому что не могли восстать, потому что мы отупели и были слабы, невыразимо слабы».[392]

Поражение русских войск под Севастополем стало личной трагедией для Николая I, который по-своему, даже при отсутствии своевременных реформ, все же искренне и последовательно служил России. Как полагали некоторые современники Николая и как считают отдельные современные историки, государь не вынес горечи поражений и предпочел покончить с собой с помощью яда, будучи не в силах отказаться от проводимой им ранее «прямолинейной» политики.

Перед смертью он попросил облачить его в мундир и, прощаясь со старшим внуком – будущим императором Александром III, – промолвил: «Учись умирать».

Николай Павлович скончался 18 февраля 1855 г.

Глава 10
Сепаратизм и терроризм. Теория и практика

Сила революционеров не в идеях их вождей, а в обещании удовлетворить хотя бы небольшую долю умеренных требований, своевременно не реализованных существующей властью.

О. фон Бисмарк

Александр II вступил на престол, когда Севастополь был уже в кольце войск союзников. Несмотря на героические усилия солдат, матросов и офицеров, Крымская кампания закончилась политическим поражением России.

В самом начале царствования Александра II на повестку дня встал вопрос о качественных изменениях не только в военной области, но и в области внутренней политики. Подлежал закрытию Высший цензурный комитет, независимые от правительства печатные издания стали появляться не только в столицах, но и в провинции. По случаю коронации в августе 1856 г. государь амнистировал или облегчил положение значительной части «политических преступников», в том числе декабристов и участников Польского восстания 1830–1831 гг. Многим оставшимся в живых декабристам были возвращены их титулы и имения.

В условиях подготовки серьезных внутриполитических реформ требовалось внести изменения в деятельность специальных служб и подразделений, предназначенных для выполнения задач государственной безопасности, в том числе охраны государя. Однако сам Александр II угрозу безопасности оценивал не адекватно. В отличие от своего отца, который лично знакомился со всеми делами политического характера, он не уделял достаточного внимания ни политическому сыску в целом, ни вопросам обеспечения своей собственной безопасности.

Министр внутренних дел С. С. Ланской по роду предыдущей деятельности не знал специфики полицейской службы. По мнению эмигранта князя П. В. Долгорукова, человек ленивый, беспечный, глупый и трусливый, Ланской дошел до должности министра внутренних дел благодаря обширным связям в среде

масонов.[393] Возглавивший в 1856 г. Третье отделение В. А. Долгоруков, равно как и А. Е. Тимашев, назначенный в том же году управляющим отделением, были не теми личностями, кому следовало руководить политическим сыском и контрразведкой. Во время их руководства наибольшее внимание в деятельности центральной российской спецслужбы уделялось банальному пресечению, но не выявлению и предупреждению антигосударственной деятельности революционных организаций.

За безопасность в Санкт-Петербурге отвечали военный генерал-губернатор П. Н. Игнатьев и обер-полицмейстер П. А. Шувалов.

Вместо того чтобы обеспечивать безопасность государства и императора, некоторые сотрудники спецслужб принимали участие в интригах двора. Князь П. А. Кропоткин, бывший в начале 1860-х гг. камер-пажом Александра II, вспоминал слова одного из чиновников Третьего отделения:

«Слова и мнения Его Величества должны быть известны нашему отделению. Разве иначе можно было бы вести такое важное учреждение, как государственная полиция? Могу вас уверить, что ни за кем так внимательно не следят в Петербурге, как за Его Величеством».[394]

Сети тайного сыска, расставленные при Николае I для обнаружения заговоров внутри правящего класса и борьбы с революционным подпольем, оказались малоэффективными. А такой профессионал сыска, как Л. В. Дубельт, не назначенный на должность шефа жандармов в результате дворцовых интриг, просто вышел в отставку.

* * *

Окончание Крымской войны не охладило боевой пыл агрессивной части польской эмиграции, которая решила сделать ставку на горцев Кавказа. Мы уже отмечали, что контакты польских инсургентов с горцами существовали давно. А после окончания Крымской войны началась массовая отправка польских боевиков на Кавказ. Одним из ее организаторов стал участник Венгерского восстания 1848–1849 гг. и Крымской войны на стороне Турции поляк Т. Лапинский.

Во время мирных переговоров 1856 г. между коалицией и Россией англичане пытались придать независимый статус так называемой Черкесии. Наместник на Кавказе князь А. И. Барятинский отмечал, что свободный доступ к черноморским берегам может иметь для России самые невыгодные последствия.

Неспособность установить охрану всего черноморского побережья[395] привела к тому, что в гавани между Анапой и Адлером постоянно приходили суда с оружием и порохом для горцев.

Свободным доступом к побережью и воспользовался Лапинский. Экспедиция была подготовлена при поддержке английского посла в Стамбуле лорда С. Редклифа, великого визиря М. Решид-паши и лидера польской общины в Турции графа в. Замойского.

В феврале 1857 г. первая часть экспедиционного отряда (76 человек) под командованием Т. Лапинского (Теффик-бей) и венгра И. Бандьи (Мехмед-бей) высадилась с британского парохода *Kangaroo* в районе Геленджика. Половину отряда составляли поляки, остальные – венгры, англичане и шотландцы. Имея на вооружении артиллерию и нарезное стрелковое оружие, десант приступил к созданию укрепленной базы, вокруг которой стали собираться вооруженные отряды горцев. Поскольку к тому времени депортированных на Кавказ поляков насчитывалось до десяти тысяч человек, Лапинский рассчитывал на расширение своего отряда. Постепенно за счет перебежчиков и волонтеров (татары, турки, поляки, украинцы) его отряд увеличился до двухсот человек.

Отряды З. Сефер-бея, поддерживаемые артиллерией европейского «легиона», несколько раз предпринимали попытки форсировать Кубань и подойти к Екатеринодару, но результатов не достигли. Затем Бандья был обвинен в шпионаже в пользу русского царя, но… помилован (?) и освобожден. Между Лапинским и Сефер-беем возникли разногласия, и польский отряд вошел в группировку Мухаммеда Амина. Впоследствии отряд Лапинского, разгромленный русскими войсками, в панике бежал. Примечательно, что в этом сражении русскими командовал наказной атаман Черноморского казачьего войска Г. И. Филипсон, родившийся в Казани этнический англичанин. Сам Лапинский с остатками отряда некоторое время скрывался в кавказских горах, но никаких успехов не достиг.

Успехи России во многом объясняются тем, что заключение Парижского мирного договора 1856 г. позволило ей сосредоточить на Кавказе значительные силы. В декабре 1857 г. Кавказский отдельный корпус был преобразован в Кавказскую армию численностью до 200 тысяч человек. Главнокомандующий армией генерал Барятинский постепенно сжимал кольцо блокады вокруг имамата. В апреле 1859 г. пала резиденция Шамиля – аул Ведено. А к середине июня удалось подавить последние очаги сопротивления на территории Чечни. В конце августа Шамиль

сдался Барятинскому в Дагестанском ауле Гуниб. После этого большинство европейцев повстанцев предпочли покинуть Российскую империю.

* * *

Пока Лапинский безуспешно пытался способствовать возрождению «Великой Польши» путем вооруженного восстания на Кавказе, российская эмиграция направила свои усилия на пропаганду. В Политическом обозрении Третьего отделения за 1857 г. отмечалось, что «ныне же наместник Царства Польского доставил полученное им от директора ганноверской полиции показание задержанного в Мангейме польского беглеца Альберта Валенкевича о действиях Лондонского центрального революционного комитета, который состоял из главных известных в Европе демагогов, как то: Ледрю-Роллена, Бланки, Мацини, Кошута и проч., высылает будто бы в настоящее время эмиссаров для приобретения соучастников меж университетскою молодежью. Валенкевичем названы эмиссары пропаганды во Франции, Швейцарии и Германии и поименованы книгопродавцы в Берлине, Бреславле, Лейпциге, которые занимаются распространением возмутительных сочинений».[396]

Одним из авторов и издателей «возмутительных сочинений» был А. И. Герцен, в 1853 г. организовавший в Лондоне «Вольную русскую типографию». В ней во время Крымской войны была издана брошюра Н. И. Сазонова «*Родной голос на чужбине*», обращенная к русским военнопленным во Франции. Автор брошюры выдвигал требования свержения самодержавия, отмены крепостного права и предоставления независимости Польше. В 1856 г. в статье «*Место России на всемирной выставке*»[397] Сазонов пытался осмыслить судьбу России: он признавал закономерность смены капитализма социализмом, но для России считал возможным непосредственный переход к социализму через некапиталистический путь развития.

В 1855 г. началось издание альманаха «*Полярная звезда*», а с 1857 г. – газеты «*Колокол*». Герцен и присоединившийся к нему в 1857 г. Огарев стали основателями целенаправленной антирусской пропаганды и вели ее с молчаливого согласия Британской короны. По мнению обоих, предоставление Польше независимости было необходимо для освобождения самой России от царского гнета. На некоторое время «Колокол» стал связующим звеном между русскими и польскими эмигрантами. Со стороны поляков контакты с Герценом и Огаревым поддерживали И.

Лелевель, А. Неголевский, С. Ворцель и З. Свентославский. Среди наборщиков и сотрудников типографии были польские эмигранты С. Тхоржевский и Л. Чернецкий. Также в типографии работали адъютант герцога Мекленбургского князь Н. П. Трубецкой и бежавшие из России А. О. Гумницкий (А. Гончаренко) и М. С. Бейдеман.

Издания «Вольной типографии», число которых быстро росло, нелегально переправлялись в Россию. Кроме Лондона, подобные типографии открылись в Берлине, Гамбурге, Карлсруэ, Лейпциге и Париже. Обеспокоенный влиянием литературы, поступающей из-за границы, на образованных подданных империи, А. Е. Тимашев запретил розничную продажу периодических изданий на территории России. Однако первоначально режимно-заградительные и административные меры, предпринимаемые российскими спецслужбами для пресечения доставки и распространения нелегальной литературы, положительных результатов не давали. Решение о внедрении секретных сотрудников в среду политической эмиграции было принято только во второй половине 1857 г.

Но и здесь первый блин вышел комом. «Герцен получил из Петербурга письмо, которое ужасно поразило нас всех: ему сообщили, что у книгопродавца Трюбнера находится шпион между приказчиками, а именно поляк Михаловский. Являясь за книгами к Трюбнеру, русские обращались предпочтительно к Михаловскому, потому что он немного говорил по-русски; они просили сообщить им адрес Герцена. Михаловский с готовностью спешил вручить им написанный для них желаемый адрес и вместе с тем старался в разговоре выведать имя посетителя, что вовсе не представляло затруднений, так как русские ужасно доверчивы и необдуманны. В конце письма было сказано, что Михаловский, набрав порядочное количество имен, подал донос, приложив список русскому посланнику в Лондоне; последний отправил все прямо к государю. К счастью, государь, не прочитав, бросил список в камин».[398] Разоблачение произошло в октябре 1857 г., и вскоре Герцен опубликовал специальные сообщения о «шпионской» деятельности Михаловского. Мемуары Н. А. Тучковой-Огаревой подтверждаются воспоминаниями В. Р. Зотова.[399]

Мы полагаем, что Герцен действительно мог получить письмо из России с информацией о Михаловском. Однако в этой истории есть ряд невыясненных моментов.

1. Проявивший инициативу Михаловский отправил свое сообщение по линии МИД, а значит, о письме знал крайне ограниченный круг лиц.

2. Доброжелатель указал, что император сжег письмо, не читая, но при этом сообщил, что это был донос с приложением некоего списка имен. Соответственно, можно предположить, что автор письма (либо тот, кто стоял за ним), зная о содержании, представил государю донос Михаловского как «гнусность».

Вероятнее всего, здесь имело место скрытое противостояние Министерства иностранных дел и Третьего отделения, а желание досадить «смежникам» зачастую перевешивало государственные интересы.

* * *

В Италии в этот период произошло событие, которое впоследствии станет примером (и основным тактическим приемом) для российских террористов. В конце 1857 г. группа итальянских революционеров – Ф. Орсини, Д. Пьери, А. Гомес и К. Д. Рудио – составили заговор против Наполеона III. Вечером 14 января 1858 г. Орсини и его товарищи бросили три бомбы, начиненные гремучей ртутью, в императорскую карету. В результате покушения погибли восемь человек, 142 были ранены, но ни сам император, ни его супруга не пострадали. Следствие установило, что бомбы были изготовлены в Англии, что стало поводом к ухудшению англо-французских отношений. Дело дошло до того, что во французских газетах начали помещать списки офицеров, готовых начать «охоту за бандитами в их собственном логове». Орсини и Пьери закончили жизнь на эшафоте, но поведение Орсини перед казнью, его письма к императору и к итальянской молодежи вынудили Наполеона III пересмотреть и изменить политику в отношении итальянских государств.

* * *

В конце 1850-х гг. российская секретная служба была вынуждена констатировать успехи эмиграции в области пропаганды. В политическом обозрении Третьего отделения за 1858 г. отмечалось, что «несколько раз уже были делаемы распоряжения к строжайшему наблюдению по границам нашим и внутри Империи, дабы не было допускаемо ни ввоза в Россию изданий Герцена и других вредных сочинений, ни обращения их в наших пределах; но, несмотря на это, помянутые книги или выписки из них появляются у довольно многих лиц. Кроме

водворения оных скрытыми путями и привоза путешественниками, заграничные комиссионеры иногда, без всякого требования, присылали подобные книги к нашим правительственным или частным лицам и к книгопродавцам. <…>

Донесения штаб-офицеров Корпуса жандармов доказывают, что запрещенные издания преимущественно обращаются в С.-Петербурге и Москве. В губерниях Западных, Прибалтийских и в Финляндии, где русские книги не читаются, о сочинениях Герцена почти не знают. Во внутренних губерниях известны более других изданий „Колокол“ и „Голоса из России“. Впрочем, сколь трудно приобретать у нас подобные книги, видно из того, что даже случайные люди, желающие из любопытства иметь о них понятие, иногда, при всем старании своем, не могут их достать. Если они передаются от одного к другому, то с величайшею осмотрительностью и лишь по личной особенной доверенности.

Обнаружение, кем и какими способами пересылаются из России за границу рукописи неблаговидного содержания, составляло предмет особенного внимания. Но сношения эти производятся с такою осторожностью, что, хотя имеется отдаленное подозрение на нескольких лиц: Кошелева, Самарина, Селиванова, Павлова, Погодина, Пальчикова, Тетеру и других, однако ж, доселе не было возможности их обличить <…>

По всему вышеизложенному необходимость заставляет ограничиться ныне принятыми мерами, т. е. общим таможенным досмотром, обыском тех лиц, которые заподозрены, и секретным наблюдением».[400]

Секретное наблюдение за эмигрантами пока еще находилось в стадии становления – ранее Заграничная агентура, устанавливая корреспондентскую сеть и каналы распространения антиправительственной литературы, ограничивалась наружным наблюдением. Выполнить это было непросто по двум причинам. Во-первых, в Третьем отделении еще не имелось достаточно квалифицированных кадров, работающих непосредственно в среде российской эмиграции. Во-вторых, корреспондентские связи Герцена на тот момент были хорошо ограждены системой «почтовых ящиков» (адресов), специальными шифрами и другими мерами конспирации.

Навыки конспирации эмигранты постигали и с помощью иностранных инструкторов. В воспоминаниях народовольцев, в частности, отмечается, что рецепт химических чернил был получен ими от Дж. Мадзини. Система построения подпольных организаций по принципу «пятерок» также заимствована из западного опыта.

Тем не менее в 1858 г. сотрудникам Третьего отделения удалось раскрыть некоторых корреспондентов, направлявших Герцену материалы из России. Были арестованы и сосланы под надзор полиции Г. И. Миклашевский и Ю. Н. Голицын.

В конце 1850-х гг. в Российской империи среди части разночинцев и мелкопоместного дворянства получает распространение теория народничества (русского социализма). Идеологами этой теории являлись М. А. Бакунин, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. П. Огарев, Н. И. Сазонов, Н. Г. Чернышевский, которые выдвигали цель «достижения социализма как общества справедливости». Во главу угла ставилась сельская община с ее коллективизмом и самоуправлением. По мнению народников, России надлежало миновать период капитализма с его неизбежными пороками и двигаться непосредственно от крепостничества к социализму. При этом преобразования желательно было провести «сверху» (с помощью радикальных реформ), чтобы избежать кровавой революции «снизу». Именно в этот период «Огарев и Герцен пришли к решению, что в России создание тайного общества „полезно, возможно и необходимо“». [401]

В 1858 г. по обвинению в пытках во время допросов был арестован комиссар полиции Пруссии Вильгельм Штибер. Суд оправдал его за недоказанностью вины, но под давлением общественности комиссар лишился должности. Заметим, что прусская полиция тех лет была службой многопрофильной: ее сотрудники занимались охраной высших должностных лиц, цензурой, разведкой и контрразведкой, политическим и уголовным сыском. Что же касается Штибера, то, по одним данным, он был приглашен в Петербург, по другим – приехал самостоятельно, но, как бы там ни было, этот человек способствовал реорганизации российских спецслужб (в основном службы криминального сыска).[402] Разумеется, не забывал он и об интересах Пруссии, и эта сторона его деятельности не осталась незамеченной соответствующей службой российской контрразведки. Мастер интриги и шпионажа, Штибер сотрудничал и с Третьим отделением – в части обеспечения безопасности российского императора во время его пребывания за границей.

В 1859 г. в эмиграцию отправился представитель высшей российской знати – «князь-республиканец» П. А. Долгоруков. Кроме немалых денег, он вывез огромное количество документов, в том числе и секретных, которые собирал и систематизировал в течение двадцати предыдущих лет. В этих документах содержались весьма нелицеприятные сведения не только о самых

знатных фамилиях Российской империи, но и об императорской семье. Будучи обозлен на правящую верхушку, которая не допустила его, «такого умного и талантливого», ко двору, Долгоруков пригрозил через герценовский «Колокол», что задаст «соли и перца» «большим персонам» в Петербурге. Естественно, этот демарш напугал многих, и шеф жандармов Василий Долгоруков, кузен эмигранта, стал прилагать всевозможные усилия для возвращения своего опального родственника и его архива в Россию.

Развернувшаяся «битва бульдогов под ковром» сыграла в деятельности Третьего отделения и его Заграничной агентуры крайне отрицательную роль. И так не очень значительные силы и средства политической полиции были брошены не на борьбу с истинными заговорщиками, а на междоусобицу в дворянских верхах.

В конце апреля 1859 г. началась австро-итало-французская война, которая положила начало объединению Италии «сверху» под главенством правившей в Пьемонте Савойской династии. Одним из героев этой войны стал Джузеппе Гарибальди, командовавший корпусом альпийских стрелков. В следующем году Гарибальди сформировал добровольческий отряд (знаменитую «тысячу»), во главе которого выступил на помощь восставшим на острове Сицилия. В составе «тысячи» были и русские: отставной полковник Н. П. Дитмар, переводчик Л. И. Мечников и М. С. Бейдман. Последний окончил военное училище, а затем тайно покинул Россию и сотрудничал с Герценом.

В 1860 г. бежал за границу и обосновался в Лондоне один их разоблаченных герценовских корреспондентов Ю. Н. Голицын.

В это же время в Париже издается книга Ф. Духинского «*Peuples Aryas et Tourans*», в которой автор задолго до Гитлера провозгласил расовую теорию защиты Европы от «варварской Московии». Основная идея этого окатоличенного украинца заключалась в противопоставлении «культурных» и «отсталых» народов. По Духинскому, поляки и украинцы (последних автор и именует «русскими») являются народами арийскими, а «москали» – это «народ туранский», произошедший от смеси монголов и финнов.[403] «Россией», по Духинскому, должна считаться Малороссия, а «настоящий русский» (то есть украинский) язык является диалектом польского языка. «Московский русский язык» – это поверхностно усвоенное «монголо-финскими варварами» под влиянием Рюриковичей славянское наречие. На основании вышеизложенного Духинский делает вывод, что Московия – это варварская азиатская страна, представляющая угрозу европейской культуре. Защитить Европу

от восточных варваров может только Великая Польша, восстановленная в границах 1772 г.

Расистская теория Духинского получила распространение на Западе, причем некоторые ее элементы присутствуют в умах части западной и украинской общественности до сих пор.

В 1860 г. дипломат и разведчик генерал-адъютант граф Н. П. Игнатьев в докладной записке на имя Александра II предложил реорганизовать систему охраны государя. Но император, любивший вести открытый образ жизни, счел подобные меры преждевременными и ограничился усилением Главного караула Зимнего дворца.

После ухода П. А. Шувалова в МВД в руководстве столичной полицией началась кадровая чехарда. В июне 1860 г. петербургским обер-полицмейстером назначается А. Л. Потапов. Но уже в ноябре его сменяет друг детства императора А. В. Паткуль.

Государь не подозревал, что близкие к Н. Г. Чернышевскому сотрудники «Современника» М. А. Антонович и Г. З. Елисеев уже вынашивали планы похищения цесаревича. Для реализации замысла заговорщики планировали использовать несколько сотен революционно настроенных вооруженных студентов. Отметим, что в то время около трети студентов Петербургского университета составляли поляки. Во время студенческих волнений предполагалось «отправиться в Царское Село, напасть на дворец и захватить наследника; затем немедленно телеграфировать царю в Ливадию: или тот должен тотчас же дать конституцию, или пожертвовать наследником…».[404]

Двадцать первого января 1861 г. был упразднен Жандармский полк. Вместо него для несения военно-полицейской службы как в мирное, так и в военное время были учреждены:

а) один жандармский эскадрон при Главной квартире 1-й армии;

б) один жандармский полуэскадрон при штабе Сводного кавалерийского корпуса;

в) по одной команде при штабах Отдельного гренадерского и 1-го – 6-го армейских корпусов.

Второго февраля принимаются меры к усилению личной охраны императора. В этот день государь повелел:

«Л.-Гв. Черноморский казачий дивизион соединить с Линейным казачьим эскадроном Конвоя Его Величества, образовав, по новому положению, Л.-Гв. 1-й, 2-й и 3-й Кавказские казачьи эскадроны Собственного Его Императорского Величества Конвоя».[405]

Конвой числился в составе Министерства Императорского

двора. 1-й и 2-й эскадроны комплектовались казаками Кубанского казачьего войска, в 3-й эскадрон направлялись казаки Терского казачьего войска. В составе Собственного Его Императорского Величества конвоя числилось 18 офицеров, 54 унтер-офицера, 12 трубачей и 492 казака. Командовал конвоем полковник Д. И. Скобелев. В Зимнем дворце один взвод конвоя выставлял посты в Большом Фельдмаршальском зале, в Помпеевской галерее и в Малом Фельдмаршальском зале, в кабинете и у опочивальни императора. Когда государь находился в Царском Селе, Петергофе или Красном Селе, от конвоя туда направлялся взвод при двух офицерах. Дополнительно в Петергоф наряжалась конная команда из двенадцати человек при унтер-офицере, осуществлявшая патрулирование взморья разъездами.

Важнейшим политическим решением Александра II является отмена крепостного права. Из 62 миллионов человек, проживавших в Российской империи, около 90 процентов составляли крестьяне, из них крепостными были около 35 процентов, то есть практически 20 миллионов человек. В отличие от дворянства и горожан, крестьяне не имели никаких письменно оговоренных прав. Самодуры-помещики, только по приблизительным данным, убивали в год не менее пятнадцати крепостных. Ответом были убийства помещиков (до десяти человек в год) и поджоги усадеб. Напряжение в сословной среде все более нарастало, и 19 февраля 1861 г., не без влияния прогрессивных сотрудников Третьего отделения и МВД, лучше других представлявших истинное положение крестьян, был издан высочайший указ об отмене крепостного права. После отмены крепостного права Александра II стали именовать Освободителем.

В США в феврале 1861 г. было предотвращено покушение на жизнь президента Авраама Линкольна, которое организовали его противники в штате Мэриленд. Заговор был раскрыт благодаря главе частного сыскного агентства Аллену Пинкертону. Один из пинкертоновских сотрудников, Гарри Дэвис, работавший в Балтиморе под именем «Джо Говард из Луизианы», сумел проникнуть в группу заговорщиков и узнать их планы.

Во время приезда Линкольна в Балтимор несколько заговорщиков должны были затеять драку; в этот момент другая группа, отобранная в результате жеребьевки, осуществила бы убийство президента на вокзале или, если не получится, во время следования Линкольна в открытом экипаже. Шеф балтиморской полиции Кейн сочувствовал заговорщикам, а охрана президента, как таковая, отсутствовала. В поездке из Спрингфилда, штат Иллинойс, в Вашингтон Линкольна сопровождали лишь

несколько друзей и единомышленников. И если бы не Пинкертон…

Двадцать первого февраля директор железной дороги Сэмюэль Фэлтон и друг Линкольна Норман Джадд устроили в Филадельфии встречу президента с сыщиком, который представил доказательства балтиморского заговора. Одновременно информацию о заговоре получил и начальник полиции Нью-Йорка Джон Кеннеди, который самовольно приказал капитану полиции Джорджу Уоллингу послать сыщиков в Балтимор и Вашингтон.

«Слишком много серьезных опасностей грозило человеку, олицетворявшему федеральную власть. Президент должен был выступать вечером того же дня в Гаррисбурге на банкете, устроенном в его честь. Но ему предусмотрительно дали возможность рано покинуть банкетный зал и проехать к малоизвестному запасному пути, где уже стоял под парами специальный поезд, состоявший из одного вагона. Этой исторической поездкой распоряжались Фэлтон и Пинкертон, которым помогали верные и преданные люди. Внезапный отъезд Линкольна был объяснен приступом сильной головной боли.

По железнодорожной линии, на которой всякое движение было заранее прекращено, в затемненном вагоне, прицепленном к мощному паровозу, Линкольна доставили в Филадельфию. Здесь он пересел в обычный ночной поезд дороги Филадельфия – Уилмингтон – Балтимор, задержанный якобы для принятия важного багажа, который должен был в ту же ночь попасть в Вашингтон. Формально сданный кондуктору Литценбургу, тот содержал в себе лишь газеты 1859 года, адресованные Э. Дж. Аллену, отель Уилларда, Вашингтон.

По прибытии в Филадельфию президент сдержал свое обещание и подчинился всем мерам предосторожности, какие требовала охрана. Он позволил изобразить себя инвалидом, причем знаменитая миссис Кэт Уорн из пинкертоновского штаба фигурировала в роли его сердобольной сестры. Оставив за собой три последних купе последнего спального вагона в поезде, вся группа – Линкольн, Уорд Ламон, миссис Уорн, Пинкертон и его грозный генерал-суперинтендант Джордж Бангс – могла сесть в поезд, не привлекая к себе внимания пассажиров. Три работника секретной службы были вооружены.

Решив узнать, что стало с разведчиками Уоллинга, начальник нью-йоркской полиции Кеннеди сел в тот же поезд, абсолютно неузнанный частными сыщиками, которые в случае надобности должны были получить в его лице надежное подкрепление.

Но про себя Аллен Пинкертон решил не допускать никаких

случайностей. По его предложению Фэлтон послал бригады специально подобранных рабочих красить железнодорожные мосты. Нанося белый слой вещества, которое, как надеялись, сделает [деревянные] мосты несгораемыми, рабочие эти одновременно могли быть использованы в качестве физической силы в случае мятежа или других актов насилия. Помимо этого, на всех переездах, мостах и запасных путях были размещены вооруженные агенты Пинкертона, снабженные сигнальными фонарями. Уэбстер и Дэвис находились в наиболее важных пунктах: первого вызвали из Перримена в Перривилл, где поезд перевозили на пароме через реку Сасквеханну.

Заключительное предупреждение получено было от Уэбстера. Тот сообщил, что отряды рабочих-железнодорожников проходят муштровку якобы для охраны имущества дороги Филадельфия – Уилмингтон – Балтимор. В действительности же, по его мнению, те намеревались не охранять имущество дороги, а разрушать его по сигналу о начале мятежа.

Таково было общее положение. Аллан Пинкертон разместился на задней площадке вагона, в котором спал новоизбранный президент; он изучал местность, по которой проезжал, и получал сигналы от людей, расставленных вдоль дороги.

Поезд мчался, все более углубляясь, на территорию врагов Линкольна. Но у каждого мостика и важного пункта вспыхивали успокоительные лучи фонарей – „все в порядке“. У Балтимора ни малейших признаков тревоги – ничего не подозревавший город мирно спал. В те дни спальные вагоны, направлявшиеся в столицу, приходилось перетаскивать с помощью конной тяги по улицам Балтимора на вокзал вашингтонской линии. Можно себе представить настроение, с которым небольшая группа спутников Линкольна, сидя в вагоне, проезжала по улицам города, полного заговорщиков. Переезд прошел без всяких осложнений, но пришлось два часа дожидаться поезда, который опаздывал».[406]

Так Линкольн уклонился от возможных убийц в Балтиморе и 23 февраля 1861 г. прибыл в Вашингтон.

* * *

Реформы, начатые царем-Освободителем, были восприняты в российском обществе неоднозначно. Большинство подданных поддерживало их, но часть общества резко критиковала. Консерваторы (в основном представители правящих классов) полагали, что реформы России ни к чему, что государь вступил

на гибельный для страны путь. Либералы (в основном разночинцы) упрекали императора за слишком медленные преобразования и считали его реакционером.

С начала 1860-х гг., с подачи писателя П. Д. Боборыкина, разночинцев стали именовать интеллигенцией. Парадокс ситуации заключался в том, что непримиримыми противниками монархии стали люди, явившиеся порождением реформ Александра II.

После отмены крепостного права в ряде губерний произошли антиправительственные выступления крестьян, считавших, что их обманывают помещики. За 1861 г. зарегистрированы волнения в 1176 имениях. В 337 случаях на их подавление высылались войска, 191 раз крестьяне оказывали сопротивление полиции, нападали на солдат и т. п. Наиболее крупными были Кандеевское (Керенский уезд Пензенской губернии) и Бездненское (Спасский уезд Казанской губернии) выступления. В апреле 1861 г. в них погибли 19 и 92 человека соответственно. Жестокое подавление бунтов породило упреки в реакционности проводимого государем курса со стороны разночинцев, значительная часть которых с начала 1860-х гг. поддерживала проповедовавшиеся Герценом антимонархические идеи.

В апреле 1861 г. началась Гражданская вой на в США (Война между Севером и Югом), которая была вызвана как экономическими (таможенные пошлины, экстенсивное сельское хозяйство), так и политическими (рабство, растущая иммиграция) причинами. Несколько ранее, 4 февраля, после того как президентом США был объявлен Авраам Линкольн, шесть южных штатов – Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Флорида и Южная Каролина, вышедшие из состава США, – образовали Конфедеративные Штаты Америки. Второго марта к ним присоединился Техас, а после начала боевых действий в Конфедерацию в апреле – июне 1861 г. вступили Виргиния, Арканзас, Теннесси и Северная Каролина. Население двадцати трех северных штатов составляло 22 миллиона человек, здесь располагалась практически вся металлургическая, текстильная и оружейная промышленность, 70 процентов железных дорог и 81 процент банковских депозитов. Население южных штатов, часть которого не поддерживала конфедератов, составляло около девяти миллионов человек, в том числе 3,6 миллиона рабов. Боевые действия велись в основном вдоль железных дорог и рек, облегчавших переброску и снабжение войск.

* * *

Вероятно, именно события в Казанской и Пензенской губерниях убедили Александра II в неспособности части губернаторов справиться с крестьянскими выступлениями. Неудовлетворенность царя привела к смене руководства МВД – именно к этому ведомству и были приписаны губернаторы. Двадцать третьего апреля 1861 г. министром внутренних дел стал П. А. Валуев, являвшийся противником расширения политических свобод.

Весьма примечательно, что сразу после бездненских событий, глава Третьего отделения Долгоруков направил к находящемуся в отставке И. П. Липранди своего доверенного помощника А. К. Гедерштерна, чтобы узнать мнение опытнейшего сотрудника секретной службы о положении дел в стране.

Тридцатого апреля Гедерштерн доложил Долгорукову:

«Из разговоров Липранди я мог заключить, что он предвидит для России смуты и потрясения и повторение Варфоломеевой ночи. Черные эти мысли основывает он: на общем неудовольствии всех классов народа, на шаткости правительственных мер, на дурном выборе начальствующих лиц, как о том удостоверяет каждое выходящее из обыкновенного круга событие, например в Варшаве, особенно же на затруднениях, готовящихся положением о помещичьих крестьянах, которое не только не понятно для них, но при исполнении должно представить противоречия и непреодолимые препятствия и тем самым даст повод к жалобам, к ослушанию, к посягательству на имущество и жизнь дворян и к открытым возмущениям. Между тем работы остановятся, окажется недостаток в хлебе, и затем один Бог знает, что произойдет на Руси.

Внешние враги Империи, все польское ее население и в самой России – нерасположенные к правительству и стремящиеся к его преобразованию по учению Герцена и революционеров вообще понимают затруднительные обстоятельства, накопляющиеся с разных сторон и с которыми бороться правительству при безденежье и недостатке кредита почти не по силам. Посему, к несчастью, должно опасаться дурного исхода…».[407]

Наступило время, когда революционные настроения захватили все общество.

«Служили в правительственных канцеляриях, – писал активный участник событий Н. В. Шелгунов, – и в то же время разносили революционные прокламации; секретари Сената предупреждали о вопросах, которые будут задаваться политическим преступникам; плац-адъютанты устраивали свидания с заключенными, передавали записки, жандармы и полицейские чиновники предупреждали об обысках и арестах,

дочери жандармских штаб-офицеров посылали букеты политическим каторжникам».[408]

В июне в Петербурге стала распространяться нелегально изданная революционная прокламация «*Великорус*». Автор (или авторы) прокламации критиковал крестьянскую реформу 1861 г. и требовал передачи крестьянам всех земель, которыми они пользовались до реформы, с выкупом «на счет всей нации». В прокламации указывалось на необходимость введения суда присяжных, свободы печати и исповеданий, самоуправления, устранения сословных привилегий. Авторство «Великоруса» достоверно не установлено и в настоящее время. Однако косвенные признаки – в первую очередь то, что прокламация была отпечатана в типографии Николаевской академии Генерального штаба, – и мемуары современников позволяют предположить, что к ее изданию были причастны офицеры В. Ф. Лугинин, Н. Н. Обручев и П. П. Трубецкой.

Неудачи политической полиции в борьбе с оппозицией привели в августе 1861 г. к назначению на должность начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего Третьим отделением П. А. Шувалова. Шувалов лично вел дело М. С. Бейдмана, в 1861 г. нелегально прибывшего в Россию и после ареста признавшегося в подготовке покушения на императора. Это дело было настолько секретным, что не нашло отражения в отчете Третьего отделения, а после окончания следствия Бейдман был на 20 лет заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Возможно, связи Бейдмана вели к российским «лондонским сидельцам» или очередному «орсиниевскому» заговору, инспирированному Дж. Мадзини.

В сентябре 1861 г. в Петербурге распространялась другая прокламация – «*К молодому поколению*», написанная Н. В. Шелгуновым при участии М. И. Михайлова и отпечатанная в лондонской типографии Герцена. Как и в «Великорусе», в ней критиковалась крестьянская реформа. Кроме того, в прокламации содержался призыв к молодежи бороться с самодержавием, составлять «кружки единомыслящих людей» и искать союза с народом и солдатами. От императора требовалось пойти на политические реформы, ибо в противном случае «вспыхнет всеобщее восстание» и восставшие «придут к крайним мерам».

Второй и третий номера «Великоруса», распространяемые в столице в сентябре и октябре, требовали «безусловного освобождения Польши» и созыва Учредительного собрания, которое должно было разработать и ввести конституцию, предоставляющую демократические права и свободы всем гражданам. Автор «Великоруса» предсказывал неизбежность

народного восстания летом 1863 г., если «образованные классы» не заставят власть устранить причины недовольства.

В сентябре – октябре 1861 г. в Петербурге, Москве, Казани и Киеве произошли студенческие волнения, связанные как с бурно обсуждавшимся в либеральных кругах проектом нового университетского устава, так и с недовольством студентами отсутствием политических преобразований. Правительство, пытаясь подавить студенческие волнения, отменило студенческое самоуправление и льготы для бедных. Эти меры вызвали массовые студенческие беспорядки, сопровождавшиеся погромами и поджогами. В Москве агенты полиции распустили слух, что «господа студенты» бунтуют, требуя восстановить крепостное право. Эта провокация привела 12 октября к избиению студенческой демонстрации «охотнорядцами» при поддержке полиции и казаков. После студенческих беспорядков петербургский военный генерал-губернатор П. Н. Игнатьев был заменен А. А. Суворовым.

В конце октября систематическое наружное наблюдение с помощью извозчиков было установлено за Н. Г. Чернышевским. Стационарное наблюдение за квартирой писателя осуществлялось из комнаты, специально снятой в доме напротив. С 17 ноября агентурные сообщения о том, что делал «объект», кто у него бывал, куда он выезжал, с кем встречался и т. п., поступали в Третье отделение почти ежедневно.

Вероятно, совокупность всех этих событий привела к усилению охраны Александра II. В конце 1861 г. по высочайшему повелению было собрано Особое совещание для выработки плана мер охраны императорской фамилии и по Главному караулу Зимнего дворца. В совещании приняли участие военный министр Д. А. Милютин, шеф жандармов В. А. Долгоруков, петербургский военный губернатор А. А. Суворов, временно исполняющий должность командующего Гвардейским корпусом великий князь Николай Николаевич (старший) и начальник штаба Гвардейского корпуса. Восьмого декабря 1861 г. по докладу министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга специально для охраны Зимнего дворца была учреждена инструкция для особой *Команды городовых стражей*.

Команде поручалось осуществлять охрану всех восьми подъездов дворца: Его Величества, Ее Величества, наследника, Государственного совета, Комитета министров, Иорданского, Министерского и Комендантского. Личный состав команды определили в тридцать человек: три смены на каждый подъезд и шесть человек в резерве. Подбором кадров руководил лично военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга. Команду

сформировали из лучших городовых (фельдфебелей и унтер-офицеров) и околоточных надзирателей, а также отставных гвардейских унтер-офицеров. Всем им полагалось носить форму надзирателей петербургской полиции; жалованье составляло 411 рублей в год из сумм Министерства Императорского двора. Первоначально по вопросам службы Команда городовых стражей подчинялась приставу 1-й Адмиралтейской части. Кадровые вопросы решались петербургским обер-полицмейстером.

Произошли очередные изменения и в руководстве политической полиции. Четырнадцатого декабря на место П. А. Шувалова заступил А. Л. Потапов. Примечательно, что о деятельности Шувалова в 1862 г. не имеется практически никаких сведений. Это (учитывая его дальнейшую карьеру) позволяет сделать достаточно аргументированное предположение, что в это время он исполнял личные секретные поручения Александра II. Под руководством Потапова Третье отделение активизировало работу против Герцена, Чернышевского и внутренней российской оппозиции.

В конце 1861 г. по инициативе братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, А. А. Слепцова, Н. Н. Обручева, В. С. Курочкина и др. разрозненные группы разночинцев приступили к созданию единой организации. Идейными вдохновителями оппозиции являлись Герцен, Огарев и Чернышевский.

Тогда же в Царстве Польском по инициативе поручика В. Т. Каплинского и подпоручика А. А. Потебни формируется нелегальная военная организация *Комитет русских офицеров* (в основном поляков на русской службе) *в Польше* (*КРОП*); отделения комитета были также в части западных губерний России. Комитет представлял собой федерацию бригадных, полковых и батальонных кружков 1-й армии.

Некоторые историки считают, что стремление оппозиционеров к объединению было вызвано исключительно объективными причинами во внутренней жизни страны. Но есть и другая точка зрения: что процесс создания антиправительственного подполья в Российской империи был следствием внешнего воздействия масонских сил, ставленниками которых являлись Герцен и Чернышевский. Чернышевского даже называют главой «ордена русской интеллигенции» (или «ордена русских иллюминатов»). По нашему мнению, истину следует искать посередине. Плюс – воздействие извне. С точки зрения геополитики, любое государство всегда будет пытаться оказать влияние на соседние и на более отдаленные страны, в том числе ослабляя их с помощью внутренних конфликтов. Для этого используются государственные и негосударственные структуры,

включая международные организации.

В отчете Третьего отделения за 1861 г. отмечалось, что «осторожность требовала учредить в Лондоне самое близкое секретное наблюдение как за политическими выходцами, так и за их посетителями. Предпринятые по сему предмету меры имели полный успех. Одному отправленному отсюда с этой целью лицу удалось приобресть доверие Герцена и Бакунина, которые чрез несколько времени, видя в нем полезного соучастника в деле революции, объяснили ему задуманную ими программу. Сия программа, в общих ее чертах, состоит в том, чтобы на всем пространстве России учредить отдельные кружки – каждый из пяти лиц, не более, – привлекая в члены кружков, кроме образованного класса, и мещан, и дворовых людей, как посредников между тем классом и низшим слоем народа; на составленные же таким образом кружки возложить, как ближайшую задачу, утверждение крестьян в мысли, что земля принадлежит и должна принадлежать им; вместе с тем поколебать всеми средствами доверие народа к правительству, склонять войска на сторону переворота…».[409]

Зимой – весной 1862 г. в структурах безопасности происходят следующие события. В марте петербургским обер-полицмейстером (третьим за последние полтора года) назначается начальник 1-го (Петербургского) округа Корпуса жандармов И. В. Анненков. Команду городовых стражей, которую к тому времени стали именовать Дворцовой городовой стражей или Дворцовой стражей, подчинили флигель-адъютанту императора полковнику А. М. Рылееву, в его же подчинении находились и два пристава 1-й Адмиралтейской части.

За границу направляются руководитель Заграничной агентуры А. К. Гедерштерн и секретные сотрудники В. О. Мейер, Г. Г. Перетц и М. С. Хотинский.

В мае под председательством А. Ф. Голицына учреждается *Секретная следственная комиссия по делам распространении революционных воззваний*. Комиссия подчинялась непосредственно императору, оставалась вне прокурорского надзора и могла создавать отделения на местах. Таким образом, Александр II получил еще один независимый источник информации.

В мае 1862 г. императорская семья переехала в Царское Село. Вместе с ней перебазировалась и Дворцовая стража, которая несла охрану той царской резиденции, в которой в данный момент находился император. Большой Царскосельский дворец охранялся по аналогии с Зимним дворцом. Чины Дворцовой стражи (21 человек) держали под надзором не только входы во

дворец, но и ближайшую к нему парковую зону. Наружную и внутреннюю охрану несли также казаки Конвоя (один взвод). Дополнительно безопасность императора обеспечивали и агенты Третьего отделения (25–45 человек), которые вели негласное наблюдение за лицами, отъезжающими из столицы в царскую резиденцию, а также за населением ближайших деревень. Полковник Рылеев поддерживал постоянную связь с военным комендантом Царского Села и начальником царскосельского гарнизона. Царскосельский и Зимний дворцы были оснащены телеграфными станциями. Летом 1862 г., после переезда императорского двора в Петергоф, под охрану были взяты Большой дворец, а также Верхний и Нижний сады и побережье Финского залива.

Параллельно с усилением охраны императора продолжались и оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, подозреваемых в антигосударственной деятельности. Оперативникам Третьего отделения удалось привлечь к сотрудничеству швейцара, служившего в доме, где проживал Чернышевский, отставного унтер-офицера Шульце, и получать через него для просмотра корреспонденцию «фигуранта». В качестве кухарки к Чернышевскому внедрили супругу швейцара, которая передавала на Фонтанку документы, предназначенные для сожжения. (Таким образом достигалась комплексность наблюдения.)

Благодаря информации, полученной от Перетца, при возвращении в Петербург на пароходе был арестован отставной коллежский секретарь П. А. Ветошников, у которого при обыске обнаружили зашифрованные письма Герцена, Огарева и Бакунина к разным лицам, а также списки и адреса некоторых корреспондентов Герцена. Российские специалисты сумели эти письма расшифровать.

Седьмого июля 1862 г. арестовали Чернышевского. В результате обысков были изъяты шифрованные письма, которые также удалось прочитать.

Началось следствие по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, С. С. Рымаренко, А. А. Яковлев (всего более ста человек) были арестованы; А. А. Серно-Соловьевич эмигрировал.

В сентябре 1862 г. для выявления заграничных связей Герцена в Париж, а затем в Лондон под легендой графа Альберта Потоцкого был направлен секретный сотрудник Ю. Ф. Балашевич. Отметим, что на оперативном уровне сотрудники специальных служб Российской империи умели работать достаточно

квалифицированно, чего нельзя сказать о некоторых их руководителях. Именно из-за недостаточно компетентного руководства политической полицией и рядом других охранных служб империи серьезных системных агентурных позиций в антиправительственных организациях на тот момент не было. А оппозиционеры продолжали наращивать усилия в борьбе с монархией, особенно в Царстве Польском.

Весной продолжалось структурирование Комитета русских офицеров в Польше (КРОП). Отметим, что численность католиков (в основном поляков) в 1-й армии была высокой: в 1-м корпусе – 42 процента офицеров и 75 процентов унтер-офицеров и рядовых; во 2-м корпусе – 41 процент и 66 процентов; в 3-м корпусе – 22 процента и 80 процентов соответственно. Наряду с поляками в состав кружков в незначительном количестве входили в основном окатоличенные литовцы, украинцы, белорусы и русские. После ареста Каплинского в апреле 1862 г. комитетом руководили А. А. Потебня, Я. Домбровский, З. Падлевский. Членом комитета был поручик К. И. Крупский (отец жены В. И. Ленина Н. К. Крупской). Комитет установил связи с польскими сепаратистами и эмигрантскими центрами в Лондоне.

В июле 1862 г. 1-я армия и подчиненные ей корпуса были упразднены, а входившие в них части и подразделения подчинены вновь образованным военным округам: Варшавскому, Виленскому и Киевскому. Несмотря на передислокацию частей, до октября 1862 г. происходили количественный рост и внутренняя консолидация кружков КРОП: в них числилось до двухсот человек. Наиболее известными являлись кружки в 4, 5, 6 и 7-м стрелковых батальонах; Ладожском, Муромском, Смоленском и Шлиссельбургском пехотных полках; 4, 5 и 6-й артиллерийских бригадах. Члены комитета вели агитационно-пропагандистскую деятельность: распространяли печатные и рукописные прокламации и запрещенные издания, привозимых из обеих столиц или из-за границы. С ноября 1862 г. началась подготовка к вооруженному восстанию в Царстве Польском.

В число основных разработчиков плана вооруженного восстания в Польше входил один из руководителей КРОП, член польского Центрального национального комитета Ярослав Домбровский, окончивший Николаевскую академию Генштаба. План был основан на совместных действиях польских сепаратистов и русских антиправительственных сил. О высоком уровне конспирации офицеров-заговорщиков и качестве их связей свидетельствует следующий факт. Когда в августе 1862 г. арестованный Домбровский содержался в Варшавской цитадели, он продолжал поддерживать контакты с обеими организациями и

участвовать в разработке детализированных планов. Это доказывает, что агентурно-оперативная деятельность Третьего отделения в военной среде находилась далеко не на должном уровне, и во многом из-за позиции высшего руководства.

По воспоминаниям участника событий, привлечение новых членов нелегальных кружков происходило буднично. «Нарисовав картину тогдашнего положения наших внутренних дел, указав на всеобщее недовольство, господин с пенсне [А. А. Слепцов] обратил наше внимание на то, что никаких настоящих реформ нельзя ждать от правительства. <…> Но народ не организован; единичные же усилия, каким бы героизмом они ни отличались, ничего не могут дать. Поэтому нужна организация. <…> Затем господин с пенсне заявил, что начало такой организации уже положено. „Вся Россия, – продолжал он, – в революционном отношении, в силу естественных и исторических условий, распадается на районы: северный – там есть еще места, где в народе до сих пор сохранилась память о вечевом строе; волжский, где Стенька Разин и Пугачёв навсегда заложили семена ненависти к существующему строю; уральский с его горнозаводским населением; средне-промышленный; казачий. Что касается до Литвы и Малороссии, то здесь должны действовать свои собственные организации; с ними великорусская организация, конечно, обязательно входит в самые тесные отношения, но как равная с равными“. Далее мы были посвящены в некоторые детали организации; помнится, все дело сводилось на целую иерархию пятерок. В Петербурге имеется центральный комитет (оратор и его сотоварищ были не более как скромные агенты центрального комитета, даже сами не знали которой степени, – так строго выдерживается в организации, тайна!); в каждом районе свой комитет, но, понятно, главное руководительство принадлежит центральному комитету».[410]

В конце лета 1862 г. петербургский кружок стал называться *Русский центральный народный комитет*, с этого же времени утвердилось название «*Земля и воля*». Его руководители (Н. И. Утин, Г. Е. Благосветлов, Г. З. Елисеев, Н. С. Курочкин, Н. Н. Обручев) предполагали объединить на федеративных началах подпольные кружки в разных городах. Подобные кружки существовали в Петербурге, Москве, Твери, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Астрахани, Перми, Вологде, Курске, Туле, Полтаве и, возможно, в Таганроге. Самыми крупными были петербургский и московский кружки. Первый возглавляли Н. И. Утин и А. А. Слепцов, второй – Ю. М. Мосолов и Н. М. Шатилов. Некоторые кружки поддерживали связь с Герценом, Огаревым и Бакуниным. В качестве общей политической платформы были

приняты положения, сформулированные в статье Огарева «*Что нужно народу?*» (1861 г.): освобождение народа от чиновничества, крестьянское самоуправление, сокращение армии наполовину и т. п. Землевольцы приступили к нелегальной издательской деятельности, обращенной к народу, армии и «образованным классам»: выпустили ряд прокламаций и два номера листка «Свобода».

Автор наиболее радикальной прокламации «*Молодая Россия*», призывавшей к свержению самодержавия, – сын помещика, студент Московского университета П. Г. Заичневский – совместно с П. Э. Аргиропуло организовал студенческий кружок, занимавшийся выпуском запрещенной политической литературы. В июле 1861 г. Заичневский попал под арест. Прокламация «Молодая Россия» была написана в заключении, затем переправлена на свободу, в мае 1862 г. отпечатана в тайной типографии в Рязанской губернии и распространялась в Москве, Петербурге и других городах. Как вспоминают очевидцы (В. Н. Линд, Л. Ф. Пантелеев и др.), арестанта без проблем посещали любые лица, которые вели с ним антигосударственные разговоры. Это показывает, что режим содержания и охраны политических противников государства являлся неудовлетворительным.

Прокламация Заичневского произвела большое впечатление на российское общество открытой приверженностью социализму и угрозами революционной расправы с царем. «Своею кровью, – говорилось в ней, – они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва, сложит головы весь дом Романовых! <…> Мы будем последовательнее не только жалких революционеров [18]48 года, но и великих террористов [17]92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в [17]90-х годах. <…> Скоро, скоро наступит день, когда мы <…> двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».[411]

Таким образом, автор открыто призывал своих сторонников к совершению тягчайших государственных преступлений.

Еще один серьезный аспект прокламации – требование независимости Польши и Литвы. Заичневский стал основателем бланкистского[412] направления в российском революционном движении. В отличие от него, руководители «Земли и воли» понимали, что могут рассчитывать на успех при захвате власти лишь в том случае, если будут опираться не только на собственные силы (подпольную организацию), но и на поддержку армии; для этого они тайно вербовали сторонников среди

офицерства и вступили в контакт польскими сепаратистами. В начале декабря 1862 г. Комитет русских офицеров в Польше вошел в состав «Земли и воли».

В 1862 г. по политическим делам привлекались лейб-гвардии Саперного батальона поручик Г. Р. Посников, поручик С. Ф. Еллинский, штабс-капитан Энгель, лейб-гвардии Измайловского полка подпоручик Н. А. Григорьев, 24-го флотского экипажа юнкер В. В. Трувелер, 8-го флотского экипажа гардемарин В. А. Дьяконов. В Царстве Польском были расстреляны 4-го стрелкового батальона поручик И. Арнгольд, подпоручик П. Сливицкий и унтер-офицер Ф. Ростковский, обвиненные «в оскорблении священной особы Его Величества, в распространении между нижними чинами ложных и дерзких рассказов об особе Его Величества и о Царствующем доме, в порицании действий правительства по крестьянскому делу и в отношении к Царству Польскому, в возбуждении нижних чинов к явному неповиновению и даже бунту». Того же батальона поручик В. Каплинский и столоначальник штаба начальника артиллерии 1-й армии поручик С. Абрамович были заключены в крепость и затем сосланы. Всего в 1862 г. за политические преступления подверглись следствию и суду до 130 офицеров, в том числе 4 штаб-офицера, 15 капитанов и штабс-капитанов и 111 младших чинов.

Но другие продолжали действовать в подполье. В основном это были польские офицеры на русской службе. Один из них – З. Сераковский, сын беспоместного дворянина, участника восстания 1830–1831 гг. В 1848 г. за попытку бежать за границу Сераковский-младший был сослан рядовым в Оренбургский отдельный корпус, где сблизился с Т. Г. Шевченко. В 1856 г. он возвратился в Петербург и в следующем году основал подпольный офицерский кружок в Николаевской военной академии Генерального штаба. С 1861 г. Сераковский служил в Генштабе в чине капитана, ведал военно-уголовной статистикой. Во время заграничных командировок 1858–1862 гг. он установил контакты с Герценом и Огаревым, польской эмиграцией, встречался с Дж. Гарибальди. Действовал он весьма профессионально.

К 1862 г. разрозненные кружки в Николаевской военной, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академиях, состоящие в основном из поляков, объединились в федерацию, которую историки именуют Петербургской офицерской организацией. Отдельные кружки существовали также в 1-м и 2-м кадетских корпусах; Офицерской стрелковой школе; Константиновском, Михайловским артиллерийском и

Николаевском инженерном военных училищах. Из 182 членов организации, о которых имеются сведения, 110 были католиками, по сословной принадлежности 96 процентов участников – дворяне. Большинство членов офицерских кружков – выходцы из Царства Польского и западных губерний Российской империи. Не производя должного отбора в учебные заведения, российское правительство, можно сказать, само готовило военные кадры для оппозиции. Подобное будет повторяться в нашей стране неоднократно.

«Значительную часть своих усилий Петербургская офицерская организация затрачивала на агитационно-пропагандистскую деятельность. Основной ее формой было размножение и распространение разного рода нелегальных изданий. „Колокол“, „Великорус“, „Молодая Россия“ и многие другие нелегальные издания передавались из рук в руки, переписывались в тетради и записные книжки, некоторые заучивались наизусть; экземпляры „Великоруса“ неоднократно вывешивались на стенах Артиллерийской академии; агенты III Отделения, по-видимому, не без оснований, подозревали, что нелегальные издания хранились в библиотеках всех трех военных академий. <…> Организация установила тесный контакт с создателем так называемой „карманной“ типографии П. И. Баллодом в составлении и распространении прокламаций „Подвиг капитана Александрова“ и „Офицеры!“ <…> Еще более тесной была связь с фотографическим заведением студентов Медико-хирургической академии Б. Степута и Я. Бабашинского, где размножались прокламации на польском языке. <…> Кроме этого, осуществлялся регулярный обмен нелегальными изданиями со столичными землевольческими кружками, Комитетом русских офицеров в Польше <…> а также с польскими конспиративными организациями в Варшаве, Вильне, Киеве и с польской эмиграцией…».[413]

До 1856 г., несмотря на деятельность эмиграции, решительность наместника И. Ф. Паскевича служила гарантией стабильности Царства Польского. После объявления в 1856 г. амнистии всем участникам восстания 1831 г. надзором за ними русское правительство не озаботилось. Поляки восприняли это как проявление слабости центральной власти. Вернувшись из ссылки и эмиграции (около девяти тысяч человек!), сепаратисты стали создавать конспиративные организации. Не способствовала спокойствию и постоянная смена наместников. После смерти Паскевича в январе 1856 г. эту должность исполняли: генерал-адъютант М. Д. Горчаков (1856 г. – май 1861 г.), военный министр Н. О. Сухозанет (май – август 1861 г.), генерал-адъютант К. К.

Ламберт (август – октябрь 1861 г.), снова Н. О. Сухозанет (октябрь 1861 г.), генерал-адъютант А. Н. Лидерс (октябрь 1861 г. – июнь 1862 г.), великий князь Константин Николаевич (июнь 1862 г. – октябрь 1863 г.).

Пропагандируя идею независимости, многие заговорщики уверяли польское общество, что восстание будет немедленно поддержано вооруженным вмешательством Англии и Франции. В сентябре 1861 г. в Генуе открылась польская военная школа, а в октябре в Варшаве был основан подпольный «Комитет движения». Летом 1862 г. он преобразуется в Центральный национальный комитет (*Centralny Komitet Narodowy*), ставший руководящим центром польских заговорщиков (так называемые «красные») в период подготовки восстания. В состав Центрального национального комитета входили Я. Домбровский, И. Хмеленьский, З. Падлевский, Б. Шварце, С. Бобровский. Региональные комитеты «красных» появились в Литве и Правобережной Малоросиии.

Свои подпольные организации имели и представители партии землевладельческой шляхты и буржуазии (так называемые «белые»).

К концу 1862 г. подпольные организации охватывали около 20–25 тысяч человек. Польская эмиграция за границей производила закупки огнестрельного оружия в разных городах Европы, преимущественно в Литтихе (ныне г. Льеж). Вооруженное восстание планировалось на весну 1863 г. Однако и для эмиграции, и для руководителей заговора восстание в Польше началось спонтанно.

До начала выступления польские сепаратисты пытались скоординировать свои действия с российскими заговорщиками. В конце сентября 1862 г. в Лондоне состоялись переговоры представителей ЦНК (А. Гиллер, З. Падлевский, в. Милович) с русскими эмигрантами (А. Герцен, Н. Огарев, М. Бакунин) и членом КРО. А. Потебней. На переговорах обсуждались следующие вопросы: крестьяне и земля; вопрос о белорусских, литовских и малороссийских землях (границы 1772 г.); участие русских офицеров в польском восстании. «Лондонские сидельцы» были готовы идти на любые уступки полякам, но при этом предостерегали последних от преждевременного выступления. В ноябре – декабре 1862 г. в Петербурге прошли переговоры представителей ЦНК (З. Падлевский и В. Коссовский) с представителями Центрального комитета «Земли и воли» (Н. Утин, А. Слепцов, Л. Пантелеев) и членом КРО. А. Потебней, которые привели к формализации российско-польского революционно-сепаратистского договора.

Участник переговоров вспоминает:

«…Должно быть, в конце ноября господин с пенсне экстренно собирает нас и сообщает, что из Варшавы приехал Падлевский, делегат от Центрального польского комитета, и просит, чтобы „Земля и воля“ назначила кого-нибудь для переговоров с ним. Дело это возложили на Утина и господина с пенсне. Было два свидания; на первом из них Падлевский заявил: восстание в Польше, если только правительство не отменит набора, неминуемо вспыхнет (по времени выходило, месяца через два); могут ли поляки рассчитывать на какую-нибудь помощь со стороны русской революционной партии? Ему объяснили, что будет доведено до сведения комитета „Земля и воля“ и он получит ответ. Собрался наш комитет. Мы все сочувственно относились к польскому движению, предвидели вероятность революционного взрыва, и тем не менее категорическое заявление Падлевского, что восстание вспыхнет в самом непродолжительном времени, произвело на нас ошеломляющее и удручающее впечатление: нам казалось, что поляки идут на верную гибель. Но это уже их дело».[414]

Принятые на переговорах решения зафиксировали в меморандуме, составленном на французском языке в двух экземплярах.

«Из меморандума явствует: а) что основные принципы, согласованные в Лондоне, признаются Центральным комитетом „Земли и воли“ „за основание союза двух народов – русского и польского“; б) что ЦК „Земли и воли“ считает ЦНК единственным представителем польского народа, а ЦНК, в свою очередь, считает ЦК „Земли и воли“ единственным представителем русского народа; в) что ЦНК будет действовать только на Правобережной Украине и что Русинский провинциальный комитет польской организации установит прямые контакты с Малороссийским комитетом „Земли и воли“; г) что хотя Россия и не подготовлена к революции, землевольцы примут меры к тому, чтобы помочь польскому восстанию действенной диверсией; д) что Комитет русских офицеров в Польше, являясь самостоятельной организацией, борющейся „за дело русской свободы и независимости“, получит от ЦНК финансовую помощь; е) что между организациями устанавливалась регулярная переписка с еженедельным обменом корреспонденции».[415]

«В конце 1862 года, – писал участник событий, – в Царстве Польском носились слухи о восстании; уже стали появляться в лесах скопища неизвестных людей; но никто в то время еще положительно не думал о возможности явного мятежа. Никому не приходила в голову мысль о такой дерзости; а между тем

вооружение шло деятельно, поляки готовили оружие, порох, и т. п.; почти в каждом семействе шили одежду, конфедератки, щипали корпию. Местная полиция, состоявшая исключительно из поляков, конечно, знала о том, но молчала. Впоследствии обнаружилось, что многие полицейские власти принимали деятельное участие в приготовлении к восстанию и в самом мятеже.

Наши военные еще с 1861 года отдалились от поляков и не бывали в их семействах, а потому и не могли знать положительно о приготовлениях к открытому восстанию; хотя все понимали, все чувствовали, что вокруг их готовится что-то недоброе. Поляки в своих действиях и поступках в отношении к русским стали чрезвычайно дерзки, нахальны. Русскому в Польше была жизнь не в жизнь: худо и дома, еще хуже вне его. <…> Начальство не приступало к решительным мерам, полагая, что поляки опомнятся, придут в себя, и действовало мерами кротости. <…> Всякая мера правительства, клонившаяся к восстановлению спокойствия, тишины и порядка, нарушаемых поляками, выставлялась ими в виде насилия; всякое бесчинство, публичное оскорбление, наносимое русским, оправдывались по-иезуитски – патриотизмом. Словом сказать, смотря по обстоятельствам из мухи делали слона и из слона – муху.

Чем меры правительства были снисходительнее, тем поступки поляков были нахальнее. Когда же наконец обнаружилось, с какими людьми довелось нам иметь дело, были приняты меры решительные, но уже было поздно, и со стороны поляков все было готово к открытому восстанию. В конце 1862 года был отдан приказ по войскам: быть постоянно в готовности к действию, усилить патрули, забирать с улиц всех шляющихся по ночам и т. д. Тогда же стали доходить до начальства положительные слухи, что в лесах сбираются толпы неизвестных людей, иные являлись с дубинами, другие – с оружием. С нашей стороны стали посылать отряды для разогнания шаек. При появлении их мятежники разбегались».[416]

Нельзя сказать, что руководство российских спецслужб ничего не знало о готовящемся выступлении, однако точное время мятежа, силы мятежников и места выступлений были выявлены в самый последний момент.

«Известие о дне, назначенном для восстания, было получено заблаговременно и немедленно сообщено Его Высочеству наместнику; но первая вспышка мятежа захватила наши рассеянные по Царству отряды врасплох».[417] Причиной тому стала спонтанность выступления мятежников. Для того чтобы изолировать молодежь и ликвидировать кадры повстанческой

организации, помощник наместника маркиз А. Велепольский выступил инициатором рекрутского набора в январе 1863 г. В списки рекрутов включили 12 тысяч человек, подозреваемых в принадлежности к подпольным организациям. Объявление рекрутского набора послужило сигналом к открытому выступлению, уклонившиеся от набора вышли из Варшавы и составили первые повстанческие отряды. Всего к началу 1863 г. в рядах повстанцев насчитывалось около 25 тысяч человек.

Военными руководителями восстания являлись в основном офицеры русской службы *ранее присягавшие на верность* Александру II. Диктатором восстания объявили Людвика Мерославского, который вначале осуществлял руководство из Парижа.

Мятеж начался в ночь с 10 на 11 января 1863 г. с нападения на спавших в казармах солдат ряда гарнизонов (наиболее крупные – в Плоцке, Кельцах, Лукове, Курове, Ломазах и Россоши). Однако устроить польскую Варфоломеевскую ночь не удалось. Русское командование учло уроки 1830–1831 гг., и все крепости Царства Польского остались в руках правительственных войск. Даже небольшие группы русских солдат храбро защищались, поэтому успехи повстанцев были незначительны.

К 20 января войскам было приказано сосредоточиться и выслать подвижные колонны для разгона и уничтожения мятежников. Многие уездные города и фабричные центры при этом остались без войск, и в них началась пропаганда со стороны повстанцев, а на заводах стали изготовлять оружие и формировать боевые отряды. Западная и южная границы Польши охранялись Пограничной стражей, численность которой не превышала трех тысяч человек. Без поддержки армии в начальный период мятежа пограничникам приходилось вести круговую оборону против повстанцев.

Чтобы заручиться поддержкой русских антиправительственных организаций и собственных крестьян, польские заговорщики использовали лозунг борьбы с царизмом с последующей передачей власти в руки народа. На деле руководители Центрального национального комитета преследовали другую цель – восстановление независимой Польши в границах 1772 г. В программе восстания, составленной Л. Мерославским, говорилось:

«Пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит для нашей и вашей (польской и русской) свободы: перенесение же его в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и будет у нас наказываться смертью как государственная измена».[418]

Под радикализмом Мерославский понимал идею социалистической революции. По мнению большинства руководителей заговора, власть должна была перейти в руки польской шляхты.

После начала восстания офицеры-поляки действовали не менее коварно, чем при его подготовке.

«Жверждовский, – писал очевидец, – воспользовался совершенным доверием командира корпуса барона Рамзая и вызвался сам доставить в действующую армию громадный транспорт с оружием, боевыми припасами, деньгами, мундирными и амуничными вещами под прикрытием сильного отряда, и сдал этот транспорт вместе с прикрытием в литовских лесах повстанцам; а затем вскоре явился под именем Топора одним из главных начальников Литовского революционного отдела. Карьера его была непродолжительна: он сделал неудачную попытку овладеть городом Борисовым, был отбит, а потом в одной битве попал в плен и повешен Муравьевым».[419]

«С середины января 1863 г. деятельность Петербургской офицерской организации сосредоточилась главным образом на оказании помощи восстанию всеми доступными ей средствами. Участники организации старались привлечь сочувствие общественности на сторону восставших и активно работали над распространением соответствующих нелегальных изданий. <…> Ряд офицеров, состоявших в организации или находившихся под ее влиянием, всячески уклонялись от назначений в войска, осуществлявшие карательные функции, причем среди них были как поляки, так и русские. <…> Примерно 40 % участников офицерской организации оставили службу, чтобы перейти на сторону повстанцев, причем многие из них, пробравшись в район восстания (главным образом в северо-западные губернии), возглавили там повстанческие отряды или стали в них командирами подразделений. <…> Оставшаяся в Петербурге часть офицерской организации занималась мобилизацией материальных средств для нужд восстания, снабжением повстанческих отрядов оружием, боеприпасами, топографическими картами, помощью революционерам, вынужденным перейти на нелегальное положение. <…> При этом офицерская организация довольно долго сохраняла взаимодействие как с польскими повстанческими организациями в Вильне и Варшаве, так и с руководством „Земли и воли“…».[420]

Тридцать первого марта государь объявил амнистию для всех сложивших оружие, но успеха она не имела. В России складывалась крайне опасная ситуация. Сепаратисты широко применяли тактику партизанской войны, и только слабая

тактическая и огневая подготовка партизан, отсутствие у них современного оружия и решительные действия русских войск не позволили им развернуть затяжную партизанскую войну. Имелась и реальная угроза высадки британских и/или французских десантов в Курляндии. В Дунайских княжествах, Галиции и Познани усиленно вербовались волонтеры и формировались рейдовые повстанческие отряды в юго-западные губернии России. Существовала и опасность мятежа во внутренних российских губерниях. С этой целью повстанцы направляли специальных агитаторов, которые должны были распространять «казацкую гайдаматчину» против всех представителей царского правительства: попов, чиновников и военных. Также организовывались морские десантные партии.

В Европе поляки приступили к информационной войне. Основные польские комитеты, ведавшие агитацией, пропагандой и сбором средств, располагались в Париже (центральный), Лондоне, Цюрихе, Брюсселе, Генуе, Стокгольме и Константинополе. «Европейская журналистика, на приобретение содействия которой Парижский центральный комитет не жалел денег, деятельно волновала умы европейского общества и поддерживала враждебное России движение. Митинги в пользу Польши составлялись в Англии, в Швейцарии и Италии, где главными деятелями являются Антонио Мости, агент Мадзини, и Бертани, агент Гарибальди. В Швецию в начале марта отправлены были два члена тайного комитета, Янушевич и Новицкий, с целью возбудить волнения в Финляндии».[421]

В начале восстания в своих воззваниях польские инсургенты именовали русских «москвой» (с маленькой буквы), а белорусов и украинцев – русскими или русинами. Затем для обозначения юго-западных губерний Российской империи поляки стали использовать название «Украина». Вскоре польские и малороссийские сепаратисты (первую скрипку в этом союзе играли поляки) стали пропагандировать идею отдельной украинской нации и отдельного государства.

Наиболее опасная попытка поднять военно-крестьянское восстание в поддержку поляков была предпринята в Поволжье весной 1863 г. Ее главными организаторами были поляки: французский подданный инженер И. Ф. Кеневич, поручик 48-го Одесского пехотного полка М. А. Черняк, штабс-капитан 4-го резервного батальона Охотского пехотного полка Н. К. Иваницкий, подпоручик 4-го резервного батальона Томского пехотного полка А. Е. Мрочек и подпоручик 4-го резервного батальона Азовского пехотного полка Р. И. Станкевич.

По поручению польского резидента Кеневича

вольноопределяющийся Нижегородского батальона Внутренней стражи поляк Ю. Бензенгер, член московской «Земли и воли», составил подложный царский манифест о «полной свободе». Манифест в большом количестве был отпечатан поляками в типографии норвежского города Фридрихсгам. Русский шрифт был похищен служащим сенатской типографии в Петербурге поляком Л. Киявским. «Манифест» переправили в Россию через Финляндию, а типографию сожгли, чтобы не оставлять полиции Норвегии никаких улик.

Центром восстания Кеневич выбрал Казань, руководствуясь следующим соображениям: 1) город был крупным революционным центром, здесь было свое отделение «Земли и воли», организованное по типу общества иллюминатов; 2) в Казани имелся университет, то есть значительное количество оппозиционно настроенной молодежи; 3) в войсках, расположенных в Казанской губернии, находилось много офицеров и солдат польского происхождения, на поддержку которых можно было рассчитывать; 4) крестьянство Казанской губернии, хоть и напуганное бездненскими событиями, несомненно, помнило времена Разина и Пугачёва и могло содействовать восстанию. Для связи с регионом Кеневич использовал Черняка – члена офицерского кружка Сераковского, двоюродный брат которого, Иваницкий, командовал ротой в Казанской губернии.

Пятнадцатого марта 1863 г. Черняк и Иваницкий вступили в переговоры с членами студенческих кружков (Бургер, Полиновский, Сергеев, Жеманов и др.). «“Восстание нужно начинать как можно скорее, – говорил Черняк. – Вряд ли мы дождемся когда-нибудь в другой раз такого благоприятного стечения обстоятельств для начала восстания, как теперь. Восстание, происходящее в Польше, стягивание туда русских войск, повсеместное недовольство крестьян реформою – все это облегчает организацию восстания“. По мнению Черняка, восстание должно начаться с Казанской губернии, как самой удобной в стратегическом отношении. Отсюда оно пойдет вниз по Волге, перейдет на Урал и Дон, а с Дона его направят так, чтобы оно соединилось с восстанием в Польше. Начинать восстание нужно до начала полевых работ.

После Черняка стал говорить Иваницкий. Он развил подробно план восстания в Казани.

“Забрать Казань, – говорил он, – очень легко. Для этого стоит только обезоружить солдат, находящихся в городе, а это ничего не стоит. В самом деле: у каждой казармы стоит по два человека – один внутри, другой снаружи. Стоит только убить этих часовых, и

спящие солдаты не услышат, как из казарм унесут ружья. Затем можно выпустить из тюрем арестантов“.

Полиновский возразил, что это поведет только к грабежу и убийствам.

Иваницкий не согласился и указал, что, когда во время осады Севастополя прибегли к этой мере, никаких грабежей не было; напротив, арестанты геройски действовали на укреплениях Севастополя.

„Захватив из казарм ружья, – продолжал Иваницкий, – нужно в ту же ночь забрать казначейство и арестовать губернатора. Тогда Казань в наших руках. Взятие ее произведет сильное нравственное влияние на народ, который скажет тогда, что если уж Казань взята, то значит – сила. Забрав Казань, нужно немедленно разослать людей по деревням, чтобы там вооружались – кто косой, кто чем попало – и чтоб шли в Казань. Если нас потом вытеснят из Казани, – добавил в заключение Иваницкий, – то мы без всякого препятствия отступим к уральским заводам, а там такая местность, что и сам чорт не сыщет“.

Один из присутствующих спросил Черняка, что он может сказать о настроении народа и какими средствами их партия думает действовать на народ. Черняк заявил, что на первый вопрос он не может дать определенного ответа, пока донесения разосланных по России агентов не выяснят положения; однако он знает, что на Дону и в Киевской губернии готовится восстание. На второй вопрос Черняк ответил, что их партия решила действовать на народ от имени царя и для этой цели заготовила манифесты, в которых крестьянам обещаны земля и разные права».[422]

После того как переговоры успешно завершились, Черняк отбыл в Москву, чтобы наладить поставку денег, оружия и распространить нескольких сотен экземпляров «царского манифеста». А Иваницкий привлек к делу восстания Мрочека и Станкевича и стал проводить агитацию среди казанских студентов. Один из студентов, И. Глассон, получивший задание связаться с Симбирском, направил анонимное письмо о готовящемся заговоре казанскому губернатору Тимашеву, а сам отправился прямиком в Петербург, где явился в Третье отделение. Остальное было делом техники. Благодаря своевременно полученным сведениям и решительным действиям местных властей вооруженное выступление было предотвращено, а заговорщики арестованы. Руководители заговора: Иваницкий, Кеневич, Мрочек, Станкевич и Черняк – расстреляны.

В ночь на 11 марта 1863 г., в то время как Кеневич вел подготовку Казанского заговора, из английского порта

Саутгемптон вышел британский пароход *Ward Jackson*. На его борту находилось 145 человек (108 поляков и 37 иностранцев). Цель экспедиции заключалась в высадке десанта на балтийском побережье между Мемелем и Полангеном (ныне Клайпеда и Паланга) с тем, чтобы доставить оружие в Литву и отвлечь часть русских войск из Польши. Из огнестрельного оружия и боеприпасов на пароходе имелось три нарезных орудия, до 1200 нарезных карабинов Минье, 100 тысяч патронов для карабина, 2 миллиона капсюлей и 50 центнеров пороха. Командовали экспедицией уже известный читателям Т. Лапинский и комиссар революционного правительства Польши в Литве И. Демонтович. В подготовке экспедиции принимали участие В. Замойский, Р. Чарторыйский, Ю. Цверцякевич, Дж. Мадзини, А. Ледрю-Роллен, К. Маркс, А. Герцен и Н. Огарев.

Меры конспирации, предпринятые поляками, оказались недостаточными. Уже на стадии подготовки русское посольство в Лондоне получило информацию о замыслах поляков от комиссионера экспедиции Тура. Затем к Лапинскому в качестве волонтера поступил сотрудник Заграничной агентуры Стефан Поллес (Тугендгольд), знавший польский, немецкий, английский, французский, итальянский и русский языки. А перед самым отправлением на рейде Саутгемптона встал русский 12-пушечный корвет. Это очень обеспокоило Лапинского.

«Поручив Демонтовичу свезти на пароход сколь возможно поспешнее все, что еще не было свезено, начальник экспедиции отправился потолковать о своем горе с Маццини.[423] <…>

Дело в том, что подле нашего парохода очутился русский военный корвет. Он, конечно, пойдет за нами и в открытом море, вероятно, не посмотрит на то, что у нас великобританский флаг, нападет на нас и потопит в несколько минут. Нужно его во что бы то ни стало задержать, хотя б на 24 часа: испортить у него машину. На русских военных судах машинисты большей частью иностранцы; стало быть, это <…> простой денежной вопрос. <…>

Потом [он] и сам отправился на пароход и оставался там до поздней ночи, наблюдая за перевозкою вещей, которая все еще продолжалась. Видно было, что с русского корвета зорко следят за всем, что делается на Вард-Джаксон. Несколько подзорных труб были постоянно в работе. На ночь, однако, начальник экспедиции перенесся в последний раз на свою квартиру <…> спал плохо, и как только стал на рассвете одеваться, ему подали карточку, где было написано карандашом: *Bianchi*. Он велел просить, и когда гость вошел к нему, полковник долго в него всматривался и никак не мог понять такой метаморфозы:

Маццини <…> был пожилым итальянцем с проседью, а теперь стоял перед ним рыжий англичанин средних лет и, улыбаясь, говорил самым чистым английским языком следующее:

– Извините, не успел преобразиться, как следует. Я прямо из „кнайпы“, где собираются моряки с целого света; не был еще и у Джузеппе, чтобы только вас скорее успокоить; то, чего вы желаете, будет непременно. Русский корвет тронется за вами не иначе как через два дня после вашего выхода. Вся история стоит 62 фунта».[424]

Благодаря подкупу портовых чиновников, корвет за пароходом не отплыл.

Четырнадцатого марта в шведском порту Хельсингборг к экспедиции присоединился Михаил Бакунин. А через два дня в Копенгагене команда во главе с капитаном-англичанином покинула судно, не желая плыть под пушки русских фрегатов. Новая команда из датчан привела судно в шведский порт Мальме 18 марта. Но к тому времени о продвижении экспедиции стало известно в Петербурге, и по требованию России шведское правительство пароход задержало. Из Мальме Бакунин писал «о печальной неудаче экспедиции, великолепно задуманной, но из рук вон плохо исполненной, а главное – слишком поздно отправленной. Успех ее был возможен только при соблюдении двух условий: быстроты и тайны. Ее проволочили непростительным образом <…>. Наконец, главным условием был выбор хорошего, смелого капитана, от честной решимости которого зависит весь успех дела. Вместо этого выбрали отъявленного труса и подлеца и тем убили всякую возможность успеха».[425]

Во время двухмесячного пребывания поляков в Мальме бóльшую часть оружия шведы конфисковали, но часть полякам удалось спрятать. Бакунин, чья экспрессивная натура требовала немедленных действий, отправился в Стокгольм. Кое-кто из десантников дезертировал. Лапинский нанял парусник *Emilie*, на котором около 90 повстанцев (включая вновь набранных) 3 июня вновь отправились в путь. Они должны были высадиться на берег в Куршском заливе, а затем, пройдя прусскую территорию, перейти в Литву и двинуться на соединение с польскими партизанами, чтобы организовать новый очаг восстания. Но попытка высадки 11 июня не удалась: 24 человека утонули. Оставшиеся в живых вернулись на парусник, который доставил остатки экспедиции на шведский остров Готланд. Затем уцелевшие вернулись в Англию. Так бесславно кончилась очередная попытка северного десанта на территории Российской империи.

Постепенно были подавлены и все очаги сопротивления на территории Северо-Западного края. Решительные действия М. Н. Муравьева, назначенного в мае 1863 г. виленским генерал-губернатором, были поддержаны подавляющим большинством местного населения. Во многих районах Белоруссии и Малороссии повстанцы натолкнулись на сопротивление крестьян. Мужики, помнившие поведение польских панов, «хватали там польских революционеров и отдавали их в руки русских властей, подчас убивали схваченных, подвергая их предварительно истязаниям и пыткам».[426] Например, в апреле 1863 из Динабурга (ныне г. Даугавпилс, Латвия) в Дисну (Белоруссия) был отправлен транспорт с оружием, который охраняли восемь солдат. Польские помещики А. Моль и Л. Плятер собрали около ста человек своих холопов и овладели обозом. Узнав об этом, местные крестьяне напали на помещичьи усадьбы, схватили панов и передали их военным властям. Через месяц мятежников повесили в Динабургской крепости.

Польские и русские революционеры, особенно в Лондоне и Париже, называли Муравьева «вешателем», тщательно замалчивая факты расправ повстанцев с мирными жителями и пленными русскими солдатами. Террористические и карательные акции у поляков осуществляли специальные группы – «кинжальщики» и «жандармы-вешатели». За 1859–1863 гг. мятежниками совершено не менее двух тысяч убийств русских солдат, чиновников и мирных жителей.[427] Муравьев же действовал в соответствии с законодательством Российской империи: он ввел военно-полевые суды, которые по законам военного времени приговорили к смерти 128 человек – офицеров-изменников, террористов либо лиц, уличенных в зверствах и мародерстве.

Во время Польского восстания 1863–1864 гг. активизировалась деятельность английских, турецких и французских эмиссаров на Черноморском побережье Кавказа. Лондонский и Константинопольский черкесские комитеты были связаны и с парижским центром польской эмиграции. В Константинополе, являвшемся главным центром снабжения кавказских горцев оружием и боеприпасами, черкесским комитетом руководил полковник турецкой армии В. Иордан, связанный с В. Чарторыйским. Предотвратить высадку небольших партий людей в многочисленных бухтах было затруднительно, поскольку после Крымской войны Россия не имела на Черном море военного флота. Всеми этими факторами и воспользовались организаторы очередной интернациональной партизанской экспедиции.

В начале сентября 1863 г. экспедиция, прибывшая на двух

английских пароходах (*Chesapeakbay* и *Samson*), высадилась в порту Вардан (район г. Сочи). Груз составлял шесть пушек, оружие, боеприпасы и амуницию для 150 человек. Десантом из 16 человек (7 поляков, 4 черкеса, 3 турка и 2 француза) командовал польский полковник К. Пржевлоцкий, за высадку отвечал французский капитан Маньян. К экспедиции присоединились до трехсот горцев из адыгских племен, затем отряд отправились в Туапсе. Пржевлоцкий и его люди намеревались реорганизовать черкесское сопротивление, а также сформировать польский легион, чтобы (как и Лапинский) открыть «второй фронт» в тылу русских войск.

Отряд полковника З. Милковского (ок. 2000 человек) должен был двинуться из Дунайских княжеств на юг России, чтобы поднять восстание среди русских старообрядцев. Однако в районе села Костангалия (ныне Молдавия) он был разбит.

Не привела к практическому результату и деятельность Пржевлоцкого.

Но попытки поднять мусульман Кавказа против Российской империи продолжались. В конце марта 1864 г. подобные планы обсуждались в Каире на секретной встрече В. Чарторыйского с турецким визирем Фуад-пашой, однако они не были осуществлены.

В августе 1863 г. император отозвал великого князя Константина Николаевича с поста наместника и назначил на его место Ф. Ф. Берга. Применение против повстанцев регулярной армии в сочетании с приговорами военно-полевых судов и ростом авторитета центральной власти позволило стабилизировать положение. Крестьянам, которые способствовали подавлению мятежа, было предоставлено право сохранить огнестрельное оружие.

Польский мятеж 1863 г., особенно после получения информации о зверствах восставших, не нашел сочувственного отклика в России. Решительные действия русских генералов были восприняты в российском обществе с пониманием. Влияние «Колокола», ставшего рупором мятежников и утверждавшего, что Россию охватил «сифилис патриотизма», заметно уменьшилось, его тираж сократился. Следует отметить, что «сифилисным» Герцен признавал именно русский патриотизм. Английский, французский или польский патриотизм он приветствовал и призывал польских повстанцев истреблять проклятых русских офицеров и солдат.

В конце декабря в Варшаве было учреждено *Центральное военное полицейское управление*, генерал-полицмейстером которого был назначен генерал-майор Ф. Ф. Трепов. Должность

варшавского обер-полицмейстера исполнял генерал-майор Л. И. Левшин. В конце марта военная полиция захватила почти весь «ржонд народовый» (правительство восставших). Его председателя, бывшего подполковника русской службы Р. Траугута, и членов «ржонда» Р. Краевского, Ю. Точиского, Я. Езеранского, Р. Жулиньского казнили.

После подавления мятежа Царство Польское получило название Привислинский край, автономия была упразднена, поляки выведены из состава местной администрации. Вместе с тем царское правительство было вынуждено провести в Привислинском крае в 1864 г. крестьянскую реформу, признав, по существу, аграрные преобразования, осуществленные в ходе восстания. Для освобождения крестьян в Варшаву был направлен Н. А. Милютин, который по повелению императора провел реформу на худших для шляхты (по сравнению с помещиками в Центральной России) условиях.

Подчеркнем, что мятеж 1863 г. стал возможен не только вследствие сепаратистских настроений польской шляхты и непоследовательных действий русского правительства, но и активной пропаганды, которая велась из-за рубежа. Отечественные спецслужбы извлекли из этих событий уроки и параллельно с агентурно-оперативной работой стали заниматься пропагандистской деятельностью. Наиболее успешную контрпропаганду во время событий 1863–1864 гг. вел издатель газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков. Его успеху способствовало то, что слово «патриотизм», использовавшееся Герценом для России (но не для Польши, Великобритании и Франции) в негативном смысле, для подавляющего большинства российских подданных в те годы не было просто словом.

В ходе польского мятежа 27 сентября 1863 г. Александр II утвердил (на два года) Положение и штаты *Главного управления Генерального штаба* (*ГУГШ*). В составе ГУГШ были образованы два отделения: 2-е (Азиатское) и 3-е (Военно-ученое), на которые возлагались разведывательные функции. «Глазами и ушами» отделений стали военные и морские агенты за рубежом. Они назначались из числа офицеров Генерального штаба, морские агенты – из числа офицеров флота, окончивших Офицерский класс при Морском корпусе. Военные и морские агенты своим министерствам формально не подчинялись, а официально числились личными представителями императора в иностранных государствах. Высокий статус личного представителя главы государства значительно расширял возможности легальных представителей российской военной разведки в области установления оперативных контактов, в том числе и с коллегами

из других стран, служил дополнительной защитой в щекотливых или рискованных ситуациях, в которые мог попасть сотрудник разведки.

Возвращаясь к событиям Польского восстания 1863–1864 гг., отметим три обстоятельства:

1) конспиративность действий заговорщиков,

2) активное взаимодействие нелегальных организаций между собой и с зарубежными антиправительственными центрами,

3) участие в подпольных организациях и антиправительственных выступлениях значительного числа офицеров русской армии.

В совокупности это свидетельствует об ухудшении качества работы политической полиции, отсутствии необходимой координации между жандармами и чинами полиции МВД и частичной потере контроля над ситуацией в вооруженных силах. Оперативные достижения российских спецслужб в армии к началу 1860-х гг. оказались утраченными. Наиболее эффективно с подпольными организациями боролся Муравьев, причем не только во вверенном ему крае, но и в сопредельных губерниях, и даже в Петербурге! Польские сепаратисты высоко оценили профессионализм своего противника, назначив за его голову награду в 25 тысяч рублей! Реакцией графа были слова: «Дадут больше!»

В начале 1864 г. российская политическая полиция вынуждена была официально признать (хотя и с оговорками) существование в Российской империи подпольной организации. «В 1863 году <…> одновременно с появлением польского манифеста от 1 февраля в С.-Петербурге были распространены печатные экземпляры воззвания на русском языке со штемпелем: Русский центральный комитет – „Земля и воля“. <…>

Возмутительные прокламации появились и в Чернигове. Показания арестованного с ними Васильковского уездного землемера Андрущенки и сообщников его, служивших в управлении Московско-Нижегородской железной дороги дворян Шатилова и Мосолова, дают повод подозревать существование революционного общества „Земля и воля“, стремящегося к ниспровержению существующего порядка и употребляющего воззвания как способ для волнования умов. К сожалению, ни один из виновных, по незнанию ли или по упорству, не указал ни членов общества, ни его место пребывания, ни его средств и деятельности.

Всевозможное старание употребляется и будет употребляться к дознанию, в какой степени возбужденное подозрение основательно, ибо действительность оного никакими ясными

доказательствами не подтверждена. Во всяком случае, можно с достоверностью сказать, что грустные явления, помрачающие государственный наш быт, происходят не от народных источников, а от заграничной или польской пропаганды».[428]

Приведенная цитата показывает, что, как мы уже отмечали, недостаточно компетентное руководство политической полицией и рядом других охранных служб империи в конце 1850-х – начале 1860-х гг. не позволило российским спецслужбам иметь серьезные системные агентурные позиции в оппозиционных организациях. А на практике в конце 1863 – начале 1864 гг. революционная активность масс в России пошла на спад. Польское восстание было подавлено, общего крестьянского восстания, на которое ориентировались землевольцы, не произошло. Многие члены подпольных кружков были арестованы или эмигрировали. В этих условиях революционная работа кружков «Земли и воли» стала замирать, и к весне 1864 г. они прекратили свое существование.

А в руководстве российских спецслужб вновь произошли изменения: в июне 1864 г. начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим Третьим отделением был назначен Н. В. Мезенцов. Ему пришлось столкнуться с более серьезной проблемой, поскольку на смену землевольцам пришла опасная подпольная структура, члены которой не стала ограничивать себя только агитацией и пропагандой.

В последней четверти 1863 г. вольнослушатель Московского университета Н. А. Ишутин организовал студенческий кружок, примыкавший к «Земле и воле». Ядро кружка составили члены пензенского студенческого землячества П. Д. Ермолов, М. Н. Загибалов, В. С. Карачаров, В. А. Федосеев и Д. А. Юрасов; позднее к кружку примкнули Д. В. Каракозов, О. А. Мотков, П. Ф. Николаев, Н. П. Странден, В. Н. Таганов и др. После самоликвидации «Земли и воли» ишутинцы начали самостоятельную деятельность, объединив вокруг себя часть московских подпольных кружков. Средства для деятельности предоставлял Ермолов, владевший крупным имением в Пензенской губернии. Следуя идеям, выдвинутым Чернышевским в романе «Что делать?», осенью 1864 г. ишутинцы основали в Москве несколько мастерских на артельных началах (переплетную, швейную, ватную); в них они и сами работали в свободное от учебы время.

Но времени для учебы и работы оставалось все меньше, поскольку к концу 1864 г. ишутинцы установили контакты с поселившимися в Москве поляками, участвовавшими в восстании 1863–1864 гг. В декабре 1864 г. ишутинцы помогли скрываться от

полиции Ярославу Домбровскому, бежавшему из московской пересыльной тюрьмы. Домбровский вышел за ворота тюремной бани в группе торговок, надев заранее приготовленные женский платок и полушубок. На улице его ожидал вольнослушатель Московского университета Б. П. Шостакович (дед знаменитого композитора), который отвел беглеца на ночлег в трактир «Крым» на Трубной площади. Следующую ночь Домбровский провел в компании Ишутина и Ермолова в доме Ипатова в Трехпрудном переулке. Впоследствии ему выправили поддельные документы, по которым он выехал за границу.

В Европе появилась новая международная структура, претендующая на роль лидера революционного движения: 28 сентября 1864 г. в Лондоне основывается Международное товарищество рабочих, получившее впоследствии название *I Интернационал*. Его учредителями выступили английские и французские рабочие, стремившимися создать интернациональное объединение для защиты общих классовых интересов. На учредительном собрании присутствовали также представители польских, итальянских, ирландских и немецких рабочих. В их числе был и Карл Маркс, который вошел в Генеральный совет и более узкий Постоянный комитет.

Подготовленные Марксом Учредительный манифест и Устав Международного товарищества рабочих были утверждены Генеральным советом 1 ноября 1864 г. В этих документах сформулированы в общей форме цели пролетарского движения – свержение капитализма и установление власти рабочего класса. В уставе I Интернационала зафиксировано сочетание демократических прав национальных организаций с централизацией, обеспечивавшей единство действий пролетариата.

В ноябре 1864 г. с Марксом встретился Михаил Бакунин, который стал членом I Интернационала и согласился взять на себя распространение программных документов в Италии. Однако вскоре Бакунин приступил к созданию собственного международного революционного тайного общества, позже получившего название «*Интернациональное братство*».

Замысел Бакунина заключался в организации широкомасштабного заговора для осуществления международной революции. В ходе этой революции современные государства подлежали уничтожению, а на их месте возникла бы свободная федерация народов, формирующаяся снизу вверх. Для реализации этой идеи Бакунин предлагал создать глубоко законспирированную, централизованную и дисциплинированную революционную организацию.

* * *

В США в ноябре 1864 г. тайный агент Конфедерации Джон Уилкс Бут собрал нескольких сторонников, которые согласились помочь ему в похищении президента. Среди них были Сэмюэл Арнолд, Джордж Ацеродт, Дэвид Херольд, Майкл О'Лафин, Льюис Пауэлл и Джон Сюрратт. Они встретились в Вашингтоне, где планировали захватить Линкольна, отвезти его в Ричмонд, штат Вирджиния, и держать заложником до тех пор, пока Север не согласиться пересмотреть свою политику относительно военнопленных.

Попытка Бута, О'Лафина и Арнолда захватить президента 17 марта 1865 г. не удалась, поскольку информация о планах Линкольна на вечер оказалась не точной. Но вскоре представился второй случай.

Утром 14 апреля Бут случайно услышал, что вечером Линкольн, генерал Улисс Грант и их жены будут на спектакле «Мой американский кузен» в вашингтонском театре Форда. Ранее игравший в этом театре и хорошо знавший его планировку, Бут мгновенно оценил представившийся шанс и собрал заговорщиков. Он предложил Ацеродту убить вице-президента Эндрю Джонсона в отеле, Пауэллу – госсекретаря Уильяма Сьюарда в его собственном доме, а сам собирался покончить с Линкольном. Ацеродт под давлением Бута нехотя согласился с планом, но в итоге напился и от покушения отказался. Пауэлл проник в дом Сьюарда, где ранил госсекретаря и его сына Фредерика; к дому его привел Дэвид Херольд.

Сам Бут проник в ложу, где находился президент, а также майор Генри Рэтбоун (Грант отдал ему свои билеты) с супругами и заблокировал дверь, чтобы никто не смог войти вслед за ним. Затем дождался, пока на сцене будут произнесены строки, за которыми обычно следовал взрыв смеха, и выстрелил Линкольну в голову. Рэтбоун попытался задержать Бута, но тот ударил его ножом в предплечье и выскочил из ложи. Несмотря на сломанную ногу, террорист с помощью Шпэнглера сумел скрыться. Затем он встретился с Херольдом, и они вместе покинули Вашингтон. Но уже 26 апреля Бут был настигнут полицией в штате Виргиния и смертельно ранен.

Весьма символично, что именно 14 апреля, на встрече с Хью Мак-Куллохом, Линкольн принял решение о создании Секретной службы Министерства финансов, которая через сорок лет станет отвечать за безопасность президента США!

* * *

Не будучи удовлетворены деятельностью легального «Общества взаимного всепомоществования», объединявшего в 1865 г. до 600 человек, Ишутин и наиболее радикальные члены его кружка создали тайное общество под названием *«Организация»,* в которое вошли до половины членов «Общества…». Как впоследствии показал Ишутин, целью «Организации» было построение государства на социальных началах. Воскресная школа, открытая ишутинцами для мальчиков, использовалась ими для пропаганды своих идей. «Мы сделаем из этих малышей революционеров», – говорил Ишутин в узком кругу соратников. Но только пропагандистскую деятельность Ишутин считал недостаточной и полагал, что, если правительство не согласится на радикальные политические реформы, следует произвести революцию, осуществление которой и стало стратегической целью его соратников.

Группа Ишутина установила связи с подпольной петербургской группой И. А. Худякова, вернувшегося в ноябре 1865 г. из Женевы. Худяков сообщил Ишутину о существовании так называемого Европейского революционного комитета. (Вероятно, Худяков имел в виду Центральный демократический европейский комитет единения партий без различия национальностей, Международное товарищество рабочих или «Интернациональное братство» Бакунина.)

В конце 1865 г. Ишутин создает в составе «Организации» еще более тайное общество под названием «Ад». Членами «Ада», помимо самого Ишутина, стали его двоюродный брат Д. Каракозов, отчисленный из Казанского университета, а также их земляки Д. Юрасов и П. Ермолов. Излюбленным местом встреч заговорщиков был трактир «Крым», подвальный этаж которого завсегдатаи именовали «Адом».

Чтобы дать представление о намерениях революционеров, приведем отрывки из показаний, данных на следствии Ишутиным и Юрасовым.

«*Ишутин:* <…> Кроме этого, предполагалось устроить кружок „Ада“. Цель этого кружка была цареубийство, в случае ежели правительство не согласится с требованиями.

Члены „Ада“ должны отчуждаться от всех порядочных людей и, чтобы отвлечь от себя подозрения правительства, сделаться абсолютным[и] негодяя[ми], взяточник[ами] и вообще окружить себя самой гадкой обстановкою.

Когда членов „Ада“ наберется достаточно велико, так человек 30, то предполагалось, для пробы характера и нравственной силы

членов, третью часть членов по жребию сделать доносчиками; члены „Ада“ через своих агентов знали бы об действиях всех кружков; в случае злоупотребления или недеятельности этих кружков они должны предупреждать и обязывать к непременной деятельности.

В случае революции члены „Ада“ не должны делаться вожаками и не [должны] занимать никакой высокий пост, ибо высокие положения усыпляют энергию и деятельность человека; целью членов „Ада“ при таком случае – неусыпно следить за действиями вожаков и ни в каком случае не допускать популярность вожаков в том объеме и направлении, при котором можно бы забыть основные принципы революции.

Член „Ада“ должен был в случае необходимости жертвовать жизнью своею, не задумавшись. Жертвовать жизнью других, тормозящих дело и мешающих своим влиянием. В случае убийства кого-либо член „Ада“ должен иметь при себе прокламации, объясняющие причину убийства; член „Ада“ при этом имеет с собою шарик гремучей ртути, держа в зубах во время убийства, после же должен стиснуть этот шарик зубами, а от давления гремучая ртуть производит взрыв, и посему <…> обезображивает лицо так, что потом нельзя будет узнать лицо убийцы. Это бы делалось на предмет безопасности для других членов.

Член „Ада“ должен жить под чужим именем и бросить семейные связи; не должен жениться, бросить прежних друзей и вообще вести жизнь только для одной исключительной цели. Эта цель – бесконечная любовь и преданность родине и ее благо; для нее он должен потерять свои личные наслаждения и взамен получить и сосредоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой стороной жизни. <…>

Юрасов: Это общество должно было носить название „Ад“. Когда явилась эта мысль, я хорошо не припомню. Должно быть, в начале 1866 года. Может быть, даже после того, как Ишутин приехал из Петербурга и рассказал о Европейском комитете, цель которого была революция, а средства для возбуждения революции – гремучая ртуть, орсиниевские бомбы и цареубийство. Целью „Ада“ была тоже революция и даже преступный замысел против жизни государя.

Общество это должно стоять не только отдельно от „Организации“ и не быть ей известно, но его члены обязаны сделаться пьяницами, развратниками, чтобы отвлечь всякое подозрение, что они держатся каких-либо политических убеждений.

Члены его должны находиться во всех губерниях и должны

знать о настроении крестьян и лиц, которыми крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением, за что было убито лицо. „Ад“, предполагалось, должен был иметь свою типографию, в которой печатать, когда нужно, прокламации. <…>

Кроме того, другие члены „Ада“ должны были следить за действиями „Организации“ и, в случае ее отклонения от пути, который „Ад“ считает лучшим, издаются прокламации, или [„Ад“] тайным образом предостерегает „Организацию“ и предлагает исправиться; если же члены „Организации“ не изменят образа действии, то „Ад“ наказывает смертью.

Если член, следивший за „Организацией“, будет узнан и арестован, то его место должен занять новый, а арестованный должен отравиться, чтобы не выдать тайны. У каждого члена тайны, предполагалось, должен быть всегда готов для отравления яд.

Кроме всего этого, „Ад“ посылает члена для покушения на жизнь государя. Пред тем как член пойдет на это ужасное преступление, он должен обезобразить себя и иметь во рту гремучую ртуть, чтобы, совершивши преступление, раскусить ее, убить тем самым себя и изуродовать лицо, чтобы не быть узнанным. В кармане его должны находиться прокламации, объясняющие причины преступления и требования, желания „Ада“».[429]

По нашему мнению, в показаниях Ишутина и Юрасова речь идет о первой попытке создания внутри оппозиционной подпольной организации специальной многопрофильной службы безопасности.

В числе предполагаемых направлений ее деятельности можно выделить ряд ключевых подразделений секретной организации:

изучение общественного мнения и установление врагов революции – подразделение разведки;

надзор за членами организации и их ликвидация в случае предательства или саботажа – подразделение службы собственной безопасности и контрразведки;

осуществление террористических актов и цареубийство – боевая группа организации;

пропаганда революционных взглядов – подразделение активных мероприятий.

Особое внимание в деятельности «Ада» отводилось вопросам секретности и корпоративности: о группе не должны были знать агенты правительства, обыватели и даже другие революционеры. Конспирацию следовало соблюдать всем членам группы и после совершения социальной революции. Имена членов не подлежали

раскрытию даже после смерти (по замыслу организаторов) – в этом смысле входившие в «Ад» люди (преимущественно студенческая молодежь) более напоминают адептов тайного ордена, чем революционеров.

В узком кругу Ишутин неоднократно говорил:

– То, что мы делали до сих пор, все это не есть дело. Господа, по моему мнению, лучше – паф-паф.[430]

Под «паф-паф» понималось цареубийство, поскольку одним из идеалов Ишутина был итальянец Орсини.

Мнение о необходимости убийства государя все более укреплялось среди радикальных ишутинцев, поскольку освобождение крестьян, по мнению «борцов за народное счастье», затормозило назревшую революцию в России. Сторонником убийства был и Д. В. Каракозов, предпринявший первую попытку покушения на Александра II.

В то время к подразделениям охраны российского императора относились: Рота дворцовых гренадер, Собственный Его Императорского Величества конвой, Дворцовая стража, караулы от лейб-гвардейских полков. По вопросам охраны все они подчинялись Министерству Императорского двора и коменданту Императорской Главной квартиры. Однако эффективно обеспечивать безопасность охраняемого лица можно, лишь следуя древней восточной мудрости, которая гласит: «Предотвращенная схватка – выигранная схватка». А чтобы выиграть схватку, надо получить достоверную информацию о готовящемся террористическом акте, персональном составе террористов, способе, месте и времени покушения.

Здесь мы снова возвращаемся к оперативной триаде: *выявление, предупреждение, пресечение*. Осуществить поиск, обработку и реализацию информации может только специально созданная, профессионально обученная, мотивированная и соответственно экипированная служба безопасности. А физическая (личная) охрана есть не более чем последний рубеж обороны, нагрузка на который тем больше возрастает, чем хуже поставлена информационно-аналитическая и оперативно-розыскная деятельность.

Четвертого апреля 1866 г. император совершал прогулку в Летнем саду; полицейский наряд в этом месте состоял всего из четырех человек: надзирателя и трех унтер-офицеров. Надзиратель Черкасов сопровождал императора, унтер-офицер Дворцовой стражи Степан Заболотин и унтер-офицер Жандармского эскадрона Лукьян Слесарчук находились у главных ворот, один унтер-офицер – у боковой калитки.

Около четырех часов дня Александр и сопровождавшие его

лица вышли из ворот и направились к поджидавшей карете. Генерал-адъютант Э. И. Тотлебен и офицеры Свиты находились за спиной императора, шесть казаков конвоя располагались возле кареты на Дворцовой набережной Невы.

В мемуарах князя В. П. Мещерского отмечается, что «стоять около коляски при выходе Государя дозволялось всякому: были тут обычный жандарм, обычный полицейский городовой и обычный сторож сада. Все они, при приближении Государя становясь во фронт, стояли к нему лицом и спиною, увы, к той кучке, где был злоумышленник Каракозов».[431]

Когда император приблизился к карете, из приветствовавшей его толпы раздался выстрел. Условия для покушения были идеальными: между стрелком и государем никого не было, их разделяло не более пяти метров. Находившийся рядом с Каракозовым в момент выстрела костромской крестьянин О. И. Комиссаров подтолкнул стрелка под локоть, в результате чего пуля прошла выше головы Александра II.

Каракозов бросился бежать вдоль Невы, но был задержан унтер-офицерами Заболотиным и Слесарчуком и доставлен в Третье отделение на Фонтанку, 16. В момент задержания он был вооружен двуствольным пистолетом, второй ствол заряжен, курок взведен. При обыске у него были обнаружены фунт пороха и пять пуль, стеклянный пузырек и девять порошков, две прокламации «Друзьям рабочим».

Арестованный показал, что его зовут Алексей Петров, он – крестьянин одной из южных губерний, которую не назовет. На вопросы о целях покушения, сообщниках, месте проживания в Петербурге и о родственниках он отвечать отказался.

Пятого апреля В. А. Долгоруков доложил о первых итогах следствия Александру II. Государь повелел передать стрелявшего Особой следственной комиссии[432] графа С. С. Ланского-второго.

Допрос начался 5 апреля в 5 часов пополудни. Несмотря на увещевание священника, арестованный отказывался давать показания. Поскольку он назвался крестьянином, было принято решение о наложении оков (к дворянам эта мера могла быть применена только после лишения по суду всех прав состояния).

Арестованный продолжал молчать и после того, как на него надели кандалы. Непрерывный допрос (перерывы делались лишь для «духовного увещевания» допрашиваемого) продолжался до 7 апреля. В три часа утра «Петров» заявил, что готов дать показания, если ему позволят отдохнуть. Допросы прекратили.

Параллельно с допросами проводились криминалистические исследования и оперативно-розыскные мероприятия. При химическом анализе, произведенном профессором Ю. К. Траппом,

было установлено, что в стеклянном пузырьке содержится синильная кислота, а в порошках – стрихнин и морфий. Указанные вещества являлись ядами мгновенного или замедленного действия, в зависимости от концентрации. Наличие ядов позволило сделать предположение, что преступник имел намерение покончить с собой.

Осмотр одежды «Петрова» подтолкнул к версии, что он не являлся жителем Петербурга и, следовательно, нуждался во временном жилье. По законам того времени любое лицо, прибывшее в столицу, было обязано в течение суток с момента заселения представить паспорт для регистрации в полицейский участок. На Фонтанку по очереди вызывали всех дворников, портье гостиниц, трактирных официантов, банщиков и других лиц, которые могли видеть террориста.

Седьмого апреля содержатель гостиницы «Знаменская» опознал в покушавшемся человека, поселившегося в 65-м номере 2 апреля и скрывшегося 3 апреля после напоминания о необходимости представить паспорт. В номере немедленно произвели обыск, в результате которого жандармы обнаружили обрывки бумаги, оказавшиеся фрагментами почтовых конвертов. На одном из них удалось разобрать адрес: «В Москву. На Большой Бронной дом Полякова, № 25. Его высокоблагородию Николаю Андреевичу Ишутину». На другом конверте сохранился фрагмент адреса: «Ермолов, Пречистенка». В Москву направили срочный запрос об установлении этих лиц и указание об их немедленном аресте в случае обнаружения.

Арестованный после отдыха вновь отказался отвечать на вопросы, нарушив данное следователям обещание: «Петров» переиграл комиссию, получив для себя дополнительное время. После этого император назначил председателем комиссии графа М. Н. Муравьева, и допрос возобновился. Арестованному не отказывали в еде и питье, но твердо заявили, что он не будет спать до тех пор, пока не начнет отвечать на вопросы. Член комиссии П. А. Черевин вспоминал, что допросы продолжались безостановочно по 12–15 часов. В течение этого времени не позволялось сидеть или прислоняться к стене. Ночью арестованного будили несколько раз и заговаривали с ним преимущественно по-польски, полагая, что спросонья преступник проговорится. Столь напряженные допросы объяснялись желанием следователей подавить у арестованного волю к сопротивлению. Однако ни избиения, ни пытки к подследственному не применялись.

Девятого апреля в Москве были арестованы Н. А. Ишутин, П. Д. Ермолов и проживавшие вместе с последним М. Н. Загибалов и

Д. А. Юрасов. Ишутину предъявили фотографию террориста, по которой он опознал своего двоюродного брата Д. В. Каракозова. Всех арестованных незамедлительно доставили в Петербург для допросов. После очной ставки Ишутина и Каракозова последний стал давать показания.

Ишутин заявил о неосведомленности в делах брата, вероятно полагая, что сумеет убедить следователей в непричастности к покушению. Он стал активно сотрудничать со следствием, которое, в свою очередь, начало с ним оперативную игру. Ему предложили написать брату письмо и склонить его к чистосердечному признанию. Желая продемонстрировать властям свою невиновность, Ишутин 28 и 30 апреля написал брату два послания, в которых убеждал того раскаяться в содеянном. Ишутин писал и о своей полной невиновности и просил брата облегчить ему участь, равно как и участь других арестованных.

Под давлением неопровержимых улик и особенно после писем Ишутина, в которых, повторим, тот заявлял о своей непричастности к покушению, Каракозов начал давать признательные показания, указал на участвовавших в подготовке покушения петербуржцев А. А. Кобылина и И. А. Худякова.

В конце апреля следствие уже располагало точной информацией о роли Ишутина, о его встречах с Каракозовым за две недели до выстрела и об обсуждении ими деталей террористического акта.

Постепенно все участники групп Ишутина и Худякова были установлены и задержаны. Общее число арестованных к сентябрю 1866 г. составило 196 человек. В ходе следствия выяснились подробности о внутренней жизни организаций и о подпольной антиправительственной структуре «Ад».

Остановимся на основных версиях покушения Каракозова.

Считается, что покушение предотвратил крестьянин О. И. Комиссаров, помешавший произвести прицельный выстрел, за что, в качестве награды, его возвели в дворянское достоинство. Если это действительно так, впору говорить о полном провале всех охранных структур империи, в том числе личной охраны государя. Однако уже в 1866 г., то есть сразу после покушения, достоверность этой версии вызывала сомнения у некоторых высокопоставленных лиц. Сам Каракозов во время допросов настойчиво утверждал, что ему никто не мешал стрелять и не толкал под руку. Неудачу своего выстрела он приписывал собственной «нервической торопливости».

В письменных показаниях Каракозова есть интересные признания:

«Эта мысль (убить царя. – *Авт.*) родилась во мне в то время,

когда я узнал о существовании партии, желающей произвести переворот в пользу великого князя Константина Николаевича. <…> Что касается до личностей, руководивших мною в совершении этого преступления и употребивших для этого какие-либо средства, то я объявляю, что таких личностей не было: ни Кобылин, ни другие какие-либо личности не делали мне подобных предложений. Кобылин только сообщил мне о существовании этой партии <…> что эта партия опирается на такой авторитет и имеет в своих рядах многих влиятельных личностей из числа придворных. Что эта партия имеет прочную организацию в составляющих ее кружках, что партия эта желает блага рабочему народу, так что в этом смысле может назваться народною партиею. <…> О Константиновской партии я узнал во время моего знакомства с Кобылиным от него лично. Об этой партии я писал в письме, которое найдено при мне, моему брату Николаю Андреевичу Ишутину в Москву. <…> Буква К. в письме означает именно ту партию Константиновскую, о которой я сообщал брату. По приезде в Москву я сообщил об этом брату словесно, но брат высказал ту мысль, что это – чистая нелепость, потому что ничего об этом нигде не слышно, и вообще высказал недоверие к существованию подобной партии».[433]

Вторая версия исходит из того, что покушение – тщательно организованная и блестяще осуществленная интрига в виде специальной операции, цель которой могла заключаться в замене ряда руководителей силовых структур империи на более компетентных лиц. Нельзя исключить, что операция могла быть организована и по политическим соображениям: с целью сподвигнуть государя к проведению более жесткой политики по отношению к революционному подполью. Согласно этой версии Каракозов, учитывая его личные качества, мог быть использован втемную, а Комиссаров являлся оперативником службы, прекрасно исполнившим роль «рояля в кустах».

Возможен и вариант, при котором Комиссаров был действительно случайным человеком, но ему грамотно помогли подтолкнуть покушавшегося.

Великий князь Константин Николаевич, брат Александра II, с 1865 г. был председателем Государственного совета, в 1866 г. он составил проект конституции. Не исключено, что этот проект послужил поводом для распространения молвы о «Константиновской партии», готовящей государственный переворот. Настораживает факт, что А. А. Кобылин, на которого ссылается Каракозов как на источник информации о партии великого князя, был военным врачом, лечившим Каракозова. На квартире С. А. Кобылина, брата указанного лица, Каракозов

проживал без прописки (!) перед покушением. После покушения оба брата были арестованы. А. А. Кобылин, обвиненный в том, что знал о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь императора и снабдил его ядами, как ни странно, был оправдан и освобожден под надзор полиции, а С. А. Кобылина заключили в крепость за предоставление квартиры без вида на жительство.

Каждая из версий имеет право на существование, но у тех, кто интересуется историей спецслужб, возникает ряд вопросов. Если покушение – специальная операция, то по чьему указанию она осуществлялась: императора или кого-то из его ближайшего окружения? Какая из служб могла столь блестяще ее организовать: Третье отделение, Императорская Главная квартира, Министерство внутренних дел, Министерство Императорского двора и Уделов, военная разведка или личная агентура государя? Оставляем выбор на усмотрение читателей.

В отчете Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1866 г. отмечено:

«Обстоятельства дела о событии 4-го апреля представили фактические доказательства, что те разрушительные начала и пагубное направление, которые вкоренились в известной среде нашего общества, преимущественно в юношестве, не только продолжали существовать, но приобретали все более и более последователей, не останавливающихся ни пред какими преградами и готовых на самые безнравственные и кровавые преступления».[434]

Российская империя вступала в первый в ее истории период политического терроризма.

Глава 11
Охота на императора

Мысль об уничтожении императорской партии и главы ее – Александра II – была уже высказана… Осталось только привести ее в исполнение.

А. А. Шилов

После покушения Каракозова в руководстве структур, обеспечивавших внутреннюю безопасность империи, произошли коренные изменения. Был уволен начальник политической полиции В. А. Долгоруков. Вместо него 10 апреля 1866 г. главноуправляющим Третьим отделением и шефом жандармов император назначил графа П. А. Шувалова, человека умного, опытного и энергичного. Как писал очевидец, «спокойствие и самообладание давали ему то, что так редко приходится встречать в наших государственных людях, – уменье слушать и задавать вопросы, а это на посту шефа жандармов, очевидно, было главное».[435]

Семнадцатого апреля 1866 г. вместо генерал-адъютанта И. В. Анненкова на должность обер-полицмейстера был назначен генерал Ф. Ф. Трепов, также человек умный, решительный и хорошо знающий полицейское ремесло.

Трепов рьяно взялся за дело. В целях предотвращения повторного покушения только в апреле в Петербурге было проведено около 450 обысков и арестовано до двухсот человек.

Аналогичную работу в Москве провели начальник 2-го (Московского) округа Корпуса жандармов С. В. Перфильев и московский обер-полицмейстер Н. У. Арапов.

В апреле 1866 г. был составлен проект «*Об учреждении политических отделов в главнейших городах империи*». А председатель Следственной комиссии по делу Каракозова граф М. Н. Муравьев представил императору докладную записку, в которой излагал меры, рекомендованные для предпринятия правительством. Поскольку эта записка легла в основу рескрипта 13 мая, позволим процитировать некоторые из ее положений:

«Исследование преступления 4 апреля обнаружило с самого начала полное расстройство столичных полиций; они были лишь пассивными зрителями развития у нас тех вредных элементов и

стремлений, о которых говорится выше. Распространяться о преобразованиях полиции считаю лишним, ограничусь лишь несколькими указаниями. Ваше Величество изволили поставить во главе с. – петербургской полиции генерала Трепова, от опыта и энергии которого можно ожидать большего успеха. Мною уже было всеподданнейше представлено несколько мыслей по поводу этого преобразования, которые могут быть приведены в исполнение, не прибегая к чрезвычайным финансовым мерам. Главная же цель преобразования состоит в том, чтобы по мере возможности образовать политические полиции там, где они не существуют, и сосредоточить существующую полицию в 3-м отделении Вашего Императорского Величества канцелярии для единства их действий и для того, чтобы можно было точно и однообразно для целой империи определять, какие стремления признаются правительством вредными и какие способы надлежит принимать для противодействия им».[436]

В конце апреля Трепов выступил с инициативой создания специальной «охранительной полиции», задачей которой являлась обеспечение безопасности императора и членов августейшей семьи от преступных посягательств путем постоянного наблюдения во всех местах их пребывания.

На основании предложений Трепова 28 апреля Шувалов подал докладную записку на высочайшее имя, в которой обосновывалось создание секретной охранной службы. В записке отмечалось, что «все предпринимаемые действия к охранению государя должны быть <…> тайными и незаметными для народа»,[437] а чины охраны «никогда и нигде не должны предполагать, что спокойствие императора не может быть нарушено, но постоянно должны быть проникнуты мыслью, что Его Величеству угрожает опасность, почему обязаны принимать все зависящие от них средства к предупреждению и устранению таковой».[438]

За два дня до этого, 26 апреля 1866 г., в Берлине произошло покушение на министра-председателя правительства Пруссии Отто фон Бисмарка.

Во второй половине дня Бисмарк возвращался домой пешком по Унтер-ден-Линден после аудиенции у Вильгельма I. Когда он приблизился к русскому посольству, к нему подошел К. Ф. Коген-Блинд и дважды выстрелил из револьвера. Бисмарк попытался скрутить нападавшего, и с помощью подоспевших солдат 1-го гвардейского батальона Коген-Блинда удалось задержать. Во время задержания террорист выпустил еще три пули из своего револьвера, но ни в кого не попал. Некоторые источники тех лет утверждают, что Бисмарк не пострадал потому, что по совету В.

Штибера носил пуленепробиваемый панцирь.

Имевший леворадикальные взгляды (он был пасынком К. Блинда, журналиста демократической направленности) террорист сообщил, что намеревался убить Бисмарка с целью «предотвратить братоубийственную войну между немцами» (в июне началась австро-прусская война). В ночь на 27 апреля Коген-Блинд покончил с собой.

Неудавшееся покушение на Бисмарка стало поводом для организации в Пруссии тайной полиции, которой поручалось охранять короля и его министров. Организатором новой службы стал Штибер, «король ищеек», по меткому замечанию Бисмарка. Одновременно началось структурирование прусской агентурной разведки и тайной полевой полиции (военной контрразведки).

Нет сомнений, что это покушения было тщательно изучено в Петербурге, где 2 мая 1866 г. Александр II утвердил проект создания *Охранной стражи*. Согласно проекту в штате стражи числилось 89 человек: начальник, два его помощника, 80 стражников и шесть секретных агентов (оперативников). Начальник стражи и его помощники должны были состоять на службе в Корпусе жандармов (офицеры) или в петербургской полиции (гражданские чиновники). Стражников планировалось набирать из нижних жандармских или полицейских чинов, а секретных агентов «преимущественно из лиц свободных, всякого состояния по результатам предварительного испытания».

Четвертого мая Шувалов доложил императору, что к службе приступили начальник стражи надворный советник Н. Е. Шляхтин (полицейский пристав из Москвы), его помощник капитан Н. М. Пруссак (начальник жандармской команды из Ревеля), двадцать стражников и два агента.

В тот же день именным указом Александра II была упразднена должность военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга, а занимавший ее А. А. Суворов был назначен генерал-инспектором пехоты. Дела военного ведомства и комендантскую часть передали в управление командующего войсками Петербургского военного округа. Состоящее при генерал-губернаторе Особое управление и дела столичного полицейского управления были переданы в управление обер-полицмейстера с подчинением по «делам охранения общественной безопасности» Третьему отделению, а по делам исполнительной полиции – МВД. Высшим лицом, отвечающим за спокойствие и безопасность в столице, становился Ф. Ф. Трепов.

Первоначально предполагалось, что Охранная стража будет состоять «под главным ведением» Третьего отделения, но находиться в непосредственном распоряжении санкт-

петербургского обер-полицмейстера. Однако, как это часто бывает, за право руководства новым силовым подразделением и, соответственно, за влияние на государя начали бороться две сильные и талантливые личности. Шувалов практически сразу попытался оттеснить инициатора создания стражи Трепова от управления ее практической деятельностью. Но компромисс между Треповым и Шуваловым был найден: на время пребывания царской семьи в столице Охранная стража поступала в оперативное подчинение петербургского обер-полицмейстера.

Тем не менее Трепов стал искать возможность учредить собственную специальную службу путем реформирования столичной полиции. Суть реформы заключалась в способности городской полиции не только поддерживать общественный порядок, но и оказывать действенную помощь полиции политической. «В настоящее время можно предвидеть необходимость в следующих отделениях <…> 9. Секретное – по делам политическим, а именно: переписка о лицах, преданных секретному надзору по поводам политическим, розыск скрывшихся политических преступников, распоряжения о внезапных арестах, обысках и ревизиях по требованию 3-го Собственной Его Величества канцелярии и следственной комиссии и т. п. В распоряжении этого отделения будет специальная политическая полиция…».[439]

В том, что касалось секретного отделения, соображения Трепова не вошли в проект штата городской полиции. Вместо секретного отделения была введена должность чиновника особых поручений при обер-полицмейстере, которому и поручалось заведование секретной политическою частью, остававшейся за штатом. И хотя официально Александр II утвердил временный, сроком на три года, штат петербургской полиции только 27 июня 1867 г., секретное отделение (*Отделение по охранению общественной безопасности для производства негласных и иных розысков и расследования дел о государственных преступлениях в целях предупреждения и пресечения*) на практике существовало с мая 1866 г.

Тринадцатого мая 1866 г. Александр II издал свой знаменитый рескрипт на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина, которым поручал правительству «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений».

Для выполнения вытекавших из царского рескрипта мероприятий была учреждена *Особая комиссия*. В ее состав вошли наиболее реакционные, по мнению либералов, лица: шеф жандармов П. А. Шувалов, министр внутренних дел П. А. Валуев, председатель Следственной комиссии М. Н. Муравьев, обер-

прокурор Синода и министр народного просвещения Д. А. Толстой, министр государственных имуществ А. А. Зеленой, главноуправляющий Вторым отделением В. Н. Панин и князь В. А. Долгоруков.

В своей работе комиссия приняла к сведению и докладную записку Муравьева, который, в частности, предлагал следующее:

«Для восстановления власти необходимо прекратить развившиеся последнее время нападки печати и враждебные выходки дворянских и земских собраний против правительства, его принципов и представителей. Правительство не может выдержать всестороннего напора, и присущее ему обаяние неизбежно перейдет от него к тем, которые пользуются привилегией безнаказанно на него нападать. Нынешнее пассивное отношение правительства к этому двойному нападению ненормально и поэтому не может долго оставаться в данном положении. Правительство или будет в состоянии совладать с прессой и требованиями собрания, и тогда нынешний образ и основы правления останутся нетронутыми, или же оно <…> быть может, само повлечет к переменам формы правления.

Для того чтобы устранить притязания журналистики, надо неуклонно пользоваться существующими мерами: предостережением и закрытием изданий, которые будут нападать на правительственные начала; *несколько закрытых журналов, несколько временных неудовольствий могут ли иметь значение в общем итоге?* Если же эти меры окажутся недостаточными, то необходимо будет изменить законоположения о печати, которые таким образом выказали уже на первых порах свою несостоятельность. *Свобода печати несовместима с нашим образом правления; она возможна лишь в конституционном государстве, где она служит дополнением свободе слова.* Свобода печати составляет не первый, а второй фазис развития народной свободы; ей всегда предшествует свобода слова, которая, действуя большей частью на ограниченное собрание людей, может быть тотчас опровергнута. Где не существует свободы слова, там свобода печати является слишком опасным оружием против правительства, которое не может вступать в ежедневную полемику и делается безответным противником, принужденным уступать в неравной борьбе.

Для того же, чтобы положить предел враждебным демонстрациям различных собраний и приучить их к уважению и некоторой боязни правительства, необходимо сделать ответственными за их направление лица, руководящие ими. Положение вещей, при котором со всех сторон преследуют правительство с полной безнаказанностью и требуют от него того,

что противно его началам, не может быть терпимо далее, потому что такое положение быстро поведет к изменению основ, на которых покоится самодержавие.

Необходимо далее, чтобы цензурные учреждения яснее и энергичнее указывали своим провинциальным представителям направление, которым они должны руководствоваться, и удаляли тех из них, кои не действуют по данному *mot d'ordre*.[440] Не может же каждый правительственный агент иметь свой особый взгляд, особый цвет. Необходимо прекратить настоящее положение, при котором землевладелец, горожанин, крестьянин, подчинен в одной губернии одним порядкам, в другой – другим, всегда зависящим от политических убеждений лиц, которым вверено управление губернией или какою-либо ветвью администрации.

При разнообразии и неопределенности политических воззрений представители правительства, предоставленные в этом отношении самим себе, прислушиваются к органам печати, более подходящим к личным убеждениям и вкусам, и действуют по их внушению или ищут популярности, стараясь льстить страстям большинства. От этого происходит полная безнаказанность тех, которые не исполняют в точности требований закона, если только они имели случай доказать, что следуют тенденциям, которые нравятся известным партиям; между тем начала, на которых основаны цивилизованные общества, как то: уважение к собственности, исполнение закона, ответственность представителей власти, вера в прочное будущее, – исчезают. Необходимо, чтобы правительство выказало себя сильнее вожаков общественного мнения, потому что люди всегда льнут к силе и прислушиваются к ее голосу; разительный тому пример у нас на глазах: последнее восстание было подавлено лишь тогда, когда правительство решительно заявило свой перевес над ним. <…>

Выше уже сказано о тех обвинениях, которые слышатся со всех сторон на то, что развитие, даваемое учебным ведомством в последнее 10 лет, вместо того чтобы принести хорошие плоды, создало, напротив, поколение, зараженное ультрадемократизмом, социализмом, нигилизмом, и что вред каждого из этих стремлений делается тем более опасным, что последователи их поставляют за цель жизни пропагандирование своих идей между юношеством и даже между детьми, которых они делают вредными гражданами, могущими потрясти со временем общественный порядок государства. Нет сомнения, что корень зла скрывается главнейше в политических и нравственных убеждениях тех личностей, в руках которых находится воспитание молодого поколения; многие из них сами посевают в

молодежи эти вредные семена. Существуют факультеты в университетах и даже целые гимназии, как, например, Пензенская, Саратовская, Казанская, которые приобрели прискорбную известность своим дурным духом. Между тем не видно, чтобы для искоренения такого зла были приняты действительные меры. Личный состав, как преподавателей, так и учебного начальства, должен быть поэтому значительно изменен, и нельзя не прийти к прискорбному заключению, что *лучше на некоторое время приостановиться на пути просвещения*, чем выпускать тот недоучившийся уродливый слой, который в настоящее время обратил на себя внимание правительства. Можно надеяться, что новый министр просвещения сумеет энергичными мерами восстановить извращенное народное образование, но для этого ему необходимо, между прочим, полное содействие со стороны начальников губерний и политической полиции.

Независимо от сего нельзя не обратить внимание на следующее важное обстоятельство: законы весьма ясно и строго определяют условия, требуемые от лиц, которым дозволяется народное и частное воспитание. Именно звание домашнего учителя присвояется только лицам, окончившим курс в высших учебных заведениях или выдержавшим установленный для сего экзамен; лица же, [которые] принимаются за воспитание детей, не имея надлежащих по закону свидетельству, и родители или содержатели пансионов, берущие подобных лиц для обучения детей, должны по закону подвергаться за это денежным пеням. Законоположения эти, однако, никем не соблюдаются, и как народным, так и частным воспитанием руководят самые жалкие личности. В столицах и внутри империи есть множество людей между гимназистами высших классов, которые свободно занимаются воспитанием детей. Дешевизна их условий служит приманкой для многих недостаточных родителей, теряющих из виду, что люди эти имеют целью нравственное растление юношества. Если приведенные законы устарели, то следует их изменить, но во всяком случае не может быть допущен тот беспредельный простор, который существуете ныне в этом отношении».[441]

Пока Особая комиссия вырабатывала меры противодействия революционерам в области свободы печати и народного образования, Шувалов и Трепов продолжали формирование Охранной стражи. К концу мая 1866 г. ее штаты были полностью укомплектованы. Вторым помощником начальника команды стал подпоручик варшавской полиции А. И. Поляков. Из восьмидесяти нижних чинов 30 унтер-офицеров были переведены из уездных

жандармских команд 1-го (Санкт-Петербургского) и 3-го (Варшавского) округов Корпуса жандармов, 16 унтер-офицеров – из Варшавского жандармского дивизиона и городской жандармской команды; 25 вахмистров отобрали из полиции Варшавы, трех – из полиции Риги и шестерых – из городовых, ранее служивших в Дворцовой страже. Были зачислены еще три секретных агента: мещанин И. Кожухов из Третьего отделения, отставной губернский секретарь Новицкий и рижский гражданин Кильвейн. Поспешное формирование стражи отразилось на качестве личного состава: в июле из-за неблагонадежности, неспособности, нерасторопности, грубости и лености из нее были уволены четыре человека.

Поскольку Третье отделение существование стражи стремилось сохранить в тайне, ее создание не было оформлено законодательно. Во-первых, императора смущал сам факт охраны его особы от подданных. Кроме того, секретность способствовала сотрудникам стражи в исполнении их тайной службы. Для достижения целей охраны они должны были действовать конспиративно: вести себя так, чтобы публика не обращала на них внимания; никому и нигде нельзя было объявлять свое звание или объяснять характер своих обязанностей. Чины стражи должны были нести службу в гражданской одежде, и лишь в особых случаях некоторая часть стражников могла надевать форму. Каждому стражнику выдали номерное удостоверение, которое он не мог передавать никому под страхом самой строгой ответственности. В удостоверении указывалось, что его предъявитель состоит на службе при Третьем отделении. Если охранник нуждался в помощи полицейских, он мог предъявить удостоверение и потребовать содействия полиции.

На устройство и содержание Охранной стражи планировалось расходовать 52 тысячи рублей в год. Из них ежемесячное жалованье начальника составляло 200 рублей, его помощников – по 100 рублей, агентов – по 75 рублей, стражников – по 30 рублей. На гражданское платье каждому полагалось по сто рублей в год. На экстренные расходы стражи накидывали 5000 рублей в год. Всего же за май – июль 1866 г. Шувалов добился увеличения секретных расходов Третьего отделения в два раза, доведя эту цифру до 165 877 рублей.[442]

В середине мая Треповым были разработаны проекты Положения об Охранной страже и инструкция для ее чинов из тридцати параграфов. В проекте инструкции регламентировались обязанности стражников и правила их поведения при выездах и выходах императора и членов монаршей семьи из дворца на разводы, смотры и парады войск, молебны, прогулки и т. п.

Определялся порядок организации и ведения наружного наблюдения на улицах и за лицами, входящими и выходящими из дворца. Приводились примеры ответов на вопросы о членах императорской фамилии и т. д.

«Так, „в садах, где августейшие особы изволят прогуливаться“, стражники были обязаны заблаговременно осматривать „аллеи, и места, по которым обыкновенно прогулка бывает“, и „обращать внимание на то, не скрывается ли кто-нибудь в клумбах, кустах или за деревьями и постройками“. „При отсутствии публики“ стражникам полагалось „держаться на значительном от этих мест расстоянии, дабы не обращать на себя внимания“, а „в случае появления публики“ Трепов подчеркивал необходимость задержания лиц, „которые, пробираясь сквозь толпу, стараются приблизиться к высочайшим особам с подозрительными намерениями“, а также „лиц, заметно переодетых в платье крестьянское или другое, несообразное с их наружностью и очевидно надетое с какой-либо предумышленной целью“».[443]

Проект инструкции был представлен Шувалову, который посчитал, что в нем слишком много говорится об опасности для жизни государя, поэтому его следует пересмотреть. В июне Трепов представил второй вариант инструкции, который подвергся доработке в Третьем отделении.[444]

Создание Охранной стражи имело и отрицательную сторону, связанную с системой подчиненности специальных служб. Начальник стражи подчинялся непосредственно управляющему Третьим отделением и начальнику штаба Корпуса жандармов Н. В. Мезенцову. Дворцовая стража, Собственный Его Императорского Величества конвой, Рота дворцовых гренадер и привлекаемые к охране царских резиденций караулы из гвардейских полков подчинялись коменданту Императорской Главной квартиры А. М. Рылееву. Вероятно, Александр II не хотел чрезмерного усиления ни одного из своих приближенных.

По предписанию Третьего отделения на каждого офицера и рядового сотрудника был заведен «секретный кондуит». В дальнейшем кондуиты использовались при назначении охраны на время поездок государя по России или за границу.

Перед началом каждой поездки начальник стражи составлял подробный план охранных мероприятий, который утверждался лично Шуваловым. В частности, утверждались:

количество и персональный состав агентов и стражников для сбора необходимых сведений и предварительного осмотра местности;

для сопровождения Александра II и его семьи в пути;

для встречи императорской семьи в пункте назначения;

для охраны особ, остававшихся в Петербурге;

состав резерва.

Тем временем Трепов, отстраненный Шуваловым от дальнейшего участия в управлении Охранной стражей, занялся реформированием столичной полиции. Он направил Александру II докладную записку, в которой, в частности, говорилось:

«Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляло отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений, изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений. Обязанности эти лежали на чинах наружной полиции, которая, неся на себе всю тягость полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отношении. Для устранения этого недостатка и предложено учредить сыскную полицию».[445]

Двадцать шестого июня 1866 г. в распоряжение Трепова был откомандирован лучший сыщик петербургской полиции И. Д. Путилин. В своей работе Путилин использовал весь спектр оперативно-розыскных мероприятий:

обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;

опрос граждан;

сбор образцов для сравнительного анализа, исследование предметов и документов;

наведение справок;

наружное наблюдение;

отождествление личности;

контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений.

Особо отметим, что Путилин стремился создать обстановку и условия, вынуждающие подозреваемого проявить свои намерения, что способствовало его изобличению и задержанию. Совместными усилиями Трепов и Путилин добились улучшения работы столичной полиции.

Оправившись от растерянности после покушения на государя, правительство перешло в наступление. В мае 1866 г. был закрыт ежемесячный журнал «Русское слово», в июне такая же участь постигла и «Современник». Главное управление по делам печати при МВД, созданное в апреле 1865 г., ужесточило наблюдение за деятельностью цензурных комитетов и отдельных цензоров по внутренней и иностранной цензуре. Двадцать второго июля Комитет министров принял положение об усилении власти губернаторов. Губернатор получал права:

1) изъявлять несогласие при приеме, перемещении или

переводе гражданских чиновников, если они признавались неблагонадежными;

2) прекращать без объяснений деятельность любых собраний, обществ, артелей, клубов и т. п., если их деятельность нарушала общественный порядок.

Судопроизводство по делам печати было изъято из ведения окружных судов и передано судебным палатам.

Двадцать шестого июля 1866 г. в Абхазии началось восстание, впоследствии названное «странным». Поводом к восстанию стало недовольство крестьян условиями аграрной реформы. Представители власти, слабо разбиравшиеся в сословных особенностях местного уклада жизни, не понимали, что в Абхазии фактически не существовало крепостной зависимости. В названный день на сходе в селении Лыхны (Гудаутский район) царские чиновники в грубой форме объявили, что народ освобождается от своих хозяев за определенный выкуп. Крестьяне, считавшие себя свободными, не понимали, от кого их «освобождают», а местные дворяне, часто связанные с крестьянами аталычеством (молочным родством), посчитали себя оскорбленными. Катализатором возмущения послужило надменное отношение правительственных чиновников, оскорбившее жителей семитысячного схода. Недовольством населения немедленно воспользовались протурецки настроенные последователи А. Чачба. Не исключено, что в подстрекательстве к мятежу участвовали и агенты английского разведчика Ф. Г. Гольдсмида, посетившего Абхазию в 1864 г.

Взбунтовавшимися участниками схода были убиты начальник Сухумского военного отдела[446] полковник Коньяр, два чиновника, четыре офицера и 54 казака. Двадцать седьмого июля восстание распространилось от села Калдахвара до Цебельды, Дала и Сухума; общее число повстанцев доходило до двадцати тысяч человек. Вооруженные отряды (более 4000 человек) заняли окраину Сухума. Однако неоднократные попытки занять Сухумскую крепость, где укрывались представители власти, были отбиты русскими войсками.

Двадцать девятого июля владетельным князем Абхазии провозгласили г. Шервашидзе, но попытка реставрации княжества успеха не имела. Против восставших были направлены войска под командованием кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского. В подавлении мятежа приняли участие и антитурецки настроенные представители местного дворянства, желавшие сближения с русским императором.

В результате военно-полевому суду предали 15 человек, из которых трое были публично казнены. Часть осужденных

крестьян добровольно приняла христианство, чтобы избежать переселения в Турцию.

Одиннадцатого августа 1866 г. Сухумский военный отдел был разделен на Драндский, Пицундский, Окумский и Цебельдинский округа. Начальникам отделов предоставили права военных губернаторов Закавказского края, хотя номинально они подчинялись кутаисскому генерал-губернатору. В Сухуме было образовано полицейское управление, учреждены суды и земская стража. В селах назначались старшины. В 1866–1867 гг. в Турцию было выслано до двадцати тысяч человек.

Восьмого августа 1866 г. в Верховном уголовном суде открылся процесс над 36 ишутинцами, продлившийся до 10 октября. Д. Каракозова и Н. Ишутина приговорили к повешению, семь членов кружка – к каторжным работам, девять – к ссылке. Ишутину смертную казнь императорским повелением заменили каторгой.

Двадцать шестого октября 1866 г. было утверждено положение Комитета министров о создании сыскной полиции: [447] впервые в Российской империи создавалась специальная служба для выявления, предупреждения и пресечения уголовных преступлений.

Сыскная полиция (уголовный розыск) учреждалась при канцелярии петербургского обер-полицмейстера. Ее задачи были определены в «*Учреждении Санкт-Петербургской городской полиции*», где указывалось:

«Сыскная полиция имеет своим назначением производство розысков и дознаний по делам уголовным, а равно исполнение приказаний градоначальника относительно мер по предупреждению и пресечению преступлений. Сыскная полиция действует на общих для полиции установленных основаниях в качестве исполнительного полицейского учреждения по специальной части».[448]

Подробный порядок действия сыскной полиции определялся инструкцией градоначальника

Первоначально штаты сыскной полиции состояли из начальника, его помощника, четырех чиновников особых поручений, двенадцати полицейских надзирателей и двадцати вольнонаемных сыщиков, имевших гражданские чины. Тридцать первого декабря 1866 г. приказом Ф. Ф. Трепова за № 266 начальником петербургской сыскной полиции был назначен И. Д. Путилин.

Сыскная полиция занималась розыском подозреваемых, если не было известно место их пребывания или в случае побега обвиняемых. Розыск проводился по решению суда и по

представлению судебного следователя или прокурора. Также она вела розыск имущества, на которое было наложено взыскание. Кроме розыскной деятельности на сыскную полицию были возложены обязанности ведения учета и наведения справок о лицах, которых задерживала участковая полиция, если у этих лиц не было паспорта или если они обвинялись в каких-либо преступлениях. Лица предосудительного поведения подлежали выявлению и высылке из столицы.

В декабре 1866 г. Н. Е. Шляхтин по собственному желанию был освобожден от должности начальника Охранной стражи и переведен советником губернского правления в Казань, а на его место назначен надворный советник Ф. Ф. Гаазе. Штат стражи, уменьшенный наполовину, состоял из начальника, двух его помощников, двух агентов и сорока стражников. Однако это не сказалось на бюджете стражи, ей по-прежнему отпускалось 52 тысячи рублей в год.

В январе 1867 г. перлюстрационное отделение в Варшаве перешло из ведения наместника в подчинение министра почт и телеграфов[449] И. М. Толстого. Общее руководство перлюстрацией до 1886 г. осуществлял директор Санкт-Петербургского почтамта. Пакеты с перлюстрированной перепиской представлялись императору.

В Третьем отделении появился секретный архив, в котором сосредоточивались политические дела и материалы перлюстрации, систематически пополнялась фототека и «Алфавит лиц, политически неблагонадежных».

Охране государя, помимо революционеров, немало трудностей доставляло и поведение императора, обусловленное особенностями его характера. Приведем пример. По приглашению Наполеона III Александр II прибыл в Париже для посещения Всемирной выставки 1867 г. В рамках визита планировалась встреча германского, русского и французского императоров. Но, как стало известно впоследствии, Александр II преследовал и личную цель – свидание с княжной Е. М. Долгоруковой. Их роман начался весной 1865 г. после внезапной смерти наследника престола Николая Александровича. По свидетельству камер-фрейлины А. А. Толстой, Александр встречался с Долгоруковой даже в Зимнем дворце – в кабинете Николая I, имевшем отдельный вход с площади и потайную лестницу, соединявшую кабинет с апартаментами императора. Государь оказался неплохим конспиратором: о тайных встречах долгое время ближайшее окружение не подозревало.

Мы затронули эту деликатную тему только в связи с тем, что она имеет прямое отношение к личной безопасности Его

Величества. В день приезда в Париж 20 мая 1867 г. государь посетил «Опера-Комик», после чего вернулся в Елисейский дворец. Около 23 часов 30 минут он сообщил министру Императорского двора и Уделов В. Ф. Адлербергу, который одновременно являлся и командующим Императорской Главной квартирой, о желании прогуляться пешком и занял у него 100 тысяч франков. Александр особо подчеркнул, что сопровождать его не нужно. Министр немедленно уведомил о произошедшем П. А. Шувалова.

«Адлерберг, – вспоминал Шувалов, – тут же сообщил мне об этом странном случае, и, поскольку в моем распоряжении находились мои собственные агенты (не говоря уже о французской полиции), которые должны были издали следовать за государем, куда бы он ни направлялся, я остался почти спокоен. Мы вернулись в свои комнаты, конечно, позабыв о сне, ожидая с минуты на минуту возвращения императора. Но когда пробило полночь, потом час и два, а он не появлялся, меня охватило беспокойство. <…>

Полицейские агенты, которым было поручено вести наблюдение за императором очень деликатно, могли упустить его из виду, а он, плохо зная расположение парижских улиц, легко мог заблудиться и потерять дорогу в Елисейский дворец. Словом, мысль об императоре, одиноком в столь поздний час на улице со ста тысячами франков в кармане, заставила нас пережить кошмарные часы. Предположение, что он мог быть у кого-то в гостях, даже не пришло нам в голову; как видите, это доказывает наше полное неведение относительно главных мотивов его поступков. Наконец, в три часа ночи он вернулся… Что же произошло с ним этой ночью?

Выйдя на улицу, император нанял фиакр, нагнулся под фонарем, прочитал какой-то адрес, по которому велел извозчику везти его на улицу Рампар, номер такой-то. Прибыв на место, сошел с фиакра и прошел через ворота во двор дома. Он отсутствовал примерно минут двадцать, в течение которых полицейские с удивлением наблюдали, как он безуспешно возился с воротами. Император не знал, что нужно было потянуть за веревку, чтобы дверь открылась, и оказался в ловушке. К счастью, агент, занимавшийся наблюдением, сообразил, в чем дело. Толкнув ворота, он быстро прошел в глубь двора мимо императора, как бы не обращая на него внимания, и таким образом дал возможность императору выйти. Извозчик ошибся номером, и дом, указанный императором, оказался в двух шагах. На этот раз он вошел туда беспрепятственно. Пока Адлерберг и я тряслись от страха, император, наверное, преспокойно пил чай в

обществе двух дам».[450]

Шувалов имел все основания опасаться за безопасность государя. Во Франции нашли прибежище многие польские эмигранты, часть французского общества также была враждебно настроена по отношению к Александру II. При его появлении на улицах Парижа нередко раздавались демонстративные выкрики «Да здравствует Польша!».

Двадцать пятого мая близ Лоншана состоялся смотр войск, по завершении которого императоры Франции и России в сопровождении свиты направились в Париж через Булонский лес. Кареты были открытыми. Во время движения со стороны дороги, ближайшей к Наполеону III, раздались выстрелы. Пуля попала в лошадь шталмейстера Рамбо, ехавшего рядом. Стрелок был немедленно схвачен и побит толпой зевак. Французский император, по преданию, сказал Александру II:

«Если стрелял итальянец, то пуля предназначалась мне, если поляк – вам».

«*От генерал-адъютанта графа Адлерберга 25 мая вечером*.

Божий Промысел охранил Государя Императора. Сегодня около 5 часов пополудни, на возвратном пути через Булонский парк после военного смотра, выстрел из пистолета был направлен на экипаж, в котором находились оба императора и великие князья, наследник цесаревич и Владимир Александрович. Выстрел, сделанный со стороны Императора Наполеона, никого не коснулся, но ранил лошадь шталмейстера, сопровождавшего экипаж. Преступник был немедленно схвачен и почти растерзан народною толпою. Он молодой человек <…> по-видимому, француз. Подлежащие власти, в руки которых он передан, производят следствие. Подробности будут сообщены, как скоро исследование их приведет в ближайшую известность.

От генерал-адъютанта графа Шувалова, 26 мая.

Преступник – уроженец Волынской губернии, поляк по имени Березовский. Он эмигрировал два года пред сим; он двадцати лет и проживал в Париже. Он уже несколько дней искал удобного случая для покушения на жизнь государя императора. Двуствольный пистолет его разорвало от слишком сильного заряда, а при этом уклонилось и направление пули. Березовский сделал полное признание, обнаруживая признаки фанатизма».[451]

А. И. Березовский, являвшийся участником Польского восстания 1863–1864 гг. (тогда ему было 16 лет), заявил, что действовал в одиночку и совершил покушение, «имея в виду освобождение родины». Следствие установило, что он присутствовал на вокзале при приезде Александра II в Париж и

после этого начал готовиться к покушению. При посещении Александром театра Березовский внимательно разглядывал императора, чтобы узнать его впоследствии. Пистолет был куплен накануне дня покушения за девять франков. В ходе обыска, проведенного в комнате террориста, была обнаружена книга по истории цареубийств.

Меры безопасности усилили, поскольку полиция не исключала повторного покушения; Александр II отказался от ряда поездок, в том числе и на охоту. Императрица Евгения, жена Наполеона III, наивно полагала, что в нее – женщину – заговорщики стрелять не будут, и добровольно исполняла роль личного телохранителя высокого гостя, везде сопровождая его.

Разумеется, над Березовским состоялся суд (уже после отъезда Александра II в Россию). Несмотря на просьбу защиты смягчить участь обвиняемого, Березовского приговорили к пожизненной каторге в Новой Каледонии.

Пребывание Александра II в Париже и покушение Березовского требуют ответа на ряд вопросов. Если Шувалов не знал о назначенном свидании, то это говорит о его профессиональной некомпетентности. Более того, проявленная главой Третьего отделения во время ночных похождений императора беспечность граничит с преступной халатностью. Данные факты в сочетании с покушением могут свидетельствовать о полном провале Шувалова и возглавляемой им службы. Но, учитывая предыдущий опыт работы Шувалова в специальных службах, подобное предположение, скорее всего, будет ошибочным. Мы полагаем, что о свидании он знал, но не стал афишировать свою осведомленность. Негласная охрана государя в этом случае могла быть поручена особо доверенным сотрудникам с хорошим оперативным опытом, прибывшим из Петербурга, а также секретным сотрудникам Заграничной агентуры.

Кроме того, Шувалов не мог не иметь информации о политических настроениях во Франции, в том числе в среде русской и польской эмиграции. Он получал ее по официальным каналам от французских коллег, чиновников российского МИД и от собственных сотрудников, негласно работавших во Франции. На наш взгляд, воспоминания Шувалова вполне могут быть «уткой», скрывающей истинные возможности российских секретных служб. Косвенно это подтверждается тем, что Александр II не отстранил Шувалова от должности, как предшественника, и иногда называл его Петром IV, вероятно, намекая на истинные возможности графа.

Что касается покушения, то здесь основная часть вины лежит

на принимающей стороне, обладавшей на своей территории несравнимо бóльшими возможностями. Французские службы имели хорошие агентурные позиции в среде политической эмиграции. Но если Березовский действительно являлся террористом-одиночкой, то выявить его на стадии подготовки террористического акта было крайне сложно:[452] пришлось бы взять под наружное наблюдение или оперативную разработку всех политэмигрантов, что практически нереализуемо. В пользу версии о террористе-одиночке говорит и то, что пистолет был куплен накануне покушения, а сам Березовский получил тяжелое ранение руки ввиду разрыва ствола. В наибольшей степени ответственность за покушение несли не оперативные службы, а охранно-конвойные подразделения, не сумевшие обеспечить безопасность императоров на маршруте.

Можно, однако, сделать и другое предположение, согласно которому Березовского контролировали представители французской или, что более вероятно, прусской секретной службы. Французам был бы выгоден эффектный финал – задержать террориста перед самым покушением. А вот для прусаков все было не так однозначно, поскольку Наполеон III всячески пытался склонить Александр II к союзу для создания противовеса усиливавшейся Пруссии.

В 1885 г. французский журналист В. Тиссо в книге «Тайная полиция Пруссии» опубликовал версию «прусского следа» в покушении на российского императора.

«Тогда [в 1867 г.] этот одновременный визит двух северных монархов приписали случайному совпадению; но затем внимательные читатели серьезных исторических работ (между прочим – „Возникновение войны 1870 г.“ Ротана) могли убедиться, что это совпадение было желанным и подготовленным прусской дипломатией, дабы помешать слишком тесному сближению между царем и Наполеоном III, сближению, которое, конечно, состоялось бы, если бы Александр II был предоставлен влиянию только гостеприимного хозяина, еще не утратившего своей способности очаровывать.

Трагическому происшествию суждено было <…> помочь намерениям прусской дипломатии.

Штибер, который, несмотря на официальное положение, занимаемое им в Пруссии, и не думал бросать своих сношений с русской тайной полицией, должен был одновременно оберегать и Александра, и Вильгельма. Зная, что очень большое число поляков жило во Франции и что среди них находились фанатики, мечтавшие отомстить за своих близких, расстрелянных, повешенных или сосланных, он сосредоточил все свои усилия, все

свое хитроумие на том, чтобы разгадать и предупредить преступные замыслы изгнанников. Задолго до этого времени целый ряд шпионов бродил по Батиньолю, где проживала бóльшая часть эмигрантов; всякий подозрительный поляк был выслеживаем одним из этих полицейских. Благодаря изменившим товарищам, которых полицейские сыщики сумели переманить на свою сторону, Штибер был осведомлен о подробностях совещаний, происходивших раз или два в неделю в домике на улице Клиши, в глубине сада, поблизости от крепостных укреплений.

Обыкновенно начинали с того, что сообщали друг другу новости, дошедшие с родины, читали недозволенные газеты, иногда обсуждали условия соглашения с партией русских нигилистов, которая только что проявила свою деятельность попыткой Каракозова убить царя в Зимнем саду[453] в Петербурге. Весьма вероятно, что, как это часто бывает, именно провокатор, состоявший на жалованье у Штибера, подал мысль воспользоваться приездом в Париж Александра II, чтобы убить его. Как бы то ни было, мысль эта была благосклонно принята большинством, но истинные патриоты энергично протестовали против поступка, который никоим образом не улучшил бы положение Польши и только уронил бы добрую славу Франции.

Все отколовшиеся перестали с этого времени появляться на улице Клиши, и, так как они представляли самый умный и умеренный элемент, собрание оказалось целиком во власти полицейских провокаторов. Штибер бывал ежедневно осведомлен об этих совещаниях, а французская полиция, занятая в другом месте, ничего и не подозревала.

Переезжая границу, Штибер в королевском поезде получил срочную телеграмму от одного из своих главных агентов, который назначал ему в тот же вечер свидание в маленьком кабачке около Рынка. Депеша указывала, что дело было крайне спешное.

Поэтому, едва добравшись до посольства на улице Лилль, где он остановился, так же как и Бисмарк, – королю и кронпринцу было отведено помещение в Тюильри, – Штибер, надев парик и наклеив бороду, отправился в место, указанное полицейским. Когда начальник тайной полиции переступил порог ресторана, ожидавший агент отвел его в сторону. „Они решили, – быстро сказал он, – убить царя. Преступление свершится завтра во время возвращения с большого смотра, который будет устроен в честь государя. Чтобы узнать, кому стрелять, кинули жребий. Вот фамилия того лица, на которое пал выбор“.

И полицейский протянул своему начальнику листок, на котором стояло: „Болеслав Березовский“.

– Это очень решительный человек, – добавил полицейский, – фанатик; судьба не могла указать лучшего, он не отступит.

– Вы его знаете?

– Еще бы! – сказал агент. – Мы из одной деревни, он мой закадычный друг. Иногда мы с ним ссоримся, когда я его упрекаю в том, что он недостаточно пылок.

– Ну, так не теряйте его из виду, вы слышите? Пусть за ним следят шаг за шагом, я вам дам необходимые указания. Приходите сюда опять сегодня вечером, в полночь.

Штибер позвал извозчика и приказал везти себя как можно скорее в полицейскую префектуру. Ему хотелось сообщить Пьетри то, что он узнал, и предложить ему действовать без промедления. Но, по одной из тех случайностей, которыми играет судьба, начальник полиции обедал в замке Сен-Клу.

Из полицейского управления Штибер направился в Елисейский дворец, где помещался царь; но и там никого не оказалось, царь был в маленьком театрике на бульваре, где блистала одна актриса, весьма тогда популярная, а его адъютанты разбрелись по городу. В ту минуту, когда Штибер подъехал к немецкому посольству, нарядная, легкая коляска, запряженная превосходными лошадьми, выехала из ворот особняка. В коляске сидел Бисмарк <…>.

– Я должен сделать вашему превосходительству крайне важное сообщение, – сказал шепотом тайный советник. <…>

– Ну, в чем же дело? – спросил граф тайного советника, когда они уселись рядом.

– Завтра хотят убить русского императора.

– Опять какой-нибудь вздор или глупые сказки! – заметил Бисмарк, пожимая плечами.

– Нет… я знаю убийцу, мне его указал один из заговорщиков… Я бросился было в полицейское управление, чтобы его арестовали.

– Значит, он сидит под замком и больше нечего бояться?

– Нет, в полицейском управлении никого не было, и если сегодня ночью мне не удастся повидать Пьетри, может произойти несчастье; потому что, кто знает?.. завтра будет уже поздно…

– Да, да! Это было бы очень большим несчастьем, если бы столь благородный, столь добрый государь, как Его Величество Александр II, пал от руки заурядного убийцы… Подобное преступление так отвратительно, что его необходимо предотвратить во что бы то ни стало… Я надеюсь, что вы сделаете все для этого?

– Конечно, я приказал одному из моих людей следить за убийцей шаг за шагом и не покидать его…

– Прекрасно; таким образом, в случае, если бы французская полиция не арестовала его вовремя, в момент покушения рядом с ним будут люди, которые, схватив его за руку, отклонят смертельный удар.

– Конечно…

– Преступление будет избегнуто, а покушение останется налицо… Подумали ли вы о политических последствиях этого события, господин Штибер? – продолжал Бисмарк после минутного размышления. – Царь Александр, увидав, что императорская полиция не сумела его охранить, уедет из Франции… и под каким впечатлением!.. Я его знаю… Немало политических замыслов разлетятся, как дым, и Наполеону придется, даром потратившись на любезности, оставить все планы о заключение союза… Да… А если виновник покушения избежит казни, если присяжные из добрых буржуа, разнюнившись, как телята, от жалобных слов адвоката о несчастной Польше, не вынесут убийце смертного приговора, в Петербурге будут сильно негодовать, и надолго между Россией и Францией будут нарушены добрые отношения… а на моих плечах будет одной большой заботой меньше… Для нас, немцев, это покушение было бы настоящей милостью Провидения; а если убийцу арестуют, французской полиции будет принадлежать честь раскрытая заговора, она получит поздравления и благодарности за свою расторопность и заботливость, Александр будет считать себя должником Наполеона, а нам, нам придется вести борьбу на два фронта – в Петербурге и в Париже. <…>

– Кто же ваш убийца? – небрежно спросил Бисмарк.

– По-видимому, совсем еще молодой человек, ему лет двадцать или около того…

– Ребенок… и поляк, никогда парижский суд присяжных не приговорит его к смертной казни; это было бы противно всем буржуазным симпатиям г-на Прюдомма.[454] В самом деле, досадно будет, если этому юноше не придется произвести своего выстрела.

Коляска въехала в ворота посольства. Привратник подошел с низким поклоном.

– Господин тайный советник, – обратился он к Штиберу, – в моей комнате уже с полчаса ожидает вас какой-то человек.

И он указал пальцем на субъекта, довольно грязно одетого и с большой тростью в руке. Последний вручил Штиберу записку. Пробежав ее, Штибер передал ее канцлеру, который прочитал следующее:

„Г. начальник полиции весьма сожалеет, что г. советник Штибер не застал его, и в случае, если дело касается службы, г.

начальник полиции будет счастлив принять г. советника в любые часы ночи“.

Оба немца быстро переглянулись.

– Скажите г-ну начальнику полиции, что я благодарю его, но что дело, о котором я хотел переговорить с ним, не спешно, – сказал Штибер,

Посланный с Иерусалимской улицы удалился.

Час спустя Штибер, снова надев парик и наклеив бороду, выходит из посольского особняка, чтобы еще раз встретиться в условленном месте с подчиненным ему полицейским агентом. Тот подтвердил все данные, сообщенные им ранее, и прибавил, что молодой человек, за которым следили весь день, купил пистолет и заряды у оружейника на Севастопольском бульваре. Он скромно пообедал в кухмистерской того же квартала; сыщик сидел за соседним столом. Вечером молодой поляк вернулся в свои меблированные комнаты, и сыщик уверен, что он уже оттуда не выйдет до утра.

Сыщик получил приказание на завтрашний день ни на шаг не отходить от Березовского и взять себе в помощь еще двух полицейских агентов. В особенности необходимо быть рядом с поляком в ту минуту, когда он приступит к выполнению своего замысла, и помешать ему.

Тайный советник получил от своего клеврета уверенье, что все будет сделано согласно его предписаниям. <…>

6 июня 1867 г. более 300 000 любопытных столпилось около огромного Лоншампского скакового поля и в Булонском лесу. <…>

Начался разъезд. Придворные экипажи стали поворачивать обратно в город, по крайней мере, пытались это сделать, так как со всех сторон все прибывали коляски, торопясь добраться до средней аллеи, чтобы, возвращаясь, избегнуть давки. Но так как все руководились одной и той же мыслью, то загромождение произошло необычайное и распутать его не представлялось никакой возможности. Жандармы и полицейские чины принуждены были отложить попечение о водворении хоть какого-нибудь порядка. Императорские экипажи оказались задержанными. Наполеон, ехавший в первой коляске вместе с царем и великим князем Владимиром, приказал дежурному шталмейстеру, скакавшему рядом с коляской, силой проложить себе дорогу, чтобы выехать в боковую аллею, менее загроможденную. Рамбо – дежурный шталмейстер – заставил ближайшие экипажи посторониться, и императорская коляска направилась по боковой аллее. Здесь было очень тесно: разряженная праздничная толпа смеялась, болтала и весело

шумела. Рамбо, оглядываясь по сторонам, чтобы выбрать дорогу, заметил молодого человека, который, отделившись от маленькой кучки людей, бросился навстречу коляске. Инстинктивно, не отдавая себе отчета в том, что побуждало его, шталмейстер пришпорил свою лошадь, которая взвилась на дыбы… и внезапно рухнула на землю. Пуля, выпущенная из пистолета, попала ей в лоб. Раздался второй выстрел, но пуля потерялась в деревьях. Полицейский агент Штибера, не покидавший Березовского и зорко следивший за ним, видел, как молодой поляк направил свое оружие на царя. С быстротой молнии он ударил под руку убийцу, и пуля, предназначенная императору, пролетела над головой монарха.

Толпа схватила покушавшегося и избила его, прежде чем отдать в руки полиции. Монархи обнялись и выразили горячую благодарность шталмейстеру. Известие о покушении распространилось с головокружительной быстротой, все спешили взглянуть на убийцу, совсем еще молодого человека, весьма приличного и скромного на вид, ничуть не похожего на свирепого злодея.

То, что было дальше, достаточно известно. Допрошенный Руэром и начальником русской полиции графом Шуваловым, Березовский заявил, что хотел отмстить за свою родину – Польшу. Он отказался назвать сообщников и взял на себя всю ответственность за содеянное им преступление.

Присяжные парижского суда, как и предвидел Бисмарк в разговоре со Штибером, были тронуты молодостью и безукоризненным прошлым обвиняемого; к тому же Польша пользовалась горячей симпатией парижской буржуазии. Они дали Березовскому снисхождение, признав смягчающие вину обстоятельства, и Александр II был очень оскорблен их приговором.

Три года спустя, накануне войны между Германией и Францией, и затем во все время войны 1870–1871 года царь доказал, что оскорбление не забыто им.

Таким образом, осуществились все предположения Бисмарка».[455]

Однако во Франции Александру II, можно сказать, повезло. Один из самых непримиримых противников абсолютизма Михаил Александрович Бакунин с головой ушел в пропагандистско-организаторскую деятельность, оставив за скобками терроризм. В 1865–1867 гг. теоретик анархизма занимался реализацией собственного проекта, изложенного в рукописи «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864).

«Для образования надежного и реального альянса, – писал

Бакунин, – необходимо, во-первых, создать его тайно и положить в основу альянса великий единый принцип, настолько многообещающий и возвышенный, что он станет для людей, признающих его, чем-то вроде религии и даст им силы бороться с трудностями, препятствиями и повседневным отвращением, воодушевит их пожертвовать своим честолюбием и личными интересами».[456]

Суть проекта заключалась в организации широкомасштабного заговора для осуществления международной революции, которая приведет к уничтожению современных государств и возникновению федерации свободных народов. Тайная организация, к созданию которой стремился Бакунин, должна была строиться на принципах централизма и соблюдать строжайшую дисциплину.

Вступив в 1864 г. в Международное товарищество рабочих, Бакунин создал тайное «Интернациональное братство», а затем, в 1868 г., основал в Швейцарии «Международный альянс социалистической демократии». Он хотел, чтобы «Альянс…» был принят в Интернационал, но получил отказ. Тогда Бакунин объявил о роспуске организации, но на самом деле «Альянс…» продолжал функционировать.

С 1868 г. Александра II и членов его семьи в заграничных поездках обязательно сопровождали сотрудники Охранной стражи. Вначале Третье отделение при посредничестве МИД входило в сношения с полицией (службой безопасности) страны, в которую намечалась поездка, чтобы согласовать соответствующие меры по обеспечению охраны. Затем за рубеж командировалось несколько сотрудников, владевших иностранными языками, для дальнейшей подготовки визита. Непосредственно в путешествии Александра II сопровождали начальник стражи и группа из нескольких человек.

Оперативная обстановка в Российской империи оставалась стабильной. Ее улучшению к середине 1860-х гг. способствовало изменение настроений в среде интеллигенции. Многие землевольцы разочаровались в революционных идеях, особенно после событий 1863–1864 гг., и от активной деятельности отошли. Других оттолкнули покушения Каракозова и Березовского. (После покушений увеличилось число заявлений в полицию о подозрительных лицах.) Сыграли свою роль и эффективные мероприятия Шувалова и Трепова. В обеих столицах была реорганизована служба наружного наблюдения, состоявшая из сотрудников, негласно принятых на службу в городскую полицию. Сотрудники Охранной стражи, обеспечивавшие безопасность правившей династии, постоянно находились в

местах, где присутствовали император или члены императорской фамилии.

Покушение Березовского имело следствием изменение структуры специальных служб империи. Девятого сентября 1867 г. принимается новое «*Положение о Корпусе жандармов*». Корпус теперь состоял из Главного управления, управлений Варшавского, Кавказского и Сибирского округов, Жандармского управления Московской губернии, пятидесяти пяти губернских управлений, пятидесяти уездных управлений, шести губерний Северо-западного края, Наблюдательного состава, Петербургского и Московского конных дивизионов, пятнадцати конных команд и полицейских управлений железных дорог.

Сбор информации о политических настроениях в провинции возлагался на *Наблюдательный состав* (с 1870 г. – дополнительный штат). Наблюдательный состав размещался по городам и уездам, не имевшим жандармских управлений, и комплектовался исключительно из унтер-офицеров из расчета двое сотрудников на один наблюдательный пункт.

Особое внимание при преобразовании корпуса обращалось на уровень развития жандармских унтер-офицеров, поскольку полицейско-наблюдательная служба заметно отличалась от прежней, в жандармских кавалерийских частях. Были внесены изменения в систему подготовки кадров: созданы «приготовительные школы» для унтер-офицеров. Офицеры, желавшие поступить в корпус, проходили стажировку в штабе для ознакомления с делопроизводством и приобретением навыков по технике политического сыска и следственным действиям.

В сентябре 1867 г. Секретное отделение (орган политического сыска в столице) получает название – *Отделение для производства дел по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге* (далее Охранное отделение). Его начальником утверждается Ф. А. Колышкин.

«Задачи, исходящие от Секретного отделения, в большей части сводились к следующему:

– установление различных видов надзора либо наблюдения за лицами, прибывшими в столицу, – на время их пребывания;

– установление различных видов надзора либо наблюдения за лицами, проживающими в Санкт-Петербурге;

– разрешение или воспрещение проживания в городе, высылка из города;

– объявление в розыск либо прекращение розыска лиц, политически неблагонадежных…».[457]

Седьмого октября 1867 г. лейб-гвардии Кавказские казачьи эскадроны Собственного Его Императорского Величества конвоя

было высочайше повелено именовать 1-м и 2-м Кубанскими и Терским эскадронами. Казаки несли напряженную караульную и конвойную службу: охраняли государя и членов его семьи при выездах, на прогулках, во время отдыха в загородных дворцах и в Крыму. В Зимнем дворце от конвоя выставлялось пять постов. Ежедневно у кабинета императора несли караул унтер-офицер и два казака; посетителей встречали и провожали офицер, унтер-офицер и также два казака. Во время придворных балов в парадном подъезде «для снятия пальто» дежурили семь нижних чинов. На ночь у дверей царской спальни выставлялись парные часовые. Все конвойцы должны были одинаково хорошо владеть искусством вольтижировки и стрельбы с коня.

Между тем, революционное движение не прекратило своего существования. К концу 1867 г. в столицах действовали два нелегальных кружка, объединявших оппозиционно настроенную молодежь: «Рублевое общество»[458] и «Сморгонская академия».[459]

Умеренно-просветительское «Рублевое общество» основано Ф. В. Волховским и Г. А. Лопатиным. Волховский привлекался к дознанию Московской следственной комиссией по делу 4 апреля 1866 г. как секретарь малороссийского студенческого землячества Московского университета; Лопатин в 1867 г. нелегально ездил в Италию с намерением вступить в отряд Гарибальди. Главную задачу оба видели в организации «хождения в народ». Под видом странствующих сельских учителей члены общества должны были вести среди крестьянства революционную пропаганду, используя легальные и нелегальные издания. Группы «Рублевого общества» были в Петербурге (Г. А. Лопатин, Н. Ф. Даниельсон, Н. Н. Любавин, В. В. Михайлов и др.) и Москве (Ф. В. Волховский, И. С. Клименко, П. А. Быков, К. Я. Белый, Н. В. Шугуров и др.). Ими была выпущена книга осужденного по каракозовскому делу И. А. Худякова «Древняя Русь». В феврале 1868 г. бóльшая часть членов «Рублевого общества» была арестована.

Вероятно, именно арест активистов общества послужил причиной отставки министра внутренних дел П. А. Валуева. На его место в марте 1868 г. был назначен А. Е. Тимашев, ранее занимавшего пост начальника штаба Корпуса жандармов.

Петербургская «Сморгонская академия» представляла собой тайное общество, члены которого находились под влиянием радикальных идей Н. Г. Чернышевского. Общество образовалась как студенческая коммуна в доме на 7-й линии Васильевского острова; первоначально в нем состояло до пятидесяти человек.

Организаторами «Сморгонской академии» являлись В. Н. Черкезов, находящийся под негласным надзором полиции после

процесса ишутинцев, и будущий идеолог русского бланкизма П. Н. Ткачев, а рядовыми членами были Д. А. Воскресенский, А. Е. Сергиевский, В. И. Кунтушев, И. Л. Шраг, Л. Е. Коведяева, Н. П. Гончаров, И. В. и Е. В. Аметистовы, Е. З. Козловская и др.

В 1867–1868 гг. «академики» вели революционную пропаганду среди молодежи, распространяли нелегальную литературу, привезенную из-за границы И. И. Бочкаревым. Строились планы побега Чернышевского и даже подрыва царского поезда, но никаких реальных шагов к этому предпринято не было.

Осень 1868 г. прошла в яростных спорах в среде российской революционной эмиграции. В журнале «Народное дело», издателями которого были М. А. Бакунин, Н. И. Жуковский и Н. И. Утин, была представлена анархистская доктрина Бакунина, которую Утин воспринял в штыки. В редакции после этого произошел раскол – Бакунин и Жуковский вышли из ее состава. Тогда же Бакунин и создает свой «Альянс…» – тайную организацию, имевшую, кроме Швейцарии, секции в Испании, Италии и Франции. Одновременно Бакунин и его сторонники начали кампанию против Генерального совета I Интернационала стремясь взорвать его изнутри.

Осенью 1868 г. – весной 1869 г. в России прокатилась волна студенческих беспорядков, затронувшая в первую очередь Петербургский и Московский университеты, Технологический институт и Медико-хирургическую академию. Весной 1869 г. многие члены «Сморгонской академии» были арестованы, и она прекратила существование, но возникли новые нелегальные студенческие кружки.

В апреле 1869 г. управляющим 3-й экспедицией Третьего отделения был назначен К. Ф. Филиппеус. Экспедиция вела наблюдение за проживающими в России иностранцами, собирала сведения о политическом положении, революционных партиях и организациях зарубежных государств. В 1874 г. Филиппеус писал:

«И теперь живо помню мое удивление, когда 1 апреля 1869 года мне впервые были вручены секретные суммы и вслед за тем представились господа агенты, а именно: один убогий писака, которого обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он зауряд выписывал из газет, а последние сам выдумывал. К тому же доносить о происшествиях по городу составляет обязанность городской полиции, с которой, а также с газетчиками, не только одному агенту, но и десятку их нет возможности конкурировать; а заниматься пошлыми лживыми сплетнями не могло, по моим понятиям, входить в круг действий политической агентуры, и оно слишком претило моей натуре. Так что, отменив тогда эти

вздорные записки, я дал автору их поручение съездить в село Иваново и составить подробное описание этого „русского Манчестера“. Кроме его, ко мне явились: один граф, идиот и безграмотный; один сапожник с Выборгской стороны – писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не понимал и с его слов записать не мог; двое пьяниц, из коих один обыкновенно пропадал первую половину каждого месяца, а другого я не видел без фонарей под глазами или царапин на физиономии; одна замужняя женщина, не столько агентша сама по себе, сколько любовница и сподручница одного из агентов; одна вдовствовавшая, хронически беременная полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента. Вот состав агентуры, которую я принял при вступлении в управление третьей экспедиции. Все исчисленные агенты получали в общей сложности до 500 рублей в месяц. Полагаю, что мне не были переданы те лица, которые сами не пожелали сделаться известными новому начальнику агентуры».[460]

Если верить Филиппеусу, положение с агентурой Третьего отделения, обязанной надзирать за иностранцами, было крайне неудовлетворительным.

В это же время С. Г. Нечаев, один из наиболее активных участников студенческих волнений, вольнослушатель Петербургского университета, совместно со П. Н. Ткачевым, публицистом и литературным критиком, зимой 1868/69 гг. организовали нелегальную студенческую группу. Программа революционных действий группы предусматривала «радикальную перестройку нелепых и несправедливых общественных отношений» посредством социальной революции. Своей ближайшей задачей нечаевцы считали увеличение численности единомышленников путем пропаганды и агитации (распространение прокламаций, организация кружков, сходки и т. п.). До мая 1869 г. эта деятельность должна была осуществляться в столицах, летом предполагалось увлечь пропагандой учащуюся молодежь губернских и уездных городов, а к осени перенести центр деятельности «в народ» (фанатик Нечаев был уверен, что крестьянское восстание непременно начнется весной 1870 г.).

«Он смел и остроумен, – показала на следствии В. Александровская, – но не всегда осторожен, смел до дерзости. Деспот весьма односторонний. Хитер и подозрителен, но не глубок и односторонне легковерен. Непреклонной воли, но с неверным соображением. Деятелен до изнурения. Общечеловеческих мирных стремлений или слабостей никаких не проявляет, кроме слепой само уверенности. Как понимание

людей, так и всего окружающего у него односторонне. Так, например, он убежден, что <…> если их ставить [людей] в безвыходное положение, то у них, невзирая на их организацию и воспитание, непременно выработается отважность в силу крайней в том потребности. <…> Делом своего общества, по-видимому, он весь поглощен; других интересов для него не существует. <…> Излишков себе никаких не позволяет».[461]

В конце зимы 1869 г. Нечаев, исповедовавший принцип иезуитов «цель оправдывает средства», распространил среди студентов легенду о своем «аресте и бегстве» из Петропавловской крепости. В марте он отправился в Швейцарию, где стал выдавать себя за представителя никогда не существовавшего «Русского революционного комитета». В Женеве «охотничьи рассказы» Нечаева многими эмигрантами воспринимались с недоверием, однако ему удалось ввести в заблуждение двух опытнейших политиков и конспираторов – Бакунина и Огарева.

Бакунин выдал этому Хлестакову от революции мандат представителя русского отдела «Всемирного революционного союза». На мандате стояла печать «Европейский революционный союз. Главный комитет». Такого союза и такого комитета на самом деле не было. Однако оба, и Нечаев, и Бакунин, принимали все за чистую монету.

Огарев, также поддавшийся россказням коварного искусителя, передал на нужды революционной пропаганды сумму в 10 тысяч франков.[462]

Герцен же отнесся к Нечаеву с подозрением и денег не дал.

В Женеве Нечаев написал теоретический труд, получавший впоследствии название «*Катехизис революционера*». В нем он сформулировал программу широкомасштабной террористической деятельности.

«§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка до́лжно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, не даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются, таким образом, неистощимой сокровищницею и сильною помощью для разных революционных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно глаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих».[463]

Вернувшись в августе 1869 г. в Россию, Нечаев основал

подпольную организацию «Народная расправа» (около ста человек), состоявшую из «пятерок» под руководством «Комитета», в котором он состоял в единственном числе. Член организации И. И. Иванов позволил себе усомниться в лидере, и в ноябре 1869 г. был убит в соответствии с теоретическими положениями «Катехизиса». Стремясь повязать членов «Народной расправы» кровью, Нечаев привлек убийству четырех членов организации: А. К. Кузнецова, Н. Н. Николаева, И. Г. Прыжова и П. Г. Успенского. После убийства Нечаев бежал за границу, где его отвергла вся политическая эмиграция, включая Бакунина.

Большинство членов «Народной расправы» (87 человек) в 1870 г. были арестовали и предали суду Санкт-петербургской судебной палаты. Соучастников убийства приговорили к каторжным работам на разные сроки, других обвиняемых – к более мягким наказаниям, некоторых (в том числе будущего товарища министра финансов В. И. Ковалевского) оправдали. Показания обвиняемых широко освещались в российской прессе, что почти на десять лет оттолкнуло российских разночинцев от участия в террористической деятельности.

В конце 1869 – начале 1870 г. Третье отделение провело блестящую операцию по изъятию архива опального князя П. А. Долгорукова.

После смерти Долгорукова в августе 1868 г. Александр II повелел П. А. Шувалову добыть бумаги любой ценой. В свою очередь шеф жандармов попросил Филиппеуса подобрать кандидатуру исполнителя, которым стал секретный сотрудник Заграничной агентуры К.-А. Роман.

Летом 1989 г. под видом отставного подполковника Н. В. Постникова Роман приехал в Швейцарию и постепенно вошел в доверие к Бакунину, Герцену, Огареву и поляку С. Тхоржевскому, у которого, собственно, и хранились бумаги Долгорукова. Используя тяжелое финансовое положение в среде эмиграции и дав обещание опубликовать бумаги Долгорукова отдельными брошюрами, Роман выкупил (общие расходы составили 10 тысяч рублей) архив и переправил его в Россию.

Помимо оперативной работы и сбора информации о настроениях различных слоев общества сотрудники Третьего отделения занимались составлением аналитических отчетов для руководства империей. В отчете за 1869 г., в частности, говорилось:

«Нигилизм в последние годы видоизменился. Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоего пола, видевших в непризнании наружных общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в

положительное учение, преследующее определенные социальные и политические цели. <…> Допущенный до такого развития, нигилизм уже не может быть искоренен прямым гонением, нужно приискать для борьбы с ним другое оружие. <…> Если пропаганда вредных учений первоначально нашла восприимчивую почву и усердных последователей в среде так называемых нигилистов, то в настоящее время уже нельзя не заметить, что сфера ее влияние значительно расширилось, и, приравнивая естественный ход развития русского общества к ходу, пройденному другими европейскими обществами, можно предвидеть, что эта сфера постоянно будет расширяться, если заблаговременно принятыми мерами, основанными на тщательном изучении и верном понимании социальных явлений, развитие общества не получит правильного направления. <…> Многие, на первый взгляд мелкие, но, в сущности, весьма знаменательные подробности, раскрытые политическими дознаниями 1869 года, свидетельствуют, что эта пропаганда начинает приносить и в России свои отравленные плоды».[464]

На рубеже 1860–1870-х гг. особое внимание уделялось студенческому движению:

«У нас <…> образуется нечто худшее ученого пролетариата <…> – недоучившийся пролетариат, при самом вступлении в жизнь носящий уже в себе зародыши ненависти к существующему государственному и общественному порядку».[465]

Аналитики Третьего отделения обращали внимание правительства на попытки «политических агитаторов» вести активную пропаганду в студенческой среде, но при этом полагали, что революционное движение привнесено исключительно извне, что было не совсем так.

Реформы Александра II повлекли за собой значительные позитивные изменения в хозяйственной жизни страны. Наметился рост сельскохозяйственного производства, часть крестьян уехала в города, где появилась возможность заниматься торговлей и предпринимательством, поступила на работу на промышленные предприятия, формируя новый класс – пролетариат. Если в 1850 г. в России насчитывалось около тысячи фабрик и заводов, то к концу правления Александра II – около 25 тысяч. Интенсивно прокладывались железные дороги, их протяженность увеличилась с тысячи до двадцати тысяч верст. Телеграфная сеть возросла с двух тысяч верст телеграфных проводов до 140 тысяч. Постепенно Россия стала выходить в лидеры по темпам строительства железных дорог и роста производства. Товарооборот с сопредельными странами вырос в десять раз. В 1860 г. создан Государственный банк, стали развиваться и частные банки.

Преобразования 1860-х гг. давали возможность раскрытия человеческой личности, но их проведение вызвали неудовлетворенность в среде молодого поколения разночинной интеллигенции, стремившейся жить и действовать с пользой для общества. Помимо общей непоследовательности правительственного курса недовольство вызывало и то, что в проведении реформ власть стремилась действовать испытанным способом: отдавала распоряжения и ожидала отчетов об исполнении, не предполагая никакого сотворчества со стороны общества. Масса разночинной молодежи часто оказывалась не у дел. Энтузиазм тех, кто хотел сыграть свою роль в обновлении России, потрудиться на благо освобожденного народа, оставался невостребованным, а их инициатива – наказуемой.

В 1869 г. в Петербурге сформировалась группа противников Нечаева, ядро которой составили студенты Медико-хирургической академии В. М. Александров, М. А. Натансон, А. И. Сердюков, к которым примкнули и Ф. Н. Лермонтов и Н. В. Чайковский;[466] беспринципности Нечаева они решили противопоставить высокие нравственные качества членов своего тайного общества. Во главу угла чайковцы ставили самообразование и объединение передового студенчества Петербурга и других городов, затем – пропаганду среди крестьян и рабочих с целью подготовки социальной революции. По мнению членов общества, политические свободы были выгодны лишь нарождающейся российской буржуазии. Чайковцы активно занимались распространением революционной литературы: первого тома «Капитала» К. Маркса, сочинений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, П. Л. Лаврова.

В начале 1870 г. русские эмигранты-народники, ставившие целью связать русских революционеров с европейскими коллегами, создали в Женеве Русскую секцию I Интернационала. Ее главными организаторами были последователи Н. Г. Чернышевского – Н. И. Утин, А. Д. Трусов, В. И. и Е. Г. Бартеневы. Печатным органом Русской секции стал журнал «Народное дело». В конце марта 1870 г. Русская секция была официально принята в состав I Интернационала, а ее представителем (секретарем-корреспондентом) в Генеральном совете стал К. Маркс. При этом члены секции не принимали учение Маркса о диктатуре пролетариата, а различия между российским и европейским революционным движением считали непринципиальными. Более того, они настаивали на том, что в России, благодаря наличию общинного землевладения, созданы более благоприятные условия для революции, чем в Европе. По их мнению, Россия могла перейти к социализму, минуя капитализм.[467] В то же время

Маркс и Энгельс получили поддержку со стороны членов Русской секции в борьбе против Бакунина и его сторонников.

В 1869 г. по делу С. Г. Нечаева был арестован народник Г. А. Лопатин. Получив паспорт на чужое имя, он, однако, сумел скрыться от своих стражей, но не осел на дно, а занялся организацией побега из ссылки полковника П. Л. Лаврова, осужденного после покушения Каракозова. Лавров отбывал ссылку в Вологодской губернии: сначала в Тотьме, затем в Вологде и Кадникове. Пятнадцатого февраля 1870 г. Лопатин вывез Лаврова из Кадникова буквально под носом полиции. Перед побегом Лавров радикально изменил внешность: коротко постригся, сбрил усы и бороду. На тройке в сопровождении Лопатина, переодетого в форму штабс-капитана, они отправились в Вологду. По дороге тройка обогнала коляски начальника Вологодского ГЖУ подполковника Е. Ф. фон Мерклина и тотемского исправника Алексеева, которые ссыльного не узнали. После этого Лавров и Лопатин отправились в Петербург, а затем в Париж, где были приняты в ряды I Интернационала.

Начальник Вологодского ГЖУ вынужден был признать, что революционеры его переиграли.

«Подобного побега, – докладывал фон Мерклин, – подобной ловко задуманной и исполненной штуки я не видел. Кадниковские жандармы донесли мне, что Лавров отправил по почте ящик с книгами, затем другой и третий, наконец, ящик с платьем. Я заподозрил, что дело неладно. <…> Доношу об этом. Велят усилить надзор. Я предписываю жандармам по очереди дежурить всю ночь у квартиры Лаврова. Они, конечно, дежурят и после побега заявляют, что по ночам в неделю побега видели, что ходил взад и вперед по кабинету <…> тень его двигалась по шторам. Никто к нему <…> не приезжал, вообще ничего особенного в это время не произошло, и как он исчез, они не знают. Что он уехал на лошадях – это несомненно, но на каких и с кем – этого невозможно было узнать, несмотря на самое строжайшее расследование».[468]

Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Россия осталась нейтральной, так как Александр II помнил оскорбление, нанесенное ему в Париже. Адольф Тьер, в то время депутат Законодательного корпуса, будучи направлен в Россию Правительством национальной обороны, умолял канцлера Горчакова о вмешательстве в войну с Пруссией, но все было тщетно. В результате Франция потерпела поражение, одним из результатов которого стало восстание 18 марта 1871 г., которое привело к созданию Парижской коммуны (революционное правительство, во главе которого стояли объединенные в

коалицию социалисты и анархисты, просуществовавшее с 18 марта по 28 мая 1871 г.; первый образец диктатуры пролетариата в истории).

Противостояние Парижа и Версаля приняло форму гражданской войны, которую парижане проиграли. Парижская коммуна и коммуны в Марселе, Лионе, Тулузе и других городах были подавлены из-за нерешительности рабочих в борьбе с контрреволюцией.

«Парижское восстание потерпело неудачу в обороне города вследствие совокупности целого ряда неблагоприятных причин. Важнейшая: стихийно возникшее, оно было вынуждено – в самые горячие первые дни, когда можно было многого достигнуть, *действуя активно, наступая, а не обороняясь*, – вместо того чтобы решать военные проблемы, решать проблемы власти. И с образованием коммуны не создалось необходимого для военного дела *единоначалия* или, по крайней мере, *единомыслия* центральной власти, дающей определенные директивы командованию. Эта власть находилась и у коммуны, и у центрального комитета национальной гвардии. Распоряжения шли из двух источников, иногда противоречащие и всегда несогласованные между собой. Политическая борьба внутри круга лиц, стоявших у власти, поглощала все их внимание, на долю же военного дела оставалось мало, даже в те дни, когда противник начал вступление в город. В итоге вооруженная борьба с начала и до конца велась под знаком неорганизованности.

Национальное собрание и Тьер также были захвачены врасплох стихийностью революции Парижа, выбросившей их в Версаль с небольшим количеством не совсем надежных в политическом отношении войск. Но прошло несколько дней, и Тьер, фактический властелин и распорядитель решениями национального собрания, распоряжается и действует *единолично*, что позволяет ему в короткий срок организовать армию, способную наступать даже против братского Парижа».[469]

Девятнадцатого мая 1871 г. Александр II утвердил «мнение» Госсовета «*О порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений*». Возможно, этот закон, позволявший жандармам производить обыски и осмотры помещений, опечатывать бумаги и высылать неблагонадежных под надзор полиции в административном порядке, был принят под влиянием революционных событий во Франции. Полицейские чины и гражданские служащие обязывались оказывать содействие жандармам. Все дела по политическим преступлениям и сведения, добытые при перлюстрации, сосредотачивались в секретном архиве Третьего отделения. «Алфавит лиц,

политически неблагонадежных» и фототека систематически обновлялись.

Закон 1871 г. частично подтверждал полномочия жандармов, ранее прописанные в секретных инструкциях Третьего отделения. Некоторая расплывчатость отдельных его формулировок была обусловлена стремлением сохранить возможность дальнейшего издания секретных инструкций. Между тем, несоответствие текста открытых и секретных инструкций приводило чиновников в тупик. «Когда в гласной инструкции читаешь, что жандармы не имеют права вмешиваться в дела судебные, а в секретной говорится, что они это право имеют, то как не встать в тупик»,[470] – писал начальник главного управления Наместника на Кавказе барон А. П. Николаи.

Борьба с политическими противниками самодержавия осложнялось и тем, что в конце правления Александра II вновь заметно усилилась конкуренция между МВД и Корпусом жандармов, а это также не способствовало улучшению работы силовых институтов Российской империи.

В 1871–1873 гг. деятельность политической полиции в целом была мало результативной. При аморфности революционного движения взять его под полицейский контроль было практически невозможно. Тем не менее для осуществления наружного наблюдения при чрезвычайных обстоятельствах использовались даже чины Охранной стражи. Например, осенью 1872 г. во время стачки рабочих на Кренгольмской мануфактуре десять унтер-офицеров стражи были направлены в районы Московской и Нарвской застав, на Васильевский остров и Выборгскую сторону, где в течение недели они вели наблюдение за настроениями петербургских рабочих совместно с филерами Третьего отделения.

К успеху Заграничной агентуры Третьего отделения следует отнести обнаружение С. Г. Нечаева, который в итоге был арестован швейцарской полицией. В 1872 г. он был выдан России как уголовный преступник, в 1873 г. приговорен к двадцати годам каторги и впоследствии скончался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Летом 1871 г. кружок чайковца Марка Натансона (псевдоним – Бобров) объединился с женским кружком самообразования А. И. Корниловой и С. Л. Перовской. К ним примкнули С. М. Кравчинский, С. С. Синегуб, Д. А. Клеменц, Н. А. Чарушин, Л. Э. Шишко и др. Центральный петербургский кружок объединял около шестидесяти человек. На федеративных началах к нему примыкали московский (Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко), одесский (Ф. В. Волховский, А. И. Желябов) и

киевский (Я. В. Стефанович, П. Б. Аксельрод) кружки. В 1872 г. члены подпольной организации приступили к образованию рабочих кружков с целью подготовки пропагандистов для работы в деревне. В Петербурге и Одессе такие кружки объединяли около четырехсот рабочих. Впоследствии члены рабочих кружков – В. П. Обнорский, Ф. И. Кравченко и др. – стали создателями первых пролетарских организаций: «Южнороссийского союза рабочих» и «Северного союза русских рабочих».

Опыт пропагандистской работы был обобщен П. А. Кропоткиным, который впоследствии станет ведущим теоретиком русского анархизма.

В начале 1870-х гг. анархистских взглядов придерживалась значительная часть народников. (Напомним, что анархизм, от греч. *anarchía* – безвластие, – общественно-политическое течение, основные идеи которого состоят в отрицании всякой государственной власти при неограниченной свободе каждой личности.) Программные и тактические установки анархистов были сформулированы Бакуниным в книге «Государственность и анархия» (1873). Уверенный в глубинной революционности крестьянских масс, Бакунин утверждал, что поднять любую деревню на бунт «ничего не стоит». Характерными чертами русского анархизма тех лет были вера в крестьянскую общину как основу социализма и близкую социальную революцию в России, которая должна произойти в результате всеобщего крестьянского восстания.

Сам Бакунин и его сторонники на Гаагском конгрессе I Интернационала (2–7 сентября 1872 г.) были исключены из его рядов как проводившие тайную деятельность с целью раскола организации. В связи с неблагоприятной обстановкой в Европе, где господствовала реакция, а также опасением, что английские реформисты и бланкистские сектанты смогут захватить руководство Генеральным советом, последний был переведен в Нью-Йорк и полностью обновлен: основное ядро Генерального совета образовали руководители Североамериканской федерации – Ф. А. Зорге, Ф. Больте и др. В письме к Зорге в сентябре 1873 г. Маркс отмечал: «Принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала <…>. События и неизбежное развитие и усложнение обстановки сами позаботятся о восстановлении Интернационала в улучшенной форме».[471]

Официально I Интернационал был распущен в 1876 г. решением Филадельфийской конференции.

С 1866 по 1873 гг. власть в Петербурге оказалась поделена

между городским головой, возглавляющим Городскую думу и занимавшимся решением хозяйственных задач, и обер-полицмейстером, сосредоточившимся на борьбе с революционерами-радикалами. Ф. Ф. Трепов в основном справился со своей задачей, однако продолжавшееся «брожение умов» привело правительство к идее ограничить полномочия городского самоуправления. Именно с этой целью в 1873 г. и была введена должность градоначальника, доставшаяся тому же Трепову.

Градоначальник имел права гражданского губернатора и подчинялся МВД. *Управление градоначальника* включало канцелярию, врачебное управление, техническую часть, контору адресов, полицейский архив и Охранное отделение; в штат входили помощник, чиновники особых поручений и секретарь. Для подготовки стражей порядка Трепов учредил Полицейский резерв. Столицу разделили на 38 полицейских участков. Вся полицейская стража состояла теперь из околоточных надзирателей и городовых, повысились денежные оклады полицейских и требования к лицам, поступающим на полицейскую службу.

В конце 1873 – начале 1874 г. студенты-разночинцы активизировали «хождение в народ». Несколько тысяч молодых людей, снабженные фальшивыми паспортами, с прокламациями в саквояжах отправилось агитировать крестьян за социализм и свержение самодержавия. Сначала Третье отделение не сумело ничего противопоставить этому беспримерному по массовости мероприятию. Но в мае в Москве была раскрыта одна из явок народников, где задержали несколько пропагандистов, имевших при себе нелегальную литературу, удалось также захватить шифры и адреса. В Москве была ликвидирована нелегальная типография, а в губерниях рассекречены кружки народников. По разным источникам число арестованных оценивалось от тысячи до восьми тысяч человек. Многих осудили по «Процессу 193-х», начавшемся в октябре 1877 г. В целом, «хождение в народ» показало всю несостоятельность надежд русских анархистов на скорейшую социальную революцию и готовность крестьянства участвовать в ней.

После того как в июле 1874 г. Шувалов предложил императору проект созыва Земского собора, он был снят с поста начальника политической полиции и отправлен послом в Лондон. На его место заступил А. Л. Потапов, 14 февраля 1875 г. направивший начальникам губернских жандармских управлений Секретный циркуляр № 17. Циркуляр представлял собой инструкцию по предупреждению и пресечению «разного рода

преступлений и нарушений закона» и содержал требования к чинам жандармерии по устройству «наблюдения». Корпус жандармов стал именоваться Отдельным.

На этом фоне на арену политической борьбы все уверенней выходил пролетариат. В мае 1875 г. в Одессе возник «Южнороссийский союз рабочих» во главе с Е. О. Заславским. Основная цель союза была сформулирована в его уставе: свержение существовавшего в стране политического строя путем насильственного переворота. Осенью 1875 г. в Москве была раскрыта «Всероссийская социально-революционная организация», ставившая целью революционную пропаганду среди рабочих в европейской части России. В числе пятидесяти арестованных было 14 рабочих и 16 женщин.

В 1876 г. заболевший Потапов был уволен в связи с «умственным расстройством». Новым шефом жандармов император назначил Н. В. Мезенцова. А Петербургское охранное отделение в 1877 г. возглавил М. П. Устимович.

Внутриполитическая обстановка в России оставалась достаточно спокойной. Этому немало способствовал патриотический подъем в обществе, вызванный русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Общее руководство охраной императора на театре военных действий осуществлял командующий Императорской Главной квартирой, министр Императорского двора А. В. Адлерберг, а непосредственно руководил охраной комендант Императорской Главной квартиры генерал-адъютант А. М. Рылеев. Личную охрану Александра II во время его перемещения на театре военных действий обеспечивали 1-й и 2-й Кубанские и Терский казачьи эскадроны Собственного Его Императорского Величества конвоя. Кубанцами командовал полковник С. С. Жуков, терцами – штабс-ротмистр П. Т. Кулебякин. Для охраны Главной квартиры (походной ставки) в подчинении Рылеева находился Гвардейский отряд почетного конвоя Его Величества. Отряд состоял из сводной пехотной роты, сводного полуэскадрона и саперного взвода, сформированных из полков и отдельных батальонов Гвардейского корпуса. Гвардейским отрядом командовал флигель-адъютант императора полковник лейб-гвардии Преображенского полка Озеров. Рылееву подчинялись также чины Охранной стражи и прикомандированные жандармские офицеры Третьего отделения.

До начала кампании казаки усиленно занимались боевой подготовкой и несением конвойной и разведывательной службы. В мае 1877 г. в сопровождении полуэскадрона 1-го Кубанского эскадрона конвоя прибыла Императорская Главная квартира. Из общего состава кубанцев сформировали два эскадрона, сведенные

в дивизион. В ночь с 14 на 15 июня 1877 г. началась переправа через Дунай у Зимницы; на неприятельский берег высадилась Гвардейская рота конвоя Его Величества. Гвардейцы помогли атаковать высоты и участвовали при занятии Систово, при этом полковник Озеров был ранен в ногу, но не покинул поле боя. С началом военных действий при выездах в войска Александра II постоянно сопровождало от взвода до эскадрона казаков. Кроме выполнения основных обязанностей эскадроны конвоя попеременно участвовали в боевых действиях, где полностью оправдали звание элитных подразделений. За героизм, проявленный в боях, кубанцы удостоились знаков отличия с надписью «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов», а терцы – «За Ловчу 22 августа 1877 года».

Готовясь к неизбежной войне с Россией, Турция делала ставку не только на военную силу и помощь западных союзников – Великобритании и Франции, – но и на вооруженные восстания на Кавказе. В конце 1860-х гг. турецкие спецслужбы активно насаждали в Абхазии, Дагестане и Чечне агентуру влияния. Агенты, как турки, так и российские мусульмане-эмигранты – муллы или торговцы, – с 1876 г. вели пропаганду «священной войны» против России. Только в Сухуме в 1877 г. проживало 187 подданных Турции. В 1870–1876 гг. при строительстве через Кавказ англо-индийской телеграфной линии была усилена и британская агентурная сеть. При вербовке и агитации активно использовалось недовольство горцев российскими чиновниками. [472]

Двенадцатого апреля 1877 г. Россия объявила Турции войну, и в тот же день, одновременно с началом военных действий на Кавказском фронте, началось восстание в Дагестане и Чечне. А 29 апреля шесть турецких броненосцев после сильной артиллерийской подготовки высадили в районе Гудауты десант численностью от 1500 до 3000 человек. Турецкое военное командование рассчитывало создать в русском тылу очаги сопротивления, способные оттянуть значительную часть войск. И отчасти им это удалось: главнокомандующий Кавказским фронтом М. Т. Лорис-Меликов был вынужден сосредоточить в Терской области до 25 тысяч пехоты, 16 казачьих сотен и 104 орудия. Поскольку на Черном море господствовал турецкий флот, к июлю все побережье от Адлера до Очамчиры было занято турками и восставшими абхазами.

Абхазия была отбита русскими войсками в конце лета 1877 г., а 20 августа турецкая эскадра забрала последний отряд турок у Келасури. В Турцию ушли, по разным данным, от 50 до 100 тысяч абхазов. Двадцатого ноября окончательно было подавлено

восстание в Южном Дагестане.

После завершения войны среди разночинцев вновь нашлись оппоненты правительства. Еще 1876 г. в Петербурге возникла народническая организация, которая в 1878 г. получила название «Земля и воля» – по аналогии с существовавшей ранее. Ее организаторами были А. Д. Михайлов, М. А. Натансон, А. Д. Оболешев и Г. В. Плеханов. В программе стояли следующие вопросы: крестьянская революция, национализация земли, превращение империи в федерацию общин. Новые землевольцы предпринимали «хождение в народ», занимались пропагандой среди рабочих и интеллигенции. В 1878–1879 гг. были выпущены пять номеров «Земли и воли» и шесть номеров «Листка „Земли и воли“» Редактировали печатные издания Д. А. Клеменц, С. М. Кравчинский, Н. А. Морозов, Г. В. Плеханов, Л. А. Тихомиров.

Подавляющее большинство крестьян относилось к пропаганде в лучшем случае равнодушно, в худшем – пропагандистов могли побить или сдать в полицию. Ждать – терпения не хватало, поэтому часть народников вновь обратилась к террористической деятельности. Г. В. Плеханов подчеркивал, что основную роль при переходе от пропаганды к терроризму сыграла не невозможность работы в крестьянской среде, а настроение нетерпения у самих революционеров. Несомненно, развитию силовых способов борьбы способствовала и определенная «упертость» властей предержащих, не желавших признавать необходимость политических преобразований.

Двадцать четвертого января 1878 г. Вера Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Суд присяжных, проходивший весной под председательством А. Ф. Кони, оправдал ее, поскольку подсудимая заявила, что мстила за заключенного, которого Трепов оскорбил в тюрьме. На самом деле она слукавила. С 1876 г. Засулич «входила в состав отряда, организованного бунтарями в Елисаветграде».[473] Там же, готовясь принять участие в крестьянском восстании, она прошла серьезную стрелковую подготовку и, по оценке современников, достаточно искусно владела огнестрельным оружием.[474] Решение о покушении на Трепова принималось подпольной группой в августе 1877 г. Двадцать четвертого декабря сообщник террористки легально приобрел револьвер системы «бульдог», который ей не подошел, и 4 января оружие заменили в том же магазине на более дорогую модель с доплатой. Засулич провела рекогносцировку, предварительно побывав в доме градоначальника.

Не правовое, а нравственно-оппозиционное решение присяжных, вынесенное исключительно под воздействием

эмоций, повлияло на настроения общества. В сознании революционеров как бы зажегся зеленый свет: чиновников можно убивать безнаказанно! И хотя после процесса над Засулич дела о покушениях на представителей власти были переданы в ведение военных судов, в среде радикалов сложился стереотип: «Карфаген должен быть разрушен!»

В мае 1878 г. была принята окончательная редакция программы «Земли и воли». Пункт 4 гласил:

«В состав теперешней Российской империи входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, напр., Малороссия, Польша, Кавказ и пр. Следовательно, наша обязанность – содействовать разделению теперешней Рос. империи на части соответственно местным желаниям».[475]

(К сожалению, желание заполучить власть ценой территориальных и иных политических уступок впоследствии стало традицией многих российских «борцов с режимом».)

Далее в программе отмечалось:

«Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота, и притом возможно скорейшего…».[476]

Были сформулированы две задачи, составившие основу работы «Земли и воли»:

«1) помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства и 2) ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного плана восстания.

Отсюда таковы наши ближайшие практические задачи.

А. Часть организаторская:

а) Тесная и стройная организация уже готовых революционеров, согласных действовать в духе нашей программы, как из среды интеллигенции, так и из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с нею рабочих.

б) Сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, напр., бегуны, неплательщики, штунда и пр.

в) Заведение возможно более широких и прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений и притонов среди крестьянского населения этих районов.

г) Привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы.

д) Заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих – заводских и фабричных.

Деятельность людей, взявшихся за исполнение этих пунктов, должна заключаться, в видах заострения и обобщения народных стремлений, в агитации в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом. В личных знакомствах как с рабочими, так и с крестьянами (в особенности с раскольниками) агитаторы, конечно, не могут отрицать важности обмена идей и пропаганды.

е) Пропаганда и агитация в университетских центрах среди интеллигенции, которая в первое время является главным контингентом для пополнения рядов нашей организации и отчасти источником средств.

ж) Заведение связей с либералами с целью их эксплуатации в свою пользу.

з) Пропаганда наших идей и агитация литературою: издание собственного органа и распространение листков зажигательного характера в возможно большем количестве.

Б. Часть дезорганизаторская:

а) Заведение связей и своей организации в войсках, и главным образом среди офицерства.

б) Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок».[477]

Но была еще одна сфера деятельности, которая революционерами не афишировалась, поскольку представляла собой заурядную уголовщину и проводилась по принципу «цель оправдывает средства». Мы имеем в виду участие народовольцев в кражах и ограблениях казенных учреждений – экспроприациях («эксах») с целью добычи денежных средств для антиправительственной деятельности. Так, в июле 1878 г. была предпринята попытка ограбления следовавшей из Житомира в Киев почтовой кареты (100 тысяч рублей) и денежного ящика Курского пехотного полка. В 1879 г. из Херсонского казначейства путем подкопа было похищено полтора миллиона рублей – деньги пошли на материальную поддержку сосланных в Сибирь. Примечательно, что осужденный за это преступление Ф. Юрковский на суде показал, что он не видит в краже ничего безнравственного, так как правительство и его оппоненты

представляют собой два лагеря в состоянии войны, поэтому к обвиняемым следует применять нормы не уголовного, а международного права.

Слабой стороной российских спецслужб являлось отсутствие квалифицированной агентуры внутри революционных организаций и, соответственно, невозможность выявления и предотвращения террористических актов на «дальних подступах». Ситуацию не изменило даже то, что с января 1878 г. революционеры начали оказывать активное вооруженное сопротивление при арестах (в Одессе), чего ранее не отмечалось.

Участились и террористические акты. Третьего февраля 1878 г. В. А. Осинский стрелял в прокурора М. М. Котляревского, которого спасла толщина шубы; в марте был убит начальник Одесского жандармского управления полковник Кноп; 24 мая в Киеве Г. А. Попко убил адъютанта губернского жандармского управления штабс-капитана Г. Э. Гейкинга; 4 августа на улице в Санкт-Петербурге С. М. Кравчинский убил ударом кинжала руководителя Третьего отделения и шефа жандармов Н. В. Мезенцова, который передвигался по городу в сопровождении одного адъютанта. В 1879 г. покушения продолжились: 4 февраля Г. Д. Гольденберг застрелил харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина (двоюродного брата князя-бунтаря); 13 марта Л. Ф. Мирский покушался на нового шефа жандармов А. Р. Дрентельна.

Осуществлять нападения было не просто, а очень просто, поскольку никто из высших должностных лиц империи, за исключением царской семьи, личной охраны не имел. И только после покушения на Дрентельна для сопровождения шефа жандармов, министра внутренних дел и петербургского градоначальника стали выделять по два охранника. Остальные чиновники решали вопросы обеспечения личной безопасности в меру собственной компетентности и возможностей.[478]

В отношении высокопоставленных чиновников революционеры применяли и персонифицированный шантаж. Прокурор Петербургской судебной палаты А. А. Лопухин, руководивший следствием по делу об убийстве Н. В. Мезенцова, в августе 1878 г. получил письмо от Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии:[479]

«Мы, члены И. К. Р. С. Р. П., объявляем вам, что если вы пойдете по стопам Гейкинга, то и с вами будет поступлено так же: вы будете убиты <…>. Поэтому мы категорически заявляем вам, что 1) если в течение двухнедельного срока, совершенно достаточного для полного выяснения дела, не будет выпущен на свободу каждый из арестованных, против которого не будет ясных улик в убийстве генерала Мезенцева; 2) если в течение их

содержания под арестом против них будут предприняты меры, оскорбляющие их человеческое достоинство или могущие вредно отозваться на их здоровье, то смертный приговор над вами будет произнесен. <…> В заключение считаем нужным сообщить вам, что 1-ое предостережение делается совершенно конфиденциально. Распространяться оно не будет».[480]

В декабре 1878 г. в Петербурге образовался «Северный союз русских рабочих» во главе с В. П. Обнорским и С. Н. Халтуриным. В воззвании «К русским рабочим» указывалось на необходимость политической борьбы, выдвигалось требование политических свобод, рабочих призывали к сплочению и интернационализму. Однако этот союз испытал сильное влияние народнической идеологии.

Начиная с 1879 г. главной мишенью террористов стал Александр II, на которого 2 апреля было совершено третье покушение.

В десятом часу утра государь совершал обычную утреннюю прогулку, маршрут которой пролегал по Миллионной, Зимней канавке, Мойке и далее на Дворцовую площадь. Безопасность прогулки в центре столицы обеспечивали усиленные полицейские посты и семь сотрудников Охранной стражи, располагавшиеся около Зимнего дворца и по углам Дворцовой площади. На площади император обратил внимание на человека высокого роста, в шинели гражданского образца и чиновничьей фуражке, шедшего ему навстречу. Помощник начальника Охранной стражи, жандармский штабс-капитан К. Ф. Кох, следовал за государем на расстоянии 25 шагов, ближайший охранник находился у подъезда Министерства финансов, на посту у Александровской колонны стоял дворцовый гренадер. На расстоянии 5–10 шагов от государя неизвестный достал револьвер и выстрелил. Александр побежал в сторону Комендантского подъезда. До того как Кох подскочил к террористу и сбил его с ног ударом шашки по голове, тот успел выпустить в государя все заряды из револьвера, но не попал. После задержания террорист раскусил орех с ядом, который держал во рту. Однако яд не подействовал – по заключению профессора Ю. К. Траппа цианистый калий оказался испорчен.

Террориста, первоначально назвавшегося Соколовым, доставили на Гороховую, в дом петербургского градоначальника А. Е. Зурова. После оказания медицинской помощи его допросили, и он сообщил свое настоящее имя – А. К. Соловьев. Согласно наиболее распространенной версии, которая на долгие годы стала официальной, покушение было его частной инициативой. Однако факты говорят о другом!

С 1875 г. Соловьев сблизился с Н. Н. Богдановичем,

впоследствии создавшем внутри «Земли и воли» группу сепаратистов. Замысел совершить покушение у Соловьева возник еще во время агитационной работы в Поволжье. Он говорил своим товарищам, что считает убийство императора поворотным пунктом в деятельности правительства и что свое дело сделает как с одобрения членов общества, так и без него.

Несколько раньше Соловьева из Малороссии в Петербург с целью цареубийства прибыли Л. Кобылянский и Г. Д. Гольденберг, имевшие опыт террористических актов. По поводу предложения убить царя мнения в руководстве «Земли и воли» разделились: Г. Плеханов и М. Попов выступали против, А. Квятковский, Н. Морозов и А. Михайлов считали, что это следует сделать. Было принято компромиссное решение: «Земля и воля» не берет на себя ответственность за убийство, но отдельным членам общества предоставляет право оказывать ту или иную помощь этому делу.

Данное решение впоследствии позволило заявить, что террористический акт был осуществлен без санкции политического руководства организации. В случае арестов это давало возможность уберечь ее лидеров от смертной казни. Кандидатуры Кобылянского (поляк) и Гольденберга (еврей) отвергли, чтобы не связывать покушение с национальной принадлежностью цареубийцы, а придать содеянному чисто политическую окраску.

После утверждения кандидатуры исполнителя началась практическая подготовка покушения. Н. А. Морозов приобрел для Соловьева револьвер, А. Д. Михайлов стал обучать его навыкам прицельной стрельбы на стрельбище Семеновского полка. С целью маскировки Соловьеву купили шинель гражданского образца, в которую он должен был переодеться при покушении, чтобы иметь возможность приблизиться на расстояние выстрела. Для быстрого отхода после покушения ему предложили воспользоваться пролеткой с кучером, но он отверг этот вариант. Зато согласился взять яд – в полном соответствии с теорией Ишутина. Смерть террориста была бы «самозачисткой», обрывавшей связь с организовавшей покушение группой.

Таким образом, в области оперативного прикрытия террористической деятельности на практике было применено несколько принципиальных для того времени новинок: сокрытие связей с организацией (организация «отказывалась» от террориста); учет национальности стрелявшего; предварительная стрелковая подготовка для проведения возможной скоростной серии выстрелов; маскировка внешности; использование многозарядного короткоствольного оружия; планирование отхода

и, наконец, самоубийство террориста.

Учитывая, что маршрут прогулки, места нахождения основных постов и их удаленность от охраняемой персоны были предварительно разведаны, государь практически был обречен. Но Александр II остался жив. Его спасла великолепная реакция: он сумел распознать угрозу и мгновенно оценить степень опасности. И несмотря на возраст (почти 61 год), он сумел не только увеличить дистанцию между собой и террористом, но и бежал зигзагами, сбивая прицел. «Помог» Александру и сам Соловьев, который накануне покушения провел бурную ночь у проститутки, злоупотребляя спиртным. А крупнокалиберный американский револьвер «медвежатник» калибром более 11 миллиметров (его выбрал для покушения Н. А. Морозов) имел очень сильную отдачу и требовал особой сосредоточенности для производства прицельного выстрела. По словам того же Морозова, «приходилось метить значительно ниже цели, чтоб попасть в нее».

Вместе с тем, действия личной охраны Александра II не выдерживают никакой критики. До момента задержания Соловьев успел выпустить пять пуль. Все позиции оперативной триады: выявление, предупреждение, пресечение – были полностью провалены.

Во многом вина за произошедшее лежала и на самом государе. Подобно большинству родовитых дворян, Александр считал унизительным находиться в окружении личной охраны. Менталитет, включавший в понятие дворянской чести личную храбрость, создавал для террористов дополнительные преимущества. Многие представители знати и высшие чиновники, в том числе сотрудники полиции и специальных служб, с трудом представляли, что на них кто-то может поднять руку. Генерал В. Д. Новицкий впоследствии вспоминал слова Мезенцова, говорившего: «…Власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосягаема, обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти намерения следует отнести к области фантазий и к бабьим грезам, а не к действительности».[481] Увы, он ошибался…

К концу 1870-х гг. устоявшаяся школа личной охраны должностных лиц сложиться еще не успела. Сотрудники подразделений, обеспечивавших безопасность государя при его передвижениях, не имели достаточного опыта работы. Кроме Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Отдельного корпуса жандармов и Министерства внутренних дел специальные структуры имелись в Военном министерстве, Министерстве иностранных дел, Министерстве

финансов, Министерстве Императорского двора и Уделов, Императорской Главной квартире. Наряду с межведомственной конкуренцией отдельные представители всех этих служб могли оказать вольную или, скорее, невольную поддержку нелегальным организациям. У нас нет однозначных данных, подтверждающих причастность руководителей того или иного ведомства к организации покушений на Александра II, но исключать подобную возможность мы не можем.

После покушения были приняты меры по совершенствованию системы безопасности. Указом от 5 апреля учреждались временные генерал-губернаторства в Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе. Генерал-губернаторы в них (а также в Москве, Киеве и Варшаве) наделялись диктаторскими полномочиями «для охранения порядка и общественного спокойствия: административной ссылки и ареста неугодных им лиц, приостановки и запрета издания газет, журналов и т. д.». Реформирования системы органов государственной безопасности, однако, не произошло. Одиннадцатого апреля Охранную стражу возглавил штабс-капитан К.-Ю. И. Кох. После вступления в должность он докладывал управляющему Третьим отделением Н. К. Шмидту, что «по охране Его Величества обстоит все благополучно, а требуется лишь лошадь ездовая Коху».[482]

Не произошло и существенных изменений в системе отбора и подготовки кадров, задействованных в личной охране государя. Более того, личная охрана была рассекречена! В пятом номере «Листка „Земли и воли“» от 8 июня 1879 г. читаем следующее:

«В России очень мало известно весьма оригинальное учреждение, называемое „Охранной стражей“. Оно вообще держится правительством в секрете, для более удобного отправления своих функций. Цель стражи – охранение личной безопасности царя и прочих высокопоставленных лиц. Стражники имеют чисто военную организацию со строгой дисциплиной, но костюмы носят всевозможные: иногда цивильные, иногда мундиры разных форм. Переодетые таким образом, они повсюду сопровождают царя. Бóльшая часть так называемой толпы, окружавшей Александра II во время покушения Соловьева, состояла из стражников. Жандарм Кох, ударивший Соловьева саблей, также стражник, и в награду за свой подвиг теперь назначен начальником Охранной стражи, на место генерала Гаазе. Это тайное сообщество, число членов которого в настоящее время свыше 1 тыс. человек, находится под непосредственным начальством императора и содержится в такой тайне, что подробности его организации до сих пор еще не вполне раскрыты».[483]

Поскольку сам факт создания Охранной стражи, ее назначение, состав и деятельность содержались в строжайшем секрете, то эта публикация стала крайне неприятным сюрпризом для высших полицейских чинов империи. Кто являлся анонимным автором, жандармам установить не удалось. Возможно, информацию «слил» кто-то из окружения императора, но при этом человек, недостаточно информированный. Ф. Ф. Гаазе не был генералом – он был гражданским чиновником в ранге статского советника, что приравнивалось к армейскому званию бригадир. Сведения о численности Охранной стражи либо приводятся по незнанию, либо преувеличиваются намеренно.

Опубликование народниками материала о совершенно секретном подразделении и агентурные донесения о подготовке новых покушений вынудили Третье отделение усилить меры по охране Александра II и его семьи во время летнего отдыха в Крыму. Для обеспечения безопасности высочайших лиц был разработан специальный план, который предусматривал: наличие постоянных вооруженных постов солдат пехотных частей по всему морскому побережью вдоль Ливадии и в ее окрестностях; патрулирование казачьими разъездами маршрутов возможных прогулок императора; увеличение численности Ялтинского жандармского управления. Все чины Охранной стражи, жандармы, солдаты и казаки были снабжены полицейскими свистками для подачи установленных сигналов. Из Ялты и ее окрестностей административным порядком были высланы личности, подозреваемые в политической неблагонадежности. А для координации действий ялтинской полиции из Петербурга прибыл чиновник особых поручений МВД действительный статский советник А. С. Харламов.

На должность начальника Петербургского охранного отделения вместо М. П. Устимовича (работал в 1877–1878 гг.) заступил В. В. Фурсов (1878–1880 гг.)

В рассматриваемый период наиболее эффективные методы борьбы с террористическим подпольем применялись в Киеве, где разгромом народнических кружков руководил адъютант[484] Киевского губернского жандармского управления штабс-капитан Г. П. Судейкин, это стало началом его полицейской карьеры. В 1879 г. под руководством Судейкина была раскрыта региональная организация «Народной воли», готовившая покушение на Александра II в Киеве. Ликвидация законспирированной группы произошла благодаря агентуре, лично внедренной Судейкиным в ряды заговорщиков. Ранее, находясь в должности адъютанта Киевского ГЖУ, Судейкин принимал участие, не только в арестах, но и в скоротечных огневых контактах с боевиками

народовольцев.

Летом 1879 г. в охранных структурах Российской империи произошли некоторые изменения. По возвращении Александра II в конце июня из Крыма в Петербург в помощь Охранной страже было выделено 50 лучших нижних чинов Гвардейской стрелковой бригады.[485] Численность Дворцовой стражи довели до 42 человек, а в августе всех чинов Охранной стражи вооружили револьверами системы «бульдог». Однако пробивное действие пуль «бульдогов» было недостаточным, что заставляет подумать либо о некомпетентности лиц, осуществлявших вооружение, либо о желании сэкономить, либо говорит о некоторой неуверенности руководства стражи в своих подчиненных.

Усиление наружной охраны императора сделало дальнейшие покушения террористов-одиночек трудноосуществимыми, но изменения не затронули оперативно-розыскную деятельность, а также методы и тактику охранной службы. По свидетельству народника Л. А. Тихомирова, Третье отделение на тот момент «находилось в слабом и дезорганизованном состояний, и трудно себе представить более дрянную политическую полицию, чем было тогда. Собственно, для заговорщиков следовало бы беречь такую полицию; при ней можно было бы, имея серьезный план переворота, натворить чудес».[486] Явные недостатки в работе секретных служб вскоре выявились.

В июне и июле 1879 г. в Липецке и Воронеже прошли съезды «Земли и воли». В результате разногласий по вопросу о применении террора землевольцы раскололись на две организации. Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и другие сторонники пропагандистских методов борьбы объединились в организацию «*Черный передел*» и впоследствии перешли на марксистские позиции. Их оппоненты, придерживавшиеся тактики террора, образовали организацию «*Народная воля*».

Руководящим органом «Народной воли» был Исполнительный комитет, в который входили: А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, А. В. Якимова. «Народная воля» состояла из двух частей – собственно организации и партии. Организация включала революционеров, подчинявшихся программе и уставу, в нее входили около пятисот человек. Партию представляли около двух тысяч сочувствующих, не связанных с организацией определенными обязательствами. Доминирующим в деятельности народовольцев стало проведение террористических актов. Двадцать шестого августа 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес Александру II

очередной смертный приговор.

Чтобы ввести в заблуждение правоохранительные органы, народовольцы постоянно совершенствовали конспирацию. Высшие руководители именовались агентами Исполнительного комитета 3-й степени. Сколько еще степеней существовало и какая из них высшая, оставалось неизвестным даже членам организации.

А. Д. Михайлов предъявлял к конспиративным квартирам следующие требования: наличие звукоизоляции и запасного выхода, возможность визуального контроля подходов. Предусматривалось выставление особых опознавательных знаков, служивших для посвященных посетителей сигналом опасности или безопасности конспиративной квартиры. Входившие в состав нелегальных организаций отдельные представители государственных органов знакомили соратников с навыками наружного наблюдения, тайной переписки, военного дела и т. п. Не меньшее значение придавалось снабжению нелегалов документами прикрытия. Использовались документы умерших лиц, похищались бланки, в которые вписывались нужные сведения, изготавливались фальшивые документы.

Наиболее удачной операцией сторонников террористических актов из «Земли и воли», ставших затем народовольцами, было внедрение в 1879 г. в штат Третьего отделения Н. В. Клеточникова. Мы специально отмечаем, что в 1873 г. Клеточников побывал за границей, особо интересуясь политикой. В Петербург он прибыл в 1878 г. из Пензы с намерением предложить свои услуги революционерам в качестве боевика. В том же году народоволец М. Ф. Фроленко под чужим именем сумел устроиться надзирателем в киевскую тюрьму и способствовал побегу троих арестованных. Вероятно, этот удачный опыт и использовал А. Д. Михайлов, предложивший Клеточникову внедриться в аппарат политической полиции. Кроме идеологических мотивов, Клеточникову было дано обещание «щедро снабжать деньгами», а также «дать ему возможность в случае какой-либо опасности скрыться за границу».[487] Внедрение проходило через вдову чиновника Третьего отделения А. П. Кутузову, которая присматривалась к своим жильцам на предмет использования на агентурной работе. Создав о своей особе благоприятное впечатление, чему способствовали регулярные «проигрыши» в карты, Клеточников попросил подыскать ему должность. Вдова сообщила об этой просьбе в Третье отделение, и член «Народной воли» после некоторой проверки был принят на службу, да к тому же в центральный аппарат политической полиции! По каким причинам

в 1879 г. не были установлены его связи с подпольем, нам неизвестно – возможно, Клеточников обладал природным талантом оперативника или получил соответствующую подготовку за границей. Мы склонны считать, что это – производное от его личных качеств, а также знаний и накопленного опыта. В любом случае, именно благодаря его работе руководство «Народной воли» длительное время эффективно противодействовало секретным службам империи. Клеточников информировал своих коллег о лицах, находившихся под наблюдением, о готовившихся обысках и арестах, передал сведения о 385 секретных служащих (в основном сотрудниках «наружного наблюдения»), причем не только внутренних, но и зарубежных. Как трудолюбивый и исполнительный сотрудник, он пользовался благосклонностью начальства. Эти качества в комплексе с хорошо законспирированной системой передачи информации позволили ему успешно работать в качестве «крота» в течение двух лет.

Параллельно с организацией контрразведки Исполком «Народной воли» начал подготовку к покушению на императора. В условиях усиленных мер охраны применение холодного и огнестрельного оружия было признано неэффективным. Для покушения решили использовать взрывчатые вещества. Главным техническим экспертом народовольцев стал Н. И. Кибальчич,[488] ранее член группы Михайлова и Квятковского «Свобода или смерть». С 1879 г. Кибальчич жил на нелегальном положении и занимался изобретением взрывчатых веществ и взрывных устройств в домашних условиях. К ноябрю, при постоянной угрозе подрыва «гремучего студня», ему и его помощнику С. Ширяеву удалось изготовить около шести пудов (72 килограмма) динамита.[489]

К этому времени террористы подготовили три варианта минирования железнодорожного полотна на пути следования царского поезда: под Одессой, под городом Александровск Екатеринославской губернии и под Москвой. В первую группу входили Фроленко, Колоткевич, Лебедева и Кибальчич. Фроленко по документам прикрытия устроился на работу сторожем и должен был взорвать фугас с использованием электродетонатора. Запалы для фугасов всех групп украл лейтенант флота Н. Е. Суханов из Минного офицерского класса[490] в Кронштадте. Вторая группа (Желябов, Якимова, Тихонов, Окладский, Пресняков) готовила двусторонний взрыв насыпи (высотой 44 метра) через овраг. Желябов выступал под именем ярославского купца Черемисова. Третья группа (Михайлов, Перовская, Гартман, Исаев, Ширяев и др.) сняла дом возле полотна железной дороги,

откуда провела подкоп и заложила два пуда (32 килограмма) динамита. Таким образом, оказалось предусмотрено тройное «перекрытие» маршрута царского поезда. С тактической точки зрения, фугасы были установлены в местах, которые обеспечивали нанесение максимальных повреждений составу. Все подготовительные работы террористы вели конспиративно.

Результаты были следующими. Ввиду штормовой погоды Александр II не поплыл из Ливадии в Одессу, а выехал в Симферополь, обойдя первый фугас стороной. Восемнадцатого ноября вторая группа пыталась произвести взрыв, но его не последовало. Имеются три версии случившегося: некачественные запалы, техническая ошибка исполнителей или отказ одного из членов группы от террористического акта. Наиболее вероятно, что электропровода перерезал И. Окладский, руководствуясь морально-этическими соображениями. Девятнадцатого ноября был взорван фугас третьей группы, но не под императорским поездом, а под поездом свиты, в результате чего вагоны сошли с рельсов. Подрывники перепутали или не знали порядок следования литерных поездов; возможно, он был изменен на одном из последних перегонов. Все три покушения сорвались. Если это случайность, то случайность тройная!

После взрыва на Курской железной дороге незамедлительно были предприняты меры противодействия минированию железнодорожного полотна. Уже 27 ноября 1879 г. московский обер-полицмейстер, генерал-майор Свиты А. А. Козлов издал совершенно секретный циркуляр частным приставам и квартальным надзирателям:

«При охранительных мерах железнодорожного пути в ожидании следования императорских поездов необходимо иметь в виду, что минные подкопы могут быть проводимы наиболее легко из домов и вообще строений, находящихся в ближайшем расстоянии от полотна железной дороги; но при этом не следует упускать из виду, что устройство батареи возможно и в строениях более удаленных и что соединительные проводы до строения, откуда ведется подкоп от батареи, могут быть положены под снегом на поверхности земли.

Посему предлагаю обращать внимание не только на ближайшие, но и на более отдаленные дома и строения и на все следы, которые могли бы оказаться от подснежного устройства поверхностных проводов, откуда бы таковые следы ни начинались по направлению к полотну железной дороги.

Независимо от этого, находя необходимым иметь ближайшие сведения о всех домах, соседних с рельсовыми путями, я сделал распоряжение о снятии планов с прилегающих к железным

дорогам местностей и, давая об этом знать, предлагаю оказать командированным для сего техникам должное содействие».[491]

Аналогичные указания «иметь бдительное и неусыпное наблюдение» за всеми постройками в непосредственной близости от железных дорог, равно как и за жителями этих домов, получили и участковые приставы полиции Санкт-Петербурга. Кроме того, чины полиции были обязаны оказывать полное содействие в таком наблюдении жандармским полицейском управлениям железных дорог.

Пока охранные структуры империи занимались закрытием «брешей» на железных дорогах, народовольцы подготовили очередное покушение. Один из боевиков Исполнительного комитета, С. Н. Халтурин, устроился на работу столяром (истопником) в Зимний дворец под именем Степана Батышкова. Внедрение было многоступенчатым: устройство на работу в мастерские Нового адмиралтейства – знакомство с Г. Петровым – рекомендация «Батышкова» столяру Зимнего дворца Р. Бандуле, данная Петровым, – устройство во дворец. Способствовали ли этому внедрению лица из охраны императора или службы дворцового коменданта? Оставляя вопрос открытым, отметим, что в середине января из Киевского губернского жандармского управления в Петербург были направлены два сообщения о готовившемся во дворце взрыве «посредством особого аппарата, приспособленного на известный период», причем в одном из донесений прямо указывалось, «что на печи и трубочистов следует обратить особое внимание».[492]

Постепенно Степану Халтурину удалось пронести и заложить в подвал под столовой около трех пудов (48 килограммов) динамита. Пятого февраля 1880 г. в 18 часов должен был состояться торжественный обед по поводу приезда принца Александра Гессенского. Халтурин, знавший об обеде, поджег бикфордов шнур с расчетом, чтобы взрыв произошел в тот момент, когда Александр II и его гости сядут за стол, а сам покинул дворец. Однако высокий гость задержался: по официальной версии, опоздал его поезд. В момент взрыва никого из членов императорской фамилии в обеденном зале не было. В результате погибли 11 военнослужащих лейб-гвардии Финляндского полка, находившиеся в караульном помещении на первом этаже – между подвалом и столовой, 57 человек были ранены. Халтурин благополучно скрылся из Петербурга и находился на нелегальном положении до 1882 г.

После взрыва в Зимнем дворце высшее общество пребывало в шоке. Великий князь Константин Константинович писал в дневнике, что российский террор отличается от террора

французского тем, что парижане во время революции видели своих врагов в лицо, а российские власти своих врагов не видят и не знают.

Девятого февраля 1880 г. Александр II подписал указ об учреждении *Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия*. В указе, в частности, говорилось:

«5. В видах объединения действий всех властей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия предоставить главному начальнику Верховной распорядительной комиссии по всем делам, относящимся к такому охранению:

а) права главноначальствующего в С.-Петербурге и его окрестностях, с непосредственным подчинением ему с.–петербургского градоначальника;

б) прямое ведение и направление следственных дел по государственным преступлениям в С.-Петербурге и С.-Петербургском военном округе; и

в) верховное направление упомянутых в предыдущем пункте дел по всем другим местностям Российской империи.

6. Все требования главного начальника <…> комиссии по делам об охранении государственного порядка и общественного спокойствия подлежат немедленному исполнению как местными начальствами, генерал-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, так и со стороны всех ведомств, не исключая военного.

7. Все ведомства обязаны оказывать главному начальнику <…> комиссии полное содействие. <…>

9. Независимо от сего предоставить главному начальнику <…> комиссии делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С.-Петербурге, так и в других местностях империи, причем от усмотрения его зависит определять меры взыскания за неисполнение или несоблюдение сих распоряжений и мер <…>

10. Распоряжения главного начальника <…> комиссии и принимаемые им меры должны подлежать безусловному исполнению и соблюдению всеми и каждым и могут быть отменены только им самим или особым Высочайшим повелением».[493]

Главным начальником Верховной распорядительной комиссии стал М. Т. Лорис-Меликов, которого современники характеризовали так: «Волчьи зубы, лисий хвост». Он получил практически диктаторские полномочия. Третьего марта Третье отделение, а 4 марта Корпус жандармов временно подчинили

Верховной распорядительной комиссии; формальным главой этих ведомств был назначен генерал Свиты П. А. Черевин. На пост петербургского градоначальника заступил А. В. Федоров.

Одиннадцатого апреля 1880 г. Лорис-Меликов направил на имя императора доклад, в котором констатировал необходимость координации деятельности правоохранительных органов империи и проведения политических преобразований. Александр II наложил на докладе резолюцию:

«Благодарю за откровенное изложение твоих мыслей, которые почти во всем согласны с моими собственными».[494]

В апреле 1880 г. штат Охранного отделения в Петербурге увеличился с четырех до десяти человек. К должностям управляющего отделением и его помощника добавились два чиновника для поручений; было также реорганизовано делопроизводство, состоящее из двух делопроизводителей, двух помощников делопроизводителей, архивариуса и журналиста. Еще четыре человека числились прикомандированными к отделению. Из предыдущего состава на своей должности остался лишь управляющий – коллежский советник В. В. Фурсов, занимавший ее с 25 ноября 1878 г.

Шестого августа был подписан указ о ликвидации Временной распорядительной комиссии. В соответствии с указом Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии упразднялось, его функции перешли к вновь созданному *Департаменту государственной полиции МВД*.

Пятнадцатого ноября департаменты государственной и исполнительной полиции были объединены в один Департамент государственной полиции. Министром внутренних дел и шефом жандармов стал Лорис-Меликов, а первым директором Департамента государственной полиции – барон И. О. Велио.

На практике все происходило не так быстро и гладко, как задумывалось. В середине ноября 1880 г. из 72 штатных единиц Третьего отделения в МВД были заняты только 21. Прием сотрудников осуществлялся в соответствии с мнением Лорис-Меликова о порядке формирования Департамента государственной полиции:

«Делопроизводство в оном может быть вверено только таким лицам, которые, обладая необходимыми для службы в высшем правительственном учреждении познаниями и способностями, вполне заслуживают доверия по своим нравственным качествам, выдержанности характера и политической благонадежности».[495]

Несмотря на правильные критерии отбора сотрудников центрального аппарата, Клеточников, например, отбор прошел и был принят на службу, в то время как большое число кадровых

сотрудников, имевших достаточный оперативный опыт, аттестацию, как сказали бы сегодня, не прошли, поскольку придерживались мнения, отличного от мнения нового руководства.

Происходило и совершенствование местных органов политического сыска. Первого ноября 1880 г. в Москве было учреждено *Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера*. Деятельность нового учреждения распространялась на вторую столицу империи с пригородами. Первым начальником этого отделения стал А. С. Скандраков.

С созданием отделения деятельность московского Губернского жандармского управления ограничилась территорией Московской губернии. Начальником московского ГЖУ являлся И. Л. Слезкин.

Тем временем Исполнительный комитет «Народной воли» приступил к реализации нового перспективного проекта – созданию *Военной организации*. К концу 1880 г. сформировалось ее руководящее ядро: от Исполкома «Народной воли» в него вошли Желябов и Колоткевич, из офицеров – Н. Е. Суханов (первый руководитель), барон А. П. Штромберг и Н. М. Рогачев. Основной задачей Военной организации являлась подготовка захвата власти путем вооруженного восстания. Ставка делалась на организацию военного переворота под руководством народовольцев – офицеров гвардии, армии и флота. Один из лидеров Военной организации А. В. Буцевич говорил, что для организации переворота достаточно двухсот или около того офицеров. После захвата власти предполагалось передать ее временному правительству в лице Исполкома «Народной воли».

В отличие от Комитета русских офицеров в Польше (самостоятельной организации с локальной сепаратистской целью), Военная организация была идеологизированной партийной структурой, подчинявшейся Исполкому и призванной обеспечить захват власти в интересах партии и смену государственного устройства.

Как и их гражданские коллеги, офицеры-народовольцы одобряли террор против царских сатрапов, считая его ускорителем революции. На вопрос кронштадтских моряков о правах и обязанностях членов «Народной воли» Суханов ответил, что права и обязанности революционера заключены в бомбе.

Непосредственно в террористических актах члены Военной организации не участвовали, они занимались организацией филиалов «военки» в других городах. Кроме Петербурга и Кронштадта военные кружки были организованы в Москве, Киеве, Орле, Витебске, Риге, Митаве, Динабурге, Либаве, Минске,

Николаеве, Одессе (всего около двадцати мест). Их деятельность, автономная от остальных организаций народовольцев, носила более конспиративный характер, чем работа гражданских отделений, – в силу большей дисциплинированности и гораздо более сурового наказания членов «военки» в случае провала. Даже после ареста большинства руководителей «Народной воли», в том числе и Суханова, Военная организация продолжала нелегальную работу почти два года. Структура и методы ее работы стали примером для большинства нелегальных политических партий, существовавших в России на рубеже XIX–XX вв.

Весной 1880 г. террористы «Народной воли» подготовили еще два покушения на царя. В Одессе, в одном из домов на Итальянской улице, Софья Перовская и Николай Саблин сняли бакалейную лавку, откуда сделали подкоп под мостовую для закладки фугаса. Но император в Одессу не приехал, и террористический акт не состоялся. В Петербурге народовольцы подготовили к взрыву Каменный мост на улице Гороховой. Более ста килограммов взрывчатки поместили под воду в прорезиненных мешках. Электрические провода вывели на плот, находившийся в отдалении. Осуществить задуманное не удалось из-за опоздания исполнителя – М. В. Тетерки.

Следует отметить, что динамит для терактов иногда поставлялся из-за рубежа. К примеру, сразу после Липецкого съезда «Народной воли» один из его участников, А. И. Зунделевич, выехал в Швейцарию для приобретения взрывчатого вещества. На поставку динамита из-за рубежа террористы рассчитывали при подготовке взрыва царского поезда; когда стало известно, что заграничный транспорт не прибудет, они направили в Одессу за динамитом Гольденберга, но тот был задержан. В Киеве, при обыске на одной из конспиративных квартир, «в чуланчике для дров найден завернутый в клеенку и зарытый в землю металлический ящик», который «по наружному осмотру» был признан экспертами-пиротехниками «динамитным снарядом австрийского приготовления, при этом они нашли, что вес заключающегося в нем динамита около 5 ф.».[496]

Тем временем кольцо вокруг народовольцев все более сжималось. Еще в 1879 г. арестовали Гольденберга, Зунделевича, Квятковского и Ширяева. Гольденберг дал показания, на основании которых в течение 1880 г. арестовали Баранникова, Иванова, Колоткевича, Преснякова и Окладского. В конце ноября был арестован Михайлов, заказавший для революционного архива фотографии повешенных Квятковского и Преснякова. Фотограф, делавший снимки и для Третьего отделения и, соответственно, узнавший народовольцев, сообщил о заказе в полицию.

Первого ноября 1880 г. по распоряжению министра внутренних дел в Москве было создано *Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера*. Правила охраны Зимнего, Большого Царскосельского и Петергофского дворцов ужесточили. Пристальное внимание стали обращать на обслуживающий персонал. Однако ни совершенствование структуры органов политической полиции, ни улучшение ее работы, ни многочисленные аресты не остановили оставшихся на свободе руководителей «Народной воли». В конце 1880 г. они начали подготовку к очередному покушению на Александра II.

В декабре А. В. Якимова и Н. Н. Богданович под фамилией Кобозевых арендовали помещение в доме Менгдена на Малой Садовой улице в Петербурге. Из этого помещения, замаскированного под сырную лавку, был сделан подкоп под мостовую, чтобы взорвать императорскую карету на маршруте Зимний дворец – Михайловский замок. В качестве запасного варианта была подготовлена группа метальщиков, чтобы забросать карету бомбами, если маршрут изменится. Накануне покушения напротив Смольного института, на пустыре с другой стороны Невы, Кибальчич провел обучение обращению с разработанными им бомбами, снабженными взрывателями мгновенного действия. Как показали испытания, радиус поражения осколками составлял до двадцати саженей. К 1 марта 1881 г. были готовы четыре снаряда. За три месяца с помощью стационарного наружного наблюдения были тщательно изучены маршруты передвижения Александра II, распределены позиции метальщиков вдоль наиболее вероятного пути следования (засады) и разработана система оповещения.

О подготовке нового покушения Департаменту государственной полиции стало известно заблаговременно. В «Докладе по делу террориста Гольденберга о подготовке крушения царского поезда на Московско-Курской ж. д.», составленном не позднее второй половины 1880 г., говорится: Гольденберг «высказал <…> что государя императора можно взорвать в Петербурге посредством подкопа на Малой Садовой улице, по которой государь часто ездит, и, между прочим, каждое воскресенье ездит по ней на разводы в Инженерный замок, а равно и то, что государя террористы будут преследовать на каждом шагу, и с уверенностью сказал, что месяца через 1 1/2 государя непременно убьют. Очевидно, предположение устроить подкоп на Малой Садовой улице в Петербурге у них, террористов, уже созрело».[497] При этом выявить помещение, из которого велся подкоп, сотрудники полиции и службы

безопасности не смогли. Не предусмотрели они и возможность организации засады метальщиков гранат. Возможно, им не хватило опыта и настойчивости.

В январе 1881 г. были арестованы Златопольский, Клеточников и Морозов, причем Клеточникова разоблачили благодаря показаниям Окладского. Лорис-Меликов приказал своим подчиненным усилить бдительность и просил императора временно прекратить поездки по городу. Двадцать второго февраля Александр II от традиционной поездки отказался. За несколько дней до покушения под наружное наблюдение попал один из лидеров народовольцев М. Н. Тригони. Однако отсутствие навыков проводить проверку по месту жительства не позволило выявить посещенную Тригони конспиративную квартиру, на которой скрывалась Софья Перовская.

Двадцать седьмого февраля с помощью засады на конспиративной квартире был задержан Желябов. По одной из версий, он заявил полицейским: «Не слишком ли поздно вы меня арестовали?» Об аресте Желябова немедленно доложили императору. Обрадованный сообщением Александр принял решение поехать на парадный развод караулов, который проводился по воскресеньям.

Утром 1 марта 1881 г. государь принял министра внутренних дел и подписал проект реформ, вошедший в историю как «конституция Лорис-Меликова». Михаил Тариэлович еще раз предупредил Александра II о возможности покушения и просил его отложить поездку. Министра поддержала и супруга государя княгиня Юрьевская, однако государь был непреклонен и от поездки не отказался. В 12 часов дня его карета в сопровождении конвоя выехала из Зимнего дворца.

Отметим, что в тот день за безопасность государя отвечали три структуры.

1. Безопасность проезда по трассе обеспечивали чины Охранной стражи под командованием капитана К. Коха.

2. На Михайловской площади и прилегающих улицах находились конные и пешие жандармы под командованием полицмейстера 1-го городского отделения полковника А. И. Дворжицкого.

3. Непосредственно карету государя сопровождали шесть казаков Терского казачьего эскадрона Конвоя под командованием ротмистра П. Т. Кулебякина.

Четких должностных инструкций о том, как действовать (и взаимодействовать) в случае покушения на царя, у охраны, однако, не имелось.

К этому времени террористы были полностью готовы к

проведению операции, которой после ареста Желябова руководила Перовская. Подрыв фугаса в подкопе на Малой Садовой с помощью электродетонатора и гальванической батареи должны были осуществить Ю. Богданович или М. Фроленко. И. И. Гриневицкий, И. П. Емельянов, Т. М. Михайлов и Н. И. Рысаков с бомбами в свертках заняли позиции на улице. Конвой императора проследовал по набережной Екатерининского канала, миновав тщательно подготовленную засаду. Но, как мы уже упоминали, подобный вариант был предусмотрен, и в действие ввели запасной план покушения. Перовская приняла решение перевести гранатометчиков на Екатерининский канал, рассредоточиться и ждать условного сигнала.

Около двух часов пополудни карета императора повернула с Инженерной улицы на набережную Екатерининского канала, неизбежно замедлив скорость. Перовская взмахнула платком, подавая условный знак. Первую бомбу бросил Рысаков – поврежденная взрывом карета остановилась. Однако она не была разрушена, и император получил лишь легкую контузию. Террористы не знали, что экипаж был укреплен с помощью блиндирования.

За каретой следовали шесть казаков лейб-гвардии Терского эскадрона во главе с ротмистром Кулебякиным – все они были ранены, некоторые серьезно. Александр II вышел из кареты и направился к раненым, хотя кучер просил его не делать этого и говорил, что карета в состоянии доехать до Зимнего дворца. Поступок императора можно объяснить следствием контузии, но, по нашему мнению, более правдоподобным выглядит другое объяснение: из кареты вышел не император, а полковник лейб-гвардии Преображенского полка, обеспокоенный за жизнь своих подданных.

К месту покушения уже бежали привлеченные взрывом прохожие, Рысаков был схвачен и предстал перед государем. Неразберихой воспользовался И. И. Гриневицкий, который подошел вплотную к Александру и бросил бомбу ему под ноги. В результате взрыва государю почти оторвало обе ноги, около тридцати человек получили тяжелые ранения, смертельно был ранен и сам террорист.

Ранения императора оказались настолько тяжелыми, что даже искусство доктора С. П. Боткина оказалось бессильно. В Зимнем дворце государь скончался.

Гибель его была обусловлена как решением поехать на развод караулов вопреки рекомендации Лорис-Меликова, так и большим количеством ошибок, допущенных царской охраной.

1. Не были должным образом проверены маршруты

следования конвоя и не обеспечено надежное оцепление улиц с помощью дополнительных сил. А ведь оцепление являлось абсолютно необходимым при наличии реальной угрозы покушения (отметим попутно, что риск покушения бывает только высоким либо неизвестным).

2. Численность конвоя была явно недостаточной, казаки не обладали должными навыками обеспечения эффективной охраны государя от потенциальных террористов.

3. Государь остался на месте покушения, несмотря на неоднократные просьбы немедленно уехать.

4. В первые же десятки секунд после взрыва не было выставлено оцепление вокруг места происшествия, что позволило боевикам повторить покушение.

5. Императору не была оказана медицинская помощь на месте ввиду отсутствия в эскорте соответствующего специалиста.

Про недостатки в организации агентурной работы и оперативно-розыскной деятельности мы уже упоминали. Но возникает вопрос: почему в условиях реальной угрозы жизни императора перечисленные ошибки вообще стали возможны? Тут можно выделить две версии.

1. Охрана государя являлась недостаточно компетентной, поэтому его убийство – следствие преступной самоуверенности и столь же преступной некомпетентности.

2. Злой умысел политических сил или отдельных персон в ближайшем окружении Александра II, заинтересованных в проведении исключительно репрессивных мер по отношению к революционерам и сохранении доминирующих позиций в политической жизни страны.

Качественной работе органов безопасности не способствовали деструктивная конкуренция отдельных ведомственных служб и непрерывная кадровая чехарда в большинстве силовых структур того времени. Если за 30 лет во времена Николая I Третье отделение возглавляли всего два человека, то при Александре II – пять за 25 лет. В Министерстве внутренних дел также сменилось пять руководителей: С. С. Ланской (1855–1861 гг.), П. А. Валуев (1861–1868 гг.), А. Е. Тимашев (1868–1878 гг.), Л. С. Маков (1878–1879 гг.), М. Т. Лорис-Меликов (1880–1881 гг.).

Неблагополучное состояние органов внутренней безопасности, стратегические ошибки в оценке ситуации, недостаточно компетентное, а подчас просто волюнтаристское руководство и утрата контроля над политическим состоянием общества способствовали зарождению нового социального явления – политического терроризма. Террористы переиграли не только личную охрану государя, но и всю систему безопасности

Российской империи. Успех покушения подтвердил, что личная охрана при отсутствии достоверной информации о характере имеющейся угрозы имеет очень небольшие шансы предотвратить беду.

Глава 12
Гатчинский затворник

У России есть лишь два верных союзника – ее армия и ее флот.

Александр III

«Через час после ужасного события 1-го марта 1881 года караул Аничкова дворца, местопребывания вступившего на престол императора Александра III, был усилен батальоном л. – гв. Павловского полка, бегом прибывшего ко дворцу. Батальон занял входы и выходы дворца пропускными постами и выслал вокруг него патрули.

Павловцы расположились в манеже и в течение двадцати дней несли почетную службу, охраняя царя и его семью».[498]

Убийство Александра II повлекло за собой значительные изменения во внутренней жизни российского государства. Политика либеральных преобразований, пусть не всегда последовательно осуществлявшаяся царем-Освободителем, уступила место политике реакции. Народовольцы, считавшие, что смерть императора подтолкнет правящую элиту к более интенсивным преобразованиям в социально-политической сфере, достигли прямо противоположного результата – власть начала активно сопротивляться прогрессу в политической жизни страны. Доминирующим фактором периода «охранительного» правления Александра III стал страх придворных перед возможным покушением на жизнь государя. Соответственно центральной задачей российских секретных служб и подразделений со специальными задачами стало обеспечение личной безопасности Его Императорского Величества.

Основным идеологом «охранительного» периода стал обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. По своей радикальности он являлся зеркальным отражением террористов-народовольцев.

Напомним, что утром 1 марта Александр II подписал программу по расширению прав земств, свободы печати и частичной децентрализации административного управления, предложенную М. Т. Лорис-Меликовым, и приказал опубликовать ее в «Правительственном вестнике». Заявив, что последняя воля покойного государя должна быть выполнена, Александр III повелел обнародовать программу, но под влиянием

Победоносцева в ночь с 1 на 2 марта все же приостановил печать с тем, чтобы вновь обсудить некоторые пункты. С этого момента мнение Победоносцева, этого ультраконсерватора, стало для Александра III определяющим в вопросах внутренней политики.

Обер-прокурор Священного Синода стал также вмешиваться и в вопросы, связанные с обеспечением безопасности императора. Уже 3 марта он писал государю: «Гнетет меня забота о Вашей безопасности. Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты».[499] Но рекомендации человека, не являвшегося специалистом в области охраны, только способствовали усилению нервозности в окружении царствующей особы.

Практически сразу после гибели Александра II по рекомендации Победоносцева петербургским градоначальником был назначен Н. М. Баранов. Баранов проинформировал государя, что имеет сведения от зарубежных коллег о готовящихся покушениях. К охране Александра был привлечен лейб-гвардии Егерский полк, шефом которого он состоял, будучи цесаревичем. Внутреннюю охрану Аничкова дворца несли казаки Собственного Его Императорского Величества конвоя. Охрана имела приказ не выпускать императора за ограду дворца. Третьего марта близкий друг Александра граф И. И. Воронцов-Дашков порекомендовал ему немедленно переехать в Зимний дворец, чтобы не подвергать себя ежедневной опасности при переходах из одного дворца в другой. Единственным, кто не поддался всеобщей подозрительности, был эскадр-майор императора вице-адмирал И. И. Бутаков, отвечавший за безопасность государя при морских путешествиях.

Восьмого марта Александр III провел заседание Комитета министров с участием великих князей для обсуждения проекта М. Т. Лорис-Меликова о созыве законосовещательных комиссий. На заседании с резкой критикой предположений Лорис-Меликова выступили Победоносцев и глава Госсовета граф Сергей Строганов. Параллельно в правительстве велись бурные дискуссии о необходимости защиты высших государственных сановников от революционного терроризма. По мнению Победоносцева, основная угроза трону исходила от либерально настроенных лиц в правительстве.

Одиннадцатого марта глава Синода подал на имя Александра докладную записку, озаглавленную «*О принципах организации охраны государя-императора, его семьи, высших должностных лиц и объектов государственной охраны*». Он советовал императору:

«1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери – не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до входной. Доверенный человек должен внимательно

смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из Ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от Вас, в этих же комнатах.

5. Все ли надежны люди, состоящие при Вашем Величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его <…>. Будьте осторожны каждую минуту». [500]

На случай кончины императора манифестом от 14 марта великий князь Владимир Александрович назначался «Правителем Государства» до совершеннолетия наследника престола Николая Александровича; в случае кончины последнего он вступал в права престолонаследия.

Двадцать второго марта по инициативе Баранова при градоначальнике был создан *Временный совет для выработки мер к ограждению общественной безопасности*. Председателем комиссии для выработки плана преобразования столичной полиции стал П. А. Черевин. Начальник киевского Губернского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий вспоминал:

«Баранов, состоя градоначальником в С.-Петербурге в самое смутное, тяжелое время, отличался невозможными распоряжениями по полиции, ни к чему не ведущими и никакой пользы не приносившими; <…> он установил заставы из войск гвардии на всех въездах в Петербург, и на этих заставах прописывали в книги паспорта со всеми подробностями всех проезжающих в столицу, что было сделано с целью задержания важных политических преступников <…> недовольство народилось огромное, а в результате ни один не был задержан революционер…». [501]

Атмосферу неуверенности создавало и большое число обращений граждан в адрес высших должностных лиц империи, занимавшихся вопросами безопасности. Некоторые обращения несли в себе конструктивные предложения по борьбе с революционным движением. Так, записка коллежского советника Станкевича, направленная в конце марта 1881 г. министру внутренних дел, была посвящена совершенствованию паспортной системы. Автор предлагал произвести проверку паспортов и других документов на право разъездов и жительства по месту выдачи. По мнению Станкевича, для лиц всех сословий, отлучающихся с мест постоянного жительства, а также для

жителей Петербурга и Москвы следовало учредить единый порядок выдачи документов, удостоверяющих личность. Порядок этот заключался в следующем:

«1. Предоставить <…> выдачу паспортов исключительно ведомству полиции лицам всех сословий, исключая только состоящих на действительной государственной службе.

2. Лиц, имеющих постоянные документы, заменяющие паспорт, как то: указы об отставке, свидетельства дворянских депутатских собраний, свидетельства духовных консисторий и тому подобные, – подчинить общим правилам о паспортах <…>.

3. Бланки для паспортов и временных свидетельств <…> должны быть заготовлены из гербовой бумаги одного образца в виде ныне существующих ассигновок с присвоением только для каждого сословия отдельного цвета, которые должны расходоваться таким же точно порядком как ассигновки, т. е. левая часть паспорта должна оставаться в корешке тетради с пропиской того же, что и на выданном паспорте».[502]

Опасения царедворцев не в последнюю очередь базировались на прокламации Исполкома «Народной воли», в которой сообщалось, что народовольцы намерены бороться и с новым императором, если он сохранит самодержавную форму правления. И если рассматривать ситуацию с терроризмом в целом, то эти опасения были небеспочвенны.

В конце правления Александра II идеологической основой российского терроризма левой направленности стали работы «Смерть за смерть» С. М. Кравчинского (1878), «Террористическая борьба» Н. А. Морозова (1880) и «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» П. Н. Ткачева (1881). Ими был заложен краеугольный камень социально-философского учения о терроризме, получившего дальнейшее развитие в XX в. Идеи, оформленные в соответствующие теории, стали для определенной части общества социальной религией, определив «жизнь в терроре» для нескольких поколений активных революционеров.

В этот же период оформились основные признаки политического терроризма:

средства (взрывчатка и стрелковое оружие) и методы (минирование, бомбометание, стрельба);

сочетание пропаганды и агитации с террористическими акциями;

публичная ответственность за террористический акт;

захват заложников как один из методов проведения террористических акций;

выбор в качестве объектов и жертв террористических акций

не только лиц политического истеблишмента, но и неопределенно широкого круга лиц (безадресный терроризм);

экспроприация денежных средств для финансирования пропагандистских и боевых операций;

всесторонняя поддержка членов организации, попавших в руки правительства.

Развилась и оформилась организационная сторона деятельности: конспиративные структуры в стране и за рубежом, специальные боевые группы, взаимодействие с подобными иностранными организациями, закупка и переправка с их помощью оружия или его частей, публикация пропагандистских материалов, приобретение собственного типографского оборудования для печатания революционной литературы, получение из различных, желательно законспирированных, источников финансовой помощи. Можно утверждать, что заложенные в последней четверти XIX в. идеологические, информационные, технологические и организационные основы террористической деятельности не утратили актуальности и поныне.

Угроза безопасности Александру III была не столь велика, как это представлялось. Находящийся под следствием боевик Рысаков стал давать признательные показания; 3 марта на конспиративной квартире арестовали Г. М. Гельфман, заявившую полицейским, что проживавший с ней Н. А. Саблин застрелился. При этом смерть Саблина наступила в результате трех выстрелов: в рот, левый глаз и в правый висок. То есть, скорее всего, он был ликвидирован как носитель секретной информации о Военной организации народовольцев. Десятого марта при проведении розыскных мероприятий с участием опознавателя на улице взяли С. Л. Перовскую. К концу марта 1881 г. большинство руководителей и боевиков «Народной воли» находились под стражей; в апреле арестовали руководителя Военной организации Н. Е. Суханова.

К тому времени в составе Временного совета при градоначальнике была образована подкомиссия для реорганизации Охранной стражи, которую возглавил И. И. Воронцов-Дашков. Двадцать третьего марта 1881 г. для несения службы при императоре была сформирована Сводно-гвардейская рота под командованием капитана И. В. Богаевского. Личный состав роты набрали из полков 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий, гвардейских стрелковых батальонов, лейб-гвардии Саперного батальона и Гвардейского экипажа: по одному унтер-офицеру и 25 нижних чинов, офицеры – от каждого полка. В тот же день это спецподразделение приступило к несению

караульной службы по охране Аничкова дворца. В Зимнем дворце продолжала нести службу Рота дворцовых гренадер.

Двадцать седьмого марта А. М. Рылеев был отчислен от должности согласно собственному желанию, и в тот же день Александр III покинул Петербург и поселился в Гатчине. Начальником личной охраны государя стал генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков. Однако он не имел специального образования в области охранной и полицейской службы, и, вероятно, поэтому упор в работе охраны первоначально был сделан на усилении караулов и других специальных мероприятий, используемых в военной службе.

Двадцать девятого апреля 1881 г. вышел царский манифест «*О незыблемости самодержавия*», который стал своеобразной репером в противостоянии охранных структур и революционеров. «Но посреди великой Нашей скорби, – отмечалось в манифесте, – Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». [503]

В тот же день в Гатчину на помощь Терскому эскадрону Конвоя из Варшавы прибыл Кубанский казачий дивизион. Кроме Сводно-гвардейской роты и Конвоя охрану в Гатчинском дворце несли лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк, 1-й железнодорожный батальон и Дворцовая стража. В апреле – мае в ежедневном дворцовом карауле состояло около 170 человек, занимавших 11 внутренних и 19 наружных постов. Дворец и Гатчинский парк были оцеплены несколькими рядами часовых, а также патрулировались конными разъездами и прибывшими из Петербурга полицейскими чинами и секретными агентами. Без специального пропуска, выдававшегося Императорской главной квартирой, передвижение через посты в любую сторону запрещалось. Для входа во дворец ввели пропуска особого образца с фотокарточками. Постепенно Гатчина превращалась в настоящую крепость.

Князь П. А. Кропоткин, служивший камер-пажом при Александре II, вспоминал о системе охраны дворца:

«Я знаю это старинное здание, планированное как вобановская крепость, окруженное рвами и защищенное сторожевыми башнями, откуда потайные лестницы ведут в царский кабинет. Я видел люк в кабинете, через который можно бросить неожиданно врага в воду – на острые камни внизу, а затем тайные лестницы, спускающиеся в подземные тюрьмы и в подземный проход, ведущий к озеру <…>, подземная галерея,

снабженная автоматическими электрическими приборами, чтобы революционеры не могли подкопаться, рылась вокруг Аничкова дворца, где Александр III жил до восшествия на престол».[504]

Условия службы в Гатчине потребовали усиления Сводно-гвардейской роты, и в ее состав были добавлены офицеры от гвардейских стрелковых батальонов, Саперного батальона и Гвардейского экипажа. Не менее серьезные меры предпринимались и на даче «Александрия» в Новом Петергофе, куда императорская семья переехала в середине мая 1881 г. Курс стрельбы личный состав роты проходил в Петергофе на стрельбище лейб-гвардии Уланского полка в Бабьем Гоне.

Одновременно с усилением военной составляющей службы безопасности в середине марта в Петербурге началось создание «параллельной» охраны, не являвшейся официальной спецслужбой. Прежде чем устояться, название этой добровольной организации претерпело несколько изменений: «Священная лига», «Священное братство», «Золотая дружина», «Охранная дружина», «Общество борьбы против террора». Название «*Священная дружина*» возникло, вероятно, по историческим аналогиям.[505]

Идея создания дворянской конспиративной организации принадлежала управляющему Юго-Западными железными дорогами С. Ю. Витте. Узнав о гибели Александра II, он направил своему дяде, генералу Р. А. Фадееву, письмо, в котором предложил бороться с революционерами их же методами. Фадеев доложил соображения племянника Воронцову-Дашкову, и в результате к лету 1881 г. при дворе появилась организация, имевшая целью физическую охрану императора.

Практическую работу в «Священной дружине» возглавили И. И. Воронцов-Дашков и П. П. Шувалов. Поскольку высокопоставленные «дружинники» не являлись специалистами в области сыска, для организации работы был привлечен ряд специалистов. Так, заведующим делами был назначен начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга И. Д. Путилин. Первым председателем Исполнительного комитета стал бывший управляющий Третьим отделением сенатор Н. К. Шмидт.

Строилась дружина по образцу тайных обществ: масонов, карбонариев и «Народной воли». За основу была взята система «пятерок». Во главе «пятерки» стоял «старший брат», рядовые члены назывались «братьями». Соблюдалась строжайшая конспирация: каждый «брат» знал только «старшего брата», от которого получал задания и которому докладывал о проделанной работе. «Дружинники» принимали присягу; в письменных документах они обозначались псевдонимом или номером. Например, Воронцов-Дашков имел конспиративный псевдоним

Набольший и конспиративный номер шесть. Руководство дружины планировало создание внутри страны и за рубежом сети отделений, сообщения из которых должны были поступать в единый законспирированный центр.

На территории России были выделены три наиболее ответственные «местности»: Санкт-Петербург с царскими резиденциями, Москва и юг России. Для сбора информации в местах компактного проживания российских эмигрантов приступили к созданию *Управления иностранных агентур* с центрами в Берлине, Вене (с отделениями вдоль русской границы) и Париже (с отделениями в Брюсселе, Лондоне и Женеве).

Параллельно происходили изменения в высшем руководстве империи. Председателем Государственного совета вместо сторонника буржуазных реформ великого князя Константина Николаевича был назначен великий князь Михаил Николаевич. Военным министром стал П. С. Ванновский, МВД возглавил граф Н. П. Игнатьев, товарищем министра внутренних дел был П. А. Черевин, директором Департамента государственной полиции – прокурор Петербургской судебной палаты В. К. Плеве. Командующим Императорской Главной квартирой стал генерал-лейтенант О. Б. Рихтер.

С 12 мая 1881 г. все железнодорожные поездки императорской фамилии стал обеспечивать 1-й железнодорожный батальон.[506]

Тринадцатого мая Александр III поручил Воронцову-Дашкову выработать проект реорганизации охранных структур, отвечающих за безопасность императора и его семьи. В этом же месяце Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера переименовали в *Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при канцелярии московского обер-полицмейстера.* Его начальником остался А. С. Скандраков. А 11 июня на базе кадров Охранной стражи создается *Секретная часть охраны:* 15 стражников (5 старших) 10 агентов (3 старших) и писарь; часть возглавил подполковник Е. Н. Ширинкин.

* * *

В Америке после убийства Авраама Линкольна никаких выводов об усилении охраны высших должностных лиц государства сделано не было. Соответственно, не заставило ждать и очередное покушение. Второго июля 1881 г. на

железнодорожном вокзале в Вашингтоне президент-республиканец Джеймс Абрам Гарфилд, ожидавший поезда как простой пассажир, был тяжело ранен. Убийца, Чарльз Джулиус Гито, без всяких проблем подошел к нему, дважды выстрелил в спину из револьвера и крикнул: «Я – „стойкий“! Теперь Артур президент!»

На следствии выяснилось, что мотивом покушения психически неуравновешенного террориста, которого схватили тут же, на месте преступления, была личная месть вновь избранному президенту за борьбу с коррупцией. Гито считал, что в ходе избирательной кампании оказал Гарфилду настолько ценные услуги, что, согласно практиковавшейся ранее «системе добычи» *(spoils system),* мог претендовать на место в администрации. Гарфилд, однако, задумал покончить с этой практикой, и Гито остался без должности. «Стойкими» называлась фракция Республиканской партии, к которой принадлежал вице-президент Честер Алан Артур, и свои надежды на карьеру Гито с некоторых пор связывал именно с ним. Преступник был повешен 30 июня 1882 г.

Гарфилд остался жив: одна пуля прошла навылет через плечо, другая, раздробив ребро, застряла рядом с поджелудочной железой. Он прожил еще несколько месяцев и скончался 19 сентября 1881 г. Непосредственной причиной смерти стал инфаркт… вызванный все-таки покушением. Не соблюдая элементарных мер дезинфекции, врачи искали пулю в ложном раневом канале, проникшем в печень, в итоге началось гнойное воспаление, от которого не выдержало сердце. Злополучную пулю смогли извлечь только на вскрытии.

Ситуация с охраной первых лиц не изменилась и после ранения Гарфилда: до середины 1890-х годов Секретная служба не имела никакого отношения к обеспечению личной безопасности президентов. Нового главу государства – Честера А. Артура – продолжала охранять вашингтонская полиция. И только весной 1894 г. директор Секретной службы Уильям Хейзен по собственной инициативе направил двоих агентов охранять Белый дом. Юридически Хейзен не имел на это полномочий – он оправдал свое решение получением агентурной информации о подготовке покушения на жизнь президента Стивена г. Кливленда.

Тринадцатого июля 1881 г. Воронцов-Дашков представил императору всеподданнейший доклад *«О постановке Собственной Его Величества Охраны».* Поскольку одной из причин гибели Александра II была признана несогласованность действий различных охранных структур, отвечавших за его безопасность

(Третье отделение, Дворцовая стража, Охранная стража, Собственный Е. И. В. конвой, столичное охранное отделение), главной идеей доклада было объединение действий под руководством одного начальника. Основные положения доклада были сформулированы П. П. Черевиным и Е. Н. Ширинкиным.

Еще в мае 1881 г. в записке «*Об охранной Его Величества страже*» Ширинкин отмечал, что «охранная Его Величества стража в настоящем ее виде не удовлетворяет ни одному из своих назначений: ни охранять государя во время его поездок в местности, не оцепленные среди публики, т. к. всякий безошибочно может указать стражника по его внешнему виду; ни добыть сведений о нахождении лиц неблагонадежных в политическом отношении, т. к. среди настоящего состава стражи за немногими исключениями нет людей, способных самостоятельно исполнять обязанности агентов».[507]

Однако само наличие специального подразделения для охраны императора вне дворца не оспаривалось. Секретные агенты, одетые в штатское, должны были дополнять надзор за публикой, параллельно осуществлявшийся сотрудниками полиции в форме. Полиция, по возможности, о деятельности агентов не осведомлялась. Личный состав обновленной охранной стражи следовало набирать из лиц, знавших в лицо (по фотографиям) известных революционеров, а также особ, состоящих на службе при Дворе или имеющих право приезда ко Двору.

Отмечая недостаточную квалификацию стражников, Ширинкин предлагал увеличить им жалованье, поскольку «привлечение в охранную стражу полезных сыскных агентов не могло быть достигнуто при неимоверно ничтожных окладах содержания, а без агентов сыщиков охранная стража не достигнет цели».[508] Он также считал необходимым увеличить личный состав стражи до семидесяти человек и разделить их на два отряда. Сотрудникам первого отряда следовало исполнять сыскные функции в местах присутствия императора и членов царской семьи, собирая сведения обо всех лицах, постоянно или временно находящихся в царских резиденциях и их окрестностях. Чинам второго отряда полагалось осуществлять негласную охрану государя путем ведения наружного наблюдения, выявлять известных им по фотографиям революционеров и пресекать действия в случае угрозы императору.

Одиннадцатого августа высочайшее одобрение получило «*Положение об охране Его Императорского Величества*», были также утверждены штаты Дворцовой полицейской команды и Секретной части охраны. Указанный документ стал

основополагающим для органов государственной охраны на ближайшую четверть века. Дворцовая полицейская команда создавалась на основе Команды дворцовых стражей (Дворцовой стражи), а Секретная часть – на базе Охранной стражи. Начальником Секретной части стал Е. Н. Ширинкин.

В этот же день была образована *Военная инспекция железных дорог*, отвечавшая за техническую безопасность при передвижении императора по железным дорогам. Штат инспекции состоял из инспектора, секретаря (штабс-капитан или капитан), офицера для поручений (подпоручик или поручик) и военного писаря. На должность начальника инспекции был назначен командир 1-го железнодорожного батальона Л. М. Альбертов.

Четырнадцатого августа 1881 г. Александр III утвердил «*Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия*», выработанное в комиссии под председательством заместителя министра внутренних дел М. С. Каханова. В работе комиссии принимал участие и П. А. Черевин.

В «Положении…» устанавливались правила усиленной и чрезвычайной охраны. Право объявления какой-либо местности нуждающейся в усиленной охране принадлежало министру внутренних дел, а в местностях, подведомственных генерал-губернаторам, – сим последним, с уведомлением министра внутренних дел. Состояние чрезвычайной охраны вводилось особым положением Комитета министров, утвержденным императором. Дела о вооруженном сопротивлении властям, умышленном поджоге, приведении в негодность предметов воинского снаряжения и некоторых других преступлениях могли передаваться на рассмотрение военных судов для осуждения по законам военного времени. Чиновников и выборных лиц могли отрешать от должности, нежелательных лиц могли арестовать или выслать за пределы губернии в административном порядке, в случае необходимости учебные заведения, органы печати и предприятия подлежали закрытию.

Семнадцатого августа 1881 г. А. В. Адлерберг был уволен с должности министра Императорского двора и Уделов по «расстройству здоровья». На самом деле его увольнение было связано с тем, что он был близок к княгине Юрьевской, – морганатический брак Александра II при определенных условиях грозил внутриполитическими осложнениями. В этот же день на освободившуюся должность государь назначил И. И. Воронцова-Дашкова – умного и осторожного царедворца, хорошо разбиравшегося как в придворных интригах, так и в государственном управлении.

Двадцать четвертого августа 1881 г. пост петербургского

градоначальника временно упразднили, а руководство полицией и охранным отделением перешло к обер-полицмейстеру. На должность назначили генерала А. А. Козлова, ранее занимавшего аналогичный пост в Москве. Заведующим агентурой петербургского Охранного отделения являлся Г. П. Судейкин, рекомендованный в июле 1881 г. лично Александру III военным прокурором В. В. Стрельниковым. Судейкин по факту исправлял и должность начальника столичного Охранного отделения.

Третьего сентября Главным начальником охраны Его Императорского Величества был назначен П. А. Черевин. Он подчинялся лично государю и в пределах своей компетенции был вправе требовать полного содействия со стороны министров, губернаторов и других чиновников империи. В распоряжении Главного начальника охраны были командированы два чиновника, составившие штат его канцелярии: коллежский советник Федосеев и письмоводитель, губернский секретарь С. К. Рымарев. В оперативном подчинении Черевина состояли: Сводно-гвардейская рота, Рота дворцовых гренадер, 1-й железнодорожный батальон, Дворцовая полицейская команда, Секретная часть охраны, Инспекция императорских поездов, Собственный Е. И. В. конвой и гвардейские части, привлекавшиеся для караульной службы. Основная работа по обеспечению безопасности императора возлагалась на Секретную часть (оперативно-розыскная деятельность) и Дворцовую полицейскую команду (пропускной режим и порядок на территории резиденций).

Восьмого сентября была упразднена Охранная стража; не вошедших в Секретную часть стражников перевели в штат петербургской полиции.

А 22 сентября 1881 г., через три дня после кончины Гарфилда, Исполнительный комитет «Народной воли» в специальной прокламации осудил покушение на американского президента: «Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфилда, Исполнительный комитет считает долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, – в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда,

когда оно направляется против насилия».[509]

Первого октября 1881 г. начальником Дворцовой стражи и одновременно исполняющим обязанности полицмейстера Зимнего дворца был назначен П. В. Зиновьев. К нему перешли все функции по охране царских резиденций. Всего в Дворцовой страже числилось 98 городовых и два околоточных надзирателя. Они несли службу в Гатчине, в Зимнем и Аничковом дворцах. Также в распоряжение начальника стражи были откомандированы 30 унтер-офицеров Отдельного корпуса жандармов для несения службы в близлежащих к Гатчине деревнях. В Большом гатчинском дворце располагались Секретная часть и особая команда морских минеров под руководством лейтенанта А. Смирнова.

Особо подчеркнем, что основными источниками информации об антиправительственных организациях в начале царствования Александра III были показания арестованных, наружное наблюдение, заявления подданных о «сумнительных лицах», перлюстрация корреспонденции. Судейкин, скрупулезно изучивший отечественный и зарубежный опыт работы тайной полиции, считал, что основа эффективного противодействия нелегальным организациям – деятельность внутренней агентуры. Первой задачей секретных сотрудников и агентов являлось добывание информации, для чего следовало выявлять конспиративные квартиры революционеров, проникать на их собрания, чтобы быть в курсе работы революционных организаций и отдельных лиц.

В отечественной историографии Судейкин считается отцом российской политической провокации. Наряду с получением оперативной информации он уделял особое внимание разложению революционных организаций изнутри. В написанном им циркуляре эти задачи излагались так:

«1) Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами. 2) Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду. 3) Передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию или кратковременных арестов обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве; вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и различные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы».[510]

Приемы, которые Судейкин рекомендовал применять в борьбе с революционным подпольем, ранее внутри страны массово не применялись. В частности, он считал необходимым подстрекать революционные организации к разграблению

магазинов и складов, к поджогу домов, к беспорядочной стрельбе по представителям полиции и метанию бомб. Подобные действия давали правительству право применять самые жестокие карательные меры в отношении организаторов беспорядков.

В течение 1881 г. под руководством Судейкина в Петербурге арестовали многих членов «Народной воли», а всего с июля 1881 г. по 1882 г. за участие в этой организации к следствию привлекли около шести тысяч человек. Однако чрезмерное увлечение провокационной направленностью агентурной и оперативной работы сыграло в жизни Судейкина роковую роль (об этом ниже). Но еще хуже было то, что методы провокации, использовавшиеся специальными службами, российское общество восприняло крайне негативно, а это дало оппонентам правительства богатый материал для пропагандистской работы.

В октябре 1881 г. был завершен организационный период создания «Священной дружины». Во главе ее стоял Совет первых старших членов, его члены имели номера с первого по пятый (их фамилии до сих пор неизвестны). Руководящие органы были представлены Центральным, Исполнительным и Организационным комитетами. Их члены носили номера от шестого до сто пятого. У графа Воронцова-Дашкова, напомним, был номер шесть, у графа Левашова – семь, у графа Шувалова – восемь. Центральный комитет управлял всей деятельностью «Священной дружины»; Исполнительный – отвечал за специальную деятельность, Организационный ведал общественной деятельностью и личным составом устройством. В состав комитетов входили попечители, руководившие отдельными организациями; в работе комитетов принимали участие товарищ министра внутренних дел (ЦК) и петербургский обер-полицмейстер (ИК).

Примерно в это же время в «Священной дружине» началось образование вспомогательного общества, принявшего название «*Добровольная охрана*»; общество подчинялось ЦК и имело целью наружную охрану императора и членов его семьи. Обеспечивать безопасность при передвижениях по улицам планировали с помощью специально привлеченных лиц из низших сословий. Для этого предполагалось на маршрутах следования государя расставлять 5000–6000 добровольных помощников, главным образом старообрядцев, которым за это обещали предоставить свободу вероисповедания.

Кроме организации физической охраны намечалось помогать суду и полиции в розысках политических противников режима в России и за границей. В теории обер-полицмейстеры Санкт-Петербурга и Москвы и Департамент полиции могли

рассчитывать на получение своевременных сообщений о деятельности революционеров в столицах и в стране в целом.

Несмотря на усиление мер безопасности, в ноябре 1881 г. акцизный чиновник Н. М. Санковский, побывавший волонтером в Черногории, совершил покушение на товарища министра внутренних дел П. А. Черевина. Он пришел на прием к генералу, выстрелил в него прямо в кабинете, но промахнулся и был задержан на месте преступления. По воспоминаниям современников, интерпретация этого покушения, изложенная Александру III графом Игнатьевым, стала причиной крайней неприязни Черевина к Игнатьеву. Между министром и его заместителем установились наряженные отношения, сказавшиеся на дальнейшей судьбе министра.

В декабре 1881 г. в составе Собственного Его Императорского Величества конвоя сформировали еще один Терский казачий эскадрон, эскадроны стали именоваться: 1-й и 2-й Кубанские, 1-й и 2-й Терские. В каждом эскадроне по штату было шесть офицеров: ротмистр, штабс-ротмистр, поручик и три корнета. В мирное время один Кубанский и один Терский эскадроны постоянно несли службу, по одному эскадрону было на льготе. Ротация эскадронов осуществлялась через три года, к 15 октября. Кубанский казачий дивизион временно оставили на службе при Дворе для несения караула в Императорских резиденциях. В Гатчине Кубанский дивизион нес службу охраны совместно с Конвоем. Дивизион занимал конными ночными постами Ингенбургскую часть Гатчины, в то время как от Конвоя выставлялись посты в Мариенбургской части. В Петергофском дворце ежедневно дежурили три унтер-офицера и шесть казаков, а с восьми часов утра два взвода при обер-офицерах отряжали конные разъезды по Английскому парку, Знаменке и Александровскому парку. В Монплезире дежурил офицер с тремя казаками.

В декабре 1881 г. В. К. Плеве утвердил распределение обязанностей между структурами Департамента государственной полиции. Политический сыск был возложен на *3-е (секретное) делопроизводство*. Его сотрудники отвечали за наблюдение за неблагонадежными лицами в России и за границей, руководили деятельностью агентуры, осуществляли негласный надзор за партиями и движениями, следили за распространением нелегальной литературы. В составе делопроизводства имелся Особый отдел, отвечавший за перлюстрацию корреспонденции и аналитическую обработку секретных сведений. В состав 3-го (секретного) делопроизводства из архивов Третьего отделения была передана библиотека революционных изданий. Кроме того,

сотрудники делопроизводства обеспечивали охрану высших должностных лиц империи и работали в интересах охраны императора. Руководителем центрального аппарата политической полиции стал Г. К. Семякин. Исполнительными органами 3-го (секретного) делопроизводства являлись губернские и областные жандармские управления, охранные отделения Петербурга и Москвы.

* * *

В ночь на 11 января 1882 г. в Боснии и Герцеговине началось восстание против австрийского правления на Балканах. Подавляющую часть восставших составляли крестьяне. Основными причинами восстания были: нерешенность аграрного вопроса, усиление национального гнета и засилье католицизма. А поводом к нему по служило введение воинской повинности в ноябре 1881 г. Плохо вооруженные, действующие разрозненно отряды повстанцев успеха в борьбе с регулярной армией добиться не смогли. В апреле 1882 г. восстание было подавлено.

* * *

В феврале 1882 г. в Особом присутствии Правительствующего Сената проходил «Процесс 20-ти». К суду были привлечены А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, Н. Е. Суханов, Н. Н. Колодкевич, А. И. Баранников, М. В. Ланганс, А. В. Якимова, М. Н. Тригони, Г. П. Исаев, Т. И. Лебедева, Н. В. Клеточников, М. В. Тетерка и др. Все они обвинялись в подготовке восьми (!) покушений на Александра II. Н. Е. Суханова приговорили к смертной казни, тринадцать человек – к вечной каторге, остальных – к различным срокам каторги и ссылки. (Софья Перовская и Андрей Желябов были повешены ранее, 3(15) апреля 1881 г.) Отметим, что политические процессы против народовольцев способствовали распространению в обществе оппозиционных идей.

Первого марта 1882 г. министр внутренних дел Игнатьев утвердил *«Положение о негласном полицейском надзоре».* Негласный (секретный) полицейский надзор являлся одной из мер выявления и предупреждения государственных преступлений посредством постоянного наблюдения за неблагонадежными лицами. В отличие от негласного наблюдения, носившего характер временного розыскного мероприятия, негласный надзор

вводился только по распоряжению Департамента полиции. В целях конспирации лицо, находившееся под надзором, не могло подвергаться каким-либо стеснениям в свободе передвижения, образе жизни, выборе занятий и т. п.

Негласный надзор вводился, в частности, за лицами:

а) исключенными из высших учебных заведений за участие в беспорядках по особому списку;

б) возвращенными из административной ссылки и освобожденными от гласного надзора полиции;

в) отбывшими тюремное заключение за совершение государственного преступления;

г) освобожденными от гласного надзора полиции за участие в польском мятеже 1863–1864 гг.

В столицах надзор производился чинами общей полиции; в прочих местностях за него отвечали начальники жандармских управлений, действующие по соглашению с губернаторами и градоначальниками (в Варшаве – с обер-полицмейстером) и при содействии чинов подчиненной им общей полиции. Все органы государственной охраны должны были обеспечить непрерывность и действенность негласного надзора.

Способ осуществления надзора жандармами, полицейскими или секретными агентами определялся в каждом конкретном случае в зависимости от местных условий, путем соглашения губернатора или градоначальника с начальником жандармского управления.

Для надзора было необходимо:

«1) Установить по соглашению с местной полицией особое наблюдение за всеми передвижениями этих лиц.

2) Бдительно следить за поступлением на государственную или общественную службу, и если о них не последует запроса со стороны местных начальств, доносить о том на усмотрение Департамента.

3) О надзорных, поступающих на службу на железную дорогу, независимо от представления в Департамент полиции, сообщать о том подлежащему начальнику железнодорожного жандармского полицейского управления или отделения.

4) Подтвердить подведомственным чинам о соблюдении в строгой тайне имен поднадзорных и приемов наблюдения. <…>

О лицах, отданных под негласный надзор полиции, ведутся особые списки: общие по всей империи в Департаменте полиции и частные, алфавитные, по каждой губернии <…> при местном жандармском управлении. В списки эти включают подробные сведения: о прошедшей жизни поднадзорного, о семейном, имущественном его положении, а также и указания на повод

последовавшего со стороны МВД распоряжения об учреждении надзора. Независимо сего о каждом поднадзорном в жандармском управлении должно быть заведено дело, к которому присоединяются все поступающие о поднадзорном сведения, как получаемые случайно, так равно и доставляемые периодически…».[511]

В циркуляре министра внутренних дел по Департаменту государственной полиции № 1365 от 9 апреля 1882 г. разъяснялось, что ранее надзор (наблюдение) не приносил желательных практических результатов, поскольку в большинстве случаев ограничивался лишь внесением поднадзорного в соответственные списки и не обеспечивал дальнейшего за ним контроля.

Сведения за истекшее полугодие следовало доставлять в Департамент полиции к 1 февраля и к 1 августа. «В заключение, – писал Н. П. Игнатьев, – позволяю себе выразить надежду, что применение на практике сего Положения, устанавливающего постоянный обмен сведений между чинами Корпуса жандармов и общей полиции, создаст между этими учреждениями одного и того же ведомства вполне доверительные и откровенные отношения, при которых только и возможна деятельность государственной полиции, все отрасли коей обязаны стремиться к достижению одной и той же цели охранения существующего государственного порядка».[512]

Несмотря на то что Н. П. Игнатьев предпринял ряд шагов по стабилизации политического положения в стране, на своем посту он оставался недолго. Его проект создания Земского собора, представленный государю в середине мая 1882 г., встретил резкую критику Победоносцева. Первоначально Александр думал назначить новым министром внутренних дел М. Н. Островского, однако Победоносцев предложил кандидатуру графа Д. А. Толстого. Последний, назначенный министром 30 мая, видел свою задачу в том, чтобы парализовать любую оппозицию правительству. Историк А. А. Кизеветтер отмечал в мемуарах, что в обществе отзывались о Толстом как о реакционере. М. Н. Катков писал, что имя нового министра само по себе является манифестом и программой.

Одним из элементов программы нового министра стала борьба с «крамолой» в сфере образования. По рекомендации Толстого министром народного просвещения был назначен И. Д. Делянов – последовательный противник либеральных начал в учебных заведениях.

В сфере обеспечения государственной безопасности Толстой опирался на пожелание императора реорганизовать систему

политического сыска. (Победоносцев еще 28 мая писал Александру, что объяснил Толстому намерение императора отделить управление Министерством внутренних дел от дел государственной полиции.) Обер-полицмейстером Петербурга стал П. А. Грессер.

А чем же занимались народовольцы? К началу 1882 г. из 28 основоположников «Народной воли» и членов Исполнительного комитета, принятых в него до 1 марта 1881 г., на свободе оставалось три женщины (А. П. Корба, М. Н. Ошанина, В. Н. Фигнер) и пять мужчин (Ю. А. Богданович, М. Ф. Грачевский, С. С. Златопольский, П. А. Теллалов и Л. А. Тихомиров). Террористическую деятельность они не прекратили, и «мишенями» для них стали военный прокурор В. В. Стрельников и фактический начальник петербургского Охранного отделения Г. П. Судейкин.

Народовольцы следили за Стрельниковым по всей стране и приняли решение ликвидировать его в Одессе. Восемнадцатого марта 1882 г. Стрельников пообедал во французском ресторане и вышел на Николаевский (Приморский) бульвар для совершения послеобеденной прогулки. Когда он присел на скамейку напротив Лондонской гостиницы, к нему из-за живой изгороди подошел Н. А. Желваков и произвел выстрел. Убедившись, что Стрельников мертв, боевик перепрыгнул через кусты и начал спускаться по крутому спуску к Приморской улице, где в пролетке его ожидал С. Н. Халтурин. Отход, однако, не удался: оба террориста были задержаны полицейскими и публикой, по решению Александра III преданы военному суду и повешены под вымышленными фамилиями.

Той же весной в Петербурге, в преддверие террористических актов, среди которых на первом месте стояло устранение Судейкина, М. Ф. Грачевский создал динамитную мастерскую. Он, А. П. Корба и введенный в состав Исполнительного комитета новый руководитель Военной организации «Народной воли» А. В. Буцевич стали готовить покушение на Судейкина, но все трое были выслежены и 4–5 июня 1882 г. арестованы.

Двадцать пятого июня по инициативе Д. А. Толстого была учреждена должность товарища министра внутренних дел, заведующего государственной полицией, который одновременно становился и командиром Отдельного корпуса жандармов. На должность был назначен генерал П. В. Оржевский. Шестнадцатого июля была введена в действие «*Инструкция товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией*». Кроме полиции и жандармов, Оржевский руководил деятельностью губернаторов и градоначальников в делах охраны общественной безопасности,

предупреждения и пресечения государственных преступлений. Под его председательством проводились Особые совещания по различным вопросам охраны императора. Толстой, занимавшийся больше политическими, чем практическими вопросами, достаточно быстро попал под влияние Оржевского. Но когда министру дали понять, что он напрасно передал всю полицию в руки последнего, тот сказал: «Пусть на нем лежит ответственность, и пусть в него стреляют, а не в меня».[513]

Одним из наиболее секретных и действенных методов получения информации в начальный период правления Александра III была перлюстрация корреспонденции.[514] До 1882 г. на содержание секретных почтовых чиновников и канцелярские расходы отпускалось 92 тысячи рублей в год. Александр увеличил секретный бюджет на 15 тысяч рублей. В докладе Толстого императору от 5 июля 1882 г., в частности, говорилось:

«Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представление государю императору таких сведений о происшествиях, таких заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до Его Величества. Достижение этой цели обусловливается полною независимостью перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в представлении государю копий или выписок из корреспонденции, согласно высочайшей воле, не стесняются никаким лицом, как бы ни было оно высоко поставлено и как бы оно ни было близко особе Его Величества. <…>

Производство перлюстрации <…> поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны:

1) безграничная преданность особе государя,

2) безусловное сочувствие и повиновение установленному образу правления,

3) полное беспристрастие к родственным или общественным связям,

4) постоянная готовность к труду и к совершенному отчуждению себя не только от светских развлечений, но даже и от всякого общежития, если служба того требует,

5) скромность, необходимая для ограждения перлюстрации от всякого оглашения перед лицами, непосвященными в тайну ее существования, составляющую тайну царствующего, и, наконец,

6) нравственность, умственное развитие и образование, соответственные важной обязанности освещать перед монархом

те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям государственных властей и отдельных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества».[515]

В сентябре 1882 г. сменилось руководство московского Губернского жандармского управления. Новым начальником областной жандармерии назначили полковника Н. А. Середу. При его вступлении в должность весь штат МГЖУ составлял двенадцать человек.

Осенью ближайшее окружение Александра III предприняло попытку договориться с народовольцами. Пятнадцатого октября 1882 г. к Вере Фигнер в Харьков приехал публицист Н. К. Михайловский, который сообщил, что к нему по поручению одного очень высокопоставленного лица (Воронцова-Дашкова) явился литератор Н. Я. Николадзе.

«Правительство, со слов Николадзе, передавал Михайловский, утомлено борьбой с „Народной волей“ и жаждет мира, – вспоминала Фигнер. Оно сознает, что рамки общественной деятельности должны быть расширены, и готово вступить на путь назревших реформ. Но оно не может приступить к ним под угрозой революционного террора. Этот террор, только он, препятствует осуществлению этих реформ. Пусть „Народная воля“ прекратит свою разрушительную деятельность, и они будут проведены. Если „Народная воля“ решится воздержаться от террористических актов до коронации, то при коронации будет издан манифест, дающий: 1) полную политическую амнистию; 2) свободу печати и 3) свободу мирной социалистической пропаганды. А в доказательство своей искренности правительство освободит кого-нибудь из осужденных народовольцев, например Исаева. <…>

Сам Михайловский придавал большое значение миссии, возложенной высокопоставленным лицом на Николадзе. Я же нашла в ней повторение того, чем в 1879 году прокурор Добржинский обольстил Гольденберга. Добржинский тоже уверял Гольденберга в благожелательности правительства, которому в проведении необходимых реформ мешает террористическая деятельность Исполнительного комитета. Во имя блага родины он увещевал Гольденберга пожертвовать друзьями и товарищами и расчистить широкий путь к свободе русского народа. <…>

Результаты известны: Гольденберг раскрыл все, что ему было известно, и хотя физически не отдал никого в руки правительства, но дал некоторые адреса, описал наружность, дал характеристику всех лиц, которых когда-либо встречал, а когда увидел, что обманут, повесился в Петропавловской крепости, как нас тотчас же уведомил Клеточников (летом 1880 года).

Я не буду здесь приводить все доводы, которые убеждали меня в том, что это ловушка <…>. На все мои возражения, указывающие на несерьезность и даже опасность каких бы то ни было сношений по данному делу, Михайловский поставил вопрос: „А может ли фактически партия произвести какие-нибудь террористические действия в настоящее время?“

На это мне пришлось сказать правду: положение революционной организации не дает надежд на это.

„В таком случае вы ничего не теряете, – сказал Михайловский, – а выиграть кое-что все же можете“.

В конце концов мы остановились на том, что, категорически отказываясь вести в России какие-либо переговоры с Николадзе по данному делу, я, не сообщая ему, пошлю за границу лицо, которое передаст Тихомирову и Ошаниной как о миссии Николадзе, так и о моем отношении к ней…».[516]

Трудно сказать однозначно, насколько искренними были предложения правительства. Возможно, это был только тактический прием, предпринятый с целью выиграть время для проведения агентурно-оперативных мероприятий российских спецслужб перед предстоящей коронацией Александра III.

В декабре 1882 г. прекратила свою деятельность «Священная дружина»; на тот момент в ее составе насчитывалось 729 членов и 14 672 добровольных помощника. Некоторые руководители дружины считали, что для безопасности императора они должны, как и их противники, действовать террористическими методами, чтобы вырезать «всех крамольников и анархистов». Своими «мишенями» «дружинники» выбрали народовольца Л. Н. Гартмана, идеолога анархизма П. А. Кропоткина и французского публициста А. Рошфора, критика российского правительства. Предполагалось направить за границу ликвидаторов из числа гвардейских офицеров, которым надлежало устранить указанных лиц под видом дуэли. Однако о готовившемся покушении стало известно Кропоткину. По нашему мнению, утечка информации могла быть следствием борьбы между различными правительственными группировками.

В делах «Священной дружины»[517] сохранилась записка одного из ее членов о необходимости преобразования этой организации в некое подобие монархической партии, но такого Александр III допустить не мог.

Отношение жандармов и полицейских к «Священной дружине» было крайне негативным. Судейкин считал, что с «дружинниками» нужно бороться не меньше, чем с террористами. Он же говорил, что они зря расходуют государственные средства и только мешают сотрудникам полиции и жандармерии. Суммы,

отпускавшиеся из секретных фондов на финансирование заграничных агентов, включая агентов «дружинников», по сравнению с 1877 г. возросли более чем в пять раз и составили свыше миллиона рублей. В итоге дела «Священной дружины» были переданы в ведение Департамента полиции, туда же перешли и четыре заграничных агента.

В течение лета – осени 1882 г. было подготовлено «*Положение об устройстве секретной полиции в империи*», и 3 декабря его утвердил император. Согласно этому документу куратором розыскной деятельности по делам о государственных (политических) преступлениях становился заместитель министра внутренних дел, заведовавший государственной полицией. Исполнительными органами политической полиции на местах становились вновь учреждаемые особые розыскные отделения, создаваемые по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия.

Розыскные отделения могли создаваться как в составе жандармских управлений, так и в составе общей полиции. Их личный состав формировался из чинов Корпуса жандармов, гражданских чиновников и полицейских. Там, где розыскных отделений не открывали, розыск по делам о государственных преступлениях оставался в ведении жандармских управлений. Практическое руководство деятельностью секретной (политической) полиции поручалось особому инспектору секретной полиции с совмещением должности по заведыванию Санкт-Петербургским отделением по охранению общественного порядка и спокойствия. Назначение на должность производил заместитель министра внутренних дел, курировавший государственную полицию.

В подчинение инспектора секретной полиции поступали охранные отделения в Санкт-Петербурге и Москве; Московское, Киевское, Херсонское и Харьковское губернские жандармские управления и Одесское городское жандармское управление. Инспектором секретной полиции империи и был назначен Г. П. Судейкин. Он же стал и фактическим начальником петербургского Охранного отделения. Под его началом проходил службу и П. И. Рачковский.

В то время как в Петербурге проходила очередная реорганизация политической полиции, в январе 1883 г. на съезде в Вильнюсе была создана первая политическая партия польского пролетариата. В партию «Пролетариат» вошли Рабочий комитет основателя партии Л. Варыньского (1882 г.), Польско-литовская социально-революционная партия (Петербург, 1881 г.), а также польские социалистические кружки Варшавы, Вильнюса, Киева,

Москвы, Одессы и Петербурга.

Программа партии поднимала вопрос об обобществлении средств производства, призывала пролетариат развернуть борьбу за социализм и провозглашала пролетарский интернационализм. Руководил «Пролетариатом» Центральный комитет, в который вошли Л. Варыньский, С. Куницкий, Т. Рехневский и др.

К концу 1882 г. шеф секретной полиции сумел завербовать члена Исполнительного комитета и военного центра «Народной воли» штабс-капитана в отставке С. П. Дегаева. Основой для вербовки стала «медовая ловушка», устроенная полицией с учетом низких моральных качеств отставника. Важную роль в вербовке сыграл и тот факт, что Дегаев мог быть приговорен к смертной казни как офицер, изменивший знамени и императору.

В силу занимаемого в среде революционеров положения этот человек стал одним из наиболее ценных агентов Петербургского охранного отделения. Благодаря его информации к весне 1883 г. более чем в сорока городах России аресту подверглись большинство остававшихся на свободе активистов «Народной воли», в том числе и члены ее Военной организации. Судейкин уделял особое внимание безопасности Дегаева, стараясь максимально обезопасить его от подозрений со стороны народовольцев. Безопасность обеспечивалась по принципу «перевода стрелок» на другое лицо. Так, арест Веры Фигнер в Харькове произошел с участием опознавателя В. А. Меркулова, который «случайно» встретил ее на подходе к указанной Дегаевым конспиративной квартире.

В мае 1883 г. обновленные российские спецслужбы выдержали первый экзамен: коронация Александра III в Москве прошла без происшествий. Седьмого мая, накануне коронации, состоялось юридическое восстановление российского государственного бело-сине-красного флага.

Поскольку терроризм стал реальным фактором внутренней политики, в обеспечении безопасности коронационных торжеств были задействованы все подразделения государственной охраны, переброшенные в Москву из Петербурга, московский и санкт-петербургский жандармские дивизионы, а также полицейские чины из Москвы, Петербурга, Варшавы, Киева и Харькова. На коронацию допускались корреспонденты из «благонадежных» изданий по разрешению министра внутренних дел. Повелением императора все лица, участвовавшие в подготовке, устройстве и охране мероприятия, были награждены медалью «В память коронации императора Александра III». Затраты на коронацию составили 6 миллионов 400 тысяч рублей.

Поскольку в истории покушений на царствующих особ

значительное место занимали отравления, надзор за питанием императорской семьи был тщательным. Особому контролю подвергались продукты питания, доставлявшиеся к столу. Большинство поставщиков даже не подозревали, что у них закупают продукты для царского стола; осуществлялась и ротация поставщиков. Дежурная смена поваров назначалась ежедневно таким образом, что те узнавали о назначении в самый последний момент. Кроме того, члены императорской семьи несли постоянное дежурство на кухне.

В состав Императорской Главной квартиры наряду с охранными подразделениями входили лейб-медики и даже придворные священники.

В 1883 г. в Санкт-Петербурге восстановили должность градоначальника, на которую назначили П. А. Грессера. В целом в российских спецслужбах в 1883 г. произошли следующие важные события.

1. Подверглась реорганизации Императорская Главная квартира – структура, выполнявшая в те годы часть задач по обеспечению безопасности монарха, в частности заведование караулами во время высочайших путешествий, а также координация деятельности воинских подразделений, привлекаемых к охране императора.

2. В июне для организации системного политического сыска за границей в составе департамента снова было образовано особое отделение – Заграничная агентура. Кроме агентов-«дружинников» в ее состав вошли новые люди. В качестве инспектора и первого резидента Заграничной агентуры Оржевский и Плеве командировали в Вену, Берлин и Париж П. В. Корвина-Круковского.

3. Пятого августа при Петербургском охранном отделении была создана специальная команда для обеспечения безопасности императора в районах его проезда, а также посещения театров в столице и окрестностях. Это подразделение получило название *Охранной агентуры*. Ее первым заведующим стал полковник А. К. Ильинский, числившийся в штате Петербургской полиции.

4. По некоторым данным, именно в 1883 г. по предложению московского генерал-губернатора Московское охранное отделение «учредило контроль над переговорами частных лиц по телефону».

5. В октябре Сводно-гвардейскую роту возглавил лейб-гвардии Преображенского полка полковник Г. Г. Стенбок; 17 ноября Сводно-гвардейскую роту развернули в Сводно-гвардейский батальон четырехротного состава за счет военнослужащих полков, в которых император состоял шефом.

6. Двадцатого декабря П. В. Оржевский утвердил Положение об охранной агентуре. В нем, в частности, говорилось:

«§ 8. Охранники, по роду возлагаемых на них поручений, разделяются на постовых и местных. Обязанности первых из них заключаются в предотвращении злодейских покушений путем непосредственного личного наблюдения в районе поста за всеми, почему-либо возбуждающими подозрение лицами, появляющимися на улицах или же часто замечаемыми у окон и на балконах уличных фасадов. Местные же агенты, избираемые по преимуществу из околоточных надзирателей, обязаны следить за всеми подозрительными лицами, проживающими в определенном для наблюдения районе столицы <…>.

§ 9. Во время продолжительного отсутствия из столицы высочайших особ, для охраны коих учреждена агентура, дежурство постовых агентов отменяется и им поручается наблюдение за лицами, состоящими под гласным или негласным надзором полиции».[518]

Тем временем карьера отца русской политической провокации подошла к концу. К своим 33 годам Судейкин входил в пятерку высших чинов политической полиции империи, и перед ним открывались блестящие перспективы, но ждать он не захотел. Создав подпольную организацию во главе с Дегаевым, Судейкин намеревался организовать ряд терактов, а затем, убедившись в том, что представители власти серьезно напуганы, истребовать для себя пост директора Департамента полиции и сосредоточить весь политический сыск в своих руках. По мнению историков, он планировал даже ликвидацию великого князя Владимира Александровича и министра внутренних дел Д. А. Толстого, зная, что пост министра достанется его покровителю В. К. Плеве.

Однако провокационным планам Судейкина не суждено было сбыться. Согласно наиболее распространенной версии Дегаев, которого якобы «замучила совесть», отправился в Париж и признался в сотрудничестве с полицией товарищам по партии. Для Судейкина эта поездка объяснялась выявлением боевиков, скрывавшихся за границей, с целью их дальнейшего задержания при приезде в Россию. В Петербург Дегаев вернулся в сопровождении боевиков В. П. Конашевича и Н. П. Стародворского, которые 16 декабря 1883 г. на конспиративной квартире ликвидировали Судейкина и тяжело ранили его телохранителя Н. Д. Судовского. Последний проявил вопиющую некомпетентность в деле охраны, оставив свой револьвер в кармане пальто в прихожей. После покушения Дегаев скрылся за границу, где и умер в 1920 г. Создание секретной полиции, как замышлялось по инструкции, практически приостановилось.

Технически так все и было, но у нас есть и альтернативная версия устранения Судейкина. Мы полагаем, что ликвидация незаурядного сыщика вполне могла быть спланирована его конкурентами из специальных служб империи, которым стало известно о далекоидущих намерениях молодого и амбициозного полковника. Нельзя исключить, что Дегаева могли перевербовать, а затем отправить в Париж на «покаяние». Эту версию подтверждает успешное «исчезновение» Дегаева после покушения не только от народовольцев, но и от полиции. В любом случае Судейкин стал жертвой культивируемой им системы, а его смерть показала одну из слабых сторон завербованных агентов, которые могли при удобном случае совершить покушение на курирующего офицера.

В начале 1884 г. начальником Петербургского охранного отделения был назначен К. П. Вельбицкий.

В первом квартале 1884 г. с инспекционной поездкой за границу направился заведующий 3-м (секретным) делопроизводством Г. К. Семякин; 12 марта по итогам поездки он представил докладную записку, в которой проанализировал ситуацию, сложившуюся в борьбе с революционерами за границей.

Наблюдение за деятельностью эмигрантов осуществлялось с помощью:

а) русских консулов в Берлине, Вене, Париже и вице-консула в Румынии;

б) сношений пограничных жандармских офицеров с австрийскими и прусскими приграничными властями;

в) краковского полицейского комиссара Коржевского;

г) собственных «корреспондентов» Департамента полиции в Бухаресте, Вене, Женеве и Париже.

Семякин отмечал, что консулы в Берлине и Вене обстоятельно исполняют все требования Департамента полиции и сообщают ценные сведения как о русских подданных, участвующих в революционной деятельности «преступных сообществ» в Германии и Австрии, так и о проявлениях революционного движения в этих странах. По его заключению, консул в Париже не имел связей с парижской префектурой и ограничивался формальным исполнением требований полиции. Вице-консул в Сулине доставлял сведения неравномерно, вследствие чего в Департаменте полиции имелось очень слабое представление о составе, деятельности и связях эмигрантов в Румынии. Отношения русских пограничных властей с их прусскими и австрийскими коллегами пока не дали ощутительных результатов ввиду новизны дела.

В целом Семякин счел деятельность по наблюдению за революционерами неудовлетворительной. Он предложил создать в составе его делопроизводства Иностранный отдел для координации деятельности Заграничной агентуры и обобщения сведений о политической эмиграции и состоявших под негласным надзором лицах, поступавших от русских консулов, пограничных жандармских управлений и непосредственно от агентуры.

Заведующий 3-м делопроизводством считал необходимым составлять ежемесячный сборник сведений «а) о происходивших в течение месяца событиях; б) о вновь установленных адресах и сношениях эмигрантов как за границей, так и с лицами, в империи проживающими; в) о выбывших за границу поднадзорных или бежавших преступниках и задержанных по возвращении; г) о вновь вышедших за границей революционных изданиях на русском языке или имеющим отношение к России». [519]

По рекомендации Семякина новым резидентом Заграничной агентуры в мае 1884 г. был назначен оперативник Департамента полиции П. И. Рачковский. До его назначения политический сыск за границей использовал в основном наружное наблюдение за эмигрантами, которое осуществляли нанятые иностранцы. Рачковский, ранее прошедший серьезную оперативную подготовку в Третьем отделении и Петербургском охранном отделении под руководством Судейкина, начал свою деятельность с вербовки агентуры в эмигрантской революционной среде.

Отлично понимая, что работать за границей без поддержки органов правопорядка невозможно, он установил хорошие отношения со многими представителями местных служб и использовал их возможности для перлюстрации корреспонденции революционеров. Полицейские Франции и Швейцарии с пониманием отнеслись к деятельности коллеги – в те годы сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с революционным движением было плодотворным. Русско-германскому сотрудничеству в борьбе с террористами способствовало убийство анархистами в декабре 1884 г. во Франкфурте агента тайной полиции Германии Румпфа.

Рачковский, действовавший во Франции под фамилией Леонов, уделял большое внимание активным мероприятиям. Он нашел подход к французским журналистам и получил возможность оказывать через них влияние на общественное мнение в интересах российского правительства не только во Франции, но и в других европейских государствах. Денег на работу с прессой в те годы не жалели. Одной из наиболее

удачных операций Рачковского стало опубликование брошюры народовольца Л. А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», в которой последний отрекался от «грехов молодости». Брошюра оттолкнула многих людей от участия в террористической деятельности и стала серьезным ударом по единству в эмигрантской народовольческой среде.

Отметим, что во внешней политике Александр III основное внимание сосредоточил на Балканах и Черноморских проливах. За все его правление Россия воевала только один раз – при покорении Мервского оазиса в 1884 г., что означало окончательное присоединение Туркестана к России. Однако в эти годы началось постепенное ухудшение российско-германских отношений, а взамен происходило плавное сближение России и Франции.

Одним из основных направлений внутренней политики было ускоренное переселение крестьянских семейств в Сибирь (всего было переселено до 400 тысяч человек) и в Среднюю Азию (до 60 тысяч). В некоторой степени правительство озаботилось улучшением быта трудящихся: были введены правила о найме на сельские и фабричные работы, надзор за которыми в 1882 г. был вверен фабричным инспекторам, пересмотрены нормы работы женщин и детей.

Четвертого июня 1984 г. в командование Сводно-гвардейским батальоном вступил лейб-гвардии Преображенского полка полковник П. П. Гессе, а 21 июня директором Департамента полиции был назначен П. Н. Дурново.

В конце сентября 1884 г., после увольнения в отставку полицмейстера Зимнего дворца П. В. Зиновьева, возглавлявшего Дворцовую полицейскую команду (Дворцовую стражу), была проведена очередная реорганизация охранных структур центрального подчинения. В результате слияния Дворцовой стражи, отвечавшей за пропускной режим и порядок на территории резиденций, и Секретной части, осуществлявшей оперативно-розыскную деятельность, была образована *Дворцовая полиция* под руководством Е. Н. Ширинкина. Негласная наружная охрана была возложена на Охранную агентуру при Санкт-Петербургском охранном отделении.

В деятельности Дворцовой полиции оперативно-розыскная работа постепенно стала отходить на второй план, чему способствовала относительно спокойная внутриполитическая ситуация конца XIX в. Необходимость негласного сопровождения императора вне пределов резиденций дублировала работу Охранной агентуры столичного охранного отделения, поэтому и эти функции постепенно сходили на нет. Дворцовая полиция

стала выполнять традиционные полицейские функции на территории постоянного и временного пребывания императора: пропускной режим, поддержание общественного порядка, проверка политической благонадежности разных лиц, контроль соблюдения санитарно-гигиенических правил, правил противопожарной безопасности и проч.

В середине 1880-х гг. в России начали создаваться воздухоплавательные части. Для подготовки офицеров и нижних чинов на Волковом поле Санкт-Петербурга организовали Учебный кадровый воздухоплавательный парк, полигон которого был размещен под Гатчиной в деревне Сализи. На полигоне проходили испытания новые дирижабли и аэростаты и обучались офицеры для воздухоплавательных крепостных отрядов.

Между тем, в части общества продолжали развиваться революционные настроения. Члены польского «Пролетариата» поддерживали тесные связи с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич и другими русскими революционерами. В марте 1884 г. «Пролетариат» заключил союз с «Народной волей», признав высшей формой борьбы с самодержавием экономический и политический террор. Однако в июле 1886 г. ячейки «Пролетариата» были разгромлены, Куницкого, П. Бардовского, И. Петрусиньского, М. Оссовского, В. Ковалевского по приговору военного суда казнили в Варшавской цитадели.

Во второй половине 1880-х гг. российские секретные службы улучшили свою работу не только за рубежом, но и внутри страны. А оставшиеся на свободе члены «Народной воли» погрязли в идейном и организационном кризисе. Несмотря на попытки Г. А. Лопатина (в 1884 г.), П. Ф. Якубовича (в 1883–1884 гг.), Б. Д. Оржиха (в 1885 г.) и некоторых других, восстановить организацию народовольцев не удалось.

В октябре 1885 г. начальник Петербургского охранного отделения К. П. Вельбицкий был направлен в распоряжение начальника Одесского жандармского управления Катанского – в связи тяжелой болезнью последнего. Временно исполняющим должность начальника столичного охранного отделения был назначен П. В. Секеринский.

В Европе влияние русских террористов все более возрастало. Западные анархисты внимательно наблюдали за серией покушений в России, считая их, независимо от результата, несомненным успехом радикализма. Под влиянием работ Петра Кропоткина европейские радикалы вплотную подошли к «пропаганде действием» – террористическим актам против тех, кого они считали политическими противниками. Терроризм разделился на две ветви: избирательную – покушения на

монархов, членов королевских семей, президентов и премьер-министров, и не избирательную, общую, под лозунгом «Никто не свободен от вины!». Руководствуясь этим лозунгом, 5 марта 1886 г. Шарль Галло бросил бомбу и произвел несколько выстрелов из револьвера в помещении Парижской биржи.

В ноябре 1886 г. благодаря агентуре Рачковского была разгромлена народовольческая типография в Швейцарии, в результате большинство бомбистов были вынуждены переехать из Швейцарии во Францию.

В конце 1886 – начале 1887 г. были ликвидированы типографии «Народной воли» Таганроге и Туле.

В 1886 г. в Харькове возникла народовольческая группа, целиком состоявшая из учащейся молодежи. Руководящую роль в ней играли студенты С. Ратин, М. Уфланд и Г. Шур. За основу ими была принята программа Исполнительного комитета «Народной воли». Был налажен тесный контакт с кружком молодых террористов, занимавшихся изготовлением взрывчатых веществ (особо отличился в этом студент Харьковского реального училища И. Мейснер). В июне 1887 г. сотрудникам харьковской администрации были разосланы конверты, наполненные взрывчатым веществом, – при неосторожном обращении конверты взрывались. После короткого расследования харьковскую группу удалось ликвидировать.[520]

Последним громким делом народовольцев явилось неудачное покушение на Александра III. В 1886 г. в Петербурге из студентов образовался кружок террористической направленности во главе с П. Я. Шевыревым и А. И. Ульяновым – «Террористическая фракция партии „Народная воля“». Его члены начали работу по изготовлению взрывчатых веществ и принадлежностей для разрывных снарядов. Террористы вступили в связь с группой единомышленников в Вильне (Б. Пилсудский, И. Лукашевич, Т. Пашковский, И. Дембо и др.), которые помогли добыть материалы, необходимые для изготовления бомб. Боевики «Террористической фракции» планировали убить императора 1 марта 1887 г. Однако все они были выявлены органами безопасности на стадии подготовки покушения и арестованы с поличным.

Арест членов группы стал следствием улучшения работы оперативных служб, занимавшихся получением и обработкой информации о возможных покушениях на императора. Всего по этому делу было привлечено к дознанию 42 человека. Пятнадцать человек (В. Генералов, П. Андреюшкин, В. Осипанов, М. Канчер, П. Горкун, П. Шевырев, А. Ульянов, Пилсудский, Лукашевич, Волохов, Пашковский, М. Новорусский, М. Ананьина, Р. Шмидова

и А. Сердюкова) были преданы суду Особого присутствия Правительствующего Сената; все подсудимые были приговорены к смертной казни через повешение. Андреюшкина, Генералова, Ульянова и Шевырева казнили, остальным смертную казнь заменили каторжными работами.

В Москве в начале 1887 г. студенты Московского Императорского технического училища и Петровской академии создали организацию, назвавшую себя «Социально-революционная партия». Во главе ее стояли Л. Даль, В. Иванов и Р. Циммерман; они же разработали «Программу социалистов-федералистов». Как и их предшественники, «федералисты» считали, что наиболее целесообразным средством борьбы с правительством является систематический террор. При этом руководители организации придерживались особого взгляда на построение партии:

«Партия должна быть построена на началах единства и неуловимости. Первое должно заключаться в одинаковом понимании всеми членами партии ее целей [и] ее идеалов. Это создаст внутреннюю идейную спайку между членами партии и будет направлять каждого на помощь и выручку другому. Неуловимость же партии, как гарантия от поголовных одновременных погромов, должна быть достигнута ее организацией. Партия слагается из отдельных местных групп, работающих совершенно самостоятельно в зависимости от местных условий. Эта организационная обособленность особенно строго должна быть проведена в жизнь боевых групп. Наличность одной постоянно действующей боевой организации, как это было в расцвете „Народной воли“, неправильна.

Более целесообразно действовать отдельными небольшими боевыми группами. Боевые группы составляются из разбросанных в обществе отдельных террористов лишь при надобности совершить какой-либо террористический акт. Быстро сплотившись, они, как бы с налету, совершают намеченное убийство и вновь распыляются и тонут в обществе».[521]

Еще при жизни Александра II, в феврале – марте 1877 г., в Особом присутствии Правительствующего Сената состоялся «Процесс 50-ти» по делу «Всероссийской социально-революционной организации». Обвиняемые – П. А. Алексеев, С. И. Бардина, И. С. Джабадари, Г. Ф. Зданович, В. Н. Фигнер, В. С. и О. С. Любатович и др. – получили различные сроки каторги и ссылки. На процессе П. А. Алексеев, С. И. Бардина и Г. Ф. Зданович сумели выступить с революционными речами. Публике особенно запомнились две речи: Петра Алексеева и Софьи Бардиной, произведшие эффект разорвавшейся бомбы.

«Преследуйте нас, за вами пока материальная сила, господа, – заявила Бардина, – но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи, увы, на штыки не улавливаются!» Алексеев был еще более резок, заявив своим судьям: «Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Недаром государственный канцлер князь А. М. Горчаков после суда сказал министру юстиции графу К. И. Палену:

– Вы думали убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девчонок, и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем вы убедили всех, что это не дети и не пьяные мужики, а люди вполне зрелые умом и с крупным самоотверженным характером, люди, которые знают, за что борются и куда идут… Теперь Европа видит, что враги правительства не так ничтожны, как вы это хотели показать.[522]

В мае – июне 1887 г. в Петербурге состоялся «Процесс 21-го». Главные обвиняемые – Г. А. Лопатин, П. Ф. Якубович, В. П. Конашевич, Н. П. Стародворский, Н. М. Салова, В. И. Сухомлин, П. Л. Антонов и С. А. Иванов – обвинялись в принадлежности к «Народной воле» и убийстве жандармского подполковника Г. П. Судейкина. Пять человек были приговорены к вечной каторге, остальные – к различным срокам каторги и ссылки.

Двадцать третьего мая 1887 г., после раскрытия группы Ульянова – Шевырева, была издана новая инструкция Санкт-Петербургскому охранному отделению, регламентирующая организацию оперативной работы. В инструкции, в частности, говорилось:

«1. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в СПб. учреждено для производства негласных и иных розысков и расследований по делам о гос. преступлениях с целью предупреждения и пресечения последних.

2. На обязанности отделения, кроме того, лежит:

а) предупреждение стачек рабочих на фабриках и расследование обстоятельств, сопровождающих стачки;

б) принятие мер к предупреждению и расследованию причин всяких недозволенных законом и полицейскими постановлениями демонстраций, сходок и собраний;

в) наблюдение за приезжими в столицу на основании особых правил, издаваемых градоначальником;

г) наблюдение в политическом отношении за учебными заведениями столицы, клубами, обществами и тому подобными дозволенными законом учреждениями;

д) принятие негласных мер к предупреждению и

расследованию возникающих в учебных заведениях беспорядков, сходок и иных демонстраций. <…>

4. Общее направление розыскной деятельности отделения по делам политического свойства во всех случаях принадлежит Департаменту полиции. <…>

10. Все постановления об арестах, обысках, выемках и осмотрах, а равно все распоряжения начальника отделения даются от имени С.-Петербургского градоначальника.

11. Все чины отделения назначаются, перемещаются и увольняются на общем основании С.-Петербургским градоначальником. Выбор секретных агентов зависит от начальника отделения, который ведет им особые секретные списки. <…>

16. Чины отделения и агенты могут быть, с разрешения градоначальника, командируемы в другие местности империи для производства розысков политического свойства. <…>

18. При отделении для охранной наружной службы состоит особая команда вольнонаемных людей (охранная агентура), которая действует под непосредственным руководством и наблюдением начальника отделения. <…>

20. На обязанности охранной команды лежит наружное наблюдение, в пределах полученных указаний, за подозрительными лицами. Порядок службы охранников определяется особой инструкцией, утвержденной градоначальником. <…>

23. Охранная команда, в целом составе и по частям, может быть командируема в другие местности империи».[523]

В учебном курсе «Обзор общественного и революционного движения в России» (1913), изучавшемся чинами Отдельного корпуса жандармов, отмечалось:

«В конце января 1887 года в Департаменте полиции была получена агентурным путем копия письма из Петербурга от неизвестного лица в Харьков, студенту университета Ивану Никитину. В этом письме автор сообщал свой взгляд на значение террора в революционной деятельности и выражался настолько решительно, что установление его личности представляло известное значение. С этой целью от студента Никитина было потребовано объяснение об авторе письма, и Никитин назвал студента С.-Петербургского университета Пахомия Андреюшкина. По получении этих сведений в конце февраля за Андреюшкиным, уже ранее замеченным в сношениях с политически неблагонадежными лицами, было установлено непрерывное наблюдение, выяснившее, что Андреюшкин, вместе с пятью другими лицами, ходил 28 февраля от 12-ти до 5-ти часов дня по

Невскому проспекту, причем Андреюшкин и другой неизвестный, по-видимому, несли под верхним платьем какие то тяжести, а третий нес толстую книгу в переплете. 1-го марта те же лица вновь замечены, при тех же условиях, около 11-ти часов утра на Невском проспекте, вследствие чего они были немедленно арестованы…».[524]

Как следует из приведенного отрывка, слежка за боевиками Александра Ульянова началась благодаря перлюстрированному письму. Цензор г. Люби, вскрывший письмо Андреюшкина, вплоть до своей смерти в 1905 г. получал премию в сумме 400 рублей в год.

В 1888 г. в Петербурге вокруг энергичной пропагандистки Веры Гурари объединилась небольшая группа офицеров-артиллеристов, названная впоследствии группой «милитаристов». С ними вступил в связь цюрихский террористический кружок (И. Дембо, сестры С. и М. Гинзбург, А. Дембский и Г. Прокофьев). Эмигранты задумали устроить покушение на императора, использовав «милитаристов». Осенью 1888 г. Дембо и Прокофьев приступили к изготовлению разрывных снарядов. Покушение сорвалось из-за неосторожности самих террористов. Сначала прибывшая в Петербург С. Гинзбург забыла в одной из лавок на Васильевском острове кошелек, где лежал черновик прокламации, в которой говорилось о готовящемся цареубийстве. Затем при изготовлении взрывчатки в окрестностях Цюриха погиб Дембо и был ранен Дембский. Через некоторое время и в России, и в Швейцарии группы были разгромлены властями.

При Александре III набирало силу и новое направление в революционном движении. Произошел переход от разрозненных выступлений пролетариата к массовому рабочему движению, чему способствовали накопленный опыт борьбы и изменение структуры рабочего класса. Среди выступлений начала 1880-х гг. особо выделялись стачки на Ярцевской мануфактуре в Смоленской губернии и на табачных фабриках в Баку (1881 г.), забастовки на Кренгольмской мануфактуре в Нарве (1882 г.) и Жарардовской мануфактуре в Польше (1883 г.).

В 1883 г. Г. В. Плеханов вместе с В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем, П. Б. Аксельродом и В. Н. Игнатовым основал в Женеве первую марксистскую группу «*Освобождение труда*». Члены группы переводили и распространяли в России произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, поставив целью пропаганду социал-демократических идей. Плехановым были написаны теоретические работы «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которых он доказывал, что Россия вступила на путь

капиталистического развития и важнейшей революционной силой становится рабочий класс. Будущую революцию Плеханов оценивал как буржуазно-демократическую, но не социалистическую. Кроме того, были изданы «Программа социал-демократической группы Освобождения труда» и брошюра Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия».

Вместе с тем пропагандистская деятельность «освобожденцев» почти не имела особого успеха среди революционной интеллигенции и рабочих. Мешало молодым социал-демократам и противодействие российских спецслужб. Дейч, заведовавший распространением в России нелегальной литературы, в 1884 г. был арестован с очередным транспортом нелегальщины. После его ареста связь группы «Освобождение труда» с Россией прервалась, и ее члены поневоле сконцентрировали усилия на пропаганде среди проживавшей за границей русской молодежи (по возвращении на родину вдохновившиеся демократическими идеями могли бы сами выступить в роли агитаторов и пропагандистов).

В 1885 г. «освобожденцы» издали «Проект программы русских социал-демократов», в котором формулировались следующие положения:

«Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства, перехода, который повлечет за собою: А) устранение современного товарного производства (т. е. купли и продажи продуктов на рынке) и Б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану. <…>

Эта коммунистическая революция вызовет коренные изменения общественных и международных отношений; она будет носить международный характер, и успех ее требует международной солидарности рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, т. к. интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплуататоров и т. к. поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контрреволюционеров и положит конец существованию классов и их борьбе».[525]

В 1884 г. студент Петербургского университета болгарин Димитр Благоев, независимо от «освобожденцев», организовал первый в России социал-демократический кружок, названный им «Партия русских социал-демократов». В кружке Благоева состояли шестнадцать студентов обоего пола, два инженера, один журналист и два чернопередельца. С 1885 г. члены кружка стали вести пропаганду среди учащейся молодежи и рабочих; установив связи с группой «Освобождение труда», они приняли ее программу и начали издавать журнал «Рабочий».

Морозовская стачка 1885 г. в селе Никольское Владимирской губернии под руководством П. А. Моисеенко, В. С. Волкова и Л. И. Иванова уже отличалась размахом, организованностью, стойкостью. Рабочие предъявили губернатору требования, включавшие принятие законодательства, регламентирующего отношения предпринимателей и рабочих. Стачка приобрела политический характер, информация о ней распространилась по всей России. Ее итогом стало принятие нового фабричного закона 1886 г., который ограничивал произвол фабрикантов в отношении штрафов, найма и увольнения рабочих.

В 1885 г. в Петербурге сформировалась еще одна социал-демократическая группа, под руководством П. В. Точисского. Состояла она преимущественно из рабочих, наиболее активное участие в ее деятельности принимали Е. А. Климанов (Афанасьев), В. А. Шелгунов, В. С. Буянов, Н. Васильев и И. И. Тимофеев. В 1886 г. группа стала называться «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Несмотря на малочисленность основного состава (15–16 человек), члены «Товарищества…» развернули работу на крупнейших предприятиях Петербурга. Как и другие социал-демократические группы, они критиковали тактику индивидуального террора народников.

В январе 1886 г. были арестованы лидеры кружка Благоева и захвачена их типография (сам Благоев был выслан из России), а в следующем году аресту и высылке из столицы подверглись остальные члены его организации. В феврале – марте 1888 г. полицией была разгромлена и группа Точисского, членов которой также выслали из Петербурга. Однако из костяка рабочих кружков впоследствии выросли новые кадры рабочих-революционеров. Идеи социал-демократии постепенно стали проникать в различные города России. В конце 1880-х гг. марксистские кружки существовали в Петербурге и Москве, Киеве, Казани, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Туле, Минске, Вильно, Харькове, Екатеринославе, Одессе и некоторых других городах.

В 1889 г. группа «Освобождение труда» направила делегатом

на международный социалистический конгресс в Париже Г. В. Плеханова, который заявил:

«Задача нашей революционной интеллигенции сводится, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».[526]

С 1886 г. руководство всеми «черными кабинетами» в империи было возложено на старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов столичного почтамта. Формально он именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и напрямую подчинялся министру внутренних дел. Первым общероссийским начальником службы перлюстрации стал К. К. Вейсман.

Служба перлюстрации работала не только в интересах политической полиции. В «черных кабинетах» вскрывалась также и дипломатическая корреспонденция, представлявшая интерес для российской разведки и контрразведки.

Стратегическая разведка, как и при Александре II, в первую очередь осуществлялась личными порученцами императора, Военным и Морским министерствами, а также Министерством иностранных дел. Нелегальных разведывательных резидентур (в современном понимании этого термина) в мирное время не создавалось. В 1881 г. начальником Главного штаба и одновременно председателем Военно-ученого комитета (координирующего органа военной разведки) был назначен генерал-адъютант Н. Н. Обручев. Управляющим делами Военно-ученого комитета в 1881–1896 гг. служил кадровый разведчик Ф. А. Фельдман. Как и ранее, основная военно-политическая информация из-за границы поступала по каналам МИД. До самой смерти в 1895 г. министерство возглавлял Н. К. Гирс. Он был сторонником сближения с Германией и Австро-Венгрией и старался избежать столкновений с Англией. Но при этом являлся преданным исполнителем воли Александра III, который проводил курс на сближение с Францией.

Главным координатором секретных подразделений МИД являлся товарищ министра и член Цифирного комитета В. Н. Ламсдорф.

«Я, – вспоминал впоследствии Ламсдорф, – работал в глубокой тени возле моего бедного старого начальника [Гирса], меня никто не знает, и вот теперь, когда исчезли как он сам, так и государь [Александр III], которому он столь замечательно

помогал править, я оказываюсь в положении единственного обладателя государственных тайн, являющихся основой наших отношений с другими державами».[527]

Особые меры предосторожности предпринимались при организации поездок императора по железным дорогам. За прилегающий к Гатчине участок Балтийской железной дороги была ответственна 6-я рота 1-го железнодорожного полка. Окончательный маршрут движения царского поезда определялся в день отправления. От станции отходили сразу два или три поезда; установить, в каком из них находится государь, было для постороннего практически невозможно. Вдоль железнодорожного полотна на всем пути следования выставлялось армейское оцепление, солдаты которого имели право стрелять на поражение. Несмотря на столь внушительные мероприятия по охране царя, «покушение» на него все же состоялось.

Семнадцатого октября 1888 г. царский поезд сошел с рельс возле станции Борки Лозово-Севастопольской железной дороги. Погибли 22 человека, 41 человек был ранен, шесть из них вскоре скончались. Благодаря незаурядной физической силе Александр собственноручно удерживал потолочные балки вагона, что позволило спасти членов его семейства. Однако сильнейший стресс впоследствии сыграл роковую роль в развитии смертельного заболевания государя. Полиция, предполагавшая злой умысел, старательно искала виновных, но обнаружить заговор так и не удалось.

Комиссию по расследованию причин крушения возглавил обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента Сената А. Ф. Кони, в ее состав входили 15 ведущих экспертов в области техники: А. П. Бородин, Н. П. Петров, Н. Л. Щукин, Е. В. Глушков, М. П. Верховский и др. Как следовало из выводов комиссии, крушение было следствием ряда технических нарушений из-за недобросовестного исполнения железнодорожниками своих служебных обязанностей.

Вагон министра путей сообщения К. Н. Посьета был старого образца и последний раз осматривался в сентябре 1886 г.; бандажи колес были сильно изношены, местами с зазубринами. В Севастополе вагон хотели отцепить, но по настоянию министра оставили. На станциях Альма и Лозовая горевшие буксы заливали водой. В составе было пятнадцать вагонов, что на четыре вагона превышало норму зимнего времени; вдвое превышал норму и вес состава. Скорость литерного поезда не должна была превышать 37 верст в час, но перед крушением она составляла от 57 до 67 верст. Поезд вели два паровоза – товарный и пассажирский, – что также недопустимо. Автоматические тормоза были в порядке

только на трех вагонах, на остальных же частично сняты, частично неисправны. Уклон насыпи в месте крушения равнялся 0,013 градуса при максимальном уклоне в 0,008. Легкие рельсы (22–24 фунта на погонный фут) в некоторых местах удерживались в шпалах костылями в четырнадцать раз слабее допустимой величины, балласт был из песка, а не из щебня. Непосредственной причиной крушения стал сход с рельсов второго паровоза, когда первый (товарный) на скорости, не соответствовавшей его типу (максимум 28 верст в час), боковым качанием расширил путь.

В ходе расследования подняли документы чиновников различного ранга, которые в свое время писали о возможных катастрофах на железной дороге, и, к величайшему изумлению, обнаружили рапорт С. Ю. Витте – он почти в точности описал комплекс технических и организационных нарушений, чреватых катастрофой.

Крушение царского поезда наглядно показало, что угроза безопасности может исходить не только от злоумышленников. Технический прогресс, предоставивший человеку большие возможности, требовал качественных изменений в системе охраны жизни и здоровья и должного уровня технологической культуры, но ни то, ни другое системой российского «авось» не предусматривалось.

По итогам работы комиссии были приняты решительные меры: министр путей сообщения Посьет, заведующий движением императорских поездов Ф. И. Таубе, главный инспектор инженер К. Т. Шернваль и начальник управления железных дорог Салов получили отставку. С 1890 г. на паровозах императорских поездов стали устанавливать скоростемеры, а железнодорожные войска дублировали работу гражданских железнодорожников на наиболее важных участках. Роты 1-го железнодорожного полка контролировали состояние полотна, мостов, переездов, стрелок и т. п., осуществляли ремонт текущих и строительство запасных железнодорожных веток.

Несмотря на серьезные успехи в борьбе с террористическими группами, император и правительство не предприняли необходимых шагов в политической области. А. А. Керсновский, которого никак нельзя упрекнуть в симпатиях к революционерам, писал:

«Весь трагизм положения заключался в том, что правительство видело лишь одну дилемму: либо сохранить существовавший строй в его полной неприкосновенности, либо пуститься в различные демократически либеральные реформы, которые неминуемо должны были бы повлечь за собой крушение

государственности и гибель страны. Но оно не замечало третьего выхода из положения – обновления государственного организма не в „демократическо-катастрофическом“ духе „влево“ (как то в конце концов и случилось в 1905 г.), а в обновлении его „вправо“ – в духе сохранения всей неприкосновенности самодержавного строя путем применения его к создавшимся условиям, отказа от петровско-бюрократически-иноземного его уклада, поведшего к разрыву некогда единой российской нации и утрате правительством пульса страны. Этот третий путь стихийно чувствовался славянофилами, но они не сумели его формулировать, не владея государственной диалектикой. Правительство же царя Миротворца этого пути не замечало. Обширному и холодному государственному уму Победоносцева не хватало динамизма, действенности. Он правильно поставил диагноз болезни, формулировал даже „троичное“ лекарство против нее, составить же правильно эти лекарства и правильно применить их не сумел. <…> В 80-х годах можно было бы совершить многое, не спеша перестроить государственную машину, влив старое вино в новые прочные мехи. Но ничего не было сделано – и двадцать лет спустя вступивший в полосу бурь русский государственный корабль взял курс на оказавшийся тогда единственно возможным, но фатально гибельный путь – на путь смертоносных „реформ влево“».[528]

В 1888 г. в Петербурге возникла группа молодых революционеров, предпринявшая попытку воссоздания единой социально-революционной партии с центром в столице. В группу входили К. Кочаровский, Н. Беляев, В. и Н. Истомины и С. Фойницкий. Все, кроме Фойницкого, с 1885 г. занимались чтением революционной литературы и пропагандой революционных идей среди молодежи. Почти все раньше входили в кружки саморазвития. Весной того же года ими был налажен контакт с кружком террористов в Цюрихе, из которого для связи прислали М. Гармидора, скрывшегося за границей от преследования в Харькове. Получив от Гармидора несколько иногородних явок в России, члены группы Кочаровского начали объезды различных городов и, побывав в Курске, Орле и Москве, начали переговоры об объединительной работе, о постановке типографии, паспортного бюро, о лаборатории бомб и транспортировке заграничной литературы.

В программе группы отмечалось, что «из всех систем борьбы с правительством, для достижения политической свободы <…> единственной доступной для нас в настоящее время в размерах, обеспечивающих все шансы на успех, мы считаем систему политического террора.

Под системой политического террора мы разумеем ряд нападений на правительство, совершенных непременно тогда и так, когда и как партия найдет это нужным, и сопровождаемых активной поддержкой всякого рода со стороны народа и общества с целью устрашить и деморализовать правительство и вынудить его на нужные для нас уступки».[529]

К осени 1889 г. кочаровцы уже имели связь с семнадцатью губернскими городами, в том числе с Астраханью, Владимиром, Вильно, Воронежом, Казанью, Костромой, Москвой, Минском, Нижним Новгородом, Одессой, Рязанью, Саратовом, Севастополем, Симбирском, Симферополем, Харьковом и Ярославлем.

В сентябре 1889 г. в Казани собрался съезд из шести представителей революционных групп, четыре человека прибыть не смогли. Европейскую Россию предложено было разделить для революционной работы на семь областей, Белоруссия, Литва, Остзейский край, Польша и Финляндия составляли самостоятельные области. Каждой области предоставлялась автономия в делах, и каждая должна была иметь свой руководящий областной совет. Во главе всей организации планировался руководящий центр. Обсуждались вопросы о связи советов с центром, о типографиях и лабораториях, транспортировке литературы из-за границы. Вопрос о террористических актах съезд постановил разрешать в каждом конкретном случае в зависимости от решений областных центров. Участники съезда решили собраться вновь через полгода и уже по полугодовой практике работы на местах принять окончательные и обязательные для всех постановления.

В то же время высылка российских эмигрантов из Швейцарии вынудила большинство из них перебраться в Париж, где сформировался кружок террористов, в который вошли М. Гинзбург, А. Дембский, И. Кашинцев, А. Гнатовский и А. Теплов. Создав динамитные лаборатории, они приступили к изготовлению бомб, которые предполагалось переправить в Россию через Вильно. Весной 1890 г. для ознакомления с положением дел в Россию выехали два эмиссара парижского кружка – Ю. Рапопорт и В. Бурцев. Однако первый в апреле был арестован на границе, а второй скрылся от преследования в Болгарии.

В мае 1890 г. российские революционеры созвали съезд в Пензе (7 человек); на съезде обсуждались организационные вопросы и вопрос о совместной деятельности с парижским террористическим кружком.

Между тем спецслужбы России и Франции внимательно

следили за деятельностью эмигрантов-террористов, и, когда те начали производить под Парижем опыты с «метательными снарядами», французские власти по требованию русского посла произвели обыск у двадцати эмигрантов. Были найдены разрывные снаряды нового образца, взрывчатые вещества, оболочки для бомб, химические реактивы и обширная переписка. В результате обысков удалось получить доказательства связей парижского кружка с организацией Кочаровского. Членов последней начали арестовывать с Пензы, где в то время находились главные руководители организации. Обыски прошли во многих городах, всего к дознанию были привлечены 63 человека. После разгрома группы Кочаровского в российском революционно-террористическом подполье наступило временное затишье.

В 1890 г. совместными усилиями сотрудников французских и российских оперативников во Франции была раскрыта мастерская по производству «метательных снарядов». Это событие имело серьезные политические последствия: после осуждения террористов французским судом началось постепенное сближение России и Франции. За эту операцию Рачковский получил чин губернского секретаря и орден Анны 3-й степени.

После репрессий 1889–1890 гг. многие российские эмигранты перебрались из Швейцарии и Франции в Лондон. К началу 1891 г. в столице Великобритании обосновались Н. Чайковский, С. Кравчинский, Ф. Волховской, Л. Шишко, В. Бурцев, М. Гармидор, И. Дембский и др. Результатом их деятельности стало образование в Лондоне в 1890 г. английского «Общества друзей свободы в России», которое наладило издание журнала «Свободная Россия». Годом позже там же был основан «Фонд вольной русской прессы» для помощи русским эмигрантам, проживающим за границей. В Америке Гольденберг и Лазарев образовали «Общество американских друзей свободы в России» и стали выпускать отдельное издание «Свободной России». Затем «Свободная Россия» издавалась на немецком языке в Швейцарии. В Париже в конце 1891 г. по инициативе П. Лаврова образовалось «Общество борьбы с голодом», в воззваниях которого указывалось, что постигший Россию в 1890–1891 гг. голод есть результат правительственной политики.

Покушение на наследника престола было совершено не в России и не революционерами, а самураем в далекой Японии. Двадцать третьего октября 1890 г. цесаревич Николай Александрович с большой свитой «золотой молодежи» отправился в длительное морское путешествие в Египет, Индию и Японию; завершиться оно должно было ознакомлением с Дальним

Востоком и Сибирью. Покушение, которое могло изменить ход российской истории, произошло 29 апреля 1891 г. в городе Оцу, расположенном неподалеку от древней японской столицы Киото. Князь В. А. Барятинский бывший свидетелем события, пишет:

«Узкие улицы были наполнены народом, стоящим по обе стороны; впереди толпы, шагах в пятидесяти друг от друга, находились полицейские. Впереди цесаревича ехали губернатор и полицмейстер, сзади же принц Георг, принц японский Арисугава и потом вся свита, друг за другом, по одному в каждой джинрикше. Ехали довольно быстро. На одной из главных улиц полицейский нижний чин в форме внезапно подбежал сзади к экипажу Николая Александровича и нанес ему удар саблею по голове. Цесаревич выскочил вперед к стоявшей толпе, злодей обежал экипаж кругом с видимою целью догнать великого князя. В это время подбежал принц Георг и ударил злоумышленника палкою по голове, что побудило его обернуться к стороне принца. Тогда один из японцев, везший джинрикшу, сшиб его с ног, а его товарищ выхватил его же саблю и ударил его ею по шее, причинив ему сильную рану».[530]

Опираясь на приведенные воспоминания, некоторые исследователи полагают, что наследника российского престола спасли граждане, к охранным службам отношения не имевшие. Что касается принца Георга, по нашему мнению, это соответствует действительности. Но в отношении граждан мы не можем быть столь категоричными. В Японии существовали древние традиции охраны важных особ, и мы оставляем за собой право считать, что рикши, перевозившие высоких гостей, были тщательно проверены японской полицией на благонадежность и, возможно, имели некоторую специальную подготовку. Кроме того, в практике работы секретных служб нередко применяется маскировка охранников под обслуживающий персонал. Поэтому не исключено, что рикши были не просто доверенными лицами полиции и даже не замаскированными полицейскими, но сотрудниками специального подразделения охраны. Главную ошибку допустили те, кто обеспечивал безопасность на некотором удалении от эскорта, – они не должны были допустить приближения посторонних лиц к охраняемой персоне, да еще со стороны спины.

Заметим, однако, что и поведение цесаревича и его свиты было далеко не идеальным. Наследник и его спутники много пили и не раз проводили ночи в местах, куда обычно заходят матросы, – так писали в то время японские газеты. По словам посла Японии в Петербурге Т. Нисси, накануне покушения Николай посетил в Оцу культовое заведение с гейшами,

имевшими охрану. Неподобающее, по мнению хозяев, поведение цесаревича дало повод полицейскому Сандро Цуда пустить в ход саблю.

Навестить пострадавшего гостя из Токио в Киото спешно прибыл сам император Муцухито; он лично зажег спичку и поднес огонь прикуривавшему наследнику, но эти беспрецедентные сигналы к установлению дружеских отношений не были восприняты в Петербурге должным образом. Более того, к унаследованному от отца «державному презрению» к японцам у Николая примешалась и личная обида. Именно в этом содержится одна из причин будущей русско-японской войны и, в итоге, русской революции 1905 г.

Одним из основных источников информации об антиправительственных организациях в царствование Александра III являлось наружное наблюдение. Лучше всего в России на тот момент оно было организовано в Московском охранном отделении.

Московская школа «наружки» обязана своим успехам Е. П. Медникову, поступившему в 1881 г. на службу в полицию в чине отставного старшего унтер-офицера. Впоследствии генерал-майор Корпуса жандармов А. И. Спиридович писал о Медникове: «Природный ум, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Он понял филерство как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался нарядчиком, инструктором и контролером».[531]

В 1888 г. Медникова назначили заведующим наблюдательным составом Московского охранного отделения. Благодаря его личному профессионализму и профессионализму его людей были выявлены и предотвращены многие акции революционеров не только в Москве, но и во многих других городах Российской империи.

Качество работы московских филеров было настолько высоким, что министр внутренних дел с похвалой отозвался об их дисциплине, осторожности и последовательности в деле наблюдения. Филеры, однако, не являлись государственными служащими. В лучшем случае они числились городовыми, урядниками или околоточными надзирателями, что не могло не сказаться на моральном состоянии этих людей. Еще одним недостатком секретных служб при Александре III была неудовлетворительная работа по вербовке и использованию внутренней агентуры

Двадцать четвертого ноября 1892 г. заведующий Заграничной агентурой П. И. Рачковский направил в адрес директора Департамента полиции П. Н. Дурново докладную записку «*О*

постановке работы органов сыска», в которой отмечал недостатки в деятельности органов безопасности:

«Предстоящая эпоха по всем данным грозит неминуемыми катастрофами, особенно если принять в соображение, что разобщенные революционеры отыскали способы организоваться без помехи со стороны политической полиции, о неподготовленности которой бороться с ними на избранном поприще они, очевидно, были предуведомлены заранее.

При означенных обстоятельствах самая блестящая постановка наружного наблюдения не может дать необходимых результатов и, без освещения внутренней жизни революционеров, лишь производит путаницу, нанизывая бесконечный ряд ничего не говорящих имен и поддерживая рискованное напряжение агентурных сил к сугубому удовлетворению неуязвимой внутри революционной среды.

Печальный опыт показал, что под давлением одного наружного наблюдения она только изощряется обманывать полицию и самые опасные конспираторы легко устраивают для себя все внешние признаки благонадежности; достаточно, например, вспомнить революционные квартиры, увешенные образами, или посещение церквей усердно молившимися террористами. <…>

Успешная борьба с русскими революционерами всегда возможна в пределах правильно функционирующей политической полиции, если эта последняя признает, что революционное движение приобрело уже постоянный характер, несмотря на временные затишья или отдельные удачные репрессалии, и придет к необходимости создать из себя прочную контрреволюционную организацию под <…> руководством Департамента полиции.

Сколько бы ни возникало на пространстве России отдельных и замкнутых революционных кружков, политическая полиция данной местности всегда имеет возможность объединить их для безошибочного контроля и своевременно пресекать преступные замыслы. Сосредоточивая путем внутреннего воздействия самые разнородные революционные элементы в центральные группы, органы названной полиции должны сделаться распорядителями положения, а не быть рабами революционных предприятий. При известной настойчивости и такте они могут довести дело до того, что подпольные и вообще профессиональные революционеры должны будут сойтись, под их прямым наблюдением, с той или другой легальной средой, им сочувствующей. Каждый революционер, действующий, например, в Петербурге на собственный страх, непременно примкнет к искусственному

центру, находящемуся в ведении местного руководителя розыскной деятельностью, и наиболее опасные конспираторы всегда будут на виду для соответственных против них мероприятий.

Только по роковому недоразумению можно принимать означенную плодотворную систему за подобие осужденной всюду провокации, которою дерзнет увлекаться или круглое невежество, или преступное честолюбие, жаждущее громких дел во что бы то ни стало.

Для торжества приведенной системы прежде всего возникает вопрос о приобретении способных и убежденных внутренних агентов.

Как ни трудно отыскать их, но невозможностью исполнить такую задачу в состоянии отговариваться лишь те руководители политической агентуры, которые ограничиваются одним формальным исполнением своих обязанностей или косвенно сознающиеся в полной неспособности вести доверенное им дело. Внутренних агентов, которые отвечали бы своему назначению, всегда можно навербовать из элементов, наиболее враждебных правительству в данной местности. После всесторонних справок о том или другом лице, о его положении, образе мыслей и характере следует пригласить его (при известной обстановке) для переговоров, и если нельзя рассчитывать на удачу в каждом отдельном случае, то из 5 подобных случаев одно или два лица при искусном давлении наверное перейдут на сторону правительства.

Если революционеры узнают об этих фактах, то они отзовутся тем хуже на них в моральном отношении и, порождая взаимную подозрительность, принесут гораздо больше пользы, чем самое идеальное наружное наблюдение. По личному опыту мне известно, что вышеприведенные переговоры действительно представляют большие трудности, требуя чрезвычайной настойчивости, продолжительного времени, ясного понимания вопроса и крайнего нервного напряжения, но тем существеннее оказываются результаты.

К сожалению, этим дело далеко не исчерпывается. Даже в официальных сферах установились закоренелые предрассудки против внутреннего агента как продажного, безнравственного и предательствующего человека, не говоря уже о русском обществе, которое, по ложным воззрениям на обязанности перед Отечеством, привыкло с брезгливостью относиться ко всему, что соприкасается с правительством. У нас почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной вопреки, например, французам, немцам или англичанам,

которые в качестве частных людей сами помогают полиции в раскрытии преступлений и публично гордятся каждым представившимся случаем, который дает им возможность исполнить эту патриотическую обязанность. Таким образом, при беседах с новыми внутренними агентами необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь сознательные сторонники правительства, которое борется с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России.

Укрепивши агента на подобной идейной почве, следует также всячески щадить его самолюбие и осмотрительно избегать всего, что бы хоть отчасти дало ему повод размышлять о своей мнимой позорной роли.

Затем уже наступает область опытного руководительства таким агентом сообразно обстоятельствам.

Вышеизложенное представляется, по моему скромному разумению, единственным способом предотвратить те невыразимые катастрофы, которые обещает видимая постановка нарождающегося внутри России революционного движения. Вне организационной деятельности органов политической полиции с помощью внутренних агентов остается только один рискованный расчет на благоприятные случайности…».[532]

Как показали дальнейшие события, прогнозы Рачковского, основанные на беспристрастном анализе развития революционного движения, оказались верными. И основная вина в недооценке ситуации и неадекватных политических решениях лежит на высшем политическом руководстве империи, не сумевшем или самоуверенно не захотевшем понять и принять к сведению доводы экспертов.

Аналогичная ситуация складывалась и в военной области, где передовые отечественные теоретики и практики предлагали альтернативные варианты повышения обороноспособности государства. В этой связи отметим, что не единожды в истории нашей страны передовые военные разработки, не востребованные высшим руководством, впоследствии использовались политическими оппонентами, и весьма эффективно.

В 1885 г. Генерального штаба полковник Ф. К. Гершельман опубликовал книгу «Партизанская война», которая не потеряла актуальности и в настоящее время. Анализируя историю партизанских действий от Тридцатилетней до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автор сделал поразительно точное заключение о цикличности партизанской войны, которая «в смысле известного средства борьбы с противником не вырабатывается постепенно, так сказать, не совершенствуется, а

является от времени до времени в истории войн как бы случайно. Несмотря на блестящий результат партизанских действий, их как будто забывают даже в тех армиях, которые ими пользовались сами, и только после большого промежутка времени, после нескольких войн, опять обращаются к этому средству».[533] Гершельман сделал вывод, что с помощью партизанской войны можно достичь и такого политического результата, как вооруженное восстание жителей в тылу армии противника.

Специальных органов контрразведки при Александре III в России не было, ее задачи выполняли преимущественно губернские жандармские управления. В начале 1890-х гг. на западной границе империи сотрудниками Киевского губернского жандармского управления была раскрыта агентурная сеть австрийской разведки, нелегальные центры которой находились в Варшаве, Киеве, Одессе, Радоме и Брест-Литовске. Эта сеть состояла преимущественно из поляков, которые приносили присягу на верность императору Австрии как «королю всех славян». В числе руководителей подпольной сети были поручик С. И. Квятковский и присяжный поверенный С. И. Доморацкий. Всего по делу о шпионаже выявили около пяти тысяч человек, в той или иной мере сотрудничавших с иностранными специальными службами.

Разведка являлась не единственной целью этой сети – часть агентов использовалась в качестве диверсантов. Потенциальные диверсанты проживали в населенных пунктах вдоль Юго-Западной железной дороги и в случае войны должны были производить «опрокидывания» воинских поездов, «порчу» мостов и дорог, поджоги фуража и запасов продовольствия.

Постигший некоторые губернии России в 1891–1892 гг. голод дал новый толчок революционному движению среди народнической интеллигенции. Одни считали необходимым сначала помочь голодающему крестьянству, затем сделать его грамотным и только потом начать его революционизировать. Другие настаивали на том, чтобы, воспользовавшись голодом, поднять крестьянство на восстание в целях государственного переворота.

В начале января 1892 г. конторщик Московско-Брестской железной дороги М. Егупов, служащий той же дороги М. Бруснев и студент П. Кашинский договорились об объединении руководимых ими кружков рабочих и учащихся Москвы и Тулы. Впоследствии предполагалось присоединить к образованной группе народовольческие кружки в других городах и создать единую организацию с центром в Москве. Имея многочисленных товарищей по учебе в высших учебных заведениях, организаторы

связались с членами революционных кружков Риги, Харькова, Люблина, Варшавы и Киева. Затем были установлены контакты с членами польской революционной партии «Пролетариат» и через нее налажено получение революционной литературы из-за границы. В апреле Егупов, Бруснев и Кашинский устроили в Москве несколько встреч с участием представителя «Пролетариата», на которых выработали программу Временного организационного исполнительного комитета.

«Убежденные социалисты-революционеры, – значилось в первом параграфе программы, – мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социально-революционной организации. <…> Мы непосредственно стремимся к достижению политической свободы и в ней видим первый шаг на пути целостного осуществления социалистического идеала. Мы глубоко убеждены, что при современном отношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной революционной партии при дружном содействии всех живых сил страны. Стремясь к созданию боевой социально-революционной организации, мы утверждаем, что таковая может и должна быть создана на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социализма в связи с пропагандой идеи политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата и, отчасти, среди сектантов-рационалистов».[534]

В конце апреля 1892 г. руководители и члены Временного организационного исполнительного комитета были арестованы, поэтому создать организацию не удалось.

Одновременно обострилась и борьба социал-демократии с народниками. «Мы, – говорили марксисты, – не идем сейчас к крестьянству потому, что у нас в настоящее время еще слишком мало сил, и мы хотим употребить их как можно производительнее. Поэтому мы посвящаем всю нашу энергию городскому пролетариату, который по своим условиям является более восприимчивой почвой для наших идей и который, несомненно, должен явиться авангардом революции».[535]

Первые рабочие-кружковцы 1880-х гг. организовывали на заводах и фабриках «кружки второй степени», где вели социал-демократическую пропаганду. Этот период работы социал-демократов, продолжавшийся до 1894 г., известен под названием «кружковщина». Именно тогда марксисты перешли от самообразования к пропаганде среди рабочих; сначала эта

пропаганда велась в больших промышленных центрах, а из них распространялась и в провинциальные города.

Неурожай 1891–1892 гг. неблагоприятно сказался и на фабрично-заводской промышленности, где начались увольнения рабочих и понижение расценок. Это вызвало беспорядки, которые вспыхнули в 1892 г. в Юзовке и Лодзи, в следующем году произошли в Петербурге, Харькове и Ростове-на-Дону, а в 1894 г. охватили многие крупные промышленные центры России.

Основной движущей силой революционного движения социал-демократы считали не крестьян, а промышленных рабочих и ремесленников. В июле 1893 г. на основе Союза польских рабочих (1889 г.) и новой партии «Пролетариат» (эта партия возникла в 1888 г. после разгрома старого «Пролетариата») в Российской империи была образована первая крупная социал-демократическая партия – *Социал-демократия Королевства Польского* (*СДКП*). Ее основателями были Роза Люксембург и Юлиан Мархлевский. На первом съезде в марте 1894 г. в Варшаве партия заявила о необходимости борьбы за завоевание политических и экономических свобод и установление власти пролетариата, выдвинув в качестве программы-минимум борьбу за свержение царизма.

В области народовольческой пропаганды в 1892–1893 гг. в Центральной России работали несколько нелегальных революционных групп. В Твери вокруг поднадзорного В. Барыбина образовался кружок, занимавшийся изданием революционной литературы («Союз, революционный сборник; январь 1893 года», «С чего начать», «Голос народовольца») и располагавший значительной материально-технической базой. При обыске в доме Барыбина в октябре 1893 г., кроме большого количества рукописных материалов и революционной литературы, были обнаружены литографский камень и принадлежности для гектографирования.

В Петербурге пропаганду среди рабочих и молодежи вела «Группа народовольцев», руководящую роль в которой играли А. Федулов, супруги М. и Е. Александровы и А. Ергин. Эта группа оборудовала небольшую типографию, где в январе 1892 г. были отпечатаны две прокламации М. Н. Михайловского: «Свободное Слово» и «От группы народовольцев». Затем была издана брошюра «Подготовительная работа партии», а для московского кружка Е. Мягкова – «Первое письмо к голодающим крестьянам». Также были отпечатаны старая «Программа Исполнительного комитета» и воззвание «От группы народовольцев к молодежи», «Летучий Листок группы народовольцев», брошюра «Братцы товарищи». Все эти издания распространялись в Ростове-на-Дону,

Харькове, Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Орле, Киеве и Воронеже.

Отметим еще несколько фактов. В июле 1889 г. Парижский конгресс II Интернационала принял решение о ежегодном проведении 1 мая рабочих демонстраций в знак солидарности с демонстрацией чикагских рабочих 1886 г. В 1890 г. первомайские демонстрации прошли в Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Норвегии, США, Франции, Швеции и Варшаве, где также состоялась десятитысячная стачка. Выступавшие на первой петербургской маевке 1891 г. рабочие (всего собралось около двухсот человек) говорили о необходимости объединения для совместной борьбы за свои права. В 1892–1894 гг. Первомай отмечался в Варшаве, Вильно, Лодзи, Казани, Киеве, Москве, Нижнем Новгороде, Петербурге и Туле.

Осенью 1893 г. трое опытных, побывавших в ссылках революционеров – Н. Тютчев, М. Натансон и П. Николаев – на основе орловского и московского кружков организовали Социально-революционную партию Народного Права. В нее вошли революционеры, занявшие впоследствии заметное положение в Партии социалистов-революционеров: А. Гедеоновский, В. Чернов, Н. Флеров и др. Был налажен контакт с «Группой народовольцев» в Петербурге, организована типография в Смоленске и отпечатаны и распространены программные брошюры «Насущные вопросы» и «Манифест Социально-революционной партии Народного Права».

«Партия ставит своей задачей, – говорилось в „Манифесте…“, – объединение всех оппозиционных элементов страны в организацию такой активной силы, которая всеми доступными ей моральными и материальными средствами добивалась бы освобождения от современного политического гнета самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина».[536]

Таким образом, в конце правления Александра III в Российской империи имелось несколько социально-революционных организаций, которые своей деятельностью способствовали объединению различных революционных кружков в единую организацию. Но были и явные провалы. В апреле 1894 г. в Смоленске ликвидировали типографию «Народного Права», начались аресты в самом Смоленске, Москве, Орле, Петербурге и Харькове. При обысках были изъяты и уничтожены пачки революционной литературы, гектографы и принадлежности для массового размножения различных рукописей. К дознанию о деятельности Социально-революционной партии Народного

Права и петербургской «Группы народовольцев» были привлечены 158 человек.

В Париже в 1893 г. сложилась «Группа старых народовольцев» (П. Лавров, М. Ошанина, Н. Русанов, И. Рубанович, Э. Серебряков и др.), поставившая своей задачей оказывать содействие русскому социально-революционному делу и начавшая издание сборника «Материалы для истории русского социально-революционного движения».

Возможно, именно рост эмигрантских организаций привел к тому, что 15 октября 1893 г. Пограничную стражу вывели из состава Таможенного управления Министерства финансов и реорганизовали в Отдельный корпус пограничной стражи. Первым командиром корпуса стал генерал А. Д. Свиньин.

На пограничников возлагались следующие задачи:

«1) не допускать водворения контрабанды и перехода людей через границу не в указанных местах;

2) всех людей, незаконно перешедших границу, со всем, что при них окажется, задерживать и препровождать в таможенное управление;

3) охранять черту государственной границы и не допускать, чтобы в 875-саженной полосе от границы возводились без разрешения начальства новые постройки;

4) задерживать всех бродящих при границе дезертиров, бродяг, беспаспортных и порубщиков казенного леса и не допускать на границе сборищ подозрительных лиц».[537]

Охрана границы потребовала организации разведки в приграничной полосе сопредельных стран. Эта задача была возложена на командиров пограничных бригад.

* * *

В первой половине 1890-х гг. в Западной Европе произошел всплеск терроризма. В Испании наибольшее количество покушений приходилось на Мадрид и Барселону. В январе 1892 г. около четырех тысяч батраков с криками «Да здравствует анархия!» вошли в город Херес-де-ла-Фронтера, намереваясь освободить заключенных по делу «Черной руки». Были убиты несколько коммерсантов, которых восставшие посчитали слишком алчными. Через несколько часов восстание удалось подавить подразделениями национальной гвардии.

Вслед за этим начались террористические акты в различных городах страны. Так, в 1893 г. было совершено покушение на генерала А. М. де Кампоса. Подозреваемый в нападении

подвергся казни. Актом мести за казнь послужили взрывы бомб в оперном театре «Лисео» в Барселоне (бомбы заложил Сальвадор Сантьяго); погибли 29 человек и 50 были ранены.

Во Франции многочисленные взрывы происходили на улицах, в кафе и даже в парламенте. В 1892 г. Франсуа Клавдий Кенигштайн (Равашоль) взорвал бомбы в доме председателя суда Бенда (11 марта), военной казарме Лобо (18 марта) и доме прокурора Бюло (27 марта). Вечером 26 апреля, уже после ареста Равашоля, мощный взрыв потряс ресторан «Бери».

В декабре 1893 г. анархист Огюст Вальян бросил бомбу малой мощности в зале палаты депутатов Парижа, незначительные ранения получили двадцать депутатов.

В феврале 1894 г. Эмиль Анри организовал взрыв в кафе «Терминус» (один человек убит, 20 ранены); после этой диверсии анархисты в течение полугода провели серию взрывов в разных концах Франции.

Акты бомбистов совпали с призывами анархистов к насилию, что вызвало во Франции большой общественный резонанс. Равашоль, Вальян и Анри подавали прошения о помиловании президенту Франсуа Сади Карно, но тот отклонил их. А 24 июня 1894 г. на выставке в Лионе Карно был смертельно ранен ударом кинжала анархиста Санте Казерио.

* * *

Координация специальной полицейской, разведывательной и контрразведывательной деятельности между Департаментом полиции, Отдельным корпусом жандармов, Отдельным корпусом пограничной стражи, МИД, Военным и Морским министерствами к концу правления Александра III только намечалась.

Император скончался в октябре 1894 г. Эпоха царя Миротворца закончилась, наступило время царя Мученика.

Глава 13
Террор умер – да здравствует террор!

Особый отдел должен быть всегда на военном положении.

Л. А. Ратаев

Николай II вступил на престол 21 октября 1894 г. в возрасте 26 лет. Он готовился получить генеральский чин и командование гвардейским полком, а вместо этого получил Российское государство, к управлению которым был подготовлен слабо. Александр III, совершенно не допускавший разговоров о политике в семейном кругу, считал преждевременным вводить наследника в курс дела. В итоге наследнику пришлось изучать науку государственного управления на практике. Отсутствие должного геополитического образования, сильной политической воли, а также толковых советников и помощников привели к тому, что государь и его правительство не смогли своевременно и адекватно реагировать на быстрые и серьезные изменения, происходившие внутри страны и за рубежом, а это в итоге привело к крушению всей Российской империи.

Политику, проводимую Николаем II, которого в разное время называли Кровавым и Мучеником, лучше всего можно охарактеризовать словами Ш. М. Талейрана: «Это хуже, чем преступление, – это ошибка».

Внешне правление Николая II началось спокойно. Большинство активистов народовольческих организаций, исповедовавших террористические методы борьбы, находились либо в тюрьме, либо в эмиграции и потому реальной угрозы безопасности государя не представляли. Однако политическая обстановка в Российской империи только казалась спокойной. К концу XIX в. усилилось противостояние различных социальных групп, революционные идеи переустройства общества находили все большую поддержку у самых широких слоев населения. На стыке XIX–XX вв. и в самой России, и в среде эмиграции возникло множество разнородных революционных кружков и организаций, объявлявших своей целью свержение самодержавия.

Смерть Александра III вызвала оживление в оппозиционных кругах. Но если приверженцы умеренных либеральных взглядов обсуждали всевозможные варианты социальных реформ, то

народовольцы-радикалы предпочитали более решительные, в том числе силовые, методы борьбы с правительством.

Речь Николая II от 17 января 1895 г., в которой провозглашалась незыблемость классического самодержавия, стала одним из поводов к активизации социально-революционных групп. В считаные дни Россия была наводнена прокламациями («Летучий листок группы народовольцев № 3», «Группа социалистов-революционеров русскому обществу», «Граждане», «Радикалы и поссибилисты») с призывом к объединению всех революционных организаций для ниспровержения существующего строя.

Среди наиболее радикально настроенных революционеров был студент Московского университета И. Распутин, который с 1894 г. вел пропаганду террора среди учащейся молодежи. В январе 1895 г. он решил создать боевую организацию, состоящую из боевых групп по пять человек, но потерпел неудачу. Весной того же года, когда по Москве стали распространяться слухи о возможном приезде Николая II, Распутин образовал кружок, в который вошли студенты П. Поволоцкий, С. Кролевец и В. Бахарев и мещанка Т. Акимова. Задумав покушения на императора, они начали производить разведку маршрутов, по которым (предположительно) мог следовать государь, но главное – оборудовали лабораторию, где под руководством Бахарева изготавливали разрывные снаряды. Эти снаряды (бомбы) предполагалось бросать из окна какого-либо дома по пути следования императорского кортежа. В апреле члены группы начали экспериментировать с бомбами, но в начале мая были арестованы. При обысках обнаружили подпольную лабораторию и народовольческую литературу. Всего по делу Распутина к дознанию привлекалось до 35 человек.

Прямыми наследниками старого народничества стали социалисты-революционеры (*эсеры*) – под этим названием в последнем десятилетии XIX в. выступали все организации народовольческого характера (термин «народоволец» постепенно отходил в область истории). Эсеры опирались на идею о возможности перехода России к социализму, минуя капиталистический путь развития. Они были сторонниками политической и хозяйственной демократии: демократическое государство в виде парламентской республики и органов местного самоуправления; организованные производители (кооперативные и промышленные союзы); организованные трудящиеся (профсоюзы). Одной из наиболее действенных форм борьбы с существующим правительством эсеры считали масштабный террор.

В эмиграции крупнейшей из эсеровских организаций был «Союз русских социалистов-революционеров», основанный Х. И. Житловским в Берне в 1894 г.

В России началось постепенное объединение разрозненных эсеровских групп. В 1896 г. из студентов Киевского университета, интеллигентов и рабочих образовалась киевская группа эсеров землемера И. А Дьякова (Н. Н. Соколов, Н. П. Дирдовский и др.). Группа имела связи с Воронежем, Курском, Одессой, Полтавой, Петербургом, Саратовом и Харьковом. В том же году А. А. Аргунов организовал в Саратове «Союз социалистов-революционеров». В 1897 г. саратовский союз переместился в Москву, где его члены занимались выпуском прокламаций и распространением заграничной литературы. В Москве кружок Аргунова стал называться «Северный союз социалистов-революционеров».

С 1897 г. в деятельности эсеров наметилась тенденция к объединению – к этому побуждали как пропаганда, шедшая из-за рубежа от народовольцев, так и инициатива руководителей отдельных кружков, считавших объединение разрозненных групп в одну партию назревшей необходимостью.

В августе 1897 г. на съезд в Воронеже собрались представители народнических кружков Воронежа, Киева, Петербурга, Полтавы и Харькова. Ожидались, но не прибыли делегаты из Москвы, Одессы, Саратова и Тамбова. Несмотря на отдельные разногласия, съезд постановил объединить все группы в одну организацию под названием «Партия социалистов-революционеров» и выработать программу, что было поручено воронежцам. Обменявшись явками и установив шифры, участники съезда разъехались. В ноябре представители групп собрались на второй съезд в Полтаве и утвердили составленный воронежцами проект программы. Но последовавшие вскоре в Воронеже, Киеве и Петербурге аресты прервали процесс объединения кружков.

В том же 1897 г. сложилась группа эсеров в столице, в которую входили студент Горного института М. М. Мельников, студент Петербургского университета Е. Е. Колосов, а также слушательница Высших женских курсов С. Г. Клитчоглу (Тютчева), ставшие позднее членами эсеровской «Боевой организации». Однако в марте 1898 г. большинство членов группы были арестованы полицией.

Оставшиеся на свободе киевские эсеры собрали в августе 1898 г. новый съезд (в Киеве), на который приехали представители Екатеринослава, Воронежа, Саратова и Чернигова. Относительно террора на съезде сложились два мнения: одни делегаты отрицали его, а другие, признавая террор, считали, что

террористическая борьба должна вестись от имени единой партии. Съезд подтвердил желание объединиться в партию и начать издавать «Бюллетень русских революционеров». Однако и эта попытка объединения не удалась – вследствие арестов и вследствие разобщенности отдельных групп.

Что касается террора, то в программе «Северного союза социалистов-революционеров» (1898 г.), в частности, говорилось:

«Одним из сильных средств борьбы для такой партии, диктуемых нашим революционным прошлыми и настоящим, явится политический террор, заключающийся в уничтожении наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия. Систематический террор совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее значение формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.) приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы. Кроме своего главного значения, как средства дезорганизующего, террористическая деятельность послужит вместе с тем средством пропаганды и агитации, как форма открытой, совершающейся на глазах всего народа борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой. Наконец, террористическая деятельность является для всей тайной революционной партии средством самозащиты и охранения организации от вредных элементов – шпионства и предательства».[538]

В отличие от эсеров, социал-демократы (*эсдеки*) приняли на вооружение следующую тактику в борьбе с эксплуататорскими классами. От пропаганды в рабочих кружках они перешли к агитации среди широких рабочих масс, присоединились к их борьбе с хозяевами предприятий и стали направлять действия пролетариата при забастовках. Эта новая тактика впервые получила теоретическое обоснование в 1894 г. в рукописной брошюре «Об агитации», излагавшей опыт работы эсдеков-евреев в Вильно и Москве. Основная идея брошюры заключалась в том, что свои политические задачи пролетариат может понять лишь в процессе экономической борьбы.

«Достижение политической власти, – говорится в ней, – является главной задачей борющегося пролетариата. Но стать перед лицом рабочего класса эта задача может лишь тогда, когда экономическая борьба выставит перед ним явную невозможность добиться улучшения своей участи при данных политических

условиях. Только тогда стремления пролетариата столкнутся лицом к лицу с данными политическими формами, когда поток рабочего движения встретится с политической силой, только тогда настанет момент перехода классовой борьбы в фазис борьбы сознательно политической. <…>

Задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и в конце концов поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения.

Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступит к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания; классовая борьба в этом более сознательном виде создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса».[539]

Изменения в забастовочном движении были значительными: с 1894 по 1897 гг. число стачек увеличилось с 77 до 258, а число участников – с 38 тысяч до 70 тысяч. Наиболее выдающейся по размерам (более 30 тысяч человек) стала стачка на ткацких предприятиях Петербурга в 1896 г.; в ходе этой стачки эсдеки выпустили до 25 видов прокламаций.

Усиление революционной деятельности эсдеков и изменение их тактики привело к увеличению численности социал-демократических кружков и образованию на их базе более сложных организаций. Уже в 1894 г. у московских эсдеков возникла мысль об объединении российских социал-демократических кружков в партию. В 1895 г. на основе «Петербургской социал-демократической группы» возник *Союз борьбы за освобождение рабочего класса*, который в следующем году выпустил за своей подписью ряд агитационных листков. В том же году в Иваново-Вознесенске образовался Иваново-Вознесенский рабочий союз, имевший библиотеку с большим количеством нелегальных изданий и кассу взаимопомощи.

«В сентябре 1895 г., – писал П. С. Статковский, – впервые появилась в С.-Петербурге прокламация от имени „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ с обращением к рабочим сестрорецкого оружейного завода. Новое сообщество до конца 1896 г. проявляло весьма слабо свою деятельность. Главными организаторами этого сообщества были: помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов (брат Александра

Ульянова, казненного за покушение в 1887 г. на цареубийство), бывший студент с. – петербургского университета Юлий Иосифов Цедербаум, инженер-технолог Александр Леонтьев Малченко, инженер-технолог Василий Васильев Старков, сын чиновника, студент с. – петербургского технологического института Анатолий Александров Ванеев, инженер-технолог Глеб Максимов Кржижановский и студент с. – петербургского университета Петр Кузьмин Запорожец. <…>

Члены нового сообщества первое время старались завязывать знакомства с рабочими и составлять из них кружки в целях преступной пропаганды, частью устно, а частью путем распространения нелегальной литературы и <…> устройством кружковых библиотек, снабжая таковые книгами и брошюрами тенденциозного содержания. Главная же цель, которую преследовали и старались достигнуть члены этого сообщества, состояла в подготовке хороших пропагандистов и агитаторов из среды самих рабочих, которые в будущем могли бы обходиться без „интеллигентов“.

В ноябре 1895 г. „Союзу борьбы“ пришлось впервые активно выступать к подстрекательству рабочих к забастовкам, именно: благодаря „Союзу борьбы“ произошли забастовки сперва на фабрике Торнтона, затем волнения папиросниц фабрики Лаферма и, наконец, трехдневная забастовка рабочих „Товарищества механического производства обуви“. Во время каждой из этих забастовок „Союз борьбы“ выпускал в большом количестве гектографированные или мимеографированные листки, отпечатанные предварительно на пишущей машине. Последнее обстоятельство в значительной степени способствовало распространению листков, так как такие листки гораздо легче читались полуграмотными рабочими. <…>

Таким образом „Союз борьбы“ продолжал свое дело, а охранному отделению, ослабленному в это время командированием 12 человек лучших филеров в распоряжение Московского охранного отделения для наблюдения за чахлой группою „народовольцев“, пришлось ограничиться только наблюдением и регистрацией членов названного „Союза“.

К весне 1896 года численность членов „Союза борьбы“ значительно возросла. Представителями его решено было совершить первое выступление по поводу предстоявшего 19-го апреля (1 мая н. ст.) всемирного рабочего праздника. Ввиду этого „Союз борьбы“ выпустил новую прокламацию, в которой довольно ясно была изложена его программа.

Программа эта, как известно, легла в основу программы возникшей через два года „Российской социал-демократической

рабочей партии“».[540]

В 1896 г. московские социал-демократические группы объединились в Московский рабочий союз, который также имел библиотеку и общую для Москвы кассу. В том же году предложения об объединении эсдеков в единую партию стали высказываться и в Петербурге. Члены народовольческой «Группы 4-го листка» (В. И Браудо, А. Ю. Фейт, А. Ф. Ергин и А. М. Федулов), перешедшие на социал-демократические позиции, завязали отношения с эсдеками из Союза борьбы за освобождение рабочего класса, а затем установили связь с группами в Вильно, Киеве и Москве. Однако реализовать эти планы помешали очередные аресты, произведенные летом 1896 г.

Оставшиеся на свободе члены «Группы 4-го листка» во главе с В. П. Акимовым (Махновцем) и Е. А. Дьяконовой к осени 1896 г. организовались в «Группу новых народовольцев». Они считали, что в борьбе с существующим строем революционеры должны опираться главным образом на рабочий класс, включая в это понятие все эксплуатируемое население. Целью своей деятельности они ставили организацию политической рабочей партии. В своей программе «новые народовольцы» уже называли себя социалистами-революционерами.

В конце 1896 г. группа эсдеков из Вильно начала переговоры о проведении съезда с петербургскими и киевскими социал-демократами. После этого два вильненца отправились в Швейцарию для переговоров об объединении с заграничным «Союзом русских социал-демократов». Летом 1897 г. в Цюрихе представителями названных организаций был выработан проект объединения в одну партию.

Рост революционных кружков, все большее стремление к объединению с их стороны требовали от российского правительства принятия адекватных мер социально-политического и специально-полицейского характера. Однако полиция и спецслужбы – это только инструменты в руках военно-политического руководства страны. Если на основе анализа получаемой информации принимаются адекватные политические решения, успех будет; но если решения не соответствуют реальному положению дел или принимаются с опозданием, а то и вовсе не принимаются, фатальное поражение неизбежно. Именно так чаще всего и происходило в годы правления Николая II.

Резиденцией императора стало Царское Село, куда была переведена основная часть охранных структур. Некоторая часть осталась в Гатчине для охраны вдовствующей императрицы. В состав охранно-конвойных подразделений Николая II входили Собственный Его Императорского Величества конвой (четыре

сотни), Сводно-гвардейский батальон и Рота дворцовых гренадер. Командные должности замещались путем перевода офицеров из строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск и из гвардии после обязательной двухлетней службы. Образовательный ценз был высоким: принимались, как правило, офицеры, окончившие военные или юнкерские училища по 1-му разряду. Нижние чины поступали на службу после тщательного отбора, которым после 1899 г. занимались непосредственно офицеры охранных подразделений.

С 1894 по 1896 г. общее руководство охраной российского императора и его семьи осуществлял Дежурный при Его Величестве генерал, заведовавший Дворцовой полицией и агентами и имевший особую канцелярию. Эту должность занимал П. А. Черевин. Девятнадцатого февраля 1896 г. он скончался, и уже 14 марта канцелярию Дежурного генерала переименовали в канцелярию Дворцового коменданта, назначив на эту должность П. П. Гессе. В его подчинении находилась Дворцовая полиция (гласная наружная охрана, 129 человек), возглавляемая Е. Н. Ширинкиным.

Оперативно-розыскная составляющая работы Дворцовой полиции постепенно снижалась; негласное сопровождение государя вне резиденций вела Охранная агентура Петербургского охранного отделения. Дворцовая полиция стала выполнять классические полицейские функции в местах постоянного или временного пребывания императора: пропускной режим, поддержание общественного порядка, проверка политической благонадежности разных лиц и т. п.

Наибольшие успехи в агентурной работе среди революционных организаций были достигнуты Московским охранным отделением, и в первую очередь эти успехи связаны с деятельностью С. В. Зубатова. Будучи помощником начальника отделения Н. С. Бердяева, а с 1896 г. – начальником, Зубатов настолько отладил агентурную работу и наружное наблюдение, что заниматься революционной деятельностью в Москве считалось делом безнадежным. В молодости увлекавшийся либеральной идеологией, Зубатов являлся отменным «людоведом и душелюбом»: зная особенности человеческой психологии, он исподволь выяснял моральные качества, степень убежденности арестованных революционеров и умело привлекал их на свою сторону.

«В конце же 1896 года и начале 1897 года по распоряжению Департамента полиции была произведена чиновником особых поручений при министре внутренних дел П. И. Рачковским ревизия деятельности Охранного отделения. При ревизии

главным образом было обращено внимание на правильность расходования сумм, предназначаемых в уплату секретным сотрудникам, и на наем конспиративных квартир. Судя по последствиям, никаких неправильностей не было обнаружено, так как бывший в то время начальником Охранного отделения полковник Секеринский, занимавший этот пост в течение 12 лет, в феврале 1897 года назначен был начальником с.-петербургского губернского жандармского управления и вскоре произведен был в генерал-майоры. В должность же начальника Охранного отделения вступил, по личному предложению министра внутренних дел, отдельного корпуса жандармов полковник Владимир Михайлович Пирамидов, бывший в то время начальником одесского жандармского управления. Полковник Пирамидов вступил в исполнение своих обязанностей 1-го марта 1897 года».[541]

Деятельность нового начальника оказалась неэффективной, в том числе в руководстве агентурой и организации наружного наблюдения. Однако он сумел продержаться на этом посту четыре года.

В 1897 г. в Петербурге возникли две самостоятельные социал-демократические организации: «Рабочая мысль» и «Рабочее знамя». В том же году киевские социал-демократы объединились в местный Союз борьбы за освобождение рабочего класса, в недрах которого зародилась самостоятельная литературная группа «Рабочая газета». В Екатеринославе также образовался местный Союз борьбы за освобождение рабочего класса, а в Николаеве возник «Южно-русский рабочий союз».

Увеличение числа и организационное эволюционирование социал-демократических организаций и групп все более настойчиво ставило в повестку дня вопрос об объединении их в партию. Весной 1897 г. киевская группа «Рабочая газета» завязала отношения с виленской, иваново-вознесенской, московской и санкт-петербургской социал-демократическими организациями и пыталась созвать съезд в 1897 г. Но в Киев прибыли только представители от Москвы и Петербурга, поэтому было решено продолжить подготовку к созыву общероссийского съезда социал-демократов.

В сентябре 1897 г. в Вильно состоялся Учредительный съезд представителей групп еврейских эсдеков из Белостока, Варшавы, Вильно, Витебска и Минска. Эти группы объединились во *Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России* (*Бунд*[542]*)* – хорошо законспирированную и структурно сильную организацию. В ЦК Бунда вошли А. И. Кремер, Л. Гольдман, М. Я. Левинсон (Косовский), И. Миль, Д. Кац и др. Как партия

еврейских ремесленников и промышленных рабочих, Бунд сформировался на базе просветительских кружков и стачечных касс, возникших в начале 1890-х гг. в западных областях Российской империи. Лидеры Бунда старались привлечь в свои ряды не только ремесленников и рабочих, но и представителей радикальной интеллигенции. В 1898–1900 гг. прошло 312 забастовок еврейского пролетариата в Северо-Западном крае и Царстве Польском, что расширило влияние союза.

Марксизм трактовался бундовцами в связи с традиционными представлениями об особой миссии еврейского народа. Ими была выдвинута идея о специфике бесправного и гонимого еврейского пролетариата и о создании еврейской рабочей партии. Партия выступала за демократию и обобществление средств производства, национально-культурную автономию для восточноевропейского еврейства, создание светской системы просвещения, поддерживала развитие культуры на языке идиш. Бундовцы считали, что благодаря этому евреи не ассимилируются и сумеют сохранить свою самобытность. Бунд был не только антирелигиозной, но и антисионистской партией и активно выступал против эмиграции евреев в Палестину.

С учетом изменений, происходивших в политической жизни Российской империи, 1 января 1898 г. из состава 3-го делопроизводства Департамента полиции был выделен *Особый отдел*. Он стал центральным органом, осуществлявшим контроль над политическими настроениями в обществе. Основными направлениями его работы являлись: заведование агентурной работой; обобщение всей информации, полученной оперативным путем; систематизация антиправительственной литературы. Первым заведующим Особым отделом Департамента полиции был назначен Л. А. Ратаев.

В Особый отдел были переданы: библиотека революционных изданий (5000 экземпляров), фототека (20 тысяч фотографий революционеров), именная картотека (карточки на 55 тысяч человек). Несомненной заслугой Ратаева являлась разработка номенклатуры дел, позволившая поднять делопроизводство на высокий уровень. Первоначально в штате отдела состояли тринадцать человек: начальник, четыре его помощника (делопроизводители), шесть канцеляристов и два машиниста. В момент создания основное внимание сотрудников отдела было направлено на студенчество. Но по мере активизации революционного движения все большее значение приобретал надзор за деятельностью эсдеков и эсеров.

В конце 1897 – начале 1898 гг. предложения участвовать в съезде эсдеков были направлены екатеринославскому, киевскому,

петербургскому (фракция «стариков») и московскому союзам, литовским социал-демократам, Бунду, «Союзу русских социал-демократов за границей» и харьковской организации. Из-за личных амбиций организаторов на съезд решили не приглашать социал-демократов из Петербурга, издававших газету «Рабочая мысль». Не пригласили и представителей белостокской, иваново-вознесенской, николаевской и одесской социал-демократических групп ввиду их нерешительности. Харьковская социал-демократическая группа и Литовская социал-демократическая партия участвовать в работе съезда отказались.

Первый съезд *Российской социал-демократической рабочей партии* (*РСДРП*) открылся в Минске 1 марта 1898 г. (возможно, дата была выбрана, чтобы подчеркнуть связь эсдеков с революционерами из «Народной воли») и продолжался три дня. От Союза борьбы за освобождение рабочего класса в нем участвовали С. И. Радченко (Петербург), А. А. Ванновский (Москва), П. Л. Тучапский (Киев) и К. А. Петрусевич (Екатеринослав); от Бунда – Ш. Кац, А. И. Кремер и А. Я. Мутник; от киевской «Рабочей газеты» – Б. Л Эйдельман и Н. А. Вигдорчик. В целях конспирации протоколов не велось, записывались только резолюции. В единогласно принятом решении указывалось, что все «союзы борьбы», группа «Рабочей газеты» и Бунд «сливаются в единую организацию». Съезд избрал Центральный комитет в составе Радченко, Эйдельмана и Кремера. Бунд вошел в состав РСДРП как организация еврейского пролетариата. «Союз русских социал-демократов за границей» признавался представителем партии за рубежом.

Особо следует отметить, что в «Правилах поведения революционных социал-демократов», распространявшихся накануне съезда, содержались разделы «Корпус жандармов и организация шпионов» и «Поведение на свободе», знакомившие революционеров с некоторыми методами работы полиции и жандармерии, правилами конспирации и обеспечения личной безопасности. Однако, несмотря на меры предосторожности, сразу же после съезда многие партийные организации были разгромлены, а большинство делегатов съезда, в том числе все члены ЦК, арестованы; полиция захватила типографию и готовый к печати третий номер «Рабочей газеты».

В этой связи отметим, что еще в конце 1897 г., находясь в ссылке, В. И. Ульянов (Ленин) написал брошюру «Задачи русских социал-демократов» (издана в 1898 г. в Женеве), прагматично обосновав необходимость создания специальных партийных структур безопасности. В брошюре говорилось, что правительство опутало сетью своих агентов все действующие и потенциальные

очаги антиправительственных элементов. А поскольку наибольшую опасность для нелегальных организаций представляли секретные сотрудники, работавшие непосредственно в революционной среде, Ленин считал, что партии «нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами». [543] Он также писал о необходимости иметь специальных агентов – профессиональных революционеров, имеющих контакты с интеллигенцией, чиновничеством, полицией. Можно по-разному относиться к личности лидера РСДРП(б), но в понимании важности и сложности борьбы революционеров с секретной агентурой ему не откажешь.

Дальнейшее развитие революционного движения в России во многом связано со всероссийской студенческой забастовкой 1899–1901 гг., которую по масштабам и длительности можно именовать студенческой революцией. Студенческие волнения придали оппозиционерам, в первую очередь эсерам, новый и весьма решительный импульс как в развитии кружков и групп, так и в деле объединения в единую партию.

Четвертого февраля 1899 г. в Петербургском университете за подписью ректора В. И. Сергеевича было вывешено объявление, грозящее студентам репрессиями за участие в нарушениях общественного прядка.

«Может быть, – писал через несколько дней по поводу этих событий министр финансов С. Ю. Витте в специальной записке, – студенты в подобном случае от университетского начальства ожидали обращения к чувству чести, а не угрозы наказания за буйство и непристойное поведение товарищей. Может быть, лучшая часть студенчества сочла себя оскорбленною тем, что за уличные беспорядки, ежегодно производимые кучкой студентов, была в глазах общества наброшена тень на всех студентов университета». [544]

Восьмого февраля, во время празднования очередной годовщины университета, произошло спровоцированное полицией столкновение студентов с конным полицейским отрядом. Толпа была рассеяна с применением нагаек, при этом пострадали и случайные прохожие. После разгона демонстрации студенчество Петербургского университета объявило забастовку, которая была поддержана студентами и слушателями семнадцати вузов столицы: Академии художеств, Института путей сообщения, Военно-медицинской академии, Горного, Лесного, Электротехнического, Технологического, Историко-филологического институтов, Высших женских (Бестужевских) курсов, Женского медицинского института, женских фельдшерских Рождественских курсов и др.

К концу февраля 1899 г. забастовка охватила практически все высшие учебные заведения Российской империи, в ней принимали участие около 25 тысяч (!) человек – примерно две трети всех студентов страны. Власти ответили репрессиями: участников забастовки исключили из университетов и призвали в солдаты, 2160 человек выслали под надзор полиции. Но репрессии лишь подстегнули переход бастующих от чисто академических требований к политическим. В сентябре 1899 г. студенты в аудитории не вернулись. Сторону молодежи приняли оппозиционные круги общества, что еще более обострило политическую ситуацию в России. Так, «Северный союз социалистов-революционеров» особой прокламацией призывал студенчество к борьбе с правительством.

Отметим, что активной работе революционеров в конце XIX – начале XX в. способствовали факторы, имевшие прямое отношение к полицейским, судебным и пенитенциарным структурам. «Наряду со слабостью государственной полиции, – писал Л. А. Ратаев, – замечалось еще и полное отсутствие всяких способов воздействия на надвигавшуюся революцию. Ссылка существовала только на бумаге. Не бежал из ссылки только тот, кто этого не хотел, кому по личным соображениям не было надобности бежать. Тюрьмы не существовало вовсе. При тогдашнем тюремном режиме революционер, попавший в тюрьму, беспрепятственно продолжал свою прежнюю деятельность».[545] Заключенные свободно переписывались с внешним миром и с арестованными, находившимися в других тюрьмах. В 1895 г. была проведена широкомасштабная амнистия в отношении осужденных революционеров, многие из которых уехали за границу, где активно включились в антиправительственную деятельность. Смертная казнь в империи с 1888 г. не применялась. Старые народовольцы, проживавшие за границей, охотно передавали преемникам навыки конспирации и боевой работы.

На волне студенческих волнений 1899 г. в Минске образовалась Рабочая партия политического освобождения России во главе с Л. М. Родионовой-Клячко. Эта организация народническо-эсеровского толка объединяла до сорока кружков и групп (около двухсот участников) в Белостоке, Минске, Екатеринославе, Житомире и других городах. Благодаря организаторским способностям в Минске выдвинулись и стали впоследствии широко известны Е. К. Брешко-Брешковская и Г. А. Гершуни. В программном документе партии – брошюре «Свобода», выпущенной в Минске в начале 1900 г., – ставилась задача завоевания политических свобод, главным образом, путем

террористической деятельности. Весной 1900 г. организация была разгромлена жандармами.

Что касается европейского терроризма, то его основными носителями в конце XIX в., как и ранее, являлись анархисты.

С начала 1890-х гг. в Испании бурно развивалась «пропаганда действием». В июне 1896 г. в Барселоне метнули бомбу в религиозную процессию, собравшуюся по поводу праздника Тела и Крови Христовой, погибли 11 человек. Теракт вызвал жесткую реакцию властей против анархистов и социалистов, многие были казнены или умерли в тюрьме в результате жестоких пыток.

Итальянский анархист Микеле (Мишель) Анджиолилло, решив отомстить за своих товарищей, убил главного, с точки зрения анархистов, виновника этих смертей – председателя кабинета министров Испании А. К. дель Кастильо. Первоначально Анджиолилло хотел убить кого-нибудь из членов королевской семьи, но был переубежден Р. Э. Бетансесом, одним из организаторов революции Пуэрто-Рико в сентябре 1868 г., который и помог Анджиолилло приехать в Испанию из Парижа, а финансовую помощь ему предоставили кубинские революционеры, проживавшие в Лондоне. Анархист прибыл в Мадрид, где Бетансес выяснил маршруты следования премьера. Затем Анджиолилло (он представлялся писателем и публицистом Эмилио Ринальди) из Мадрида на поезде добрался до Сумарраги, а оттуда на повозке – до Санта Агеды, где в тот момент отдыхал премьер.

Восьмого августа 1897 г. Антонио Кановас сидел на лавке и читал газету, Анджиолилло подошел и выстрелил в него три раза; Кановас был смертельно ранен. Террориста сразу схватили, суд приговорил его к смерти. Кардинальным образом убийство Кановаса на ситуацию в Испании не повлияло.

* * *

В Австро-Венгрии характерной чертой терроризма являлась национальная подоплека покушений, наиболее известным из которых стало убийство императрицы Елизаветы, супруги Франца Иосифа I.

Утром в субботу 10 сентября 1898 г. шестидесятилетняя Елизавета в сопровождении фрейлины, графини И. Штараи, шла по набережной Женевского озера к причалу Монблан, чтобы сесть на пароход до Ко, где проходила лечение. Навстречу им шел мужчина; в двух шагах от Елизаветы он споткнулся и, чтобы смягчить падение, выставил вперед руки, при этом «случайно»

коснувшись императрицы. Графиня Штараи помогла внезапно ослабшей Елизавете дойти до судна, где и обнаружила в районе сердца крошечную ранку с запекшейся кровью. Через час императрица скончалась, не приходя в сознание.

После того как террорист был задержан, оказалось, что его зовут Луиджи Луккени, он итальянец и анархист. Убийца показал на допросе, что он прибыл в Швейцарию, намереваясь убить принца Орлеанского, претендента на французский престол, но не нашел его. И тогда он дал себе клятву, что убьет любую высокопоставленную особу, будь то принц, король или президент. Но его жертвой стала императрица Елизавета, первой попавшая на глаза Луккени. Убийство было совершено тонкой заточкой, изготовленной из напильника. Анархист, приговоренный к пожизненному заключению, повесился в камере.

* * *

Весной 1900 г. в Европе произошло две террористических атаки.

Шестого марта в Бремене рабочий Дитрих Вайланд совершил покушение на императора Вильгельма II, который был тяжело ранен в голову.

Четвертого апреля в Брюсселе шестнадцатилетний жестянщик Сипидо выстрелил из револьвера в принца Уэльского Альберта Эдуарда (с 1901 г. – король Эдуард VII), но промахнулся. Сипидо показал, что произвел покушение из-за карательной политики Британии в англо-бурской войне. Присяжные признали его невменяемым и освободили от наказания, но суд постановил отдать юношу в воспитательное заведение. Террорист бежал во Францию, однако под давлением Великобритании был выдан Бельгии, несмотря на протесты радикальной и социалистической печати.

* * *

Король Италии Умберто I, пришедший к власти в 1878 г., к концу века из-за вооруженных расправ с бастующими рабочими был крайне непопулярен. В 1898 г. на Апеннинском полуострове случился неурожай, и крестьянам грозил голод. В мае 1898 г. в Милан, где в тот момент находился король, собрались люди со всех концов страны, чтобы передать петицию с просьбой о помощи. Король приказал разойтись. Когда его не послушались, он отдал приказ армии разогнать демонстрацию – армия пустила в ход оружие.

Расстрел произвел сильное впечатление на итальянских анархистов, проживавших в Америке. В их числе был и Гаэтано Бреши, работавший на ткацкой фабрике в городе Пэтерсон, штат Нью-Джерси, – в те годы этот городок был центром итальянского радикализма в США. Узнав о том, что генерал, руководивший расстрелом, получил орден, Бреши отплыл в Италию, чтобы убить короля. Деньги на путешествие он взял в кассе анархисткой газеты «Социальный вопрос», выходившей на итальянском языке.

Прибыв на родину, террорист смог оказаться в толпе, окружившей Умберто I во время его визита в город Монца 29 июля 1900 г. Приблизившись к королю, Бреши произвел несколько выстрелов в упор. Убийцу приговорили к пожизненному заключению, но не прошло и года, как в тюремной камере был обнаружен его труп.

* * *

Только после того, как в апреле 1898 г. началась война между США и Испанией (первая империалистическая война за передел мира), Конгресс впервые постановил организовать круглосуточную охрану президента – Уильяма Мак-Кинли. Для этого были выделены несколько агентов Секретной службы; одновременно службе была поручен розыск испанских агентов на территории США.

После заключения мира в августе 1898 г. агенты Секретной службы продолжали охранять мистера Мак-Кинли, который практически ежедневно получал угрожающие анонимки от анархистов. Конгресс фактически признал за Секретной службой право нести охрану президента США, но официального мандата на такую деятельность она не получила. Секретные агенты

охраняли Белый дом и не выполняли никаких иных задач за его пределами. Охрана Мак-Кинли во время поездок по стране возлагалась на местные полицейские управления.

Шестого сентября 1901 г. Мак-Кинли посетил Панамериканскую выставку в Буффало, где обратился к собравшимся с приветственной речью. После выступления президент, окруженный толпой, направился по центральной аллее к одному из павильонов. Анархист Леон Чолгош свободно приблизился к нему и, вытянув руку, в которой был пистолет, обернутый носовым платком, произвел два выстрела. Террориста сразу повалили на землю и обезоружили, но президент был смертельно ранен и вскоре скончался.

Теодор Рузвельт, новый глава государства, немедленно приказал Секретной службе обеспечить ему надежную охрану. В Конгресс было внесено предложение, предусматривающее создание специального военного подразделения, однако конгрессмены выступили против формирования американской лейб-гвардии. До начала Первой мировой войны служба безопасности президента США состояла всего из 27 человек.

* * *

В России в 1900 г. сменилось руководство Сводно-гвардейского батальона. Вместо полковника Преображенского полка С. С. Озерова, командовавшего батальоном с ноября 1888 г., был назначен полковник лейб-гвардии Преображенского полка. А. Н. Порецкий.

Основными территориальными органами политического сыска на рубеже XIX–XX вв. оставались губернские жандармские управления. Главным их недостатком была плохая организация оперативно-розыскной деятельности, в первую очередь агентурной работы. Офицеры Отдельного корпуса жандармов, как правило, не имели соответствующей подготовки для работы с агентурой, за все время существования корпуса руководство не издало ни одного документа по этому вопросу. Многие офицеры, будучи по менталитету более военнослужащими, нежели полицейскими, относились к работе с секретной агентурой пренебрежительно. Усилия сотрудников губернских жандармских управлений направлялись на «производство дознаний и переписок». Однако оперативно-розыскную деятельность успешно осуществляли Московское и Петербургское охранные отделения, руководимые градоначальниками и курировавшиеся Департаментом полиции. В 1900 г. было создано также

Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в Варшаве.

Трагедия, повлиявшая на смену руководства Петербургского охранного отделения, произошла во время спуска броненосца «Император Александр III» 21 июня 1901 г. Внезапно поднявшийся сильный ветер сорвал огромный флаг с верхушки плавучего крана, пришвартованного у Балтийского завода. Тяжелый флагшток длиной более пяти метров рухнул на головы зрителей с 15-метровой высоты. В результате несчастного случая погибли начальник Охранного отделения В. М. Пирамидов и несколько воспитанников Морского инженерного училища.

На место Пирамидова назначили Н. И. Мочалова, который прослужил менее полугода и ничем себя не проявил. В 1901 г. в должность начальника столичной «охранки» по протекции С. В. Зубатова вступил его помощник И. А. Сазонов. Последний утверждал, что, когда он принимал на себя руководство Охранным отделением, в «наследство» получил только одного посредственного осведомителя. Пройдя в Московском охранном отделении у Зубатова хорошую школу, Сазонов немедленно приступил к расширению агентурной сети и уже 3 января 1902 г. произвел несколько арестов активистов «Искры».

Ратаев был крайне недоволен работой местных жандармских управлений и охранных отделений, равно как и плохой координацией их деятельности со стороны Департамента полиции. В письме к своему другу С. В. Зубатову от 11 декабря 1901 г. он с горечью отмечал, что функции департамента сводятся лишь к тому, чтобы отпускать деньги. Местные органы политического сыска живут на средства департамента и при этом игнорируют указания сверху. Петербургское охранное отделение ведет свою линию, ротмистр Герасимов в Харькове – свою, полковник Бессонов в Одессе – свою; сам по себе и Рачковский. Что касается Зубатова, добавим мы, то он не всегда считал нужным советоваться с департаментом.

При всех недостатках наибольшие успехи органов политического сыска Российской империи в начале царствования Николая II были связаны с грамотной организацией наружного наблюдения. В 1894 г. заведующему наблюдательным составом Московского охранного отделения Е. П. Медникову поручили создать *Летучий отряд филеров*. В его состав вошли тридцать наиболее опытных сотрудников.[546] Одновременно Медников оставался руководителем московской «наружки». Многие представители секретных служб империи прошли «Евстраткину школу» наружного наблюдения. У него учились такие корифеи спецслужб, как С. В. Зубатов, А. И. Спиридович, В. Н. Лавров.

«По деловитости, опытности и серьезности филеров, – впоследствии писал Спиридович, – которые в большинстве брались из московских филеров, летучий отряд был отличным наблюдательным аппаратом, не уступавшим по умению приспособляться к обстоятельствам, по подвижности и конспирации профессиональным революционерам. <…>

Медниковский филер мог пролежать в баке над ванной <…> целый вечер; он мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого с тем, чтобы провести его затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу, не зная языков, и умел вывертываться.

Его филер стоял извозчиком так, что самый опытный профессиональный революционер не мог признать в нем агента. Умел он изображать из себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности мог прикинуться он и дурачком, и поговорить с наблюдаемым, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда же служба требовала, он с полным самоотвержением продолжал наблюдение даже за боевиком, зная, что рискует при провале получить на окраине города пулю браунинга или удар ножа, что и случалось».[547]

Кроме «наружки» эффективной структурой получения информации являлась служба перлюстрации. В 1891–1914 гг. ее главным (общероссийским) руководителем был А. Д. Фомин. Чиновники принимались на службу в «черные кабинеты» исключительно старшим цензором и только по рекомендации и под личное поручительство одного из опытных чиновников кабинета. Политически благонадежный кандидат должен был знать как минимум три иностранных языка. Кроме Петербурга, перлюстрация производилась в Варшаве, Киеве, Москве, Одессе, Тифлисе и Харькове.

Вот как это происходило с секретной дипломатической корреспонденцией.

«Под „дипломатической“ корреспонденцией подразумевалась переписка послов, посланников и членов иностранных миссий со своими министерствами иностранных дел за границей. Эта корреспонденция получалась в Петербурге и отправлялась за границу в особых пост-пакетах и была большею частью зашифрована с помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в „черный кабинет“ полностью в своем пост-пакете. Попадала она туда и тогда, когда сдавалась на почту всего за несколько минут до заделки постпакета перед отправлением его на вокзал. Во-

вторых, потому, что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петербурге и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку без малейшего следа вскрытия не представляло никаких затруднений. В-третьих, потому, что имелись шифрованные коды всех стран, с помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в „черном кабинете“, а в другом, однородном с ним учреждении при Министерстве иностранных дел, куда попадали копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл, и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все (или почти все) эти курьеры, фельдъегеря, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им помесячно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзин у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики, подлинники получаемых писем официальных донесений и даже целые коды и шифровые ключи. Для достижения этого им приходилось иногда брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов своим лакеям, которые их продавали за гроши».[548]

Естественно, что перлюстрация корреспонденции «неблагонадежных лиц» осуществлялась не менее тщательно, но с меньшими затратами сил и средств.

Главным средством политического розыска С. В. Зубатов считал совершенно секретную внутреннюю агентуру, а долгом «охранников» – быть в курсе деятельности революционеров и оппозиционеров и наносить неожиданные удары. Приведенные

ниже слова Зубатова, обращенные к подчиненным, должны служить примером для каждого оперативника.

«Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг – и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму.

Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему.

Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником, будет полезен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».[549]

Кроме агентов Зубатова и филеров Медникова оперативной работой в Московском охранном отделении занимались полицейские надзиратели. Они отвечали за осуществление надзора за политически неблагонадежными лицами и студенческой молодежью, занимались проверкой лиц, вызвавших подозрение. Надзиратели имели право ношения штатского платья и должны были дважды в неделю докладывать обо всем в Охранное отделение и получать новые распоряжения. Участковый пристав, сотрудники полиции и гражданские чиновники обязывались оказывать надзирателям всяческое содействие. Основными помощниками надзирателей являлись содержатели меблированных комнат, швейцары, ночные сторожа, дворники и тому подобный служилый люд. Надзиратель проживал во вверенном ему районе недалеко от участкового полицейского управления и не мог без разрешения отлучаться.

Круг обязанностей полицейских надзирателей регламентировался не подлежавшей оглашению «*Инструкцией*

полицейским надзирателям при Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве», утвержденной московским обер-полицмейстером 10 марта 1897 г. Одной из причин успеха московских спецслужб было хорошее взаимодействие начальника охранного отделения С. В. Зубатова и обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова.

Руководивший в 1884–1902 гг. Заграничной агентурой П. И. Рачковский разделял взгляды Зубатова. Отводя секретной агентуре «первенствующее место», он считал, что следует немедленно приступить к правильной организации внутренней агентуры с целью придачи розыскной деятельности строгой системы и осуществления «рационального» надзора за оппозиционными элементами.

Полицейские способности Рачковского высоко оценивались за рубежом. «Президент Французской Республики Лубэ говорил мне, – писал С. Ю. Витте, – что он так доверяет полицейскому таланту и таланту организации Рачковского, что когда ему пришлось поехать в Лион, где, как ему заранее угрожали, на него будет сделано нападение, то он доверил охрану своей личности Рачковскому и его агентам, веря больше полицейским способностям Рачковского, нежели поставленной около президента французской охране».[550] Это если не единственный, то, несомненно, редкий случай, когда президент, находясь в собственной стране, доверил свою жизнь иностранным специалистам при полной готовности отечественных служб. И случай этот особенно ценен, если принять во внимание условия, о которых идет речь: Эмилю Лубе серьезно угрожали. Выбор президента говорит о полноте доверия к службе Рачковского и… о недоверии к собственным службам либо о боязни утечки информации из этих служб.

До 1902 г. руководство МВД и Департамента полиции практически не реагировало на изменения в революционном движении: лица, занимавшие высшие посты в данных ведомствах, слабо разбирались в специфике политического сыска. Единственной реакцией директора Департамента полиции П. Н. Дурново в 1892 г. на записку Рачковского «О постановке работы органов сыска» была пометка «Читал».

После Дурново на посту директора до 1902 г. побывали четверо: Н. И. Петров (февраль 1893 г. – июль 1895 г.), Н. Н. Сабуров (июль 1895 г. – апрель 1896 г.), А. Ф. Добржинский (апрель 1896 г. – август 1897 г.), С. Э. Зволянский (август 1897 г. – май 1902 г.). Кроме Зволянского, никто из них не имел опыта не только оперативной работы, но даже полицейской службы. Министрами внутренних дел в тот период были: И. Н.

Дурново (1889–1895 гг.), И. Л. Горемыкин (1895–1899 гг.) и Д. С. Сипягин (1899–1902 гг.).

Высшее политическое руководство Российской империи (и в первую очередь Николай II) не понимало или не хотело понимать, что политическая ситуация в стране по сравнению с предыдущим царствованием значительно изменилась. Результаты допущенных руководством страны ошибок не замедлили сказаться. Представители небольших народническо-социалистических групп из Воронежа, Одессы, Пензы, Полтавы и Харькова в конце лета 1900 г. провели в Харькове съезд. На нем обсуждались Манифест, составленный воронежцами, и программа, составленная одесситами. На съезде была образована «Партия социалистов-революционеров», однако в нее не вошли наиболее сильные кружки эсеров: «Северный союз социалистов-революционеров» и группы «Рабочей партии политического освобождения России». Поэтому новая организация приобрела региональный характер, и ее стали называть «южной». Летом 1900 г. создается третий польский «Пролетариат» (*Polska Partia Socjalistyczna Proletariat*) – группа во главе с Л. Кульчицким, отделившаяся от Польской социалистической партии. Эта группа выступала за усиление политической борьбы с царизмом путем индивидуального террора.

На втором съезде Социал-демократии Королевства Польского, прошедшем в Минске в августе 1900 г., по инициативе Ф. Э. Дзержинского состоялось объединение СДКП с интернациональными группами литовского рабочего движения в единую партию: *Социал-демократию Королевства Польского и Литвы* (*СДКПиЛ*). Впоследствии ряд руководителей СДКПиЛ, в первую очередь Ф. Э. Дзержинский, Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг), Л. Йогихес и Ю. Мархлевский, стали ближайшими помощниками В. И. Ленина в области партийной безопасности, а затем и в деле обеспечения безопасности Советской России.

Что касается РСДРП, то после арестов 1898 г. в ее среде проходил драматичный процесс внутренней борьбы сторонников революционного марксизма («стариков», «политиков») и более молодых эсдеков, исповедовавших принципы экономической борьбы («экономистов»). Многим «старикам» (большинство из них находились в ссылке или в эмиграции) стало ясно, что существуют не только внешние противники, но и в рядах самого социал-демократического движения есть совершенно не стыкующиеся, разнонаправленные позиции.

В феврале 1900 г. против экономизма с резкой критикой выступил Г. В. Плеханов. А вернувшиеся из ссылки в феврале Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), А. Н. Старовер (Потресов) и В. И.

Ульянов (Ленин) объехали ряд российских городов с целью установить связи с местными эсдековскими организациями. В апреле 1900 г. в Пскове состоялось организационное совещание (Л. Мартов, В. И. Ленин, А. Н. Потресов, С. И. Радченко, А. М. Стопани, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский) по вопросам создания общероссийской рабочей газеты. С помощью такой газеты «старики» не только собирались повести борьбу с экономизмом, но и объединить многочисленные социал-демократические организации и марксистские кружки в реальную партию, которая пока существовала лишь номинально, «по манифесту».

В июле 1900 г. Ленин выехал в Швейцарию, где провел с Плехановым переговоры о совместном издании «Искры». От группы «Освобождение труда» в редколлегию вошли П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и Г. В. Плеханов; от Союза борьбы за освобождение рабочего класса – Ленин, Мартов и Потресов. Первый номер газеты вышел в Лейпциге к 11 (24) декабря 1900 г. Начиная со второго номера газета издавалась в типографии, находившейся на квартире А. Л. Парвуса (И. Л. Гельфанда) в Мюнхене. «Искра» сразу повела пропаганду идей «политики» и «революционизма». В среднем тираж газеты составлял 8000 экземпляров, распространению газеты способствовало создание сети подпольных организаций на территории Российской империи.

Вокруг «Искры» началось сплочение социал-демократических организаций. Параллельно руководство будущей партии большевиков стало проводить ряд преобразований, направленных на построение более жизнеспособных партийных структур. Эти новые партийные организации (группы) были более защищены не только от преследования царских служб, но и от внутрипартийных трений и откровенно враждебных выпадов, часто связанных с предательством, провокациями, крайне непростыми, а зачастую и просто враждебными личными отношениями лидеров движения.

Осенью 1900 г. в России вновь начались студенческие волнения, но уже с Киевского университета, а когда к участвовавшим в беспорядках студентам были применены репрессии, волнения перекинулись и на другие университетские города: Варшаву, Казань, Москву, Петербург, Харьков. В обществе активно распространялись слухи о суровом режиме, которому подвергаются сданные в солдаты студенты, что создавало крайне враждебное отношение к правительству. В первую очередь недовольство было направлено на министра народного просвещения Н. П. Боголепова, которого считали инициатором

репрессивной политики в отношении российских студентов.

На рубеже 1900–1901 гг. по инициативе еврейских публицистов Б. Борохова и Ш. Добина в Екатеринославе была образована первая подпольная группа, пытавшаяся соединить идеи социализма и сионизма. Она получила название «*Поалей Цион*» («Рабочие Сиона»). Впоследствии организации сионистов-социалистов возникли в Варшаве, Вильно, Витебске, Двинске, Одессе. Некоторые из этих организаций объявляли себя марксистскими, другие – народническими или стоящими на позициях «ортодоксального марксизма», были и центристы. Часть групп выступала за создание еврейского государства в Палестине, их оппоненты считали возможным создание такого государства в Месопотамии или Уганде. Лидеры левого крыла сионистов прилагали усилия для выработки теоретической платформы «пролетарского сионизма» и создания самостоятельной сионистской «рабочей партии».

Четырнадцатого февраля 1901 г. прибывший из Германии террорист-одиночка П. В. Карпович (бывший студент) смертельно ранил Боголепова; на допросе он назвал себя социалистом-революционером. Факт покушения и сочувствие, выказанное террористу в оппозиционных слоях общества, еще более подняли настроение бунтующей молодежи. Уже 9 марта статистик Самарской земской управы Н. Логовский произвел в окно квартиры обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева четыре выстрела. После ареста Логовский заявил, что он разделяет программу социалистов-революционеров и считает необходимым осуществлять акты террора против главных правительственных чиновников.

Террор в деле борьбы за политическую свободу в Российской империи считали основным средством и в «Северном союзе социалистов-революционеров» и в «Рабочей партии политического освобождения». В 1901 г. во втором номере эсеровской газеты «Революционная Россия», в статье «Выстрел Карповича», говорилось:

«В личной отваге важнейший залог революционного успеха. Если есть отвага в груди, то ты сумеешь святую мысль, которой владеют маленькие кружки, бросить в широкую массу и всколыхнуть ее убежденным словом. Если есть отвага в груди, ты заставишь обывателя поверить в твою силу, а правительство затрепетать перед твоею решительностью. Если есть отвага в груди, ты не побоишься не только нагаек, но и виселицы. Если много отваги в груди, прямо и смело к врагу подойди и сразу его острым кинжалом».[551]

Идеологом эсеров в легальной печати являлся известный

публицист, убежденный террорист-теоретик Н. К. Михайловский. Основателем и первым руководителем боевой группы стал Г. А. Гершуни. Примечательно, что он вербовал боевиков еще летом 1901 г., то есть до создания единой партии. Мы полагаем, что одним из движущих мотивов для него могло быть желание заполучить полностью подконтрольную силовую структуру, которая при определенных условиях могла бы заставить других членов руководящих органов партии считаться с его мнением.

Волю, ум, работоспособность и обаяние Гершуни единодушно отмечали как его соратники, так и противники.

«Осенью 1901 года среди социалистов-революционеров народилась особая боевая группа, инициатором и создателем которой был освобожденный из-под стражи арестованный по делу „Рабочей партии политического освобождения России“ Гершуни. Убежденный террорист, умный, хитрый, с железной волей, он обладал удивительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним. Его гипнотизирующий взгляд и особо убедительная речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников. Человек, над которым начинал работать Гершуни, вскоре подчинялся ему всецело и делался беспрекословным исполнителем его велений. Ближайшим сотоварищем Гершуни по постановке дела террора являлась Брешко-Брешковская. Ее горячая пропаганда террора, в котором она видела не только устрашающее правительство средство борьбы, но и пример „великой революционно-гражданской доблести“, действовала на молодежь заразительно. Молодежь жадно слушала „бабушку“ и шла на ее призывы».[552]

Весной 1901 г. представители «Северного союза социалистов-революционеров» и «Рабочей партии политического освобождения России» вели переговоры об объединении с парижской «Группой старых народовольцев» Н. С. Русанова. А летом того же года представители «Северного союза…» приступили к переговорам о слиянии с «Южной партией социалистов-революционеров» (М. М. Мельников). Одновременно велись переговоры с саратовскими кружками и «Рабочей партией политического освобождения России» (Г. А. Гершуни).

Осенью 1901 г., после проведенных жандармами и полицией арестов, центром объединительной деятельности эсеров становится Саратов, куда стягиваются оставшиеся на свободе партийные работники. Брешко-Брешковская и Гершуни совершают объезд ряда северных, центральных, поволжских и южных губерний. В конце 1901 – начале 1902 г. эти эсеровские

группы образовали единую *Партию социалистов-революционеров* (*эсеров*). В 1902 г. в объединенную партию влились большинство сохранившихся кружков.

В руководство партии входили В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Г. А. Гершуни, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. А. Натансон, Н. С. Русанов. Эсеры признавали различные методы борьбы с самодержавием: от легальной агитации и пропаганды переустройства общества на социалистических началах до вооруженного восстания. Первоначально главное внимание эсеров было обращено на деятельность среди промышленных рабочих крупных центров и интеллигенции. В тактике значительное место отводилось террористической борьбе с правительством, основы которой были разработаны народовольцами. Более понятная, по сравнению с РСДРП, партийная теория и, главное, пропаганда террора позволили эсерам завоевать симпатии в среде старых «народников», народовольцев и значительной части либерально настроенной молодежи.

В 1902 и 1903 гг. организационное строительство Партии социалистов-революционеров продолжалось, налаживается агитация и пропаганда, издательская работа. В 1902 г. существовали Волынский, Гомельский, Екатеринославский, Киевский, Одесский, Петербургский, Пермский, Саратовский и Харьковский комитеты партии. Небольшие организации или группы эсеров работали в Воронеже, Кишиневе, Москве, Пензе, Рязани, Самаре, Севастополе, Симферополе, Тамбове и Туле. Местные комитеты через своих представителей осуществляли связь с Центральным комитетом; обособленно и конспиративно работала только Боевая организация.

Деятельность Партии социалистов-революционеров заключалась в ведении устной и письменной (литературной) пропаганды и агитации среди интеллигенции, учащейся молодежи, рабочих и крестьян, в издании брошюр и прокламаций, в террористической борьбе с правительством.

«Пропаганда среди интеллигенции носила в большинстве одиночный и скорее случайный характер. Общность работы по профессии, встреча на службе, у знакомых давали социалистам-революционерам возможность распознавать людей подходящих убеждений, делиться с ними мыслями, приобщать их к своим взглядам. Кому можно – предлагалась литература, шло дальнейшее распропагандирование, привлечение к своей организации. Низший медицинский персонал, земские учителя, служащие управлений железных дорог, исключенные из высших учебных заведений студенты, интеллигенты без определенных

занятий с научным багажом четырех-шести классов средне-учебных заведений, так называемые „экстерны“ из евреев – вот контингент интеллигенции, пополнявшей ряды партии. <…>

Работа среди учащихся велась главным образом в кружках высших учебных заведений. В статье „Студенчество и революция“ в № 17 „Революционной России“ был высказан такой взгляд на роль студенчества: „У широких слоев студенчества есть свое общестуденческое дело, и оно непреодолимо толкает и будет толкать их на освободительную борьбу с самодержавным режимом в его целом. <…>

Социалистическая часть студенчества будет стремиться развивать тайные студенческие организации, задавать в них тон всей университетской жизни, руководить борьбой студенчества за его общие, широко понятые интересы, расширяя и укрепляя эту борьбу, сообщая ей необходимый размах, стремясь, чтобы студенчество поддерживало всеми своими силами все проявления освободительной и революционной борьбы“. <…>

Деятельность среди рабочих заключалась в сформировании кружков, в пропаганде социалистических идей, в распространении революционных изданий и в агитации на почве злободневных нужд и вопросов. Партия стояла „за широкий и всесторонний синтез пропаганды и агитации, руководства и экономической борьбой, и политическими демонстрациями, подготовительной деятельностью и непосредственной борьбою“.

Завязав сношение с каким либо развитым, революционно настроенным рабочим, интеллигенты уже через него подбирали кружок из рабочих его предприятия. Кружок собирался на занятия, на которые местный комитет высылал „пропагандиста“, чаще всего из учащейся молодежи. Пропагандист или пропагандистка учили рабочих началам социализма, читали тенденциозные и революционные издания, снабжали ими рабочих как для личного их пользования, так и для распространения среди массы. Они расспрашивали рабочих про условия труда, про их нужды, возбуждали их против всего современного уклада жизни, пользовались от них материалами для прокламаций. <…>

В городах с еврейским населением практиковались так называемые биржи. В еврейском квартале облюбовалась удобная улица, где в определенные часы собиралась партийная еврейская молодежь. Там интеллигенты вели пропаганду, „агитаторы“ агитировали по злободневным вопросам; там безопасно раздавалась нелегальная литература, происходил обмен адресами и явками; там социалисты-революционеры сходились со своими противниками социал-демократами и вели споры по вопросам

программы и тактики. Таким образом, тротуары грязной еврейской улицы заменяли партийным работникам аудитории и конспиративные квартиры и гарантировали им безопасность от заарестований происходивших на них своеобразных импровизированных сборищ и свиданий».[553]

Началась пропаганда и среди военнослужащих с целью «расшатать, дезорганизовать, парализовать значение армии как средства порабощения населения». В феврале 1902 г. партия выпустила воззвание «Ко всему русскому воинству» и прокламацию «Солдаты и казаки» Во втором, майском, номере «Революционной России» эсеры призвали все местные организации обратить самое серьезное внимание на работу в войсках. В октябре 1902 г. была выпущена прокламация «К рекрутам новобранцам», которая распространялась в Екатеринославской, Киевской, Минской, Могилевской, Полтавской, Херсонской и Черниговской губерниях. В 1903 г. началась рассылка прокламаций офицерам военных академий Петербурга, а затем офицерам двинского, белостокского и ковенского гарнизонов. Широкое распространение прокламаций среди солдат и матросов шло в Севастополе и Кронштадте. В Киеве, Севастополе, Кронштадте, Москве и Петербурге эсеры предпринимали попытки вести кружковые занятия с нижними чинами, но здесь их ждала неудача: чаще всего кто-либо докладывал о революционерах по команде.

Пропаганда среди крестьян, начатая эсерами в 1901 г. в Пензенской, Полтавской, Саратовской и Тамбовской губерниях, в 1902 г. усилилась и охватила и другие районы. Весной 1902 г. в ряде уездов Полтавской и Харьковской губерний возникли беспорядки. Их обострению способствовала пропаганда, которую вели в Малороссии члены «Украинской революционной партии» и эсеры во главе с Брешко-Брешковской. Было решено начать более интенсивную агитационную работу среди крестьянства. В этих целях эсеры объединились с пропагандистами, которые, формально не входя в партию, образовали в ее составе «Крестьянский союз Партии социалистов-революционеров». В 1902–1903 гг. «Крестьянский союз» активно работал в Воронежской, Екатеринославской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Полтавской и Черниговской губерниях. Позже партия заключила союз с «Аграрно-социалистической лигой».

Хотя организационное оформление партии эсеров несколько затянулось, но, используя благоприятную ситуацию, инициативная боевая группа во главе с Гершуни в 1902 г. начала подготовку к покушению на министра внутренних дел Д. С. Сипягина, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и

петербургского градоначальника Н. В. Клейгельса. На роль исполнителей были выбраны С. В. Балмашев, сын народовольца В. А. Балмашева, а также поручик артиллерии Е. К. Григорьев и его невеста Ю. Ф. Юрковская. Подготовка к покушению проходила на территории Финляндии.

Балмашев-младший в 1901 г. уже привлекался Киевским ГЖУ к дознанию за антигосударственную деятельность, но был освобожден из-под стражи под надзор полиции. Второго апреля, изображая прибывшего с пакетом адъютанта московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (он был одет в офицерскую форму), боевик беспрепятственно вошел в кабинет Сипягина и произвел два выстрела в упор, смертельно ранив его. Как показало вскрытие, пули были крестообразно распилены, что повышало их убойную силу. Григорьев и Юрковская отказались от проведения терактов против Победоносцева и Клейгельса во время похорон Сипягина.

После убийства Сипягина Гершуни называет свою группу *Боевой организацией Партии социалистов-революционеров* и получает от ЦК исключительные полномочия на осуществление террористической деятельности. В статье «Террористический элемент в нашей программе» («Революционная Россия», № 7) говорилось, что Боевая организация «получает от партии – через посредство ее центра – общие директивы относительно выбора времени для начала и приостановки военных действий и относительно круга лиц, против которых эти действия направляются. Во всем остальном она наделена самыми широкими полномочиями и полной самостоятельностью. Она связана с партией только через посредство центра и совершенно отделена от местных комитетов. Она имеет вполне обособленную организацию, особый личный состав (по условиям самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдельную кассу, отдельные источники средств. Эта боевая организация берет всецело на себя роль охранительного отряда».[554]

Там же высказывались взгляды на террор и его постановку:

«Мы – за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции. Террористические действия вовсе не должны быть каким-то замкнутым внутри себя рядом актов, воплощающих собою всю непосредственную борьбу с врагом. Напротив, для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями; в этой-то живой органической связи они и

почерпнут всю свою силу, все свое значение. <…> И, как всякая часть, они должны быть сообразованы с целым, должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и массового, стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор – лишь один из родов оружия, находящийся в руках одной из частей нашей революционной армии. В нашей борьбе мы стараемся привести в движение самые разнообразные общественные силы, и каждой из этих сил свойственен свой особый способ проявления. Это не мешает им действовать по единому плану. Так и террористическая борьба не будет чем-то витающим вне прочих видов революционной работы и господствующим над ними. Это – только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаимодействии с другими приемами может проявить все то действие, на которое мы рассчитываем. Он усиливает влияние всех других параллельных форм борьбы, и его собственное влияние усиливается действием этих последних. <…>

Таким образом, мы первые будем протестовать против всякого однобокого, исключительного терроризма. Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря. <…>

Террористические удары должны быть делом организованным. Они должны быть поддержаны партией, регулирующей их применение и берущей на себя нравственную ответственность за них. Это сообщит и самым героям-борцам то необходимое моральное спокойствие, которое невозможно при действиях на свой личный риск и страх, без уверенности в моральной санкции и поддержке партии. Партийный контроль и партийное регулирование предотвратят опасность – как бы террористическая борьба не оторвалась от всей остальной революционной борьбы, не превратилась бы во что-то самодовлеющее, не перестала считаться с ее меняющимися потребностями и интересами; как бы размеры сил террористической дружины не остались единственным решающим мотивом в вопросе о начале, продолжении, приостановке борьбы; как бы из средства эта борьба не превратилась в цель; как бы она не заняла несоответствующего (в ту или другую сторону) места в революционной программе и тактике; как бы, наконец, тактика террористов не разошлась с общей тактикой революционной армии и не вошла в конфликт с ней…».[555]

В мае 1902 г. ЦК партии в лице Чернова, Гоца и Гершуни принял решение расширить применение террора, приблизить его

к массам. В качестве объектов для покушения были выбраны виленский, уфимский и харьковский губернаторы – по мнению эсеровских лидеров, наиболее одиозные «сатрапы». Двадцать девятого июля в Харькове Ф. Качура при выходе из театра дважды выстрелил в губернатора Оболенского, но промахнулся. После ареста Качура объявил себя членом Боевой организации. Шестого мая 1903 г. в общественном саду Уфы двумя членами «боевки» был убит губернатор Богданович. Террористы сумели скрыться.

Особых трудностей в начале XX в. террористы, даже одиночки, не испытывали: в те годы убить министра, чиновника или полицейского было довольно легко. Анализ удачных террористических актов показывает, что сотрудники полиции и жандармерии к вопросам обеспечения личной безопасности относились небрежно. Немногочисленная охрана, имевшаяся у высших должностных лиц Российской империи, являлась скорее протокольно-представительской и эффективно противодействовать организованной группе «идейных» боевиков не могла. Усугубляло картину то, что многие народовольцы, проживавшие за границей, охотно передавали эсерам навыки конспирации и боевой работы.

Успешным террористическим актам способствовал и крайне слабый уровень подготовки большинства полицейских, в том числе руководящего состава. В качестве примера приведем такой факт: в сентябре 1901 г. Гершуни несколько дней проживал в Петербурге под своей собственной фамилией, и только через год этот случай стал предметом разбирательства со стороны петербургского градоначальника генерала Н. В. Клейгельса.

Градоначальник издал предписание «*О необходимости сознательного отношения к своим обязанностям*»:

«Согласно секретному циркуляру Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 22-го июня 1901 года за № 2234 столичною полициею производится розыск Григория Андреева Гершун (Гершуни), бактериолога-врача. Означенный Гершун, с паспортною книжкою, выданною на имя провизора Григория Исаакова Гершуна, прибыл 11-го сентября 1901 года в дом № 2 по Пушкинской улице и, прожив там до 14-го сентября, выбыл, не быв задержан ввиду оказавшейся разницы в отчестве и звании, значившихся в розыскных на него листках и в предъявленной им по прибытии в столицу паспортной книжке.

Хотя обстоятельство это с формальной стороны может служить оправданием действий местной полиции, не принявшей мер к задержанию Гершуни, но шаблонное отношение к делу первостепенной важности временно исполнявшего обязанности пристава капитана Чернышева в данном случае обращает на себя

особое внимание.

Не подлежит сомнению, что при внимательной распорядительности и сознательном отношении к серьезнейшим своим обязанностям капитан Чернышев имел полную возможность путем наведения соответственных справок обнаружить неточность листков и принять меры к задержанию Гершуни, беспрепятственное проживание коего в столице и объясняется главным образом ничего не обеспечивающим формальным отношением к службе.

На изложенный случай признаю необходимым обратить особое внимание гг. приставов и предлагаю принять все меры к невозможности повторения подобных случаев на будущее время». [556]

Эсеровские боевики были вооружены значительно лучше народовольцев. В конце XIX – начале XX в. произошел качественный скачок в развитии короткоствольного оружия, что обусловлено изобретением бездымных порохов и созданием малогабаритных патронов. Во многих странах мира были сконструированы и приняты на вооружение многозарядные (их часто называли автоматическими) пистолеты. Изобретенный в 1895 г. «Маузер К-96» стал любимым стрелковым оружием путешественников, офицеров колониальных войск и повстанцев. Начиная с 1898 г. он широко применялся всеми (!) воюющими сторонами во всех (!) вооруженных конфликтах, став своеобразным «калашниковым» начала XX в.

Пистолет конструкции американца Дж. Браунинга, производство которого началось в Бельгии в 1900 г., в начале XX в. стал основным стрелковым оружием террористов. При длине 164 миллиметра, высоте 122 миллиметра и массе 625 граммов его легко можно было спрятать под одеждой; сменный магазин на семь патронов располагался в рукоятке. Для повышения убойной силы пули специально надпиливали, что превращало их в разрывные, а также снаряжали ядами – чаще мышьяком или стрихнином, реже – экзотическими, которые могли либо достать, либо изготовить организаторы террора.

Следует особо отметить, что до 1914 г. в Российской империи любой подданный, не имевший конфликтов с властями, мог без проблем приобрести огнестрельное оружие – в оружейном магазине (хранение и ношение оружия преступлением не считалось, преступным было его неправомерное применение). Некоторые ограничения существовали для образцов, официально принятых на вооружение и находившихся в государственной собственности. Имея средства, можно было купить или выписать из-за границы любое оружие, находившееся в открытой продаже,

и затем официально зарегистрировать его в полиции на свое имя.

С 1904 г. Боевая организация использовала и разрывные снаряды (бомбы). Надежная система учета и хранения взрывчатки в Российской империи, а также перекрытие каналов ее поступления из-за рубежа оказались серьезными факторами, сдерживавшими рост террористической активности боевиков. Поэтому бомбы собирали в нелегальных лабораториях, а основным взрывчатым веществом был самодельный динамит. Кустарное производство являлось опасным делом: в любой момент подпольная лаборатория могла взлететь на воздух вместе с «лаборантами». Но молодых фанатиков, готовых пожертвовать жизнью во имя революционной идеи, в те годы было более чем достаточно.

После убийства Сипягина министром внутренних дел и шефом жандармов стал В. К. Плеве. Высококвалифицированный юрист, убежденный сторонник самодержавия, он имел и выдающийся недостаток: Плеве относился к разряду тех должностных лиц, которые, достигнув высот, искренне полагают, что есть только два мнения – «мое» и «неправильное». Несмотря на руководство в 1881–1884 гг. Департаментом полиции, он не был крупным специалистом в области оперативной работы и считал, что для победы над революционерами достаточно применения запретительных и репрессивных мер. Самоуверенность и узость профессионального мировоззрения в конечном счете стоили ему жизни.

В мае 1902 г. директором Департамента полиции стал А. А. Лопухин, лично преданный Плеве, но в отличие от министра – убежденный либерал. Придя в полицию с прокурорской должности, Лопухин не был тем человеком, который мог организовать профессиональное системное противодействие усиливавшемуся революционному движению, особенно росту терроризма. К деятельности секретных сотрудников он испытывал «особенно прочные антипатии». Подобная позиция человека, согласившегося занять пост директора Департамента полиции, представляется странной. Полицейский чиновник, особенно высокого ранга, не должен демонстрировать негативное отношение к секретным агентам, тем более публично. Непрофессионализм Лопухина в итоге стал одной из причин неудовлетворительной (с элементами личностного профессионального саботажа) работы многих сотрудников полиции в 1902–1905 гг.

В отличие от высшего руководства империи, профессионалы из полиции и спецслужб оценивали сложившуюся ситуацию вполне адекватно. В подготовленной в начале 1902 г. «*Записке о*

революционном движении в империи» заведующий Особым отделом Л. А Ратаев писал:

«Революция идет вперед, захватывает все более и более обширные слои общества, изобретает новые формы: правительство же пользуется для противодействия ей все теми же старыми способами, пригодными, быть может, лет сто назад. <…> Существует масса полиций <…> все они в лучшем случае друг другу только мешают, а подчас и противодействуют…».[557]

Для более эффективной работы он предлагал объединить усилия всех полицейских и жандармских служб в губерниях. Резолюция Лопухина гласила: «Возвратить в Особый отдел».

Летом 1902 г. по инициативе Ратаева была произведена реорганизация Особого отдела: в нем были созданы четыре стола (отделения). Первый стол (руководитель И. А. Зыбин) занимался шифровкой и расшифровкой служебной корреспонденции, дешифровкой перлюстрированной корреспонденции. Второй (Н. А. Пешков) координировал работу заграничной агентуры. Третий (В. Д. Зайцев) осуществлял наблюдение за учебными заведениями. Четвертый стол (Г. М. Трутков) вел переписку по данным агентурного и наружного наблюдений. Поскольку агентурная работа в губернских жандармских управлениях являлась наиболее слабым местом политического сыска, по инициативе Ратаева 12 августа Плеве подписал «*Положение о начальниках розыскных отделений*».

Обоснование создания специальных розыскных органов дано в циркуляре Департамента полиции № 5200 от 13 августа 1902 г. Циркуляр гласил:

«Постепенно усиливающееся за последние годы развитие кружков, занимающихся пропагандой социал-демократических идей в рабочей среде и широким распространением воспроизводимых ими на гектографе или ручным типографским способом революционных воззваний, брожение среди учащейся молодежи, сопровождаемое уличными беспорядками, систематическое водворение из-за границы транспортов нелегальной литературы и, наконец, возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян к устройству аграрных беспорядков, побуждают начальников губернских жандармских управлений обратить почти исключительное внимание на политический розыск, отодвинув на второй план другие стороны лежащих на них обязанностей, среди которых важное место занимает производство дознаний о государственных преступлениях в порядке 1035 ст. Уст. угол. судопр.

Такое положение дела обратило на себя своевременное внимание Департамента полиции, который в 1894 г. сформировал особый отряд наблюдательных агентов для командирования их в помощь местным силам в те города, где почему-либо замечалось особое усиленное развитие революционной агитации. По мере того, однако, как противоправительственная пропаганда охватывала все более широкие районы, деятельность отряда соответственно расширялась и, наконец, в некоторых местностях, где замечалось чрезмерное скопление неблагонадежных лиц, временная командировка наблюдательных агентов постепенно превратилась в постоянную, что уже совершенно не сообразовалось ни с силами отряда, ни с характером и задачами его деятельности. Между тем опыт последних лет доказал, что современные революционные организации едва ли можно считать приуроченными к одной определенной местности, а что, наоборот, они охватывают целые районы сетью мелких кружков, связь между коими поддерживают наиболее ловкие, смелые и опытные агитаторы, преимущественно нелегальные, отличающиеся чрезвычайной подвижностью, которая и создает им особую неуловимость. Естественно, что для успешной борьбы с такими приемами пропаганды и агитации необходимо противопоставить им соответственно приспособленные розыскные органы. Начальники губернских жандармских управлений и их помощники по существу лежащих на них обязанностей прикреплены к месту, а кроме того, лишены возможности сосредоточить исключительное внимание и посвятить все свои силы политическому розыску, как того требуют современные условия.

Желая облегчить эту сторону деятельности губернских жандармских управлений и предоставить начальникам последних и подведомственным им чинам возможность сосредоточить особое внимание на производстве политических дознаний, успешное производство коих, как разработка результатов розыска, является вопросом первостепенной важности, Департамент полиции признал необходимость сформировать особые розыскные отделения, на начальников коих возлагается исключительно заведывание политическим розыском, т. е. наружным наблюдением и секретной агентурой в известном определенном районе. На первое время Департамент полиции нашел возможным ограничиться учреждением подобных отделений в нижеследующих городах, где замечается особо усиленное развитие революционного движения: Вильне, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе и Харькове, предполагая в ближайшем будущем учредить подобные

отделения в тех местностях, где то потребуется сообразно обстоятельствам дела.

Из прилагаемого при сем экземпляра утвержденного г. министром внутренних дел „Положения о начальниках розыскных отделений“ усматривается, что с учреждением подобных отделений выдаваемые Департаментом полиции начальникам губернских жандармских управлений деньги на агентурные расходы будут впредь выдаваться в непосредственное распоряжение начальников розыскных отделений. Принимая, однако, во внимание, что по установившейся практике отпускаемые Департаментом суммы употребляются, кроме агентурных надобностей, также и на покрытие других расходов, как то: по содержанию канцелярии, уплату за пользование телефоном, на телеграф, на перевозку арестантов и т. п., Департамент полиции просит гг. начальников губернских жандармских управлений вышеперечисленных городов представить в возможно непродолжительном времени соображения, какая сумма по местным условиям потребуется в год на покрытие сих мелких расходов.

Сообщая об изложенном, Департамент полиции позволяет себе выразить уверенность, что гг. начальники жандармских управлений окажут полное содействие начальникам розыскных отделений при выполнении изложенных на них трудных и ответственных обязанностей. Наконец, необходимо вообще наблюдать за духом всего населения и за направлением политических идей общества, стараясь исследовать причины неблагоприятного правительству настроения умов.

Начальники губернских управлений обязаны представлять в Д-т полиции политический обзор местности, вверенной их наблюдению, на основании циркуляра Д-та полиции от 21 мая 1887 г. № 1348». [558]

Согласно положению, розыскные отделения учреждались в тех губерниях, где отмечалось усиленное развитие революционного движения. В октябре к названным в циркуляре прибавились розыскные отделения в Перми, Симферополе и Нижнем Новгороде. Начальники отделений, заведовавшие политическим розыском (секретной агентурой и наружным наблюдением), назначались директором Департамента полиции из офицеров Отдельного корпуса жандармов или чиновников Департамента полиции. Подчиняясь непосредственно Департаменту полиции, они получали от него указания в отношении общего хода розыска и докладывали обо всех поступающих агентурных сведениях и данных наружного наблюдения. Взаимодействие розыскных отделений и губернских

жандармских управлений было следующим: начальники розыскных отделений устно информировали начальников губернских жандармских управлений о ходе наблюдения и результатах розысков. Начальники ГЖУ предоставляли начальникам отделений все сведения, имеющиеся в ГЖУ. Лица, предлагающие ГЖУ агентурные услуги, сразу направлялись к начальникам отделений. Обыски и аресты проводились с согласия Департамента полиции в соответствии с заранее представленными начальниками отделений списками с обоснованием меры пресечения. Все следственные действия осуществлялись местными жандармскими управлениями (по предписаниям Департамента полиции), надзор за следствием вели представители прокуратуры. В экстренных случаях начальники ГЖУ могли осуществлять следственные действия по представлению начальников розыскных отделений без санкции Департамента полиции.

Создание розыскных отделений было своевременным, но имело и негативную сторону, поскольку положило конец монополии жандармов на политический сыск. Многие высшие чины Отдельного корпуса жандармов на местах весьма враждебно относились к «конкурентам». Начальник Киевского губернского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий писал: «… Ненависть и злоба не только начальников жандармских управлений, но и вообще офицеров Корпуса жандармов дошла до ужасающих пределов ненависти к своему шефу и Департаменту полиции, образовавшему филиальные жандармские управления в губерниях в лице ненавистных охранных отделений».[559] Генерал А. И. Спиридович отмечал: «Была довольна молодежь, так как ей давали ход по интересной работе, но старые начальники управлений, считавшие себя богами, были обижены. Они формально отходили от розыска, хотя фактически они им серьезно и не занимались».[560]

Во многих директивах МВД указывалось на необходимость сотрудничества губернских жандармских управлений и розыскных отделений, однако реальное сотрудничество находилось в прямой зависимости от личных качеств начальников и понимания ими важности взаимной работы. По нашему мнению, наиболее целесообразным было бы создание единой системы органов государственной безопасности, в которых оперативная работа и следствие по политическим преступлениям находились в одних руках.

В сентябре 1902 г. заведующим Заграничной агентурой назначили Л. А. Ратаева, а в начале октября заведующим Особым отделом – С. В. Зубатова. Его преемником на должности

начальника Московского охранного отделения стал ротмистр В. В. Ратко. По штатному расписанию в отделении значились помощник начальника, делопроизводитель, старший чиновник для поручений, два чиновника для поручений, журналист, делопроизводитель, два помощника делопроизводителя, чиновник для письма. К отделению были прикомандированы три офицера, девять писарей и два служащих по вольному найму. В отличие от Петербургского охранного отделения, Московское не имело юридического статуса.

Бывший начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин впоследствии писал, что в начале XX в. политический сыск в Российской империи был поставлен слабо, что многие жандармы и полицейские чиновники не знали элементарных приемов работы и практически не разбирались в программах политических партий. С. В. Зубатов первым в России поставил розыск на научную основу по западному образцу, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т. п.

По инициативе Зубатова на должности чиновников Особого отдела пригласили ряд опытных офицеров-розыскников. В составе отдела появились два новых стола (отделения), руководители которых – Л. П. Меньшиков и Е. П. Медников – прибыли с Зубатовым из Московского охранного отделения. Меньшиков отвечал за координацию работы розыскных и охранных отделений. Он хорошо знал революционную среду, поскольку в молодости был участником одной из народовольческих организаций, и являлся опытным оперативником. Однажды под видом заграничного представителя революционной организации он объехал все известные явки, повидался с членами местных групп и провел «начальническую» ревизию. Меньшиков занимался и информационно-аналитической работой: составлением докладов, написанных по данным внутренней агентуры, а также сводок о революционных деятелях.

Медников заведовал наружным наблюдением. Летучий отряд при Московском охранном отделении расформировали, но его кадровое ядро (20 человек) вошло в состав аналогичного отряда при Особом отделе.

При Зубатове сформировались основные методы политического сыска в Российской империи: наружное наблюдение, агентурная работа, перлюстрация корреспонденции, информационно-аналитическое обеспечение. Большое внимание уделялось созданию нормативной базы оперативно-розыскной деятельности. Двадцать первого октября 1902 г. циркуляром Департамента полиции за № 6641 начальникам губернских

жандармских управлений, охранных и розыскных отделений был направлен «*Свод правил, выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года „Положения о начальниках розыскных отделений“*». Тридцать первого октября 1902 г. директор Департамента полиции А. А. Лопухин подписал «*Инструкцию филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений*», составленную Зубатовым и Медниковым с учетом предыдущего опыта оперативно-розыскной работы. Тринадцатого февраля 1903 г. розыскные отделения были переименованы в охранные.

Один из признанных мастеров политического сыска, П. Заварзин писал о том времени:

«Под понятием „политический розыск“ подразумеваются действия, направленные лишь к выяснению существования революционных и оппозиционных правительству партий и групп, а также готовящихся ими различных выступлений, как то: убийств, грабежей, называемых „экспроприациями“ <…>.

Розыск по политическим преступлениям – одно, а возмездие по ним – совершенно другое, почему никаких карательных функций у политического розыска не было, а осуществлялись они в ином порядке. <…>

Высшее руководство розыском, как политическим, так и уголовным, сосредоточивалось в Департаменте полиции при Министерстве внутренних дел.

Как тем, так и другим ведали отдельные делопроизводства, действовавшие самостоятельно друг от друга. В числе различных отделов департамента существовало делопроизводство регистрации, заключавшее в себе фамилии, клички, фотографии, дактилоскопические и антропометрические данные, относящиеся ко всем без исключения лицам, проходившим по политическим и уголовным делам империи.

На должность директора Департамента полиции в большинстве случаев назначались лица прокурорского надзора, имевшие по своей прежней службе опыт в ведении политических дел. По существу своих обязанностей директор департамента близко стоял к министру внутренних дел, почему и назначался по его избранию. Таким образом, с уходом последнего оставлял свой пост и директор. За 15 лет, предшествовавших революции, их сменилось 12 человек.

Подчиненными Департаменту полиции на местах по политическому розыску являлись жандармские управления и охранные отделения, но донесения в Департамент полиции поступали не только от этих учреждений, но и от губернаторов и градоначальников. В последнем случае они касались, главным

образом, политических настроений и общественных движений их губерний и градоначальств.

Поступившие таким образом сведения регистрировались в департаменте, который по существу их давал соответствующие указания и при надобности рассылал свои циркуляры.

Жандармские управления территориально покрывали всю Россию, охранные же отделения находились лишь в некоторых пунктах.

Соображения революционных партий и групп при создании ими своих областных и районных комитетов послужили основанием к организации таких же районов по розыску. Общность и однородность географических, промышленных, этнографических и других условий в обоих случаях послужила главным доводом при распределении.

Жандармские управления, входившие в район, согласовывали свои действия с районным жандармским управлением или охранным отделением. Районы были введены директором Департамента полиции М. И. Трусевичем в начале 1900-х годов <…>.

Руководителями политическим розыском в охранных отделениях и жандармских управлениях были офицеры Отдельного корпуса жандармов. <…>

Организация розыскного органа была такова.

Во главе стоял начальник; ближайшими его помощниками являлись жандармские офицеры и чиновники. Канцелярия его обслуживалась обычным штатом, причем при ней находились регистрационный отдел с антропометрическими и дактилоскопическими данными, а также библиотека всех революционных и вообще запрещенных изданий. На постоянной службе состояли также агенты наружного наблюдения, в общежитии называвшиеся „филерами“, а враждебно „шпиками“. Они составляли особую команду, подчиненную чиновнику, заведовавшему наружным наблюдением. Филеры вели слежку, а особые агенты производили выяснение фамилий и адресов наблюдаемых лиц и назывались надзирателями или агентами по выяснению. Лица, которые подлежали наблюдению филеров, указывались начальником розыскного органа по поступившим в его распоряжение „агентурным“ или „секретным“ данным. Первые поступали от „секретных сотрудников“, вращавшихся в обследуемой среде. Эти сотрудники у революционеров назывались „провокаторами“.

Свидания с ними осуществлялись на особых частных квартирах, называемых „конспиративными“, куда начальник розыска приходил в штатском платье. Так называемые „секретные

сведения“ поступали от Департамента полиции из „отдела почтовой цензуры“, т. е. учреждения, известного широкой публике под названием „черного кабинета“.

По окончании обследования данной группы таковая ликвидировалась, т. е. лица, в нее входившие, обыскивались, а когда нужно было по ходу дела, то и арестовывались, преимущественно в порядке статьи 12 Положения об охране 1881 года. На основании этой статьи начальникам жандармских управлений и их помощникам предоставлялось право задержания подозреваемых сроком на две недели. Этот срок мог быть продлен губернатором или градоначальником до одного месяца, а затем задержанный или освобождался, или зачислялся за Министерством внутренних дел до окончания о нем дела. За правильностью содержания под стражею задержанных наблюдал участковый товарищ прокурора.

При каждом жандармском управлении и охранном отделении находилось одно или несколько лиц прокурорского надзора, которые наблюдали за ходом и направлением всех политических дел. Часть их, при наличии уличающих данных, передавалась для производства формального дознания или же предварительного следствия в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства.

Все расследования, производимые охранными отделениями и жандармскими управлениями, принимали одну из следующих трех форм:

1. Предварительное следствие, производимое следователем по особо важным делам округа судебной палаты.

2. Формальное дознание, производимое жандармским офицером в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства, которое по окончании передавалось прокурору для направления в судебную палату.

3. Административное расследование, или „переписка“, производившаяся на основании положения о государственной охране.

В первом и втором случаях дело разрешалось судебною палатою или Сенатом, в последнем же оно шло с заключением губернатора на решение в Особое совещание при Министерстве внутренних дел. По рассмотрении переписки составлялось заключение – дело или прекращалось с освобождением задержанных лиц, или же „подозреваемые“ высылались в отдаленные места империи на срок не свыше 5 лет. Больным высылка в отдаленные места заменялась выдворением в местности, климатические условия которых были бы не вредны для их здоровья. В последние годы, по ходатайствам высылаемых,

им разрешался взамен высылки выезд за границу с запрещением въезда в Россию. Зачастую дела по административным перепискам прекращались вовсе по Высочайшему повелению в ответ на поданные Государю прощения о помиловании.

Достоверность получаемых розыскным учреждением сведений, правильность донесений, ведение „административных переписок“, постановка всего розыскного дела, денежных расчетов и т. п. контролировались Департаментом полиции в лице его чинов, приезжавших на места и имевших, между прочим, даже свидания с „секретными сотрудниками“ на конспиративных квартирах.

Из изложенного явствует, что организация розыскного дела и роль в нем чинов Корпуса жандармов была значительно менее той, которую ему придавали, ибо деятельность розыскных органов заканчивалась гораздо ранее самого разрешения дела, а потому приписываемое им значение „вершителей политических дел“ неправильно».[561]

Несмотря на то что к оперативному руководству политическим сыском постепенно приходили наиболее компетентные на тот момент лица, общая ситуация в стране продолжала ухудшаться. Это было связано и с тем, что большинство руководителей и сотрудников Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов оказались слабо подготовленными к работе в новых условиях. Например, зачисленный в ОКЖ офицер прослушивал курс лекций при штабе корпуса по относящемуся к жандармской деятельности законодательству, делопроизводству и получал инструкции по практической работе. Однако такой подготовки было явно недостаточно; одним из первых на это обратил внимание Зубатов. В докладной записке на имя командира ОКЖ в 1901 г. он отмечал недостатки в организации обучения офицеров корпуса: указывал, что социология, история политических и социальных движений и политэкономия являются необязательными, а психология, быт, интересы и история революционной среды, нелегальная литература и техника наблюдения вообще не изучаются.

Сам Зубатов считал, что молодые жандармские офицеры при поступлении в корпус должны изучать следующие гуманитарные предметы: богословие и историю церквей, общую историю, философию, психологию и социологию; общую теорию права, государственное и уголовно-процессуальное право; политэкономию и финансы, историю экономики, хозяйственное устройство России; русскую историю, историю зарубежной и русской литературы; историю политических учений и партий, особенно историю социалистических движений; русское

общественное и революционное движения; подлинники нелегальной литературы. Несомненно, базовая гуманитарная подготовка, на введении которой настаивал Зубатов, могла бы позволить жандармским офицерам более грамотно и результативно противостоять революционерам, поскольку многие партийные активисты были образованными людьми.

А. А. Лопухин отмечал:

«При отсутствии элементарных научных понятий о праве, при знакомстве с общественной жизнью только в ее проявлениях в стенах военной школы и полковых казарм все политическое мировоззрение чинов Корпуса жандармов заключается в представлениях о том, что существует народ и государственная власть, что последняя находится в непрестанной опасности со стороны первого, что она подлежит в этой опасности охране и что для осуществления таковой все средства безнаказанно дозволены. Когда же такое мировоззрение совпадает со слабо развитым сознанием служебного долга и неспособностью по умственному развитию разобраться в сложных общественных явлениях, то основанные на нем наблюдения останавливаются только на внешних проявлениях этих явлений, не усваивая внутреннего их содержания, и поэтому всякое явление общественное принимает характер для государственной власти опасное. Вследствие чего охрана государственной власти в руках Корпуса жандармов превращается в борьбу со всем обществом, а в конечном результате приводит к гибели и государственной власти, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию».[562]

Еще одной стороной деятельности Зубатова стала организация управляемого рабочего движения. Его мысль заключалась в создании профессиональных союзов, отрицающих революционное насилие и выступающих за эволюционное развитие страны. Создание легальных рабочих организаций, поддерживаемых правительством, позволяло решать две задачи: 1) контролировать рабочее движение и выявлять на ранней стадии группы экстремистской направленности; 2) с помощью профсоюзов добиваться улучшения условий труда рабочих и повышения заработной платы. Подобную тактику, впоследствии названную «полицейским социализмом», Зубатов называл «особым методом ведения общественных и государственных дел». Однако новые идеи начальника Особого отдела встретили яростную критику «справа» и «слева». Лидеры революционных организаций быстро поняли опасность подобной затеи, поскольку развитие профсоюзного движения по такому типу могло

оттолкнуть от революционеров большинство рабочих.

Не менее яростными противниками назревших общественных преобразований являлись и ультраконсерваторы. Ближайшее окружение Николая II и многие представители жандармско-полицейской среды не понимали необходимости реформирования общества. Например, генерал В. Д. Новицкий искренне считал Зубатова тайным революционером; в своем дневнике он писал: «Его революционная партия далеко и очень еще далеко не знает всей его террористической деятельности, а когда узнает, то, безусловно, будет боготворить его как революционера и активного участника политического террора».[563] Большинство фабрикантов и заводчиков также были противниками Зубатова. Не пожелав понять необходимость учитывать интересы других социальных групп, они в итоге потеряли имущество, а многие и жизнь.

Деятельность Особого отдела и охранных отделений проходила в сложных условиях. Ратаев впоследствии писал, что политическая полиция напоминала армию, которая перевооружается и занимается обучением новобранцев под огнем неприятеля. Ревизии, проведенные в ряде губернских жандармских управлений в 1903 г., выявили неудовлетворительное состояние агентурной работы. Тем не менее в конце 1902 – начале 1903 г. Боевая организация эсеров понесла существенные потери. По агентурной информации Е. Ф. Азефа, который являлся заместителем Г. А. Гершуни, были арестованы: П. П. Крафт, М. М. Мельников, Е. К. Григорьев, Ю. Ф. Юрковская и связная Гершуни Л. А. Ремянникова. Но информация Азефа являлась неполной, и 6 мая 1903 г. в Уфе эсеры убили губернатора Н. М. Богдановича.

Арест Гершуни стал возможен благодаря тому, что начальник Киевского охранного отделения ротмистр А. И. Спиридович, ученик Зубатова и Медникова, внимательно отнесся к агентурной информации о прибытии в Киев «важного лица». Оперативные мероприятия были разработаны на высоком профессиональном уровне: на железнодорожные станции Киев-1, Киев-2, Дарница и Боярка были посланы лучшие филеры, известные эсеровские явки взяты под контроль, у всех филеров проверено оружие. Тринадцатого мая 1903 г. сотрудники наружного наблюдения опознали и арестовали искомое лицо. С арестом Гершуни окончился первый период деятельности Боевой организации.

К лету работа Зубатова стала постепенно налаживаться, но его планам не суждено было реализоваться. Один из его наиболее непримиримых противников – министр внутренних дел Плеве – в августе 1903 г. выразил ему свое недоверие. Зубатова отстранили

от должности и сослали во Владимир под надзор полиции. По некоторым данным, на прощание он сказал директору Департамента полиции: «Вот так и становятся революционерами…» В какой уже раз в Российской империи сложилась ситуация, когда настоящие профессионалы оказались бессильны что-либо предпринять, а высшее политическое руководство страны, окруженное льстецами и интриганами, не пожелало задуматься о будущем. Мы полагаем, что отставку Зубатова следует рассматривать как демонстрацию чрезмерного высокомерия, недальновидности и самонадеянного бессилия «верхов», неспособных удержать революционную ситуацию в стране под должным контролем.

Начиная с 1901 г. российские социал-демократы довольно успешно использовали в своих целях уличные демонстрации, инициаторами которых были студенты, – сначала в Харькове (февраль), затем в Москве и Петербурге. Поддерживая шествия, возникавшие не по их инициативе, эсдеки и сами организовывали демонстрации, используя любой предлог. Наибольший эффект в этот период имели манифестации, приуроченные к 1 мая. Так, в мае 1901 г. демонстрации прошли в Петербурге, Симферополе, Тифлисе и Харькове, особо революционный характер носила тифлисская демонстрация. Крупные демонстрации, на которых несли плакаты с лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует социал-демократия!» 15 и 16 декабря того же года состоялись в Екатеринославе.

Что касается борьбы с политической полицией, то в 1902 г. в работах «Что делать?» и «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» Ленин так писал о борьбе партии с политической полицией:

«Мы должны стремиться создать организацию, способную обезвреживать шпионов раскрытием и преследованием их»; «… борьба с политической полицией требует особых качеств, требует революционеров по профессии».[564]

Как видим, одним из направлений деятельности ленинского крыла РСДРП стало противодействие царским спецслужбам путем создания структур и подготовки специальных кадров, способных на должном уровне противостоять секретным службам империи.

В октябре 1902 г. Ленин отмечал, что «такое преступление, как тайная служба в политической полиции, вообще говоря, за исключением совершенно единичных случаев, не может быть доказано совершенно определенными уликами и столь конкретными фактами, которые мог бы проверить всякий сторонний человек».[565]

В качестве меры пресечения к выявленным секретным сотрудникам чаще всего использовалось изгнание из партии с последующей публикацией имени в партийной печати. Невозможность дальнейшей профессиональной работы агента в революционной среде Ленин оценивал значительно выше, чем его физическую ликвидацию. «Мы должны внушить рабочим, – писал он, – что убийство шпионов, провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему…». [566]

Начав активную пропагандистскую и организаторскую работу, искровцы связали ее с рабочими забастовками и студенческими беспорядками, тем самым заинтересовав наиболее революционизированных рабочих и наиболее радикальную молодежь. Искровские эсдековские организации стали принимать участие в забастовках и, где были условия, издавали прокламации с призывами к забастовкам и с требованием 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты и улучшения условий труда. Полностью возглавить забастовочное движение эсдеки еще не могли, не имея на то ни сил, ни средств, но иногда, как в Ростове-на-Дону в 1902 г., стачки являлись результатом их агитационной работы.

Первоначально забастовки носили мирный характер, но с 1903 г. в некоторых городах они стали сопровождаться уличными беспорядками, что приводило к столкновениям с полицией и даже вынуждало гражданские власти привлекать воинские подразделения. В результате агитации эсдеков пошло на убыль легальное экономическое рабочее движение – ненавистная революционерам «зубатовщина». Безрезультатность большинства стачек, проходивших под чисто экономическими лозунгами, давала возможность агитаторам-эсдекам заявлять о безусловной необходимости свержения царизма в интересах рабочего класса. Начавшись весной 1903 г. в Баку, Тифлисе и Батуме, забастовочное движение поднялось до максимума летом; особых успехов в борьбе с «зубатовщиной» эсдеки достигли в Москве и в Минске.

«Обычная картина забастовавшего города была такова. По тревожным гудкам прекращают работу заводы, фабрики и мелкие ремесленные заведения. Забастовщики толпами ходят по городу, срывая с работ не желающих бастовать; где же им мешает полиция, действуют небольшими кучками. Где можно, под открытым небом устраиваются сходки и митинги; агитаторы социал-демократы произносят речи, формулируют предъявляемые от имени рабочих требования, которые затем

воспроизводятся в прокламациях, распространяемых по городу. <…>

Первые демонстрации, в которых активно действовали лишь небольшие группы „сорганизованных“, массовый же характер которым придавала собиравшаяся посмотреть на них падкая до всяких зрелища публика, по их новизне заставали врасплох администрацию и проходили, в смысле продолжительного хождения демонстрантов с флагами по городам, довольно успешно, но позднейшие в большинстве случаев оканчивались для участников плачевно. Предупредительные меры жандармских властей и быстрые действия наружной полиции при попытках поднятия флагов с революционными девизами обращали обычно демонстрантов в бегство с потерями галош, шляп, палок и прочих предметов обихода, что свело в конце концов демонстрации на степень веселых выступлений и схваток с городовыми. Однако были и такие, которые проходили при полном революционном подъеме, но успех таковых обуславливался обычно не столько силою социал-демократов, сколько нераспорядительностью местных властей.

Но если фактически демонстрации в большинстве случаев и протекали для лиц, принимавших в них участие, довольно печально, то все-таки они имели весьма нежелательную для правительства сторону. Демонстрации наглядно показывали населению существование революционных организаций и наличность противоправительственного движения, выливавшегося даже в открытый публичный протест против существующего государственного строя.

Скопления на улицах больших полицейских нарядов, приготовления войсковых частей и зачастую весьма продолжительные, целыми периодами времени дежурства их „на случай возможных“ беспорядков увеличивали и без того баснословные рассказы о планах „революционеров“ и о том, что-де подготовляют рабочие. Все это, с одной стороны, создавало тревогу мирного населения, с другой – повышало настроение политиканствующей части общества, самих же рабочих и вообще членов революционных организаций делало „героями дня“, давало им право на преувеличенное о себе и своих силах мнение и окрыляло их надеждами на скорый и успешный конец борьбы их с буржуазией и правительством».[567]

С 1901 г. искровцы начали агитационную и организационную работу среди военных. Агитация в армии велась путем распространения прокламаций среди солдат и офицеров. Первым результатом стало возникновение в декабре 1902 г. «Офицерской военно-революционной организации», тесно примыкавшей к

РСДРП, но не входившей в ее состав. При некоторых эсдековских комитетах, преимущественно на юге, началась и устная пропаганда в солдатских кружках, которая особенно успешно велась среди матросов Черноморского флота.

При всех видах агитации социал-демократам была необходима пропагандистская литература, на изготовление и распространение которой редакцией «Искры» и местными комитетами обращалось самое серьезное внимание. Конечно, значительная часть литературы не доходила по назначению, так как изымалась пограничными и розыскными органами, но дошедшее являлось основным средством воздействия на различные группы российского общества. Кроме того, устная пропаганда была сопряжена с бóльшими опасностями для агитаторов, чем распространение прокламаций.

Изменился и тип местных организаций РСДРП. В брошюре Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (1902) давался подробный план строительства местной организации. Местные комитеты в больших городах состояли обычно из 5–7 человек, в основном из интеллигентов, обычно имевших в своем распоряжении типографию. Под их руководством стали образовываться кружки рабочих-агитаторов, обязанностью которых было распространение прокламаций и агитация рабочих на разные политические выступления. Эти небольшие группы организаторов и агитаторов, как правило, состояли из людей смелых, энергичных и умеющих соблюдать конспирацию. В организационном смысле партия все более приобретала характер подпольной организации, построенной на началах строгого централизма. Местные комитеты старались внедрять в среду партийных работников (профессиональных революционеров) руководящие указания партийного центра, в чем их поддерживали и направляли агенты «Искры».

В эти же годы социал-демократы начали работу в крестьянской среде. Стали появляться отдельные прокламации для крестьян, велась устная пропаганда в некоторых уездах Московской, Новгородской, Самарской, Саратовской и других губерний, а также на Кавказе. Систематическая агитация в среде крестьянства требовала соответствующей литературы, и первым опытом в этом направлении стала брошюра Ленина «К деревенской бедноте» (март 1903 г.). Одновременно эсдеки стали организовать своеобразные подготовительные кружки будущих пропагандистов и агитаторов среди учащихся старших классов средних учебных заведений и имели в этом значительный успех.

Ко второму съезду РСДРП Ленин и его соратники подошли, уже имея несколько специальных и секретных комиссий и иных

конспиративных структур, курирующих разнообразные вопросы внешнего и внутреннего порядка, а также структуры, способные активно противостоять прямой агрессии по отношению к партии. По неофициальным данным, днем рождения таких специальных структур можно считать 3 марта 1903 г., когда были оформлены позиции внутрипартийного контроля и созданы так называемые структуры «малых троек», аккумулирующие всю полноту партийной власти по территориально-линейному принципу. Типичными примерами являются следующие документы.

– Письмо Закордонного комитета Бунда в Берлине от 3 марта 1903 г. о возможном нарушении правил внутрипартийной конспирации Л. Дейчем в беседе с Н. Б. Коганом в Лондоне, с точным указанием на истинное место нахождения ЦК Бунда.[568]

– Письмо Н. К. Крупской от 12 марта 1903 г. Заграничному комитету Бунда о необходимости составить комиссию для устройства конспиративной части второго съезда РСДРП. Уполномоченным по секретной части был назначен «товарищ Альман» (Л. Дейч).[569] Бунду отводилось особое место в партийных структурах, причем среди более чем двадцати направлений деятельности этого союза внутри партии под пунктом № 13 значится «Террор», а весь пункт № 18 направлен на оперативное внедрение, разложение и агитацию в рядах военных, полицейских, политических и иных структур.[570]

– Предложение В. Д. Бонч-Бруевича по внутренней оперативной работе среди сектантов.[571]

– Доклад Батумского комитета от мая 1903 г. о необходимости специальной подготовки революционных кадров и создания спецпунктов (школ, центров) подготовки боевого характера.

Второй съезд РСДРП состоялся 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 г. До 24 июля (6 августа) съезд работал в Брюсселе, но бельгийская полиция вынудила делегатов покинуть страну, и они переехали в Лондон. На съезде были представлены 26 организаций: группа «Освобождение труда» «Заграничная лига русской революционной социал-демократии», «Заграничный союз русских социал-демократов»; Бакинский, Батумский, Донской, Екатеринославский, Киевский, Московский, Николаевский, Одесский, Петербургский, Саратовский, Тифлисский, Тульский, Уфимский и Харьковский комитеты; русская организация «Искры»; Петербургская рабочая организация, Крымский союз, Союз горнозаводских рабочих; Северный рабочий союз; Сибирский союз; группа «Южный рабочий»; Заграничный комитет Бунда и ЦК Бунда. В съезде принимали участие 43 делегата с 51 решающим голосом и 14 делегатов с совещательным голосом.

Съезд принял марксистскую программу, в которой, в отличие от программ социал-демократических партий европейских стран, признавалась необходимость диктатуры пролетариата.

В конце съезда при обсуждении проекта устава партии разгорелась борьба по вопросу о членстве в партии между сторонниками Ленина («твердые искровцы», 24 голоса) и их оппонентами из группы Мартова («мягкие искровцы», 9 голосов), к которым примкнули бундовцы, «рабочедельцы», группа «Южный рабочий» и некоторые другие (18 голосов). В результате была принята формулировка Мартова: членом партии мог считаться «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». [572]

Съезд признал «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии» единственным представителем РСДРП за границей. В знак протеста два представителя «Заграничного союза…» ушли со съезда. Ушли и пять бундовцев после того, как съезд отверг ультиматум Бунда о признании его единственным представителем еврейских рабочих в России. Это изменило соотношение сил в пользу «твердых искровцев», и остальные параграфы устава были приняты съездом в формулировке Ленина.

Что касается сионизма, то борьбу с ним представители еврейского народа вели практически во всех социал-демократических партиях и организациях. Ленин видел в сионизме одно из проявлений буржуазного национализма, противостоящего пролетарскому интернационализму и проповедующего классовый мир между капиталистами и рабочими одной национальности. В статье «Мобилизация реакционных сил и наши задачи» (1903) он заявлял, что сионизм – больший враг социал-демократии, чем антисемитизм.

По вопросу о терроре была принята следующая резолюция:

«Съезд решительно отвергает террор, т. е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от насущной и настоятельно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров, и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием». [573]

Примечательно, что в начале работы съезда было проведено секретное заседание организации «Искры» по вопросу о ее

мандатах на съезде. А 17 августа 1903 г. Ленин провел предложение о создании специальной аналитической службы, которая будет выпускать спецбюллетень для ограниченного состава ЦК, а также о создании структур ЦК по реорганизации, роспуску, ликвидации и контролю над всеми партийными комитетами.[574]

После съезда в России началось формирование конспиративной революционной централизованной организации нового типа, получившей название партии большевиков – РСДРП (б), и произнесенная впоследствии (в 1917 г., на первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов) фраза «Есть такая партия!»[575] несла за собой много больше смысла, чем принято считать.

Уже 12 октября 1903 г. в письме руководству РСДРП Ленин, с учетом результатов киевского провала, потребовал усиления контроля над внутрипартийной перепиской и создания специальной внутрипартийной службы перлюстрации.[576]

В православном Королевстве Сербия, население которого в большинстве своем считало защитником Российскую империю, в 1903 г. произошло событие, ставшее одним из важнейших звеньев на пути к Первой мировой войне. Александр I Обренович, правивший в русле политики Австро-Венгрии, стремительно терял поддержку во всех слоях сербского общества. Среди военных все больший отклик получали взгляды партии «старорадикалов» во главе с Николой Пашичем. Именно в офицерских кругах в августе 1901 г. и созрел первый заговор. Капитаны Радомир Аранчелович, Милан Петрович и поручики Драгутин Димитриевич (псевдоним – Апис), Антоний Антич и Драгутин Дулич договорились о подготовке военного переворота, который должен был начаться в сентябре с убийства короля в ресторане «Коларац». Но покушение не состоялось, так как король в ресторан не явился.

В мае 1903 г. переворот был подготовлен более тщательно. Двадцать девятого мая в 0.45 поручик Димитриевич повел несколько сот офицеров к резиденции сербского короля. Одновременно был захвачен и убит военный министр Милован Павлович. Командование перешло к полковнику Генштаба в отставке Александру Машичу, брату первого мужа королевы Драги. Ворота дворца открыл гвардии поручик Петр Живкович (будущий премьер-министр Югославии), оказавшие сопротивление офицеры охраны были ликвидированы. Дверь королевской спальни взорвали динамитом, после чего королевская чета была расстреляна из револьверов и изрублена саблями. Также был убит премьер-министр Димитрий Цинцар-

Маркович. На престол взошел король Петр Карагеоргиевич.[577]

* * *

В российских спецслужбах в 1903 г. продолжалась перманентная реорганизация. Первого января Охранную агентуру Петербургского охранного отделения возглавил ротмистр Отдельного корпуса жандармов Б. А. Герарди. Двадцать восьмого апреля 1903 г. были учреждены должности второго помощника начальника Петербургского охранного отделения и старшего чиновника для поручений. Занимающие их лица предназначались «специально для заведования особою Охранной командой» и к исполнению обязанностей по Охранному отделению не привлекались. За Охранной агентурой закреплялось новое наименование – *Охранная команда.* Переименование было вызвано тем, что, благодаря усилиям С. В. Зубатова, под агентурой стали понимать преимущественно сеть информаторов, завербованных в революционных организациях или уголовной среде.

После увольнения С. В. Зубатова заведующим Особым отделом в августе 1903 г. стал начальник Петербургского охранного отделения полковник Я. Г. Сазонов, кандидатура которого была одобрена в Министерстве внутренних дел. На должность Сазонова заступил Л. Н. Кременецкий. Назначенный в спешке, он оказался недостаточно компетентным в области безопасности; не имея надежной агентуры, ее отсутствие он компенсировал провокационными методами.

В ноябре 1903 г. Сазонова сменил Н. А. Макаров. Юрист по образованию, ранее он работал в системе судебного ведомства и не обладал ни сыскными талантами, ни оперативным опытом Зубатова. Впоследствии Ратаев писал, что «всюду, на всех ответственных постах сидели новые люди, которым приходилось знакомиться с делом, присматриваться, когда нужно было действовать быстро, решительно, наверняка».[578]

Что касается легального рабочего движения в столице, то еще в 1903 г. по инициативе С. В. Зубатова было создано «*Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга*», ставившее целью улучшение жизни и условий труда. Возглавил эту общественную организацию священник Г. А. Гапон – талантливый пропагандист и организатор, быстро завоевавший популярность и среди рабочих, и во многих знатных домах столицы. «Собрание…» интенсивно развивалось и, к концу 1904 г. став самой массовой рабочей организацией Петербурга, реально

претендовало на роль лидера рабочего движения в стране. Однако после отставки Зубатова руководители Департамента полиции постепенно утрачивали контроль над «Собранием…», к тому же многие представители правящего класса видели в нем угрозу собственному благополучию.

Внешнеполитическая ситуация в начале века менялась так же стремительно. После того как российская дипломатия лишила Японию плодов ее победы над Китаем, русско-японские отношения резко ухудшились: правительство и японское общество жаждали реванша. Нарастали экономические и политические противоречия между ведущими мировыми державами, итогом которых стал ряд локальных войн, завершившихся глобальной мировой схваткой. Для ведения войны государствам требовалась мобилизация многомиллионных людских и материальных ресурсов, воюющие страны несли колоссальные людские и экономические потери. Победа в войне стала все менее зависеть от исхода генерального сражения или ряда таких сражений.

Основными поставщиками военно-политической информации в конце XIX – начале XX в. оставались Министерство иностранных дел и служба перлюстрации. После смерти Н. К. Гирса в 1895 г. в МИД началась кадровая чехарда, характерная для правления последнего императора. К 1890 г. на посту министра побывали три человека: А. Б. Лобанов-Ростовский (в 1895–1896 гг.), Н. П. Шишкин (в 1896–1897 гг.), М. Н. Муравьев (в 1897–1900 гг.). В 1900 г. МИД возглавил В. Н. Ламсдорф, пробывший на этом посту до 1906 г. Именно он был основным организатором внешней (дипломатической) разведки. Военное и Морское министерства, Минфин, МВД и Министерство Императорского двора также занимались добыванием разведывательной информации в собственных интересах. Чаще всего информация просто покупалась. Нелегальных резидентур политической и военной разведок не существовало, почти полностью отсутствовала координация разведработы между послами и военными агентами.

Очередное воссоздание военной контрразведки началось только в июне 1903 г. Орган по борьбе с иностранным шпионажем, в целях маскировки названный Разведочным отделением Главного штаба, в официальной структуре штаба отсутствовал. Возглавил военную контрразведку ротмистр Отдельного корпуса жандармов В. Н. Лавров. Вместе с ним из состава Тифлисского охранного отделения в Петербург прибыли трое сотрудников: старший наблюдательный агент, губернский секретарь Перешивкин и два наблюдательных агента, запасные сверхсрочные унтер-офицеры Зацаринский и Исаенко.

За шесть месяцев работы Лавров и его подчиненные установили около двадцати российских и иностранных подданных, в той или иной мере занимавшихся военным шпионажем, и собрали улики, которые могли быть представлены в суде как доказательство разведывательной деятельности против России. Лавров обратил внимание на особую активность японского военного агента (атташе) подполковника М. Акаши, а в декабре 1903 г. через свою внутреннюю агентуру получил данные о том, что японская миссия всем составом готовится срочно покинуть Петербург. Руководство Главного штаба[579] доложило об этом Николаю II, но результаты деятельности контрразведки по японской миссии не были оценены должным образом. Фактически были проигнорированы оперативные донесения военной разведки. В итоге начало войны на Дальнем Востоке для руководства страны стало «неожиданным» и «внезапным».

В ряду грубейших ошибок, допущенных военно-политическим руководством Российской империи, следует особо отметить недооценку социально-политических, военных и экономических возможностей Страны восходящего солнца. А ведь уже с 1903 г. в донесениях военных агентов В. К. Самойлова и Л. Р. фон Раабена из Токио и Сеула указывалось, что политические, экономические и военные структуры Японии заняты подготовкой к войне против России. Эта информация получала подтверждение из различных источников. Особенно тревожными донесения стали к декабрю 1903 г., за два месяца до начала войны. Однако информация в очередной раз не была должным образом учтена, и принятые военно-политические решения оказались неадекватными нарастанию внешней угрозы.

Меры, предпринимавшиеся российским правительством накануне русско-японской войны, были несвоевременными, половинчатыми и крайне противоречивыми. Эта противоречивость отчасти объясняется расхождением сообщений военных агентов, с одной стороны, и российских дипломатов в Токио и Сеуле – с другой. Можно предположить, что высшее политическое руководство Российской империи сознательно пренебрегло данными военной разведки и контрразведки, допустив «внезапное» нападение противника на корабли российского флота. Вероятно, оно полагало, что сумеет представить Японию в качестве агрессора и заручиться поддержкой иностранных государств. Высшее военное командование также убедило императора, что одержит скорую победу над противником на суше и на море.

С помощью войны российское правительство намеревалось решить и внутренние проблемы, используя фактор внешней

угрозы и рост патриотических настроений. Одним из сторонников войны с Японией был министр внутренних дел В. К. Плеве, выдвинувший тезис о «маленькой победоносной войне» как средстве победить нарождающуюся революцию. Однако надежды российской правящей элиты не оправдались. Русско-японская война, начавшаяся в 1904 г., стала дополнительным катализатором революционного движения. Не получая адекватного отпора со стороны власти, террористические группировки открыли настоящую охоту на высших руководителей империи.

Одной из первых жертв неразумной внешней и внутренней политики стал сам Плеве. Боевая организация эсеров, после ареста Гершуни восстановленная и возглавленная Е. Ф. Азефом, организовала на него пять покушений: 18 и 25 марта, 1 апреля (подорвался техник А. Д. Покотилов), 8 и 15 июля. Последняя попытка оказалась удачной. Группа состояла из шести человек: М. И. Швейцер (готовил бомбы); Д. Ш. Боришанский, Е. С. Созонов и Л. В. Сикорский (бомбометатели); И. И. Мацеевский и Е. О. Дулебов (извозчики). При проезде открытой кареты Плеве по обычному маршруту, хорошо известному террористам, Созонов метнул бомбу прямо в нее. Плеве и кучер были убиты, ранения и контузии получили семь человек: охранники, случайные прохожие и сам бомбометатель.

Убийство Плеве вызвало в правящих кругах России состояние, близкое к панике, пост министра внутренних дел в течение полутора месяцев (!) оставался вакантным. Позже сотрудники спецслужб и полиции узнали, что организатором убийства Плеве и руководителем Боевой организации эсеров являлся Азеф, секретный сотрудник Департамента полиции с 1893 г.

Среди историков до сих пор не утихают споры о том, кем в действительности был Азеф. Одни называют его выдающимся боевиком, сумевшим проникнуть в Департамент полиции и под его прикрытием проводить удачные боевые операции, другие считают Азефа провокатором, работавшим против революционеров, третьи полагают, что Азеф – внедренный в Департамент тайный агент иностранных (австрийских или германских) спецслужб. По нашему мнению, сущность Азефа четко определил Г. А. Лопатин (первый переводчик на русский язык «Капитала» К. Маркса): «Это человек, который совершенно сознательно выбрал себе профессию полицейского агента, точно так же, как люди выбирают себе профессию врача, адвоката и т. п. Это практический еврей, почуявший, где можно больше заработать, и выбравший себе такую профессию».[580]

До отставки Зубатова в 1903 г. Азеф работал под его руководством и постоянным контролем, но затем контроль был частично потерян. Проходивший курс наружного и внутреннего наблюдения еще при Московском охранном отделении и накопивший к 1904 г. солидный опыт оперативной и подпольной конспиративной работы, этот человек смог эффективно использовать и революционеров, и полицию в своих собственных интересах. Солидный опыт позволил ему избежать смерти от рук своих «товарищей» по подполью даже после разоблачения.

В связи с деятельностью Азефа остановимся на проблеме провокаторства. Многие историки именуют секретных сотрудников и даже полицейских и жандармских чиновников провокаторами. По нашему мнению, этот термин пускают в ход либо по незнанию, либо в качестве пропагандистского клише. Под провокацией следует понимать инициированные секретными сотрудниками подстрекательские действия по вовлечению других лиц в незаконную антиправительственную деятельность. В этом смысле деятельность Азефа по организации террористических актов – провокаторская. Но в работе секретного сотрудника всегда имеет место неразрешимый парадокс: степень его информированности напрямую зависит от занимаемого в подпольной организации положения, а положение определяется авторитетом, заработать который можно только практической антиправительственной деятельностью.

Второй важный момент заключается в том, по чьей инициативе секретный сотрудник совершает те или иные противоправные действия: с санкции специальной службы, с которой сотрудничает, или по своей собственной воле, как говорится, на свой страх и риск. В случае с Азефом имела место двойная игра. Азеф систематически вводил в заблуждение чиновников Департамента полиции, принижая свое истинное положение в партии эсеров. Его официальные кураторы либо действительно не знали, что их подопечный является главой Боевой организации и отвечает за «центральный террор», либо тщательно скрывали это впоследствии. Нельзя исключить, что кроме официального сотрудничества с полицией Азеф параллельно работал на одну из придворных группировок, которая руками эсеров устраняла политических конкурентов.

Возвращаясь к убийству Плеве, отметим, что оно было организовано по хорошо отработанной (стандартной) схеме. Маршруты передвижений министра были заранее установлены, численность охраны, ее диспозиция и порядок действия также были определены. Метод покушения, выбранный с учетом данных наружного наблюдения, практически не оставлял Плеве шансов

уцелеть.

В числе причин, обусловивших успех покушения, следует отметить пренебрежение дополнительными мерами безопасности со стороны самого министра, отсутствие агентурной информации о планах террористов, о составе боевой группы и ее дислокации, отсутствие у охраны навыков выявления наружного наблюдения боевиков и пресечения попыток совершения покушений.

Приведенные факты говорят о неудовлетворительной работе органов внутренней безопасности Российской империи. Ухудшение качества их работы после 1903 г. – прямое следствие кадровой политики руководства страны.

В отличие от охраны высших сановников империи, охрана Николая II действовала безупречно даже в сложных условиях. Если его отец редко покидал столицу, Николай достаточно много путешествовал, а это предъявляло к охране повышенные требования. Когда государь намеревался посетить какой-нибудь российский город, за месяц до этого туда отправлялась передовая группа из отряда секретной охраны, занимавшаяся исключительно подготовкой визита. Сотрудники группы изучали улицы, по которым должен был проследовать императорский кортеж, осматривали и брали на заметку все дома на маршруте. Особое внимание уделялось проходным дворам, пожарным лестницам, чердакам и подвалам, то есть путям вероятного подхода и отхода террористов, возможным позициям стрелков и бомбометателей.

В распоряжениях, в том числе опубликованных в открытой печати, подробно регламентировались меры безопасности при проезде императорской семьи, обязанности домовладельцев, квартиросъемщиков, их гостей и т. д. Допуск посторонних лиц в дома, находящиеся на маршруте следования высочайших особ, осуществлялся по заранее составленным спискам. Допущенные лица не должны были иметь биноклей, подзорных труб и фотоаппаратов. Все ворота и двери, выходившие на улицу, запирались на ключ, закрывались все окна в цокольном и первом этажах. Двери в сараи и на чердаки запирались и опечатывались, чердачные окна заколачивались, пожарные лестницы обшивались тесом. За несколько часов перед проездом кортежа во всех узловых точках маршрута размещались сотрудники полиции в форме, а также их добровольные помощники и чины отряда секретной охраны в штатским.

Однако наибольшую трудность для охраны составляли не обыватели и даже не террористы, а непредсказуемое поведение самого императора. В качестве примера рассмотрим поездку Николая II в июле 1903 г. в город Саров Нижегородской губернии.

Вот как описывал этот визит начальник канцелярии Министерства Императорского двора и Уделов А. А. Мосолов:

«Лауниц и я шли в середине свиты за императором. Губернатор высказал опасение, что толпа, желающая ближе видеть царя, прорвет тонкую цепь солдат и наводнит шоссе. В это время, не предупредив никого, государь свернул круто направо, прошел через цепь солдат и направился в гору. Очевидно, он хотел вернуться по дощатой дорожке и дать таким образом большему количеству народа видеть себя вблизи. Я крикнул Лауницу: „За мной!“, и мы с великими усилиями пробились непосредственно до императора, от которого уже была оттерта вся прочая свита.

Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: „Посторонитесь, братцы“. Государя пропускали вперед, но толпа немедленно опять сгущалась за ним, только Лауниц да я удержались за царем. Пришлось идти все медленнее, всем хотелось видеть и, если можно, коснуться своего монарха. Все более теснили нашу малую группу из трех человек, и наконец мы совсем остановились. Мужики стали размахивать руками и кричать: „Не напирайте“. Опять продвинулись вперед на несколько шагов. Я предложил царю встать на наши с Лауницем скрещенные руки, тогда его будет видно издали, но он не соглашался. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши руки. Затем мы его подняли на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое „ура“».[581]

Как видим, в такой ситуации была высока вероятность гибели государя – и не только от рук террористов: его могла задавить восхищенная близостью монарха ненасытно-любопытная толпа.

Без учета специальных военных охранно-конвойных подразделений личный состав Охранной команды Петербургского охранного отделения в 1904 г. насчитывал около 250 человек. Задачей сотрудников (филеров) этой команды (охранной агентуры) являлась охрана императорской фамилии. При проездах императора по Петербургу филеры рассыпались по улицам вдоль пути следования кортежа – следили, чтобы никто не бросился из толпы; при поездках в другие города филеры неотлучно следовали за императором. Во всех театрах имелись места для филеров.

Для примера приведем вариант расстановки Охранной команды того времени:

«В Царском Селе – 100 человек; в окрестностях Царского Села – 12; в охране императорских театров – 17; в Департаменте полиции – 7; при доме министра внутренних дел – 1; на вокзалах – 8; дежурных и сторожей – 6; писцов – 2; больных в среднем – 10.

Налицо – 87».[582]

С наступлением весны число дежурящих в Царском Селе увеличивалось, поскольку государь и его семья чаще прогуливались в парках и к тому же возрастало население в прилегающих дачных местностях. При посещении Николаем II губерний, где наблюдалась повышенная революционная деятельность, в них временно вводилось военное положение, а на пути следования царского кортежа через каждые 300 метров расставлялись посты охраны.

Охранная служба была не из легких: многие сотрудники находились на улице от 12 до 20 (!) часов при любой погоде. В среднем агент охранной команды получал жалованье в размере 60 рублей в месяц.

Департамент полиции занимался и несвойственными ему функциями. В мае 1904 г. в структуре Особого отдела создается собственное совершенно секретное контрразведывательное подразделение – *Отделение дипломатической агентуры.* Его задачей стала организация наблюдения за дипломатическими представителями некоторых держав, сочувствовавших Японии. Секретность была настолько высокой, что Военное министерство не было проинформировано, а в самом Департаменте полиции о существовании отделения знали лишь несколько человек из высшего руководства. Соображениями секретности объяснялся и выбор начальника отделения – ротмистра Отдельного корпуса жандармов М. С. Комиссарова. Кадровый военный, в начале 1904 г. переведенный в Петербургское губернское жандармское управление из армии, Комиссаров не был известен в столице как офицер спецслужб. В течение двух лет он находился на нелегальном положении в собственной стране, проживая на частной квартире под видом иностранца.

Деятельность контрразведки Особого отдела оказалась эффективной: за два года в руках русского правительства оказались шифры двенадцати государств. Такую результативность можно объяснить грамотной организацией работы, подбором немногочисленного состава и налаженной агентурной сетью. Это – отличный пример оперативно-агентурной деятельности, не связанной некомпетентностью руководства, лишенной заорганизованности и неизбежных ошибок наспех подобранного и плохо обученного личного состава.

В июне 1904 г. перед директором Департамента полиции А. А. Лопухиным поставили задачу обеспечить безопасность плавания Второй тихоокеанской эскадры в Балтийском и Северном морях. Руководителем операции был назначен шеф берлинской агентуры (резидентуры) А. М. Гартинг. При

содействии местных властей он организовал систему охранных наблюдательных пунктов на побережье Германии, Дании, Норвегии и Швеции.

Гартинг писал:

«Почти все заведывавшие пунктами живут на побережье и тесно связаны со всем происходящим в водах их района. Охрана производилась ими не только в местах их проживания, но и на всем пространстве между этими пунктами. Такой тщательный контроль имел результатом, что ни одно появление японцев во вверенном каждому из них районах не проходило незамеченным, и я немедленно мог принимать своевременно необходимые меры».[583]

Гартинг арендовал несколько небольших судов, постоянно курсировавших в территориальных водах Скандинавии. Примечательно, что он не только успешно выполнил задание, но и сэкономил 25 тысяч рублей из полученных 150 тысяч, при этом ему удалось нанять девять судов вместо трех и около ста человек вместо тридцати, которые работали на полтора месяца дольше запланированного.

В представленном в ноябре 1904 г. отчете Гартинг писал:

«Подобного результата можно было достигнуть <…> только при соблюдении самой строгой экономии в расходах и благодаря только счастливому подбору людей, из которых все без исключения добросовестно выполнили возложенную на них миссию».[584]

Организация сбора информации в Европе о намерениях Японии и ее тайных союзников (разведка и внешняя контрразведка) была поручена чиновнику Департамента полиции И. Ф. Манасевичу-Мануйлову.

Многие исследователи считают, что ухудшение позиций Разведочного отделения Генерального штаба связано в основном с интригами ряда высших чиновников МВД. Действительно, они имели место, но существовала и серьезная угроза внутренней безопасности империи. В 1904–1905 гг. специальные службы Японии стремились максимально ослабить Россию изнутри с помощью политических противников правительства. Информация об этих действиях была получена через агентуру Департамента полиции в революционных организациях. По нашему мнению, вторжение политической полиции в сферу деятельности военной контрразведки в условиях войны обусловлено не только слабостью последней, но и необходимостью противодействовать революционерам.

В период русско-японской войны специальные службы Японии предприняли попытку использовать политических

противников самодержавия для ослабления России изнутри. Бывший военный агент в Петербурге Матоир Акаши, обосновавшийся к тому времени в Стокгольме, установил контакт с лидером Партии активного сопротивления Финляндии К. Циллиакусом (Зиллиакусом). Последний ранее бывал в Японии и некоторые свои политические статьи подписывал псевдонимом Самурай. Циллиакус активно сотрудничал с русскими, польскими и кавказскими революционерами и участвовал в транспортировке нелегальной литературы из Скандинавии в Россию.

В одном из докладов за 1904 г. Акаши писал:

«К концу июня (1904) отношения между Зиллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я одновременно отправились в Париж, где вместе с представителем партии „Сакартвело“ Деканози и партии „Дрошак“ графом Лорис-Меликовым совещались по поводу организации беспорядков в России. Затем Зиллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским <…> Я обещал Зиллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций».[585]

Циллиакус предпринял активные усилия для консолидации радикально настроенных сил эмиграции и проведения в этих целях межпартийной конференции. Он предложил лидерам эсеров «обсудить текст общего манифеста против войны и выработать план общих совместных действий для понуждения всеми мерами, хотя бы самыми террористическими, прекратить войну. Такими мерами могут быть одновременные в разных местностях вооруженные демонстрации, крестьянские бунты и т. п. Если понадобится оружие, то финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве».[586]

Конференция была назначена на осень 1904 г., информация о ней поступила в Департамент полиции от Азефа через заведующего заграничной агентурой Л. А. Ратаева. Анализ информации показал, что деятельность Акаши носила уже не разведывательный, а откровенно подрывной характер, направленный на дестабилизацию политической ситуации в России. В этих условиях противодействие военной разведке Японии было поручено не военному министерству, а Департаменту полиции.

С 30 сентября по 4 октября 1904 г. в Париже проходила конференция отдельных революционных и оппозиционных партий и групп. На ней было решено, что «каждая партия может действовать своими методами: либералы должны атаковать правительство с помощью земства и газетных кампаний; эсерам и другим партиям следует специализироваться на крайних методах борьбы; кавказцам использовать свой навык в организации

покушений; польским социалистам – опыт в проведении демонстраций».[587] Об этом Азеф также проинформировал Департамент полиции.

В октябре 1904 г. в Париж прибыл чиновник особых поручений Департамента И. Ф. Манасевич-Мануйлов, вскоре установивший, что основная задача Акаши – организация силовых антиправительственных выступлений. Акаши говорил революционерам, что готов выделить деньги на приобретение оружия и на постоянное возбуждение общественного протеста против правительства.

Манасевич-Мануйлов получил данные и об антиправительственной деятельности издателя журнала «Сакартвело» Г. Г. Деканозова (Деканози). Вокруг издания объединялись сторонники созданной в апреле 1904 г. Грузинской партии социалистов-федералистов (революционеров). Деканозов, завербованный Акаши, стал одним из его самых доверенных и высокооплачиваемых агентов – еженедельно он получал на расходы и разъезды свыше 2000 франков, что превышало расходы на всю агентуру Департамента полиции в Париже. Манасевич-Мануйлов установил, что Деканозов регулярно участвует в транспортировке в Россию нелегальной литературы. Однако в конце 1904 г. из Петербурга пришло неожиданное указание прекратить разработку Деканозова: по мнению начальства, причастность последнего к антиправительственной военно-политической деятельности не была установлена.

Вот с таким «багажом» российское правительство и российские революционеры и подошли к 1905 году.

Глава 14
По обе стороны баррикады, 1905–1907 годы

Армии стоят друг против друга. Взглянем на их образ действий. Здесь-то и обнаружатся дефекты народной тактики, являющейся основной причиной поражения.

Луи-Огюст Бланки, 1868 г.

1905 год начался с трагического события, вошедшего в историю как Кровавое воскресенье.

Главные причины трагедии, произошедшей 9 января, – крайне неразумные, убийственно непоследовательные действия высшего руководства Российской империи, недопонимание роли и места рабочего движения в политической жизни страны. В этой связи уместно вспомнить «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», в котором правящий класс увидел угрозу своему благополучию.

Эсеры и эсдеки активно пытались использовать рабочее движение в собственных интересах. Игнорирование предпринимателями законных требований пролетариата привело к новому витку серьезного социального напряжения. После увольнения в декабре 1904 г. всего лишь четырех рабочих Путиловского завода 3 января 1905 г. в столице началась массовая забастовка. На 9 января было назначено шествие к Зимнему, чтобы вручить царю петицию от имени рабочих. Уже тогда представители радикальной оппозиции желали использовать демонстрацию как повод к началу восстания. К счастью для власти, действовать решительно и тактически грамотно революционеры еще не умели.

Возможно, кому-то покажется утомительным чтение приведенных ниже мемуаров и документов, но, по нашему глубочайшему убеждению, понять логику и дух той эпохи без изучения подлинных текстов с их стилистическим и терминологическим колоритом невозможно. Каждый документ – беспристрастный и четкий свидетель событий, бесценный первоисточник, позволяющий читателю составить собственное мнение. Умение вчитываться в старые бумаги сродни тонкой нити разговора: дружеская беседа и жесткий допрос, кружева

политически витиеватых нагромождений и по-солдатски простые и доступные установки – все это здесь есть. Если читатель почувствует, как перед ним раскрывается «шифр» понятий того времени, как за строчками возникают события и живые реальные лица, если у него вспыхнет искорка интереса, он будет вознагражден новыми открытиями и неповторимым ощущением личного погружения в историю.

«Партийная интеллигенция того времени, – писал С. Д. Мстиславский, – действительно отнеслась к гапоновскому движению попервоначалу с явной недооценкой: оно казалось несерьезным, „без упора“, поскольку в нем совершенно не было никакой „идеологии“, а у нас тогда все начиналось и все кончалось, строго говоря, именно идеологией.

Практически мы были не только неопытны, но и бессильны за пределами кружковой практики. Гапоновское движение было первым в данном отношении уроком, потому что оно выдвинуло чисто практические, и только практические, лозунги. Гапон ответил рабочей массе на тот вопрос, на который партийная интеллигенция того времени не умела ответить: „Что *сейчас* делать?“ Не в будущем, не *тогда*, когда „придет час“, сложится та или иная ситуация и т. п., – а вот именно сейчас, сегодня, в той ситуации, какая есть, и теми силами, какие есть. Насколько „практическое решение“, предложенное Гапоном, было „практическим“ на самом деле, это – другой вопрос <…>; но что оно явилось конкретным предложением, противопоставленным в те дни „идеологическим“ разговорам партийной интеллигенции, ведшей кружковую работу в рабочей среде, это – факт несомненный. И один уже этот факт отодвинул в январские дни партийное интеллигентское руководство и повел массы за Гапоном. Партийному руководству, чтобы не остаться вне событий, естественно, пришлось так или иначе к этому движению примкнуть. <…>

Если бы у нас были в то время на это нужные *знания*, способность к руководству *массовой* революционной борьбой, то не было бы вообще гапоновского дела. Но знаний не было. <…>

Чрезвычайно характерным в этом отношении эпизодом было собрание представителей общественных организаций (или, точнее говоря, общественных деятелей) Петербурга в ночь на 9 января (если память не изменяет, в помещении Вольно-Экономического Общества). Едва ли не большинством выступавших высказывалась твердая уверенность в том, что мирное гапоновское шествие неизбежно приведет к столкновению с войсками и может развернуться в дальнейшем в восстание. На этот случай выражалась готовность поддержать его всеми

имеющимися в распоряжении представленных на совещании организаций средствами. Более того: для общего руководства, в случае указанного выше оборота событий, избран был особый комитет из трех членов, облеченный неограниченными диктаторскими полномочиями. Все общественные силы предоставлялись в распоряжение этого комитета на началах безусловного ему подчинения. Выборы комитета, ввиду его революционного характера, произведены были особенно конспиративно, тайным голосованием, подсчет голосов был доверен *одному* только лицу – председателю собрания (кажется, инженеру Лутугину). Этот единственный осведомленный о составе избранного комитета человек должен был оповестить трех избранников и, очевидно, в дальнейшем свидетельствовать о врученных им полномочиях, если бы в том встретилась надобность, ибо иных доказательств наличия полномочий у них не было. Как это свидетельство производить и как установить связь трех „диктаторов“ с общественными организациями и с тем движением, которое им поручалось возглавлять, никто и не думал. Фактически „тройка“ не только потеряла связь со всеми остальными уже на подъезде Вольно-Экономического Общества, по окончании собрания, но и сама не принимала (и не могла, конечно, принять) всерьез возложенной на нее диктатуры. Осенью 1925 г. мне довелось беседовать с Владимиром Ивановичем Чарнолусским, одним из деятельнейших тогдашних работников „Союза Освобождения“, попавшим в ту ночь в число трех диктаторов; об этом своем избрании он помнит, но имена двух остальных „диктаторов“ безнадежно забыл, факт в высокой мере характерный. <…>

Ночное совещание не выработало никакого плана действий на 9 января; кроме тех, кто примкнул к гапоновским колоннам, все остальные выступили в этот день „очевидцами“ или, в лучшем случае, чисто индивидуальными участниками демонстраций, шедших на улицах Петербурга».[588]

Оппонент Мстиславского, специалист в области охраны А. В. Герасимов впоследствии писал:

«Для власти было два прямых пути: или пытаться раздавить движение, арестовав его вождей и ясно объявив всем, что шествие будет разогнано силой; или убедить царя выйти к рабочей депутации для того, чтобы попытаться по мирному успокоить движение. <…> Мне передавали, что государь хотел выйти к рабочим – но этому решительно воспротивились его родственники во главе с великим князем Владимиром Александровичем».[589]

В итоге император остался в Царском Селе.

Командующий Петербургским военным округом великий князь Владимир Александрович решил подавить демонстрацию с помощью военных, не поставив об этом в известность полицию. Не имея опыта в разрешении сложных политических конфликтов, он принял наихудшее из возможных решений: отдав приказ расстрелять мирную демонстрацию, тем самым выстрелил в императора. Бумеранг, подорвавший веру народа в справедливого царя, был запущен.

В результате расстрела были убиты и ранены не менее десяти полицейских, сопровождавших демонстрацию и пытавшихся остановить военных. После этого случая далеко не дружественные отношения между армией и полицией еще более ухудшились.

Реакция части общества на кровавое событие последовала немедленно. В тот же день в Петербурге на Васильевском острове была захвачена оружейная мастерская Шаффа и разгромлено управление 2-го участка Василеостровской полицейской части. Но продолжения не последовало.

«Попытки организовать сопротивление войскам были единичны (Васильевский остров) и не носили массового характера; и причина этого, конечно, отнюдь не в том, что при создавшемся положении нельзя было бы этого массового отпора организовать. Город не был во власти войск, твердо державших, по существу, только центр и главные тактические пункты города. Целый ряд районов был свободен от войсковой охраны, что широко использовано было хулиганами, произведшими в некоторых частях города (на Петербургской стороне, например) форменный разгром магазинов. Поздним вечером мне пришлось быть на Большом проспекте Петербургской стороны. Он имел зловещий вид, так как уличное освещение не действовало, уцелевшие магазины были заколочены, и на улицах не было не души. Тучков мост занят был батальоном Финляндского полка. На всем остальном протяжении Петербургской стороны не было ни войск, ни патрулей. Приблизительно тоже было и на Выборгской и в „рабочей части“ Васильевского острова. Для борьбы были, таким образом, опорные пункты; но для нее не было ни руководителей, ни (что самое главное) желания масс эту борьбу начать. С 10 января, в сущности, „порядок“ был уже восстановлен: начались аресты».[590]

Ситуация в России постепенно накалялась. В январе 1905 г. в Москве, Варшаве, Риге, Саратове, Киеве, Одессе, Лодзи, Ревеле, Екатеринославе, Харькове и многих других городах прошли демонстрации, забастовки и митинги протеста, переходившие в открытые столкновения с полицией и войсками. Разгон демонстраций, аресты и ссылка участников движения не дали

практического результата: события продолжали стремительно развиваться.

Одиннадцатого января император вновь учредил пост генерал-губернатора Санкт-Петербурга, на который назначил генерала Свиты Д. Ф. Трепова.

Восемнадцатого января вышла работа В. И. Ленина «Начало революции в России» с призывом к подготовке вооруженного восстания против самодержавия. А в Лодзи начались уличные бои между рабочими боевыми дружинами и двумя полками регулярной армии.

Двадцатого января вместо П. Д. Святополка-Мирского министром внутренних дел стал А. Г. Булыгин, в феврале заявивший Николаю II, что революция уже началась.

К работе в изменившихся политических условиях высшее руководство Российской империи оказалось слабо подготовленным. Общее состояние охранных служб Российской империи в описываемый период явно не отвечало требованиям времени. В этом ряду особенно выделяется убийство московского генерал-губернатора – великого князя Сергея Александровича. Будучи одним из наиболее влиятельных лиц при дворе, этот человек во многом определял внешнюю и внутреннюю политику Российской империи. Боевая организация эсеров приговорила его к смерти после расстрела демонстрантов 9 января 1905 г. Когда боевики начали подготовку к покушению, внутренняя агентура сообщила о готовящемся акте в полицию. Но дальше произошло нечто странное. Для организации дополнительной охраны великого князя у директора Департамента полиции А. А. Лопухина были запрошены 30 тысяч рублей, но он отказался их выделить, мотивируя это тем, что террористы якобы не посмеют совершить покушение на члена императорской фамилии. Охрану не усилили, и в итоге И. П. Каляев 4 февраля 1905 г. бросил бомбу в окно кареты Сергея Александровича непосредственно на территории Кремля – особо охраняемого режимного объекта! После получения известия о гибели великого князя Трепов бросил в лицо Лопухину одно слово – «убийца».

В оппозиционной среде началась интенсивная работа по вооружению партийных боевых отрядов.

«На улицах Петербурга, – вспоминала С. М. Познер, – впервые в день 9 января раздался клич „к оружию“, в последующие дни он перешел в подполье и властно требовал своего скорейшего разрешения. Петербургский пролетариат, готовый выйти на улицу для открытого боя с самодержавием, прекрасно понимал, что с голыми руками в бой не идут, что нужна боевая подготовка, нужно оружие. Оружия не было, его надо было достать во что бы

то ни стало. Армия была не наша, она была во власти „присяги царю и отечеству“ – эту власть надо было разрушить. Во всей работе стал сказываться совсем иной темп. Напряжение росло. Лихорадочно с первых же дней после 9 января принялись добывать оружие. То и дело на явки петербургского комитета большевиков приходили товарищи и сообщали сведения о том, что можно получить 20–30 револьверов за плату или без нее, сообщали адреса. Горячо обсуждались вопросы о том, где и как добыть эти револьверы. Бегали по указанным адресам, чтобы заполучить эти „драгоценности“, но зачастую все эти предложения десятков револьверов оказывались или плодом пылкого воображения, или совершенно негодными к действию револьверами, причем цифры из 20–30 превращались на деле в 2–3.

Но надо было пройти этот путь погони за оружием, чтобы, отбросив его, подойти к планомерной работе по приобретению оружия. Приблизительно половина января проходит в такой хаотичной добыче оружия, когда все члены петербургской организации с. – д (б) считали это своим делом, и не было выделено еще специальных людей, которые занялись бы исключительно им. Но очень скоро членам организации стало ясно, что всем нельзя заниматься этим делом, как и нельзя заниматься вооружением пролетариата между делом. Потребность в людях, которые специально взяли бы на себя функции добывания оружия и всецело, не отвлекаясь ничем другим, занялись бы этим, выявилась вполне определенно. И вот в январе Петербургским комитетом был выделен Николай Евгеньевич Буренин, которому поручено было взять на себя дело добывания оружия. В то время он был ответственным техником ПК, занимался доставкой транспортов литературы из-за границы и распределением ее по России. Буренин был очень энергичный конспиративный работник, а главное – он обладал большим талантом объединять и привлекать к себе людей. Вскоре вокруг него образовалась небольшая группа товарищей, которая в дальнейшем разрослась в организацию, имевшую большие связи среди рабочей и учащейся молодежи и среди интеллигенции, сочувствовавшей идее вооруженного восстания».[591]

«В январе 1905 г., – вспоминал Н. Е. Буренин, – по распоряжению ПК, организована была „Боевая техническая группа“, с целью ввоза огнестрельного оружия в Россию, организации приемки такового, хранения и распространения его. Как только „Боевая техническая группа“ приступила к выполнению своей задачи, выяснилось, что удовлетворить все возрастающие требования рабочих всех районов в этой области

невозможно, так как поступление оружия из-за границы было крайне скудно, организация всего дела – чрезвычайно трудна, особенно ввиду его новизны. Получение оружия в самом Петербурге тоже не налаживалось, и приходилось искать иных способов вооружения. Тогда-то и возник вопрос об изготовлении бомб.

На одной из явок у профессора Технологического института Явейна поднят был вопрос об объединении „Боевой технической группы“ с химической группой – была установлена связь между ними, и в задачи технической группы вошло также транспортирование и хранение оболочек, бикфордовых шнуров и всевозможных взрывчатых веществ, т. е. всего необходимого для изготовления бомб, хранения и распространения таковых уже в готовом виде. <…>

Для изучения вопроса об изготовлении бомб был послан в феврале 1905 г. в Македонию наш химик, покойный Скосаревский по кличке „Омега“. Ему удалось установить связь с македонцами через Тюфекчиева, с которым впоследствии и мне пришлось познакомиться. Скосаревский привез чертежи типа македонской чугунной бомбы, которая и была нами принята».[592]

Что касается «химической группы», то ее задачами были: подобрать мощное и безопасное при хранении взрывчатое вещество, создать надежный и безопасный при обращении запал и разработать небольшую ручную бомбу, годную для уличного боя. В состав группы входили Ю. А. Грожан, Д. И. Лещенко, Л. Н. Пескова, М. П. Скосаревский и А. М. Игнатьев.

Четвертого марта 1905 г. директором Департамента полиции стал С. Г. Коваленский, ранее проходивший государственную службу исключительно по судебному ведомству; 29 июня его сменил Н. П. Гарин, а Гарина, 9 ноября, – Э. И. Вуич. Двое последних были квалифицированными юристами, но имели слабое представление об оперативно-розыскной деятельности. Кадровая чехарда и попытки каждого нового руководителя проводить свою собственную концепцию только усиливали хаос и бюрократическую неразбериху в деятельности департамента, тормозя и без того пробуксовывавшую полицейскую машину. В правление Николая II из всех структур, отвечавших за обеспечение внутренней безопасности государства, наибольшее внимание правящей династии было обращено на положение дел в личной охране ее членов.

Зимой – весной 1905 г. основную угрозу для царской семьи представляли боевики партии эсеров. Однако изменившихся в условиях против дома Романовых стали выступать различные силы. В частности, началось сближение фракции РСДРП(б) и

эсеров. Подготовке вооруженного восстания была посвящена и беседа Ленина с Гапоном, состоявшая во время их первой встречи в середине февраля 1905 г. С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин), бывший в 1904–1905 гг. секретарем Петербургского комитета РСДРП(б), писал в мемуарах о своих контактах с представителями эсеров и «Союза освобождения», члены которого позднее вошли в состав Конституционно-демократической партии, а также подпольной военной организацией, которую представлял библиотекарь Академии Генштаба С. Д. Мстиславский.

«Пасха в 1905 году была в конце апреля. За месяц до Пасхи в Петербургский комитет было сообщено, что ЦК социал-революционеров хочет переговорить с нами по одному важному вопросу. ПК командировал меня. <…>

Таким образом, весь разговор происходил между представителем ПК и представителем гвардейской организации. Последний сообщил, что у них существует в противовес гвардейско-офицерской организации „лига белого орла“ такая же „лига красного орла“, и что цель этой последней заключается в том, чтобы свергнуть Николая и добиться конституции. В этих целях они решили войти в соглашение с революционными организациями. План гвардейской организации был таков: во время заутрени, под Пасху, когда все войска выводят из казарм в церковь без оружия, отряды из рабочих должны были напасть на казармы и захватить оружие. Другой план, на случай, если этот план не был бы принят, заключался в том, чтобы объявить в войсках питерского гарнизона, что Николай хочет дать конституцию, но что он захвачен в Гатчине в плен, и двинуть питерский гарнизон против гатчинских войск.

Представитель гвардейской организации поставил вопрос, сколько эсеры и социал-демократы могут выставить рабочих. Представитель ЦК эсеров сказал, что они могут выставить 10 000 рабочих, представитель социал-демократов заявил – несколько сот.

В дальнейшем произошел спор между представителем гвардейской организации и представителем ПК по вопросу о политических целях. Гвардейцы предлагали договориться на земском соборе, милостиво предоставляя социал-демократам в дальнейшем проводить свою собственную программу. Представитель ПК твердо стоял на Учредительном собрании. В конце концов ни до чего не договорились, а главное, не достигнута была основная цель, ради которой был командирован представитель ПК, – разузнать у представителя гвардейской организации о возможности захватить оружие в арсеналах. От ответа на этот вопрос представитель гвардейской организации

дипломатически уклонялся. На вопрос о численности гвардейской организации представитель ее указал цифру 1000». [593]

Что касается противодействия агитационной работы в армии и на флоте, то перед полицейскими и жандармами стояли два серьезных препятствия, устранить которые не смог даже министр внутренних дел. В-первых, Николай II запретил агентурную работу в войсковых частях и на кораблях, считая достаточным общий надзор командного состава. Во-вторых – негативное отношение подавляющего числа офицеров к деятельности полиции и жандармерии. Указанные факторы способствовало созданию весной 1905 г. в Петербурге нелегальной офицерской (но не гвардейской, как указывает Гусев) организации.

«Начавшаяся в этом году работа в казармах была чрезвычайно слабо поставлена и не шла дальше опять-таки кружковых работ; массовое издание литературы для солдат <…> началось лишь в 1906 году (кроме с.-д. „Казармы“, начавшей выходить в конце 1905 года). Эта недостаточность работы с солдатами объяснялась не только тем, что „военные организации“ партий состояли в то время почти целиком из штатских, не имевших связей с солдатской массой, и не тем только, что условия казарменной жизни и весь полковой уклад 1900-х годов ставил революционной работе совершенно исключительные трудности: как показала в дальнейшем та же наша практика, трудности эти можно было в конце концов преодолеть. Но к работе с солдатами не проявлялось особого рвения, главным образом потому, что ей не придавалось того значения, которое приписывалось вовлечению в движение офицеров. Дело представлялось так: если за нами будут офицеры, *тем самым* мы получим и солдат – офицеры могут вывести их за народное дело „по команде“, даже без всякой предварительной подготовки. Напротив того, сорганизовав небольшую группу солдат (а о крупных организациях при существующих условиях мечтать не приходилось), мы фактически ничего не приобретаем, так как увлечь за собою данную воинскую часть – всю инертную массу, увлечь *против* офицеров, против железной и тупой дисциплины, царившей в полках, – таким одиночкам-солдатам было бы невероятно трудно. <…>

По инициативе военных юристов весной 1905 года на квартире известного адвоката <…> Сергея Петровича Елисеева состоялось учредительное собрание „Всероссийского Офицерского Союза“. На собрание допущены были только военные: представители партий, настойчиво требовавшие разрешения выступить для изложения партийных программ и установления контакта с вновь создающейся организацией,

получили совершенно единодушный отказ. Помню, как бушевал в прихожей Елисеева Авксентьев, приехавший по поручению Петербургского комитета с.-р. и требовавший, так сказать, „по партийной линии“, чтобы я добился его допущения. Но собравшиеся офицеры в данном отношении оказались совершенными „синдикалистами“: никакой зависимости от политических партий и никакой официальной с ними связи. Отдельным членам будущего союза состояние в партии не возбраняется, но при условии подчинения в первую очередь союзной дисциплине. Обособление было проведено настолько далеко и последовательно, что „Офицерский Союз“ постановил не входить и в состав Союза Союзов, сохраняя, таким образом, абсолютную во всех смыслах свободу действий.

Состав учредительного собрания был очень односторонним: были только академики, преобладали в числе слушатели Юридической академии; на втором месте – слушатели Инженерной академии, два-три офицера Артиллерийской академии, один электротехник; из академии Генерального штаба не было, кроме меня, никого; совершенно не представлены были строевые части и в первую очередь гвардия. <…>

Должно отметить, что собрание происходило без каких-либо особых предосторожностей. О нем не только знали все партийные организации, но я сам узнал о нем еще до официального оповещения, так сказать, из третьих и достаточно случайных уст. На лестнице Елисеева уныло дежурили филеры…».[594]

Поскольку достать значительные партии оружия не привлекая внимания полиции было практически невозможно, взгляды революционеров обратились за границу. Главным спонсором российских революционеров с февраля 1904 г. стала японская разведка, координатором от которой в Европе выступал М. Акаши. Япония (как в 1914–1917 гг. и Германия) экономически не могла вести затяжную войну, основанную на стратегии измора, и была заинтересована любым способом ослабить Россию. Основными помощниками Акаши являлись представители сепаратистских сил Грузии, Польши и Финляндии: Г. Деканози, Ю. Пилсудский и К. Циллиакус, рассчитывавшие (в случае военного поражения России и последующего свержения царизма в результате вооруженного восстания) на приобретение независимости.

Второго апреля по н. с. в Женеве состоялась межпартийная конференция, в которой (по сведениям Департамента полиции) приняли участие представители армянской партии «Дашнакцутюн», Белорусской социалистической громады, Грузинской партии социалистов-федералистов, Латышского

социал-демократического союза, Партии социалистов-революционеров, Польской социалистической партии, финской Партии активного сопротивления. Конференция была подготовлена при активном участии М. Акаши, К. Циллиакуса и эсера Н. В. Чайковского. Они привлекли к делу организации конференции Георгия Гапона, как человека, имеющего громкое революционное имя и стоящего вне отдельных партий.

По итогам конференции были выработаны две совместные декларации, в которых содержались призывы к вооруженному восстанию, созыву Учредительного собрания, созданию в России федеративной демократической республики и социализации земли. Главным практическим результатом конференции стало создание единого Боевого комитета (Г. Гапон, Е. К. Брешко-Брешковская), который должен был ведать организацией вооруженного восстания: собирать деньги, устраивать оружейные склады, мастерские взрывчатых веществ и т. п. Первоначально вооруженное восстание в Петербурге было запланировано на лето 1905 г.

В середине мая 1905 г. сотрудники Манасевича-Мануйлова[595] сумели сфотографировать составленный К. Циллиакусом список с калькуляцией расходов на закупку оружия для некоторых революционных организаций. В нем, в частности, значилось: 5000 ружей для Грузинской партии социалистов-федералистов, 1000 ружей для Партии социалистов-революционеров, 8000 ружей для финской Партии активного сопротивления, 5000 ружей для Польской социалистической партии. Кроме того, для раздачи эсерам и финским сепаратистам предназначались 500 ружей-карабинов братьев Маузеров (пистолетов С-96).

К тому времени все антиправительственные группировки приступили к закупке и перевозке оружия в Россию. Количество закупаемых стволов измерялось десятками тысяч. Для выявления намерений подпольных организаций Манасевич-Мануйлов предложил создать резидентуры Департамента полиции в семи крупнейших портовых городах Европы. Его поддержал и посол Нелидов. Однако предложение не было принято – во многом из-за интриг в самом руководстве Департамента полиции.

Объединительные тенденции российской оппозиции были своевременно и с нескрываемым беспокойством отмечены органами политического сыска. «Вопрос о слиянии партии социалистов-революционеров с социал-демократами для совместных террористических действий, – сообщал Л. А. Ратаев полиции еще в середине марта 1905 г., – подвигается быстрыми шагами вперед <…>. Положение становится день ото дня

серьезнее и опаснее».[596]

Но практическое противодействие революционерам, начавшим подготовку к вооруженному восстанию, не соответствовало текущему моменту. Мы полагаем, что не последнюю роль в ухудшении работы Департамента полиции сыграло искусственное разделение системы политического сыска и общей полиции. Сотрудники общей и политической полиции были вынуждены работать автономно, иногда открыто конкурируя друг с другом. Решение общей задачи обеспечения безопасности государства отходило на второй план, первостепенными становились конъюнктурные интересы: кто, когда и кому доложит о собственных успехах и о неудачах конкурентов. Возникло множество невидимых «локальных сетей», в том числе и внутри политической полиции, передача информации по которым зависела от личных пристрастий и принадлежности их участников к той или иной придворной группировке.

В качестве примера достаточно привести длительную борьбу друг с другом двух корифеев политического сыска – П. И. Рачковского и Л. А. Ратаева. Их противоборство нанесло колоссальный ущерб деятельности Заграничной агентуры Департамента полиции. Противостояние правительственных группировок, происходившее при прямом попустительстве, а порой и при непосредственном участии высшего политического руководства страны, значительно ослабляло позиции органов безопасности и власти в целом.

Указанные обстоятельства привели к падению уровня оперативной работы Особого отдела и подчиненных ему розыскных органов на местах. Заведующий отделом Н. А. Макаров больше занимался надзором за соблюдением законности в деятельности органов политического сыска, чем активизацией оперативной работы и реализацией оперативной информации. С. П. Белецкий, возглавлявший Департамент полиции в 1912–1914 гг., впоследствии писал:

«События 1905 г. – результат непринятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами».[597]

Даже в тех случаях, когда необходимая оперативная информация имелась, ее практическая реализация блокировалась из-за нерешительности и непоследовательных действий Николая

II и его ближайшего окружения.

В этих условиях особое значение приобретали личные качества руководителей территориальных органов безопасности, зачастую действовавших на свой страх и риск. Одним из таких решительных людей являлся полковник А. В. Герасимов, 17 февраля 1905 г. ставший заведующим Петербургским охранным отделением. В первый же день работы он застал в помещении отделения одного из офицеров беседующим с секретным сотрудником, что было вопиющим нарушением правил работы с агентурой. И это в столичном Охранном отделении! Медленно, но методично Герасимов исправлял недостатки в служебной деятельности вверенного ему отделения, постепенно наладил работу агентуры, по донесениям которой работали филеры Летучего отряда. Была арестована группа эсеров, готовившая одновременное покушение на четырех высших чиновников империи, затем задержана с поличным дочь якутского губернатора Т. А. Леонтьева, намеревавшаяся убить Николая II. Но повлиять на изменение ситуации в целом эти тактические успехи не могли. Высшая власть была практически полностью парализована. Аресты лидеров оппозиции обычно заканчивались тем, что даже при наличии документальных доказательств незаконной деятельности их не судили, а по распоряжению властей отпускали под надзор. В такой ситуации многие служащие полиции и жандармерии оказались дезориентированы и деморализованы.

До 1905 г. социал-демократы (как меньшевики, так и большевики) считали террористическую деятельность нецелесообразной, не связанной со всей системой борьбы пролетариата. В условиях революционного кризиса позиция руководства РСДРП по отношению к актам терроризма и к организации боевой работы изменилась.

На третьем съезде РСДРП, состоявшемся 12–27 апреля (25 апреля – 10 мая) 1905 г. в Лондоне, была определена единая тактическая линия партии в начавшейся революции. В резолюции «О вооруженном восстании» съезд указал, что для свержения самодержавия необходим переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию.

К середине 1905 г. при ЦК РСДРП была сформирована Боевая группа центрального подчинения, а при столичных и губернских организациях эсдеков стали создаваться боевые комитеты, которые занимались военной подготовкой членов партии. Закупкой и распространением оружия, производством взрывчатки занималась Боевая техническая группа при ЦК и ПК РСДРП. Ее куратором со стороны ЦК большевиков стал инженер Л. Б.

Красин. Закупка и перевозка оружия в Россию была многократно увеличена.

«Когда в 1905 году <…> вооруженное восстание после III съезда стало лозунгом нашей партии, – писал Б. Стомоняков, – вопросы технической подготовки революции начали приобретать все большее и большее значение в практической работе партийных организаций. Среди этих вопросов особенно важным был вопрос о массовой заготовке оружия. Так как возможности получения его внутри страны при тогдашних условиях были весьма ограничены, то необходимо было озаботиться привозом его из-за границы. При большом несоответствии между финансовыми средствами Центрального комитета партии и стоявшими перед ним задачами естественно, что снабжение оружием происходило преимущественно в децентрализованном порядке, путем посылки местными организациями за границу собственных агентов, которые закупали оружие и, пользуясь транспортом центральных или окраинных организаций, с большим или меньшим успехом направляли закупленные партии в Россию по назначению.

Логика революционной борьбы 1905 года толкала на этот путь вооружения и мелкобуржуазные российские революционные партии. Массовыми заготовками оружия и вооружением рабочих занимались под влиянием революционизированной рабочей массы даже некоторые меньшевистские организации, несмотря на яростную борьбу, которую вели с нашей партией руководители меньшевизма вокруг лозунга вооруженного восстания. <…>

Естественно, что из всех европейских стран наибольший интерес в смысле закупки оружия представляла Бельгия. Ее оружейные заводы, особенно льежские, издавна пользовались мировой известностью, в особенности в области изготовления револьверов, которые были в то время излюбленным оружием революционной борьбы в России. <…> Необходимо далее иметь в виду, что Бельгия в то время, несмотря на долгое господство католически-клерикальной партии, была одной из наиболее свободных и наименее полицейских стран, где русские революционеры не встречали почти никаких стеснений при проживании, передвижении и занятии делами своих организаций. Это обстоятельство имело особенное значение в 1905–1906 гг., когда по настоянию царского правительства усилились репрессии против русских революционеров в Германии, которая была и является главнейшим конкурентом Бельгии в производстве оружия. Наконец, Бельгия привлекала российские революционные организации в отношении закупки оружия также и тем, что Брюссель был местопребыванием Международного

социалистического бюро – центра социалистического Интернационала. При недостатке связей и незнакомстве с заграничной обстановкой выезжавшие за границу для заготовки оружия представители организаций, естественно, часто обращались за помощью к Международному социалистическому бюро в Брюсселе».[598]

«На первое время, – вспоминал московский боевик Н. Колокольцев, – поступало оружие плохое: смит-вессоны, большие и малые, и бульдоги – одним словом, всякая дрянь, но и это оружие в руках рабочих было очень хорошее.

Потом, помню, в июне месяце, вечером, я выходил из артели, вижу, подъезжает ломовой извозчик, спрашивает мою фамилию, я отвечаю, что это я, спрашиваю, в чем дело. „Примите багаж“. – „Какой багаж?“ <…> Он ответил, что сейчас придет человек и объяснит, что здесь. Перетаскали ящики, и извозчик уехал, после чего я дожидался 1 1/2 часа, но никого не было. Со мной был один тов. П. Седов: решили вскрыть ящики. Там, в ящиках, к нашей неожиданности, оказались средние браунинги и маузеры, а также ящики с патронами к ним. Мы стояли в недоумении: что делать? У того и другого не работала голова, так потеряли всю ночь. Все-таки удалось разместить оружие в удобные места.

На следующий день приходит Петр Кавказец, который говорит, что оружие, которое получено, нужно быстрее раздать.

Тогда был выработан пароль, с которым приходили рабочие из других районов: 1) Москворецкого, 2) Рогожского, 3) Лефортовского, 4) Городского, к которому принадлежали Пресня, Бутырки, Сущево, Большая Дмитровка и вся окружающая местность.

Раздача оружия происходила очень медленно, и раздавать его было очень неудобно, приходили в артель во время работы. Кто придет – возьмет 3 штуки, кто – 5 штук и т. д. И так раздача происходила очень долго, затем в артель каждый вечер собирались для практической стрельбы, а также учились разбирать и собирать оружие. Я помню, что происходила практическая стрельба в Техническом училище».[599]

Впервые после 1825 г. в Российской империи отдельные воинские части начали выходить из повиновения командирам и присоединяться к забастовщикам. Четырнадцатого июня 1905 г. на Черноморском флоте взбунтовался экипаж броненосца «Потемкин». Его поддержали моряки еще четырех военных судов. 15–18 июня имел место мятеж моряков на военно-морской базе Балтийского флота в Либаве, 25–26 июня – мятеж двух батальонов Кавказской саперной бригады в Александрополе. Многие офицеры армии и флота занимали выжидательную

позицию, заявляя, что находятся «вне политики». Колебались даже некоторые командиры гвардейских полков, дислоцированных в столице.

«Пестрота состава и зыбкость, мягко говоря, программных задач повели к тому, что в меру развития работы [офицерского] Союза стала естественно складываться „организация в организации“. „Центральный комитет“, как таковой, продолжал блюсти свою „внепартийную независимость“, а революционные элементы – на этот раз почти исключительно офицеры Генерального штаба – создали негласное объединение, вошедшее в связь с революционными партиями и поставившее в программу вместо „демократизации армии“ подготовку вооруженного восстания в Петербурге.

Работа по подготовке этого восстания и легла в основу всей нашей фактической деятельности летом и осенью 1905 года. Она велась в двух направлениях: во-первых, разрабатывался самый план восстания, собирались необходимые сведения о распределении сил противника, военных складов, телеграфных и телефонных станций и т. п. – с одной стороны, и о распределении наших сил, т. е. рабочего населения города, – с другой; во-вторых, подготовлялись и самые кадры будущего выступления, – я разумею кадры командные. И в той и в другой работе мы не могли обойтись без участия петербургского офицерства, т. е. гвардии, поскольку из негвардейских частей в Питере стоял только один Новочеркасский полк. <…>

В гвардии шло своеобразное „классовое“ расслоение. Оно сказывалось и внутри полков, и в междуполковых отношениях: при внешней чрезвычайной корректности отношения эти по существу достигали в отдельных случаях большой остроты. „Синие“ кирасиры, сохранившие дворянский состав, искренне презирали „желтых“. В гвардейской артиллерии рознь между частями дошла по тем же основаниям до такой резкости, что мы имели некоторые основания предполагать, что в момент восстания на нашей стороне обязательно будет или конная гвардейская артиллерия, или 1 гвард. артиллерийская бригада, ибо *вместе* они ни за что не пойдут: если конная артиллерия выступит против восставших, она тем самым *заставит*, так сказать, офицеров 1-й гв. бригады присоединиться к восставшим. И наоборот. По крайней мере, именно так говорила офицерская молодежь названных частей, говорила совершенно открыто. <…>

В течение лета разработка плана восстания продвинулась довольно далеко вперед: нами была произведена детальная разведка Петропавловской крепости и особенно подступов к

Трубецкому бастиону (где тогда содержались политические), причем все данные закреплены были специальным планом. Равным образом составлены были ориентировочные планы всех полковых казарм и зданий, которые предполагалось захватить при начале восстания (государственный банк; телеграфная и телефонная станции и т. п.). Во время этих работ сказалась, между прочим, черта, очень характерная для тогдашних офицеров, членов Союза: при составлении планов казарм ни один не соглашался дать планы казарм своего полка, а предлагал снять план у любого другого: „А то как-то на предательство похоже“. И в результате измайловец снимал план л. – гв. Егерского полка, а егерь – план Измайловского, вместо того чтобы дать каждый своего, прямо на память.

Прикомандированная к нам партийными, а отчасти и общественными организациями (с которыми мы держали связь) студенческая молодежь работала по обследованию улиц (проходные дворы, командующие дома, особо пригодные для обороны, и т. п.) в районах, где предполагались наиболее упорные столкновения. Помнится, где-то в районе Сенного рынка мы нашли место, заложив баррикаду на котором можно было ею одною замкнуть целых пять улиц. Молодежь была в восторге неописуемом от этой столь наглядной полезности „тактического изучения местности“.

Результаты обследований города наносились на планы Петербурга – один большой, очень крупного масштаба, добытый из городской думы (его называли „штабным“), и на несколько мелких. Хранились все эти материалы в библиотеке Академии Генерального штаба, бывшей в то время в моем ведении. Часть их, вероятно, еще и сейчас сохранилась: она была запрятана в огромных папках с какими-то (итальянскими, помнится) чертежами по гражданской архитектуре; поскольку эти чертежи, не имевшие никакого касательства к военным наукам, изучавшимся в академии, никому не могли понадобиться, место хранения было безопасным; тем более что на всякий случай я вычеркнул эти атласы из всех каталогов и инвентарей». [600]

В течение 1905 г. наиболее компетентным должностным лицом в МВД, имевшим значительный опыт и успехи в оперативной работе, был П. И. Рачковский. По представлению Трепова 4 июля он вступил в должность вице-директора Департамента полиции с правом подписи документов за своего непосредственного начальника. К концу месяца, 27 июля, директора освободили от заведования делами по государственным преступлениям и розыска по ним, возложив эти обязанности на Рачковского.

В целом в обязанности Рачковского входило:

1) руководство розыском по делам о государственных преступлениях, осуществляемом на месте охранными отделениями и чинами Отдельного корпуса жандармов;

2) надзор за производством дознаний по делам о государственных преступлениях чинами Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции;

3) надзор за осуществлением на местах гласного надзора над лицами, подчиненными надзору, и негласного за лицами «сомнительной благонадежности»;

4) вопросы, связанные с учреждением и устройством на местах органов политического розыска;

5) участие в Особом совещании по делам об административной высылке.

В подчинение Рачковскому были переданы образовавшие «политическую часть» 5-е (подготовка докладов Особому совещанию) и 7-е (наблюдение за ходом политических дознаний) делопроизводства Департамента полиции и Особый отдел.

Рачковский продолжил прерванную с уходом Зубатова практику внедрения секретных агентов в революционные кружки и партии, поставив главной своей целью наблюдение за Боевой организацией эсеров. Наряду с Азефом в ее рядах успешно работал в это время агент Н. Ю. Татаров. Однако, как мы указывали, Азеф уже вел свою игру, сообщая выгодные лишь ему самому сведения.

Благодаря Рачковскому были предотвращены террористические акты против генерала Трепова, великих князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, однако политическая ситуация в стране продолжала ухудшаться, и эксперты Департамента полиции не всегда могли объективно оценить масштабы революционной деятельности.

В условиях роста революционных настроений власть пошла на уступки, встав на путь либеральных преобразований. Шестого августа Николай II издал манифест о созыве к началу 1906 г. Государственной думы с совещательными полномочиями. Объявленная университетская автономия, по мнению властей, должна была примирить интеллигенцию и правительство, однако этого не произошло.

Для подготовки вооруженного восстания в августе 1905 г. в соответствии с решениями Женевской конференции Акаши и Циллиакус привлекли Азефа, который должен был возглавить Объединенную боевую организацию. Предполагалось, что ударной силой восстания станут боевики партии эсеров и «Боевого рабочего союза», созданного летом 1905 г. при

«Собрании русских фабрично-заводских рабочих».

«Союз был объявлен внепартийным, – вспоминал Мстиславский, – иной программы, кроме чисто боевой, повстанческой, он не имел. Первыми организаторами его выступили бывшие гапоновцы, перенесшие в него характерную для них „нелюбовь“ к интеллигенции, „гапоновскую“ тенденцию обойтись собственными низовыми силами, без политических партий – по уставу Союза в его ряды интеллигенция не допускалась. Союз делился на районные дружины, возглавленные выборными начальниками; общее руководство принадлежало Совету этих начальников – „Центральному Комитету“; в районах руководящими органами являлись советы дружин, пользовавшиеся очень широкими автономными правами: несмотря на боевые задания, требовавшие, казалось бы, самой строгой дисциплины, Союз был очень анархичен; „Свободе действий“ районных дружин содействовал в огромной мере и тот факт, что <…> каждая дружина имела свою кассу, и только закупка оружия (в Финляндии) осуществлялась через Центральный орган по соображениям технического порядка. <…>

Первоначально Союз имел крупный успех в рабочей среде: привлекала конкретность заданий, наличие материальных средств, получение оружия на руки и – в крупнейшей мере – „свободность“ организации. Наряду с беспартийными в дружинах было довольно много причислявших себя к той или иной партии». [601]

Однако восстания в конце лета 1905 г. не произошло, поскольку доставка большой партии оружия (по разным данным, 15–16 тысяч винтовок, 2,5–3 тысячи револьверов, 2,5–3 миллиона патронов и три тонны взрывчатых веществ) на пароходе «Джон Графтон» сорвалась. Двадцать шестого августа пароход сел на мель в Ботническом заливе, в 22 километрах к северу от Якобстада. Экипаж подорвал судно и ушел на шлюпках на берег. Подавляющая часть оружия была поднята русскими водолазами, кое-что попало в руки местного населения.

А план был таков.

«Для подготовки восстания в Петербурге был организован комитет в который, само собою разумеется, вошел Азеф, ведь он был главою боевых организаций с.-р. Азеф стал руководителем комитета, на который была возложена задача созвать всех членов комитета в момент, который покажется ему наиболее целесообразным. Определение дня восстания и необходимых мероприятий, с ним связанных, находилось, таким образом, в его руках. План восстания в общих чертах был следующий: оружие,

снаряжение и т. д. должны были быть доставлены на грузовом судне в заранее условленный пункт у северного побережья Финского залива. Там груз должен был быть перегружен на два других судна, и все три судна должны были отправиться в Петербург и пристать в заранее определенный день и в точно установленных пунктах различных рукавов Невы.

С этой целью предполагалось прибегнуть к рабочим организациям. Они должны были выделить достаточное число надежных людей для приемки оружия – в таком количестве, чтобы можно было вооружить им 12 000 человек: эти люди в заранее назначенные сроки должны были находиться в пунктах разгрузки в виде больших или меньших групп портовых рабочих. Тотчас после разгрузки судна они должны были вооружиться оружием и военными припасами и немедленно занять несколько заранее определенных важных стратегических пунктов в городе; чтобы во время разгрузки удалить полицию, несколько сот рабочих, снабженных заранее привезенными автоматическими маузерами, должны были быть распределены на прилегающих площадях в качестве охраны. Чтобы ввести в заблуждение власти и заставить их рассеять гарнизонные войска в различных отдаленных от Невы пунктах, небольшие отряды, снабженные взрывчатыми веществами, привезенными контрабандным путем, должны были поджечь несколько необитаемых в то время дач, а также взорвать несколько императорских дворцов в окрестностях города.

План, который теперь может показаться нелепым или фантастичным, но при тогдашних условиях осуществление его не было невозможным. Цель его, разумеется, заключалась не в завоевании Петербурга <…> а в том, чтобы в течение нескольких дней поддерживать восстание, служа, таким образом, по возможности, сигналом для одновременного взрыва в других местах.

Но этот план никогда не был доведен до конца, и этим самодержавное правительство обязано в первую очередь, если не исключительно, агенту охранки Азефу».[602]

За два дня до аварии «Джона Графтона», 24 августа 1905 г., Рачковский направил в адрес начальников жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов циркуляр «*О регулярном предоставлении Особому отделу отчетов о деятельности революционных партий*»:

«Противоправительственное движение, органами борьбы с которым являются главным образом жандармские управления и охранные отделения, получило за последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда

самостоятельных революционных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе.

Ближайшее ознакомление с характером, целями и способами действий тайных организаций, несомненно, должно составлять первейшую обязанность офицеров Отдельного корпуса жандармов, призванных к непосредственной борьбе с ними, так как только полная в этом отношении осведомленность может дать розыскным органам правительства правильный взгляд на дело и содействовать выработке целесообразных приемов борьбы, которая в противном случае будет сводиться лишь к временному, часто случайному изъятию из преступной среды отдельных ее представителей или задержанию одних средств пропаганды, которыми они пользуются.

Между тем опыт показывает, что некоторые представители жандармского надзора на местах не проявляют надлежащего интереса к теоретическому ознакомлению с программами и тактикой отдельных революционных организаций, не имеют посему ясного представления о характере противоправительственного движения во вверенных им районах, вследствие чего доносят Департаменту полиции о частных случаях проявления революционной деятельности отдельных лиц или групп, оставляя Департамент полиции в неизвестности относительно общего положения революционного движения в районе, вследствие чего департамент, как центральное учреждение, ведающее розыском, встречается с весьма значительными затруднениями при оценке положения противоправительственного движения и при выработке общих руководящих указаний и планомерной борьбы с таковым.

Ввиду изложенного Департамент полиции признает необходимым установить за общее правило, чтобы главные начальники губернских и областных жандармских управлений и охранных отделений периодически, два раза в год, представляли в департамент, независимо от обычных, по ходу текущих дел, донесений, особые записки, в которых без излишних подробностей и мелочей, затемняющих дело, но с достаточною определенностью и точностью излагали [бы] обоснованные более или менее фактически, а не на одних предположениях сведения по нижеследующим вопросам:

I. Какие революционные организации существуют в данном районе, когда они возникли, в чем выразилась их деятельность (демонстрации, забастовки, террористические факты, пропаганда словом и литературой), каков их полный состав и кто выдающиеся по своему значению их руководители. В этом отношении наибольшего внимания должны заслуживать местные

группы ниже перечисляемых организаций:

1) партии социалистов-революционеров с ее союзами, Боевой организацией и боевыми дружинами;

2) „анархистов-коммунистов“, „непримиримых“ и „махаевцев“;

3) Российской социал-демократической рабочей партии, в виде ее местных союзов, комитетов и групп фракций, так называемых „большинства“ и „меньшинства“;

4) „Всеобщего еврейского рабочего союза в Польше, Литве и России“ (то же – „Бунд“, действующий преимущественно на Западе России);

5) „Польской социалистической партии“, „Социал-демократии Королевства Польского и Литвы“ и партии „Пролетариат“ (Привислинский край);

6) „Латышской социал-демократической рабочей партии“ (Прибалтийский край);

7) „Армянской партии революционеров-федералистов“ („Дрошак“, то же – „Дашнакцутюн“) и Грузинской социально-революционной федералистической партии „Сакартвело“ (Кавказ);

8) „Партии активного сопротивления“ (Финляндия), а также самостоятельных организаций: „Военно-революционной“, „Сионистов-социалистов“ (Поалей-Цион) и „Союза освобождения“.

II. Какие указания получены на существование в данном районе технических революционных предприятий, как то: изготовление разрывных снарядов, приобретение оружия, организация паспортных бюро, постановка тайных типографий и устройство других множительных аппаратов.

III. Какие появились в пределах района за определенный период времени наиболее характерные преступные издания (брошюры и листки) и от имени каких революционных организаций и каким способом тиснения они выпущены. В этом случае надлежит указывать, с представлением образцов, главным образом те издания, которые имеют программный характер, или направлены к агитации в военной и крестьянской среде, или же изданы по поводу отдельных, особенно серьезных событий.

IV. Какие имелись указания на сношения и связи революционных организаций данного района с таковыми же других местностей и сообщалось ли и что именно об этом подлежащим начальникам жандармских управлений и охранных отделений.

V. Какие именно меры, административные и другие, были предпринимаемы в каждом отдельном случае по предупреждению

главнейших явлений революционного характера и преследованию уже совершенных преступлений политического свойства.

Принимая засим во внимание, что сроки 1 января и 1 июля уже приурочены для представления жандармскими управлениями и охранными отделениями отчетностей по негласному наблюдению, департамент предлагает включать в вышеуказанные записки сведения по полугодиям, с 1 октября по 1 апреля, и препровождать в департамент (по Особому отделу) немедленно и не позднее недели по наступлении этих сроков».[603]

«К октябрю, – писал Мстиславский, – в развитии подготовительных наших работ произошла заминка, так как со сбором необходимых сведений было приблизительно покончено, и на первый план выдвинулся вопрос о „живой силе“, ее учете, ее вооружении, ее подготовке. С учетом было неблагополучно, так как сведения, поступавшие из районов, были явно преувеличены. Вооружения по-прежнему почти не было. Что же касается технической подготовки, то поставить ее сколько-нибудь удовлетворительно и сколько-нибудь широко представлялось невозможным, так как офицеры, как я сказал, за редкими исключениями, уклонялись от общениях с „внешним миром“, а заменить живое слово хотя бы суррогатом печатных каких-либо руководств тоже нельзя было за отсутствием хороших пособий. Ходило по рукам „Руководство к уличному бою“, но книжка эта была очень слабая: конкретных указаний она почти не давала, ограничиваясь „беллетристикой“. <…> Даже для ознакомления с оружием, которое поступало в дружины, формировавшиеся партиями, организаторам приходилось пользоваться, за отсутствием иных пособий, иллюстрированными прейскурантами оружейных магазинов. Таким образом, и техническая, и особенно тактическая подготовка тех небольших организованных кадров, которыми располагали мы осенью 1905 года, была очень низка.

К середине октября политическая атмосфера сгустилась до крайности. „Верхи“ сильно волновались».[604]

Четырнадцатого октября 1905 г. петербургский генерал-губернатор и начальник Петербургского гарнизона генерал Д. Ф. Трепов в извещении к жителям столицы писал:

«Если бы, однако, где-либо возникли бы попытки к устройству беспорядков, то таковые будут прекращаемы в самом начале, и, следовательно, серьезного развития не получат. Войскам и полиции мною дано приказание всякую подобную попытку подавлять немедленно и самым решительным образом; при оказании же к тому со стороны толпы сопротивления – холостых залпов не давать и патронов не жалеть».[605]

В крупных городах страны вводилось военное положение.

Прорабатывались даже варианты эвакуации государя и членов его семьи за границу, когда в октябре 1905 г. в Петербурге началась всеобщая забастовка. В те дни кайзер Вильгельм прислал Николаю письмо с предложением переехать в Германию. Немецкое правительство воспринимало революционную ситуацию в России настолько серьезно, что начало выдвижение к русской границе нескольких армейских корпусов, а на Балтику – крейсеров военно-морского флота.

Трепову, назначенному в октябре 1905 г. дворцовым комендантом Петергофского, а с ноября – Зимнего дворца, принадлежит особая заслуга в организации охраны императорской фамилии. До этого он десять лет служил московским обер-полицмейстером, затем командиром Отдельного корпуса жандармов и хорошо знал ситуацию в Российской империи. За короткое время Трепов полностью реорганизовал охрану императора и что особенно важно – объединил полицию, жандармерию и службы личной охраны в единую систему.

Дворцовый комендант находился в непосредственном подчинении Министерства Императорского двора. В его функции входило общее наблюдение за безопасностью проживания и передвижения императора и его семьи и руководство деятельностью полицейских органов, находившихся в ведении данного министерства. Коменданту подчинялись: Управление дворцового коменданта, Дворцовая полиция, Инспекция императорских поездов. В 1905 г. общий расход средств исключительно на охрану императорской фамилии составлял 159 тысяч рублей.

Девятого октября премьер-министр С. Ю. Витте представил императору доклад о положении в стране и предложил два варианта разрешения политического кризиса: ввести в России военное положение или даровать народу конституцию. Император колебался, но сторонники либеральных реформ в его окружении победили: 17 октября был опубликован манифест «*Об усовершенствовании государственного порядка*». В нем, в частности, объявлялось:

«1) даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов;

2) не устанавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь

установленному законодательному порядку; и

3) установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».[606]

Верховная власть, хотя и с запозданием, сделала первый шаг навстречу оппозиции. Многие искренне полагали, что теперь начнется «новая жизнь».

«Наутро [18-го], – вспоминал Мстиславский, – в ранний час, ко мне приехал штабс-капитан Финляндского полка <…>. Он был возбужден и радостен: конституция, по мнению наших офицеров-финляндцев, от имени которых он приехал, разрешала вопрос, которым болела организация последние дни. Не только отпадала необходимость выступления, но под сомнение ставилась целесообразность самого дальнейшего существования Союза. Ибо с переходом к „конституционным формам правления“ иными, легальными, путями должны были получить разрешение и задания, стоявшие в программе Союза.

Я поспешил разочаровать его, указав, что акт 17 октября – не конец, но начало; что не только нельзя думать о роспуске организации, но, напротив того, именно теперь более, чем когда-либо, надо озаботиться приведением ее в боевую готовность. Штабс-капитан потемнел. Как раз в это время приехал Чарнолусский вызвать меня на экстренное междупартийное совещание в связи с предполагавшимися днем демонстрациями (в частности, на Казанской площади). Мы поехали втроем, но совещание уже закончилось; все торопились „на места“. Дожидался лишь представитель Петерб. комитета партии с.-р., сообщивший, что есть предположения с Казанской площади двинуться к тюрьмам на освобождение политических заключенных. Это могло повести к крупным событиям, поскольку в случае штурма тюрем можно было ожидать вызова войск, что поставило бы наших офицеров перед выбором: или „выступить“, или стрелять по народу. Ввиду этого я предложил финляндцу немедленно ехать в полк, собрать наших офицеров, предупредить их о возможном выступлении и держаться в казармах наготове, связавшись с Егерским и Гренадерским полками, где числилось наибольшее число строевых членов Союза. <…>

Центральный комитет делегировал „Ивана Николаевича“ – Азефа. <…> Я сделал подробный доклад как о состоянии военной организации, так и о всей боевой подготовке, поскольку она шла через комитет. При этом я не мог скрыть, что подавляющее большинство наших офицеров – в лучшем случае,

„однозарядные пистолеты, из которых можно выстрелить только один раз“. И в сущности, если не „выстрелить“ сейчас, то, пожалуй, через несколько дней даже будет уже поздно: они совсем откажутся стрелять…

Азеф заметно и искренно (совершенно искренно – я в этом готов поручиться) волновался. <…> Наконец он отнял ладони от лица, откинулся в кресле и сказал отрывисто и глухо: „Дайте отбой. Не выступать“. Комитетчик тихо охнул. Я вышел. <…>

Разрядить „однозарядные“ пистолеты эти так и не пришлось. 18 октября дело обошлось без вызова войск: движение к тюрьмам, как известно, „самоликвидировалось“, столкновения не произошло. А в последующие дни, когда объявлена была амнистия, начался тот легкий угар „дней свободы“, которого не выдержали не одни только офицерские головы. Многие в те дни использовали предлог „дать отбой“ напряженным атмосферою предоктябрьских дней нервам. В Союзе большинство офицеров держалось того мнения, что „конституция“ коренным образом изменила программу и тактику Союза, что о каких-либо самостоятельных выступлениях и действиях не приходится говорить, а дальнейшая ориентация Союза должна идти на Думу. Это повело в ближайший же срок к дальнейшему расслоению внутри Союза».[607]

Авторы манифеста считали, что свобода политических партий, выборы в Государственную думу и объявленная 21 октября амнистия для политических заключенных будут способствовать согласию и примирению в обществе. Но многие лидеры оппозиции восприняли такую позицию как слабость; они полагали, что наступил исключительно благоприятный момент для свержения самодержавия, поскольку в правоохранительных органах столицы царила растерянность, близкая к панике.

«Большинство сходилось на том, – вспоминал Герасимов, – что Охранное отделение теперь будет устранено. И многие просили меня оказать им протекцию, – кто для поступления в железнодорожное жандармское управление, кто – в пограничную стражу <…>. Я обещал <…> но отшучивался: „Успокойтесь, господа. Без нас не обойдутся. Полиция имеется даже во Французской республике. Кто хочет, может уйти, – а нам работа найдется“. <…> Утром, когда я шел на службу, наткнулся на маленький летучий митинг. Какой-то оратор, уцепившись за фонарь, говорил о том, что не благодарить царя, не служить молебны нужно – а прогнать царя прочь <…>. Положение было еще хуже, чем я думал».[608]

В октябре 1905 г. в работе «Задачи отрядов революционной армии» В. И. Ленин изложил свое мнение по вопросам теории и

практики подготовки и использования боевых революционных групп:

«Отряды должны составляться по возможности из близко живущих или часто, регулярно в определенные часы встречающихся людей (лучше и то и другое, ибо регулярные встречи могут быть прерваны восстанием). Задача их – наладить дело так, чтобы в самые критические минуты, при самых неожиданных условиях можно было оказаться вместе. Каждый отряд должен поэтому заранее выработать приемы и способы совместного действия: знаки на окнах и т. п., чтобы легче найти друг друга; условные крики или свистки, чтобы в толпе опознать товарища; условные знаки на случай встречи ночью и т. д. и т. д. Всякий энергичный человек с 2–3 товарищами сумеет разработать целый ряд таких правил и приемов, которые надо составить, разучить, упражняться в их применении. Надо не забывать, что 99 % за то, что события застанут врасплох и соединяться придется при страшно трудных условиях.

Даже и без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городового, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком и т. д. При энергии организованный, сплоченный отряд – громадная сила. Ни в каком случае не следует отказываться от образования отряда или откладывать его образование под предлогом отсутствия оружия.

Отряды должны по возможности заранее распределять функции, иногда выбирать заранее руководителя, начальника отряда. Неразумно было бы, конечно, впадать в игру назначения чинов, но нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства, быстрого и решительного действия. Решительность, натиск – 3/4 успеха.

Отряды должны немедленно по образовании, т. е. теперь же, взяться за всестороннюю работу отнюдь не теоретическую только, но и непременно практическую также. К теоретической мы относим изучение военных наук, ознакомление с военными вопросами, чтение рефератов по военным вопросам, приглашение на беседы военных (офицеров, унтеров и пр. и пр. вплоть до бывших солдатами рабочих); чтение, разбор и усвоение нелегальных брошюр и статей в газетах об уличном бое и т. д. и т. д.

Практические работы, повторяем, должны быть начаты немедленно. Они распадаются на подготовительные и на военные

операции. К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д., а также удобных для помещения штаба, для сбора сведений, для укрывательства преследуемых, помещения раненых и т. д. и т. д.). Затем, к подготовительным работам относятся немедленные распознавательные, разведочные работы: узнавать планы тюрем, участков, министерств и пр., узнавать распределение работы в казенных учреждениях, в банках и т. д., условия охраны их, стараться заводить такие связи, которые бы могли принести пользу (служащий в полиции, в банке, в суде, в тюрьме, на почте, телеграфе и т. д.), узнавать склады оружия, все оружейные магазины города и т. д. Работы тут масса, и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч. Надо стараться сплачивать теперь же в отряды непременно и безусловно всех, кто *хочет* участвовать в деле восстания, ибо *нет* и быть по может такого человека, который при желании работать не принес бы громадной пользы даже при отсутствии у него оружия, даже при личной неспособности к борьбе.

Затем, не ограничиваясь ни в каком случае одними подготовительными действиями, отряды революционной армии должны как можно скорее переходить и к военным действиям, в целях: 1) упражнения боевых сил; 2) разведки слабых мест врага; 3) нанесения врагу частичных поражений; 4) освобождения пленных (арестованных); 5) добычи оружия; 6) добычи средств на восстание (конфискации правительственных денежных средств) и т. д. и т. д. Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до всеобщего восстания, ибо без подготовки *в огне* нельзя приобрести годности и к восстанию».[609]

В качестве примера боевой работы на местах приведем воспоминания одного из активистов Петербургской организации РСДР. А. И. Сергеева:

«Приходилось вести работу в двух направлениях – чисто партийную и боевую. Личной жизни у нас совершенно не существовало. Для боевой подготовки наша организация устраивала лекции по подготовке к боевому делу. Ходили на эти конспиративные лекции представители дружин разных заводов; так, были представители дружин с завода Лесснера, патронного, набиралось иногда в комнате человек до десяти. Какой-то

артиллерист-офицер, который бывал иногда в форме, иногда в штатском платье, читал нам о взрывчатых веществах, изготовлении бомб, употреблении оружия, постройке баррикад; о том, как свести поезд с рельс, о поджогах и пр. Слушали с большим интересом, задавали вопросы, читал он нам из Виктора Гюго о баррикадах. Принес он нам однажды фосфор, разведенный, кажется, в спирту, обмакивал в него бумажку, и когда она высыхала, то загоралась; всем нам хотелось иметь этот состав. И вообще слушали этого офицера с большим вниманием, потому что знали, что он – специалист в этом деле. Он пользовался у нас полным доверием. Собирались больше всего на Петербургской стороне у курсисток.

После таких лекций приходилось собирать свой кружок и передавать им содержание лекции. Организатор боевой дружины должен был инструктировать свою группу по практической стрельбе, и мне приходилось регулярно по субботам водить дружинников из Петербургского и Выборгского районов на Малую Охту, садились в лодку, ехали по реке, потом шли по лесу и там, на просеке, установив цель, занимались стрельбой. У меня были винтовка, маузер, браунинг и револьверы. Это было оружие для всей группы, хранилось оно у меня, причем некоторые боевики имели постоянно при себе оружие, а лучшее оружие хранилось у меня и давалось только во время практической стрельбы; потом это оружие опять оставляли у меня на хранение». [610]

Еще один из членов РСДРП, Бутягин, проходивший специальную подготовку, позднее писал:

«Летом 1905 г. попал я на конференцию северокавказских организаций. Мы обсуждали вопросы подготовки к вооруженному восстанию, и, по соглашению с представителями Юга, наше собрание выделило меня для посылки в Киевскую школу.

В июле месяце, по явке где-то на Крещатике, я попал в Киев, имел несколько ночевок на Подоле, около Днепра, а затем на третий или четвертый вечер меня и двух товарищей отвели за город на огороды, в маленький, стоящий среди гряд домик. Нас было сначала трое, потом привезли еще пять человек – все с разных концов России, из областных социал-демократических организаций. Все крайне конспирировали и не называли своих имен и фамилий, даже клички переменили.

Нас замуровали в этом домишке из двух комнат; мы не могли показывать носа из дверей и окон, пока не стемнеет. Ночью разрешалось выйти подышать свежим воздухом, но выйти с огорода считалось против конспирации. Еще через день появились киевские товарищи: одного я видел на явках, двое

других были мне незнакомы. Один начал знакомить нас с нитратами, кислотами и их реакциями. <…> Я сразу понял, что имею дело с опытным человеком и знатоком взрывчатых веществ. Другой товарищ <…> читал нам лекции, обучал военной технике, баррикадной борьбе, постройке баррикад, а главное – правильному пониманию вооруженного восстания и подготовке для него военно-технических средств. <…> Но некоторые товарищи плохо охватывали значение доз, значение температуры <…>. Им трудно было привыкнуть к крайней осторожности и четкости в работе; поэтому здесь, в школе, и потом в лабораториях – армавирской, екатеринодарской, новороссийской, ростовской – приходилось часто висеть на волосок от смерти.

Нам лаборант часто говорил, что так как мы работаем при 90 % за то, что все через полгода уйдем в потусторонний мир, то и не успеем раскинуть сети большевистских лабораторий. Его пророчества были довольно верны: тифлисская лаборатория взорвалась очень скоро, затем я слыхал о взрыве одесской лаборатории. У меня в екатеринодарской лаборатории тоже только случай и беззаветное самопожертвование моего помощника спасли положение, хотя этот товарищ все-таки сжег свою левую руку раствором металлической ртути в сильно дымящейся кислоте.

Благополучно закончив занятия, обучившись еще метанию бомб, мы поодиночке разъехались по разным организациям ставить партийные лаборатории».[611]

Приведенные воспоминания приоткрывают завесу лишь над малой частью нелегальной антиправительственной деятельности, направленной на силовое устранение власти. Подобные мероприятия в той или иной мере проводили все оппозиционные организации и партии.

Одновременно с формированием, обучением и практической деятельностью боевых дружин происходило создание параллельных органов власти – советов рабочих депутатов. Первый совет появился в середине марта 1905 г. в Алапаевске, 15 мая создан Совет уполномоченных рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, 13 октября – Петербургский совет рабочих депутатов. Интенсивно развивались союзы, объединявшие работающее население по принципу профессиональной принадлежности. В Москве 8–9 мая состоялся первый съезд Союза Союзов, на который прибыли представители четырнадцати профсоюзов. Дело дошло до того, что профсоюзы стали создавать даже сотрудники полиции.

Представители оппозиционных партий, входившие в руководство советов и союзов, вели активную

антиправительственную агитацию и постепенно присваивали себе отдельные функции исполнительной власти. Герасимов вспоминал, что через несколько дней после опубликования указа об амнистии в Петербургское охранное отделение прибыли представители Совета рабочих депутатов и потребовали показать помещения для арестованных, что было исполнено.

Он также писал:

«Можно сказать, что Петербург находился в состоянии сплошного митинга. Из-за границы приехали эмигранты и присоединились к выпущенным из тюрем революционерам. Из-за границы же привезли русские нелегальные издания и начали открыто продавать их на улицах. <…> Как грибы росли революционные издания. Конфискации нелегальных типографий побудили революционные партии печатать свои издания в легальных частных типографиях. <…> И скоро появились легальные газеты с аншлагами: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, „В борьбе обретешь ты право свое“ <…>. Еще хуже распространения революционных изданий было другое: существование и рост влияния Совета рабочих депутатов. Он возник в дни октябрьской забастовки для руководства стачечным движением. После окончания забастовки совет расширился, реорганизовался – и стал вести себя как второе правительство. Во все учреждения он слал запросы, требовал справок и объяснений – и всего хуже было то, что учреждения, даже правительственные, даже полиция, эти справки и объяснения совету давали. Открыто он проводил сборы на вооружение, а вскоре приступил к созданию исполнительного органа своей власти – милиции. Представители этой милиции <…> вмешивались в действия чинов полиции <…> – и растерянная полиция нередко их слушалась».[612]

В октябре – ноябре 1905 г. произошло несколько крупных военных мятежей и вооруженных выступлений оппозиции: 26–28 октября – Кронштадт (двенадцать из двадцати флотских экипажей); 30–31 октября – Владивосток (матросы Сибирской военной флотилии и солдаты Хабаровского запасного полка); 11–16 ноября – Севастопольское восстание (команды крейсера «Очаков» и еще 11 кораблей, солдаты Брестского пехотного полка и саперной роты); 17–18 ноября – Киев (мятеж нескольких батальонов местного гарнизона); 23 ноября – Харьков (вооруженная демонстрация солдат четырех пехотных полков под лозунгом «Долой самодержавие!»). В Бессарабии начал действовать партизанский отряд Г. И. Котовского. Во всех этих случаях мятежные войска поддерживали контакты с представителями революционных партий и их боевыми

дружинами. Митинги, стачки, демонстрации, крестьянские волнения, нападения на полицейских и военных исчислялись сотнями.

В условиях государственной политики, неадекватной росту террористической активности, ответной реакцией на выступления левых политических группировок стало появление правых радикальных организаций. Их целью было противодействие революционным экстремистским выступлениям, поддержка самодержавия и борьба с любыми формами осуществления демократических преобразований. В ноябре 1905 г. организационно оформился «Союз русского народа» (черносотенцы), созданный при участии сотрудников Департамента полиции и поддержанный некоторыми представителями правящей элиты. Впоследствии был создан «Союз Михаила Архангела». Методы действия правых организаций (пропаганда, устрашение политических противников, тактические приемы и т. п.) были зеркальным отражением методов действия левых. Можно сказать, что экстремизм одних неизбежно приводил к выступлениям других. В Петербурге основным оппонентом боевиков «Союза русского народа» стали дружинники «Боевого рабочего союза».

«Готовясь – закупкой и распределением оружия и патронов и боевой учебой – к вооруженному восстанию, районные дружины в повседневной жизни играли роль рабочей самообороны. В меру нарастания черносотенного движения и создания по районам дружин „Союза русского народа“, роль эта возросла, и в 1906 г. за заставами едва не ежедневно происходили стычки между дружинниками обоих лагерей, иногда разраставшиеся в крупные столкновения. Особенно напряженной была борьба за Невской заставой, где находились „штаб-квартиры“ – и черносотенная (в трактире „Тверь»“), и наша (в трактире „Васильки“). <…>

Перестрелки за заставами проходили обычно при „нейтралитете“ полиции: городовые в рабочих районах, затерянные на своих „постах“ среди рабочего моря, одинаково рисковали получить пулю и от тех, и от других в случае вмешательства. В силу этого арестов в дружинах почти не было. Первый крупный провал был после нападения отряда невскозаставских дружинников на „штаб-квартиру“ „черных“ – „Тверь“ – в конце января 1906 г. <…> Но и в данном случае аресты шли не по линии Союза, а по партийной линии, поскольку участники нападения были связаны с большевистским „Боевым центром Невского района“.

Оружие и патроны доставлялись, как я упоминал уже, из Финляндии; закупка производилась через финских активистов;

для приемки высылались дружинники в Выборг; перевозка через границу шла контрабандным путем, переправой через реку Сестру».[613]

В 1905 г. вооруженные столкновения боевых дружин правых и левых организаций происходили и в других городах. Боевики всех революционных партий осваивали тактику уличных боев сначала на практике. Одно из первых теоретических пособий по уличному бою под названием «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию» подготовил (с редакционными правками В. И. Ленина) В. Северцов. Оно было издано в Женеве в типографии ЦК РСДРП и осенью 1905 г. переправлено в Россию. В этой работе имелись следующие разделы:

1. Вооружение.
2. Постройка баррикад и укрепление домов, стен и т. п.
3. Расположение наших сил.
4. Атака: а) Разведка; б) Атака кавалерии; в) Атака пехоты; г) Атака артиллерии.
5. Наступление восставших.
6. Общий план восстания.

Но именно в боевых столкновениях рождался тот бесценный практический опыт, который в дальнейшем ляжет в основу тактики боевых действий малых подразделений в городских условиях. Этот опыт нередко доставался дорогой ценой.

«…Боевую дружину, – вспоминал московский боевик М. Виноградов, – которая возвращалась в университет, чтобы там уже разойтись, ожидал кровавый финал. Нас было 80 человек вооруженных. Быстрым шагом подходили мы к университету с Никитской и заворачивали за угол против Манежа, как вдруг со всех сторон – перекрестный огонь, загремели выстрелы, и 40 человек дружинников уложили на месте, некоторые были ранены.

Засада была хорошо организована: угол Никитской и Манежа был освещен электричеством, тогда как на всех прилегающих улицах весь свет был потушен, и мы не могли видеть, кто и откуда в нас стреляет.

Мы проникли во двор университета, захватив всех своих убитых и раненых. За последним, оставшимся лежать на мостовой, я вернулся и унес под градом пуль. Но и на двор еще сыпались пули, пока наконец нам не удалось войти в самое здание университета.

Там мы тотчас же забаррикадировались в ожидании дальнейших нападений, но ночь прошла спокойно. Раненых перевязали, убитых уложили на столы, а утром их увезли близкие, явившиеся за ними.

Ясно стало, что против винтовок нужна винтовка и, кроме

того, нужна тактика уличного боя, нужна хорошо обученная боевая дружина, обученная и стрельбе с приемами передвижения и приемами боя, и с этой минуты я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Революционными связями были добыты средства – тысяча рублей, на них купили 40 винтовок-винчестер, коротких, чтобы можно было носить их под пальто. К ложу каждой винтовки прибит был ремень, в который продевалась рука, после чего уже надевалось пальто. Винтовка оказывалась под мышкой, и дружинник по внешнему виду ничем не отличался от обыкновенного прохожего. Кроме того, были приобретены два маузера для руководителей – меня и т. Щепетильникова. На патроны денег не хватало, и пришлось обратиться к ассоциации инженеров, которая в складчину раскошелилась всего на 100 целковых на вооруженное восстание, каждый же „революционный“ банкет обходился им в несколько сот рублей.

В людском материале, разумеется, недостатка не было, и боевая дружина в 48 человек была быстро сорганизована. Дружина была разбита на 3 шашки по 16 человек. Нормальный строй был: 3 шашки, друг за другом, по 4 ряда. Из этого строя по беззвучному сигналу дружина переходила мгновенно в любой строй: развернутый направо, налево, вперед, назад, в каре, по двум сторонам улицы и, главным образом, в рассыпной, с использованием естественных прикрытий. Командовать дружиной приучался каждый дружинник, и во время упражнений командование велось по очереди всеми, по дню каждый. Цель была та, чтобы в случае гибели вождей дружина продолжала оставаться боеспособной. Начальники наши стояли в общих рядах, так что ничем не отличались от остальных дружинников. Для упражнения в строю мы отвели бывший цейхгауз во дворе и там целыми часами ежедневно вели строевые упражнения, пока не добивались полной отчеканенности движений.

Кроме различных видов строя, мы упражнялись немало также и в невидимых передвижениях по городу. Покидая Миусский парк, мы условливались, где сойтись, и, выходя поодиночке, шли туда каждый своей дорогой.

Придя на условленную площадь, мы циркулировали по ней, все не успевали добраться, и затем по условленному сигналу, как по мановению волшебного жезла, сразу вырастала вокруг начальника боевая дружина в 48 человек в полной боевой готовности. Однако между появлением первого дружинника в условленном месте и приходом последнего проходило не более 5 минут.

Пока у нас в распоряжении были только револьверы в

небольшом количестве, упражнения в стрельбе мы вели в мастерских Миусского парка, но когда мы вооружились винтовками, то пришлось подумать о стрельбище. Такое мы нашли в Сокольниках, в глухом месте рощи, где были сложены поленницы дров.

Мы брали трамвайный вагон, ставили на нем вывеску „служебный“, засаживались в нем все 48 человек и через несколько минут были уже у Сокольничьего круга. Вагон ставился на запасный путь, а сами мы направлялись на наше стрельбище гуськом друг за другом, ступая, как волки, в след друг другу, чтобы на снегу оставался след только одиночный, а не от толпы людей. Придя на место, мы так же, не топча снега, развертывались в шеренгу против поленницы дров. Стреляли по очереди, всякий со своего места, все в одну точку поленницы, начиная с очень близкого расстояния и постепенно увеличивая и увеличивая изо дня в день, причем предварительно в мастерских парка мы вели упорные упражнения в прицеле без патронов, в спуске курка и вообще во всех тонкостях, обеспечивающих точное попадание. Каждый выброшенный из винтовки патрон тщательно подбирался; это делалось для того, чтобы не оставалось следа и [чтобы] использовать патрон в дальнейшем: ввиду ограниченности их мы перезаряжали и вновь пускали в дело. По окончании стрельбы точка, куда ложились пули, замазывалась грязью и снегом, дружина свертывалась и по старому следу гуськом возвращалась к вагону, который уносил нас обратно.

Результаты стрельбы получались блестящие: каждый дружинник бил очень метко, можно сказать, без промаха, и уверенность в их меткости была настолько велика, что руководящий стрельбой стоял в нескольких шагах от цели и концом палки указывал ту точку, куда попадала последняя пуля.

Когда миусская дружина была сорганизована и обучена, партия начала употреблять ее для охраны митингов. Нас извещали заранее, и к назначенному часу мы появлялись».[614]

Для наведения порядка в стране необходимо было как можно скорее взять под контроль ситуацию в столице, поскольку Петербургский совет рабочих депутатов открыто призывал к вооруженному восстанию. Назначенный в октябре 1905 г. министром внутренних дел П. Н. Дурново, директор Департамента полиции Э. И. Вуич и градоначальник Н. А. Дедюлин применить решительные меры против совета не решались. Но заведующий Петербургским охранным отделением полковник Герасимов после обнародования Манифеста 17 октября начал готовиться к проведению арестов. Для этой цели были мобилизованы все наличные силы Петербургского охранного отделения (150 филеров «наружки» и 100 филеров охранной команды), а также секретная агентура.

Герасимов вспоминал:

«Они все получили от меня самые точные инструкции. Их задачей было выследить квартиры всех активных деятелей революционных партий, особенно связанных с боевым делом. <…> В революционных кругах к этому времени конспирация совсем упала. Люди перестали обращать внимание, следят за ними или нет. Это облегчало нашу работу. А потому к началу декабря намеченные мною списки были уже в полном порядке».[615]

Против ареста революционеров в Петербурге выступали практически все представители власти. Решительность проявил только министр юстиции М. Г. Акимов. Как генерал-прокурор Российской империи, 3 декабря он отдал Герасимову письменный приказ об аресте членов Петербургского совета во главе с Л. Д. Троцким.

Неудача с доставкой оружия на «Джоне Графтоне» не остановила революционеров, и они предприняли новую попытку, зафрахтовав пароход «Сириус». Агентурная информация об этом имелась, однако слежка за «Сириусом» оказалась осложнена тем, что конечным пунктом маршрута вместо Кавказа указывалась Финляндия. Вследствие этой ошибки (или грамотной дезинформации) наблюдение вели за судном Финляндского пароходного общества с тем же названием, совершавшим

обычный рейс в Гельсингфорс. Между тем, другой «Сириус» в сентябре 1905 г. вышел с оружием в трюме (8,5 тысячи винтовок и от 1,2 до двух миллионов патронов) из Амстердама и взял курс на юг. Двадцать четвертого ноября неподалеку от Поти оружие было перегружено на четыре баркаса, которые направились к заранее определенным местам на побережье. Около двух тысяч винтовок и полмиллиона патронов удалось захватить пограничникам, но бóльшая часть оружия попала к революционерам.

Пятого декабря 1905 г. конференция московских большевиков вынесла решение объявить 7 декабря всеобщую стачку с переводом ее в вооруженное восстание. Только после этого центральная власть осознала опасность собственной нерешительности. По завершении аудиенции у Николая II (она состоялась в 7 часов утра 7 декабря) Дурново направил во все охранные отделения и жандармские управления циркуляр о немедленном аресте лидеров революционных организаций и о подавлении выступлений с помощью оружия. Но распоряжение было исполнено только там, где полиция и специальные службы были заблаговременно подготовлены к такому повороту событий.

В Петербурге «весь день прошел в подготовительной работе. Так как чинов Охранного отделения и Жандармского управления было <…> недостаточно, то в помощь были мобилизованы все наличные силы полиции. Было намечено, кто именно будет руководить какими именно обысками и арестами. Под вечер около 5-ти часов руководители всех отрядов были собраны в Охранное отделение. <…> Намеченные обыски должны были быть произведены, чего бы это ни стоило. Если отказываются открывать двери, следовало немедленно их выламывать. При сопротивлении – немедленно стрелять <…>. Всего было произведено около 350 обысков и арестов. Взяты 3 динамитных лаборатории, около 500 готовых бомб, много оружия, маузеров, несколько нелегальных типографий. В 4-х или 5-ти местах было оказано вооруженное сопротивление. Сопротивлявшиеся убиты на месте. На следующий день было произведено еще 400 обысков и арестов <…> среди арестованных был Александр Федорович Керенский. Он был начальником боевой дружины социалистов-революционеров Александро-Невского района».[616]

В Москве события развивались по иному сценарию: 7–8 декабря полиции удалось арестовать только часть членов Моссовета и лидеров оппозиционных партий; 9 декабря на Тверской улице появились первые баррикады; 11 декабря «Известия Московского совета рабочих депутатов» опубликовали инструкцию Боевой организации при Московском комитете

РСДРП «Советы восставшим рабочим».

В инструкции говорилось:

«Товарищи! Началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть наших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил. <…>

1. Главное правило – не действуйте толпой, действуйте небольшими отрядами в три-четыре человека, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше, и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется всеми этими маленькими неуловимыми отрядами.

2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы, все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много. Всех же их взять нельзя, потому что для этого каждый дом нужно населить казаками.

3. Поэтому, товарищи, если вас кто-нибудь будет звать идти куда большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец – не слушайте, если провокатор – убивайте. Всегда и всем говорите, что нам выгоднее действовать одиночками, двойками, тройками, что это полиции выгодно расстреливать нас оптом, тысячами.

4. Избегайте также ходить теперь на большие митинги. Мы увидим их скоро в свободном государстве, а сейчас – нужно воевать, и только воевать. Правительство это прекрасно понимает и нашими митингами пользуется для того, чтобы избивать и обезоруживать нас.

5. Собирайтесь лучше небольшими кучками для боевых совещаний каждый в своем участке и при первом появлении войск рассыпайтесь по дворам. Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите.

6. Строго отличайте ваших сознательных врагов от несознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты, по возможности, не трогайте. Солдаты – дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и

направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий солдата на избиение рабочих, становится врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно, убивайте.

7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу – конные или пешие, вооруженные или безоружные, – смотрите на них, как на злейших врагов, и уничтожайте их без пощады.

8. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте.

9. В борьбе с полицией поступайте так: всех чинов до пристава включительно при первом удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городовых только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а вам.

10. Дворникам запрещайте запирать ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а во второй убейте. Заставляйте дворников служить опять-таки нам, а не полиции. Тогда каждый двор будет нашим убежищем и засадой».[617]

Член ЦК ПС. В. М. Зензинов позднее писал о московских событиях:

«Сумасшедшие дни были пережиты нами в декабре. Баррикады, ружейная стрельба, обезоружение жандармов, городовых и Сумских драгун, прибывших на усмирение Москвы из Твери, попытки вызвать из казарм войска, явно сочувствовавшие революционерам, но колебавшиеся выйти на улицу. <…> Только поздней ночью, пробираясь вдоль улицы (после 9 часов вечера под угрозой расстрела запрещено было выходить из домов), мы собирались все вместе, сплоченная группа комитетчиков. Приходили возбужденные, взволнованные всем пережитым за день. Это была маленькая квартира Л. М. Армандт в Филипповском переулке около Арбатской площади, на которой было в эти дни немало столкновений между дружинниками и драгунами. Странный вид представляла эта квартира. Многочисленные пачки патронов к маузерам, сами маузеры в деревянных кобурах, снятая с городового шашка, пачки литературы – всем этим завалены были стулья, диваны и столы… Здесь же на столе стояли похожие на сахарницы жестяные банки, перевязанные веревочкой: то были наши динамитные бомбы, которым так завидовали тогда социал-демократы».[618]

Подавить восстание в Москве удалось только 18 декабря после прибытия лейб-гвардии Семеновского полка из Петербурга

и Ладожского пехотного полка из Варшавы. Правительственные войска использовали в уличных боях артиллерию, пулеметы и залповую стрельбу из винтовок. Боевики, вооруженные бомбами-«македонками», маузерами, браунингами и револьверами, широко применяли тактику засад и налетов малыми группами.

Двадцать четвертого декабря 1905 г. министр внутренних дел Дурново подписал циркуляр «*О передаче дел, связанных с террором, в военные суды*». В нем указывалось:

«Ввиду исключительно тревожных обстоятельств переживаемого времени и в целях возможно быстрейшего применения репрессий к лицам, изобличаемым в убийстве и покушении на убийство должностных лиц, я признал необходимым, на основании ст. 17 Положения об охране, безусловную передачу этого рода дел в местностях, объявленных в положении усиленной охраны и не входящих в пределы генерал-губернаторств, – в военные суды для суждения виновных по законам военного времени с применением ст. 279 Воинск. уст. о наказ.

Сообщая об изложенном гг. губернаторам и градоначальникам, прошу все дела о лицах, изобличаемых в совершении указанных выше преступлений, в тех случаях, когда закон (п. I Именного высочайшего указа Правительствующему сенату 29 ноября сего года) представляет право губернаторам и градоначальникам объявлять местности, вверенные их управлению, в положении чрезвычайной охраны, – также передавать на рассмотрение военного суда для суждения виновных по законам военного времени с применением наказания по ст. 279 Воинского устава о наказаниях».[619]

Статья 17 ранее принятого (14 августа 1881 г.) «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» гласила:

«От генерал-губернаторов, а в губерниях, им неподчиненных, – от министра внутренних дел зависит: а) передавать на рассмотрение Военного суда отдельные дела о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, когда они признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, для суждения их по законам военного времени; б) требовать рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка».[620]

В декабре 1905 – январе 1906 г. в Александрове, Красноярске, Новороссийске, Ростове на Дону, Харькове, Чите и некоторых

других городах также произошли вооруженные восстания, где восставшие иногда удерживали власть в течение одной-двух недель.

Все эти выступления смогли произойти только потому, что в Россию было переправлено большое количество оружия из-за границы. И хотя большинство покупок и транспортов конспирировались (покупка от имени подставных фирм, а иногда и государств), большинство сделок становились известны спецслужбам европейских государств. Отметим, что любое оружейное производство в любой стране мира постоянно находится под контролем контрразведки, политической и криминальной полиции. И тем не менее эти сделки практически не пресекались. Исключение составляла конкурентная борьба, в частности фирм Бельгии и Германии, и этому было несколько причин.

Правительства стран, чьи банки кредитовали Японию (в первую очередь Великобритания), были заинтересованы в поражении России и увеличении своих, тогда еще национальных, капиталов. Второй причиной являлась активная антирусская позиция еврейского лобби (Я. Шифф и К°, Англо-еврейский комитет), особенно усилившаяся после октябрьских погромов. Ну а желание понизить политическое влияние России как одной из шести ведущих мировых держав присутствовало у всех основных мировых игроков. Сами спецслужбы имели уникальную возможность вербовки русских и своих революционеров, тайно задержанных за нарушение законодательства европейских государств. Кроме того, возникала возможность избавиться от части устаревшего оружия. А на помощь российским революционерам (в основном на закупку оружия) в Америке и Европе было собрано более семи миллионов рублей…

В связи с ростом числа революционных выступлений начальник Дворцовой полиции ротмистр Б. А. Герарди, полагая количество сотрудников охраны недостаточным, в 1906 г. предложил новый план распределения наружных постов. Наряду с существовавшими, вводилась дополнительная охрана у дворцов всех великих князей и министров; например, министра внутренних дел охранял уже не один сотрудник, а пятеро. В одном из полицейских докладов начала XX в. об «обеспечении безопасности Их Императорских Величеств и высокопоставленных лиц» приводится план «денных постов у дворцов, в коих имеют пребывание высочайшие особы, и у домов, в коих проживают высокопоставленные лица».[621] Всего было установлено 98 постов в три смены, то есть задействовано 294 человека. Наряду с Дворцовый полицией (гласной охраной) за безопасность

императорской семьи и высших чиновников империи отвечали и сотрудники созданной в 1906 г. Охранной агентуры (негласной охраны). Эту структуру возглавил А. И. Спиридович, подчинявшийся дворцовому коменданту.

В докладе отмечалась необходимость ротации сотрудников наружной охранной службы с привлечением кадров из российских губерний:

«Для наилучшей постановки службы этих постов, а равно для получения от них наибольшей пользы будет целесообразно заместить часть этих постов, а также часть людей, находящихся ныне на вокзалах, филерами, командированными в охранную агентуру по два от каждого из провинциальных охранных отделений из числа филеров, наиболее осведомленных о местных революционных деятелях. При такой технике охранных постов, в особенности если эти филеры будут расставлены на Невском проспекте и Морской улице, явится вероятным выяснение провинциального революционера, если последний, скрывшись у себя от наблюдения, появится в столице. Взамен прикомандированных филеров из охранной агентуры можно будет командировать равное количество агентов, которые, ознакомившись в подлежащем охранном отделении с наблюдаемым составом, возвратятся в охранную агентуру, а присланные люди будут откомандированы. Затем смена людей, ввиду движения наблюдаемого состава и появления в нем новых лиц, может быть произведена вновь».[622]

Ротация позволяла личному составу провинциальных охранных отделений получить опыт работы в столице и познакомиться с установочными данными особо опасных лиц из «наблюдаемого состава». Сотрудники центрального аппарата охраны приобретали знания о провинциальных революционерах и могли обучать коллег из местных отделений новинкам в области охранного и розыскного дела.

Здесь следует отметить, что и правительственные войска при подавлении вооруженных выступлений осваивали тактику уличных боев более на практике, чем в теории. Уверенность верховной российской власти в невозможности восстаний в России до 1905 г. была чрезвычайно велика. Когда в 1898 г. русский военный агент в Италии представил военному министру обстоятельный секретный доклад о тактике уличных боев в дни Миланского восстания, он был отстранен от должности. Увольнение мотивировалось тем, что податель доклада уделяет внимание никому не нужной ерунде и, следовательно, не имеет правильного представления о своих обязанностях.

В 1906 г. ситуация в корне изменилось. Поскольку в

отечественной военной литературе соответствующих теоретических руководств не было, спешно была переведена и издана глава «Уличный бой» из немецкой тактики Балка. Офицеров стали подробно инструктировать о методах и способах уличной борьбы. Дело о Миланском восстании извлекли из архива и сделали предметом изучения. Под председательством великого князя Николая Николаевича был организован специальный Комитет Государственной обороны, куда привлекли весь цвет тогдашней военной профессуры и признанных авторитетов в области теории и практики военного дела. По указаниям Комитета в полках читались лекции по тактике, аналогичные тем, которые изучали боевики революционных партий. Использовались и захваченные полицией в ходе обысков учебные пособия революционеров.

После подавления крупномасштабных вооруженных выступлений конца 1905 – начала 1906 гг. политическая ситуация в России оставалась нестабильной. Даже после начала работы I Государственной думы (17 апреля 1906 г.) восстания и демонстрации продолжались.

Двадцать пятого апреля 1906 г. Николай II утвердил новое «*Положение о дворцовом коменданте*». Комендант подчинялся министру Двора и осуществлял общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций и главный надзор за безопасностью императора и его семьи во время путешествий. Также он руководил деятельностью полицейских органов Министерства Двора в городах дворцового ведомства и деятельностью прикомандированных лиц, исполняющих полицейские и специальные обязанности.

В подчинении дворцового коменданта находились Особое управление, Инспекция императорских поездов, Дворцовая полиция, Собственный Е. И. В. конвой, Сводно-гвардейский батальон и 1-й железнодорожный батальон. Все правительственные учреждения обязывались немедленно сообщать коменданту сведения, имеющие отношение к безопасности высочайших особ.

Ведению дворцового коменданта подлежали: городские полиции в Царском Селе, Петергофе, Гатчине и Павловске; охранные (дворцовые) и служительские команды в районе дворцовых управлений; полицмейстеры императорских санкт-петербургских и московских (во время пребывания двора в Москве) театров.

Чтобы наладить отношения с парламентом, министра внутренних дел П. Н. Дурново отправили в отставку, а на его место назначили саратовского губернатора П. А. Столыпина.

Однако многие депутаты использовали легальную трибуну Думы для антиправительственной агитации. За казенный счет они разъезжали по стране и открыто выступали за свержение самодержавия. В итоге 9 июля Дума была распущена, а председателем Совета министров стал Столыпин, сделавший своим девизом слова «Сначала успокоение – потом реформы».

Новый премьер не был сторонником массовых репрессий: уже 11 июля он направил губернаторам телеграмму с требованием огульных мер не предпринимать. Но Столыпин не мог действовать только либеральными методами. Согласно справке Департамента полиции, с февраля 1905 г. по май 1906 г. в результате террористических актов были убиты и ранены 1273 человека, из них: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 8; вице-губернаторов и советников губернских правлений – 5; полицмейстеров, уездных начальников и исправников – 21; жандармских офицеров – 8; строевых генералов и офицеров – 11; приставов и их помощников, околоточных надзирателей, городовых, урядников, стражников, жандармских нижних чинов, агентов охраны – 937; гражданских лиц разного звания – 243 человека.

Видя слабую работу Департамента полиции, Столыпин начал проводить его реорганизацию. Тринадцатого июня 1906 г. директором был назначен опытный юрист и хороший организатор М. И. Трусевич. Особый отдел возглавил А. Т. Васильев.

Двадцать восьмого марта 1906 г. на даче в Озерках по Финляндской железной дороге был убит Георгий Гапон, обвиненный членом партии эсеров П. М. Рутенбергом (Мартын) в сотрудничестве с Рачковским. Исполнителями стали члены «Боевого рабочего союза» во главе с С. Д. Мстиславским (Михаил), который, как и Рутенберг, тогда входил в партию эсеров. Скорее всего, Гапон действительно контактировал с российскими спецслужбами, но как и в чьих интересах? Можно предположить, что он, как и Азеф, вел свою собственную игру, пытаясь с помощью жандармов устранить противников (эсеров и эсдеков) в рабочем движении.

После смерти Гапона «Боевой рабочий союз» перешел под знамена Совета безработных Санкт-Петербурга, председателем которого был член Петербургского комитета РСДР. В. С. Войтинский. Но уже к лету 1906 г. настроения в рядах союза существенно изменились.

На четвертом (объединительном) съезде РСДРП, состоявшемся 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 г. в Стокгольме, была принята программа, в которой указывалось, что вооруженному восстанию должны предшествовать:

железнодорожная и почтово-телеграфная стачки, которые перерастут во всеобщую стачку, а также отдельные революционные сходки и митинги, призванные разжечь политические страсти и вызвать кровавые столкновения. Стачка и восстание, по мнению большевиков, должны быть поддержаны печатью; газетчикам следовало приписывать все ужасы, сопровождающие эти народные движения, одному лишь правительству. Посредством пропаганды все войска необходимо было склонить в сторону революции; набор новобранцев следовало сорвать отказом населения от воинской повинности.

Семнадцатого – двадцать третьего июля 1906 г. взбунтовалась часть гарнизона крепости Свеаборг (эсеры); 19–20 июля аналогичные события произошли в Кронштадте (эсдеки; 20 июля – на военно-морской базе в Ревеле. Выступления были подавлены, но мира в обществе не наступило.

«Между тем, – вспоминал Мстиславский, – деньги в районах, а еще больше – у отдельных начальников дружин, естественно, были. Закупка оружия продолжалась, но дружины требовали главным образом браунинги, а не маузеры, которые были ранее „приняты у нас на вооружение“, как наиболее удобный из образцов ручного оружия. Браунинг в уличном бою в сущности ничего не стоит: дружинники знали это превосходно.[623] И если они явственно переходили на браунинги, это не могло не вызывать подозрений, что „боевые задания“, задачи восстания уступают свое место другим, не требующим дальнего выстрела, не требующим боя заданиям – экспроприаторским. Правда, на прямые мои вопросы начальники дружин, посмеиваясь, отвечали отрицательно; но я был почти уверен, что организация все определеннее переходит на этот путь и „частные экспроприации“, строжайше запрещенные Центральным Комитетом Союза, на деле практикуются все шире. Каждый раз, когда газеты сообщали о вооруженном ограблении того или другого магазина (а сообщения эти появлялись почти ежедневно), навязчиво думалось: союзные ли?.. Остановить этот процесс разложения было нечем, поскольку лучшие элементы Союза перешли в партийные боевые труппы, а мой личный авторитет, державшийся, пока Союз готовился к восстанию, где технические мои знания были нужны, естественно, сошел на нет, когда мысль о восстании отпала: на путях „экспроприации“ я являлся лишь вредным тормозом.

А мысль о восстании, на которой в свое время взрос Союз, действительно угасла: в этом пришлось убедиться в дни Свеаборгского восстания. Момент был таков, что необходимо было бросить в бой все наличные у нас силы. Мы ждали с часу на

час подхода революционного флота к Кронштадту. Пользуясь данным мне когда-то и „юридически“ не отмененным правом, я отдал по Союзу приказ: изготовиться в 24 часа и выступить по указанному мною плану, но дружины отказались, Я порвал с Союзом. В ближайшие месяцы он окончательно распылился в „частных эксах“.

Но в Свеаборгские и Кронштадтские дни дали отказ не одни „союзники“ – оказались не в состоянии выступить и партийные дружины: они были слишком слабы, и слишком ничтожны были запасы оружия. Это заставило нас особенно усилить военную работу: успех революции слишком явственно лежал на путях „борьбы за армию“.

Чисто партийными силами, слишком малочисленными, нельзя было рассчитывать достичь больших результатов. Для массового движения в армии нужны были и соответствующие организующие силы; партии не в силах были их дать, так как „штатские“ в этой работе не годились: революционные армии нуждались в техническом и военном руководстве, к которому способны были только офицеры».[624]

К середине 1906 г. многие участники боевых структур революционных организаций стали постепенно выходить из повиновения своим лидерам и проводить экспроприации в корыстных целях. Например, в свидетельских показаниях Л. М. Прохорова, одного из боевиков эсдеков, отмечается, что «эсдековские боевики, не довольствуясь хождением на лекции, стремились проявить себя в террористических актах или в грабежах. Но так как этого инструктор не разрешал, то нередко дружинники тайком от партии устраивали грабежи и взятые такими путями деньги брали в личное распоряжение. Так, например, в июле 1906 г. во время работ на Невском судостроительном заводе был ограблен артельщик на 15 000 рублей <…>. Вскоре после этого ограбления <…> происходило собрание дружинников, на котором присутствовали и участники ограбления. На это собрание приехал некий „Савельев“ (он же Сибиряк) и сделал предложение дружинникам объединиться в автономную группу. Вскоре происходило другое, но такое же собрание, на которое приехал инструктор „Лазарь“ и, узнав участников ограбления, стал требовать от них как от членов партии отдачи этих 15 000 рублей в пользу партии, но на это ему ответили, что совершившие это ограбление выходят из партии и выдают ему партийное оружие, а взятые деньги <…> пойдут на новую беспартийную группу террористов-экспроприаторов».[625]

Двенадцатого августа 1906 г. эсеры-максималисты организовали покушение на председателя Совета министров и

министра внутренних дел П. А. Столыпина.

Двое боевиков, переодетых в форму жандармских офицеров, с бомбами в портфелях подъехали к даче премьера на Аптекарском острове в Петербурге. Находившийся в передней швейцар обратил внимание на поведение «жандармов» и на их мундиры, детали которых не соответствовали офицерской форме, и предпринял попытку задержать посетителей. Будучи на грани разоблачения, террористы оттолкнули швейцара в сторону и вбежали в переднюю, но на их пути встал начальник охраны Столыпина. Тогда были взорваны бомбы. Взрывом разрушило деревянные стены первого и второго этажей, был снесен балкон второго этажа. Уцелел только кабинет Столыпина, в котором он в тот момент находился. Кроме террористов, погибли 25 и получили ранения сто человек, в том числе сын и дочь премьера. Решительные действия сотрудников Петра Аркадьевича, пользовавшегося у подчиненных большим уважением, спасли ему жизнь.

После покушения Николай II предложил Столыпину переехать в Зимний дворец, и он это предложение принял. Охрану Столыпина осуществляли сотрудники *Дворцовой агентуры*, созданной в 1906 г. на базе Охранной команды при Петербургском охранном отделении. Это специальное подразделение обеспечивало негласную физическую (личную) охрану императора, его семьи и других членов императорской фамилии. В агентуре служили около трехсот человек: заведующий, четыре офицера Корпуса жандармов, восемь чиновников особых поручений и 275 агентов. Последние вербовались в основном из унтер-офицеров гвардейских полков. На вооружении отряда состояло не только короткоствольное огнестрельное, но и холодное оружие. При первичной подготовке сотрудники Дворцовой агентуры изучали специальные дисциплины, шлифуя затем полученные знания на практике. Они умели вести наружное наблюдение, владели методикой распознавания потенциальных террористов (тех, кто уже был взят на заметку, различали по фотографиям и словесным портретам) и с особой тщательность отслеживали наиболее опасные участки маршрутов охраняемых лиц. Все агенты владели специальными приемами, использовавшимися при пресечении покушений. Когда члены императорской фамилии находились в поездках по России или выезжали за границу, агенты были в составе специальных отрядов секретной охраны, численность которых колебалась от десяти до тридцати человек. Заведующий Дворцовой агентурой Спиридович находился в постоянном контакте с руководителями охранных структур Российской империи.

Девятнадцатого августа, после убийства генерала Г. А. Мина, Николай II подписал указ о введении на всей территории Российской империи военно-полевых судов. До этого под юрисдикцию военных судов подпадали только военнослужащие. Военно-полевые суды состояли из строевых офицеров и выносили приговоры в отношении *всех* лиц, обвиняемых в терроризме, по законам военного времени. Обвиненных, как правило, приговаривали к повешению и приводили приговор в исполнение в течение 24 часов. Можно по-разному относиться к деятельности военных судов, но в страх перед немедленной казнью стал для многих начинающих террористов эффективным сдерживающим средством. Двадцатого апреля 1907 г. (через неполные девять месяцев) военно-полевые суды упразднили.

Между тем эсеры не оставили намерения устранить премьера, которого считали наиболее опасным врагом революции. После перехода Столыпина под попечительство дворцовой охраны сделать это было довольно сложно. Дочь премьера М. П. Бок впоследствии писала:

«Начальник охраны папы, разработав план прогулок и выездов, доложил, что он только в том случае может взять на себя ответственность за охрану, если папа на улице не будет давать никаких приказаний ни шоферу, ни кучеру, а будет следовать лишь по тем улицам, которые будут заранее указываться при каждой поездке. <…> Выходя из дому, папа сам вперед не знал, какой подъезд будет указан ему для выхода, куда будет подан его экипаж, и, если совершалась прогулка, то не знал, куда его повезут. В определенном охраной месте экипаж останавливался, папа выходил из него и совершал часовую прогулку пешком. По окончании прогулки мой отец не знал ни по каким улицам его повезут, ни к какому подъезду его подвезут».[626]

Начальником личной охраны Столыпина в 1906–1911 гг. был ротмистр Отдельного корпуса жандармов К. К. Дексбах; врыв на даче произошел в тот момент, когда он был во временном отпуске по решению самого председателя Совета министров. Дексбах не только отвечал за охрану Столыпина и его семьи, но и следил за находившимся при министре штатом служащих и порядком на Аптекарском острове, сопровождал Столыпина при служебных и частных поездках и прогулках, составлял маршруты поездок, выбирал способ передвижения и отдавал указания лицам, принимавшим участие в охране. Следует особо отметить, что попытки совершить покушение на премьера в 1906–1910 гг. не удались и по той причине, что Петр Аркадьевич беспрекословно выполнял все требования Дексбаха и считался с его мнением при планировании мероприятий.

Столыпин ежедневно добирался до Петергофа, где проживал государь, водным путем – сначала на катере по Неве, затем на яхте по заливу. Боевики намеревались забросать катер премьера бомбами с Дворцового или Николаевского мостов, но оба моста усиленно охранялись. Нападение на Столыпина при выходе из Зимнего дворца также представлялось трудным по исполнению. Один из лидеров Боевой организации Б. В. Савинков вспоминал, что бомбисты должны были поджидать выхода премьера именно в тех местах, где была сосредоточена охрана: на Дворцовой набережной, на Мойке, на Миллионной, и было маловероятно, что их не заметит охрана; но даже если террористам удалось бы обмануть бдительность агентов, нападение вряд ли увенчалось успехом: Столыпин выходил из подъезда дворца и сразу спускался к катеру; при первом же выстреле он мог вернуться обратно в подъезд и скрыться в Зимнем дворце. Помешать этому террористы не могли.

Осуществлявшая наблюдение за Зимним дворцом В. Попова впоследствии также писала о серьезных мерах безопасности при отъездах Столыпина из дворца. Сыщики на Дворцовой площади внимательно оглядывали каждого прохожего. У первого подъезда от Адмиралтейства, вплотную к дверям, стояла карета, и увидеть, кто в нее входит, было невозможно. В стороне, выходящей к Миллионной, к самому подъезду подавался закрытый автомобиль. И автомобиль, и карета быстро отъезжали (одновременно или сразу друг за другом), соответственно, понять, кто находится внутри, также не предоставлялось возможным.

Если премьер следовал пожеланиям охраны, то государь, напротив, доставлял охране немало хлопот. Несомненно, он понимал значение службы безопасности, но не всегда прислушивался к мнению специалистов. Произвольно изменяя маршрут прогулок, не ставя в известность начальника Дворцовой полиции, Николай II неоднократно создавал ситуации, которые можно было бы назвать «мечта террористов». Наибольшим вниманием из охранных структур государь удостаивал военнослужащих Конвоя и Сводно-гвардейского батальона. Будучи человеком военным, Николай, как и большинство офицеров того времени, относился к сотрудникам специальных служб с известной долей пренебрежения. А как показывает история охранного дела, взаимоотношение сотрудников службы безопасности со своими подопечными (особенно высокопоставленными) – один из важнейших факторов в организации его охраны.

В 1905 г., когда политические волнения только начинались,

барон Фредерикс заметил, что государь выезжает верхом в сопровождении только одного казака, и попросил его брать с собой хотя бы дежурного флигель-адъютанта. Николай на это выразил неудовольствие, сказав, что в присутствии «посторонних» пропадет вся прелесть прогулки. Фрейлина императрицы баронесса С. К. Бухсгевден впоследствии вспоминала, что государь всегда противился элементарным мерам безопасности. Однажды, возвращаясь в Царское Село из Петербурга, он заметил, что между прутьями решетки, огораживающей парк, натянута сетка с колючей проволокой, и потребовал убрать ее. Его приказание было выполнено, но Николаю пришлось смириться с присутствием сыщиков вблизи дворца (одетых в штатское, но всегда выдававших себя новыми перчатками, зонтиками и калошами), хотя они всегда раздражали его.

Государь был уверен в надежности и преданности Конвоя. Однако летом 1906 г. членам Центрального боевого отряда Партии социалистов-революционеров (эсеров) под руководством Л. И. Зильберберга через сына начальника дворцовой почтовой конторы в Новом Петергофе В. А. Наумова удалось установить контакт с казаком Ратимовым. Наумов снабжал Ратимова эсеровскими прокламациями и беседовал на политические темы. Тем не менее, получив предложение убить генерала Д. Ф. Трепова с помощью бомбы с часовым механизмом, Ратимов сообщил о Наумове по команде. Трепов, поручивший А. И. Спиридовичу расследовать обстоятельства этого дела, скончался в сентябре 1906 г. После его смерти дворцовым комендантом был назначен В. А. Дедюлин, который возглавлял охрану императора в течение семи лет.

После поражения вооруженных восстаний 1905–1906 гг. руководство большевистского крыла РСДРП уделяло серьезное внимание организации боевой подготовки своих сторонников. В сентябре 1906 г. в статье «Партизанская война» В. И. Ленин[627] сделал вывод:

«Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы и в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания, и когда наступают более или менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне».[628]

Главными проблемами партизанской войны он называл неорганизованность и попытки навязать практикам искусственно сочиненные формы вооруженной борьбы.

Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП состоялась 16–22 ноября 1906 г. в Таммерфорсе (Финляндия). На ней была принята резолюция «О роли боевых организаций»,

которая стала политической основой для дальнейшей работы.

«Конференция военных и боевых организаций, – говорилось в резолюции, – признает, что главные задачи боевых организаций заключаются: во 1) в распространении правильного понимания идеи вооруженного восстания и разъяснения тех конкретных условий, при которых вооруженное восстание может возникнуть, протекать и успешно совершиться, так как даже в среде партийных работников существует самое смутное неправильное представление о вооруженном восстании; 2) в подготовке всех необходимых технических данных для успешного проведения вооруженного восстания; 3) в организации кадров сознательных рабочих, группирующихся вокруг РСДРП для активного выступления; 4) в содействии организации в боевых целях революционно-демократическим слоям населения и закрепления в них боевого руководства социал-демократии».[629]

ЦК РСДРП выпустил собственное «Краткое руководство к уличному бою», в котором рассматривались пункты:

1. Рекогносцировка и выбор позиции.
2. Укрепление позиции.
3. Занятие позиции.
4. Бой.
5. Использование успеха или отступление.

Кроме того, на гектографе были отпечатаны отдельные брошюры «О вооружении» (первая глава Северцова) и «Подготовка к вооруженному выступлению пролетариата» (главы 3–5 написаны Северцовым).

Еще одно пособие по вооруженному восстанию под названием «Тактика милиции» под псевдонимом С. Вычегодский подготовил член РСДР. А. А. Вановский. В его работе имелись разделы:

Предисловие;

Элементарные сведения о боевых свойствах и вооружении армии;

О ручной артиллерии;

Организация народной милиции;

Наступление;

Оборона;

Разведка, служба связи и техника сигнализации.

В 1907 г. труд Вановского был переиздан с дополнениями под названием «Тактика уличного боя».

Основные теоретические пособия по производству и обращению с взрывчатыми веществами и подготовил Е. А. Гопиус.

В 1906–1907 гг. как в России, так и за границей была создана сеть школ, в которых тщательно отобранные партийные

функционеры проходили специальную военную подготовку.[630] В качестве примера назовем школу боевых инструкторов в Киеве, школу бомбистов в Лемберге (ныне г. Львов), школу боевиков в Болонье, школу инструкторов в Куоккале (Финляндия). Существовали учебные центры и на местах. Были разработаны достаточно подробные программы занятий с дружинниками, которые включали следующие разделы.

Обучение стрелков.

Ознакомление с системами оружия винтовки: Бердана, старого образца и нового магазинного казенного;

карабин Маузера,

револьверы: Смит-Вессона и Наган;

автоматические пистолеты: парабеллум, маузер, браунинг (большая и малая модель).

Упражнение в прицеливании и спуске курка.

Стрельба уменьшенным зарядом.

Глазомерное определение расстояния.

Боевая стрельба.

Общие основания уличного боя.

Понятие о родах оружия регулярной армии; их роль и значение в уличном бою; обусловленная этим тактика дружин.

Бой вне прикрытия: против кавалерии, против пехоты, артиллерии.

Порча артиллерийских орудий.

Оборонительный бой.

Условия успеха боя: материальные и нравственные.

Постройка баррикад и заграждений, подготовка дома к обороне: общие основания для выбора оборонительной позиции.

Приспособление к обороне: заборов, железных решеток, стен.

Здания: заделка ворот, заделка дверей, заделка стены, устройство балконов, прорезка бойниц, разрушение местной постройки.

Баррикады, засыпка проволочных заграждений, волчьих ям.

Закладка фугасов.

Для дружинников бомбардирских и минных рот дополнительно.

Общие сведения о взрывчатых веществах. Пироксилин. Динамит. Мелинит. Взрывчатые смеси. Бомбы ударные запальные, изготовление их, способы пользования ими. Действия отрядами в уличном бою. Гремучая ртуть. Бикфордов шнур. Электрические запалы. Составление зарядов.

Взрывы: дверей и ворот, мостовых устоев и ферм каменной кладки.

Порча и разрушение железнодорожных путей и телеграфов.

Фугасы.

Сверх курса, обязательного для дружинников, десятникам читали курс тактики:

выбор оборонительной позиции;

рекогносцировка позиций;

решение задачи за противника – как будет производиться атака;

распределение сил на участке, занятом дружиной;

расчет работ по усилению позиций;

расчет рабочих;

разработка путей отступления;

установление связей с соседними участками и с тылом;

руководство боем;

управление огнем;

частное и общее наступление;

решение задач обороны дома, обороны улицы, обороны участка города, атаки частного здания, атаки казармы, атаки вокзала;

общие сведения об устройстве артиллерийских орудий и пулеметов Максима и Мадсена, приемы и пользование ими.

Для начальников дружин сверх курса, обязательного для десятников, читали:

приемы составления операционных планов;

подготовка базы;

руководство действиями больших отрядов;

решение задач овладения частью города, обороны линии реки, партизанских действий в больших размерах.

Обязательной была военная игра на картах и на местности.

Таким образом, диверсионно-террористические действия ударных боевых групп были признаны РСДРП в качестве одной из необходимых составных частей (в нужном месте и в нужное время) борьбы за власть во время вооруженного восстания. Этот опыт был использован при подготовке Октябрьского переворота в Петрограде и в уличных боях в Москве. Впоследствии на его основе функционировали закрытые школы Коминтерна и готовились все вооруженные восстания первой половины XX века.

После убийства эсерами 31 декабря 1906 г. градоначальника Петербурга В. Ф. фон дер Лауница Николай II пригласил Герасимова к себе на беседу, чего до этого не бывало. Последний вспоминал:

«Я доложил ему, с мельчайшими подробностями, о революционных организациях, об их боевых группах и о террористических покушениях последнего периода. Государь хорошо знал лично фон дер Лауница; трагическая судьба

градоначальника его явно весьма волновала. Он хотел знать, почему нельзя было помешать осуществлению этого покушения и, вообще, какие существуют помехи на пути действенной борьбы с террором.

Главным препятствием для такой борьбы, заявил я, является предоставленная Финляндии год тому назад свободная конституция. Благодаря ей члены революционной организации могут скрываться в Финляндии и безопасно там передвигаться. Финская граница находится всего лишь на расстоянии двух часов езды от Петербурга, и революционерам весьма удобно приезжать из своих убежищ в Петербург и по окончании своих дел в столице вновь возвращаться в Финляндию. К тому же финская полиция по-прежнему враждебно относится к русской полиции и в большой мере настроена революционно. Неоднократно случалось, что приезжающий по официальному служебному делу в Финляндию русский полицейский чиновник арестовывался финскими полицейскими по указанию проживающих в Финляндии русских революционеров и высылался из пределов Финляндии. <…> На прощание государь спросил меня: „Итак, что же вы думаете? Мы ли победим или революция?“ Я заявил, что глубоко убежден в победе государства. Впоследствии я должен был часто задумываться над <…> вопросом царя и над своим ответом, к сожалению, опровергнутым всей дальнейшей историей».[631]

В январе 1907 г. ситуация в столице обострилась, поскольку Наумов предложил Ратимову совершить покушение на императора. К расследованию подключилось Петербургское охранное отделение. Особую тревогу у сотрудников спецслужб вызывал тот факт, что террористы пытались получить точные планы дворца и парка в Царском Селе и выяснить, каким образом можно приблизиться к государю или заложить мину в помещениях дворца. Согласно воспоминаниям начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова, Ратимов все-таки сообщил боевикам некоторые сведения о возможности организации покушения в покоях государя и во время его прогулки в парке. В мемуарах Герасимова нет указаний на достоверность этих сведений, но мы полагаем, что это была дезинформация, подготовленная императорской охраной. Вскоре всю группу, готовившую покушение на Николая II, арестовали.

Декабрь 1906 – февраль 1907 гг. стали самыми насыщенными месяцами в реорганизации работы политической полиции. Четырнадцатого декабря Столыпин утвердил «Положение о районных охранных отделениях», 9 февраля – «Положение об охранных отделениях». К концу февраля 1907 г. были приняты

«Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения», «Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения», «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». Все эти документы были направлены в районные и местные охранные отделения.

Районные охранные отделения создавались для успешной борьбы с революционным движением, терроризмом, беспорядками в сельской местности, пропагандой в армии и на флоте. Они были координирующими органами политического розыска, охватывающего несколько губерний (областей). Введение районных охранных отделений децентрализовывало систему политического розыска и позволяло принимать решения по розыску более оперативно, но в то же время более планомерно, с учетом оперативной обстановки в регионе. Территориально отделения охватывали районы действия окружных партийных комитетов революционных партий, и их основная задача состояла в организации и руководстве внутренней агентурой для «разработки» всех местных партийных организаций в заданных границах. Начальники районных отделений имели право созывать совещания офицеров, непосредственно ведущих политический розыск, их требования о производстве обысков и арестов были обязательными для губернских жандармских управлений, жандармских железнодорожных управлений, охранных отделений и органов общей полиции.

Сфера деятельности районных охранных отделений была следующей.

1. **Северное (Петербург)**, губернии: Петербургская, Псковская, Эстляндская, Новгородская, Олонецкая.

2. **Центральное (Москва)**, губернии: Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Архангельская, Костромская, Калужская, Тульская, Орловская, Владимирская, Рязанская, Нижегородская.

3. **Поволжское (Самара)**, губернии: Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Сибирская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская; Уральская область.

4. **Юго-Восточное (Харьков)**, губернии: Харьковская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Екатеринославская, Черноморская; Донская область

5. **Юго-Западное (Киев)**, губернии: Киевская, Черниговская, Полтавская, Подольская, Волынская.

6. **Южное (Одесса),** губернии: Херсонская, Таврическая, Бессарабская и все побережье Черного моря.

7. **Северо-Западное (Вильно)**, губернии: Вильненская,

Ковенская, Гродненская, Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская.

8. **Прибалтийское (Рига)**, губернии: Лифляндская и Курляндская.

К началу марта районные отделения объединяли 25 губернских (областных) охранных отделений.

В декабре 1906 г. структуре Особого отдела образовали два подотдела: *Особый отдел «А»* и *Особый отдел «Б»*.

Первый продолжал заниматься вопросами политического сыска, осуществляя надзор за политическими партиями. В его ведение также входило руководство работой местных розыскных органов и заграничной агентуры, наблюдение за революционной пропагандой в войсках, заведование архивом.

Отдел «Б» наблюдал за деятельностью профсоюзов, студенческими и рабочими организациями, вел статистику забастовок, демонстраций, нелегальных съездов и т. п.

К работе Особого отдела были привлечены полковник В. А. Беклемишев и подполковник А. М. Еремин, получившие задание провести ревизию деятельности местных розыскных органов. Постоянную связь с Особым отделом поддерживал заведующий Петербургским охранным отделением А. В. Герасимов.

В январе 1907 г. в Особом отделе была проведена реорганизация: на базе Особого отдела «Б» было создано 4-е делопроизводство Департамента полиции, Особый отдел разделялся на четыре отделения:

первое осуществляло общее руководство работой отдела и всеми розыскными органами империи, заведовало листковым архивом,[632] шифровальной и фотографической частью, химическим кабинетом и материалами перлюстрации;

второе наблюдало за организациями, широко применявшими террористические методы (эсерами, максималистами, анархистами и др.);

третье вело аналогичную работу против социал-демократов (РСДРП, Бунда);

четвертое занималось железнодорожным и почтово-телеграфным союзами и национальными партиями (кроме социал-демократических).

Первого января 1907 г. в Департаменте полиции появился Регистрационный отдел, призванный упорядочить учет оперативной информации.

Создание центрального справочного аппарата, единой алфавитной и предметно-тематической картотек привело к качественному информационному скачку. Уже в апреле в течение пяти минут можно было установить, имеются ли в полицейском

архиве материалы на то или иное лицо. Все фамилии или клички, упоминавшиеся в делах, автоматически заносились в картотеки. Исключение составляли агентурные псевдонимы секретных сотрудников, для которых в Особом отделе существовала особая секретная картотека.

Важное место в работе против оппозиционных партий занимали вопросы деятельности секретной агентуры. Десятого мая 1907 г. Трусевич и Васильев подписали циркуляр Департамента полиции № 125449 «*О степени участия секретных сотрудников в деятельности революционных организаций*», в котором говорилось:

«В Департамент полиции поступают сведения об активном участии секретных сотрудников в такого рода революционной деятельности, как вооруженные экспроприации, хранение бомб и т. п., причем один из секретных сотрудников во время обыска даже подбросил хранившуюся у него бомбу своему соседу по квартире. Таковые секретные сотрудники задерживались с поличным или на месте преступления и привлекались к судебной ответственности. В то же время лица, ведающие розыском, узнавали о деятельности своих секретных сотрудников уже после их привлечения к следствию, а в своих донесениях в Департамент полиции старались оправдать преступную и провокаторскую их деятельности и возбуждали ходатайства об освобождении сотрудников от судебной ответственности. Такое поведение секретных сотрудников и описанное отношение к нему лиц, ведающих розыском, ясно указывает на полное непонимание последними назначения секретной агентуры и степени ее участия в революционной деятельности.

Ввиду изложенного Департамент полиции в подтверждение § 8 инструкции начальникам охранных отделений по ведению внутреннего (агент[урного]) наблюдения считает необходимым разъяснить, что, состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым „провокаторством“, т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли или даже совершенно неповинных. Если для сохранения своего положения в организации секретным сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, то они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешение лица, руководящего агентурой, и уклоняться, во всяком случае, от участия в предприятиях, сколько-нибудь угрожающих какою-либо опасностью, и, во всяком случае, не привлекать к соучастию других лиц. В то же время

лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное предприятие, т. е. предупредить его, с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционного поручения или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения, причем разрешение на такую деятельность допустимо лишь в целях розыскных.

К сему департамент считает необходимым присовокупить, что в случаях нарушения сотрудниками преподанных им инструкций или учинения чего-либо преступного без испрошения предварительных указаний со стороны чина, руководящего агентурой, департамент ни в какой мере не выступит в пользу облегчения участи уличенного в преступлении сотрудника, вредная деятельность коего в таком случае всецело будет отнесена на вид заведывающего розыском».[633]

Увеличение числа поддельных документов вынуждало власти усиливать надзор за лицами, приезжающими в столицы. При охранных отделениях учреждались временные особые отделы: в Петербурге такой отдел был создан в 1905–1906 гг., в Москве – в 1907 г. Благодаря их деятельности не только выявлялись лица, имевшие фальшивые паспорта, но и обнаруживались оружие и взрывчатка. Работа временных отделов была признана «полезной и необходимой», особенно для тех городов, где имелись императорские резиденции или куда намечался визит государя и его семьи.

В 1906–1908 гг. наиболее крупными и опасными из «новых» объединений террористов-экспроприаторов были отряды Г. И. Котовского, Н. И. Махно и А. М. Лбова. Количество небольших групп анархистов, максималистов, «безмотивников» и т. п. доходило до трех сотен. Постепенно входившие в них скатывались к обыкновенной уголовщине. В отличие от уголовных «иванов», политизированные криминальные группы широко использовали взрывчатку и стрелковое оружие.

В то же время руководство РСДРП(б) склонялось к прекращению бессмысленных в создавшейся ситуации террористических актов и вооруженных выступлений.

Последним днем первой русской революции считается 3 (16) июня 1907 г. Власть сумела взять ситуацию под контроль и на время подавить революционную волну, что привело к временной стабилизации внутриполитической обстановки.

Но социальная революция так и осталась незавершенной…

Послесловие

Очередной пятисотлетний цикл совпал с Великими географическими открытиями, с периодом рождения новых философских, религиозных и социальных учений и доктрин, которые взорвали старые мирские представления и еще более подстегнули прогресс человеческой мысли. Появление планетарного мышления, геополитических взглядов на мироустройство, расширение границ и масштабов человеческого мировоззрения в очередной раз в истории цивилизации повлекли за собой глобальные и во многом революционные преобразования. И конечно, ни одно из этих преобразований не могло обойтись без конспиративного, тихого и негласного, но столь ощутимого вмешательства специальных институтов сильных государств.

Королевские, императорские, царские дворы, папский престол, могущественные религиозные и профессиональные объединения всегда старались держать руку на пульсе истории и по мере возможности управлять земными процессами в угоду своим тактически сиюминутным и стратегически долговременным интересам. В этом суть человеческой натуры, в этом желание всеобъемлющего охвата и контроля всего, что может стать подвластным и управляемым. Так устроен наш мир, и так развивается наша хрупкая цивилизация.

Каноны средневекового мира были сметены в период абсолютистских монархий, а те, когда подошло время, стали сдавать позиции под натиском первых буржуазных революций. Затем пришло время социальных революционных процессов, и в системе государственного строительства произошли изменения, порождившие новые государственные формации.

Секретные службы любого государства создаются и функционируют по воле высших политических сил и в строго очерченных рамках. Многое в их развитии и функционировании зависит от степени доверия властей предержащих, от опыта и прозорливости самих руководителей и ключевых сотрудников этих уникальных структур.

Разведка военная и политическая, внутренняя и внешняя контрразведка, «черные кабинеты», секретные канцелярии, особые отделы, комитеты и департаменты – как много романтики слышится в этих словах и как мало известно об истинных структурных и технических особенностях функционирования этих организаций!

России в рассматриваемый период довелось пройти сложный

и интересный исторический путь. И что особенно привлекло внимание авторов, так это тот вектор интересов – российский или антироссийский, – который сопровождал огромное число геополитических процессов за прошедшее пятисотлетие. Само геополитическое положение России, разрастание ее территории и превращение в самую большую по площади страну на Земле не могло не притягивать к ней интересы самых разных политических сил. Большинство этих сил старались найти слабину в российском военном, экономическом, политическом, социальном устройстве, чтобы, воспользовавшись этой слабостью, что-то оторвать, отторгнуть от нашей страны, обогатив тем самым себя. Порой это удавалось, порой Россия умело защищала свои интересы. Но этот геополитический вектор, однажды родившись, никогда более не терял своей актуальности. И куда бы ни старались авторы направить свои поиски, обращаясь к политической карте мира, сложившейся в рассматриваемое пятисотлетие, каждый раз они приводили нас опять в Россию. Доставшиеся нам исторически, присоединенные и завоеванные территории с их природными богатствами как магнитом манили и манят многих. Но в любом действии любого политика одними из первых в игру вступают те самые секретные структуры, которым мы посвятили настоящее исследование.

Очередной социальной границей стало начало XX века, когда внутренние социальные процессы и накопившиеся противоречия создали условия для новых стремительных, радикальных и часто кровавых изменений в большей части цивилизованного сообщества. Как обычно, в авангарде многих социальных и политических процессов выступала система секретных служб, которые всегда первыми вступают в вечный и никогда не прекращающийся поток противостояний.

Начало пятисотлетнего цикла совпало с очередным глобальным поворотом на историческом пути России, и перед разведкой встали новые задачи и открылись новые возможности. Так устроен наш мир – надо идти вперед.

Приложение

Персоналии

А

Адашев, Алексей Федорович (? – 1561) – думный дворянин, с 1550 г. окольничий, с 1552 г. постельничий. С конца 1540-х гг. руководил Избранной радой. Хранитель личной казны царя и его печати «для скорых и тайных дел». Возглавлял Челобитный приказ (личную канцелярию Ивана IV). В 1560 г. служил воеводой в Ливонии, выступал против продолжения Ливонской войны, начавшейся в январе 1558 г.; в 1559 г. благодаря его стараниям было заключено перемирие. Заключен под стражу в Юрьеве, скончался в опале.

Адлерберг, Александр Владимирович (1818–1888) – российский государственный и военный деятель, сын В. Ф. Адлерберга. С 1855 г. генерал-майор и генерал-адъютант, с 1861 г. генерал-лейтенант, с 1869 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1836 г. С 1841 г. участник боевых действий на Кавказе. Ближний друг цесаревича Александра. С 1855 г. флигель-адъютант. В 1855–1870 гг. управляющий делами Императорской Главной квартиры. В 1859 г. – член Комитета по делам книгопечатания, в 1860 – член Главного управления цензуры. С 1861 г. командующий Императорской Главной квартирой, с 1866 г. – член Военного совета и Госсовета. В 1870–1881 гг. министр Императорского двора и Уделов.

Адлерберг, Владимир Федорович (1791–1884) – российский государственный и военный деятель, с 1828 г. генерал-майор, с 1833 г. генерал-лейтенант, с 1847 г. граф. На военной службе с 1811 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Ближний друг цесаревича Николая Павловича, в 1817–1825 гг. его адъютант. В 1825–1826 гг. помощник правителя дел Следственной комиссии по делу декабристов. В 1827–1828 гг. директор канцелярии начальника Главного штаба. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1842–1852 гг. начальник Почтового департамента. В 1852–1870 гг. министр Императорского двора и Уделов.

Азеф, Евно Фишелевич (1869–1918) – один из лидеров партии эсеров, одновременно, с 1901 г., секретный сотрудник Департамента полиции. В 1899 г. примкнул к «Северному союзу социалистов-революционеров». С 1901 г. в числе организаторов партии эсеров. В 1901 г. сообщил полиции сведения о съезде

представителей партии эсеров в Харькове. В 1903 г. возглавил Боевую организацию; руководил подготовкой убийства В. К. Плеве (1904 г.) и великого князя Сергея Александровича (1905 г.). В 1905 г. выдал почти весь состав Боевой организации. В 1908 г. разоблачен В. Л. Бурцевым, приговорен ЦК партии эсеров к смерти, но сумел скрыться. В 1915 г. арестован в Германии как русский шпион. Умер в Берлине.

Аладьин, Денис Григорьевич (?–?) – московский дворянин, военный и государственный деятель XVII в. В марте 1613 г. посол к польскому королю Сигизмунду. В 1615 г. воевода в Осколе, в 1616 г. воевода в Москве, в 1618 г. воевода в Ростове, до 1626 г. воевода в Чебоксарах, затем воевода в Санчурске.

Альбертов, Леонид Маркович (?–?) – российский офицер. В офицерских чинах с марта 1854 г. Участник Крымской войны 1853–1856 гг., военных кампаний на Кавказе и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1878 г. командир 1-го железнодорожного батальона. Одновременно, в августе 1881 г. – апреле 1882 г., начальник Военной инспекции железных дорог, полковник.

Альбрехт, Людвиг, фон (? – 1741 или 1742) – российский офицер, пруссак по происхождению. Прибыл в Россию по приглашению Я. В. Брюса при Петре I. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Капитан, с 1734 г. майор, с конца 1730-х гг. генерал-майор. В сражении со шведами при Вильманстранде 23 августа 1741 г. потерял ногу и вскоре скончался.

Анненков, Иван Васильевич (1814–1887) – российский государственный деятель, с 1855 г. генерал-майор Свиты, с 1861 г. генерал-лейтенант, с 1878 г. генерал от кавалерии. На военной службе с 1833 г. С 1848 г. флигель-адъютант Александра II. В 1853–1855 гг. вице-директор Инспекторского департамента Военного министерства. В 1860–1862 гг. начальник 1-го округа Корпуса жандармов. В 1862–1866 гг. петербургский обер-полицмейстер, с 1867 г. комендант Санкт-Петербурга. С 1868 г. генерал-адъютант. С 1881 г. член Александровского комитета о раненых.

Антонелли, Петр Дмитриевич (1825 – до 1885) – сын художника Д. И. Антонелли. Агент Особенной канцелярии МВД, в 1848–1849 гг. числился коллежским регистратором МИД. Был рассекречен 23 апреля 1849 г. А. А. Сагтынским. Осенью 1849 г. получил награду – 1500 руб. В 1851 г. окончил Петербургский университет по разряду восточной словесности. С 1853 г. титулярный советник, асессор Ковенского губернского правления.

Аракчеев, Алексей Андреевич (1769–1834) – российский военный деятель, с 1799 г. граф. С 1796 г. генерал-майор, с 1798 г. генерал-лейтенант, с 1807 г. генерал от артиллерии.

Учился в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусах. В 1792–1796 гг. инспектор гатчинской артиллерии и пехоты, гатчинский губернатор. В 1796–1798 гг. военный комендант Санкт-Петербурга. Дважды, в 1798 и 1799–1801 гг., в отставке. В 1803–1808 гг. инспектор артиллерии. В 1808–1810 гг. военный министр. С 1810 г. председатель департамента военных дел Госсовета. В 1820–1825 гг. контролировал руководство Госсоветом, Комитетом министров и Собственной Его Императорского Величества канцелярией. В 1817–1831 гг. главный начальник военных поселений.

Арапов, Николай Устинович (1825–1884) – российский государственный деятель, с 1865 г. генерал-майор, с 1876 г. генерал-лейтенант. Получил домашнее образование, затем поступил на службу юнкером в один из драгунских полков. В 1844 г. произведен в офицеры. С 1860 г. флигель-адъютант, с 1865 г. генерал Свиты. В 1866–1878 гг. московский обер-полицмейстер. В 1878 г. по здоровью зачислен в запасные войска.

Аргамаков, Александр Васильевич (1776–1833) – российский военный деятель. С 1797 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Пользовался особым доверием Павла I, при этом – активный участник заговора против государя. В 1801 г. дежурный адъютант Преображенского полка. С 1809 г. полковник. В 1809 г. оставил службу по болезни. В 1812 г. командир 1-го егерского полка Московского ополчения.

Армфельт, Густав Мориц (1757–1814) – государственный и военный деятель на шведской и русской службе, барон, граф (с 1812 г.). Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. на стороне шведов. В 1794 г. был обвинен в государственной измене и бежал в Россию. В 1801 г. вернулся в Швецию, где занимал ряд командных должностей в армии. В 1809 г. президент военной коллегии Швеции. В 1811 г. перешел на русскую службу и был назначен председателем комитета по финляндским делам. С 1812 г. генерал от инфантерии; член Государственного совета.

Архаров, Николай Петрович (1740–1814) – российский государственный деятель. С 1777 г. генерал-майор, с 1796 г. генерал от инфантерии. В 1756 г. начал службу рядовым Преображенского полка, с 1761 г. офицер. В 1771 г. под руководством Григория Орлова подавлял Чумной бунт в Москве, после чего переведен в штат полиции с чином полковника. В 1772–1782 гг. обер-полицмейстер Москвы. В 1782–1785 гг. московский губернатор. В 1785–1795 гг. тверской и новгородский генерал-губернатор, с 1790 г. также начальник местных водных коммуникаций. В 1795–1796 гг. петербургский генерал-губернатор. С ноября 1796 г. по 15 июня 1797 г. второй генерал-

губернатор Санкт-Петербурга. В июне 1797 г. сослан в Тамбовскую губернию без права посещать столицы. С 1801 г. получил право проживать в Москве, на службу не вернулся.

Ашкенази, Шимон (1866–1935) – польский историк, политик и дипломат.

Б

Балашевич, Юлиус Фабианович (1831–?) – секретный служащий. Из дворян Виленской губернии, католик. В 1850 г. поступил на военную службу унтер-офицером, с 1852 г. в отставке по болезни. В 1854 г. возвратился в армию, в 1858 г. вышел в отставку в чине подпоручика по «домашним обстоятельствам». Интересовался литературой и археологией. С июня 1861 г. по апрель 1862 г. сотрудник Заграничной агентуры в Париже, работал в среде польской эмиграции, затем вернулся в Россию. В 1862–1876 гг. находился в Париже и Лондоне, следил за деятельностью I Интернационала. В 1876 г. разоблачен как агент Третьего отделения.

Балашов, Александр Дмитриевич (1770–1837) – российский государственный и военный деятель. С 1791 г. поручик Измайловского полка, с 1799 г. генерал-майор, с 1809 г. генерал-адъютант, с 1823 г. генерал от инфантерии. В 1804–1807 гг. московский, в 1808–1809 гг. петербургский обер-полицмейстер. В 1809–1810 гг. военный губернатор Петербурга. В 1810–1819 гг. министр полиции, в 1811–1812 гг. член Госсовета. В 1812–1819 гг. в Свите Его Императорского Величества. В 1812 г. был направлен Александром I для переговоров с Наполеоном I о прекращении военных действий. В 1819–1828 гг. генерал-губернатор пяти центральных губерний. Член Верховного суда по делу декабристов. С 1834 г. в отставке.

Баранов, Николай Михайлович (1837–1901) – российский государственный деятель. Выпускник Морского корпуса. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1865–1862 гг. служил на флоте. В 1863–1864 гг. командир батареи в Кронштадте. В 1866–1876 гг. начальник порта. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир корабля. В 1879–1880 гг. адъютант генерал-губернатора Петербурга И. В. Гурко. В 1880–1881 гг. ковенский губернатор. В марте – августе 1881 г. петербургский градоначальник. В 1881–1882 гг. архангельский губернатор, в 1882–1897 гг. нижегородский губернатор.

Барк-Петровский, Иван Петрович (?–?) – российский офицер, с 1820 г. майор, затем полковник и генерал-майор. Служил в полках: до 1814 г. в Мариупольском гусарском, в 1814–1820 гг.

в лейб-гвардии Конно-егерском, в 1820 – после 1825 г. в 3-м Украинском уланском.

Барятинский, Александр Иванович (1815–1879) – российский военный и государственный деятель, с 1859 г. генерал-фельдмаршал, с 1860 г. член Госсовета, князь. На военной службе с 1831 г., кавалергард. В 1835 г. перевелся на Кавказ, участник боев против горцев. В 1836–1845 гг. в свите наследника престола. В 1845–1853 гг. в составе Кавказского отдельного корпуса командовал батальоном, полком (с 1847 г.), бригадой (с 1850 г.), дивизией и левым флангом Кавказской линии (с 1851 г.). В 1853–1855 гг. начальник Главного штаба Кавказского корпуса. В 1853–1856 гг. участник Крымской войны. В 1856–1860 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. С 1860 г. в отставке.

Барятинский, Владимир Анатольевич (1843–1914) – князь, генерал-майор Свиты. С 1865 г. состоял при будущем императоре Александре III. В 1879–1883 гг. командир лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона, в дальнейшем начальник Императорской охоты. В 1890–1891 гг. главный руководитель путешествия цесаревича Николая Александровича. В 1896–1914 гг. состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне.

Басманов (*Басманов-Плещеев*), *Алексей Данилович* (? – 1570) – государственный и военный деятель. Отличился в Казанских походах 1548–1552 гг., при отражении крымского набега 1555 г. и в Ливонской войне 1558–1583 гг. С 1552 г. окольничий, с 1555 г. воевода, боярин. Один из руководителей опричнины. В 1567–1569 гг. организовал разгром боярской и земской оппозиции и смещение митрополита Филиппа Колычева в 1568 г. Убит по приказу Ивана IV.

Басманов, Федор Алексеевич (? – после 1571) – приближенный к царю опричник, сын А. Д. Басманова. В 1564 г. воевода в Рязани, с 1566 г. кравчий. В 1569 г. первый воевода Большого полка в Калуге и Туле. По приказу Ивана IV убил своего отца. С 1571 г. в опале. Умер в ссылке.

Башмаков, Дементий Минич (? – после 1700) – дьяк, тайный дьяк (после 1656 г.), с 1665 г. думный дьяк, с 1676 г. хранитель государственной печати, с 1688 г. думный дворянин. В 1653–1700 гг. служил в шестнадцати приказах: Большого дворца, Посольском (с 1670 г.) и др. Дьяк Тайного (в 1656–1657, 1659–1664, 1676 гг.); Литовского (в 1658 г.); Устюженской чети (в 1658–1659 гг.); Малороссийского, Владимирского, Галицкого (в 1670–1671 гг.), Печатного (в 1676–1700 гг.), Сыскного (в 1663, 1680 гг.), Разрядного (в 1678 г.), Казенного (в 1678–1680, 1682–

1688 гг.) приказов. Вел следствие над участниками Медного бунта 1662 г. В 1672 г. член посольства в Польше.

Башуцкий, Павел Яковлевич (1771–1836) – российский военный деятель. Службу начал моряком в 1786 г. С 1803 г. генерал-майор, с 1816 г. генерал-лейтенант, с 15 декабря 1825 г. в генерал-адъютант, в декабре 1826 г. назначен сенатором, с 1828 г. генерал от инфантерии. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1796 г. переведен в сухопутные войска с чином поручика. Участник войн с Францией 1805–1807 гг. В 1803–1808 гг. комендант Санкт-Петербурга. Одновременно в 1808–1811 гг. командир лейб-гвардии Измайловского полка и начальник 25-й пехотной дивизии. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1814–1833 гг. комендант Санкт-Петербурга. С 1833 г. в отставке.

Безобразов, Иван Романович (? – 1629) – русский дворянин. В 1605–1606 гг. вел в Польше переговоры с королем Сигизмундом III. Позже служил Лжедмитрию II. В 1615–1628 гг. воевода в Галиче, Ярославле, Сургуте, Шацке. С 1626 г. состоял при царском дворе.

Беклемишев, Василий Андреевич (1868–1911) – полковник Отдельного корпуса жандармов. На военной службе с 1890 г., переведен в ОКЖ в 1895 г. В 1895–1898 гг. служил в Киевском и Виленском губернских жандармских управлениях. В 1898–1905 гг. помощник начальника Киевского ГЖУ. В 1905–1906 гг. начальник четырех районных жандармских управлений в Польше, состоял при Петербургском ГЖУ, помощник начальника Воронежского ГЖУ. В 1907–1909 гг., находясь в распоряжении Департамента полиции, состоял при Особом отделе. В 1910–1911 гг. начальник Петроковского жандармского управления в Польше.

Беклешов, Александр Андреевич (1743–1808) – российский государственный деятель. С 1798 г. сенатор, с 1782 г. генерал-майор, с 1789 г. генерал-поручик, с 1798 г. генерал от инфантерии и действительный тайный советник. Участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1783–1790 гг. правитель Рижского наместничества. В 1789–1795 гг. орловский и курский генерал-губернатор. В 1796–1798 гг. губернатор Малороссии, каменец-подольский и киевский военный губернатор. В 1799–1800 гг. генерал-прокурор. В 1800–1801 гг. в опале. В 1801–1802 гг. генерал-прокурор. В 1802–1804 гг. в отставке. В 1804–1806 гг. военный губернатор Москвы.

Бельский, Богдан Яковлевич (? – 1611) – племянник Г. Л. Скуратова-Бельского. В 1572 г. в чине рынды состоял при царе. С 1578 г. оружничий, с 1598 г. окольничий. В 1584–1591 гг. находился в ссылке в Н. Новгороде. Один из руководителей

политического сыска при Б. Годунове. Вновь сослан в начале 1602 г. Вернулся в Москву после смерти Годунова в мае 1605 г. Получил боярство от Лжедмитрия I. С 1606 г. воевода в Казани. Убит горожанами.

Бенкендорф, Александр Христофорович (1781 или 1783–1844) – российский государственный деятель, с 1812 г. генерал-майор, с 1821 г. генерал-лейтенант, с 1829 г. генерал от кавалерии, с 1832 г. граф. На службе с 1798 г. Участник войн с Францией (в 1806–1807 гг.), Турцией (в 1809–1810 гг.), Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1816–1819 гг. начальник Уланской дивизии. В 1819–1821 гг. начальник штаба Гвардейского корпуса. В 1821–1824 гг. начальник Кирасирской дивизии. В 1824–1825 гг. губернатор Васильевского острова. В декабре 1815 г. при подавлении восстания декабристов командовал кавалерией. В 1826–1844 гг. главный начальник Третьего отделения, шеф корпуса жандармов и командующий Императорской Главной квартирой. С 1831 г. член Кабинета министров.

Берг, Федор (наст *Фридрих-Вильгельм-Ремберт*) *Федорович* (1793–1865) – российский военный деятель, дипломат и географ, с 1856 г. граф, с 1865 г. фельдмаршал. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1820 гг. наблюдал за движением карбонариев в Неаполе. В 1820–1822 гг. состоял при миссиях в Мюнхене и Риме. В 1823 и 1825 гг. возглавлял военные экспедиции в Закаспийский край. В 1826 г. советник посольства в Турции, в 1827 г. составил военно-статистическое описание Турции. В 1828–1829 гг. генерал-квартирмейстер 2-й армии, произвел картографическую съемку Болгарии. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1831–1843 гг. генерал-квартирмейстер Действующей армии. В 1843–1853 гг. генерал-квартирмейстер Главного штаба. В 1853–1854 гг. командующий войсками в Эстляндии. В 1854–1856 гг. генерал-губернатор и командующий войсками в Финляндии. В 1863–1866 гг. наместник в Польше. С 1866 г. член Госсовета. С 1870 г. почетный член Русского географического общества.

Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович (1693–1766) – российский государственный деятель, дипломат, с 1742 г. граф, с 1762 г. генерал-фельдмаршал. В 1708–1712 гг. обучался в Копенгагене и Берлине. В 1712–1714 гг. на службе при посольстве в Голландии. В 1714–1717 гг. с разрешения Петра I на службе у курфюрста Ганновера. В 1721–1732 гг. посланник в Копенгагене, Вене, Гамбурге, Дрездене. В 1740 г. кабинет-министр. За поддержку Бирона был приговорен к смертной казни, которую

заменили ссылкой. В 1741 г. поддержал Елизавету Петровну и был возвращен в Санкт-Петербург. С 1742 г. сенатор и вице-канцлер. В 1744–1758 гг. канцлер. В 1742–1758 гг. руководил Коллегией иностранных дел. В 1758 г. вновь был приговорен к смертной казни, которую вновь заменили ссылкой. В 1762 г. возвращен из ссылки Екатериной II, являлся ее советником, но активной роли в политике уже не играл. С 1764 г. в отставке.

Бибиков, Александр Ильич (1729–1774) – российский государственный и военный деятель. С 1763 г. генерал-майор, с 1771 г. генерал-поручик, с 1774 г. генерал-аншеф. На военной службе с 1746 г. В 1756 г. командирован в Пруссию, Бранденбург и Померанию для разведки о состоянии войск и провиантских магазинов. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. В 1763–1764 гг. усмирял крестьянские мятежи на заводах в Казанской и Симбирской губерниях. В 1765 г. производил смотр частей южных и юго-западных границ России ввиду польских волнений. В 1767 г. назначен председателем комиссии по составлению Уложения. В 1769–1771 гг. в целях выработки плана действий на случай войны со Швецией производил смотр границ России с Финляндией. В 1771–1773 гг. главнокомандующий войсками в борьбе с польскими конфедератами. В ноябре 1773 г. направлен на подавление восстания Емельяна Пугачёва. С 1774 г. сенатор. Умер в разгар экспедиции.

Бибиков, Дмитрий Гаврилович (1791–1870) – российский военный и государственный деятель, с 1843 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1808 г. Участник турецкой кампании 1811 г. (в рамках войны 1806–1812 гг.) и Отечественной войны 1812 г. При Бородино лишился левой руки. В 1819–1821 гг. владимирский, саратовский и московский вице-губернатор. С 1824 г. директор Департамента внешней торговли, с 1831 г. сенатор, с 1835 г. тайный советник. С 1837 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; боролся с польскими дворянскими элементами в крае и отстаивал интересы крестьянства. С 1848 г. член Госсовета. В 1852–1855 гг. министр внутренних дел. С 1855 г. в отставке.

*Бирон, Эрнст Иоганн (*1690–1772) – российский государственный деятель, с 1730 г. граф, с 1737 г. герцог Курляндский и Семигальский. По происхождению бастард – незаконнорожденный, в 1698–1702 гг. учился в городской школе в Митаве, в 1707–1710 гг. в – Кенигсберге. С 1718 г. камер-юнкер при дворе Анны Ивановны, в 1728–1330 гг. ее ближайший помощник. В 1730–1740 гг. фаворит императрицы, обер-камергер. В 1740 г. регент Ивана IV Антоновича. В ноябре 1740 г. арестован Х. А. Минихом и предан суду. Был лишен чинов, орденов и

имущества и сослан. В 1762 г. освобожден и восстановлен в чинах. Умер в Силезии.

Богаевский, Иван Венедиктович (?–?) – российский военный. Флигель-адъютант Александра III, капитан лейб-гвардии Егерского полка. С 23 марта 1881 г. по 8 октября 1883 г. командир Сводно-гвардейской роты, в 1883 г. полковник лейб-гвардии Егерского полка.

Болтин, Иван Васильевич (?–?) – российский военный и государственный деятель. Службу начал в 1696 г. в жильцах, с 1700 г. в драгунских полках. Участник Северной войны 1700–1721 гг., с 1704 г. подполковник, командир драгунского полка, с 1709 г. полковник. В 1711 г. находился в Бреславле. В 1722–1725 гг. обер-прокурор Синода. В мае 1725 г. по делу новгородского архиепископа Феодосия (Яновского) был отрешен от должности и «отослан к делам в Сибирь». В 1727–1731 гг. сибирский вице-губернатор. В 1732 г. получил разрешение вернуться в Москву. С 1736 г. директор Кригс-комиссариатской конторы Военной коллегии.

Бошняк, Александр Карлович (1786–1831) – коллежский советник, в 1804–1807 гг. чиновник московского архива Коллегии иностранных дел, в 1808–1809 гг. – Департамента внутренних дел, в 1809–1810 гг. – Главного правления мануфактур. В 1812–1813 гг. служил в ополчении. В 1814–1819 гг. предводитель дворянства в уезде Нерехта Костромской губернии. С 1820 г. жил в Херсонской губернии. Секретный сотрудник при начальнике Южных военных поселений. В 1826–1829 гг. чиновник особых поручений Коллегии иностранных дел. В 1829–1830 гг. вице-президент Молдавско-Валашского дивана в Бухаресте. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. Умер от горячки.

Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна (1844–1934) – одна из основателей партии эсеров. К народническому движению примкнула в 1873 г. Более двадцати лет, с 1874 г. по 1896 г., провела на каторге и в ссылке. В 1903 г. эмигрировала в Швейцарию, оттуда выехала в США. В 1905 г. вернулась в Россию. Была лидером эсеровской партии, неоднократно избиралась в ЦК. В 1907 г. вновь была арестована и сослана на поселение в Сибирь, в Петроград вернулась после Февральской революции 1917 г. К Октябрьской революции отнеслась враждебно, выступала против Советской власти. С 1919 г. жила в США, Чехословакии и во Франции.

Булгаков, Александр Яковлевич (1781–1863) – российский чиновник. Родился в Константинополе, с 1809 г. служил в московском архиве Коллегии иностранных дел, потом секретарем посольства в Неаполе. В 1812–1819 гг. чиновник особых

поручений при московском градоначальнике. В 1819–1856 гг. директор Московского почтамта. С 1819 г. тайный советник, с 1826 г. камергер, с 1856 г. сенатор.

Булгаков, Константин Яковлевич (1782–1835) – российский чиновник. Родился в Константинополе, с 1809 г. служил в московском архиве Коллегии иностранных дел, потом – на дипломатической службе. В 1816–1819 гг. московский почт-директор. В 1819–1935 гг. петербургский почт-директор, управляющий Почтового департамента; тайный советник.

Булыгин, Александр Григорьевич (1851–1919) – российский государственный деятель. В 1871 г. окончил Императорское училище правоведения. В 1886–1889 гг. тамбовский вице-губернатор, с 1889 г. калужский, с 1893 г. московский губернатор. С 1896 г. гофмейстер. С 1902 г. помощник московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. С 22 января по 22 октября 1905 г. министр внутренних дел. В 1905–1917 гг. член Госсовета, главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны. С 1913 г. статс-секретарь. Расстрелян по постановлению ВЧК.

Буссов, Конрад (1552 или 1553–1617) – немец, очевидец Смутного времени. Происходил из Люнебургского герцогства, с 1569 г. «находился на службе у государей и владетельных особ». В 1599 г. был нанят Речью Посполитой. В 1600–1601 гг. служил в шведской армии в Лифляндии в должности интенданта. В апреле 1601 г. предложил сдать Борису Годунову Мариенбург, а в августе – Нарву; потерпев неудачу, бежал в Москву. В 1602–1606 гг. служил в Москве. После смерти Лжедмитрия находился в Угличе, Калуге и Туле. В 1608 г. в Калуге вступил в войска Лжедмитрия II. В 1610 г. перешел на службу к Сигизмунду III и до 1612 г. снова служил в Москве. Весной 1612 г. уехал в Ригу, откуда вернулся на родину. В 1612–1613 гг. написал сочинение «Московская хроника. 1584–1613».

Бутаков, Иван Иванович (1822–1882) – российский военный моряк, с 1880 г. генерал-адъютант, с 1881 г. вице-адмирал. В 1839 г. произведен в мичманы, служил на Черном и Балтийском морях и на Дальнем Востоке. В 1855 г. назначен начальником Амурской флотилии. В 1868–1877 гг. командовал Отрядом судов в Греческих водах. В 1872 г. зачислен в Императорскую свиту. В 1878–1879 гг. помощник начальника морской и береговой обороны Кронштадта. В 1879–1882 гг. эскадр-майор императоров Александра II и Александра III. Заведовал всеми Императорскими яхтами и брандвахтными судами в Петергофе.

Бутурлин, Иван Иванович (1661–1738) – российский государственный и военный деятель. С 1687 г. премьер-майор

преображенцев, с 1700 г. генерал-майор. Участник Азовских походов 1695–1696 гг. и сражения под Нарвой 1701 г. В 1701–1710 гг. в шведском плену. После освобождения участвовал в военных кампаниях 1710–1715 гг. В 1718–1720 гг. занимал один из ключевых постов в Тайной канцелярии. В 1720 г. командующий кампанией в Финляндии. В 1722–1725 гг. начальник Гвардейской дивизии. В 1725 г. способствовал возведению Екатерины I на престол. Позже выступил в заговоре против Меншикова, который после воцарения Петра II отомстил Бутурлину: в 1727 г. тот был лишен чинов, орденов и всех поместий, кроме родового села Крутцы Владимирской губернии, где и скончался в ссылке.

В

Вадковский, Федор Федорович (1764–1806) – российский государственный деятель, сенатор, камергер, действительный тайный советник. Отец декабристов А. Ф. и Ф. Ф. Вадковских.

Валуев, Петр Александрович (1814–1890) – российский государственный деятель, граф. В 1853–1858 гг. курляндский губернатор. В 1858–1860 гг. директор 2-го департамента, статс-секретарь Министерства государственных имуществ. В 1861–1868 гг. министр внутренних дел и член Еврейского комитета, затем в отставке. В 1872–1877 гг. министр государственных имуществ. В 1877–1881 гг. председатель Комитета министров и член Госсовета. С 1881 г. в отставке.

Ванновский, Петр Семенович (1822–1904) – российский государственный и военный деятель, с 1866 г. генерал-майор, с 1876 г. генерал-лейтенант, с 1878 г. генерал-адъютант, с 1883 г. генерал от инфантерии. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1857–1861 гг. начальник Офицерской стрелковой школы. С 1861 г. начальник Павловского кадетского корпуса. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начальник штаба Рушукского отряда под командованием цесаревича Александра. В мае – декабре 1881 г. управляющий военным министерством, в 1882–1897 гг. военный министр. С 1898 г. член Госсовета. С марта 1901 г. министр народного просвещения. С 1902 г. в отставке.

Вановский (*Ванновский*), *Александр Алексеевич* (1874–1967) – теоретик и практик вооруженного восстания. Из дворян, окончил Киевское военное училище, подпоручик, служил в 112-м Уральском пехотном полку. В 1895 г. вышел в запас, в 1896 г. поступил в Императорское Московское высшее техническое училище, где вступил в кружок студентов-техников, из которого

вырос московский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Делегат первого съезда РСДРП от московского отделения союза. В марте 1898 г. арестован, в 1899 г. выслан под надзор полиции в Воронеж, в 1900 г. отправлен в Вологодскую губернию на три года. В ссылке в Сольвычегодске организовал социал-демократическую группу «Воля». В декабре 1903 г. арестован в Ярославле при захвате полицией типографии, в которой находился по редакционным делам. Освобожден под залог в июле 1905 г. В сентябре 1905 г. переехал в Киев, где возглавлял Военную организацию РСДРП, член Киевского комитет РСДРП; принадлежал к меньшевикам, но в вопросе о вооруженном восстании и боевой подготовке занимал позицию, близкую к большевистской. Принимал руководящее участие в восстании Саперной бригады в Киеве в ноябре 1905 г., затем бежал в Москву. Член Московской группы меньшевиков, участник межпартийных собраний, предшествовавших декабрьским боям. Активный участник декабрьского восстания, а также выступления Ростовского полка. В 1906 г. работал в комитете московской Военной организации РСДРП (м), затем один из организаторов Военно-технического бюро при Московском комитете РСДРП(б). Осенью 1906 г. делегирован на первую конференцию военных и боевых организаций РСДРП, но не попал на нее вследствие получения неправильной явки. В 1906–1907 гг. автор работ по военно-боевым вопросам: «Тактика милиции» и «Тактика уличного боя», «Сборник статей по огнестрельному оружию». После поражения революции стал нелегалом. В 1912 г. принял христианство и вышел из РСДРП. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. назначен начальником радиотелеграфной станции в Хабаровске. В 1917 г. член Исполкома Хабаровского совета рабочих и солдатских депутатов, в августе гласный Хабаровской городской думы. Делегат первого Всероссийский съезда Советов. По взглядам сторонник Г. В. Плеханова. В 1919 г. признан негодным к воинской службе; отправился на лечение в Японию, после поражения Колчака остался там навсегда. Преподавал русскую литературу в Университете Васэда (Токио). С началом Второй мировой войны был уволен из университета как иностранец. Похоронен в Токио.

Васильев, Алексей Тихонович (1869–1930) – государственный служащий, действительный статский советник (с 1916 г.). Окончил Киевский университет. В 1891–1905 гг. товарищ прокурора Луцкого, Киевского, Петербургского окружных судов. В 1906 г. чиновник особых поручений при Департаменте полиции. В 1906–1909 гг. заведующий Особым отделом Департамента полиции. В 1909–1913 гг. товарищ прокурора Петербургского

окружного суда. В 1913–1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, вице-директор Департамента полиции. В октябре 1916 – феврале 1917 гг. директор Департамента полиции. В 1918 г. эмигрировал.

Васильчиков, Илларион Васильевич (1776–1847) – российский государственный и военный деятель, с 1799 г. камергер, с 1801 г. генерал-майор и генерал-адъютант, с 1812 г. генерал-лейтенант, с 1823 г. генерал от кавалерии, с 1831 г. граф, с 1839 г. князь. Участник войн с Францией 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1817–1822 гг. командующий Гвардейским корпусом. С 1821 г. член Госсовета. Член комитета «6 декабря 1826 года». Участник русско-турецкой войны 1828 г. В 1831–1838 гг. командующий войсками в Санкт-Петербурге и окрестностях. С 1838 г. председатель Госсовета и Комитета министров.

Вейсман, Карл Карлович (1837–1912) – государственный служащий, тайный советник. В 1855 г. окончил Перновское (ныне г. Пярну) высшее уездное училище. В 1857–1976 гг. цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. В 1876–1891 гг. старший цензор. С 1891 г. в отставке.

Велио, Иван Осипович (1830–1899) – российский государственный деятель. В 1847–1861 гг. чиновник МИД. В 1861–1866 гг. херсонский вице-губернатор, бессарабский губернатор, одесский градоначальник, симбирский губернатор. В 1866–1867 гг. директор Департамента полиции исполнительной МВД. В 1868–1880 гг. директор Департамента почт и телеграфов. В 1880–1881 гг. директор Департамента государственной полиции. С 1881 г. сенатор. С 1896 г. член Госсовета.

Вельбицкий, К. П. (?–?) – российский офицер. Окончил Полтавскую военную гимназию и 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду. Восемь лет состоял на службе в Отдельном корпусе жандармов. Некоторое время служил в Царстве Польском. С января 1884 г. по октябрь 1885 г. начальник Петербургского охранного отделения. Затем был направлен в распоряжение начальника Одесского жандармского управления.

Виллие, Яков (наст. *Джеймс*) *Васильевич* (1768–1854) – по происхождению шотландец, с 1819 г. баронет. В России с 1790 г. С 1794 г. доктор медицины, с 1799 г. лейб-хирург, затем хирург Семеновского полка, организатор военно-медицинской службы. Активный участник свержения Павла I. Лейб-медик Александра I. В 1806–1854 гг. главный медицинский инспектор армии. В 1812–1836 гг. директор Медицинского департамента Военного министерства. С 1841 г. действительный тайный советник.

Висковатый, Иван Михайлович (? – 1570) – первый

руководитель Посольского приказа, в том числе внешней (политической) разведки. С 1542 г. подьячий, с 1553 г. думный дьяк, с 1561 г. хранитель печати. В 1554 г. член комиссии по делу об измене князя С. Ростовского. Ложно обвинен в тайных сношениях с турецким султаном, крымским ханом, с бежавшим князем Андреем Курбским и польским королем, а также в намерениях сдать Новгород и Псков полякам. Казнен по приказу Ивана IV.

Витт, Иван Осипович (1781–1840) – российский военный деятель, граф, кавалергард, с 1812 г. генерал-майор, с 1818 г. генерал-лейтенант, с 1828 г. генерал от кавалерии. В 1807–1812 гг. личный агент Александра I при Наполеоне и в герцогстве Варшавском. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1818 гг. генерал по особым поручениям при командующем Оккупационным корпусом во Франции М. С. Воронцове. В 1818–1823 гг. начальник кавалерийской дивизии. В 1823–1828 гг. командующий кавалерийским корпусом. В 1821–1828 гг. начальник южных военных поселений. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1831–1932 гг. варшавский военный губернатор. В 1832–1838 гг. инспектор резервной кавалерии.

Волков, Дмитрий Васильевич (1718–1785) – российский государственный деятель. Служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, ближайший помощник канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, с которым позже разошелся. В 1755–1761 гг. секретарь министерской конференции. В 1758 г. секретарь следственной комиссии по делу своего бывшего патрона. В 1761–1762 гг. тайный секретарь Совета императора Петра III. После переворота Екатерины II на короткое время был арестован, освобожден без последствий. В 1763–1764 гг. оренбургский губернатор. В 1765–1770 гг. президент Мануфактур-коллегии. С 1771 г. сенатор. В 1776–1768 гг. смоленский наместник. В 1778–1780 гг. генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга. С 1789 г. в отставке.

Волконский, Михаил Никитич (1713–1788) – российский военный и государственный деятель, князь. С 1756 г. генерал-майор, с 1763 г. генерал-аншеф и сенатор. В 1736 г окончил Шляхетский кадетский корпус. Участник русско-турецкой войны 1738–1739 гг. В 1740 г. адъютант лифляндского генерал-губернатора. В 1756–1758 гг. министр при польском дворе. В 1758–1761 г. участвовал в Семилетней войне. Участник дворцового переворота 1762 г. В 1764–1766 гг. командовал корпусом в Польше. Участник Польской войны 1768–1771 гг. В 1771–1780 гг. московский губернатор и главнокомандующий в

Москве. С 1789 г. в отставке.

Волконский, Петр Михайлович (1776–1852) – военный и государственный деятель, с 1801 г. генерал-майор, с 1813 г. генерал-лейтенант, с 1817 г. генерал от инфантерии, с 1850 г. генерал-фельдмаршал, с 1834 г. светлейший князь. В 1801–1805 гг. помощник начальника Военно-походной канцелярии Александра I. В 1810–1812 гг. генерал-квартирмейстер русской армии, один из организаторов службы Генерального штаба. С декабря 1812 г. начальник Главного штаба действующей армии. В 1815–1823 гг. начальник Главного штаба. С 1821 г. член Госсовета. В 1823–1825 гг. в отставке. В 1826–1852 гг. министр Императорского двора и Уделов.

Волынский, Артемий Петрович (1689–1740) – российский государственный деятель, дипломат. В 1719–1724 гг. астраханский губернатор. В 1725–1730 гг. (с перерывами) казанский губернатор. С 1738 г. кабинет-министр, имел эксклюзивное право докладывать Анне Ивановне о делах кабинета. Стремился ограничить влияние иностранцев, в близком кругу неодобрительно отзывался об императрице и ее фаворите Бироне. Был сторонником усиления политического значения дворянства и повсеместного привлечения его к государственному управлению. В 1740 г. был арестован, обвинен в измене и казнен.

Волынский, Василий Семенович (?–?) – до 1666 г. окольничий, с 1676 г. боярин. В 1663 г. посол в Швеции, в 1666 г. вел переговоры со шведами, завершившиеся Плюсским миром. В 1671–1672 гг. вел переговоры с Речью Посполитой. В 1668–1681 гг. глава Сыскного приказа. После Стрелецкого бунта 1682 г. удалился в деревню, где и умер. По мнению современников, отличался неразборчивостью в средствах.

Воронцов, Иван Михайлович (? – 1587) – боярин, воевода и дипломат. В 1556 г. посол в Литве, в 1567–1569 гг. посол в Швецию, составил записки о посольстве.

Воронцов, Михаил Илларионович (1714–1767) – российский государственный деятель, дипломат, с 1744 г. граф. С 1728 г. паж, с 1730 г. камер-паж, с 1735 г. камер-юнкер. Секретарь цесаревны Елизаветы, один из организаторов дворцового переворота 1741 г. С 1741 г. камергер и поручик лейб-кампании. С 1744 состоял в Коллегии иностранных дел. В 1744–1758 гг. вице-канцлер. В 1756–1762 гг. член Конференции при Высочайшем дворе. В 1758–1765 гг. канцлер. С 1759 г. сенатор. С 1765 г. в отставке.

Воронцов, Михаил Семенович (1782–1856) – российский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Участник войн с Францией 1805 г. и 1806–1807 гг., Турцией 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных

походов 1813–1814 гг. В 1815–1818 гг. командующий Оккупационным корпусом во Франции. С 1820 г. командир 3-го пехотного корпуса, с 1823 г. генерал-губернатор Новороссии и полномочный наместник Бессарабской области. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1828–1844 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. В 1844–1854 гг. наместник и главнокомандующий войсками на Кавказе.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1837–1916) – российский военный и государственный деятель, с 1866 г. генерал-майор, с 1875 г. генерал-лейтенант, граф. На военной службе с 1855 г. Участник Кавказских кампаний 1858–1859 гг. и Туркестанских походов 1865–1866 гг. В 1866–1867 гг. помощник губернатора Туркестана. В 1868–1878 гг. командир лейб-гвардии Гусарского полка, командир 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, начальник штаба Гвардейского корпуса. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1878–1881 гг. начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии. В марте – августе 1881 гг. начальник охраны Александра III. В 1881–1897 гг. министр Императорского двора и Уделов. В 1897–1904 гг. в отставке. В 1905–1915 гг. наместник на Кавказе. В 1914–1915 гг. Главнокомандующий Кавказской армией. С 1915 г. в отставке, назначен состоять при Особе Его Величества.

*Воротынский, Михаил Иванович (*ок. 1510–1573) – князь, боярин, воевода. В 1550–1573 гг. руководитель пограничной охраны и разведки на южных рубежах России. В 1550–1560 гг. руководил строительством оборонительных сооружений на подступах к Калуге, Коломне, Серпухову, лично отражал нападения ордынцев под Тулой в 1559 г. В 1562–1566 гг. в опале. В 1571 г. отразил атаки крымских татар и заставил их отойти от столицы. В 1572 г. разбил войско крымского хана Девлет-Гирея. В 1573 г. арестован по ложному доносу, подвергнут пыткам, умер по дороге в ссылку.

Выродков Иван Григорьевич (? – ок. 1563/ 1564) – русский фортификатор, глава Разрядного приказа, дьяк. В источниках упоминается с 1538 г. В 1551 г. построил под Казанью деревянную крепость Свияжск. В 1552 г. при штурме Казани руководил фортификационными работами. В 1557 г. построил крепость и гавань в устье р. Нарва и крепость в Галиче. В 1563 г. в походе под Полоцк командовал посошными людьми. Дальнейшая судьба неизвестна.

Вяземский, Александр Алексеевич (1727–1793) – российский государственный деятель, один из ближайших сановников Екатерины II, князь. В 1747 г. окончил Корпус кадет. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. выполнял секретные поручения.

С 1763 г. генерал-квартирмейстер, в 1764–1792 гг. генерал-прокурор Сената. В 1769 и 1772 гг. вел дела о покушениях на Екатерину II, в 1774–1775 гг. дело Емельяна Пугачева. С 1774 г. действительный тайный советник. В 1780-е гг. фактический руководитель юстиции, внутренних дел и финансов. С 1769 г. член Совета при Высочайшем дворе. С 1790 г. отошел от дел по болезни.

Вязмитинов, Сергей Кузьмич (1744–1819) – российский государственный и военный деятель, граф. С 1786 г. генерал-майор, с 1793 г. генерал-поручик, с 1798 г. генерал от инфантерии. В 1787–1791 гг., во время русско-турецкой войны, командир Екатеринославского егерского корпуса. В 1790–1797 гг. могилевский, симбирский, уфимский и оренбургский военный губернатор. В 1799–1802 гг. в отставке. В 1802–1808 гг. военный министр. В 1805 и 1812 гг. главнокомандующий войсками в Петербурге. В 1811 г. член Государственного совета. В 1808–1812 гг. снова в отставке. С марта 1812 г. министр полиции, с сентября того же года одновременно председатель Комитета министров.

Г

Гагарин, Павел Павлович (1789–1872) – российский государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса, князь. В эпоху войн с Наполеоном состоял на военной службе. С 1819 г. обер-прокурор одного из московских департаментов Сената. С 1831 г. сенатор, с 1844 г. член Госсовета. В 1849 г. расследовал дело петрашевцев. В 1857–1861 гг. член Секретного (Главного) комитета по крестьянскому делу. В 1862–1864 гг. председатель департамента законов Госсовета. В 1864–1865 гг. председатель Госсовета. В 1865–1872 гг. председатель Комитета министров. В 1866 г. председатель Верховного уголовного суда по делу Д. В. Каракозова.

Гартинг, Аркадий Михайлович (наст. *Геккельман, Аарон Мордухович*) (1861–?) – сотрудник российских спецслужб. С 1910 г. действительный статский советник. Участник революционного движения. В 1882–1883 гг. секретный сотрудник Петербургского охранного отделения. В 1884–1899 гг. секретный сотрудник Заграничной агентуры. В 1900–1904 гг. резидент Заграничной агентуры в Берлине. В 1905–1909 гг. заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции. С 1910 г. в отставке. В 1914–1917 гг. сотрудник русской контрразведки в Бельгии и Франции.

*Гедеритерн, Александр Карлович (*1804 – после 1863) – руководитель Заграничной агентуры, тайный советник. В 1826–1850 гг. цензор Петербургского цензурного комитета, секретарь А. Ф. Орлова. В 1851–1860 гг. чиновник, старший чиновник Третьего отделения. С 1861 г. управляющий 3-й экспедицией Третьего отделения.

Герарди, Борис Андреевич (1870–1918?) – российский офицер. На военной службе с 1888 г. В 1898 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. В 1898–1900 гг. служил в Московском охранном отделении. В 1900–1902 гг. прикомандирован к Московскому губернскому жандармскому управлению. В 1902 г. причислен к штабу Отдельного корпуса жандармов. В 1902–1903 гг. в распоряжении петербургского градоначальника. В декабре 1903 г. – мае 1905 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения. С 1907 г. полковник Отдельного корпуса жандармов. В 1905–1917 гг. начальник Дворцовой полиции.

Герасимов, Александр Васильевич (1861–1944) – генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов с 1914 г. На военной службе с 1883 г. В 1889 г. переведен в ОКЖ. Адъютант Самарского (в 1890–1891 гг.) и Харьковского (в 1891–1894 гг.) губернских жандармских управлений. В 1894–1902 гг. помощник начальника Харьковского ГЖУ. В феврале 1905 г. – октябре 1909 г. начальник Петербургского охранного отделения. В 1909–1914 гг. генерал для поручений при министре внутренних дел. С 1914 г. в отставке. В 1918 г. эмигрировал.

Гершуни, Григорий Андреевич (наст. *Герш, Исаак Цукович*) (1870–1908) – один из основателей партии эсеров, руководитель ее Боевой организации. По профессии провизор. В 1902 г. организовал убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина в Петербурге и покушение на губернатора И. М. Оболенского в Харькове, в 1903 г. – убийство губернатора Н. М. Богдановича в Уфе. В мае 1903 г. арестован, приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В октябре 1906 г. бежал из Акатуйской тюрьмы (Восточная Сибирь) в Китай, затем в Западную Европу и США.

Гессе, Петр Павлович (1846–1905) – один из приближенных ко двору лиц, с 1888 г. генерал-майор, с 1896 г. генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус. В 1864 г. прапорщик 47-го пехотного Украинского полка. Затем служил в лейб-гвардии Преображенском полку, командовал ротой Его Величества. С 1875 г. флигель-адъютант Александра II. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1884–1888 гг. командир Сводно-гвардейского батальона, полковник. В 1888–1896 гг. комендант

Императорской Главной квартиры. В 1896–1905 гг. Дворцовый комендант. С 1896 г. генерал-адъютант Николая II.

Гирс, Николай Карлович (1820–1895) – российский государственный деятель, дипломат. С 1838 г. на службе в Азиатском департаменте МИД. С 1841 г. переводчик консульства в Яссах. С 1848 г. дипломатический чиновник при генерале Лидерсе в Трансильвании. С 1850 г. первый секретарь миссии в Константинополе. С 1851 г. управляющий консульством в Молдавии. С 1853 г. директор канцелярии полномочного комиссара в Молдавии и Валахии. В 1856–1857 гг. генеральный консул в Египте, затем, в 1858–1862 гг., в Молдавии и Валахии. В 1863–1866 гг. посол в Персии, в 1867–1871 гг. посол в Швейцарии, в 1872–1874 гг. посол Швеции. С 1875 г. сенатор. В 1876–1882 гг. товарищ министра иностранных дел. В 1882–1895 гг. министр иностранных дел.

Глебов, Александр Иванович (1722–1790) – российский государственный деятель, с 1773 г. генерал-аншеф. Службу начал в 1737 г. сержантом Бутырского пехотного полка. Участник русско-турецкой войны 1735–1739 гг. С 1749 г. на гражданской службе. В 1755–1761 гг. обер-прокурор Сената, в 1761–1764 гг. генерал-прокурор Сената. В царствование Петра III был ежедневным докладчиком императору. Поддержал переворот Екатерины II. В 1762–1764 гг. сопредседатель Тайной экспедиции. В феврале 1764 г. снят с поста генерал-прокурора за получение взяток, к следствию не привлекался, но находился в опале. С 1775 г. генерал-губернатор в Белгороде и Смоленске, с декабря того же года – наместник. В 1776 г. отстранен от должности за хищения. В 1784 г. исключен со службы, получив запрещение на жительство в столицах.

Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич (1773–1843) – российский военный деятель, с 1802 г. генерал-майор, с 1813 г. генерал-лейтенант, с 1826 г. генерал от кавалерии, граф. С 1896 г. флигель-адъютант Павла I. Участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В 1810–1811 гг. обер-полицмейстер Петербурга, генерал– адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1825–1830 гг. военный губернатор Санкт-Петербурга. С 1832 г. член Госсовета. С 1842 г. в отставке.

Голицын, Александр Николаевич (1773–1844) – российский государственный деятель, князь. В 1803–1817 гг. обер-прокурор Святейшего Синода. С 1810 г. член Госсовета, с 1812 г. сенатор. В 1813–1824 гг. президент Библейского общества. В 1816–1824 гг. министр народного просвещения, в 1819–1842 гг. главный начальник Почтового департамента. С 1830 г. канцлер российских

императорских и царских орденов. В 1839–1841 гг. председатель общих собраний Госсовета. С 1841 г. действительный тайный советник 1-го класса. С 1843 г. в отставке.

Голицын, Александр Федорович (1796–1864) – российский государственный деятель, князь, камергер, действительный тайный советник. статс-секретарь, управляющий Комиссией прошений. В 1849 г. член Следственной комиссии по делу петрашевцев. С 1852 г. член Госсовета. В 1862–1864 гг. председатель Секретной следственной комиссии.

Голицын, Борис Алексеевич (1654–1714) – российский государственный деятель, с 1690 г. боярин, князь. В 1683–1700 гг. возглавлял приказы Казанского дворца и Иноземский. «Дядька» (воспитатель) царевича Петра Алексеевича, активный член партии Нарышкиных. Способствовал приходу к власти Петра I в 1689 г. Участник Кожуховского 1694 г. и Азовского 1695 г. походов. Один из руководителей «розыска над мятежными стрельцами» в 1698 г. Во время Астраханского бунта 1705 г. попал в опалу. В 1714 г. принял постриг.

Голицын, Василий Васильевич (1643–1714) – российский государственный и военный деятель, с 1676 г. боярин, князь. Возглавлял Пушкарский (в 1676–1677 и 1682–1686 гг.), Владимирский судный (в 1677–1680 гг.), Иноземский, Рейтарский, Посольский, Малороссийский, Смоленский и Новгородский приказы, а также Устюжскую и Галицкую чети. Участник обороны южных рубежей России в 1676–1678 и 1680–1681 гг., осуществлял связь царя с украинскими воеводами. В 1680 г., будучи главнокомандующим русско-украинскими войсками в Малороссии, сумел добиться прекращения военных действий и способствовал началу мирных переговоров. В 1682 г. руководил комиссией, отменившей местничество. Возглавлял неудачные Крымские походы 1687 и 1689 гг. После заточения царевны Софьи Алексеевны, фаворитом которой он был, в монастырь (1689 г.) лишен боярства, всего имущества и сослан с семьей в Каргополь. Умер в опале.

Голицын, Дмитрий Михайлович (1665–1737) – российский государственный деятель, князь, с 1727 г. сенатор. В 1686 г. стольник, в 1694 г. капитан Преображенского полка. В 1701–1704 гг. посланник в Константинополе. В 1704–1706 гг. командир экспедиционного отряда в Польше и Саксонии. В 1711–1718 гг. киевский губернатор. В 1718–1722 гг. президент Камер-коллегии. С 1718 г. сенатор. В 1723 г. по делу Шафирова лишен чинов и подвергнут домашнему аресту. Помилован. После смерти Петра I глава боярской партии, сторонник Петра II. Выступал за ограничение самодержавия. В 1736 г. арестован по делу К.

Кантемира, умер в заключении.

Головин, Федор Алексеевич (1650–1706) – российский государственный деятель, дипломат, с 1700 г. генерал-адмирал, с 1702 г. граф. Составил и заключил важный для России Нерчинский договор с Китаем (1689 г.), открывший возможности к развитию мирных политических и торговых отношений с Цинской империей. Был вторым послом Великого посольства. В 1699 г. совместно с Петром I вел секретные переговоры о заключении договоров с Саксонией и Данией. Готовил почву для заключения мира с Турцией, в августе 1704 г. подписал русско-польский договор. В 1703–1705 гг. под руководством Головина была определена русско-турецкая граница на Кубани и в Поднепровье. Принимал активное участие в создании русского флота и регулярной армии. В 1699 г. назначен начальником Военно-морского приказа. С 1700 г. начальник Посольского приказа, одновременно ведал Ямским приказом, Оружейной, Золотой и Серебряной палатами.

Головкин, Гавриил Иванович (1660–1734) – один из сподвижников Петра I, родственник царицы Натальи Кирилловны, с 1707 г. граф. Начинал свою карьеру при дворе с должностей постельничего и стольника. Постоянно сопровождал Петра I в разъездах. С 1706 г. начальник Посольской канцелярии, затем Посольского приказа. С 1709 г. канцлер. В 1718–1734 гг. глава Коллегии иностранных дел. В 1726–1730 гг. член Верховного тайного совета. После смерти Петра II (январь 1730 г.) поддержал Анну Ивановну против «верховников». В 1731–1734 гг. первый кабинет-министр.

Голштейн-Готторпский, Карл-Фридрих (1700–1739) – немецкий герцог Шлезвига. В России с 1721 г., жил на русское жалованье. В 1724 г. был помолвлен с дочерью Петра I царевной Анной, бракосочетание произошло в 1725 г. При Екатерине I вызвал неудовольствие Меншикова и большей части петербургской знати. В 1727 г. переехал в Голштинию, в город Киль. Отец императора Петра III.

Гопиус, Евгений Александрович (1872–1919) – инженер-механик, из семьи выходцев из Скандинавии, приехавших в Россию при Петре I, дворянин. В 1896 г. окончил Императорское Московское техническое училище. С 1903 г. сверхштатный лаборант физико-математического факультета (Физического института) Московского университета, надворный советник. В 1906 г. познакомился с П. К. Штернбергом, начал работу в подпольной лаборатории РСДРП по производству взрывчатых веществ. Составил для Военно-технического бюро Московского комитета РСДРП руководство по взрывчатым веществам. В 1907 г.

написал и легально опубликовал фундаментальный труд «Основы техники взрывчатых веществ». В 1917 г. один из создателей Красной гвардии Замоскворецкого района. Вместе с Я. Я. Пече и П. К. Штернбергом составлял план вооруженного восстания и тактику уличных боев с учетом опыта 1905 г. С 1917 г. член РСДРП(б). Работал в Центральном штабе Красной гвардии, во время вооруженного восстания в Москве лично обточил русские снаряды под калибр французских орудий. С 1918 г. служил во Всероссийском бюро военных комиссаров в должности военного комиссара по инженерной обороне республики. С июня 1918 г. заместитель военного комиссара Военного совета Московского района М. Н. Тухачевского. Откомандирован на фронт для борьбы с войсками генерала П. Н. Краснова. Умер от тифа в Москве 15 февраля 1919 г. Могила не сохранилась.

Гордон, Петр (наст. *Патрик*) *Иванович* (1635–1699) – российский военный деятель, по происхождению шотландец, генерал и контр-адмирал. На русской службе с 1661 г. Участник Чигиринских (1676–1678 гг.), Крымских (1687 и 1689 гг.) и Азовских (1695–1696 гг.) походов. Один из первых иностранных учителей Петра I.

Горемыкин, Иван Логгинович (1839–1917) – российский государственный деятель. В 1860 г. окончил Училище правоведения, затем служил на различных должностях в Царстве Польском, участвовал в ревизии Саратовской и Самарской губерний. С 1882 г. товарищ обер-прокурора 1-го департамента Сената, с 1884 г. обер-прокурор 2-го департамента Сената. С 1891 г. товарищ министра юстиции, с 1894 г. сенатор и управляющий межевой частью. В 1895–1999 гг. министр внутренних дел. С 1899 г. член Госсовета. С апреля по июль 1906 г. (заменен П. А. Столыпиным) и с января 1914 г. по январь 1916 г. председатель совета министров.

Гоц, Михаил Рафаилович (1866–1906) – один из лидеров партии эсеров. Брат А. Р. Гоца, активного члена «боевки» эсеров. С 1884 г. член народовольческих кружков. С 1885 г. студент Московского университета. В 1886 г. арестован, спустя полтора года выслан в Восточную Сибирь. В марте 1989 г. приговорен к бессрочной каторге за организацию вооруженного сопротивления властям. В 1895 г. амнистирован. В 1901 г. эмигрировал в Париж, где входил в редакцию эсеровского журнала «Вестник русской революции». С 1902 г. в Женеве, член редколлегии газеты «Революционная Россия».

Грессер, Петр Аполлонович (1832–1892) – российский государственный деятель, с 1883 г. генерал-лейтенант. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1870–1871 гг. чиновник особых

поручений при киевском губернаторе. В 1871–1877 гг. волынский губернатор. С 1878 г. член Совета по управлению Болгарией. В 1880–1882 гг. харьковский губернатор. В 1882–1883 гг. санкт-петербургский обер-полицмейстер. В 1883–1892 гг. градоначальник Санкт-Петербурга.

Грибовский, Михаил Кириллович (1786 – после 1833) – российский государственный деятель, с 1826 г. статский советник, в 1814 г. исполняющий должность правителя канцелярии Инвалидного комитета, с 1816 г. доктор права Харьковского университета, в 1819–1920 гг. библиотекарь Гвардии Генерального штаба, приближен А. Х. Бенкендорфом. В 1821–1823 гг. начальник тайной военной полиции Гвардейского корпуса. В 1823–1826 гг. симбирский вице-губернатор, в 1827–1828 гг. харьковский губернатор. Отдан под суд. В 1833 г. числился при герольдии.

Грязной, Василий Григорьевич (до 1551 – после 1577) – один из руководителей опричнины (с 1570 г.). Начал службу при двоюродном брате Ивана IV князе В. А. Старицком. Участник Ливонского похода 1567 г. в государевом полку. В 1569 г. участвовал в следствии о «заговоре» своего бывшего господина. С 1570 г. думный дворянин. После смерти Малюты Скуратова изгнан из опричной думы. В 1573 г., осуществляя разведку, попал в плен к крымским татарам. В Россию не вернулся.

Гуляев, Тихон (? – 1744) – сотрудник российских секретных служб. Начал службу подьячим в Тайной канцелярии в 1720 г., с 1723 г. канцелярист. В 1726–1738 гг. служил в Ярославле. В 1738–1741 гг. секретарь Московской конторы Канцелярии тайных розыскных дел. В 1742–1744 гг. секретарь Канцелярии тайных розыскных дел.

Д

Дашков, Кодратий (*Михаил*) *Иванович* (1736–1764) – один из лидеров петербургской масонской организации. Служил в Преображенском, затем в лейб-кирасирском полку. В 1859 г. женился на графине Е. Р. Воронцовой. Участник подготовки дворцового переворота 1762 г. В 1762–1763 гг. посол в Константинополе. В 1763 г. направлен с особым отрядом в Варшаву для содействия избранию польским королем С. А. Понятовского. Впоследствии московский губернский предводитель дворянства.

Девьер, Антон Мануилович (1682–1745) – российский государственный деятель, по происхождению португалец, в юношеские годы служил юнгой в голландском флоте. С 1699 г.

приближенный Петра I. С 1718 г. генерал-лейтенант, с 1726 г. граф, сенатор. В 1718–1727 гг. петербургский генерал-полицмейстер, В 1727 г. сослан в Сибирь. С 1739 г. командир Охотского порта. В 1742 г. возвращен из ссылки Елизаветой Петровной. В 1743–1745 гг. генерал-полицеймейстер, с 1744 г. генерал-аншеф.

Дедюлин, Владимир Александрович (1858–1913) – российский военный деятель, жандармский чин высшего ранга, генерал от кавалерии с 1912 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880–1883 гг. слушатель Академии Генерального штаба. В 1898–1900 гг. помощник начальника отдела Генштаба. В 1900–1903 гг. начальник Управления военных сообщений. В 1903 г. – январе 1905 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. В январе – декабре 1905 г. градоначальник Петербурга. В декабре 1905 г. – сентябре 1906 г. командующий Отдельного корпуса жандармов. В 1906–1913 гг. дворцовый комендант.

Делянов, Иван Давыдович (1818–1897) – российский государственный деятель, действительный тайный советник, с 1888 г. граф. С 1849 г. камергер Двора Его Императорского Величества. С 1867 г. статс-секретарь Его Императорского Величества. В 1861–1882 гг. директор Публичной библиотеки. С 1874 г. член Госсовета. В 1882–1897 гг. министр народного просвещения. При нем был введен новый университетский устав 1884 г., лишивший университеты прежней автономии, в 1886 г. были закрыты высшие женские курсы; с 1887 г. ограничивался прием в гимназии детей недворянского происхождения, в средние учебные заведения не допускались «дети кучеров, прачек, мелких лавочников».

Депрерадович, Леонтий Иванович (1766–1844) – российский военный деятель, с 1799 г. генерал-майор. Участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. и войн с поляками в 1783–1784 и 1794 гг. С августа 1799 г. командир лейб-гвардии Семеновского полка, активный участник заговора против Павла I. В 1805 г. отличился при Аустерлице. После неучастия в сражении при Фридланде в 1807 г. уволен в отставку.

Державин, Гавриил (*Гаврила*) *Романович* (1743–1816) – российский государственный деятель, поэт эпохи Просвещения. С 1762 г. служил в Преображенском полку, с 1772 г. офицер. В 1773–1774 гг. член Казанской секретной комиссии, участник подавления пугачёвского бунта. В 1782–1785 гг. правитель Олонецкого наместничества. В 1786–1788 гг. тамбовский губернатор. В 1791–1793 гг. кабинет-секретарь Екатерины II. С 1794 г. президент Коммерц-коллегии. В 1802–1803 гг. министр

юстиции. Член Российской Академии наук.

Дибич, Иван (наст. *Иоганн Карл Фридрих Антон*) Иванович (1785–1831) – российский военный деятель, с 1812 г. генерал-майор, с 1813 г. генерал-лейтенант, с 1826 г. генерал от инфантерии, с 1829 г. генерал-фельдмаршал, с 1827 г. граф. Участник войн с Францией 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов 1813–1814 гг. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1812 г. обер-квартирмейстер 1-го пехотного корпуса. В 1813–1814 гг. генерал-квартирмейстер русско-прусских войск. С 1823 г. член Госсовета. С 1824 г. начальник Главного штаба, с 1829 г. главнокомандующий действующей армией. С декабря 1830 г. главнокомандующий при подавлении польского мятежа. Умер от холеры.

Долгорукий, Михаил Юрьевич (? – 1682) – российский государственный деятель, с 1638 г. стольник, с 1661 г. комнатный стольник, с 1671 г. ближний боярин и дворецкий, князь. В 1672–1679 гг. глава Приказа Казанского дворца. В 1680–1681 гг. глава Иноземского и Разрядного приказов. В звании наместника Суздальского в 1674 г. вел переговоры с послами Швеции. В 1682 г. принимал активное участие в уничтожении местничества. В том же году из-за болезни отца управлял Хлебным, Смоленским и Стрелецким приказами. Пользовался особым доверием царя Федора Алексеевича. Был убит во время Стрелецкого бунта 1682 г.

Долгорукий, Юрий (*Софроний*) *Алексеевич* (? – 1682) – российский государственный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича, с 1648 г. боярин, князь. Глава Сыскного (в 1648–1651 гг.), Пушкарского (с 1651 г.), Стрелецкого (с 1676 г.) приказов. Участвовал в составлении Соборного уложения 1649 г. Одержал ряд побед в русско-польской войне 1654–1667 гг. В 1670 г. разбил отряды Степана Разина в районе Арзамаса и Нижнего Новгорода. С 1676 г. – опекун царя Федора Алексеевича; отказался от опекунства в пользу своего сына Михаила. Был убит во время Стрелецкого бунта 1682 г.

Долгоруков, Алексей Григорьевич (? – 1734) – российский государственный деятель, дипломат, с 1726 г. сенатор, с 1729 г. светлейший князь. В 1700 и 1706 гг. выполнял дипломатические поручения в Италии и на Мальте. С 1713 г. смоленский губернатор, с 1723 г. президент Главного магистрата. После смерти Петра I вместе с другими Долгоруковыми и Голицыными выступал за передачу трона Петру Алексеевичу. Участвовал в свержении Меншикова. С 1728 г. член Верховного тайного совета, действительный тайный советник. В апреле 1730 г. обвинен в «оскорблении Величества», «разрушении здоровья» Петра II и

сослан вместе с семьей. Умер в ссылке.

Долгоруков, Василий Андреевич (1804–1868) – российский военный и государственный деятель, генерал от кавалерии. На военной службе с 1821 г. С 14 декабря 1825 г. доверенное лицо Николая I. С 1830 г. флигель-адъютант; участник подавления бунта в Новгородских военных поселениях 1830 г. и Польского восстания 1830–1831 гг. В 1837 г. послан с дипломатической миссией в Белград, укрепил отношения России с Сербией. В 1838–1839 гг. сопровождал наследника Александра Николаевича в заграничных путешествиях, с 1841 г. управлял его двором. В 1841–1848 гг. начальник штаба инспектора Резервной кавалерии. В 1848–1853 гг. товарищ военного министра. В 1853–1856 гг. военный министр, с 1853 г. член Госсовета. В 1856–1866 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения. С 1866 г. обер-камергер двора.

Долгоруков, Василий Владимирович (1667–1746) – российский государственный и военный деятель, князь. С 1685 г. стольник, с 1705 г. капитан гвардии, с 1726 г. генерал-аншеф, с 1728 г. генерал-фельдмаршал. С 1700 г. в Преображенском полку, участник Северной войны 1700–1721 гг. В 1707–1708 гг. руководил подавлением восстания К. Булавина. В 1715 г. возглавлял комиссию по расследованию хищений Ф. М. Апраксина и А. Д. Меншикова. Отрицательно относился ко многим реформам Петра I. В 1718 г. защищал царевича Алексея, лишен чинов и званий, сослан. В 1724 г. возвращен из ссылки. С 1730 г. член Верховного тайного совета. Противник возведения на престол Екатерины Долгоруковой. В 1730–1731 гг. президент Военной коллегии, сенатор. В 1731 г. обвинен в оскорблении императрицы и сослан. В 1741 г. возвращен из ссылки, восстановлен в чинах. В 1741–1746 гг. президент Военной коллегии.

Долгоруков, Василий Лукич (ок. 1670–1739) – российский государственный деятель, дипломат, князь. В 1687–1700 гг. жил и учился в Париже. В 1700–1706 гг. член посольства в Речи Посполитой, выполнял тайные поручения. В 1706–1707 гг. посол при дворе Августа II. В 1707–1720 гг. чрезвычайный посол в Дании. В 1720–1723 гг. посланник во Франции. В 1724 г. полномочный министр в Варшаве. В 1725–1727 гг. посол в Швеции. В 1728–1730 гг. член Верховного тайного совета. Участник заговора в пользу княжны Е. Долгоруковой. Сопровождал Анну Ивановну из Митавы в Москву. После разрыва «Кондиций» был лишен чинов и наград. Сослан, в 1739 г. казнен.

Долгоруков, Иван Алексеевич (1708–1739) – фаворит императора Петра II, с 1729 г. светлейший князь. С 1725 г.

гофюнкер Петра Алексеевича, с 1727 г. обер-камергер и майор гвардии. В 1727 г. отправлен Меншиковым поручиком в армейский полк. После воцарения Петра II возвращен ко двору, способствовал разрыву императора с Меншиковым и обручению своей сестры с императором. Имел репутацию гуляки и ловеласа. В апреле 1730 г. сослан. В 1737 г. обвинен в злословии против Анны Ивановны и Бирона. В 1739 г. казнен.

Достанич, Степан Степанович (? – после 1842) – русский офицер. В 1803 г. окончил Черноморский морской корпус. С 1807 г. мичман, с 1812 г. лейтенант, с 1814 г. капитан-лейтенант. Участник морских походов 1804, 1808, 1809 и 1811 гг. С 1814 г. в отставке. Одесский полицмейстер, член Одесской таможни (до 1821 г.). В 1822–1829 гг. начальник воинской полиции 2-й армии.

Дрентельн, Александр Романович (1820–1888) – российский военный деятель, с 1859 г. генерал-майор, с 1865 г. генерал-лейтенант, с 1878 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1838 г. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1856–1862 гг. командир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1863–1864 гг. начальник дивизии, участник подавления Польского восстания. В 1872–1878 гг. командующий Киевским военным округом. В 1878–1880 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения. В 1880 г. одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа. В 1881–1888 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, командующий Киевским военным округом.

Дубельт, Леонтий Васильевич (1792–1862) – российский военный и государственный деятель, с 1831 г. генерал-майор, с 1844 г. генерал-лейтенант, с 1856 г. генерал от кавалерии. С 1807 г. на военной службе, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1825 г. подозревался в принадлежности к тайным обществам, оправдан. В 1828 г. вышел в отставку в чине полковника. В 1830 г. поступил в Корпус жандармов, где сблизился с А. Х. Бенкендорфом. С 1835 г. начальник штаба Корпуса жандармов. В 1839–1856 гг. управляющий Третьим отделением, член Главного управления цензуры и Секретного комитета о раскольниках. С 1856 г. в отставке.

Дурново, Петр Николаевич (1843–1915) – российский государственный деятель. Выпускник Морского кадетского корпуса и Военно-юридической академии. В 1872–1881 гг. товарищ прокурора владимирского и московского окружных судов, киевской судебной палаты. В 1881–1884 гг. управляющий судебным отделом Департамента полиции. В 1884–1893 гг. директор Департамента полиции. В 1905–1905 гг. товарищ

министра внутренних дел. В 1905–1906 гг. министр внутренних дел. С 1906 г. член Госсовета.

Е

Еремин, Александр Михайлович (1872–?) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (с 1915 г.). На военной службе с 1891 г. После перевода в ОКЖ в 1903 г. прикомандирован к Киевскому губернскому жандармскому управлению. С 1905 г. исполняющий должность начальника Киевского охранного отделения. В 1906–1908 гг. состоял при штабе ОКЖ. В 1908–1909 гг. начальник Тифлисского ГЖУ. В 1910–1913 гг. Заведующий Особым отделом Департамента полиции. В 1913–1917 гг. начальник Финляндского жандармского управления. В 1918 г. командующий войсками Уральской области. В 1919–1921 гг. начальник Управления генерал-квартирмейстера. После Гражданской войны эмигрировал.

Ермолов, Алексей Петрович (1777–1861) – российский военный и государственный деятель, с 1818 г. генерал от инфантерии. Образование получил в Московском университетском пансионе. Зачислен унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк 5 января 1787 г. С 1791 г. на военной службе под началом А. В. Суворова. Участник подавления Польского восстания 1794 г. и Персидского похода 1796 г. В 1798 г. арестован, уволен со службы и отправлен в ссылку в свое поместье по делу о создании Смоленского офицерского политического кружка и по подозрению в участии в заговоре против Павла I; помилован Александром I. Участник войн с Францией 1805–1807 гг. В 1809–1812 гг. командовал войсками в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1816–1827 гг. командир Грузинского отдельного корпуса, управляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, чрезвычайный посол в Персии. С 1827 г. в отставке. С 1831 г. член Госсовета, с 1832 года член Российской академии. В 1855 г. начальник государственного ополчения по Москве.

Ж

Жуков, Семен Сидорович (1833 – после 1883) – русский военный, офицер с 1855 г. В 1857 г. корнет лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона. С 1873 г. полковник. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1879 г. командир

Кубанского казачьего полка. С 1883 г. генерал-майор по Кубанскому казачьему войску.

З

Заварзин, Павел Павлович (1868–1932) – полковник Отдельного корпуса жандармов. На военной службе с 1888 г., в 1889 г. перешел в ОКЖ. В 1889–1903 гг. на различных должностях в губернских жандармских управлениях. В 1903 г. начальник Кишиневского охранного отделения. В 1904–1905 гг. помощник начальника Могилевского губернского жандармского управления, в резерве Одесского жандармского управления. В 1905 г. начальник Ростовского, в 1906–1909 гг. Варшавского, в 1910–1912 гг. Московского охранных отделений. В 1912–1916 гг. начальник Одесского жандармского управления. В 1916–1917 гг. начальник Варшавского ГЖУ, в распоряжение Департамента полиции. После революции эмигрировал.

Зайончек, Юзеф (*Иосиф*) (1752–1826) – польский и российский военный и государственный деятель. С 1797 г. бригадный генерал, с 1802 г. дивизионный генерал, с 1815 г. генерал от инфантерии. Участник русско-польской войны 1772 г. и восстания Тадеуша Костюшко 1794 г. С 1796 г на французской службе. Участник кампаний Наполеона: Итальянской 1796–1797 гг., Египетской 1798–1801 гг., кампании 1807 г. и похода в Россию. Командир 16-й (польской) дивизии 5-го корпуса Великой армии. С декабря 1812 г. в русском плену. С 1815 г. на русской службе. В 1815–1826 гг. наместник Царства Польского.

Захарьин-Юрьев, Михаил Юрьевич (? – 1538) – доверенное лицо Василия III, по просьбе которого выполнял важные дипломатические поручения. В 1511 г. получил задание наладить тайную переписку великого князя с его сестрой – вдовствующей княгиней Еленой Литовской. С 1514 г. сокольничий, затем боярин. В 1519–1520 гг. обеспечивал правление в Казани московского ставленника. После смерти Василия III один из советников Елены Глинской. Руководил расследованием ряда политических дел.

Зволянский, Сергей Эрастович (1855–1912) – государственный служащий, с 1902 г. тайный советник. В 1897 г. окончил Училище правоведения. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1879–1881 гг. судебный следователь. В 1881–1882 гг. помощник делопроизводителя Департамента полиции. В 1882–1885 гг. секретарь при директоре Департамента полиции. В 1885 г. проверял работу Заграничной агентуры во Франции и Швейцарии. В 1887–1895 гг. делопроизводитель 4-го

делопроизводства Департамента полиции. В 1895–1897 гг. вице-директор Департамента полиции. В 1897–1902 гг. директор Департамента полиции. С 1902 г. сенатор.

Зеленой, Александр Алексеевич (1818–1880) – российский государственный деятель, с 1855 г. генерал-майор, с 1862 г. генерал-лейтенант, с 1863 г. генерал-адъютант, с 1869 г. генерал от инфантерии. В 1836 г. окончил Морской кадетский корпус. В 1836–1847 гг. служил на флоте, совершил кругосветное плавание на корабле «Иртыш». В 1848–1854 гг. служил в Межевом корпусе. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. командир Тобольского полка, последним оставил Севастополь. С 1856 г. состоял при Министерстве государственных имуществ. С 1860–1861 гг. генерал Свиты. В 1862–1872 гг. министр государственных имуществ. С 1862 г. член Госсовета. С 1672 г. в отставке.

Зиновьев, Петр Васильевич (1835–?) – российский офицер, в офицерских чинах с мая 1855 г. Участник обороны Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 гг. После войны служил в полиции. С августа 1878 г. пристав 1-й Адмиралтейской части Санкт-Петербурга. С апреля 1879 г. подполковник. С октября 1880 г. начальник Полицейского резерва. С октября 1881 г. по сентябрь 1884 г. начальник Дворцовой стражи и полицмейстер Зимнего дворца.

Зотов, Никита Моисеевич (1644–1718) – ближайший сподвижник Петра I. С 1664 г. подьячий, затем дьяк Челобитного, Сыскного, Владимирского судного, Московского судного приказов. С 1677 г. учитель Петра Алексеевича. В 1695 г. начальник походной канцелярии Петра I под Азовом. С 1690 г. думный дьяк, с 1705 г. думный дворянин, с 1710 г. граф. С 1701 г. глава Ближней канцелярии, с 1705 г. начальник Печатного приказа, с 1711 г. государственный фискал.

Зубатов, Сергей Васильевич (1864–1917) – один из лучших полицейских чинов Российской империи, надворный советник. В 1883 г. был арестован за революционную деятельность. В 1884–1886 гг. канцелярский служитель в Московской дворянской опеке. С 1885 г. секретный сотрудник Московского охранного отделения. В 1886–1888 гг. телеграфист Московского телеграфа. В 1889–1896 гг. сотрудник, затем помощник начальника Московского охранного отделения. В 1896–1902 гг. начальник указанного отделения. В 1902–1903 гг. заведующий Особым отделом Департамента полиции. В ноябре 1903 г. уволен со службы под гласный надзор полиции. Застрелился, узнав об отречении Николая II.

И

Иванов, Ларион Иванович (? – 1682) – доверенное лицо Алексея Михайловича, думный дьяк с 1669 г. Был одним из наиболее близких к Федору Алексеевичу лиц. Возглавлял Посольский приказ (в 1676–1682 гг.) и Новгородскую четь. Фактический руководитель внешней разведки. Пятнадцатого мая 1682 г. убит в Москве стрельцами.

Игнатьев, Николай Павлович (1832–1908) – российский государственный деятель, дипломат, с 1860 г. генерал-адъютант, с 1878 г. генерал от инфантерии, с 1877 г. граф. В 1848 г. окончил Пажеский корпус, в 1851 г. Академию Генерального штаба. В 1853–1856 гг. обер-квартирмейстер Балтийского корпуса. В 1856–1857 гг. военный агент в Лондоне. В 1857 г. на разведработе в Вене, Белграде, Афинах, Константинополе, Иерусалиме. В 1858 г. на разведработе в Хиве и Бухаре. В 1859 г. чрезвычайный посланник в Китае. В 1861–1864 гг. директор Азиатского департамента МИД. В 1864–1877 гг. посол в Турции. С 1877 г. член Госсовета. С мая 1881 г. по май 1882 г. министр государственных имуществ и внутренних дел.

Игнатьев, Павел Николаевич (1797–1879) – российский государственный деятель, с 1859 г. генерал от инфантерии. В 1819–1820 гг. директор полковой солдатской школы. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1844–1846 гг. директор Пажеского корпуса. В 1846–1848 гг. дежурный генерал Главного штаба. С 1848 г. попечитель Медико-хирургической академии, с 1852 г. член Государственного совета. В 1853–1854 гг. витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор. В 1854–1861 гг. столичный генерал-губернатор. С 1864 г. председатель Комиссии прошений на высочайшее имя, в 1872–1879 гг. председатель Комитета министров и Кавказского комитета.

Ильинский, Александр Константинович (?–?) – российский офицер. В 1883–1902 гг. заведующий Охранной агентурой (командой) Санкт-Петербургского охранного отделения, полковник.

Ипсиланти, Александр Константинович (1792–1828) – российский офицер, с 1817 г. генерал-майор, князь. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1820 г. глава созданной в Одессе тайной греческой организации «Филики Этерия» («Дружеское общество»). Весной 1821 г. сформировал повстанческую армию и поднял антиосманское восстание в Молдавии, ставшее сигналом к началу Греческой революции 1821–1829 гг. В июле 1821 г. бежал в Австрию, где был заключен в тюрьму. Освобожден по ходатайству Николая I.

К

Казаринов, Василий Григорьевич (?–?) – сотрудник российских секретных служб. С 1715 г. секретарь Рекрутской канцелярии Сената. В 1718–1726 гг. сотрудник московского отделения Тайной канцелярии, с 1723 г. – секретарь. В 1927–1731 гг. секретарь Преображенского приказа. В 1731–1732 гг. секретарь Канцелярии тайных розыскных дел в Москве. В 1732 г. арестован С. А. Салтыковым и отправлен в Петербург. В 1743 г. возвращен Ушаковым на должность секретаря Московской конторы тайных дел, где затем служил советником.

Каховский, Александр Михайлович (? – 1827) – российский офицер, до 1789 г. секунд-майор, до 1796 г. подполковник, после 1812 г. генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1787–1789 гг. и русско-польской войны 1794 г. Адъютант А. В. Суворова. В 1795–1796 гг. обер-кригскомиссар Инспекционной экспедиции Военной коллегии. С 1796 г. в отставке. В 1797–1798 гг. глава подпольного офицерского кружка. В 1799 г. заключен в крепость. Освобожден после 1801 г.

Качмарев, Егор Григорьевич (? – 1856) – российский офицер. На службе с 1806 г., с 1810 г. фельдфебель, с 1816 г. прапорщик, с 1820 г. подпоручик, с 1823 г. поручик, с 1826 г. штабс-капитан, с 1827 г. капитан, с 1829 г. полковник, с 1855 г. генерал-майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1816–1826 гг. служил в артиллерии и польских войсках. В 1827–1856 гг. командир Роты дворцовых гренадер.

Кашинцев (*Кашинцов*), *Николай Андреевич* (1799–1870) – секретный служащий, действительный статский советник. С 1807 г. чиновник Владимирского губернского правления. В 1815 г. переехал в Москву. В 1819–1822 гг. вольнослушатель Московского университета, член Общества любителей российской словесности и член Общества испытателей природы при Московском университете. Служил директором богадельного дома. В 1832 г. причислен к Третьему отделению, чиновник особых поручений, в том же году пожалован в камер-юнкеры. Наблюдал за всеми выходящими в Москве периодическими изданиями. Командировался для секретной работы в Австрию и Пруссию. В 1850 г. вышел в отставку по болезни.

Клейгельс, Николай Васильевич (1850–1916) – российский государственный деятель, с 1910 г. генерал от кавалерии. Окончил Николаевское кавалерийское училище. На военной службе с 1868 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1888–1895 гг. обер-полицмейстер Варшавы. В 1895–1904 гг. петербургский градоначальник. В 1904–1905 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. С 1905 г. в Военном министерстве.

Княжнин, Борис Яковлевич (1777–1854) – российский военный деятель, с 1813 г генерал-майор, с 1826 г. генерал-лейтенант, с 1843 г. генерал от инфантерии. На службе с 1793 г., участник войн с Францией 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1825 гг. на службе в военных поселениях. В 1826–1829 гг. обер-полицмейстер Санкт-Петербурга. В 1829–1832 гг. киевский военный губернатор. С 1832 г. генерал-аудитор; сенатор.

Князевич, Кароль Отто (1762–1842) – польский оппозиционер, уроженец Курляндии. С 1794 г. генерал-майор, с 1812 г. дивизионный генерал. Участник Польского восстания 1794 г. С 1797 г. на французской службе. В 1797–1801 гг. один из организаторов «польских легионов» в Италии. Участник похода на Россию в 1812 г., командир 18-й дивизии и 5-го корпуса. В 1814–1815 гг. в армии Царства Польского. С 1817 г. проживал в Дрездене. В 1830–1831 гг. посланник польского правительства во Франции, остался в эмиграции.

Козлов, Александр Александрович (1837–1924) – полицейский чиновник высшего ранга, с 1872 г. генерал-майор, с 1883 г. генерал-лейтенант, с 1896 г. генерал от кавалерии. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1861–1865 гг. адъютант петербургского генерал-губернатора. В 1865–1869 гг. полицмейстер Риги. В 1869–1873 гг. помощник петербургского обер-полицмейстера. В 1873–1878 гг. помощник петербургского градоначальника. В 1878–1881 гг. московский обер-полицмейстер. В 1881–1882 гг. петербургский обер-полицмейстер. В 1882 г. исправляющий должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. В 1882–1887 гг. московский обер-полицмейстер. В 1888–1900 гг. в отставке. В апреле – июле 1905 г. московский генерал-губернатор.

Кологривов, Андрей Семенович (1775–1825) – российский военный деятель, с 1796 г. генерал-майор, с 1798 г. генерал-лейтенант, с 1812 г. генерал от кавалерии. В 1793 г. сформировал гусарский эскадрон Гатчинских войск. В 1796 г. направлен Павлом с секретным поручением к принцу Ольденбургскому. С 1796 г. командир кавалерии Гатчинских войск; шеф лейб-гвардии Гусарского и Казачьего полков. В 1805 г. при Аустерлице командовал гвардейской кавалерией. В 1806–1807 гг. командующий Гвардейским корпусом. С 1807 в отставке. В 1812 г. командующий кавалерийскими резервами.

Колышкин, Федор Архипович (1819–1880) – государственный служащий. С 1866 г. чиновник особых поручений при Канцелярии петербургского обер-полицмейстера, действительный статский советник. В 1867–1877 гг. начальник Санкт-Петербургского

охранного отделения. Тайный советник.

Комаровский, Евграф Федорович (1769–1843) – российский государственный и военный деятель, граф, с 1799 г. генерал-майор, с 1819 г. генерал-лейтенант. Участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова 1799 г. Генерал-адъютант Александра I с 1801 г. В 1801–1803 гг. обер-полицмейстер Петербурга. В 1803–1811 гг. в Свите Его Императорского Величества. В 1811–1815 гг. инспектор Внутренней стражи. В 1815–1828 гг. командир Отдельного корпуса внутренней стражи. С 1828 г. сенатор. Отошел от дел в 1830 г.

Комиссаров, Михаил Степанович (1870–1933) – российский офицер, с 1910 г. генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Окончил 3-е военное Александровское училище. В 1890–1904 гг. офицер-артиллерист. В 1904 г. прикомандирован к Департаменту полиции. В 1904–1906 гг. начальник Отделения дипломатической агентуры. В 1906–1909 гг. помощник начальника Петербургского охранного отделения. Начальник Енисейского (в 1909–1910 гг.), Пермского (в 1910–1912 гг.), Саратовского (в 1912–1915 гг.) и Вятского (в 1915 г.) губернских жандармских управлений. Начальник охраны Распутина (декабрь 1915 г. – март 1916 г.). Градоначальник Ростова-на-Дону (март – июль 1916 г.), затем в отставке. После революции эмигрировал, умер в США.

Корвин-Круковский, Петр Васильевич (1844–1899) – секретный сотрудник. Участник Польского восстания 1863–1864 гг.; эмигрировав, в 1864–1874 гг. проживал в Италии, Франции, Швейцарии. В 1874–1876 гг. заграничный агент Третьего отделения. В 1876–1877 гг. воевал в Сербии против турок. В 1877–1880 гг. секретный сотрудник Третьего отделения. В 1881–1882 гг. член «Священной дружины». В 1883–1884 гг. резидент Заграничной агентуры. С 1884 в отставке.

Корф, Николай (наст. *Иоганн-Николай*) *Андреевич* (1710–1766) – российский государственный деятель, барон. С 1758 г. генерал-поручик, с 1760 г. генерал-аншеф. По происхождению лифляндец. Был женат на двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны графине М. Е. Скавронской. В 1841 г. премьер-майор в кавалерийском Копорском полку. В 1742 г. привез из Киля племянника императрицы, будущего императора Петра Федоровича, пожалован действительным камергером. В 1744 г. руководил переводом семьи Ивана VI Антоновича в Соловецкий монастырь; пожалован сенатором. В 1745–1757 гг. состоял в свите князя Петра Федоровича. В 1758–1760 гг. губернатор Кенигсберга. В 1761–1762 г. генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга. В 1762–1766 гг. главный директор над всеми полициями.

Котлубицкий, Николай Осипович (1775–1852) – российский военный деятель, с 1797 г. генерал-майор, с 1798 г. генерал-лейтенант. В 1793–1795 гг. служил в гатчинской артиллерийской батарее. В 1795–1796 гг. адъютант Павла I. В 1896–1897 гг. флигель-адъютант, в 1797–1798 гг. генерал-адъютант императора., в 1798–1799 гг. генерал Свиты. В 1800–1801 гг. комендант Михайловского замка. С 1802 г. в отставке.

Котошихин, Григорий Карпович (? – 1667) – подьячий Посольского приказа. Завербован шведским послом в Москве в 1662 г. В 1664 г. бежал в Польшу, затем в Пруссию и Нарву. В 1665 г. получил политическое убежище в Швеции. Казнен в Стокгольме за убийство.

Кох, Карл-Юлиус Иоганнович (1846–?) – жандарм. По национальности немец. С 1862 г. на военной службе, унтер-офицер в пехотном полку. В 1866 г. окончил Варшавского пехотное училище, прапорщик. В декабре 1874 г. переведен в Корпус жандармов. Зачислен в Санкт-Петербургский жандармский дивизион, начальник учебной команды, поручик. В декабре 1876 – марте 1879 г. помощник начальника Охранной стражи, штабс-капитан. В 1879–1881 гг. начальник Охранной стражи, капитан. В 1882–1889 гг. находился в распоряжении коменданта Петропавловской крепости. С 1889 г. в резерве Штаба корпуса жандармов. С 1898 г. полковник Отдельного корпуса жандармов.

Кочубей, Виктор Павлович (1768–1834) – российский государственный деятель, дипломат, с 1799 г. граф, с 1831 г. князь. В 1792–1797 гг. посланник в Турции. С 1798 г. вице-канцлер. В 1801–1802 гг. управляющий Коллегией иностранных дел. В 1801–1803 гг. участвовал в работе Негласного комитета, в который входили «молодые друзья» Александра I. В 1802–1807 и 1819–1823 гг. министр внутренних дел. В декабре 1825 г. поставлен во главе секретных комитетов, созданных для подготовки проектов государственных преобразований. В 1827–1834 гг. председатель Госсовета и Комитета министров, в 1834 г. государственный канцлер внутренних дел.

Коцебу, Август Фридрих Фердинанд, фон (1761–1819) – немецкий писатель, агент Священного союза. По образованию юрист. С 1881 г. на русской службе в Остзейском крае, потом в Германии. В 1800 г. арестован и сослан в Сибирь, откуда возвращен Александром I. С 1802 г. агент (резидент) Александра I в Германии. В 1811–1814 гг. в качестве публициста вел борьбу против Наполеона, некоторое время исполнял обязанности русского консула в Кенигсберге. Издавал «Литературный еженедельник», в котором вел борьбу с буржуазным

либерализмом. Убит в Мангейме.

Кременецкий, Леонид Николаевич (1862–1918?) – российский офицер. До 1903 г. служил в Екатеринославе. В 1903–1905 гг. начальник Петербургского охранного отделения. С 1905 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления, с 1908 г. – Вологодского ГЖУ. В 1909 г. прикомандирован к Смоленскому губернскому жандармскому управлению, в 1909 г. – к Московскому ГЖУ. С 1910 г. в резерве при Петербургском губернском жандармском управлении. В 1913–1916 гг. начальник Пензенского ГЖУ. Уволен со службы по обвинению в «постановке» эсеровской типографии.

Крыжановский, Северин Фаддеевич (1787–1839) – польский оппозиционер. С 1809 г. подпоручик, с 1811 г. капитан, с 1815 г. старший капитан, с 1825 г. подполковник. В 1809–1811 гг. участник Наполеоновских войн. С 1815 г. в польской армии. С 1817 г. командир эскадрона гвардейского Конно-егерского полка. Член масонской ложи «Щит Севера», с 1815 г член «Общества истинных поляков», с 1821 г. член «Патриотического общества». Арестован в феврале 1826 г. Умер на каторге от потери рассудка.

Кулебякин, Парфений Терентьевич (1836–1906) – российский офицер. Участник боевых действий на Кавказе. В 1860 г. старший урядник конвоя главнокомандующего Кавказской армией. В 1863–1865 гг. хорунжий и сотник в конвое великого князя Михаила Николаевича. В 1865 г. переведен корнетом в лейб-гвардии Кавказский казачий эскадрон. В 1870–1876 гг. адъютант Собственного Его Императорского Величества конвоя. Затем командир лейб-гвардии Терского эскадрона. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во время покушения на Александра II 1 марта 1881 г. тяжело ранен. С 30 мая 1881 г. полковник в отставке.

Куракин, Алексей Борисович (1759–1829) – российский государственный деятель, с 1798 г. сенатор, с 1794 г. тайный советник, с 1796 г. действительный тайный советник. На военной службе с 1779 г., на гражданской службе с 1780 г. В 1796–1798 гг. генерал-прокурор. В 1798–1801 гг. в опале. В 1801–1802 гг. председатель Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел. В 1802–1807 гг. генерал-губернатор Малороссии. С 1804 г. член Госсовета. В 1807–1810 гг. министр внутренних дел. В 1821–1826 гг. председатель Департамента государственной экономии Госсовета. В 1826 г. член Верховного уголовного суда по делу декабристов.

Курлятев, Дмитрий Иванович (? – 1562) – русский военный деятель, князь, боярин (1549) и воевода в правление Василия III и Ивана IV. Единомышленник Сильвестра и Адашева. Пострижен в

монахи, затем казнен со всей семьей.

Курута, Дмитрий Дмитриевич (1769–1833) – российский военный деятель, с 1812 г. генерал-майор, с 1816 г. генерал-лейтенант, с 1828 г. генерал от инфантерии, с 1826 г. граф. С 1797 г. в свите Константина Павловича. С 1803 г. подполковник Свиты по квартирмейстерской части. Участник войны с Франции 1807 г. В 1810–1811 гг. командир Дворянского полка. В 1812 г. обер-квартирмейстер 5-го корпуса. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. С 1815 г. начальник Главного штаба Константина Павловича. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 г. С 1832 г. член Военного совета.

Л

Лавров, Владимир Николаевич (1869–?) – один из руководителей военной контрразведки, с 1908 г. полковник Отдельного корпуса жандармов. Окончил 2-е военное Константиновское училище. В 1896–1898 гг. адъютант Тифлисского губернского жандармского управления. В 1899–1900 гг. помощник начальника Кутаисского губернского жандармского управления. В 1900–1902 гг. помощник начальника Тифлисского ГЖУ. В 1902–1903 гг. начальник Тифлисского охранного отделения. В 1903–1910 гг. начальник разведочного отделения Главного управления Генерального штаба. С 1911 в отставке, проживал во Франции. Резидент агентурной сети в Западной Европе («Организация № 30»), действовавшей против Германии.

Ламсдорф, Владимир Николаевич (1844–1907) – российский государственный деятель, дипломат, граф. Окончил Пажеский корпус. На дипломатической службе с 1866 г. В 1879–1881 гг. управляющий литографией МИД. В 1881–1882 гг. советник министра. В 1882–1886 гг. директор канцелярии министерства. В 1887–1900 гг. товарищ министра иностранных дел, член Цифирного комитета. В 1900–1906 гг. министр иностранных дел. С 1906 г. член Госсовета.

Ланской, Сергей Степанович (1787–1862) – российский государственный деятель, с 1861 г. граф. В 1800–1815 гг. чиновник Коллегии иностранных дел, в 1815–1823 гг. чиновник Министерства финансов, с 1817 г. директор Комиссии погашения долгов, с 1819 г. действительный статский советник. В 1818–1821 гг. член Союза благоденствия, до 1822 г. член нескольких масонских лож. С 1824 г. в отставке. В 1826–1831 гг. судья Московского совестного суда. В 1831–1835 гг. костромской и

владимирский губернатор, с 1834 г. тайный советник. В 1835–1835 гг. присутствовал в Правительствующем Сенате. В 1845–1850 гг. член различных советов и комиссий. С 1850 г. член Госсовета, с 1851 г. действительный тайный советник. В 1855–1861 гг. министр внутренних дел.

Лауниц, Владимир Федорович, фон дер (1855–1906) – российский государственный деятель, с 1905 г. генерал-майор. На военной службе с 1873 г., участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1879–1880 гг. служил в русской администрации в Болгарии. С 1882 г. в отставке. В 1882–1892 гг. уездный предводитель дворянства, мировой судья, председатель Харьковского губернского земского собрания. В 1901–1902 гг. архангельский вице-губернатор, в 1902–1905 гг. тамбовский губернатор. С декабря 1905 г градоначальник Петербурга. Убит террористом.

Левенвольде, Карл-Густав (? – 1735) – по происхождению лифляндец, российский государственный деятель, дипломат, с 1726 г. граф. Генерал-адъютант Петра I. С 1727 г. камергер Петра II, вице-президент Коллегии иностранных дел, с 1730 г. генерал-майор и генерал-адъютант, командир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1731–1732 гг. посланник в Австрии и в Пруссии. С 1732 г. обер-шталмейстер. В 1733 г. чрезвычайный посланник в Варшаве, в 1734 г. посланник в Вене. С 1735 г. в отставке по болезни.

Левенвольде, Рейнгольд-Густав (1693–1758) – по происхождению лифляндец, приближенный Екатерины I, с 1725 г. камергер, с 1726 г. граф. С 1727 г. жил в своем лифляндском имении. Продолжил карьеру в царствование Анны Ивановны, с 1730 г. обер-гофмаршал. После прихода к власти Елизаветы Петровны был арестован. В 1742 г. сослан с лишением чинов, орденов и дворянства.

Левшин, Лев Ираклиевич (1807–1871). Генерал-майор. В 1859–1862 гг. начальник Западного артиллерийского округа. В 1863–1864 гг. варшавский обер-полицмейстер, с 1864 г. член полевого аудиториата, председатель Военно-судной комиссии.

Линденер (наст. *Липинский*), Федор Иванович (?–?) – российский офицер, с 1797 г. генерал-майор, с 1798 генерал-лейтенант. Прусский гусарский ротмистр, был приглашен для обучения гатчинского войска. С 1796 г. инспектор кавалерии. В 1798 г. комендант Петропавловской крепости. В 1796–1800 гг. шеф Ахтырского гусарского полка. Затем в опале. В 1801 г. вернулся в Пруссию.

Липранди, Иван Петрович (1790–1880) – российский военный деятель, с 1832 г. генерал-майор. В 1807 г. колонновожатый в

Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг. В 1812 г. обер-квартирмейстер корпуса генерала Д. С. Дохтурова. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1818 гг. управляющий военной полицией Отдельного корпуса во Франции. В 1819 г. военный статистик в Виленской губернии. В 1823–1827 гг. начальник военной разведки, действовавшей против Турции. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1840–1854 гг. чиновник особых поручений МВД. В 1856–1861 гг. чиновник Министерства Императорского двора и Уделов.

Лихачев, Алексей Тимофеевич (?–?) – при царе Алексее Михайловиче «дядька» царевича Алексея Алексеевича и член кружка Ф. М. Ртищева. Сделал обычную для того времени карьеру: стольник, окольничий, постельничий. Сторонник отмены местничества. После смерти Федора Алексеевича поддержал партию Петра I. После Стрелецкого бунта 1682 г. был сослан в Калязинский монастырь. При Петре I заведовал Приказом рудокопных дел.

Лойола, Игнатий (Рекальдо Лойола Иниго Лопес де) (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса. По национальности баск. В юности был придворным при кастильском дворе, затем на военной службе. В 1521 г. тяжело ранен при обороне Памплоны. В 1522 г., после выздоровления, совершил паломничество в бенедиктинское аббатство Монсеррат и стал фанатичным аскетом-подвижником. В 1523 г. отправился в Италию, а оттуда пилигримом в Иерусалим. В 1524–1528 гг. изучал философию и богословие в Алькале и Саламанке, по навету доносчиков дважды арестовывался инквизицией. В 1528 г. поселился в Париже, где в Сорбонне изучал теологию. В 1537 г. принял сан священника. В 1541–1556 гг. генерал Ордена иезуитов.

Лопухин, Алексей Александрович (1864–1928) – государственный чиновник. Окончил Московский университет, кандидат правоведения. В 1886–1899 гг. товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов (Тула, Ярославль, Рязань, Москва). В 1900–1902 гг. прокурор Петербургского окружного суда. В 1902–1905 гг. директор Департамента полиции. В 1905 г. Эстляндский губернатор. В 1909 г. осужден за предательство, помилован в 1912 г. В 1923 г. эмигрировал, умер в Париже.

Лопухин, Петр Васильевич (1753–1827) – российский государственный деятель. С 1783 г. генерал-майор, с 1791 г. генерал-поручик, с 1796 г. тайный советник, с 1814 г. действительный тайный советник 1-го класса. В 1779 г. обер-полицмейстер Петербурга. В 1780–1783 гг. генерал-

полицмейстер. В 1783–1784 гг. правитель канцелярии наместника в Твери. В 1784–1793 гг. гражданский губернатор Москвы. В 1793–1796 гг. ярославский и вологодский генерал-губернатор. С 1796 г. сенатор, в 1798–1799 гг. генерал-прокурор. В 1799–1801 в опале. С 1801 г. член Госсовета. В 1803–1810 гг. министр юстиции и генерал-прокурор. В 1807–1810 гг. глава Комитета общей безопасности. В 1816–1827 гг. председатель Госсовета. В 1826 г. председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов.

Лорис-Меликов, Михаил Тариэлович (1825–1888) – российский государственный и военный деятель, с 1854 г. генерал-майор, с 1862 г. генерал-лейтенант, с 1875 г. генерал от кавалерии, с 1878 г. граф. На военной службе с 1843 г. В 1847–1860 гг. участник боевых действий против горцев и Крымской войны (Кавказский театр). В 1861–1863 гг. военный начальник Южного Дагестана, градоначальник Дербента. В 1863–1875 гг. начальник Терской области. В 1877–1878 гг. командующий Кавказским фронтом. В 1879–1880 гг. временный астраханский, саратовский, самарский и харьковский генерал-губернатор. С февраля 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии, затем министр внутренних дел и шеф жандармов. С 1881 г. в отставке.

Лубе, Эмиль (1838–1929) – президент Франции в 1899–1906 гг.

Лукасинский (*Лукасиньский*), *Валерьян Иосифович* (1786–1868) – один из лидеров польской оппозиции. С 1807 г. поручик, с 1809 г. капитан, с 1817 майор. Участник Наполеоновских войн 1806–1807 и 1809 гг. С 1813 г. на русской службе, участник Заграничных походов 1813–1814 гг. С 1815 г. в польской армии. Основал тайные организации: в 1819 г. «Национальное масонство», в 1821 г. «Патриотическое общество». В 1822 г. арестован, в 1824 г. приговорен к семи годам тюремного заключения. В 1825 г. за попытку восстания в крепости Замостье срок заключения был увеличен до четырнадцати лет. С 1831 г. содержался в Шлиссельбургской крепости.

М

Маврин, Савва Иванович (1744–1809) – российский военный и государственный деятель. Офицер Семеновского полка. В 1773–1774 гг. служил в секретных комиссиях, производивших следствие над участниками пугачёвского мятежа. С 1775 г. продолжил службу в полку. В 1782 г. переведен в штат Военной коллегии на пост генерал-провиантмейстера. С 1791 г. генерал-поручик, генерал-губернатор Казанского и Вятского наместничеств. С 1797 г. в отставке.

Мазепа, Иван Степанович (1644–1709) – с 1687 г. гетман Левобережной Украины. Воодушевленный идеей о «самостийности» Украины, вел тайные переговоры с польским королем Станиславом Лещинским, а затем – со шведским королем Карлом XII. Во время Северной войны в октябре 1708 г. открыто перешел на сторону Карла XII. После поражения шведов в Полтавском сражении вместе с Карлом бежал в турецкую крепость Бендеры, где вскоре умер.

Майборода, Аркадий Иванович (1798–1845) – российский офицер, с 1812 г. юнкер, с 1817 г. прапорщик, с 1820 г. подпоручик, затем штабс-капитан, с 1823 г. капитан, с 1829 г. подполковник, с 1841 г. полковник. В 1825 г. доложил о Южном обществе. В 1826 г. переведен в гвардию. Участник русско-персидской войны 1826–1828 гг. в составе лейб-гвардии Сводного полка и подавления восстания в Польше в 1831 г. В 1833–1835 гг. в отставке, затем вновь призван. В 1842–1844 гг. командир Апшеронского пехотного полка. Погиб при невыясненных обстоятельствах в Темир-Хан-Шуре 12 декабря 1845 г.

Макаров, Алексей Васильевич (1674 или 1675–1750) – выходец из посадских людей, личный секретарь (кабинет-секретарь) Петра I. С 1710 г. вел переписку государя (в том числе секретную) и всюду сопровождал его. В 1725 г. поддержал воцарение Екатерины I; при Петре II в связи с ликвидацией Кабинета (личной канцелярии царя) назначен президентом Камер-коллегии.

Макаров, Александр Семенович (1750–1809 или 1810) – российский государственный деятель. С 1800 г. тайный советник. В 1786–1790 гг. секретарь при рижском генерал-губернаторе. В 1790–1794 гг. секретарь при генерал-прокуроре Сената. В 1794–1801 гг. обер-секретарь Тайной экспедиции. С 1800 г. сенатор. В 1801–1806 гг. член Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел. В 1807–1809 гг. член Комитета общей безопасности.

Макаров, Николай Александрович (1863–1906) – государственный служащий, статский советник. В 1888–1903 гг. служил по судебному ведомству, товарищ прокурора областного суда. В октябре 1903 г. – августе 1905 г. и январе – феврале 1906 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции. Затем в отставке.

Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович (1869–1918) – государственный чиновник. С 1905 г. надворный советник. В 1890–1894 гг. секретный сотрудник Петербургского охранного отделения. В 1899–1901 гг. агент Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в Риме. В 1902–1905 гг. чиновник Департамента полиции. В 1906 г. в распоряжении С. Ю. Витте,

затем в отставке. В 1917 г. осужден за мошенничество. Расстрелян ВЧК.

Маржерет, Яков (наст. *Жак*) (ок. 1555–?) – француз, очевидец Смутного времени. Участник борьбы Генриха Наваррского с Католической лигой. В 1590-х гг. уехал на восток, служил у князей Трансильвании и польского короля. В 1600 г. перешел на русскую службу, командир конного отряда иноземцев. С 1605 г. старший начальник личной охраны Лжедмитрия I из иноземцев. В сентябре 1606 г. уехал на родину. В 1608 г. вернулся в Россию, служил в Тушине, потом перешел на службу к Сигизмунду III. Покинул Россию в 1611 г. До 1619 г. проживал в Германии.

Марченко, Василий Романович (1782–1841) – российский государственный деятель. Служил в военно-походной канцелярии А. А. Аракчеева. Томский гражданский губернатор, затем помощник статс-секретаря Государственного совета. В 1812–1818 гг. управляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1813–1815 гг. служил при Императорской Главной квартире. В 1815–1830 гг. управляющий делами Комитета министров. С 1827 г. тайный советник. С 1830 г. государственный секретарь, член Госсовета.

Матвеев, Андрей Артамонович (1666–1728) – российский государственный деятель, дипломат, с 1715 г. граф. В 1691–1693 гг. воевода в Двинском крае. В 1699–1712 гг. посол в Голландии, в 1712–1715 гг. – в Австрии. С 1715 г. – президент Морской академии и Навигационной школы; с 1719 г. сенатор и президент Юстиц-коллегии, с 1724 г. президент Московской сенатской конторы. С 1727 г. в отставке.

Матвеев, Артамон Сергеевич (1625–1682) – русский государственный деятель, дипломат, с 1669 г. стольник, с 1672 г. окольничий, с 1674 г. ближний боярин. Сын дьяка, воспитывался вместе с царевичем Алексеем. Стряпчий с 1642 г., стрелецкий голова с 1643 г., голова московских стрельцов с 1653 г., участник войн с Польшей. В 1654 г. входил в состав русской делегации на Переяславской раде, глава Стрелецкого (с 1662 г.), Малороссийского и Польского (с 1669 г.), Посольского (с 1671 г.), Новгородского и Аптекарского приказов, Владимирской и Галицкой четей. Участник подавления Московского бунта 1662 г. После смерти царя Алексея Михайловича в опале. С избранием на царство Петра I возвращен в Москву; убит в ходе Стрелецкого бунта 1682 г.

Медведев, Сильвестр (в миру *Симеон Агафонович*) (1641–1691) – в 1658–1672 гг. подьячий Приказа тайных дел. Окончил спецшколу при Заиконоспасском монастыре, ученик С. Полоцкого. После опалы Ордина-Нащекина в 1672 г. скрылся со

службы, в 1675 г. принял постриг. При Федоре Алексеевиче, получив прощение, вернулся в Москву. После смерти Полоцкого – лидер «латинской» партии. Один из руководителей заговора 1689 г. против Петра Алексеевича. Арестован, расстрижен, после «отречения от ереси» казнен.

Медников, Евстратий Павлович (1853–1914) – сотрудник полиции, с 1901 г. надворный советник. В 1878–1881 гг. на срочной военной службе. С 1881 г. сверхштатный околоточный надзиратель полицейского резерва Московской городской полиции. В 1881–1887 гг. наблюдательный агент Московского охранного отделения. В 1888–1894 гг. заведующий наблюдательным составом Московского охранного отделения. В 1894–1902 гг. начальник Летучего отряда филеров Московского охранного отделения. В 1902–1906 гг. чиновник особых поручений Особого отдела, начальник Летучего отряда филеров ДП. С 1806 г. в отставке.

Мезенцов (*Мезенцев*), *Николай Владимирович* (1827–1878) – российский государственный и военный деятель, с 1865 г. генерал-майор, с 1871 генерал-адъютант, с 1873 г. генерал-лейтенант. На военной службе с 1845. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1861–1863 гг. флигель-адъютант. С 1863 г. член Особой следственной комиссии. В 1864–1871 гг. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением. В 1872–1876 гг. товарищ шефа жандармов. В 1876–1878 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения. С 1877 г. член Госсовета. Убит террористом С. М. Степняком-Кравчинским.

Меншиков, Александр Данилович (1673–1729) – российский государственный и военный деятель, с 1707 г. светлейший князь. Денщик Петра I, с 1693 г. бомбардир Преображенского полка, с 1704 г. генерал-майор, с 1709 г. генерал-фельдмаршал, с 1727 г. генералиссимус. Участник всех военных кампаний Петра I, организатор драгунской кавалерии. В 1718–1724 и 1726–1727 гг. президент Военной коллегии. С 1714 г. находился под следствием за злоупотребления и хищения, спасен от суда Петром I. В годы царствования Екатерины I фактический правитель России. В мае 1727 г. обручил свою дочь Марию с Петром II. В сентябре 1727 г. обвинен в государственной измене и хищении казны; вместе с семьей сослан в Березов, все его имущество конфисковано.

Меньшиков, Леонид Петрович (1869–1932) – государственный служащий. В 1885–1887 гг. член народовольческого кружка. Будучи арестован, дал откровенные показания и поступил на службу в Московское охранное отделение. В 1902–1903 гг. помощник начальника Московского охранного отделения. В 1903–1907 гг. старший помощник делопроизводителя Особого

отдела Департамента полиции. В 1905 г. сообщил эсерам о секретных сотрудниках Азефе и Татарове. С 1907 г. в отставке, поселился в Финляндии, куда вывез свой архив. В 1909 г. эмигрировал во Францию.

Милорадович, Михаил Андреевич (1771–1825) – российский военный деятель, с 1798 г. генерал-майор, с 1805 г. генерал-лейтенант, с 1809 г. генерал от инфантерии, с 1813 г. граф. Учился в Кенигсберге, Страсбурге и Меце. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова 1799 г., русско-австро-французской войны 1805 г. Командир корпуса в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1814–1818 гг. командующий Гвардейским корпусом. В 1818–1825 гг. военный губернатор Санкт-Петербурга. Смертельно ранен на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Милославский, Илья Данилович (1595–1668) – боярин, отец первой жены царя Алексея Михайловича, Марии Ильиничны Милославской. Выполнял дипломатические поручения. В середине 1640-х гг. был послан в Константинополь с заявлением о желании царя «быть в крепкой братской дружбе и любви» с турецким султаном; в 1646 г. ездил в Голландию для набора мастеров-оружейников, а также для вербовки на государеву службу иноземных офицеров и солдат. Во время польских походов 1654–1655 гг. был придворным воеводой. В 1656–1662 гг. снова заведовал указанными в тексте приказами. По отзывам современников, был человеком недалеким.

Милютин, Николай Алексеевич (1818–1872) – российский государственный деятель. С 1835 г. служил в Министерстве внутренних дел. С 1859 г. товарищ министра внутренних дел, фактически руководил работой по подготовке Крестьянской реформы 1861 г. В 1869–1861 гг. председатель Комиссии по разработке проекта Земской реформы 1864 г. Весной 1861 г. уволен в отставку и назначен сенатором. Вместе с Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкасским разработал «Положение об устройстве сельских гмин и крестьянского быта в Царстве Польском», принятое 19 февраля 1864 г. В 1864 г. статс-секретарь по делам Польши и управляющий гражданской частью канцелярии генерал-губернатора в Варшаве. С 1865 г. член Госсовета и главный начальник Канцелярии по делам Царства Польского. С 1867 г. в отставке по болезни.

Миних, Христофор (наст. *Бурхард Кристоф*) *Антонович* (1683–1767) – российский государственный и военный деятель, с 1728 г. граф. С 1717 г. генерал-майор, с 1721 г. генерал-лейтенант, с 1727 г. генерал-аншеф, с 1732 г. генерал-фельдмаршал. В 1700–

1720 гг. служил военным инженером в Европе. С 1721 г. на русской службе. В 1724–1741 гг. обер-директор Ладожского канала и балтийских портов. С 1728 г. командующий войсками и военный губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. В 1729–1930 гг. генерал-фельдцейхмейстер, обер-директор Канцелярии главной артиллерии и фортификации Военной коллегии. В 1730–1741 гг. вице-президент Военной коллегии, шеф Инженерного корпуса. В 1735–1739 гг. главнокомандующий Днепровской армией, одновременно военный губернатор Белгорода и Киева. В 1741 г. был осужден, в 1742–1762 гг. отбывал ссылку. В 1762 г. возвращен из ссылки Петром III, восстановлен в чинах и званиях, но политического влияния уже не имел.

Михайлов (наст. *Радишевский*), *Онисим Михайлович* (? – ок. 1630) – российский мастер печатного и пушечного дворов. Уроженец Волыни, в 1585–1586 гг. приехал из Литвы и поступил на Московский печатный двор переплетным мастером. В 1603 г. основал собственную печатную мастерскую. В 1606–1621 гг. работал на Московском пушечном дворе мастером, составил «Устав ратных, пушечных и других дел». В 1623 г. сделал пруды в подмосковной царской усадьбе Рубцово. Затем, в 1625 г., строил системы водоподъемных сооружений в Путивле и Калуге. Награжден за «колодезное и тайничное дело» в городе Путивле.

Михайлов, Федор (?–?) – дьяк Пушкарского (с 1656 г.), Иноземского (в 1658–1659 гг.), Большой казны (в 1660–1664 гг.) приказов. В 1664–1672 гг. дьяк Приказа тайных дел. Тайный дьяк (после 1664 г.). Вел следствие по делу патриарха Никона. Думный дьяк (с 1672 г.). Дьяк Приказа Большого дворца (в 1673–1677 гг.).

Михаловский, Генрик – поляк-эмигрант, родом из Галиции. Участник нескольких заговоров против российских, прусских и австрийских властей в Польше, владел четырьмя языками. В Лондоне на описываемый момент проживал более 25 лет. Служил приказчиком в лавке издателя и книготорговца Н. Трюбнера. На адрес Трюбнера (не единственный!) поступала корреспонденция для Герцена. С 1856 г. сотрудничал с тайной полицией Пруссии. В августе 1857 г. предложил свои услуги Третьему отделению.

Мордвинов, Александр Николаевич (1792–1869) – российский государственный деятель. Действительный тайный советник, сенатор. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1810–1812 гг. и 1815 г. служил в Министерстве полиции, затем в Главной квартире М. Б. Барклая-де-Толли. С 1825 г. чиновник Собственной Е. И. В. канцелярии. С 1829 г. помощник статс-секретаря Государственного совета. В 1831–1839 гг. управляющий Третьим отделением. В 1840–1844 гг.

вятский гражданский губернатор.

Морозов, Борис Иванович (1590–1661) – воспитатель («дядька») Алексея Михайловича. В 1645–1648 гг. руководил приказами Большой казны, Стрелецким, Иноземским, Аптекарским. Для увеличения доходов сократил жалованье служилым людям и ввел высокий косвенный налог на соль. Эти меры явились одной из причин Московского восстания 1648 г. (Соляной бунт). Участвовал в подготовке Соборного уложения 1649 г. С 1654 г. – дворовый воевода и начальник над «полком государевым». До конца 1650-х гг. продолжал негласно руководить правительством.

Мосолов, Александр Александрович (1854 – после 1933) – царский чиновник, генерал-лейтенант, конногвардеец. Участник русско-турецкой войны 1877–1978 гг. В 1900–1915 гг. начальник канцелярии Министерства Императорского двора и Уделов. С 1916 г. посланник в Румынии.

Мочалов, Николай Илларионович (1863 – после октября 1916) – российский офицер. На военной службе с 1880 г., воспитанник Технического училища морского ведомства. С 1883 г. прапорщик Корпуса морской артиллерии, с 1885 г. подпоручик. В 1887 г. прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов. В 1888–1889 гг. адъютант Архангельского губернского жандармского управления. В 1889–1892 гг. адъютант Казанского ГЖУ. С 1894 г. штаб-ротмистр Отдельного корпуса жандармов. В 1895–1897 гг. помощник начальника Ярославского губернского жандармского управления. В 1897–1901 гг. помощник начальника Петербургского охранного отделения, с 1900 г. подполковник Отдельного корпуса жандармов. В 1901–1902 гг. временно исполняющий должность начальника Петербургского охранного отделения. В 1902–1915 гг. исполняющий должность начальника Томского губернского жандармского управления, начальник Казанского, Енисейского, Костромского, Архангельского, Пермского ГЖУ. С 1912 г. генерал-майор. В октябре 1916 г. уволен от службы по болезни.

Мстиславский (наст. *Масловский*), *Сергей Дмитриевич* (1876–1943) – один из теоретиков и практиков вооруженного восстания. Из дворян, отец – профессор Николаевской военной академии Генерального штаба генерал-майор Д. Ф. Масловский. Владел пятью языками, увлекался историей и культурой Востока. В 1895 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, участник повстанческих действий на Памире. В 1899 г. за участие в студенческих беспорядках исключен из университета. С 1904 г. член Партии социалистов-революционеров. В 1905–1906 гг. один

из организаторов Всероссийского офицерского союза, член его ЦК, активный участник подготовки вооруженного восстания в Санкт-Петербурге и Кронштадте, председатель Боевого рабочего союза, инструктор боевой подготовки в рабочих дружинах Санкт-Петербурга. В мае 1910 г. арестован по обвинению в подготовке вооруженного восстания в Финляндии, освобожден весной 1911 г. из-за недостатка доказательств. В начале Первой мировой войны мобилизован, ввиду политической неблагонадежности оставлен при Академии Генштаба, интернационалист. Один из руководителей Февральской революции 1917 г. в Петрограде, член военной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов и солдатской секции Совета. Позже – товарищ председателя «Союза офицеров 28 февраля» и «Союза офицеров-социалистов». В марте 1917 г. кооптирован в состав Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Девятого марта 1917 г. командирован в Царское Село для ареста Николая II (охрана выдать царя отказалась). В августе 1917 г. участвовал в создании отрядов Красной гвардии, комендант Красной гвардии Рождественского района. В октябре 1917 г. участник второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, член президиума съезда, затем член ВЦИК 2–4 созывов. После раскола ПСР член ЦК Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), сторонник союза с большевиками. Член первой делегации в Брест-Литовск. Депутат Учредительного собрания. С декабря 1917 г. председатель комиссии ВЦИК по формированию партизанских войск, начальник Главного штаба партизанских войск при Комитете революционной обороны Петрограда, затем комиссар при Высшем военном совете партизанских формирований и отрядов РСФСР. Командовал на фронте отступлением советских войск на участке Воронеж – Зарево. После оккупации Украины немцами работал в Москве, народный секретарь по военным делам по подготовке восстания на Украине. С апреля 1918 г. руководитель Военного отдела ПЛСР. После мятежа ПЛСР арестован ВЧК, освобожден после показаний М. А. Спиридоновой. С декабря 1918 г. вошел в ЦК Украинской партии левых эсеров («боротьбистов»). С августа по декабрь 1919 г. работал в партийном подполье в Киеве, возглавлял Военный отдел ПЛСР(б), готовил восстание против войск А. И. Деникина. Во время советско-польской войны 1920 г. работал в Зафронтовом бюро Реввоенсовета 12-й армии и в Закордонном бюро КП(б)У. В июле 1920 г. отошел от активной политической жизни, в РКП (б) не вступил. С 1921 г. занимался литературной и профсоюзной работой. В начале 1938 г. по решению ЦК ВКП (б) назначен официальным биографом В. М.

Молотова. Умер в эвакуации.

Муравьев, Михаил Николаевич (1796–1866) – российский военный и государственный деятель, с 1856 г. генерал от инфантерии, с 1865 г. граф. С 1811 г. колонновожатый. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1820 гг. командирован на Кавказскую линию. С 1820 г. подполковник квартирмейстерской части в отставке. Член «Союза спасения» и «Союза благоденствия». В 1821 г. отошел от движения декабристов, но 1825 г. был арестован, в 1826 г. оправдан и определен на службу. В 1827–1828 гг. витебский вице-губернатор. В 1828–1830 могилевский губернатор. В 1830–1831 гг., при подавлении Польского восстания, состоял при главнокомандующем Резервной армией. В 1831–1834 гг. гродненский губернатор. В 1835–1839 гг. курский военный губернатор. В 1839–1842 гг. директор Департамента податей и сборов. В 1842–1850 гг. управляющий Межевым корпусом. С 1850 г. член Госсовета. С 1856 г. председатель Департамента уделов. В 1857–1862 гг. министр государственных имуществ. В 1863–1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями, командующий войсками Виленского военного округа, главный начальник Витебской и Могилевской губерний.

Мясоед (*Вислово*), *Константин Семенович* (1535–?) – сын боярский. В 1556–1570 гг. дьяк Разбойного приказа. Дальнейшая судьба неизвестна.

Н

Нагой Афанасий Федорович (? – после 1590) – дипломат, думный дворянин. В 1563–1572 гг. русский посол в Крыму. Предупредил Ивана IV о готовившемся походе крымского хана Давлет Гирея на Астрахань. В 1569 г. пленен крымским ханом, обменян на крымского вельможу. С 1571 г. окольничий. При Борисе Годунове был сослан в Ярославль. Один из самых деятельных участников политической борьбы конца XVI в.

Нарышкин, Лев Кириллович (1668–1705) – боярин, лидер партии Нарышкиных, брат царицы Натальи Кирилловны, дядя Петра I. Глава боярского правительства в 1690–1696 гг. В 1690–1702 гг. руководил Посольским приказом, замещал Петра I по международным делам в его отсутствие. В 1697–1698 гг., во время пребывания Петра I за границей, был одним из трех лиц, управлявших государством. К концу жизни за допущенные беспорядки в делах лишился расположения царя.

Нессельроде, Карл-Роберт Васильевич (1780–1862) –

российский государственный деятель, дипломат, граф. На дипломатической службе с 1801 г. В 1812–1814 гг. находился при армии. В 1816–1856 гг. министр иностранных дел. Исполнитель воли Александра I. Участник Венского конгресса 1814–1815 гг., конгрессов Священного союза в Ахене, Троппау и Вероне в 1818–1822 гг. С 1821 г. член Госсовета, с 1828 г. вице-канцлер, с 1845 г. канцлер. С 1856 г. в отставке.

Никон, светское имя – *Никита Минов* (1605–1681), – церковно-политический деятель России XVII в., патриарх в 1652–1667 гг. Сын крестьянина, сельский священник, в 1635 г. принял постриг в Соловецком монастыре. С 1643 г. игумен Кожеозерского монастыря. В 1646 г. поставлен архимандритом Новоспасского монастыря в Москве. С 1648 г. митрополит в Новгороде, участвовал в подавлении Новгородского восстания 1650 г. В 1652 г. возведен в сан патриарха. Весной 1653 г. начал проведение церковных реформ, направленных на укрепление связей России с южнославянскими православными странами, находившимися под турецким игом; не менее важной была и предложенная им унификация культа. Реформы Никона привели к расколу Церкви на «староверов» и сторонников нововведений. Первоначально царь поддерживал Никона, но впоследствии, после выдвижения тезиса «священство выше царства», между ними возникли разногласия. Окончательный разрыв произошел в 1658 г., когда Никон, оставив патриаршество, уехал в основанный им Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Расчеты Никона строились на том, что царь вернет его, но этого не произошло. Более того, когда 1664 г. он самовольно приехал в Москву и попытался вернуть патриаршее место, его выслали обратно. Церковный собор 1666–1667 гг., хотя и признал реформы целесообразными, снял с Никона сан патриарха. Опальный был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. В 1681 г. царь Федор Алексеевич позволил Никону вернуться в Новоиерусалимский монастырь, но по дороге 76-летний старец скончался.

Новосильцев, Николай Николаевич (1761–1838) – российский государственный деятель, с 1833 г. граф. В 1783–1796 гг. на военной службе. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1801–1803 гг. член Негласного комитета при Александре I. В 1803–1804 гг. президент Академии наук. С конца 1804 г. по 1809 г. выполнял дипломатические поручения в Европе. С 1813 г. вице-президент временного Совета по управлению Варшавским герцогством. С 1815 г. главный делегат при Правительствующем совете Царства Польского. В 1832–1834 гг. член Госсовета. В 1834–1838 гг. председатель Госсовета и Комитета министров.

О

Обольянинов, Петр Хрисанфович (1752–1841) – российский государственный деятель. С 1799 г. сенатор, с 1796 г. генерал-майор, с 1798 г. генерал-лейтенант, с 1800 г. генерал от инфантерии. В 1768–1780 гг. на военной службе. В 1780–1782 гг. в отставке. В 1783–1792 гг. губернский стряпчий, советник псковского наместничества. В 1793–1796 гг. служил в гатчинских войсках. В 1800–1801 гг. генерал-прокурор, затем в отставке. В 1816–1832 гг. московский губернский предводитель дворянства.

Озеров, Сергей Сергеевич (1852–?) – российский офицер, с 1917 г. генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус. На службе с 1871 г., прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., штабс-капитан. С 1879 г. флигель-адъютант. В 1888–1900 гг. командир Сводно-гвардейского батальона, с 1899 г. генерал-майор Свиты. В 1900–1904 гг. командир лейб-гвардии Преображенского полка. В 1904–1905 гг. командир 1-й гвардейской бригады, исполнял должность Дворцового коменданта. В 1905–1906 гг. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии. После волнений в 1-м батальоне Преображенского полка уволен без права ношения мундира и пенсии. В 1906–1912 гг. в отставке. Вновь принят на службу в 1912 г. в чине генерал-майора, состоял по гвардейской пехоте. В апреле 1917 г. произведен в чин генерал-лейтенанта с увольнением от службы по болезни.

Ордин-Нащокин, Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605–1680) – российский государственный и военный деятель. С 1622 г. на военной службе в Пскове, с начала 1640-х гг. привлечен к дипломатической службе. За успешные переговоры со шведами, завершившиеся подписанием Валиесарского договора, в 1658 г. был произведен в думные дворяне. Спустя девять лет за содействие в заключении Андрусовского перемирия 1667 г. государевой милостью пожалован в бояре и назначен главой Посольского приказа. Возглавлял также приказы: Малороссийский, Смоленский; Новгородскую, Галицкую и Владимирскую чети. Сторонник реформирования армии. Инициатор устройства почты между Москвой, Ригой и Вильнюсом. В 1671 г., вследствие возвышения боярина А. С. Матвеева, был отставлен от службы. В 1672 г. принял постриг в Крыпецком монастыре близ Пскова под именем Антония. При этом от дипломатической деятельности полностью не отошел, в частности в 1679 г. принимал участие в переговорах с поляками.

Оржевский, Петр Васильевич (1839–1897) – российский

государственный деятель, с 1896 г. генерал от кавалерии. В 1873–1880 гг. начальник Варшавского жандармского округа. В 1882–1887 гг. товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. Член Центрального комитета «Священной дружины». С 1888 г. сенатор. В 1893–1897 гг. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор.

Орлов, Алексей Григорьевич (1737–1807) – российский государственный и военный деятель, один из ближайших сподвижников Екатерины II, с 1762 г. граф, с 1762 г. генерал-майор, с 1769 г. генерал-аншеф. В 1749 г. поступил солдатом в лейб-гвардии Преображенский полк. Один из инициаторов переворота 1762 г. В 1765 г. предупредил готовившееся на юге России восстание среди казаков и татар. Участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Командовал российской эскадрой в Средиземном море при Наварине и Чесме. С 1775 г. в отставке. В 1795–1802 гг. в эмиграции. В 1806–1807 гг. организатор земских ополчений.

Орлов, Алексей Федорович (1786–1861) – российский военный и государственный деятель, дипломат, с 1817 г. генерал-майор, с 1829 г. генерал-лейтенант, с 1833 г. генерал от кавалерии, с 1825 г. граф, с 1856 г. князь. В 1805–1814 гг. участник всех войн против Наполеона. В 1819–1826 гг. командир лейб-гвардии Конного полка. Участвовал в подавлении восстания декабристов, за что получил титул графа. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Руководил делегациями при заключении Адрианопольского 1829 г.,Ункяр-Искелесийского 1833 г. и Парижского 1856 г. мирных договоров. В 1831 г. возглавлял подавление «холерного бунта» в Петербурге и восстаний в военных поселениях. С 1835 г. член Госсовета. В 1844–1856 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения. В 1856–1861 гг. председатель Госсовета и Комитета министров.

Остерман, Андрей Иванович (наст. *Генрих Иоганн Фридрих*) (1686–1747) – российский государственный деятель, дипломат, по происхождению вестфалец, на русской службе с 1704 г., с 1721 г. барон, с 1730 г. граф. Владел латинским, немецким, французским, голландским, итальянским и русским языками. С 1708 г. переводчик Посольского приказа, с 1711 г. тайный секретарь, с 1716 г. советник Посольского приказа. Участник Аландского конгресса 1718–1719 гг. Один из организаторов Ништадтского договора 1721 г. С 1723 г. сенатор, с 1724 г. тайный советник. В 1723–1734 гг. вице-президент Коллегии иностранных дел. В 1725–1741 гг. вице-канцлер. В 1726–1730 гг. член Верховного тайного совета. В 1734–1740 гг. президент Коллегии иностранных дел. После дворцового переворота 1741 г.,

благодаря которому на престол взошла Елизавета Петровна, был предан суду и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Березов, где и скончался.

П

Пален, Петр (наст. *Петр-Людвиг*) *Алексеевич, фон дер* (1745–1826) – российский военный деятель, граф с 1799 г. С 1787 г. генерал-майор, с 1795 г. генерал-поручик, с 1798 г. генерал от кавалерии. С 1760 конногвардеец. Участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1788–1789 гг. В 1792–1795 гг. рижский наместник. В 1795–1797 гг. генерал-губернатор Курляндии. В 1797 г. в опале. В 1797–1798 гг. инспектор по кавалерии Петербургской и Финляндской дивизий. В 1798–1801 гг. петербургский военный губернатор. В 1798–1801 гг. глава Коллегии иностранных дел. В 1891 г. уволен «по болезни».

Панин, Виктор Никитич (1801–1874) – российский государственный деятель, дипломат, граф, с 1833 г. действительный статский советник, с 1841 г. тайный советник. С 1819 г. на службе в Коллегии иностранных дел. Исполнял дипломатические поручения в Мадриде. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. чиновник походной канцелярии МИД. В 1831 г. поверенный в Греции. С 1832 г. товарищ министра юстиции. В 1837–1839 гг. в отпуске. В 1840–1841 гг. управляющий Министерством юстиции. В 1841–1861 гг. министр юстиции. С 1841 г. член Госсовета. В 1864–1867 гг. главноуправляющий Вторым отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. С 1867 г. в отставке.

Панин, Никита Иванович (1718–1783) – российский государственный деятель, дипломат, граф. В 1740 г. зачислен в Конногвардейский полк. Участник дворцового переворота 1741 г. В 1747–1759 гг. посланник в Дании и Швеции. В 1760–1773 гг. воспитатель Павла Петровича. Способствовал дворцовому перевороту 1762 г. В 1762–1781 гг. сопредседатель Тайной экспедиции, действительный тайный советник. В 1769 и 1772 гг. вел дела о покушениях на Екатерину II. В 1763–1781 гг. глава Коллегии иностранных дел и внешней разведки. В начале 1770-х гг. возглавил заговор против Екатерины II в пользу Павла. С 1781 г. в отставке.

Панин, Никита Петрович (1770–1837) – российский государственный деятель, дипломат, сын П. И. Панина. С 1791 г. на военно-придворной службе, камергер и генерал-майор. С 1795 г. литовский губернатор. С декабря 1796 г. член Коллегии иностранных дел; с июля 1797 г. чрезвычайный и полномочный

министр в Берлине. С 1799 г. вице-канцлер. С 1800 г. в опале; был одним из организаторов заговора против императора. При Александре I непродолжительное время входил в Коллегию иностранных дел. В 1804 г. лишен права въезда в столицы. Более двадцати лет прожил в своем имении, где занимался сочинением музыки.

Панин, Петр Иванович (1721–1789) – российский государственный и военный деятель, граф. С 1755 г. генерал-майор, с 1762 г. генерал-аншеф и сенатор. В 1735 г. зачислен в Измайловский полк. Участник русско-турецкой войны 1735–1739 гг., русско-шведской войны 1741–1743 гг., Семилетней войны 1756–1763 гг. и русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Генерал-губернатор Восточной Пруссии. Подавил восстание Е. И. Пугачева. С 1775 г. в отставке.

Паскевич, Иван Федорович (1782–1856) – российский военный и государственный деятель, с 1810 г. генерал-майор, с 1813 г. генерал-лейтенант, с 1826 г. генерал от инфантерии, с 1829 г. генерал-фельдмаршал; с 1828 г. граф, с 1831 г. светлейший князь. Участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1826 г. член Верховного уголовного суда по делу декабристов. В 1827–1831 гг. главноуправляющий в Грузии и командующий Кавказским корпусом. Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. главнокомандующий войсками на Кавказе. С июня 1831 г. главнокомандующий войсками, подавлявшими польский мятеж. С 1832 г. наместник в Царстве Польском и член Госсовета. С 1841 г. сенатор. В 1849 г. командовал русскими войсками при подавлении восстания в Венгрии. Во время Крымской войны главнокомандующий Дунайской армией.

Паткуль, Александр Владимирович (1817–1877) – российский государственный деятель, с 1861 г. генерал-лейтенант, с 1869 г. генерал от инфантерии. Участник кампании на Кавказе 1840 г. В 1855–1860 гг. командир лейб-гвардии Павловского полка. В 1860–1862 гг. петербургский обер-полицмейстер, затем начальник 10-й пехотной дивизии. С 1869 г. член Военного совета.

Перетц, Григорий Григорьевич (1823–1883) – секретный служащий. Окончил два курса Петербургского университета. Поступил на службу в Петербургскую Комиссариатскую комиссию. В 1849–1853 гг. учитель в Главном инженерном училище, в 1856–1860 гг. учитель в Строительном училище Главного управления путей сообщения, в 1860–1861 гг. преподаватель Мариинского института, Школы гвардейских подпрапорщиков и Технологического института. С 1862 г.

свободный литератор, сотрудничал со многими газетами и журналами. С 1873 г. на службе в МВД, неоднократно направлялся за границу по вопросу о подделке русских ассигнаций. С 1881 г в отставке.

Перовский, Лев Алексеевич (1792–1856) – российский государственный деятель, с 1855 г. генерал от инфантерии, граф. На военной службе с 1811 г., начинал с отряда колонновожатых. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1814–1814 гг. Выйдя в отставку, в 1823–1826 гг. служил в Коллегии иностранных дел, затем продолжил службу в этом ведомстве. С 1840 г. товарищ министра в Министерстве Императорского двора и Уделов. В 1841–1852 гг. министр внутренних дел, С 1850 г. заведовал Комиссией для исследования древностей. В 1852–1856 гг. министр уделов.

Перфильев, Степан Васильевич (1796–1878) – российский государственный и военный деятель, с 1831 г. действительный статский советник, с 1836 г. генерал-майор, с 1847 г. генерал-лейтенант, с 1860 г генерал от кавалерии. На военной службе с 1812 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1823–1826 гг. в отставке. В 1827 г поступил в Корпус жандармов. В 1831–1836 гг. рязанский гражданский губернатор. В 1836–1867 гг. начальник 2-го (Московского) округа Корпуса жандармов. С 1868 г. председатель Московского опекунского совета. С 1874 г. в отставке.

Перфильев, Томило (?–?) – до 1654 г. дьяк Приказа Казанского дворца. Ездил с секретной миссией к Б. Хмельницкому. В 1654–1656 гг. дьяк Приказа тайных дел.

Пирамидов, Владимир Михайлович (? – 1901) – российский офицер. В 1897–1901 гг. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения. Погиб в результате аварии 21 июня 1901 г.

Плеве, Вячеслав Константинович (1846–1904) – российский государственный деятель. В 1867 г. окончил Московский университет (кандидат юридических наук) и поступил на службу в Московский окружной суд. В 1870–1878 гг. товарищ окружного прокурора во Владимире и Туле, прокурор в Вологде. В 1879–1881 гг. прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты. В 1881–1884 гг. директор Департамента государственной полиции. С 1884 г. сенатор. В 1894–1899 гг. государственный секретарь. В 1899–1902 гг. министр, статс-секретарь княжества Финляндского. В 1902–1904 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит террористом Е. С. Созоновым.

Победоносцев, Константин Петрович (1827–1907) – российский государственный деятель. В 1846–1859 гг. чиновник в московских департаментах Сената. В 1859–1865 гг. профессор

Московского университета, участник разработки судебной реформы, автор курса «Гражданского права». С 1865 г. воспитатель и преподаватель истории права цесаревичей Александра и Николая. В 1865–1868 гг. член коллегии Минюста. С 1868 г. сенатор. С 1872 г. член Госсовета. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Священного Синода. После убийства Александра II ведущий критик либеральных реформ. В 1881–1883 гг. один из создателей и руководителей «Священной дружины». С 1906 г. в отставке.

Полянский, Даниил (наст. *Иван*) *Леонтьевич* (? – после 1690) – в 1665–1672 гг. подьячий Приказа тайных дел. С 1672 г. тайный дьяк, дьяк Приказа тайных дел (в 1672–1675 гг.) Хлебного (в 1676–1678 гг.), Большого прихода (в 1676 г.), Сыскного (в 1676–1678 гг.), Стрелецкого (в 1676–1678, 1682 гг.) приказов, Устюженской чети (в 1676–1678 гг.), Судного (с 1681 г.), Земского (в 1687–1690 гг.), Казенного (с 1690 г.) приказов.

Полоцкий, Симеон (в миру *Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович*) (1629–1680) – церковный и общественный деятель, писатель. Учился в Киево-Могилянской академии и, вероятно, в Виленской иезуитской академии. Преподавал в Полоцкой братской школе. В 1656 г. принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре. В 1664 г. переселился в Москву; с 1667 г. учитель царевича Алексея, затем царевича Федора и царевны Софьи. В 1665–1668 гг. руководил школой подьячих Тайного приказа при Заиконоспасском монастыре. Противник патриарха Никона и идеологов раскола. В 1678 г. организовал дворцовую (светскую) типографию. В 1680 г. составил проект указа о создании Славяно-греко-латинской академии («Академический привилей»). Один из лидеров «латинской» (прозападной) партии при дворе. Писал стихи на белорусском, польском, русском и украинском языках. После смерти многие его книги были запрещены, рукописи изъяты и скрыты в патриаршей ризнице.

Попов, Михаил Максимович (1801–1871) – секретный служащий, литератор. В 1821 г. окончил Казанский университет. В том же году начал службу в Пензенской гимназии учителем естествознания. Его учеником был В. Г. Белинский. В начале 1830-х гг. переехал в Петербург и поступил на службу в Третье отделение чиновником. В 1840–1858 гг. чиновник особых поручений. Находился в контакте с литераторами, в том числе с А. С. Пушкиным. Командировался для секретной работы за границу. С 1840 г. статский советник, с 1845 г. действительный статский советник, с 1858 г. – тайный советник. В 1865 г. вышел в отставку. Автор воспоминаний о русских писателях, ряда работ

по истории и литературе России XVIII–XIX вв.

Порецкий, Александр Николаевич (1855–1915) – российский офицер, с 1915 г. генерал от инфантерии. Окончил Морское училище. На службе с 1877 г. В 1882 г. переведен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1900–1904 гг. командир Сводно-гвардейского батальона, с 1904 г. генерал-майор. В 1904–1908 гг. командир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1908–1913 гг. командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 1913 г. генерал-лейтенант. В 1913–1915 гг. начальник 26-й пехотной дивизии. Умер от болезни.

Потапов, Александр Львович (1818–1886) – российский государственный деятель, с 1860 г. генерал-майор, с 1866 г. генерал-лейтенант, с 1875 г. генерал от кавалерии. На военной службе с 1835 г., участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1856–1860 гг. флигель-адъютант Александра II. В июне – августе 1860 г. обер-полицмейстер Петербурга, в ноябре 1860 г. – июле 1861 г. обер-полицмейстер Москвы. В июле – октябре 1861 г. реорганизует полицию в Варшаве. С декабря 1861 г. по 1864 г. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением. В 1864–1865 гг. помощник виленского генерал-губернатора. В 1865–1868 гг. наказной атаман Войска Донского. В 1868–1874 гг. виленский генерал-губернатор. В 1874–1876 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения.

Потемкин, Павел Сергеевич (1743–1796) – российский военный и государственный деятель, писатель, с 1795 г. граф. Троюродного брат Г. А. Потемкина-Таврического. Учился в Московском университете. Военную службу начал в Семеновском полку в 1756 г. Участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг., генерал-майор. В 1774–1775 гг. руководитель Казанской и Оренбургской секретных комиссий. С 1778 г. камергер, с 1780 г. генерал-поручик. С 1784 г. генерал-губернатор саратовского наместничества, одновременно с 1785 г. генерал-губернатор кавказского наместничества, с 1794 г. генерал-аншеф. По неподтвержденным данным покончил с собой.

Поццо ди Борго, Карл-Андрей (1764–1842) – российский государственный деятель, дипломат, с 1805 г. статский советник, с 1813 г. генерал-майор, с 1817 г. генерал-лейтенант, с 1829 г. генерал от инфантерии, с 1825 г. граф. Корсиканец, адвокат, с 1791 г. депутат Законодательного собрания, противник Наполеона. В 1796 г. эмигрировал в Англию. В 1799 г. участник Итальянского похода А. В. Суворова. С 1805 г. на русской службе в Коллегии иностранных дел. С 1807 г. полковник Свиты по квартирмейстерской части. В 1807–1812 гг. числился в отставке, находился в Вене и Лондоне. Участник Заграничных походов

1813–1814 гг. В 1814–1834 гг. посол во Франции. В 1834–1839 гг. посол в Англии.

Прокопович, Феофан (*Элеазар*) (1681–1736) – российский церковный и общественный деятель, епископ с 1718 г, архиепископ с 1724 г., человек из ближнего окружения Петра I. С 1711 г. ректор Киево-Могилянской академии, преподавал пиитику и риторику. В 1715 г. был вызван в Петербург, где занимался делами по управлению Церковью. Под непосредственным руководством Прокоповича было упразднено патриаршество и учрежден Синод, вице-президентом которого он стал в 1721 г. Вошел в историю литературы как автор многочисленных стихотворений на русском и латинском языках и блестящих проповедей. Принимал участие в создании Академии наук, объединив вокруг себя крупнейших ученых того времени.

Путилин, Иван Дмитриевич (1830–1893) – выдающийся русский сыщик. С 1874 г. действительный статский советник, с 1889 г. тайный советник. Окончил Новооскольское уездное училище. В 1850 г. поступил на службу в МВД на должность писца. В 1853 г. сдал экзамены за полный гимназический курс. В 1854–1856 гг. младший помощник квартального надзирателя, в 1856–1858 гг. старший помощник квартального надзирателя, в 1858–1862 гг. квартальный надзиратель. В 1862–1866 гг. в распоряжении петербургского военного губернатора. В 1867–1875 гг. начальник Петербургской сыскной полиции. В 1875–1878 гг. в отставке по болезни. В 1878–1889 гг. начальник Петербургской сыскной полиции. С 1889 г. в отставке по болезни.

Пьетри, Иоахим Мари (1818–1873) – префект парижской полиции в последние годы царствования Наполеона III.

Р

Разумовский, Кирилл Григорьевич (1728–1803) – российский государственный деятель, с 1744 г. граф. Младший брат Алексея Разумовского, фаворита императрицы Елизаветы Петровны. С 1745 г. камергер. С 1748 г. подполковник Измайловского полка. Участник дворцового переворота 1762 г. С лета 1762 г. сенатор и генерал-адъютант, с 1765 г. генерал-фельдмаршал. В 1746–1765 гг. президент Петербургской Академии наук. В 1750–1764 гг. последний гетман Малороссии. В 1768–1771 гг. член Госсовета.

Ратаев, Леонид Александрович (1857–1917) – один из высших полицейских чинов Российской империи, с 1905 г. действительный статский советник. В 1878 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. С 1882 г. в отставке. В 1882–1887 гг. на службе в Департаменте полиции. В 1887–1897 гг.

младший и старший помощник делопроизводителя 3-го (секретного) делопроизводства Департамента полиции. В 1897–1898 гг. чиновник особых поручений. В 1898–1902 гг. заведующий Особым отделом Департамента полиции. В 1902–1905 гг. заведующий Заграничной агентурой полицейского департамента. С августа 1905 г. в отставке. С 1911 г. проживал во Франции, выполнял отдельные поручения Департамента полиции. В 1914–1917 гг. сотрудник резидентуры военной разведки во Франции.

Ратко, Василий Васильевич (?–?) – российский офицер, с 1903 г. подполковник. В 1896–1900 гг. ротмистр Московского охранного отделения. В 1900–1901 гг. прикомандирован к Московскому губернскому жандармскому управлению. В 1902–1905 гг. начальник Московского охранного отделения. С 1906 г. офицер особых поручений при Дворцовом коменданте.

Рачковский, Петр Иванович (1851–1910) – государственный служащий. В 1869–1871 гг. чиновник в распоряжении полицмейстера Одессы. В 1873–1876 гг. чиновник в Варшаве и Кашине. В 1876–1877 гг. судебный следователь в Ковно. В 1877 г. причислен к Минюсту. В 1879–1880 гг. секретный сотрудник Третьего отделения. В 1881–1882 гг. член «Священной дружины». В 1883 г. помощник Г. П. Судейкина. В 1884–1902 гг. заведующий Заграничной агентурой. В 1902–1905 гг. в отставке. В 1905–1906 гг. вице-директор Департамента полиции.

Рейбниц, Карл Павлович (1777–1843) – российский военный деятель, с 1815 г. генерал-майор, с 1829 г. генерал-лейтенант, с 1843 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1798 г. Участник русско-французских войн 1799 и 1805 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1813–1840 гг. командир полка, бригады, начальник 25-й пехотной и 12-й пехотной дивизий. В 1840–1843 гг. командующий Отдельным корпусом внутренней стражи, член Военного совета.

Репнин, Аникита Иванович (1668–1726) – российский военачальник, князь, с 1699 г. генерал-майор, с 1725 г. генерал-фельдмаршал. Участник Азовских походов 1695–1696 гг. В начале Северной войны 1700–1721 гг. командовал дивизией. За поражение при Головчине (3 июля 1708 г.) разжалован, но после успешных действий при Лесной (28 сентября) восстановлен в чине генерала. В Полтавском сражении 1709 г. отвечал за действия центра русской армии. В 1709–1710 гг. руководил осадой и взятием Риги, в 1712–1713 и 1715–1716 гг. командовал войсками в Померании. С 1719 г. генерал-губернатор Лифляндии. Одновременно в 1724–1725 гг. президент Военной коллегии. После смерти Петра I поддержал провозглашение Екатерины.

Рихтер, Оттон (наст. *Отто Деметриус Карл Петер*) *Борисович, фон* (1830–1908) – российский военный деятель, с 1864 г. генерал-майор Свиты, с 1871 г. генерал-адъютант и генерал-лейтенант, с 1886 г. генерал от инфантерии. В 1848 г. окончил Пажеский корпус, корнет лейб-гвардии Конного полка. Участник Венгерского похода 1849 г., Крымской войны 1853–1856 гг., Кавказских походов 1856–1858 гг. С 1866 г. управляющий делами Императорской Главной квартиры, затем начальник штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. С 1871 г. начальник 13-й пехотной дивизии. В 1881–1898 гг. командующий Императорской Главной квартирой, одновременно, в 1881–1891 гг. (с перерывами), управлял делами Министерства двора. С 1887 г. член Госсовета. С 1898 г. назначен состоять при Особе Его Величества, действительный член Русского географического общества.

Рожнецкий, Александр Александрович (1774–1849) – польский и российский военный деятель. С 1807 г. бригадный генерал, с 1810 г. дивизионный генерал, с 1826 г. генерал от кавалерии. С 1788 г. на польской службе. Участник русско-польской войны 1794 г. С 1798 г. на французской службе. Участник Наполеоновских войн 1800–1813 гг. В 1813–1815 гг. в русском плену. В 1815–1830 гг. командующий польской кавалерией Царства Польского. В 1815–1821 гг. заместитель великого мастера ложи «Польский Великий Восток». В 1831 г. состоял при особе Его Императорского Величества. В 1832–1849 гг. член Государственного совета и член Совета управления Царства Польского.

Розен, Григорий Владимирович (1781–1841) – российский военный и государственный деятель, барон. Из эстляндских дворян, с 1809 г. генерал-майор, с 1813 г. генерал-лейтенант, с 1818 г. генерал-адъютант, с 1826 г. генерал от инфантерии. Участник войн с Францией 1805–1807 гг., русско-шведской войны 1808–1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. С 16 декабря 1812 г. командир лейб-гвардии Преображенского полка. В 1815–1826 гг. начальник 20-й пехотной, 1-й гвардейской пехотной, 15-й пехотной дивизий. С 1826 г. командир 1-го пехотного корпуса. В 1830–1931 гг. командир 6-го (Литовского) корпуса, участник усмирения польского мятежа. В 1831–1837 гг. командир Кавказского отдельного корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии. С 1838 г. сенатор, проживал в Москве.

Роман (*Романн*), *Карл-Арвид Иоганович* (1829–1872) – секретный служащий Третьего отделения. Из дворян, окончил

Одесский ришельевский лицей, затем служил в 14-м пехотном Олонецком полку. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. Имел награды и отличия за храбрость. Вышел в отставку, стал помощником редактора в «Военном сборнике». Ненадолго вернулся в армию, штаб-ротмистр. После повторной отставки поступил на службу в МВД. В конце мая 1862 г. перешел в негласный штат Третьего отделения. В начале 1870-х гг. занимался поиском С. Г. Нечаева в Европе.

Ромодановский, Григорий Григорьевич (? – 1682) – российский государственный и военный деятель, с 1665 г. боярин, князь. В 1654 г. в составе посольства В. В. Бутурлина участвовал в Переяславской раде, принявшей решение о воссоединении Украины с Россией. В дальнейшем активно вмешивался в избрание гетманов, проводя угодных России кандидатов. В 1654–1656 гг. участвовал в войне против Польши. Возглавлял Белгородский, Севский и Новгородский столы Разрядного приказа. Командовал войсками во время Чигиринских походов 1677–1678 гг. Убит во время Стрелецкого бунта.

Ромодановский, Иван Федорович (? – 1730) – российский государственный деятель, сподвижник Петра I. В 1698 г. вместе с отцом вел следствие по делу о восстании стрельцов. В 1717–1729 гг. начальник Преображенского приказа. В 1719–1724 гг. первое лицо в Москве, с 1724 г. московский генерал-губернатор. С 1725 г. действительный тайный советник. В 1729 г. вышел в отставку. С 1730 г. сенатор.

Ромодановский, Федор Юрьевич (ок. 1640–1717) – российский государственный деятель, входивший в ближнее окружение Алексея Михайловича, затем – сподвижник Петра I. С 1672 г. комнатный стольник, с 1675 г. боярин, с 1697 г. князь-кесарь. В 1686–1696 гг. глава Преображенской потешной избы/канцелярии, в 1696–1717 гг. – Преображенского приказа. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. управлял Москвой. В период Великого посольства 1697–1698 гг. вместе со Стрешневым Т. Н. держал в руках все нити государственных дел. В 1697 г. получил исключительное право розыска по делам о государственных и политических преступлениях.

Ронов, Александр Никитич (?–?) – русский офицер. В 1820 г. корнет лейб-гвардии Уланского полка. В ноябре 1820 г. обвинил Н. Д. Сенявина в принадлежности к тайному обществу. Тогда же был уволен от службы и выслан в г. Порхов под надзор полиции. Шестнадцатого июля 1826 г. по высочайшему приказу Николая I определен поручиком в Староингерманландский пехотный полк. В 1846 г. состоял в должности заседателя Санкт-Петербургской уголовной палаты в чине отставного штабс-капитана.

Ростовцев, Яков Иванович (1803–1860) – российский военный и государственный деятель, с 1841 г. генерал-майор, с 1850 г. генерал-лейтенант, с 1859 г. генерал от инфантерии. С 1822 г. прапорщик лейб-гвардии Егерского полка, в 1825 г. исполнял должность старшего адъютанта дежурства пехоты Гвардейского корпуса. В 1825–1828 гг. адъютант великого князя Михаила Павловича. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1831–1835 гг. дежурный штаб-офицер по Управлению главного начальника военно-учебных заведений, в 1835–1849 гг. начальник Штаба военно-учебных заведений, в 1849–1855 гг. главный начальник военно-учебных заведений. С 1855 г. член Госсовета. Один из ведущих деятелей крестьянской реформы: в 1857–1860 гг. член Секретного, затем Главного комитета по крестьянскому делу, с 1858 г. председатель Комитета.

Рот, Логгин Осипович (1780–1851) – российский военный деятель. По происхождению француз, на русской службе с 1797 г. С 1813 г. генерал-майор, с 1814 г. генерал-лейтенант, с 1828 г. генерал от инфантерии. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1814–1818 гг. начальник 3-й гренадерской и 15-й пехотной дивизий. В 1820–1823 и 1826–1827 гг. командир 4-го, в 1823–1826 гг. 3-го, в 1827–1828 гг. 6-го, в 1829 гг. 5-го пехотных корпусов. С 1835 г. помощник командующего 1-й армией. С 1835 г. генерал-адъютант.

Ртищев, Федор Михайлович (1626–1673) – государственный и военный деятель, дипломат. С 1645 г. занимал дворцовые должности стряпчего, постельничего, дворецкого, с 1656 г. окольничий. В 1654–1655 гг. участник царских походов против Речи Посполитой и Швеции, выполнял дипломатические поручения. Глава приказов Большого дворца (в 1656–1664 гг.), Тайных дел (в 1657–1658 гг.), Лифляндского (в 1659 г.) и др. Воспитатель царевича Алексея Алексеевича, после смерти которого в 1670 г. удалился от дел.

Румянцев, Николай Петрович (1754–1826) – российский государственный деятель, дипломат, граф. Сын П. А. Румянцева-Задунайского. В 1773–1774 гг. камер-паж Екатерины II. В 1781–1795 гг. на дипломатической службе. В 1796–1801 гг. в опале. С 1801 г. член Госсовета, сенатор. В 1802–1807 гг. министр коммерции. В 1807–1814 гг. министр иностранных дел. В 1810–1812 гг. председатель Госсовета. С 1814 г. в отставке. Снаряжал кругосветную экспедицию Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна. Собрал большую библиотеку, а также коллекции рукописей, которые послужили базой для создания Российской Государственной библиотеки.

Румянцев-Задунайский, Петр Александрович (1725–1796) – российский военный и государственный деятель, с 1744 г. граф, с 1770 г. генерал-фельдмаршал. Сын сподвижника Петра I А. И. Румянцева. В 1739–1740 гг. в составе русского посольства в Берлине. Участник русско-шведской войны 1741–1743 гг., отличился во взятии Гельсингфорса. В 1748 г. (в ходе Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг.) участник похода корпуса Репнина на Рейн. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. командовал бригадой, дивизией, корпусом. В 1764–1796 гг. президент Малороссийской коллегии и генерал-губернатор Малороссии. Успешно руководил войсками во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1775 г. получил почетное добавление к фамилии – Задунайский. В 1779 г. назначен наместником Курского и Харьковского наместничеств, а также Малороссии. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из-за конфликта с Г. А. Потемкиным фактически отстранен от командования. С 1794 г. проживал в деревне.

Рылеев, Александр Михайлович (1830–1907) – российский военный деятель, генерал-адъютант Александра II, его ближний друг и поверенный в личных тайнах. В 1860–1864 гг. старший адъютант Императорской Главной квартиры. В 1862–1864 гг. начальник Дворцовой стражи. В 1864–1881 гг. комендант Императорской Главной квартиры и куратор всех подразделений охраны императора.

С

Саблуков, Николай Александрович (1776–1848) – российский офицер, с 1792 г. унтер Конногвардейского полка, с 1799 г. командир эскадрона, полковник; пользовался доверием Павла I. После цареубийства начальник караула при императрице Марии Федоровне в Павловске. В сентябре 1801 г. вышел в отставку с производством в генерал-майоры. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1813 г. в отставке, жил преимущественно в Англии. Оставил «Записки» о времени Павла I и Александра I на английском языке для семейного круга, опубликованные в 1865 г.

Сагтынский, Адам Александрович (1785–1866) – российский государственный деятель. В 1812–1816 гг. переводчик русской администрации Валашского княжества, посольств в Турции и Саксонии. В 1816–1819 гг. чиновник Военной канцелярии главнокомандующего Польской армией. В 1819–1830 гг. чиновник Комиссариатского департамента Главного штаба цесаревича Константина. Один из организаторов политического сыска в Царстве Польском. С 1830 г. статский советник. В 1830–

1831 гг. находился в польском плену. В 1831–1832 гг. состоял при наместнике Польши И. Ф. Паскевиче. В 1832–1833 гг. чиновник особых поручений Военного министерства. В 1834–1856 гг. чиновник особых поручений Третьего отделения, один из организаторов внешней (политической) разведки. С 1836 г. действительный статский советник, с 1848 г. тайный советник. С 1856 г. в отставке.

Сазонов, Яков Григорьевич (*Георгиевич*) (1865–?) – жандармский подполковник. На военной службе с 1884 г., в 1889 г. перешел в Отдельный корпус жандармов. В 1893–1901 гг. служил в Московском охранном отделении. В 1901–1903 гг. в распоряжении Петербургского градоначальника, исполнял должность начальника Петербургского охранного отделения. В августе – октябре 1903 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции.

Салтыков, Петр Михайлович (? – 1690) – доверенное лицо царя Алексея Михайловича, с 1639 г. кравчий, с 1657 г. боярин. Возглавлял приказы Денежного сбора, Судный Владимирский (в 1659–1661 гг.), Владимирской и Галицкой четей (в 1662 г.), Малороссийский (в 1662–1667 гг.), Большой казны (в 1670–1673 гг.). Глава следственной комиссии по делу патриарха Никона. Воевода в Тобольске (в 1673–1677 гг.), Астрахани (в 1677–1678 гг.) и Смоленске (в 1681 гг.).

Салтыков, Семен Андреевич (1672–1742) – российский государственный деятель, с 1733 г. граф. С 1697 г. преображенец, с 1719 г. бригадир, с 1722 г. генерал-майор, с 1727 г. генерал-лейтенант. С 1719 г. член Военной коллегии. В 1727 г. руководил арестом Меншикова. С 1730 г. сенатор. С 1732 г. московский генерал-губернатор и главнокомандующий, глава Московской конторы тайных розыскных дел.

Самойлович, Иван Самойлович (? – 1690) – украинский военный и государственный деятель. В 1672–1687 гг. – гетман Левобережной, а с 1674 г. и Правобережной Украины. Во внешней политике изначально стремился к воссоединению Левобережной Украины с Правобережной под властью России. Возглавлял украинские войска в Чигиринских походах 1677–1678 гг., ознаменовавших кульминационный период русско-турецкой войны 1676–1681 гг., и в Крымском походе князя В. В. Голицына 1687 г. Был обвинен генералом-есаулом (в то время) И. С. Мазепой в измене, арестован и сослан в Тобольск, где вскоре умер.

Санглен, Яков (*Жак*) *Иванович, де* (1776–1864) – российский государственный деятель, издатель и писатель. Поручик, служил при штабе адмирала Свиридова, затем в Адмиралтейств-

коллегии. В 1797–1801 гг. сотрудник тайной полиции. После выхода в отставку, в 1801–1803 гг. обучался в Лейпциге и Берлине; читал курс лекций по немецкой литературе и военным наукам в Московском университете, адъюнкт-профессор. С 1806 г. на службе при штабе князя П. М. Волконского. В 1808–1811 гг. сотрудник Тайной полицейской экспедиции. В 1811–1812 гг. глава Особенной канцелярии Министерства полиции, статский советник. В 1812–1815 гг. глава Высшей воинской полиции, действительный статский советник. С 1816 г. в отставке.

Свиньин, Александр Дмитриевич (1831–1913) – российский военный деятель, с 1893 г. генерал от артиллерии. Окончил Константиновское артиллерийское училище. В 1851–1893 гг. на командных должностях в армии. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1893 г. инспектор пограничной стражи. В 1893–1908 гг. командир Отдельного корпуса пограничной стражи. С 1908 г. член Госсовета.

Северцов (наст. *Филатов*), Всеволод Владимирович (1879–1938) – теоретик и практик вооруженного восстания. Дворянин, в 1899 г. окончил Орловское реальное училище. В 1899–1901 гг. студент Горного института. В революционную работу вовлечен в конце 1899 г. в рабочих кружках за Невской заставой. В января 1901 г. арестован, в мае выслан в Оренбургскую губернию, в сентябре эмигрировал. В 1901–1905 гг. жил в Париже. В 1905 г. окончил юридический факультет Парижского университета. После второго съезда РСДРП примкнул к большевикам, со второй половины 1903 г. сотрудничал в «Искре», где познакомился с В. И. Лениным. В 1905 г. член Парижской группы содействия РСДРП, сотрудничал в газетах «Вперед» и «Пролетарий». Гость третьего съезда РСДРП (Лондон, 1905 г.). После съезда заведовал закупкой и транспортировкой взрывчатых веществ. В июне 1905 г. подготовил труд «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию». Осенью 1905 г. вернулся в Россию, боевой организатор Петербургского комитета РСДРП (б), заведующий иностранным отделом газеты «Новая жизнь». В ноябре – декабре 1905 г. работал с Лениным. В декабре 1905 г. арестован как глава боевой дружины Выборгского района, выпущен в июле 1906 г. В июле – августе 1906 г. работал с Лениным. Член редакции газеты «Казарма» и военной группы Петербургского комитета РСДРП. В октябре 1906 г. уехал в Москву, боевой организатор Московского комитета РСДРП (б), член редакции газеты «Борьба». Летом 1907 г. арестован, в октябре выпущен, в феврале 1908 г. вновь арестован. Летом 1908 г. переехал в Петербург, читал лекции по рабочим клубам. В 1910 г. сотрудник «Биржевых ведомостей». В 1911 г. проживал в Санкт-Петербурге. В 1912–1913 гг.

корреспондент на театре Балканских войн. С началом Первой мировой войны служил в Красном Кресте до июня 1915 г. Затем военный корреспондент «Русского слова» и член редколлегии. В 1916 г. подал записку по вопросам спецпропаганды в периодической печати. В 1920 году вышел из РКП (б). Занимался литературным трудом, читал лекции в рабочих клубах. В 1927 г. был арестован, в 1928 г. освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

Секеринский, Петр (наст. *Пинхус*) *Васильевич* (?–?) – российский офицер. Из кантонистов, окончил Варшавское реальное училище и корпус топографов. В мае 1854 г. поступил на военную службу, унтер-офицер Главного штаба Действующей армии, участник подавления восстания в Польше в 1863 г. В 1865 г. служил в Варшавском жандармском дивизионе, с 1866 г. поручик, с 1872 г. штабс-капитан. В 1872–1880 гг. помощник начальника жандармского управления Варшавского, Новоминского, Радиминского уездов, затем начальник жандармского управления Лодзинского, Райского, Брезинского уездов в Царстве Польском. С 1885 г. временно исполняющий должность начальника Петербургского охранного отделения. В 1888–1897 гг. начальник Петербургского охранного отделения. С 1897 г. начальник Петербургского губернского жандармского управления, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов.

Семякин, Георгий Константинович (? – 1902) – государственный служащий, статский советник, действительный статский советник. Окончил Императорское училище правоведения. В 1881–1895 гг. заведующий 3-м (секретным) делопроизводством Департамента полиции. Затем вице-директор Департамента полиции, член Совета министра внутренних дел.

Середа, Николай Акимович (1838–1897) – российский офицер, с 1883 г. генерал-майор. Окончил Оренбургско-Неплюевский кадетский корпус и Военно-юридическую академию по 1-му разряду. На военной службе с 1857 г. В 1861–1863 гг. старший адъютант при главном начальнике Уральских горных заводов. В 1864–1865 гг. адъютант при командире Отдельного оренбургского корпуса. В 1865–1869 гг. адъютант при командующем войсками Киевского военного округа. В 1871–1877 гг. военный судья Казанского, Харьковского и Варшавского военно-окружных судов. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1878–1882 гг. военный прокурор Варшавского военно-окружного суда. В 1882–1891 гг. начальник Московского ГЖУ.

Сипягин, Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – российский государственный деятель. Окончил Петербургский университет в 1876 г. В 1888 г. курляндский, в 1891–1893 гг. московский

губернатор. В 1893 г. товарищ министра государственных имуществ, с 1894 г. товарищ министра внутренних дел. С октября 1899 г. управляющий, с 26 февраля 1900 г. министр внутренних дел. Второго апреля 1902 г. смертельно ранен эсером С. В. Балмашевым.

Скандраков, Александр Спиридонович (1849–1905) – жандармский офицер. С 1884 г. подполковник Отдельного корпуса жандармов. Помощник начальника Киевского ГЖУ, начальник отделения канцелярии московского генерал-губернатора. В 1880–1881 гг. начальник Секретно-розыскного отделения при канцелярии московского обер-полицмейстера. В 1881–1884 гг. начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при канцелярии московского обер-полицмейстера. С ноября 1884 г. в отставке по здоровью. В 1902 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, начальник охраны В. К. Плеве.

Скобелев, Дмитрий Иванович (1821–1879) – российский военный деятель, с 1864 г. генерал-майор Свиты, с 1869 г. генерал-лейтенант. В 1838 г. окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1840 г. произведен в корнеты. В 1846–1849 гг. адъютант военного министра, с 1849 г. флигель-адъютант. Участник Венгерского похода 1849 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. В 1855 г. исправлял должность походного атамана донских казачьих полков в Финляндии. В 1858–1864 гг. командир Собственного Его Императорского Величества конвоя. В 1869–1876 гг. заведовал Ротой дворцовых гренадер. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал для поручений при Главнокомандующем действующей армией.

Скобелев, Иван Никитич (1778–1849) – российский военный деятель, с 1818 г. генерал-майор, с 1828 г. генерал-лейтенант, с 1843 г. генерал от инфантерии. Участник русско-французской войны 1807 г., русско-шведской войны 1808–1809 гг., русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1812 г. адъютант М. И. Кутузова. В 1818–1822 гг. командир бригады. В 1822–1826 гг. генерал-полицмейстер 1-й армии. В 1827–1828 гг. начальник 3-й пехотной дивизии. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1839–1849 гг. комендант Петропавловской крепости.

Скопин-Шуйский, Михаил Васильевич (1586–1610) – русский государственный и военный деятель, родственник Василия Шуйского. С 1604 г. стольник при Борисе Годунове. С 1606 г., в правление Шуйского, – воевода. Разбил войско Ивана Болотникова под Москвой, у деревни Котлы, но позже потерпел

поражение под Калугой. В 1608 г. вступил в переговоры со шведами о союзе против Лжедмитрия II, осадившего Москву. В мае 1609 г. при помощи шведов разгромил сторонников Лжедмитрия II под Торжком, Тверью и Дмитровом. В марте 1610 г. торжественно вступил в столицу. Был настолько популярен в России, что вполне мог претендовать на царскую власть. По слухам, был отравлен. Похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Скорняков-Писарев, Григорий Григорьевич (? – 1745) – особо доверенное лицо Петра I. С 1696 г. бомбардир Преображенского полка, с 1700 г. прапорщик. С 1709 г. командир бомбардирной роты, в 1712–1713 гг. начальник гвардейской артиллерии. В 1718–1723 гг. занимал один из ключевых постов в Тайной канцелярии. В 1727 г. сослан А. Д. Меншиковым в Якутск. При Анне Ивановне, будучи ссыльным, – начальник в Охотске (в 1731–1742 гг.). По возвращении из ссылки – генерал-майор (с 1742 г.).

Скуратов-Бельский (*Малюта*), *Григорий Лукьянович* (? – 1573) – руководитель опричнины в 1570–1572 гг. Из рода мелкопоместных польских шляхтичей, с 1570 г. думный дворянин. В 1569 г. лично убил князя В. А. Старицкого и митрополита Ф. Колычева. В 1570 г. организатор репрессий в Новгороде. Тесть Б. Ф. Годунова и Д. И. Шуйского. С 1572 г. дворовый воевода. Погиб в ходе Ливонской войны при штурме крепости Пайда.

Слезкин, Иван Львович (1815–1882) – жандармский офицер, с 1863 г. генерал-майор, с 1874 г. генерал-лейтенант. На военной службе с 1835 г. В Корпусе жандармов с 1848 г. В 1867–1882 гг. начальник 2-го (московского) округа корпуса жандармов, затем московского ГЖУ. В 1874 г. руководил дознанием по делу о революционной пропаганде в 26 губерниях Российской империи.

Собаньская (урожд. *Ржевусская*), *Каролина Адамовна* (1794–1885) – графиня, правнучка королевы Франции Марии Лещинской, дочь киевского губернского предводителя дворянства, жена масона И. Собаньского. С 1820 г. доверенное лицо И. О. Витта. В 1826–1831 гг. секретный сотрудник Третьего отделения. В «Одесскую Клеопатру» были влюблены А. Мицкевич и А. С. Пушкин.

Сотников, Василий Семенович (? – 1853) – российский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1843–1845 гг. тифлисский гражданский губернатор, с 1851 г. сенатор.

Спафарий, Николай Гаврилович (наст. *Милеску Николае Спэтарул*) (1636–1708) – ученый, дипломат, писатель. В 1653–1671 гг. на службе у молдавских и валашских господарей. С 1671 г. в России, переводчик Посольского приказа. В 1675–

1678 гг. возглавлял русское посольство в Пекине. Участник Азовского похода 1695 г.

Сперанский, Михаил Михайлович (1772–1839) – российский государственный деятель, с 1839 г. граф. В 1790 г. окончил Владимирскую семинарию, затем курс Александро-Невской семинарии. С 1797 г. на госслужбе. В 1803–1807 гг. директор Департамента МВД. В 1807–1810 гг. статс-секретарь Александра I, с 1808 г. член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции. В 1810–1812 гг. госсекретарь. В 1812–1816 гг. в опале, отбывал ссылку в Нижнем Новгороде, затем в Перми. В 1816–1819 гг. пензенский губернатор; в 1819–1821 гг. генерал-губернатор Сибири. В 1821 г. возвращен в Петербург. В 1820–1830-х гг. входил в состав ряда высших государственных комитетов. Подготовил манифест от 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол императора Николая I, был членом Верховного уголовного суда над декабристами. С 1826 г. возглавлял Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, осуществлявшее кодификацию законов. В 1835–1837 гг. преподавал юридические науки цесаревичу Александру, с 1838 г. – председатель Департамента законов Государственного совета. С 1838 г. – председатель Департамента законов Госсовета.

Спиридович, Александр Иванович (1873–1952) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В 1892–1899 гг. на военной службе, затем в Московском губернском жандармском управлении. В 1899–1902 гг. прикомандирован к Московскому охранному отделению. В 1902 г. работал в Киевском ГЖУ. В 1903–1905 гг. начальник Киевского охранного отделения. В июне – декабре 1905 г. служил в Отдельном корпусе жандармов. В 1906–1915 гг. начальник дворцовой Охранной команды (Охранной агентуры). В 1916–1917 гг. градоначальник Ялты. После революции эмигрировал.

Статковский, Павел Семенович (1856 – после 1912) – сотрудник Департамента полиции. На военной службе с 1873 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1880 г. прапорщик. С 1884 г. в отставке по подозрению в политической неблагонадежности, подпоручик. В 1885–1887 гг. секретный сотрудник Санкт-Петербургского охранного отделения. В 1887–1900 гг. чиновник Санкт-Петербургского охранного отделения по вольному найму. С 1900–1904 г. чиновник особых поручений. В 1904–1905 гг. заведующий наружным наблюдением в столице. В 1905 г. помощник начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. С 1907 г. чиновник для поручений по району. С 1912 г. в отставке.

Стенбок, Герман (наст. *Герман Карл Юлиус Николай*) *Германович* (1847–1904) – российский военный, граф. С 26 октября 1883 г. по 3 июля 1884 г. командир Сводно-гвардейской роты, затем Сводно-гвардейского батальона. Впоследствии генерал-лейтенант. Заведовал двором великого князя Сергея Александровича.

Столыпин, Петр Аркадьевич (1862–1911) – российский государственный деятель, действительный статский советник (с 1904 г.). Окончил Петербургский университет. В 1884 г. причислен к МВД. С 1888 г. камер-юнкер Двора, с 1896 г. камергер Двора. С 1899 г. ковенский губернский предводитель дворянства. В 1903–1906 гг. саратовский губернатор. В 1906–1911 гг. министр внутренних дел, председатель Совета министров. В 1906 г. гофмейстер Двора. С 1907 г. член Госсовета. С 1908 г. статс-секретарь. Убит в Киеве.

Стрешнев, Тихон Никитич (1644–1719) – «дядька» царевича Петра Алексеевича. С 1666 г. стряпчий, с 1668 г. стольник, с 1682 г. окольничий, с 1686 г. боярин. С 1690 г. глава Разрядного приказа, с 1698 г. – Приказа Большого дворца. При отсутствии Петра (участие в Азовских походах 1695–1696 гг., выезд в составе Великого посольства 1697–1698 гг.) вместе с Ф. Ю. Ро модановским фактически управлял страной. Выполнял личные поручения Петра. В 1709–1711 гг. московский губернатор, с 1711 г. сенатор.

Строганов, Павел Александрович (1772–1817) – российский государственный и военный деятель, граф, с 1814 г. генерал-лейтенант. Воспитывался во Франции. Во время Великой французской революции сблизился с якобинцами, за что в 1793 г. был отозван императрицей Екатериной II в Россию и сослан в одну из своих деревень. С 1797 г. сблизился с цесаревичем Александром. В 1801–1803 гг. член Негласного комитета, с 1802 г. сенатор. В 1802–1805 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1805–1807 гг. на дипломатической службе. В 1808–1809 гг. командир лейб-гвардии Гренадерского полка. В 1812 г. командир сводной гренадерской дивизии, отличившейся в Бородинском сражении. С 1814 г. в отставке.

Суворов, Александр Аркадьевич (1804–1882) – государственный и военный деятель, князь. Внук А. В. Суворова, с 1839 г. генерал-майор Свиты, с 1846 г. генерал-адъютант, с 1859 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1824 г. Участник русско-персидской войны 1826–1828 гг. С 1828 г. флигель-адъютант Николая I. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1847–1848 гг. костромской губернатор, в 1848–1861 гг. генерал-

губернатор Прибалтийского края и военный губернатор Риги. С 1861 г. член Госсовета. В 1861–1866 гг. петербургский генерал-губернатор. С 1866 г. генерал-инспектор пехоты.

Суворов, Василий Иванович (1705–1775) – российский государственный деятель, отец А. В. Суворова. Начал службу при Петре I в должности денщика и переводчика. С 1725 г. служил в Преображенском полку, прошел путь от сержанта до капитана. При Анне Ивановне состоял при войсках прокурором, участник следствия по делу Долгоруковых, полковник. В 1754 г. назначен членом Военной коллегии; бригадир, генерал-майор, генерал-поручик. В 1760 г. направлен в действующую армию главным при Провиантском департаменте, сенатор. С января по декабрь 1761 г. генерал-губернатор завоеванной части Пруссии. В январе 1762 г. назначен сибирским губернатором, но к месту службы не выехал. Участник переворота Екатерины II, принимал участие в аресте голштинского генералитета в Ораниенбауме. После этого исполнял личные поручения императрицы. С конца 1763 г. генерал-аншеф.

Судейкин, Георгий Порфирьевич (1850–1883) – один из руководителей политического сыска в России, с 1882 г. подполковник Отдельного корпуса жандармов. Окончил кадетский корпус, а затем, в 1870 г., Московское пехотное училище, прапорщик. С 1871 г. подпоручик, полковой адъютант. В 1872 г. за отличие по службе произведен в поручики. С 1874 г. на службе в Корпусе жандармов, адъютант жандармско-полицейского управления Воронежской железной дороги. В 1877–1880 гг. адъютант Киевского ГЖУ. В 1881–1882 гг. начальник Секретного отделения петербургского градоначальника, инспектор (заведующий агентурой) столичного Охранного отделения. В 1882–1883 гг. инспектор секретной полиции, доверенное лицо В. К. Плеве. Убит народовольцами.

Сумароков, Петр Спиридонович (1709–1780) – российский государственный деятель. В юности был камер-пажом при Екатерине I, при бракосочетании Анны Петровны зачислен в ее свиту и некоторое время жил в Киле. Сторонник партии Ягужинского при воцарении Анны Ивановны. Был арестован Долгоруковым, но после поражения «верховников» освобожден и обласкан императрицей. С марта 1742 г. шталмейстер. С 1752 г. камергер и обер-шталмейстер. В 1761–1763 гг. действительный тайный советник, сенатор. С 1764 г. в отставке.

Т

Талызин, Петр Александрович (1767–1801) – российский

военный деятель, с 1797 г. генерал-майор, с 1799 г. генерал-лейтенант. Образование получил в Высшей школе герцога Карла-Евгения в Штутгарте. С 1784 г. прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка. В 1796 г. первым поздравил Павла с вступлением на престол и был награжден орденом Святой Анны. С 1799 г. командир Преображенского полка. Масон, командор Мальтийского ордена. Активный участник в заговора против Павла I. В число заговорщиков рекомендован Н. И. Паниным.

Телепнев-Оболенский (*Овчина*), *Иван Федорович* (? – 1539) – военный и политический деятель первой половины XVI в. князь. В правление Василия III конюший и воевода, фактический глава Боярской думы. В 1533–1538 гг. фаворит Е. В. Глинской, с 1534 г. боярин. В 1537 г. разбил польские войска Сигизмунда I. С 1538 г. в опале, умер в тюрьме.

Тимашев, Александр Егорович (1818–1893) – российский военный и государственный деятель. На военной службе с 1835 г., с 1855 г. генерал-майор Свиты, с 1859 г. генерал-адъютант, с 1863 г. генерал-лейтенант, с 1872 г. генерал от кавалерии. В 1850–1855 гг. начальник штаба 3-го и 2-го резервных кавалерийских корпусов. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1855–1856 гг. начальник штаба 3-го армейского корпуса. В 1856–1861 гг. управляющий Третьим отделением. В 1863–1864 гг. временный казанский, пермский и вятский генерал-губернатор. В 1867–1868 гг. министр почт и телеграфов. В 1868–1878 гг. министр внутренних дел. С 1878 г. член Госсовета.

Тишин Василий Григорьевич (1775 – после 1847) – российский военный, с 1831 г. генерал-майор. Участник войн с Турцией 1791 г., Польшей 1794 г., Швецией 1808–1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1808–1810 гг. адъютант А. А. Аракчеева. В 1815–1829 гг. подполковник (полковник) Селенгинского пехотного полка. В 1821–1822 гг. начальник военной полиции 2-й армии. В 1829 г. состоял при главнокомандующем 2-й армией. В 1830–1831 гг. директор военных госпиталей действующей армии. В августе – сентябре 1831 г. в польском плену. В 1832–1836 гг. главный смотритель петербургских и загородных военных госпиталей. В 1836–1847 гг. инспектор военных госпиталей при военном министерстве.

Толстой, Василий Иванович (1718–1785) – русский дворянин, с 1760 г. граф. С 1733 г. гофюнкер, капитан, состоял при комнатах царевен Екатерины и Прасковьи. С 1741 г. премьер-майор. С 1753 г. прокурор сыскного приказа, надворный советник. С 1760 г. статский советник. В 1765–1770 гг. московский обер-полицмейстер, действительный статский советник.

Толстой, Дмитрий Андреевич (1823–1889) – российский государственный деятель, граф. В 1843 г. окончил Царскосельский лицей с отличием. В 1843–1847 гг. чиновник Четвертого отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В 1847–1853 гг. на службе в Департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий МВД. В 1853–1861 гг. директор канцелярии Морского министерства. В 1861–1865 гг. управляющий департаментом Министерства народного просвещения. В 1865–1880 гг. обер-прокурор Синода. В 1866–1880 гг. министр народного просвещения. В 1882–1889 гг. министр внутренних дел, шеф жандармов и президент Академии наук.

Толстой, Петр Андреевич (1645–1729) – российский государственный деятель, дипломат, с 1724 г. граф. В 1682 г. стольник, с 1715 г. тайный советник. Сторонник Милославских, от которых отошел в 1685 г. С 1693 г. воевода в Великом Устюге. В 1697–1698 гг. учился мореходному делу в Венеции. В 1702–1714 гг. посланник в Константинополе. С 1714 г. сенатор. В 1715–1717 гг. на дипломатической службе. С 1717 г. президент Коммерц-коллегии. В 1718–1826 гг. глава Тайной канцелярии. Разыскал и вернул царевича Алексея в Россию, в 1718 г. возглавил следствие по его делу. В 1725 г. содействовал возведению на престол Екатерины I. С 1726 г. член Верховного тайного совета. В 1727 г. сослан А. Д. Меншиковым в Соловецкий монастырь из-за несовпадений по вопросу о престолонаследии.

Толстой, Яков Николаевич (1791–1867) – секретный служащий Третьего отделения. Служил в армии, с 1808 г. прапорщик, с 1821 г. штабс-капитан лейб-гвардии. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1821–1823 гг. старший адъютант Главного штаба. В 1823–1826 гг. находился в заграничном отпуске. В 1826 г. уволен со службы с сохранением чина, пробовал себя в литературе. В 1837–1848 гг. чиновник по особым поручениям Третьего отделения (официально числился служащим Министерства народного просвещения). С 1848 г. причислен к посольству в Париже. С этого же года статский советник, с 1858 г. действительный статский советник, с 1866 г. тайный советник.

Топильский, Иван Иванович (1691–1761) – сотрудник российских спецслужб, статский советник. Начал службу подьячим Разрядного приказа, затем служил в Рекрутской канцелярии Сената. В 1718–1726 гг. сотрудник Тайной канцелярии, с 1723 г. – секретарь. В 1726–1731 гг. секретарь канцелярии Верховного тайного совета. В 1731–1742 гг. служил в Ревизион-коллегии Сената, в Коллегии экономии, Юстиц-конторе и Московской конторе Коллегии иностранных дел. В 1743, 1747–

1758 и в 1760 гг. управляющий архивом Коллегии иностранных дел.

Трепов, Дмитрий Федорович (1855–1906) – российский государственный деятель, с 1900 г. генерал-майор, с 1903 г. генерал Свиты. Сын Ф. Ф. Трепова. На военной службе с 1874 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1896 г. по январь 1905 г. обер-полицмейстер Москвы, В январе – октябре 1905 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга. В апреле – октябре 1905 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий Корпусом жандармов. Дворцовый комендант Петергофского (с октября 1905 г.) и Зимнего (с ноября 1905 г.) дворцов. Умер от инфаркта.

Трепов, Федор Федорович (1809–1889) – российский государственный и военный деятель, с 1863 г генерал-майор, с 1867 г. генерал-лейтенант и генерал-адъютант, с 1878 г. генерал от кавалерии. На военной службе с 1831, унтер-офицер, до этого, в 1828–1831 гг., чиновник Департамента государственных имуществ. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. С 1834 г. поручик. В 1839–1844 гг. адъютант командира дивизии. С 1844 г. командир эскадрона в жандармском полку, в 1854–1860 гг. конного жандармского полка в Киеве. В 1860–1861 гг. варшавский обер-полицмейстер. В 1863–1866 гг. генерал-полицмейстер Привислинского края. В 1866–1873 гг. петербургский обер-полицмейстер. В 1873–1878 гг. градоначальник Санкт-Петербурга. С 1878 г. в отставке.

Трубецкой, Иван Юрьевич (1667–1750) – крупнейший военачальник Петровской эпохи. С 1784 г. стольник, с 1693 г. капитан преображенцев, с 1694 г. подполковник Преображенского полка, с 1698 г. генерал-майор, с 1719 г. генерал-лейтенант, с 1722 г. генерал-аншеф, член Военной коллегии, с 1728 г. генерал-фельдмаршал. Под Нарвой командовал дивизией и попал в плен, обменян в 1718 г. Командующий кавалерией на Украине (с 1719 г.). В 1722–1723 гг. киевский генерал-губернатор. С 1730 г. сенатор.

Трусевич, Максимилиан Иванович (1863–?) – государственный служащий. В 1885 г. окончил Училище правоведения. В 1889–1906 гг. товарищ прокурора, прокурор окружных судов Риги, Петербурга и Новгорода. В 1906–1909 гг. директор Департамента полиции. С 1909 г. сенатор. В 1911 г. руководил расследованием действий должностных лиц после убийства П. А. Столыпина. С 1914 г. член Госсовета.

У

Уваров, Федор Петрович (1773–1824) – российский военный и государственный деятель, с 1798 гг. генерал-майор и генерал-адъютант, с 1800 г. генерал-лейтенант, с 1813 г. генерал от кавалерии. Участник военных действий в Польше в 1792 и 1794 гг. С 1779 г. командир лейб-гвардии Кавалергардского полка. Активный участник заговора против Павла I. В ночь убийства состоял дежурным генерал-адъютантом. Отличился в кампаниях 1805–1807 гг. Участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1821–1823 гг. командир гвардейского корпуса. В 1823–1824 гг. член Госсовета.

Украинцев, Емельян Игнатьевич (1641–1708) – российский государственный деятель, дипломат, один из руководителей внешней разведки. Из мелкопоместных дворян, с 1660 г. подьячий Посольского приказа, с 1675 г. дьяк, с 1681 г. думный дьяк. В 1662–1673 гг. участник посольств в Речь Посполитую, Швецию, Данию, Голландию. В 1689–1699 гг. глава Посольского приказа. В 1699–1700 гг. посол в Турции. В 1702–1706 гг. управлял Провиантским приказом, был уличен в злоупотреблениях, подвергнут телесному наказанию и денежному штрафу. В 1707–1708 гг. посол в Польше. Умер во время посольской миссии в Венгрию.

Ушаков, Андрей Иванович (1670–1747) – российский государственный деятель, с 1744 г. граф. В 1700 г. поступил в Преображенский полк, к 1714 г. дослужился до звания майора, с 1721 г. генерал-майор, с 1727 г. генерал-лейтенант. С 1726 г. сенатор. В 1708–1709 гг. участник расследования по делу о восстании Кондратия Булавина. В 1712 г. с секретной миссией в Польше. В 1713–1714 гг. руководитель следственной комиссии в Москве. В 1718–1726 гг. «министр» Тайной канцелярии, создатель ее филиала в Москве. В 1727–1730 гг. в опале в Ревеле. В 1731–1747 гг. глава Канцелярии тайных розыскных дел.

Ф

Фельдман, Федор Александрович (1835–?) – российский военный деятель, с 1901 г. генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1863–1865 гг. старший помощник начальника Военно-ученого отделения Главного управления Генерального штаба. В 1865–1867 гг. начальник ВОУ. В 1867–1876 гг. делопроизводитель канцелярии Военно-учетного комитета Генштаба. В 1876–1881 гг. военный агент в Вене. В 1881–1896 гг. управляющий делами Военно-учетного комитета Генерального штаба, член комитета по

мобилизации войск. В 1896–1900 гг. директор Императорского Александровского лицея. В 1900–1901 гг. член Военно-учетного комитета Генштаба.

Федоров, Александр Владимирович (1838–?) – российский государственный деятель. С 1854 г. в лейб-гвардии, участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. С 1863 г. адъютант начальника жандармского управления Ярославской губернии. В 1866–1867 гг. управляющий делами 3-го (Варшавского) жандармского округа. С 1869 г. командир Варшавского жандармского дивизиона, с 1875 г. командир Петербургского жандармского дивизиона, полковник. С 1878 г. помощник петербургского градоначальника. В 1880–1881 гг. петербургский градоначальник.

Филарет (в миру *Федор Никитич Романов*) (ок. 1554–1633) – крупнейший политический деятель начала XVII в., с 1619 г. патриарх. Происходил из старинного боярского рода Захарьиных. В конце 1600 – начале 1601 г. по приказу Бориса Годунова был арестован и сослан в Антониев-Сийский монастырь. В 1605 г., при Лжедмитрии I, возвращен из ссылки и получил сан митрополита Ростовского. В мае 1606 г. участвовал в свержении самозванца. В октябре 1608 г. при взятии Ростова захвачен отрядами «тушинского вора». Находясь в лагере Лжедмитрия II, будучи нареченным патриархом, занимал выжидательную позицию. В июле 1610 г. принял участие в свержении Шуйского. Придерживался прозападной позиции. Участвовал в заключении 17 (27) августа 1610 г. договора с польским гетманом Жолкевским о признании русским царем сына польского короля Сигизмунда III – Владислава. В сентябре 1610 г. возглавил «великое посольство» под осажденный Смоленск, которое должно было окончательно закрепить статьи августовского договора. Однако в ходе переговоров неожиданно отказался санкционировать обговоренные условия, вследствие чего был арестован и отправлен в апреле 1611 г. в Польшу, где пробыл в плену до середины 1619 г. В июле 1619 г. вернулся в Москву и сразу же был поставлен патриархом. Со времени возвращения из плена и до конца жизни являлся фактическим правителем страны.

Филиппеус, Константин Федорович (1834–1898) – государственный служащий. Из дворян, в 1854 г. окончил Петербургский университет. Затем чиновник МИД, преподавал немецкий язык в Гельсингфорсе. В 1863 г. участвовал в усмирении восстания в Польше. В 1869–1874 гг. руководитель Заграничной агентуры – управляющий 3-й экспедицией Третьего отделения. С 1874 г. в отставке, редактор журнала «Гражданин».

Фок, Максим (наст. *Магнус Готфрид*) *Яковлевич, фон* (1774–

1831) – российский государственный деятель. В 1793–1799 гг. конногвардеец. С 1802 г. на гражданской службе. В 1804–1806 гг. чиновник особых поручений министра коммерции. В 1806–1810 в милиции (ополчении) Московской губернии. В 1811–1812 гг. помощник управляющего, в 1812–1819 гг. управляющий Особенной канцелярией Министерства полиции. В 1817–1826 гг. управляющий Особенной канцелярией МВД. С 1826 г. действительный статский советник. В 1826–1831 гг. управляющий Третьим отделением.

Фомин, Александр Дмитриевич (1845–1917) – российский чиновник, с 1914 г. действительный тайный советник. В 1864 г. окончил Училище правоведения. В 1864–1884 гг. служил при Сенате и Святейшем Синоде. В 1884–1891 гг. цензор иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта. В 1891–1914 гг. старший цензор столичной цензуры иностранных газет и журналов.

Фукс, Егор Борисович (1762–1829) – историк, писатель, действительный статский советник. Служить начал в Коллегии иностранных дел при князе А. А. Безбородко. Вел личную переписку императрицы Екатерины II. В 1798 г. секретный сотрудник Тайной экспедиции, надворный советник. Во время русско-австрийской кампании 1799–1800 гг. начальник походной канцелярии А. В. Суворова, статский советник. В 1812–1813 гг. директор военной канцелярии при М. И. Кутузове.

X

Хмельниченко, Юрий (*Юрась*) (1641–1685) – сын Богдана Хмельницкого и его первой жены Анны Сомкиви.

Хованский, Андрей Иванович (? – 1682) – сын И. А. Хованского, летом 1682 г. возглавил Судный приказ. Был обвинен в соучастии в заговоре отца, а также в намерении жениться на царевнах Екатерине или Софье Алексеевне; казнен.

Хованский, Иван Андреевич (? – 1682) – российский политический и военный деятель, князь. Начал службу в царствование Михаила Федоровича, в 1636 г. стольник, с 1659 г. боярин. Участвовал в войнах с Речью Посполитой, Османской империей, Швецией. В 1663 г., после разгрома Московского восстания 1662 г., возглавлял сыскную комиссию в Коломенском. С 1664 г. глава Ямского приказа, в мае – сентябре 1682 г. глава Стрелецкого приказа. Имел связи с раскольниками. Был обвинен в заговоре против царской семьи и патриарха. По негласному указу Софьи осужден Боярской думой и казнен в октябре 1682 г.

Хотинский, Матвей Степанович (1812–1866) – секретный

служащий, действительный статский советник. Окончил Санкт-Петербургское высшее училище Министерства народного просвещения. Литератор, популяризатор естественных наук и астрономии в русском обществе, сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения». В апреле 1863 г. разоблачен Герценом как тайный агент Третьего отделения. В июне 1863 г. в Лондоне находился под наблюдением итальянских революционеров.

Хрущов, Николай Михайлович (1714–1776) – сотрудник российских секретных служб, статский советник. С 1727 г. служил в Преображенском приказе. В 1732–1742 гг. секретарь Канцелярии тайных розыскных дел. В 1749–1754 гг. секретарь Московской конторы Канцелярии тайных розыскных дел. В 1754–1761 гг. обер-секретарь Канцелярии тайных розыскных дел. С 1754 г. коллежский советник. С 1762 г. служил в Коллегии экономии.

Ч

Чарторыйский, Адам Ежи (1770–1861) – один из представителей литовско-белорусско-польского княжеского рода, с 1795 г. на русской службе, адъютант цесаревича Александра, член Негласного комитета. В 1802–1804 гг. товарищ министра, в 1804–1806 гг. министр иностранных дел. Выдвигал программу восстановления всех польских земель под властью Александра I. С 1806 г. в отставке. С 1815 г. сенатор Царства Польского. Во время Польского восстания 1830–1831 гг. глава Национального правительства. После поражения эмигрировал во Францию. В 1834 г. объявлен «польским королем де-факто». Стремился к восстановлению независимости Польши при поддержке западных держав.

Черевин, Петр Александрович (1837–1896) – российский государственный и военный деятель, с 1878 г. генерал-майор, с 1886 г. генерал-лейтенант, с 1894 г. генерал-адъютант. На военной службе с 1855 г. Участник Кавказских кампаний 1860–1862 гг. и подавления Польского восстания 1863–1864 гг. В 1865–1867 гг. член Особой следственной комиссии. В 1868–1869 гг. флигель-адъютант Александра II. В 1869–1878 гг. командир Собственного Его Императорского Величества конвоя. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1878–1880 гг. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, одновременно в ноябре – декабре 1878 г. управляющий Третьим отделением. В феврале – августе 1880 г. главноуправляющий Третьим отделением. В 1880–1883 гг. товарищ министра внутренних дел. С сентября 1881 г. по

1894 г. Главный начальник охраны Его Императорского Величества.

Чернов, Виктор Михайлович (1873–1952) – российский политический деятель, один из организаторов партии эсеров, главный ее теоретик. В революционном движении с конца 1880-х гг. В 1892–1894 гг. студент Московского университета. В 1894 г. арестован и сослан в Тамбовскую губернию. В 1899 г. эмигрировал, вместе с М. Р. Гоцем возглавлял заграничную организацию эсеров и газету «Революционная Россия». После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, в мае – августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства. После Октябрьского переворота – председатель Учредительного собрания 5(18) января 1918 г., до осени 1918 г. участвовал в работе самарского Комитета членов Учредительного собрания. В 1920 г. эмигрировал.

Чернышев, Александр Иванович (1785–1857) – российский государственный и военный деятель, с 1812 г. генерал-майор и генерал-адъютант, с 1814 г. генерал-лейтенант, с 1827 г. генерал от кавалерии, с 1826 г. граф, с 1849 г. светлейший князь. В 1809–1812 гг. на дипломатической и разведывательной службе во Франции и Швеции. В 1812 г. состоял при Александре I в действующей армии, командовал кавалерийским отрядом. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1818 гг. в свите царя. В 1819–1821 гг. член Комитета об устройстве войска Донского. 1821–1826 гг. начальник Гвардейской легкой кавалерийской дивизии. В 1826–1827 гг. член следственной комиссии по делу декабристов, с 1827 г. сенатор. С 1828 г. товарищ начальника Главного штаба и управляющий Военным министерством, в 1832–1852 гг. военный министр. В 1848–1856 гг. председатель Госсовета.

Чичерин, Николай Иванович (1724–1782) – российский государственный деятель, с 1760 г. генерал-майор, с 1766 г. генерал-поручик, с 1773 г. генерал-аншеф. В 1737 г. записан в гвардию, в 1740 г. ординарец герцога Антона Ульриха Брауншвейгского. В 1742 г. переведен в армию. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. С 1760 г. киевский обер-комендант. В 1764–1777 гг. генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга, с 1766 г. сенатор. С 1777 г. в отставке.

Чоглоков, Николай Наумович (1718–1754) – камергер и обер-гофмейстер, тайный советник. Отец Чоглокова – из древнего дворянского рода, мать – немка простого звания. Учился в Кадетском корпусе, откуда был взят ко двору. В 1742 г. был камергером, кавалер ордена Белого орла. В 1746 г. ездил с почетным поручением в Вену. В 1747–1754 гг. состоял при

великом князе Петре Федоровиче.

Ш

Шакловитый, Федор Леонтьевич (? – 1689) – российский государственный деятель, дипломат. Из мелкопоместных дворян; в 1673–1676 гг. подьячий Приказа тайных дел, с 1681 г. дьяк, с 1682 г. окольничий и думный дворянин. В 1682–1689 гг. глава Стрелецкого приказа. Доверенное лицо царевны Софьи, советник в международных сношениях. В 1688 г. возглавлял посольство к гетману Мазепе. Один из руководителей заговора 1689 г. против Петра Алексеевича. Арестован, после пыток казнен вместе с близкими ему стрельцами.

Шафиров, Петр Павлович (1669–1739) – российский государственный деятель, дипломат, с 1710 г. барон. С 1691 г. служил переводчиком Посольского приказа. В 1697–1698 гг. в составе Великого посольства выезжал в Западную Европу. В 1703 г. тайный секретарь при канцлере Ф. А. Головине. С 1709 г. вице-канцлер и управляющий почтами. С 1717 г. вице-президент Коллегии иностранных дел, участвовал в подготовке Ништадтского мирного договора со Швецией. В 1723 г. обвинен в казнокрадстве и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой, которую отбывал в Нижнем Новгороде. В 1725 г. возвращен Екатериной I и назначен президентом Коммерц-коллегии. В 1727–1730 гг. в отставке. В 1730–1732 гг. посол в Тегеране. С 1733 г. президент Коммерц-коллегии.

Швейцер, Карл Фердинандович (? – 1847) – литератор и журналист, барон. Сотрудник Военно-секретной полиции, с 1831 г. состоял при Бенкендорфе чиновником особых поручений. В 1832–1837 гг. резидент Третьего отделения в Вене. Курировал работу агентуры и добровольных помощников в Австрии, Бельгии, Пруссии, Франции, Швейцарии. С 1845 г. в отставке.

Шеин, Алексей Семенович (1662–1700) – российский государственный деятель, полководец, с 1682 г. боярин, с 1695 г. ближний боярин. В 1683–1684 гг. воевода в Курске. Участвовал в Крымских (1987 и 1689 гг.) и Азовских (1695–1696 гг.) походах. Во втором Азовском походе был главнокомандующим сухопутными силами, получил звание генералиссимуса. В период Великого посольства – главнокомандующий русской армией и начальник трех военных приказов.

Шервуд, Иван (наст. *Джон*) *Васильевич* (1798–1867) – по происхождению англичанин, на русской службе с 1819 г., унтер-офицер. В 1825 г. личный агент Александра I. В 1826 г. переведен в гвардию в чине поручика, поименован Шервуд Верный. В 1827 г.

прикомандирован к штабу Гвардейского корпуса, исполнял поручения А. Х. Бенкендорфа. С 1830 г. штабс-капитан, с 1831 г. капитан, с 1833 г. полковник. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления Польского восстания 1830–1831 гг. За ложный донос содержался в Шлиссельбургской крепости, в 1851–1856 гг. состоял под секретным надзором.

Шешковский, Степан Иванович (1727–1793) – российский государственный деятель. В 1738 г. в возрасте одиннадцати лет определен отцом для обучения в Сибирский приказ. В 1744–1748 гг. копиист, подканцелярист в Московской конторе тайных розыскных дел, позднее переведен А. И. Шуваловым в Петербург. В 1752–1757 гг. архивариус, протоколист, в 1757–1762 гг. секретарь Тайной канцелярии. С 1763 г. секретарь, в 1767–1793 гг. обер-секретарь Тайной экспедиции при Сенате. С 1781 г. действительный статский советник, с 1791 г. тайный советник. Вел все крупные политические и уголовные дела. За личное участие в пытках прозван Кнутобоем.

Ширинкин, Евгений Никифорович (1843–?) – один из приближенных ко двору лиц. С 1902 г. генерал-майор, после 1905 г. генерал-лейтенант. В офицерских чинах с 1862 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С августа 1880 г. подполковник, флигель-адъютант Александра III. С мая по июнь 1801 г. начальник Охранной стражи, затем Секретной части охраны Его Величества. В 1884–1905 гг. начальник Дворцовой полиции. В 1905–1915 гг. помощник по полицейской части наместника на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова.

Шляхтин, Николай Евстафьевич (1819–?) – служащий, в 1845 г. губернский секретарь, впоследствии частный пристав в Казани, титулярный советник. В начале 1860-х гг. частный пристав по розыску Московской городской полицейской части. В 1866 г. первый начальник Охранной стражи. С 1867 г. советник Казанского губернского правления.

Шмидт, Никита Кондратьевич (?–?) – российский государственный деятель, сенатор. В декабре 1878 – мае 1880 гг. управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Шувалов, Александр Иванович (1710–1771) – один из приближенных Елизаветы Петровны, участник переворота 1741 г., с 1746 г. граф. С 1731 г. камер-юнкер, с 1741 г. камергер, подпоручик лейб-кампании и генерал-майор, с 1744 г. поручик лейб-кампании и генерал-лейтенант, с 1748 г. генерал-адъютант, с 1751 г. генерал-аншеф, с 1761 г. генерал-фельдмаршал. В 1745–1747 гг. на равных правах в Тайной канцелярии с А. И. Ушаковым. В 1747–1762 гг. глава Тайной канцелярии. С 1763 г.

в отставке.

Шувалов, Павел Петрович (1847–1902) – российский военный деятель, полковник гвардии, граф. Окончил Гейдельбергский университет. На военной службе с 1868 г. В 1872–1881 гг. адъютант великого князя Владимира Александровича, флигель-адъютант Александра III. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1881–1883 гг. один из создателей и руководителей «Священной дружины».

Шувалов, Петр Андреевич (1827–1889) – российский государственный деятель, дипломат, граф. С 1857 г. генерал-майор, с 1864 г. генерал-лейтенант, с 1872 г. генерал от кавалерии. В 1845 г. окончил Пажеский корпус, затем на военной службе. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. и мирных переговоров в Париже 1856 г. В 1857–1860 гг. обер-полицмейстер Петербурга. В 1860–1861 гг. директор Департамента общих дел МВД. В августе – декабре 1861 г. управляющий Третьим отделением. Участник подавления Польского восстания 1863–1864 гг. В 1864–1866 гг. генерал-губернатор Прибалтийского края. В 1866–1874 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения. С 1866 г. член Госсовета. В 1874–1879 гг. посол в Лондоне.

Шульгин, Александр Сергеевич (ок. 1775–1841) – российский военный деятель, с 1795 г. корнет, с 1814 г. генерал-майор. Участник Швейцарской кампании 1799 г. и войн с Францией 1805–1807 гг. В 1812 г. находился в распоряжении генерал-полицмейстера армии М. И. Левицкого. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1816–1825 гг. московский, со 2 августа 1825 г. петербургский обер-полицмейстер. В январе 1826 г. снят с должности и определен состоять по кавалерии, находился на излечении. С 1834 г. в отставке.

Щ

Щелкалов, Василий Яковлевич (? – ок. 1610) – думный дьяк Разбойного приказа, участник Земского собора 1566 г., с 1595 г. хранитель печати, дипломат. Брат А. Я. Щелкалова. Выдвинулся в связи с опричными казнями 1570 г. В 1576–1594 гг. глава одной из четей Разрядного приказа. С середины 1594 г. глава Посольского приказа. С 1601 г. в опале. При Лжедмитрии I окольничий.

Э

Эйлер, Александр Христофорович (1773–1849) – российский

военный деятель, с 1812 г. генерал-майор, с 1826 г. генерал-лейтенант, с 1834 г. генерал от артиллерии. В армии с 1790 г. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. и войн с Францией 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1814 г. начальник артиллерии Гренадерского корпуса. В 1815–1819 гг. начальник испытательного полигона Брянского оружейного завода. В 1819–1821 гг. командир артиллерийских рот и военно-рабочих батальонов Новгородских военных поселений. В сентябре – ноябре 1825 г. командовал Отдельным корпусом военных поселений. В 1826–1833 гг. вице-директор Артиллерийского департамента. В 1831 г. назначен присутствующим в Совете Главного штаба военных поселений. В 1833–1840 гг. директор Артиллерийского департамента Военного министерства. С 1840 г. в отставке по болезни.

Эпинус, Франц Ульрих Мария Теодор (1724–1802) – российский и германский физик, астроном и математик, член Петербургской Академии наук. Окончил Ростокский и Йенский университеты, получил степень доктора медицины. С 1755 г. профессор астрономии Берлинского университета, директор Берлинской обсерватории, член Прусской Академии наук. В 1756 г. приглашен в Петербургскую Академию наук на должность профессора физики. В 1757 г. принял российское подданство. С 1765 г. секретным указом назначен главой шифровального отдела при Коллегии иностранных дел. С 1 апреля 1769 г. легализован в Коллегии иностранных дел в чине статского советника. Возглавлял шифровальную службу до 31 декабря 1797 г., затем в отставке.

Эртель, Федор Федорович (1768–1825) – российский военный деятель, генерал от инфантерии. Участвовал волонтером в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В 1789 г. вышел в отставку в чине премьер-майора. В 1798–1801 гг. московский обер-полицмейстер, генерал-майор. В 1802–1808 гг. петербургский обер-полицмейстер. Затем в Свите Е. И. В. С 1810 г. генерал-провиантмейстер в Молдавской армии, генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал 2-м резервным корпусом 3-й армии. С декабря 1812 г. по октябрь 1815 г. генерал-полицмейстер всех действующих армий. В 1817–1821 гг. генерал-полицмейстер 1-й армии. Затем снова в Свите Его Императорского Величества.

Ю

Юрьев, Ефим (?–?) – дьяк Посольского приказа. Упоминается в 1659 г.

Я

Ягужинский, Павел Иванович (1683–1736) – российский государственный деятель, дипломат, с 1728 г. генерал от кавалерии, с 1731 г. граф. С 1701 г. в гвардии, состоял при Петре I. Участник Аландского конгресса 1718–1719 г., в 1720–1721 гг. посланник в Вене, в 1726–1727 гг. полномочный представитель министра при польском сейме в Гродно. В 1722–1726 и 1730–1731 гг. генерал-прокурор Сената. Участник заговора «верховников» 1730 г. В 1731 г. удален от двора. В 1731–1734 гг. посол в Берлине, в 1735–1736 гг. кабинет-министр.

Языков, Иван Максимович (? – 1682) – приближенный Федора Алексеевича. В 1670 г. стольник, в 1676 г. постельничий, в 1678 г. окольничий, в 1680 г. оружничий, боярин с 1681 г. В 1679–1682 гг. фактически был главой правительства. Заведовал Оружейной, Золотой и Серебряной палатами. Сторонник отмены местничества. После смерти Федора Алексеевича поддержал партию Петра I. Был убит в Москве во время Стрелецкого бунта.

Литература

Авейде О. Показания и записки о польском восстании 1863 г. – М., 1961.

Агафонов В. К. Парижские тайны царской охранки. – М., 2004.

Акты Московского государства; в 3 т. – СПб., 1890–1901.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – М., 1998.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». – М., 1932.

Ашенбреннер М. Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860–1904 гг.). – М., 1924.

Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII вв. /Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1946.

Белоусов Р. Опасная агентка. – М., 1990.

Берг Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. – М., 2008.

Берг Н. Морская экспедиция повстанцев 1863 года // Исторический вестник. – 1881.

Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. – М., 1912.

Бок М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. – М., 1992.

Борисов А. Н. Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. – СПб.; М., – 2001.

Борша С. Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека; в 39 т. – СПб., 1872–1927. – Т. 1.

Буланцов. Записки лазутчика, во время усмирения мятежа в Польше, в 1863 году. – СПб., 1868.

Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. – М.; Л., 1961.

Бычков А. Ф. Описание славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. – Вып.1. – СПб., 1878.

Вадковский Ф. Ф. Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. – М., 1931.

Валишевский К. Преемники Петра. – М., 1990.

Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. – М., 1990.

Валуев П. А. Дневник 1877–1884. – М., 1961.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. – М., 1991.

Вишнякова И. В. К вопросу об участии казахов Младшего и Среднего жузов в преследовании волжских калмыков во время их бегства в Джунгарию в 1771 г. // Актуальные вопросы истории Сибири. – Алтайский государственный университет, 2001.

Вологда. Историко-краеведческий альманах; вып. I. – Вологда, 1994.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. – М.; Л., 1945.

Восстание декабристов. Материалы и документы, в 12 т. – М.; Л., 1925–1969.

Все монархи мира. Россия. (600 кратких жизнеописаний). – М., 1998

Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. – М., 1984.

Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. – М., 1991.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988.

Гершельман Ф. К. Партизанская война. (Исследование). – СПб., 1885.

Глинка Н. Ф. Письмо к П. И. Бартеневу с воспоминаниями о высылке А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 году // Пушкин в воспоминаниях современников; 3-е изд. – СПб., 1998.

Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. – СПб., 1913.

Горбылев А. М. Путь невидимых. Подлинная история ниндзюцу. – Минск, 1999.

Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. – М., 1990.

Государственные преступления в России в XIX веке. (Сборник из официальных изданий правительственных сообщений); в 3 т. – СПб., 1903–1906.

Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. – М., 1996.

Гражуль В. С. Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. – М., 1997.

Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. – М., 2007.

Гризингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени; в 2 т. – СПб.; М., 1868–1869.

Грушевский М. Очерк истории украинского народа. – СПб., 1904.

Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия. – М., 1822.

Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988.

Джинчарадзе В. З. Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762–1801 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Историко-филологический факультет. – Новгород. 1957. – Т. II. – Вып. 2.

Дзинтария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982.

Дирин П. Потешные полки Петра Великого // Русский архив. – 1882. – Кн. 3. – Вып. 5.

Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. – М., 1975.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. – М., 1934.

Жандармы России. Сост. В. С. Измозик. – СПб., 2002.

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф Киселев и его время. Материалы для истории царствований императоров Александра I, Николая I и Александра II. – СПб., 1882.

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М., 1959.

Записки декабриста князя Трубецкого. – СПб., 1906.

Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. – М., 1867.

Записки И. П. Липранди // Русская старина. – 1872. – Т. VI.

Записки князя Трубецкого (с приложениями). – Лейпциг, 1874.

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. – СПб., 1907.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – М.; Л., 1926.

Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. – 1872. – Т. VI.

Иваницкий Н. А. Записки // Север. – 1923. – № 3–4.

Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. – СПб., 2004.

История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. Под общ. ред. Е. А. Мурова. – М., 2006.

История дипломатии; в 3 т. – М., 1941–1945.

История дипломатии; в 5 т. – М., 1959–1979.

История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов по истории государства и права: Учебное пособие. – М., 1981.

История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. Под. ред. В. М. Курицына. – М., 1998.

История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: Учебное пособие. – М., 1999.

История спецслужб России. Сост. С. Шумов и А. Андреев. – М., 2004.

Кеклис А. Ю. И. истории создания Санкт-Петербургского охранного отделения как органа политической полиции Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3 (47).

Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1999.

Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. – М., 2002.

Ключевский В. О. Курс русской истории; в 9 т. – М., 1987–1990.

Князь Мещерский. Воспоминания. – М., 2001.

Козьмин Б. Казанский заговор 1863 года. – М., 1929.

Коробка Н. Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. Исторический сборник. – СПб., 1909.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. – СПб., 1857.

Костенецкий Я. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. – 1887. – Т. II.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей; в 4 т. – М., 1998.

Костромина Е. Подготовка жандармов в царской России // Независимое военное обозрение. – 1996, 25 июля.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000.

Красная Пресня в 1905–17 году. (Сборник воспоминаний дружинников Красной Пресни 1905 г. и красногвардейцев 1917 г.). – М., 1930.

Кропоткин П. А. Записки революционера. – М., 1988.

Кукушкин И. П., Никитинский И. Ф. Из истории вологодского кремля // Тезисы докладов всероссийского симпозиума «Кремли России» (Москва, 23–26 ноября 1999 г.). – М., 1999.

Кульчицкий Л. (*Мазовецкий*). История русского революционного движения; в 2 т. – СПб., 1908.

Ламанский В. И. Три мира Азийско-европейского материка. 2-е изд. – Пг., 1916.

Ламсдорф В. Н. Дневник. 1894–1896. – М., 1990.

Лапин В. В. Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. – Л., 1991.

Лебедев П. С. Военные деятели 1796–1801 годов // Русская старина. – 1877, февраль.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826–

1855 гг. По подлинным делам III отделения собственной Е. И. В. канцелярии. – СПб., 1909.

Либанов Г. М. Студенческое движение 1899 года с документальными приложениями / Издание Фонда вольной русской прессы. Вып. 28. – Лондон, – 1901.

Лубянка, 2. – М., 1999.

Лурье Ф. Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. – М., 2006.

Майский С. «Черный кабинет». Из воспоминаний бывшего цензора. – Пг., 1922.

Малинин в. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев, 1910.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. – СПб., 1883.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М., 1937.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – М.; Л., 1926.

Меньшиков Д. Н. Затишье перед бурей. Боевые действия под Смоленском в июле – августе 1633 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. – СПб., 2010.

Мильштейн А. А. Проблема вооруженного восстания у Ленина в 1905 году // Каторга и ссылка. – № 11 (72).

Митрополит Макарий. История Русской Церкви; в 12 т. – СПб., 1864–1886.

Михайлова К. В. Смоленские якобинцы // Вестник Челябинского университета. – Серия 1. История. – Челябинск, 1993. – № 2.

Михайлов О. [Онисим Михайлов]. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. – СПб., 1777.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства двора. – СПб., 1992.

Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. – 1928. – № 2.

Мстиславский С. «Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906–1908 гг. // Каторга и ссылка. – 1929. – № 6 (55).

Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – нач. XX вв.). – Н. Новгород, 1993.

Муратов в. Бои за населенные пункты. – М., 1922.

Назаревский В. В. Царствование императора Александра II. 1855–1881. – М., 1910.

Незабвенные мысли незабвенных людей. (Из истории реакции 60-х годов) // Былое. – 1907. – № 1.

Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. – М.; Л., 1931.

Нечкина М. В. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859–1861) // Литературное наследство. – Т. 61. – 1953.

Нечкина М. В. Общество соединенных славян. – М.; Л., 1927.

Никольсон Г. Дипломатия. – М., 1941.

Новицкий. В. Д. Из воспоминаний жандарма. – М., 1991.

Ольшанский П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. – М., 1959.

Опись Московской Оружейной палаты. Часть пятая: Огнестрельное оружие. – М., 1885.

Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). – М., 1982.

Отчет об организации охраны пути следования Второй тихоокеанской эскадры в датских и шведско-норвежских водах, а также и на северном побережье Германии в Арконе, Фемерне, Гамбурге и т. д., устроенной по поручению Департамента полиции коллежским советником Гартингом // Исторический архив. – 1994. – № 3.

«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Вступ. статья, подг. текста и коммент. З. И. Перегудовой; в 2 т. – М., 2004.

Очерки истории российской внешней разведки; в 6 т. – М., 1996–2006.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. – М., 1958.

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. – М.; Л., 1934.

Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы. Сост. С. М. Познер. – М., 1934.

Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь,1906 год. Под ред. Ем. Ярославского. – М., 1932.

Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М., 2000.

Петров А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. – СПб., 1901.

Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. – СПб., 1884.

Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. – СПб., 1906.

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 1999.

Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи. – М., 1993.

Покровский М. Н. Избранные произведения; в 4 кн. – М., 1965–1967.

Покушение Каракозова 4 апреля 1866 // Красный архив. – Т. 4 (17).

Покушение Каракозова: Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. – М.; Л., 1928.

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник документов; сост. В. И. Кочанов, Н. Н. Парфенова, М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. – М., 2001.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1812 г. Собрание первое. Т. 1–45. – СПб., 1830.

Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М., – 2001.

Прокофьев В. А., Новосельский А. А. Международное положение Русского государства в 20–30-х годах и Смоленская война 1632–1634 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. – М., 1955.

Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи: Сборник документов и материалов. Сост. Н. Д. Литвинов, Ш. М. Нурадинов. – М., 1999.

Процесс 193-х. Предисловие в. Каллаша. – Изд. В. М. Саблина. – Б.м., 1906.

Пушкин А. С. Дневники. Записки. – СПб., 1995.

Пушкин А. С. История Пугачёва. Замечания о бунте // Полное собрание сочинений; в 10 т. – М., 1957–1958. – Т. 8.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений; в 16 т. – М.; Л, 1937–1959. – Т. 14.: Переписка, 1828–1831.

Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы, воспоминания. Сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко. – Воронеж, 2000.

Раззаков Ф. И. Век террора. Хроника покушений. – М., 1997.

Рассказы Е. И. Якушкина, записанные в Ярославле 22 ноября 1897 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 859. – Оп. 38. – Д. 15. – Л. 15.

Рахматуллин М. Императрица Екатерина Вторая. «Действовать нужно не спеша, с осторожностью и с рассудком» // Наука и жизнь. – 2003. – № 4.

Революционная журналистика семидесятых годов. – Ростов-на-Дону. Б.г.

Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. – М., 1974.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – М., 1997.

Российское законодательство X–XX веков; в 9 т. – М., 1984–1994.

Россия под надзором: отчеты III Отделения 1827–1869. – М., 2006.

Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки. – М., 1946.

Русаков А. Князь Воронцов. Герой 1812 года // Историческая газета. – 2007. – № 7(91).

Русская историческая библиотека; в 39 т. – СПб., 1872–1927.

Русско-польские революционные связи. – М., 1963.

Самойлов В. В. Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории. – 1948. – № 6.

Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1867–1916.

Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк на страже у царского трона. – СПб., 1909.

Селищев Н. Свои и чужие в Смутное время. Ч. 1–4 // Русский вестник. – 2010–2011.

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. – М., 1982.

Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского областного педагогического института. Кафедра истории СССР. Т. 35. – Вып. 2. – М., 1946.

Снайперы. – Минск, 1997.

Снытко Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. – 1952. – № 9.

Соловьев С. М. Сочинения; в 18 кн. – М., 1988–1998.

Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники: 1886–1916. 2-е изд. – Пг., 1918.

Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 1: Российская социал-демократическая рабочая партия. – СПб., 1914.

Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 2: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. – Пг., 1916.

С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. («Труд» чиновника Отделения П. Статковского) // Былое. – 1921. – Вып. 16.

Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. – СПб.; М., 2002.

Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. – М., 2000.

Татищев В. Н. История Российская; в 7 т. – М., 1994–1996.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование; в 2 т. – СПб., 1903.

Тиссо В. Прусская тайная полиция. Пер. с фр. – М., 1915.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М., 1961.

Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. – СПб., 1875.

Троцкий И. М. III отделение при Николае I: Жизнь Шервуда-Верного. – Л., 1990.

Троцкий Л. Сочинения; в 12 т., 15 кн. – М.; Л., 1925.

Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. – М., 1959.

Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания; в 2 т. – М., 1964.

Флетчер Дж. О государстве Русском. – М., 2002.

Черкасов П. П. Людовик XV и Емельян Пугачёв: французская дипломатия и восстание Пугачёва. – М., 1998.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. – М., 1954.

Черномордик С. (*Ларионов П.*). Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. – М.; Л., 1926.

Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. – М., 1906.

Чужак Н. Ленин и «техника» восстания // Каторга и ссылка. – № 12 (73).

Чукарев А. Г. Тайная полиция России. 1825–1855. – М., 2005.

Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания; в 2 т. – М., 1967.

Шервуд (Из записок генерал-майора Б.-П.). – Берлин, 1860.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование; в 4 т. – СПб., 1904.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование; в 4 т. – СПб., 1897–1898.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование; в 2 кн. – М., 1997.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование; в 2 т. – СПб., 1903.

Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. – М., 2003.

Штейнгель В. И. Сочинения и письма; в 2 т. – Иркутск, 1985.

Щербатов [А. Г.]. Генерал-фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич. Его жизнь и деятельность. – СПб., 1899.

Эйдельман Н. Я. Лже… // Наука и жизнь. – 1980. – № 7.

1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905–1907 гг.): Статьи и воспоминания. – М.; Л., 1927.

Ярославский Е. Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса – Ленина // Каторга и ссылка. – № 12 (73).

notes

Примечания

1

Под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

2

«*Артхашастра*» – в переводе с санскрита «*Наука о пользе*» (в русскоязычных изданиях – «Наука политики»). Трактат оформлялся на протяжении IV в. до н. э. – первых веков н. э. Авторство приписывается брахману Каутилье (второе имя Чанакья), полулегендарному министру основателя династии маурьев Чандрагупты I.

З

«*Гуй Гу-цзы*» – название трактата и одновременно литературный псевдоним автора (в переводе с китайского – Ученый Чертовой долины). Его настоящее имя, место его рождения и обстоятельства жизни неизвестны. Гуй Гу-цзы считается наставником дипломатов и стратегов Су Циня и Чжан И, которые в III в. до н. э. помогли правителю царства Цинь разгромить поодиночке его противников и объединить под своей властью весь Китай.

4

Тайна исповеди в большинстве случаев соблюдалась, но если дело касалось интересов Церкви или других жизненно важных вопросов, тайна исповеди могла и нарушаться.

5

От лат. *reformatio* – исправление, восстановление.

6

От лат. *protestans* – публично доказывающий; представляет собой совокупность самостоятельных направлений: лютеранство, кальвинизм, анабаптизм, цвиглианство, англиканство и др.

7

Священная Римская империя германской нации – государственное образование, существовавшее в 962–1806 гг. и объединявшее территории Центральной Европы.

8

От лат. *saecularis* – мирской; изъятие чего-либо из церковного ведения и передача светским лицам или учреждениям, превращение церковной собственности в государственную.

9

См.: *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени; в 2 т. – СПб.; М., 1868–1869.

Отсюда и в сленг разведки и пришел термин «резидент».

11

Горбылев А. М. Путь невидимых. Подлинная история ниндзюцу. – Минск, 1999. – С. 14–15.

12

Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. – СПб.; М., 2002. – С. 36.

13

Сёгун – изначально полководец, от имени императора подавляющий восстание или усмиряющий варваров. С 1192 г. титул военного правителя Японии, управляющего от имени императора.

14

Дайме – князья-самураи, крупнейшие военные феодалы средневековой Японии.

15

См.: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев, 1910.

Вологда. Историко-краеведческий альманах. – Вологда, 1994. – Вып. I. – С. 10.

17

Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. – С. 44.

18

Кукушкин И. П., Никитинский И. Ф. Из истории вологодского кремля // Тезисы докладов всероссийского симпозиума «Кремли России» (Москва, 23–26 ноября 1999 г.). – М., 1999. – С. 59.

19

Правильно – Речь Посполита, от польск. *Rzeczpospolita* – республика. Однако в русской исторической литературе утвердилось также название Речь Посполитая.

20

Соловьев С. М. Сочинения; в 18 кн. – М., 1988–1998. – Кн. III. – Т. 5–6. – С. 414.

21

На этом месте ныне находится г. Северодвинск.

22

Опись Московской Оружейной палаты. Часть пятая: Огнестрельное оружие. – М., 1885.

23

В скобках примечания авторов.

Цит по: Снайперы. – Минск, 1997. – С. 74.

25

Опись Московской оружейной палаты. Часть пятая: Огнестрельное оружие. – С. 71.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Кукушкин И. П., Никитинский И. Ф. Указ. соч. – С. 59–60.

28

Цит по: *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. – СПб., 1875. – С. 40.

29

Там же. – С. 47–48.

Там же. – С. 99–101.

31

Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. – М., 1990. – С. 72–73.

Там же. – С. 63.

33

См.: *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. – М., 2003.

34

См.: Акты Московского государства; в 3 т. – СПб., 1890–1901. – Т. I. – С. 1.

Там же. – С. 2.

Там же. – С. 4.

Там же. – С. 3.

Там же. – С. 70–71.

Там же. – С. 70.

Там же. – С. 87.

41

Там же.

42

Цит. по: *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 1999. – С. 254.

Там же. – С. 262.

Ключевский В. О. Курс русской истории; в 9 т. – М., 1987–1990. – Т. III. – Ч. III. – С. 29.

Флетчер Дж. О государстве Русском. – М., 2002. – С. 86–87.

Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. – М.; Л., 1961. – С. 84.

47

Там же.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М., 1937. – С. 98.

Флетчер Дж. Указ. соч. – С. 34–35.

Платонов С. Ф. Указ соч. – С. 264–265.

51

Чья власть, того и вера (*лат.*).

52

В Англии называется Девятилетней войной, в Ирландии – Войной за независимость.

53

Десятого февраля 1567 г. при взрыве дома в Эдинбурге погиб отец Якова I, принц-консорт Дарнли. Предпринимались попытки взорвать государственные здания в Гааге и в Антверпене. В царствование Елизаветы I подобный план собирался осуществить М. Муди.

54

Уния (от лат. *unio* – единство, объединение) – форма соединения монархических государств под короной одного суверена.

Петров А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. – СПб., 1901. – С. 133.

Платонов С. Ф. Указ. соч. – С. 268.

Там же.

Борша С. Поход московского царя Димитрия в Москву с сандомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека; в 39 т. – СПб., 1872–1927. – Т. 1. – С. 365–367.

59

Митрополит Макарий. История Русской церкви; в 12 т. – СПб., 1864–1886. – Т. 10. – С. 103.

Борша С. Указ соч. – С. 381–383.

Буссов К. Указ. соч. – С. 101.

Платонов С. Ф. Указ соч. – С. 266–267.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей; в 4 т. – М., 1998. – Т. II. – С. 230.

Татищев В. Н. История Российская; в 7 т. – М., 1994–1996. – Т. VI. – С. 294–295.

65

См.: *Селищев Н.* Свои и чужие в Смутное время; ч. 1–4 // Русский вестник. – 2010–2011.

Драба́нты (от польск. *drabant*) – телохранители, в обязанности которых входила охрана, сопровождение или прислуживание.

Платонов С. Ф. Указ. соч. – С. 270.

К этой идее бояре вернулись в 1610 г.

Русская историческая библиотека. – Т. 1. – С. 122.

Буссов К. Указ. соч. – С. 113.

Там же. – С. 113–114.

Там же. – С. 112.

Митрополит Макарий. Указ. соч. – С. 120–121.

Бычков А. Ф. Описание славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. – Вып. 1. – СПб., 1878. – С. 156.

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ соч. – Кн. I V. – Т. 7–8. – С. 437–438.

Там же. – С. 438.

Там же. – С. 457.

Там же.

Там же. – С. 462.

Масса И. Указ. соч. – С. 168.

81

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. I V. – Т. 7–8. – С. 465–466.

Там же. – С. 466.

83

Веновая запись – запись о приданом. Происходит от древнерусского *вено* – продажа, выкупная плата, которую жених вносил родственникам невесты. В польском феодальном праве вено (*wiano*) имело два значения: приданое (*dotalicium*) и обязательство, налагаемое на имущество мужа в случае его кончины.

Там же. – С. 482–485.

Там же. – С. 485–486.

86

Этот период в истории Японии известен как период Эдо, по названию города Эдо (ныне Токио), где находилась ставка сёгуна.

87

Мера объема, в которой измерялись доходы, налоги и потенциальная мощь феодальных кланов в средневековой Японии и вплоть до 1891 г. Считалось, что этого количества (примерно 2,78 $м^3$) достаточно, чтобы прокормить одного самурая в течение года.

Горбылев А. М. Указ соч. – С. 426–428.

89

Цит. по: *Беликов М.* Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII вв. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1946. – С. 122.

90

В июле 1608 г. за отказ от царского титула Марина была отпущена на родину, но вместо Речи Посполитой оказалась в Тушине, где признала Лжедмитрия II своим «чудом спасшимся» мужем. Когда Лжедмитрий II был убит, предприимчивая полячка прибрала к рукам Заруцкого, который пытался поддержать кандидатуру ее сына на русский престол.

Этот путь к Москве использовали впоследствии и С. Разин, и Е. Пугачёв.

Ныне центр Бельского района Тверской области.

93

Напомним, что немцами в то время называли большинство иностранцев.

Среди них служил и Георг Лермонт, предок поэта М. Ю. Лермонтова.

95

Предок драматурга Д. И. Фонвизина.

От тур. *Yeniçeri* – новый воин.

Михайлов О. [Онисим Михайлов]. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. – СПб., 1777. – Ч. 1. – С. 80.

Там же. – С. 81.

99

Во время правления патриарха Филарета оформился официальный взгляд на события Смутного времени, в основе которого лежало представление о необходимости сохранения веры предков. Отступление от православия, по мнению составителей доктрины, грозило гибелью, как это случилось с бывшими столицами христианского мира. Любые попытки переосмысления отечественного религиозного опыта и любые западные влияния трактовались как опасные и недопустимые.

100

Слово «солдат» происходит от названия итальянской монеты *soldo*, от которого, в свою очередь, возник глагол *soldare* – нанимать. Во французском и немецком языках наемных воинов именовали *soldat*. При наборе полков нового строя слово «солдат» закрепилось и в русской армии.

101

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. – М., 1954. – С. 135.

102

Там же. – С. 136.

Беликов М. Указ. соч. – С. 193, 198, 199, 237–238.

Там же. – С. 202.

105

От нем. *couranten* – «ходячие вести».

106

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки; в 6 т. – М., 1996–2006. – Т. 1. – С. 37–38.

107

Цит. по: *Прокофьев В. А., Новосельский А. А.* Международное положение Русского государства в 20–30-х годах и Смоленская война 1632–1634 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. – М., 1955. – С. 472.

108

См.: *Меньшиков Д. Н.* Затишье перед бурей. Боевые действия под Смоленском в июле – августе 1633 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. – СПб., 2010. – Ч. II. – С. 114.

109

Цит. по: *Прокофьев В. А., Новосельский А. А.* Указ. соч. – С. 474.

Беликов М. Указ. соч. – С. 99–100.

111

Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки. – М., 1946. – С. 28–29.

История дипломатии; в 3. т. – М., 1941–1945. – Т. 1. – С. 227–228.

113

Покровский М. Н. Избранные произведения; в 4 кн. – М., 1965–1967. – Кн. 3. – С. 76.

Беликов М. Указ. соч. – С. 135–136.

115

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – С. 37.

116

Там же.

117

Цит. по: История спецслужб России; сост. С. Шумов и А. Андреев. – М., 2004. – С. 47.

118

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – С. 62.

119

Там же. – С. 59.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000. – С. 45.

121

Там же. – С. 50.

122

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – С. 59.

Котошихин Г. К. Указ. соч. – С. 113.

Там же. – С. 46–47.

125

Там же. – С. 53.

Там же. – С. 154.

127

Там же. – С. 155.

Там же. – С. 46.

129

Там же.

Никольсон Г. Дипломатия. – М., 1941. – С. 35–36.

Беликов М. Указ. соч. – С. 177–178.

132

Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1906. – Кн. 4. – С. 16–22.

133

Там же. – С. 22–23.

Там же. – С. 23–24.

Беликов М. Указ. соч. – С. 346.

Цит. по: Лубянка, 2. – М., 1999. – С. 97.

137

Там же.

Беликов М. Указ. соч. – С. 348.

139

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М., 1961. – С. 68.

Беликов М. Указ. соч. – С. 127.

141

Расправная палата – высший совещательный орган при Федоре Алексеевиче.

142

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. VII. – Т. 13. – С. 239.

143

Там же. – С. 241.

144

Там же.

145

Там же. – С. 260.

Костомаров Н. И. Указ соч. – Кн. II. – С. 489.

147

Там же. – С. 495.

148

Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1867–1916. – Т. 34. – С. 405.

149

Журавский мир 1677 г. – договор между османской Турцией и Польшей, оставляющий за последней «только Белую Церковь и Паволочь с уездами их, по реку Днепр и по черте к рубежам Польским».

150

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. VII. – Т. 14. – С. 355–356.

151

Там же. – С. 356–357.

152

Священная лига христианских государств – созданная в 1684 г. австро-польско-венецианская коалиция. После заключения «вечного мира» 1686 г. к Священной лиге примкнула Россия.

153

Дирин П. Потешные полки Петра Великого // Русский архив. – 1882. – Кн. 3. – Вып. 5. – С. 11.

Потешные деревни – созданные для потехи, то есть для удовольствий и развлечений, в том числе для охоты.

155

Там же. – С. 12–13.

Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1999. – С. 13.

Соловьев С. М. Указ. соч. – Кн. VII. – Т. 14. – С. 439.

Там же. – С. 441.

159

Там же. – С. 453.

160

Цит. по: Русский вестник. – 1841. – Т. 3. – С. 601.

Беликов М. Указ. соч. – С. 320.

Там же. – С. 352–353.

163

Великое посольство – дипломатическая миссия в Западную Европу, предпринятая Петром I в 1697–1698 гг. Основная цель миссии – укрепление и расширение союза России с рядом европейских государств для борьбы с Турцией за северное побережье Черного моря, а также вербовка специалистов на русскую службу, заказ и закупка вооружения и прочих материалов. В качестве легенды прикрытия использовалась версия о поездке государя в Воронеж для строительства кораблей.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 46–47.

165

От фр. *dragon* – дракон.

От фр. *corps volant* – легкий корпус.

167

Там же. – С. 46.

168

Цит. по: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – М., 1998. – Кн. I. – С. 30.

169

Цит. по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. – М., 1984. – С. 216.

170

Цит. по: *Гражуль В. С.* Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. – М., 1997. – С. 23.

171

Там же. – С. 117–119.

Там же. – С. 119.

Артикул Воинский 1715 г. – СПб., 1715. – С. 96.

Там же. – С. 7.

175

Цит. по: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. – М.; Л., 1945. – Т. I. – С. 363.

176

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 101.

177

Слово «полиция» происходит от слов *polis* и *politia*: в античной Греции – город-государство, в Древнем Риме – государственное устройство. В Россию это слово пришло в XVIII в. из Европы, где оно обозначало органы по охране внутреннего порядка.

178

Цит. по: История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы; под. ред. В. М. Курицына – М., 1998. – С. 7.

179

Там же. – С. 159.

Там же. – С. 246.

181

От фр. *cavalier* – всадник и *garde* – охрана.

Ключевский В. О. Указ. соч. – Т. I V. – Ч. I V. – С. 238.

183

Там же. – С. 240.

184

Преображенская канцелярия была открыта в С.-Петербурге по царскому указу в июне 1719 г. Под личным руководством Ромодановского-младшего она расследовала дела, по большей части переданные в нее из Тайной канцелярии. В сентябре 1726 г. Ромодановский возвратился в Москву, а Преображенская канцелярия была реорганизована в петербургское отделение Преображенского приказа.

185

Розыскная контора при Сенате создана в начале 1725 г. по указу Петра I.

186

Цит. по: *Валишевский К.* Преемники Петра. – М., 1990. – С. 129.

187

На тот момент в составе гвардии не было кавалерийских полков. Скорее всего, эскадрон состоял из драгун Кроншлотского полка, созданного в 1721 г. Именно этот полк и был впоследствии переименован Анной Ивановной в лейб-гвардии Конный.

Цит. по: *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. – М., 2002. – С. 46.

189

История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917; под общ. ред. Е. А. Мурова. – М., 2006. – С. 69.

190

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1812 г. Собрание первое; Т. 1–45. – СПб., 1830. – Т. VIII. – № 6379.

191

Цит. по: Жандармы России; сост. В. С. Измозик. – СПб., 2002. – С. 180–181.

192

Семилетняя война 1756–1763 гг. возникла в результате борьбы Великобритании с Францией за колонии в Северной Америке и Ост-Индии, а также столкновения агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии и России.

193

Цит. по: *Самойлов В. В.* Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории. – 1948. – № 6. – С. 80.

194

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1812 г. Собрание первое. – Т. XV. – № 11445.

195

Комиссия готовила к слушанию вопросы, касавшиеся Коллегии иностранных дел, пограничных комиссий и Канцелярии тайных розыскных дел.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 103.

197

Главнокомандующий в Москве – во второй половине XVIII в. высшее должностное лицо в городе, подчинявшееся непосредственно императору, аналог должности генерал-губернатора.

198

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. XIII. – Т. 25 – С. 198.

Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. – М., 1984. – С. 104.

200

В результате Семилетней войны англичане захватили Канаду и Восточную Луизиану, ранее принадлежавшие Франции, что добавило работы специальным службам.

201

Меморандум, служащий инструкцией для барона де Бретея. Версаль, 10 сентября 1762 г. // Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 140. – С. 61.

202

Меморандум, служащий инструкцией для маркиза де Боссе. 18 декабря 1763 г. // Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 140. – С. 287.

203

См.: *Вишнякова И. В.* К вопросу об участии казахов Младшего и Среднего жузов в преследовании волжских калмыков во время их бегства в Джунгарию в 1771 г. // Актуальные вопросы истории Сибири. – Алтайский государственный университет, 2001. – С. 408.

204

Меморандум, служащий инструкцией для маркиза де Боссе. 18 декабря 1763 г. // Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 143. – С. 2–3.

205

Черкасов П. П. Людовик XV и Емельян Пугачев: французская дипломатия и восстание Пугачева. – М., 1998. – С. 34.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. – М., 1975. – С. 24.

207

Цит. по: *Сивков К. В.* Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Ученые записки Московского областного педагогического института. Кафедра истории СССР. – М., 1946. – Т. 35. – Вып. 2. – С. 98.

208

Цит. по: *Джинчарадзе В. З.* Из истории Тайной экспедиции при Сенате (1762–1801 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного педагогического института. Историко-филологический факультет. – Новгород. 1957. – Т. II. – Вып. 2. – С. 86.

209

Цит. по: Жандармы России. – С. 181.

Цит. по: *Джинчарадзе В. З.* Указ. соч. – С. 88.

211

Цит. по: Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. – М., 2000. – С. 69.

212

К сожалению, последнее поколение руководителей СССР предпочитало отдавать приказы специальным подразделениям и силовым структурам в устной форме, а затем сваливать ответственность на исполнителей. Одна из причин распада Советского Союза – трусость и некомпетентность высшего руководства страны.

213

Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Лже… // Наука и жизнь. – 1980. – № 7. – С. 116.

Там же. – С. 115.

215

Пушкин А. С. История Пугачева. Замечания о бунте // Полное собрание сочинений; в 10 т. – М., 1957–1958. – Т. 8. – С. 359–360.

История государственной охраны России. – С. 72–73.

217

Цит. по: *Рахматуллин М.* Императрица Екатерина Вторая. «Действовать нужно не спеша, с осторожностью и с рассудком» // Наука и жизнь. – 2003. – № 4. – С. 89–90.

218

В нашей стране до середины XX в. чаще употреблялось наименование Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ).

219

Первоначальный вариант книги американского журналиста Ричарда Уилмера Роуэна (разночтение – Роуан) под названием «Шпион и контрразведчик» был опубликован в 1927 г.

Р. Роуан. Указ соч. – С. 64–73.

221

Там же. – С. 61–62.

222

Рассказ Евгении Вечеслововой о варшавской резне 1794 года // Русский архив. – 1897, № 2. – С. 331.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 121.

Там же. – С. 125.

225

См.: *Лебедев П. С.* Военные деятели 1796–1801 годов // Русская старина. – 1877, февраль. – С. 247.

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. – СПб., 1907. – С. 40.

Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. – М., 1990. – С. 264.

228

Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. – М., 1867. – С. 118.

229

Цит. по: *Снытко Т. Г.* Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. – 1952. – № 9. – С 112.

Цит. по: *Джинчарадзе В. З.* Указ. соч. – С. 115.

231

Цит. по: *Михайлова К. В.* Смоленские якобинцы // Вестник Челябинского университета. – Серия 1. История. – Челябинск, 1993. – № 2. – С. 56.

Цит. по: *Джинчарадзе В. З.* Указ. соч. – С. 116.

См.: *Петрушевский А. Ф.* Указ. соч. – Т. 3.

История государственной охраны России. – С. 70.

В разных документах и у разных авторов встречаются различные наименования этой должности: военный губернатор, генерал-губернатор, военный генерал-губернатор.

Цит. по: Жандармы России. – С. 206.

Цит. по: *Джинчарадзе В. З.* Указ. соч. – С. 116.

Валишевский К. Указ. соч. – С. 585.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 125.

Валишевский К. Указ. соч. – С. 622.

241

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1825 г. Собрание первое: тт. 1–45. – Т. XXVI. – № 19813.

Цит. по: Жандармы России. – С. 212.

243

Цит. по: *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). – М., 1982. – С. 13.

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. – СПб., 1904. – Т. II. – С. 365.

245

Термином «Особенная канцелярия» в начале XIX в. именовали структуры, аналогичные современным спецслужбам.

Императорская Главная квартира – в 1797–1917 гг. учреждение при императоре для принятия его личных приказаний, исполнения специальных поручений, сопровождения императора в путешествиях и походах, заведования караулами. Состояла из командующего, его помощника, генерал-адъютантов, генерал-майоров и контр-адмиралов Свиты, флигель-адъютантов, генералов, при особе Его Величества состоящих, штаб-офицера для поручений, лейб-медика, коменданта, Собственного Его Императорского Величества конвоя и канцелярии.

247

Автором термина считается офицер британской секретной службы А. Конноли, казненный 17 июня 1842 г. в Бухаре за шпионаж.

248

Карбонарии (от ит. *carbonari* – угольщики) – члены тайного политического общества на юге Италии, появившегося в начале XIX в. Деятельность карбонариев была направлена против владычества французов. После 1815 г. общество стремилось к ниспровержению Бурбонов, и созданию республики. Карбонарии имели строгую иерархию, совершали политические убийства, принимали участие во всех восстаниях в Италии в 1815–1830 гг. С 1820 г. карбонарии стали действовать и во Франции.

249

ГАРФ. – Ф. 1165. – Оп. 3. – Д. 54–57.

Коробка Н. Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. Исторический сборник. – СПб., 1909. – С. 194–195.

251

Рассказы Е. И. Якушкина, записанные в Ярославле 22 ноября 1897 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 859. – Оп. 38. – Д. 15. – Л. 15.

Российское законодательство X–XX веков; в 9 т. – М., 1984–1994. – Т. 8. – С. 82.

253

Кавказская линия – кордонная линия на северной стороне Главного Кавказского и Андийского хребтов. Ее целью было обеспечение сообщений с Закавказьем, охрана южных губерний от набегов горцев и содержание покоренного края в повиновении. Первоначально проходила по рекам Кубань, Малка, Терек, Лаба и Сунжа.

Цит. по: История русской армии: Иллюстрированное издание. Современная версия. – М., 2007. – С. 342.

Цит. по: *Русаков А.* Князь Воронцов. Герой 1812 года // Историческая газета. – 2007. – № 7(91).

Цит. по: *Керсновский А. А.* Указ. соч. – С. 225.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – М.; Л., 1926. – С. 15.

Там же. – С. 15–16.

Коробка Н. Указ. соч. – С. 195–196.

260

Слово «жандарм» происходит от французского *gens d'armes*. К началу XIX в. под жандармерией стали понимать подразделения государственной полиции, имеющей военную организацию.

Троцкий И. М. III отделение при Николае I: Жизнь Шервуда-Верного. – Л., 1990. – С. 149.

262

Глинка Н. Ф. Письмо к П. И. Бартеневу с воспоминаниями о высылке А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 году // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 202.

Ныне г. Кировоград на Украине.

264

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование; 2 т. – СПб., 1903. – Т. I. – С. 526.

Цит. по: *Троцкий И. М.* Указ. соч. – С. 150.

Там же. – С. 151.

Кантонисты – сыновья нижних чинов, в 1805–1856 гг. приписанные к военному ведомству

Ныне г. Опава в Чехии.

269

Цит. по: *Лапин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. – Л., 1991. – С. 96.

Там же. – С. 174.

Там же. – С. 218–219.

Коробка Н. Указ. соч. – С. 198.

Ныне столица Словении г. Любляна.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг. По подлинным делам III отделения собственной Е. И. В. канцелярии. – СПб., 1909. – С. 580–581.

Тульчинский штаб при двух генералах: Письма П. Д. Киселева А. Я. Рудзевичу (1817–1823). – Воронеж, 1998. – С. 118.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 14.

277

Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф Киселев и его время. Материалы для истории царствований императоров Александра I, Николая I и Александра II. – СПб., 1882. – Т. 4. – С. 38.

Пушкин А. С. Дневники. Записки. – СПб., 1995. – С. 35.

Цит. по: *Керсновский А. А.* Указ. соч. – С. 231.

280

Восстание декабристов. Материалы и документы, в 12 т. – М.; Л., 1925–1969. – Т. 9. – С. 232–233.

281

Там же. – Т. 4. – С. 102–103.

Там же. – Т. 10. – С. 283.

283

Там же. – С. 284.

284

Литовский отдельный корпус сформирован в 1817 г. из 18-й и 27-й пехотных дивизий и 29-й артиллерийской бригады. Позже в его состав включили вновь созданные полки лейб-гвардии: Литовский, Волынский, Подольский кирасирский, Уланский великого князя Константина Павловича и Гродненский гусарский. Корпус комплектовался уроженцами Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний и Белостокской области. В 1830 г. корпус переименован в 6-й: в 1831 г. расформирован.

Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. – М., 2002. – С. 109–110.

Там же. – С. 111.

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. – М., 1982. – С. 159.

288

Шервуд (Из записок генерал-майора Б.-П.). – Берлин, 1860. – С. 9–10.

289

Цит. по: *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. – М., 1959. – С. 197.

290

Цит. по: *Троцкий И.* Ликвидация Тульчинской управы Южного общества // Былое. – 1925, № 5(33). – С. 48.

291

Восстание декабристов. – Т. 17. – С. 36.

Там же. – Т. 4. – С. 119.

293

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. – СПб., 1883. – Т. 4. – Ч. I. – С. 347.

Красный архив. – 1925. – Т. II (IX). – С. 218–219.

295

Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. – СПб., 1857. – С. 31.

Там же.

297

Последний довод королей (лат) – в XVII в. Кардинал Ришелье приказал чеканить эту надпись на всех отливаемых во Франции пушках.

Условные обозначения в тексте: п. к. – пехотный корпус, п. д. – пехотная дивизия, г. д. – гусарская дивизия, а. б. – артиллерийская бригада, к-а. б. – конно-артиллерийская бригада, п. п. – пехотный полк, г. п. – гусарский полк, е. п. – егерский полк, к-а. р. – конно-артиллерийская рота.

299

Здесь упоминаются как выявленные, так и не выявленные следствием заговорщики и их сторонники. *См.*: Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988. – С. 215–345; *Ильин П. В.* Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. – СПб., 2004.

Восстание декабристов. – Т. 13 – С. 191.

301

Точка бифуркации – критическая точка, в которой система выходит из состояния равновесия при изменении так называемой управляющей переменной (время, расстояние и т. п.). В точке бифуркации у системы появляется «выбор», в котором присутствует элемент случайности, приводящий к невозможности предсказать ее дальнейшее развитие.

Там же. – Т. 4. – С. 7.

303

Там же. – С. 8–9.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование; в 4 т. – СПб., 1897–1898. – Т. 4. – С. 402; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – М.; Л., 1926. – С. 130.

305

Действительный статский советник. Чин, соответствовавший генерал-майору.

Записки князя Трубецкого (с приложениями). – Лейпциг, 1874. – С. 88–90.

Там же. – С. 87–88.

Там же. – С. 84.

309

Россия под надзором: отчеты III Отделения 1827–1869. – М., 2006. – С. 19–20.

Записки декабриста князя Трубецкого. – СПб., 1906. – С. 3–4.

311

Штейнгель В. И. Сочинения и письма; в 2 т. – Иркутск, 1985. – Т. I. – С. 134.

Там же. – С. 156.

313

Записки декабриста князя Трубецкого. – С. 6–7.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 18.

315

Там же. – С. 16–17.

Там же. – С. 18–19.

317

Восстание декабристов. – Т. 7. – С. 245.

Там же. – Т. 17. – С. 50.

319

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 19.

Там же. – С. 19–20.

321

Штейнгель В. И. Сочинения и письма. – Т. I. – С. 134.

322

Цит. по: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 110.

323

Там же. // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 20.

Там же.

Там же. – С. 20–21.

Там же. – С. 21–23.

Там же. – С. 23–25.

328

Из воспоминаний великого князя Михаила Павловича // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 60.

329

Там же. – С. 58.

Там же. – С. 60.

331

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 30.

Цит. по: *Ольшанский П. Н.* Указ. соч. – С. 211–212.

Восстание декабристов. – Т. 13. – С. 192–193.

Там же. – Т. 4. – С. 261.

Там же. – С. 285–286.

Вадковский Ф. Ф. Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. – М., 1931. – Т. 1. – С. 193.

Восстание декабристов. – Т. 11. – С. 110–111.

Там же. – Т. 4. – С. 249.

339

Майора с такой фамилией в 4-м п. к. не существовало. Возможно, С. И Муравьев-Апостол имел в виду поручика Курского п. п. А. Н. Крупеникова или одного из его братьев.

Там же. – С. 286.

Нечкина М. В. Общество соединенных славян. – М.; Л., 1927. – С. 186.

Возможно, что его фамилию и взял в качестве псевдонима Л. Д. Троцкий (Бронштейн).

343

В декабре 1827 г. Сводный полк вернулся в столицу, его батальоны вошли в состав своих коренных полков третьими батальонами.

История дипломатии; в 5 т. – М., 1959–1979. – Т. 1. – С. 645.

345

Россия под надзором. – С. 37.

Цит. по: Красный архив. – 1941. – № 1. – С. 218.

Там же. – С. 230.

Там же. – С. 235.

349

Россия под надзором. – С. 69.

Подхорунжий – первый офицерский чин в армии Царства Польского. Соответствовал российскому званию подпрапорщик.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература. – С. 584.

Эти записки, писавшиеся в период 1831–1836 гг., при жизни автора опубликованы не были. Впервые их издал опальный князь П. В. Долгоруков в 1863 г. в Лондоне. Публикация была осуществлена без согласия наследников Давыдова, с купюрами более чем в треть текста, и отвечала политическим и социальным взглядам самого Долгорукова. Вероятно, этот факт и стал причиной того, что в России записки Давыдова, посвященные теории и практике партизанской войны, долгое время замалчивались и были опубликованы только в 1872 г.

353

Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. – 1872. – Т. VI. – С. 334.

Цит. по: *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России. 1825–1855. – М., 2005. – С. 369.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 257.

См.: Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия. – М., 1822.

Главная квартира – резиденция главнокомандующего Действующей армией, а также совокупность учреждений, управлений и лиц при главнокомандующем.

358

Костенецкий Я. Воспоминания из моей студенческой жизни // Русский архив. – 1887. – Т. II. – С. 74–75.

Там же. – С. 220–221.

Записки партизана Дениса Давыдова. – С. 334.

361

Через 86 лет (в феврале 1917 г.) запасные батальоны гвардейских полков станут основной вооруженной силой мятежников в Петрограде.

Чукарев А. Г. Указ. соч. – С. 314.

363

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений; в 16 т. – М.; Л, 1937–1959. – Т. 14.: Переписка, 1828–1831. – С. 169.

Записки партизана Дениса Давыдова. – С. 321–323.

Россия под надзором. – С. 82.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 19. – С. 208.

Нет! Это не пустые мечты! (*нем.*)

Герцен А. И. Собрание сочинений; в 30 т. – М., 1954–1965. Т. 8. – С. 134.

369

Цит. по: *Галушкин Н. В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004. – С. 39.

Цит. по: *Белоусов Р.* Опасная агентка. – М., 1990. – С. 75.

371

Цит. по: *Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. – М., 2007. – С. 130.

Берг Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. – М., 2008. – С. 12.

Там же. – С. 19–21.

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – С. 138–139.

375

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование; в 2 кн. – М., 1997. – Кн. 2. – С. 582.

Адат (*адаты*) – у ряда горских народов Кавказа – право, основанное на обычаях и существовавшее у этих народов в доисламский период. *Шариат* – совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама, применяемая в мусульманском судопроизводстве и провозглашаемая в исламе как нечто «вечное и неизменное».

Россия под надзором. – С. 183–184.

378

Адская машина (*фр.*), так в XIX в. называли самодельное взрывное устройство.

Там же. – С. 194–197.

380

Киевский университет Святого Владимира был основан в 1834 г. вместо закрытого после Польского восстания 1830–1831 гг. Виленского университета.

381

Грушевский М. Очерк истории украинского народа. – СПб., 1904. – С. 348.

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). – М., 1959. – С. 118.

Там же. – С. 129–130.

Россия под надзором. – С. 408–409.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 4. – С. 524.

386

Цит. по: *Щербатов [А. Г.]*. Генерал-фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич. Его жизнь и деятельность. – СПб., 1899. – Т. 6. – С. 233.

387

Записки И. П. Липранди // Русская старина. – 1872. – Т. VI. – С. 70.

Там же. – С. 75.

Там же. – С. 84–86.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 232–233.

391

Тарле Е. В. Собрание сочинений; в 12 т. – М., 1958–1960. – Т. VIII. – С. 257.

Авейде О. Показания и записки о польском восстании 1863 г. – М., 1961. – С. 262.

393

См.: *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. – М., 1934. – С. 326–330.

Кропоткин П. А. Записки революционера. – М., 1988. – С. 164.

395

Согласно Парижскому договору Россия могла иметь на Черном море шесть паровых военных судов водоизмещением по 800 тонн и четыре военных судна по 200 тонн.

Россия под надзором. – С. 448.

Полярная звезда. – Кн. 2. – Лондон, 1856.

Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. – М., 1959. – С. 156.

См.: Исторический вестник. – 1890. – Кн. IV. – С. 115.

Россия под надзором. – С. 473–475.

401

Нечкина М. В. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859–1861) // Литературное наследство. – Т. 61. – 1953. – С. 467.

Несмотря на идеологические разногласия, профессионализм Штибера признавался даже в СССР, где в 1925 г. вышла его книга «Практическое пособие для сотрудников уголовного розыска».

403

Согласно исследованию филолога-слависта В. И. Ламанского, в польской литературе систематически употреблялись слова *rossianin* и *rossuiski* для обозначения великороссов и *rusin, ruski, rus* – для обозначения малороссов и белорусов. См.: *Ламанский В. И.* Три мира Азийско-европейского материка; 2-е изд. – Пг., 1916.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. – М., 1958. – С. 533.

Галушкин Н. В. Указ. соч. – С. 51.

Р. Роуан. Указ. соч. – С. 21–123.

407

РГИА. – Ф. 930. – Ед. хр. 170. – Лл. 1–2.

Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания; в 2 т. – М., 1967. – Т. 1. – С 233.

Россия под надзором. – С. 584–585.

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. – М.; Л., 1934. – С. 256–257.

411

Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – М., 1997. – С. 144, 146, 149.

412

Бланкизм – политическое течение, названное по имени Луи Огюста Бланки. Тактика бланкистов состояла в создании тайной иерархической организации, задача которой – свержение существующего режима путем внезапного вооруженного восстания. Главную ставку бланкисты делали именно на неожиданность выступления и на неподготовленность правительства к отпору. Чтобы не подвергать опасности нелегальную организацию, они отказывались от пропаганды в широких массах, не считаясь с объективными условиями и не учитывая наличия революционной ситуации.

Русско-польские революционные связи. – М., 1963. – С. 201.

Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. – С. 287–288.

415

Русско-польские революционные связи. – С. 520.

416

Буланцов. Записки лазутчика, во время усмирения мятежа в Польше, в 1863 году. – СПб., 1868. – С. 1–3. Унтер-офицер дворянин Буланцов в 1863 г. поступил добровольцем в Плоцкий военный отдел. Отлично зная польский язык и местность края, он стал оперативником, действующим под видом повстанца. Он узнавал места укрытий банд, содействовал поимке жандармов-вешателей, отыскивал «схроны» с оружием и продовольствием.

Россия под надзором. – С. 624.

418

Цит. по: *Назаревский В. В.* Царствование императора Александра II. 1855–1881. – М., 1910. – С. 78.

419

Ашенбреннер М. Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860–1904 гг.). – М., 1924. – С. 13.

Русско-польские революционные связи. – С. 201.

Россия под надзором. – С. 624.

Козьмин Б. Казанский заговор 1863 года. – М., 1929. – С. 81–83.

Мадзини.

Берг Н. Морская экспедиция повстанцев 1863 года // Исторический вестник. – 1881. – С. 89–91.

425

Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. – СПб., 1906. – С. 221.

Кульчицкий Л. (*Мазовецкий*). История русского революционного движения; в 2 т. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 365.

427

См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование; в 2 т. – СПб., 1903. – Т. 1. – С. 476.

Россия под надзором. – С. 641, 642.

429

Покушение Каракозова 4 апреля 1866 // Красный архив. – Т. 4 (17). – С. 119–120, 123.

430

Покушение Каракозова: Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. – М.; Л., 1928. – С. 88, 196.

Князь Мещерский. Воспоминания. – М., 2001. – С. 230.

432

Комиссия учреждена после Польского восстания 1863–1864 гг. для разбора важнейших преступлений против государственной власти.

433

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начала XX вв.). Сборник документов. – М., 2001. – С. 27–28.

434

ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 223. – Д. 31. – Л. 3–3 об.

Князь Мещерский. Воспоминания. – С. 252.

436

Незабвенные мысли незабвенных людей. (Из истории реакции 60-х годов) // Былое. – 1907. – № 1. – С. 239.

Цит. по: *Оржеховский И. В.* Указ. соч. – С. 135.

Там же.

439

Кеклис А. Ю. Из истории создания Санкт-Петербургского охранного отделения как органа политической полиции Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 3 (47). – С. 23.

Приказ (*фр.*).

Былое. – 1907. – № 1. – С. 237–240.

Оржеховский И. В. Указ. соч… – С. 135–136, 112.

Там же. – С 137.

Текст был окончательно утвержден Шуваловым в октябре 1866 г.

Цит. по: *Мулукаев Р. С.* Полиция в России (IX – нач. XX вв.). – Н. Новгород, 1993. – С. 42.

В 1864 г. Абхазское княжество было преобразовано в Сухумский военный отдел.

447

До этого сыскные функции осуществляли судебные следователи и все чины общей полиции.

Свод законов Российской империи; 2-е изд. – СПб., 1913. – Т. 2. – С. 758.

449

Министерство почт и телеграфов создано 15 июня 1865 г. путем выделения Почтового департамента и Телеграфной части из состава Министерства внутренних дел; 9 марта 1868 г. оно вновь вошло в состав МВД как Департамент почт и телеграфов.

Цит. по: Все монархи мира. Россия. (600 кратких жизнеописаний). – М., 1998. – С. 54–55.

451

Государственные преступления в России в XIX веке. (Сборник из официальных изданий правительственных сообщений); в 3 т. – СПб., 1903–1906. – Т. 1. – С. 153–154.

В этом отношении покушение В. Ильина на Л. И. Брежнева очень похоже на покушение Березовского.

453

Так в оригинале.

454

Прюдомм (*monsieur Prudhomme*) – тип самодовольного и ничтожного французского буржуа, созданный писателем Анри Моннье.

Tucco B. Прусская тайная полиция. Пер. с фр. – М., 1915. – С. 191–202.

456

Цит. по: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. – М., 1974. – С. 321.

Кеклис А. Ю. Указ. соч. – С. 24.

458

Названо по величине месячного членского взноса.

459

Названо по месту Сморгонь (Белоруссия), вблизи которого дрессировали медведей.

460

Цит. по: *Лурье Ф.* Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. – М., 2006. – С. 79.

461

Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. – М.; Л., 1931. – С. 140.

462

В 1857 г. саратовский помещик П. А. Бахметев, послуживший прототипом Рахметова в романе Чернышевского «Что делать?», передал Герцену и Огареву 20 тысяч франков для революционной пропаганды. На эти деньги и претендовал Нечаев.

463

Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – С. 246–247.

ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 223. – Д. 34. – Лл. 28об. – 30, 31об.

465

Цит. по: Каторга и ссылка. – 1924. – № 3 (10). – С. 116.

По фамилии последнего членов общества впоследствии именовали чайковцами.

467

Развитие капитализма в России сопровождалось формированием рабочего класса, начались стихийные выступления рабочих (по данным П. А. Хромова в 1870-е гг. зарегистрировано свыше двухсот стачек и ста волнений).

Иванищкий Н. А. Записки // Север. – 1923. – № 3–4. – С. 54–55.

469

Муратов В. Бои за населенные пункты. – М., 1922. – С. 68–69.

Цит. по: *Оржеховский И. В.* Указ. соч. – С. 161.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 33. – С. 508–509.

См.: *Дзинтария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982.

473

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». – М., 1932. – С. 401.

Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). Исторические очерки. – СПб., 1913. – С. 215, 222.

475

Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – С. 395.

Там же. – С. 396.

Там же. – С. 396–397.

Похожая ситуация сложилась и на рубеже XX–XXI вв., когда объектами покушений стали многие представители российского бизнеса, не желавшие уделять должного внимания вопросам безопасности.

Так именовался кружок В. А. Осинского.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». – С. 91–92.

481

Новицкий. В. Д. Из воспоминаний жандарма. – М., 1991. – С. 83.

482

ГАРФ. – Ф. 109. – Оп. 151. – Д. 48. – Ч 16. – Т. 1. – Л. 140–140 об.

Революционная журналистика семидесятых годов. – Ростов-на-Дону, б.г. – С. 302.

484

Должность адъютанта губернского (областного) жандармского управления примерно соответствует современной должности начальника штаба.

485

В составе Гвардейской стрелковой бригады имелось четыре батальона: 1-й Его Величества, 2-й Царскосельский, 3-й Финляндский, 4-й Императорской фамилии. Все офицеры, строевые унтер-офицеры и строевые нижние чины имели отменную стрелковую подготовку.

486

Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. – 1924. – Т. 6. – С. 155.

487

Процесс 193-х. Предисловие В. Каллаша. – Изд. В. М. Саблина. – Б.м., 1906. – С. 82.

Знаменитый военный инженер Э. И. Тотлебен отмечал, что Кибальчича следует засадить за решетку до конца его дней, но при этом предоставить ему полную возможность работать над его техническими изобретениями.

Название «динамит» происходит от *греч.* dina – сила.

490

Минный офицерский класс (с 1874 г.) и Минная школа для нижних чинов (с 1875 г.) были основаны как учебные заведения, готовившие специалистов-минеров для всего военно-морского флота.

491

Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи: Сборник документов и материалов; Сост. Н. Д. Литвинов, Ш. М. Нурадинов. – М., 1999. – С. 52.

Новицкий. В. Д. Указ соч. – С. 120.

493

ГАРФ. – Ф. 569. – Оп. 1. – Д. 31. – Лл. 2–4 об.

494

ГАРФ. – Ф. 678. – Оп. 1. – Д. 674. – Л. 1.

495

ГАРФ. – Ф. 109. – 1 эксп. 1880. – Д. 98. – Л. 30.

496

Особое приложение к «Киевским губернским ведомостям». – Б.м., б.г. – С. 7.

497

ГАРФ. – Ф. 569. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 5.

498

Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк на страже у царского трона. – СПб., 1909. – С. 20.

499

Цит. по: История государственной охраны России. – С. 135.

500

Там же.

501

Новицкий В. Д. Указ. соч. – С. 151.

502

ГАРФ. – Ф. 569. – Оп. 1. – Д. 92. – Лл. 2 об. – 3 об.

503

Цит. по: Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. – М., 1996. – С. 234.

Кропоткин П. А. Указ. соч. – С. 418–419.

505

В карфагенском войске так называли подразделение, в котором служила знать, у древних греков – элитный отряд, действовавший на самых опасных направлениях.

506

Батальон был сформирован 6 мая 1878 г. в Москве в составе 1-й Саперной бригады и состоял из двух строительных и двух эксплуатационных рот. По штату в батальоне числилось 1112 человек: 25 офицеров, 18 инженеров и техников, 990 строевых нижних чинов, 79 нестроевых.

507

РГИА. – Ф. 508. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 6.

Там же. – Л. 3.

Цит. по: http://narodnaya-volya.ru/document/garfild.php

510

Цит. по: *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. – М., 1912. – С. 311.

511

Цит. по: История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: Учебное пособие. – М., 1999. – С. 136–137, 139–140.

512

Цит. по: Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы, воспоминания. Сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко. – Воронеж, 2000. – С. 25.

513

Валуев П. А. Дневник 1877–1884. – М., 1961. – Т. II. – С. 205.

После преобразования 16 марта 1881 г. Министерства почт и телеграфов в отдельные департаменты почт и телеграфов Министерства внутренних дел «черные кабинеты» оказались в прямом подчинении министра внутренних дел.

515

ГАРФ. – Ф. 1467. – Оп. 1. – Д. 1001. – Лл. 14–15 об.

516

Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания; в 2 т. – М., 1964. – Т. 1. – С. 350–351.

517

ГАРФ. – Ф. 1766. – Оп 1. – Д 4.

518

ГАРФ. – Ф. 102. – 3-е делопроизводство. 1883. – Д. 1131. – Лл. 9–9 об.

519

Цит. по: *Агафонов В. К.* Парижские тайны царской охранки. – М., 2004. – С. 33.

520

Под ликвидацией до 1917 г. понимался арест революционеров, а также захват типографии, транспорта нелегальной литературы, оружия или лаборатории по производству взрывчатых веществ и снаряжению бомб.

521

Спиридович А. И. Революционное движение в России. – Вып. 2: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. – Пг., 1916. – С. 10.

Былое. – 1907. – № 10. – С. 193.

523

Цит. по: История полиции России. – С. 142–144.

524

ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 253. – Д. 345. – Лл. 196–196 об.

525

Цит. по: *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. – Вып. 1: Российская социал-демократическая рабочая партия. – СПб, – 1914. – С. 6.

526

Там же. – С. 9.

527

Ламсдорф В. Н. Дневник. 1894–1896. – М., 1990. – С. 134.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 392.

Спиридович А. И. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 19–20.

Цит. по: *Раззаков Ф. И.* Век террора. Хроника покушений. – М., 1997. – С. 8.

531

Спиридович А. И. Записки жандарма. – М., 1991. – С. 52.

532

ГАРФ. – Ф. 102. – 3-е делопроизводство. 1892. – Д. 888. – Лл. 32–35.

533

Гершельман Ф. К. Партизанская война. (Исследование). – СПб., 1885. – С. 189.

534

Спиридович А. И. Революционное движение в России. – Вып. 2. – С. 27–28.

535

Там же. – Вып. 1. – С. 13.

Там же. – Вып. 2. – С. 35.

537

Цит. по: *Плеханов А. М.* Отдельный корпус пограничной стражи. – М., 1993. – С. 15.

Цит по: *Спиридович А. И.* Указ. соч. – Вып. 2. – С. 52.

539

Там же. – Вып. 1. – С. 16–17.

С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. («Труд» чиновника Отделения П. Статковского) // Былое. – 1921. – Вып. 16. – С. 113–114.

541

Там же. – С. 116.

На идиш *Bund* – союз.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 468.

Цит по: *Либанов Г. М.* Студенческое движение 1899 года с документальными приложениями / Издание Фонда вольной русской прессы, вып. 28. – Лондон, – 1901. – С. 8.

545

Цит. по: *Борисов А. Н.* Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. – СПб.; М., – 2001. – С. 228.

К 1902 г. их было 50 человек, бюджет отряда составлял 32 тысячи рублей.

Спиридович А. И. Записки жандарма. – С. 54–55.

548

Майский С. «Черный кабинет». Из воспоминаний бывшего цензора. – Пг., 1922. – С. 14–15.

549

Там же. – С. 50.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. – М., 1991. – С. 379.

551

Цит по: *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. – Вып. 2. – С. 76.

Там же. – С. 123–124.

Спиридович А. И. Указ. соч. – Вып. 2. – С. 98–103.

Там же. – С. 129.

Там же. – С. 127–128.

556

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник документов. – С. 176.

557

Цит. по: *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М., 2000. – С. 66.

558

Цит. по: Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи. – С. 40–42.

559

Новицкий В. Д. Указ. соч. – С. 172.

Спиридович А. И. Записки жандарма. – С. 111.

561

Цит по: «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений; вступ. статья, подг. текста и коммент. З. И. Перегудовой; в 2 т. – М., 2004. – Т. 1. – С. 413–416.

562

Цит. по: *Костромина Е.* Подготовка жандармов в царской России // Независимое военное обозрение. – 1996, 25 июля. – С. 4.

Новицкий В. Д. Указ. соч. – С. 173.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 17; Т. 6. – С. 109–110.

Там же. – Т. 46. – С. 230.

Там же. – Т. 7. – С. 17.

567

Спиридович А. И. Революционное движение в России. – Вып. 1. – С. 39, 41–42.

568

РГАСПИ. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 142. – Л. 1.

569

Там же. – Ф. 283. – Оп. 1. – Д. 156.

Там же. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 1.

Там же. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 38.

572

У Ленина: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 7. – С. 251.

РГАСПИ. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 28.

575

Меньшевик И. Г. Церетели заявил на съезде, что в России нет политической партии, которая была бы готова взять власть в свои руки. «Я отвечаю: „Есть! Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком“», – ответил Ленин (Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 267).

Там же. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 25.

577

В 1911 г. полковник Димитриевич, возглавивший сербскую военную разведку, стал одним из основателей тайного террористического общества «Объединение или смерть», более известного как «Черная рука». Под контролем «Черной руки» была радикальная организация «Млада Босна», созданная в 1912 г. для освобождения Боснии и Герцеговины от австрийской оккупации и объединения с Сербией (лидер – Владимир Гачинович). Название организация заимствовала у итальянской подпольной организации «Молодая Италия», основанной Дж. Мадзини. Двадцать восьмого июня 1914 г. боевики «Млады Босны» убили эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софью Гогенберг, что стало формальным поводом для начала Первой мировой войны.

Цит. по: *Борисов А. Н.* Указ. соч. – С. 228.

579

Во избежание путаницы считаем нужным пояснить разницу между Главным и Генеральным штабом. В России служба Генерального штаба возникла в начале XVIII в., когда была учреждена должность генерал-квартирмейстера. Генерал-квартирмейстер и его подчиненные занимались планированием и разработкой военных операций. В 1763 г. квартирмейстерская часть была переименована в Генеральный штаб; подчинялся он вице-президенту Военной коллегии. В 1796 г. вместо Генерального штаба учреждается Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, подчинявшаяся лично царю. В 1815 г. создается Главный штаб Его Императорского Величества; до 1832 г. он существовал как самостоятельное центральное ведомство. Кроме заведования личным составом армии, устройства войск, разработки планов войны, строевой и боевой подготовки и проч., Главный штаб занимался сбором сведений об армиях иностранных государств. Квартирмейстерская часть вошла в состав Главного штаба под названием Управление генерал-квартирмейстера. В 1832 г. Главный штаб сочли нужным упразднить, а Управление генерал-квартирмейстерства под названием Департамент Генерального штаба вошло в состав Военного министерства. В 1863 г. создается Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) – как часть восстановленного в 1865 г. в составе Военного министерства Главного штаба. С 1905 г. ГУГШ стало самостоятельным органом, руководитель которого подчинялся непосредственно императору; компетенция Главного штаба значительно сократилась. В январе 1918 г. Главный штаб был упразднен. Генеральный штаб как высший орган военного управления существует и ныне.

Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М., – 2001. – С. 70.

581

Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства двора. – С. 179.

Цит. по: История сыска в России. – С. 288.

583

Отчет об организации охраны пути следования Второй тихоокеанской эскадры в датских и шведско-норвежских водах, а также и на северном побережье Германии в Арконе, Фемерне, Гамбурге и т. д., устроенной по поручению Департамента полиции коллежским советником Гартингом // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 38.

Там же. – С. 40.

585

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 133.

Там же. – С. 134.

Там же.

588

Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. – 1928. – № 2. – С. 8–9.

589

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. – М., 1991. – С. 25–26.

Мстиславский С. Указ соч. – С. 11–12.

591

Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы; сост. С. М. Познер. – М., 1934. – С. 58–59.

Там же. – С. 47, 51.

Там же. – С. 35, 36.

Мстиславский С. Указ. соч. – С. 13–15.

Манасевич-Мануйлов сумел внедрить своих агентов в посольства Японии в Гааге, Лондоне и Париже, в американскую миссию в Брюсселе, итальянскую – в Париже.

596

ГАРФ. – Ф.102. – ДП ОО. 1905. – Д.141. – Л. 115 об. – 116.

Цит. по: *Перегудова З. И.* Указ. соч. – С. 41.

Первая боевая организация большевиков. – С. 88–89.

599

Красная Пресня в 1905–17 году. (Сборник воспоминаний дружинников Красной Пресни 1905 г. и красногвардейцев 1917 г.). – М., 1930. – С. 76–77.

Мстиславский С. Указ. соч. – С. 17, 18, 20–21.

601

Мстиславский С. «Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906–1908 гг. // Каторга и ссылка. – 1929. – № 6 (55). – С. 12.

602

Первая боевая организация большевиков. – С. 266–267.

603

Цит. по: Политическая полиция и политический сыск в России. – С. 212–215.

Мстиславский С. Отрывки о пятом годе. – С. 17, 18, 20–21.

605

Цит. по: *Троцкий Л.* Сочинения; в 12 т. 15 кн. – М.; Л., 1925. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 493.

Там же. – С. 494.

Мстиславский С. Указ. соч. – С. 35, 36.

Герасимов А. В. Указ соч. – С. 39–40.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 11. – С. 339–341.

1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905–1907 гг.): Статьи и воспоминания. – М.; Л., 1927. – С. 101–102.

611

Первая боевая организация большевиков. – С. 145–147.

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 43–45.

613

Мстиславский С. «Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906–1908 гг. – С. 13, 14.

Красная Пресня в 1905–17 году. – С. 104–106.

615

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 50.

Там же. – С. 51.

617

Черномордик С. (*Ларионов П.*). Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. – М.; Л., 1926. – С. 221–222.

618

Цит по: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники: 1886–1916. – 2-е изд. – Пг., 1918. – С. 216–217.

619

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 221.

620

Цит. по: История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов по истории государства и права: Учебное пособие. – М., 1981. – С. 58.

Цит. по: История сыска в России. – Т. 1. – С. 287.

622

Там же.

623

В начале 1906 г. Мстиславский подготовил руководство по тактике под названием «Уличные бои (Конспект лекций, читанных начальникам дружин Боевого рабочего союза)» Пособие включало следующие разделы: 1. Ведение. 2. Оборонительный бой: а) Выбор позиции. б) Укрепление позиции. в) Занятие позиции. г) Бой.

Мстиславский С. «Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906–1908 гг. – С. 15–15.

625

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 295.

Бок М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. – М., 1992. – С. 207–208.

627

О взглядах Ленина на вооруженное восстание в 1905–1907 гг. см.: *Мильштейн А. А.* Проблема вооруженного восстания у Ленина в 1905 году // Каторга и ссылка. – № 11 (72). – С. 7–21; *Ярославский Е.* Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса – Ленина // Каторга и ссылка. – № 12 (73). – С. 7–68; *Чужак Н.* Ленин и «техника» восстания // Каторга и ссылка. – № 12 (73). – С. 69–115.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 14. – С. 7.

629

Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь,1906 год. Под ред. Ем. Ярославского. – М., 1932. – С. 140.

630

На Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, прошедшей в ноябре 1906 г. в Таммерфорсе (Финляндия), в качестве делегата присутствовал секретный сотрудник Саратовского охранного отделения С. С. Зверев (Степницкий). Он дал полную информацию о нелегальной боевой и военной деятельности РСДРП.

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 98–99.

Листковый архив – алфавитный указатель лиц (или домов и т. п.), сведения о которых имелись в Особом отделе.

633

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 255–257.